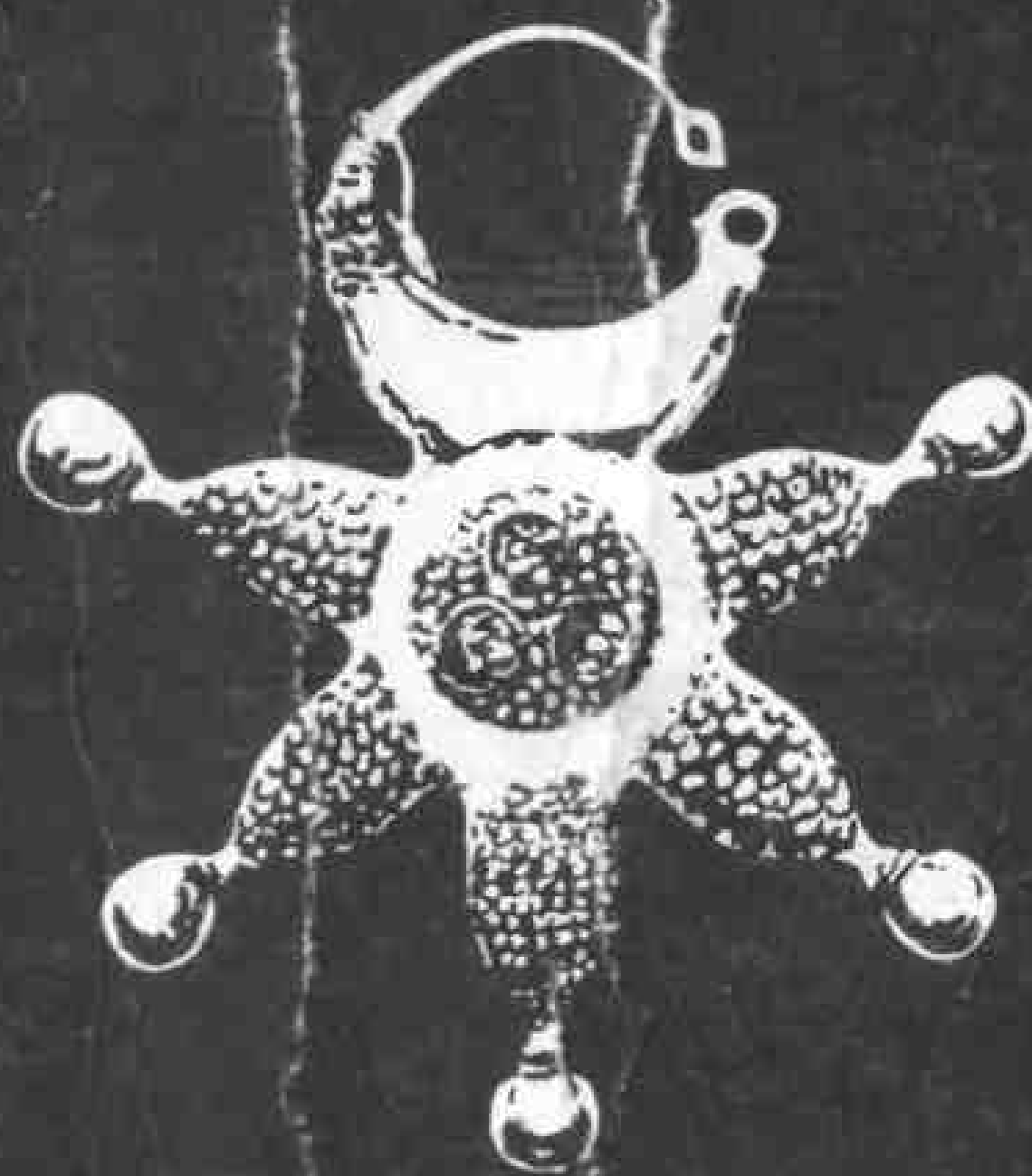

Д. 203
В.П. Даркевич
Г.В. Борисевич

ДРЕВНЯЯ СТОЛИЦА РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ

Издательство
„КРУГЪ“

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Д 20 В. П. Даркевич, Г. В. Борисевич

Древняя столица Рязанской земли: XI—XIII вв. — М.: Кругъ, 1995. — 448 с.

Впечатляющие археологические открытия в Старой Рязани, одном из крупнейших городских центров Древней Руси, позволили воссоздать все стороны ее экономической и культурной жизни. Впервые реконструирована система планировки и застройки города с храмами, усадьбами бояр и ремесленников, оборонительными сооружениями. О расцвете ювелирного дела свидетельствуют многочисленные клады украшений из золота и серебра, зарытые при нашествии Батыя в 1237 г. На примере Рязани по-новому решены многие общие проблемы истории и культуры Руси.

В. П. Даркевич, Г. В. Борисевич

ДРЕВНЯЯ СТОЛИЦА РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ

Ответственный редактор:
доктор исторических наук А. В. Чернецов

Рецензенты:

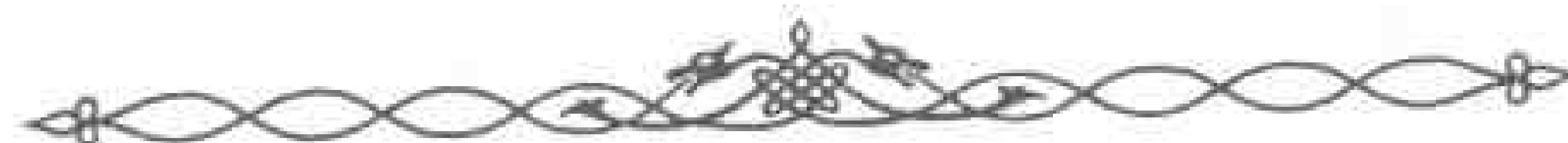
доктор искусствоведения Г. К. Вагнер
кандидат исторических наук Л. А. Белов

Подписано в набор 10.X.93. Подписано в печать 3.III.95.
Формат 70×100/16. Печ. л. 28. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ 2722

Издательство «Кругъ»

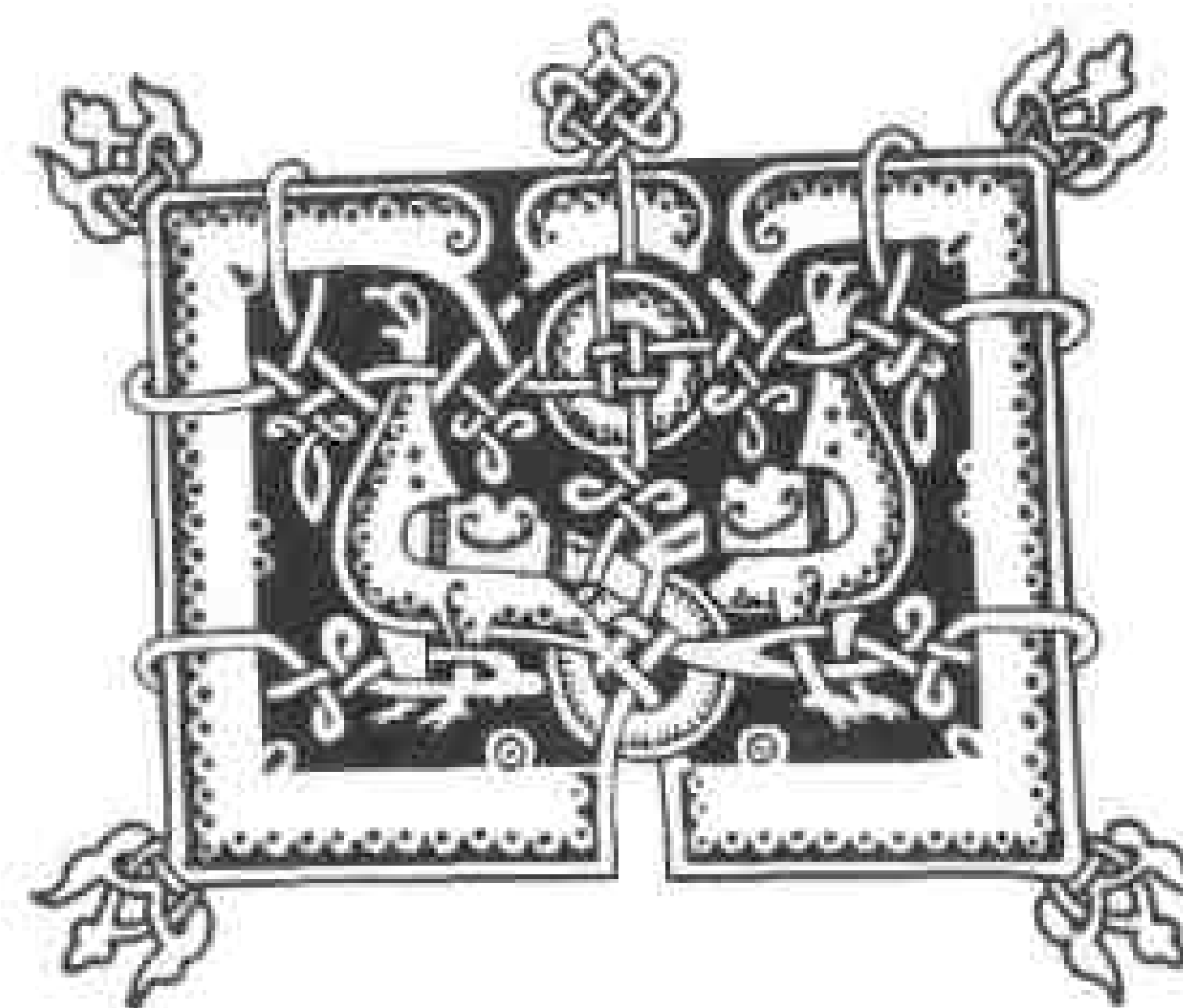
ЛР № 070328 от 27.01.92

Отпечатано в Московской типографии № 2 РАН
121099, Москва, Шубинский пер., 6

В. П. Даркевич Г. В. Борисевич

ДРЕВНЯЯ СТОЛИЦА РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ

Издательство „КРУГЪ“
Москва 1995

*Издание выпущено при поддержке
Российского Фонда фундаментальных исследований*

Старая Рязань — столица Рязанской земли, была первым в ряду крупнейших городов Древней Руси, взятых и разрушенных полчищами Батыя. В отличие от других ведущих центров древнерусской культуры, этот город не смог возродиться после нашествия, и его территория не занята современной застройкой, что создает исключительно благоприятные условия для изучения этого памятника археологами.

Археологическое изучение Старой Рязани началось в 1822 г., сразу после находки знаменитого клада золотых ювелирных украшений с драгоценными камнями и эмалью. Крестьянин, нашедший клад, получил согласно императорскому указу свободу от крепостной зависимости и был щедро вознагражден. С тех пор клады драгоценных ювелирных изделий, зарытых обитателями обреченного города накануне его падения, регулярно обнаруживаются на территории городища. Среди древнерусских городов только Киев превосходит Старую Рязань по числу подобных кладов.

Старая Рязань эффектно расположена на высоком берегу Оки, городище окружают высокие, хорошо сохранившиеся валы и глубокие рвы. Памятник, безусловно, заслуживает того, чтобы стать объектом туризма. Однако осуществление имеющихся проектов превращения Старой Рязани в музей-заповедник под открытым небом все время откладывается до лучших времен.

Вокруг Старой Рязани сосредоточены археологические памятники различных эпох. Здесь и такой редчайший для Средней России памятник, как Шатрищенская стоянка древнего каменного века, и расположенный рядом с городищем богатейший могильник дославянского финно-угорского населения. По соседству с городищем расположены интереснейшие многослойные поселения, жизнь на которых продолжалась в течение многих веков, начиная с эпохи неолита и бронзового века. Подобное скопление памятников и исключительная ценность многих из них делают необходимым создание здесь постоянно действующей археологической базы, позволяющей осуществлять наблюдение за состоянием объектов, и методической школы, руководство которыми могли бы взять на себя столичные археологи.

Один из авторов этой книги, доктор исторических наук В.П.Даркевич, принимал участие в работах в Старой Рязани с 1966 г., а с 1970 г. стал начальником Старорязанской экспедиции Института археологии Российской Академии наук. Его многолетние исследования значительно расширили представления о культуре этого средневекового города и его исторической топографии. Второй автор, известный историк архитектуры, старший научный сотрудник Музея Древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева, профессор Г.В.Борисевич, имеет большой опыт реконструкции древнерусских

архитектурных сооружений, много лет работавший, в частности, с материалами Новгорода, где хорошо сохраняются остатки деревянных сооружений.

Эта книга была создана в Отделе славяно-русской археологии Института археологии РАН. Публикация монографии стала возможной в рамках осуществления проекта "Истоки национального своеобразия русской культуры (археологический аспект)", получившего поддержку Российского Фонда фундаментальных исследований.

Руководитель проекта
А.В. Чернецов

У науки нет владычества вечного, она сама в вечном движении, пока не перестает быть наукой; она не "владычество вечное", а "строительство вечное".

Н.Я. Марр

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
АС	— Археологический съезд
ИАК	— Известия Археологической комиссии
КСИА	— Краткие сообщения Института Археологии Академии наук СССР
КСИЭ	— Краткие сообщения Института Этнографии Академии наук СССР
МАР	— Материалы по археологии России
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НАРМ	— Научный архив Рязанского музея
ПВЛ	— Повесть временных лет
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
ТИЭ	— Труды Института Этнографии Академии наук СССР
ТРУАК	— Труды Рязанской ученой архивной комиссии
ЦГАДА	— Центральный Государственный архив древних актов
СЭ	— Советская этнография

реди крупнейших древнерусских городов XII-XIII вв., центров земель-княжений, Рязань (совр. д. Старая Рязань) предстает перед нами как один из самых величественных и богатых, как город-страж у юго-восточных окраин Руси и одновременно — средоточие интенсивной созидательной деятельности — экономической, политической, культурной. Стольный град, подобный Рязани, — как бы "князь" среди средних и малых "городов-вассалов". В числе других центров такого же масштаба Рязань может служить эталоном высших достижений древнерусской цивилизации: это целый сложный мир, сконцентрированный на небольшом пространстве. Вместе с тем, каждый средневековый город, подобно живому существу, обладал индивидуальным обликом и характером. С одной стороны, представить Рязань наподобие "модели" южнорусского города домонгольского времени, с другой — выявить ее своеобразие — такова одна из задач нашей работы. Диахронический метод позволяет проследить динамику развития города с середины XI в. по 1237 г. (рис. 1)

Конкретное археологическое изучение одного памятника (довольно скудные летописные свидетельства о Рязани досконально проанализированы в монографии А.Г. Кузьмина)¹ позволило отказаться от некоторых тенденциозных построений советской историографии. Историк подгонял факты (иногда таковых вообще не имеется) под заранее заданные концепции, как правило, не

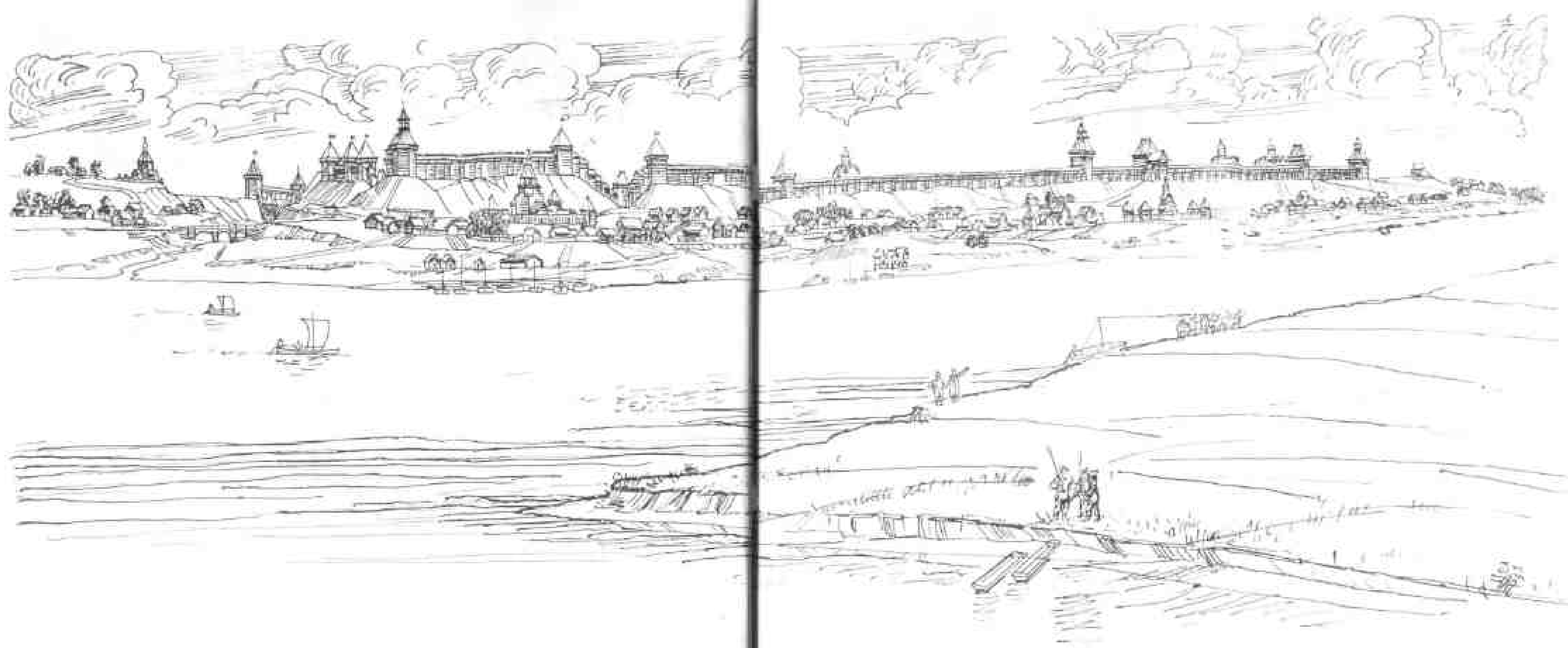

Рис. 1. Панорама Рязани со стороны Оки в первой трети XIII в.

учитывающие многообразия и неоднозначности процессов и явлений, а напротив, стремящиеся к их унификации и нередко — к модернизации дофеодальных и раннефеодальных отношений. Рассуждение входит в порочный круг: требование теории априори рассматривается как факт, а затем утверждается, что теория подтверждается фактами.

Одним из примеров примитивного экономического детерминизма является следующая дефиниция: "Древнерусским городом можно считать постоянный населенный пункт, в котором с обширной сельской округи — волости концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась большая часть произведенного там прибавочного продукта".² Для домонгольского времени о подобных операциях не сохранилось ни одного документа. Автор не учитывает роль агрикультуры в самом средневековом городе, обитатели которого вели полукрестьянскую жизнь: принадлежавшие горожанам огороды, "полоски", "нивки", пастбища, места для содержания домашнего скота располагались как в пределах укреплений, так и вне их. О каком "прибавочном продукте", отчуждаемом из сельского хозяйства, может идти речь в применении к Рязани, когда она возникла веком раньше окружающих сельских поселений? Полусельским остается быт даже современного г. Спасска, основанного в XVIII в. напротив Старорязанского городища на левом берегу Оки.

На примере Рязани опровергается основополагающий тезис советской исторической науки, что города у восточных славян с самого начала носили ярко выраженный феодальный характер. Еще предстоит доказать наличие в домонгольской Руси развитого феодализма, для которого характерна структурная взаимосвязь сеньориально-вассальных отношений с определенным способом эксплуатации зависимого крестьянства. Если же города — изначально феодальные, то, естественно, "в них концентрируется военно-родовая, превращающаяся в феодальную, знать окрестных территорий. Следом за феодалами или вместе с ними в развивающихся городах появляются купцы и ремесленники".³ Снова отнюдь не универсальная и умозрительная схема. Как показали раскопки, во второй половине XI — первой половине XII в. Рязань представляла собой городскую территориальную общину, вероятно, с местным самоуправлением и отсутствием какой-либо феодальной прослойки.

Третий пример вытекает из предыдущего. До сих пор над умами исследователей довлел представление об обязательной социально-топографической структуре древнерусских городов по схеме: княжеско-дружинный детинец и примыкающий к нему торгово-ремесленный посад. В основе лежит попытка археологически обосновать постулат о развитой классовой борьбе в Киевской

Руси. В Рязани внутренняя стена окружала не княжеский детинец, а более древнюю часть города. В период расцвета стольного града дворы ремесленников, торговцев и знати располагались вблизи друг от друга в пределах одного квартала, что по логике вещей свидетельствует не о столь уж непримиримых общественных противоречиях. Но и здесь историк буквально наизулет факты: "социальные границы проходили в первую очередь по час-токолам и заборам боярских и княжеских родовых гнезд, расположенных во многих случаях чересполосно с кварталами, заселенными рядовыми горожа-нами (кстати, усадьбы "рядовых горожан" имели точно такие же ограждения. — В.Д., Г.Б.). Это обстоятельство способствовало распространению влияния бояр на городские низы, мешало их консолидации и облегчало феодалам территориальное расширение своих владений в городе". Не проще ли считать, что для богатых и знатных соседство с менее привилегированными семьями представляло определенные удобства: рядом обитали полезные люди — к примеру, работавшие по заказу ремесленники.

Не выдерживает критики псевдоисторический тезис о двух культурах в феодальном обществе, отчасти справедливый для послепетровского времени, но механически перенесенный в эпоху древней Руси. "Феодальная культура", отождествляемая с дружинной и городской, противопоставляется культуре "народной", т.е. деревенской. До середины 80-х годов в советской историографии утверждалась изначальная классовая сущность русской "феодальной церкви", учение и искусство которой оставались якобы чуждыми народным массам⁵. В подобных теориях психология людей минувших эпох, средневековая ментальность предстают в крайне упрощенном и искаженном виде. Культура Рязани, как и других древнерусских городов, — это единая система, компоненты которой при всех противоречиях между ними соотносились друг с другом. Во всех слоях общества господствовала культура, основанная на христианских началах при сохранении в глубинах сознания сильнейших архаических пластов, связанных с магическим мышлением, чрезвычайно живучей языческой обрядностью и т.д. Разумеется, формы религиозности, присущие "верхам" и "низам", образованным и неграмотным, различались. Существовали и разные уровни культуры: интеллектуальная элитарная культура людей церкви, светская дружинно-аристократическая и простонародная, или фольклорная, но между ними не было непроницаемых перегородок. Благодаря археологии можно представить не только материальную жизнь разных социoproфессиональных групп, но и попытаться охарактеризовать психологический облик и связанные с мотивацией поведения особенности сознания крестьян и горожан-ремесленников, дружинников и священнослужителей, художников и купцов, ведущих дальнюю торговлю. Однако солидарность общества зиждилась на идеях, разделяемых всеми его членами.

Произведения художественного ремесла Рязани, особенно клады драгоценных украшений из золота и серебра, служат важным источником для изучения коллективного сознания не только бояр и профессиональных воинов, но и любого человека той эпохи, в воззрениях которого соприкасались церковная ортодоксия и представления о мире, близкие народным верованиям. Так, на браслете-обруче из старорязанского клада, найденного на территории "двора воеводы" (1966 г.), сцены скоморошских потех, далекие от христианского благочестия и аскетизма, переносят нас в затерянный мир языческой старины, рисуют "служения идольские", приуроченные к аграрным празднествам. Самый темный крестьянин из "медвежьего угла", сохраняя языческие традиции предков, веру в оберегающую силу всевозможных талисманов, тем не менее постепенно приобщался к истинам христианства несмотря на весьма

своеобразное их усвоение. Судя по топографии рязанских кладов, они принадлежали не только княжеско-боярской верхушке, но и зажиточным горожанам, например тем же ювелирам. Большая часть бытовых вещей и украшений рядового населения города не отличаются от вещей, обнаруженных на сельских поселениях и в курганных комплексах XI — первой половины XII в. Эта общность свидетельствует о тесной связи городов и неукрепленных весей как в области материальной, так и духовной культуры, об отсутствии столь резкого разделения между городом и деревней вопреки утверждениям историков, переносящих в Средневековье явления последующих эпох.

Так на основании изучения только одного древнерусского города мы приходим к заключению о необходимости пересмотра изживших себя идеологических клише.

Планомерные раскопки Старой Рязани, Большая часть материалов из раскопок Старой Рязани (за исключением вещей, добытых экспедицией В.А.Городцова в 1926 г. и поступивших в ГИМ) хранится в Рязанском музее, начали проводиться А.Л.Монгайтом в 1945-1950 гг. (с перерывом в 1947 г.). В 1955 году вышла его монография "Старая Рязань"⁶. Автор обобщил не только результаты собственных исследований, но и подвел итоги 130-летнему изучению Старорязанского городища. После длительного перерыва в 1966-1969 гг. экспедиция Института археологии АН СССР под руководством А.Л.Монгайта в сотрудничестве с Рязанским историко-архитектурным музеем-заповедником была возобновлена. Новые материалы, во многом уникальные, опубликованы в сборнике "Археология Рязанской земли"⁷. В результате раскопок А.Л.Монгайта получены данные по исторической топографии и оборонительным сооружениям города, изучены остатки жилищ и памятников каменного церковного зодчества. Его книга "Старая Рязань" содержит разделы о ремесле, торговле, сельском хозяйстве и промыслах, о бытовой стороне жизни. За 38 лет вещеведческая часть работы А.Л.Монгайта и основанные на ней выводы во многом устарели. Со времени появления его книги была детально разработана хронологическая классификация славянских древностей: источниковедческая база для исторических построений значительно расширилась. Кроме того, исследования А.Л.Монгайта велись малыми площадями, ограничивая поле зрения границами отдельных раскопок. Крупные комплексы — дворы-усадьбы и кварталы, т.е. особенности структуры города, оказались не выявленными. По той же причине недооценена роль в застройке наземных домов, а монументальные деревянные сооружения вообще не были открыты. Подклети и подполья наземных жилищ принимались за полуземлянки и землянки.

Методика стала меняться с 1970 г., когда экспедиция перешла к широкомасштабным раскопкам большими площадями (с 1971 по 1979 г. ею руководил В.П.Даркевич), к синтезу археологических и натурных исследований. Работы велись по четко разработанному плану, ибо требовалось решить важные вопросы, оставшиеся неизученными (рис.2). Такие благоприятные условия, как отсутствие на Старорязанском городище слоев позднее XIII в. (кроме отдельных участков на юго-западе, где были обнаружены усадьбы XIV в.⁸), хорошая сохранность древнего рельефа городища с валами и прилегающих к нему территорий, позволили исследовать градостроительную культуру, увязав ее с географией местности. В результате применения визуального и гипсометрического методов, разработанных Г.В.Борисевичем, была получена ценнейшая информация по градостроительной структуре, зачастую ускользающая от традиционной археологии. Фиксация объектов, лишенных

* В дальнейшем изложении Старую Рязань — название, известное с XVI в., мы именуем Рязанью, как это было в XI-XIII вв.

Рис. 2. План Старорязанского городища с раскопами. Черным заштрихованы раскопы 1966-1979 гг.

культурного слоя, — проселочных дорог, проходящих по древним трассам, разветвленной овражной системы с ее ручьями и источниками — дополняет целостную картину Рязанского микрорегиона в XI-XIII вв. Внешний вид города с предместьями и сельской округой благодаря комплексным исследованиям предстает по-новому, во всей сложности многоплановых композиций (рис.3 и 4).

Изучение планировочной системы города на разных этапах совместно с некрополями открыло возможности для исторической демографии: вычислена средняя численность населения Рязани в первый (вторая половина XI — первая половина XII в.) и второй (вторая половина XII в. — 1237 г.) периоды ее существования.

Рязань как памятник развитого градостроительства обладала сложной системой фортификации (рис.5). Изучение микрорельефа городища позволило обнаружить пандусы для подъема с подола в город к Борисоглебскому и Спасскому соборам, а также пандус, ведущий с подола на Северный мыс ("Кром"). Выявлены новые элементы на разных участках городских укреплений:

Наряду с общепринятыми археологическими обозначениями разных частей Старорязанского городища (Северный мыс, Северное городище, Южное городище) мы вводим и новую, более подробную номенклатуру, в основе которой лежат историко-архитектурные принципы, местная топонимика и названия храмов, аналогичные топонимы в других столичных городах. Это относится и к названиям ворот. "Кромом" нами условно названа древнейшая укрепленная часть Рязани на Северном мысу. В памятниках письменности ему иногда соответствует понятие "Верхний город".

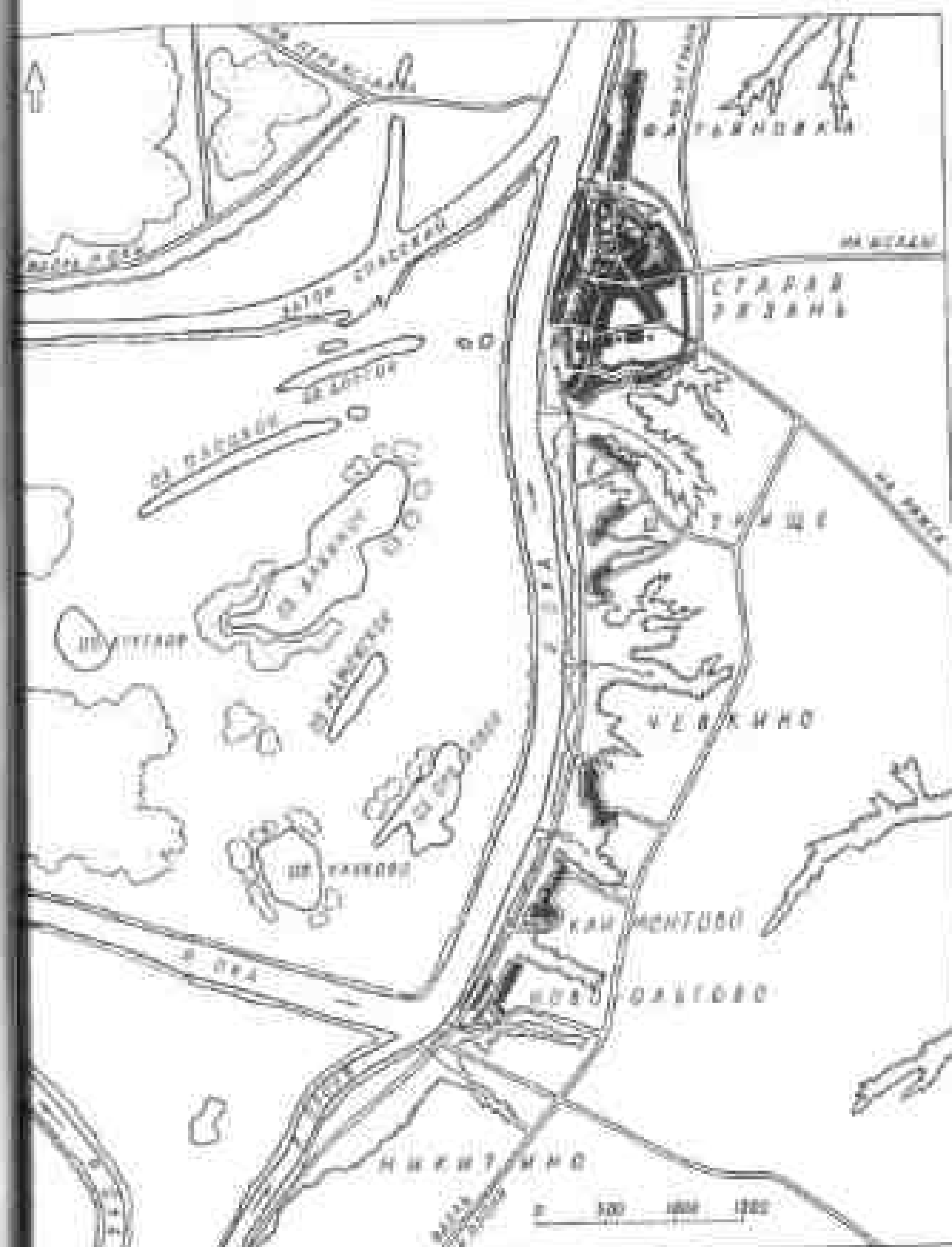

Рис. 3. Система сельских поселений XII — первой трети XIII в. в районе Рязани. Открытые разведками древние поселения даны заливкой.

связки из городней между Кромом и Северным городищем ("Средним городом"), "Водяные ворота" для пропуска речки Серебрянки перед родником, откуда она берет начало, "Серебряные ворота" между Кромом и Средним городом, куда полого поднималась дорога от пристани, наконец, оригинальный оборонительный комплекс "Южных ворот". Обнаруженные элементы микрорельефа позволяют предложить графические реконструкции важнейших градостроительных композиционных узлов, выявить транспортные артерии между главными частями города (рис.6).

Заново проанализирован опубликованный А.Л.Монгайтом разрез вала у Исадских ворот. В результате выделено 5 строительных периодов сооружения

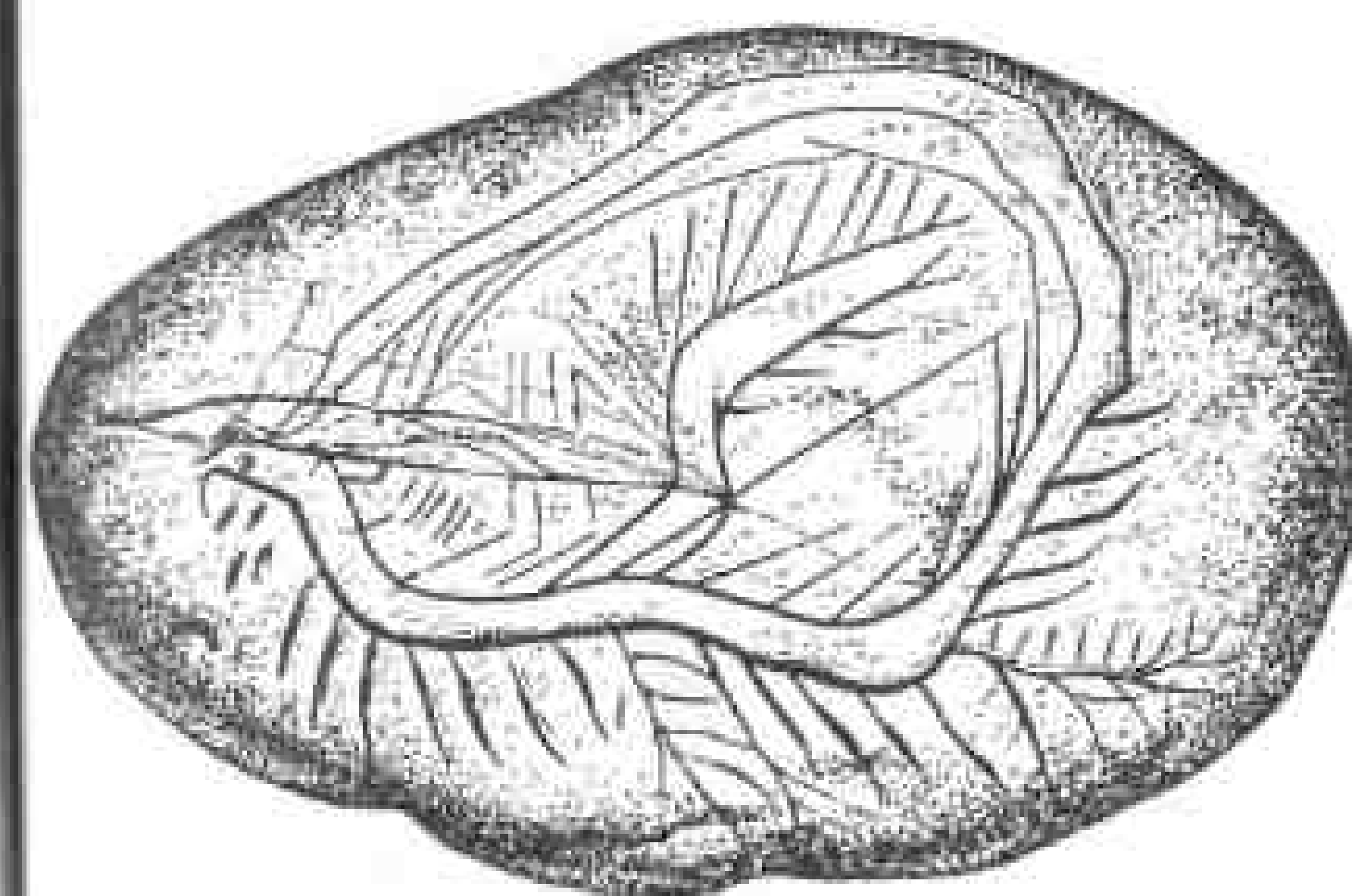

Рис. 4. Речная галька с "тиланом" Оки, Спасского затона и устья Прони. На камне план воспроизведен зеркально.

Рис. 5. Рязань в первой трети XIII в. Вид с севера.

городских стен из городской, забитых земель. Валы росли после развала стен при пожарах и ремонтах обветшавших деревянных частей.

Детальное изучение планов и разрезов всех сооружений с доведением их до графической реконструкции — принципиальная основа исследования. При таком подходе получают объяснение почти все остатки строительных конструкций с восстановлением либо интерьера, либо всего сооружения до конька крыши. С самых ранних слоев Рязань предстает перед нами как поселение с развитой градостроительной культурой. Здесь открыты дворы, обнесенные частоколом, забором или плетнем. На дворах стояла "хоромное строение", известное из летописей X-XIII вв., позднее продублированное в писцовых книгах XVI-XVIII вв.: избы, горницы, сени, клети, повалуши, хлебные мастерские, терема и постройки самого различного назначения. По материалам Рязани господствующая теория деления жилищ на наземные, полуподземные и подземные оказалась несостоятельной. Хоромные строения включали избы с углубленным полом, ошибочно принимаемые за полуподземные. Внимательная проработка археологического материала показала полное отсутствие последних. Вместо них прослеживаются жилища с подпольями различной глубины. В отличие от Новгорода, в Рязани, где нет высоких грунтовых вод, выявлены жилища с погребом и, ниже, — ледником. Таким образом, двухэтажная изба на подклети получила два подземных яруса, что резко усложнило структуру древнерусского жилища.

С 1967 по 1980 гг. в ежегодных сборниках "Археологические открытия" помещалась краткая информация о ходе раскопок на Старорязанском городище и их основных результатах. Возникла необходимость и в особой статье, где были заново проанализированы материалы экспедиции В.А.Городцова, работавшей в Старой Рязани в 1926 г.⁹

После 1969 г., когда исследования на городище вступили в новую стадию и материалы начали лавинообразно расти, исследователи различной специализации приступали к исследованию ряда узловых проблем, что получило отражение в многочисленных публикациях. Пожалуй, в первую очередь, это касается рязанского художественного ремесла, что было обусловлено открытием замечательных кладов драгоценных женских украшений, запятанных при нашествии Батия в 1237 г. Один из самых богатых кладов, найденный в 1970 г., издан в специальной книге¹⁰, затем последовали публикации кладов, обнаруженных в 1974 и 1979 гг.¹¹. Замечательный клад золотых

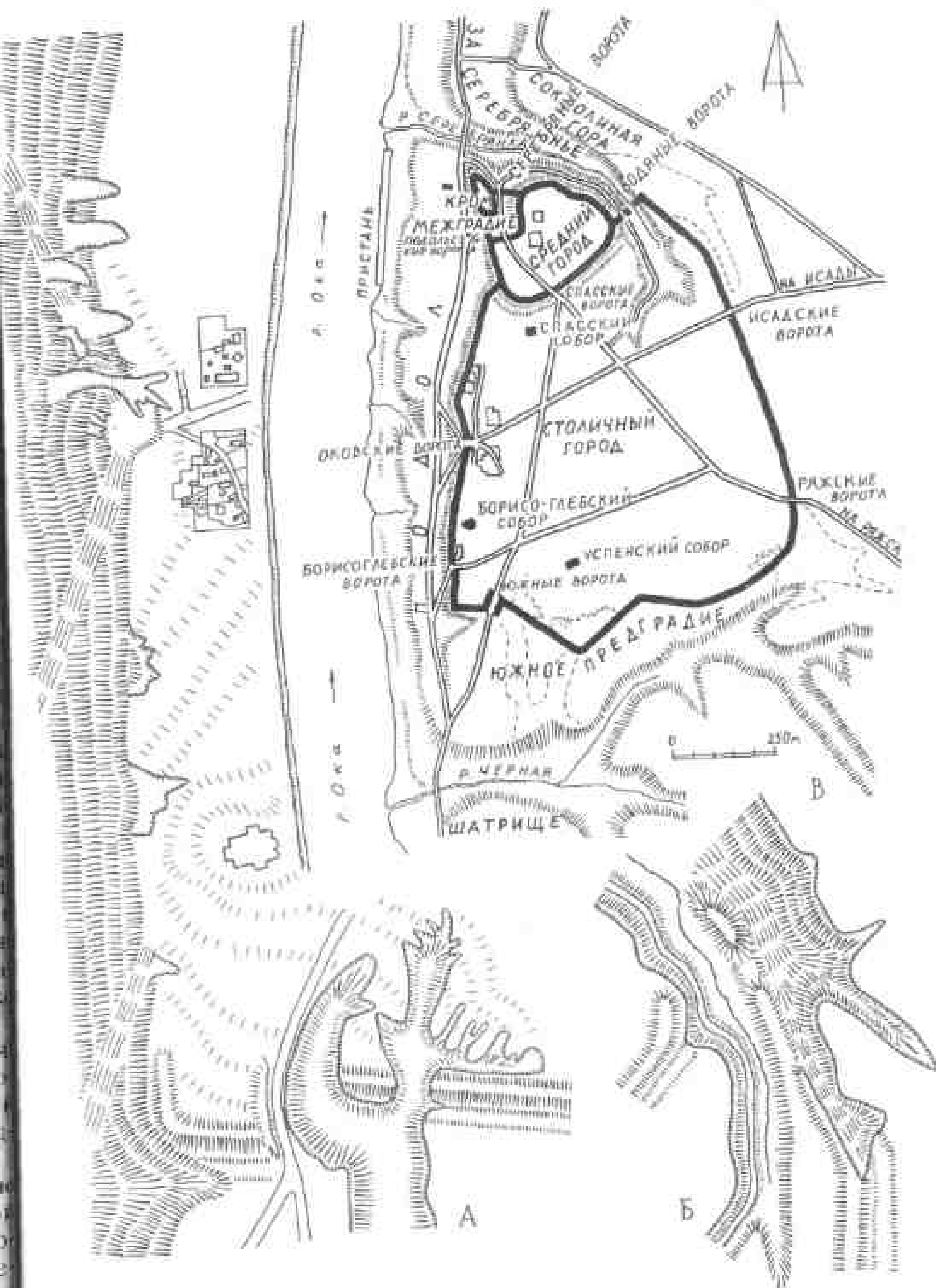

Рис. 6. Генеральный план Старорязанского городища с планировочными узлами: А — рельеф восточного склона городища с древними фундаментами; Б — рельеф городища в верхних Серебрянниках; В — планировочная структура Рязани.

женских украшений, открытый в 1992 г., подробно проанализирован в настоящей монографии, хотя уже появлялись предварительные сообщения¹². Обобщающие статьи о прикладном искусстве домонгольской Руси, отчасти по материалам из Старой Рязани, принадлежат В.П.Даркевичу¹³. За время работ экспедиции (с 1966 г.) найдено девять кладов, ядро которых составляет парный убор из серебряных и золотых украшений — "женская кузнь" (все это из Старой Рязани происходит 13 кладовых комплексов: по их числу она уступает лишь Киеву). В работах, посвященных рязанскому ювелирному делу, шедевр декоративно-прикладного искусства рассмотрены не только с точки зрения техники их изготовления и художественного совершенства, но и как ценный исторический источник, помогающий воссоздать направленность культуры и стиль жизни древнерусского общества. Они дают возможное проникнуть в ту сокровенную область религиозно-мифологических представлений, о которых умалчивают письменные документы.

К серии работ, посвященных произведениям рязанских серебряников, примыкают статьи о памятниках медного литья — энколпионах, крестальниках, складнях и иконках, среди которых, наряду с широко распространенными, встречаются и уникальные экземпляры, в том числе и привозные¹⁴. Серьезное изучение археологами и историками искусства этого вида художественного ремесла, их систематизация еще только начинаются. Редки на городище произведения мелкой пластики из камня. Высокими художественными достоинствами отличается шиферная иконка с изображением Бориса и Глеба первой половины XIII в., заново исследованная Т.В.Николаевой¹⁵.

Проблема торговых и культурных связей Рязани с городскими центрами Ближнего Востока, Ирана и Средней Азии затронута в статье об иранской среднеазиатской художественной керамике, обнаруженной при раскопках. Изучение на рязанских материалах дорогостоящей импортной посуды выявило ее общность с находками в Рее, Азербайджане, Хорасане и Хорезме¹⁶. Введена в научный обиход уникальная вставка-печатка от перстня, происходящая с мусульманского Востока. На гемме — резное изображение астрального конного охотника с соколом на фоне шестилучевых звезд¹⁷. Импортные текстильные изделия — фрагменты гладких однотонных тканей с золотной вышивкой и узорных золототканых лент — изучены М.В.Фехнер¹⁸. Среди них — шелка византийского, среднеазиатского и даже испанского происхождения. К циклу публикаций на тему международных связей Рязани относится статья о романских бронзовых чашах, исполненных в мастерских области Маса — нижнего Рейна и несущих аллегорические изображения христианских добродетелей и пороков¹⁹. На примере столицы Рязанской земли подтверждается тезис о развитии с середины XII в. связей древней Руси с другими государствами Востока и Запада.

Еще одно направление, по которому велись интенсивные исследования, — дальнейшее изучение рязанского монументального зодчества (Г.К.Вагнер, А.Л.Монгайт, П.А.Раппопорт, М.Б.Чернышев). В 1968 г. экспедиция предприняла повторные раскопки Спасского храма в Старой Рязани, а в 1970 г. — церкви Нового Ольгова городка. В результате существенно уточнены планы храмов и их графические реконструкции, конкретизированы датировки, выявлены связи памятников Рязани с другими архитектурными школами²⁰. Предпринята попытка заново пересмотреть расположение белокаменного декора Борисоглебского собора²¹.

Особый интерес представляет работа А.А.Медынцевой. На основе изучения надписей на бытовых предметах и граффити на фрагментах фресковой штукатурки из раскопок Борисоглебского собора она пришла к примечательному заключению: "Несмотря на окраинное положение, Старая Рязань по уровню

распространения грамотности и образованности не уступала другим столицам княжеств, а в некоторых отношениях, насколько можно судить по дошедшему до нас материалу, их превосходила"²².

Массовые находки из Старой Рязани изучались и методами естественных наук — металлографии (М.М.Толмачева)²³ и спектрографии (Т.Б.Барцева); новые остеологические материалы определены В.П.Данильченко. Важные исследования краниологических серий выполнены антропологами (Т.И.Алексеева, В.Н.Хатунцев), определившими пути формирования физического типа древних рязанцев²⁴.

Реставрация изделий из металла, в том числе драгоценных украшений из кладов, проведена в лаборатории ГИМ В.Н.Даркевич, реставрация керамических сосудов — С.П.Маркеловой. Большинство рисунков вещей для настоящего издания выполнено Н.С.Сурвилло.

О результатах раскопок в Старой Рязани периодически делались доклады и сообщения, опубликованные в виде тезисов²⁵. Развернутое изложение доклада об итогах археологических исследований 1970-1979 гг. издано в "Трудах V Международного Конгресса славянской археологии"²⁶.

Предпринятая в настоящей монографии полная публикация материалов за последний десятилетний период раскопок, наряду с уточнением и переосмыслением данных предыдущих исследований, обращение к смежным областям знания позволяют по-иному решить многие кардинальные проблемы социально-экономического развития города, его градостроительной и духовной культуры.

1. Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. М., 1965.
2. Куза А.В. Древнерусские города // Археология СССР: Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985. С.52.
3. Там же. С.60.
4. Там же. С.66.
5. Рыбаков Б.А. О двух культурах русского феодализма // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
6. Монгайт А.Л. Старая Рязань // МИА. 1955. № 49.
7. Археология Рязанской земли. М., 1974.
8. Даркевич В.П. Усадьбы XII века в Старой Рязани // Российская археология. 1994. № 1.
9. Он же. Раскопки В.А.Городцова в Старой Рязани // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991.
10. Даркевич В.П., Монгайт А.Л. Клад из Старой Рязани. М., 1978. О кладах, найденных в 1966-1967 гг., см.: Даркевич В.П., Монгайт А.Л. Старорязанский клад 1966 г. // СА. 1967. № 2; он же. Старорязанские клады 1967 г. // СА. 1972. № 2; Даркевич В.П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966-1969 гг.) // Археология Рязанской земли.
11. Даркевич В.П., Фролов В.П. Старорязанский клад 1974 г. // Древняя Русь и славяне. М., 1978; Даркевич В.П., Пуцко В.Г. Старорязанские клады (раскопки 1979 г.) // СА. 1982. № 2.
12. Даркевич В.П. Старорязанское сокровище // Наука и жизнь. 1993. № 2, 3.
13. Даркевич В.П. Прикладное искусство домонгольской Руси в собрании Рязанского музея // Музей. М., 1987. Кн.8. См. также: Даркевич В.П. Древняя Русь X-XIII вв. // Произведения искусства в новых находках советских археологов. М., 1977. С.158 сл; Он же. Музыканты и искусство Руси и вещей Боян // "Слово о полку Игореве" и его время. М., 1985.

14. Николаева Т.В. Рязанская икона с изображениями Пантократора и Никиты с бесом // Древняя Русь и славяне. М., 1978; Даркевич В.П., Пуцко В.Г. Произведения средневековой металлопластики из находок Старой Рязани (1970-1978) // СА. 1981. № 3.

15. Николаева Т.В. Рязанская икона с изображением Бориса и Глеба // Славяне и Русь. М., 1968.

16. Даркевич В.П., Стародуб Т.Х. Иранская керамика из раскопок Старой Рязани // СА. 1983. № 2.

17. Чернецов А.В. Два перстня-печати из Старой Рязани // Памятники культуры. Новые открытия: 1980 Л., 1981.

18. Фехнер М.В. Текстильные изделия // Проблемы изучения древних культур Евразии. С. 163-166.

19. Даркевич В.П. Новые находки романских бронзовых чаш // МИА. 1970. № 176.

20. Вагнер Г.К. Рязань. М., 1971. С. 7-9. Рис. I-IV; Монгайт А.Л., Чернышев М.Б. Спасский собор в Старой Рязани // Новое в археологии. М., 1972; Монгайт А.Л., Раппопорт П.А., Чернышев М.Б. Церковь Нового Ольгова городка // Культура средневековой Руси. Л., 1974; Вагнер Г.К. Еще раз о церкви Нового Ольгова городка // Средневековая Русь. М., 1976. Особо следует сказать о тексте Е.В. Михайловского к альбому "Рязань. Памятники архитектуры и искусства" (М., 1985), который изобилует бездоказательными утверждениями и фактологическими ошибками. Так, автор относит основание Рязани Святославом Игоревичем к 965-966 гг., а строительство Ольгова городка — к XI в., приписывая его черниговскому князю Олегу Святославичу. Следуя устаревшей статье Г.Ф. Корзухиной-Ворониной (Рязань в сложении архитектурных форм XII-XIII вв. // Сборник ГАИМК. Л., 1929. Вып. 1), Е.В. Михайловский неверно принимает Борисоглебский собор за Успенский, произвольно датируя его рубежом XI-XII вв. Фантастическую дату получили и Спасский храм — середина XII в., и церковь Нового Ольгова городка — конец XI в. Автор альбома во вступлении полностью игнорирует новейшую литературу по Старой Рязани.

21. Пуцко В.Г. Об архитектурной пластике Старой Рязани XII в. // Проблемы изучения древних культур Евразии. С. 166-184.

22. Мединцева А.А. Эпиграфические находки из Старой Рязани // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 255.

23. Толмачева М.М. Технология кузнечного ремесла Старой Рязани // СА. 1983. № 1.

24. Об антропологическом типе древних рязанцев см.: Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973. Новые обработанные данные не противоречат выводам этого исследования.

25. Даркевич В.П. Раскопки в Старой Рязани // Новейшие открытия советских археологов: Тезисы докладов конференции. Киев, 1975; Ч. III; Он же. Старая Рязань (итоги археологических исследований 1970-1979 гг.) // Тезисы докладов советской делегации на V Международном Конгрессе славянской археологии. М., 1985; Даркевич В.П., Персов Н.Е. Застройка и планировка Старой Рязани // Научные чтения "Археология Рязанской земли": Тезисы докладов. Рязань, 1988.

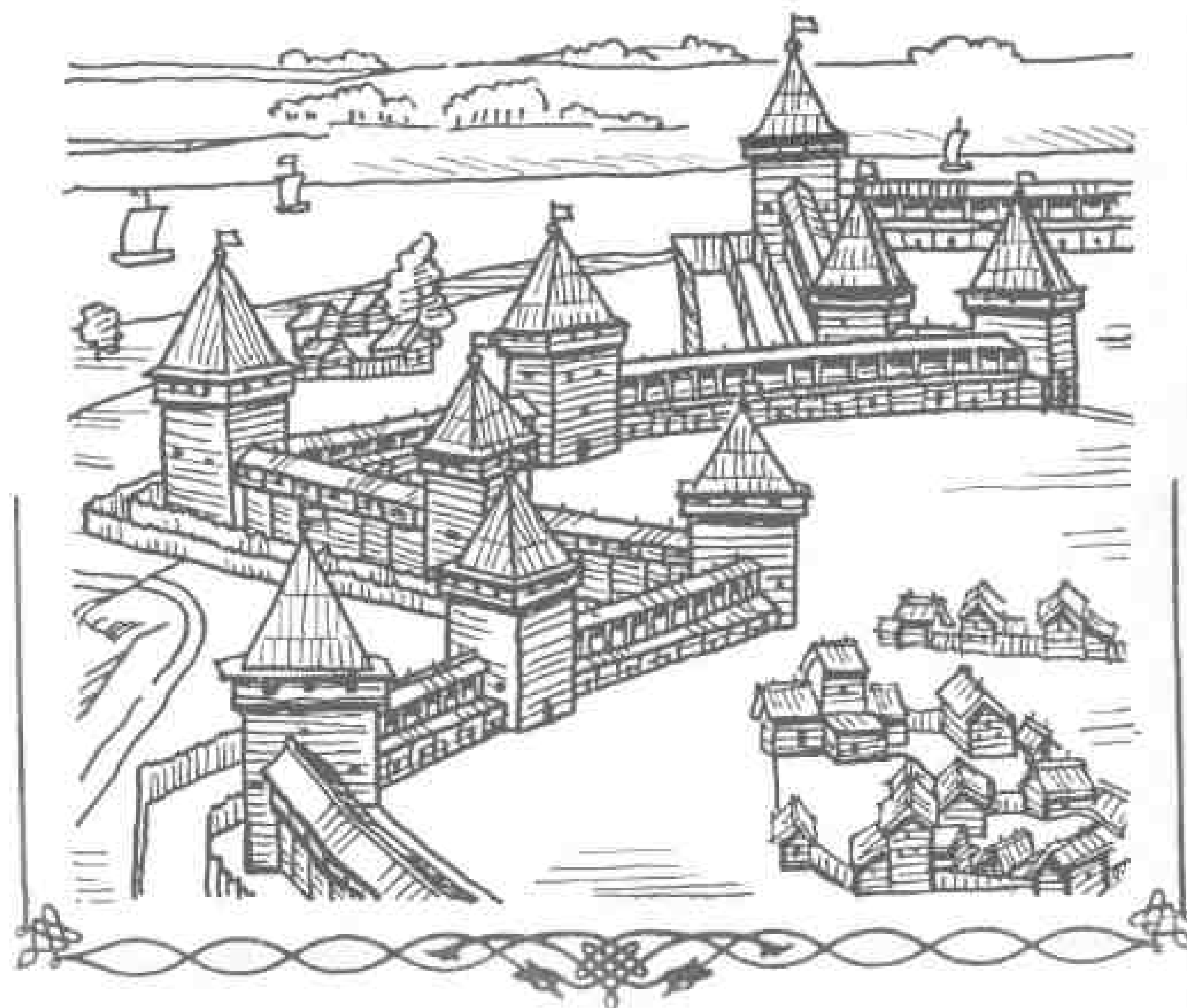
26. Даркевич В.П. Старая Рязань (итоги археологических исследований 1970-1979 гг.) // Труды V Международного Конгресса славянской археологии. М., 1988. Т. III. Вып. 1а.

Многочисленные популярные статьи и заметки о рязанских кладах в отечественной и зарубежной периодике мы не указываем.

ЧАСТЬ I

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ РЯЗАНИ

Достигнутое решение проблемы тут же окажется постановкой новой проблемы. И так далее, до бесконечности.

А.Ф. Лосев. Учиться диалектике

Первый этап исследования Рязани как крупнейшего городского центра, имевшего общерусское значение, завершился вместе с выходом книги А.Л. Монгайта "Старая Рязань". Но уже к 1966 г., когда возобновилась работа экспедиции, стало очевидно, что важнейшие проблемы социокультурного и архитектурно-планировочного развития города не получили разрешения, а многие выводы требуют проверки. К числу таких проблем относились: время основания Рязани славянами, этнокультурный состав пришельцев и направления колонизации, наконец, осталось не выясненным, что представляло собой первоначальное укрепленное поселение (Северный мыс и Северное городище — Кром и Средний город).

Открытие обширного могильника, оставленного населением раннего города, анализ синхронных ему материалов из нижних слоев на Северном городище показали, что многие положения А.Л. Монгайта нуждаются в пересмотре. Не оправдался тезис о возникновении Рязани в X в., о вытеснении вятичами местного "мордовского" населения. Чисто умозрительный характер носит заключение, согласно которому Северное городище вначале служило княжеской резиденцией, а позднее превратилось в основной ремесленный район Рязани (это опровергают целиком раскопанные дворы ремесленников на Южном городище — в "Столичном городе"). Последние исследования показали однородность социальной структуры города по крайней мере до 2-й четверти XII в.: налицо относительная нерасчлененность профессиональной и социальной деятельности — человек не только "трудящийся", но и воин, и член народного собрания и т.д. Он в полной мере сохраняет "архаическое сознание"; решительный переход от язычества к христианству около середины XII в. тесно связан с переходом от варварства к цивилизации и, следовательно, с развитием новой социальной стратификации.

Утверждаемая советской историографией обязательная планировочная схема древнерусского города, якобы всегда состоявшего из аристократического детинца и ремесленно-торгового посада, не учитывающая всей сложности и разнообразия процессов образования средневековых городов, их индивидуальность, никак не применима к Рязани. Чтобы это понять, потребовалось придать работам экспедиции строго целенаправленный характер, и эта избирательность вполне оправдала себя.

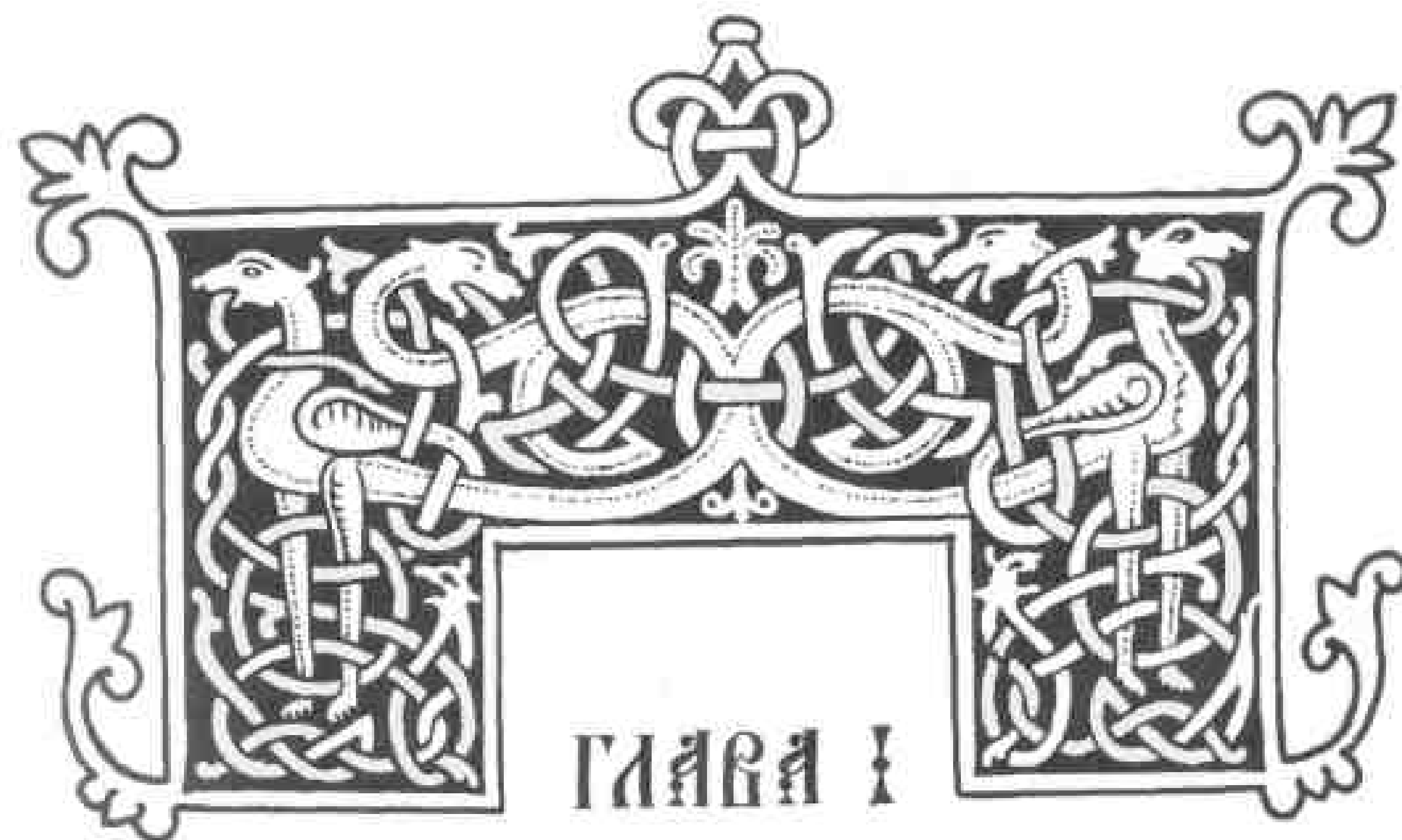
В истории древней Руси XII век ознаменовался особой политической активностью; глубокие изменения происходят не только в общественном и хозяйственном развитии, но и в религиозных верованиях, интеллектуальной культуре. С середины XII в. Рязань становится центром земли-княжения. С этим событием связаны колоссальные сдвиги в градостроительных принципах, экономике, социальной структуре, демографии и христиан-

зированной культуре. При том, что летописные сообщения о Рязани бедны и фрагментарны, а раскопки (дореволюционные, В.А.Городцова, в 1926 г. и даже А.Л.Монгайта) носили скорее рекогносцировочный характер (у А.Л.Монгайта раскопы, разбросанные по всему городищу, редко превышают 100 м²), осознать эти изменения помог переход к широкомасштабным археологическим работам (самый большой раскоп около 3500 м²) и тщательным визуальным наблюдениям над микрорельефом прорезанных оврагами частей городища, неукрепленного Подола и посадов, сохранившихся валов. Использованы и результаты аэрофотосъемки. Большинство раскопов было сосредоточено в наиболее заселенной прибрежной части Южного (Столичного) города, ставшего административным и религиозным центром с середины XII в. Именно в этом районе возведены три главных кирпичных храма. Здесь же густо расположены впервые открытые дворы "воеводы", бояр, свободных ремесленников — как зажиточных, так и среднего достатка.

Комплексный подход к изучению Рязани (были заново проанализированы и некоторые опубликованные материалы из монографии А.Л.Монгайта и сборника "Археология Рязанской земли") позволил уточнить историческую топографию города в его динамике, представить структуру отдельных градостроительных узлов-ансамблей, реконструировать систему фортификации и впервые выделить периоды строительства укреплений, выявить планировочные принципы застройки. Дворы-усадеб, закрепленные за определенным владельцем и при разрушении им же восстанавливаемые, располагались вдоль главных улиц и отходящих от них переулков. Наконец, создана типология всех построек, привязанная к "жилищной терминологии" древней Руси, от самых простых — хозяйственных до многоярусных, со светлицами и дозорными вежами боярских хором. Она может послужить эталоном для других южнорусских городов домонгольского времени, где не сохраняется органика. В результате мы можем представить, как выглядела Рязань периода расцвета — основанная на документальных данных впечатляющая картина огромного по тем временам города у юго-восточного пограничья Руси.

Экспедицией впервые начато изучение микропространства вокруг укрепленного центра: это подол и посадские части территории, окрестные поселения вдоль Оки.

Первая часть книги, разделенная на две главы, носит обобщающий характер. В ней изложены основные выводы, полученные при анализе конкретного материала, изложенного в частях II и III, а также в Приложении о разведках окрестных поселений. Мы старались избегать повторов, акцентируя внимание на узловых проблемах истории города, рассматривать его как живой, постоянно меняющийся организм. Перед нами раскрывалась вся сложность градообразующих процессов, не замкнутых городскими стенами, а напрямую связанных с обширными территориями Руси XI-XII вв., откуда непрерывно накатывались волны переселенцев. Главные положения работы, изложенные в первой части, легко проверить, заглянув в последующие разделы, которые служат фундаментом исследования. Поскольку раскопанная площадь достигает не более 3-5% территории городища, а изучение посада и ближайших селищ только начато, мы отчетливо сознаем гипотетичность некоторых выводов. Безусловно, будущие изыскания внесут коррективы в наши концепции.

РЯЗАНЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

ВРЕМЯ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА

Впервые Рязань упоминается под 1096 г. по случаю войны Олега Святославича с Владимиром Мономахом, но, как свидетельствуют археологические данные, она существовала ранее. По летописному сообщению, изгнанный из Чернигова Олег пошел к Смоленску, "и не прииша его смоляне, и иде к Рязаню"¹. По мнению А.Н.Насонова, Олег Святославич Черниговский, отстаивая свои "отчинные" права во "всей восточной стране до Муром", был заинтересован во взимании дани не только с Мурома, но и с Рязани. К 1096 г. в городе сложилась какая-то правящая группа: с "рязанцами" приходилось вступать в соглашения². Князья ведут переговоры с горожанами, заключают мир: так, в 1096 г. княжищий в Новгороде Мстислав, сын Мономаха, "сотвори мир с рязанци"³. Хотя в последние десятилетия XI и первые десятилетия XII в. город уже имел определенное значение в Муромской земле, но на юге Руси Рязань как территориальный центр была еще мало известна.

Время основания Рязани там, где Ока образует резкий изгиб к югу в сторону степи и, приняв Проню, поворачивает на север, что удовлетворяло целям борьбы с половцами, и где срубили крепость, — это время может быть уточнено. Полностью исключается X в., — дата, не подкрепленная никакими материалами.

По сопутствующему инвентарю погребений некрополь ранней Рязани относится ко второй половине XI — первой половине XII в. Если говорить о ранних вещах из жилых комплексов и подстилающих слоев на Северном городище и Подоле, то их датировка достаточно широка. Подковообразные фибулы со спиральными, многогранными, конусовидными и маковидными кон-

цами относят к концу X — середине XII вв. Узколистный клиновидный топор из раскопок В.А.Городцова датируется XI — началом XII в., коленчатые ключи от цельнодеревянных внутренних замков — X — началом XII в. Длительное время бытовали ножи с клиновидным лезвием (до середины XII в.), калачевидные, с язычком, кресала (X — третья четверть XII в.), гребни типов Л и М (XI — XII вв.)⁴, кольчатые удила без перегиба (X — XI вв.), бронебойные стрелы с массивной ромбической головкой (XI в.). К XI — началу XII в. относятся принадлежности поясных наборов: лировидные пряжки и фигурные накладки с растительным орнаментом, кольцевой ремешок-разделитель "скандинавского стиля" (раскопки В.А.Городцова). Примерно в те же временные границы укладываются круторогая привеска-лунница с псевдозерну, амулеты в форме топориков и ложечек, круглодротовый браслет, узкопластинчатый перстень с узором в виде плетеной косички.

По совокупности массовых вещей из ранних слоев имеется возможность уточнить нижнюю дату в пределах XI в. Обращает на себя внимание полное отсутствие железных луженых фибул и односторонних гребней-расчесок с футлярами, которые, судя по новгородской хронологии, исчезли из употребления к середине XI в. То же касается лимонovidных бус и рубленого бисера, бус с рельефными глазками, сердоликовых шарообразных. Только с середины XI в. появляется в тверском Поволжье, одном из регионов колонизации в рязанское Поочье, керамика со штампованным орнаментом.

Таким образом, основание Рязани можно отнести к 50-м — 60-м гг. XI в., в пользу чего высказывался уже Д.И.Иловайский⁵. Возникновение укрепленного поселения на юго-восточной окраине Древнерусского государства вполне закономерно: это и обращенный в сторону степей военный форпост, и крепость, призванная обезопасить окский путь, место стоянки куниц, ведущих дальнюю торговлю. На первых порах Рязань — рядовой город торгово-ремесленно-земледельческого характера без князя и боярской верхушки. Ее основание связано с общим процессом стремительной урбанизации на Руси и в Западной Европе с XI в. Взлет градостроительства в эпоху Ярослава Мудрого и его сыновей не мог не поражать воображения русских людей.

СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ РЯЗАНИ ДО СЕРЕДИНЫ XII в. ПУТИ КОЛОНИЗАЦИИ РЯЗАНСКОГО ПООЧЬЯ

Анализ материалов, происходящих из могильника, не только уточняет время основания города, но и позволяет определить первоначальный состав его обитателей — переселенцев из разных областей Руси. Судя по составу женских украшений, городская культура впитывала и перерабатывала разнообразные элементы, причем финно-угорские черты выражены в ней крайне слабо. При численном преобладании в некрополе общевосточнославянских украшений, несмотря на нивелировку этнографически значимых признаков в среде смешанного населения, часть вещей указывает на те ареалы, откуда направлялись в Рязань группы колонистов.

К числу этнически определяющих украшений относятся браслетообразные завязанные височные кольца, характерные для смоленско-полоцких кривичей и сосредоточенные главным образом в бассейнах верхних течений Днепра, Западной Двины и Волги. Вне этого ареала они встречаются в погребальных комплексах тех областей, которые были колонизованы смоленскими кривичами и полоцанами. На востоке кривичи освоили обширные простран-

ства тверского и ярославского Поволжья, продвинулись в Волго-Клязьминское междуречье. Из Ростово-Суздальской земли кривичи пересекли Клязьму и заселили часть меншерско-муромских земель, включая северные районы Рязанского региона (с середины XI в.)⁶.

Смоленско-полоцким кривичам принадлежат и нагрудные привески в виде пластинчатого конька или собачки, а также амулеты-ложечки. Хотя золото- и серебростеклянные бусы бочкообразной и цилиндрической формы, самые распространенные в рязанском некрополе, — признак не племенной, а хронологический, их особенно много в курганах на территории смоленско-полоцких кривичей⁷.

Найденные при раскопках Северного городища (Среднего города) подковообразные фибулы с разнообразными концами распространены в славянских курганах лесной полосы Восточной Европы и особенно часто — в кривичских. Они связаны с культурой балтского субстрата в районах кривичского ареала⁸, откуда, по-видимому, и попали в Рязань, а не путем прямых контактов с балтами.

С тверским и углиским Поволжьем — районами кривичской миграции — можно связать появление в Рязани с середины XI в. керамики со штампованным орнаментом.

Видимо, кривичская колонизация в район Рязани осуществлялась разными путями. Одно направление — восточное — непосредственно из Смоленской земли. Судя по распространению курганных могильников с браслетообразными завязанными височными кольцами⁹, с верховьев Днепра по его левым притокам кривичи попадали на Угру, затем — на верхнюю Оку и в бассейн Москвы-реки. Другой поток — на Муром и Рязань шел из плотно освоенных земледельцами плодородных ополей — Ростовского, Юрьевского, Суздальского¹⁰. Как явствует из "Сказания о Борисе и Глебе", Глеб ехал из Мурома в Киев сначала сухим путем — до Волги и по Днепру — к Смоленску.

Трехбусинные височные кольца с крупной зерну из могильников Рязани и Суздаля¹¹, типичны для женского металлического убора дреговичей, особенно для юго-восточной части их ареала. Почти все они происходят из курганов по Днепру, в низовьях Припяти и по Березине¹².

Для этнографической группы радимичей характерны семилучевые височные кольца, часть которых обнаружена и в землях северян. В области расселения радимичей и в восточной части Днепровского бассейна известны объемные костяные подвески-уточки.

У полянских женщин не было четких этноопределяющих украшений, но, по-видимому, и поляне приняли активное участие в заселении рязанского региона, двигаясь через земли радимичей, по Сожу к Смоленску и далее на восток, а также вверх по Днепру, сквозь территории дреговичей и кривичей.

Набор украшений в полянских курганах (перстнеобразные и узелковые трехбусинные височные кольца, ширококорые лунницы, усатые, рубчатые и провололочные перстни с заходящими или со сходящимися концами, литые пуговицы грушевидной или биконической формы, нашивавшиеся на позументные ленты ворота, а также лировидные пряжки и литые поясные кольца¹³) в целом сближается с инвентарем рязанских погребений. К общим чертам обрядности относятся кольцевидные оградки вокруг могил, так же как у дреговичей, смоленских кривичей и в курганах Волго-Окского междуречья. Наконец, в пользу заселения Рязани выходцами из среднего Поднепровья свидетельствует южнорусская топонимика в Рязанской земле: Переяславль, Трубеж, Лыбедь, Вышгород, Белгород, Льгов, Воино, Торческ и др.¹⁴. Эта географиче-

ская номенклатура привнесена уже в первый период освоения славянами рязанского Поочья, что подтверждается недавними исследованиями на территории кремля современной Рязани (Переяславля-Рязанского), где выявлены комплексы не позднее рубежа XI-XII вв. При раскопках Среднего города найдено вятическое височное кольцо раннего типа — семилопастное, с каплевидными лопастями (конец XI или рубеж XI-XII вв.).

Этнокультурный состав первых насельников Рязани, восстанавливаемый в основном по металлическим украшениям, подтверждается данными погребальной обрядности. Так, в ранней группе снесенных в середине XII в. курганов Рязани встречено несколько труположений на кострищах, что сближает их с синхронными курганами дреговичей, радимичей, полочан и смоленских кривичей.

Итак, постепенное заселение города происходило с разных сторон, в результате миграции выходцев из нескольких "племенных" группировок. Гетерогенность населения первоначальной Рязани подтверждается исследованиями Т.И.Алексеевой, которая не усмотрела существенных антропологических различий между захоронениями второй половины XI — первой половины XII в. и погребенными в братских могилах 1237 г., которые дали основной материал для анализа ввиду лучшей сохранности черепов. Ею отмечено, что по антропологическому типу и строению тела население Рязани обнаруживало близость к обитателям городов западной и юго-западной части восточнославянской территории. Вместе с тем обращено внимание на его антропологическое сходство с населением древнего Чернигова. Черниговские материалы представлены краниологическими сериями из кладбища на берегу р. Стрижня близ церкви Бориса и Глеба (раскопки Т.В.Кибальчича и Д.Я.Самокласова) и из пещер при Свято-Троицком монастыре (раскопки Т.В.Кибальчича). В.В.Седовым выявлена тождественность в антропологическом отношении городских кладбищ Ярополча-Залесского и Старой Рязани, что объясняется приливом в эти города южнорусского населения из Среднего Поднепровья¹⁵.

При отсутствии письменной информации, относящейся к первому периоду истории города, главную роль играют археологические и антропологические данные. В связи с этим особый интерес представляет выполненный Г.В.Лебединской скульптурный портрет женщины, похороненной в рязанском некрополе на рубеже XI-XII вв. (рис. 7). Основой для создания портрета послужил череп из погребения 48 на раскопе 13 (см. Приложение 1). По мнению исследовательницы, женщин подобного облика можно чаще встретить в южных и западных областях Восточной Европы.

Вопреки распространенной точке зрения, нет доказательств, что в основании Рязани и процессе ее формирования (до середины XII в.) основную роль играли вятичи. О вятическом заселении Рязанского края писали А.Н.Насонов¹⁶, А.Л.Монгайт¹⁷, Т.Н.Никольская¹⁸. И.Я.Фроянов и А.Ю.Дворниченко даже предположили, что Рязань первоначально являлась "племенным центром" с преобладающим вятическим элементом¹⁹. Между тем, как справедливо отметил А.Г.Кузьмин, это положение нельзя считать доказанным: нет ни летописных, ни археологических подтверждений²⁰. В районе рязанского Поочья, в том числе в самом некрополе Рязани, отсутствуют вятические курганы с труположениями конца XI — первой половины XII в.²¹. В могильнике не встречены семилопастные височные кольца раннего типа. Только позже — со второй половины XII в. — вятичи продвинулись в низовья рек Москвы и Оки — в район Рязани и Пронска²².

Рис. 7. Скульптурный портрет женщины, жившей в Рязани в конце XI — первой трети XII в. Реконструкция Г.В.Лебединской.

ПРИЧИНЫ КОЛОНИЗАЦИИ. НАСЕЛЕНИЕ РАННЕЙ РЯЗАНИ. ПЕРВОПОСЕЛЕНЦЫ

Исследование обширного рязанского могильника показало, что население раннего города, не затронутое имущественным расслоением, в основной массе состояло из недавних выходцев из сельских местностей Руси, слабо затронутых христианизацией. Это — погребения рядовых свободных общинников: в женских могилах украшения почти не различаются по качеству исполнения, в мужских набор вещей небогат или их нет совсем.

Таким образом, Рязань возникла в результате индивидуальной или коллективной крестьянской эмиграции из ранее освоенных старопахотных районов в места слабо заселенные или незаселенные вовсе, в данном случае на юго-восточную периферию Руси. К моменту славянской колонизации на месте Рязани и вблизи нее простирались свободные земли. Финно-угорское городище послегородецкого времени, расположенное на Северном мысе, относится к VI-VIII вв.²³. Шатрищенский могильник датируется V — началом VIII вв.²⁴ Между исчезновением финно-угорских аборигенов и появлением славянских переселенцев прошло около двух с половиной столетий. Следовательно, никак нельзя отнести к Рязани вывод А.Л.Монгайта, что, "встретившись здесь с древним местным населением, вятичи (? — В.Д.) частично ассимилировали и вытеснили его"²⁵. В могильнике и ранних слоях Рязани вещи финских типов отсутствуют.

Переселенческое движение в Рязань шло непрерывно, колонизационные потоки не иссякали, хотя их направления могли меняться. Эта перманентность обуславливалась, во-первых, демографическим ростом и экстенсивными формами земледелия, несовершенством агротехники, когда отво-своенные у природы земли (в основном приречные территории при господстве лесного ландшафта) быстро истощались. Это приводило к расширению районов, втягиваемых в сельскохозяйственное производство. В процессе внутренней колонизации, направленной из деревень и уже существующих городов, выбирались наиболее благоприятные места для основания новых полифункциональных городских центров. Во-вторых, смертность в средневековых городах, особенно детская, была выше рождаемости и поэтому их население поддерживалось постоянным притоком извне²⁶. Радикально обновлялось население после войн, катастрофических голодовок и эпидемий, уносивших множество жизней. Лишь благодаря массовому притоку сельских мигрантов число жителей в городах оставалось стабильным и даже возрастало. В-третьих, рост урбанизации на Руси с XI в. связан с развитием торговли и обмена, которые приводили к подвижности населения. "Город был создан возобновленной торговлей и стал детищем купцов"²⁷.

Выбор места был обусловлен в первую очередь благоприятным сочетанием природных условий, ландшафтной структурой территории. Здесь легко решались проблемы обороны, снабжения продовольствием и водой. Рязань расположена в районе плодородных земель и обширных лугов, в центре пересечения речных и сухопутных дорог и, что особенно важно, — на порубежье, в контактной зоне, на границе леса и степи. Это обстоятельство наложило отпечаток на занятия и культуру населения города. Естественная граница между северной, Мещерской, и южной, лесостепной, сторонами Рязанской земли проходила по Оке. Возникновение города-крепости, контролирующей водный путь по Оке, стало мощным фактором дальнейшей колонизации, хозяйственного освоения окрестных территорий.

Миграционное движение, ориентированное на город как зону относительной демографической депрессии, сопровождалось распадом семейных общностей старого типа. Обширные родственные коллективы в условиях растущего города сменяются малыми семьями, напоминающими современную семью. Заселение Рязани, вероятно, происходило небольшими группами из разных этнографических регионов, разделенных реками и лесными массивами. По рекам и сухопутным дорогам двигались связанные общим происхождением семьи, может быть, составлявшие единую патронимическую организацию. Под защитой городских стен родственные коллективы с общим домохозяйством при свободе выдела женатых сыновей легко делились на малые семейные дворы — основной элемент общества. Консолидация малых семей определялась уже не столько отношениями родства, сколько соседскими связями, общими хозяйственными интересами.

В рязанском некрополе открыты двойные и тройные погребения — усыпальницы членов одной семьи. В одних случаях умерших хоронили одновременно, в других — с небольшим хронологическим разрывом: под одной насыпью погребены близкие родственники. К "участкам" одной семьи относятся могилы внутри кольцевидных оградок. Одиночные захоронения в стороне от других подтверждают известный тезис об обилии среди первопоселенцев холостых мужчин.

При раскопках выявлены дворы-усадьбы — места жительства отдельной семьи вместе с хозяйственными постройками. Несмотря на худшую сохран-

ность культурного слоя, относящегося к раннему этапу развития города, можно полагать, что и в этот период дворовая застройка являлась господствующей. В Рязани XI — первой половины XII в. преобладали автономные малые семьи, ведущие индивидуальное хозяйство. На Руси XI-XIII вв. в среде свободных горожан письменные источники отмечают лишь малые супружеские семьи. В ходе застройки Рязани дворы множились и росли. Открытие во многих случаях нескольких строительных горизонтов в пределах ограды двора, когда при гибели построек их восстанавливали на том же месте или с небольшим отклонением, свидетельствует о закреплении участков за определенными владельцами, о наследственности владений.

Исследование дворовой структуры города и особенно исследование могильника позволяют произвести некоторые демографические подсчеты. Общая площадь, занимаемая могильником, составляет около 13 га; на 100 м² приходится 4-5 погребений, следовательно, их общее число доходило до 5-6 тысяч. Известно, что в Европе, в том числе и Восточной, в X-XV вв. средняя продолжительность жизни равнялась примерно 25, а в демографически благоприятные периоды 30-35 годам²⁸. Это подтверждается изучением старорязанских краниологических серий (Т.И.Алексеева) и славянских курганов с ингумацией, исследованных на широких территориях. Таким образом, за первое столетие существования Рязани сменилось 3-4 поколения, а значит, к середине XII в. количество жителей в ней достигало от 1200 до 2000 человек²⁹.

Тот же результат получаем, исходя из числа дворов. Площадь Среднего города вместе с Кромом — 7,5 га. Как показали исследования на раскопе 23, средняя площадь усадьбы-домохозяйства здесь составляла около 200 м², и эта часть города густо застроена. Значит, вместе с прилегающей частью Подола к середине XII в. в Рязани было примерно 300 дворов. Число членов семьи — не менее 4-х человек (иначе был бы неизбежен не рост, а падение численности населения в городе), но не более 5-6. Действительные размеры семьи колебались между 4-5³⁰. В результате получаем от 1200 до 1800-2000 человек в городе. В средневековых городах при высокой плотности застройки на 1 га приходилось до 150-200 человек³¹, что для ранней Рязани приводит к тому же результату. О численности населения косвенно свидетельствует упоминание о тысяцком в записи под 1135 г. (Никоновская летопись): "Убиен бысть в Рязани тысяцкой Иван Андреевич, нарицаемый Долгий"³². По средневековым представлениям, от 2 до 10 тыс. жителей насчитывали города средней величины. К их числу относилась уже в конце первого этапа своего развития и Рязань.

Примерно во второй четверти XII в. Рязань представляла собой суверенную городскую общину из лично свободных людей. Ремесленно-торговое укрепленное поселение в составе Муромского княжества началось с возведения системы укреплений (рис. 8). Как показали раскопки, в городе сочетались разные виды деятельности — административной, торговой, сельскохозяйственной, промысловой. Это и военный центр-крепость: южнее хозяйничали половцы и близость "чистого поля" побуждала рязанцев быть в постоянной боевой готовности, жить с оружием в руках, формировала их, не чуждый авантюре, независимый характер. Летописи отмечали в обычаях рязанцев "буюю речь" и "непокорство". Безусловно, уже со времени основания города его обитатели обладали какой-то формой общей организации, административно-судебного управления (вече?), которая решала вопросы войны и мира, определяла "внешнюю политику" и т.д. Во второй четверти XII в. намечается оформление самостоятельного удельного Рязанского княжества: после смерти в Муроме Ярослава Святославича (1129 г.) его сыновья Ростислав и Святослав сели "на Рязани"³³. Муром сохранял значение старшего стола до середины XII в. По-

Рис. 8. Постройка стен города. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

степенно Рязань из сравнительно небольшого города, созданного в ходе вольной колонизации, становится центром сплачивающейся вокруг него волостной территории.

Судя по материалам некрополя и ранних жилых комплексов, смешанная культура недавних пионеров-колонистов проявляла явные тенденции к унификации при заметной гегемонии в ней языческих начал. Преобладание архаических черт, общих восточным славянам, характерно для погребальной обрядности. К ним относятся ингумации на горизонте, разведение поминальных костров (зольные прослойки под костяками, угли в заполнении могильных ям), разнообразное положение рук покойных (вытянуты вдоль тела; одна вытянута, а кисть другой находится на костях таза, на животе, на груди; одна из рук, а иногда и обе, резко согнуты к плечу), кольцевые оградки вокруг могил, отделявшие мир живых от мира мертвых (сама магическая фигура круга символизировала вечность, не имеющую ни начала, ни конца). В некоторых погребениях выявлены признаки ритуального бития посуды, а также следы тризны — пиршества во время поминовения усопших. На раскопе 20 открыта компактная группа скорченных погребений, в том числе детских, с хаотической ориентировкой. Возможно, здесь захоронены покойники, которых считали нечистыми и опасными для живых ("заложные"): люди, умершие насильственной смертью, особенно самоубийцы, а также те, кто умер молодым³⁴. Чтобы избежать осквернения земли, трупы не закапывали: в Рязани их положили на уровне древнего горизонта, без ям. В ногах умерших мужчин (реже женщин) ставили горшки с жертвенной пищей. Погребальный ритуал у древних рязанцев обнаруживает тесную связь с системой религиозно-мифологических представлений о способах общения с загробным миром.

Магия в традиционном полуаграрном обществе, где сохранялось органическое единство человека и природы, — неотъемлемая часть повседневной практики. Влияние христианства налицо в рязанском некрополе (могильные

ямы, захоронения в гробах с гвоздями, ориентация запад-восток), но оно еще поверхностно. Христианские элементы осмыслились в категориях архаического мышления, традиционной народной культуры. В рязанских погребениях отсутствуют кресты и образки (тельники или привески к ожерелью). Только в одном случае (р.13, п.91) в состав ожерелья входил янтарный крестик. Зато неоднократно в могилах женщин встречены наборы скрепленных цепочками амулетов, носившиеся на груди — у сердца. В п.23 на р.17 к берестяной основе прикреплены астрагал почитаемого животного — бобра, бубенчик, отгонявший звоном нечистую силу, и ножик. Нож, подвешенный на груди слева (а не к поясу, как у мужчин), — распространенный оберег от злых духов, его использовали и во вредоносной магии, при ритуальном кормлении предков³⁵. В качестве талисманов были в ходу обработанные кремневые пластинки и неолитические кремневые наконечники стрел — "громовые стрелы", атрибут бога-громовержца. Верили, что "стрелки и топоры громные" предохраняют от сглаза; в Полесье "перуновыми стрелами" лечили от бесплодия. Из разрушенного погребения происходит широкораспространенный амулет в виде пластинчатой привески — "конька". На ожерелья нанизывали привески-лунницы, связанные с почитанием луны, которая, по народным представлениям, влияла на рост растений. Изображения луны использовали как обереги от немочи и при гаданиях. Круглые привески к ожерельям восходили к солярной символике.

Большая часть амулетов относится к ранним слоям на городище и Подоле. После середины XII в., в связи с усиленной христианизацией городского населения и появлением новой волны переселенцев из Среднего Поднепровья, их становится значительно меньше. Охранительную роль играли миниатюрные бронзовые топоры — распространенные в воинской среде символы Перуна, покровителя дружинников, семантически близкие скандинавским молоточкам Тора. Вырезанные из кости привески-уточки, очевидно, воплощали водную стихию. К культовым предметам относятся глиняные "хлебцы", а также поливные писанки, знаменовавшие плодородие, весеннее возрождение природы. В жертвенной яме, вырытой в материке (р.23), обнаружен целый комплекс предметов, связанных с магическими верованиями, в том числе отшлифованное каменное яйцо, напоминающее о народном обычае умывания из подойника, куда клали яйцо. Считали, что вода, связанная с магическими обрядами, поможет избежать порчи — болезни, что корова даст больше молока, а куры будут лучше нестись. В той же яме найдены амулеты в виде просверленных клыков кабана и бобра, а также примитивный антропоморфный "идольчик", вырезанный из известняка. Маленькие человеческие фигурки, выполненные из разных материалов, могли изображать покровителей домашнего очага, охранителей семьи.

Часто встречаются обереги в виде медвежьих клыков, отражающие культ медведя — особо почитаемого "хозяина леса".

Как археологические, так и письменные источники свидетельствуют, что христианизация Рязанской земли началась только в конце XI в. Судя по ритуальным предметам, еще господствовали верования и обряды, связанные с земледельческим и охотничьим хозяйством, культом предков-дедов, охранительной магией. К примеру, в женских погребениях удается проследить обряд дара умершей. Это перстни, положенные в ногах или у плеча (р.17, п.16). В п.49 (р.13) перстень и золотостеклянные бусы, помещенные в берестяной чехольчик (?), найдены у ступни правой ноги.

³⁴ Считаем необходимым для краткости ввести систему сокращений: "раскол" — р., "погребение" — п.

К первому периоду истории города относится большая часть гончарных клейм — древних магических символов, оберегов от болезней и злых духов. Возможно, в горшки, помеченные ими, наливали целительную жидкость, которую пили или умывались ею для избавления от хвори и предохранения от дурного глаза. Обычай умывания с "громовой стрелки" сохранился до недавнего времени, а среди клейм встречаем изображения стрел. Если отвлечься от смысла рисунков и допустить, что это только знаки заказчиков или усложняющиеся меты наследственных "династий" гончаров, то трудно объяснить, почему метили незначительную часть посуды (в Рязани не более 1%), почему рисунки клейм, одинаковые на огромных территориях, совпадают с универсальными дохристианскими символами, распространенными уже с бронзового века. В основе начертаний лежат одинаковые фигуры и их комбинации: крест, свастика, триквестр, правильный пятиугольник в виде звезды — пентаграмма, пересеченный крестом и диагоналями квадрат, круг, крест в круге, "колесо" и др. — распространенные магические знаки-символы солнца и огня, света и щедрости, матери-земли, дарующей плодородие, вечности, вселенной. Некоторые клейма, связанные с представлениями о мироздании, представлены как бы во вращательном движении; какие-то космологические верования отражены в спиралевидных клеймах. Подобные знаки даровали здоровье, служили магическим средством в заговорах для защиты от нечистой силы. Не случайно основные начертания клейм (например, всевозможные круговые композиции или ключи — знак изобилия, благополучия домашнего очага) часто совпадают с орнаментом привесок-амулетов к ожерельям или повторяют распространенные амулеты типа кремневых стрел.

Археология свидетельствует, что в городах древней Рязани взаимодействовали два типа сознания: язык магии и ритуала, не поддающийся переводу на язык логики и связанный с дохристианской системой мышления, и постепенно внедряющиеся элементы христианства. "Фольклорные" традиции особенно заметны в народной культуре раннего города, где преобладали недавние выходцы из сельских "окраин". Превращение Рязани в стольный город княжества ознаменовалось полной победой христианства, религии преимущественно городской, но, как свидетельствуют вещественные памятники, диалог обеих традиций — языческой и церковной — не прерывался, причем даже на уровне социальных верхов. Достаточно вспомнить замечательную сценку скоморошьях потех на серебряном обруче из клада, найденного в 1966 г. на территории "воеводского двора". Празднество, изображенное придворным ювелиром, живо напоминает о "поганских" "игрищах между селами" у вятичей, радимичей и северян, сурово осуждаемых летописцем.

ЭПОХА РАСЦВЕТА (середина XII в. — 1237 г.)

Под 1145 г. Ипатьевская летопись сообщает: "Той же зиме умре Святослав сын Ярославль у Муроме, а брат его Ростислав седе на столе а Рязаню послаша меншого Ростиславича Глеба"³⁶. Главный стол еще находится в Муроме, но рязанские князья все более стремятся к самостоятельности, а к Рязани постепенно переходит роль первенствующего в земле города. Именно в этот период древняя Русь добилась важных социальных, демографических и экономических успехов. По мере концентрации населения в районе Рязани с его высокой экономической активностью, вместе с ростом самостоятельности рязанской суверенной городской общины, или мира, около середины XII в. происходит обособление Рязанского княжества, где складывается сильная военная организация.

Возрастает правительственная роль князя, занятого вопросами государственного строительства и управления, гаранта внешней безопасности и внутреннего мира. Возникающие города-государства нуждались в князьях для дипломатических отношений, но прежде всего — как в управляющих войсками вождях. Они осуществляли руководство наступательными и оборонительными операциями, отвечали за состояние городских укреплений. На князьях лежала и обязанность способствовать распространению христианства, материально поддерживать духовенство, что отчетливо проявилось в Рязани.

Только централизованная княжеская власть оказалась способной воздвигнуть грандиозное по масштабам строительство практически нового стольного города. Из пограничной крепости, сравнительно небольшого ремесленно-торгового города на Окском пути, Рязань становится столицей княжества, одним из крупнейших древнерусских центров сложной политико-административной, религиозной и культурной жизни, куда устремились лучшие мастера из других высокоразвитых областей Руси. Она стала резиденцией князя и епископа, местом, где возвели монументальные постройки, где концентрировались основные сокровища. Коллективная жизнь горожан с их усложнившейся общественной структурой — политическая, интеллектуальная, материальная — становится богаче и многограннее, что подтверждается археологически. "Из разнообразных социальных элементов город создавал новое общество"³⁷. При сохранении территориального единства городского свободного населения "все рязанцы" по-прежнему сходятся на вечные собрания. В связи со сложением новых дифференцированных социoproфессиональных групп возникает и иная организация городского пространства (рис. 9 и 10).

В связи с расширением города провели тщательные нивелировочные земляные работы на территории. В результате снесли насыпи курганного могильника, оставленного обитателями Крома и Среднего города и функционировавшего до середины XII в. Психологически это вполне объяснимо, так как пришельцы "второй волны", в основном из Среднего Поднепровья, генетически не связанные со "старожилами", не рассматривали древний некрополь как могилы предков. Но, по возможности, градодельцы старались не задевать скелеты, даже лежавшие на уровне горизонта, а если и разрушали их, то совершали перезахоронения костей.

При проектировании Столичного города налицо исключаяющий стихийность единый градостроительный замысел. Был всесторонне изучен рельеф местности, причем учитывались не только соображения обороны, возможности водоснабжения, особенно на случай осады, но и красота облика города с выделением зданий-доминант — храмов, боярских хором, крепостных башен, паривших над одноэтажной и двухэтажной застройкой. Мысовое расположение ядра города и естественные преграды облегчали защиту и при дальнейшем росте от Среднего города к Столичному (Южному городищу), который приобрел форму неправильного многоугольника с закругленными углами (45 м над уровнем Оки), причем стратегические выгоды обороны не уменьшались. Расширение Рязани происходило в единственно возможные стороны: на юг, где на дне глубокого оврага протекала Черная речка, на северо-восток, где в пределы городской территории вошли верховья Серебрянки, что решило проблему питьевой воды во время "осадного сидения" при длительной блокаде — "облежании". Как показали артезианские скважины, на городище водоносные пласты залегают слишком глубоко. Оборонительные стены, примыкавшие к "двору воеводы", обнаружены при раскопках на крутом берегу со стороны Оки³⁸. Здесь следы укреплений, сохранившиеся еще в 70-е гг. XVIII в., впоследствии были

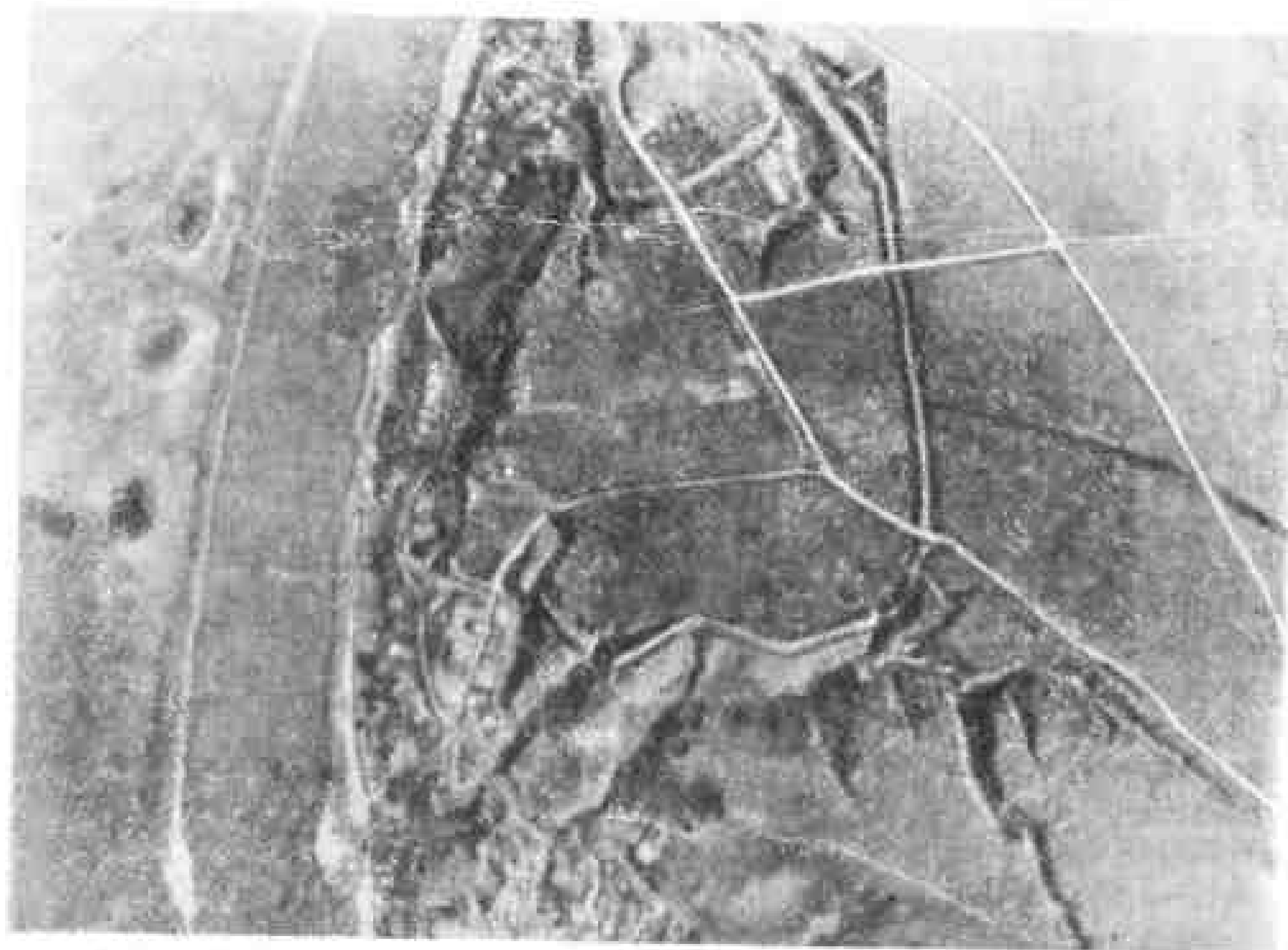

Рис. 9. Старорязанское городище. Аэрофотосъемка.

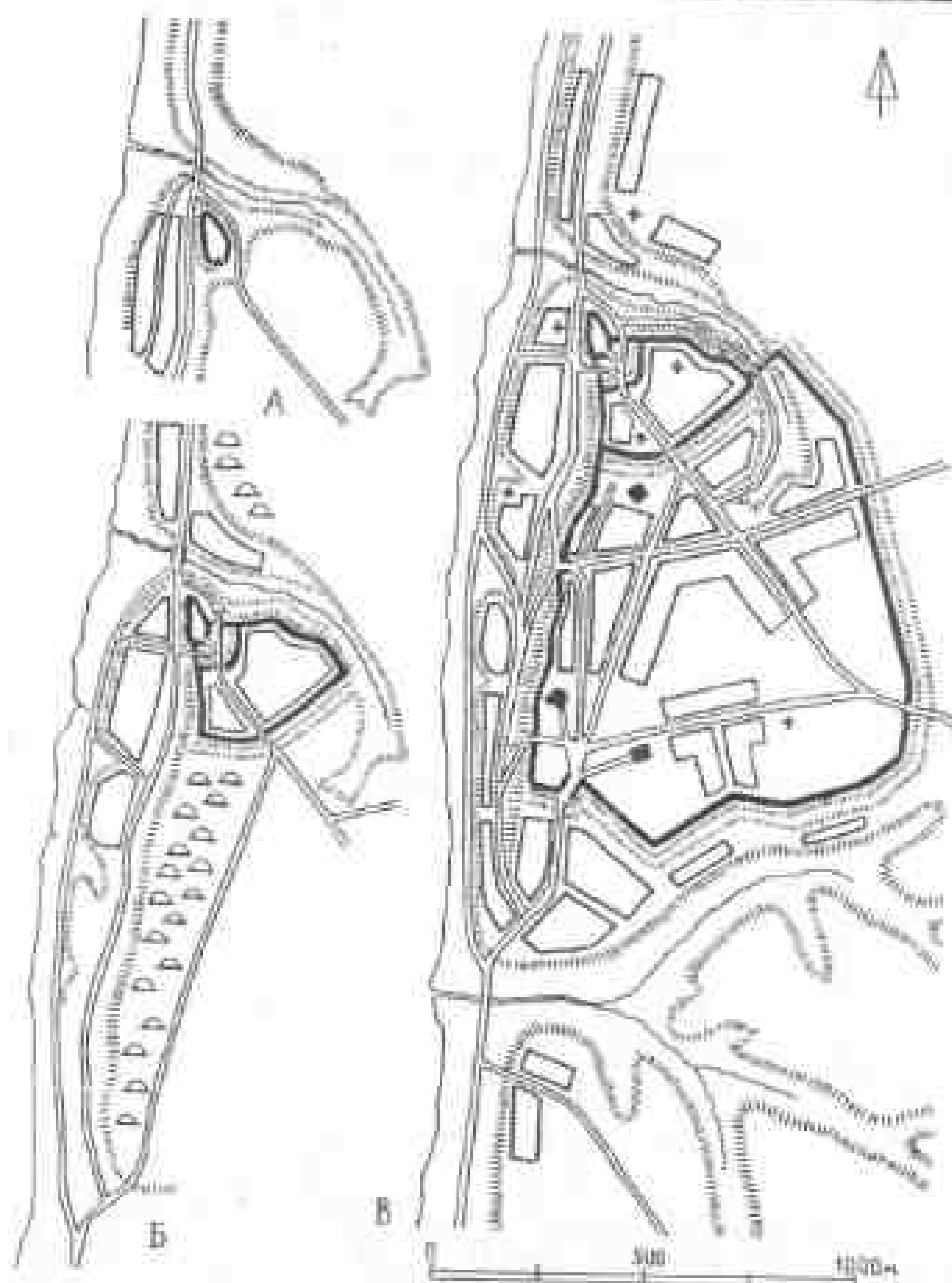

Рис. 10. Территориальное развитие Рязани: А — Кром и древнейшая часть Подола; Б — Средний город до середины XII в. и относившийся к нему курганный могильник; В — Столичный город с середины XII в. по 1237 г. Показаны основные уличные магистрали, выводившие к воротным башням, вдоль них — густо заселенные кварталы. Крестиками обозначены предполагаемые места деревянных церквей.

разрушены оползнями. Самые могучие стены возвели с наиболее уязвимой — напольной стороны, где отсутствовали речные преграды.

Только при продуманной, целенаправленной градостроительной политике рязанских князей стала возможной гигантская фортификационная работа: периметр внешних оборонительных сооружений достигает 3,5 км, размеры города увеличиваются в 8 раз. Строительство таких масштабов требовало огромных материальных и людских ресурсов. Создание целостной системы укреплений Рязани предполагало предварительное проектирование, возведение их по единому плану, одобренному князем. Во главе стройки стояли военеды и опытные в фортификационном деле специалисты-городники.

Создание рязанских оборонительных сооружений нельзя рассматривать как результат принудительного труда зависимого населения. В обществе, где подавляющая масса рядового населения состояла из свободных общинников ("люди", "людь"), возведение грандиозного памятника военно-инженерного искусства рассматривали как великое общее дело. Сооружение и ремонт стен входило в число обязанностей и горожан и сельских жителей окрестного района (согласно новгородской летописи, каждый пятый крестьянин должен был идти на строительство крепости)³⁹. Город рубили коллективно, "всем миром": отсюда колоссальный размах работ, требовавший мобилизации тысяч людей и сотен подвод. Основной общий стимул — создание неприступной цитадели, к чему при междоусобных войнах и постоянной угрозе со стороны степи следовало приступить незамедлительно. В случае военной опасности Рязань должна была вместить все окрестное население, а не только самих горожан: этим отчасти объясняется и огромный размер огражденной территории.

Можно предположить, что укрепления Столичного города были возведены за два строительных сезона. Впоследствии, как показал разрез вала у Исадских ворот, их трижды ремонтировали и один раз полностью восстанавливали, после того как в 1208 г. Всеволод III сжег Рязань: "И повеле великий князь всем людем изити из града и с товаром, и яко изидоша вси, повеле зажещи град"⁴⁰. В 1237 г. стены Рязани были окончательно уничтожены и более не восстанавливались. Итак, если учесть, что земляные работы могли вестись примерно 200 дней в году, то на строительство укреплений мобилизовывали по несколько тысяч человек. Их выделяли выборные представители городской общины — "сотские", а также составляющие волостную территорию самоуправляемые крестьянские миры — верхи окрестных поселений по Оке и Проне. В круг работ по обороне главного города Рязанского княжения, вероятно, втягивались и расположенные выше Рязани, зависимые от нее уделы — "пригороды": Ростиславль (основан в 1153 г.), Коломна (первое упоминание в летописи 1177 г.), Пронск (1186 г.), Переяславль и другие города с окружающими их поселениями. Отсюда к Рязани сплачивали огромное количество дубовых и сосновых бревен, а возможно, и готовые городни-клетки, которые, чтобы не отрывать мужское население от полевых работ, рубили и зимой.

В процессе сооружения стен глинистую землю из углубляемого рва поднимали в мешках, засыпали ею городни и утрамбовывали. Одновременно под руководством старшин неустанно трудились плотничьи артели, возводя башни и заборолы — верхние части "стен градских". Длина прясел между соседними башнями могла достигать 150-200 м, то есть равнялась двойному расстоянию полета стрелы при прицельной стрельбе из лука. На Рязань, главный город земли-княжения, возлагалась организация обороны всей волости, это — место убежища для городского и сельского люда, что подтвердилось в трагические дни декабря 1237 г.

По конструктивным особенностям оборонительных сооружений Рязань сближается с южнорусскими памятниками XII-XIII вв. — построенными по единому плану княжескими крепостями (Райковецкое городище, Колодяжин, Воинь, городище у с. Городище близ Шенетовки — летописный Изяславль). Для них характерна комбинированная система из заполненных грунтом сруб-б-городен с заборолами над ними и пустотелых хозяйственных и жилых срубов с внутренней стороны — своего рода "осадных клетей".

Такие клетки без печей, рассчитанные на "осадное сидение", открыты при раскопках оборонительной стены на р. 7 в приокской части Столичного города. Вероятно, клетки, примыкавшие к городням, шли по всему периметру стен Рязани, но их остатки перекрыты валом, распавшимся при разрушении заполненной землей стены (отсюда неправильный вывод некоторых археологов о внутривальных клетях). Сходство фортификационных сооружений Рязани и укрепленных пунктов Киевского, Переяславского и Владимиро-Волынского княжеств вполне закономерно: все перечисленные памятники служили сторожевыми пограничными крепостями для защиты от кочевников. Думается, что для воплощения своего замысла по укреплению новой столицы рязанский князь пригласил городских дел мастеров во главе с главным градоделателем из области Среднего Поднепровья.

Закладка нового города могла произойти при Ростиславе Ярославиче (умер около 1155 г.). При нем он был задуман, спланирован и отчасти заселен, причем создавался с перспективой на дальнейшее развитие. Пустые участки, оставленные при разбивке территории незаселенными, по мере притока населения занимались пришельцами. Отсюда — сохранявшиеся вплоть до гибели Рязани обширные лакуны в застройке, выявленные по интенсивности культурного слоя. Местами он вообще не прослежен.

По словам Д.И.Иловайского, характер Ростислава отличала "настойчивость и какая-то суровая энергия"⁴¹. В конце жизни его борьба с владими́ро-суздальскими князьями стала особенно ожесточенной. Утверждение, что уже "с середины XII в. Рязанская земля попала под эгиду Владимиро-Суздальского княжества", что со времени Юрия Долгорукого рязанцы на долгие годы потеряли самостоятельность⁴², вряд ли соответствует действительности, ибо борьба проходила с переменным успехом. При полной зависимости Рязани от северного соседа и если бы она "была принуждена очень тщательно нести свою вассальную повинность"⁴³, было бы невозможно создание огромного столичного города с одновременным строительством мощных укреплений, сооружением храмов, общественных и жилых построек. Государственное строительство такого размаха предполагало сильную княжескую власть, независимую политику, опирающуюся на всенародную поддержку. Перипетии борьбы с владими́рскими "самовластцами" или половцами свидетельствуют, что храбрые "на рати", беспокойные рязанские князья были опасными противниками. В 1146 г. Ростислав напал на земли Юрия Долгорукого в Суздальской земле. В ответ на Рязань послан сын Юрия — Андрей (Боголюбский) и рязанский князь был вынужден бежать "в половце, к Ельтукови"⁴⁴. Около 1149 г., вероятно, примирившись с Юрием, Ростислав Ярославич вернулся в Рязань, но в 1154 г. тот снова его "прогна в половцы". Вскоре наступила расплата: "Ростислав, совокупя половцы, поиде на Ондreja ночью, Ондрей же одва утече об одном сапоге, а дружину его овех изби, а другиа засу в яму, а иные истопаша в реце, а князь Ондрей прибеже к Мурому и оттоле Суждалю" (Львовская летопись)⁴⁵. В 1155 г. Рязань укрепляет свое положение политическим союзом со Смоленском: "Ростислав Мьстиславичь, Смоленский князь, целова хрест с братьею своею, с Рязанскими князи на

всей любви, они же вси зряху на Ростислава, имяхути и отцем собе"⁴⁶. По мнению А.Л.Монгайта, концовка могла относиться не к смоленскому князю, а к Ростиславу Ярославичу, на которого "зряху" все рязанские удельные князья, признававшие его старшим⁴⁷.

Тезис о полном вассалитете Рязани по отношению к Суздальской земле не может быть полностью принят и для последующего периода, когда рязанский стол занял Глеб Ростиславич (умер в 1178 г.). Он действует не как лояльный вассал "суздальских самовластцев", а выступает деятельным и мужественным, хотя и недостаточно благоразумным правителем. Походы рязанских ратей в составе войск Андрея Боголюбского и его сыновей на половцев и волжских булгар соответствовали общим интересам борьбы со степью и булгарами, нападавшими на муромские и рязанские владения. А после гибели Андрея Боголюбского в 1174 г. рязанцы вступили в ожесточенную борьбу против восстановления во Владимиро-Суздальской земле сильной власти: после убийства Андрея собравшаяся во Владимире дружина "Суздальской земли" прямо заявила: "Суть князи Муромские и Рязанские близь в суседах, боимся лести их, еда поиду изъязепа ратью на нас, князю не сущю у нас"⁴⁸. Суздальские и владимирские дружинники обоснованно опасались агрессивных действий коварного и могучего южного соседа (Ипатьевская летопись передает это место как "боимся мьсти их"⁴⁹).

Послы Глеба пытались утвердить выгодную для Рязани кандидатуру на владимирском столе. Глеб и его ставленники повели себя на северо-востоке, как в завоеванной стране: сюда отправили рязанскую рать, ограбили Успенский собор во Владимире, причем захватили такие местночтимые святыни, как знаменитый образ Богоматери и любимое оружие князя Андрея — меч святого Бориса. В борьбе с занявшим владимирский стол Всеволодом III Глеб сжег Москву (осенью 1177 г.), разгромил Подмоскowie, но, проиграв битву на р. Колокне, попал в плен вместе со своими "думцами" и вскоре кончил дни во владимирской темнице. В дальнейшем Всеволод активно вмешивался в рязанские дела (1180 г.), умело используя раздоры местных князей, а во время военных действий в 1187 г. "поимаша все власти и села Рязанская и всю землю ту пущу створиша, пограбиша и пожгоша, и полон много поимаша"⁵⁰. Опустошение Всеволодом Рязани в 1208 г. находит археологические подтверждения: если верхний слой пожара связан с 1237 г., то нижний слой, прослеженный по всему городищу, — свидетельство взятия города "на щиг" ратями Всеволода III. Сгорели и оборонительные стены и постройки, вскоре восстановленные на тех же местах. А в 1218 г., когда Владимировичи вместе с множеством половцев напали на Рязань и "бишася крепко", они потерпели поражение от собравших рязанским князем Ингварем войск⁵¹.

Как показывают археологические исследования, дробление на уделы, частые междоусобные войны, за исключением событий 1208 г., мало отражались на повседневной жизни города. С середины XII в. и вплоть до монгольского нашествия большое, богатое княжество с сильным войском и поголовно вооруженным народом, с энергичными, жестокими и не гнушавшимися в средствах, державшимися независимо князьями, заключавшими союзы: соглашения то со Смоленском, то с Черниголом или половцами, представляло собой грозную силу.

Закладка столичного города при Ростиславе Ярославиче (в 1153 г. он "созда во имя свое" город Ростиславль на Оке) совпала со смутами на Рязани (1146-1154 гг.), так что основные градостроительные работы, видимо, развернулись в начале правления его сына Глеба — в конце 50-х — начале 60-х гг. XII в. Судя по планировочной структуре города, тщательной продуманности всех его элементов, в Рязани, как и позднее в государственной градостроительной

практике XVI-XVII вв., все составные части — фортификационные сооружения, ансамбли площадей с храмами, административные здания — освящались и закладывались одновременно. Представители духовенства освящали въезды в город, откуда шли грунтовые дороги в направлении соседних городов и сел. Городовые мастера намечали трассировку улиц — прямых и достаточно широких магистральных артерий, ведущих к главным воротам. Более узкие, зачастую кривые улицы, вливавшиеся в сложные по конфигурации площади, также выводили к воротным башням. Между дворами имелись и переулки, иногда кончавшиеся тупиками.

По всей вероятности, межевание участков, нарезка дворовых мест жителям производилась представителями администрации. На отведенных им землях внутри укреплений новые владельцы строили становившиеся наследственными усадьбы. Одновременно с частным велось и государственное строительство "осадных дворов" для сельского населения — клетей, примыкавших к городным стенам. Между укреплениями и жилой застройкой предусматривались противопожарные зоны. Одновременно с укрепленной частью Рязани возникли новые слободы-посады. Сильно разросся Подол, протянувшийся до устья Черной речки. Расположенная террасами живописная застройка Подола отвечала рельефу местности. Если в западной части города планировка прибрежно-линейная, с элементами регулярности, то на Подоле она — линейно-кучевая, что обуславливалось изрезанностью рельефа. При межевании участков под селитьбу одновременно распределялись между жителями пашни, покосы, выгоны для скота. Места под гумна, огороды, сады отводились и в пределах укреплений. Еще в XVI-XVII вв. город в представлении властей должен был быть самообитаемым: обрабатывая собственные земельные наделы и разводя "животину", его обитатели, по идее, не нуждались в государственном жаловании.

В последней четверти XII — первой трети XIII в. градостроительная композиция Рязани обретает черты законченности. Вместе с развитием стольного города формируются сельские поселения, визуально связанные с архитектурными доминантами Рязани — вплоть до Ново-Ольгова городка, крепости в устье Прони, рязанского военного плацдарма с южной, лесостепной, стороны. Это — важный стратегический пункт обороны на ближних подступах к столице. Если смотреть с севера, с высоты Соколиной горы, открывалась панорама города и уходящих вдаль береговых круч с разбросанными по ним селами и Ольговым городком с церковью — на самом горизонте в излучине Оки. Нижний ярус городского ансамбля составляли ограды и частоколы с воротами, хозяйственные строения, придорожные кресты и часовни; средний — жилые дома, простые или сложные по плану, а у зажиточных хозяев с горницами, теремами, и домовыми храмами, и, наконец, верхний ярус — вежи крепостных стен и главные ориентиры, венчающие городской ландшафт, — деревянные и каменные церкви.

Рязань становится материнским городом — метрополией, откуда начинается продвижение в еще не освоенные районы. От нее протягивается цепь населенных пунктов вдоль Оки. Судя по вещевым материалам селищ, городские низы трудно отделить от деревенского населения, сконцентрированного вблизи городов. Под "рязанцами" в XI-XII вв. разумели не только горожан, но и сельских людей; жители деревни из свободных общинников входили в состав народного ополчения — "воев". Город и близлежащие села составляли единый хозяйственный комплекс, что подтверждает и их топография.

Вместе с освоением сельского микрорегиона развивалась и сеть сухопутных дорог ("куда топор, соха и коса ходили"): ближайшие населенные пункты к югу от Рязани связывались тропами, проходящими вдоль кромки воды, и

прямым, существующим до сих пор проселком, по верху плато, к востоку от поселений. Он проходит по касательной к верховьям оврагов, длиной от 0,7 до 1,5 км. От этой дороги в местах поселений XII-XIII вв. отходили удобные спуски к Оке.

ЦЕРКОВНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Вместе с образованием Рязанского княжения его столица становится средоточием христианской культуры, что нашло отражение в создании почитаемых всей землей храмов. Связанные с деятельностью сановников церкви — шедеры древнерусской архитектуры в глазах средневековых горожан становились главными святынями, в которых нашли воплощение духовные и эстетические устремления эпохи. "Превидные" церкви, поражающие современников "величием и высотой, и светлостью, и звоном, и пространством", обеспечивали городу божье покровительство, становились его духовными центрами, символами суверенитета городской общины. Всякий почитал за честь вложить свою долю труда в богоугодное дело строительства храма.

Судя по хронологии найденных на городище культовых предметов — каменных и металлических крестиков-тельников, энколпионов и нагрудных крестов, глубокое воздействие христианства на формирование духовной культуры обитателей Рязанской земли началось только со второй половины XII в. Процесс христианизации Рязанщины связан с постоянным притоком переселенцев из Среднего Приднепровья. В массовом народном сознании новая религия не столько вытеснила, сколько вобрала в себя мощный слой фольклорных языческих верований. Магическая обрядность продолжала отражать насущные потребности человека древней Руси, далекого от богословских тонкостей и сложных православных догматов, доступных лишь образованному клиру.

И в политическом и в церковном отношении Муромо-Рязанская земля с середины XI в. тесно взаимодействовала с Черниговом, входила в состав Черниговской епархии (под 1187 г. в летописи сказано: "Бе бо тогда еще Рязань и Чернигов едина епископия"⁵²).

Первые выстроенные из кирпича храмы Рязани — "церковь соборная пресвятой Богородицы" (Успенский собор, первое упоминание под 1237 г.) и Борисоглебский собор в честь "сродников" и святых покровителей рязанских князей (первые упомянут под 1194 г.) — созданы по черниговским образцам. Вероятно, оба храма построены черниговскими строительными артелями — "лужинами", прибывшими по приглашению рязанского князя в конце 50-х — начале 60-х гг. XII в., в начале правления Глеба Ростиславича. Таким образом, закладка обеих церквей происходила одновременно с фортификационными работами. Вряд ли можно согласиться с Г.К.Вагнером, который относит постройку Успенского собора ко времени княжения Ростислава Ярославича — к концу 40-х — началу 50-х гг. XII в.⁵³, то есть к разгару усобиц в Рязанской земле.

При основании стольного города его центр был создан в юго-западном районе, ближе к Южным въездным воротам. От этого важного узла в системе укреплений начиналась одна из главных улиц, которая пересекала город с юга на север по направлению к Спасским воротам Среднего города. В 200 м от Южных ворот спланировали главную — "Вечевую" площадь. По ее сторонам на набережной выстроили главный княжеский храм Рязани и усыпальницу ее князей, патрональный храм Глеба Ростиславича — Борисоглебский собор, а с противоположной стороны — "великую церковь", "церковь Успения пресвятой владычицы Богородицы", общегородской кафедрал — Успенский со-

бор, где хранилась икона пречистой. Расстояние между церквями — свыше 200 м, так что площадь, где раскопки показали отсутствие культурного слоя, занимала обширную территорию. От главных уличных артерий, проходивших через площадь от Южных ворот к Спасским и Рязским (негласно называемых Пронскими), отходили узкие улицы и проезды к церквям и воротным башням западной стены, подобные улице, открытой на р.13. Сложный по композиции ансамбль площади с ее храмами, теремными дворами "нарочитых мужей" — бояр (р.14) и усадьбами рядовых горожан, с уходящими перспективами улиц представлял впечатляющую картину.

Успенский собор, возведенный черниговскими "здателями", где служил местный священнослужитель, а после образования рязанской епископии — епископ, где происходили церемонии возведения князей, их бракосочетаний и другие торжественные ритуалы, обнаруживает сходство с черниговским Борисоглебским собором, галереи которого пристроены позднее. По нашему мнению, существующий храм, отреставрированный Н.В.Холостенко, судя по белокаменным капителям романского стиля, относится ко второй половине XII в., а фундаменты более древнего здания, вскрытые под ним, — остатки одноименной церкви, упомянутой в "Слове о князьях" под 1123 г. Развитие нартексы, как в Успенском, так и в Борисоглебском соборах Рязани, связывают с ранним периодом христианизации: здесь размещались люди, еще не принявшие христианства — "оглашенные". С точностью удалось установить время закладки Успенского храма. При разбивке на земле плана здания продольную ось ориентировали на восток, под которым понимали не географический восток, а направление на первый луч восходящего солнца. Зная азимут продольной оси церкви, магнитное склонение и географическую широту местности, по таблицам определяют день, когда солнце встало в данной точке. Ось Успенского собора всего на три дня не совпадает с праздником Успения Богородицы 15 (28) августа, когда закладывали храм⁵⁴. Поскольку с почитанием Божьей матери связывали убеждение в ее охранительной роли по отношению к городу, княжеству, Успенские соборы по традиции становились общегородскими кафедральными, где находилась кафедра епархиального архиерея.

При создании Борисоглебского собора его образцом, как отмечено Г.К.Варнером и К.Н.Афанасьевым⁵⁵, стал Успенский собор Елецкого монастыря в Чернигове, почти точный аналог рязанскому храму, вплоть до наличия в южной части нартекса самостоятельной часовни с полукруглой апсидой. Вероятно, оба памятника созданы силами одной артели. В обеих церквях часовня служила усыпальницей и крещальней (в южной стене черниговской часовни размещена аркосольная ниша, а в апсиде найдены обломки купели). Датировка собора Елецкого монастыря первой половиной XII в., а тем более его первой четвертью, представляется ошибочной. Едва ли он намного старше Борисоглебского, датировка которого 60-ми гг. XII в. подтверждается белокаменной резьбой, выполненной по романским образцам, причем французские аналогии (статуи царей и пророков) голове бородатого мужчины принадлежат именно 60-м гг. XII в.⁵⁶ О временной близости обоих рязанских соборов свидетельствует сходство их планов (правда, в Успенском отсутствуют притворы), одинаковые размеры кирпичей, строительная техника и детали декора, общие черты в пропорциональном построении. Фрагменты скульптурного декора Борисоглебского собора относят к обрамлению портала или, что менее вероятно, окна.

В Рязани культ Бориса и Глеба пользовался особой популярностью. Вероятно, главной святыней Борисоглебского храма почитали икону с образами этих молебников пред Богом о благоденствии Русской земли. Вернувшись в разоренную Батыем Рязань, Ингварь Ингваревич взывает к заступничеству

Богородицы, к помощникам в битвах — Борису и Глебу. Поскольку Глеб правил в Муроме, его чтили как избранного, местночтимого святого, предшественника муромо-рязанских князей и их личного патрона. Если на шиферной иконке первой половины XIII в. из ризницы Солотчинского монастыря Борис и Глеб представлены ратниками в боевых доспехах и с мечами, то на медальонах драгоценных ожерелий-монист из кладов 1822 и 1970 гг. они изображены в образах мучеников — с крестами и без воинских атрибутов — как чудесные врачеватели и страстотерпцы, которым ниспослана от Бога "благодать целебная в стране сей". В сочетании с процветшими крестами, символами вечного обновления и бессмертия, образы тех, кто "горести и болезни отгонял, страсти злые исцелял", служили действенными амулетами. В народных представлениях идеализированные в церковной традиции князичи, олицетворяя победу добра над злом, непотребление насилию и кротость, а в воинской среде — идеалы героизма в битвах с иноплемениками, превратились в хранителей от болезней и бед. Коллективное подсознание, эмоционально-психический склад русских людей XII в. порождали глубоко личностное отношение к канонизированным образам первых русских святых, дававших "печальным утешение, гонимым избавление".

Если до конца XII — начала XIII в. Борисоглебский собор оставался княжеским придворным храмом, усыпальницей князей и их родичей (под 1194 г. Никоновская летопись сообщает о погребении рязанского князя Игоря Глебовича "во граде Рязани в церкви камене святых мученик Бориса и Глеба"⁵⁷), то после отделения Рязани от Черниговской митрополии и создания самостоятельной епархии положение изменилось. По сообщению В.Н.Татищева, в 1198 г. "Ярослав, князь Рязанский, по согласию с братьями просили великого князя Рюрика и Митрополита, дабы область Рязанскую от епархии Черниговской отделить, и поставить в Рязань особого епископа, и как князь Великий соизволил, избрали игумена Арсения, и послали к митрополиту Иоанну, его же митрополит поставил сентября 26 дня"⁵⁸. Рязанский епископ Арсений, поставленный с согласия князя киевского и тамопольского митрополита, впервые упомянут в Лаврентьевской летописи в 1207 г., затем — в 1212 г.⁵⁹ Становится понятным, почему рязанская епархия называлась Борисоглебской, о чем известно из "Повести о Василии Рязанском" (списки не ранее XIV в.)⁶⁰. На рубеже XII-XIII вв. княжеский патрональный Борисоглебский собор стал местопребыванием епископской кафедры и усыпальницей рязанских архиепископов.

Утверждение Рязанской епархии как самостоятельного церковного центра связано с усилением Рязанского княжества, ростом его населения, развитием волостных центров. По каноническим правилам русской церкви, новые епархии разрешалось открывать в политически и экономически развитых местностях, "когда это угодно первому столынику (князю) и когда желают того местные жители". После смерти в 1212 г. Всеволода III ослабились противоречия рязанских и владими́ро-суздальских властителей. Внешнеполитическая обстановка, несмотря на распри удельных князей, относительно стабилизировалась.

О том, что бывший княжеский собор стал центром Рязанской Борисоглебской епархии и главным очагом образованности, говорят граффити XII-XIII вв. на фрагментах фресок из западного притвора Борисоглебского храма. "Характер эпиграфического материала: книжные орнаменты, греческая скоропись, фрагменты хозяйственных записей, в которых оговаривается время получения торговой пошлины, и особенно учебная таблица по расчету пас-

ханий выделяет Борисоглебский храм из обычных церковных построек⁶¹. Именно в епископской резиденции образованные книжники, знавшие греческий язык, собирали церковные хозяйственные документы и производили сложные календарные расчеты, здесь обучали письму и переписывали рукописи, украшенные орнаментами и инициалами из переплетающихся лент. Многие граффити, обнаруживают руку профессиональных писцов и художников-миниатюристов, причастных к "строению книжному". При рязанской епископской кафедре, очевидно, вели и рязанские летописные записи, которые появляются более или менее систематически только с конца XII в., то есть со времени создания Рязанской епархии. "По-видимому, происхождение многих из ... известий конца XII — начала XIII в. можно связывать с Рязанью или Муромом ... Точность и конкретность отражения событий XIII в. свидетельствуют о значительной непрерывности летописных записей в Рязани в то время"⁶².

После учреждения епископии и передачи Борисоглебского собора рязанскому архиерею князьям потребовался новый придворный храм. На рубеже XII-XIII вв. был построен монументальный Спасский собор, к которому перешли функции княжеской церкви. Впервые он упомянут в летописи под 1258 г.: "Преставися князь великий Олег Рязанский, постригся во иноческий образ и в схиму, на страстной неделе в среду, и положен бысть в церкви святого Спаса"⁶³. Действительно, в Спасском соборе при раскопках А.В.Селиванова открыты монументальные погребения. В развившемся на древнерусской почве культе Спаса одной из главнейших являлась функция заступничества от врагов.

Спасский собор в северо-западной части Столичного города "был возведен не только под руководством смоленского зодчего, но, видимо, даже силами смоленских мастеров-каменщиков"⁶⁴. Об этом свидетельствует почти полное тождество архитектурной композиции и строительных приемов памятника с композицией и строительной техникой некоторых храмов Смоленска. Спасский собор наиболее близок по плану смоленской церкви архангела Михаила, заложенной между 1180-1190 гг. Давидом Ростиславичем (умер в 1197 г.). В отличие от зданий черниговской школы середины XII в. памятник принадлежал к новому направлению в развитии русской архитектуры. На смену вытянутым с запада на восток храмам со спокойным ритмом закомар и массивной главой в конце XII в. приходят церкви ступенчато-башнеобразной композиции, с подчеркнутой остротой силуэта, сложнопрофилированными пучковыми лопатками и богатством декоративной обработки фасадов. Новизна и своеобразие архитектурного облика смоленских храмов привлекали к ним внимание богатых заказчиков. К началу XIII в. среди земель, независимых от Киева, одним из самых сильных выступало Смоленское княжество, связанное с Рязанью давними союзническими отношениями.

Безусловно, и в укрепленной части города и в его посадских частях существовали рубленые деревянные, "построенные миром" церкви, пока не обнаруженные. О местах деревянных культовых построек можно предположительно судить по расположению кладбищ второй половины XII — первой трети XIII в. с чисто христианским обрядом погребения. Если допустить, что на месте братских могил 1237 г. существовали кладбища, что подтверждается некоторыми захоронениями нижнего горизонта, то церкви могли срубить в Засеребрянье — на Соколиной горе, на Подоле (р.21), в центральной и юго-западной части Среднего города. Именно эти точки, возвышаясь над окружающей местностью, идеально слиты с пейзажем. Подходящее место для стоявшей церкви или часовни — перекресток дорог вблизи Рязанских ворот, где открыто христианское кладбище. Можно предполагать, что на исконно "церковной земле" у подножия Крома, где сейчас красуется построенная в 1735

г. Преображенская церковь, а в XVIII-XVIII вв. существовал Благовещенский мужской монастырь, упраздненный при Екатерине II, в домонгольское время находился небольшой монастырь с деревянными строениями.

В писцовых книгах XVII в. упомянуты следующие деревянные церкви в Старой Рязани: Преображения, или Спасская (возможно, на Северном мысу, где по крайней мере с XVII-XVIII вв. и до сих пор функционирует кладбище), Борисоглебская городищенская — к юго-востоку от древнего Борисоглебского собора и Рождества Богородицы (недалеко от Успенского собора ?). Нельзя забывать и о домовых церквях в боярских хоромах.

Остальные городские кладбища со второй половины XII в. связаны с каменными храмами: в арколиях притворов и западных частей зданий хоронили представители знатных семейств.

Итак, вместе с превращением Рязани в стольный град ее князья, стремясь к усилению власти и в связи с христианизацией населения, приступают к созданию храмов — общегородского центрального собора княжества, посвященного пресвятой Богородице, и патрональной церкви "в свое имя" и на своем дворе. Поскольку Рязань не имела традиций монументального зодчества, обращаются к опыту "храмоздателей" черниговской архитектурной школы. Черниговские "делатели" строят два кирпичных храма с резным белокаменным декором — сочетание, типичное для церквей Чернигова, причем романизирующие мотивы белокаменной пластики не позволяют датировать всю группу памятников ранее второй половины XII в. Позднее появились зодчие из Смоленска, поставившие по княжескому заказу придворную церковь во имя Спаса: странствующие строительные артели способствовали обмену техническими и художественными достижениями, выработке общерусских архитектурных образов.

ЧИСЛЕННОСТЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (опыт демографического анализа)

После основания Столичного города общая площадь внутри пояса стен вместе с Кромом и Средним городом достигла 65-66 га. Максимальная площадь Подола и посадов достигла 27 га. Следовательно, заселенная территория ко времени монгольского нашествия составила около 93 га. Коэффициент плотности застройки составлял примерно 60%, так как следует исключить площади, улицы, противопожарные зоны, огражденные церковные владения, земельные угодья и "задворные строения" — хозяйственные постройки вне усадеб.

Таким образом, если занятое дворами пространство составляло около 60 га при средней площади двора в 400 м², то в городе окажется 1400-1500 домохозяйств. При размерах семьи в 4-5 человек получится, что в предмонгольское время в Рязани проживало от 6 до 8 тысяч жителей.

Раскопки показали, что средняя площадь усадеб рядовых горожан Рязани, так же как в Новгороде и Киеве, равнялась 400 м². Интересно, что в XIX в. в Рязанской губ. крестьянские дворы занимали не более 100 кв. сажень (450 м²)⁶⁵. Существовали и обширные княжеские, боярские и церковные дворовладения от 1000 до 2000 м², но, в отличие от Новгорода, они целиком не исследованы. И по письменным, и по археологическим источникам основной хозяйственной ячейкой являлась экономически и юридически самостоятельная малая супружеская семья — "очаг"⁶⁶. Это не исключает межличностных отношений, основанных на родстве, соседстве, дружеских связях, что особенно характерно для семей зажиточных горожан, заботившихся об укреплении групповой солидарности. О структуре индивидуальных семейных групп в Рязани отчасти можно

судить по раскопкам некрополя второй половины XI — первой половины XII в.: погребениям супружеских пар с детьми (от 1 до 3). По исследованиям зарубежных медиевистов, такова же численность семейных ячеек в средневековой Западной Европе — Тоскане, Южной Франции⁶⁷.

В раннем могильнике Рязани женщин почти вдвое меньше мужчин; то же явление при исчислении домохозяйств-очагов отметили зарубежные историки, изучая письменные документы. По мнению многих из них, это объясняется практикой дискриминации новорожденных девочек: они были окружены меньшим вниманием, чем мальчики, хуже вскармливались. Их повышенная смертность особенно проявлялась в периоды эпидемий. Такое отношение к девочкам обуславливалось тем, что мальчики быстрее включались в процесс производства. К тому же при большом числе дочерей выделение им соответствующей доли наследства уменьшало отцовское хозяйство и имущественные права их братьев. В силу сохранявшихся традиций, рождение мальчиков родители считали более престижным⁶⁸. Новопоселенцы — нередко не создавали семейного очага: отсюда большое число в Рязани одиночных мужских захоронений.

О многолюдности города свидетельствует существование в Рязани должности тысяцкого, имевшего высокий социальный статус. Если боеспособное мужское население города насчитывало 1000 человек, то все население составляло не менее 5-6 тысяч. Эти военачальники, командовавшие народным ополчением — собственным войском города — "тысячей", в действительности могли иметь в подчинении и большее число бойцов. Летописные даты упоминания о тысяцких в Рязани (1135, 1148, 1155 гг.) относятся к начальному периоду становления столичного города. Учитывая дальнейший демографический рост Рязани с постоянным притоком мигрантов, ее население ко времени Батыева погрома значительно увеличилось. Тысяцкие имелись только в таких центрах Руси, как Киев, Белгород, Новгород, Ростов.

По западноевропейским критериям Рязань приближалась к крупному городу. Площадь городов Запада, даже столичного масштаба, редко превосходила 50-60 га. В XII в. Париж насчитывал 25 тыс. жителей, Регенсбург — 25, Кельн — 20, Страсбург — около 15 тыс.⁶⁹. Даже к XV в. значительная часть европейских городов вмещала не более 5-6 тыс. жителей, в Риме числилось только 30 тыс., в Лондоне — около 35 тыс. Население главных городов Ганзейского союза Данцига и Гамбурга не превышало 20-22 тыс. человек⁷⁰.

Количество жителей Рязани сопоставимо с такими центрами земель-княжений, как Полоцк (в XIII в. не более 7-8 тыс. человек; в Витебске — 3-4 тыс.)⁷¹. Население Кисля, определенное в 45 тыс. жителей⁷², — цифра явно фантастическая.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РЯЗАНЬ: ВТОРАЯ ВОЛНА

После образования Рязанской земли-княжения ее столичный град становится мощным центром притяжения для пришедшего населения, главным образом из Киевского и Черниговского княжеств. В отличие от первого периода истории города, главными инициаторами привлечения поселенцев становятся князья, заинтересованные в благоустройстве новой столицы, заселении своих владений и их хозяйственном освоении.

Рязань становится зоной с преобладанием эмиграции. В первую очередь, приглашали высококвалифицированных мастеров: градодельцев, храмоздателей, "кузнецов железу, меди и серебру", а также купцов и представителей духовенства. Их мобильности способствовали экономическая заинтересован-

ность и княжеская политика по отношению к этим профессиональным группам. Вновь прибывшие получали юридически гарантированные привилегии: безвозмездно наделялись землей, на первое время освобождались от податей, получали налоговые льготы и т.д. Как и прежде, большую массу мигрантов составлял сельский элемент, продолжалась непрерывная циркуляция населения между городом и деревней. Характерные для Средневековья переселения в поисках лучшей жизни могли происходить не без участия княжеских агентов — специальных подрядчиков, посылавшихся в наиболее развитые южнорусские области.

Направленность и интенсивность миграционного движения зависели и от политических факторов. Так, к примеру, взятие Киева Андреем Боголюбским в 1169 г. могли привести к отливу "киян" в Рязанское княжество, враждебное владимирскому "единовластцу".

Около середины XII в. усложняется социoproфессиональная структура городского населения, дифференцируется его производственная деятельность. Под воздействием христианства видоизменяется культура: сама духовная атмосфера, психологический климат становятся иными.

Динамика прироста населения зависела от многих причин и в разных социальных группах была различной: так, возрос удельный вес узко-специализированных ремесленников, что подтверждается археологически. На численность и состав жителей оказывали влияние военные действия. Прирост сельчан способствовал основанию новых и территориальному расширению старых городов. При постоянной военной угрозе, особенно в пограничных районах, происходила концентрация населения в пределах надежно укрепленных центров. Массовые передвижения органически присущи средневековой жизни, но с середины XII в. их роль отразилась даже в самих градостроительных принципах. Правители земель-княжений строят свои столицы с перспективой их будущего развития. Отсюда и размах фортификационных работ в Рязани: огромные по протяженности стены опоясали почти не заселенную на первых порах территорию — все было рассчитано на массовый приток новоселов, осознававших преимущества городской жизни. Сохраняя значение крепости, город становится центром образованности и художественного творчества, средоточием административной и религиозной жизни.

Крепостная архитектура Рязани развивается в русле южнорусского оборонного зодчества, оба первых собора возведены по черниговским образцам. Выходцы из Киевщины, Черниговщины, Переяславщины, находившиеся на Средней Оке ландшафты, похожие на родные места, естественно, не могли отказаться от традиционных типов усадеб и надворных построек. Здесь данные археологии увязываются с этнографическими параллелями. Мигранты из Среднего Приднепровья — черниговцы и "кияне", под которыми подразумевались не только жители Киева, но и Киевской земли, служили культурными посредниками для Рязани, передавая ей плоды цивилизации Византии и мусульманского Востока. Несмотря на перевороты и междоусобицы XII-XIII вв., разрушительные вторжения со стороны "поля половецкого", происходило усвоение и развитие в Рязанской земле наследия распавшейся Киевской империи Рюриковичей. Происходил цивилизаторский процесс интеграции южнорусских и рязанских земель, образовавших единый культурный ареал.

[Наряду с массовыми категориями вещей, находимыми при раскопках, подтверждением этого тезиса служат драгоценные украшения из рязанских кладов. Типы золотых и серебряных изделий Рязани характерны и для кладов Поросья, Кисля, Чернигова, Верхней Оки. Киевские ювелиры, законодатели

мод в женском металлическом уборе, оказали влияние на развитие в Рязани художественной обработки золота и серебра. Через посредство странствующих ремесленников и путем копирования привозных образцов это воздействие направляло произведения рязанских златокузнецов и серебряников в русло декоративно-прикладного искусства Южной Руси. Вероятно, на первых порах законодателями мод стали мастера, прибывшие с юга. Однотипность вещей свидетельствует о культурных контактах Рязани со Средним Приднепровьем, прежде всего с Киевом. Однако некоторые детали в технике и мотивах декора, своеобразный набор драгоценностей в каждом кладе находят ближайшие параллели в Рязани (а также Владимире и Суздале). Несущественные на первый взгляд атрибуционные признаки говорят в пользу местного происхождения украшений, но в сфере общерусской традиции и стилистического единства. Отмечена связь рязанских перегородчатых эмалей с произведениями Киева и Чернигова: "Рязанские мастера идут от киевских эмалей, работая в традициях Лазаря Богши, единственного, кто блестяще владел геометрической и свободной манерой рисунка перегородкой"⁷³.

В ходе демографической экспансии из Среднего Приднепровья в Рязань попадали бронзовые энколпионы и многие разновидности литых крестиков-тельников (крестики с желтой эмалью и другие). Найденные в Рязани, Киеве и Новгороде костяные рукоятки с изображением птиц скорее всего выполнены в одной мастерской. Киевское происхождение обнаруживают паникадила-хоросы, кадильницы, лампы, фрагменты которых обнаружены в Рязани. Очевидно, церковная утварь поступала из старейших центров христианизации. Миграция в Рязань квалифицированных ремесленников из Киевской и Черниговской земель не причиняла южнорусским областям заметного ущерба: переселялись мастера, не находившие себе применения в старых центрах производства и торговли, например, младшие сыновья, как это происходило в Западной Европе. Они переезжали в другие города в поисках устойчивых рынков сбыта.

В результате переселенческого движения и оживившейся со второй половины XII в. внутренней торговли из Киева в Рязань поступали предметы массового спроса. Оттуда шли стеклянные браслеты и перстни (три четверти рязанских браслетов — киевского производства)⁷⁴, стеклянная и поливная посуда, овручские шиферные пряслица, причерноморские мраморовидные крестики-"корсунчики", поливные яйца-писанки со скобковидным узором. К привозному оружию относятся бронзовые булава, кистень, перекрестье рукояти сабли, некоторые предметы снаряжения всадника и верхового коня.

Из Среднего Приднепровья в Рязань попадали несколькими главными путями. Один из них, более ранний, вел из Киева вверх по Днепру до Смоленска, отсюда — в район Верхней Волги, а затем по Нерли через Суздаль — к Мурому на Оке. Прямой дороги со стороны Клязьмы на Рязань не было ввиду непроходимости лесного Мещерского края. По этой магистрали с середины XI в. осуществлялись связи Рязани со Смоленском и по Западной Двине с Полоцком и Юго-Восточной Прибалтикой.

Около середины XII в. в связи с усилившейся борьбой Владимиро-Суздальского и Рязанского княжеств приобрела особое значение другая транспортная артерия. Важнейшей водной дорогой для связи с Киевом-Черниговом стали Десна — Угра — Верхняя Ока. К той же системе коммуникаций принадлежала Москва-река, по которой плыли в Рязань через Коломну и Переяславль-Рязанский.

С другим колонизационным потоком связывая донской путь, который, так же как и верхнеокский, проходил "сквозе вятичи". С Дона поднимались по

р. Воронежу, Рясе и далее по рекам Хупта, Ранова спускались к Проне. Эта водная дорога подробно описана в наказе великого князя Рязанского Иоанна III к великой княгине Агриппине в 1502 г.⁷⁵. Функционировал путь из Чернигова по Сейму через Курск — к верховьям Оки⁷⁶. Именно по этим направлениям происходит продвижение в район Рязани представителей этнографической группы вятичей. Судя по датировке вятичских женских украшений, в изобилии обнаруженных при раскопках на старорязанском городище (семилопастные височные кольца развитых форм, сложновитые браслеты 2x3 и 2x4, пластинчатые загнутоконечные браслеты, решетчатые перстни, сердоликовые бипирамидальные и хрустальные шаровидные бусы, а также шарообразные из желтого стекла), широкое проникновение вятичей в Рязань началось не ранее второй половины XII в. По заключению Т.И.Алексеевой, "антропологически старорязанцы сходны с вятичами, но, в отличие от последних, более брахицефальны, широколицы, с менее выраженным рельефом черепа и с более выступающим носом, т.е. они отличаются от сеньского населения, каковым в данном случае являются вятичи, в том же направлении, в каком отличаются средневековые горожане от своих сельских родичей в любой племенной группе славян".

О пребывании в Рязани выходцев из Новгорода говорят находки полых коньковых подвесок-амулетов⁷⁷, изготовлявшихся в технике литья по восковой модели с конца XII в.⁷⁸. О связях с городскими центрами Владимиро-Суздальской Руси свидетельствует ажурная птицевидная подвеска с шумящими "лапчатыми" привесками; другая птицевидная подвеска с прорезью на месте крыла, вероятно, происходит из Новгородской земли. Массивная коническая привеска типична для шумящих украшений финно-угорских племен Приладожья и Белозерья⁷⁹. К тому же кругу вещей относится бутылковидная привеска, характерная для зооморфных украшений поволжских финнов, а также шумящая подвеска с бубенчиками. Из прибалтийского пограничья происходит крючок от поясного набора с лошадиными головками на концах. Судя по небольшому числу металлических украшений, можно констатировать, что во второй половине XII-XIII вв. приток в Рязань выходцев из северо-западных областей Руси и района костромского Поволжья, в отличие от предыдущего периода (кривичская колонизация), был незначителен. Напротив, экономические связи, особенно торговля хлебом с Новгородской землей, заметно оживились.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ

С образованием независимой Рязанской земли-княжения происходит установление различий сословно стратифицированного общества. Широкомасштабные раскопки помогли воссоздать топографию города, размещение разных социoproфессиональных и имущественных групп в его стенах и предместьях. Оказалось, что социальная дифференциация почти не отразилась в планировке: боярские дворы и усадьбы ремесленников соседствуют друг с другом, хотя аристократические и церковные владения обнаруживают явное тяготение к прибрежной части Рязани, ее "набережной".

Несмотря на то, что расслоение обозначено гораздо резче, чем в предшествующую эпоху и размежевание знати с демократическими кругами углубляется, резкого антагонизма между различными общественными группами не наблюдается, что, разумеется, не исключало возникавших противоречий. Дружинная верхушка во главе с князем участвовала в военных походах и

дипломатических миссиях, купечество разъезжало по торговым делам, тогда как средний слой ремесленников, связанных с личным участком земли, проявлял стремление к оседлости, ориентируясь на свой дом и свое дело. Как продемонстрировали раскопки, в Рязани преобладало среднесиmuцес население из ремесленников и торговцев; число богатых невелико. Независимо от социального статуса, горожан объединяли чувство гордости за свой город, стремление возвыситься над другими городами. Как "ленные люди", так и "черные" спланировались из единой духовной основе христианства. Народ как действительная политическая сила принимал участие в приглашении князей на стол или сгоме их со стола, существенно ограничивал их власть. Подчеркивая равенство сторон, князья, обращаясь к низам, часто пользовались словом "братие", "братья"⁴⁰.

Социально-топографическая реконструкция, ставшая возможной благодаря исследованию широкими площадями групп соседних дворов, показывает, что огороженные усадьбы "вятих" и "меньших" людей как пространственно-цельные домохозяйственные единицы находились в полной собственности владельцев, что противоречит разработанной В.Л.Яниным "новгородской модели". Но, как и в Новгороде, в Рязани прослежена стабильность частных усадебных комплексов: сгоревшие постройки восстанавливали на том же месте, хотя иногда менялось их назначение. Так, на месте засыпанного подполья наземного дома построили мастерскую по выплавке железа. Независимо от сословной принадлежности, жители Рязани составляли нечто вроде корпорации землевладельцев, которым в совокупности принадлежала территория города и его угодья. Естественно, что владельцы значительных состояний селились в укрепленной части города, но каких-то обособленных кварталов не имели. Рушатся хрестоматийные представления, основанные на теории борьбы классов, о социальной топографии древнерусских городов, где высшие слои общества якобы резко отделялись от массы рядового свободного населения — "людей". "Муж" — дворовладелец нес ответственность перед городской общиной и княжеской властью за исправную уплату даней, участие в строительстве и ремонте укреплений, мощении улиц. Он не мог остаться в стороне и от военных дел.

Княжеский двор. Место княжеских хором в Рязани до сих пор не обнаружено. По всей вероятности, это был комплекс деревянных зданий с высокими теремными строениями, подобными открытым на р.14. Существовали и загородные резиденции князей. Высокая подвижность военных вождей со своей дружиной — профессиональными воинами, высшими чинами окружения — боярами и челядью не способствовала созданию монументальных дворцов, подобных замку Андрея Боголюбского. В отсутствие князя и дружинников город защищало народное ополчение — "тысяча", состоявшее из всех боеспособных горожан и селян — "воев". О массовом вооружении населения говорят находки на территории рядовых усадеб: спекшаяся от огня кольчуга, конья и метательные дротики-сулицы, хозяйственные и боевые топоры, рукоять сабли, бронзовая и железная булавы, кистени, огромное количество наконечников стрел, в том числе арбалетных. Владение оружием — неотъемлемое право каждого свободного. Именно "простая чадь" встала на защиту Рязани в декабре 1237 г. уже после разгрома княжеской дружины на р. Воронеже. Отчасти этим можно объяснить отсутствие в раскопках дорогого дружинного оружия "мужей хоробствующих" — мечей и шлемов. Городское ополчение под руководством воевод и тысяцких выступало не только "оружно", но и "конно". Удилья, костяные накладные седла, стремяна, шпоры, наконечники плетей свидетельствуют об усилении роли конного войска в боевых действиях с середины

XII в. Некоторые детали снаряжения всадников (оправки седла, наконечники плетей) и оружие (кистени, наконечники от колчанов), вырезанные из кости, отражают влияние кочевнических образцов, что закономерно для Рязани, тесно связанной с половецким миром.

Можно предположить, что "княж двор" до 1198 г. располагался рядом с княжеским Борисоглебским собором — к северу или югу от храма, так как к западу (траншеи) и к востоку (р.15) его следов не обнаружено. Не исключено, что и дальнейшие работы вокруг храма не дадут результатов: культурный слой на этом участке сильно пострадал. На месте собора, раскопанного Д.Тихомировым в 1836 г., в 1886 г. построили часовню, а в 1913–1914 гг. на средства помещицы Стерлиговой соорудили громадный кирпичный храм, окончательно похоронивший под собой остатки памятника XII в.

В пользу местонахождения княжеского двора в пределах очерченной территории свидетельствует общая топографическая ситуация: к юго-западу от собора открыт район "бояр и слуг", представителей княжеской военной и хозяйственной администрации (р.14), а к востоку от патронального храма рязанских князей, места их последнего упокоения, вплоть до Успенского собора простиралась обширная главная площадь города. Именно здесь должно было собираться вече, орган мирского самоуправления. О его существовании в Рязани узнаем из Лаврентьевской летописи: в 1177 г. рязанцы "сдумаша", т.е. собрались на вече, выдали Всеволоду Юрьевичу враждебного ему Ярополка, укравшегося в Воронеже. По другому летописному сообщению, "рязанцы вси" "сходились на думу" в 1207 г.⁴¹ На вече обсуждали вопросы войны и мира, санкционировали сборы средств для военных предприятий и собирали народное ополчение, распоряжались финансовыми и земельными ресурсами княжества. Во главе с князем и его советом вече принимало участие в обсуждении законодательства, смещало негодную администрацию. На той же площади вершился княжеский суд, происходили многолюдные ярмарки.

О дипломатической деятельности княжеской администрации и существовании архива документов в пределах княжеского двора можно судить по находкам печатей: 2 из них новгородские — князя Святополка Мстиславича (1142–1148) и Ярополка Ярославича (1197), одна принадлежала Андрею — чиновнику (тысяцкому?) какого-то князя и одна — византийская, с композицией Успения — обе XII в. (рис.11).

После того как Борисоглебский собор перешел во владение Рязанской епископии, очевидно, княжеская резиденция переместилась к Спасскому собору, хотя прямые аргументы пока отсутствуют. Если ансамбль размещался со стороны главного западного портала, то он уничтожен сравнительно молодым оврагом, начавшимся от размытого рва Среднего города. В 200 м от Спасского собора, у перекрестка дорог, ведущих к Исаакиим и Рязским (Пронским) воротам, в 1822 г. найден клад золотых украшений — несомненно, часть княжеских сокровищ. Южное ответвление оврага могло образоваться и от размытой дороги-пандуса, который вел к воротам в стене и далее — к княжескому дворцу.

Боярские дворы. Особенно интересны впервые выявленные в Рязани аристократические дворцовые усадебные комплексы — "теремное строение", "дворы теремные". Эти монументальные строения, оригинальные по объемно-пространственной структуре, обогащают наши представления о деревянном зодчестве домонгольского времени. Площадь некоторых усадеб, архитектурный облик и богатство инвентаря не оставляют сомнения в их принадлежности аристократической прослойке. В 1966–1969 гг. на р.7, на самом краю обрывистого окского берега, исследован так называемый двор воеводы, органически вписанный в систему городских укреплений⁴². Заново проведен-

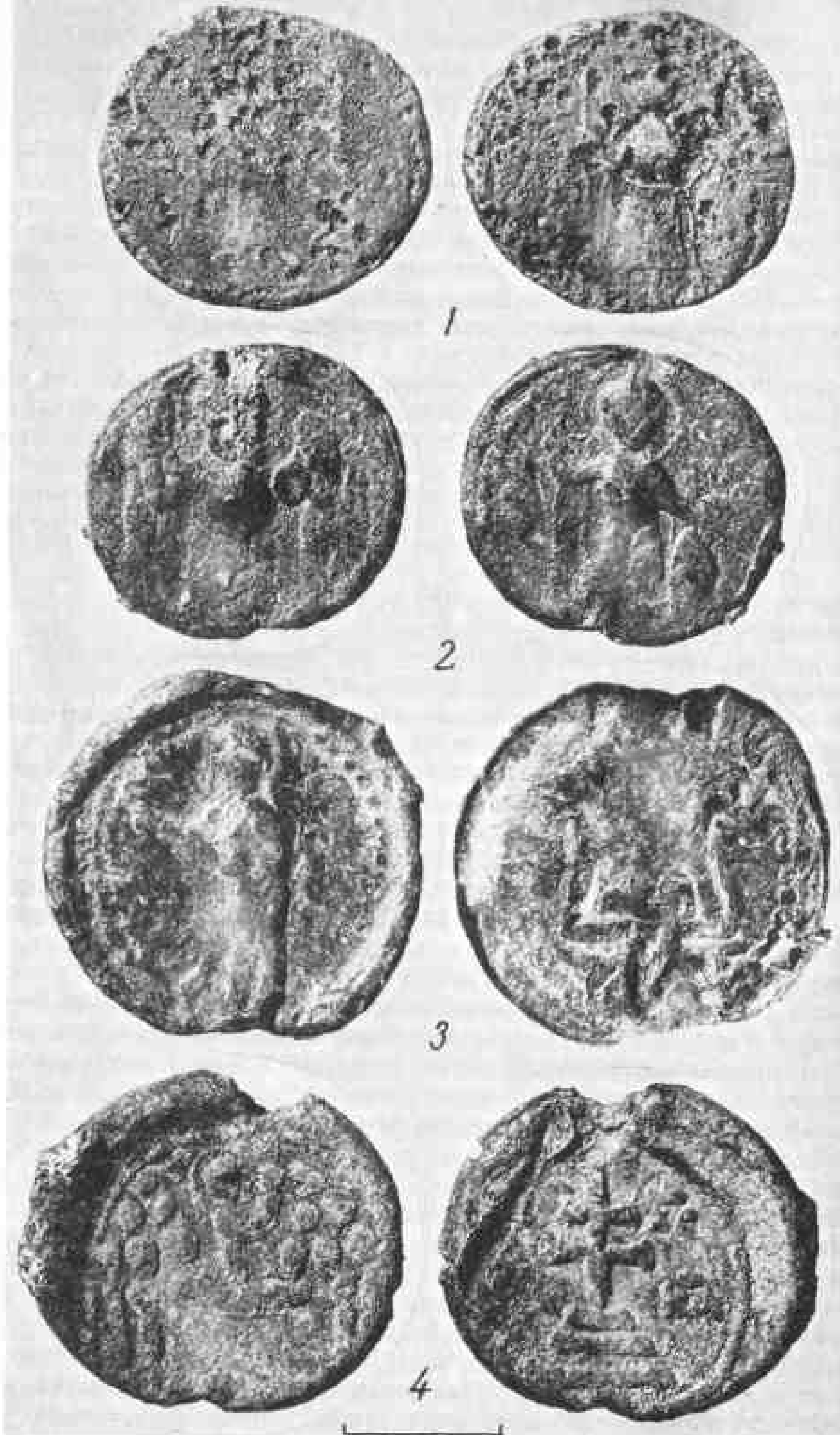

Рис. 11. Свинцовые печати, обнаруженные на Старорязанском городище: 1 — печать новгородского князя Святополка Мстиславича (1142-1148 гг.); 2 — печать новгородского князя Ярополка Ярославича (1197 г.); 3 — печать Андрея — чиновника какого-то князя (XII в.); 4 — византийская печать с композицией Успения (XII в.). Слева — лицевая сторона печатей, справа — оборотная

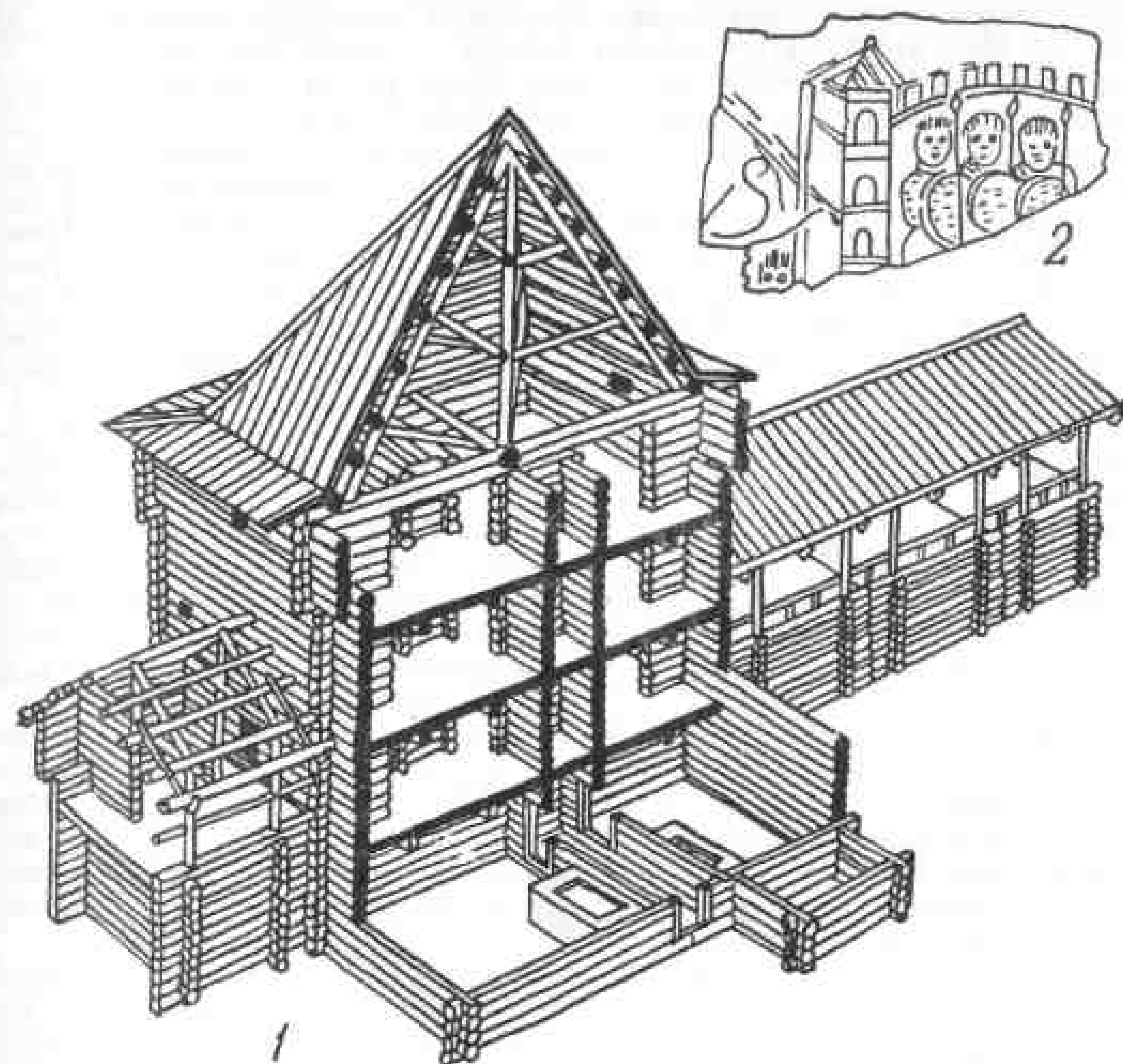

Рис. 12. Башня, связанная с жилыми помещениями, во "дворе воеводы" (раскоп 7): 1 — вариант реконструкции; 2 — медная пластинка с золотым рисунком (Киев): в систему укреплений входит трехъярусная башня под четырехскатной крышей.

ный анализ опубликованных чертежей позволил создать графическую реконструкцию комплекса (рис. 12). Главный дом, занимающий по размерам второе место в Рязани, имел башенную композицию. Первый этаж с большими кирпичными печами (2x2 м) являлся жилым. Хозяином многолюдного "замка", в котором найдено 4 клада золотых и серебряных украшений, был человек, "ратному делу искусный", о чем говорят находки оружия и предметов снаряжения всадника. Уникальна костяная подвеска с изображением князя в облике пешего воина с мечом и миндалевидным щитом. Родственные связи воеводы или тысяцкого с княжеской семьей подтверждаются находкой стеклянной вставки от перстня-печати с фигурой Георгия-воина (?), возможно, патрона рязанского князя по имени Юрий (Юрия Игоревича, убитого в 1217 г., но скорее — Юрия Ингваревича, погибшего в 1237 г.). На территории "двора воеводы" найдено днище сосуда с княжеским знаком-трезубцем.

Можно предположить, что владельцем усадьбы являлся тысяцкий — главный командир городских "воев", первое лицо после князя. Одновременно прос-

леживается его связь с интересами торговли: в Новгороде тысяцкий одновременно и председатель коммерческого суда. "Главный начальник всех, кто носил меч, был и главным судьей всех, кто торговал"⁸³. Во всяком случае какой-то представитель боярской семьи занимался торговыми операциями в отгороженном маленьком помещении — кладовке с очагом для сохранения тепла, кроме нескольких десятков замков и ключей, обнаружено скопление фрагментов стеклянных браслетов (около 500), в основном киевского производства. Осколки двух десятков стеклянных сосудов свидетельствуют о дальней торговле. В торжественных случаях обитатели двора пользовались посудой византийской (Константинополь, Коринф), ближневосточной (Египет, Кипр, Сирия, в частности город Ракка) и западноевропейской. Около трети составляют сосуды киевской работы.

Дворы, видимо, принадлежавшие представителям княжеской администрации — "боярам думающим", исследованы на р.14 в непосредственной близости от предполагаемой княжеской резиденции. Высокий социальный статус владельцев усадеб А и Б* подтверждается находками костяной печати с углубленным изображением пешего святого воина, поливной иранской и среднеазиатской художественной керамики, стеклянной посуды из византийских и ближневосточных мастерских. В нижней хозяйственной половине дома Б-3 хранились амфоры причерноморского происхождения, в которых привозили с юга вино и оливковое масло.

Если монументальный по размерам жилой дом А-1 не поддается реконструкции ввиду плохой сохранности, то две главные разновременные постройки усадьбы Б — "двора теремного" (Б-1 и Б-3) представляют собой уникальные для домонгольской архитектуры здания. Особенно нарядно выглядела постройка Б-1, по своим функциям и конструктивным признакам соответствовавшая древнерусскому терему: развитое в высоту строение с башней-столпом и арочными галереями (рис.13, 14).

Выявляется закономерность в расположении дворов знати на краю высокого окского берега, непосредственно за оборонительной стеной и, возможно, соединявшихся с ней переходами. На р.7 "двор воеводы" образует с укреплениями единое целое, но и в других случаях дома "людей начальных" возвышались над заборами стен. Топография дворов рязанской знати объясняется лучшей защищенностью этой части города, близостью реки с ее пристанями и тяготеющими к берегу местами торга, удобством наблюдения с высоты башен-веж за окрестностями, вплоть до крепости в устье Прони.

Итак, как показали раскопки, около середины XII в. в Рязани усиливается слой светской аристократии с семьями и слугами. Зависимые от княжеской власти, они несли придворную и гражданскую службу, но обладали определенной самостоятельностью, принимали активное участие в развитии торговли (особенно предметами роскоши) и художественного ремесла. Дворовые ансамбли представителей верхней социальной группы строились лучшими плотничьими артелями — отсюда сложность и разнообразие архитектурных решений.

Описания в писцовых книгах XVI в. больших господских дворов, учитывая подтверждаемую археологически консервативность деревянного, в особенности гражданского зодчества, могут дать представление и о боярских усадьбах домонгольского времени. Так, в одном из сел Белозерья находился "двор вотчинника с разными "хоромами": горница, изба воротная, погреб с

Рис. 13. "Теремное строение" (раскоп 14). Один из вариантов реконструкции. Вид с северо-запада.

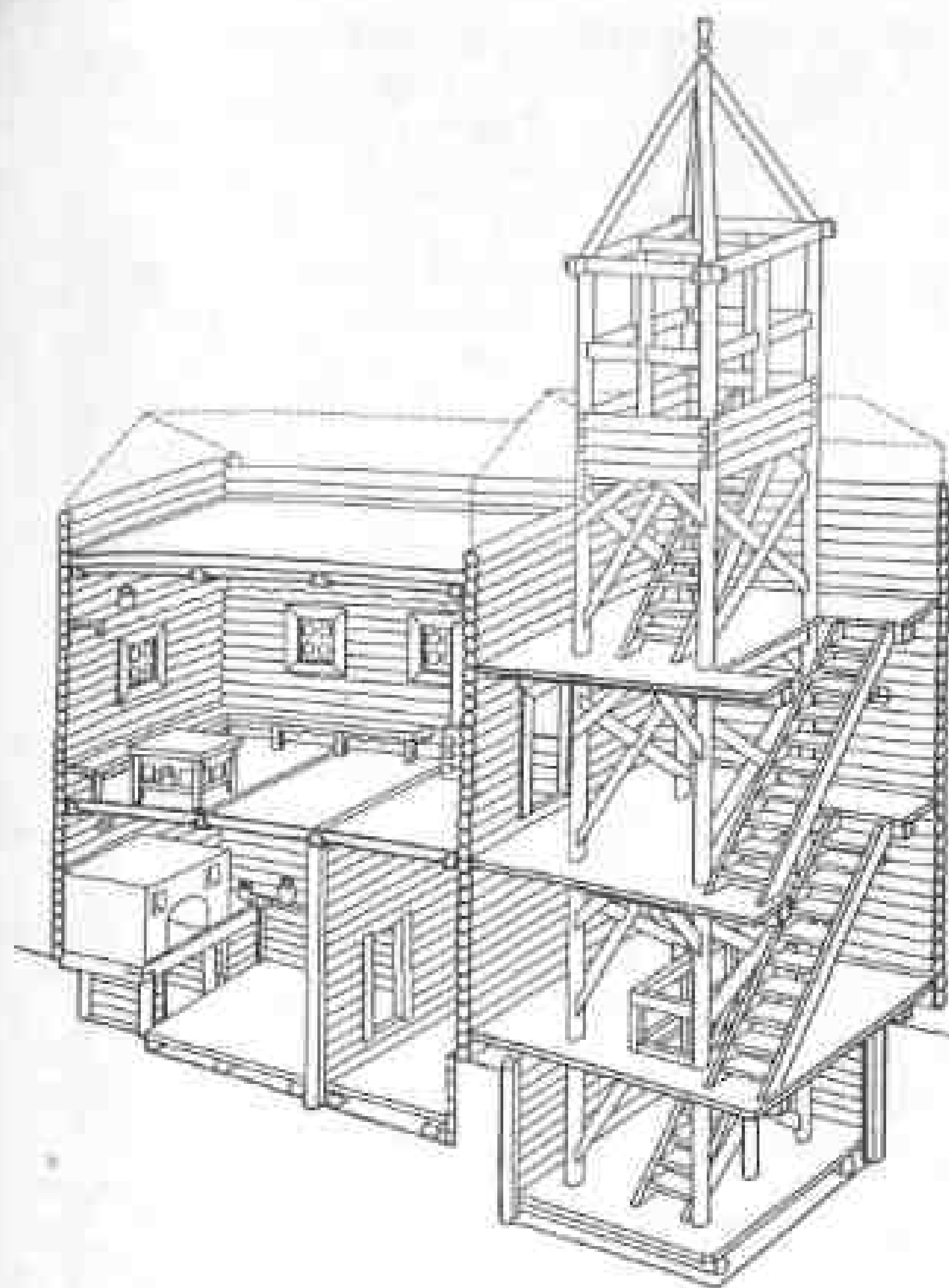
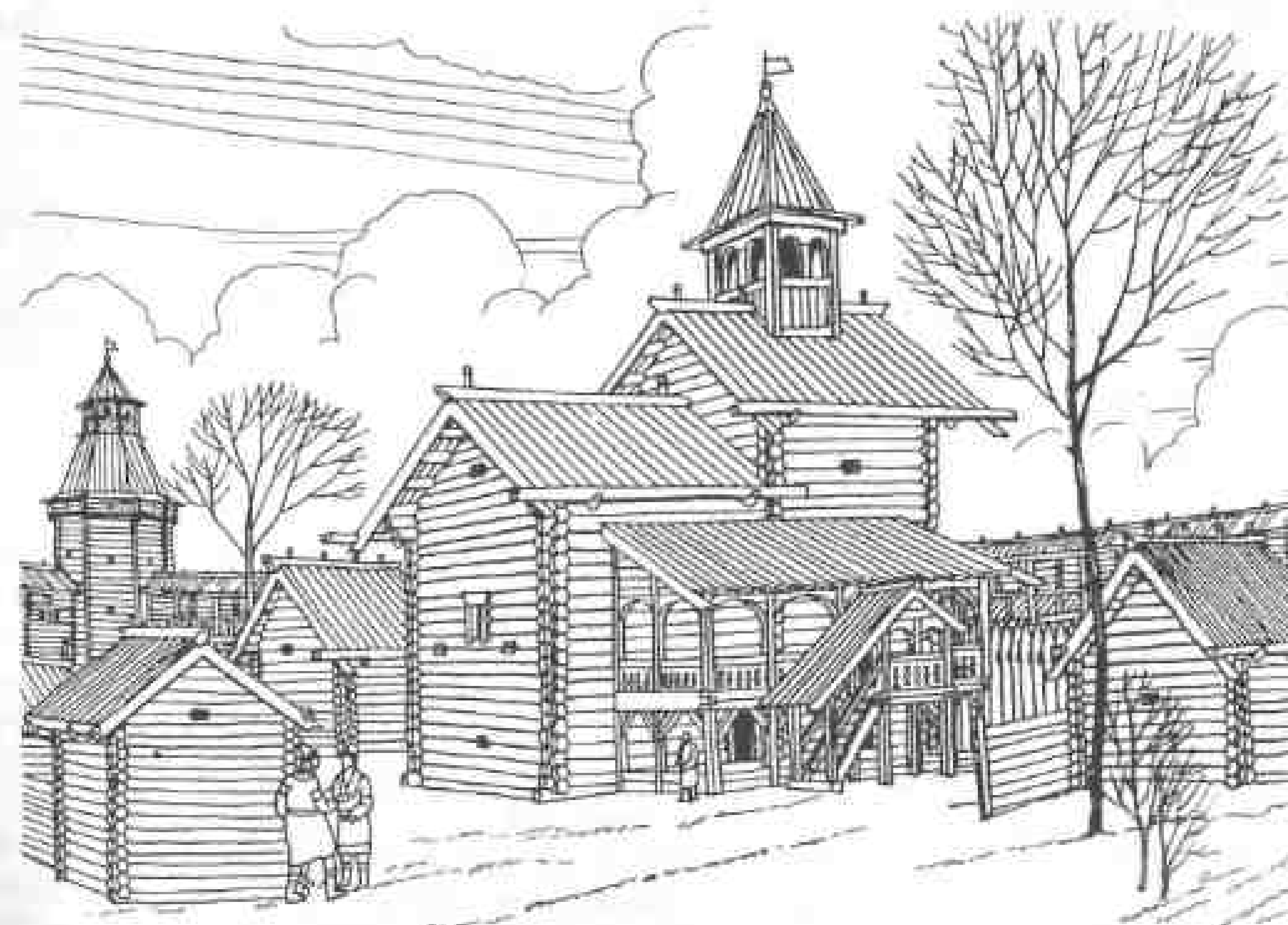

Рис. 14. Терем с открытой галереей и башней-вежей (раскоп 14). Вид с северо-востока. Слева на заднем плане — угловая юго-западная башня.

* Усадьбы-дворы в пределах одного раскопа мы обозначаем заглавными буквами в алфавитном порядке, номера построек в пределах двора — арабскими цифрами. В сокращениях, к примеру, 13-А-1, первая цифра означает номер раскопа.

сушилом, поварня, мышья, два сеника, две конюшни. Горница и длину бы трех сажень, изба — около четырех и службы — от двух до четырех, а конюшня — семи сажень. Двор был огорожен кругом высоким частоколом дощатыми воротами⁸².

Владения духовенства. В черте укрепленного города и за ее пределами имелись и церковные владения, но конкретизировать это положение мы не можем: ни одного двора священнослужителя пока не обнаружено. Увеличение Рязани численности духовенства и монашества, по-видимому, произошло к концу XII в., после образования Рязанской епархии. Рязанские князья были "к церквам прилежны", "о церквах божиих усердно пеклись". В "Повести о разорении Рязани Батыем" рассказано о поголовном истреблении клира: епископы, священники и иноки. Когда Ингварь Ингваревич вернулся в разоренную Рязань, то "призвал попов из сел, которых Бог сохранил", следовательно, и в деревнях стояли деревянные церкви. Некоторые погребения в Спасском соборе можно связать с принявшими монашеский чин. Влияние людей церкви "книголюбцев" получило отражение в распространении грамотности (граффы в Борисоглебском соборе, многочисленные находки писал).

Ювелиры. Рязань занимает второе место после Киева по числу кладовых комплексов (13), схороненных во время вторжения орд Батыя.

Прежде чем навсегда покинуть жилища, осажденные поспешно прятали и закапывали в твердую, смерзшуюся землю на очень небольшой глубине наиболее ценные вещи. Но вернуться за спрятанным добром не удалось никому: "не осталось в городе ни одного живого". Так случилось, что "узорочье рязанское", которое не стало добычей врагов, постепенно переходит в руки археологов. Завернутые в обрывки тканей или сложенные в дарцы, женские украшения прятали в печах или подпечных ямах, под половицами и лестницами подполья. Рассыпавшиеся драгоценности уже некогда было собирать. Владелицы сокровищ запоминали только им известные ориентиры, к примеру, угол постройки или перекресток дорог.

"Сокровище", или "поклажа", как называли клад в древней Руси, обычно состоит из женских украшений, представляющих исключительную художественную и историко-культурную ценность. Они свидетельствуют о высочайшем искусстве серебряников и золотых дел мастеров. Поскольку, по воззрению Средневековья, все, сотворенное Богом, совершенно (а именно он водит руку смиренного ремесленника), то одним из признаков "сверхземного" происхождения рукотворной вещи являлась ее внешняя, зримая красота. Отсюда — стремление к совершенству воплощения, редкостный дар тщательной отделки: когда преобладало одно стремление — сделать как можно лучше. Так возникал шедевр — произведение, доведенное до высшей степени артистизма.

Сокровища Старой Рязани представляют огромный интерес для истории декоративно-прикладного искусства домонгольской Руси. Совершенство ювелирной техники обнаруживает руку металлоделов высшей квалификации, у которых существовало достаточно высокое разделение труда. Они удовлетворяли потребность в предметах роскоши, работая по специальным заказам рязанских князей, бояр, дружинников, зажиточных горожан. Владение сокровищами служило знаком высокого социального положения, драгоценности как бы заключали в себе удачу и славу их обладателей. Расцвет древнерусского художественного ремесла связан с эстетикой парадности, праздничных церемониалов во всем их великолепии. Блестящие торжества, пышные процессии, дары союзным правителям и иноземным государям требовали огромного количества предметов роскоши. Развивается суетское по функции и отчасти по содержанию придворное искусство, призванное художественно оформить, украсить аристократический быт.

Рис. 15. Браслет-обруч из клада, найденного в 1970 г. Серебро. Гранировка, чернь, позолота.

Вот почему, как и в Византии, ювелиры Руси занимали привилегированное положение среди ремесленников других специальностей: им покровительствовали знатные лица, доверяя такие материальные ценности, как золото, серебро, самоцветы; они имели доступ к книгохранилищам, черпая из украшенных миниатюрами рукописей орнаментальные мотивы, переносившиеся на металл. Так, в клеймах браслета-обруча из клада 1970 г. появляется сложный узел плетенки и буквенный "инициал" (рис.15, 16). То же можно сказать о колте с фигурой фантастического зверя в витиеватых извивах ленточного плетения (рис.17).

Мастера, прошедшие школу наследственного ученичества, — новая профессиональная группа, развернувшая деятельность в Рязани во второй половине XII в. Самым искусным, за плечами которых стояла длительная художественная традиция, обогащенная собственными новациями, был обеспечен достаток и почет. Правда, мы не знаем имен рязанских золотых дел мастеров, ибо средневековый художник, вкладывая в работу великое терпение и прилежание, не считал ее сугубо личным делом: ведь, по его представлению, он только подчинял материал изначально заданной Богом форме, а в создаваемых образах выражал коллективные мысли эпохи. Личность средневекового умельца как бы растворялась в его богоугодном искусстве: он высоко ценил свой труд, но в мирской известности ощущал даже нечто постыдное,

Рис. 16. Вторая створка того же браслета.

мешающее творчеству. Необыкновенно трудолюбивому ремесленнику тех времен, когда еще не противопоставляли высокое искусство ремеслу, чужд индивидуализм, типичный для художника Нового времени: даже самые талантливые вещи подписывали редко.

Все типы украшений, найденные в кладах, характерны не только для Рязанского, но и для других южнорусских княжеств (рис.18). Но хотя культурные связи Рязани со Средним Приднепровьем никогда не ослабевали, мастера Рязани, опираясь на традиции ювелиров Киева и Чернигова, создали собственную школу золотого и серебряного дела. Рязанские творцы "художества кузнеческа" придумывали новые формы украшений, обогащали орнамент новыми мотивами или по-своему сочетали уже известные. Состав "узорочья" знатных женщин отличался специфическими признаками. Особенно были в моде ожерелья из больших бус и позолоченных медальонов с черневыми изображениями (рис.19-21). Нагрудные кресты и крестики-тельники из яшмы, эмалевого и других поделочных камней, привезенные из Византии или Крыма, местные мастера снабжали серебряными оправками, украшенными зернью и сканью (рис.22). Своеобразны серебряные, с чернью, перстни (рис.23, 24).

О "хитрости" умельцев Рязани можно судить по специфическим деталям исполнения вещей, к примеру, технике высокой скани на золотых вещах, наборам зарытых драгоценностей, отмеченных стилистическим единством.

Рис. 17. Колт с изображением фантастического зверя из клада, найденного в 1970 г. Серебро. Тиснение, гравировка, чернь.

О принадлежности златокузнецов к городской верхушке свидетельствует обширная усадьба на р.17. На ее территории в 1974 г. найден клад из серебряных лучевых колтов, трехбусинных височных колец, крупных бус от мониета. Не исключено, что "узорочье" принадлежало хозяевам "двора ювелира", профессия которого определена по составу находок. Среди них — серия фигурных матриц для тиснения серебряных украшений и их деталей,

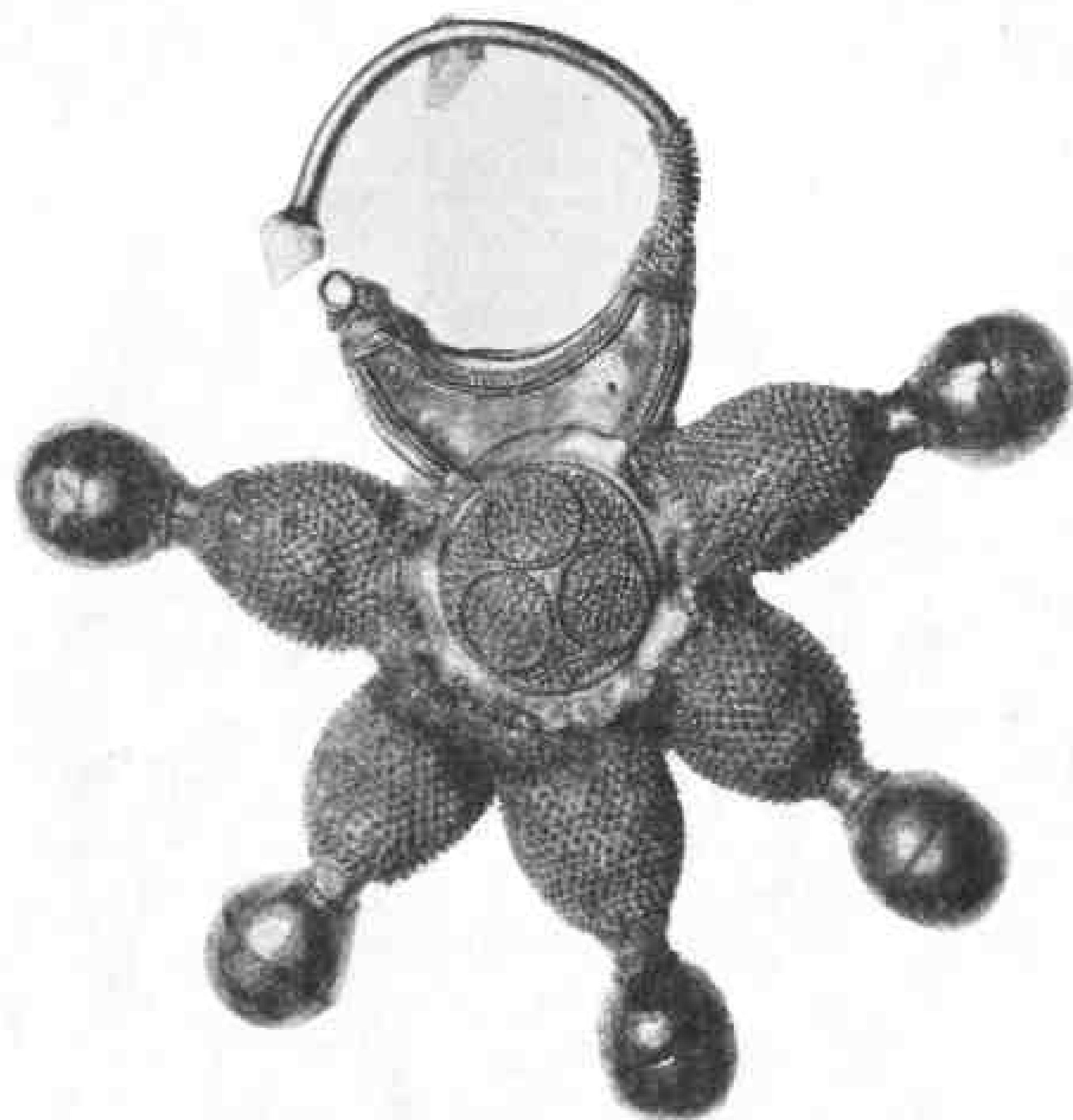

Рис. 18. Питилучевой колт из клада, найденного в 1970 г. Серебро. Тиснение, зернь, скань.

обломки тигельков-лячек и ювелирный инструментарий: ножницы по металлу, перовидное сверло, пробойник, пинцеты-тисочки из сложенной вдвое пружинящей пластины. Найдены кусочки свинца, что характерно для ювелирных мастерских, и гирька: ремесленники использовали небольшие бронзовые весы при взвешивании металлического лома, составлении сплавов. Детали весов часто находят вместе с инструментами ювелиров.

О зажиточности "кузнеца серебра" можно судить по находкам фрагментов иранских листовых сосудов, вставки из персидской бирюзы от сережки. Судя по размерам жилого трехкамерного дома и числу других построек, усадьба принадлежала многочисленной семье, причем главный мастер приобщал к делу и домочадцев, вероятно, сыновей, передавая им секреты своего искусства.

Расцвет рязанского художественного ремесла, в том числе эмальерного дела, приходится на последние 50-60 лет существования города, когда создают

Рис. 19. Ожерелье-монисто с медальонами из клада, найденного в 1970 г. Серебро. Зернь, скань, грапировка, чернь, позолота.

Рис. 20. Медальон от ожерелья с изображением св.Глеба.

Рис. 21. Медальон от того же ожерелья с изображением прощесного креста.

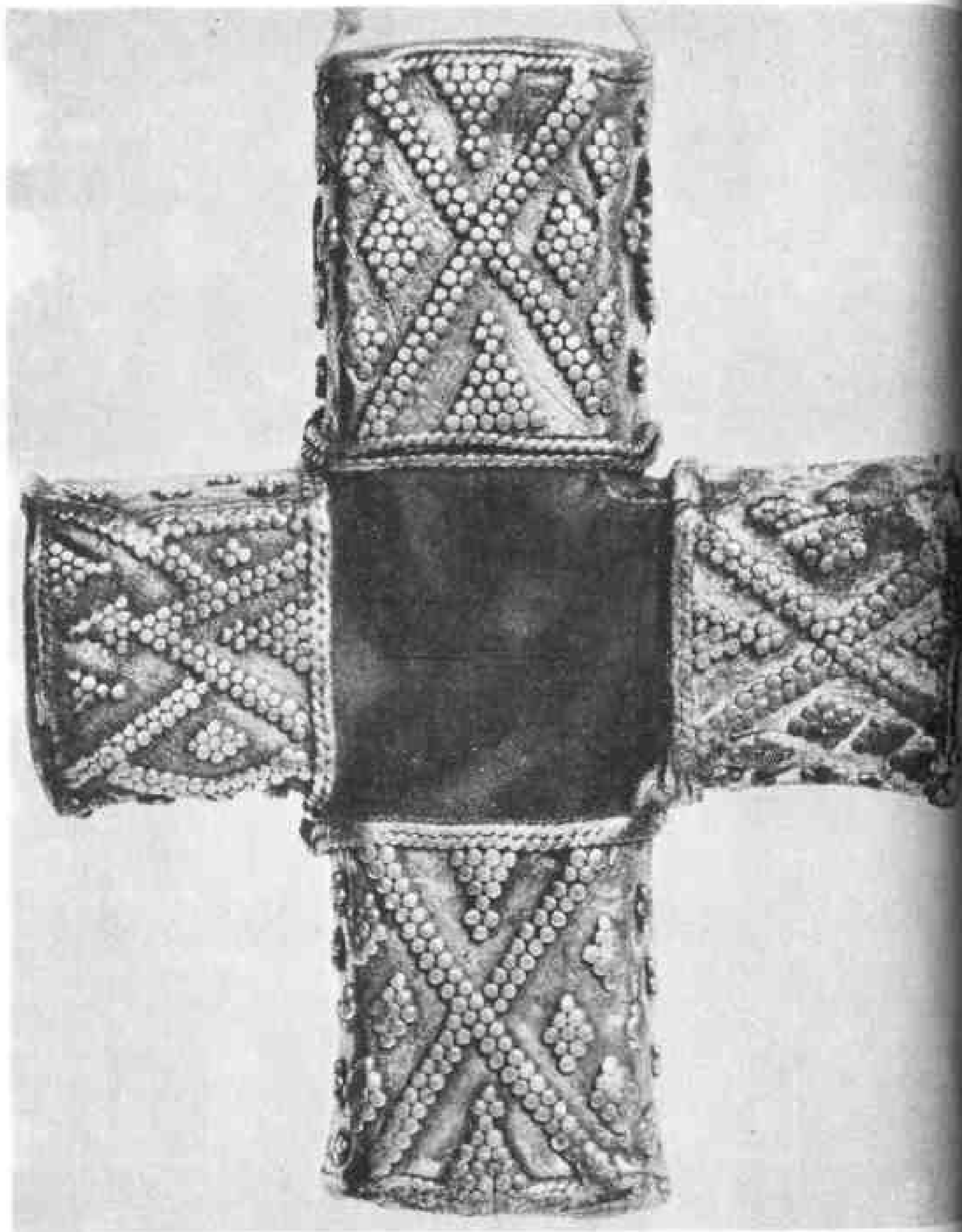

Рис. 22. Крест из змеенка (?) в серебряной оправе из клада, найденного в 1970 г. Зернь, скандинавские изделия, отличающиеся виртуозной техникой исполнения и изысканным вкусом.

Золотых дел мастера. Еще в 1966–1967 гг. на территории боярского двора на р.7 были обнаружены три клада женских серебряных украшений. В состав самого интересного входили два широких браслета-обруча с чернью и позолотой, пара витых проволоочных браслетов, внутри которых лежали серебряные денежные слитки-гривны. Сцена языческого скоморошьего действия, этого "сборища идольского", с участием гусяра, дудочника и плясуньи — "кощунницы бесовской", сочетается с фигурами сиринов, грифонов, драконов и

Рис. 23. Перстень с изображением птицы из клада, найденного в 1979 г. Серебро. Гравировка, чернь.

лотой, пара витых проволоочных браслетов, внутри которых лежали серебряные денежные слитки-гривны. Сцена языческого скоморошьего действия, этого "сборища идольского", с участием гусяра, дудочника и плясуньи — "кощунницы бесовской", сочетается с фигурами сиринов, грифонов, драконов и

Рис. 24. Перстень с изображением креста на Голгофе из клада, найденного в 1979 г. Серебро. Гравировка, чернь.

льва. Декор на обручах говорит о связи бытового уклада богатой боярской семьи с праздничной светской культурой Руси, неразрывно связанной дохристианским прошлым. Остальные клады содержали большую подвеску коническим верхом и свисающими цепочками, тисненные полукольца, цилиндрические колодочки, соединявшиеся нитями, трехбусинные полукольца.

Но богатства двора воеводы, раскопки которого завершились в 1969 г., оказались далеко не исчерпанными. Летом 1992 г. в связи с начавшимся разрушением берега промоинами в непосредственной близости от теремного строения пришлось провести срочные охранные работы (размеры раскопа 8x4 м). Раскопки начались 31 июля, когда сняли слой дерна, а на следующий день, утром 1 августа, на глубине всего 40 см было сделано сенсационное открытие: в 1 м от береговой кручи и в 5 м к северо-западу от клада со знаменитыми обручами обнаружено 13 золотых предметов (рис. 93 на с. 141). И если о предыдущих кладах из Старой Рязани издав такой большой материал, что дублировать его не имеет смысла, то первая научная публикация новой находки впервые включена в настоящую монографию.

Украшения сложили очень компактно. Вероятно, они были завернуты в полностью истлевшую ткань. Самый крупный предмет (колт) лежал под остальными вещами.

Общий вес сокровища — 240 г 800 мг, червонное золото 96-й пробы. Ядро клада составляют принадлежности парадного головного убора из стилистически близких вещей — «женская ларечная кузнь». В древней Руси под словом «кузнь» понимали сочетание любых металлических или же ювелирных изделий из золота и серебра. «Женской кузнью» называли фамильные драгоценности, которые бережно хранили в ларцах, передавая по наследству от поколения к поколению. Итак, в Старой Рязани открыт второй «золотой клад». Первый, один из самых знаменитых в древней Руси, выпавая 170 лет тому назад в 1822 г., и с тех пор Старая Рязань начала привлекать особое внимание любителей отечественной старины.

В состав вновь найденного клада входят десять трехбусинных полуколец. Каждая бусина, спаянная из двух оттиснутых на матрице полусфер, нанизана на проволоочную дужку диаметром до 6 см, концы которой расклепаны в трубочку. Средний вес одного полукольца — 17 г 540 мг. Сквозь некоторые петли проходят полые золотые обоймочки. Через них продевалась частично сохранившаяся медная проволока, соединявшая все полукольца с обеих сторон. Для закрепления бусин и придания дополнительного декоративного эффекта дужки обвиты сканью. Сканые кольца маскируют шов в месте спайки чеканной полусфер каждой бусины.

Полукольца — двух типов. У восьми — бусины ажурные, диаметром 1 см (рис. 25). Каждая прорезана восемью круглыми сквозными отверстиями, окаймленными двойными скаными кольцами. Между отверстиями, напаянными по восемь шариков зерни, посаженных в микроскопические проволоочные гнезда (рис. 26). Места соединения дужки с бусинами покрыты золотыми опилками на обильном припое. Трехбусинные полукольца встречены во многих древнерусских кладах. Украшения с ажурными бусинами, аналогичные рязанским, известны по трем кладам из Владимира на Клязьме, причем первоначально изогнутые дужки позднее были выпрямлены. Полукольца с круглыми дужками сохранились у восьми подобных «аграфов»-застежек (как по-правильно определяли их Н.П.Кондаков и А.С.Гущин) из клада в с. Верба Березанского р. Львовской обл.⁸⁵ и старорязанских экземпляров из кладов 1967 и 1979 гг. Все украшения выполнены из серебра, только владимирском кладе 1865 г. они золотые. Обычное их число 8, 10 или 12. Для реконструкции металлического убора особенно важны 12 трехбусинных

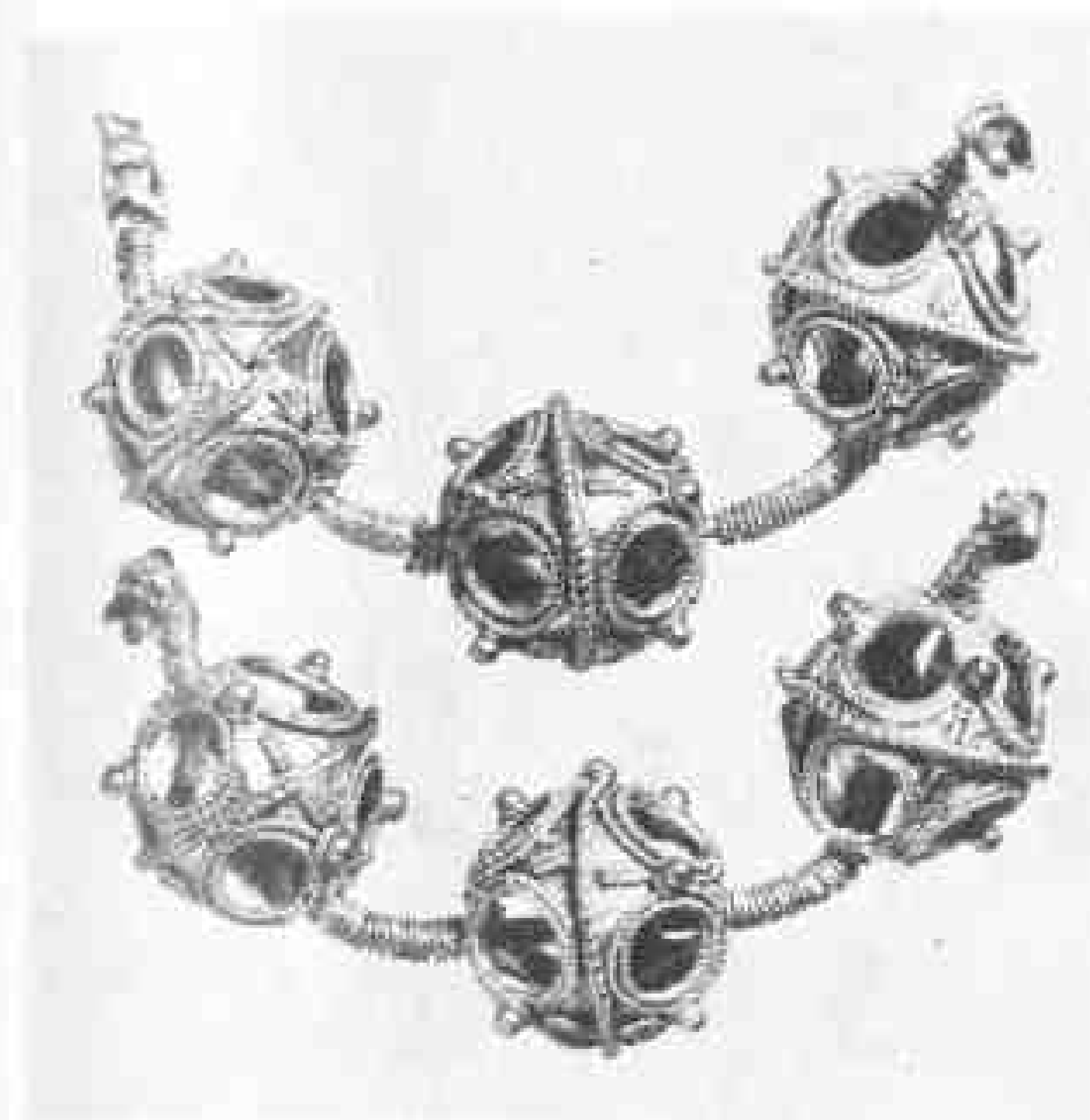

Рис. 25. Трехбусинные полукольца из клада, найденного в 1992 г. Золото. Тиснение, скань, зернь.

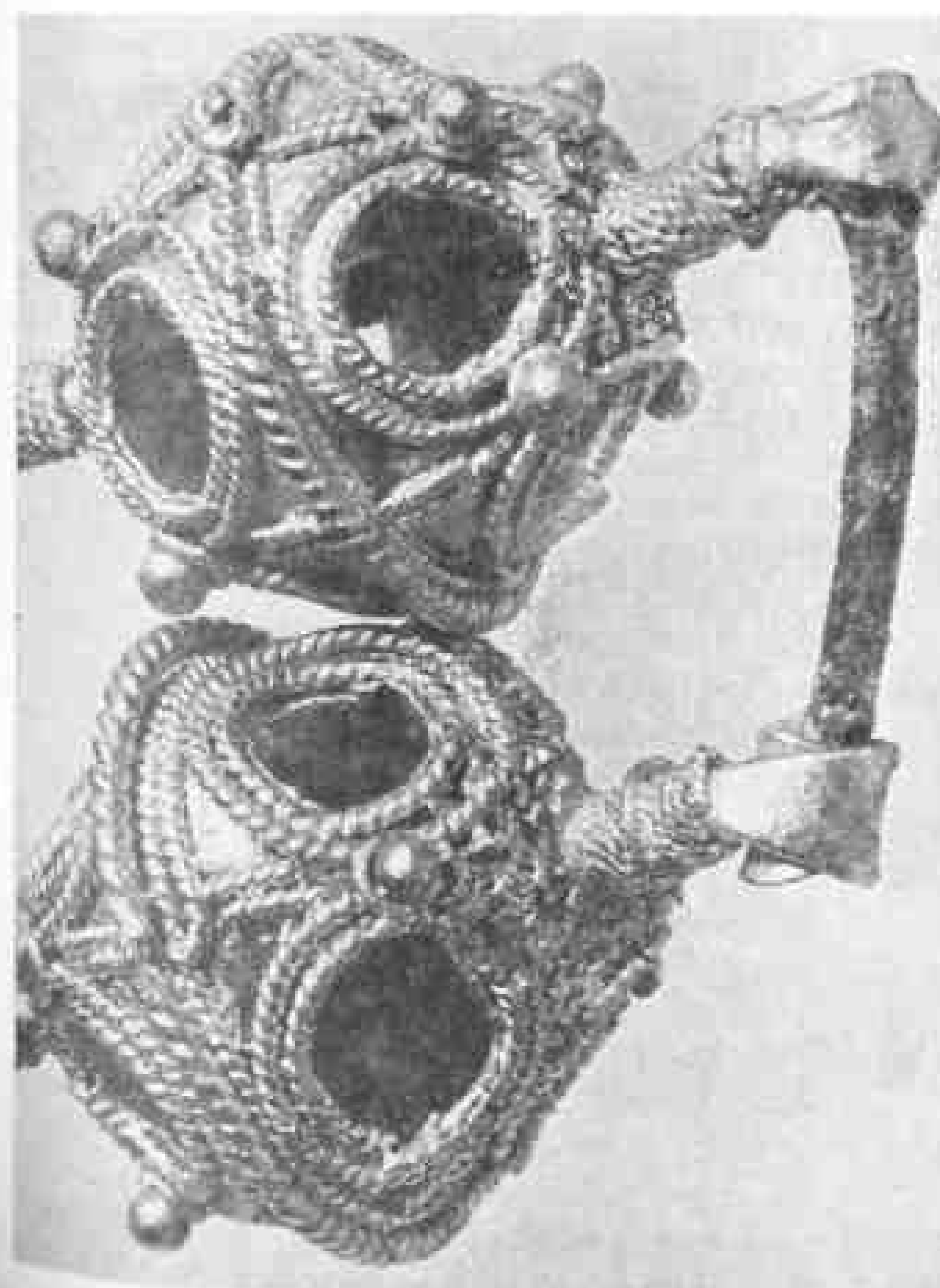

Рис. 26. Два полукольца, соединенные медной проволокой. Деталь.

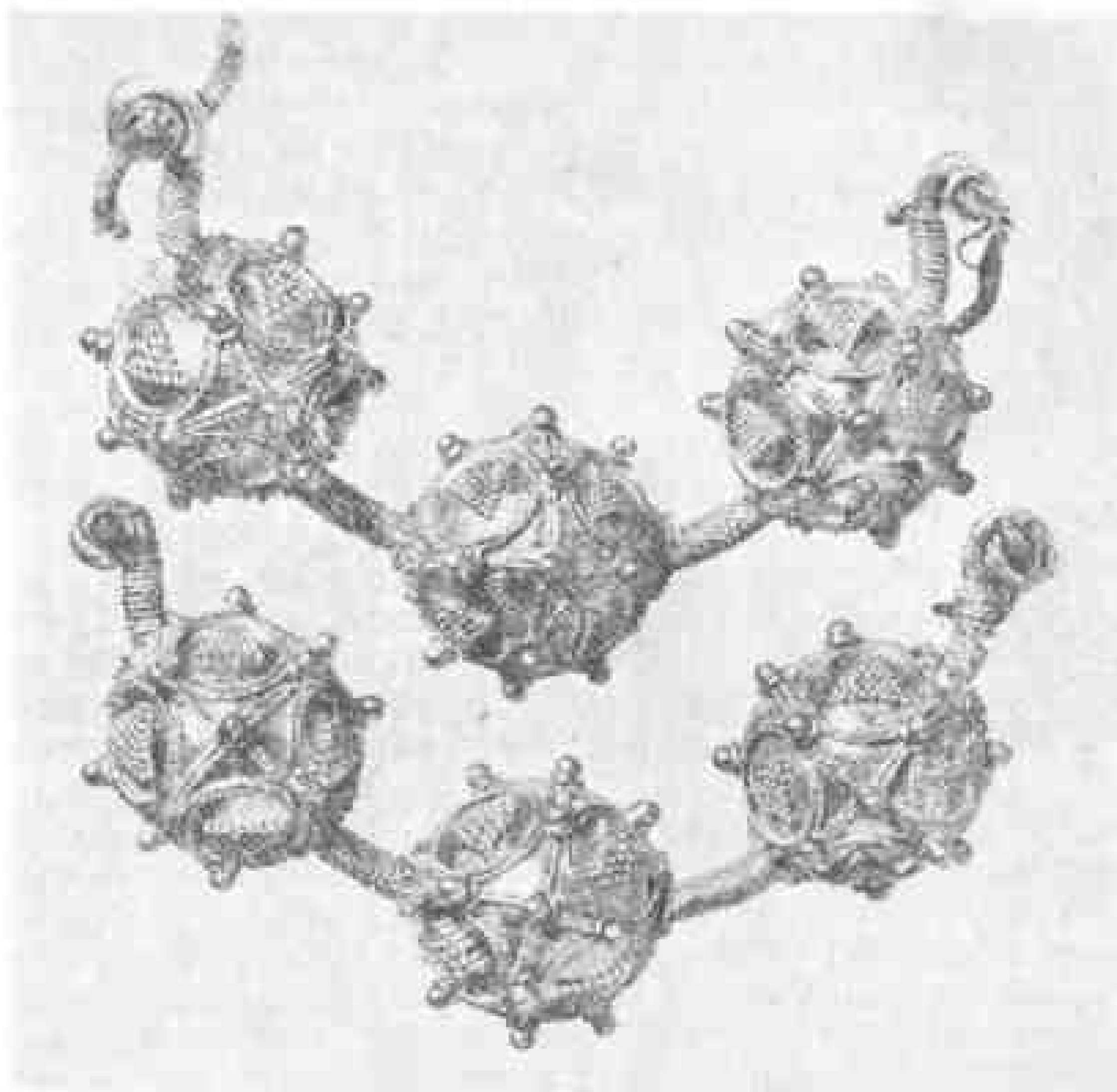

Рис. 27. Трехбусинные полукольца. Золото. Тиснение, зерно, скань.

"аграфов" владимирского клада 1896 г., которые все вместе соединены проволокой, а также 8 экземпляров клада из Вербова. Они скреплены друг с другом по 4 штуки витой проволокой, оборванной с краев. Следовательно, первоначально трехбусинных ажурных полуколец было больше. Как и в старорязанском клада, почти у всех "аграфов" в трубочках на концах дужки сохранились кусочки проволоки. Она может быть обломана вровень с трубочкой, в других случаях выступает наружу. В старорязанском клада два "аграфа" оказались соединенными медной проволокой (рис.26).

У двух трехбусинных полуколец золото — более светлого оттенка и они несколько меньше (диаметр дужки 5 см). Отличающиеся прекрасной тонкой работой, эти украшения, возможно, исполнены другим мастером (рис.27). Каждая из полых бусин двойной сканой нитью разбита на восемь кружков, внутри которых мелкой зернью выложены треугольнички. Ромбовидные промежутки между кружками украшены в центре и углах шариками зерни в проволочных гнездах, соединенными крестообразно двойными скаными жгутиками (рис.28). 10 похожих серебряных "аграфов", но распрямленных, входили в состав клада, найденного близ г. Львов Черниговской губ.⁸⁶

Реконструкции парадного головного убора знатной горожанки помогают несколько обстоятельств. Во-первых, все трехбусинные полукольца соединялись двумя проволоками, причем, судя по способу крепления, они располагались вертикально. Во-вторых, к кусочкам медной проволоки местами прилипли очень мелкие обрывки шелковой ткани от матерчатой основы металлического убора. В-третьих, одно из полуколец прикручено золотой проволокой к фигурной пластине с вырезанными полукружиями для бусин

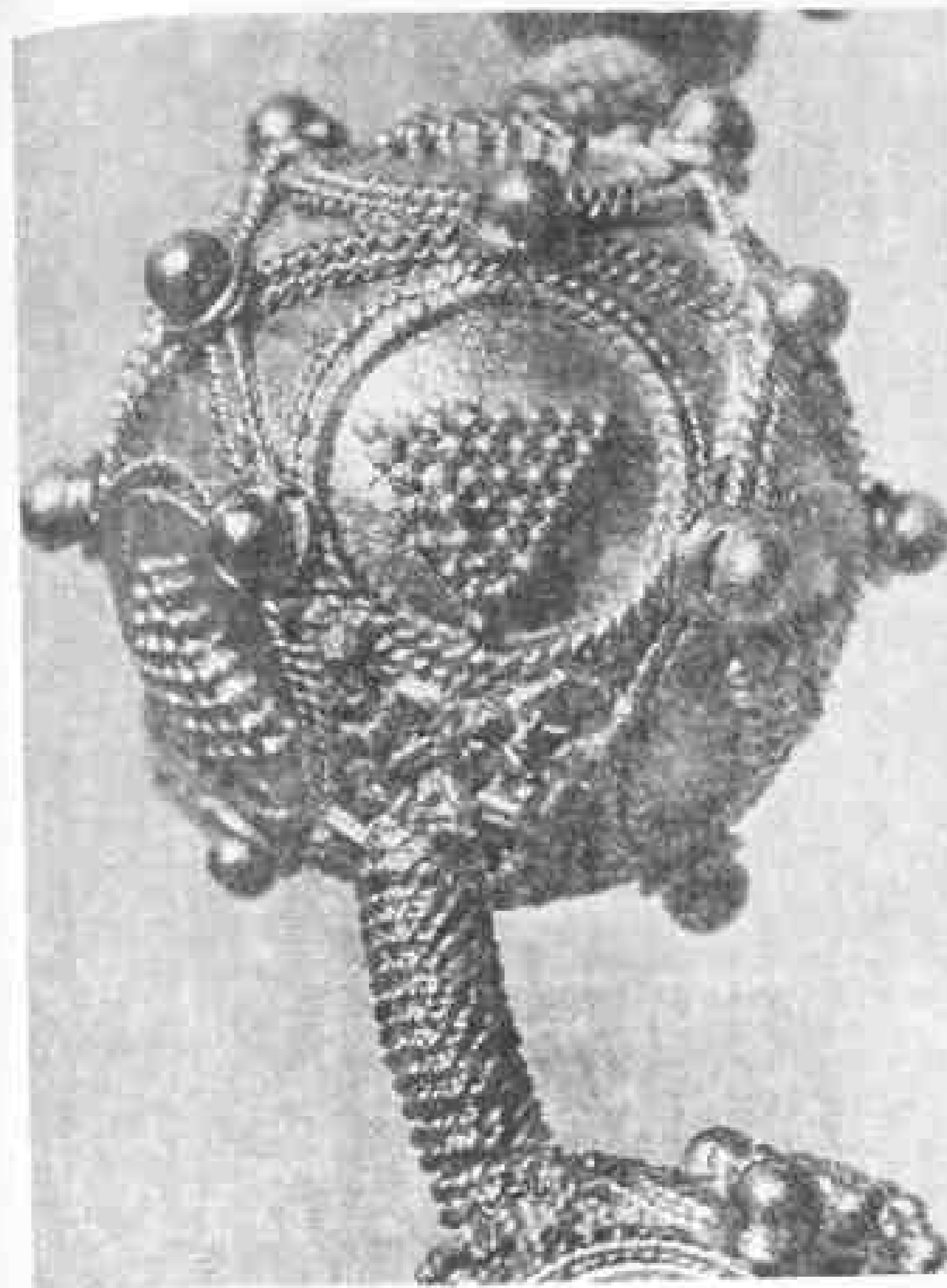
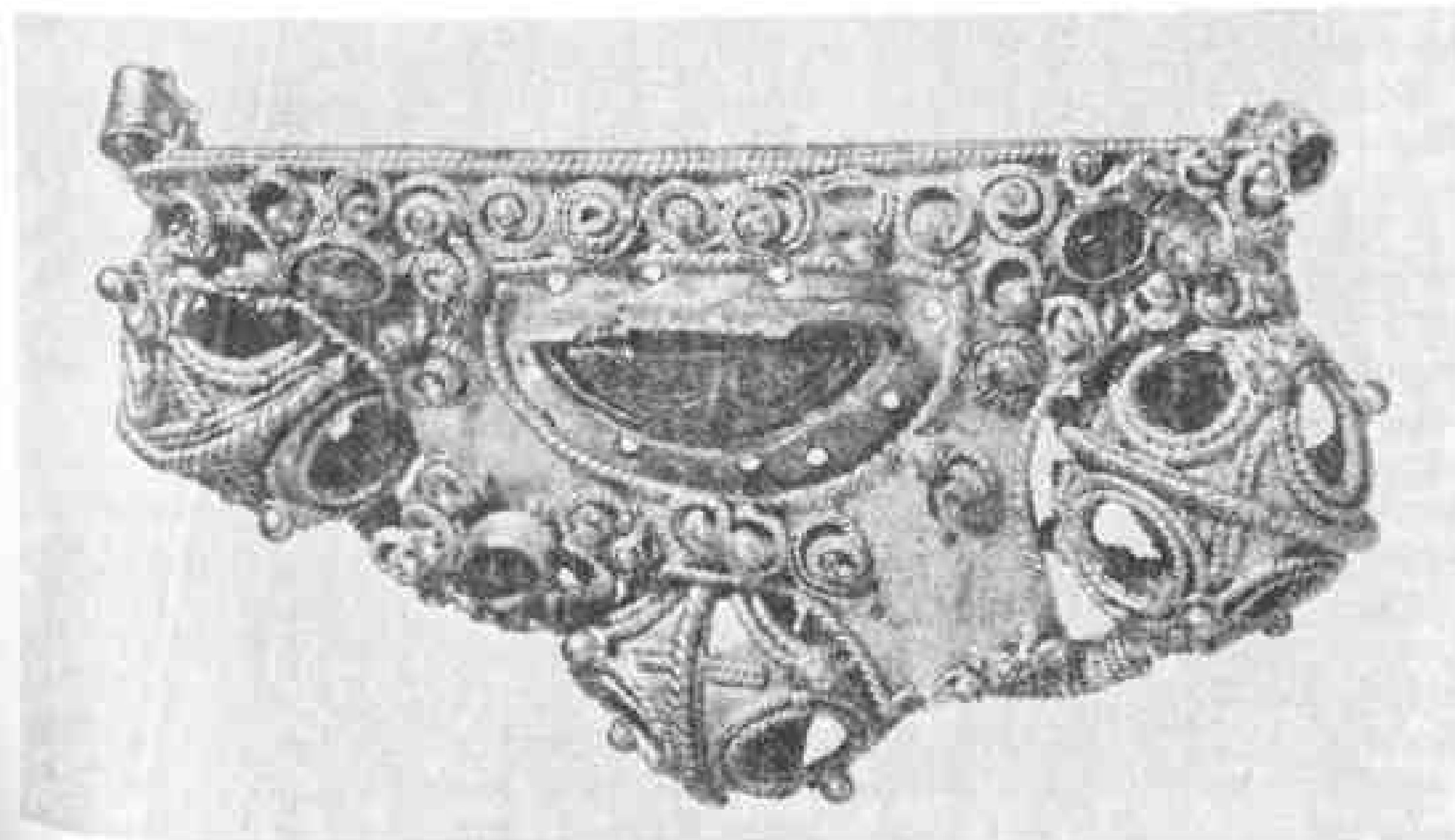

Рис. 28. Трехбусинное полукольцо. Деталь.

Рис. 29. Боковая пластинка от очеля с присоединенным к ней трехбусинным полукольцом. Золото, алмаз, цветное стекло. Пестроточечная эмаль, скань, зерно.

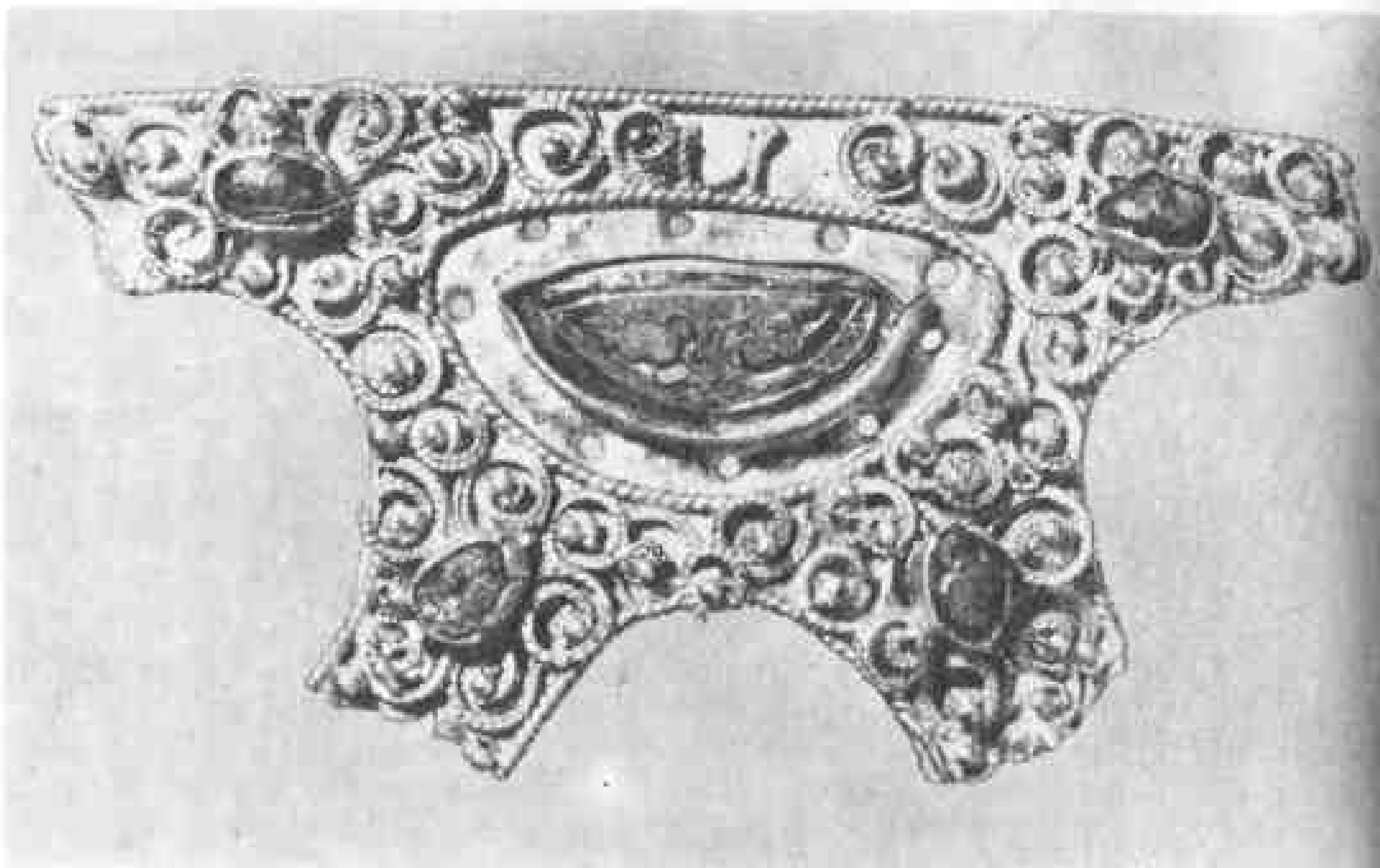

Рис. 30. Вторая боковая пластинка от очелья.

(рис.29). Из клада происходит и вторая, парная ей пластина, но здесь соединявшееся с ней полукольцо отломано (рис.30). Последнее легко находится среди остальных, так как на его дужке уцелела скрепляющая проволочка, зажавшая отломанный кусочек пластинки с шариком зерни в сканом завитке. Это полукольцо с ажурными бусами, которое найдено в соединении с аналогичным экземпляром, точно входит в полукруглые вырезы.

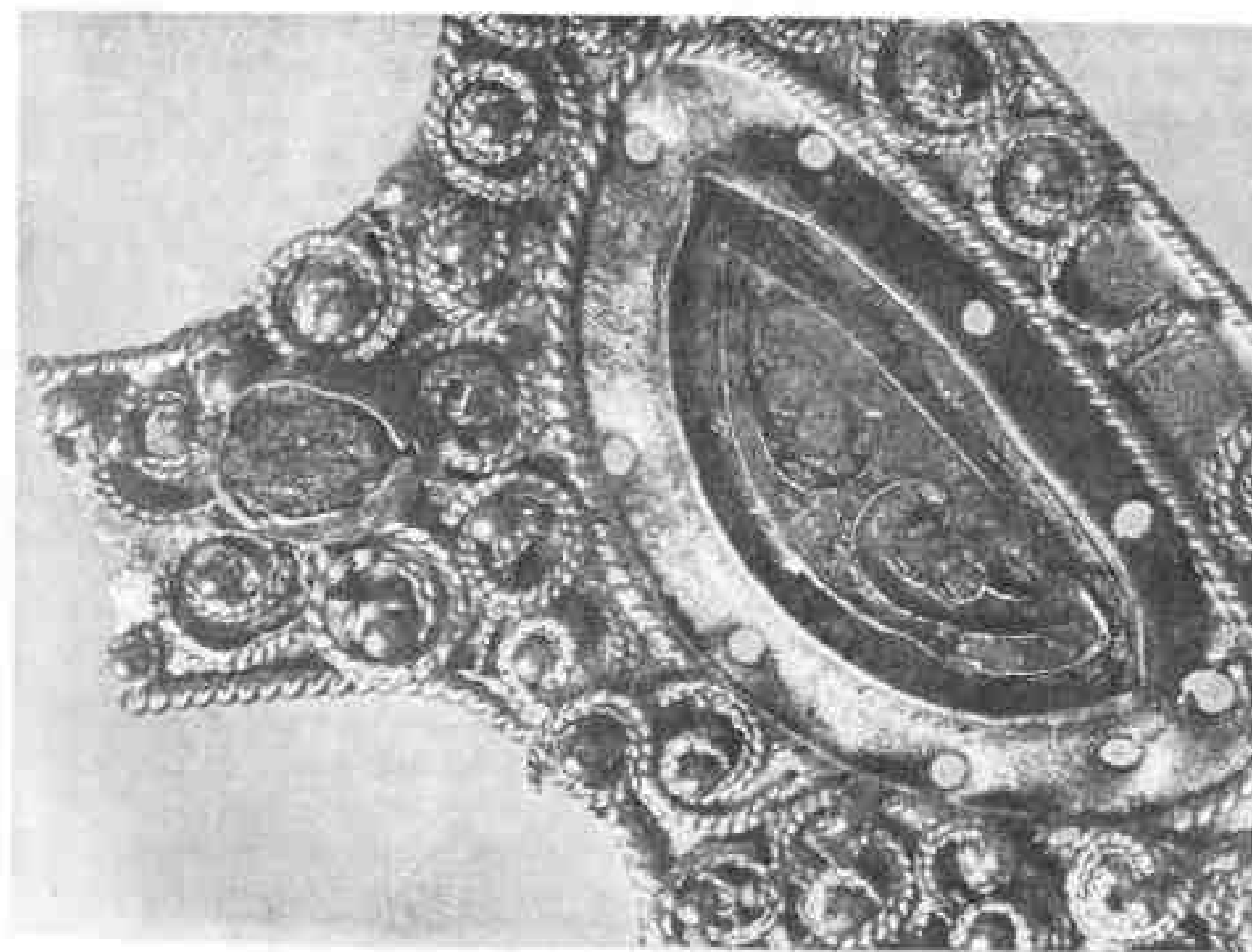
Обе пластинки, единственные среди древнерусских кладов, являются шедеврами ювелирного дела. Они вырезаны из тонкого золотого листа и по краям обрамлены сканью. Вес каждой — 9 г, наибольшая длина — 5,5 см.

В центре пластин, в сегментовидных золотых оправках высотой 3 мм, в технике перегородчатой эмали изображен изумрудно-зеленый двулистник на красно-кирпичном фоне (рис.31). На всех вещах клада эмаль подверглась сильному окислению, частично выкрошилась, но основные цвета определимы. Между эмалевой вставкой и ее сканым окаймлением — по 9 маленьких сквозных отверстий. Через них проходила тонкая проволока, скреплявшая пластинки с матерчатой подкладкой. Концы каждой из пластин декорированы овальными цветными вставками в припаянных золотых оправках (рис.32). На пластинке с отломанным полукольцом они — выпуклые, синего стекла (стекло, как и эмали, коррозировано). При реставрации клада в лаборатории ГИМ (реставратор В.Н.Даркевич) выяснилось, что под стеклянные вставки была подложена серебряная фольга для подсветки изнутри. На второй пластине две нижние вставки утрачены, а в верхних углах одна — стеклянная синяя, а в другое гнездо вставлен фиолетово-красный алмадин, минерал группы гра-

Рис. 31. Пластина от очелья. Деталь.

Рис. 32. Пластина от очелья. Деталь.

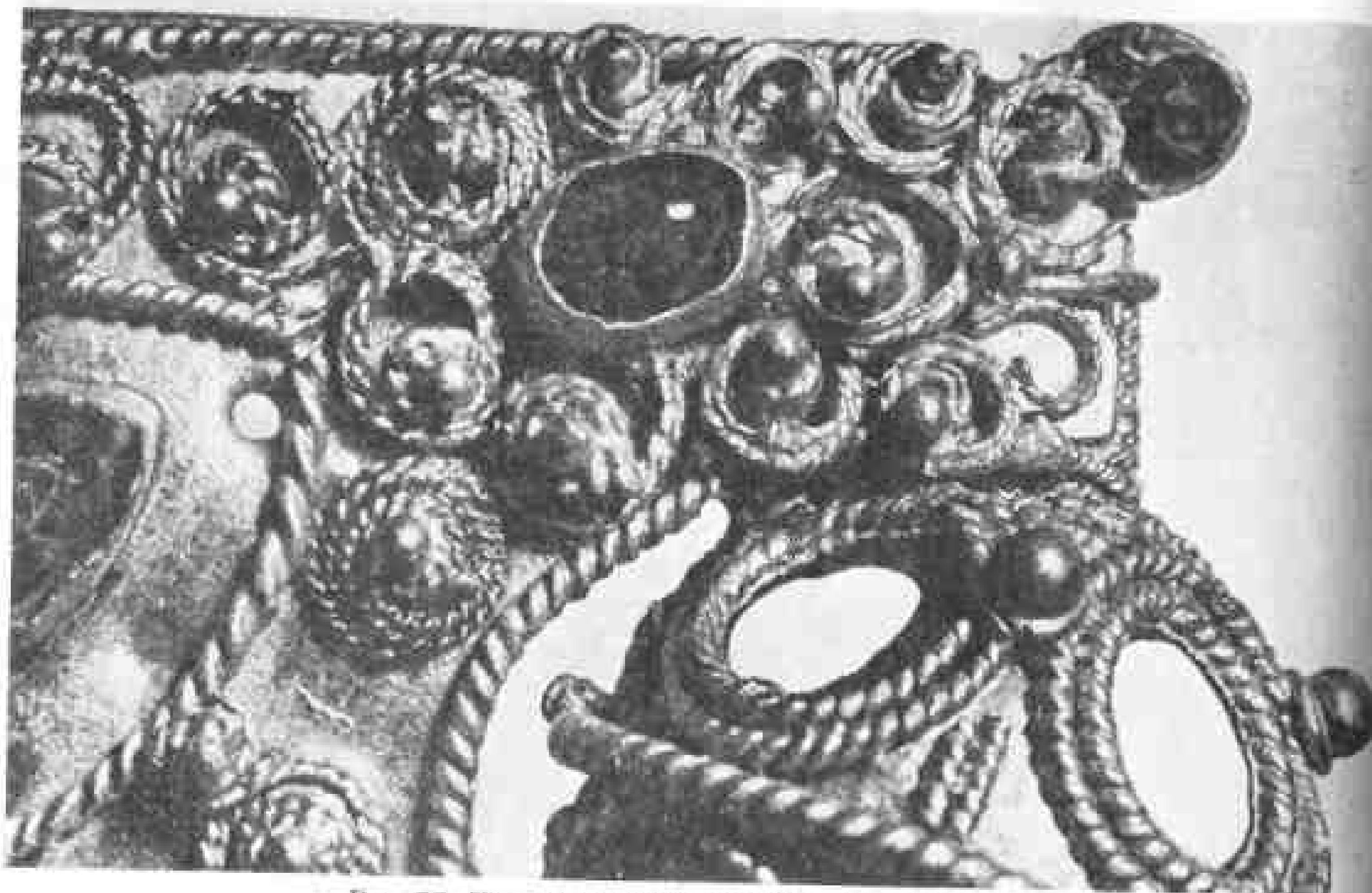

Рис. 33. Пластика от очелья. Деталь с алмазидином.

натов (рис.33). Кстати, на медальонах старорязанского клада 1822 г. также преобладают гранатовые кабошоны.

Вся остальная поверхность лицевой стороны пластин, словно кружевом, покрыта изопреренным сканым узором (оборотные стороны гладкие). Тут же завитки двойной скани, образующие полтора-два оборота, напаяны каждый отдельно, но вплотную друг к другу, так что создается впечатление сплошного спиралевидного орнамента. В центре каждого скрученного жгутика помещено золотое зерно. Концы завитков с шариком зерни в центре не припаяны и сильно приподняты над фоном, что сообщает рельефность узору, создает неповторимую игру светотени. Подобная двухъярусная скань характерна для знаменитых украшений старорязанского клада — 1822 г.: двух крупных колец с эмалевыми фигурами святых Бориса и Глеба, десяти больших медальонов от двух ожерелий-монист, до сих пор неверно называемых "бармами"⁶⁷, а также оправы, выполненной для образка византийской работы с изображением Распятия⁶⁸. Сканщик, декорировавший пластины, обладая отличным зрением, точным глазомером, был выдающимся художником в своем деле. Выющиеся "травяные" узоры в сочетании с полихромной эмалью и синими вставками в высоких гнездах (в византийской и древнерусской эстетике синий и голубой цвета воспринимались как символы трансцендентного мира) создают неподражаемый декоративный эффект.

Особый интерес клада состоит в том, что поскольку найден почти полный комплект украшений, можно реконструировать металлические части головного убора знатной и богатой женщины, что удастся крайне редко. Десять трехбусинных полуколец и две пластинки по краям, соединяясь легко изгибающейся медной проволокой, составляли "очелье", окаймлявшее головной убор надо лбом (рис.34-36). Длина очелья 20-22 см, концевые пластины находились у висков над ушами. Древнее название таких очелья до XVI-XVII

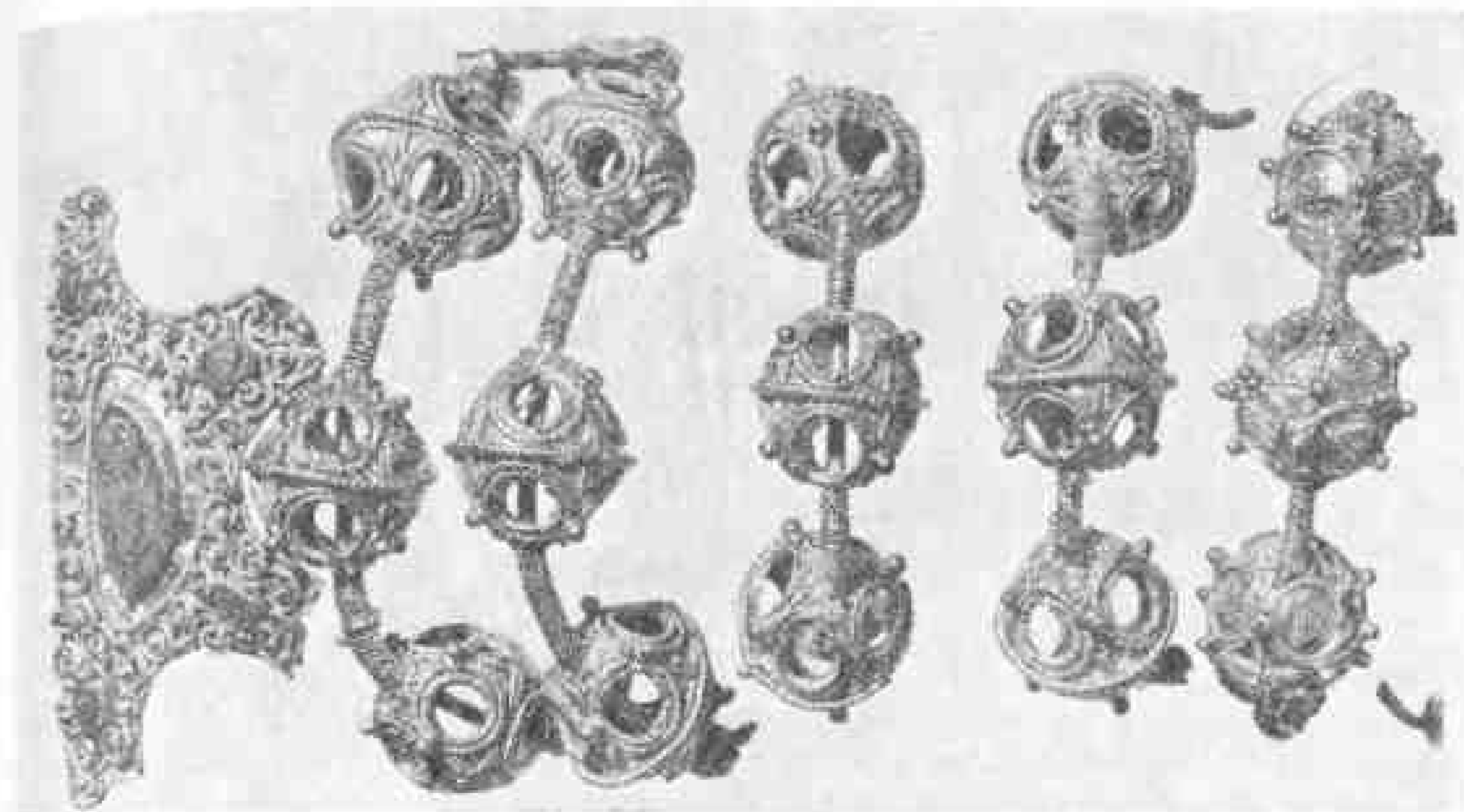
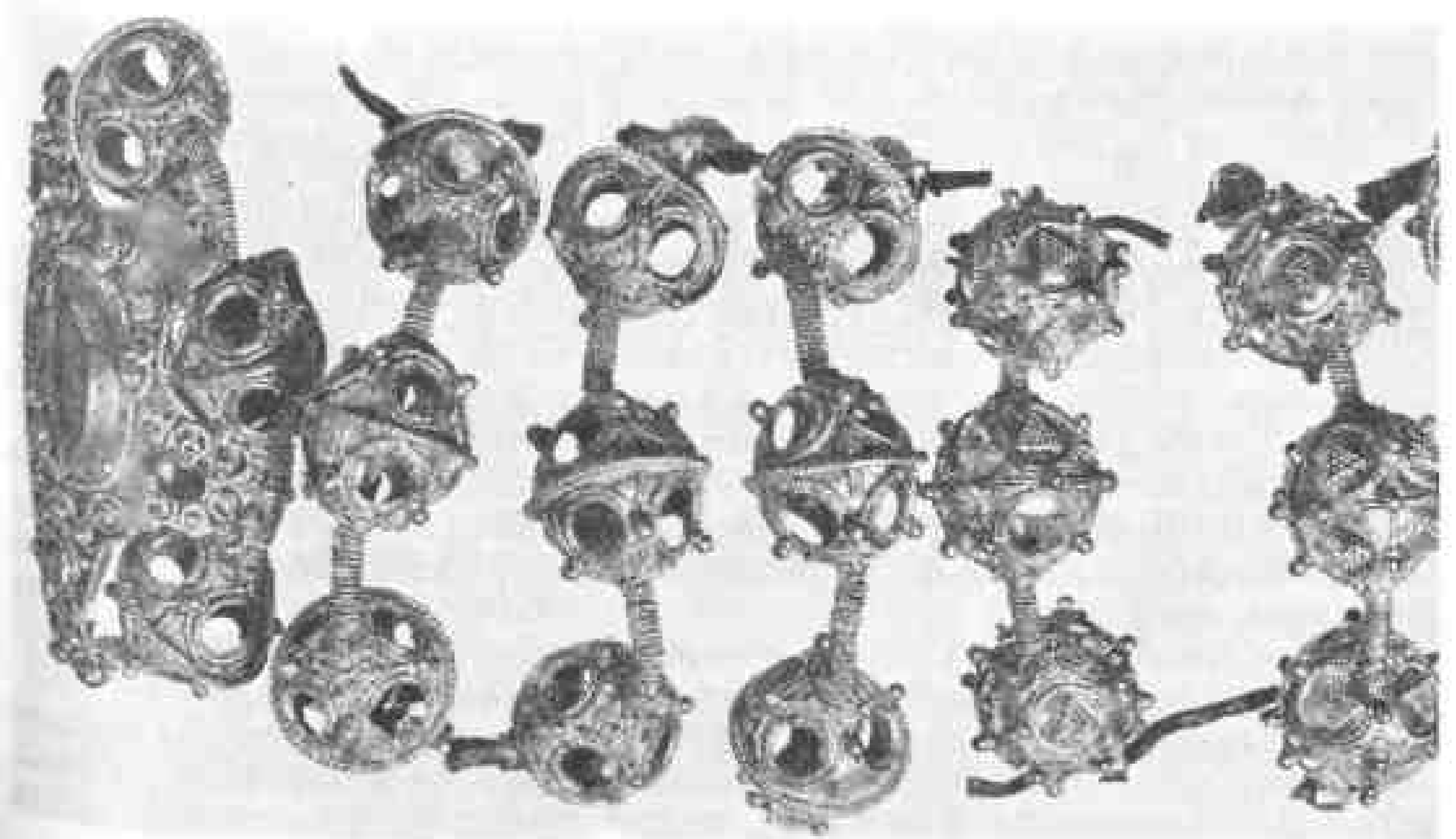

Рис. 34. Правая сторона очелья.

вв. не известно. В памятниках старорусского языка девичий головной убор назывался "венцом"⁶⁹. Термин "чело" в значении женского головного убора впервые появляется в духовном завещании Ивана Даниловича Калиты (1327-1328 г.): "А чело и гринну, то есмь дал при себе"⁷⁰. Дужки с тремя бусинами, образующие как бы венчик, при помощи фигурных концевых пластин прикрепляли к валикам из ткани на жесткой основе, причем сечение валика аналогично крайним пластинкам очелья. Похожие свадебные головные уборы

Рис. 35. Левая сторона очелья.

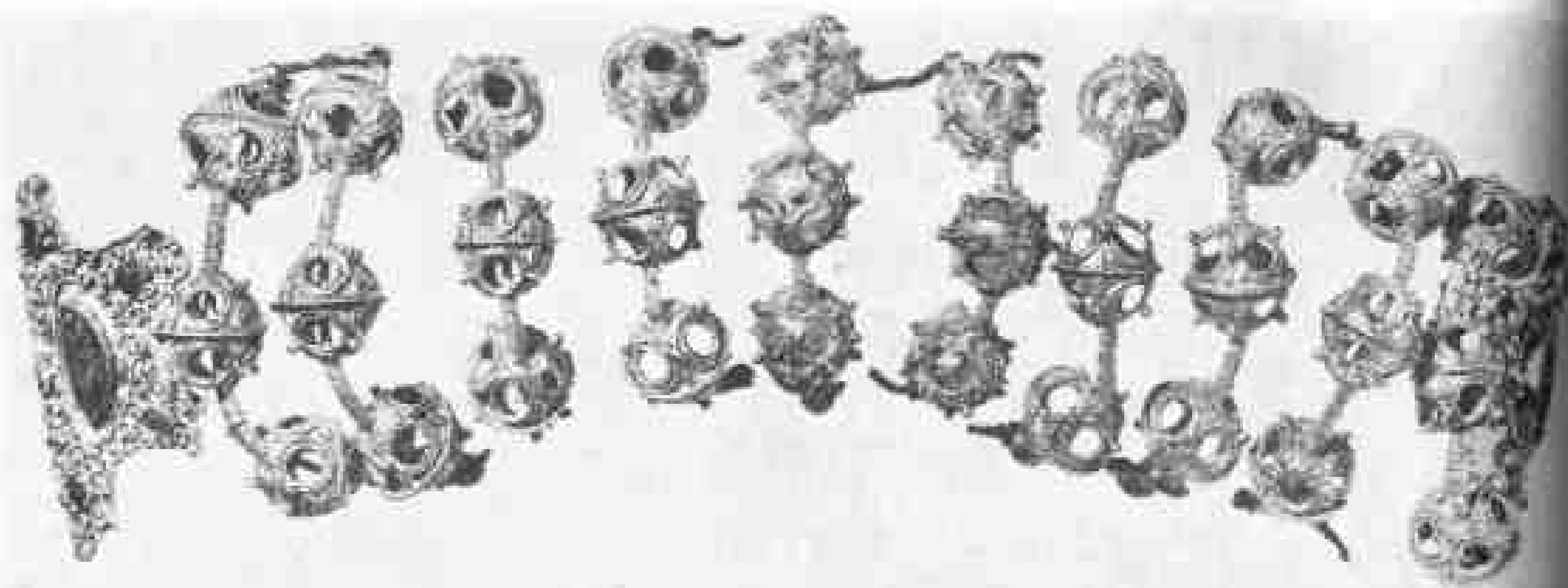

Рис. 36. Очелье. Общий вид.

с декором в виде прорезного валика из ткани ("коруны") известны по сохранившимся на русском Севере (конец XVIII — начало XIX в.)⁹¹. Среди русских кладов, зарытых между 70-ми годами XII в. и 1240 г. обнаружены и другие разновидности валикообразных очельев. От них сохранились золотые скобочки и концевые пластины в виде сегмента с эмалевым растительным орнаментом. Эти головные украшения, состоявшие из многих широких полуколец, наложенных на валики, помещались надо лбом и также представляли собой очелья⁹². Наиболее близко старорязанскому очелью в кладе из Вербона; к тому же убору принадлежали трехбусинные полукольца, обнаруженные в кладах Киева, Киевского и Черниговского княжеств⁹³. Реконструкции декора нижней части головного убора с высокой тульей помогают галицко-волынские параллели (Вербов).

Возможно, роскошное золотое очелье старорязанского клада относится к брачному ритуальному венцу — выполненному по заказу свадебному головному убору. Налобное украшение ("чело кичное", "челка", "изчельник") всегда отличалось особой красотой. Рязанское очелье представляет собой набор из 12 конструктивных элементов. Число 12 принадлежит к наиболее употребительным в мифопоэтических культурах числовым шаблонам (12 месяцев года, соответственно — знаков зодиака). 12-ти как счастливому числу противостоит несчастное число 13⁹⁴. Скорее всего, рязанское очелье относилось к сложному кичкообразному убору ("кичка", кика") или кокошнику, в котором твердая основа и нарядная высокая тулья соединены в одно целое. Кика была "короной" замужних женщин, венцом в брачной жизни, занимая первое место среди свадебных женских регалий. Передняя, налобная часть кичного подзора (то есть ее пояса, каймы), судя по материалам XVI-XVII вв., убиралась с большим богатством и затейливостью и нередко отделялась от кики⁹⁵. Одной из отличительных черт кокошника считают наличие у него гребня, а именно такой убор венчает голову св. Елены на фрагменте фресковой росписи Мартириевской паперти Софийского собора в Новгороде (XI в.)⁹⁶ и что особенно показательно, — женскую головку, изображенную на колте рязанского клада.

Этот круглый колт — самое изящное украшение сокровища (рис. 37). Близкие по форме и технике исполнения экземпляры, находимые обычно попарно, известны из южнорусских кладов, зарытых в 1239-1240 гг.⁹⁷, но найденный нами — наиболее совершенный по изысканности формы и декоративного убранства (к сожалению, второй экземпляр отсутствует). Колты

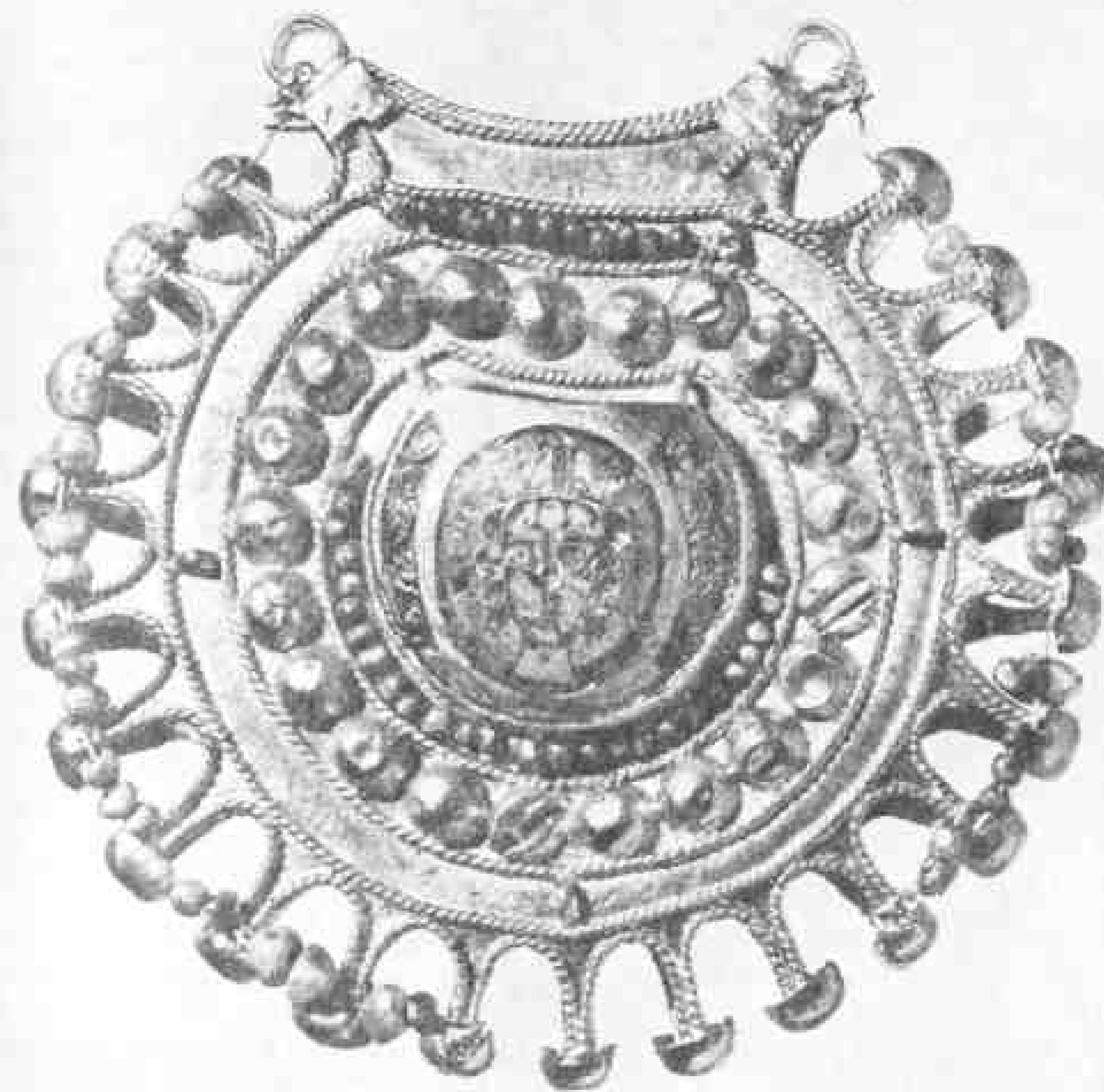

Рис. 37. Колт. Лицевая сторона. Золото, жемчуг. Нересородчатая эмаль, скань.

носили на металлических цепочках или матерчатых лентах. Они красиво обрамляли лицо, слегка касаясь щек. В росписях Боянской церкви около Софии в Болгарии (1259 г.) в costume Десиславы, супруги севастократора Калояна, показана шапочка с твердым обручем пониже (на месте нашего очелья), а колты висят на лентах. Так же могла их носить обладательница драгоценностей из Рязани.

Диаметр колта — 7 см, наибольшая ширина — 1,5 см, вес — 47 г 400 мг. Он состоит из двух слегка выпуклых золотых щитков с 21 лучом по краю (в основе — магические числа 7 и 3). Оба щитка припаяны к поставленной на ребро промежуточной пластине шириной 8 мм. Этот ободок сверху имеет щель, позволявшую вкладывать внутрь колта благовония, например, пропитанный душистым маслом кусочек ткани. Застежка-дужка в верхней части луновидного завершения с петельками-шарнирами по краям не сохранилась. С обеих сторон колт обрамлен сканью, а каждый луч его каймы завершен припаянным тисненым полушариком.

Рис. 38. Центральный щиток колты с изображением женской головки. Перегородчатая эмаль на золоте.

На лицевой стороне украшения в золотой оправе высотой 4 мм накладная выпуклая пластинка диаметром 2,4 см. Легкоплавкий оловянно-свинцовый припой при окислении превратился в порознок (по терминологии металлургов, "белая чума"). При реставрации щиток заново прикреплен при помощи эпоксидной смолы. Его центральную часть занимает круг диаметром 1,5 см с изображением изящной женской головки, выполненной перегородчатой эмалью. По сторонам головки — два сегмента с растительным побегом. "Портрет" знатной дамы с большими глазами, сходящимися к тонкому удлинённому носу бровями, крохотным ртом и волнистой причёской напоминает аналогичные головки на парных золотых колтах из киевских кладов в усадьбе Лескова (1876 г.)⁹³ и на Десятинной улице (1949 г.)⁹⁹. Миниатюрные женские головки в круглых медальонах представлены на концевых звеньях диадемы из киевскогоклада 1889 г. в усадьбе Гребеновского по Троицкому переулку. В ушах женщины — крупные каплевидные серьги¹⁰⁰. Во всех случаях показаны узорчатые кокошники с треугольным верхом, а на рязанском экземпляре по сторонам лица изображены и круглые колты, что особенно хорошо видно в микроскоп. Эта деталь представляет несомненный интерес для воссоздания головных уборов владелиц утирочья (рис.38).

Цвета эмали одинаковы на всех украшениях с женскими головками: лицо и шея — телесно-розовые, глазные яблоки — белые, зрачки, брови и волосы — черные, фон — зеленого цвета, с узким красным ободком. Растительные завитки в сегментах — красные, на зеленом фоне. Как и в остальных изображениях, корона-кокошник, видимо, была желтой, что равнозначно золотому. В тончайшей технике перегородчатой эмали мастерам удалось передать условный, идеализированный тип женской красоты, очень близкий византийским образцам. Достаточно сравнить портреты сестер-императриц Зои и Феодоры на эмалевых пластинах короны Константина Мономаха, изготовленной между 1042-1050 гг. Различия состоят в том, что на русских колтах вместо царских корон, украшенных зубцами либо киотцами, показаны нарядные кокошники с треугольным завершением, а цепочки из жемчуга по сторонам лица заменены колтами¹⁰¹.

Вставка с эмалью на рязанском колте подтверждает уже высказанное в науке положение, что эмалиеры Рязани были тесно связаны с киевскими мастерскими второй половины XII в.¹⁰². Этим временем эпиграфически датируется диадема с Деисусом, где на крайних пластинах представлены женские головки. Почти полное иконографическое тождество, вплоть до совпадения цветовой гаммы, в женских ликах на произведениях из Киева и рязанском колте говорит в пользу киевских истоков творчества мастера. Сложный, тонко проработанный рисунок золотых перегородок на щитке колта из Рязани — свидетельство длительной художественной традиции, сложившейся в княжеских мастерских Киева. Они включали несколько поколений ремесленников, некоторые из которых около середины XII в. переселились в новый столичный город на юго-востоке Руси.

Центральный щиток окаймлен четырьмя concentрическими скаными кольцами. Между ними — обрамление из 21 полого полушарика (диаметр каждого 0,5 см) и двух жемчужных обнизей. Некоторые жемчужины остались на первоначальных местах, но большинство рассыпались, так как были нанизаны на тонкую серебряную проволочку. Для ее продевания припаяны петельки, сама проволока разъедена окислами. Обнизь только частично восстановлены при реставрации, поскольку большая часть мелких жемчужин не сохранилась. Третью обнизь из крупных зерен мастер поместил между лучами колта. В количестве жемчужин упорно повторяется число 12. Внешний ободок окаймления разделен петельками на пять отрезков. В верхних трех частях было нанизано по 12 жемчужин (несохранившиеся просчитываются по темным пятнышкам). В нижней половине ободка тоже должно было помещаться 36 жемчужин, так как они вплотную примыкали друг к другу (в основе — священные числа 12 и 3). Внутренняя обнизь вокруг эмалевого щитка, по-видимому, состояла также из 36 зерен. Между лучами колта можно насчитать 42 жемчужины — количество, кратное магическому числу 7. Число 36 производно от 4 (4 стороны света, 4 времени года, 4 элемента и т.п.) и 9, получаемым тройкратным повторением триады. Таким образом, в системе декоративных элементов очелья и колта лежат сакрально отмеченные числа 3,4,7,9,12 и их производные, что едва ли является случайностью.

Налицо и заимствованная из византийской эстетики символика цветов. Красный (кайма "нимба", растительные завитки) — цвет "животворного тепла", а, следовательно, символ жизни. Зеленый (двулистные на пластинах очелья, обрамление девичьего лица) означал юность, цветение, земное изобилие. Желтый (златовидный) цвет венца — признак богатства и знатности.

Удивительно красива оборотная сторона колта (рис.39,40). Она сплошь покрыта скаными растительными разводами. Размещенные в три ряда, они образуют сердцевидные фигуры, образованные S-видными завитками. По краям — полукруглые жгутики, резко скрученные на концах. Растительный

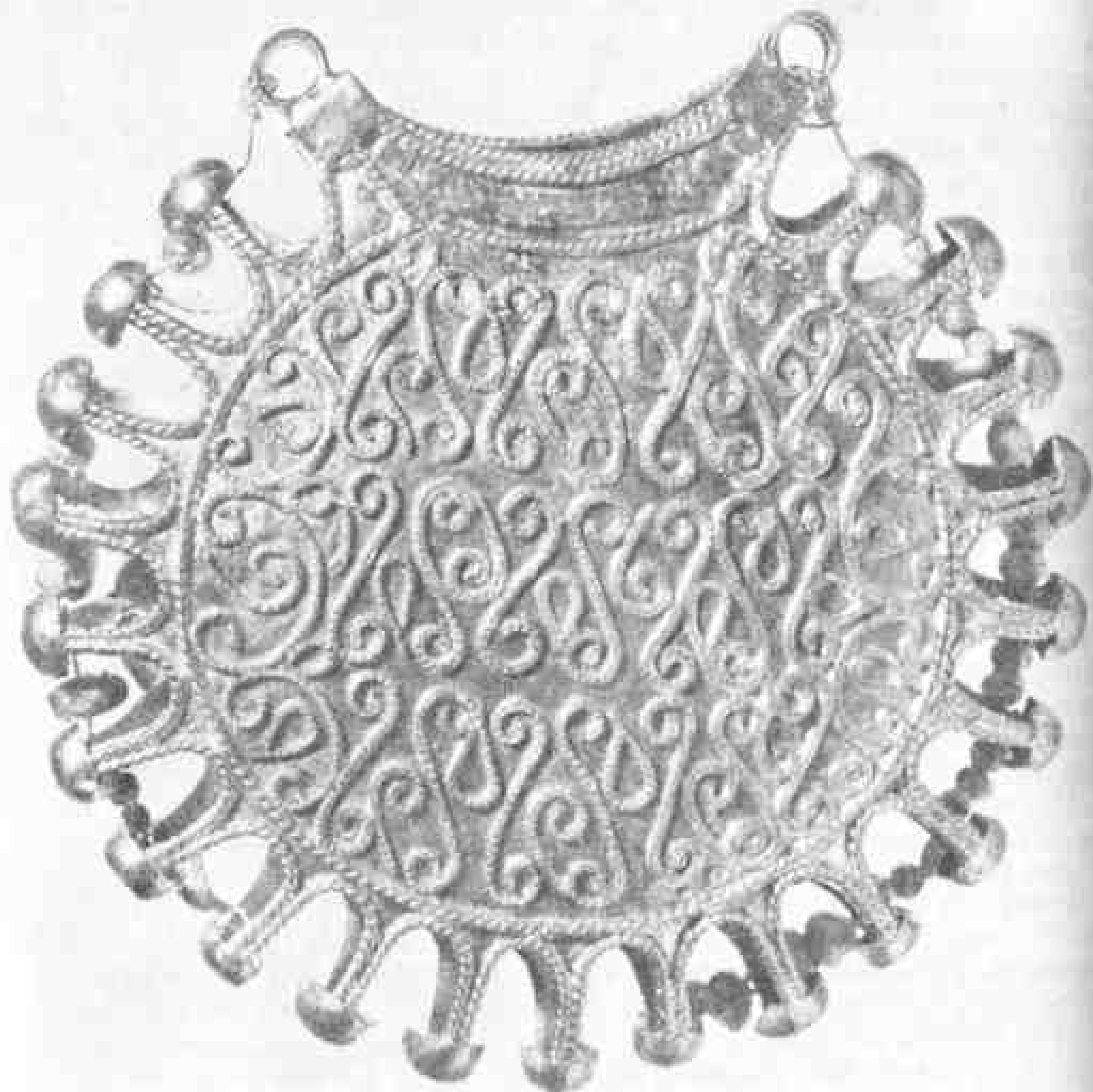

Рис. 39. Колт. Обратная сторона.

характер асимметричного "коврового" орнамента подчеркнут почковидными отростками или лепестками. Сходные по начертанию сканные узоры находим на двух золотых колтах с эмалевыми изображениями Бориса и Глеба из клада 1822 г., которые относят к произведениям рязанских мастеров.

Таким образом, набор золотых вещей к парадному головному убору богатой горожанки, возможно члена княжеской семьи, — не только эффектное украшение, надевавшееся в праздничные дни (рис.41). По словам Кирилла Туровского, искусно сделанные золотые цепи с жемчугом и драгоценными камнями веселят наше зрение, но гораздо выше — их духовная красота, равнозначная божественно прекрасному. У древнерусского человека изделия златокузнецов вызвали эмоции, не тождественные нашему восприятию. Если современный художник оценит в первую очередь совершенство формы, мастерство владения материалом, виртуозность техники, то для Средневековья были не менее важны символические, магические и этические начала, заложенные в произведении.

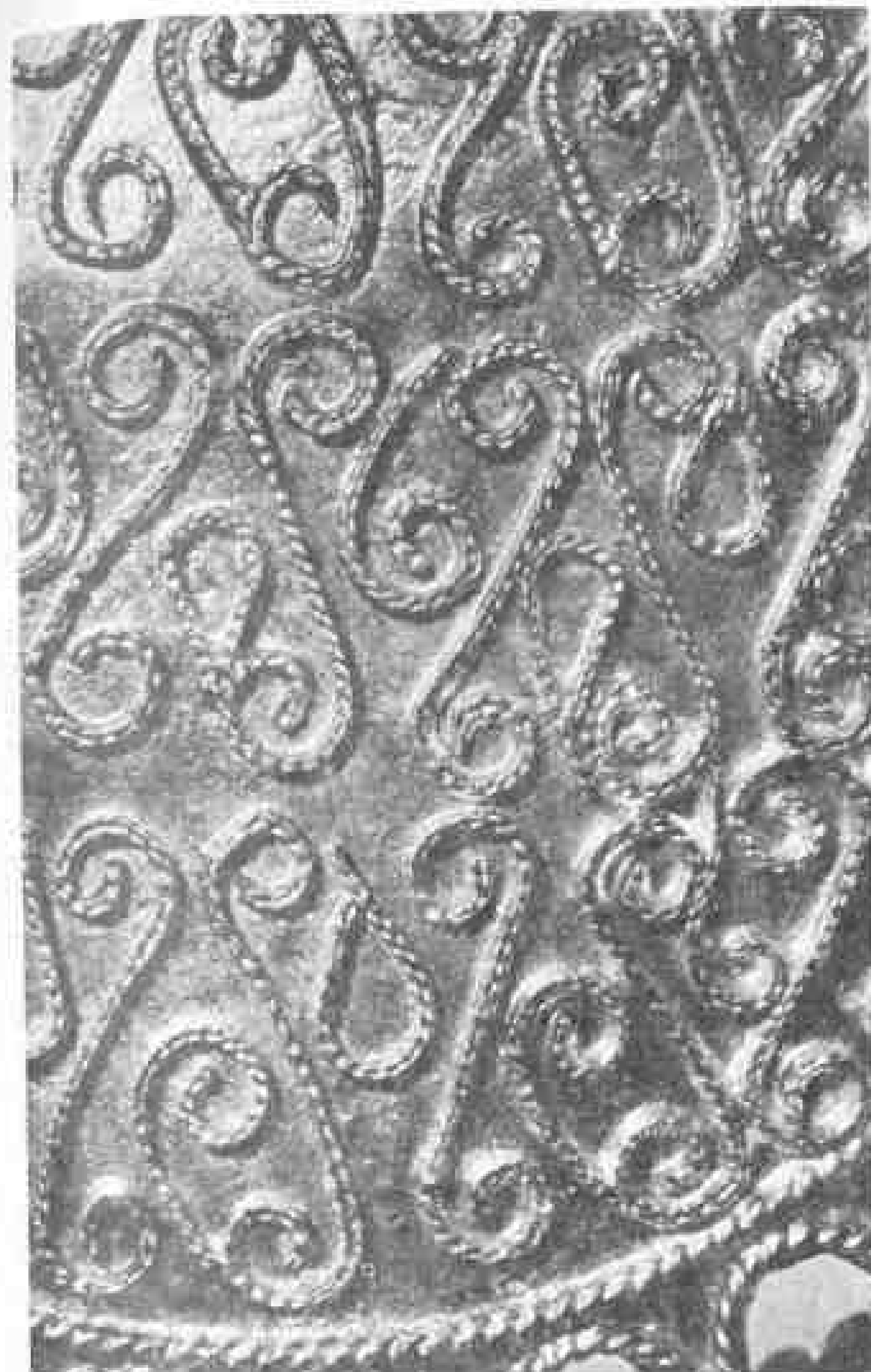

Рис. 40. Колт. Деталь обратной стороны.

Образ девушки-невесты с еще не покрытыми волосами (на киевских колтах из клада 1876 г. он сочетается с двумя птицами — символом любовной пары, супружеского благополучия, судя по славянскому фольклору), изобилие растительных мотивов, воплощающих плодородие, весеннее возрождение жизни, преобладание магических чисел во всех деталях узора — как залог счастья и благоденствия, наковей, сама светозарная цветовая гамма, — все это свидетельствует о благопожелательном смысле драгоценностей, игравших роль "чудесных оберегов"¹⁰³.

Индивидуальные находки из охранных раскопок 1992 г. также относятся к комплексу воеводского двора: плоская костяная фигурка оленя, маленькая золотая бусинка, тисненая кривовидная бляшка из серебра с отверстиями для крепления к ткани, раковина каури, литая ажурная накладка из бронзы с растительным узором, фигурная железная пластинка, бронзовая поясная пряжка, обломок семилопастного височного кольца (рис.42). Осколки желтоватого прозрачного стекла, украшенного бирюзовыми нитями, относятся к кубкам киевской работы, которые широко распространяются с конца XII в. Фрагменты стеклянных браслетов (160) концентрируются в непосредственной близости от боярских хором.

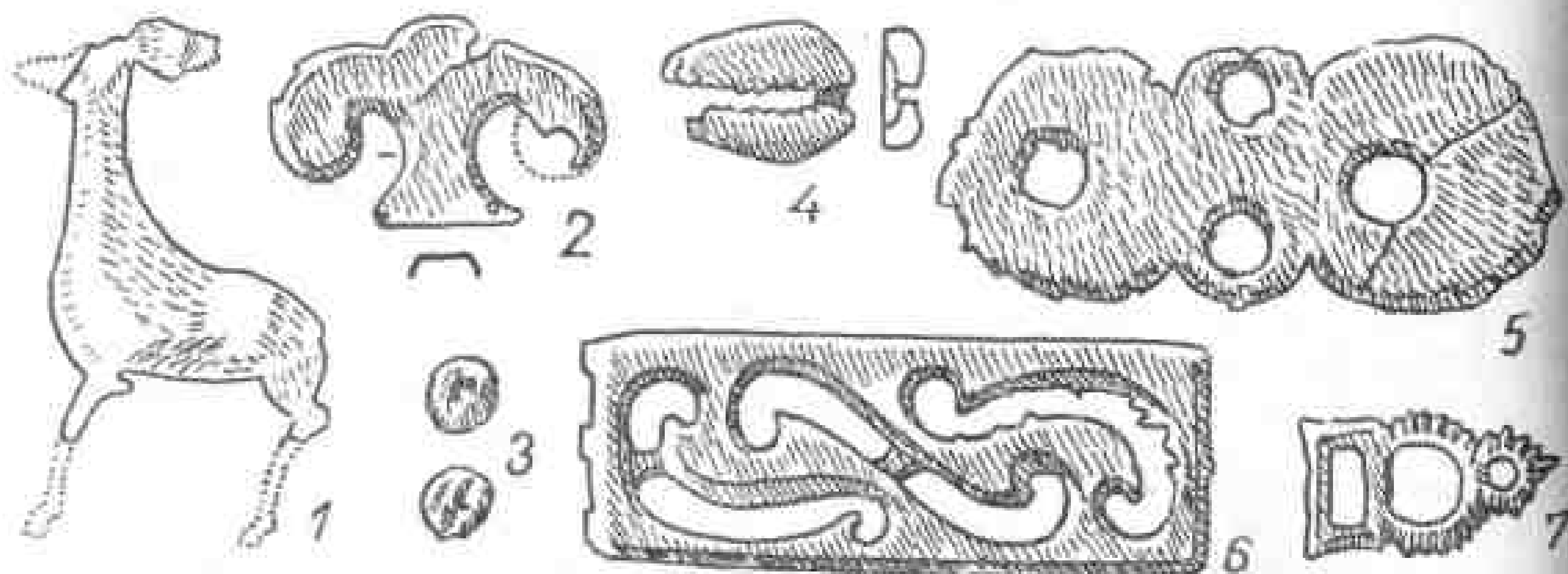

Рис. 41. Реконструкция головного убора знатной горожанки (по материаламклада 1992 г.).

Дворы ремесленников. На р.13 исследована группа усадеб, принадлежавших ремесленникам различных специальностей.

Полностью раскопана усадьба А ("двор литейщика") пл.400 м². В жилом доме (А-1) "кузнец меди" выполнял операции по холодной обработке цветных металлов. В постройке много отходов производства: кусков медной проволоки, обрезков бронзовых пластинок, бесформенных кусочков сплавов. В стороне от дома располагались 3 заглубленные мастерские с разрушенными ювелирными горнами; они небольших размеров, рассчитанные на одного мастера. В заполнении — обломки глиняных тиглей со следами расплавленного металла, ложковидные льячки, маленькие медные и серебряные слитки — сырье ювелира, отходы, связанные с ювелирным и литейным ремеслом: оплавленные кусочки меди и бронзы, обрезки листовой меди, медная проволока и шлаки, застывшие

Рис. 42. Вещи, найденные на территории "двора военеды" при раскопках 1992 г.: 1 — костяная фигурка в виде оленя; 2 — тисненая серебряная накладка; 3 — золотая бусинка; 4 — раковина каури; 5 — железная пластинка; 6 — литая бронзовая накладка; 7 — бронзовая прищипка.

брызги металла. Бронзолитейщик изготавливал на продажу миниатюрные крестики-тельники и застёжки (книжные?). Так же, как и в формах матриц на усадьбе ювелира (р.17), в бронзолитейном деле Рязани заметно воздействие киевского художественного ремесла. Это проявляется в формах украшений — крестиком с имитацией зерни, застёжек, круглых прорезных привесок с аключечным крестом и др., а также в имитационных формах для отливки лучевых колтов и трехбусинных височных колец. Эти вещи имеют параллели в южно-русских древностях. Местной переработкой киевского прототипа является довольно массивный крест с рельефным Ряснятием начала XIII в. (рис.43, 2).

Использование рязанскими "кузнецами меди" жестких имитационных литейных форм для изготовления массовой продукции, вероятно, началось, как и в Новгороде, в 70-80-х гг. XII в.¹⁰⁴. Процесс серийного производства удешевленных стандартизированных украшений ярко проявился в металлообрабатывающем ремесле. Литейщики, налажившие ускоренный выпуск изделий, обслуживали потребности демократических слоев горожан.

К северу от "двора литейщика" располагался "двор металлурга"-1 (усадьба В, пл.350 м²) — мастера по выплавке железа из болотной руды. На территории усадьбы в 1970 г. найден один из самых богатых в Рязани кладов серебряных украшений и денежных гривен. По-видимому, усадьба принадлежала родственникам семьям "кузнецов железа": двум жилищам и погребам соответствуют две мастерские. В мастерских обнаружены разрушенные домницы, сотни кусков железного шлака, обломок сошла. Мастер, владевший мастерской В-3, не только получал кричное железо, но и занимался обработкой цветных металлов, о чем свидетельствуют находки льячек, свинцового слитка, литников, кусков медной проволоки. Из того же помещения происходит кузнечное зубило.

Неподалеку от усадьбы В располагался "двор металлурга"-2 (усадьбы Д и Ю). Он включал жилой дом, погреб и мастерскую кричника. Как и в других огнеопасных помещениях, стены мастерской изнутри были обмазаны глиной. Сыродутный горн разрушен, в заполнении, кроме железных шлаков, найдены 2 лещикообразные крыцы.

Открытие на р.20 "двора гребенника", состоящего из жилого дома, хозяйственной постройки и мастерской, так же, как и "двора литейщика" (р.13), свидетельствует об узкой профессионализации ремесла в первой трети XIII в. При ограниченном ассортименте изделий продукция становится массовой: "мастер костяных дел" изготавливал только двусторонние наборные гребни, причем по сбитым полуфабрикатам и заготовкам можно проследить все стадии работы. Вместе с тем в Рязани трудились "костяники", из рук которых выходили шедевры косторезного дела.

К новым профессиональным группам, появившимся в Рязани не ранее второй половины XII в., относятся стеклоделы. С конца XII в. они наладили собственное производство стеклянных браслетов (доля рязанских составляет не более 25%, остальные — киевские)¹⁰⁵. Вероятно, первые мастера Рязани, выходящие из Киевской земли, наладили производство украшений с помощью местных учеников. Как во всем средневековом мире, институт ученичества был развит и в Рязани, где решающую роль играли родственные связи.

До начала исследований большими площадями о ремесле Рязани судили в лучшем случае по остаткам мастерских, металлургических и гончарных горнов, находкам инструментария (например, кузнечного). Ни одна ремесленная усадьба тогда не была раскопана полностью.

Со второй половины XII в. в Рязани работали две группы ремесленников. Одни, более многочисленные, применявшие упрощенную технологию, обслуживали потребности рядового свободного населения. Другие принадлежали к небольшой привилегированной группе мастеров высшей квалификации, исполнителей заказов светской и духовной элиты, наиболее зажиточных семей.

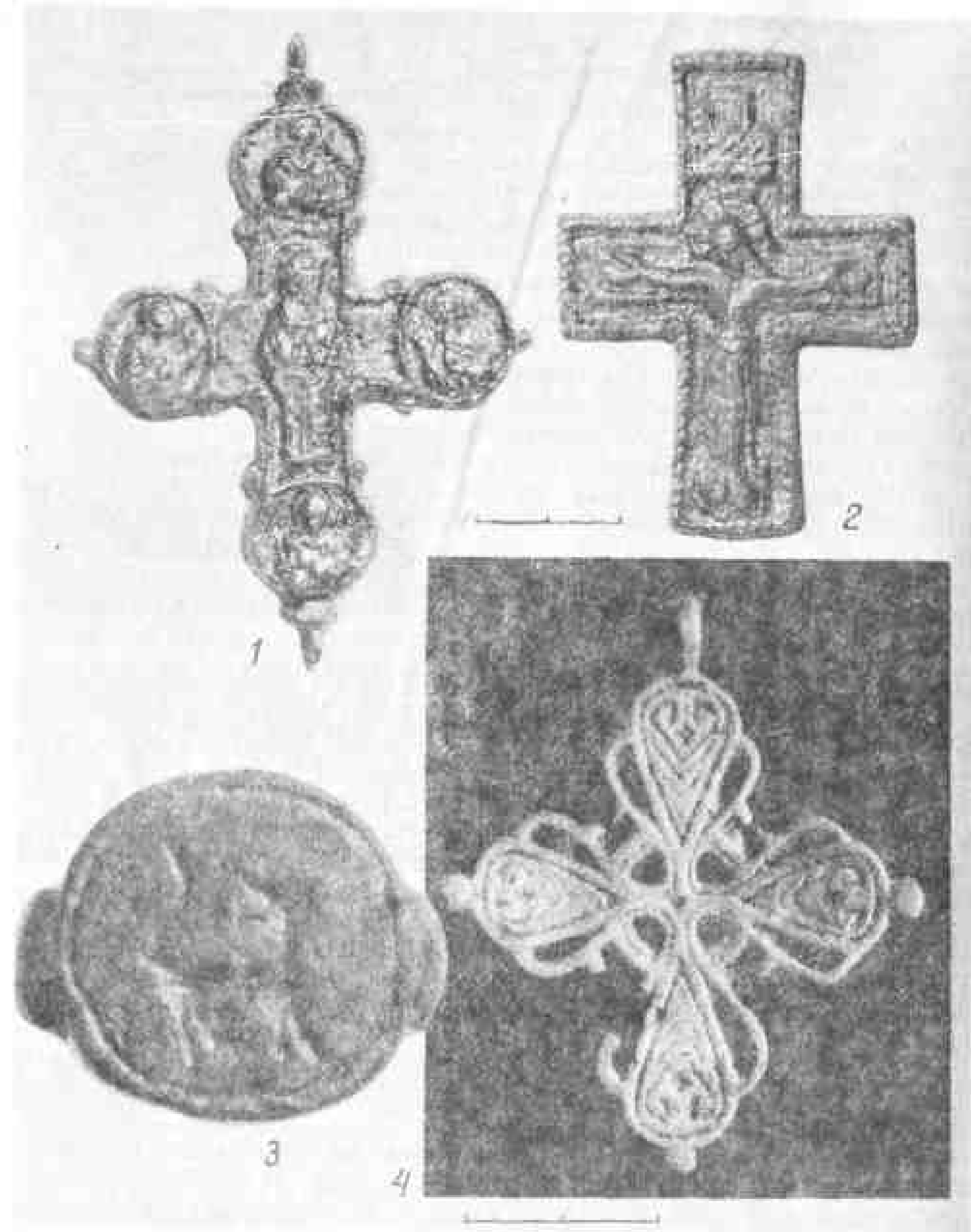

Рис. 43. Произведения металлопластики (раскоп 17): 1 — створка зиклонного (А-3); 2 — крест литей с Ряснотом (А-3); 3 — перстень с изображением барса (А-1); 4 — крест ажурный из Вос. точной Прибалтики (А-1); 1-3 — бронза, 4 — серебро.

В Рязани трудились и резчики-профессионалы, воспринявшие киевские традиции искусства мелкой пластики. К числу их произведений относится шиферная иконка с изображением Бориса и Глеба как мучеников-воинов. Иконка — выдающийся образец художественной резьбы — хранилась в Солотчинском монастыре и, возможно, являлась семейной реликвией рязанских князей.

Купцы. Археологические материалы говорят о возросшей роли купечества в период расцвета Рязанского княжества. Кроме профессиональных купцов, постоянно находившихся в дальних разъездах, в торговом обмене принимали участие и "княжьи мужи" — боярство и ремесленники разных специальностей. Местный натуральный обмен по принципу "товар — на товар", переход вещей "из рук в руки" не требовал особых посредников: торговля охватывала все слои общества, пронизывая повседневную жизнь. При незначительной роли денег, особенно в так называемый безмонетный период, производство, потребление и обмен осуществлялись, как правило, без участия третьих лиц. Существование неметаллических денег в XII-XIII вв. — признак архаизма в экономике, которой еще предстояло перейти от натуральной стадии к денежному хозяйству.

Хотя обычно с появлением купца в древней Руси связывалось представление о зажиточном человеке, но, судя по археологическим источникам, они, как и ремесленники, составляли разные имущественные группы.

Если на первом этапе развития Рязани тон задавали странствующие мелкие торговцы, поставлявшие в массовом количестве шиферные пряслица или изготовленные в мастерских стран ислама и Византии бусы из сердолика, горного хрусталя и аметиста, двухслойного стекла с металлической прокладкой, глазчатые и др., а также шелковую тесьму для отделки одежды и другой мелочный товар, то в княжеской столице возрастает роль богатых купцов с высоким социальным статусом, тесно сросшихся с аристократической верхушкой.

Вместе с увеличением потребностей горожан, например литейщиков — в сырье (серебро, медь, олово, свинец), князя и его окружения — в предметах роскоши, драгоценных экзотических вещах, виноградных винах и пряностях, на первый план выступают "гости", связанные крупными торговыми делами с другими большими городами и зарубежными странами. Исходя из результатов раскопок, можно реконструировать некоторые из их операций, воссоздать направления циркуляции потока товаров.

Если говорить о внутренней торговле — "купле", то можно полагать, что в обмен на хлеб Рязань получала из Новгорода серебро в слитках и другие цветные металлы (находки денежных гривен новгородского типа в кладах 1966 и 1970 гг.; свинцовый слиток палочкообразной формы в мастерской литейщика). Через Новгород или Смоленскую землю из Прибалтики поступал янтарь, который ввозили как сырье. Местные умельцы вырезали из него бусы (следы мастерской по изготовлению янтарных бус обнаружены при раскопках В.А.Городцова), перстни, крестики к ожерельям, вставки для женских украшений.

Большой интенсивностью отличались торговые связи с южнорусскими княжествами. Крупнейшими пунктами транзитной торговли являлись Киев и Чернигов. Судя по находкам амфор из Северного Причерноморья (особенно на боярских дворах), из этих промежуточных центров рязанцам доставляли вино, оливковое масло, всевозможные приправы. На одной из амфор процарапана надпись: "Новое вино добрило послал князю Богунка", т.е. некий Богунка послал князю в этой корчаге новое доброе вино¹⁰⁰.

Предпринимчивость и смелость средневековых купцов, и русских и чужеземных, позволяла им, несмотря на огромный риск, предпринимать подчас ошеломляющие по дальности путешествия. Они знали вкусы покупателей: учитывая притягательность восточных самоцветов, которым приписывали целебные свойства, продолжали ввозить бусы из сердолика и горного хрусталя, ажурные крестики с красивыми узорами. В результате далекой иноземной торговли — "гостыбы" в Рязань доставляли партии иранской расписной посуды — "чанья, тарелки, купчинны или бутылки с люстровым декором и цветными эмальями — "минаи", с разными вариантами глазурированного и подглазурированного

орнамента, датируемые, вплоть до монгольского завоевания Ирана 1220 г. Керамику школы Рея с росписью лотром ввозили в Восточную Европу не только по волжско-окской трассе, но и через Армению на Трапезунт и Синоп и дальше морем в Херсон и Судак. Из Таврики вместе с сиро-египетской и византийской стеклянной посудой, многочисленной в Рязани (только в пределах "двора воеводы" обнаружены фрагменты двух-трех десятков сосудов), иранскую керамику доставляли вверх по Днепру и отсюда — на северо-восток — во Владимиро-Суздальскую и Рязанскую земли.

Теми же путями попадал в Рязань шелковый текстиль, пользовавшийся широким спросом в среде городского и сельского населения Руси. В погребениях найдены фрагменты гладких однотонных тканей и узорные золототканые ленты — предметы ввоза из Византии, мусульманского востока и даже Испании. Восточноевропейская торговля шелком в основном осуществлялась через Константинополь. Отсюда, наряду с изделиями собственных мастеров, в европейские государства и на Русь вывозили шелковую продукцию Востока. Если импортная поливная керамика и стеклянная посуда стоили дорого и были доступны лишь зажиточным горожанам, то шелковая тесьма для украшения мужской и женской одежды — товар, рассчитанный на массового покупателя.

Значение Рязанской земли в международной торговле определялось ее богатством драгоценными мехами, спрос на которые в кругах знати от Испании до Китая был необычайно велик. При раскопках в Рязани и Переяславле-Рязанском обнаружены кости бобров, куниц, белок.

В подобные Рязани города Средневековья доставляли изделия "со всего света", вероятно, при активном участии иноземных купцов, находившихся под непосредственной княжеской защитой. Правители старались облагодетельствовать энергичных и бывалых людей, много видевших и много знавших. Летописец рассказывает, что при Андрее Боголюбском во Владимир приходили купцы из Южной Руси, Константинополя, Западной Европы и Волжской Болгарии. Он перечисляет "гостей" "из Царягорода" и от "иных стран", "из Русской земли", "латиния", от "всех поган" (т.е. язычников), мусульманских и иудейских торговцев ("Болгаре и Жидове")¹⁰⁷.

Эти направления международных связей характерны и для Рязани, правители которой были "к приезжим приветливы... К греческим царям великую любовь имели и дары от них многие принимали" ("Похвала роду рязанских князей"). Несмотря на огромную посредническую роль таких центров международной торговли, как Киев или Булгар, рязанцы встречали у себя не только купцов и русских князей, половцев и болгар, политически и экономически связанные с Муромом и Рязанью, но и выходцев из далекого Хорезма (поливная посуда, хорезмийская монета 1180-1225 гг.), Византии (центральный медальон "барм" из клада 1822 г. с изображением Богоматери и образок с композицией Распятия), юго-восточной Прибалтики (ажурный серебряный крест, аналогичный находкам в Латвии, рис. 43, 4), Германии (романские бронзовые чаши из области Мааса — Нижнего Рейна). С прирейнскими произведениями художественного ремесла перекликаются скандинавские, с самоцветами, медальоны из клада 1822 г., также золотая пластинка с крестовидной прорезью¹⁰⁸.

Пришельцы из дальних краев привозили с собой диковинные вещи, и мода на них, охватив придворные круги, начала проникать в те слои, которые стремились подражать знати.

Иноземные "злато и серебро", "паволоки и сосуды различные" попадали в Рязань не только с именитыми купцами, но и в числе посольских даров (византийская печать XII в. с Успением) и военных трофеев, вместе с персидскими, паломниками к святым местам и странствующими ремес-

Рис. 44. Стеклянная вставка от перстня с изображением охотника с соколом.

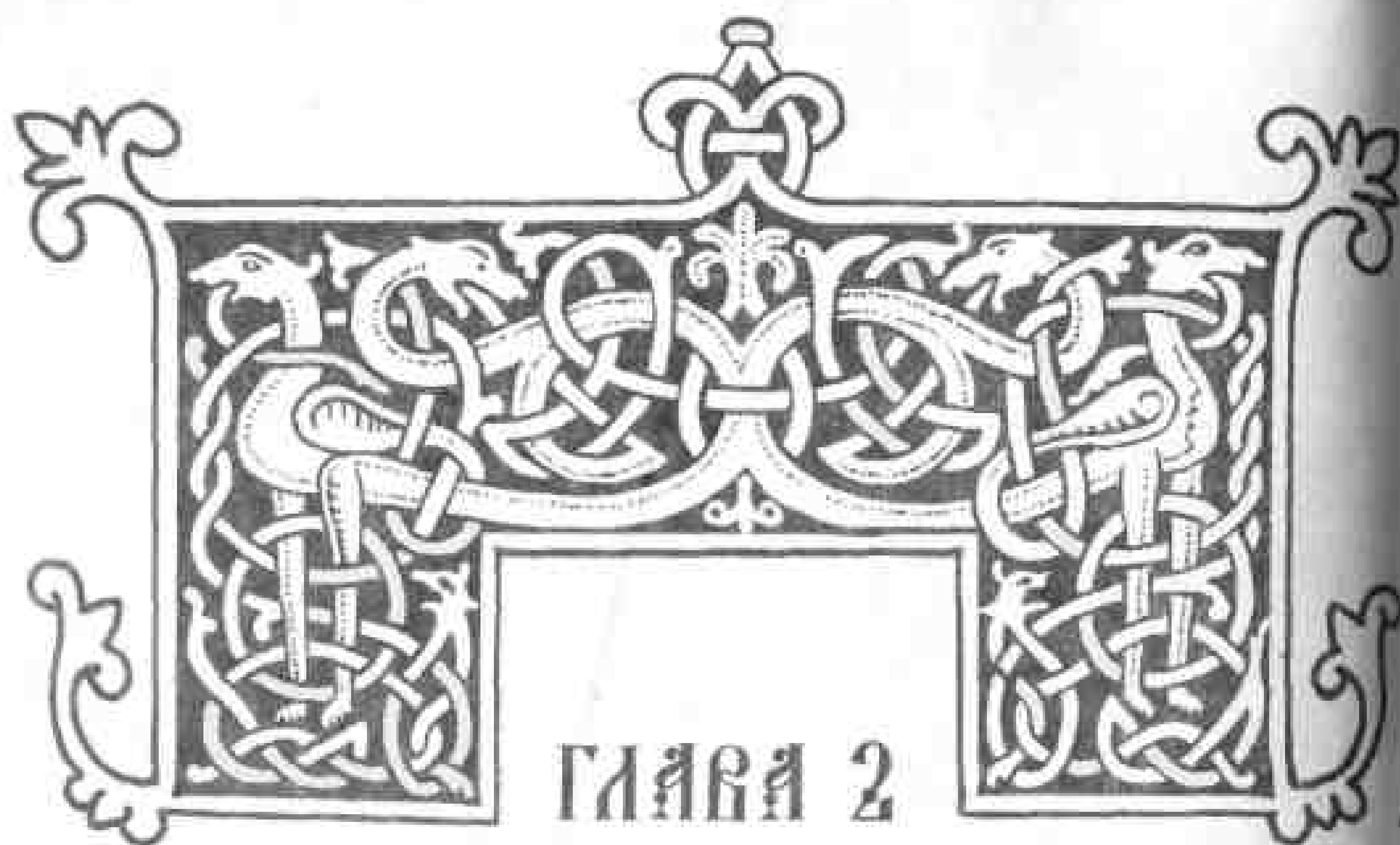
ленниками. Это — личное достоинство колесивших по свету людей, высоко ценимые ими украшения костюма или амулеты, такие, как вставка от перстня из темно-зеленого стекла с фигурой какого-то мифологического героя Востока — охотника с ловчей птицей на фоне звездного неба (рис. 44).

Археология помогает реконструировать сложную социальную стратификацию населения Рязани даже в пределах одной профессиональной категории. Разный сословный статус имеют кочующий торговец-"коробейник" — перекупщик мелких партий товара у "оптовиков", хозяин небольшой семейной мастерской — одновременно лавочник, сам продающий свои изделия, и привилегированные "заморские гости". Тесно связанные с боярством, проводящие крупные торговые операции, они удовлетворяли запросы княжеского двора, поставляя всегда желанные иноземные предметы роскоши.

Археологические материалы доказывают неоднородность и в среде ремесленников: "ремьство" (искусность, умение) оценивали по-разному. То же относится и к воинскому сословию, и к лицам духовного звания — функциональная специализация и положение членов городского сообщества в XII-XIII вв. заметно усложняются и дифференцируются.

...

Взаимодействие разных социальных групп, интересы которых так или иначе переплетались, характерно для городского образа жизни, которому с самого начала присущ "динамический элемент". Рязань, как и другие города Средневековья, постоянно находилась в процессе изменения. Ее историческое развитие сопровождалось совершенствованием архитектурно-планировочной структуры.

РЯЗАНЬ В АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНОМ РАЗВИТИИ

Исследование планировки и застройки древней Рязани в динамике проводилось не только археологически, но и с учетом особенностей древнего рельефа и его изменений. Город изучался со всеми его составляющими: укрепленной территорией с ее трехчастной структурой, подолом между городищем и Окой, северной и южной посадской застройкой, и, наконец, с близлежащими поселениями. Реконструкции, созданные в результате этой работы, демонстрируют разнообразие планов и силуэтов города с разных точек, их искусную увязку с ландшафтом. В период укрепления своего могущества как столицы земли-княжения, политико-административного и религиозного центра Рязань расширилась путем пристройки к первоначальному ядру-крепости еще двух линий оборонительных сооружений. В Рязани не сохранилось древних названий отдельных частей города, наименований ворот и полностью разрушенных храмов, идентифицированных уже после раскопок. Поэтому, помимо чисто археологических обозначений, возникла необходимость в такой номенклатуре, которая исходила бы из историко-культурной значимости объектов в планировочной структуре, их связи с местной топонимикой и т.д.

По мере развития Рязани от ридового городка к удельному, а затем к столичному совершенствовалась система укреплений, а внутри развивающейся уличной сети возникали и усложнялись новые композиционные центры.

Кром (Северный мыс). Древнейшая часть города занимала труднодоступный мыс-останец между Окой и впадающей в нее р. Серебрянкой (рис. 45, 46). Мысовое расположение имело ряд достоинств: удобство обороны, возможность дальнейшего расширения города при сохранении стратегических выходов оборо-

Рис. 45. Древнейшая часть города (Северный мыс) в устье Серебрянки (территория Крома).

ны. Можно предположить, что рязанский Кром площадью 0,4 га первоначально служил крепостью-убежищем (наиболее известен Кром в Пскове, от которого началось развитие города; "город Кромный" входил составной частью в новгородский Детинец). К сожалению, Северный мыс Старорязанского городища

Рис. 46. Кром и части Среднего города (Северное городище). Внизу слева — устье Серебрянки; современная деревня с Преображенской церковью (1735 г.) расположена на месте древнего Подола. Нынешняя дорога проходит по первоначальной трассе (от пристани на Оке через Серебряный короток); от нее вправо отходит дорога, объединяющая посадские части города.

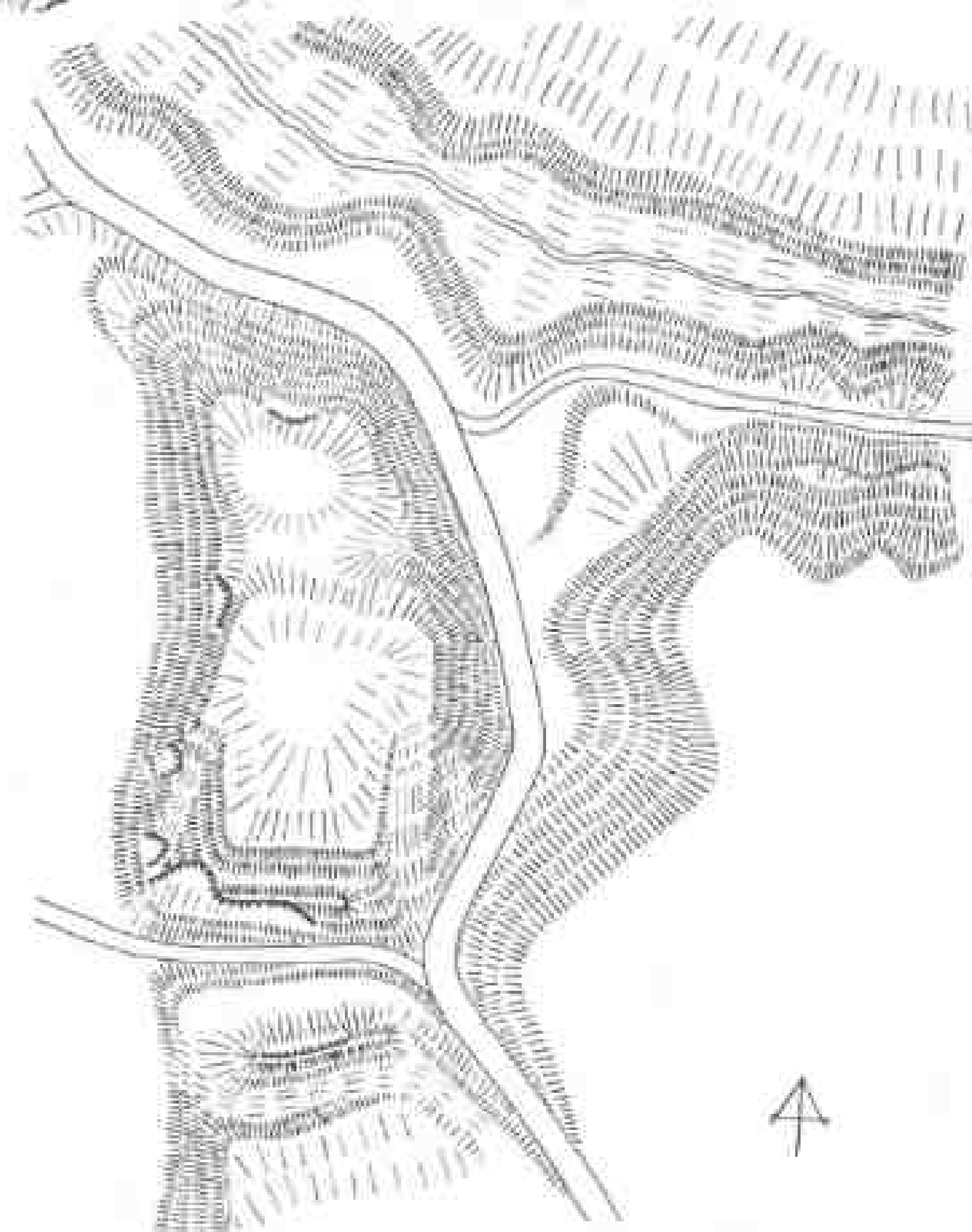
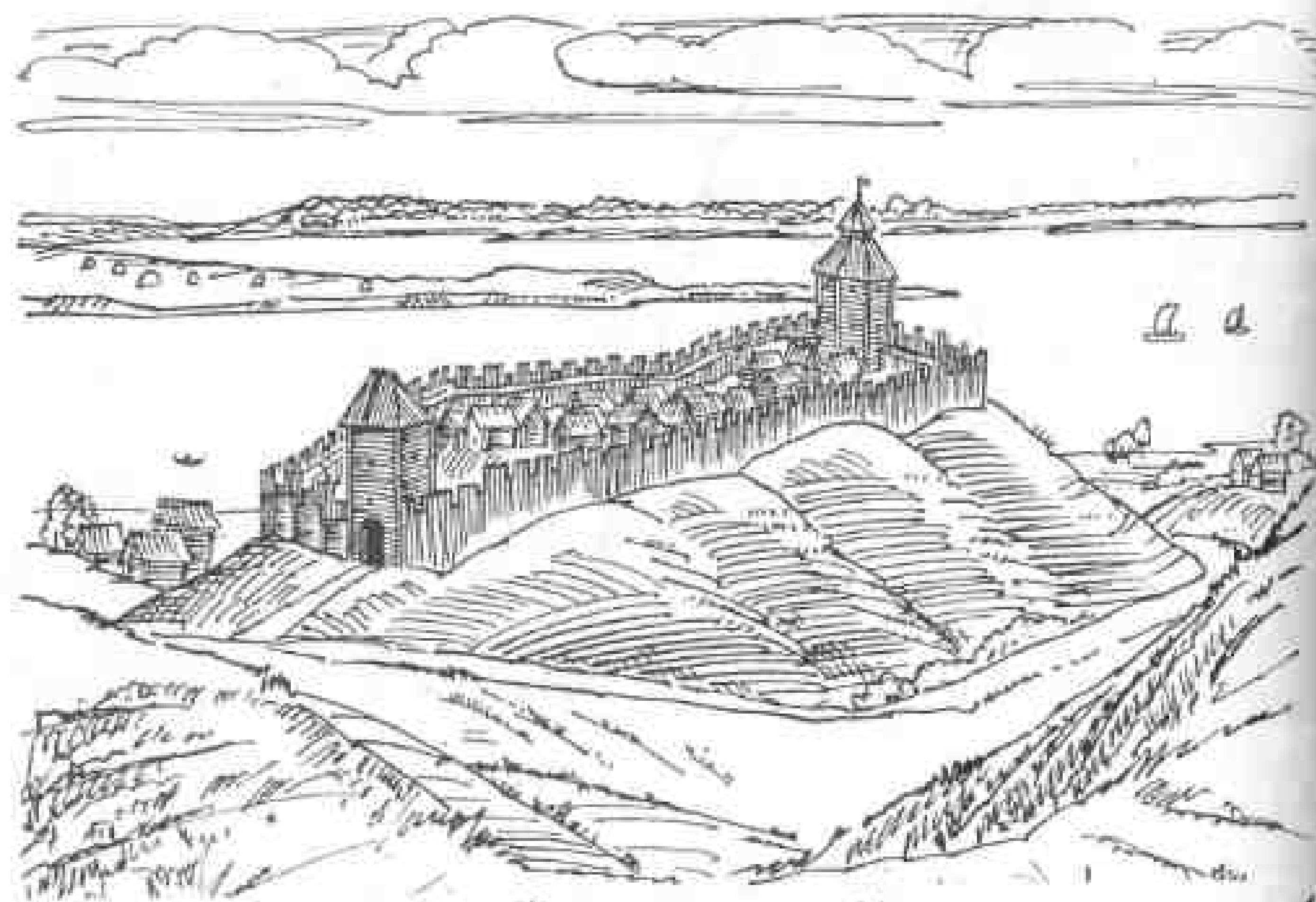

Рис. 47. Кром (Северный мыс): 1 — реконструкция (около середины XI в.), вид с юго-востока; 2 — микрорельеф.

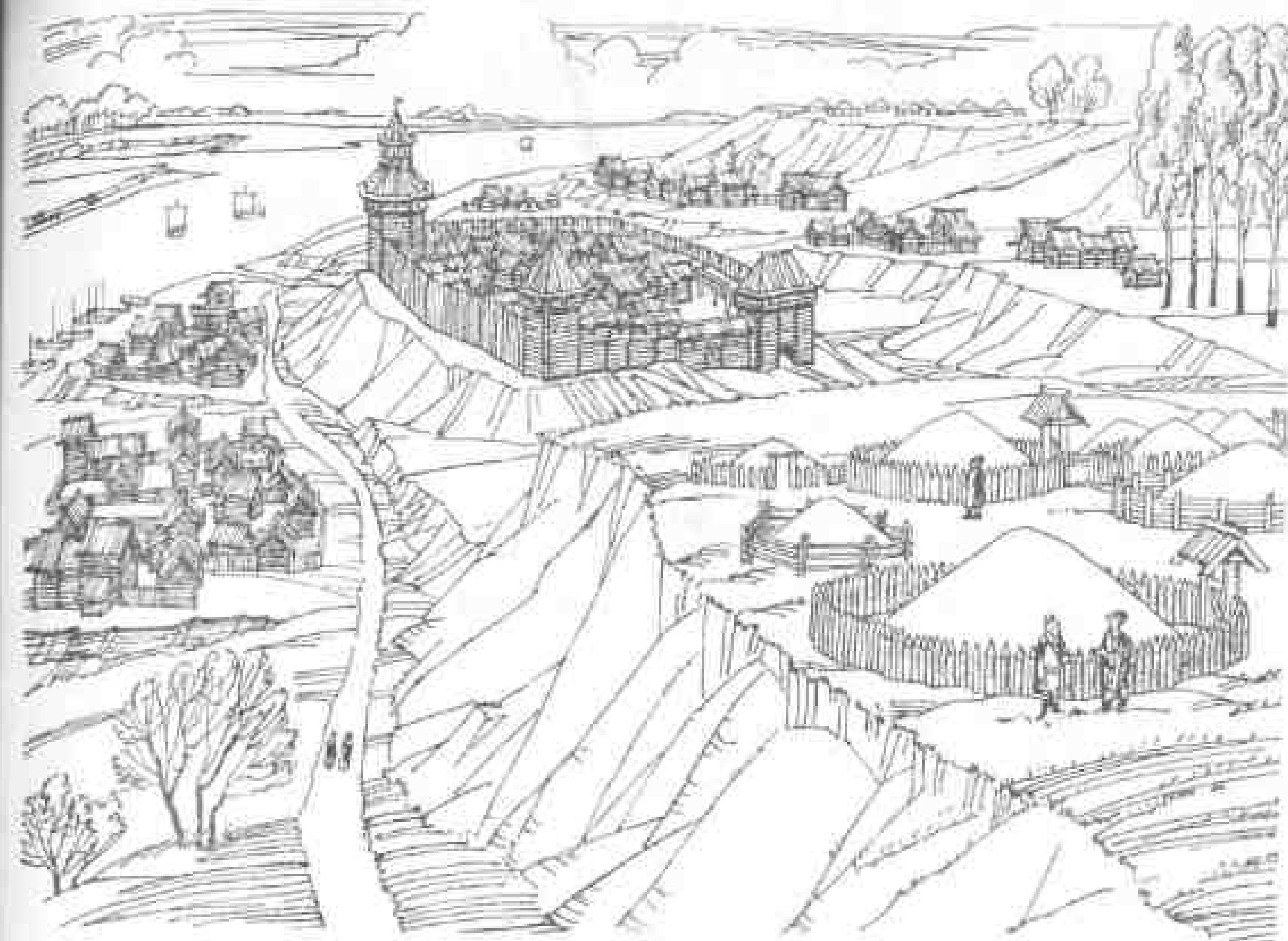

Рис. 48. Кром, курганный могильник. Подол и Засеребрянье. Вид с юга. Реконструкция.

почти недоступен для археологического исследования, т.к. занят кладбищем, которое существовало здесь уже в XVII в. Тем не менее, по микрорельефу городища можно говорить о нескольких периодах развития крепости. Ее поверхность спланирована так, что образовались две площадки, разделенные сильно осыпавшимся валом и рвом. Видимо, дворы в северной части мыса некогда защищались с юга стеной из клетей, забитых землей, а со стороны крутых склонов были обнесены частоколом. На втором этапе крепость заняла весь останик. На южном скате городища различимы остатки вала — следы засыпанной грунтом деревянной стены. От того же времени с востока и запада сохранились два пандуса для подъема в крепость. Западный пандус вдоль крутого склона мог заканчиваться банней. Восточный засыпан обвалившимися сверху земляными массами и переменен (рис.47).

На реконструкции Крома показаны две воротные башни: одна — на окончании пандуса, со стороны Подола, вторая — с противоположной, южной, стороны замыкала въезд от дороги (рис.47). Вероятно, Кром был застроен в основном осадными дворами и, судя по материалам раскопок, не ранее второй половины XI в. (не считая городецкого и послегородецкого слоя). Жилые усадьбы размещались на Подоле площадью 8 га. Ранняя его часть простиралась от левобережья устья Серебрянки до опрота на стыке Среднего и Столичного города. Как и в современной деревне (слобода "Задол" с церковью Преображения), дворы должны были располагаться на безопасном расстоянии как от зоны весенних разливов, так и от оползней со стороны береговых крут (рис.48).

От устья Серебрянки, где была открыта пристань (остатки дубовых свай, причалов, настилы мостовых)¹⁰⁰ и могло располагаться торжище, подола

Рис. 49. Устья Серебрянки (вид с востока). На первом плане — остатки вала от укрепления Столичного города; за Серебрянкой — территории Среднего города и Крома.

Рис. 50. Кром и Средний город. На первом плане — Водяные порты. Реконструкция сделана с той же точкой, что и на рис. 49.

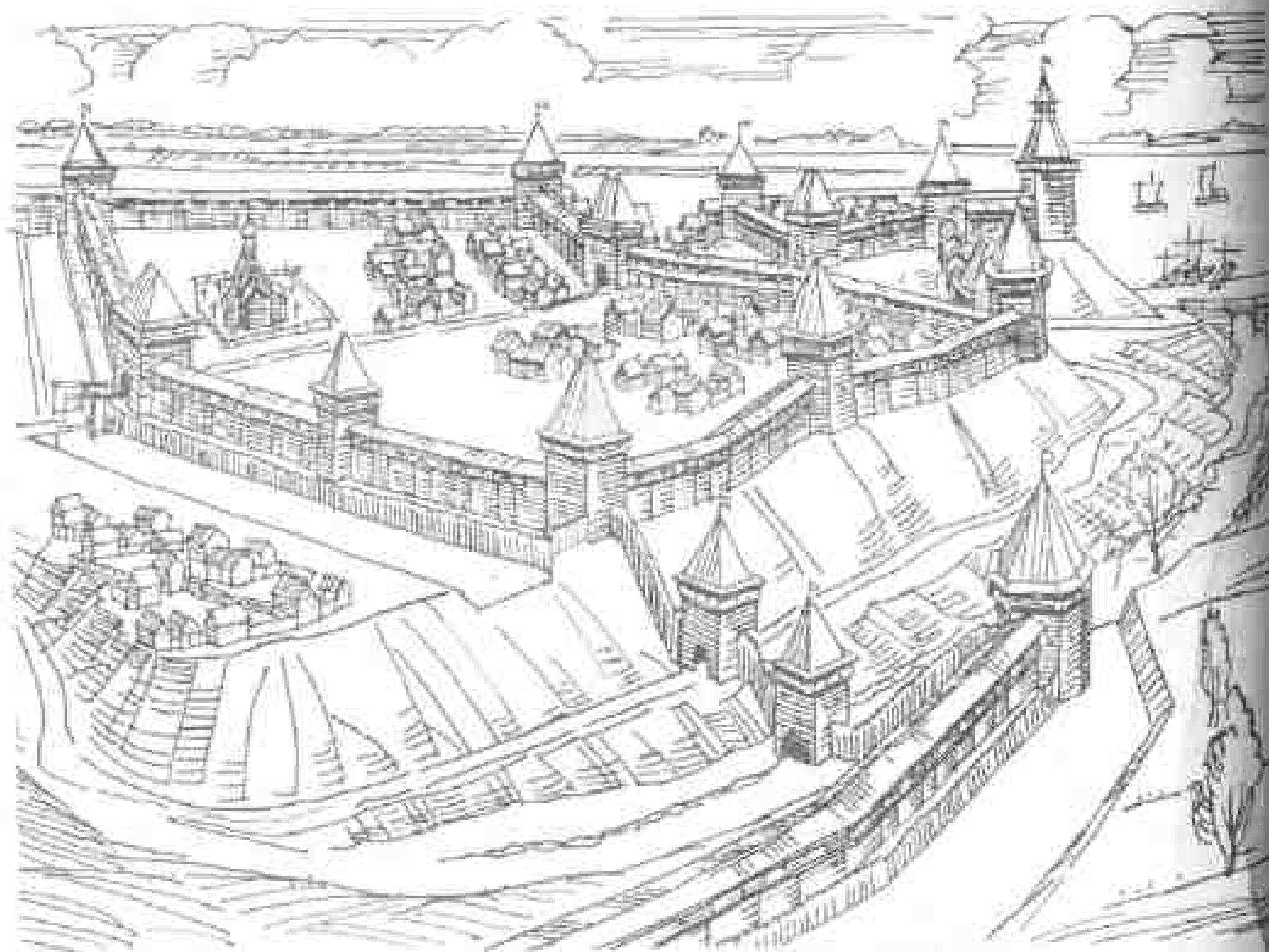

Рис. 51. Укрепления, связавшие Кром со Средним городом. В центре на реконструкции показаны Серебряные ворота. Вид с юго-востока.

поднималась дорога к подножию Крома, вдоль которой размещались усадьбы и земельные угодья владельцев.

Средний город (Северное городище). Вскоре после создания Крома в связи с ростом численности населения укрепленная часть города увеличивается в 18 раз (рис. 49, 50). Новая часть представляла собой самостоятельную крепость, отделенную ложбиной от Крома: Рязань получила двухчастную планировочную организацию. С напольной стороны сохранился вал с сухим рвом, отсекающий часть плато между Окой и Серебрянкой. В результате размыва этого рва на юге образовался разветвленный овраг.

С возникновением Среднего города оборонительный комплекс совершенствуется. Наблюдения над микрорельефом Среднего города и Крома показали тесную фортификационную связь между ними. Дорога с Подола от устья Серебрянки на середине подъема перегораживалась стеной из городней, забитых землей, с устройством проезда, защищаемого воротной башней (рис. 51). От перекрывающей ложбину стены на склонах Крома и Среднего города остались слабо выраженные осыпи валов от засыпки клетей. Этот стык двух крепостей — один из ключевых узлов в фортификации города: проникший сюда противник попадал под перекрестный обстрел с двух сторон. Проездные ворота с башней

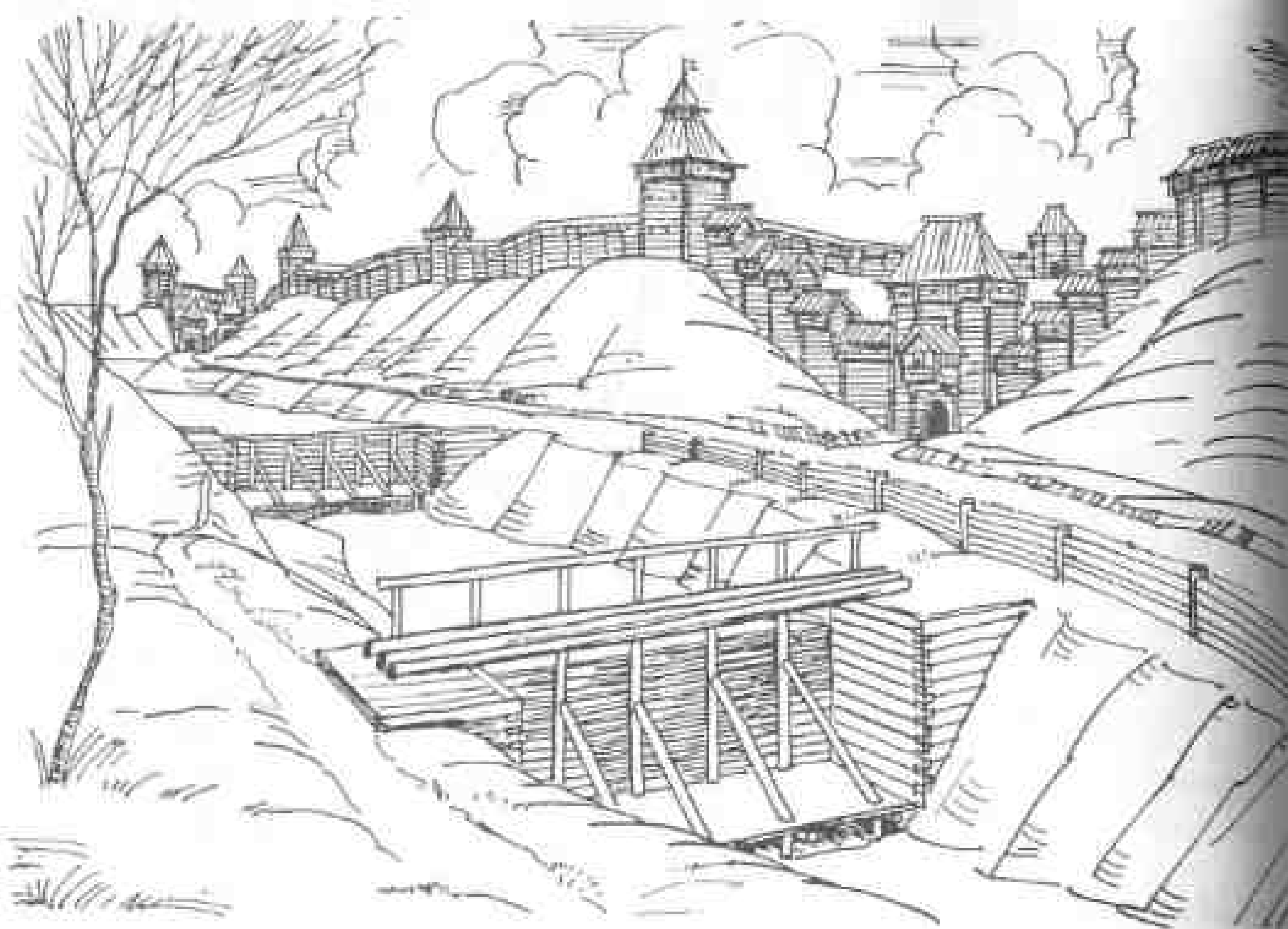

Рис. 52. Каскад плотин на Серебрянке. Реконструкция. Вид с северо-запада.

условно названы "Серебряными" — по их выходу к Серебрянке и особой роли в обороне (Серебряные ворота имелись в Киеве и Владимире на Клязьме).

Сквозь Спасские ворота (названы по близости к Спасскому собору), в которых в валу Среднего города остался проем, проходила дорога. На плане XIX в. она называется Большой и остается до сих пор главной дорогой через городище. Она пересекала город на две неравные части — западную, меньшую, треугольную в плане, и восточную, приближавшуюся к четырехугольнику.

Пространство между Кромом и Средним городом со стороны Оки мы называли Межградием (площадь 0,7 га). Как свидетельствуют остатки вала разрушенных городен, обнаруженные на склоне в северо-западном углу Среднего города, Межградие со стороны Оки имело такой же оборонительный узел, как у Серебряных ворот. Проездные ворота из Межградия на Подол обозначены как Подольские. Особенность оборонительного узла заключалась в том, что к этим воротам шел пандус со Среднего города. В случае осады Рязани небольшой участок Межградия, зажатый крутыми склонами обеих крепостей, мог использоваться в качестве загон для скота.

Одновременно со Средним городом заселяется Засеребрянье (площадь 1 га) — территория на полого возвышающемся к подножию Соколиной горы правом берегу Серебрянки. Еще большее значение приобретает участок в устье Серебрянки: место торга у пристани и возможной переправы через Оку к дороге на Переяславль-Рязанский. Возможно, от устоев древнего моста у устья Серебрянки уцелели остатки в виде двух бугров, расположенных напротив друг друга, у подножия Крома. Не исключено, что это следы плотины для устройства пруда, подобного существовавшему здесь при Стерлиговых (рис. 53).

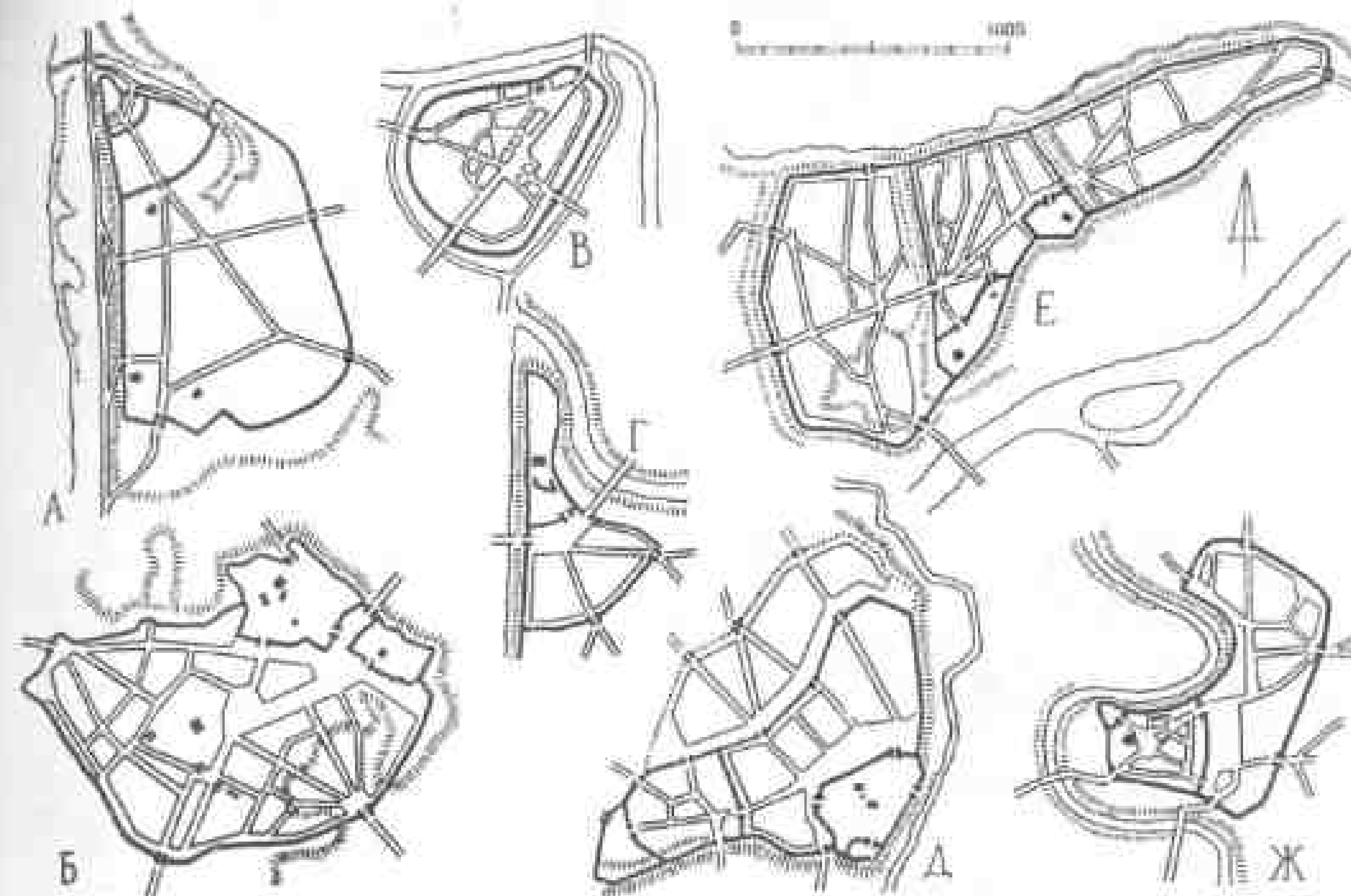

Рис. 53. Планы городов (вторая половина XII — первая треть XIII в.): А — Рязань; Б — Киев; В — Переяславль-Залесский; Г — Псков; Д — Чернигов; Е — Владимир на Клязьме; Ж — Суздаль.

Уже на первых этапах существования Рязани во второй половине XI — первой четверти XII в. наблюдаем развитую дворовую застройку (р.23). В дальнейшем она сохраняется, но, ввиду большой скученности населения в Среднем городе, усадьбы здесь не превышают 200 м². Как правило, наземные постройки с подпольями и подпольными ямами расположены в системе прямоугольных координат по странам света. Упорядоченность планировки может объясняться близостью дворов к крепостной стене, которая координировала их размещение. Вполне вероятно существование уличной сети (часть улицы с перекрестком и дворами по ее сторонам открыта на р.23).

К раннему периоду истории Рязани относится огромный курганный могильник вне стен, протянувшийся к югу от Среднего города над косогором крутого окского берега (рис.48).

Столичный город (Южное городище). С превращением Рязани в столицу земли-княжения она становится одним из крупнейших центров древней Руси и по размерам укрепленной площади входит в десятку главных городов того же времени (рис.53). К старой, укрепленной части практически пристраивается новый город, с чем связан необычайный размах фортификационных работ. От первоначального ядра город расширяется в единственно возможные стороны: на севере его ограничивает овраг, по дну которого протекает Серебрянка, на юге — Черная речка. С восточной, напольной, стороны, не имевшей естественных рубежей, создается мощная система укреплений. Столичный город, окруженный стенами, занял площадь около 55-57 га, а в целом с Кромом и Средним городом — свыше 60 га. Судя по незастроенным участкам, он был явно открыт для дальнейшего заселения, которое прервало нашествие монголов.

Рис. 54. Вид Рязани со стороны Серебрянки. Реконструкция. Вид с северо-запада.

В новом планировочном образовании первоначальные крепости оказались на периферии. Они не стали композиционным центром стольного града, который перемещается в юго-западную часть Южного городища. Один из главных структуроформирующих элементов плана — пояс укреплений — представляет собой тщательно продуманную целостную систему (рис. 54). Приглашенные князем градодельцы скорее всего использовали метод предварительного проектирования, предусматривающий создание нескольких самостоятельных архитектурных узлов в планировочной структуре.

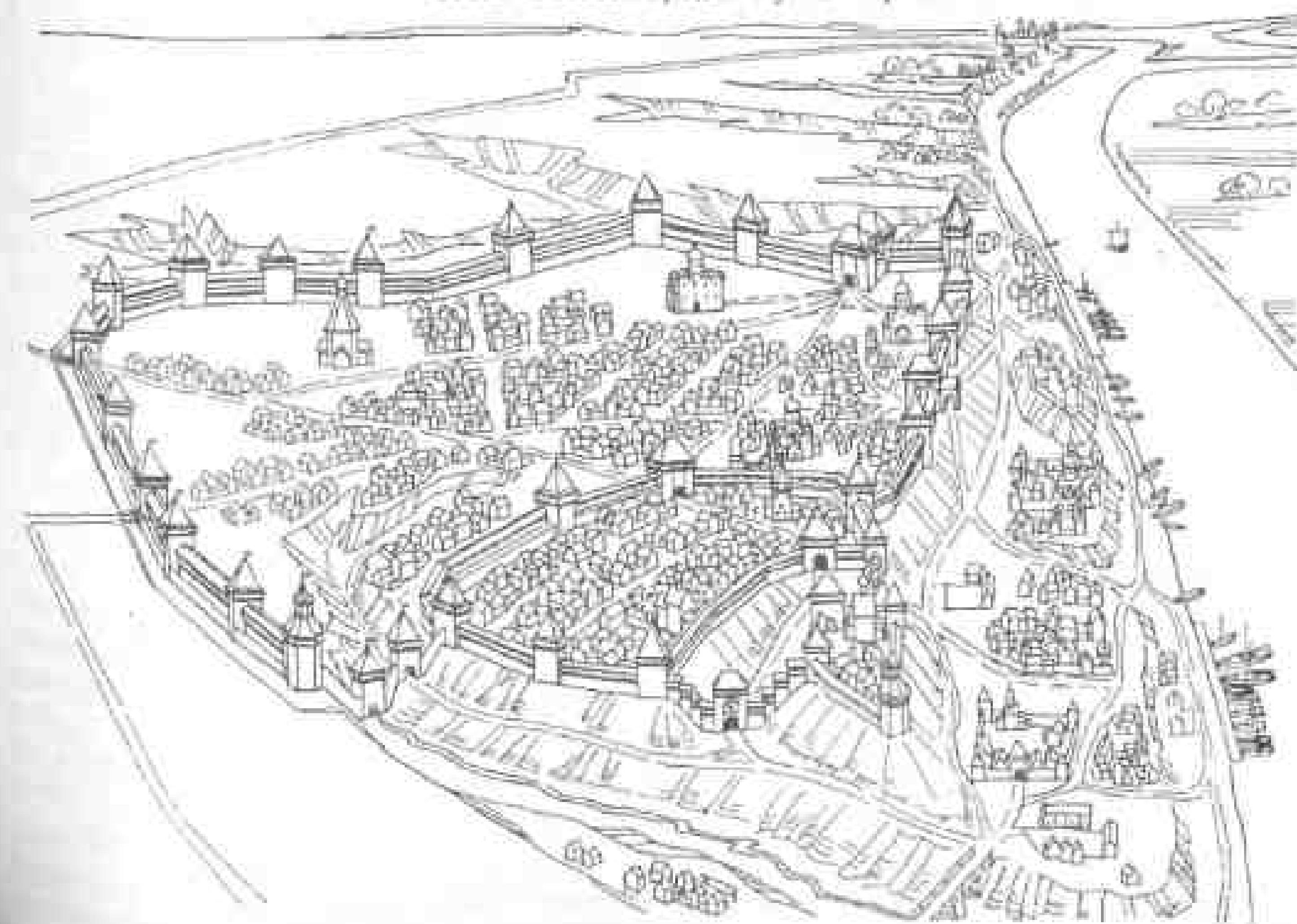
Внешний облик Рязани, парадным фасадом обращенной к Оке, преобразился: подчинение сложному рельефу, контраст вертикалей церквей, террасных строений, башен и массовой застройки вели к разнообразию силуэта города с разных точек, многоплановости и ярусности его композиции, живописности и пластике архитектурных ансамблей (рис. 55, 56).

Главным архитектурным узлом стал ансамбль большой площади, фланкированной Успенским и Борисоглебским соборами, возможно, возведенными на месте деревянных церквей (рис. 57). Успенский собор возвели на слабо выраженной бровке, на переломе от плоского к покатому микрорельефу. Его продольная ось ориентирована на Южные ворота, от которых шла прямая дорога к храму, проложенная по дамбочке высотой до 0,5 м. Эта дамбочка, следы которой удалось выявить на месте, обеспечивала путь посуху от ворот к церкви. Благодаря естественному наклону участка к югу, входящему в город через Южные ворота, казалось, что собор словно парит на фоне неба. Так же воспринимался и Борисоглебский собор на крутом окском косогоре, к кото-

Рис. 55. Главная прибрежная часть Столичного города. Реконструкция, вид с севера. На первом плане — Спасский собор, затем — Борисоглебский; сзади слева — Южные ворота, справа — угловая юго-западная башня.

Рис. 56. Рязань эпохи расцвета в первой трети XIII в. Реконструкция. Вид с севера. На горизонте — Ново-Ольгов городок в устье Прони.

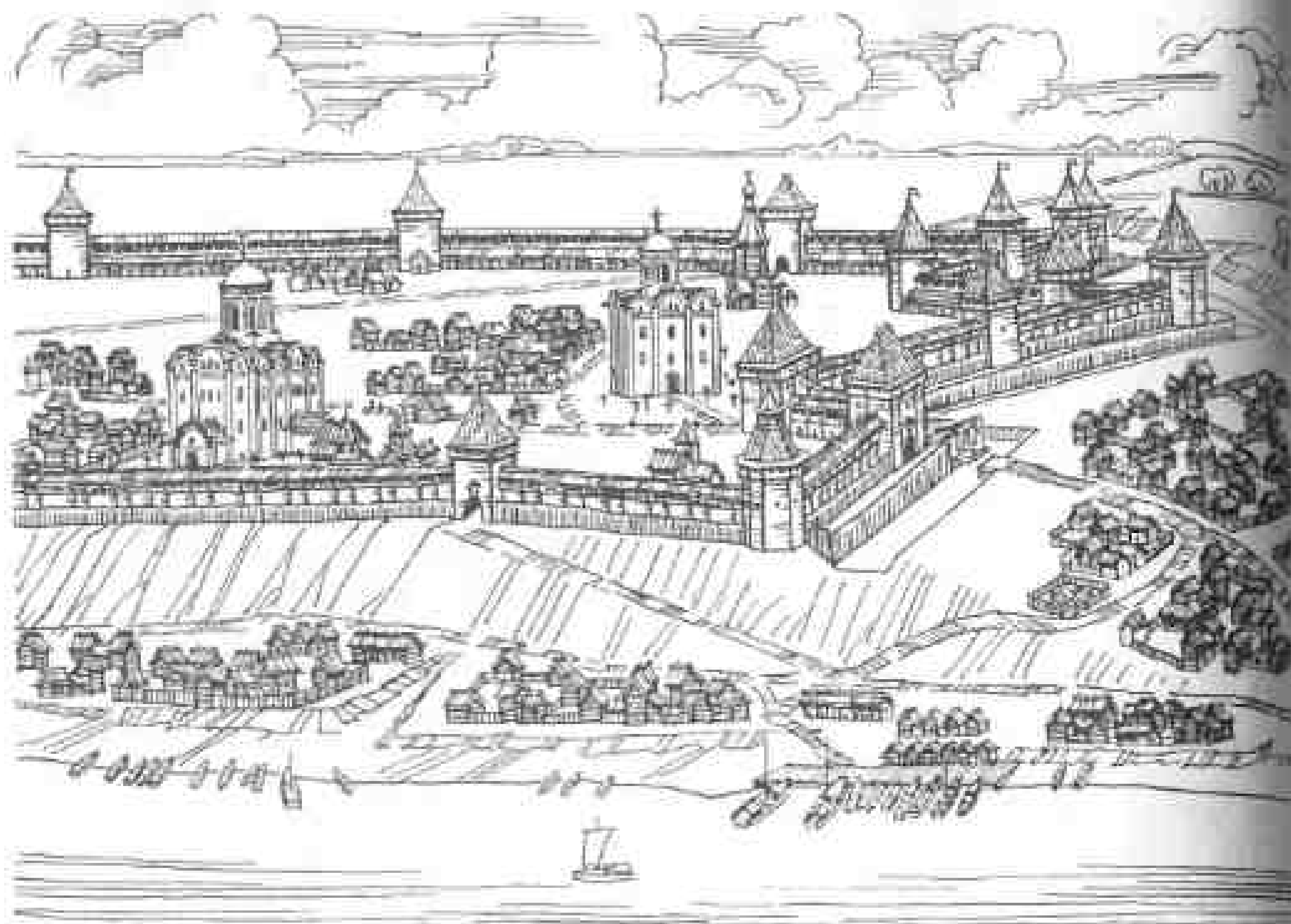

Рис. 57. Соборная площадь Столичного города. Реконструкция. Вид со стороны Оки. Слева — Борисоглебский собор, правее — Успенский; показаны Южные, Борисоглебские и Рязжские ворота. Вплотную к западной стене примыкают боярские теречные строения. Справа у подножия укреплений — Южное Предградие.

рому также шла дорожка по насыпи. Из южного притвора храма выходили к Борисоглебским воротам, откуда по прослеженному нами пандусу спускались на Подол. Портал западного притвора выходил к оборонительной стене. По всей вероятности, после 1198 г. близ собора находился двор епископа со службами. Там же открыты дворцовые строения "княжьих мужей" (р.14).

Другой важный архитектурный узел — квартал вокруг Спасского собора в северной части "набережной", куда в конце XII в. перенесли княжескую резиденцию. Оба ансамбля были связаны улицей, которая от Южных ворот шла в северном направлении через Вечевую ("Соборную") площадь и, минуя Спасскую церковь, — к Спасским воротам. Здесь она сливалась с основной городской магистралью — Большой (Великой) улицей, проложенной с Подола от устья Серебрянки и через Серебряные и Спасские ворота выводящей к Рязжским. Это наименование ворот вместо фигурирующих в литературе Пронских более точно отражает направление начинающейся от них дороги, которая шла по правобережью Оки и Прони на юг — в сторону Рязжска (известен с 1502 г. под названием Рязжское Поле). Можно сказать, что существовавшая до сих пор грунтовая дорога, соединявшая в XII-XIII вв. сельские поселения к югу от Рязани вплоть до Ново-Ольгова городка, вела в Пронское Поречье. Проем на месте древних ворот был разрушен оврагом (Старые Пронские ворота), после чего, по-видимому в XVIII в., сделали поперечный разрез в валу, так называемые Новые Пронские ворота.

Столичный город обладал развитой уличной сетью (рис.6). Главными внутригородскими магистралями-проездами, выйдя из ворот, переходили в грунтовые

дороги, которые связывали как близкие, так и весьма отдаленные населенные пункты. Под прямым углом с востока на запад Большую улицу пересекала улица, на востоке выводящая к Исадским воротам (эта дорога на городище существует и сейчас), а на западе, как показал анализ аэрофотоснимка (рис.9) — к Окским воротам, к которым с Подола поднимались по двум пандусам, выявленным при изучении микрорельефа берегового откоса. Кроме улицы (проходила между р.13 и 17), к Окским воротам всею сходились переулки: один открыт на р.13 с частью площади перед воротами. Другой, прослеженный по ямкам от ограды на р.7 и 11, был спланирован параллельно кромке берега с оборонительной стеной. Перед Окскими воротами, разрушенными оползнями и локализованными по точке схождения улиц города и двусторонних въездов Подола, находилась площадь. Судя по планам многих древнерусских городов, места торжищ тяготели к крепостным воротам; с появлением новой линии укреплений торги входили в черту города. Можно предположить, что так же было и в Рязани, так как возле проездных башен интенсивной застройки не наблюдаем.

В 300 м к югу от Окско-Исадской, параллельно ей, проходила еще одна уличная артерия — от Окских к Рязжским воротам, существующая и поныне. Очевидно, что основные магистрали в пределах Столичного города прошли по трассам более ранних дорог, расходящихся веерообразно из Спасских ворот Среднего города на первом этапе его существования. Они органично вошли в планировочную ткань столичного града.

Многолетние археологические исследования на городище показали, что интенсивная дворовая застройка тесно связана с дорожной сетью, группируясь по сторонам проездов — улиц, переулков, тупичков. Именно по улицам проходило в первую очередь межевание участков. Подобная планировочная структура выявлена на самом крупном р.13 (рис.58). Дворы основной массы населения делятся на средние (по 300-400 м²) — с избами, мастерскими и хозяйственными постройками и мелкие (по 50-100 м²) — с одним-двумя строениями, иногда с избой. В промежутках между кварталами сохранялись обширные незастроенные участки. Усадьбы чаще всего огораживались сплошным забором с воротами и были обращены в сторону улицы глухими стенами хозяйственных построек. Жилой дом, как правило, размещался в глубине участка. Пространство площадей свободно проникало в разреженную застройку кварталов. Графическая реконструкция р.13 представляет собой типичную улицу Рязани первой трети XIII в. с примыкающими друг к другу частными владениями-дворами (рис.59).

Одновременно с основанием Столичного города между его стеной и Окой, вплоть до устья Черной речки, протянулся густо заселенный Подол, шириной от 200 м на севере до 100 м на юге (на планах прошлого века эта территория называется Пешей слободой с д.Казакова на юге). Его застройка, как и размещение дворов современной Старой Рязани, была приспособлена к довольно сложному, изрезанному рельефу первой надпойменной террасы. Только усадьбы, наиболее близкие к реке, затоплялись при самых катастрофических наводнениях. Перерезанная небольшими овражками с ручейками, берущими начало от ключей, территория Подола имела террасную застройку, местами гнездящуюся, при общей линейно-прибрежной сельской планировке. Как и в настоящее время, по Подолу проходили две дороги: одна — по кромке берега, у самой воды, и вторая — вдоль подошвы обрывистого склона с крепостью на гребне. По обеим сторонам этой улицы стояли усадьбы и проходили поперечные переулки, связывая "гору" с рекой.

Отдельные дворы срубили в южной посадской части, на склонах между террасами южной стены и нижним течением Черной речки. Эту часть города мы назвали Южным Предградием (рис.60,61).

Рис. 58. Раскоп 13. Реконструктивный план.

Конструкции городских стен. Этапы строительства. Пространственную структуру города и его силуэт, кроме каменных храмов и палат, определяли крепостные сооружения. Заново проанализировав разрез вала у Исадских ворот¹¹⁰ и в результате выявлена сложнейшая система фортификации, выделены пять строительных периодов.

Общераспространенное мнение о широком развитии на Руси в X-XIII вв. укреплений в виде земляных валов с внутренними деревянными конструк-

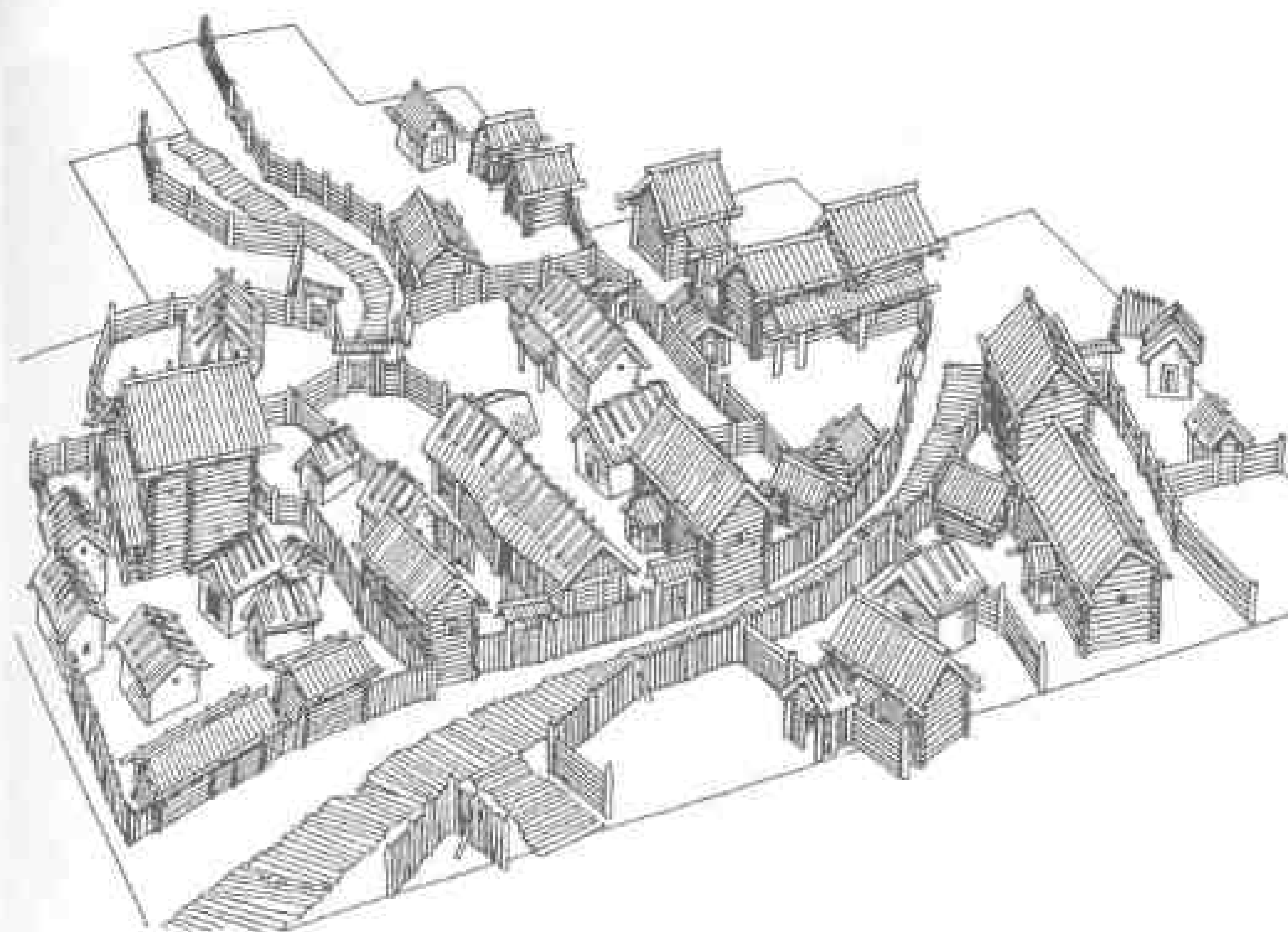

Рис. 59. Раскоп 13. Реконструкция дворовой застройки (вид с юго-востока). Улица между усадьбами выводила к Оковским воротам.

рукциями¹¹¹, по всей вероятности, требует пересмотра. Естественные уклоны валов не являлись непреодолимым препятствием для подъема на них ни в древности, ни в настоящее время. Валы — это остатки укреплений, когда при исчезновении конструкций стен остаются массы заполнявшего их грунта, расшлюхившиеся после гибели деревянных конструкций. Разрушение стен происходило как в результате пожаров, так и при естественном гниении венцов. От дерево-земляных оснований укреплений со временем остаются только валы. Остатки деревянных оснований укреплений частей стен в их последовательных перестройках, обнаруживаемые в разрезах валов, доказывают, что конструктивная основа известных крепостей XII в. имеет четко выраженные прототипы в XII-XIII вв.¹¹² Как показало изучение рязанских укреплений, особенно вала у Исадских ворот (над современным уровнем почвы возвышается на 7 м, ширина 30 м), его образование — результат разрушения городской. Городни — срубы, засыпанные материковым лессовидным суглинком, который брали рядом со стеной, выкапывая ров. С самого первого этапа строительства укреплений Столичного города забитые землей городни и ров стали основой оборонительной стены. Клетки городен, звеньев "стены городовой", примыкавших друг к другу, требовали ремонта и восстановления после пожаров: в результате сравнительно простая стена XII в. к 1237 г. превратилась в развитое военно-инженерное сооружение. Земляная масса вала, т.е. первоначальной засыпки городен, увеличилась во много раз (рис.62). На профиле прочитывается вся история создания, ремонтов и разрушений этой части крепости (рис.63). Внутри вала на всю высоту сохранился частокол (что бывает крайне редко) первоначального укрепления. Под его защитой рубили город. Возможно, в этот краткий период и вся территория, окруженная частоколом,

4 Даркевич В. П., Борисевич Г. В.

Рис. 60. Южные валы Столичного города (вид с востока). Слева — Черная речка и территория Южного Предградия.

Рис. 61. Укрепления южной части Столичного города. Реконструкция с той же точки, что на рис. 60

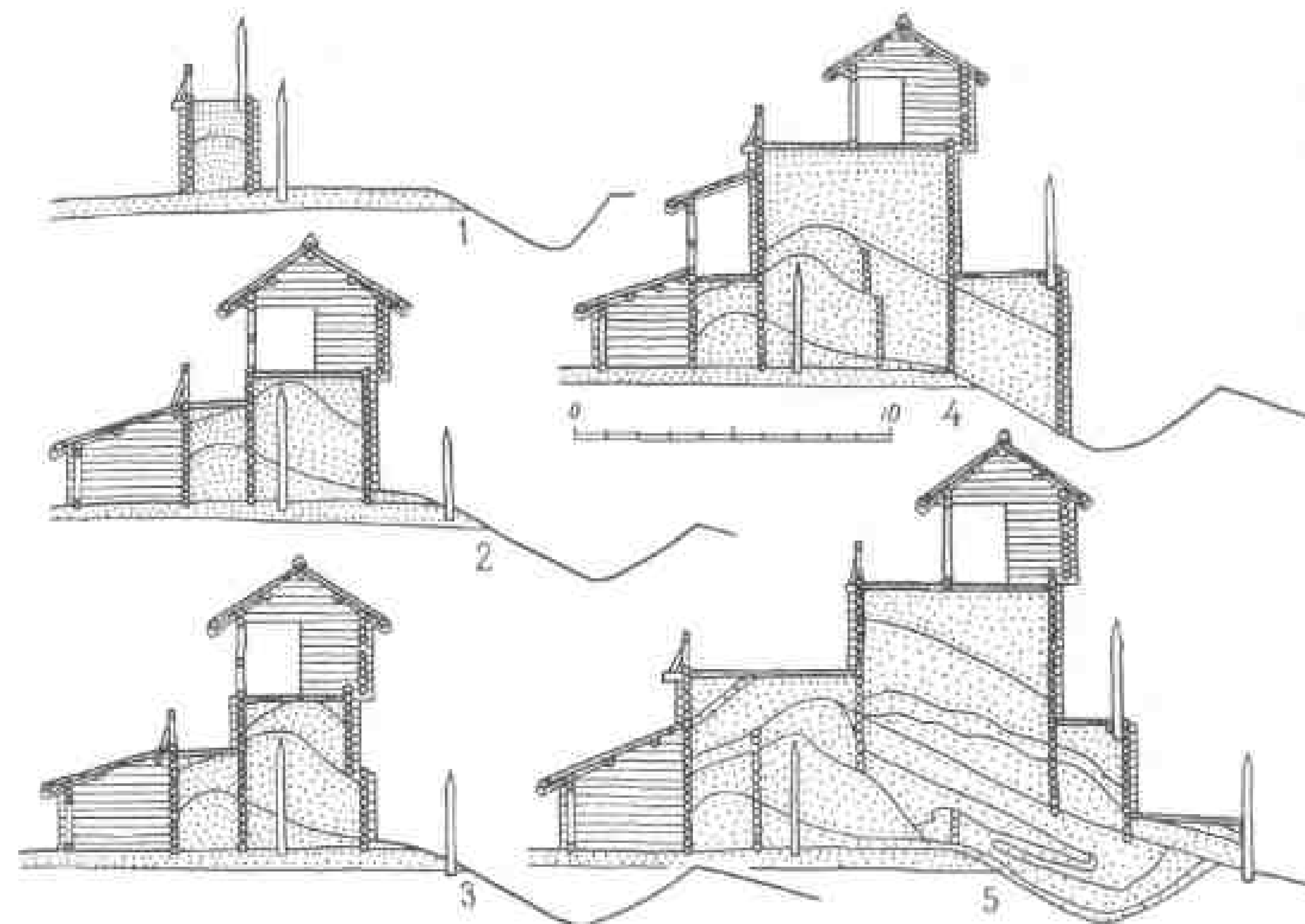
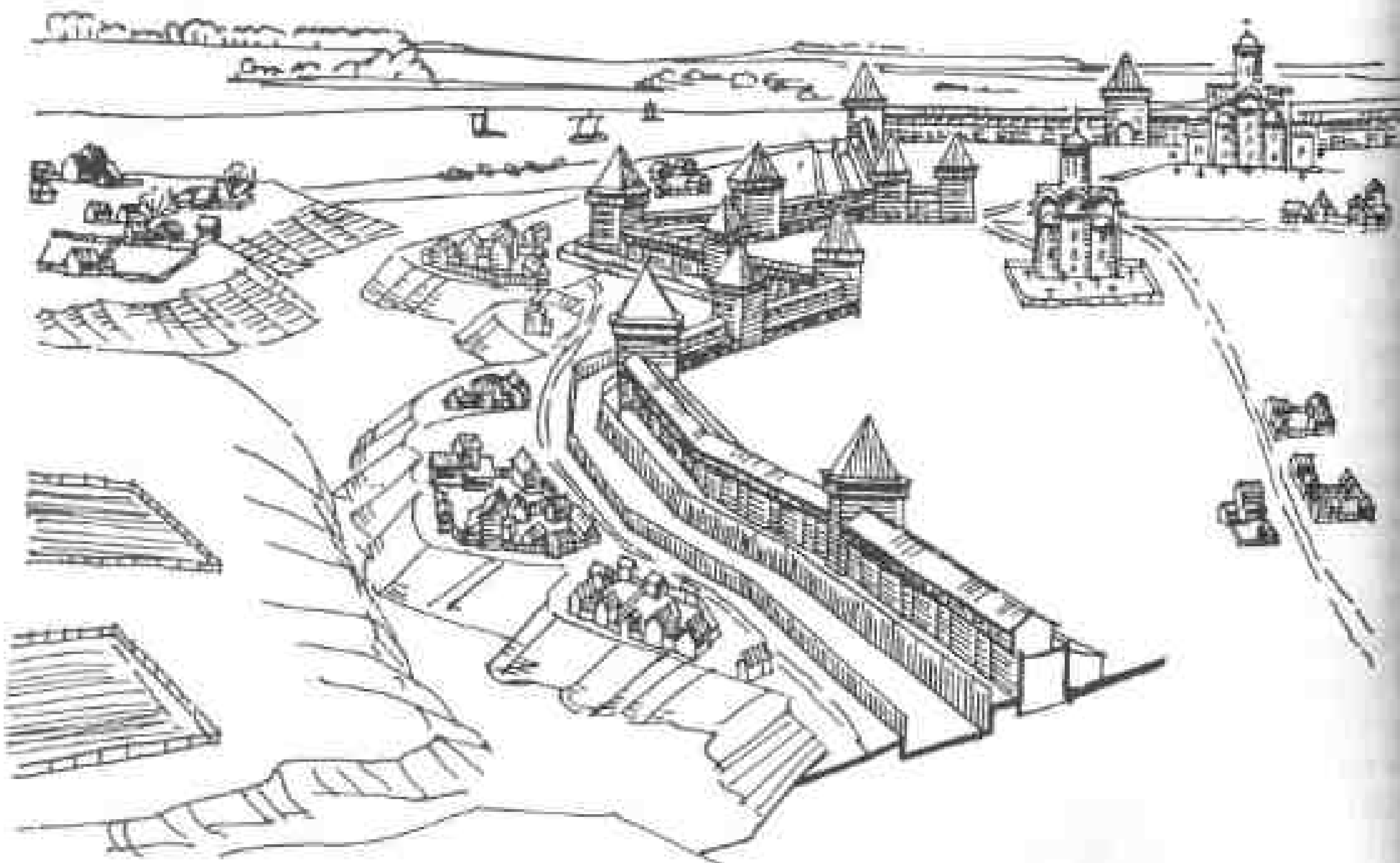

Рис. 62. Развитие оборонительной стены (по разрезу вала у Исадских ворот): 1 — первая стена Столичного города (около середины XII в.); 2 — стена второго периода; 3 — третий этап: стена становится выше, спереди появляется подпорная стенка; 4 — стена, уничтоженная Всеволодом III в 1208 г.; 5 — восстановленная стена, сожженная Батыем в 1237 г. Первоначальная простая стена из городен с частоколом наверху постепенно превращается в мощное фортификационное сооружение с трехстенными срубам — контрфорсами, осадными клетями с тыльной стороны, заборами наверху для защитников и двумя рядами частоколов. С напольной стороны был вырыт глубокий ров.

называлась "Острогом". Заостренные бревна погребены внутри трех валов с крутыми склонами — остатков стен, последовательно сменявших друг друга. Раскопками обнаружен тын и с прибрежной стороны Рязани, где над ним позднее выстроили городни (р.7)¹¹³.

Первая стена у Исадских ворот состояла из городней высотой свыше 2-х м при несколько меньшей ширине и разреженного 3-метрового частокола на расстоянии 1,5 м перед стеной. На городнях, вероятно, также стоял "тын стоячий": проход для защитников перед ним был слишком узок. Сечение клетей определяется, исходя из расплывшейся засыпки. Возможно, укрепления того же типа защищали Кром и Средний город. Частокол перед стеной назывался "предстенницей градской". Чтобы обеспечить возможность отступления из предстения в город, вероятно, в некоторых башнях или в стенах существовали двери с жестким блокированием входного устройства. "Городники", создавшие первую стену, должны были за короткий срок "срубить город", огромный по площади, — отсюда простая конструкция стены, ее минимальная для успешной обороны высота.

Вторая стена оказалась намного совершеннее и мощнее: ее создание можно связывать с опытными горододелцами, прибывшими из Южной Руси. Она выступила в напольную сторону за частокол, который оказался в засыпке но-

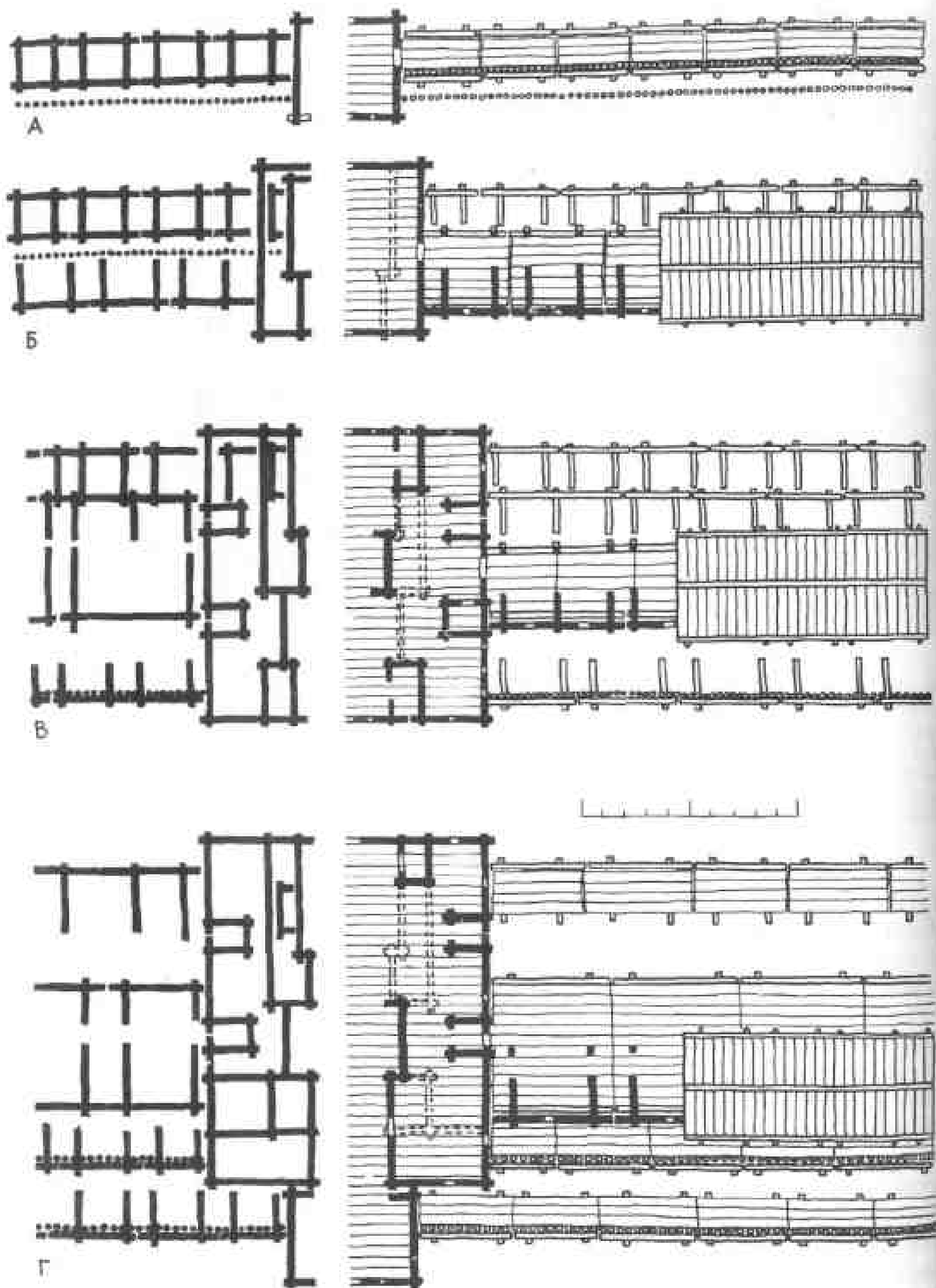

Рис. 63. Развитие оборонительной стены, примыкавшей к проездной башне Исадских ворот. Реконструктивный план: А — первый период (около середины XII в. — 1170 г.); Б — второй период (около 1170 — 1190 гг.); В — третий период (около 1190 — 1208 гг.); Г — четвертый период (1210 — 1237 гг.).

вах городен, которые стали выше и вдвое шире. С тыльной стороны сохранились старые городни. Возможно, уже на этой стадии к городням пристроили линию клетей, имевших жидое назначение (подобные открыты на р.7). Перекрытые деревянным накатом и лишенные печей, они служили "осадными клетями", где во время нашествий собирались защитники Рязани и жители близлежащих сел. Таким образом, уже на втором этапе нижняя часть стены представляла собой сложную систему (рубка из городней и тристеннов). Судя по массивным городням, верхний ярус стены — заборолы — представляли собой не просто брустверы. Скорее, это были трехстенные срубы с узкими бойницами-«скважнями» для стрельбы. Этот нависающий над городнями накат с поперечными перерубами (по поздним документам-«облам») держался на консольных выпусках верхних поперечных бревен городней, так что через навесные бойницы-стрельницы в полу поражали врага у подошвы стены. Облам перекрывала двускатная кровля. Боевой ход проходил по верху городней. Аналоги подобным стенным заграждениям для защитников — стены и башни сибирских острогов XVIII в., сохранивших приемы и традиции древнего русского зодчества.

Третий, промежуточный этап, видимо, связан с ремонтом крепости, заменой сгнивших бревен. Прежний архитектурный облик сооружения в основном сохранился. Переднюю стену нарастили в высоту на ранее поставленных клетях. Малые городни с тыльной стороны сохраняли несущую способность и не подвергались реконструкции.

Примерно на рубеже XII-XIII вв. произошла коренная перестройка укреплений: стена приобрела монументальный характер при разнообразии архитектурных объемов. В 1208 г. именно она была сожжена Всеволодом III. Засыпка городен стены третьего периода затекла в старый ров. Общая высота стены достигла 7 м. Для ослабления распора ее засыпанного массива с напольной стороны, где проходил ров, синхронный второму и третьему этапам, прирубили дополнительную линию городен, от которых в разрезе видны торцы двух бревен. Таким образом, со стороны поля «стена градская» превратилась в двухъярусную, с тыном на нижнем и с заборолы-обламами на верхнем ярусе.

По восстановлении после пожара укрепления пятого строительного периода, которые штурмовали войска Батые, стали еще более мощными. С напольной стороны образовалось несколько линий обороны: стена стала трехъярусной, высотой свыше 10 м. Самая высокая часть стены, состоявшая из плотно забитых землей городней с боевыми площадками типа обламов, выдвинулась еще дальше в сторону поля. Как и на четвертом этапе, кроме заполненных грунтом четырехстенных клетей-городней в основном массиве стены, широко применили систему «тарасов» — конструкций из связанных между собой трехстенных срубов. Тарасы (термин XVI-XVII вв.) использовали для прикладки к готовой стене, наращивая ее и расширяя. Тарасы для жесткости связывали перерубами со стеной, и так же, как и городни, засыпали землей, что превращало все фортификационные членения в монолит. Прирубы с обеих сторон, подобно контрфорсам, погашали распор стены. Кроме того, внутренний ярус служил для скрытого перемещения защитников и, судя по разрезу вала в верхней части, эту дорожку для прочности вымостили битым белым камнем и кирпичом. Внутри засыпки этого яруса оказались части ранее уничтоженных укреплений. Узкая подпорная ступень с тыном поверху служила дополнительной преградой с напольной стороны. Крутые города, подобные Рязани, помимо стен и тына перед ними, могли иметь и ограду перед рвом в виде надолб — заостренных кольев, связанных между собой прогонами — «наметными слегами». Надолбы были простые, двойные, тройные и напоминали разреженный частокот. Они препятствовали подходу к городу конницы со стороны поля.

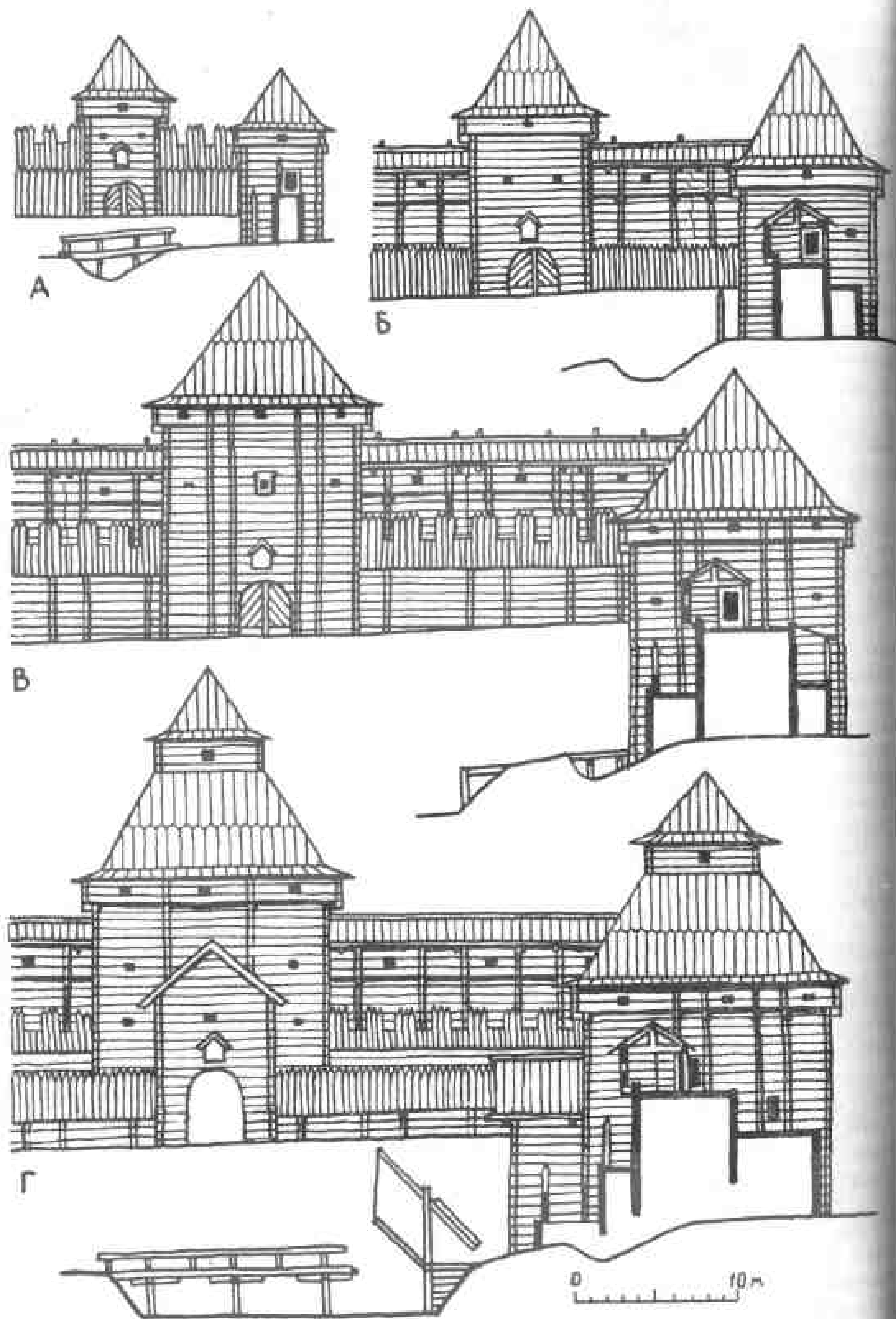

Рис. 64. Четыре периода развития Исадских ворот и примыкавшей к ним стены. На реконструкциях совмещены вид укреплений с народной стороны с проездой воротной башней, а сверху — та же башня сбоку, со стороны примыкавших к ней присел стен (см. рис. 62, 63).

Рис. 65. "Двор воеводы" в системе укреплений (раскоп 7). Реконструктивные планы (2 варианта): А — жилой дом с прилегающим участком; Б — хозяйственный двор; В — жилой двор (1 — жилой дом, два помещения с печами разделены сенями; 2, 7-9 — хозяйственные постройки; 3-6 — амбары с зерном).

Графическая реконструкция последней стены Рязани с ее сложной архитектурной композицией подтверждается летописными известиями 1219 г.: "Бе же острог утвержен около града крепок тын дубов, а затем два оплота (в значении стена, ограда. — Г.Б.), а меж ими вал ссыпан, и по тому валу рыщуще из затыния бияхуся"¹¹⁴. Мощная стена, противостоящая стенобитным орудиям, состояла из основного объема и примыкавших к ней и также заполненных плотной глиной оплотов — "опалубок". Чтобы "поставить город" после разорения Всеволодом потребовались дополнительные земляные работы огромного размаха. При выемке грунта для засыпки деревянных конструкций образовался ров, существующий поныне, а старый окончательно исчез под осыпями от предыдущих укреплений. Возможно, для увеличения крутизны откосов ров их обкладывали деревом, как это имело место в позднейшем крепостном зодчестве.

По мере совершенствования оборонительной системы Рязани, с усложнением устройства ее стен, претерпевали изменения и крепостные башни городских укреплений, особенно монументальные воротные. Это продемонстрировано на примере Исадских проездных ворот, также воссозданных по разрезу вала. На рис. 64 показано 4 периода строительства вблизи Исадских

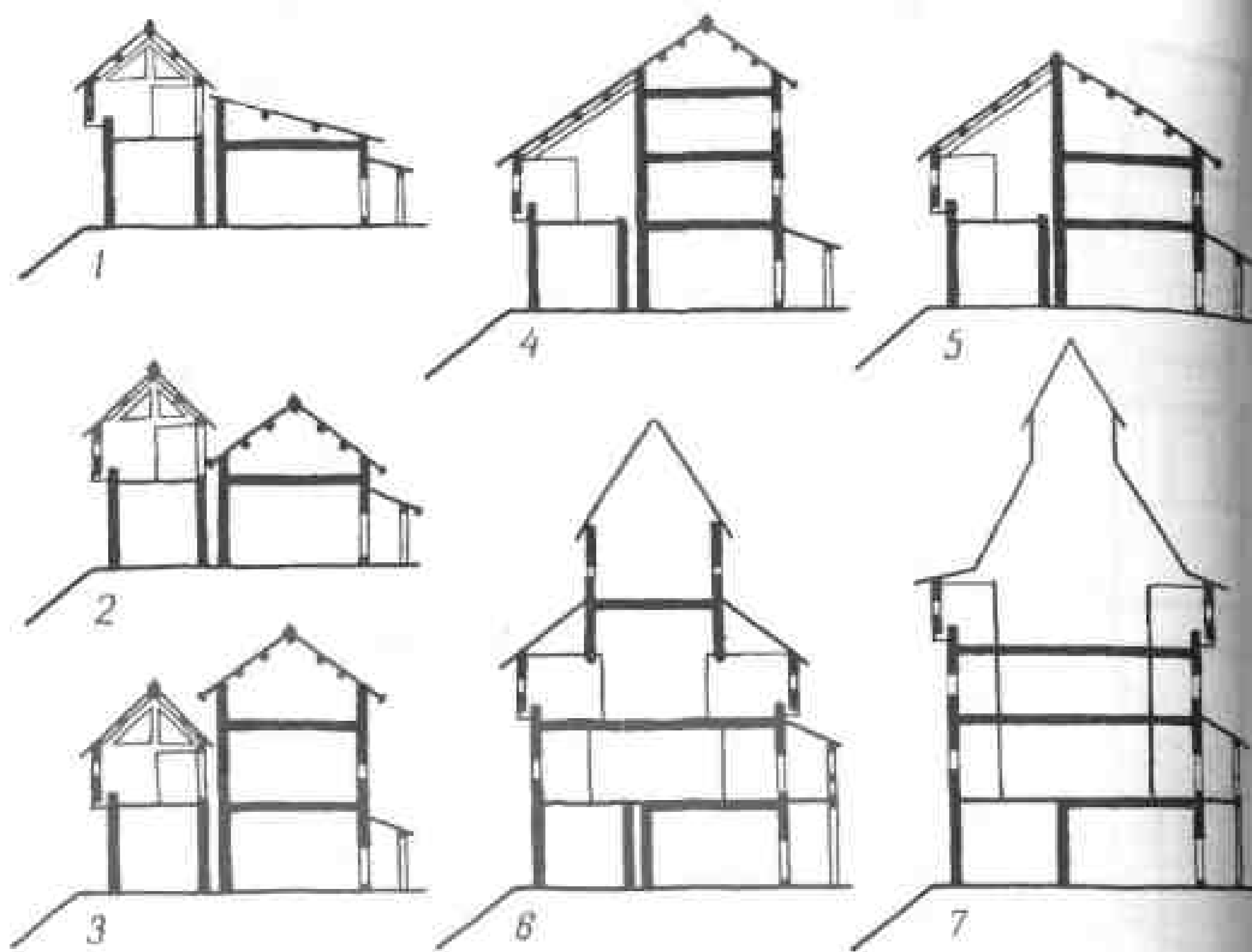

Рис. 66: "Дом воеводы" в системе оборонительных сооружений: 1-7 — семь вариантов реконструкции (разрезы).

ворот. В левых частях реконструкций — вид оборонительных сооружений башней, как они выглядели с напольной восточной стороны. Справа на рисунках представлена та же Исадская башня сбоку (вид с севера), причем внутри вписан разрез примыкающей к ней стены (соответствует рис.62,63), а также наглядно прослежено, как перемещались рвы с мостами через них.

Башни строили шире стен для обеспечения фланкирующей стрельбы. С целью повышения их прочности нижняя часть, как и городни, засыпалась землей. Через башню между ярусами перекрытий, объединенных с разными оборонительными уровнями стен, перемещались защитники. В сохранившихся валах места башен не просматриваются именно потому, что осыпи от их нижних частей равны по высоте осыпям стен.

Внутри башен устраивали лестницы для переходов с этажа на этаж. Вместе с наращиванием массива стен возрастала и площадь башен, их конструктивная сложность. Это происходило и за счет увеличения длины бревен, путем устройства прирубов с образованием "быков" — маленьких срубов внутри башен. На рис.63 показаны способы увеличения размеров башни в плане. Строительство стен на быках известно на Руси с X в.¹¹⁵

Западный участок стены. "Воеводская башня". Варианты реконструкции нескольких этапов приокских укреплений и "двора воеводы" с монументальной башней выполнены при более тщательном анализе уже опубликованных чертежей по р.7 (рис.65-67). Графически воссоздан и "житный двор" (4 амбара с зерном и 2 ямы для его хранения), входивший в усадебный комплекс рязанского военачальника (рис.68). Этот оборонительный узел Рязани со сложной

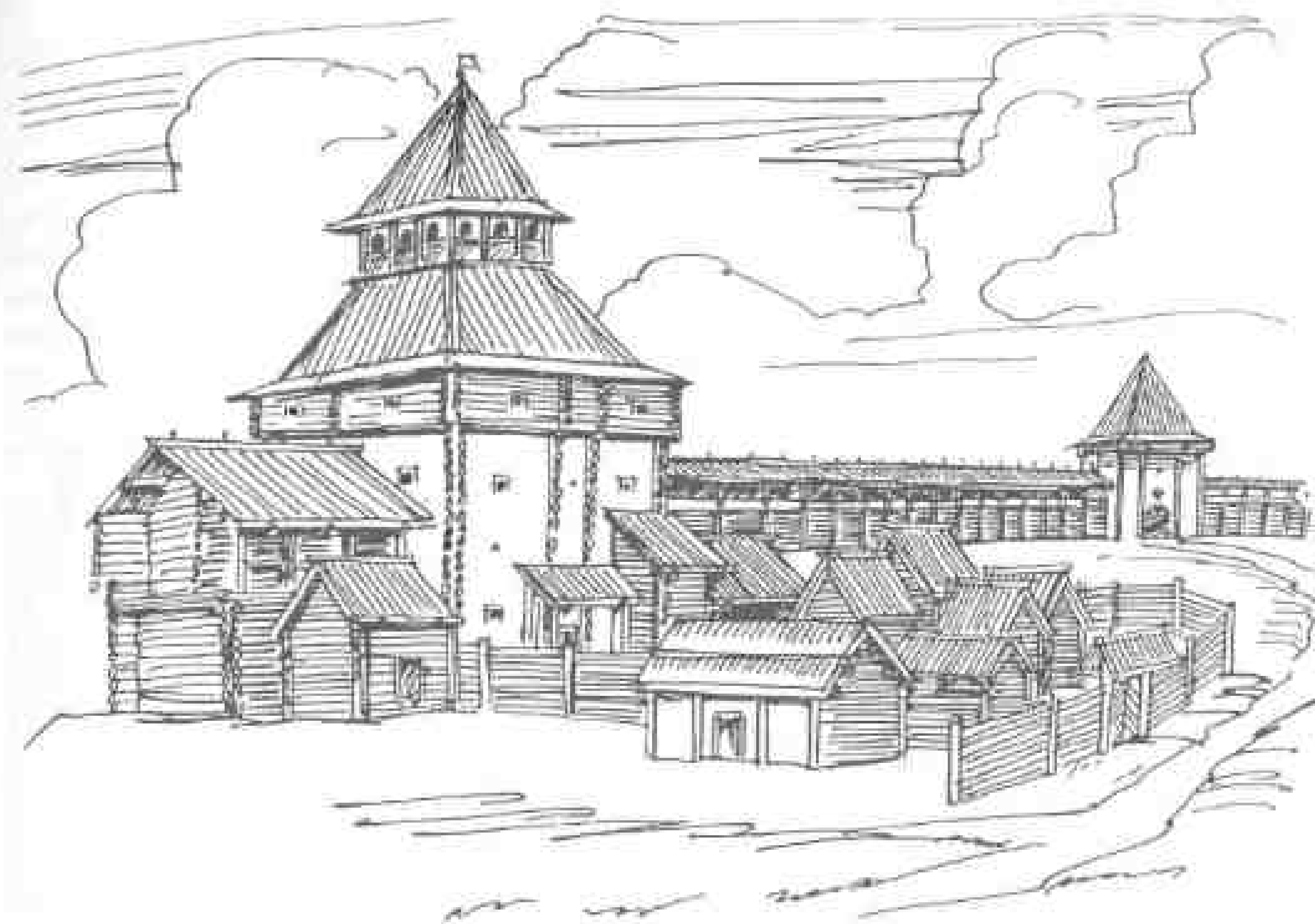

Рис. 67: "Двор воеводы" на усадьбе воеводы. Реконструкция по шестому варианту. Вид с юга.

планировочной организацией также формировался постепенно. Его реконструкция представляет особые трудности, так как часть кромки берега с остатками вала обрушилась в результате оползней, что произошло, судя по поздним чертежам, в XVIII — начале XIX в. При раскопках обнаружен остаток от вала и относившийся к нему ров со стороны города, что позволяет говорить о существовании на краю косогора крепостной стены из забитых суглинком городен с заборками над ними. За рухнувшей стеной расчищены углубленные в ров осадные жилые клетки. 1-й период в реконструкциях различается лишь крышами клеток — односкатными или двускатными — и близок строительным периодам 2 и 3 у Исадских ворот. Линия столбов от оград в восточных частях р.7 и 11 выявляет трассу улицы, которая шла параллельно стене, погибшей в пожаре (1208г.?).

После катастрофы всю поверхность сnivelировали, и на месте клеток возник сложный архитектурный ансамбль, названный "двором воеводы" с доминирующей над ним "воеводской башней". Это центральное здание допускает несколько вариантов реконструкции. Раскопками выявлен план тыльной части большого дома 12х6 м, состоявшего из двух изб с кирпичными основаниями печей 2,3х2,1 м и узкими сенями между отапливаемыми помещениями.

Как показывает сравнение чертежей обоих строительных горизонтов¹¹⁶, направление крепостной стены, возведенной на прежнем месте, не совпадает с ориентацией дома, и, следовательно, между ними был небольшой зазор. Тогда первый вариант реконструкции, при котором и здание и стена имеют самостоятельные крыши, представляется неудовлетворительным, ибо с обеих кровель в промежуток между сооружениями должна затекать вода, что вскоре

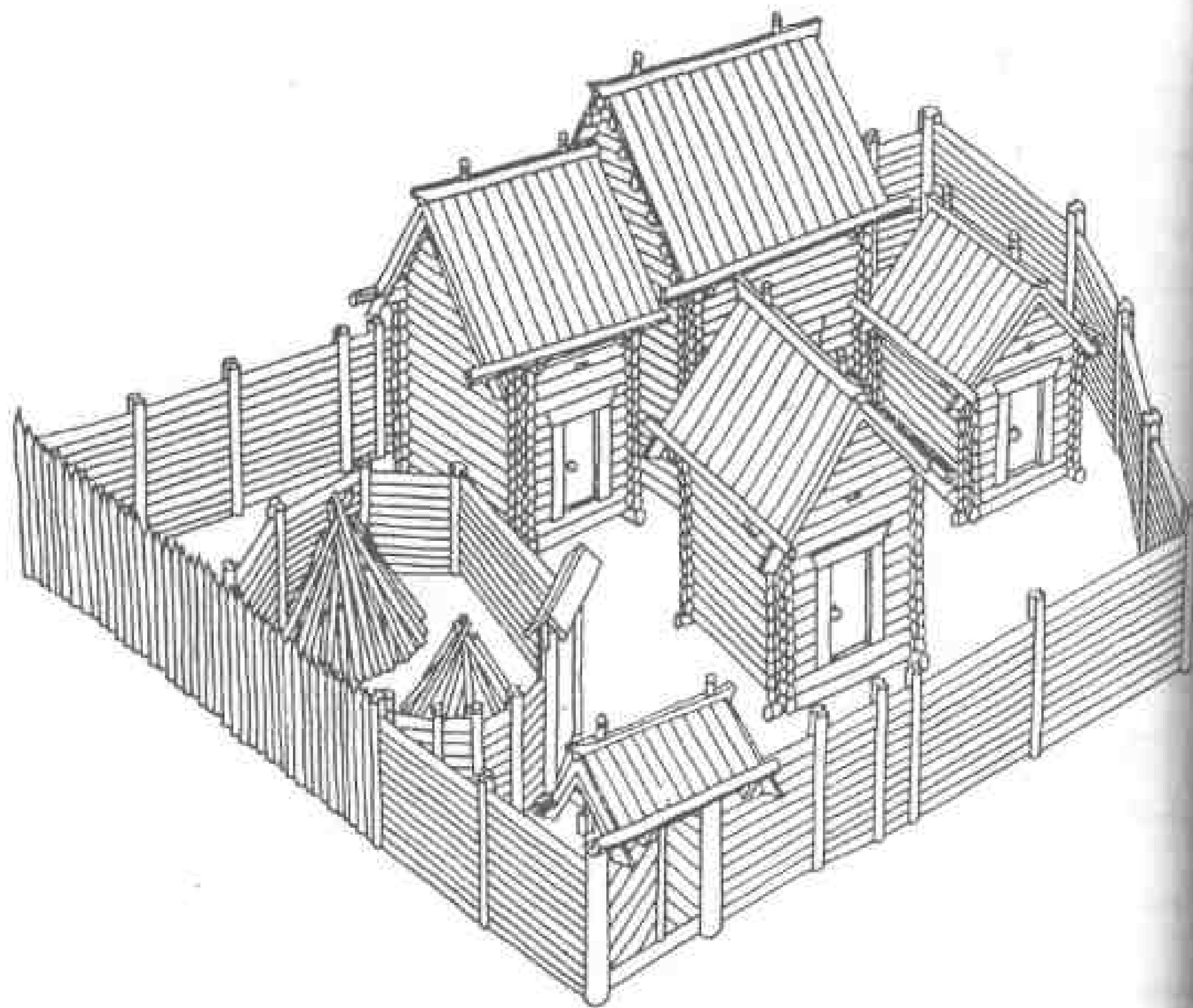

Рис. 68. "Житный двор" на усадьбе воеводы. Реконструкция, вид с юго-востока.

привело бы к гниению срубов. Поскольку высота стены, как показывает разрез вала, была не более 2-х маховых сажень (3,5 м) с еще одной саженью до карниза забора, то первый этаж палат с большими печами при тонке по черному слишком низок.

Предпочтительнее 2-й и 3-й варианты, где здание, конструктивно связанное с городнями, составляет единый жилой и оборонительный комплекс. В простейшем случае сооружения объединены под одной крышей: хоромы органично входят в общую систему фортификации. Оптимальный вариант реконструкции — массивная боевая башня. Ее первый ярус состоял из забитых землей городен и примыкавших к ним со стороны города жилых помещений "дома воеводы", открытых при раскопках. Для беспрерывного продления обороняющихся второй этаж "воеводской башни" имел выходы на "забора градные". Вероятно, внутренние перегородки разделяли его на несколько помещений. По третьему этажу башни шел круговой облам, выступавший за линию нижних этажей. В этом здании предусмотрено 2 яруса бойниц и шатровая кровля. Наконец, самая развитая конструкция дома башни могла иметь 3 этажа с выступами-обламами по всем сторонам и тремя рядами боя. На более вытянутом шатре изображена выпка-"смотрильня". При любом архитектурном решении ансамбль "двора воеводы", сгоревший в 1237 г., представляет собой уникальную градостроительную композицию.

К вопросу о башнях. Для обозначения крепостных башен в русских летописях до XIII в. употребляются термины "столп" и "вежа". Исходя из их важной роли в системе обороны города, ибо фланговая стрельба вдоль стен возможна только из башен, мы не можем согласиться с утверждением П.А. Раппопорта, что "вплоть до XIII в. башни не имели широкого распространения в русском оборонительном зодчестве".¹¹⁷ По его мнению, на месте башен должны оставаться следы в виде расширений валов, что вовсе не обязательно, потому что валы, образовавшиеся при разрушении разновременных стен, давно перекрыли всякие выступы. И городни, и низ башен заполняли землей, и, следовательно, при гибели деревянных клеток возникала единая осыпь, размываемая в течение сотен лет. Чтобы обнаружить сруб, выступающий из ряда клеток стены, требуются широкие раскопки, а не зачистки или разрезы валов, а такие работы проведены в единичных случаях ввиду их трудоемкости.

Помимо чисто оборонительных функций, башни, срубленные по углам и в середине прясел стен, оказывали эстетическое воздействие. Без них архитектурная композиция большого города, его силуэт теряют в образности, приобретают монотонность. Ввиду традиционности русской деревянной архитектуры, в том числе крепостной, башни Рязани в начальный период следует представлять наподобие дошедших до нашего времени памятников XVII в.: башен и фрагментов стен Якутского, Илимского, Бельского, Братского и Мангазейского острогов, а также надвратной башни Николо-Корельского монастыря. Чтобы обеспечить фланговую стрельбу, квадратные, прямоугольные или шестиугольные в плане башни укреплений выступали за линию стены на 1-1,5 м. В верхней части, как и стены, они имели выступы-обламы, образующие круговой верхний бой. Башни покрывали четырехгранными или многогранными шатрами: они защищали от стрел и всякого "метательного снаряда", предохраняли от дождя и снега, разрушавших деревянные конструкции.

Ворота. "Городники", или "старейшины огородников", т.е. руководящие специалисты по постройке укреплений, уделяли повышенное внимание воротам — наиболее ответственному и уязвимому узлам в системе обороны, сложным конструктивным сооружениям, достойным столярного града. К ним выходили главные улицы, а иногда сходились несколько магистралей. Места проездных воротных башен определяются по разным признакам. Во-первых, по оплывшим проемам в валах, прорезанным современными шоссейными дорогами. При строительстве дорожного полотна, обочин и кюветов древние проезды сильно расширены, следы деревянных конструкций полностью уничтожены. Это Исадские, Рязские и Спасские ворота, о первоначальной архитектуре которых можно судить по позднейшим аналогиям, прежде всего по воротным башням сибирских острогов (рис. 69). Разница состояла в том, что, в отличие от крепостей XVII в., несущие части башен по сторонам проезда, как городни, засыпали глинистым грунтом. На прочном, массивном основании возвышались верхние этажи с бойницами, отделенные друг от друга балочными перекрытиями. Проезд, запираемый дубовыми двустворчатыми воротами, был узок — от 2,5 до 3-х м. Сами же ворота гораздо монументальнее глухих башен — до 12 м по фасаду. На вышках-смотрильнях дозирали караульщики, предупреждая о появлении противника. Через рвы к воротным башням могли быть перекинута подъемные мосты и мостики, легко разбираемые при военной угрозе.

Местоположение остальных воротных башен определено по направлению древних улиц, иногда расходящихся от въезда радиально, как от Оковских ворот, а также по заметным при натурном изучении микрорельефа пандусам — пологим подъемам со стороны Подола и Южного Предградия. Один из пандусов вел к Борисоглебским и два — к Оковским воротам, которые, судя по их цен-

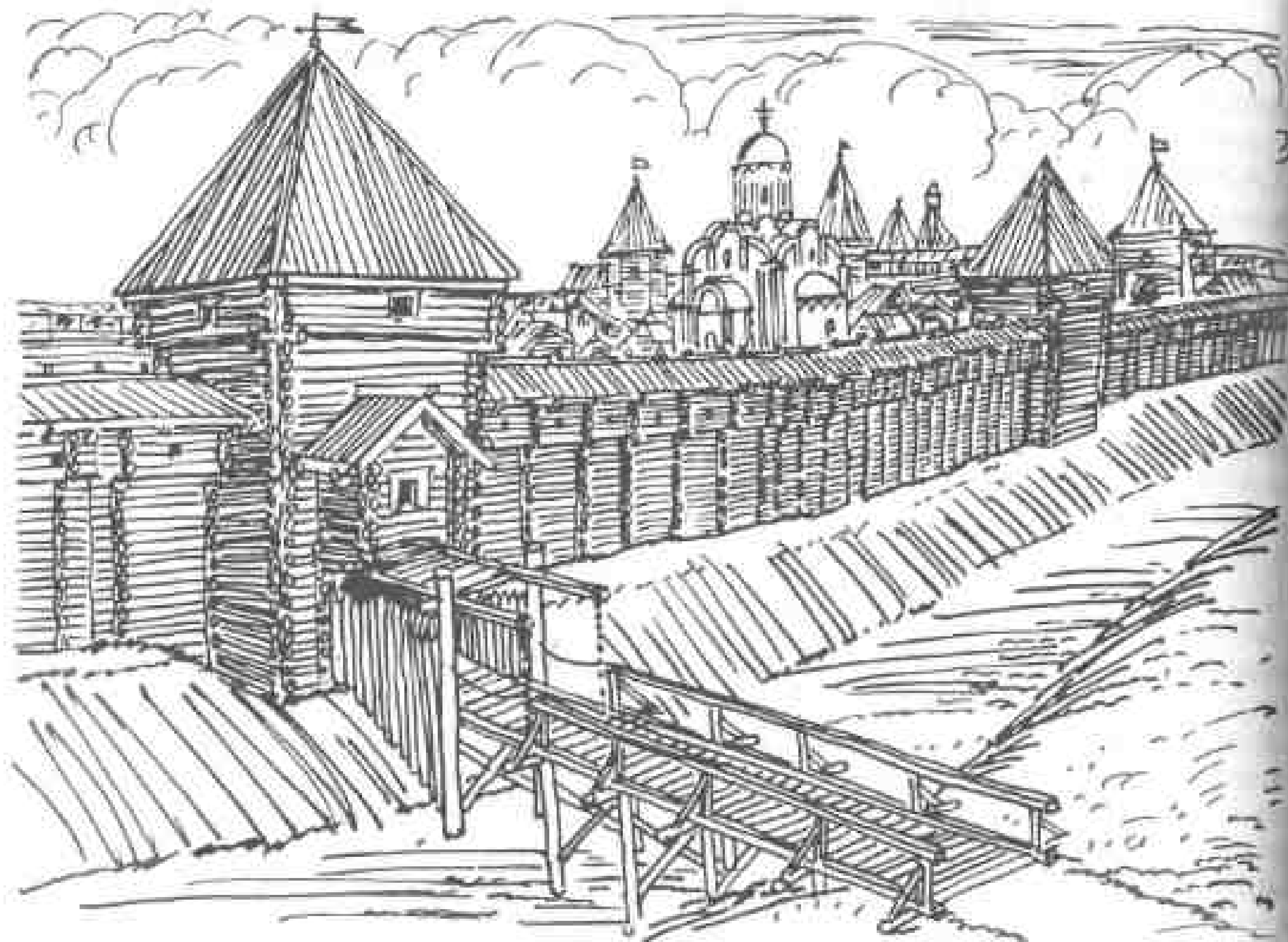

Рис. 69. Часть оборонительной стены с Рязскими (Пронскими) воротами. На заднем плане — Спасский собор. Вид с юго-востока.

тральному положению, играли выдающуюся роль как в обороне, так и художественной композиции города со стороны Оки.

Анализ микрорельефа на местах ворот позволил выявить особенности их архитектурных решений. Проезд проходил напрямую через башню, мог фланкироваться двумя башнями или образовывал поворот внутри самой вежи. Врата, более широкие, чем примыкавшие к ним стены, состояли из состыкованных срубов с "перерубами" (рис. 70). Поворот движения под прямым углом у въезда в город затруднял противнику проникновение внутрь укрепления. Поворот мог находиться перед воротами или внутри башни. Ввиду разрушения валов, возможна любая из гипотез.

Направление уцелевших валов, хотя и сильно поврежденных оврагом, помогает воссоздать сложный оборонительный узел Южных ворот, обращенных в сторону поречья Оки, к устью Прони. Их инженерное решение близко въезду Ново-Ольгова городка (рис. 71). В месте въезда концы вала разомкнуты с "захлестом" одного конца за другой, а один из сохранившихся концов загибается под прямым углом. Ось проезда была расположена не перпендикулярно стенам, а параллельно им. Это воротное устройство с параллельными стенами ставило врывавшегося врага под двусторонний обстрел. Чтобы проникнуть в ворота, предстояло преодолеть такой коридор. В письменных источниках XVII в. подобные проходы называли "захабами". Захаб Южных ворот мог иметь две башни.

Сооружение Водяных ворот решало проблему обеспечения жителей Рязани питьевой проточной водой на случай осады. В пределы укреплений Столичного

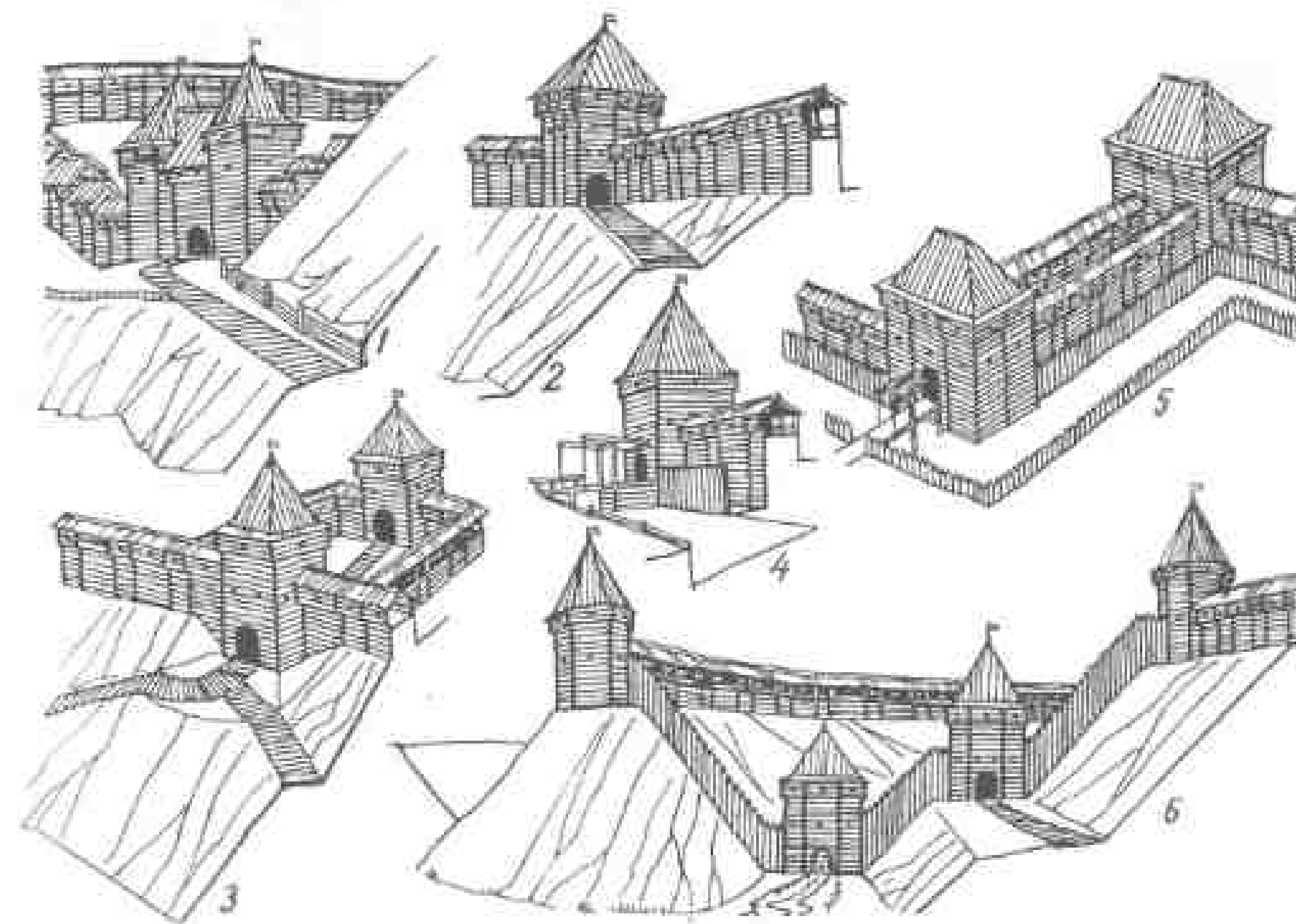

Рис. 70. Городские ворота Рязани. Реконструкции: 1 — Серебряные ворота — главный въезд с севера; 2 — Борисоглебские ворота; пандус восстановлен по современному рельефу берегового откоса; 3 — Окопские ворота; два пандуса-въезда, поднимающиеся к ним со стороны Подола, заметны и поныне (сами остатки укреплений здесь полностью разрушены оползними); 4 — Рязские ворота; 5 — Южные ворота; 6 — Водяные ворота; до сих пор на крутом склоне сохранилась канавка от спускавшегося к ним частокола.

го города вошли исток Серебрянки — родник, из которого местные жители до сих пор берут воду, и верховья речки. Трасса древней дороги к Водяным воротам, существующая и в настоящее время, проходила с Подола по "ущелью" между левым берегом Серебрянки и крутым откосом Среднего города. Вероятно, минуя ворота, она проходила по дну древнего оврага, соединяясь с Великой улицей. Градостроительный ансамбль в районе Водяных ворот, скрытых в глубоком овраге, отличался четкой продуманностью. Связка между Средним и Столичным городом с водопропускной башней, снабженной решеткой на самом дне теснины, проездными Водяными воротами, угловыми вежами поверху и соединявшим все башни частоколом по обрывам представляла для своего времени уникальный военно-инженерный комплекс (рис. 72). След частокола в виде неглубокой размытой канавки виден на склоне правого берега Серебрянки ранней весной или засушливым летом, когда трава выгорает.

ЦЕРКОВНАЯ АРХИТЕКТУРА

Каменное зодчество Рязани представлено четырьмя храмами: три расположены на Старорязанском городище и один — на Ново-Ольговом, в устье Прони. По монументальности соборы Рязани входят в число крупнейших на

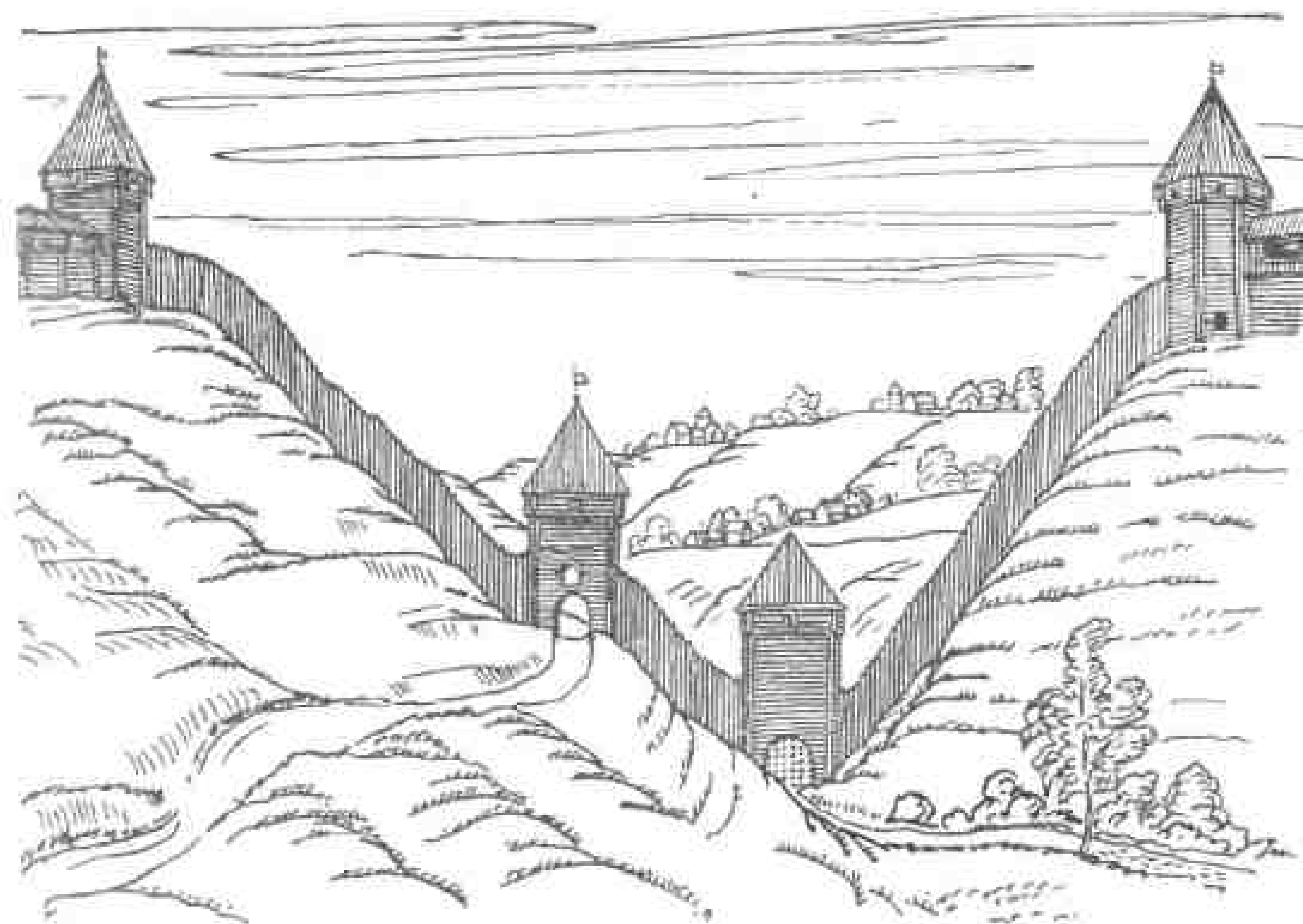
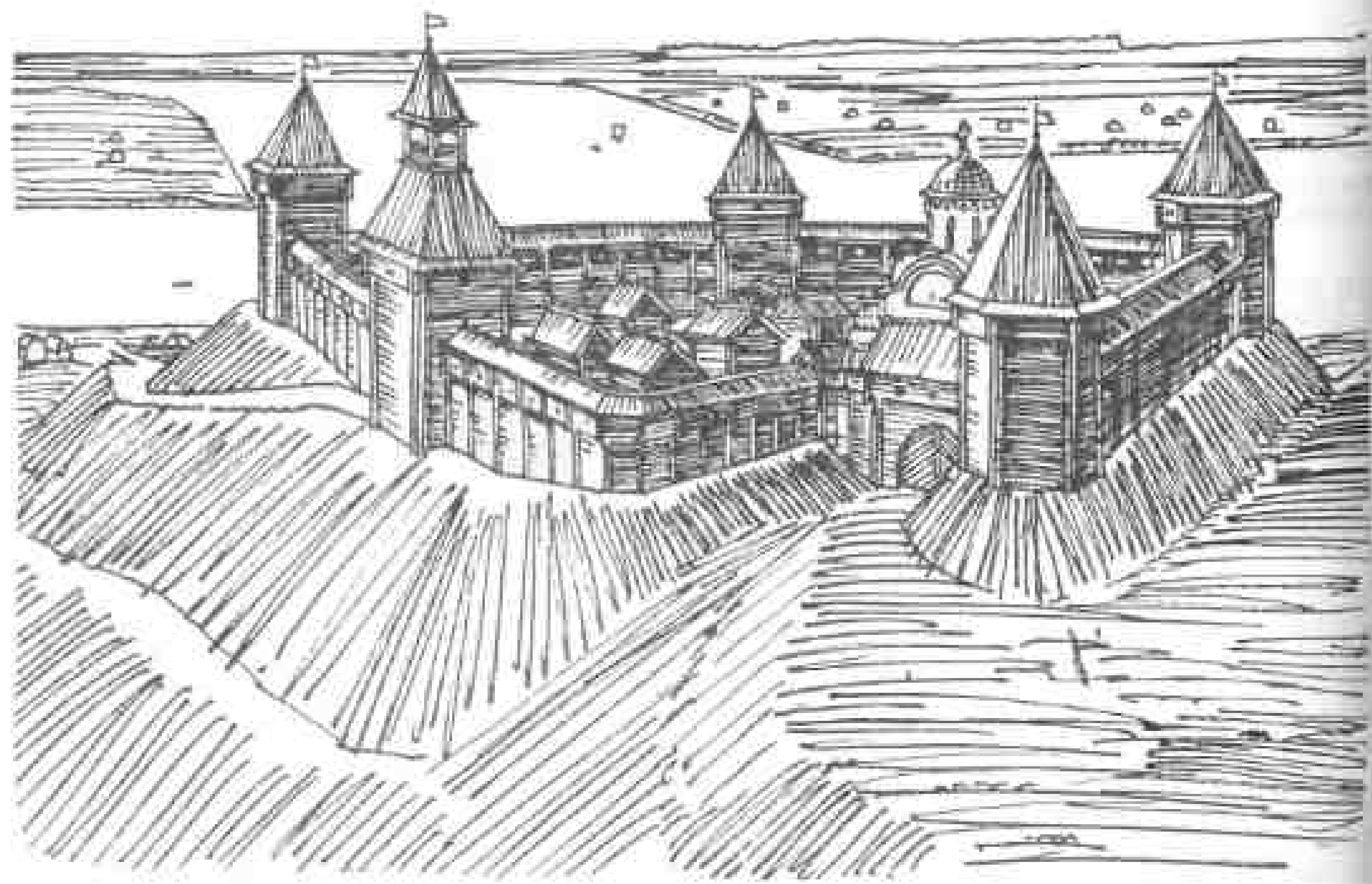
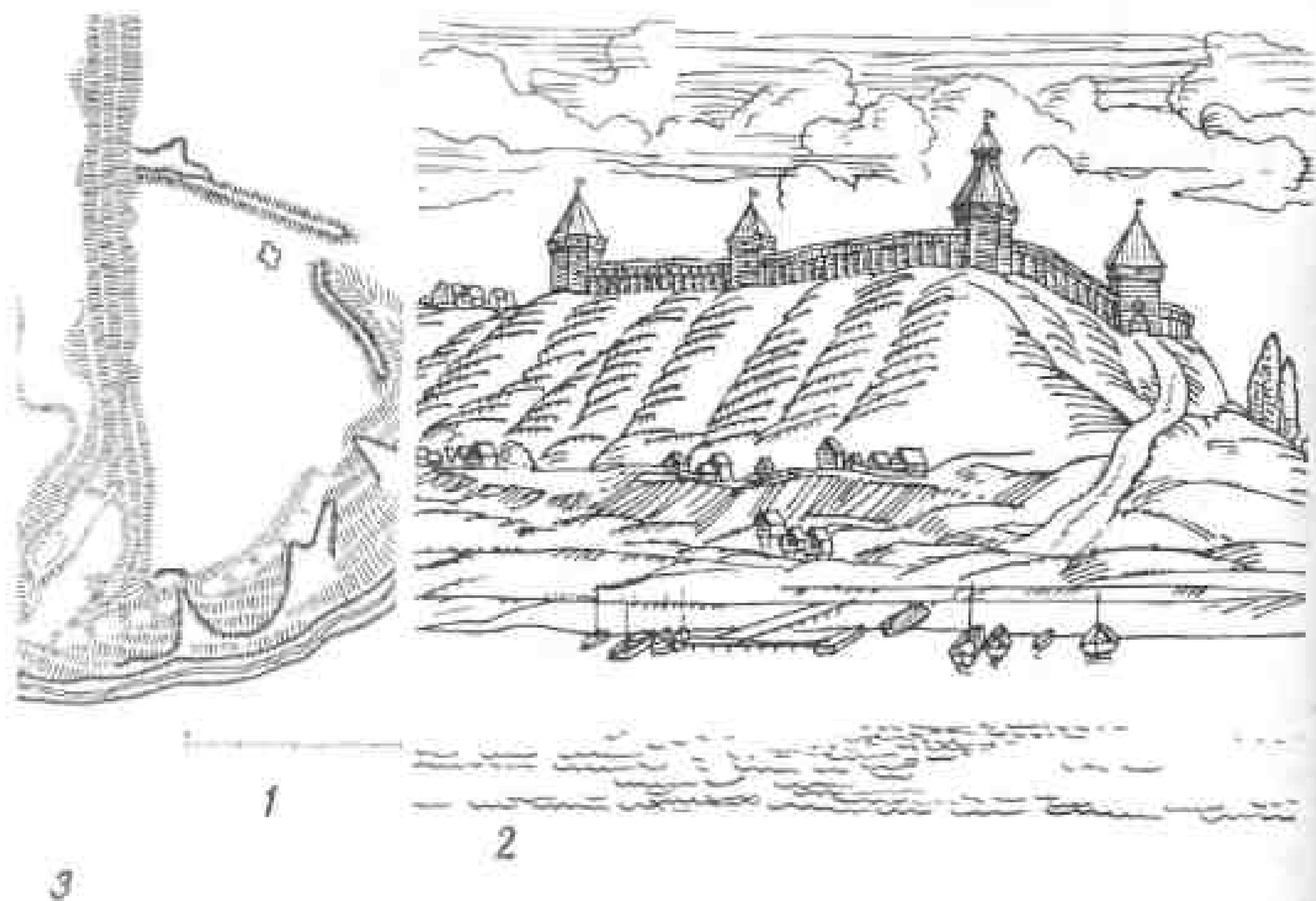

Рис. 71. Ново-Олыгов городок: 1 — план городища; 2 — реконструкция крепости со стороны Оки; 3 — реконструкция городка с восточной, южной стороны; слева показано устье Прони.

Рис. 72. Водяные ворота. Реконструкции: 1 — вид с севера; 2 — вид с юга; на заднем плане — усадьба Засеребряный.

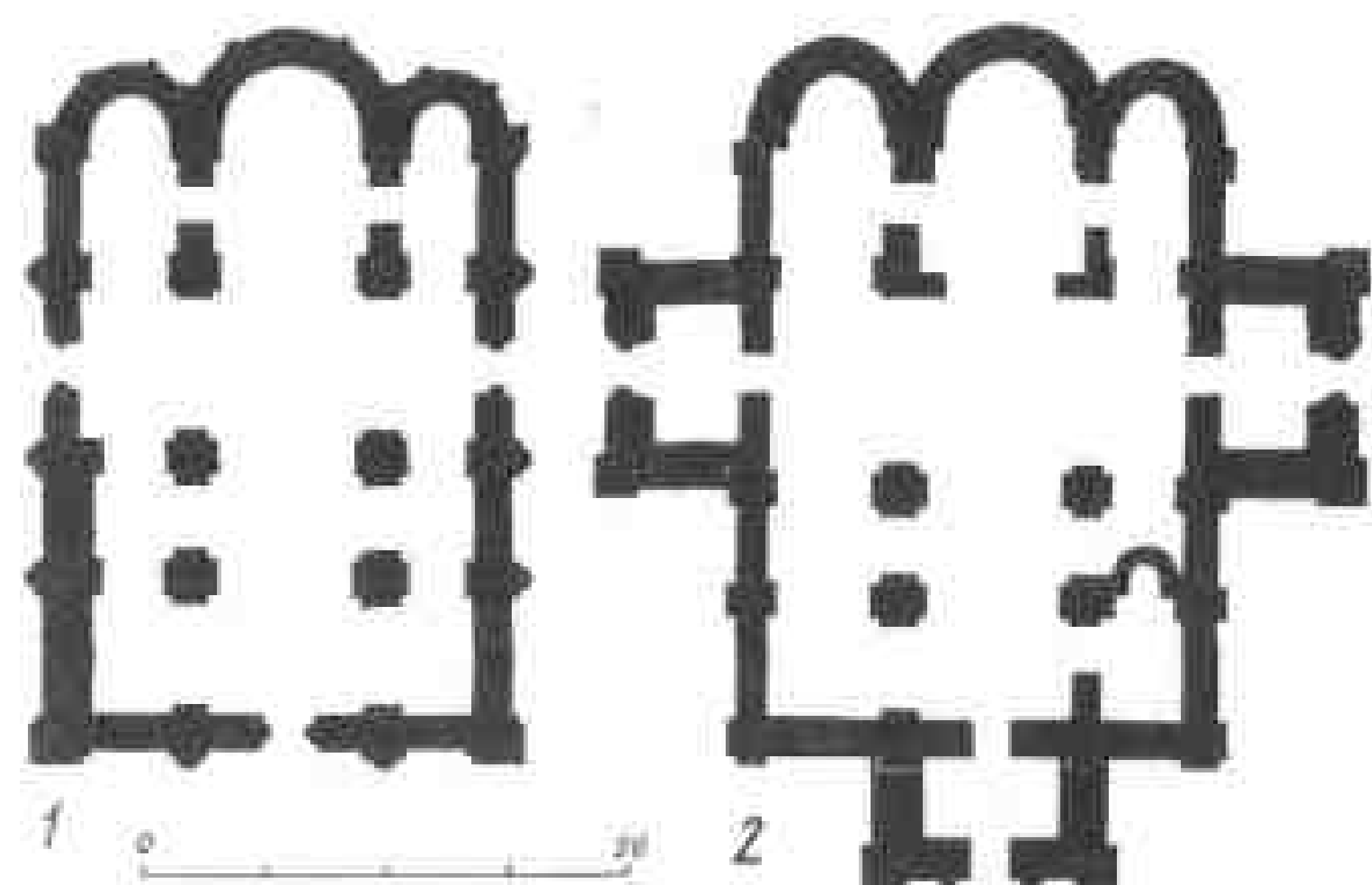

Рис. 73. Планы храмов Рязани: 1 — Успенский собор; 2 — Борисоглебский собор.

Руси второй половины XII — начала XIII в. Рязанская каменная архитектура, развиваясь в русле общерусской традиции, творчески осваивала ее достижения, о чем свидетельствуют специфические черты памятников, исследованных несколькими поколениями археологов.

Два шестистолпных собора — Успенский и Борисоглебский — были воздвигнуты, как уже говорилось, опытными мастерами, приглашенными из Чернигова (рис. 73-75), поскольку ближайшие аналогии — черниговские (Борисоглебский собор и Успенский собор Елецкого монастыря, XII в.). Сравнение с рязанскими шестистолпными храмами Киева (Кирилловская церковь, середина XII в.), Канева (церковь Георгия, 1144 г.), Турова (церковь XII в.) показывает, что при общем сходстве плановых решений и ряда деталей каждый из памятников характеризуется четко выраженными индивидуальными особенностями (рис. 76). Они проявляются в организации внутреннего пространства: применении каменной или деревянной алтарной преграды, полной или частичной выгородке нартекса с устройством или отсутствием в нем часовни. Подобные храмы могут иметь притворы, созданные при строительстве здания, или же появившиеся впоследствии.

Рис. 74. Успенский собор. Реконструкция южного фасада.

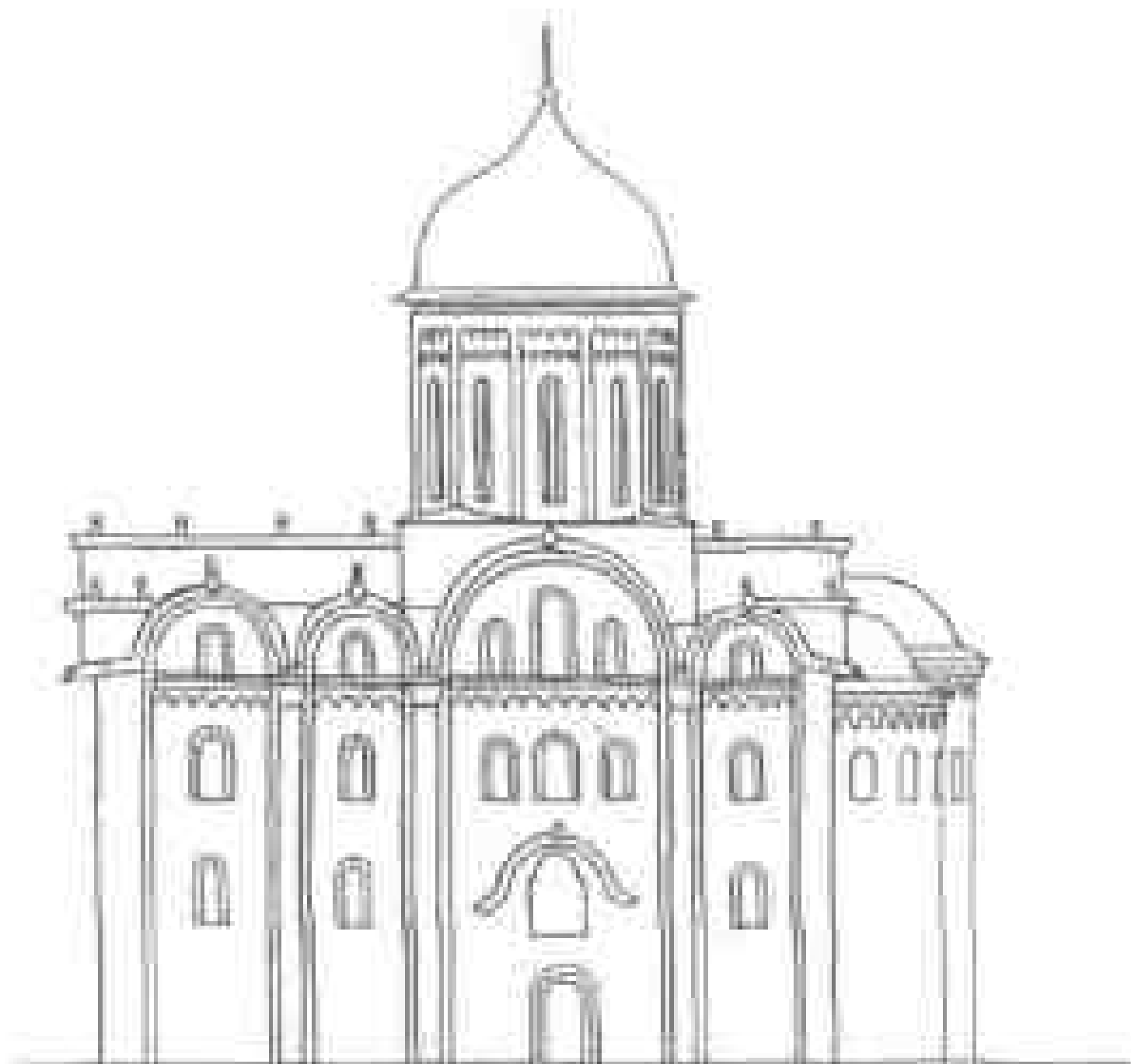

Рис. 75. Борисоглебский собор. Реконструкция южного фасада.

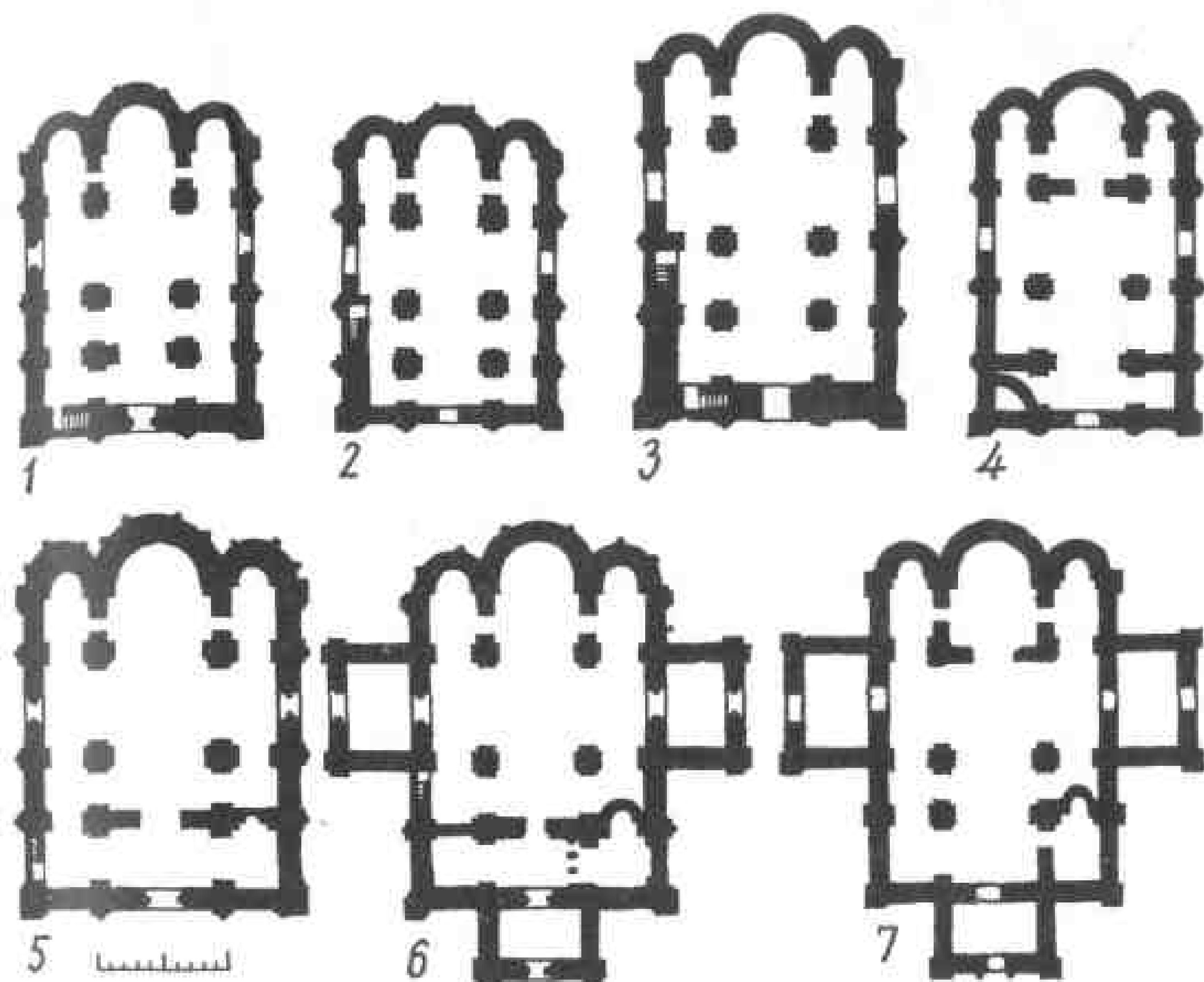
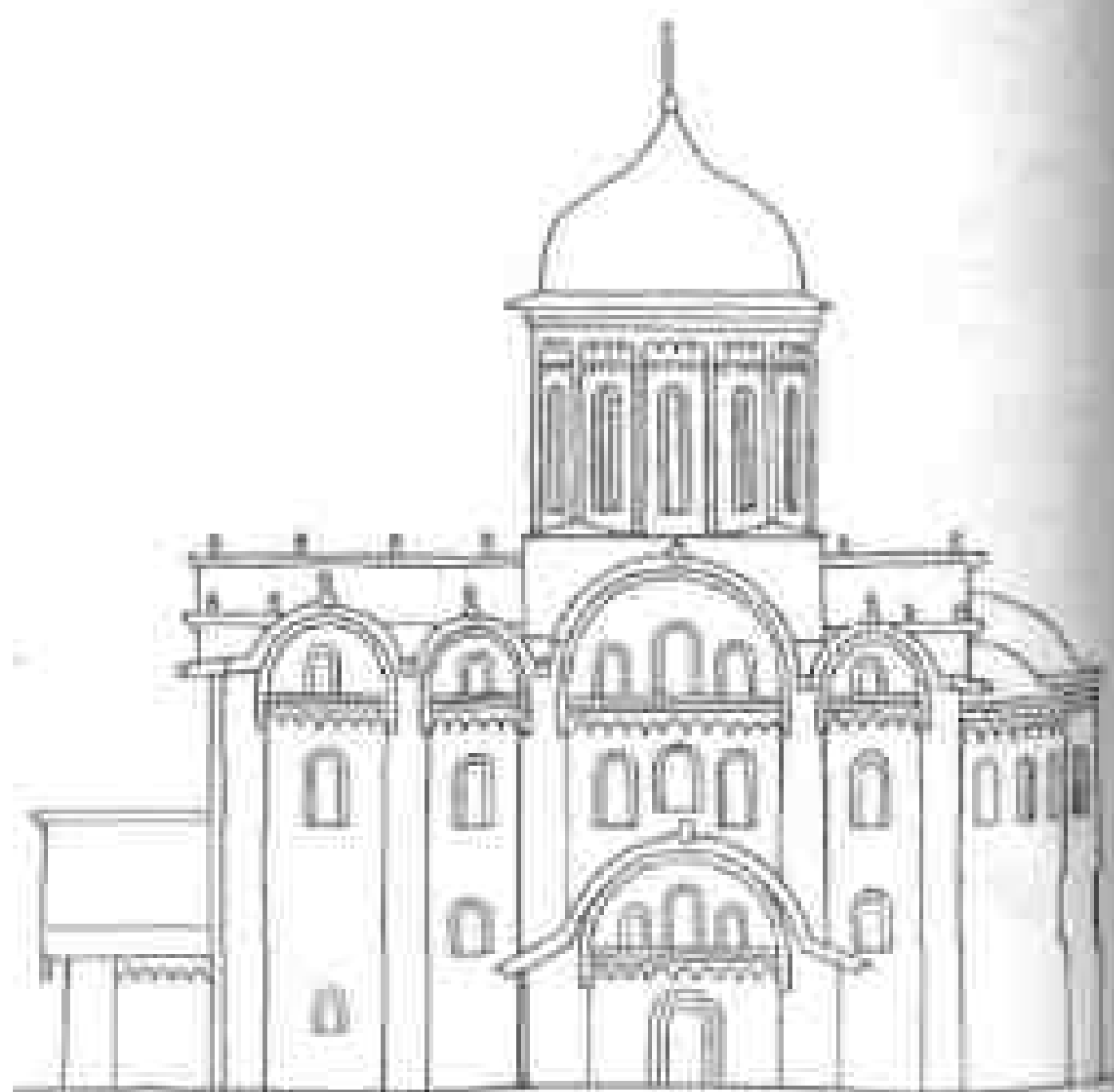

Рис. 76. Рязанские храмы в системе древнерусского зодчества: 1 — Чернигов, Борисоглебский собор, XII в.; 2 — Канев, Церковь Георгия, 1144 г.; 3 — Старая Рязань, Успенский собор; 4 — Туров, Церковь, XII в.; 5 — Киев, Кирилловская церковь, Середина XII в.; 6 — Чернигов, Успенский собор Елецкого монастыря, XII в.; 7 — Старая Рязань, Борисоглебский собор.

В Успенском соборе прослежено расширение западной части северной стены, что предполагает существование лестницы на хоры. Расширение на западной стене также допускает возможность размещения в ней лестницы. Наличие в храме двух внутрискладных лестниц наталкивает на мысль об устройстве на хорах каких-то отгороженных помещений с отдельными входами (внутренней часовенки, ризницы?). Отличительной чертой Борисоглебского собора являлась каменная преграда, как в церкви Турова.

Сложное архитектурно-пространственное решение отличало Спасский собор, развитый по вертикали и горизонтали. Построенный на рубеже XII-XIII вв. смоленской строительной артелью, он олицетворял новейшие идеи и приемы в развитии общерусского церковного зодчества (рис. 77-80). За счет превращения притворов в приделы в алтарной части образуются пять апсид. Из них доминирующее значение приобретает осевая, апсиды приделов играют подчиненную роль, а алтарные полукружия по сторонам главной апсиды скрыты за плоскостью восточной стены. Апсиды, полукруглые только изнутри, а снаружи прямоугольные, встречены в киевской церкви на Вознесенском спуске конца XII — начала XIII в. (рис. 81). Увеличенные размеры подкупольного пространства Спасского собора по сравнению с окружающими его членами свидетельствует о ярусности построения объема храма.

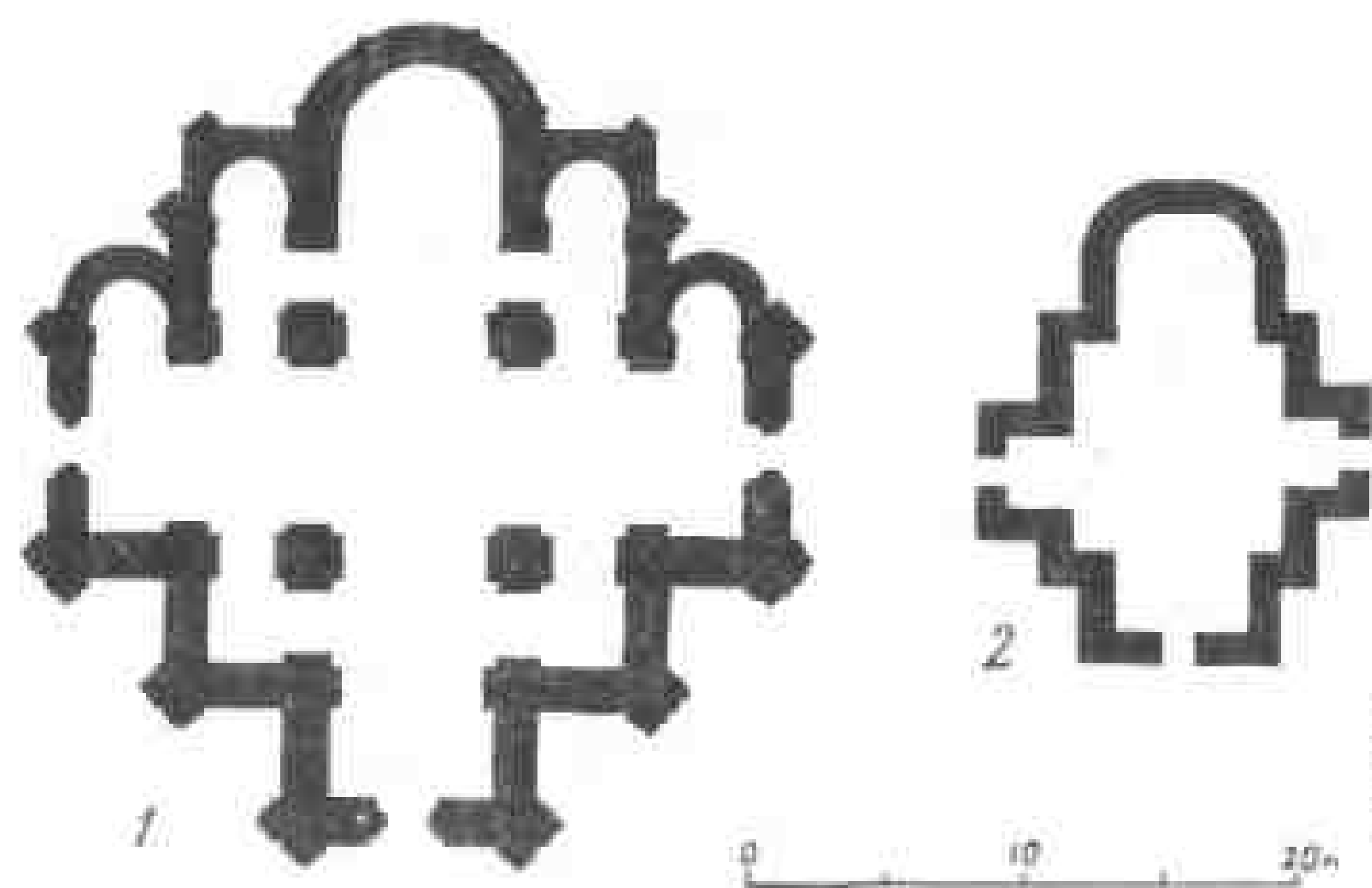

Рис. 77. Планы рязанских храмов: 1 — Спасский собор; 2 — церковь Ново-Ольгина городка.

Бесстолпная церковь Ново-Ольгина городка (конец XII — начало XIII в.), закрывавшего доступ в поречье Прони, расположена вблизи северо-восточных ворот крепости, как бы защищая въезд (рис. 71, 77, 82). Памятник принадлежит к немногочисленному типу бесстолпных храмов, аналогии которому находим в Чернигове и Переяславле-Хмельницком (рис. 81). Среди них он обладает максимальным пролетом, соизмеримым с самыми обширными подкупольными пространствами русских храмов того времени. Бесстолпная Ильинская церковь в Чернигове (XII в.) по размерам значительно меньше. Особенность церкви Ново-Ольгина городка — крестообразный план. Три ее притвора, подобно контрфорсам, погашали распор сводов.

Типология построек. На рисунках с графическими реконструкциями отражено все разнообразие построек Рязани XI-XIII вв., открытых при археологических исследованиях. Поскольку в культурном слое городища дерево и другие органические материалы, как правило, не сохраняются, для воссо-

Рис. 78. Спасский собор. Реконструкция (разрез по оси север-юг)

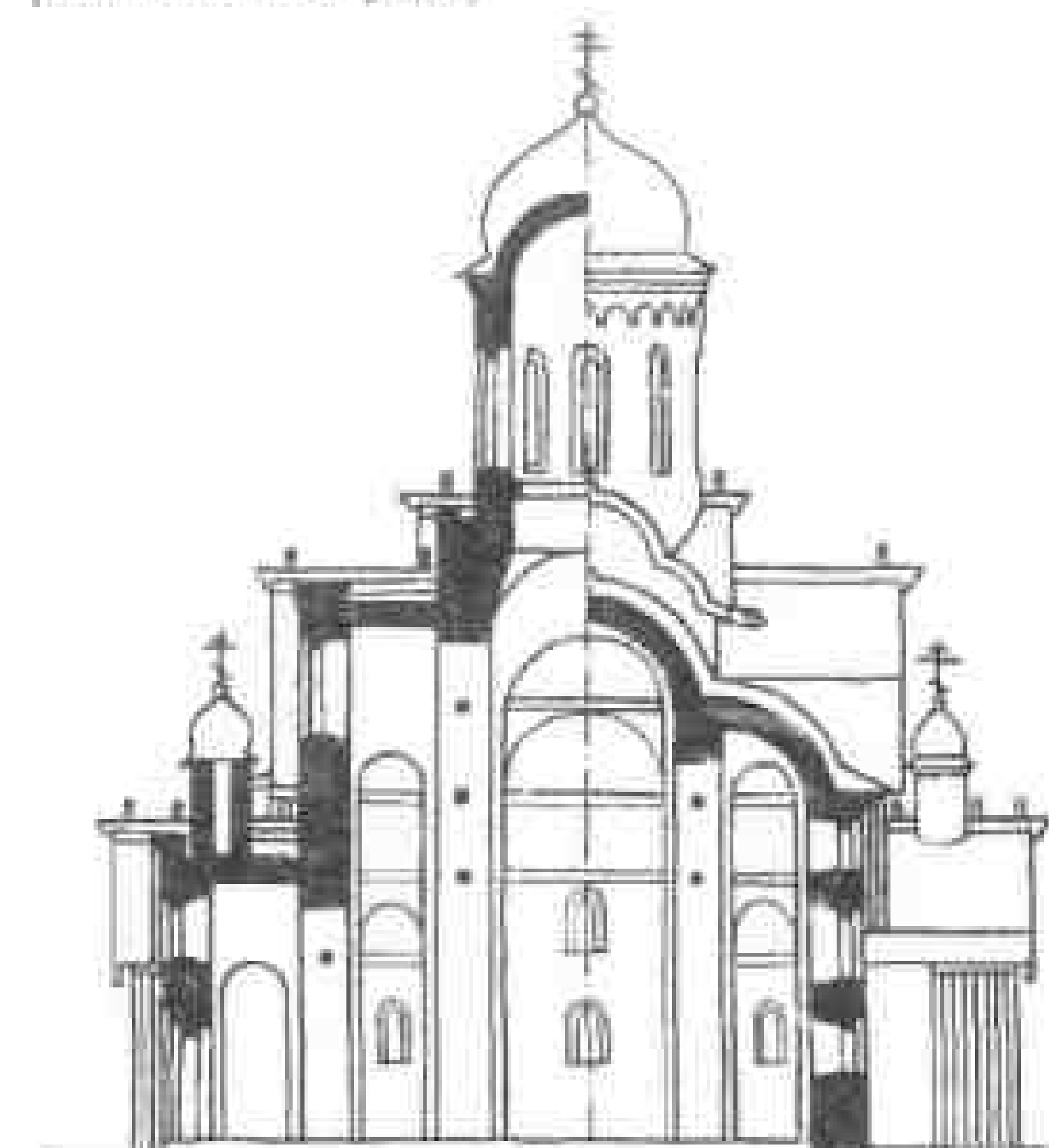

Рис. 79. Спасский собор. Реконструкция восточного фасада.

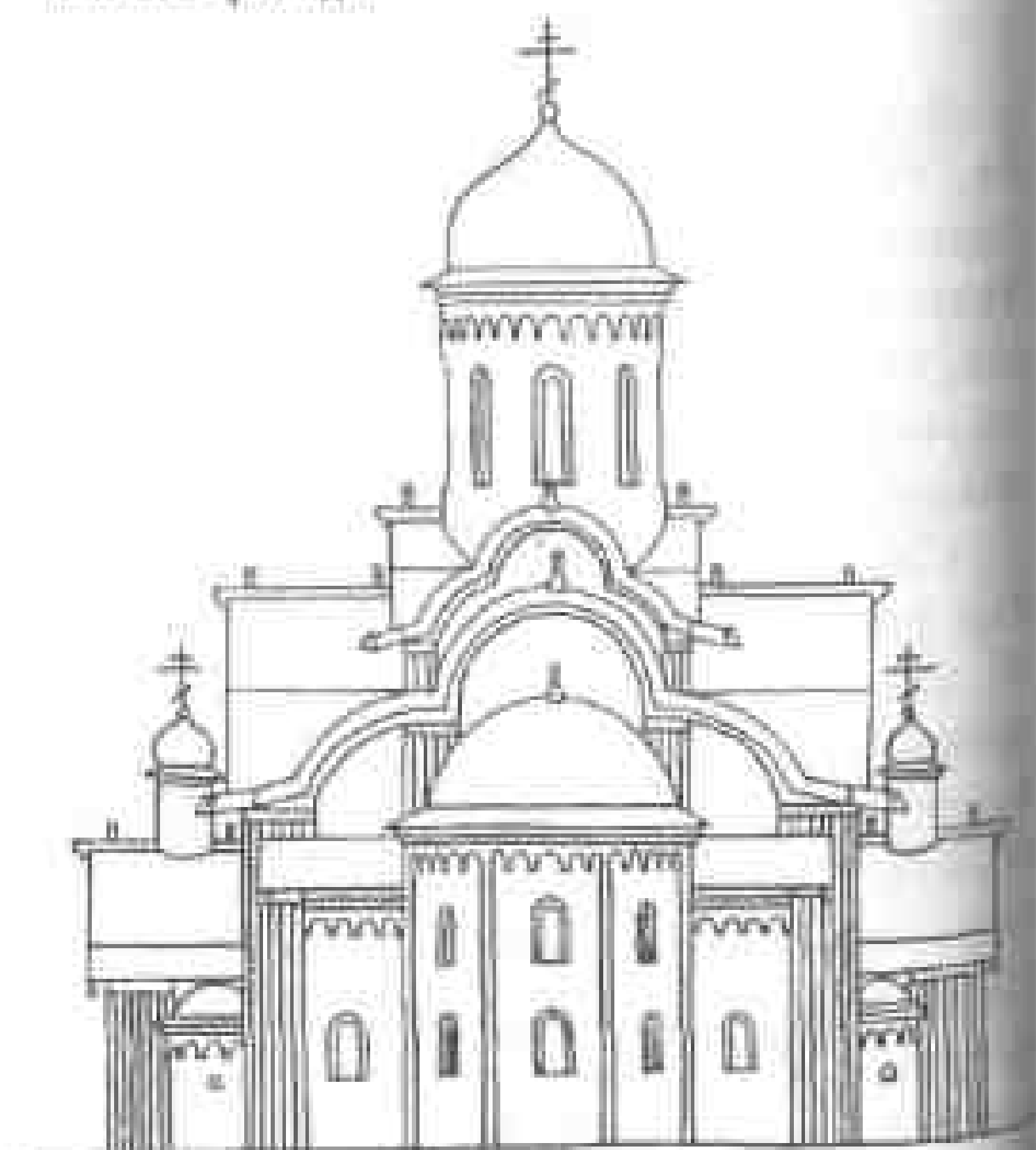
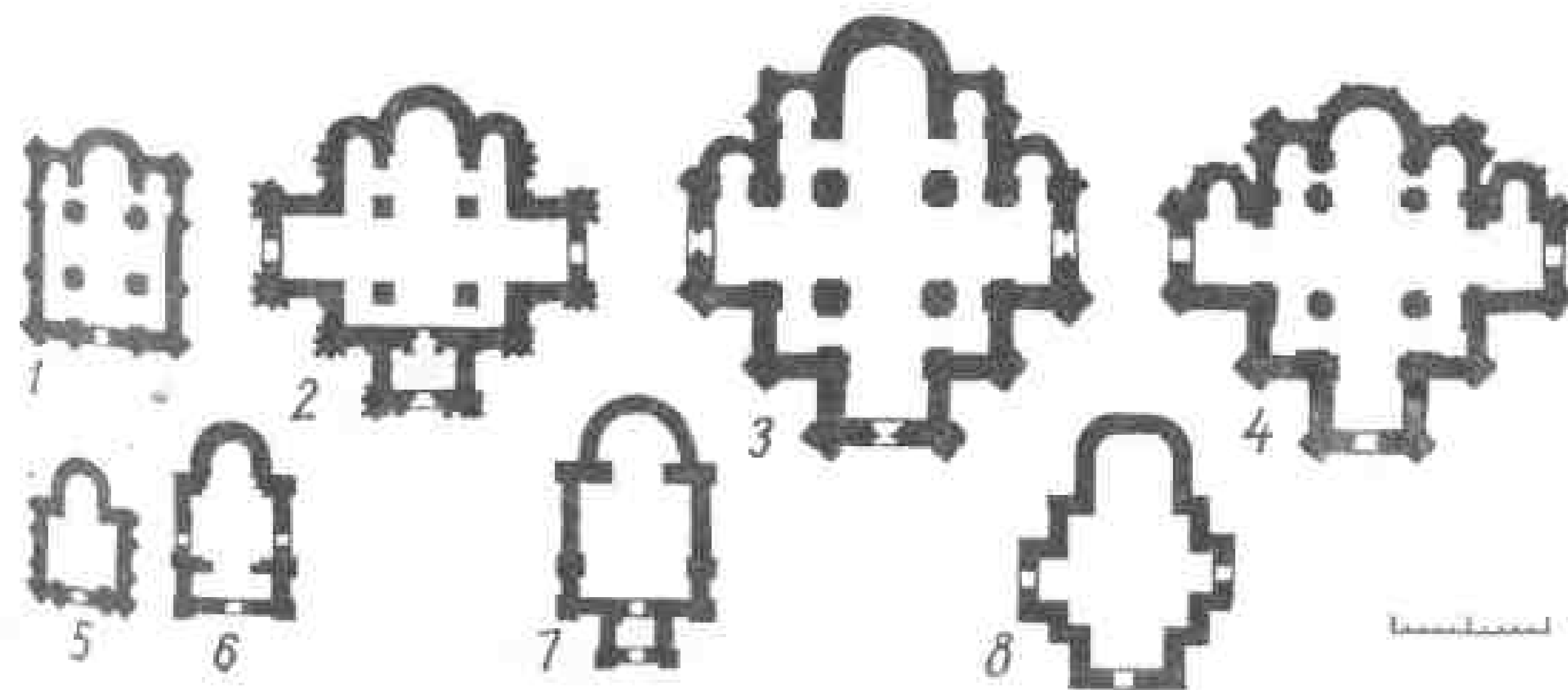

Рис. 80. Спасский собор. Реконструкция южного фасада.

дания 62 из 110 построек различного назначения (раскопы 11-23) с максимально возможным выявлением строительных деталей и несущих частей потребовался тщательный анализ и приведение в систему остатков деревянных конструкций с объяснением каждого элемента. В результате получают свое место опорные столбы и связанные с ними балки, облицовки, настилы, перегородки, печи с печами, мебель и т.д. По характеру развала обожженной глины удается определить, упала ли печь сверху, т.е. этажность дома.

Рис. 81. Рязанские храмы в системе древнерусского зодчества: 1 — Киев. Церковь на Вознесенском спуске. Конец XII — начало XIII в.; 2 — Новгород-Северский. Собор Спасского монастыря. Конец XII — первая треть XIII в.; 3 — Старая Рязань. Спасский собор; 4 — Смоленск. Собор Троицкого монастыря на Кловке. Конец XII в.; 5 — Переяслав-Хмельницкий. Бесстолпный храм под Успенской церковью. После середины XII в.; 6 — Чернигов. Ильинская церковь. XII в.; 7 — Переяслав-Хмельницкий. Церковь на Советской улице. XII в.; 8 — Никитино. Церковь Ново-Ольгина городка.

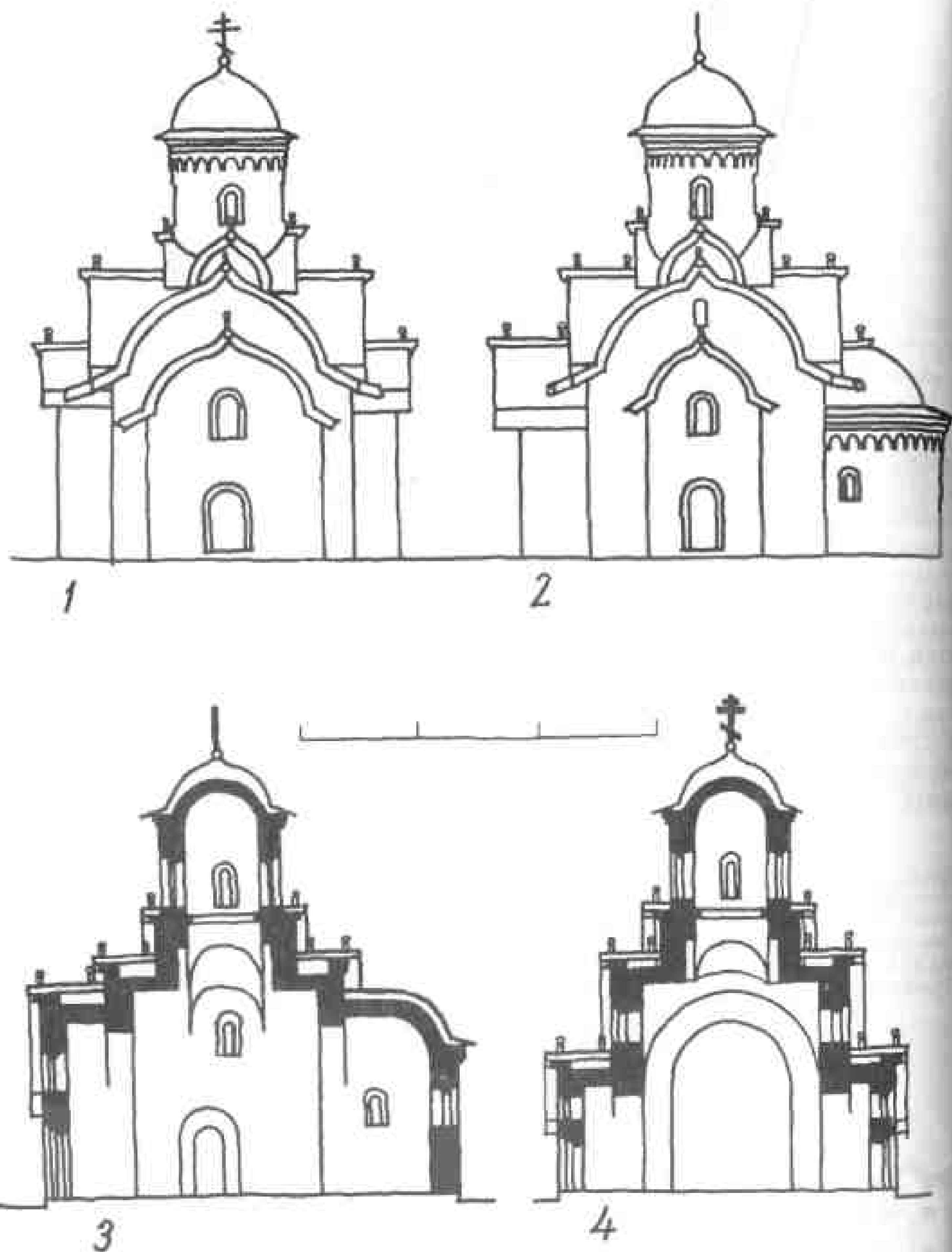

Рис. 82. Церковь Ново-Ольгова городка. Реконструкции: 1 — западный фасад; 2 — южный фасад; 3 — поперечный разрез; 4 — продольный разрез.

Следует сказать, что допустимы разные стадии исследования, и реконструкции в нашей работе имеют различную степень достоверности. Часть из них основана на абсолютно надежных данных, особенно когда дело касается рядовых построек. Здесь возможно полное восстановление утраченных частей сооружения по следам его конструкций в традиционных габаритах: остаткам

срубов, развалам глинобитных печей, заглубленным полам и упавшим сверху балкам перекрытий. По часто расположенным ямкам воссоздаются стены мазанок и плетни, а также убранство интерьера — полаты, лавки, столы. Восстановленная таким методом постройка становится моделью, при помощи которой удастся определить конструкцию и назначение гораздо хуже сохранившихся сооружений по незначительным фрагментам: подпольным ямам, отдельным столбикам, глинобитным пятнам и т.д. Важен и состав вещевых находок.

Сложнее обстоит дело при воспроизведении архитектурных элементов и деталей в верхних частях зданий. В тех случаях, когда подлежат реконструкции единственные в своем роде постройки, помимо фактологических данных, привлекается широкий круг древнерусских аналогий из области книжной миниатюры, иконописи, другие изобразительные материалы, рассматриваются памятники народного деревянного зодчества. Археологические данные позволяют альтернативно осмысливать фиксационные чертежи: число вариантов реконструкций зависит от степени развитости архитектурных форм. В сложных постройках реконструкция имеет скорее гипотетический портрет. В одних его деталях мы вполне уверены, в других сомневаемся, допуская иные варианты, но в пределах уже известных примеров и приемов того времени. Предположения и допущения в такой работе неизбежны. Попытка обойтись без гипотез, особенно там, где дело касается неординарных зданий и развитых градостроительных ансамблей, привела бы не к объективности, а скорее, к упрощенчеству, объединению представлений об облике древнерусского города.

В Рязани встречены постройки трех конструктивных систем: каркасной, каркасно-стеновой и срубной.

Каркасная система употреблялась в различного вида навесах и легких холодных хозяйственных постройках (рис.83). Она состоит из сочетания стоек и балок. В простейшем виде сооружение включало 6 столбов, из которых 4 располагались по углам, а 2 — в середине торцов, причем они выше угловых (для укладки коньковой балки). Параллельно коньковой перекидывали балки на угловых столбах, по которым укладывали стропильные бревна. В зависимости от типа кровли — тесовой или соломенной — на стропила настилали слези (латы) или жерди (рис.83,4). Иногда коньковые столбы ставили внутри прямоугольника, коньковая балка становится короче, и со всех сторон укладываются стропила. В результате образуется четырехскатная крыша (рис.83,2). Иногда на коротких балках обвязки ставили из шипов столбики-«дедки», несущие коньковую балку (рис.83,4).

Дополнение каркаса стенками между опорами образует каркасно-стеновую систему (рис.83,84). В простейшем виде стена делается из плетня, привязанного к каркасу (рис.83,1). При двусторонней обмазке такой стенки в глиняный раствор примешивали соломенную сечку. Легкое пористое заполнение повышало теплозащитные свойства стены и снижало усадку при высыхании обмазки. В народной архитектуре такие постройки называли мазанками. Плетенный каркас успешно использовали в небольших постройках с соломенными крышами — хлевцах, курниках (рис.83,5). Мазанки могли сочетаться с навесами, образующими открытые сени или крыльца (рис.83,4).

Вместо плетня в легких неотапливаемых постройках использовали заборку в избу, выдолбленные по оси столбов из тонких бревен, жердей или тесин (рис.83,3). Столбовую технику применяли для сооружения таких крупных построек, как конюшни (рис.83,7). На р.13 открыто длинное строение с 15 столбами по периметру, которые соединились горизонтальными балками. Балки могли поддерживать потолок и выполнять роль затяжек и 7

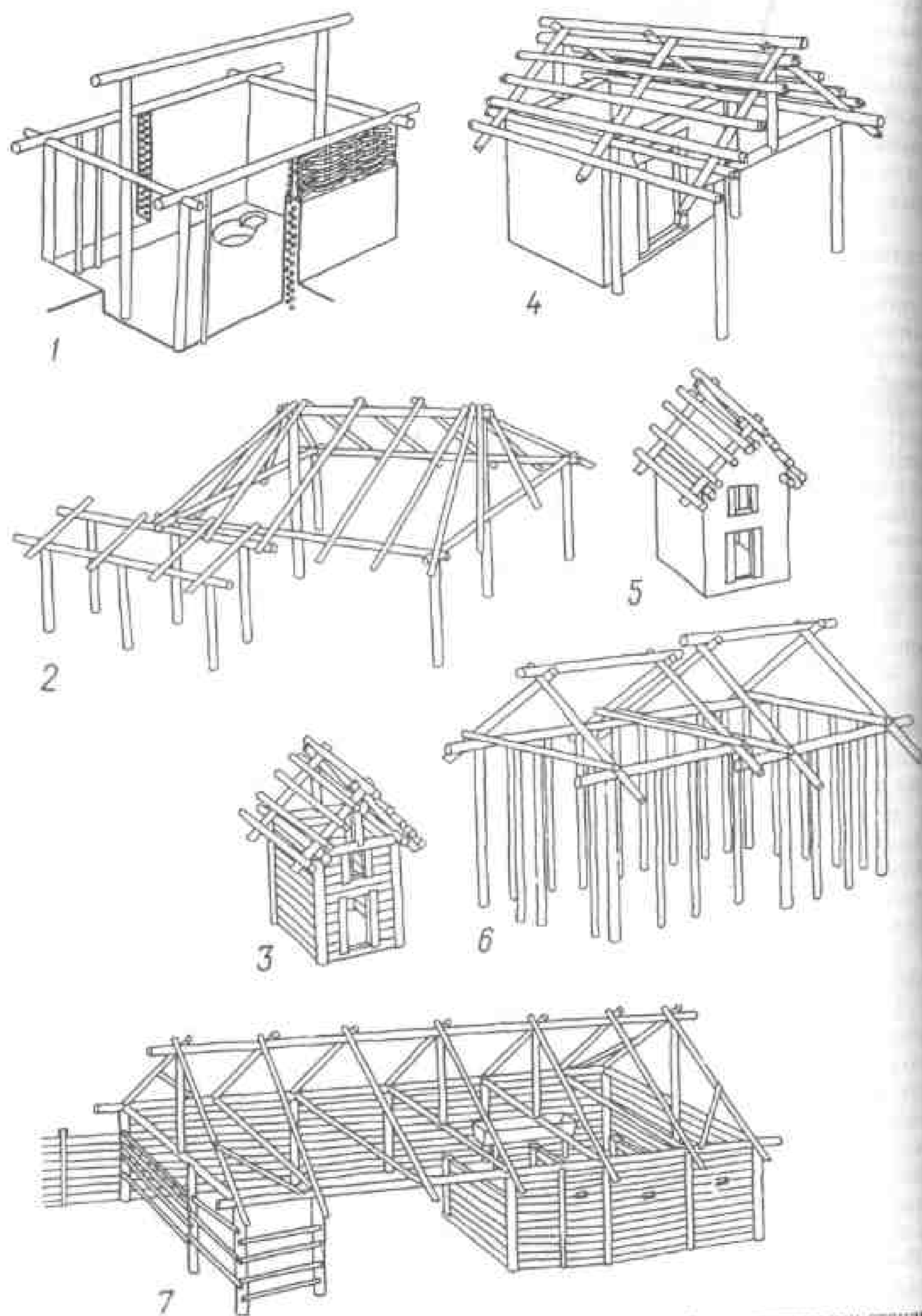

Рис. 83. Каркасные хозяйственные постройки: 1 — каркасная постройка с плетеными стенами, обмазанная глиной (мазанка); коньковые столбы с двусторонними стропилами; 2 — постройка с четырехсторонними стропилами; 3 — постройка со стенами из горизонтальных тесин, забранных в пазах угловых столбов; 4 — мазанка с навесом; 5 — курник; 6 — двухэтажная каркасная постройка; 7 — конюшня.

стропильных конструкциях. Поверх стропил укладывали слои с последующей настилкой соломенной кровли (рис.83,7).

Расположение столбовых ям позволяет выявить не только каркасные постройки и навесы, используемые как сеники, дровяники, сарай, хлев, конюшни (обычно вещицы находки в них отсутствуют), но и ограды, отделяющие дворы от улицы, разделяющие сами дворы и проходившие внутри единого домовладения. В Рязани реконструированы 4 типа ограждений. Заборы-заплеты определяются по ямам от столбов, врытых на равном расстоянии, которые забирались бревнами — заплетинами или колотыми досками (рис.84,1). Проследжено два вида частоколов-острогов. Наиболее устойчивая конструкция, наблюдаемая в ограждении улиц, состоит из столбов, поставленных на определенном расстоянии друг от друга. Они сообщались канавкой, в которую устанавливали колья, для устойчивости с обеих сторон зажатые бревнами на уровне земли. Сквозь отверстия в верхней части кольев проходила жердь, соединяя их в панели (рис.84,2). Частоколы между дворами не имели крепления пониже и потому пряжез между столбами подпирала раскосами (рис.84,3). На одном из дворов обнаружена выгородка с одной постройкой внутри. Ограда представляла собой вертикальные парные столбики. В промежутки между ними вставляли горизонтальные жерди, вероятно, переплетенные лозой (рис.84,4). Малая площадь двора внутри обширного двора, судя по этнографическим параллелям, позволяет считать его птичником.

В археологической литературе принято делить жилища на наземные и полужемляночные (земляночные) — принцип, которого не знает этнография. На материалах раскопок в Старой Рязани подобная классификация, основанная только на зафиксированных при раскопках нижних частях зданий, не подтверждается. Не упоминают о землянках и полужемлянках древнерусские письменные источники. В настоящее время можно констатировать, что в Рязани все хоромные строения как в срубной, так и в каркасной технике относятся к наземному типу. Обычно за землянки принимают разнообразные погреба и подполья наземных жилищ. Как и верхние части сооружений, они могут иметь настланные из досок полы с подпольными ямами для хранения припасов, облицовки земляных стен в виде плетня или срубные, а также обшивки из бревен или тесин, забранные в угловые вертикальные столбы или прижатые ими к грунту. Некоторые погреба имеют маленькие очажки в виде подбоя в стене для предохранения от сырости. Пол дома, незначительно углубленный в землю, чтобы сохранить тепло (по археологической терминологии "полужемлянка"), — нижняя часть наземной избы. Как видим, постройки в городах Руси были намного сложнее и разнообразнее, чем это рисовалось по раскопкам лишь нижних частей зданий. Следует отказаться от упрощенных представлений о застройке городов периода расцвета древнерусской культуры архаичными сооружениями, какими-то "земляными норами", что ведет к непониманию общей структуры городского пространства.

В рязанских постройках каркасные конструкции органично дополнялись срубными. В срубной технике возводили отапливаемые помещения. В структуре сложных хором срубы как наиболее прочные компоненты обеспечивали жесткость конструктивной системы таких развитых по вертикали сооружений, как теремные строения, вежи, рубленые храмы. В срубной технике ставили амбары, житницы, скотницы (в значении казна, казнохранилище), где хранили наиболее ценное имущество. Каркасную конструкцию чаще применяли в холодных помещениях: сенах, поветях, сараях, гумнах и т.п. Обнаженный каркас как архитектурно-художественная и функциональная система использовался в навесах, галереях, крыльцах, переходах, вышках, во всевозможных пристройках и завершениях зданий.

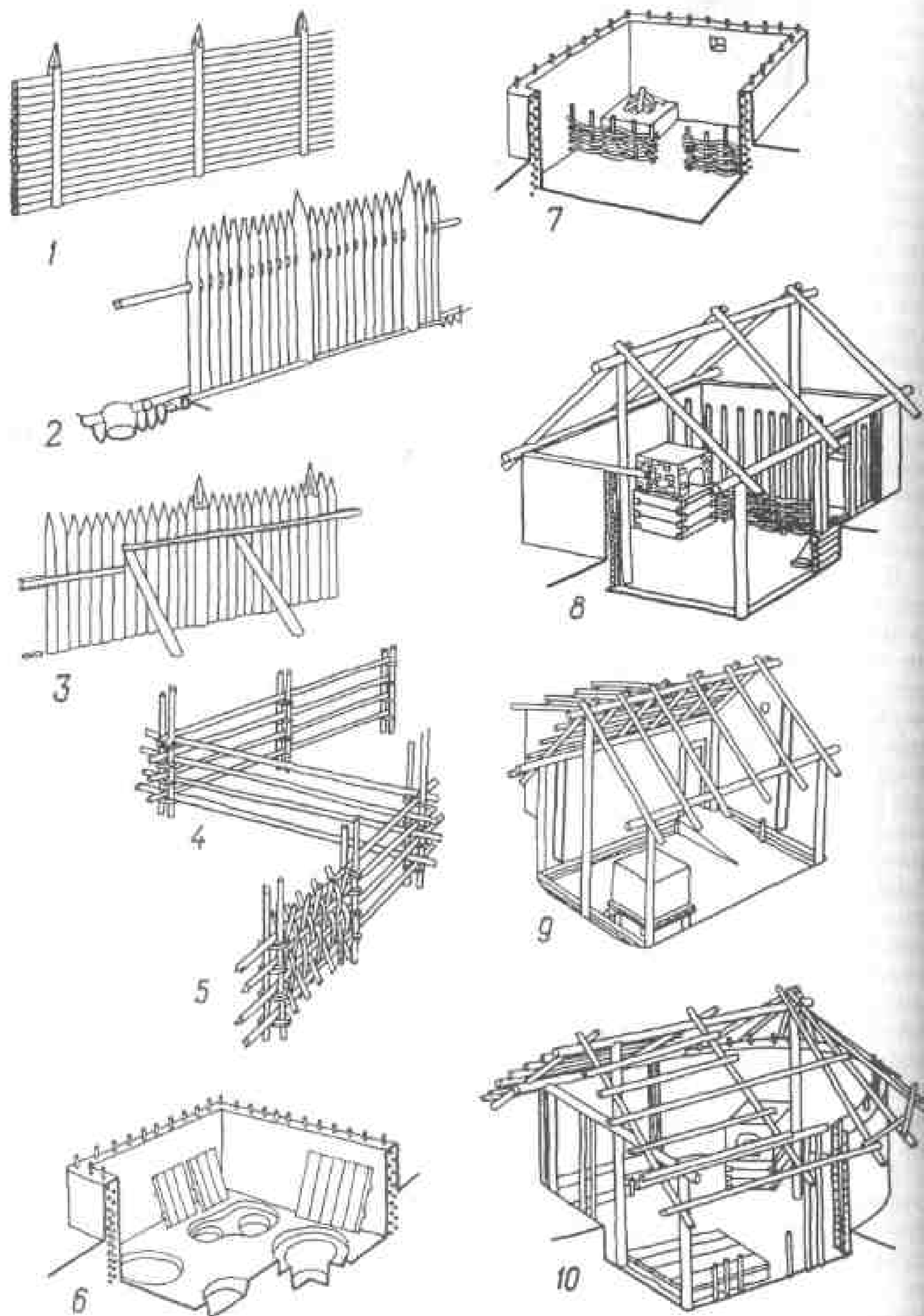

Рис. 84. Виды оград и хаты-мазанки каркасной конструкции: 1 — забор-аллот; 2-3 — частоколы; 4-5 — ограда из горизонтальных жердей и плетень; 6 — мазанка с подпольными ямами; 7 — мазанка с очагом и плетневой перегородкой; 8 — изба с печью у стены и выгородкой запечного пространства; 9 — изба с пандусом у дверного проема; 10 — мазанка с закруглением торцевой стены.

В зависимости от назначения постройки Рязани, естественно, делятся на отапливаемые жилые (избы) и нежилые холодные, которые использовали в хозяйственных целях. Но часто хозяйственные и производственные строения также отапливали.

Теплые клетки в древней Руси называли избами, истопками, поскольку в них находился очаг или печь (рис.84,8-10; 85). В одной мазанке очаг отделялся легкой плетневой перегородкой (рис.84,7). Рязанские избы нередко строили в каркасной системе — из несущих столбов, с бревнами между ними (заборка), что связывает их с южновеликорусскими: украинцы и белорусы используют эту технику при постройке жилых помещений — хат. Избы каркасной конструкции отличаются друг от друга: в одном случае печь стоит посередине стены, с выгородкой запечного пространства (рис.84,8), в другом — дверной проем расположен в углу, в продольной стене, с устройством вместо ступеней пандуса, удобного для затаскивания тяжелых грузов (рис.84,9). Архаично выглядела прямоугольная мазанка, одна из торцовых стен которой закруглена, а печь поставлена в закруглении по диагонали (рис.84,10). Открыт дом в каркасной технике с двухкамерной связью и печью в углу. Как в избе, так и в клетке вырыты подпольные ямы (рис.85,1).

Каждая из срубных изб Рязани (преобладала рубка в лапу — без остатка, или в паз) имела особенности. Избы стояли прямо "на пошве", без фундаментов. Они распознаются по остаткам печей и опечков — обычно в углу жилища, чаще устьем ко входу (южновеликорусский тип). В рядовых жилищах Рязани наблюдаем очевидную тенденцию ставить печь в одном из углов северной стены, что вполне объяснимо. Опечки столбовые или срубные, поды печей иногда выкладывали кирпичом, а в глиняное тесто добавляли мелкие камни; чтобы дольше удерживать в печи тепло. Впервые в избах домонгольского времени зафиксированы столбы, несущие полаты — высокий и широкий настил для сна (рис.85,4-6). Обычно они тянутся от печи до противоположной стены на расстоянии 0,8 м от потолка. Под высокими полатами восстанавливается еще один настил на расстоянии 0,8-1 м от пола. Он тоже служит для сна и называется "пил"(укр.) (белорусск. "нары"). К печному столбу, который поддерживает балку полатей, прикреплена полка, так называемый воронец, тянущаяся от полатей и печи к противоположной стене и отсекающая бабий кут (рис.85,5)¹⁷⁸. По столбовым ямкам воссозданы неподвижные встроенные скамьи для сиденья (лавки), столы вдоль стен. Над лавками — неподвижные полки для посуды — полавочники (рис.85,3-6).

Несколько изб построены на сочетании наземного сруба и заглубленной части с заплотной облицовкой. В одном случае печь на срубном опечке стояла в углу "полуземлянки". По диагонали, в противоположном красном углу стоял стол на вкопанных ножках. Очевидно, в жилище спускались по деревянной лестнице. Таким образом, печь не примыкала к наружной стене и имела запечье (рис.85,3). В другой избе, с пониженным полом, печь стояла по продольной оси помещения, также с отступом от задней стены, но вне центральной, углубленной части. По периметру комнаты, примыкая к наружной стене, шли облицованные лещевом земляные лавки (рис.85,2). Стратиграфические наблюдения позволяют реконструировать потолки ("подволоки", "подволока"), которые старались сделать утепленными (рис.85,2,6). Вероятно, в Рязани в срубных жилищах были как глинобитные полы, так и вымощенные досками ("мости"). Однажды отмечено сложное устройство пола — из двух настилов со слоем глины между ними¹⁷⁹. Таким образом, рязанские "полуземлянки" представляли собой одноэтажную клеть, заглубленную в материк на глубину промерзания, т.е. практически наземную постройку. Простейший вид тамбура для сохранения тепла в доме — глухое крылечко перед входом. Оно стояло просто на земле (рис.85,6) или защищало от дождя ступени (рис.88,1).

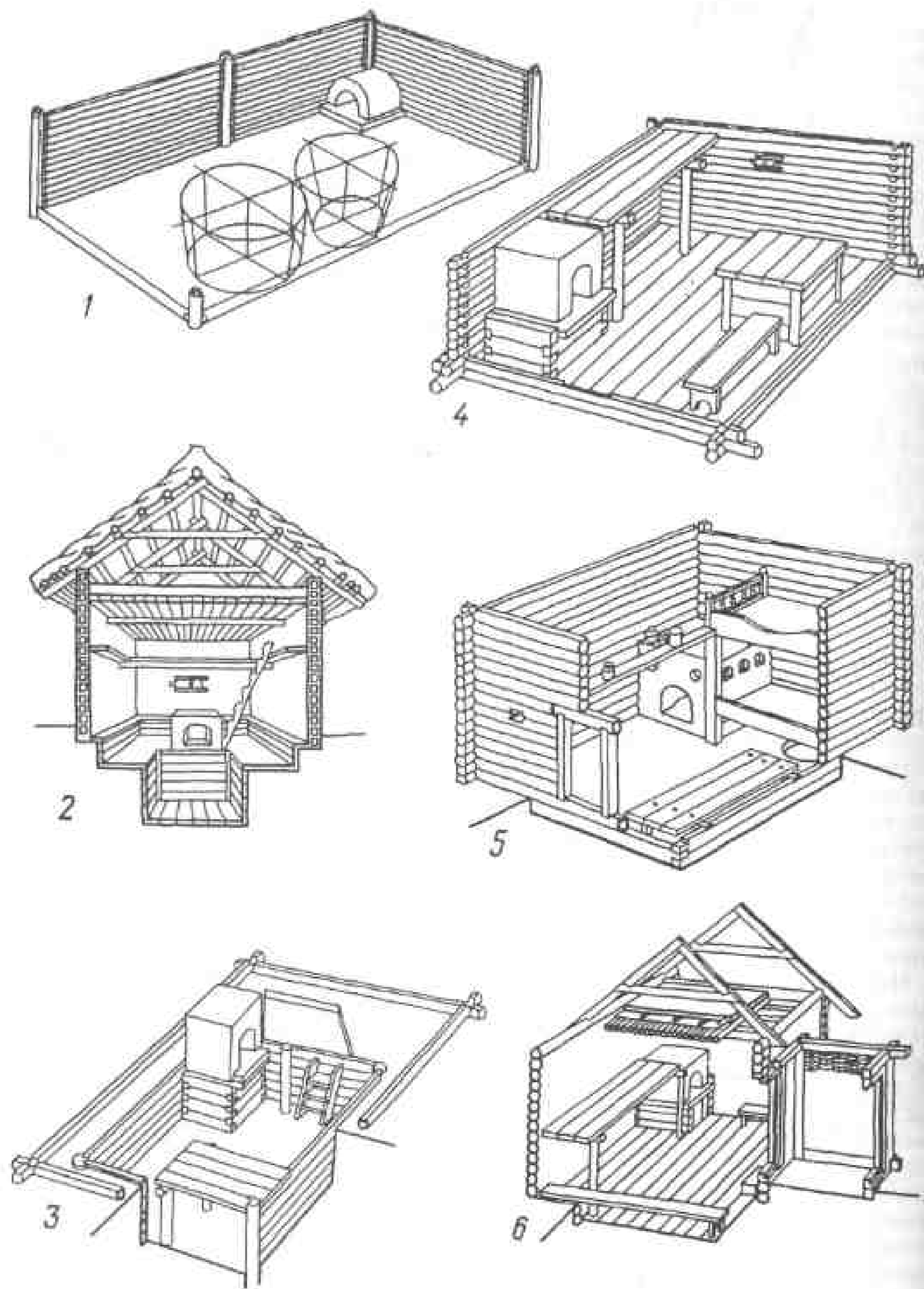

Рис. 85. Избы: 1 — двухкамерный дом в каркасной технике (2-6 — срубные); 2 — изба с пониженным полом и печью по продольной оси; 3 — изба с заглубленным полом и столом в красном углу; 4 — изба со "столом-скриней", 5 — изба с полатями и занавесом; 6 — изба со сложным устройством потолка и тамбуром перед входом.

Рязанские плотники рубили и большие трехкамерные дома ("связи"). Между теплой избой и неотапливаемой клетью, где хранили зерно, продукты и домашний скarb, а летом и жили, появлялись более низкие, холодные сени (рис.86,1). Если все части не выделялись по высоте, это называли "покрыть под одну крышу". Самое распространенное впоследствии жилище на Руси ("изба, да клеть, а промеж ими сени") получило в Рязани разнообразные архитектурные интерпретации. Иногда оно служило основой более сложных хором. Сени могли соединять друг с другом две избы (рис.86,2).

В Новгороде на Неревском раскопе трехкамерные жилища появились вместе с первыми дворами, и число их со временем увеличивалось (в X в. — 2; в XI — первой половине XII в. — 8; во второй половине XII-XV вв. — 42)¹⁷⁰. В Рязани XI-XIII вв. открыто 5 домов этого типа; рязанские "здатели" творчески трансформировали трехчастную схему как на первом ярусе изб и клетей, так и на уровне горниц и повалуш. Под повалушей имеется в виду летняя холодная клеть на подклете, куда семья уходила на ночь из топленной избы ("повалиться", т.е. спать). Горница — изба на подклете, между ней и повалушей устраивали сени на подсени. Три здания, в основе которых лежит это членение, подробно анализированы во 2-й части книги. По объемно-пространственной композиции они занимали видное место в застройке Рязани.

Постройка 14-Б-3 в нижнем ярусе — сруб-пятистенка, на половину этажа углубленный в землю. Он состоял из избы с печью и срубной клети-кладовой (рис.86,3). Простой расчет показал, что существовал второй этаж, куда поднимались по крыльцу, пристроенному над входом в нижние помещения. Второй этаж был трехкамерным, с сенями и горницей, печь которой рухнула в клеть.

Сложное и живописное сооружение представляла собой постройка 14-Б-1, условно названная "теремом", "теремным строением" (рис.86,5). Нижняя часть здания с заплотной облицовкой стен состояла из трех помещений. Восточная часть (с печью) и промежуточная заглублены в материк на пол-этажа, а западная, квадратная в плане, — на этаж. С севера к терему примыкала галерея на 11 столбах (выявлены следы 9 из них). Разные уровни полов, расположение ям от несущих столбов, рассчитанных на высотную конструкцию, кирпичи от упавшей сверху печи позволяют реконструировать дворцового типа сооружение в виде двухэтажного дома с горницей на избе и объединенной с ним башни-вежи. Башня имела проходящие через перекрытия внутренний каркас и систему лестниц. Лестница соединяла подвал, горницу и все ярусы вежи. Башню венчал теремец-смотрильня — архитектурный мотив, который, судя по изобразительным материалам, получил распространение в древнерусском зодчестве. Высокая башня с теремом наверху служила дозорной вышкой (рис.13).

Важным элементом композиции терема служила галерея, в одном из вариантов — двухэтажная. Галереи с декоративным мотивом арки повторяются в прикладном искусстве и книжной миниатюре, в палатном письме икон и фресок. В интерьерах терема на реконструкции показаны лавки, полки, столы: плотники называли это "нарядить нутро". Аналогия рязанскому терему, возможно принадлежавшего княжескому наместнику, — реконструкция "дома боярина", раскопанного на городище Слободка¹⁷¹. В воссоздании терема и других сложных сооружений возможны варианты и прежде всего — верхних частей здания.

Третий дом (17-А-1), видимо, принадлежавший зажиточному ювелиру, представлял образец развитой строительной культуры. Он состоял из построек различного назначения, связанных в единый хоромный комплекс (рис.86,6). В его основе — трехчастное деление — изба на глубоком подполье, клеть на

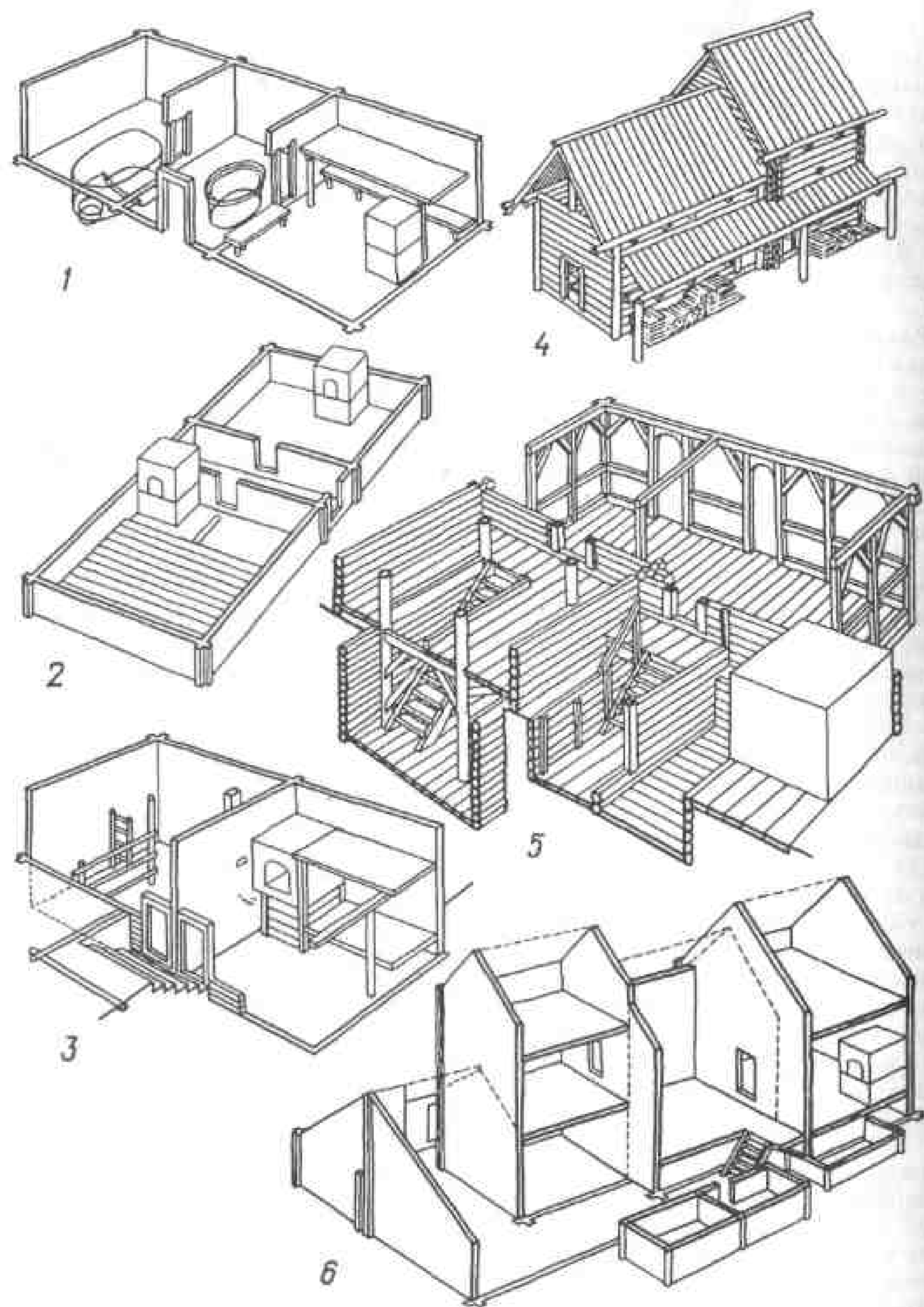

Рис. 86. Большие трехклетерные дома с сеними: 1 — дом по схеме изба — сени — клеть с подпольными ямами; 2 — дом по схеме изба — сени — изба; 3 — нижний этаж двухэтажного дома; изба и клеть имеют самостоятельные входы (постройка 14-Б-3); 4 — изба с клетью и нарядом (для дров?); 5 — двухэтажный дом сложной планировки ("теремное строение"); в нижнем этаже — подклете — изба, сени, основание башни, галерея (14-Б-1); 6 — большой дом с крытым хозяйственным двором (17-А-1).

подклете и между ними — сени на подсени с крыльцом на 2-х столбах с северной стороны. Не только в рязанском домостроительстве, но и в архитектуре домонгольской Руси впервые встречен обширный крытый хозяйственный двор, окружающий клеть. С юга примыкают три пристройки, или прирубы, хозяйственного назначения. Объемно-пространственная структура дома из соединенных торцами срубов должна строиться по принципу ярусности при неравной высоте частей.

Для жилищ Рязани характерны обширные подполья (подызбицы) для хранения овощей, мясных, молочных продуктов. Иногда они достигают 2 м глубины и равны по площади самой избе (рис.87,4,6). Стены таких погребов обычно забирались досками, брусками или бревнышками, заложеными в столбы, или были рублеными в лапу из бревен или брусков. Иногда их облицовывали вертикальными плахами, зажатými сверху балкой (рис.87,5,6). При гибели дома в подполья сваливались глинобитные печи, стоявшие над ними, и дощатые настилы полов. Туда спускались по земляным, обшитым деревом ступеням или деревянным лестницам, через люк с подъемной крышкой в полу — "западню". Иногда лестницы были приставными. Устройство подполий требовало определенной изобретательности, их типы разнообразны. Иногда под ними выкапывали ледники — круглые или овальные ямы, прикрытые откидными крышками, следовательно, подполья имели дощатые полы (рис.87,5).

При сочетании подполий или припечных ям с помещением отапливаемой избы поддерживался определенный температурный режим. В опечках прорубали небольшое оконце, подобное волоковому. При топке печи у ее устья возникал вертикальный воздушный поток. В результате происходила вытяжка затхлого воздуха из подполья, которое таким способом вентилировали и осушали (рис.87,4,5). Припечная яма понижала уровень грунтовых вод, осушая нижний венец избы и настил пола (рис.87,2). Когда пол возвышался над уровнем земли на 3-4 венца, в них могли прорезать волоковые оконки для вентиляции и освещения подполья (рис.87,4). В том же подполье устроены земляные полки для расстановки хранимого имущества и продуктов.

Для обогрева воздуха в подполях домов использовали маленькие очажки в подбее стены, обращенные устьем к лестничному входу (рис.88).

Погреб, стоявший отдельно от дома, в своей нижней части — с деревянной обшивкой стен, дощатым полом, ледниками и полочками — не отличался от подполий жилищ, но не имели печей (рис.89). По этнографическим параллелям в той же Рязанской области воссоздаются традиционные погреба в виде землянки с двускатной крышей — напогребицей, опирающейся на несколько венцов сруба (рис.89,1). Напогребный сруб с двускатной крышей для хранения продовольственных запасов могли присыпать землей. В погреба спускались по деревянным лестницам. Иногда над погребами возводили каркасные клетки, а ледники, скорее всего, закрывали деревянными щитами и присыпали соломой (рис.89,4). Незначительно углубленные погреба представляли собой нечто среднее между сараем и подпольем (рис.89,2).

Разнообразны хозяйственные ямы вне жилищ. В некоторых ямах цилиндрической формы вырезали земляные полочки для настила из досок. Пространство под ними играло роль дренажа для сохранения сухими пола и продуктов (рис.90,1). Удобство спуска в ямы, иногда сдвоенные и разделенные перемычкой, обеспечивали земляные ступени, которые для прочности обкладывали досками (рис.90,2,4). В глубоких ямах обычно ступени-полочки с лунками для установки горшков и корчаг (рис.90,3).

Очень большие хлебные (житные) ямы для длительного хранения зерна выкапывали в форме кувшина или колокола. Такие зерновые ямы могли иметь шалашеобразное покрытие, что в позднее время имело место в южно-

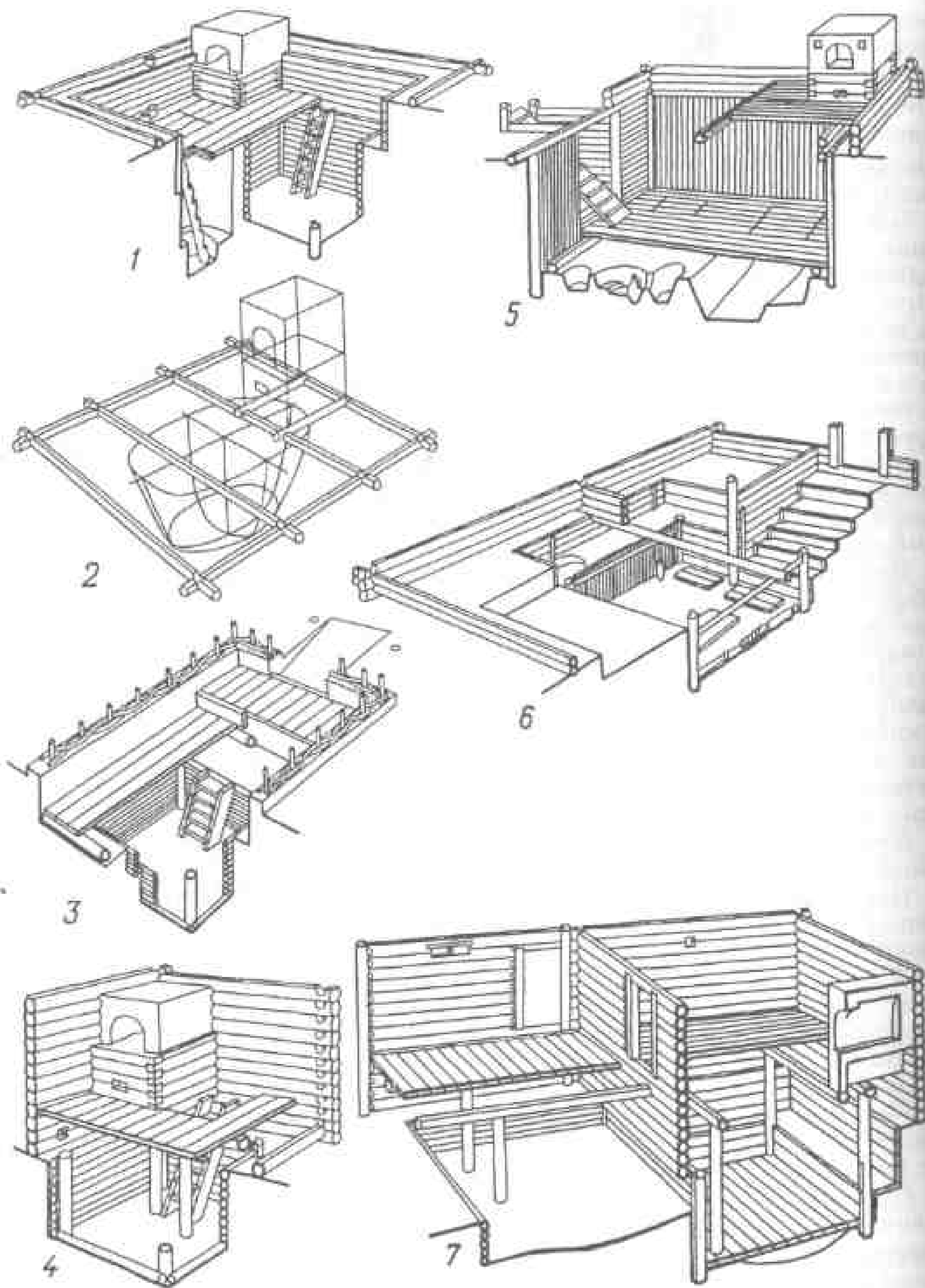

Рис. 87. Подполья: 1 — подполье-погреб и подполье в виде ямы; 2 — припечная яма; 3 — подполье в плетеной мазанке; 4 — подполье с волоковыми окнами, возвышающееся над землей; 5 — подполье с ледниками; 6 — подполье с полоками и ледниками; 7 — подвал и подселенье в "террасном строении" (14-Б-1).

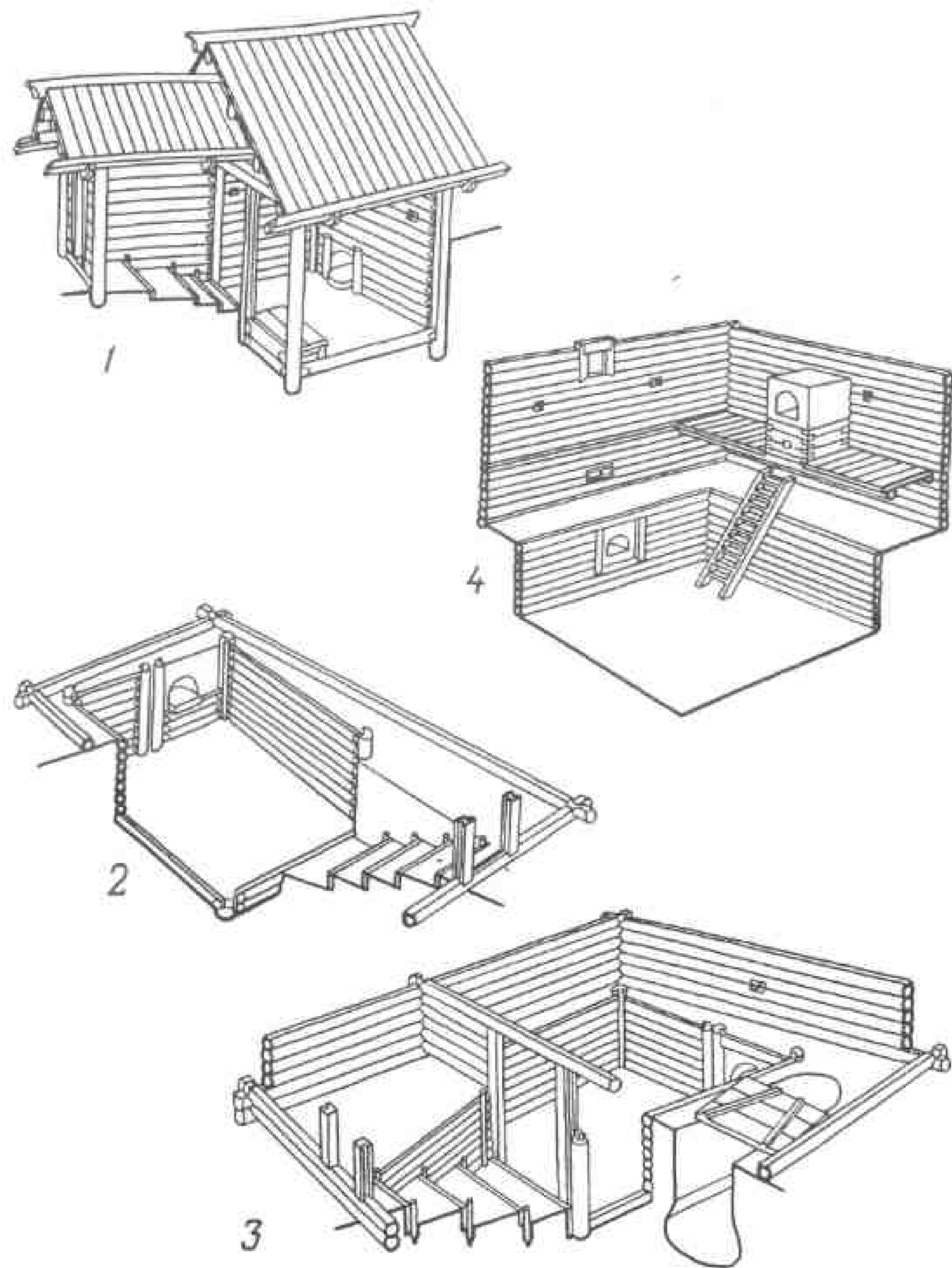

Рис. 88. Отапливаемые погреба: 1 — погреб вне жилого дома; 2-3 — погреб под избой со ступенчатым спуском (два варианта реконструкции постройки 13-Л-1); 4 — погреб-подклет под избой.

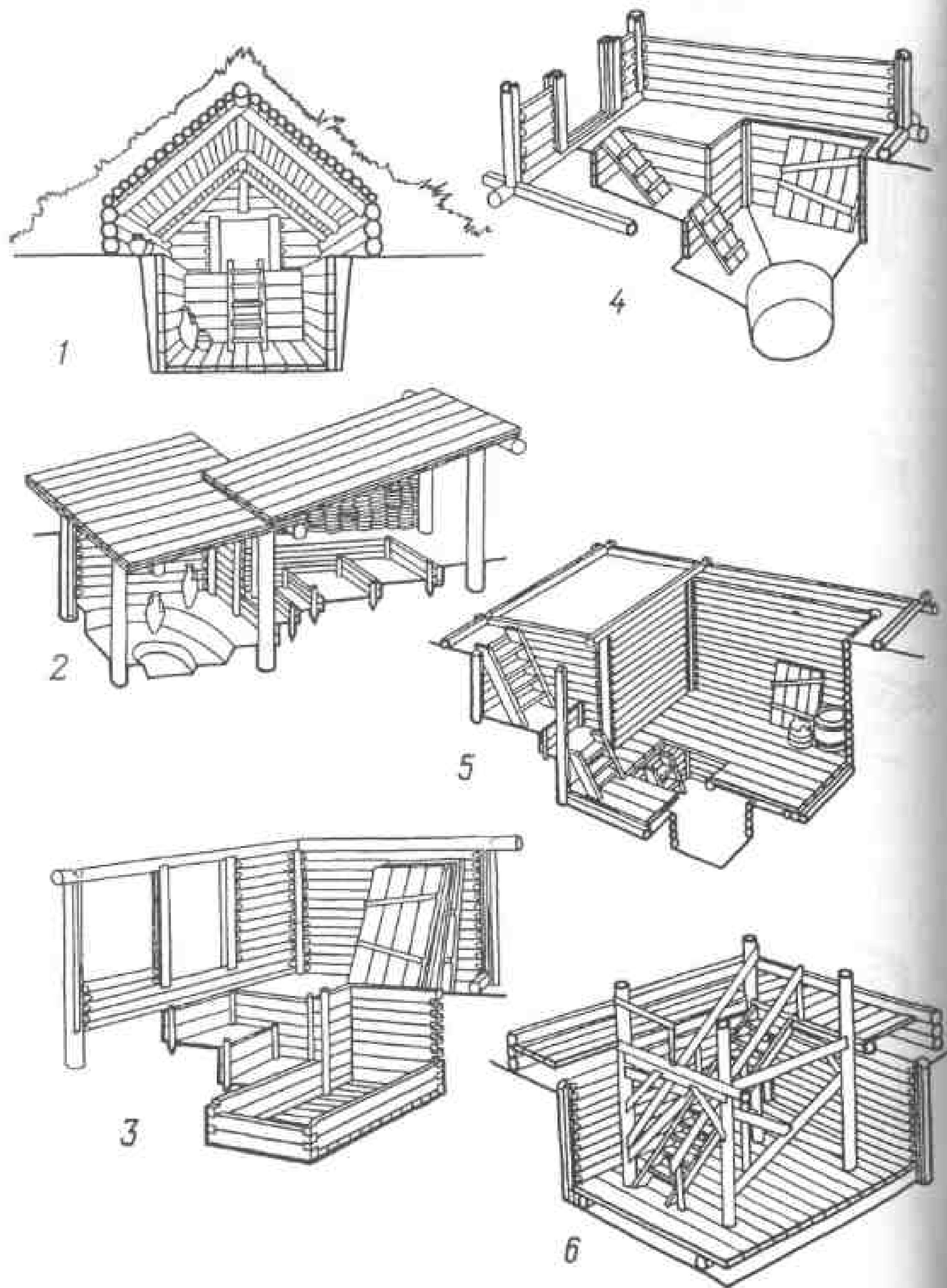

Рис. 89. Погреба без очагов: 1 — погреб с земляной крышей; 2 — погреб с тесовой односкатной крышей; 3 — прямоугольный погреб с крышкой; 4 — глубокий погреб с зерновой ямой; 5 — погреб с ледником; 6 — погреб в тереме — основание башни (постройка 14-В-1).

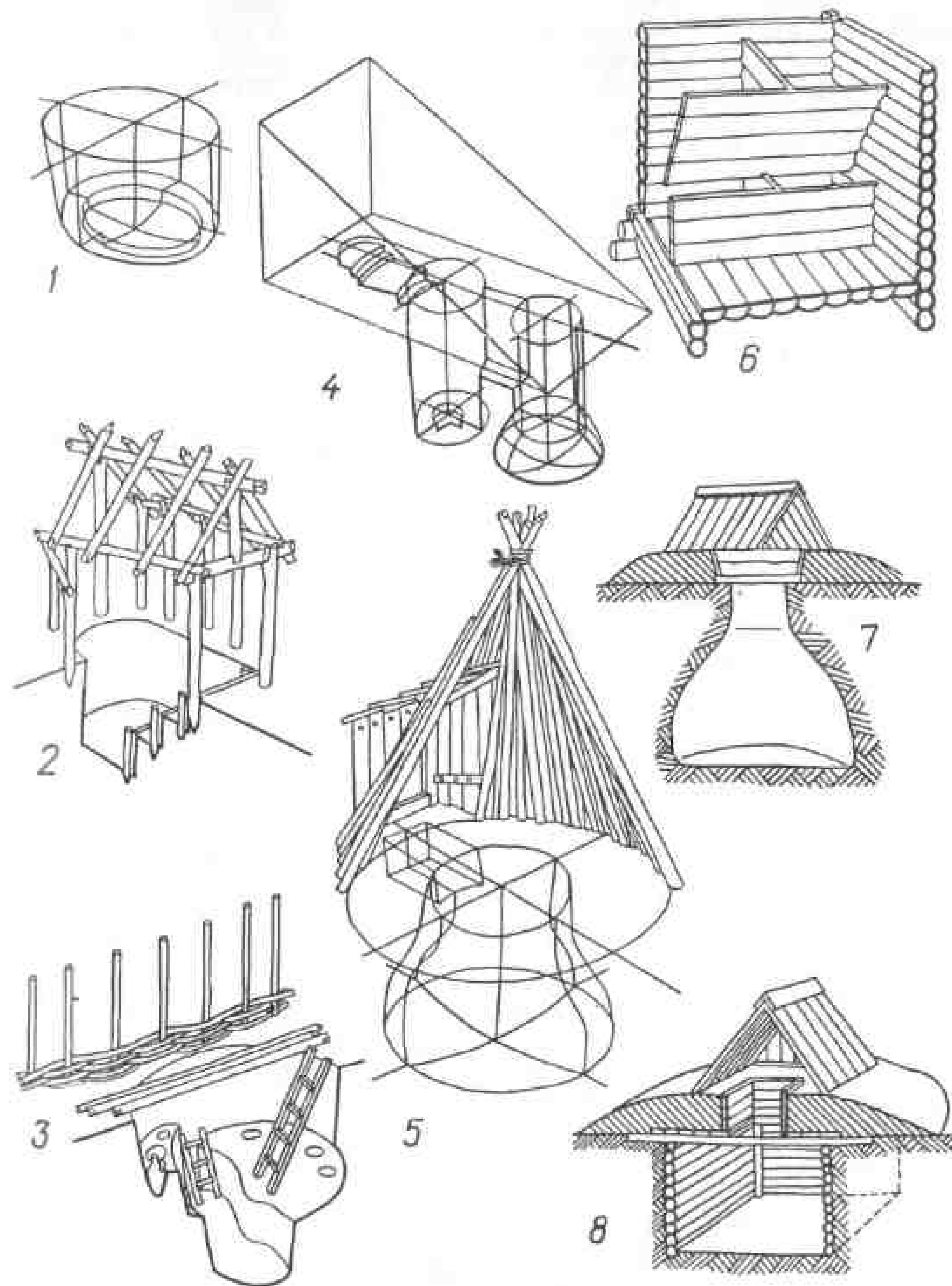

Рис. 90. Хозяйственные ямы: 1 — яма с полочкой; 2 — яма со ступеньками и крышей; 3 — яма с лунками для установки амфор и лестницей; 4 — двойные цилиндрические ямы; 5 — колоколообразная зерновая яма; 6 — ящики-лари (сусеки) для зерна; 7 — колоколообразная зерновая яма под двускатной крышей; 8 — напогребница (Рязанская обл., XX в.).

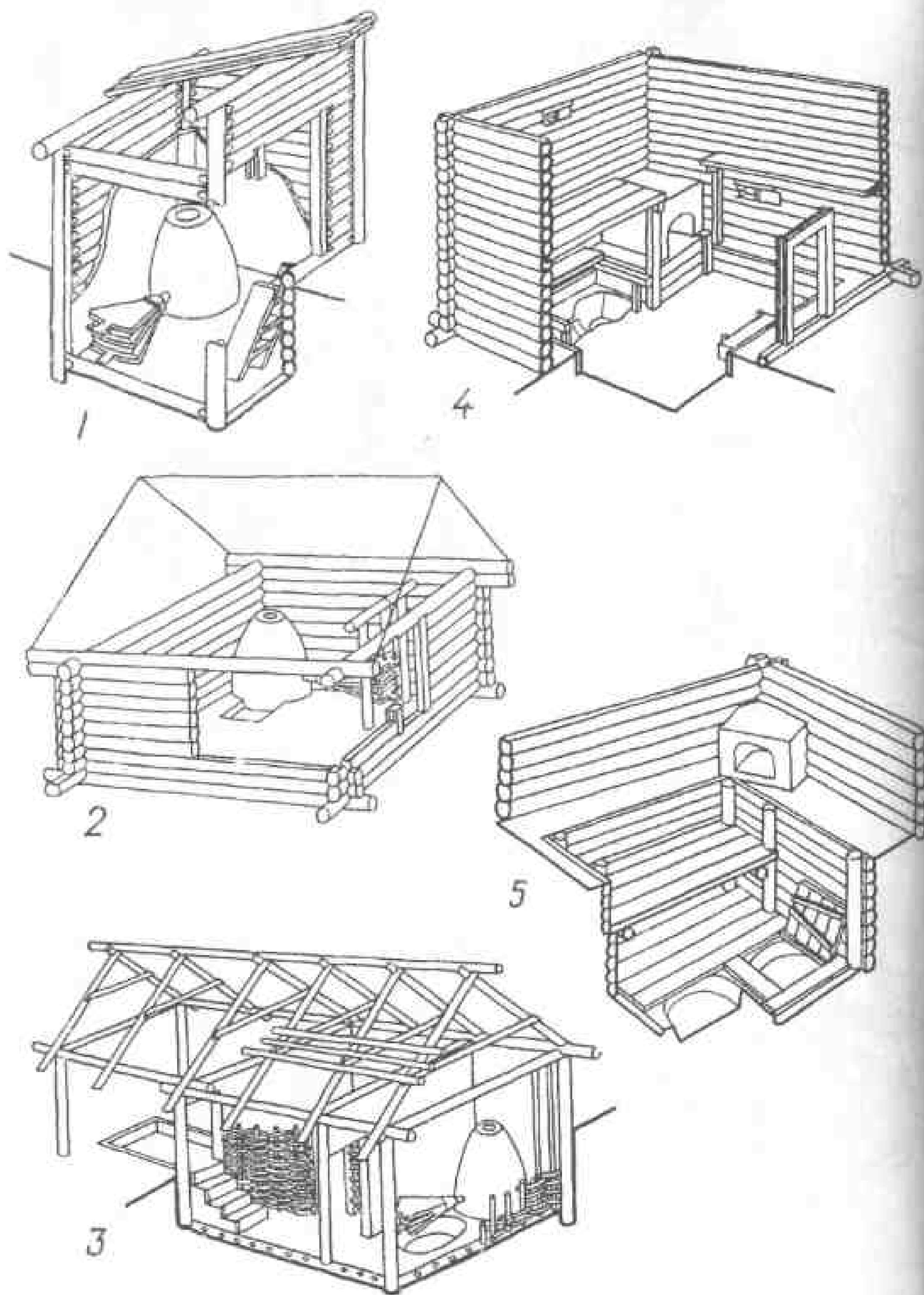

Рис. 91. Мастерские: 1-3 — домница для выплавки железа; 4 — мастерская костореза; 5 — мастерская ювелира-литейщика.

русских областях, а археологически подтверждается по следам от стлбикан (рис.90,5)¹²². Над колоколовидной ямой мог быть устроен присыпанный землей сруб с двускатной крышей над ним (рис.90,7). Такие напосребища встречаются и в деревнях Рязанской области (рис.90,8). Вероятно, зерновые ямы закрывали плотно пригнанной дощатой крышкой и сверху засыпали землей или застилали толстым слоем соломы. Архаический способ хранения зерна в кувшинообразных ямах еще недавно существовал на Украине (в Черниговской и Сумской областях) и в Курской области. Стенки ямы, тщательно вымазанные глиной, обжигали либо обивали берестой при помощи мелких колышков¹²³. В Рязани стены ям обшивали досками и обмазывали глиной, которая может быть обожжена.

Кроме хлебных ям, на "дворе воеводы" открыт целый "житный двор" из маленьких наземных амбаров, где хранили обмолоченное зерно (рис.90,8). В приподнятых над землей срубах с полом из пнях, вероятно, были встроены ящики-лари для засыпки зерна — сусеки, закрома (рис.90,6).

К особой категории построек относятся ремесленные мастерские. Конструктивно они сходны с прочими сооружениями. Так, в числе мастерских с домницами, где добывали железо из руды, одна представляет собой срубную постройку (рис.91,2), другая — каркасную, с заборкой в угловые стлбы и глубоко опущенным полом (рис.90,1), третья — каркасно-плетневую мазанку-пятистенку с крылечком (рис.91,3). Во избежание пожара стены всех мастерских изнутри обмазаны глиной. Мастерская, где отливались бронзовые украшения, напоминает пидполье, но с расположенной диагонально печью в углу (рис.91,5), а косторезная мастерская — небольшую избу (рис.91,4).

Архитектурный ансамбль Рязани складывался из сочетания сооружений, выполненных преимущественно в дереве, на единой инженерно-строительной и конструктивной основе. Но характерно, что выявленные виды построек не были типизированы: каждая из них обладала ярко выраженными индивидуальными чертами.

Историческая эволюция Рязани от рядового городка на окском пути к столице могущественного княжества неразрывно связана с усовершенствованием ее градостроительной системы. Археологические раскопки, наряду с натурными обследованиями, позволили реконструировать этапы застройки, в зрительных образах восстановить общие виды города, его архитектурные комплексы и отдельные здания.

Историко-социологические исследования неотделимы от градостроительных проблем: между теми и другими существуют определенные закономерности. Только в историческом контексте могут быть рассмотрены такие вопросы, как облик ранней Рязани и постепенное формирование ее планировочной структуры, принципы рядовой застройки и ее взаимодействие с доминирующими зданиями, расположенными вдоль высокого берега Оки, особенности фортификационной системы города, его связь с пригородами и окружающими поселениями.

1. ПВЛ. 1950. Ч. I. С. 151.
2. Насонов А. Н. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства, М., 1951. С. 199.
3. ПВЛ. 1950. Ч. I. С. 170.
4. Классификацию костяных гребней см.: Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // СА. 1958. № 2; Он же. Хронология новгородских древ-

- ностей //Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.,1982. С.164,165. Рис. 5.
5. Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М.,1858.С.24.
6. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. //Археология СССР. М.,1982.С.158,189. Карты 34,36.
7. Там же. С.163.
8. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.,1970.С.123,124.
9. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. Карта 25.
10. Монгайт А.Л. Рязанская земля. М.,1961. Рис. 43.
11. Сабурова М.А., Седова М.В. Некрополь Суздаля //Культура и искусство средневекового города. М.,1984. С.118. Рис. 9;10.
12. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. С.117.Табл. XXIX.
13. Русанова И.П. Курганы полян X-XII вв. //САИ. М.,1966. С.17 и сл.Табл.21,22.
14. Монгайт А.Л. Рязанская земля. С.332; Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. М.,1965. С.59.
15. Седова М.В. Ярополч Залесский. М.,1978 (Приложение 2: В.В.Седов. Результаты изучения черепов). С.150.
16. Насонов А.Н. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. С.197.
17. Монгайт А.Л. Рязанская земля. С.124 и сл.,254-256.
18. Никольская Т.Н. Земля вятичей. М.,1981.
19. Фроянов И.Я., Деориченко А.Ю. Города-государства Древней Руси.Л.,1988. С.252,254.
20. Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. С.59.
21. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. С.151.Карта 22.
22. Недошивина Н.Г. Погребальный обряд вятичей XI-XIII вв.:Автореф.канд.дис. М.,1974. С.16.
23. Розенфельд И.Г. Северный мыс городища Старая Рязань //Археология Рязанской земли. М.,1974.
24. Кравченко Т.А. Шатрищенский могильник //Археология Рязанской земли С.120.
25. Монгайт А.Л. Старая Рязань. //МИА.1955.№ 49. С.20.
26. Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. М., 1941. С.116.
27. Жак Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. М.,1992. С.71.
28. Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. С.112; Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в средние века М.,1976. С.85.
29. Тот же результат получен А.А.Зайцевым, который использовал формулу исчисления общего коэффициента смертности, равного, последовательно, 20,25 и 30 (Демографический энциклопедический словарь. М.,1985. С.210).
30. Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. С.15.
31. Самаркин В.В. Историческая география. С.85.
32. ПСРЛ.1965.Т.IX. С.159.
33. ПСРЛ.1856.Т.VII. С.242.
34. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.,1991.С.352.
35. Топорков А.Л. Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья //Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX — начала XX в. М.,1990.вып.2. С.91 сл.; О древнерусских оберегах см.: Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М.,1987. С.540 сл.
36. ПСРЛ.1962.Т.II.Стб.318,319.

37. Жак Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. С.76.
38. Даркевич В.П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани //Археология Рязанской земли. С.56-61. Рис. 36-39.
39. В XII в. городскими общинами строились стены в городах Германии.
40. ПСРЛ.1962.Т.I.Стб.434.
41. Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. С.48.
42. Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л.,1987. С.70.
43. Там же. С.71.
44. ПСРЛ.1962.Т.II.Стб.339.
45. ПСРЛ.1910.Т.XX.Ч.1.С.117.
46. ПСРЛ.1962.Т.II.Стб.482.
47. Монгайт А.Л. Рязанская земля. С.343. Примеч.239.
48. ПСРЛ.1962.Т.I.Стб.372.
49. ПСРЛ.1962.Т.II.Стб.595.
50. ПСРЛ.Т.VII.С.101.
51. ПСРЛ.1962.Т.I.Стб.444.
52. ПСРЛ.Т.VII. С.101-102.
53. Вагнер Г.К. Архитектурные фрагменты Старой Рязани //Архитектурное наследство.1963. № 15. С.21.
54. Раппопорт П.А. Ориентация древнерусских церквей //КСИА.1974.Вып.139. С.46,47.
55. Вагнер Г.К. Архитектурные фрагменты...С.19; Афанасьев К.Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими.М.,1961. С.89-95.
56. Пуцко В.Г. Об архитектурной пластике Старой Рязани XII в. //Проблемы изучения древних культур Евразии. М.,1991.С.178-180.
57. ПСРЛ.1965.Т.X. С.22.
58. Татищев В.Н. История российская с самых древнейших времен.М.,1774.Кн. III. С.329.
59. ПСРЛ.1962.Т.I. Стб.432,437.
60. Монгайт А.Л. Рязанская земля. С.353.
61. Медынцева А.А. Эпиграфические находки из Старой Рязани //Древности славян и Руси. М.,1988. С.255.
62. Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. С.153,283.
63. ПСРЛ. 1965. Т.X. С.141.
64. Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII-XIII вв. Л.,1979. С.358.
65. Материалы для географии и статистики России: Рязанская губерния. Спб.1860.С.403.
66. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси.М.,1989. С.85,86.
67. Демография западноевропейского Средневековья в современной зарубежной историографии. К XVI Международному конгрессу исторических наук. Реферативный сборник. М.,1984. С.212,220,226.
68. Там же. С.94,125,199,200.
69. Самаркин В.В. Историческая география. С.99.
70. Бунин А.В. История градостроительного искусства. М.,1953. Т.I. С.137.
71. Штыхов Г.В. Города Полоцкой земли (IX-XIII). Минск,1978. С.123,124.
72. Толочко П.П. Исторична топография стородавнього Києва. Київ,1972. С.174.
73. Макарова Т.И. Перегородчатые эмали Древней Руси. М.,1975. С.99.
74. Шаповал Ю.Л. Стекланные изделия из Старой Рязани //Археология Рязанской земли. С.80.

75. Материалы для географии и статистики России. С.82.
76. Монгайт А.Л. Старая Рязань. Рис. 121.
77. Там же. Рис. 4. Неверно отнесены к "чуждым" вещам.
78. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв. // САН. Л., 1981. С.40, 41. Табл. XXII, 1, 2.
79. Даркевич В.П. Раскопки В.А. Городцова в Старой Рязани. // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991. С.149. Рис. 7, 5.
80. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Л., 1980. С.130, 133, 137.
81. Там же. С.181.
82. Даркевич В.П. Раскопки на Южном городище. С.19-55.
83. Покровский М.Н. Избранные произведения. М., 1966. Кн.1. С.146.
84. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С.292.
85. Корзухина Г.Ф. Русские клады IX-XIII вв. М.-Л., 1954. № 143, 166-168. Табл. LIX, LXI; Гуцин А.С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X-XIII вв. М.-Л., 1936. Табл. XVI, 6-8; XVII, 2-4.
86. Гуцин А.С. Памятники художественного ремесла... Табл. XII, 2, 4-11, 13.
87. Уже Н.П. Кондаков полагал, что термин "бармы" отнесен к старорязанским медальонам без достаточных оснований, ибо "и дошедшие до нас так называемые "святые бармы Владимира Мономаха", и все известия указывают с бесповоротной точностью, что великокняжеские бармы всегда были матерчатым оплечьем... Все вновь найденные ожерелья из металлических блях и прежде известные носились, очевидно, сами по себе, никогда не нашивались на какие бы то ни было оплечья, и такое их устройство и способ ношения ясно указывается дужками у каждой бляхи в виде прорезного шарика и находимыми при ожерельях бусинами" (Кондаков Н.П. Русские клады. СПб., 1896. С.158, 159.). Того же мнения придерживался Г.Ф. Корзухина, считавшая ошибочным определение ожерелья с крупными, круглыми медальонами, богато декорированными эмалью, жемчугом, самоцветами, как "бармы". "Очень может быть, что это и есть монисто, "великое, золотое монисто", переходившее по наследству от бабки к матери, к внучкам и дочерям" (Корзухина Г.Ф. Русские клады... С.56). В Московской Руси бармы — это широкое матерчатое оплечье, род круглого шитого воротника, украшавшегося жемчугом, драгоценными камнями в оправе, золотыми и серебряными медальонами. Пристегнутое оплечье покрывало плечи, грудь и спину. Бармы относились к числу церемониальных великокняжеских регалий наряду с венцом ("шапкой Мономаха"), скипетром, нагрудной иконой-крестом на дорогой цепи. Бармы возлагали при торжественном обряде венчания на великое княжение; впоследствии бармы — принадлежность царского сана. Впервые упоминаются в русских духовных грамотах с первой половины XIV в.; наиболее раннее известие находим в грамоте Ивана Даниловича Калиты (1327-1328).
88. Кондаков Н.П. Русские клады. С.83. сл. Табл. XVI, XVII; Монгайт А.Л. Старая Рязань. С.140-142. Рис. 108-112.
89. Лукина Г.Н. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М., 1990. С.32.
90. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. III. Ч. 2. Стб. 1489.
91. Сабурова М.А. О времени появления одной из группы корун на Руси // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
92. Кондаков Н.П. Русские клады. С.134. Рис. 65. Табл. II, 6-8; XV, 9-11, 16; VII; Корзухина Г.Ф. Русские клады. С.60, 61. Рис. 9, 10.
93. Корзухина Г.Ф. Русские клады. С.62. № 103, 122, 129, 154. Табл. I, 15-22.
94. Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1982. С.630, 631. Корона Ирины Годуновой "была разделена на 12 равных башенок, по числу апостолов" (Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Новосибирск, 1992. С.156).
95. Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц. С.185, 186. Рис. III, 7; VI, 2.
96. Лазарев В.Н. Живопись и скульптура Новгорода // История русского искусства. М., 1954. Т. II. С.73.
97. Клад 1827 г. на Львовской ул. в Киеве (Кондаков Н.П. Русские клады... Табл. X, 3, 4); черниговский клад 1850 г. (Там же. Рис. 74); находка 1883 г. "на погосте кафедрального собора" в Чернигове (Там же. Табл. XIII, 1-3); киевский клад 1949 г. на ул. Десятинной против дома 4 (Кириличев С.Р. Детинец Киева IX — первой половины XIII веков. Киев, 1982. Рис. 74).
98. Кондаков Н.П. Русские клады... Табл. XV, 12, 14; Рыбаков Б.А. Русское прикладное искусство X-XIII веков. Л., 1971. Илл. 51.
99. Кириличев С.Р. Детинец Киева... Рис. 74.
100. Кондаков Н.П. Русские клады... Табл. VIII.
101. Даркевич В.П. Светское искусство Византии. М., 1975. С.272, 273. Илл. 380, 381.
102. Макарова Т.И. Перегородчатые эмали Древней Руси. С.99.
103. По мнению Б.А. Рыбакова, девичьи головки на колтах воплощали некую покровительницу растительности, олицетворение весны (Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. С.592 сл.).
104. Рындина Н.В. Технология производства новгородских ювелиров // МИА. 1963. № 117. С.261.
105. Шапова Ю.Л. Стекланные изделия из Старой Рязани. С.80.
106. Медведцева А.А. Эпиграфические находки... С.248, 249.
107. ПСРЛ. 1962. Т. II. Стб. 591.
108. Бочаров Г.Н. Клад 1822 года из Старой Рязани // Музей. М., 1983. Кн. 4; Он же. Художественный металл Древней Руси. X — начало XIII в. М., 1984. С.167-179.
109. Черепнин А.И. Кулаковский могильник и городище Старой Рязани // ТРУАК. Рязань. 1903. Т. XVIII. С.152.
110. Монгайт А.Л. Старая Рязань. С.35-38. Рис. 9.
111. Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X-XIII вв. // МИА. 1956. № 52. С.73. сл.; Он же. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X-XV вв. // МИА. 1961. № 105. С.106 сл.
112. Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура русского Севера. Л., 1981. С.112.
113. Даркевич В.П. Раскопки на Южном городище. Рис. 36.
114. ПСРЛ. 1965. Т. X. С.83.
115. Тимошук Б.О. Слов'янські гради Північної Буковини. Ужгород. 1975. Рис. на С.52.
116. Даркевич В.П. Раскопки на Южном городище. Рис. 2 и 36.
117. Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X-XIII вв. С.136.
118. Ополонников А.В. Русское деревянное зодчество: Гражданское зодчество. М., 1983. Илл. на С.76; Габеев Р.М. Карельское деревянное зодчество. М. 1941. Рис. 42, 43, 45-47.
119. Монгайт А.Л. Старая Рязань. С.65.
120. Засурцев П.И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. 1963. № 123. С.63.

121. Никольская Т.Н. Земля вятичей. Рис. 69.

122. Бломквист Е.Э., Ганицкая О.А. Типы русского крестьянского жилища середины XIX — начала XX в. //Русские: Историко-этнографический атлас. М.,1967. С.187.

123. Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов //Восточнославянский этнографический сборник. М.,1956. С.314.

РЯЗАНСКИЕ УСАДЬБЫ И НАДВОРНЫЕ ПОСТРОЙКИ

1970 г. Рязанская экспедиция для выявления планировки и застройки города приступила к исследованиям большими площадями. С этого времени вскрытая площадь вместе с Подолом и посадом составила 7050 м², площадь самого обширного раскопа 13 достигла 3340 м² (работы всех предшествующих лет в этот расчет не вошли). Раскопы доведены до уровня материка. Для сравнения укажем, что размер Неревского раскопа в Новгороде (1951-1962 гг.) — 8840 м², хотя мощность культурного слоя несопоставима (рис. 92, 93).

Основные работы экспедиции по заранее разработанному плану сосредоточились в приокской части Столичного города. В тяготеющей к реке, наиболее застроенной части Рязани были возведены все храмы, дворы бояр и зажиточных ремесленников. Раскопы, ориентированные по оси с-ю ежегодно увеличивались в результате прирезок. Между ними оставляли бровки, шириной 0,5 м, впоследствии срываемые. Раскопы делились на квадраты 2x2 м. Без сомнения, Средний город с наиболее ранними подстилающими слоями и прибрежная полоса Столичного города, особенно в районе церкви, с компактным слоем и концентрацией кладов серебряных украшений, — самые выигрышные в научном отношении участки городищенской территории. После раскопок В.А.Городцова и А.Л.Монгайта в разных частях городища концентрация сил в южном районе города в сочетании с работами на его периферии вполне оправдала себя.

Хотя основная территория городища почти не повреждена позднейшим строительством (после 1237 г.) и свободна от современной застройки, но по крайней мере с XVIII в. она подвергалась систематической распашке. Поэтому остатки сооружений до глубины 20-30 см от современной поверхности полностью разрушены. Рыхлый пахотный слой включает куски обожженной глины от печей и глиняной обмалки с отпечатками дерева, мелкий известняк, угли и золу, кирпичный лом, кости домашних и диких животных (как правило, расколотые) и изредка — человеческие из разрушенных погребений¹. Там, где располагались усадьбы XI-XIII вв., слой насыщен обломками посуды (в основном горшков местного производства, но много фрагментов привозных амфор)², кусками железного шлага. Много кованых гвоздей, обломков стеклянных браслетов.

Нетронутый культурный слой на городище — различной толщины, от 10-50 см, где он залегает в основном горизонтально, и местами до 2,5 м — у западного склона. На больших участках, особенно в стороне от главных уличных артерий и ближе к востоку, культурный слой не прослеживается. Здесь его островки связаны с отдельно стоявшими усадьбами или их гнездами.

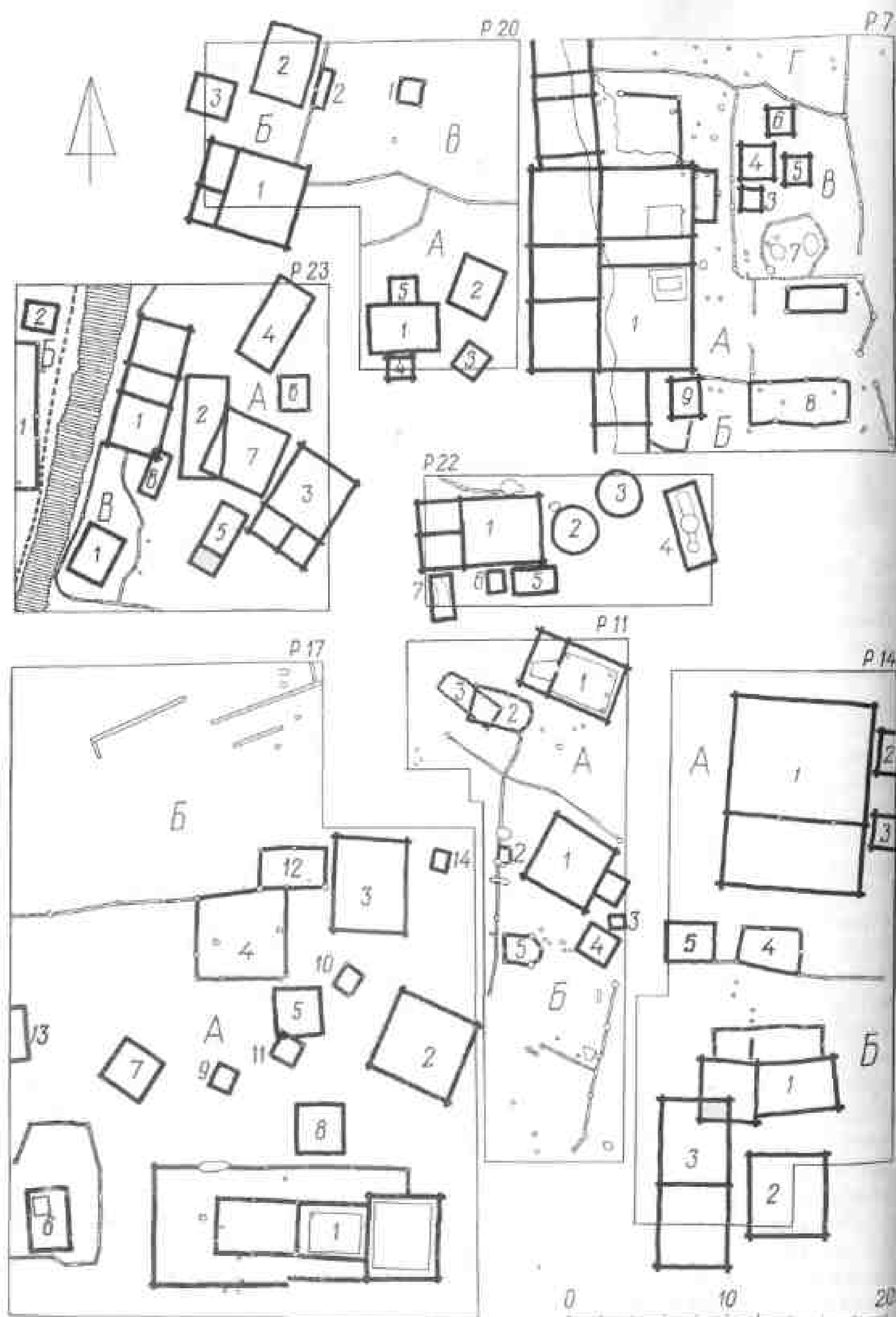

Рис. 92. Реконструктивные планы раскопок.

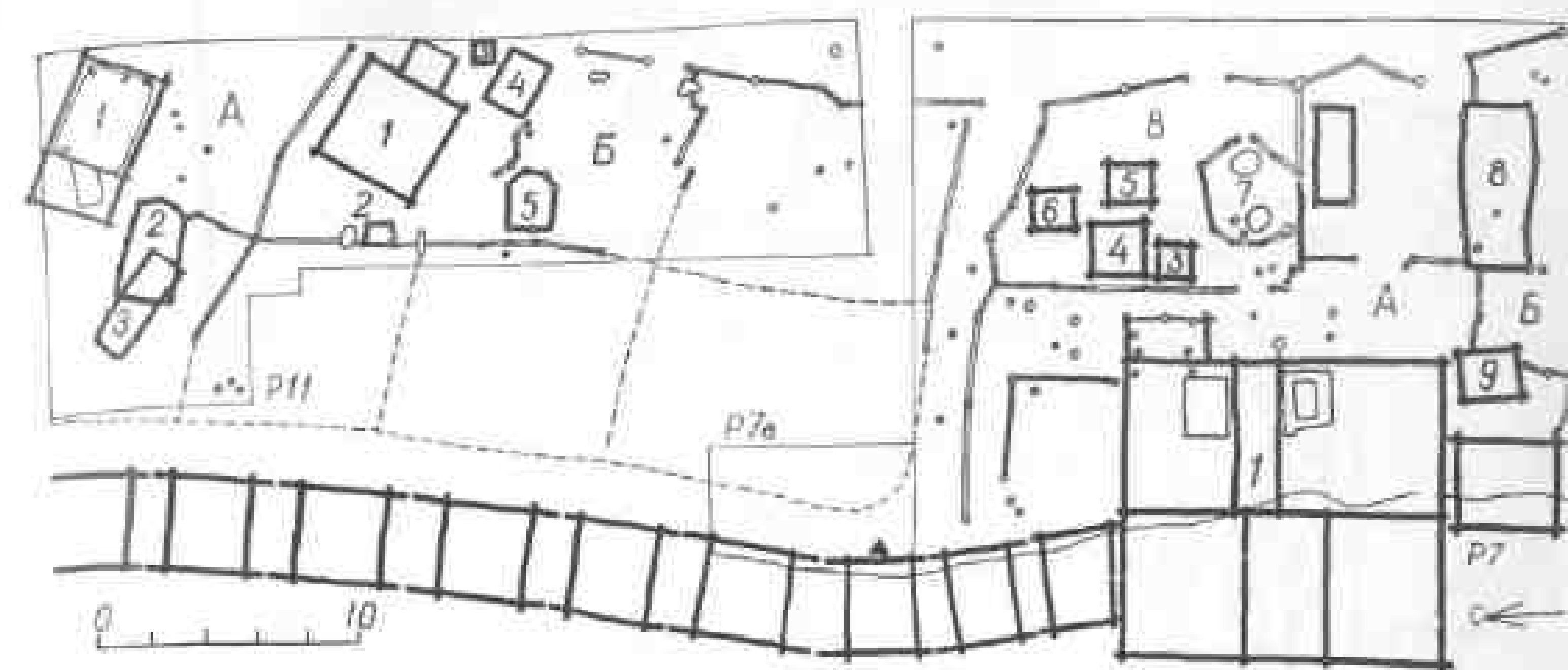

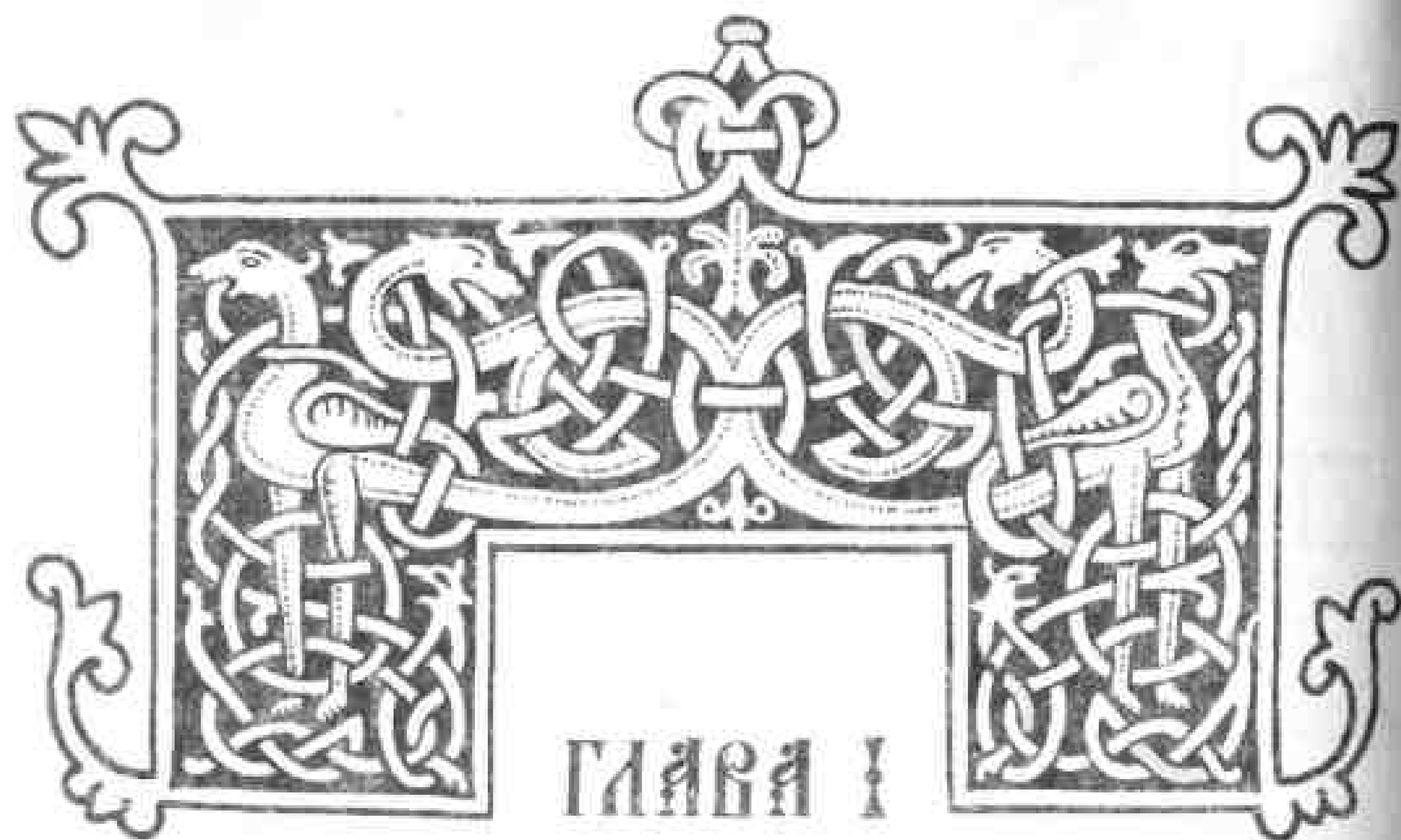
Рис. 93. Раскопы 7 и 11. (Реконструктивный план). На раскопе 7а (1992 г.) треугольником показана место находкиклада золотых украшений. К западу от раскопов обозначены городки рухнувшей стены.

Материалы органического происхождения, за исключением кости, не сохраняются и их консервации может способствовать лишь обугленность. Для выявления остатков наземных сооружений в виде светло-серых полос с вкраплениями коричневатых волокон сгнившего дерева (глубина полос может не превышать 2-5 см) производились тщательные горизонтальные зачистки в 1-2 см. По следам нижних венцов бревен (они могли сохраниться потому, что при постройке наземного дома его основание для сохранения тепла присыпали суглинком), а также длинных канавок от плах удавалось, после их расчистки, восстанавливать планы построек, их детали, заборы между усадьбами и т.д. Гораздо отчетливее заметны на фоне желтоватого предматерика развалы обожженной глины от печей, серые пятна заполнения подполий изб, погребов, хозяйственных ям, столбовых ямок.

Расчистку углубленных сооружений вели по слоям. Если позволяла их площадь, для изучения стратиграфии посередине оставляли бровку, если же нет, то временно не дочиняли до материкового грунта одну из стенок. Чередование слоев помогало восстанавливать конструкцию постройки, иногда возведенной на месте более ранней. Нивелировочные площадки отмечали этапы строительных работ.

В верхних слоях глубина залегания индивидуальных находок отмечалась от дневной поверхности, в углубленных сооружениях — от уровня материка, а в пределах заглубленных помещений — от их дна (например, в ямках ниже уровня пола). Так же фиксировались и глубины, относящиеся к самим постройкам. Для их датировки предпочтительнее вещи, обнаруженные на полу и в нижних слоях заполнения.

В реконструкциях построек и усадеб максимально проанализирован именно археологический материал. Большая часть археологических данных нашла свое место в целостной системе, позволившей представить внешний вид домонгольской Рязани. Чтобы избежать субъективизма, при восстановлении деревянных конструкций, мы оперируем всесторонне изученной раскопочной документацией. При отсутствии обоснований не пытаемся реконструировать дверные проемы, потолки, крыши.

ГЛАВА I СТОЛИЧНЫЙ ГОРОД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII в. — 1237 г.)

РАСКОП 11 (рис. 94)

В. расположен в прибрежной части, примыкает с севера к р. 7, пл. 330 м², начат в 1968, закончен в 1971 г.

Находки в 1-2 пластах (табл. 1): наконечник стрелы с боковыми выступами (тип 32, в.п. XII — п.п. XIII в.)¹, ножи тонкие, широко-лезвийные (со в.п. XII в.), костяная рукоять ножа с циркульным орнаментом, ключ от замка типа В II (с нач. XIII в.)², решетчатый однозигзаговый перстень³, обломок семилопастного височного кольца типа развитых простых (с к. XII в.)⁴, маленькая спирале-конечная фибула круглого сечения, обмотанная проволокой, железное кольцо с бронзовым щитком, проволоочная заготовка для витого браслета, стеклянные браслеты, рыбовидная синяя бусина (аналогичные в кладах 1979 г.)⁵, овальная вставка перстня из горного хрусталя. К числу редких вещей относится стиль из серебра (тип 11, в.п. XII серед. XIII в.)⁶.

Усадьба А

Постр. 1 (табл. 2). Расчищена прямоугольная, углубленная в материк часть жилого дома 3,4x2,6x1 м. Судя по развалу обожженной глины толщиной до

* Для краткости изложения во II и III частях книги считаем целесообразным принять систему сокращений, особенно касающуюся датировок. Например, конец XII в. — к. XII в.; начало — нач.; первая половина — п.п.; первая треть — п.треть; середина — серед.; четверть — четв. Периоды обозначаются буквой "п", раскоп — буквой "р".

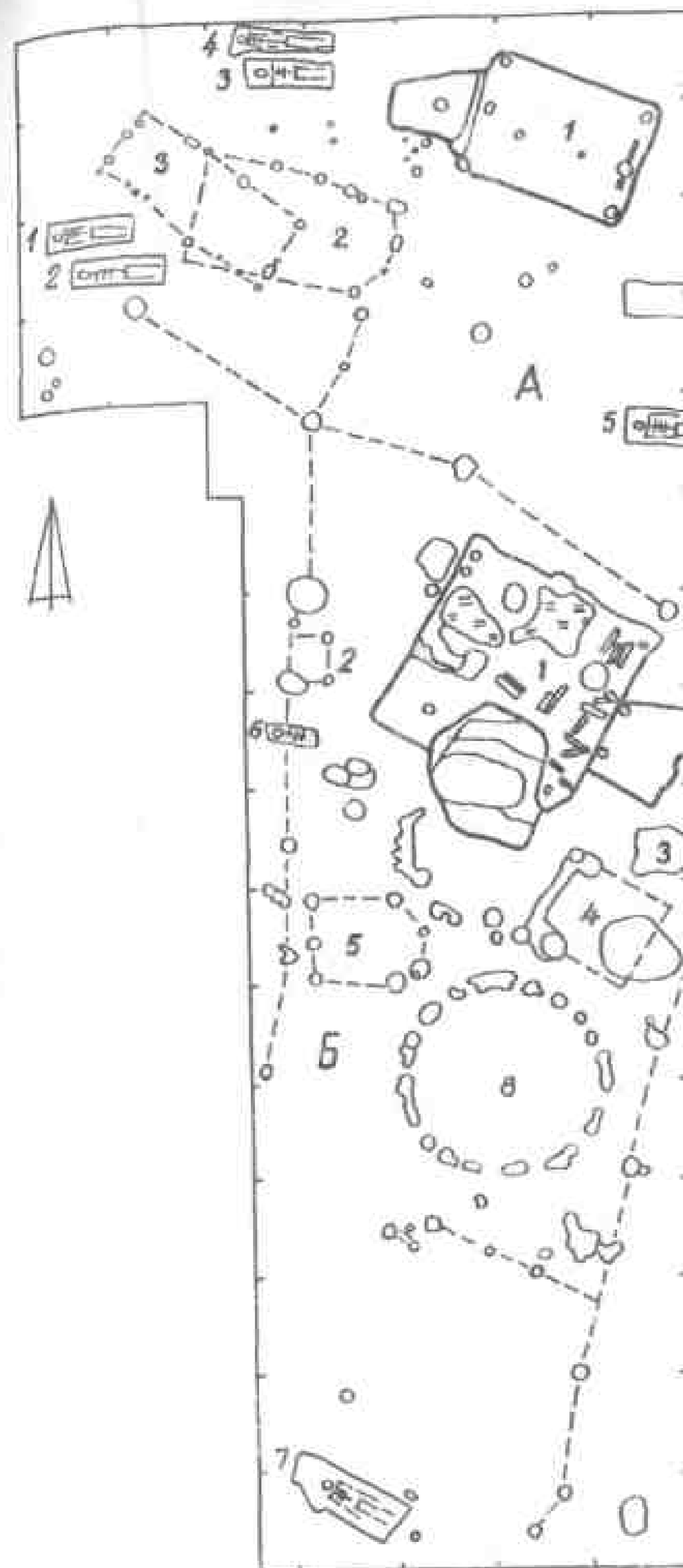

Рис. 94. План раскопа 11.

20 см, печь располагалась в юго-западном углу, справа от входа. Под глиняной подушкой — слой золы толщиной 5 см от срубного опечка или помоста поверх пола. Стенки облицованы плахами (остатки обгоревших бревен по периметру), входившими в пазы угловых столбов диам. до 20 см. На полу постройки — золыный слой, вероятно, от рухнувших перекрытий. Столбики

Рис. 95. Глиняный "идольчик".

на полу напротив печи позволяют предположить наличие в жилище стола, врубленного в стену.

Находки в заполнении постр.1 (табл.1): наконечник стрелы пулевидный (с XII в.), ножи тонкие, широколезвийные, две бронзовых и одна железная игла, глиняное рыболовное грузило цилиндрической формы, накладка гребня типа Ж или З (XII-XIII вв.), копоушка с резным орнаментом, аналогичная новгородским (XII в.)⁹, обломок круглого в сечении костяного наконечника, бронзовая "лопаточка" с гравированным узором (от туалетного набора?)¹⁰, стеклянные браслеты, кусочек янтаря со следами обработки. Особый интерес представляет глиняная мужская фигурка с утраченными руками и нижней частью туловища. Черты лица не выявлены, обозначена только окладистая борода (рис.95). Сужающийся кверху головной убор с опушкой напоминает шапки славянских каменных идолов (Збручский, Новгородский)¹¹ и некоторых фигурок "домовых" из Новгорода (в.п. XII в.)¹².

Постр.2 (табл.3,1). Однокамерная, каркасная, с плетневыми стенами 4,5x2 м. Реконструируется по столбовым ямкам диам. до 15 см, гл. до 30 см, образующим правильный прямоугольник. Расстояние между ямками ок. 0,5 м. Постройка имела хозяйственное назначение.

Постр.3. Расположена к зап. от постр. 2, видимо, не синхронна ей. Конструкция легкая, каркасная, 4x1,2 м, возле постр.2 расширяется до 2 м. Реконструируется по ямкам от жердей диам. ок. 7, гл. до 10 см. Постройка хозяйственного назначения (табл.3,2).

Все постройки усадьбы А, так же как и заплот из горизонтально уложенных бревен или плах, забранных концами в столбы (примыкал к постр.2), ориентированы сев.-зап. — юго-вост. Раскопанная пл. усадьбы ок. 130 м².

Усадьба Б (рис.94)

Расположена к югу от усадьбы А, все постройки ориентированы в том же направлении.

Постр.1 (табл.4). Однокамерное, квадратное в плане жилище владельца усадьбы. Углубленная в материк часть 4,3x4,3x0,4 м. Перед постройкой дома насыпали более раннюю яму с южн. стороны. Глинобитная печь — в сев.-зап. углу, устьем ко входу, который находился с противоположной стороны. Здесь к дому примыкала каркасная пристройка 1,6x1,6x0,45 м, возможно, с плетневыми стенами. Под развалом обожженной глины от печи — куски обгоревшего дерева и бересты: следы укрепленного двумя парами столбов опенка из досок или бревен с гидроизоляционным берестяным слоем в основании. Под опенком — овальная подпечная яма 1,5x1x0,1 м, на ее дне — круглая яма гл. 20 см. Эта неглубокая яма, видимо, служила дренажной: при тошке печи собиравшаяся извне вода испарялась. Пар выходил в избу через продух в опенке — тяга обеспечивалась разницей температур. На дне жилища обнаружены остатки сгоревшего перекрытия. Порядок их напластований позволяет реконструировать потолок: на балки из тонких бревен, врубленные на расстоянии 0,55 м друг от друга, был уложен жердевой накат, сверху и снизу промазанный глиной и покрытый слоем земли для утепления помещения. Между накатом и земляной засыпкой настлали прослойку бересты (пароизоляция) для предотвращения увлажнения и промерзания потолочных конструкций. Подобное устройство потолка позволяет предположить легкость конструкции крыши с применением жердей обрешетки по стропилам. По расположению ямок в полу жилища в интерьере реконструированы лавки и полаты от печи вдоль зап. стены.

Находки из постр.1: железный пробой, обломки железных обручей от бочки, ножи, стеклянные браслеты, крестик-тельник "корсунского типа" из третичного кварцевого песчаника (определение канд. геолого-минералогических наук М.Е.Яковлевой), маленький горшочек с завернутым внутрь и округленным в виде валика венчиком и толстым, ок. 2 см, дном (табл.1).

Остальные постройки усадьбы Б имели хозяйственное назначение. Они — наземные, каркасного типа, восстанавливаются по расположению столбовых ям.

Постр.2. Расположена к зап. от постр. 1, 1,2x1 м, основу конструкции составляли 4 угловых столба (диам. ям до 40 см).

Постр.3. Предположительно имела плетневые стены над прямоугольной ямой 1,15x1x0,5 м с заполнением из угольков, костей животных, обломков горшков (со в.п. XII в.).

Постр.4. Располагалась у юго-зап. угла постр.1, прямоугольная, 2,6x3 (?) м. Судя по угловым столбам (диам. 30 см) и следам плах, четко обозначившим стены, она имела каркасную конструкцию с горизонтальной закладкой. Вост. часть строения прорезана овальной ямой 1,75x1,3x0,6 м, в заполнении которой найдены железные кольцо и накладка, стеклянные браслеты.

Постр.5 Квадратная, 2x2 м, в углах и посередине зап. стены — несущие столбы (диам. ям до 40 см). Вероятно, строение имело односкатную крышу. По столбовым ямкам диам. до 0,5 м прослежен заплот, ограничивавший усадьбу со всех сторон.

Раскопанная площадь усадьбы Б — ок. 140 м².

По совокупности находок усадьбы на р.11 датируются к XII в. — 1237 г.

РАСКОП 12 (Средний город)

Расположен на краю Северного городища, в его сев.части, работы велись в 1970-1971 гг.

Раскопкам 1970 г. посвящена публикация, где подробно описано одно из наземных жилищ XII в.¹³ По изданному плану постройки воссоздан ее интерьер (табл. 5,1). Некоторые выводы П.А.Раппопорта и Е.В.Шолоховой нуждаются в уточнении. Под печи не мог находиться на уровне пола: она стояла на рубленном опечке, что видно на плане. Обнаружены не рухнувшие стропила крыши, а такой же накат потолка, как в постр. 11-Б-1. Расстояние между опорными потолочными балками до 0,6 м. От легких двускатных крыш, сгоравших прежде всего, таких следов не остается: они сгорают дотла.

Вблизи избы в яме найден мукомольный ручной жернов из песчаника (рис.96). Верхний камень-бегунок мельницы значительно массивнее нижнего (диам. до 45 см, толщ. до 12 см, диам.сквозного отверстия 10 см). В отличие от большинства древнерусских ручных мельниц в центре нижнего камня-посава не круглое отверстие, а выступ, играющий роль вертикальной оси-веретена" (обычно они были деревянными либо железными). Усеченно-конический выступ плотно входит в отверстие верхнего диска.

Находки в ямах вокруг жилища и прилегающем к нему слое позволяют датировать комплекс н.п. XII в. (табл.6): стрела ромбовидная гнездовского типа (тип 41, вид 2, серед. XI-XIV вв.); нож с клиновидным лезвием и костяной рукояткой с циркульным орнаментом (до серед. XII в.)¹⁴; костяная рукоятка ножа с ромбическим узором, образованным медными гвоздиками; рукоять большого ножа с орнаментом из циркульных кружков, возле зубчатого бордюра — нарезка в виде решетки; костяные проколки; гребни типов Л и М (с XI в.); пружинные ножницы; костяные подвески-уточки радимичского типа с плоским основанием, выгнутой шеей и заостренным к хвосту туловом, XI-XII вв.¹⁵; медвежий клык-амулет с отверстием для подвешивания; бронзовый пластинчатый широкосрединный перстень с нанаянным на щиток сканым узором; глиняный "хлебец".

Постр. 2. Представляла собой наземное жилище, границы которого проследить не удалось (табл.5,2). В юго-вост.углу находилась глинобитная печь на деревянном опечке (подушка обожженной глины с остатками пола 1,4x1,2x0,2 м со слоем угля и золы под ней). При пожаре печь частично обрушилась в примыкавшее к ней подполье. Прямоугольная, с закругленными углами подпольная яма 3,4x2x1,4 м с полого сужающимися стенками повреждена позднейшими перекопами. На ее дне — обгоревшие, диам. 15-20 см, лаги от рухнувшего пола избы. Керамика на дне подполья и находка литого пластинчатого перстня, щиток которого украшен крупными шариками ложной зерни¹⁶, позволяют датировать жилище к. XI — н.п. XII в. В постройке найдена костяная трубочка с тремя рядами круглых отверстий, возможно, манок.

Во дворе, к югу от дома, открыта прямоугольная зерновая яма 2,6x1,6x1,2 м, со ступенькой на гл. 0,5 м, почти вертикальными стенками и плоским дном. Стенки ямы были обмазаны глиной и слегка обожжены, затем верхняя часть облицована жердями, а нижняя — досками. В профиле заполнения прослежены обгоревшие бревна от наката перекрытия (диам. до 12 см), обмазанные сверху глиной. Дно ямы выстлано досками, в ее заполнении много обгоревшего зерна, обломков посуды XII в. Две столбовые ямы диам. 2,5 см у противоположных стенок зернохранилища скорее всего служили опорой двускатной крыши для предохранения от дождя¹⁷.

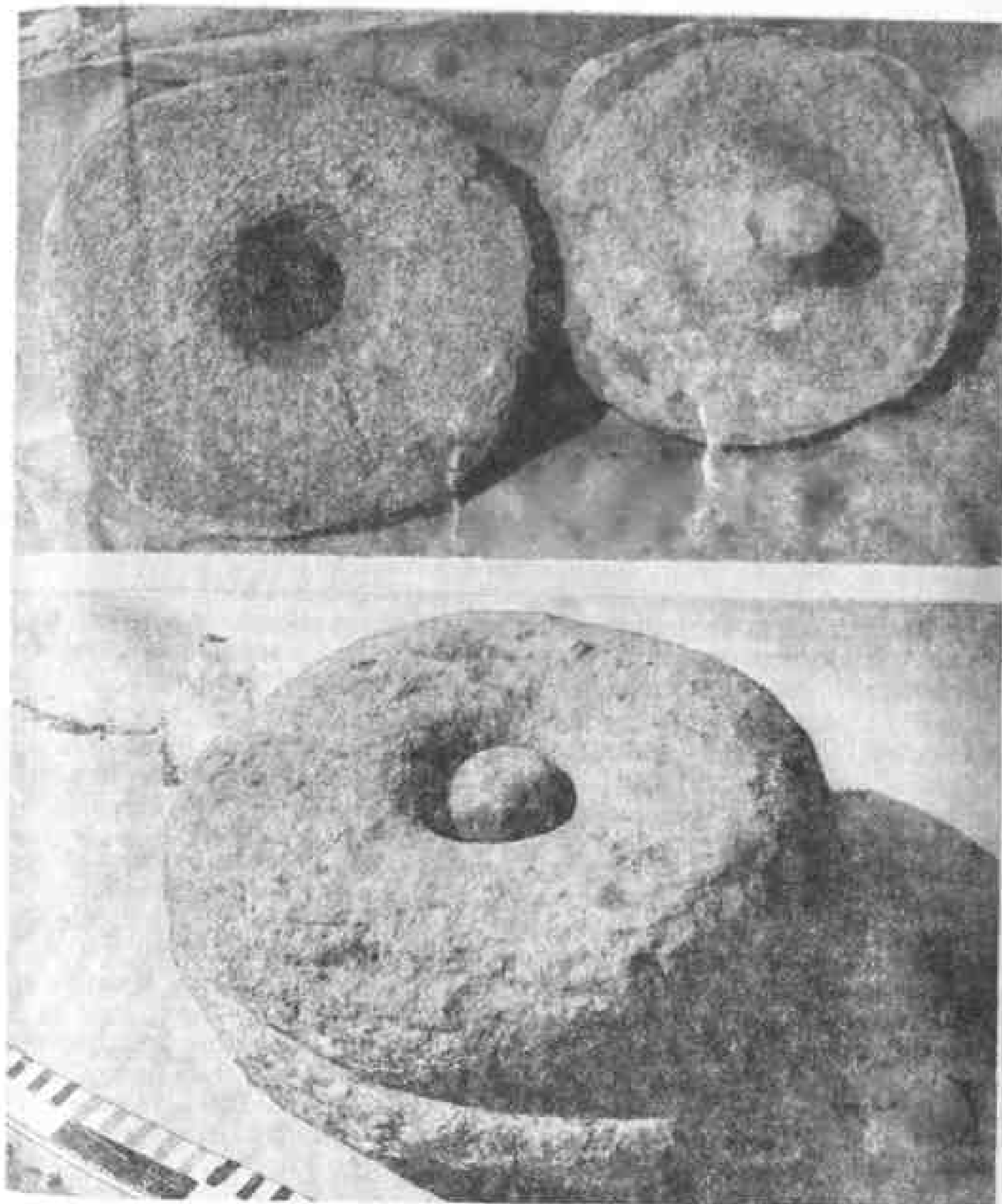

Рис. 96. Жернов 1 — вид сверху, 2 — вид сбоку.

В пахотном слое на р.12 обнаружены две редкие для Старой Рязани находки:

1) Печать новгородского князя Ярополка Ярославича (1197 г.)¹⁸. Л.с.: Изображение архангела Гавриила в полный рост. О.с.: Изображение св.Прокопия в полный рост (рис.11,2).

Это 8-й экз. подобных печатей. Буллы, оттиснутые той же парой матриц, были к 1970 г. известны в 5 экз.¹⁹, еще 1 найден на Троицком раскопе в Новгороде в 1975 г.²⁰ и на Городище под Новгородом (не издан).

2) Бронзовая подвеска-лунница с красной выемчатой эмалью, IV в. — Уг.з. (рис.97) — находка за пределами ареала мощинской культуры; предметы

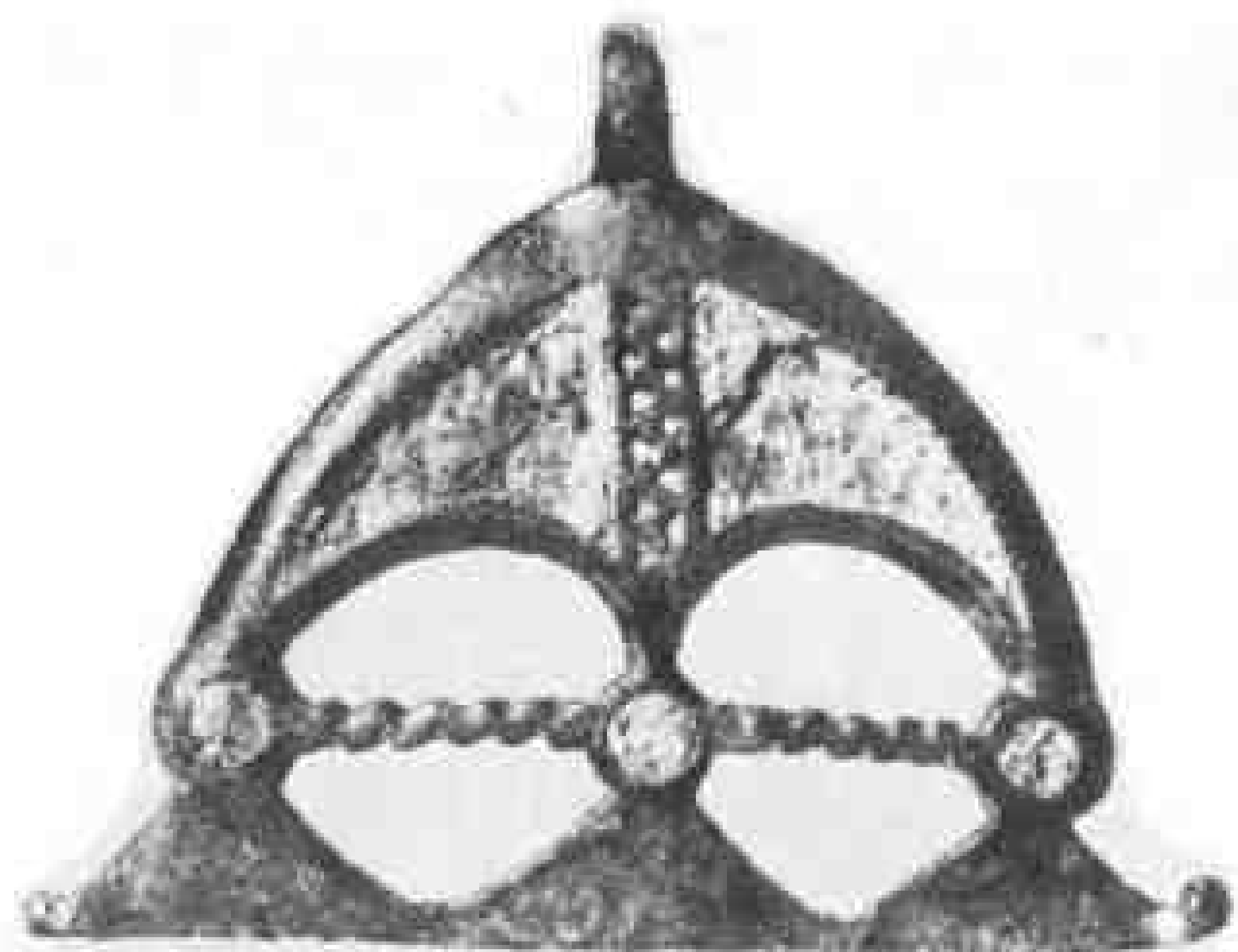

Рис. 97. Подвеска-лунница с выемчатой эмалью.

с выемчатой эмалью такого же облика известны на широкой территории от Юго-Восточной Прибалтики до Волго-Окского бассейна и Среднего Поднепровья²¹. Лунница из Старой Рязани — свидетельство связей балтов с местными финно-угорскими племенами (городецкая культура и генетически связанная с ней культура населения, оставившего рязанско-окские могильники Y-YP вв.).

РАСКОП 13 (рис.58,59, табл.7,8)

Этот самый большой по площади раскоп (3340 м²) был заложен на месте находки одного из богатейших кладов серебряных украшений и слитков²². Расположен в прибрежной части Южного городища, его зап. граница почти вплотную примыкает к крутому склону, в 150 м к сев. находится р.7. Широкие раскопки позволили реконструировать около 10 усадеб, среди которых преобладают дворы ремесленников. Работы велись в 1970-1978 гг.

Неожиданна находка в верхнем слое литого кольцевидного бронзового навершия в виде пары головок грифонов на длинных изогнутых шеях (рис.98). Аналогичные парные головки грифонов или хищных птиц украшают навершия рукоятей кинжалов тагарской культуры, распространенной в YII-III в. до н.э. в южной части Красноярского края, или Минусинской котловине. Навершия относятся к Y-III в. до н.э. Близка трактовка отогнутых вниз клювов, больших, резко очерченных глаз и особенно ушей с полукруглыми раковинами. Мотив спиральных завитков под ушами грифонов и на овальной в сечении втулке также характерен для скифо-сибирского звериного стиля²³.

Находки в 1-2 пластах (табл.9-12): молоточек для чеканки, лучковое сверло для косторезного дела (2 экз. из Новгорода найдены в слоях XII-XIII вв.)²⁴; ножи широколезвийные, тонкие; фрагмент железного пинцета; бронзовая матрица для тиснения каплевидных привесок, подобных помещаемым на концах украшений, с коническим верхом и свисающими цепочками²⁵; серп-киевского типа²⁶; оковка лопаты; рыболовный крючок, крючок-кошка для вытаскивания запутавшихся сетей; глиняные рыболовные грузила; железное перекрестье рукояти сабли типа III (п.п. XIII в.)²⁷; стрелы; шиловидная, квадратного сечения, без упора (тип 93); узкая, шиловидная, ромбического сечения, с перехватом у черешка (тип 95); широкая лопаточка с тупоугольным

Рис. 98. Бронзовое навершие с головками грифонов.

концом (тип 70, подобные стрелы появились в Восточной Европе вместе с ордами Батые); удила типа IV²⁸; шпора типа IV с проволоочной инкрустацией медью; орнамент из спиралей, а на шипе — из вписанных треугольников (XII — п.п. XIII в.); навершия штеги типа III; подпружная пряжка. В тех же пластах найдены костяной сумаг, аналогичный обнаруженным в Болгаре, Саркеле, на Селитренном городище²⁹, фрагменты навесных цилиндрических замков и ключи к ним (типы Б,В.), ключи от внутренних замков: к металлическим замкам с деревянным засовом второго типа (к. XI — к. XIII в.) и маленькие от ларцов (XII-XIII вв.); кресало овальное длинное (с серед. XIII в.); точильные бруски; шиферные пряслица: одно — с четырьмя нацарапанными крестиками, другое — с зубчатым орнаментом; свинцовый конический грузик с отверстием посередине³⁰; железная, в медной оболочке гирька с 5-ю кружками на каждой стороне; мелкие кусочки янтаря. Отметим железный стиль с круглыми отверстиями в лопаточке, застежку книжного переплета (?) в виде миниатюрного кинжалчика (книжными застежками принято называть маленькие литые пряжки, аналогичные найденным в Серенске и Новогрудке³¹). Некоторые из них сохранили заусеницы, что свидетельствует об их рязанском производстве.

Из верхних пластов происходит фрагмент белоглиняного изразца с изображением в плоском рельефе когтистой лапы какого-то хищного зверя. Аналогии находим среди киевских печных изразцов к. XV — нач. XVI в. Представленные на них львы отражают влияние готического искусства³². Остальные керамические изделия относятся ко в.п. XII — п.п. XIII в.: ложка ложковидной формы; крышки от горшков; миска ("миса") с округленным краем; маленький сосудик-"солонка"³³⁻³⁴.

Тем же временем датируются принадлежности одежды и украшения: фрагмент семилопастного височного кольца с секировидными лопастями и боковыми колечками; ажурная птицевидная подвеска, снабженная шумящими (лапчатыми) привесками; головка птицы украшена гребнем и завершена острым клювом (по Е.А.Рябининой, тип IV, район изготовления — Северо-Восточная Русь); птицевидная подвеска типа III, центральная прорезь обозначает крыло, голова с хохолком и обе лапки отломаны; подобные изделия сконцентрированы в северо-западных землях Руси (Новгород, Псков и их владения); бутыл-

ковидная привеска, характерная для зооморфных украшений половецких финнов; спиралекопечные фибулы круглого сечения (доходят до серед. XIII в.). Крестикам-тельникам из Старой Рязани посвящена специальная статья. Остальные украшения: пластинчатый литой массивный браслет, орнаментированный рельефными продольными полосами (в Новгороде подобные изделия датируются 30-60-ми гг. XIII в.), решетчатые перстни (со в.п. XII в.), тройной витой (от 30-х гг. XII в.), перстень с круглым пидком (получили распространение в Новгороде во в.п. XII в.); шаровидные бубенчики с линейной прорезью; бусы: сердоликовые бипирамидальные и хрустальные шарообразные, желто-стеклянные, изготовленные в киевских мастерских, зонные фиолетовые прозрачные (3) — производство подобных бус существовало в Серенске³⁶; бусы с мозаичным узором — шарообразные черные, с включением желтой, зеленой и белой крошки (5) — изредка встречаются на Руси в XII-XIII вв. (в Серенске Белоозере); зонная красная; рыбоподобные синие (2); зонные зеленые двухчастные (2); битрапецидная синяя (XII в.); ребристая цилиндрическая, синего цвета; шарообразная черная бусина со спирально-волнистой желтой инкрустацией (с XIII в.); к числу редких форм относятся 2 призматические шестигранные бусины синего цвета, их датировка (не позднее XI в.) позволяет предположить, что они, как и золотостеклянные, относятся к разрушенным погребениям³⁷. Не позднее нач. XII в. датируется редкая янтарная бусина, идентичная по форме золотостеклянным ребристым с кружковым орнаментом³⁸; из янтари вырезаны маленькие шаровидная и зонная бусины.

Усадьба А ("двор литейщика")

Расположена в южной части раскопа, исследована полностью, пл. 400 м². Усадьба имеет прямоугольную форму, постройки размещены по периметру ограды, в середине — свободное пространство (табл. 7). С зап. двор вплотную примыкает к улице между усадьбами, идущей через весь раскоп на сев. с отклонением к зап. Эта улица шир. 3-4 м, вероятно, отвечавшая от магистрали, проходившей через Южные ворота к Спасскому собору и выходящая к Оковским воротам в зап. системе укреплений (рис. 99). Обращенные к улице ограды дворов особенно массивны (шир. полос от сгнивших бревен — 20 см, гл. от 20 до 40 см); у дна выемки канавок закругляются, т.е. местами заборы были бревенчатыми.

Постр. 1 (рис. 100). Жилище владельца усадьбы, 6,9x6,7 м, расположено в глубине двора, в его сев.-зап. углу. Контуры дома выявлены в результате расчистки темных, с волокнами дерева, полос от нижнего венца, со столбовыми ямками по периметру постройки и внутри нее. Внутренние столбы могли относиться к перегородке между избой и сенями или отделять отдельное помещение. В юго-зап. углу — разрушенная глинобитная печь 1,5x1,5x0,15 м. Расположение столбов не исключает и иной вариант планировки: теплое срубное помещение с печью (4x4 м) и холодные пристройки каркасной конструкции с сев. и вост.³⁹

У себя дома хозяин занимался холодной обработкой цветных металлов: в жилище и возле него много отходов производства: кусков медной проволоки, обрезков бронзовых пластинок, бесформенных кусочков металла (табл. 13). О женщине в доме свидетельствуют шерстяные пряслица, стеклянные браслеты.

Постр. 2 (табл. 14). Примыкала к ограде с юго-вост. от постр. 1, служила мастерской бронзолитейщика. Судя по стратиграфии, построена на месте более раннего сооружения. Постройка верхнего горизонта 3,8x3,1 м, углублена на 0,6 м, углы закруглены. Ямки от столбов по периметру постройки (диам. 10-

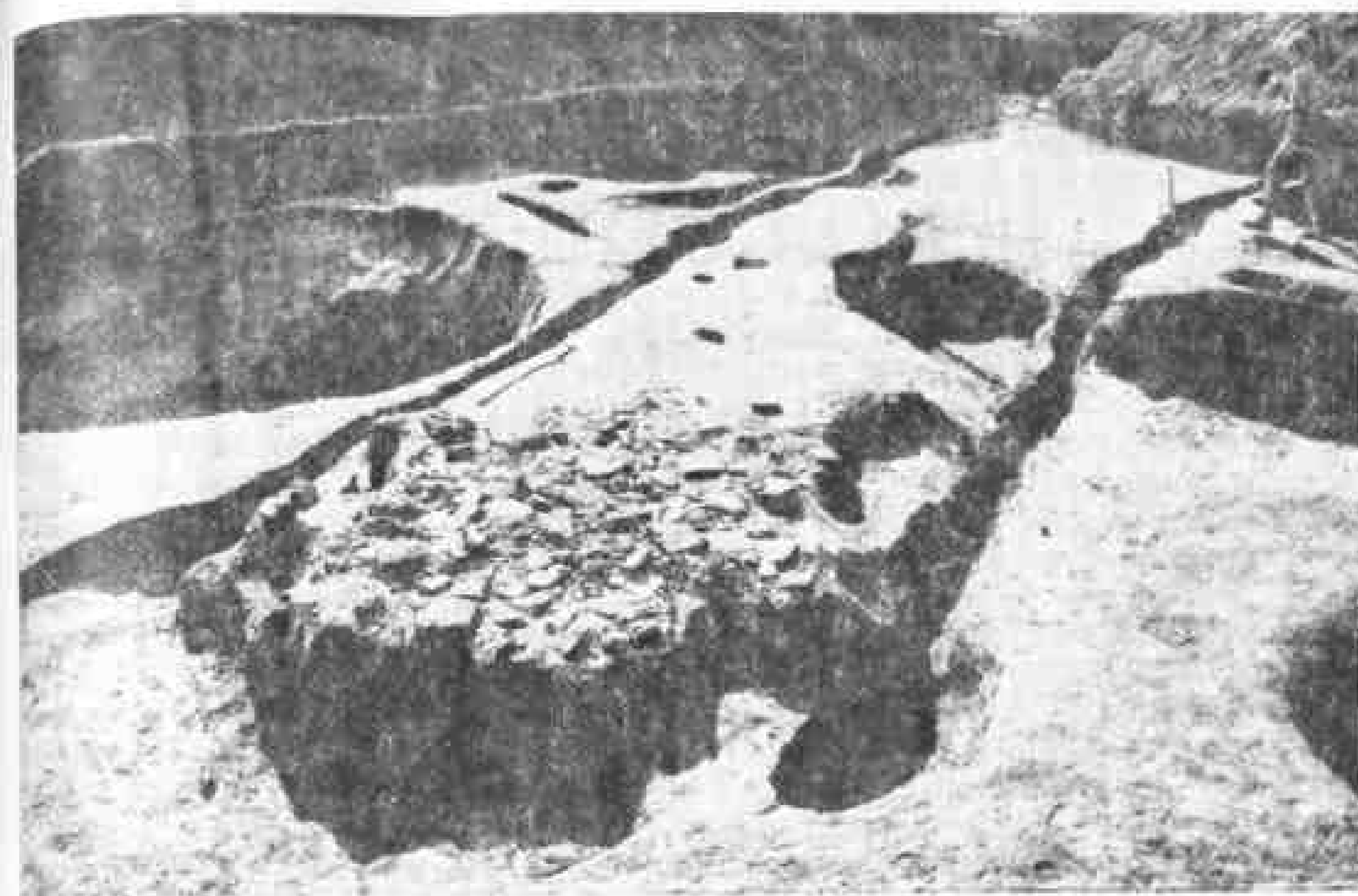

Рис. 99. Улица между усадьбами на раскопе 13 (вид с северо-запада).

15 см, гл. 5 см) и куски глиняной обмазки в ее заполнении свидетельствуют о плетневой конструкции стен, промазанных глиняным раствором (противопожарная мера). В сев.-вост. углу — бесформенный развал плавильной печи. В профиле на дне постройки видны обгоревшие лаги, по которым настлали пол, угольный слой достигает 10-15 см. Судя по отсутствию столбиков, вход со ступенькой под навесом находился с зап. стороны.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

	ГЕНЕЗ		КОСТЯНЫЕ ЗАГОТОВКИ
	КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ		КЯМКА
	ПЕРЕКОП		КИРПИЧИ
	ПЕСОК		КОСТИ
	ОБОЖЖЕННАЯ ГЛИНА		ОБОРЕВШЕЕ ДЕРЕВО
	ГЛИНА		ШЛЯК
	ЗОЛА		ДРЕВЕСНЫЙ ТЛЕН
	ЯМКА		МУСОР
	КЕРАМИКА		МАТЕРИАЛ

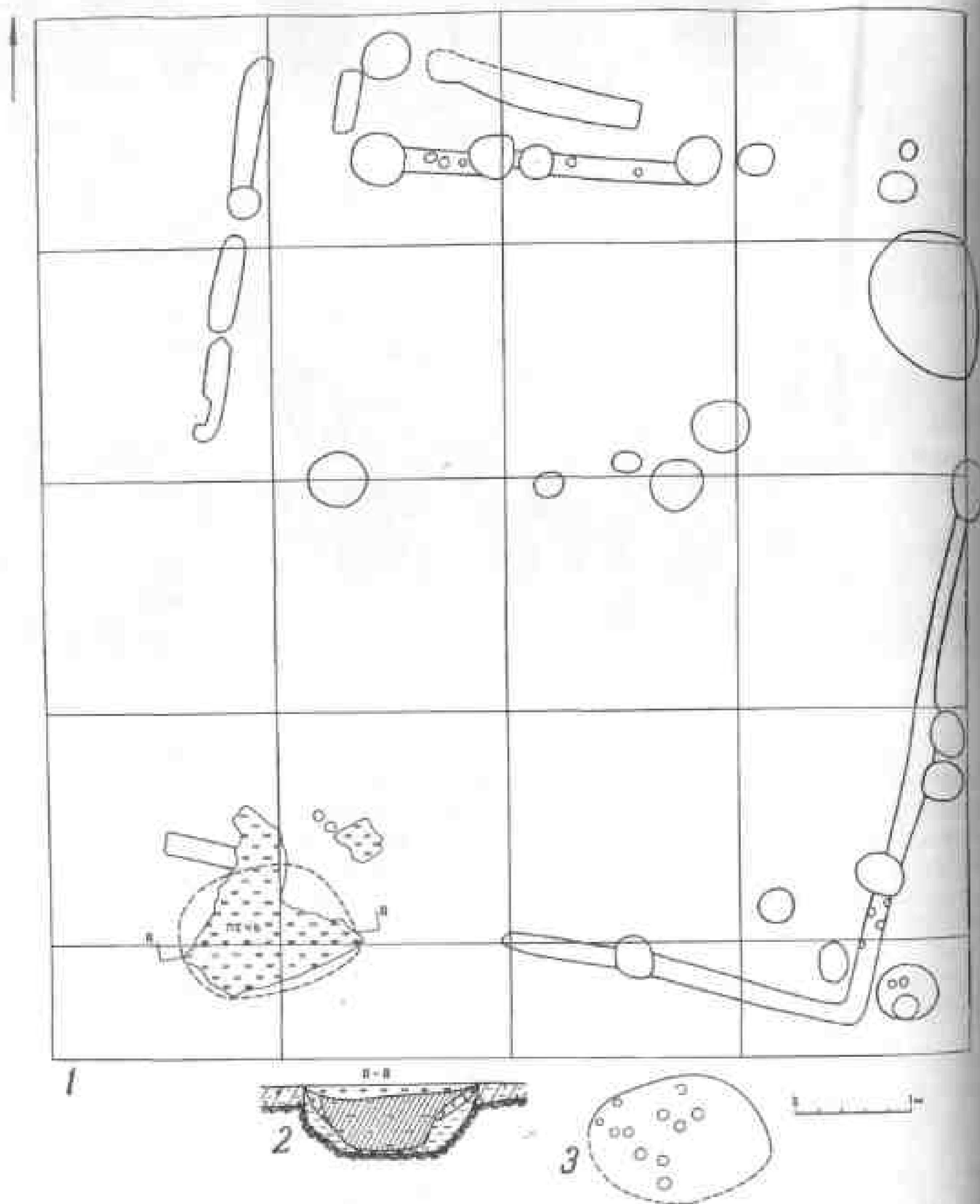

Рис. 100. Постройка А-1 на раскопе 13: 1 — план; 2 — разрез по линии А-А; 3 — ямки от жердей под развалом печи, план.

На полу мастерской обнаружены обломки ложковидных льячек с прикипевшими частицами меди на дне (24 экз.), стенки и днища керамических сосудов-тиглей — также со следами расплавленного металла. Поверхность льячек и сосудов от сильного нагрева в горне застеклована. Среди отходов производства и сырья — обрезки листовой бронзы, маленькие медные и серебряные слитки. Находки в мастерской позволили определить ассортимент изделий ювелира, изготавливавшего маленькие нательные

крестики — "крестцы малы" (среди производственного брака обнаружены дитники, один из которых сохранил крестик с имитацией зерна п.трети XIII в.), а также застёжки, не подвергнутые дополнительной обработке напильником и резцом, маленькие медные заклепки. Горшок с отогнутым наружу венчиком и поднятым вверх утолщенным краем относится к XIII в. (табл.13).

С помощью выполненного Т.Б.Барцовой спектрального анализа металла из усадьбы А определен его химический состав. За исходное сырье приняты капли металла из тиглей и льячек. Это — чистая медь, где все диагностические элементы присутствуют в от тысячных до десятых долей %, не превышая 0,3%. Такие элементы, как висмут, мышьяк, золото представлены в минимальных дозах на грани возможности их определения. Состав вещевых образцов по насыщенности олова, свинца, цинка, серебра, золота, сурьмы предполагает знание специальных рецептов, использовавшихся для изготовления предметов обихода. Это были ювелирные изделия, так как в их химическом составе намечается положительная корреляция между серебром — золотом — сурьмой (для придания красивого блеска украшению). Состав искусственных сплавов разнообразен: оловянно-свинцовые, свинцово-сурьмяные, оловянно-свинцово-цинковые. В средневековых памятниках (Новгород X-XI вв., Латвия, Ижорское плато) преобладают сплавы с цинком; в Подмосковье — оловянные, а сплавы олова со свинцом широко представлены в Серенске, с XIII-XIV вв. и в Новгороде. Свинцово-сурьмяные сплавы оригинальны и пока аналогий не имеют.

Постр. 2 возвели на месте более раннего сооружения, от которого сохранился лишь погреб 2,6x2x1,1 м (гл. от уровня пола верхней постр.). С зап. в погреб вела ступенька; ее стенки были укреплены плахами или жердями, входившими в пазы угловых столбов. На дне — угольный слой толщиной 5 см (сгоревший пол над погребом?). Перед постройкой мастерской погреб засыпали утрамбованной глиной.

В овальной яме гл.40 см к зап. от мастерской найдены фрагменты тиглей, бинирамидальная сердоликовая бусина, шиферное пряслице.

Постр. 3 (табл.15). Имела хозяйственное назначение. Она прямоугольная, слегка заглублена, 3,6x2,2x0,25 м. Судя по столбовым ямкам по периметру, имела каркасную, с плетневыми стенами конструкцию, возможно, с глиняной обмазкой. Ровное дно сооружения усеяно бессистемно расположенными ямками от кольев. Здесь найдено 2 стеклянных браслета.

Постр. 4. Служила второй мастерской, находившейся в юго-вост. части двора (табл.16). Постройка имела сложную конструкцию, основная ее часть заглублена в материк, над землей, вероятно, поднимались не более 3-4 венцов, план квадратный 4x4 м. Края углубленной стенки образуют полочку шир.40 см и на 2 венца ниже уровня земли. На юго-зап. углу стояла плавильная печь, сильно разрушенная. Центральная, углубленная часть мастерской 3,2x3,2 м, судя по расположению и глубине столбовых ям, а также профилю заполнения, подвергалась ремонту. Первоначальная ее гл. 1,4 м; 2 овальные ямы служили для сбрасывания золы, угля и производственных отходов. Несколько позднее ямы засыпали и дощатый пол приподняли на 0,6 м. К этому же времени относится сооружение помоста шир. 1 м вдоль южн.стенки, на котором литейщик производил свои операции. Стены мастерской облицованы плахами, входившими в пазы угловых столбов (столбовая яма расчищена в материке только в юго-зап. углу, остальные — в слое засыпки).

Находки аналогичны вещам из постр.А-2: обрезки бронзовых пластинок, куски проволоки и литейные отходы, обломки льячек, окислившиеся медные боделки, ножи (5 экз.), точильный брусок, половинка бубенчика. Из железных инструментов отметим бородок⁴⁰ и пробойник(?).

Постр. 5. Примыкала к сев.-зап. углу постр. 3, на ее существование указывают лишь остатки ювелирного горна. Под бесформенным пятном обожженной глины — следы дерева, вероятно, от опечка на столбиках. Столбовые ямы прослежены по периметру развала печи. Прямоугольная предгорновая яма 1,6x0,65x0,25 м заполнена отходами, связанными с ювелирным и литейным ремеслом. Как в мастерских А-2 и А-4, это прежде всего ноздреватые, оплавившиеся кусочки меди и бронзы, случайно выплеснутой из тигля при литье, ошлакованная от высокой температуры земля, застывшие брызги расплавленного металла, многочисленные обломки льячек, обрезки листов бронзы. Найдены круглая уплощенная матрица с крестообразными углублениями на обеих сторонах (подобная происходит с поселения на Менке), овальное заостренное кресало (с серед. XII в.)⁴², рукоять ножа, толстостенная лентная чашечка-светильник (к. XII — п.п. XIII в.), нож.

К вост. от горна находилась хозяйственная яма округлой формы 1,7x1,6 м, гл. 0,75 м, конически сужающаяся (диам. дна 0,8 м) и на гл. 0,55 м образующая уступ. Стенки ее были обшиты деревом и обмазаны глиной. Кроме обломков тиглей (8) из заполнения происходит стеатитовая эллипсоидная бусина византийского происхождения.

Постр. 6, 7, 8. Они ограничивали усадьбу с вост., все прямоугольные, каркасной конструкции, очерчиваются по расположению столбовых ям и следов горизонтальных бревен и плах гл. до 20 см.

Постр. 6 размером 5x3 м; на полу в овальной яме, 1,7x0,9x0,55 м найден двусторонний наборный гребень. *Постр. 7* и *8* могли составлять единое строение — длинный сарай 9x3 м. Все эти постройки имели хозяйственное назначение; возможно, они служили хлевами.

Постр. 9. Расположена вдоль южн. ограды, каркасная, 6x2,4 м. У юго-зап. угла — большой развал глинобитной печи, с овальной ямой под ним, гл. до 40 см.

Постр. 10. Также примыкала к южн. ограде. В прямоугольной нижней части с материковыми стенками и дном (2x1,7x0,8 м) найдены ножи, лезвие топора, стеклянный браслет.

Усадьбу ограждал бревенчатый забор-заплот, прослеженный на всем протяжении. С вост. между постр. 6 и 7, где ограда прерывается, очевидно, находились ворота, выводившие на улицу.

В Рязани сложилось несколько типов планировки усадеб. Планировка двора А — свободная, с несвязанными постройками, открытое пространство занимало значительную площадь. В жилом доме в глубине усадьбы кузнец "меди и серебру" производил операции по обработке металлов, которые не требовали использования специального горна. В стороне от жилища, вдоль забора, располагались 3 производственных помещения с горнами, где производились огнеопасные операции, вроде литья, горячейковки, отжига. Наличие нескольких мастерских предполагает производственное сотрудничество на основе родства. На усадьбе работало не менее двух металлистов: мастер передавал по наследству технические навыки ученику. Возможно, некоторые постройки с горнами со временем меняли расположение в пределах двора. Судя по находкам, медики применяли такие способы обработки металлов, как плетение, вытяжка, шлифование, полировка, гнутье, сверление, ковка, литье (с использованием разных методов).

По периметру двора с вост. и юга располагались хозяйственные постройки: хлев, помещение, где держали птицу, сарай для хранения сена, необмолоченного хлеба, орудий. Они не примыкали друг к другу, но могли объединяться общим перекрытием. Открытые незамкнутые дворы были распространены на большей части территории Украины, в южной части русской степной зоны.

на Нижнем Дону, в бассейне Кубани и на Тереке, на значительной территории юга Сибири⁴⁴. По стратиграфии и составу находок усадьба А датируется к XII — 1237 г.

Усадьба Б

Примыкала с сев. к усадьбе А, имела аналогичную планировку, раскопана полностью, пл. 280 м². Наземные части построек почти не сохранились. С зап. стороны, возможно, имелся выход в проулок, выводивший к укреплениям (табл. 7).

Постр. 1. Находится в юго-вост. углу двора и представляет собой остатки жилого дома в виде его подвала под подклетом (гл. 0,6 м), куда вели две ступеньки. Стенки подвала сильно оплыли, отсюда его неправильная форма. Первоначальная выс. подвала ок. 2,2 м. Размеры наземной, срубной части дома ок. 5,2x4 м. Пол подклета был дощатый (угольный слой в профиле заполнения). Ниже уровня пола — перекрывавшаяся люком яма-ледник гл. 1,2 м. Стенки подвала были укреплены деревом (уголки по контуру); в заполнении найдены фрагменты амфор. Бесформенный развал обожженной глины и обгоревшего дерева над входом в подвал можно трактовать как остатки печи в жилой части дома, рухнувшей вниз при пожаре.

Находки: глиняные рыболовные грузила (2), фрагмент цилиндрического замка типа В, шиферное пряслице, обломок семилопастного височного кольца с секировидными лопастями, стеклянные браслеты. Не определено назначение "лопатообразной" костяной пластины с прикипевшим железным стержнем в основании (табл. 18, 1).

Постр. 2. Вытянута вдоль ограды двора, 11x4 м, имела каркасную конструкцию, прослеженную по столбовым ямам диам. до 0,5 и гл. до 0,3 м. Двойной ряд ям вдоль южн. стены постр. — возможно, след ремонта. Постр. имела хозяйственное назначение, вероятно, служила конюшней или хлевом. Находок нет.

Постр. 3. Жилая, прослежена лишь ее сев. стена в виде следа от бревна дл. 4 м, неподалеку — остатки глинобитной печи с частью пода и куском обгоревшего дерева от опечка.

Постр. 4. Имела хозяйственное назначение; прямоугольное углубление в материке 3,6x1,5 м образует на дне ступеньку (гл. от 35 до 65 см). Из постр. происходят железное шило, шиферное пряслице.

Постр. 5. Очевидно, представляла собой летнюю печь под легким навесом. Судя по маленьким ямкам по контуру подпечной ямы, глинобитная печь имела жердевой каркас. Яма прямоугольная, с закругленными углами, плоским дном и наклонными стенками 2,4x1,6x0,6 м. Летние печи для выпечки хлеба, приподнятые на деревянных стойках или опечке, распространены у украинцев.

Усадьба В ("двор металлурга"-1)

Именно на ней в 1970 г. найден редкостный клад серебряных украшений. С вост. ограничена улицей, с юга усадьбой Б. Раскопана полностью, форма прямоугольная, пл. 350 м² (табл. 8).

Постр. 1. Наземная, срубная, сгорела дотла; бесформенное зольное пятно расчищено на пл. 5x4 м. В сев.-вост. углу пятна — аморфный развал глинобитной печи с остатками дерева от опечка, образующего прямоугольник

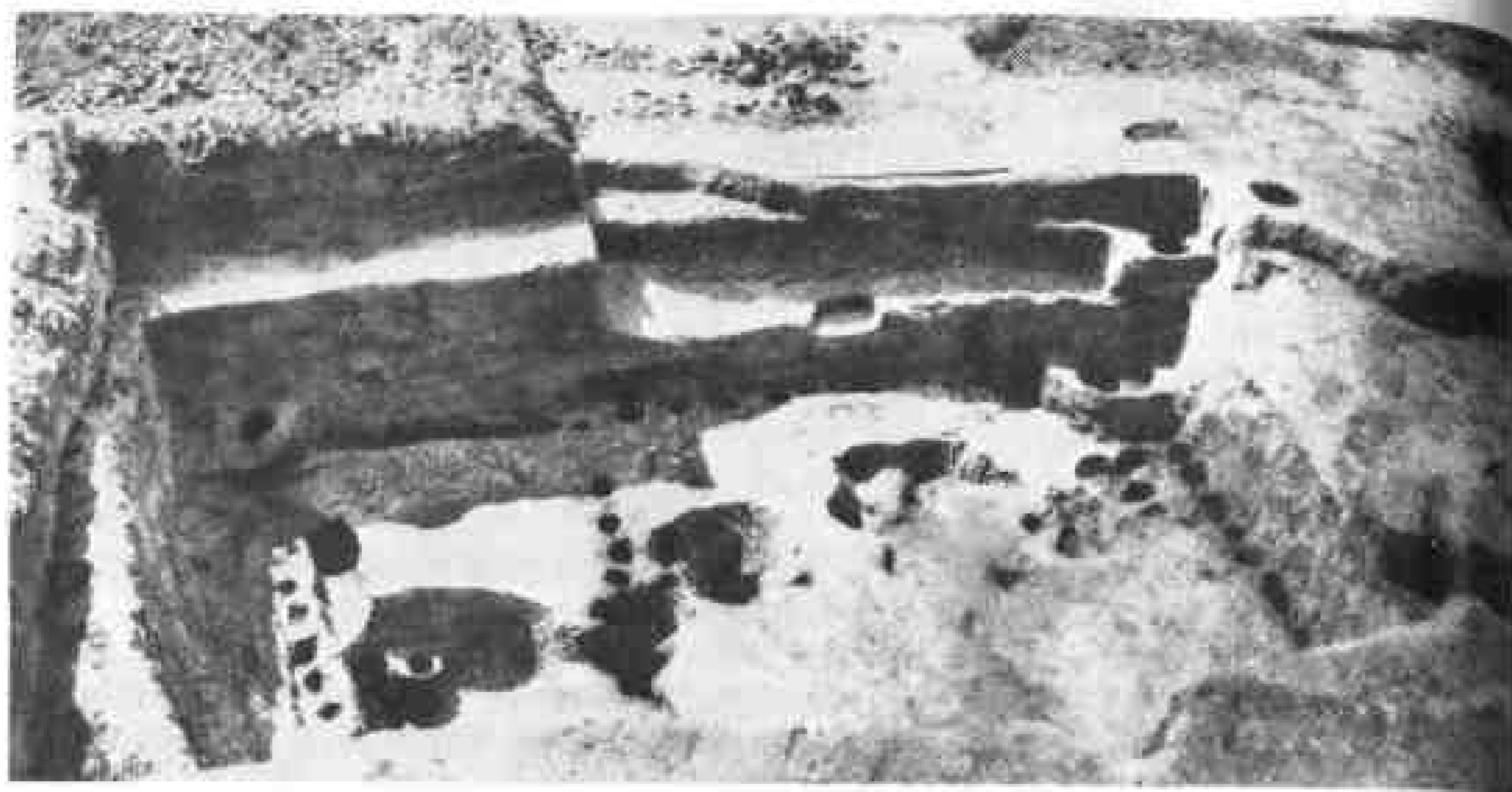

Рис. 101. Железоплавильная мастерская (постройка 13-B-3). Вид с севера.

2x1,1 м. Печь слегка возвышалась над полом, а опечек на 0,6 м углублен в материк. При разрушении она частично осела в предпечную овальную яму 3x2x1,3 м; в ее заполнении керамика вл. XII — н.п. XIII в., 2 тигелька-ляжки ложковидной формы, появившейся в Новгороде с XIII в. (табл.18), ножи (2), шиферное пряслице. В зап. части двора находился комплекс железоплавильных мастерских.

Постр. 2 (табл. 19,20). Мастерская по выплавке железа из болотной руды 2,2x2 м, заглублена на 1,1 м. Судя по столбовым ямам в углах и вдоль стен (диам. 20 см, гл. до 1 м), постройка имела каркасную конструкцию; стены образованы бревнами, врубленными в пазы столбов, во избежание пожара изнутри были обмазаны глиной (найденно много глиняной обмазки с отпечатками дерева). Пол материковый. В сев.-зап. углу разрушенная домница в виде мощного развала прокаленной глины выс. до 1 м. По аналогии с другими древнерусскими памятниками сыродутный горн реконструируется как коноволовидный. В мастерской и вокруг нее — сотни кусков железного шлака, возле домницы найден обломок конического сопла. Из заполнения происходят овальные заостренные короткие кресала — 3 (рубежа XII-XIII вв.), 2 горшка н.п. XIII в. (табл.21).

Постр. 3. Расположенная к югу от постр.2 — вторая мастерская, в которой работал "кузнец железу и меди" (табл.19,20). Основная часть прямоугольного помещения 4,5x3 м, гл. 0,8 м разделялась на две половины поперечной стенкой из жердей (рис.101). Судя по ямкам по периметру постройки на ее материковом дне (диам. до 8 см, гл. до 30 см, расстояние между ямками от 5 до 10 см) стены были плетневые и изнутри обмазаны глиной (куски глиняной обмазки в заполнении). Конструктивная основа постройки — каркасная, что подтверждают ямы в углах и вдоль стен диам. до 30 см. У сев. стены меньшего по площади помещения 3x1,4 м выявлен сильно разрушенный горн в виде развала обожженной глины 0,6x0,6 м с толстым угольным слоем в основании. Неглубокая предгорновая яма заполнена кусками железного шлака, мелким углем, золой; пол мастерской время от времени выравнивали, подсыпая песок.

В ней занимались не только выплавкой кричного железа, но и производством изделий из цветных металлов или получением бронзовых слитков.

Рис. 102. Погреб (постройка 13-B-4). Вид с северо-запада.

рабочем помещении найдены тигли с остатками застывшего металла. Поскольку одним из основных компонентов сплавов являлся свинец, найден свинцовый слиток в виде палочки, идентичный по форме денежной гривне новгородского типа (кусоч свинца найден в жилище новгородского ювелира)⁴⁵, а также литники, куски медной проволоки. Здесь же обнаружено кузнечное зубило, которым обрубали кусочки металла, пластинки, проволоку, половинка шарнирных ножниц, ножи, железное шильце, точильный брусок. Из заполнения постройки происходят миска с округленным краем и толстым дном (XIII в.), вставка в форме полумесяца из темно-красного янтаря (табл.21).

Вход в мастерскую, видимо, находился под одной крышей с основным помещением (с зап. или юга, где расположение столбовых ям позволяет предполагать пристройку 2,2x1,3 м).

Постр. 4 (рис.102, табл.22). Большой прямоугольный погреб 4,6x2,6 м, гл. от 1,2 в сев. части до 1,5 м в южной (ступенька на полу). Судя по темно-коричневым волокнам истлевшего дерева шир. 10-12 см по всему периметру и дну постройки, пол и стены погреба были дощатые. Между земляными стенками котлована и дощатой облицовкой оставлен зазор в 15-30 см, забутованный глиной с включениями мелкого белого камня-известняка. Подобная забутовка обладала гидроизоляционными свойствами. Ее использовали во всех углублен-

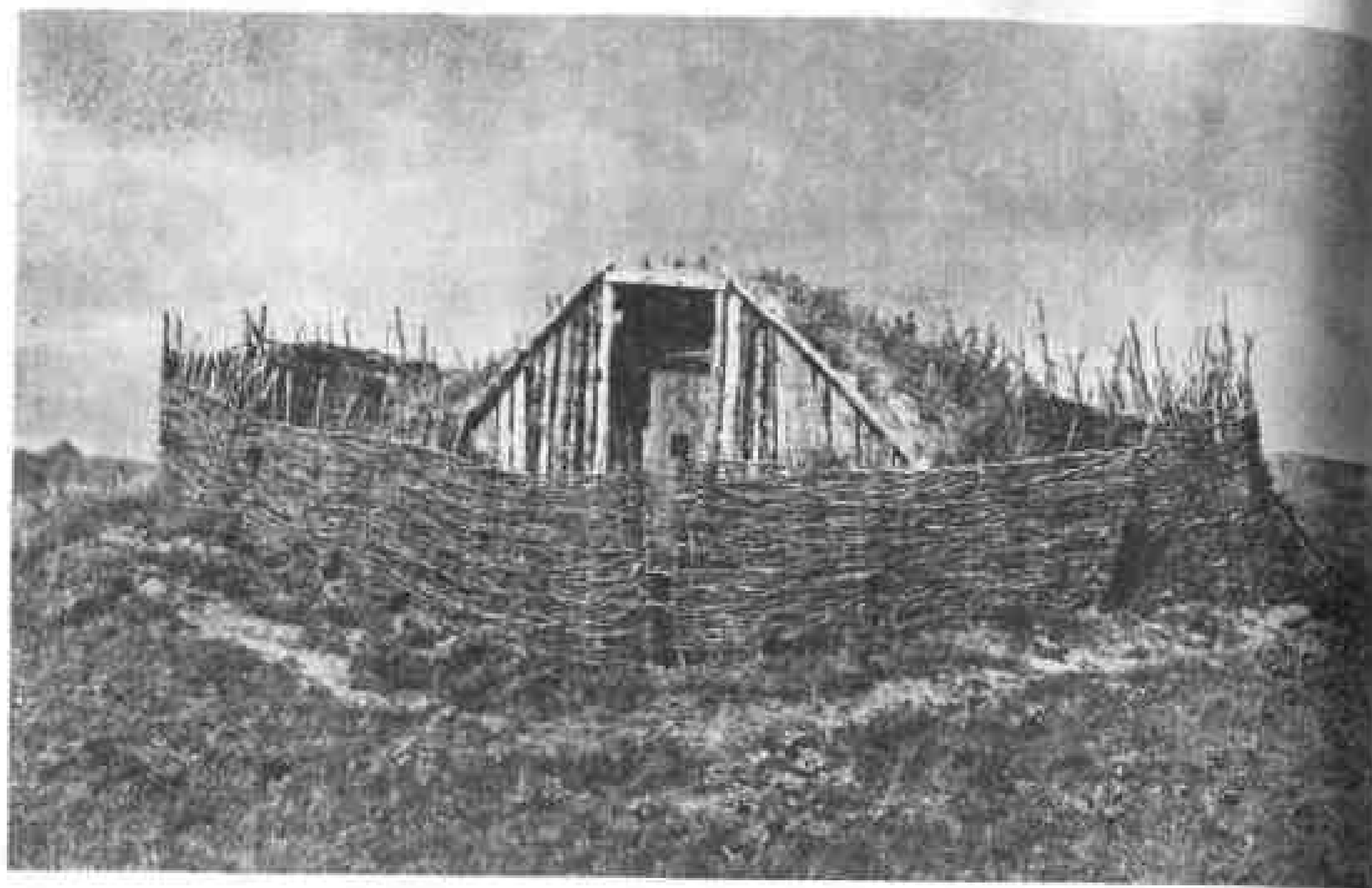

Рис. 103. Холодильник рыбака у с.Шатрицы (снимок 1966 г.).

ных в материк постройках с деревянными конструкциями стен. Поэтому в начале расчистки заполнения сооружений их очертания, как правило, имеют неправильную форму. Отсутствие столбовых ям позволяет считать, что при облицовке погреба применили рубку в лапу.

Три венца сруба, возвышавшиеся над землей, несли двускатную стропильную крышу. Аналогичный погреб (клеть-кладовая) раскопан на городище Слободка⁴⁶. Настил из жердей мог быть засыпан землей, как в современном холодильнике рыбака у д.Шатрицы (рис.103). Сходные погреба для продуктов зафиксированы в Рязанской обл., например, в с.Пёт Пителинского р-на: он прямоугольный, 3,5x2 м, гл. 1,5 м; вниз спускаются по деревянной лестнице; над поверхностью возвышается двускатная крыша с запертой на висячий замок дверью между причелинами (рис.90,8).

В постр. В-4 найдены фрагменты красноглиняных амфор, многочисленные обломки горшков (не ранее в.п. XII в.), кости домашних животных, косточка вишни, рыбы кости и чешуя⁴⁷. Из той же постройки происходят: навесной замок типа В (с серед. XII в.), ключи от замков типа Б (2), ключ от внутреннего замка (табл.23).

Постр.5. Жилой дом срубной конструкции 4,5x2,4 м, пол углублен на 0,5 м (табл.24). Судя по развалу обожженной глины, под печи, толщ. до 8 см, находился на уровне пола, шир. устья печи — ок. 0,6 м. Средняя часть помещения перед печью заглублена на 0,8 м, чтобы облегчить хозяйке приготовление пищи. Эта прямоугольная подземная часть 2x1,6 м имела дощатые стенки и пол (полосы золы и древесного тлена). На дне лежали сероглиняный кувшин с отбитым верхом и 2 горшка XII-XIII вв. с завернутыми наружу округлыми венчиками (табл.25). По следам деревянных плах на боковых выступах в интерьере можно реконструировать лавки вдоль стен. Куски обмазки с отпечатками дерева позволяют считать, что стены здания были обмазаны

глиной. Сравнительно небольшое число таких остатков в заволнении сгоревших домов не должно смущать, так как археологами экспериментально установлено, что в ходе раскопок находят не больше 1% от общего количества глины, использованной при постройке. Противопожарные качества построек из дерева, обмазанного глиной, обеспечили их распространение и в Рязани.

Кроме лавок, в реконструкции между печкой и задней сев. стеной показаны рубленные в стены полати, а также встроенные полки. Как почти во всех рязанских постройках, в заполнении много кованых гвоздей с квадратным в сечении стержнем и плоскими круглыми либо квадратными шляпками.

В доме найдены: резец по металлу (?); коса-горбуша; широколезвийные тонкие ножи, фрагменты цилиндрических замков; стеклянные браслеты; обломки семилопастного височного кольца с секировидными лопастями; бронзовый пластинчатый перстень с заходящими концами; литая серебряная бляшка полусферической формы с рельефным орнаментом в виде розетки с узкими лепестками, проволоочная витая подвеска, концы которой спирально закручены (напоминает экземпляр с Алчедарского поселения)⁴⁸. Нагрудный крестик XVI в. из верхней части заполнения постройки попал в нее случайно (табл.25).

Постр.6. Почти круглая хозяйственная яма для хранения продуктов диам. 2,7 м, на дне — невысокая перемилька и гл., соответственно, 1,6 и 1,4 м. На гл. 40 см — слой обугленного дерева, на гл. 0,8 м — также куски обгоревшего дерева, опускающиеся к центру, вероятно, упавший люк; стенки ямы были обмазаны глиной. В заполнении много костей животных, рыбы кости и чешуя, обломки привозных красноглиняных амфор и горшков (со вл. XII в.). При засыпке ямы в нее попали куски железного шлака, ложковидный тигель-лячка со следами металла внутри, ножи (2), горшок, имеющий ровный по толщине венчик с вертикально срезанным краем (XII — п.п. XIII в.), четырехгранный в сечении пробойник, глиняное пряслице, дверной крючок с пробоем, стеклянная вставка от перстня и стеклянный браслет. От наземного перекрытия ямы ничего не сохранилось.

Постр.7. Находилась у юго-зап. угла мастерской 3, она маленькая, квадратная, 1,8x1,8 м, гл. 30 см. Назначение неясно. Представляет интерес лишь потому, что вблизи нее в основном сконцентрированы вещи распаханного клада 1970 г.

Усадьба В (к. XII — 1237 г.) спланирована несколько иначе, чем усадьба А: жилой дом обращен торцом на улицу, обе мастерские расположены посередине двора, но хозяйственные строения сохраняют место возле ограды. Вероятно, двор принадлежал небольшим родственным семьям: двум избам соответствует столько же мастерских и погребов. Априорное мнение, что металлурги домонгольской Руси, ввиду опасности пожаров, селились на окраинах или вне поселений, на материалах Рязани не подтверждается.

Усадьба Г (табл.8)

С юга примыкает к усадьбе В, с сев.-вост. ограничена улицей; усадьба небольшая (100-120 м²), в плане треугольная, раскопана полностью. Постройки размещались вдоль ограды.

Постр.1. Жилой дом в виде сруба на угловых столбах, состоявший из двух половин: теплой избы и клетки (табл.26). Он прямоугольный, 7x3,4 м. Частично сохранились и следы горизонтальных бревен от стен, их толщ. в избе — 20 см, в сенях — 10 см. В сев.-вост. углу избы (3,4x3 м) — развал печи в виде обожженной глины с примесью белого камня 1x0,7 м. На одном из обломков печины — отпечатки грубой ткани. Подпечная яма 1,2x1,1x0,5

м окружена столбовыми ямами, возможно, от основания деревянного опечка. В отличие от избы большая часть площади клетки для сохранения тепла заглублена на 0,6 м в сев. части и на 35 см в юж. части, где имелась ступенька. Облицовка стенок углубления и ступеней, вероятно, переделывалась. В одно время она была плетневая (следы от кольев по периметру), в другое — состояла из плах или бревен, входивших в пазы угловых столбов. В сев. части, на полу клетки — овальное зольно-угольное пятно.

В постр.1 найдены железная пряжка и нож, костяной затыльник рукоятки ножа (табл.27). Керамика датируется к XII — п.третью XIII в.

Постр.2 Почти примыкала с юга к постр.1; от каркасной наземной конструкции прослежены только юго-вост. и юго-зап. столбовые ямы и след от зап. стенки, размеры навеса ок. 2x1,5 м. Под ним находилась округлая хозяйственная яма диам. 2,6 и гл. 1,35 м со ступенькой внутри. В заполнении найдены втульчатое тесло, половинка шарнирных ножниц, бронзовая треугольная матрица с выпуклой лицевой стороной (табл.27).

Постр.3. Вторая хозяйственная яма, округлая 2,4x2 м, гл. 1,8 м, стенки были обложены деревом и обмазаны глиной. В заполнении найден глиняный светильник.

Так же, как и дом, ямы для хранения продуктов располагались в углах усадьбы у ограды, середина двора оставалась свободной. Дом торцовой частью выходил на улицу.

Усадьбы Д и К ("двор металлурга"-2)

Несмотря на наличие прослеженных по столбовым ямкам каких-то внутренних перегородок, очевидно, составляла единое целое с усадьбой К, о чем свидетельствует и сочетание построек: жилой дом (К-1) — мастерская кричника (Д-1) — погреб (К-2). Если идти на север, строения расположены по правую сторону улицы. Раскопанная пл. усадеб Д и К ок. 240 м² (табл.8).

Постр.Д-1. В сев.-зап. углу двора построена на месте более ранней; служила мастерской по выплавке железа из руды (табл.28,1; 29,1). Она — квадратная, 4x4 м, гл. 0,6 м, сохранились нижние обгоревшие венцы сруба (диам. бревен до 20 см); применена рубка в лапу. Изнутри стены помещения обмазаны толстым слоем глины, как и в других мастерских металлургов. В сев.-зап. углу находилась полностью разрушенная сыродутная печь, где расчищен массивный развал обожженной глины. Углубленное пространство мастерской заполнено углем, золой, железным шлаком (около 300 кусков, среди них — 2 крицы в виде толстых лепешек).

Вещи из верхних слоев заполнения до гл. 40 см не связаны с сооружением, где "варили" железо: это — костяная рукоять ножа; кистень из рога, яйцевидной формы; фрагменты цилиндрических замков и ключ от замка типа В II (с к. XII в.); шиферное пряслице; горшок с отогнутым наружу и завернутым внутрь венчиком (XII-XIII вв.); ажурная бронзовая полусферическая бляшка с графированным растительным орнаментом (рис.104); обломок бронзового украшения в виде толстой проволоки, расклепанной на конце в треугольник (заготовка для браслета?), на нем уцелело плетение из мелких проволочных колечек; янтарный крестик; браслеты стеклянные: крученный и мелкокрученный; бусины: шаровидная, из горного хрусталя и стеклянные: зонная желтая, зонная зеленая двухчастная (табл.30).

Постройка Д-1 нижнего яруса являлась углубленным в землю жилищем с обширными подпольями (табл.28,2; 29,2; рис. 105). Наземная часть почти

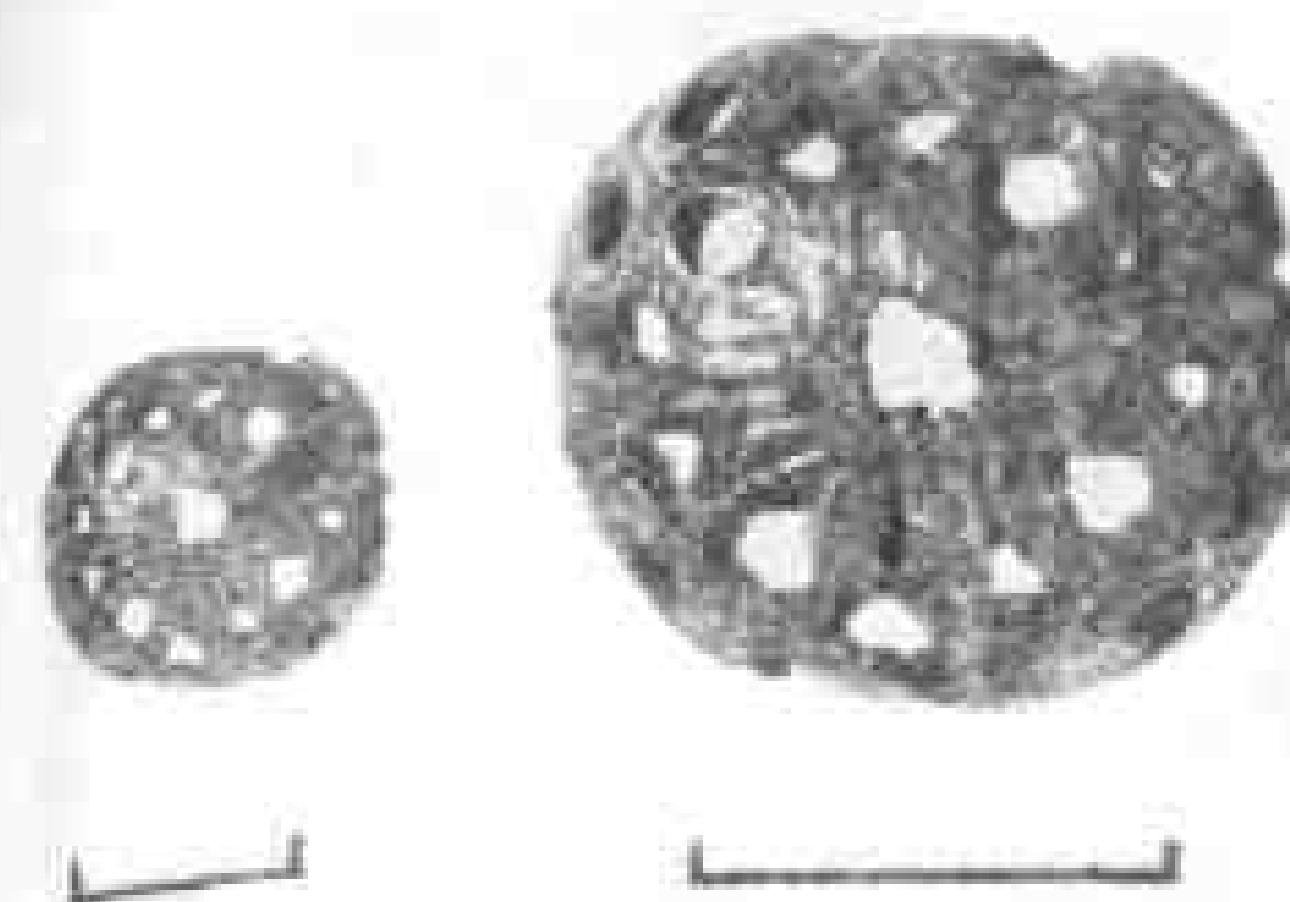

Рис. 104. Бронзовые ажурные бляшки.

квадратного срубного дома (ок. 7x6,5 м) не сохранилась. О его размерах можно судить по плотной, без вещевых находок, забутовке, состоящей из материковой глины с гумусными прослойками и включениями мелкого известняка с обломками кирпичей. Сгоревшее жилище засыпали перед постройкой железоплавильной мастерской. Судя по размерам погреба и подпольной ямы, пол избы с печью был заглублен в материк примерно на 0,5 м. В сев.-вост. углу жилого помещения находилась печь, обнаруженная в виде бесформенного

Рис. 105. Погреб (постройка 13-Д-1). Вид с юго-запада.

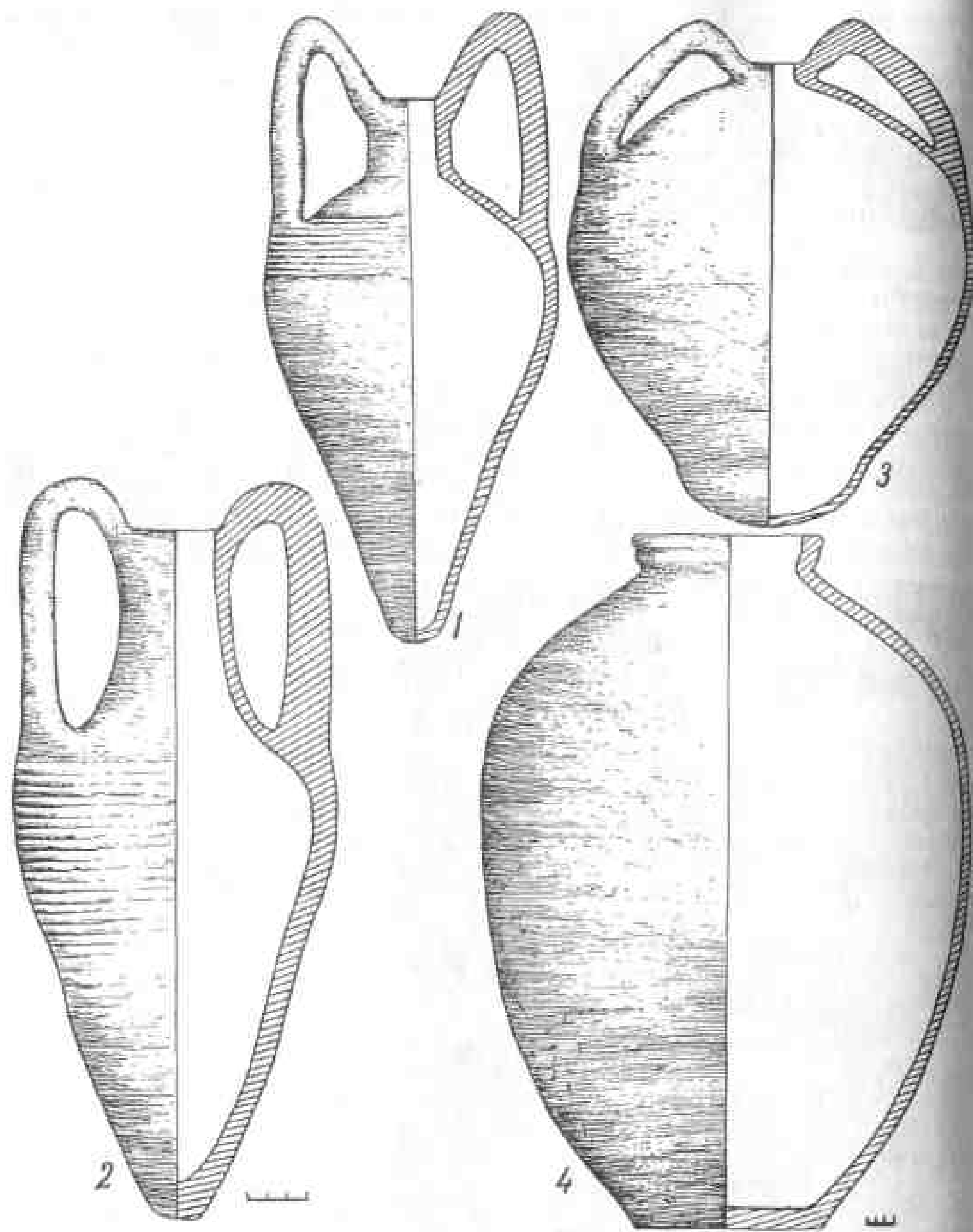

Рис. 106. Амфоры и пифос. Графические реконструкции: 1 — из постройки 13-Д-1; 2 — из постройки 17-А-13; 3 — из зачистки берега у раскопа 19; 4 — раскоп 20, пласт 1.

развала обожженной глины, мелкого камня и угля толщ. до 30 см. Под развалом найден двусторонний гребень типа Ж. Под полом избы расчищен обширный квадратный погреб 3x3 м при гл. 1,7 м и овальная подпольная яма-ледник 2,5x1,7 и гл. 3 м от уровня пола, с отвесными, закругленными дна стенками. В подполье спускались по приставным лестницам. От

облицовки погреба сохранились столбовые ямы гл. до 0,5 м, диам. столбов ок. 25 см, между которыми расчищены горизонтальные полустгнившие плахи шир. 15 и толщ. 2 см, входившие в их пазы. Судя по следам древесного тлена, пол погреба, настланный по линии вост.-зап., был дощатый.

На полу погреба найдены фрагменты амфоры с высокими ручками (рис. 106, 1). Подобные амфоры XII-XIII вв. изготавливали в Таврике⁴⁰. Там же лежал массивная, дл. 25 см, пенья для пробивания льда и ключ от замка типа Б. Из заполнения того же жилища происходит каменное рыболовное грузило, костяная проколка, широкосрединный чертень с заходящими концами и следами рельефного орнамента, 2 стеклянных браслета (с серед. XII в.), круглый глиняный "хлебец" (табл. 30).

Жилище нижнего горизонта построено не ранее вл. XII в., верхнее сгорело в 1237 г.; более точная датировка по вещам, ввиду их однородности, не представляется возможной. Можно предположить, что и в других случаях нижние постройки погибли при разгроме Всеволодом III, а верхние, возведенные на их месте, сгорели в 1237 г.

Постр. К-1 (табл. 31). Возможно, представляла собой трехкамерный наземный дом 10,5x4,4 м. По нижним венцам частично прослежены сев. и южн. стены сруба; параллельные им бревна внутри жилища могли служить лагами настила пола. Плохая сохранность постройки позволяет предложить лишь условную реконструкцию: из двух изб с печами, разделенных сенями шир. до 1,5 м⁴⁰. В зап. избе 5x4,4 м в ее сев.-пост. углу — развал печи, провалившейся в подпечную яму гл. 1,2 м. Столб в центре ямы мог поддерживать деревянный опечек. В заполнении ямы найдены глиняный светильник и подковообразная спиралекопечная фибула круглого сечения, с проволоочной обмоткой (табл. 32). В избе 4x4,4 м, судя по бесформенному развалу обожженной глины, печь находилась в юго-пост. углу.

Постр. К-2 (табл. 33). Являлась погребом для хранения продуктов, что подтверждают найденные на дне многочисленные обломки привезенных из Таврики амфор, два маленьких горшочка для специй с округлым венчиком, железная ручка от небольшого деревянного сосуда, возможно, ведерка (табл. 32). Погреб прямоугольный 2,7x1,4 при гл. 1,6 м. Судя по отпечаткам дерева, его стенки были забраны досками толщ. не менее 4 см; плахи соединялись в лапу, т.к. столбы отсутствовали. Пол также дощатый, что характерно для всех рязанских погребов; доски настланы параллельно короткой стороне. В погреб спускались по нескольким земляным ступеням, обложенным деревом. Наземные конструкции над погребом со ступенями не сохранились (от сгоревших верхних частей заметны лишь угольно-зольные полосы в заполнении), поэтому их воссоздание носит условный характер.

Постр. К-3. Неясного назначения, прямоугольная, уходит в вост. стенку раскопа, дл. свыше 3,4 м, широк. 2 м, гл. 30 см. Из заполнения происходит фрагмент стремени типа IX (XII-XIII вв.) с боковыми выступами в месте сочленения дужки и подножки, служившими, возможно, вместо шипов шнор (табл. 32).

Усадьба Л

Расположена к югу от усадьбы Д-К, от которой отделялась забором, прослеженным по столбовым ямкам. Раскопана только примыкающая к улице часть усадьбы (табл. 8).

Постр. 1 Находилась в южн. части двора, представляла собой нижний, подвальный этаж жилого дома, имевший хозяйственное назначение; наземные

части жилища полностью разрушены (табл.34). Стены подвала 3x3 м при толщине 1,2 м были обшиты плахами, входившими в пазы угловых столбов (диаметр ямок до 30 см, гл. до 0,5 м). С южн. стороны в него вел вход из 4-х ступеней. Напротив, в сев. стене, в подбье, устроен хорошо сохранившийся очаг с подковообразным подом дл. 40, шир. 45 см и полукруглым сводчатым устьем выс. до 30 см. Судя по размерам очага, он служил не для приготовления пищи, а для отопления нижнего помещения, чтобы предохранить его от сырости. Трудно сказать, относилась ли к постр.1 овальная яма, расширяющаяся вверху, 2,6x1x1,7 м вдоль вост. стены подвала. Поэтому возможны два варианта реконструкции нижней части дома (рис.88,2,3). Соответственно, его максимальные размеры ок. 6x4 или 6x5 м, выс. нижнего этажа ок. 2 м.

В подклете найдены долото, костяная втульчатая пулевидная стрела, подвижное звено от удила, фрагмент шноры с серебряной точечной инкрустацией и округлой петлей с двумя сквозными прорезями для пропуска ремешка, ключ от замка типа Б, однолучинный светец, миска с короткой шейкой и прямым, загнутым внутрь венчиком: на плечиках — полоса орнамента из скобковидных вдавлений (п.л. XIII в.). Из того же жилища происходят одесная булава с кольцевидной головкой, крестик-тельник "кореунского типа", обломок бронзового крестика с утолщенными профилированными концами, стеклянные браслеты (табл.35).

Постр.2 (табл.36). Расположена в сев.-зап. углу усадьбы, ориентирована в направлении улицы. Это квадратное, 4x4 м, жилое помещение каркасной конструкции, углублено в материк на 0,55 м. Опорные столбы для стен и двускатной крыши размещались в углах жилища и самые высокие — посередине вост. и зап. стен — для поддержки князевой слуги (диаметр и гл. столбовых ям до 30 см). Вероятно, стены были забраны горизонтальными жердями, не исключена их глиняная обмазка. Внутри жилища имелась плетеная перегородка, отделявшая неотопливаемые сени в зап. части (диаметр вертикальных кольев до 10 см). В юго-вост. углу постройки стояла прямоугольная, 1,5x0,75 м, печь; снаружи она была "инкрустирована" белым камнем, окаймляющим развал обожженной глины. Обугленные плахи под развалом — остатки опечка. Береста, слой которой прослежен под печью, предохраняла нижний венец от гниения, и этот случай — не единственный в рязанских домах. Под печным развалом найдены ключ от внутреннего замка, стеклянные браслеты. В жилище найдены также медная игла и двусторонний наборный гребень типа Ж (табл.32). Прямоугольная яма со ступеньками, расчищенная под печью, предшествовала постройке дома и датируется более ранним временем.

Необычайно интересна обнаруженная на полу постр.2 речная галька с вырезанным на ней загадочным рисунком (рис.4). Можно предположить, что изображен схематичный план Оки в районе Рязани, но зеркально перевернутый. Показано главное русло реки, которая при впадении Прони круто поворачивает на север. Проня обозначена тонкой двойной линией с короткими черточками-ручьями. Условно представлены мелкие речки и ручьи — правые притоки Оки. Посередине речной петли древний "картограф" прочертил старицу Оки, на песчаном берегу которой ныне расположен г.Спасек. Местные жители называют ее "Озером". Географы считают, что задолго до основания Рязани Проня впадала в Оку в районе Спасского затона⁵¹.

Что касается остальных усадеб (Е,Ж,И,М,Н) по правую сторону улицы (если стоять лицом к сев.), то они раскопаны слишком фрагментарно, и постройки на них невыразительны. Границы дворов прослеживаются по столбовым ямкам от оград (табл.7,8).

Постр.Е-1. Вероятно, служила первоначально зернохранилищем, так как стенки ямы были обмазаны глиной и в верхней части выложены мелким известняком. Яма овальная, воронкообразно сужающаяся книзу, размеры по верху 2,9x2,7 м, гл. 1,7 м. Среди находок во вторичном заполнении отметим фрагмент скобеля, полукольцевидную подпругную пряжку, стрелу пирамидальную, квадратного сечения, без упора, костяную пулевидную коническую стрелу, наборный гребень типа З (с серед. XII в.), обломок круглой костяной пуговицы с врезным циркульным орнаментом, инкрустированным проволокой, бронзовую пуговицу в виде восьмилепестковой розетки с лепестками, декорированными выемчатой эмалью, витой двойной перстень, круглую стеклянную вставку от перстня в кольцевидной металлической оправе, зонные стеклянные бусины: фиолетовую и 2 желтых (табл.37).

Постр.Е-2. Маленькая, каркасная, прямоугольная, 3,2x2 м, в углах — 4 столбовых ямы диаметром 40 и гл. до 50 см.

Аналогичная постройка 2,4x1,6 м располагалась возле забора усадьбы М. Небольшие хозяйственные строения, примыкавшие к изгородям, могли использоваться как курник или саж-хлевок, для домашней птицы.

Усадьба О (табл.8)

Примыкала с зап. к усадьбе Г, здесь раскопана 1 постройка, похожая на постр.Л-1. Она служила или погребом, как показано на реконструкции (табл.38), или подпольем наземного жилища с исчезнувшими верхними частями. Постройка квадратная, 3,2x3,2x1,5 м, в углах столбовые ямки гл. до 0,7 м, между которыми сохранились следы горизонтальных жердей облицовки стен диаметром 10 см. С вост. в помещение вел вход из 4-х ступеней шириной 1,4 м. От навеса крыльца каркасной конструкции сохранились по сторонам входа выемки от сгнивших плах, входивших в пазы столбов по углам спуска. Вертикальные стенки ступенек были обложены досками, укрепленными кольями. Для отопления подвала напротив входа в подбье зап. стены на выс. 30 см над уровнем пола устроили очаг. Хорошо сохранился подковообразный глинобитный под толщ. 5 см, углубленный в стенку на 0,6 м; его максимальная ширина 0,7 м. Частично разрушенный свод первоначально имел выс. до 40 см. По сторонам устья очага — 2 столбика, в пазы которых входили жерди обшивки стены. Судя по расположению столбовых ямок, справа от входа могла находиться скамья. Возможно, пазы между жердями были промазаны глиной, так как в заполнении найдены куски обмазки с отпечатками дерева (рис.107).

В постройке найдены: обломок зубила, коса-горбуша среднерусского типа с перпендикулярно загнутым концом черешка⁵², стрела ромбовидная с упором и расширением в нижней трети длины пера (тип 40), замок и ключ типа В (серед. XII в.), костяная трубочка для сучения ниток, вертлюг, аналогии которому находим в Болгаре и Белоозере⁵³. Белоглиняная миска, напоминающая горшок, имеет венчик со скошенным внутрь краем, вдоль которого проходит желобок; в верхней части тулова — штампованный орнамент из прямоугольных вдавлений (XII — п.л. XIII в.). Кроме стеклянных браслетов, из постройки происходит браслет в виде стержня с расклепанными, загнутыми в спираль концами и проволоочной обмоткой, решетчатый двузигзаговый перстень. К украшениям костюма относилась литая бронзовая бляшка в виде 9-лепестковой розетки с ушком сзади. Каждый лепесток — с миндалевидной металлической перегородкой внутри украшен эмалью двух цветов. Цвета эмали: красный, желтый, белый, зеленый, перегородки между лепестками позолочены (табл.39).

С сев. к постр.О-1 примыкала округлая яма гл. 1,2 м, вероятно, подполье несохранившейся наземной постройки с печью. Керамика и находки в запол-

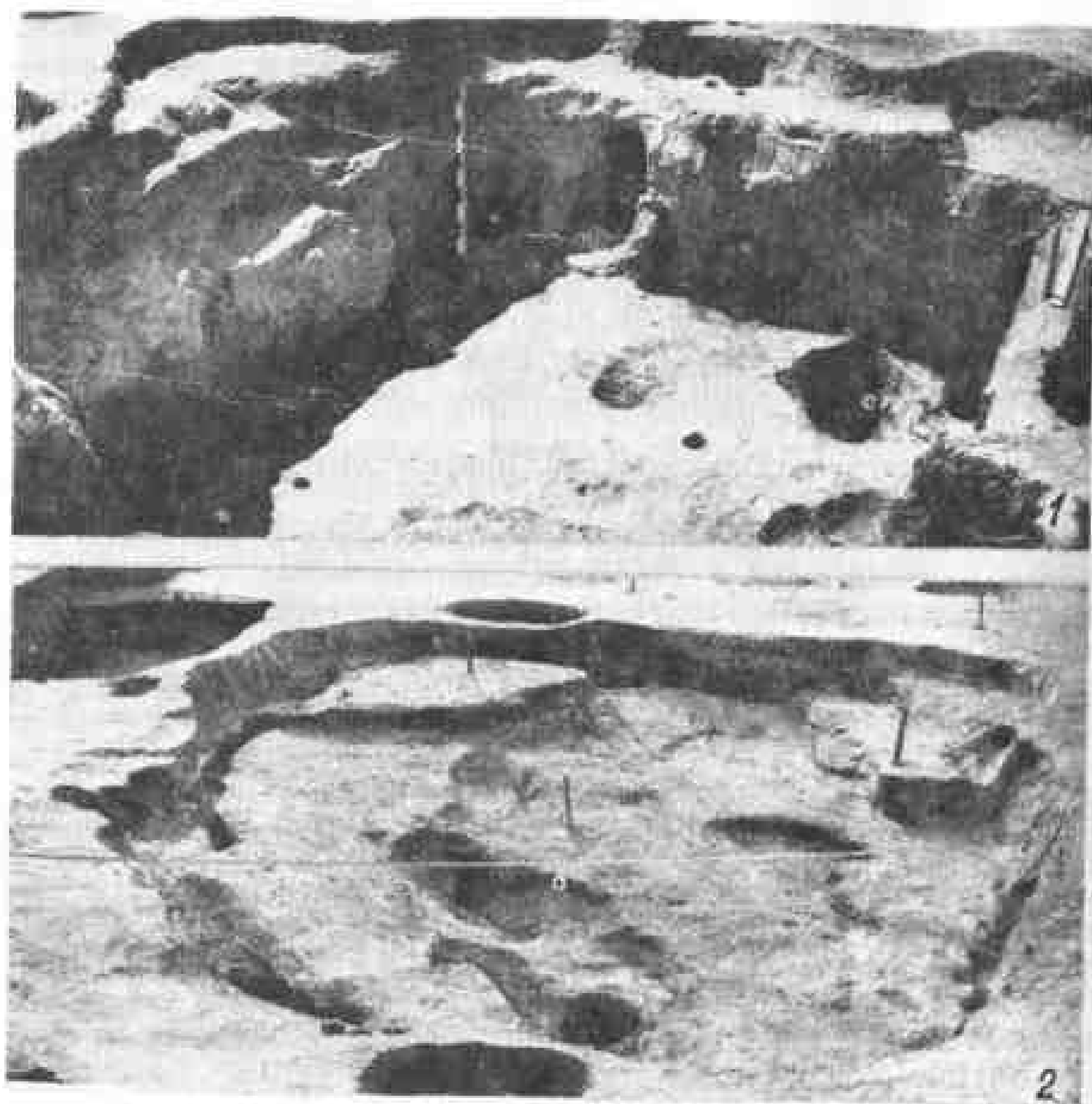

Рис. 107. Постройки на раскопе 13: 1 — погреб с очагом в западной стенке (постройка 13-О-1). Вид с северо-востока; 2 — мазанка с закругленной торцовой стеной (постройка 13-Р-1). Вид с севера.

нении ямы — изразец (табл.11), серьга в виде вопросительного знака (бусина на конце утрачена), характерная для древнерусских памятников XIV-XV вв. (табл.18,8), круглая глиняная коробочка, расписанная красной краской, — позволяют отнести сооружение к XV-XVI вв.

Усадьба П

Расположена в зап. части р.13, граничила на вост. с усадьбой В.

Постр. 1. Примыкала к ограде в юго-вост. углу двора, возведена на месте более раннего сооружения (табл.40).

Постройка верхнего горизонта представляла собой наземное жилище. Ее границы, вероятно, отчасти совпадали с засыпанным погребом нижнего здания. В сев.-вост. части — развал глинобитной печи 2x1,2 м, при разрушении осевшей в яму гл. до 0,5 м. В подушке обожженной глины встречены обломки кирпича (от пода?), ее оконтуривает мелкий известняк. Ниже пода

толщ. 5 см прослежен золистый слой от деревянного настила. К сторешней избе относятся кистень типа II-A (п.л. XIII в.)⁵⁴; двурогий срезень с упором (тип 60, вид 6), датирующийся не ранее п.л. XIII в., круглая поясная пряжка, орнаментированная насечками; перстень с овальным щитком (в Новгороде встречены с конца XII в.); стеклянные браслеты (табл.23). По совокупности находок изба датируется п.л. XIII в.

Перед ее постройкой плотной глиной в смеси с подзолом засыпали предыдущее сооружение — погреб для хранения припасов. Он прямоугольный, 3,2x2,8 м, гл. 1,7 м. Плахи облицовки стен (следы древесного тлена по периметру котлована) входили в пазы угловых столбов (диам. столбовых ям до 30 см, гл. до 35 см). Судя по отпечаткам дерева в глине, пол также выстлали досками толщ. 3 см в направлении вост.-зап.; по отношению к полу большая часть помещения понижена. Овальная яма гл. 0,5 м от пола в сев.-вост. углу — скорее всего, дренажная. С зап. стороны в погреб вел вход из 4-х земляных ступеней. В реконструкции напогребницы односкатные крыши над погребом и входом поддерживаются опорными столбами с поперечными балками.

Постр. 2 (рис.58). Выделена условно, отношение этой, овальной в плане, зерновой (?) ямы 2,85x1,9x1,2 м к усадьбе П недоказуемо. Стенки ямы обожжены, в зап. части имеется ступенька. Случайные находки в заполнении: крестик-тельник с имитацией зерна местной работы (п.треть XIII в.), шаровидный бубенчик с щелевидной прорезью, фрагмент зооморфной шумящей подвески в форме лапки водоплавающей птицы (табл.32).

В сев. части усадьбы — 2 хозяйственных ямы, обозначенные как постр.3 и 4 (рис.58).

Постр. 3. Овальная яма 3,1x2,4, гл. 2,2 м, стенки отвесные; на 0,6 м выше дна имеется земляная ступенька.

Постр. 4. Овальная яма 3,2x2,5, гл. 1,2 м, к сужающемуся дну ведут 2 ступеньки. На дне, по сторонам нижней ступеньки, — 2 столбовых ямки диам. 30 и гл. 30 см, вероятно, от опорных столбов перекрытия. В заполнении найден ключ от замка типа В (табл.32,11).

Усадьба Р (табл.7)

Огороженный участок пл.120 м², включавший только 1 легкого типа постройку, назван усадьбой условно, не исключена его связь с усадьбой Б. Постройка прямоугольная, 5x4,5 м, с закругленной вост. стеной; глинобитный, неоднократно подмазывавшийся пол углублен на 40-60 см (табл.41, рис.106). Судя по расположению ямок от столбов многочисленных кольщиков с канавками между ними по периметру постройки, хата имела стены, плетенные из лозы, т.е. из гибких прутьев ивы или орешника, которые заплетали между кольями. Вероятно, плетенные стены с обеих сторон обмазали глиной. Конструктивной основой мазанки служили довольно толстые сохи, вкопанные в углы и промежутках между ними. В развилины сох были уложены бревна, связывая наверху опорные столбы всего каркаса. На венцах этих бревен укреплялась строповая (балочная) конструкция крыши. Наиболее древние традиции устройства хат на сохах, т.е. на столбах из бревен с развилинами наверху, прослеживаются в безлесной части восточнославянской территории — в южной и средней Украине. В отдельных ее районах плетень, обмазанный глиной, употребляется только для возведения стен холодных хозяйственных построек⁵⁵. Но в ее сев.-вост. углу обнаружены остатки печи в виде подушки обожженной глины толщ. до 20 см вместе с обломками кирпича и мелкого известняка. С сев.-зап. стороны в хату вела земляная ступенька. Ее

деревянную обшивку укрепляли колышки. Выступ из материковой глины в юго-западную часть помещения, возможно, служил основанием лежанки.

Находки: юрок для наматывания разных нитей основы, железный стержень с петлями на концах и двумя подвижными кольцами, стрела пирамидальная, с массивной боевой головкой квадратного сечения и с перехватом у черешка (тип 91), ключ к накладному цельнометаллическому замку (с XII в.), донце горшка с клеймом-трезубцем. Из числа украшений и принадлежностей костюма отметим бронзовые пуговицы (2), круглую спиралеконечную фибулу круглого сечения с проволоочной обмоткой, пластинчатый запяточеконечный браслет, украшенный косыми крестами с кружками между ними; в основном подобные браслеты встречаются на вятичской территории, изредка — на Смоленщине и в костромских курганах (табл.27).

Каркасно-плетневую мазанку соорудили на месте засыпанного погреба предшествующей сгоревшей постройки. Последняя отделялась от верхней хаты нивелировочным слоем глины толщ. 40 см. Погреб прямоугольный, 5,4x3,6 м, вост.стенка слегка закруглена; гл. до 1,6 м. Стены отвесные. На гл. 1 м. — бесформенный развал печи, рухнувшей сверху при разрушении жилища: обгоревшие куски кирпича вперемежку с углем и золой. Над развалом по всей площади погреба прослежена угольно-золяная прослойка толщ. 5-10 см от упавшего перекрытия. Судя по следам древесного тлена, пол погреба был дощатый, а стены забраны бревнами, рублеными в лапу. У зап.стены оставлена материковая полочка выс.40 см. В заполнении найдены шиферные пряслица (2), стеклянные браслеты, керамическая плитка с подглазурной росписью, орнаментированная рядами желтых, белых и зеленых скобок на коричневом фоне — узором, характерным для киевских изделий⁵⁰.

Между усадьбами П и Р начинался проулок шир.6 м в направлении к западу, выведший к укреплениям. Он проходил между частокколами или заборами дворов, прослеженными по следам от бревен и столбовым ямкам (рис.58).

РАСКОП 14 (рис.92,108)

Расположен в 75 м к юго-зап. от Борисоглебского собора, на крутом берегу, по кромке которого еще в XVIII в. проходил ныне осыпавшийся вал. Раскоп вытянут с сев. на юг, пл.488 м²; работы велись с 1971 по 1977 г. В верхних пластах исследованы 2 усадьбы в.п. XUI в., частично разрушившие комплексы в.п. XII в. — 1237 г. Две усадьбы домонгольского времени, открытые на раскопе, судя по архитектурному облику и составу находок, вероятно, принадлежали выходцам из боярской среды, представителям княжеской администрации.

Усадьба А (рис.108)

Постр.1. Прослежена по хорошо сохранившемуся глинобитному полу толщ. до 30 см, а также обгоревшим и сгнившим нижним бревнам сруба сев.-вост. и южн.стен здания. Под углами дома обнаружены скопления обломков кирпичей, размеры которых соответствуют кирпичам Борисоглебского собора⁵¹. Не исключено, что кирпичи подкладывали под углы сруба для устойчивости. Северная стена здания опиралась на слой строительного мусора, образовавшегося при возведении Борисоглебского собора. Прямоугольный дом 12x8 м разделялся поперечной перегородкой на столбах: видимо, постройка была двухкамерная, 2 столбовых ямки в 4 м от южн.стены — возможно,

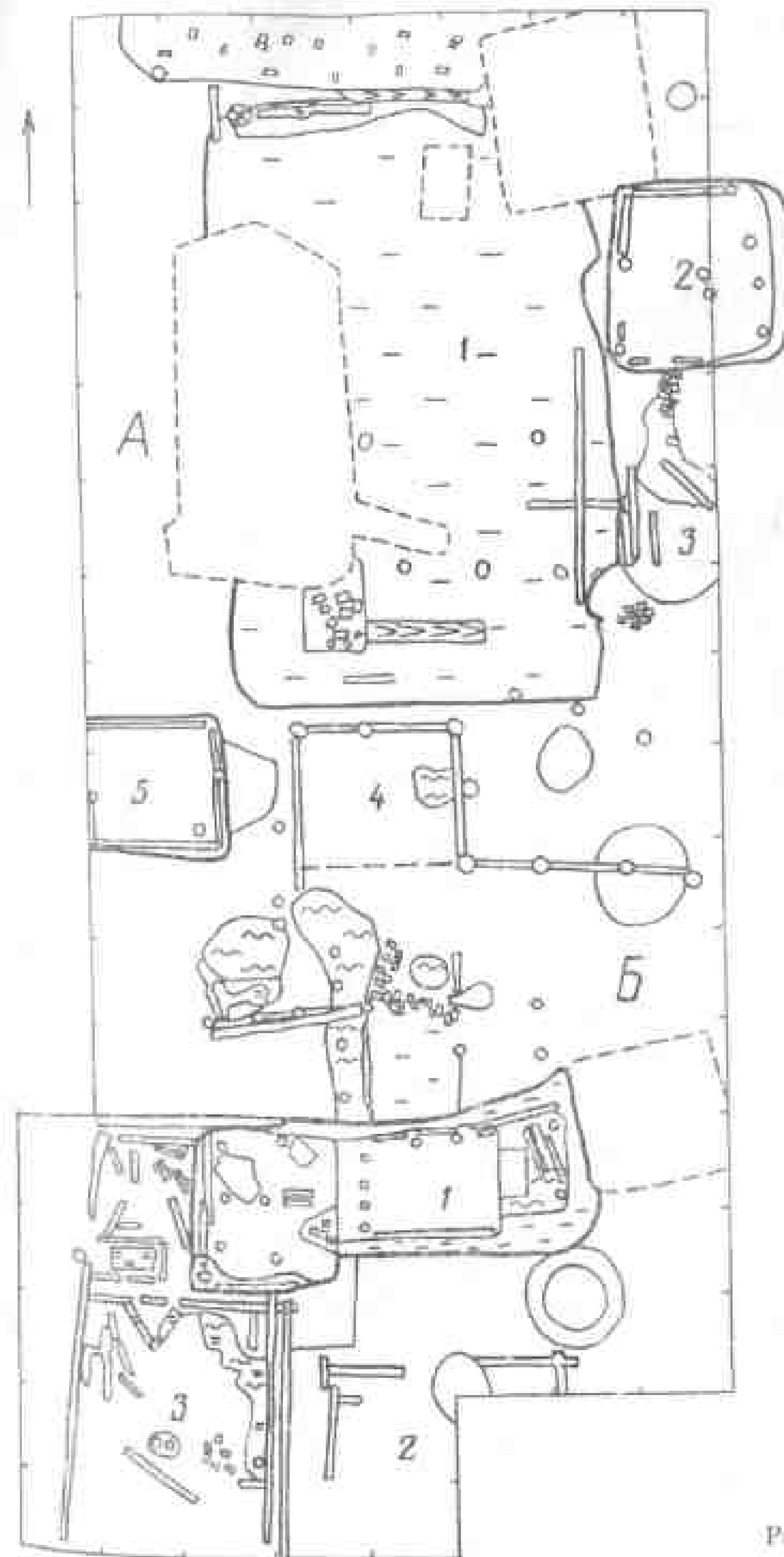

Рис. 108. Раскоп 14. План.

след отгородки сеней. Часть строения с зап. и его сев.-вост. угол уничтожены постройками XUI в., обозначенными на плане пунктирными линиями. Судя по размерам дома и отсутствию печи, он мог иметь 2 этажа. Окна были застеклены: найдены обломки оконных стекол толщ. 1,5 мм; стекла с отогнутым краем, круглые, диам. от 11 до 23 см. Окна с деревянными оконницами, в которые вставляли круглые стекла, — один из признаков богатого дома.

Рис. 109. Костяная печать.

Об особом социальном статусе его владельца свидетельствует находка костяной печати, по форме напоминающей современную шахматную пешку. На круглом основании вырезано изображение святого воина (Георгия?) в боевых доспехах, с мечом в правой руке, копьем и миндалевидным щитом — в левой. Голову окружает нимб. В верхней части печати — горизонтальное сквозное отверстие для шнурка, на котором владелец ее носил (рис. 109). Возможно, на печати изображен патрон рязанского князя Юрия Ингваревича (ум. 1237 г.) или, что менее вероятно, Юрия (Глеба?) Игоревича (ум. 1217 г.). Печать сходной формы найдена в Серенске в слое п.п. XIII в.⁵⁸, 2 экз. обнаружены в Болгаре с изображением зверя и птицы (в.п. XIV — п. четв. XV в.)⁵⁹. На аналогичной костяной печати домонгольского времени с города Дуна представлен архангел⁶⁰, а на новгородской, из слоя 60-х годов XIII в., изображены Борис и Глеб⁶¹. Иконографически и стилистически фигуры печати из Новгорода ближе всего рязанскому экземпляру.

С постр. 1 связаны находки поливной иранской и среднеазиатской художественной керамики. Среди них — люстровые изделия Рея XII в., сосуды типа "минаи" XIII в.⁶². Владельцы усадьбы пользовались дорогой стеклянной посудой: прозрачные бесцветные сосуды происходят с Ближнего Востока, цветные (синие, пурпурные) с росписью золотом — изготовлены в Византии⁶³.

Другие находки из постр. 1 (табл. 42): серебряный овальнощитковый перстень с изображением человеческой руки (в Новгороде подобные перстни известны в слоях, начиная с рубежа XII-XIII вв.); бронзовый пластинчатый перстень с несомкнутыми концами; крест-тельник с закругленными концами и шарнирами выступами на каждом конце (XII в.); двуручный скобель; доловидный наконечник стрелы (тип 100) с утолщением в верхней половине острия; ключ от металлического врезного замка; бронзовая фигурная накладка; шиферное пряслице; обломки стеклянных браслетов (свыше 30 экз.).

Постр. 2. Предшествовала сооружению дома 1, так как нивелировочный глинистый слой толщ. до 15 см, которым был покрыт двор усадьбы, частично перекрывал углубленную в материк на 1,4 м и затем засыпанную часть строения 2. Судя по отсутствию печи, это был прямоугольный, 4x3,4 м, погреб или подполье дома, наземные конструкции которого не сохранились (табл. 43, 1). На дне, в углах и посередине каждой стены, — столбовые ямки гл. до 40 см; плахи облицовки котлована, входившие в пазы столбов, прослежены по древесному тлену. Опорный столб в центре помещения свидетельствует в пользу крыши на сохах — столбах с развилками наверху, поставленных в один ряд. В развилки сох было вложено толстое бревно, поверх которого закрепляли попарно балки крыши. Пол глинобитный.

3 горшка, найденные на уровне пола (на дне самого крупного — клеймо в виде пятиконечной звезды), с округлым краем короткого венчика, мягко изогнутой шейкой, покатыми плечиками и округлым туловом, датируются к XII — п.п. XIII вв.

Большую редкость представляет фрагмент сосуда из молочно-матового стекла с росписью золотом; тонкими линиями на нем вырезана головка лани. Такого рода кубки с золотой и эмалевой росписью относятся к XI-XII вв. и принадлежат к "византийской" группе стеклянных изделий в широком смысле слова⁶⁴. Изображения ланей и оленей в очень сходной с нашим образцом манере часто встречаются на сирийских сосудах XII-XIII вв., найденных в городах Ракка, Алеппо и др. Головка лани на рязанском фрагменте по рисунку напоминает обломки сирийских стеклянных сосудов из Турова⁶⁵.

Установленную по керамике дату постр. 2 подтверждают находки овального короткого кресала (с нач. XIII в.), ключа от замка типа В II (табл. 44).

Постр. 3. Расположена к югу от постр. 2 и является синхронной ей хозяйственной ямой овальной формы 2,2x2,8 при гл. 0,65 м. Перед сооружением дома А-1 яму засыпали и сверху покрыли нивелировочным слоем глины: он имеет линзовидную форму, т.к. засыпка впоследствии осела. Из заполнения происходит толстостенная миска с остатками ручки, датируемая п.п. XIII в.

Постр. 4. Одновременна постр. 1. Примыкала к южн. ограждению двора: между 3-мя столбовыми ямками сохранились следы деревянных плах. Квадратное, 3,5x3,5 м, строение хозяйственного назначения имело каркасную конструкцию: расчищены ямы от угловых столбов и нижние венцы бревен diam. 10 см; остатков южн. стенки не обнаружено. Пол глинобитный, толщ. до 15 см. Стены постройки или промежутки между бревнами обмазали глиной (глинистые полосы у ее стенок). Тонкий слой золы на полу относится к сложенной крыше.

Постр. 5. Похожа на постр. 2, она квадратная, 2,8x2,8 м, гл. 1,2 м (табл. 43, 2). Между столбовыми ямками в углах и посередине пост. и за стен — остатки плах облицовки в виде древесного тлена. Печи не было. В заполнении погребки найдены: доловидный наконечник стрелы, ключ от замка типа А, овальная пряжка, украшенная насечками, перстень с прямоугольным щитком, стеклянные браслеты (3), глазчатая гладкая бусина голубого цвета, красные глазки обрамлены ресничками (табл. 42). Бусина этого типа (в древнерусских городах не позднее XI в.), возможно, попала в постр. 5 из разрушенного погребения. Само сооружение предшествовало постройке 1, так как его перекрывает нивелировочный слой, но керамика на уровне ее пола достаточно поздняя (п.п. XIII в.).

После разборки остатков дома 1 на уровне предматерика выявлены следы более ранней двухкамерной наземной постройки (рис. 110). Она прослежена по серым полосам шир. 20 см от полностью сгнивших нижних бревен (гл. канавок после расчистки полос от 10 до 20 см). Дл. здания 9 м, его южн., срубная часть, 5x4 м, возможно, служила избой, а северная, 4x3,5 м, каркасной конструкции — сенями. Печь могли разрушить при возведении дома 1. Сев. и южн. стены постройки не обнаружены, так как слились с заполнением более ранних могильных ям.

На усадьбе А выделено 2 или 3 строительных горизонта.

Усадьба Б ("теремное строение", "двор теремной")

Примыкала с юга к усадьбе А; оба высоких дома, нижние части которых открыты из ее территории, можно определить как "терема". Особенно близка зданию дворцового типа постр. Б-1.

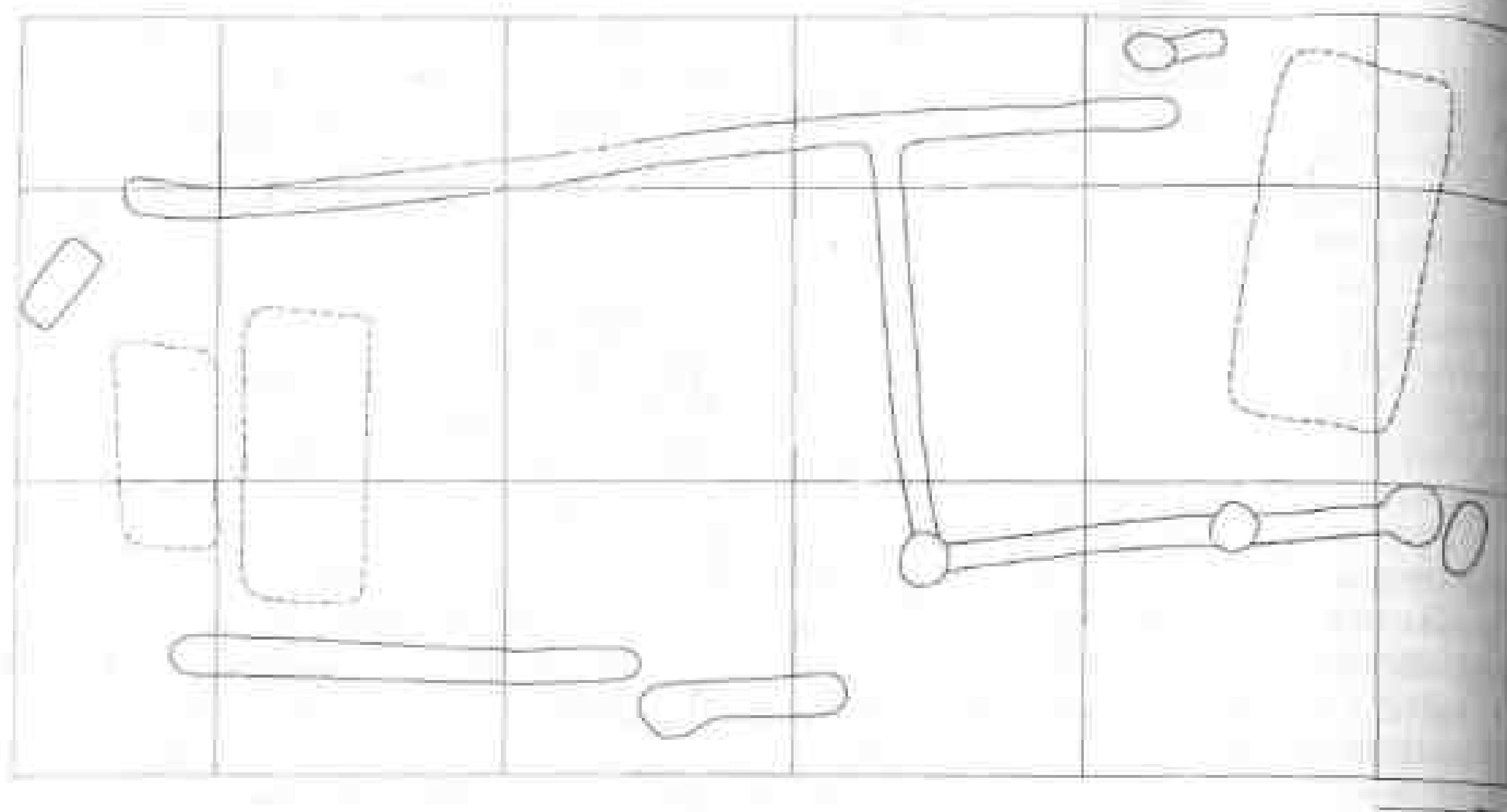

Рис. 110. Постройка под домом А-1 на раскопе 14. План.

Постр. 1. Прослежена по двум котлованам, разделенным земляной перемычкой шир. 0,5 м (рис. 108, 111). Реконструкция плана здания на уровне 1-го этажа дает размеры для прямоугольного вост. помещения 5,4х3,5 при гл. 1,2 м и почти квадратного зап. — 4,5х4 м при гл. 2 м. Углубленные части соответствующих помещений значительно меньше по площади: 3х2,2 (вост. часть занимает большая печь) и 3,5х3 м. С сев. вдоль стены здания выявлен ряд столбов от примыкавшей каркасной пристройки или галереи. Анализ обнаруженных конструкций позволяет с той или иной долей достоверности воспроизвести первоначальный облик хором в их пластически-архитектурных формах.

В прямоугольной нише в вост. части продольного помещения (дно ниши приподнималось на 30 см над полом) находилась печь на квадратном, 2х2 м, опечке (рис. 112). Опечек представлял собой П-образный сруб в 4 венца, рубленный в обло (диам. бревен до 20 см). Боковые стенки опечка зажаты для укрепления парами столбиков, передняя же его часть со стороны устья печи оставалась незамкнутой. Накат опечка был сделан из плах шир. до 25 см, прибитых гвоздями дл. до 15 см (свыше 20 экз.). Конструкция со столбиками для закрепления сруба нехарактерна для древней Руси, но известна в белорусской этнографии, где называется "лисицами"⁶⁶. Для предохранения от гниения нижних венцов и врытых в землю столбиков под их основания подложен гидроизоляционный слой бересты (сохранилась в обугленном виде). Подпечное пространство использовали в хозяйственных целях: дно ниши было устлано тонкими досками. Печь была глинобитной: опечек перекрыт развалом обожженной глины. Местоположение пода печи позволяет сделать вывод о существовании несохранившегося настила пола, лежавшего на лагах. Удобство пользования печью обеспечено при ее высоте над полом (ок. 1 м).

Стены котлована зимней избы крепились подпорными стенками из горизонтальных жердей с приставленными к ним столбами; вост. стенка в углах была укреплена заплотом — горизонтальными бревнами, забранными в продольные пазы закопанных столбов. Очевидно, что каркасные облицовки

Рис. 111. Подземные помещения терема (постройка 14-Б-1). Вид с запада.

ввиду слабой несущей способности, не продолжались выше краев котлована. В Рязани, как и в других городах, стены отапливаемых и сохранявших тепло помещений имели срубные конструкции. План сруба прослеживается по полам глины, обрамляющим котлован избы. Глину использовали для гидроизоляционной отмостки вокруг заглубленной части жилища. В интерьере между обшивкой стен и окладным венцом создавалась полочка. Для утепления и нейтрализации так называемого мостика холода она настилалась деревом.

Обращают на себя внимание вытянутые пропорции помещения. Расчленение его на неравные части с выделением избы и сеней все ставит на свои места: на месте перегородки зафиксирован небольшой перепад. По-видимому, сени с лестницей освещало окно, вырубленное напротив дверного проема. Через сени входили в избу (рис. 113).

Облицовка стен котлована строения, примыкавшего с зап. к избе, состояла из бревен, забранных в столбы, вкопанные по углам. Обращают на себя внимание 6 мощных столбов, образующих внутри помещения прямоугольник со сторонами в маховую (1,76 м) и 3-х-аршинную (2,13 м) сажени. Из-за малого пролета балок эти столбы для устройства перекрытия не нужны: их очевидное назначение — развитие сооружения в высоту с завершением крыши теремом — сенью на столбах (рис. 113, 113).

В котловане не было печи, следовательно, помещение не отапливалось. Обломки кирпичей у вост. стены — вероятно, остатки печи, рухнувшей из горницы, которая находилась над сенями.

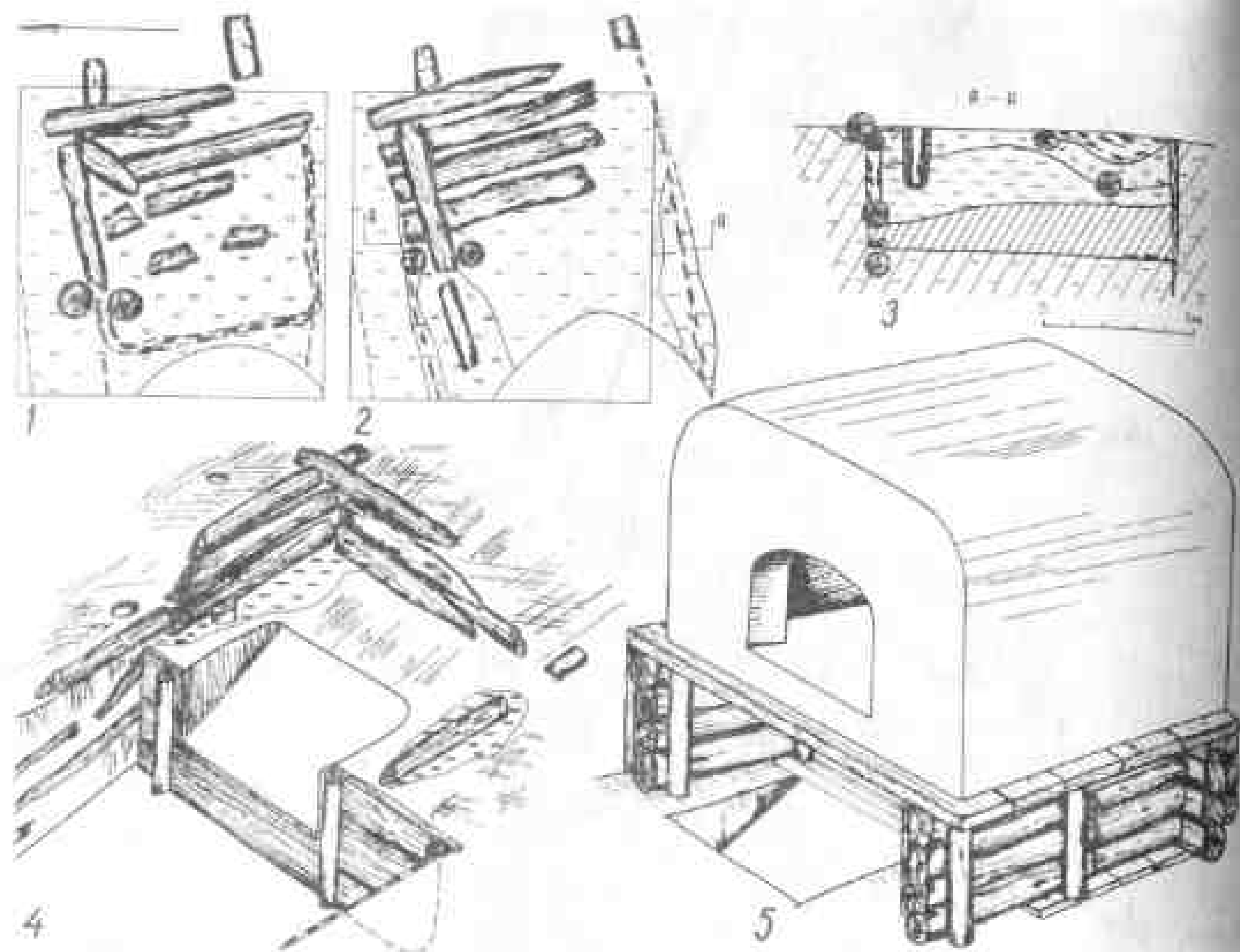

Рис. 112. Печь в постройке 14-Б-1: 1-2 — печь в процессе расчистки, планы; 3 — разрез по линии А-А; 4 — аксонометрия; 5 — реконструкция.

Котлован с каркасными столбами находился в середине сруба, отступающего снаружи от краев подпорных стенок. Поскольку перемычка между котлованами узка, можно считать, что изба с горницей рубилась трехстенной и имела общую стену со смежной постройкой. Относительно горницы помещение с опорными столбами выполняло функцию сеней. Вышка с круговым обзором — теремец — позволяет назвать все здание теремом.

К срубным объемам примыкала столбовая пристройка. На уровне зачистки она представляла собой забор, или заплот. Возможны 3 варианта реконструкции этого сооружения: 1 — прямоугольный в плане загон под открытым небом (но примыкание к сев. стене хором и симметричное расположение по отношению к фасаду, пролет, равный ширине углубленной части избы, не свидетельствуют в пользу такого решения); 2 — пристройка с самостоятельной крышей; 3 — перекрытие устроено на уровне пола горницы, и площадь расширена за счет строительства на 2-м этаже галереи. Возможно устройство одноэтажной галереи и как развитие композиции — галерея одна над другой (табл. 45).

Сложность архитектурных реконструкций археологически исследованных построек состоит в определении высотных параметров помещений. Поскольку способы черного отопления в течение веков не менялись, то надо полагать, что "из-за дымных горестей" высота изб из века в век повторялась без изме-

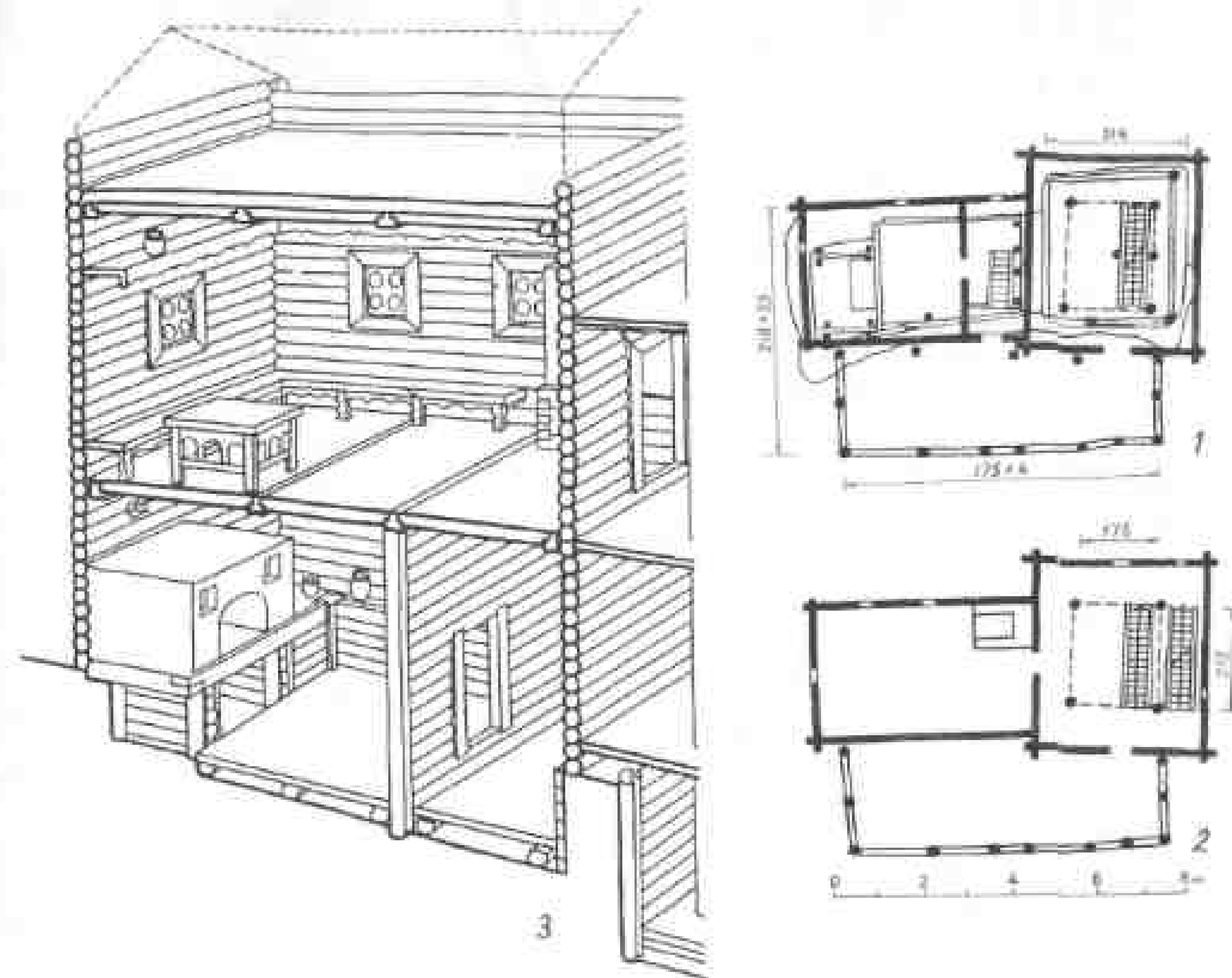

Рис. 113. Терем на раскопе 14 (постройка Б-1): 1 — реконструктивный план нижней части здания; 2 — реконструктивный план здания на уровне горницы; 3 — реконструкция нижней избы и горницы (вид с северо-запада).

нений, в зависимости от качества жилищ. В памятниках народного зодчества высота колебалась от двух маховых (мерных) саженей (3,5 м) до двух 3-х-аршинных саженей (4,26 м)⁶⁷. Исходя из высоты перекрытий очевидна необходимость устройства над избой 2-го этажа. Наличие горницы подтверждается обломками кирпича от упавшей сверху печи. Соотношение частей здания указывает на одновременность строительства по единому замыслу.

Горница как главное помещение хором была органически связана с остальными помещениями, что, в частности, достигалось уровнями полов в них. Изба и горница служили самостоятельными жилищами, объединявшимися галереей. Постановка в колоннаду галереи 2-х дополнительных пар столбов акцентировала места входов в сени избы и башню терема.

Терем разделялся перекрытиями на этажи, связанные между собой лестницами: подвал, входные сени, сени горницы, площадка для входа на чердак и смотровая площадка. Сочетание срубов, несущих перекрытий и самостоятельного каркаса составляет конструктивное решение сооружения. Различия в работе конструкций — несжимаемость столбов и осадка со временем срубов — обеспечивались самостоятельным существованием этих систем без жесткого их сопряжения друг с другом. Устойчивость сруба гарантировалась жесткостью венцов, превратившей его в коробчатую монолитную систему, особенно при соотношении 1:2 основания к высоте. При увеличении высоты

Рис. 114. Изображения теремных башен-век и их элементов в памятниках изобразительного искусства: 1-2 — Радзивилловская (Кёнигсбергская) летопись; 3 — колокольня на столбах с раскосами на гравюре 1568 г. с изображением г. Гродно; 4-5 — соединение башни с жальей. Миниатюра Радзивилловской летописи; 6 — колокольня на столбах. Из книги А. Мейерберга "Путешествие в Московию", 1661-1663; 7 — деревянный макет терема. Новгород, вторая половина XI в.; 8-10 — шатровые башни. Миниатюры Радзивилловской летописи; 11 — терем с шатром. Дворец Алексея Михайловича в Коломенском. XVII в.

здания в отношении 1:5, как на реконструкции, каркас требует повышения жесткости, которая достигалась, помимо врубок стоек и балок, дополнением их раскосами. Внутри сруба настилы перекрытий и крыша как бы пронизывались пространственной решеткой с венчающей вежу смотровой вышкой (рис. 13).

Подобный вариант графической реконструкции уникального для древней Руси здания обоснован не только археологически, но и параллелями в иконографических материалах и русском деревянном зодчестве (рис. 114). Раскосы технически необходимы в деревянных конструкциях, как вытянутых в длину, так и в высоких каркасных сооружениях: галереях, звонницах, папках, теремцах и т.д. В народной архитектуре раскосы для жесткости применяли при строительстве церквей и колоколен, ветряных мельниц и мостов⁶³. Вышка на столбах с раскосами изображена на миниатюре Радзивилловской летописи со сценой казни в лагере древлянских воевод княгиней Ольгой⁶⁴. Несмотря на условность рисунка, достоверно передана диагональная решетка между 4-мя столбами. При реконструкции постройки каркас сохранен в том же ракурсе с исключением в него лестниц. На основе подтеки раскосов в стоечно-балочной системе в дереве был разработан мотив арочных, стрельчатых и трехлопастных проемов, обрамлений и колоннад, повторяющийся в произведениях мелкой пластики, ювелирных изделиях, палатном письме икон и книжных миниатюрах (рис. 115, 123).

Реконструированное здание ближе всего по названию "терем" — высокий дом, дворец, в отличие от простых хором, которые могли быть у любого свободного человека⁷⁰. По-видимому, для терема обязательно наличие башни или вышки, сени на столбах, т.е. "теремца"⁷¹. Самое раннее упоминание терема встречается в "Повести временных лет" под 945 г. в рассказе о мести Ольги древлянам: "Над горою был теремной двор — был там каменный терем". По конструкции и внешнему виду терема резко отличались от рядовых построек: "терем златоверхий" упомянут в "Слове о полку Игореве", "терема златоверховатые" постоянно встречаем в былинах⁷².

В доме найдены осколки дисковидных оконных стекол: если в горнице были красные косячатые окна со стеклянными окончинами, то она может соответствовать "светлой хранине", "светлице" (по В. Данию, горница с красными, а не волоковыми окнами; чистая, светлая комната), а теремец, лышка — "светелке".

Находки из заполнения углубленных частей здания: куски листового свинца (2), фрагменты амфор (на полу сеней и нижнего яруса башни), обломки поливной посуды желто-зеленого цвета, среднеднепровского происхождения (3), бронзовая чашечка от подсвечника (?), шилья (2), ножи (10), костяная проколка (табл. 42). В числе украшений — стеклянные браслеты (24), вставка перстня из желтого стекла усеченно-пирамидальной формы, бронзовый крестик-тельник местной работы с не удаленным между ветвями металлом (к. XII — н.п. XIII в.). Имущество владельцев хором, стоявших в 1237 г., вероятно, было разграблено; сохранности вещей не способствовало и строительство на том же месте усадеб в XVII в.

Постр. 2: Располагалась к югу от терема, связана с тем же строительным горизонтом, ориентирована по сторонам света, как и Б-1. Постр. наземная, срубная, дл. сев. стены 5 м, прослежена по темным полосам от сгнившего нижнего венца. Концы бревен выступали по углам сруба (рис. 107).

Перед началом сооружения усадьбы площадь участка с естественным уклоном к зап. выравнивали с помощью нивелировочной подсыпки. Насыпной слой земли толщ. от 15 до 30 см сверху покрыли плотным слоем глины толщ. от 20 до 40 см.

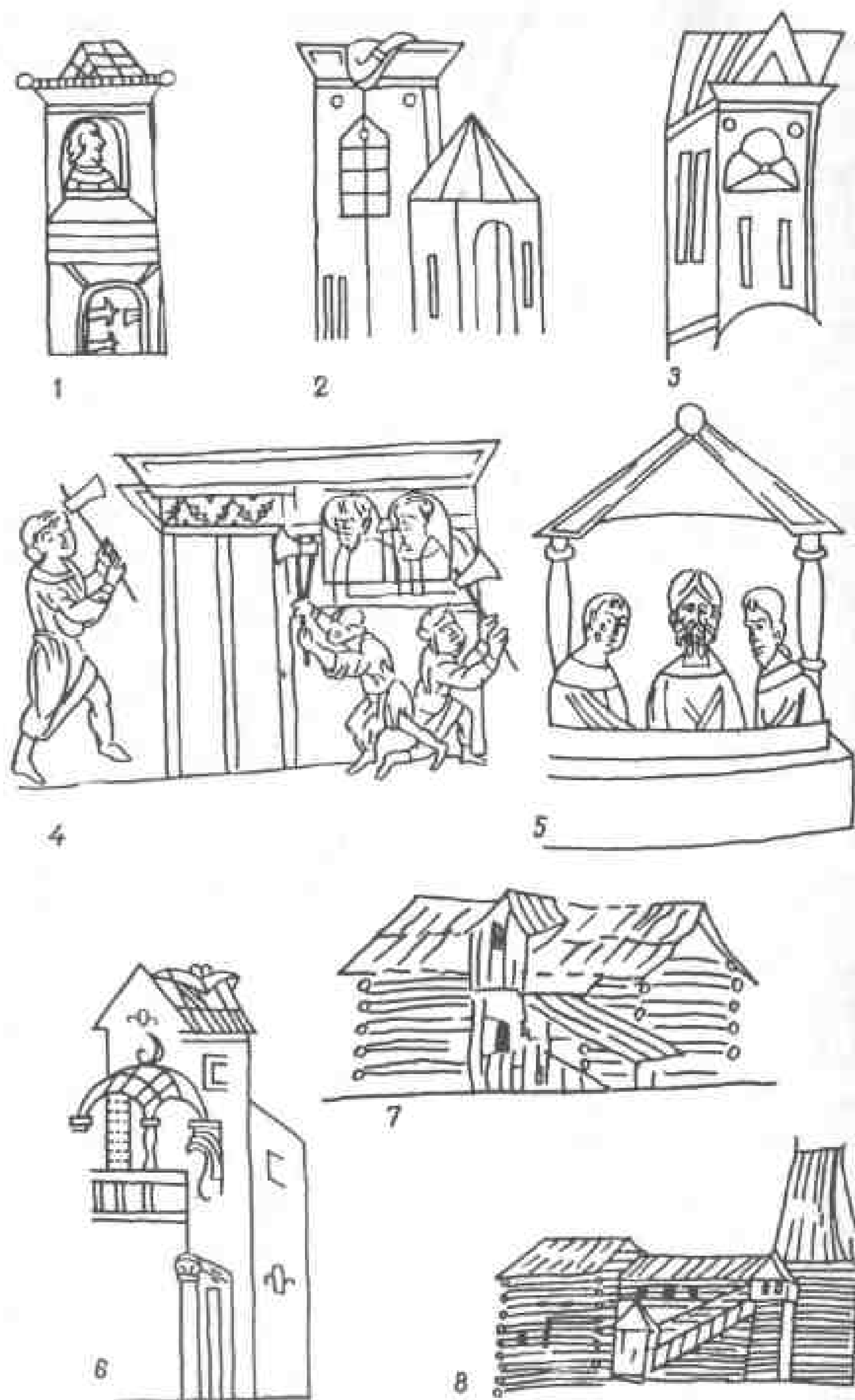

Рис. 115. Изображения башен, галерей и крылец в зданиях дворцового типа (аналогии к постройкам 14-Б-1 и 14-Б-3): 1 — дом на подклете с арочным проемом наверху. Радзивиловская летопись; 2 — здание с косищатым окном и шатровая постройка. Миниатюра Спасского Евангелия. XIII в. (Ярославль, историко-архитектурный музей-заповедник); 3 — башня с восьмигранной крышей и трехлопастным "красным" окном (там же); 4 — сенн с крыльцом на столбах (Радзивиловская летопись); 5 — крыльцо на столбах с причелниками. С иконы XIV в.; 6 — дом с косищатым окном, высоким резным крыльцом и лемеховой кровлей. Царковские двери из коллекции Н.П.Лихачева. XIV в. (Гос. Русский музей); 7 — двухэтажный дом с крыльцом и светелкой над сенями. Из книги А.Мейерберга; 8 — сельские боярские хоромы на подклете (там же).

Рис. 116. Постройка 14-Б-3 в процессе раскопки. На первом плане — клеть с раздавленными амфорами на полу, на втором — изба с развалом большой печи. Вид с юго-запада.

Постр.3. По архитектурному облику вполне вписывается в "аристократический квартал", открытый на р.14. Она предшествовала постр.1 и частично разрушена ею (табл.46). Среди археологически исследованных древнерусских жилищ и это здание, стоявшее возле несохранившихся укреплений, не имеет аналогов.

Нижняя, заглубленная в землю часть хором, прямоугольная в плане, 9х4,5 м, членилась перегородкой на 2 неравные части: избу (4х4,5 м, гл. 1 м) с хорошо сохранившейся печью и обширную холодную клеть-кладовую (ок. 5х4,5 м, гл. 1,2 м). Судя по остаткам обгоревших бревен и столбов по периметру дома, облицовка котлована состояла из 4-5 венцов бревен диам. 15-20 см либо забранных в пазы угловых столбов, либо рубленных в лапу. Обнаружены лежавшие в беспорядке обугленные бревна от рухнувших верхних частей дома, завалы обожженной глины, возможно, от наката перекрытия или промазки щелей между бревнами стен. Применение конструкций, характерных для карельских хозяйственных построек, позволяет говорить о служебной роли избы. Ее использовали в зимнее время (наличие большой печи, углубленность помещения для сохранения тепла); здесь же могла жить прислуга.

Печь стояла в юго-зап. углу избы устьем к входу. Она была устроена на глинобитном основании 1,7х1 м, выс. 0,6 м, с настилом из досок под ним; во углах основания врыты 4 столбика (диам. до 20 см, углублены на 30 см). В них были врублены бревнышки, укреплявшие стенки опечка. Доски настила верха опечка, выступая за пределы основания на 25 см, образовывали полочки с сев. и вост. сторон. В глиняный настил пода входили кирпичи; по размерам — 24х19х4 см — и начертанию клейм они аналогичны кирпичам Борисоглебского собора. Не предназначались для печи и фигурные кирпичи с закруглен-

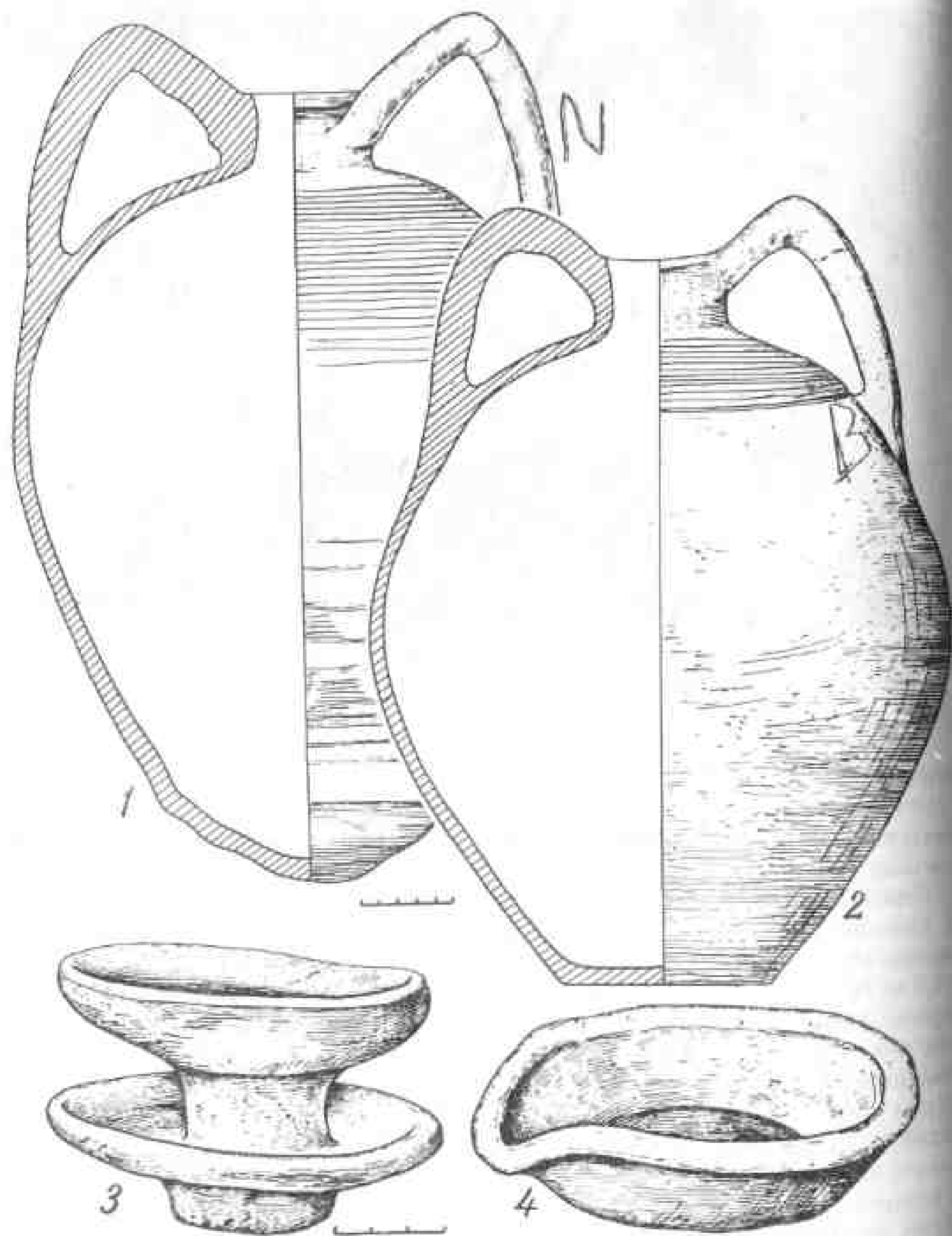

Рис. 117. Керамика из клетки постройки 14-Б-3: 1-2 — амфоры; 3-4 — светильники.

ной стороной. Со столба у сев. стены на зап. стену перекидывалась балка, на ней к печи, вероятно, был уложен настил ("стеля") волатей.

Холодная половина дома служила клетью-кладовой. На ее глинобитном полу толщ. 20 см обнаружено несколько раздавленных амфор, 2 из которых удалось склеить (рис. 116, 117). Это — грушевидные круглодонные или плоскодонные амфоры с сильно расширенным бороздчатым туловом, короткими

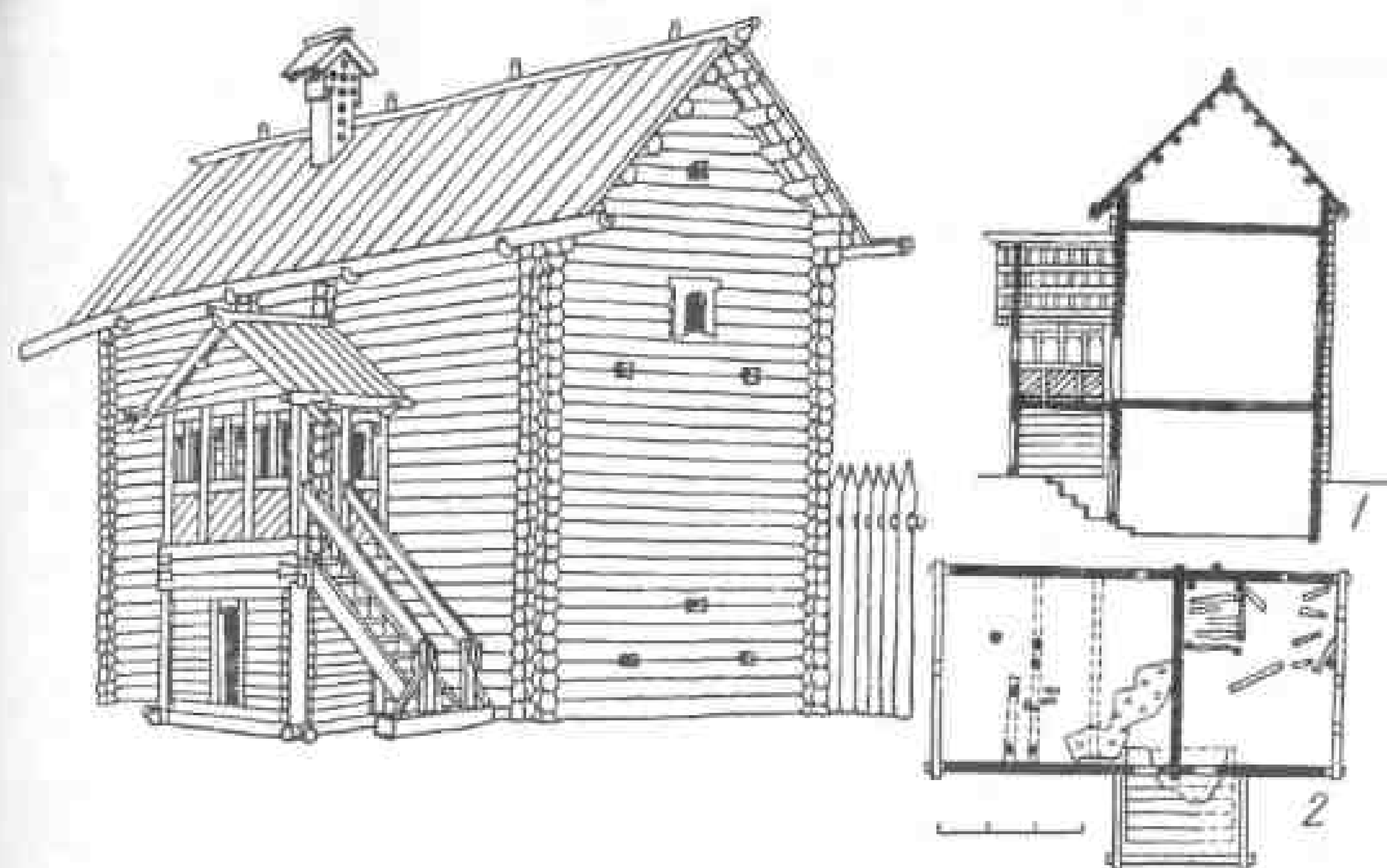

Рис. 118. Реконструкция боярского дома (постройка 14-Б-3). Вид с сев.-востока. 1 — разрез, вид с севера; 2 — реконструктивный план нижней части здания.

почти не выраженным горлом без венчика, с высоко поднятыми дугообразными массивными ручками. Цвет черенка интенсивно красный и оранжевый. В основании ручек буквенные граффити. Такого рода амфоры, преобладавшие в слоях Херсона XIII в., служили там основным видом домашней тары для хранения зерна и мелкой рыбы (хамсы)⁷³. В Рязань их привозили из городов Таврики. Остальная керамика на уровне пола избы и клетки относится к п. трети XIII в. Кроме горшков, найдены светильник с носиком п. п. XIII в., двухъярусный светильник из двух сферических чаш (рис. 117).

В некоторых местах постройки прослежена береста: для изоляции от влаги ею обертывали концы врытых столбов, бересту подкладывали и под нижний венец сруба.

6 ступеней с вост. выс. 20 и шир. 30 см отмечают место входа в избу и рядом — в кладовую. Предпоследняя ступенька представляет собой узкую площадку перед дверями шир. 60 см, самая нижняя находится уже в помещении. Ступени, очевидно, имели деревянную обшивку. Для защиты от дождя и снега вход скорее всего представлял собой глухой притвор с дверями по оси ступеней. Отсутствие ям от столбов позволяет реконструировать его в виде сруба выс. не менее маховой сажени (1.76 м) со стандартными дверями размером 1,3х0,7 м⁷⁴. Этот срубик одновременно служил рундуком крыльца для входа вдоль фасада нижней избы на 2-й этаж (рис. 118). Настил рундука определяет отметку пола горницы на выс. ок. 3 м от пола кладовой. Существование парадной горницы в юж. части хором подтверждается наличием 2-х столбов посередине клетки-кладовой, которые могли поддерживать балку, несущую печь. Судя по кускам обугленных бревен (от опечка?) и завалу обожженной глины, печь, рухнувшая в клеть, стояла в сев.-зап. углу горницы (табл. 47). Возможно, как в московских боярских хоромах XVI-XVII вв., в боярских домах Рязани большие печи ютились в нижних этажах (ср. постр. 1), а

верхние отапливали более легкими печами. Два других столба могли относиться к перегородке, отделившей южн. часть клетки. Одновременно они могли нести балки перекрытия.

При реконструкции 2-го этажа хором уттен значительный перепад высотных отметок потолков горницы и полуземляночной избы, при котором невозможно устройство крыши крыльца. Это противоречие устраняется воссозданием над избой невысокого неотапливаемого помещения. В этом случае 2-й этаж приобретает вид классической триады: горница — сени — повалуша. Пол повалуши лежал выше уровня сеней, следовательно, чтобы попасть в нее необходима лестничка в сенях. Из сеней через люк и лестницу из парадной части здания могли спускаться в заглубленные нижние помещения. Выделение сеней на 2-м этаже продиктовано необходимостью соблюдения традиционных размеров и пропорций помещений, т.к. нижняя клеть-кладовая чрезмерно вытянута.

Судя по осколкам оконного стекла, в парадной части хором были крупные косищатые окна, а в 1-м этаже, вероятно, — волоковые и прорезные проемы с оконницами, затянутыми бычьим пузырем.

Хоромы представляли собой развитую архитектурно-пространственную систему со связями между помещениями как по вертикали, так и по горизонтали, что позволяло обитателям дома вести и совместное и раздельное хозяйство. Сменивший его терем 1, несмотря на перепланировку, при более развитой структуре пространства и эффектных архитектурных формах, сохранил эти особенности.

Перед гибелью здания самое ценное имущество, по-видимому, успели вынести. Из числа индивидуальных находок отметим: перовидное сверло, фрагмент посеребренной шпору (тип IV) с пином в виде четырехгранной пирамиды (XII — п.п. XIII в.), костяную застежку от конских ут, коромысло карманного весов, овальное короткое кресало (с нач. XIII в.), круглую костяную пуговицу с циркульным орнаментом, медвежий клык-амулет, наконечники стрел (2), в том числе бронебойную, с короткой массивной боевой головкой (тип 92, вар.2, в. XII — п.п. XIII в.), стеклянные браслеты (табл.48).

Среди находок в культурном слое вокруг построек на р.14 встречены: сулица с плоским наконечником и овальной в сечении незамкнутой втулкой, наконечники стрел: ромбовидные, с упором и расширением в нижней трети длины пера (тип 40); пирамидальная, ромбического сечения, с круглой шейкой; ланцетовидная ромбического сечения (тип 78, вар.2); треугольная (тип 37); обломок шпору с прорезной дисковидной петлей (XII — п.п. XIII в.), шило, костяная игла, ключи от замков типов Б и В, двусторонний наборный гребень типа Ж, фрагмент пластинчатого браслета с орнаментом в виде плетенки, перстень с овальным щитком (в Новгороде с к. XII в.), шаровидный бубенчик с линейной прорезью (табл.49), шаровидные бусы из горного хрусталя (3).

РАСКОП 15

Расположен в 25 м к вост. от Борисоглебского собора, пл.112 м², начат в 1973 г., закончен в 1974 г. (табл.50).

В первом пласте найдены: часть железной порхлицы (подпятника) от ружного жернова (на Неревском раскопе Новгорода встречены в слоях XII в.), бронзовая игла, обломок стеклянного браслета и 4 наконечника стрел: двурогий срезень с упором (тип 60), шиловидная с простым упором (тип 90), клиновидная вытянутая с обломанным черешком, наконечник редкой формы, напоминающий лавролистный, но суженный в средней части (модификация типа 63). Концентрация стрел в верхнем слое на р.14 и 15, возможно, связана

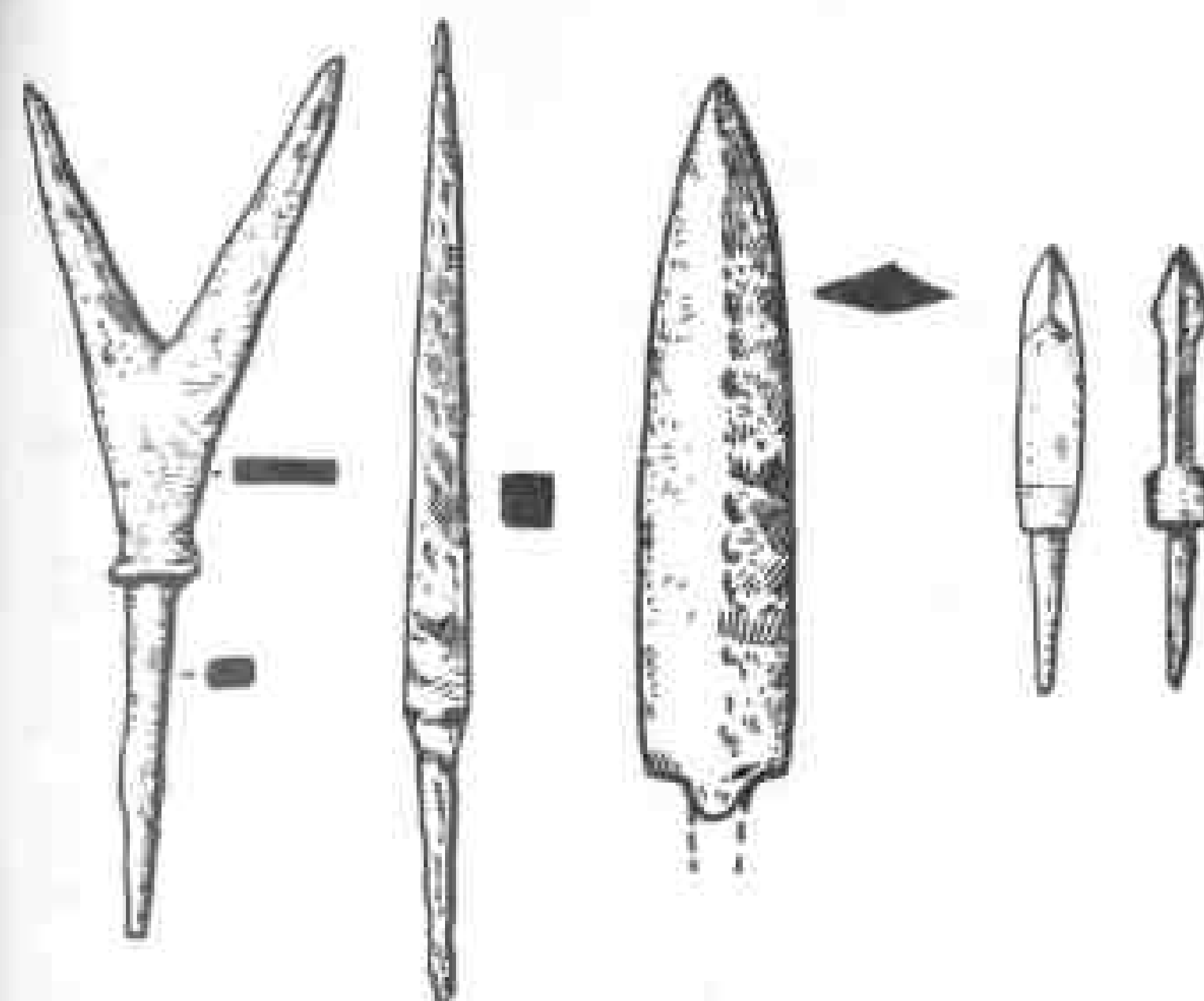

Рис. 119. Наконечники стрел с раскопа 15.

с последним боем с монголами у превращенного в крепость Борисоглебского собора (рис.119).

В юго-вост. части раскопа открыт погреб наземного дома, от верхних конструкций которого не уцелело никаких следов (табл.50). О жилом назначении постройки свидетельствует обширный развал упавшей сверху глинобитной вечи 3,2x1 м в южн. части подполья, к ней же относятся обломки кирпича и мелкий известняк.

Подполье квадратное, 2,8x2,8 м, гл. 1,4 м от материка, в его сев.-зап. углу овальная яма-ледник 1,8x1,6 м, гл. 1,2 м ниже подполья. Яма постепенно сужается книзу. В подвал спускались по земляным уступам с юго-вост. стороны.

Находка овального короткого кресала позволяет датировать постройку не ранее нач. XIII в. Керамический материал относится ко в.п. XII — п.п. XIII в. Из заполнения подполья происходят 2 широколезвийных тонких ножа, маленькое шиферное пряслице, желтая зонная бусина.

РАСКОП 16

Расположен в 20 м к вост. от р.14, к югу от Борисоглебского собора, пл. 100 м², начат в 1973 г., закончен в 1974 г.

До гл. 0,5 м — слой в.п. XUI в. с незначительной примесью вещей домонгольского времени (шиферные пряслица, стеклянные браслеты).

Никаких построек не обнаружено. В одной из круглых ям гл. 0,8 м от материка найден горшок с волнистым орнаментом по плечикам и тулову и клеймом в виде свастики на дне; по отогнутому наружу венчику с бороздкой по внутреннему краю датируется к. XII — п.п. XIII в. К ювелирному инструментарию относится бронзовый пинцет на колечке. В нижнем горизонте культурного слоя — скопление железных предметов: 2 стремена типа X (не ранее XIII в.), подпружная пряжка, 2 крепежных цепи со звеньями овальной формы и одним звеном из длинного стержня со сварными петлями на концах (табл.51). В Новгороде особенно много ценных наборов в слоях XIII — XIV вв.

Расположен в 50 м к сев. от р.13, близко подходит к зап. склону городища, пл. 1100 м², начат в 1974 г., закончен в 1979 г.

Начало работ на раскопе связано с находкой клада серебряных украшений, распаханного по площади ок. 6х6 м⁷⁵.

Большую часть раскопа на пл. ок. 830 м² занимает усадьба А с многочисленными постройками. Из состава находок следует, что по крайней мере один из хозяев двора был зажиточным ремесленником. Вместе с помощниками мастер занимался изготовлением украшений из цветных металлов. Несколько жилых домов на усадьбе свидетельствуют о многочисленности ее обитателей, вероятно, связанных родственными узами. Кому-то из них принадлежали дорогие украшения клада, обнаруженного в центральной части двора, к зап. от постр. 5.

Находки в 1-2 пластах: обломок перовидного сверла (?), ножницы по металлу, наконечники стрел: двуугольный срезень с упором (тип 60), пирамидальная, с массивной короткой боевой головкой и перехватом у черешка (тип 91), обломок шпоры типа IV, костяное навершие плети типа III, 2 подпружные пружки — кольцевидная и полукольцевидная, фрагмент костяной рукоятки ножа, пружинные ножницы (табл.53). Среди принадлежностей одежды и украшений упомянем: 2 височных кольца из разрушенных погребений — трехбусинное (серед. XI — н.п. XII в.) и однобусинное (XI в.), монетовидную привеску с изображением креста, (каменная форма для отливки таких привесок найдена на Водянском городище), 2 булавок с кольцевидными подвижными головками (в Новгороде основная часть таких булавок — в слоях к. XII — н.п. XIII в.)⁷⁶, перстень пластинчатый широкосрединный решетчатый с крестом в центре, перстень, плетеный из 4-х проволок, перстень с прямоугольным щитком и стеклянной вставкой (подобный перстень в Новгороде датируется XIII в.), перстень массивный литой с квадрифолийным щитком (в Новгороде близкие по форме перстни обнаружены в слоях 30-60-х гг. XIII в.), маленькую поясную пряжку, не законченную отделкой, пряжку с овальной рамкой и удлиненным приемником для ремня. Отметим находку амулета — медвежьего клыка с не законченным отверстием (табл.53,54). Среди бус: сердоликовые бипирамидальные (3), из горного хрусталя — шаровидная (1) и бипирамидальная (1), крупная (дл. 3,5 см) эллипсоидная бусина из породы типа кремня (определение Ю.Л.Орлова), крупная (дл. 3 см) рыбовидная бусина из янтаря; стеклянные: шарообразные охристые (3), зонные желтые (5), фиолетовая и светлозеленая, зонная тройная, синяя кольцевидная с росписью желтыми пятнышками, вероятно, византийского происхождения, шарообразная мозаичная с включением зеленой, красной и желтой крошки. Призматическая шестигранная бусина с окаймленными красными глазками в углах и посередине каждой грани (не позднее XI в.), видимо, происходит из разрушенного погребения.

Кроме многих типов бус, к привозным венцам относятся вставка каплевидной формы из бирюзы (Иран, Нишапур), вероятно, от сережки; фрагменты иранских лютневых кувшинов, ваз и чашек с узорами, типичными для рейских растительных арабесок, датируемые ок. середины XII в. (4).

Найдена печать новгородского князя Святополка Мстиславича (1142-1146 гг.) Л.с.: изображение Иоанна Предтечи в полный рост; О.с.: изображение св.Федора в полный рост (рис.11,1)⁷⁷.

Постр. 1. Представляла собой сложное в плане жилище, включавшее ряд помещений в отдельных членениях и пристройках; археологически она прослеживалась в виде 4-х самостоятельных построек различной конструкции, обрамленных столбовыми ямками и длинными канавками, образовавшимися при расчистке нижних сгнивших бревен. Реконструкция плана с заливкой тушью ямок и следов от бревен показала, что все помещения расположены в единой системе прямоугольных координат, являясь частями одного большого дома, уникального для домонгольской деревянной архитектуры (табл.55).

В основе постройки — трехкамерное жилище (связь) с жилым и хозяйственным помещением по обеим сторонам средней части дома — сеней (у великорусов: изба — сени — клеть; у украинцев: хата — сени — комора).

Габариты сруба избы в вост. части дома (6х5 м) определены по следу бревна с юга и положению сев.-вост. углового столба примыкающих сеней. Под избой расчищен обширный подвал (гл. до 2,5 м). Вверху почти равное по площади наземной части, подполье сужается ступеньками до правильного квадрата 3х3 м. Его стенки были забраны плахами толщ. до 10 см, входившими в пазы угловых столбов. Судя по обгоревшим доскам на гл. 2,1 м и разрезам котлована, подвал имел дощатый пол; под ним вырыли неглубокую дренажную яму, предохранявшую погреб от сырости. Ступенчатая облицовка вост. и южн. стен подполья образовывала полки для размещения припасов. Вероятно, вниз спускались по лестнице через люк в полу избы (см. разрез). В приподнятых над землей венцах подпольной части избы должны были быть продухи и окна для освещения. Остатки сильно разрушенной глинобитной печи открыты на уровне материка в юго-вост. углу избы: подковообразное пятно обожженной глины обращено устьем шир. 1 м внутрь постройки (табл.56,1). На гл. 1,4 м в зап. части погреба обнаружен развал второй рухнувшей сверху печи (?) вместе с кусками обгоревшего дерева. Возможно, это указание на существование двух отапливаемых помещений, расположенных друг над другом.

С зап. к избе примыкали сени 5х4,2 м и гл. подсенья до 0,8 м. Судя по двум ямам от опорных столбов, с сев. к сеням пристроили обширное крыльцо, по оси которого прорубили дверь (табл.55,2). Незначительная глубина подсенья и наличие крыльца указывают, что пол сеней находился не ниже 6-го венца относительно уровня земли (на 1,2 м). При том же уровне пола в избе гл. подполья достигала 3,5 м.

К зап. от сеней, примыкая к ним, находилась прямоугольная наземная клеть 5х3,3 м с земляным полом (рис.120). План помещения выявлен при расчистке темных полос от нижних бревен стен и ямок от столбов (шир. полос до 20 см, гл. до 15 см, гл. ям до 20 см). Вход в клеть шир. 1 м, видимо, располагался между двумя столбами в сев. стене. Прорез имел двустворчатые дверцы или воротное полотнище. Для подъема из клетки в сени, судя по паре несущих столбов, вероятно, устроили лестницу. Здесь же, в сев. стене, могли прорезать волоковое оконце для освещения лестницы. Два столба у короткой зап. стены можно принять за следы рубленых яслей. Во всяком случае, слабо освещенное помещение, лишенное вещей находок, использовали в хозяйственных целях (на одном из вариантов реконструкции на табл. 56,2 вместо лестницы показана рубленая лавка, внутренняя отгородка отсутствует).

Жилые постройки трехкамерной связи (изба — сени — клеть) X-XV вв. открыты в Новгороде⁷⁸. По размерам большие трехкамерные дома новгородских владельцев усадеб (от 15 до 22 м) сближаются с рязанскими хоромами (дл. трех камер 15 м), но открытие остатков крытого двора, примыкавшего к клетю и

Рис. 120. Клеть трехкамерного дома на раскопе 17 (постройка А-1). Вид с севера. Внутри расчищено кольцо канавки от ограды более раннего погребения. На заднем плане — остатки стен хозяйственного двора.

сеням, и 3-х пристроек с юга доказывают архитектурную сложность исследованного здания. Это наиболее развитое из доселе известных хоромное строение домонгольской Руси, где все компоненты органично связаны в единое сооружение (рис. 121). Дл. дома владельца обширной усадьбы А с вост. на зап. достигает 19 м, наибольшая шир. — 12 м, пл. — свыше 160 м².

Очертания П-образного крытого двора восстановлены по следам нижних бревен diam. 20 см от южн. и зап. стен, перемежающихся ямами от столбов. Сев. стена определена по столбовым ямам. Южн. стена идет параллельно клетю в 2-х м от нее, западная отстоит от клетки на 4 м. Таким образом, зап. часть дома представляла собой два трехстенных сруба. Разделявшая крытый двор стена со столбами (по оси здания) поддерживала князевую слегу двускатной крыши. Сев.-зап. и юго-зап. углы двора рублены в чашку с остатком, что обеспечивало жесткость и устойчивость конструкции, сев. и южн. стены каркасные. При этом столбы, в пазы которых входили горизонтальные бревна, одновременно служили опорой покатных слег крыши.

Судя по следам сгнивших бревен и столбовым ям, к южн. стене дома примыкали 3 прямоугольных пристройки. В средней вырыта трехступенчатая яма гл. 2,2 м; из дома в эту прямоугольную (3,5x3 м) пристройку вел вход со стороны сеней. Возможно, она служила отхожим местом. Как на Неревском раскопе в Новгороде, оно устроено за задней стеной дома, подальше от главного входа с крыльцом⁷⁹.

Правомерны 2 варианта реконструкции хором (рис. 121). Поскольку крытый двор, пристройки под односкатными крышами и крыльцо создают сложность с освещением сеней и клетки, то основные объемы здания получили развитие в высоту. При минимальной высоте хозяйственного двора в пре-

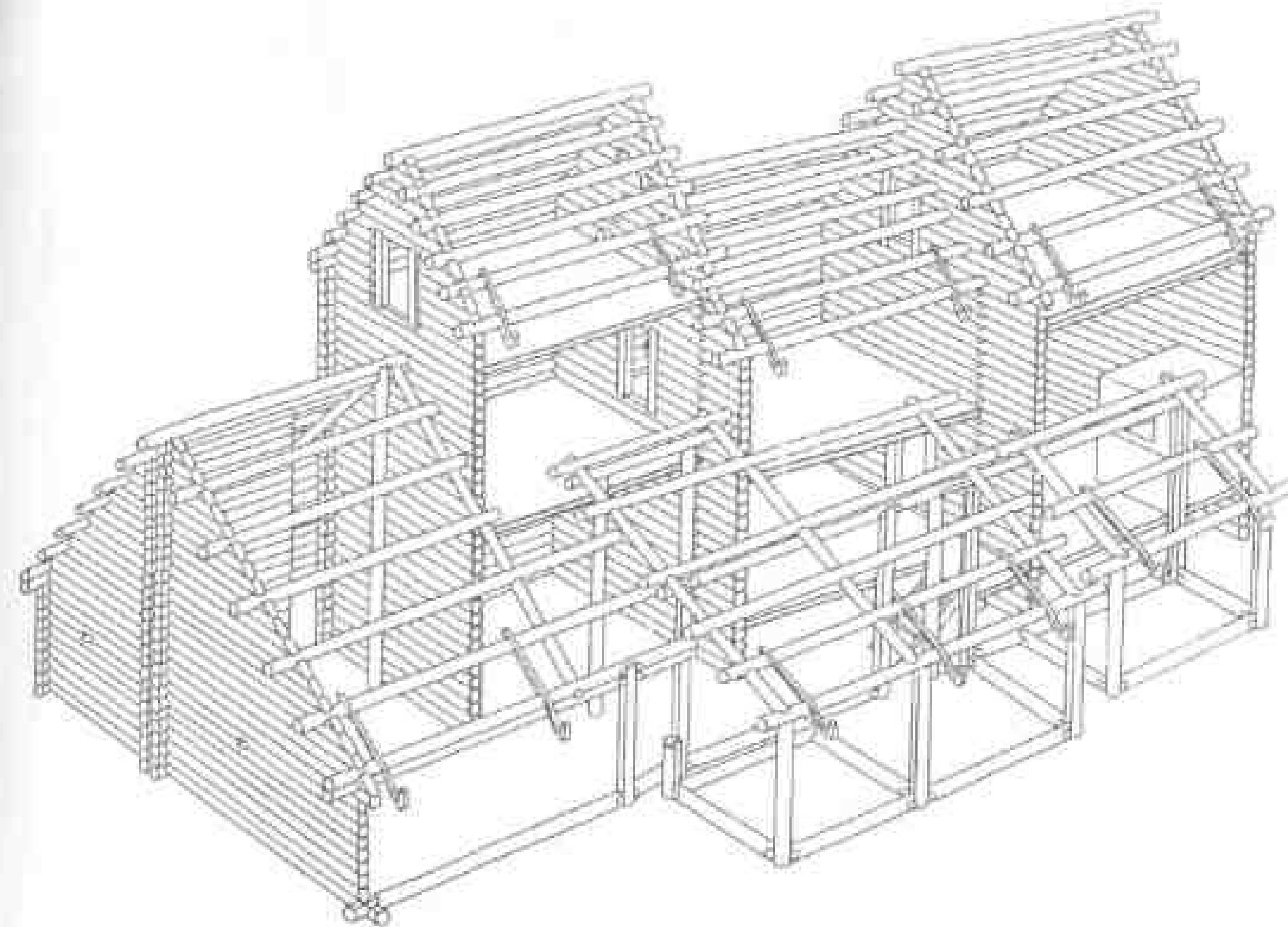

Рис. 121. Реконструкция большого трехкамерного дома с крытым хозяйственным двором и пристройками с юга (17-А-1).

харшиную сажень необходимо устройство в клетю второго этажа с подъемом на него по лестничке в сенях. О перепаде кровель свидетельствуют 2 стоящих рядом столба в южн. стене двора. Вероятно, один из них был связан балкой со столбом у стены клетки. Здесь могла находиться перегородка, отделявшая хозяйственную часть дома с клетю и крытым двором от жилой избы с сенями. В средней части дома стрехи крыш сеней, двора и пристройки с ямой также повышались друг над другом, что обеспечивало правильный водосток и освещенность помещений. Расположение двускатных и односкатных крыш объединенных на разных уровнях в единый комплекс строений создавало живописность общей композиции хором. В 1-м варианте реконструкции предусматриваем избу на подклете (подызбице) и повалушу на клетю; во 2-м варианте здание приобретает еще 1 этаж: над избой возводится горница (что как будто подтверждается развалами 2-х рухнувших печей), а над повалушей — терем-светлица.

Открытие рязанских хором позволяет утверждать, что этнографический тип среднерусского дома с крытым одноярусным двором восходит по крайней мере к домонгольскому времени. Рисунки и планы с изображениями подобных построек ("Путешествие в Московию" А.Мейерберга; план Тихвинского погоста) относятся только к XVIII в. (рис. 122, 123)⁸⁰. В XIX-XX вв. среднерусский комплекс жилища с крытым одноэтажным двором, где сведены под одну кровлю необходимые для хозяйства семьи помещения, сообщавшиеся между собой, распространен в Псковской, Ленинградской и Новгородской областях, в большей части Тверской, в южной части Ярославской и Костромской областей, в северной части Ивановской и в Нижегородской области, до-

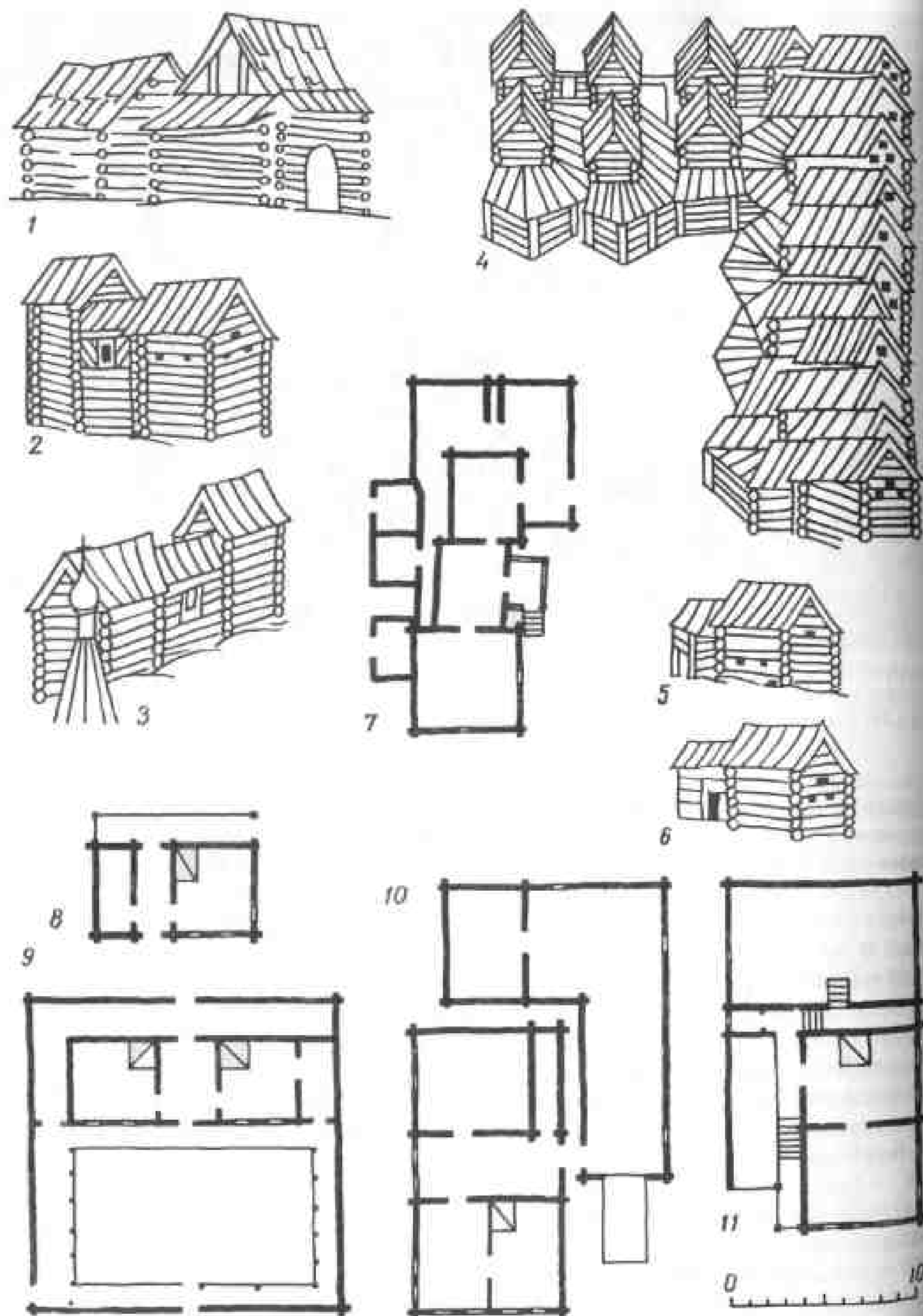

Рис. 122. Аналоги хоромам, открытым на раскопе 17 (постройка А-1): 1 — жилой дом с прилегающим хозяйственным двором. Из книги А.Мейерберга; 2-3 — изба — сени — повалуша. Чертеж Тихвинского погоста, 1678 г.; 4 — сельские хоромы с обстройкой крытыми хозяйственными дворами (там же); 5-6 — избы с крытым хозяйственным двором (там же); 7 — постройка 17-А-1. Реконструктивный план; 8-9 — типа "тракт" (хором). Ивано-Франковская обл., вторая половина XIX в.; 10 — план дома Бибина в д. Село Каргопольского р-на Архангельской обл.; 11 — план дома Ковалева в д. Чистово Мстиславского р-на Новгородской обл., XX в.

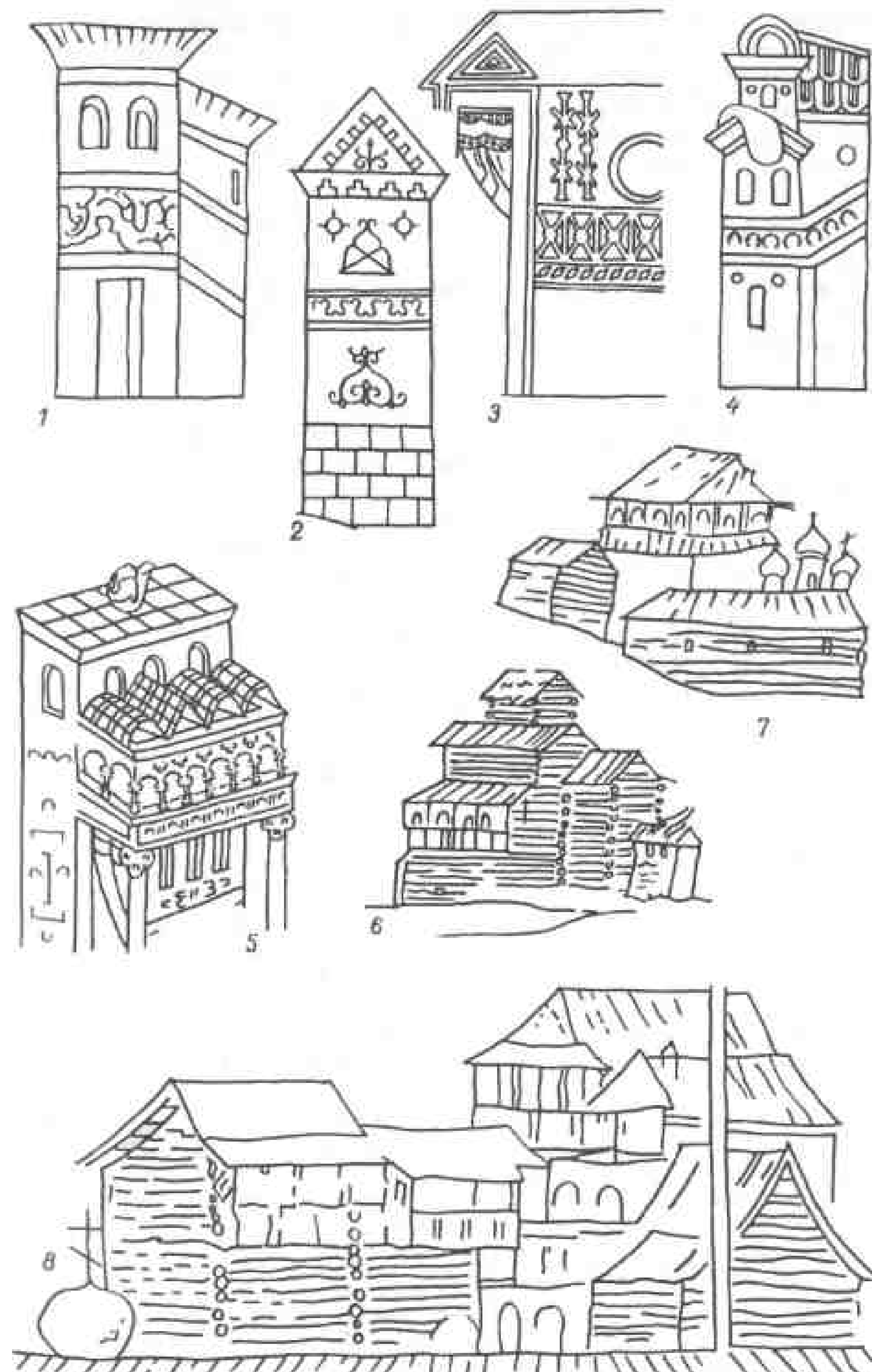

Рис. 123. Аналоги к зданиям усложненной планировки на раскопах 14 и 17: 1 — дом на подклете с галереей. Радзивиловская летопись; 2 — дом на каменном подклете с галереей и трехлопастным окном. Роспись храма Спаса на Нередице, 1199 г.; 3 — дом на подклете с закрытой галереей. Роспись Софийского собора в Киеве, XI в.; 4 — крытая лемехом повалуша с галереей. Миниатюра из Хроники Георгия Амартола, XIV в.; 5 — зрочная деревянная галерея на столбах. Багнощенное. Икона-таблетка из Софийского собора в Новгороде, конец XV в.; 6-8 — городские и сельские хоромы XVII в. Из книги А.Мейерберга.

ходя до р.Ветлуги на востоке, и встречается в северных частях Московской и Рязанской областей. При всем разнообразии способов присоединения двора к дому этнографические аналоги имеют ряд общих черт с рязанской постройкой: из избы и сеней попадали в крытый двор, не выходя наружу; иногда двор был шире жилой избы, но ниже ее и под односкатной крышей, мог быть одинаковой высоты с избой. При однорядной связи дома и одноярусного двора срубные хлевы для скота стояли на дальнем от избы конце, клетки и другие чистые помещения примыкали к избе. Вход в избу вел через крыльцо, пристроенное сбоку к сеням. Во всех разновидностях среднерусского одноэтажного двора, его покрытие покоится на солидной столбовой конструкции, пространство между боковыми столбами, за исключением мест, занятых наружными (срубными) стенами теплых хлевов, забрано горизонтальными бревнами, концы которых заведены в вертикальные пазы⁴¹.

Находки в постр.1 сконцентрированы в сенях и заполнении подполья избы (табл.54,57). К ювелирному инструментарию относится пинцет. Крестовидная бронзовая матрица с трехлепестковыми кривыми (лилеиными) концами и плоской оборотной стороной предназначалась для тиснения полых серебряных подвесок к ожерелью, подобных обнаруженной в кладе у с.Кресты Тульской губ.⁴² Найдены обломки тигельков-лячек (2), кусочек бронзы из литейной формы, несколько кусочков свинца, гирия для взвешивания металла.

К числу уникальных украшений относятся ажурный серебряный крест, происходящий из юго-восточной Прибалтики и бронзовый печатный перстень с углубленным изображением барса или льва на круглом щитке (рис.43,3,4).

Среди других вещей отметим рыболовный крючок с зубцом и петелькой, фрагмент сосуда из листовой бронзы с отогнутым наружу краем, двусторонний цельный гребень типа Л, монетовидную литую привеску с ободком в виде ложной зерни, костяной крестик-тельник, подражающий металлическим образцам, перстни широкосрединные решетчатые (2), бронзовые и железные поясные пряжки, в том числе прямоугольную (в Новгороде характерны для слоев XIII в.), кости животных с нарезными линиями на плоских сторонах, хрустальные шарообразные бусины (2). Керамика из нижнего слоя заполнения погреба относится к к. XII — п.п. XIII в., здесь же встречены обломки амфор.

Постр.2 (табл.52,58). Представляла собой избу на подклете, после гибели которой на ее месте построили жилище, углубленное на 30-40 см.

Постройка верхнего яруса, контуры которой прослежены по следам деревянного тлена шир. до 15 и гл. до 20 см, вероятно, имела срубную конструкцию. Она прямоугольная, ок. 5,5х4 м. Судя по остаткам сгнившего дерева, пол был дощатый. Пятно обожженной глины и угля в юго-вост. углу дома обозначает место разрушенной печи. Две столбовые ямки у зап. стены могли относиться к опорам входа. След вост. стены постройки разрушен 2-мя ямами гл. 1,8 м (на дне найдена шаровидная хрустальная бусина) и 1,5 м.

В постр. найдены (табл.60: бронзовая матрица для тиснения рельефных бляшек в виде звериной головы, выделены раскрытая пасть и глаз зверя; стрелопулевидная (тип 102); ключ от замка типа А, инкрустированный медной проволокой; ключ от замка типа В; железное писало с лопаточкой в форме треугольника с зубчиками по краям (тип 4); 2 маленьких толстостенных лепных сосуда, вероятно, для каких-то приправ; обломок семилучевого височного кольца (со в.п. XII в.); привеска прорезная с включенным крестом, отливка местная, т.к. заусеницы на кресте не зачищены (в Новгороде привеска с включенным крестом датируется XII в., они обычны в курганах Северо-Западной и Северо-Восточной Руси XII — XIII вв.); шиферная формочка для отливки таких украшений происходит с Райковецкого городища⁴³. В том же жилище обнаружен серебряный позолоченный перстень с восьмиугольным щитком и овальной стеклянной вставкой.

От постройки нижнего яруса сохранился погреб подклета (ок. 6,5х4 м, гл. 1,6 м), засыпанный плотным глинистым слоем при сооружении верхнего жилища. На дне погреба, у зап.стены — остатки рухнувшей сверху из избы печи: обломки кирпичей, куски обожженной глины, обгоревшие бревна от оштукатурки. В южн.стенке открыт очаг для обогрева погреба в форме полукруглой ниши-подбоя шир. 40 и гл. 70 см. Сев. и зап.стенки погреба повреждены 3-мя позднейшими ямами; местами видны темные следы от сгнивших бревен облицовки. На реконструкции устройство подклета идентично постр.1 (табл.59,1).

На дне погреба найдены: нож с широким лезвием и тонкой спинкой, обломок жернова, фрагменты красноглиняных амфор и кухонных горшков (не ранее п.п. XII в.). Одна из амфор — с расширенным грушевидным туловом, почти не выраженным горлом, с приподнятыми дугообразными ручками (в Херсоне — с XIII в.).

Постр.3. Наземная, срубная, сгорела дотла и прослежена по угольно-зольному прямоугольному пятну 6х5 м (табл.52). В юго-вост. углу дома — развал печи в виде скопления обожженной глины П-образной формы (устьем к сев.). Реконструкция интерьера избы, исходящая из системы расположения столбовых ямок, гипотетична (табл.59,2). Показаны широкая лавка справа от входа, расположенного против печи, полка для посуды, полати с ограждением на высоте ок. 2 м от пола, под полатами устроены еще и "мост" (или нары). Этот вариант реконструкции совпадает с избами типа II (по Ю.П.Снегальскому), соответствующими по планировке современному восточному варианту южн.-великорусского плана. Такая планировка получила распространение в Новгороде в XII-XIII вв.⁴⁴ Рязанская постройка подтверждает предположение, что избы типа II занесены на север выходцами из более южных областей Руси, что подсказывается наблюдениями этнографов над распространением типов крестьянских жилищ XIX-XX вв.

Судя по обнаруженной в доме серии бронзовых фигурных матриц для изготовления украшений и их деталей, он служил жилищно-производственным помещением. Все матрицы, как и найденные в постр. 1 и 2, — литые, с плоской оборотной стороной и мягким, неглубоким рельефом без резких выступов — на лицевой (табл.54,60,61). Среди них: 1) 2 ажурных матрицы для тиснения сердцевидных привесок с крестом внутри, концы креста трехлепестковые лилеиные. Подобная матрица использована для штамповки золотой накладки из рязанского клада 1822 г.⁴⁵; 2) прямоугольная ажурная матрица с двумя трехлепестковыми пальметтами внутри, предназначенная для тиснения узорных накладок. С подобной матрицы оттиснуты серебряные позолоченные нашивные бляшки с прорезным орнаментом в виде пальметок из старорязанского клада 1868 г.⁴⁶ (крестовидная матрица из постр.1 также могла служить для штамповки нашивных бляшек, идентичных найденным в составе того же сокровища⁴⁷); 3) маленькая квадратная матрица с растительным узором находит полное соответствие в 15-и серебряных позолоченных нашивных бляшках того же клада⁴⁸; 4) матрица в форме треугольника также употреблялась для тиснения нашивных бляшек; 2 серебряные позолоченные треугольные бляшки с эмалевыми узорами-городками происходят все из той же рязанской находки 1868 г.⁴⁹. О том, какое место занимали нашивные бляшки из золота и серебра в оформлении парадных облачений духовной и светской знати, можно судить по саккосу московского митрополита Алексия, украшенного золотыми дробницами 2-й трети XIII в.⁵⁰; 5) матрица в форме лунницы, служила для тиснения боковых сторон спяиной из нескольких частей лунницы, входившей в композицию пятилучевого колта и соединявшей-

ся с дужкой; 6) таких колтов входили в состав клада на р.17 неподалеку от постр.3; 6) матрица полусферическая для изготовления частей бусин или полных шариков, спаянных из 2-х половинок; обниси подобных шариков украшают круглые колты, встреченные в рязанских кладах.

К инструментарию ювелира относятся железный пинцет и пробойник, возможно, для пробивания отверстий в нашивных дробницах.

Ювелирная мастерская с набором матриц для изготовления щитков колтов, колодочек для цепочек к ним, узорных бляшек-нашивок на одежду, пояса, конскую сбрую раскопана на Райковецком городище. Помимо других принадлежностей литейно-ювелирного дела, в ней обнаружены чашечка для весов и медная гиришка, пинчики-пинцеты, заготовленные листы гладкого серебра и отгиснутые на матрицах щитки, подготовленные к паянию, золотая лента-полуфабрикат⁹¹. Теперь в Рязани открыт второй комплекс, связанный с деятельностью искусного ювелира, чрезвычайно редкий для археологии древней Руси.

По крайней мере один из обитателей обширной усадьбы на р.17 — мастер высокой квалификации, выполнявший тонкие операции при изготовлении драгоценных украшений. Следы деятельности серебряника обнаружены во всех 3-х постройках и особенно обильны в А-3. Вероятно, ему принадлежали вещи клада из лучевых колтов на цепочках из колодочек, трехбусинных височных колец, биконических бусин, круглого колта. Основное скопление украшений позволяет предположить, что их зарыли на небольшой глубине возле угла хозяйственной постройки 4. Предметы парадного убора могли принадлежать самому зажиточному ремесленнику или же сделаны им по специальному заказу. Обстоятельства находок многих кладов на Старорязанском городище не подтверждают распространенного мнения, что все они принадлежали только представителям социальной элиты: сокровищами обладали и состоятельные ремесленники, особенно златокузнецы, а также купцы, связанные с дальней торговлей — гостями. Это были люди грамотные (находки стилей для письма), они имели возможность приобретать дорогие иранские сосуды с росписью люстром, вино и оливковое масло, привозимое в амфорах из Таврики (под ручкой одной из амфор вырезаны буквенные знаки (табл.62).

Серия матриц с усадьбы 17-А — лишнее свидетельство местного происхождения женских украшений из рязанских кладов — тезис, подтверждаемый и иными наблюдениями.

Другие находки в постр.3: фрагмент бортика литого ланикадила (хореса), украшенный ажурной плетенкой, в промежутках — резные кресты на Голгофе, как на известном хоресе из Среднего Приднепровья⁹² (табл.61); нижняя створка энколпиона киевского типа предмонгольского времени; массивный литой крест с Распятием в высоком рельефе — местная переработка киевского прототипа, выполненная незадолго до 1237 г. (рис.43,1,2); бронзовое писало с лопаточкой, украшенной фигурными вырезами (тип 11, по аналогии с новгородскими датируется в.п. XII — серед. XIII в.); тонкие железные поясные (?) накладки с отверстиями для пришивания; крестик-тельник из серого шифера; литая овальная пряжка с утолщениями на концах; маленький медный гвоздик (табл.61). Из того же дома происходят белоглиняный горшок (по форме венчика и расположению линейного орнамента — со в.п. XII в.); он найден в развале печи; ключ типа В 1 (с нач. XIII в.); 2 пирамидальные стрелы типа 91 с массивной боевой головкой и перехватом у короткого черешка (табл.62).

Постр.4. Хозяйственная, каркасной конструкции, квадратная, 6х6 м, контуры прослежены по ямкам от угловых столбов; как и постр.3, примыкала к северо-западу усадьбы, основные строения которой расположены по периметру двора.

Постр.5. Между постр.2 и 4, прямоугольная, с закругленными углами, вертикальными стенками и плоским дном (3,2х2,8, гл. 20 см). Стенки легкой постройки, по-видимому, были плетневые, в заполнении много угля, 4 крепежных скобы. В сев.-вост. углу — круглое углубление диам. 1 м, гл. 20 см: не исключено, что здесь стояла бочка с медом, т.к. в кладовке найдена медорезка; среди других вещей — овальное кресало (с XIII в.), ключ типа В (табл.65,1-3).

Постр.6. Находилась в зап. части двора, служила кладовкой (табл.63,1). Ее площадь — 8х6 — значительно больше углубленной части, план выявлен по ямкам от вертикально вкопанных жердей — стены были плетневые. Основная часть помещения — 4х3 м, гл. до 40 см, с ровным полом и отвесными стенками. В сев.-зап. части расчищены остатки ларя (?) в виде сгоревшего П-образного ящика 2х1,7 м (шир.плах 6 см), изнутри обмазанного глиной. Дощатый ящик скреплялся гвоздями: вдоль угольных полос лежали шляпками наружу 3 загнутых на концах гвоздя, еще 8 найдены внутри рундука. В этом отделении кладовки найдено много костей животных, обломки амфор крымского происхождения, ушко от ведра, узкие широколезвийные ножи, ключ типа В, круглые железные накладки с заклепками посередине (табл.57). Глиняная промазка стенок предохраняла продукты от сырости.

Постр.7 (табл.64). Вероятно, того же назначения, но заглублена на 1 м, прямоугольная (3х2,6 м), в отличие от большинства построек ориентирована с сев.-вост. на юго-зап. В полу несколько ям гл. до 35 см, вероятно, дренажных, прикрывавшихся крышками. Стены, возвышавшиеся над землей примерно на 1 м, скорее всего имели плетневую конструкцию с глиняной промазкой. В заполнении — керамика (со в.п. XII в.), обломок стеклянного браслета.

Постр.8. С аналогичным устройством стен, квадратная, с закругленными углами, 3х3 м, гл. 40 см, дно плоское, материковое, стенки отвесные. Судя по расположению ямок от кольев, помещение делилось надвое плетневой перегородкой. В сев.-зап. углу на материковом возвышении находился очаг: здесь толстый слой золы и угля, глина прокалена (табл.63,2). Из этой хозяйственной постройки происходят ручка от небольшого ведерка, ушко от котла (табл.65), стеклянные браслеты, зонная желтая бусина, бусина овальная коричневая с двумя желтыми нитями по краям (XII — XIII вв.). Постр.8 ко времени сооружения дома 1 уже была засыпана.

Постр.9. Хозяйственная яма со ступенькой, гл. в юж. части 1 м. В заполнении — керамика с к. XII в., ключ типа В (с нач. XII в.). Неудобное расположение ямы посреди двора позволяет считать, что при строительстве усадьбы ее засыпали.

Постр.10. Располагалась в 2-х м к югу от постр.3 — округлая яма диам. ок. 2 м, гл. всего 25 см, стенки покатые, дно плоское. В заполнении — обломок лячки, шаровидный бубенчик с линейной прорезью.

Постр.11. Примыкает к углу постр.5, она маленькая, квадратная, 2х2 м, в углах были вкопаны столбы.

Постр.12. Также каркасная, вплотную примыкала с зап. к постр.3. Контуры восстановлены по столбовым ямкам в углах и посередине длинных стен, размеры 5х3 м. Помещение служило сараем или хлевом.

Постр.13. Исследована частично: она прямоугольная, длинная сторона 3,4 м, гл. до 1,3 м. На дне погреба (?) найдены фрагмент причерноморской амфоры с высокими ручками и острым дном (рис.106), хрустальная шаровидная бусина.

Постр.14. Полностью разрушена, остатки печи в виде обожженной глины, угля, мелкого известняка находятся рядом с вост. стеной постр.3; под печью — яма неправильной формы гл. до 0,5 м. Печь могла быть и летней, т.е. стоять вне жилища, под навесом.

⁹¹ Даркович В. Н., Горисевич Г. В.

В яме южнее постр.2 найдены пробойник (?) и цилиндрический замок типа Б. Из мелкой двойной ямы возле юго-вост. угла постр.1 происходят 2 пряжки: железная сегментная и прямоугольная двухчастная из биллона (табл.65).

Усадьба Б

Примыкала с сев. к усадьбе А. У сев. границы раскопа — частично разрушенные ямами следы нижних венцов построек, о которых ничего определенного сказать невозможно. Не исключено, что это — остатки заплотных оград.

РАСКОП 18 (табл.66)

Расположен в юго-зап. углу Южного городища, в 15 м от края запада, пл. 116 м², начат в 1975 г., закончен в 1976 г.

Находки в 1-2 пластах (табл.67): ножи с узкой спинкой и широким лезвием (6), рыболовный крючок без зубца с загнутым концом, затыльник рукояти ножа с глазковым орнаментом, стрела пирамидальная квадратного сечения, ключ, фрагмент цепи хороса, аналогичный новгородскому⁶³, обломок одежной булавки с круглым ушком на конце стержня, печатный перстень: на круглом щитке — углубленное изображение сердцевидного цветка (в Новгороде перстни с круглыми щитками получили распространение со в.п. XII в.), серьга из S-видного звена и надетого на него проволочного стержня, обвитого проволокой, бусина на загнутом конце стержня утрачена, стеклянные браслеты (23), винтообразная бусина (в Новгороде — с последней четв. XII в.).

В сев.-зап. части раскопа — большая, неправильных очертаний яма 1, гл. до 1 м. На дне — 2 кирпича 27x18x4 и 24x17,5x4 см — размеры совпадают с кирпичами Борисоглебского собора; из заполнения происходят рыболовный крючок с зубцом, фрагмент булавки с головкой из 3-х кольцевидных лопастей, в которые продевали колечки (в Новгороде — с серед. XII в.), пластинчатый перстень, поясная круглая пряжка, стеклянные браслеты.

Яма 2 для хранения продуктов — овальная, 2,8x2,4 м, максимальная гл. 2,1 м, с вост. и зап. два уступа-полочки. В восточном, на гл. 1,4 м, выявлены 3 ямки диам. 15 см правильной круглой формы, на зап. уступе гл. 0,7 м — 4 таких же ямки гл. до 40 см, служившие для установки амфор. К сев. от ямы прослежен ряд ямок от колышков: хранилище могло перекрываться легким навесом с плетеными стенками (табл.66,1). На гл. 1 м — обугленная плаха шир. 20 см от перекрытия ямы, там же найдены поясное кольцо с накладками и обломок стеклянного браслета.

РАСКОП 19 И РАБОТЫ В ПОСАДСКОЙ ЧАСТИ ГОРОДА

Расположен на Подоле, в 50 м к югу от устья Серебрянки, на мысу. Восточнее раскопа проходит современная дорога от пристани Фатьяновка на Оку. Раскоп (10x10 м) положил начало (с 1975 г.) исследованию густо застроенного в домонгольское время Подола Рязани, протянувшегося широкой — до 200 м — полосой между городищем и Окой. Изучение этой территории затруднено, т.к. она занята усадьбами дер.Старая Рязань и Казакова. Ввиду поздних отложений, культурный слой достигает здесь значительной мощности (на р.19 — свыше 2,5 м). Вероятно, из-за периодически повторявшихся весенних

разливов Оки, когда уровень воды поднимался на несколько метров, постройки в приречной части Подола строили на подклетах, с жильем на 2-м этаже. Об окских разливах — грандиозных половодьях можно судить по прослойкам речного песка в профилях р.19.

Поскольку верхние пласты в течение многих лет перепахивались, в них много поздних перекопов, вещевые находки относятся к разным хронологическим периодам (табл.68,69).

Находки в 1-2 пластах: обломок каменной литейной формы для отливки лезвиевого колта (в отличие от рязанского экз. имитационные формы, связанные с техникой литья "навыплеск", из Кисва⁹⁴, Гродно⁹⁵, Увеса⁹⁶ предусматривали узор из ложной зерни и скани); глиняное рыболовное грузило; двурогий срезень с упором (тип 60); ножи широколезвийные с узкой спинкой (3); шиферные пряслица (2); серьга в виде вопросительного знака, бусинка на ее конце утрачена (XIV — серед. XV в.); стеклянные браслеты (51); сердоликовые бипирамидальные бусины (5); бусина зонная зеленого стекла, шаровидные бусы из горного хрусталя (2).

Большое количество вещей в нижележащих пластах говорит об интенсивности застройки Подола.

Находки в 3-4 пластах: рыболовный крючок; 2 затыльника рукоятей ножей; пружинные ножницы; ключ от замка типа В; 2 двусторонних гребня типа М (XI-XII вв.); шиферные пряслица (8), в т.ч. одно со знаками в виде точечных вдавлений; грушевидная круглодонная амфора, которые преобладали в XIII в. в Херсоне (рис.105); нательный крест с обломанной петлей из мягкого распадающегося камня с канальцем для шнурка; проволочная двуспиральная привеска, обломок витого из 3-х проволок петлеконечного браслета; перстень с овальной вставкой из синего стекла (встречены в Новгороде в слоях от серед. XII до серед. XIV в.). В тех же слоях обнаружены: 2 янтарных крестик-затыльника, свыше 60 обломков стеклянных браслетов, бусины: шаровидная хрустальная и стеклянные — зонные желтые (7), зеленая, фиолетовая, черная, а также винтообразная, рыболовная черная, ребристая, образующая в поперечном сечении розетку, и эллипсоидная гладкая черного цвета со спиральной белой инкрустацией.

Глинистый массив на уровне 4-го пласта у зап. стенки раскопа представляет собой искусственную подсыпку для укрепления постоянно разрушающегося берегового склона.

На уровне 5-го пласта на гл. 1 м у сев. края выявлены остатки жилой постройки в виде глинистого пятна, уходящего в сев. стенку (нивелировочная подсыпка и одновременно — пол дома) (размер с вост. на зап. 4,5 м). Плотная глина толщ. до 0,5 м перекрыта угольно-зольным слоем от сгоревшей избы толщ. до 20 см. В разных частях развала в беспорядке разбросаны обугленные бревна; судя по отсутствию столбовых ям, она была срубной. В юго-вост. углу пятно обожженной глины, вероятно, от печи. Обломки 8 стеклянных браслетов не позволяют датировать постройку ранее 30-х гг. XII в.; в ней найдены 2 шиферных пряслица, шарообразная гладкая бусина с желтой инкрустацией, маленький лепной сосудик цилиндрической формы.

Под пожарищем продолжался культурный слой толщ. до 40 см (6 и 7 пласты), в котором найдены: узколезвийный клиновидный топор (с XIII в.); фрагменты пружинных ножниц (?), костяные проколки (3) и игла; костяная игулка; пряслица из шифера (6); шумящая привеска с 2-мя бубенчиками, характерная для поволжских финнов (XII — п.п. XIII в.); обломки стеклянных браслетов (30). Более ранние вещи в тех же предматериковых слоях представ-

лени подпружной пряжкой с волнообразно изогнутой рамой (не позднее XI в.); 2 ножами с клиновидным лезвием (до серед. XII в.); амулетом в виде привески-ложечки (распространены в курганных материалах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси XI — п.п. XII в., так же датируются в Новгороде)⁹⁷; бусинами: сердоликовой шаровидной (в Новгороде — до 3-й четв. XI в.)⁹⁸; 2-мя бочонкообразными золотостеклянными (до серед. XII в.).

Таким образом, Подол заселили одновременно с основанием города. Ранних слоев при впадении Серебрянки косвенно свидетельствует и значительное число шиферных пряслиц (18): в Новгороде их привоз интенсивно рос в XI в., а максимальный импорт падает на серед. XII в.⁹⁹ Эта закономерность подтверждается и рязанскими материалами: по данным раскопок 1945-1950 гг. из 355 пряслиц только 26 экз. найдены на Южном городище, основная масса приходится на Северное¹⁰⁰.

Путем зачистки обнажений и закладки шурфов в 1976 г. изучалась и южная часть неукрепленного Подола, доходившего до Черной речки. Произведена зачистка п 25 м перед юго-зап. углом вала Южного городища, за частично размытым рвом. Усадьбы Подола подступали вплотную к городским укреплениям. Шир. вертикально зачищенной стенки — 2 м. Верхние напластования толщ. до 0,8 м относятся к XUIII-XX вв., хотя ввиду поздних перекопов содержат, например, стеклянные браслеты. Под ними — слой толщ. до 0,5 м, который по керамике и массивному калачевидному кресалу датируется XUII в. Подстилающий слой толщ. 30 см содержит керамику п.п. XII — XIII в.

Вторая зачистка сделана на месте современного песчаного карьера, на полого спускающейся к Оке надпойменной террасе. Расстояние от Оки — 100 м, от устья Черной речки — ок. 300 м и 150 м к зап. от дороги, которая проходит по древней трассе к Южным воротам. На месте зачистки заложен шурф 3х2 м. В результате обнаружены разрушенные остатки наземного жилища с глинобитным полом, развалом печи, в конструкцию которой входил кирпич. Судя по ряду ямок от колышков, дом разделялся плетневой перегородкой, причем и во втором помещении расширены следы печи (табл. 70, 9). В центре пятна обожженной глины найдены 2 белоглиняных миски.

Жилище погибло в пожаре (слой угля поверх глинобитного пола); найдены обгоревшие зерна хлебных злаков. Постройка датируется по керамике, обломкам стеклянных браслетов в.п. XII — п.п. XIII в. К ней же относились зубило и молоток, аналогичный найденным в Новгороде, ключ к замку типа В-1 (табл. 70).

В 20 м к сев. от устья Черной речки и в 350 м от Оки на огороде обнаружено скопление обломков шифры, в том числе сильно прокаленных (толщ. 4 см). По словам владельца огорода, под слоем земли в 30-40 см находится кирпичная кладка примерно 3х3 м, возможно, основание печи для обжига кирпичей (с в.п. XII в.). У одного фрагмента на торце — часть выпуклого знака в виде косой черты. Расположение для "печи шифряной" удобное: поблизости выходы глиняной, удобный подъезд к городу со стороны Южных ворот, вблизи которых построили два храма.

Работы на Подоле приводят к выводу, что его застройка начиналась с севера, где возник укрепленный город. По мере его территориального роста со в.п. XII в. начал распространяться к югу и Подол, достигнув Черной речки. Ко времени монгольского нашествия его протяженность вдоль Оки достигла 1,6 км.

О густой заселенности Подола свидетельствуют многочисленные случайные находки на крестьянских огородах (табл. 70, 71). Среди них: стрела бронзовая ромбического сечения и стрела с массивной боевой головкой ромбических очертаний (тип 83); застежка от конских пуг; булава с подвижной кольцевидной головкой п.п. XIII в.; шиферные пряслица, в том

числе 2 со знаками собственности: насечками в виде креста и геометрическими знаками; пронизка с петлями от шумящей привески, характерной для поволжских финно-угров; 5 крестиков-тельников: среди них — литая крестовидная привеска с маленькими шариками на концах, трехлопастноконечный крестик киевского происхождения с выемчатой эмалью красного и желтого цвета (XII в.), крестик с трилистными концами и гравированным орнаментом (XII — п.п. XIII в.)¹⁰¹, крестик каменный с фигурными концами ("курсунчик"); относившаяся к поясному набору бронзовая литая привеска-крючок с концами в виде лошадиных головок. Аналогичные крючки для подвешивания к ремню каких-то предметов часты в балтских и прибалтийско-финских древностях XII-XIII вв., в Новгороде обнаружен в слое нач. XIII в.; верхняя часть шаровидного бубенчика; литой перстень с шестиугольным щитком, на щитке выгравирована 5-лепестковая пальметка; товарная пломба со значком в виде триквестра. Многочисленны стеклянные браслеты и бусы, среди них: зонные желтые (2), зонная синяя, рыбовидная синяя, черная шарообразная с бирюзовой спиралью и гладкой поверхностью, эллипсоидная синяя ребристая, образующая в поперечном сечении розетку; к более ранним экз. (по раскопкам в Саркеле — к XI — нач. XII в.) относятся 2 округлые бусины с тремя выступающими желтыми и коричневыми глазками¹⁰². В числе каменных бусин — 2 шаровидные хрустальные, сердоликовая бипирамидальная, крупная эллипсоидная мраморная бусина дл. 4 см.

К сев. и югу от укреплений размещался Посад, а к вост. от города, со стороны "дикого поля", где не было воды, местность была не заселена: культурный слой здесь отсутствует. На сев. посадская часть занимала правые, пологие берега Серебрянки и Оки у подножия "Соколиной горы", где до революции находилась усадьба Стерлиговых. Проведены охранные работы во время рытья подполья жилого дома, в 50 м вверх по склону от бывшей почты, в 230 м к сев. от устья Серебрянки. Зачищены стенки котлована (5х3,5 м); культурный слой добран до материка (гл. 0,9 м), в котором выявлены ямы неправильной формы. Наряду с керамикой в.п. XII — п.п. XIII в. встречена посуда к. XI — п.п. XII в. К тому же периоду относятся и вещевые находки (табл. 70, 71): сулица, или метательное копьё, с кинжаловидным черешковым наконечником, с широким плоским пером (по Новгороду — XIII в.), шиферные пряслица (2); амулет-топорик с оттянутым вниз лезвием, воспроизводящий боевое оружие (XI — п.п. XII в.)¹⁰³. Среди других изделий — костяной нательный крестик с циркульным орнаментом, обломки стеклянных браслетов (5); бусины: зонная голубая и шаровидная хрустальная.

Итак, северная часть Посада возникла одновременно с основанием Крома. Позднее возник Посад на юге, на пологих склонах между укреплениями города и правым берегом Черной речки. Эта территория сильно разрушена глубокими оврагами, захватившими и валы. Здесь случайно найдена уникальная для этих мест медная хорезмийская монета, чеканенная при хорезмшахе Ала ад-дин Текише или Ала ад-дин Мухаммаде, место чекана не обозначено (рис. 124). На монете читается имя аббасидского халифа Ан-Насира, правившего в 1180-1225 гг. (определение Г.А. Федорова-Давыдова). Зачищено обнажение в верхней части оврага, в 10 м от внешней границы размытого рва, в 130 м к югу от р. 22. Дл. стенки — 20 м; культурный слой толщ. до 40 см содержит немногочисленные обломки посуды не ранее в.п. XII в. Под ним до гл. 2 м (а местами до 2,5 м), где начинается материк, залегает плотный, без находок, грунт из чередующихся линзовидных прослоек глины желтого и серовато-желтого цвета: это выброс земли при углублении рва во время строительства или ремонта южной линии обороны. В XIII в. в насыпном

Рис. 124. Хорезмийская монета, чеканенная при хорезмшахе Ала ад-дин Текише

массиве вырыли яму диам. сверху 3,5 м, гл. до 1,3 м. Кроме керамики п.п. XIII в. (270 фрагментов), куса глиняной обмазки с отпечатками грубой ткани, костей животных (60), в заполнении ямы найдены нож с широким лезвием и узкой спинкой, стеклянные браслеты (4), а также подковообразная витая фибула со спиральными концами. Время наибольшего распространения подобных фибул приходится на XIII в.¹⁰⁴

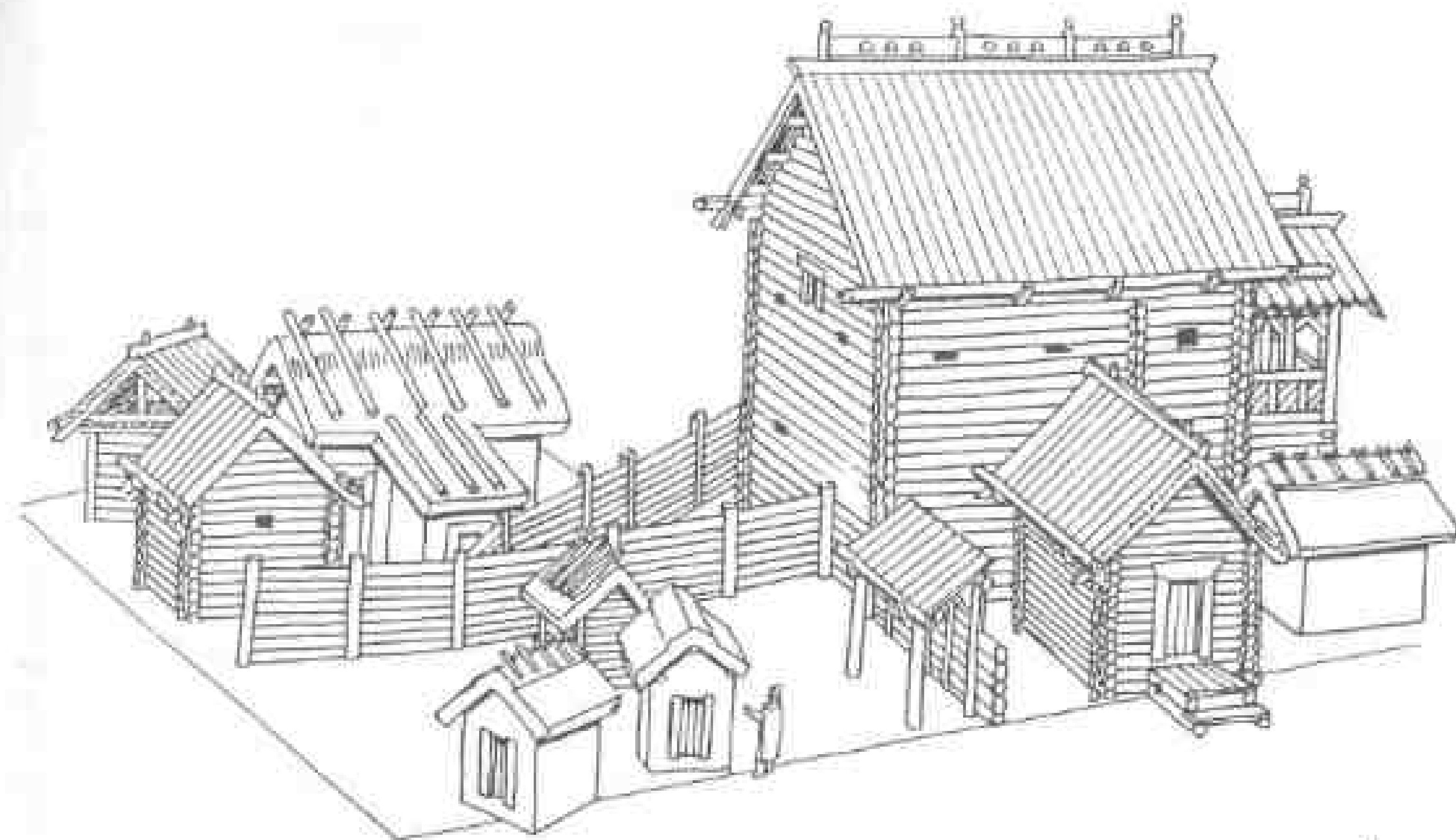
РАСКОП 20 (рис.92,125, табл.72)

Расположен в сев.-зап. части Южного городища, в 40 м от юго-вост. угла Спасского собора; пл. 300 м², начат в 1976 г., закончен в 1979 г.

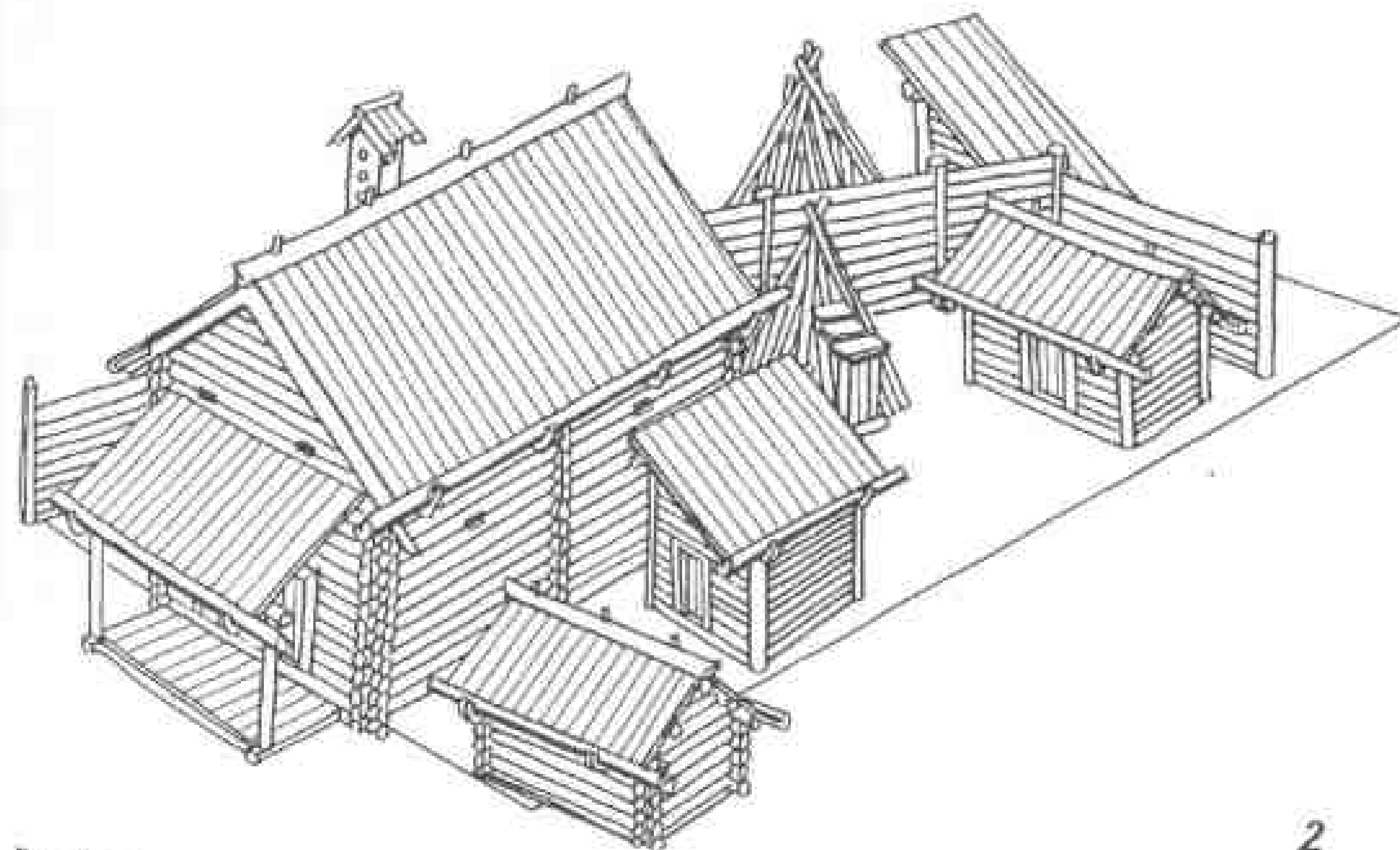
Ввиду близости усадьбы "гребенного мастера", на всей площади раскопа, включая 2 верхних пласта, обнаружены сотни отпиленных кусков кости и рога (преобладают лошадиные и крупного рогатого скота), первичные заготовки: массивные прямоугольные пластины, обработанные спилами и срезами, плоские пластины с утонченными краями, на которых вырезали зубья, почти готовые гребни. К инструментарию костореза относятся долото, перовидные сверла (2), острия (3), резец в виде круглого в сечении стержня с крючком на конце, ножи, токарный резец для внутренней обточки, резец для снятия мездры (?) (табл.73).

Находки в 1-2 пластах (табл.73,74): рыболовные крючки без зубцов (2); стрела ромбовидная (тип 46; обломок стремени (тип IX, серед. XII — серед. XIII в.); ключи к замкам типа В (2); верхняя деталь от лампадки (?). Обнаружены обломки пифоса ок. 1 м высотой, вероятно, херсонского происхождения, XII — XIII вв.¹⁰⁵; у него яйцевидное гладкое тулово и массивный венчик с утолщенным краем (рис.106). В числе других вещей: железная вилка с тисненым узором в виде розетки в центре и концентрических кругов, образованных мелкими кружками; перстнеобразное проволочное височное кольцо; крестик-тельник серого шифера; фрагмент сложновитого браслета; обломок пластинчатого литого браслета с ложносканым орнаментом (п.п. XIII в.); широкосрединый решетчатый перстень; поясная пряжка с фигурным основанием — накладкой на пояс; накладка с 2-мя штифтами в форме "бычьей головы"; книжная застежка (или пряжечка) местной работы. В пахотном слое найдена эллипсоидная золотая бусина с гладкими продольными валиками, выполненными чеканкой; сходной формы золотые бусины обнаружены в Киевском кладе 1876 г. на усадьбе Лескова¹⁰⁶. Среди стеклянных бусин — зонные желтые (3), зеленая и синяя, рыбовидная синяя (аналогичные в серебряных оправках найдены на р.20 в кладе 1979 г.), а также шарообразная мозаичная с включением желтой и бирюзовой крошки.

Судя по полуфабрикатам, 3 двусторонних наборных гребня типа Ж относятся к продукции жившего здесь мастера.

1

2

Рис. 125. Рязанские дворы. Реконструкции: 1 — усадьбы на раскопе 20. Вид с северо-востока; 2 — усадьба на раскопе 22. Вид с юго-запада.

Усадьба А ("двор гребенщика")

Раскопана частично (в пределах раскопа свыше 100 м²), включает жилище костореза, жилище-мастерскую и 2 хозяйственных строения (табл.75).

Постр. 1. Прямоугольная, со слегка закругленными углами, 4,8x2,7 м, углублена на 35 см, стенки отвесные, пол горизонтальный. В сев. углу, где, по-

видимому, находилась дверь, вместо ступеньки — материковое возвышение в виде пандуса. У юго-зап. угла помещения на деревянном опечке стояла глинобитная печь. В развале обожженной глины толщ. до 30 см — обломки кирпичей, возможно, от пода. Глиняную подушку подстилали уголь, зола и древесный тлен от опечка, а слой под ним, толщ. до 20 см, содержа кость животных, рыбу чешую, керамику п.п. XIII в.; здесь же найдены 2 костяных заготовки, нож, железная дужка от ведра. Посередине вост. и зап. стен постройки расчищены ямки (диам. 20 см, гл. 0,5 м) от столбов, которые поддерживали князевую слегу двускатной крыши. С сев. к дому примыкала прямоугольная пристройка 2,2x1,2 м, прослеженная по угольным полосам шир. 20 см.

В заполнении постр.1 обнаружены отходы косторезного производства (5), гребень типа Ж и заготовка для него, 2 ножа.

В числе других находок (табл.77): обломок трехчастной формочки из плотного известняка для отливки трехбусинных ложнозерновых височных колец с воронкообразным литком и двумя гнездами для штифтов; аналогичные имитационные формочки обнаружены при раскопках Киева, в том числе в тайнике под Десятинной церковью, что дает точную дату¹⁰⁷, в Гродно¹⁰⁸, Серенске¹⁰⁹. Из заполнения постр.1 происходят рыболовный крючок, стрела пирамидальная с круглой шейкой (тип 87), фрагмент цилиндрического замка, покрытого тонким слоем меди, ушко от медного котла (?), обломки стеклянных браслетов (2) и перстня. В развале печи найден большой сосуд с низким вертикальным горлом и шаровидным туловом (диам. венчика 18 см, выс. 32 см), видимо, для хранения зерна. Подобные сосуды п.п. XIII в. характерны для Галицкой земли, обнаружены и на Райковецком городище¹¹⁰.

Постр.2 (табл.76). Мастерская гребенщика, находки в ней демонстрируют все стадии обработки кости и рога — от распилки пластин до полуфабрикатов и готовых изделий. Заглубленная на 25 см постр. — квадратная, 3x3 м, пол горизонтальный, стенки отвесные. Судя по отсутствию угловых столбов, постройка была срубной, по площади несколько превышала углубленную часть. Вдоль стен пола облицованная плахами скамья: доски толщ. до 5 см (прослежены по угольным полосам) укреплялись вертикальными колышками. В сев.-зап. углу мастерской хорошо сохранилась нижняя часть печи: кость для размягчения и обезжиривания княжили в щелоче в закрытой посуде. Глинобитное прямоугольное основание печи (1,5x1,2, выс. 0,5 м) укрепили досками, входившими в пазы столбов по сторонам устья, обращенного ко входу. Прокаленный, сильно потрескавшийся под подковообразной формы. К печи примыкала хозяйственная яма со ступеньками гл. до 0,8 м, вероятно, для хранения бытового инвентаря: в ней найдены каменное рыболовное грузило, фрагмент цилиндрического замка, горшок п.п. XIII в. с косо срезанным краем венчика и линейным орнаментом по всему тулову (табл.78,1). Над ямой, прикрывавшейся люком, восстановлены "мост" (нары) и выше — полати.

В мастерской на незначительном пространстве (ок. 10 м²) сконцентрировано очень большое количество костей, рогов (ок. 1000) и производственных отходов. Преобладают трубчатые берцовые, пястные и плюсневые кости коров и лошадей, рога коров, быков, лосей, мясо которых шло в пищу, а кости употребляли для обработки. Взяты образцы полуфабрикатов, разделявшихся на заготовки. Среди них, по определению В.П.Данильченко, кости лошади (первая цифра — количество костей, вторая — количество особей): плюсна — 6, пясть — 4, метаподии — 13, берцовая — 13/9, лучевая — 5, грифельная — 1; крупного рогатого скота (2 быка + 8 коров): стержни рога — 14/6, лучевая — 1, берцовая — 14/10, пясть — 5, плюсна — 12/7 и много мелких обломков метаподий (более 12); лось: стержень рога — 2; козел: стержень рога — 1. Резчик учитывал преимущества рога, который не надо обезжиривать. Пластичный и мягкий, он

легко поддавался обработке в сыром виде, из него получались крупные, однородные по структуре куски.

Всего из мастерской гребенщика происходит свыше 400 обрезанных, обтесанных, обструганных и опиленных заготовок, бракованных, незавершенных или готовых наборных гребней и их деталей, в частности, накладок с орнаментом, нанесенным циркульным резцом, и отверстиями для медных заклепок (табл.79). "Мастер костяных дел" расщеплял трубчатые кости и рога на пластины, заготовкам он придавал плоскую форму после вываривания кости и распрямления ее под сильным прессом. Для получения тонких пластин кость распиливалась вдоль волокон. Из полуфабрикатов мастер вырезал гребни, производя все операции — от предварительной отделки до готового изделия. Для пропилов зубьев он применял пилочку с очень тонким лезвием, подобную найденной в Старой Рязани в числе других инструментов, надетых на колечко¹¹¹. Широкие плоскости гребня после обработки ножами и плоскими строгальными резцами зачищались напильниками. Рязанский "костяник"-профессионал работал на массового потребителя, его продукция, рассчитанная на внутренний рынок, отличается высокой степенью стандартизации: он изготавливал только двусторонние наборные гребни типов Ж и З. Открытие в Рязани усадьбы "мастера костяных дел" свидетельствует об узкой специализации, развитии разделения труда в костнообрабатывающем ремесле в п.трети XIII в. По-видимому, в других видах городского ремесла происходили те же процессы, что подтверждают рязанские мастерские на усадьбах металлургов, литейщиков-ювелиров и др. Для многих городских ремесленников обмен недорогих произведений своего труда становится одним из основных средств существования.

Из постр.2 происходят также: пинцет, петля для подвешивания колчана, рыболовные крючки (2), ключи от замков типа В 2 (2), глиняное рыболовное грузило, ножи (3), стеклянные браслеты (14) и перстни — (4) (табл.78).

Постр.3. Принадлежала к той же усадьбе. Она квадратная, 2,1x2,1 м, гл. 20 см, стенки отвесные, пол горизонтальный. Конструкция этого хозяйственного строения — каркасная: в слегка закругленных углах стояли столбы. В заполнении — обломки горшков п.п. XIII в. (41), 2 костяных заготовки.

Постр.4. Круглая хозяйственная яма диам. 2 м, с вертикальными стенками. На гл. 0,8 м яма сужается (диам. 0,95 м, максимальная гл. 1,1 м). Яма предназначалась для хранения продуктов: в ней — скопление рыбьей чешуи, кости животных (134), в том числе некоторые со следами обработки; кроме многочисленных обломков найден целый горшок п.п. XIII в. В яме найдены: нож, 2 ключа от замков типа В, рыболовное глиняное грузило. На гл. 0,7 м — слой угля от сгоревшего перекрытия.

Сев. граница усадьбы А прослежена по линии столбовых ям.

Усадьба Б

Исследована фрагментарно в зап. части раскопа (табл.72). Постр.1. Представляла собой двухкамерное (?) жилище с глубоким (2 м) подпольем под избой, южная часть которого оказалась вне раскопа (табл.80). От наземных конструкций дома ничего не сохранилось. Вероятно, подызбица была квадратной, со стороной 4,5 м; судя по маленьким ямкам по периметру, ее стены были укреплены кольями. В сев.-вост. и сев.-зап. углах стояли более крупные столбы диам. до 30 см. Слой угля и обгоревшие плахи шир. 15-20 см по дну котлована позволяют утверждать, что пол подполья был дощатый. В сев.-зап.

углу подызбицы — развал рухнувшей сверху печи: скопление обожженной глины, обломков кирпичей и известняковой крошки. Под полом помещения — несколько овальных ям, гл. до 0,8 м. Из сеней в подызбицу вел вход: видимо, спускались по деревянной лестнице, т.к. материковая ступенька шир. 1 м слишком высока. По сторонам входа вкопали столбы, куда входили горизонтальные плахи облицовки шир. 10 см; после расчистки полос от сгнившего дерева по сторонам спуска образовались узкие канавки.

Подполье дома примечательно тем, что в нем спрятали 2 клада: один, скрытый под лестницей, состоял из трехбусинных височных колец и серебряного, с чернью, перстня с крестом в центре щитка, а еще второго клада — лучевые колты и трехбусинные височные кольца — обнаружили в яме в сев.-вост. углу. Часть драгоценностей рассыпалась по полу: перстень с фигурой птицы на щитке и трехбусинные кольца¹¹².

Находки из постр.1 (табл.81,82): железная булава в форме куба со срезанными углами (тип II)¹¹³; костяная застежка конских пут, ледоходный шип для коня; овальное кресало; деталь бронзового хороса в виде трехлепесткового цветка на изгибающемся стебле; маленькая усеченно-коническая бронзовая матрица; ромбический в сечении браслет из массивной бронзовой пластины с сужающимися концами (по Новгороду — к XII — серед. XIII в.); перстень-пластинчатый, с гладким шестиугольным щитком; стеклянные браслеты (2).

Постр.2. Сохранилась плохо (табл.83). Расчищена квадратная яма (1,75x1,7 м) с отвесными стенками, гл. 0,9 м. Судя по ямкам от колышков на дне в углах и по периметру ямы, ее стенки были укреплены шпалом. Возможно, она служила погребом полностью разрушенного наземного жилища. От печи, упавшей при пожаре, остались многочисленные куски обожженной глины, крупные фрагменты кирпичей, известняковая крошка. На дне погребка обнаружен клад, в состав которого входили каменные крестики в серебряных оправах, бусины серебряные и стеклянные в оправах из серебра, каменные и стеклянные бусины¹¹⁴. С сев. к погребу примыкает углубленная на 30 см часть помещения.

Здесь найдены: верхняя часть энколпиона киевского типа, датируемого предмонгольским временем, на обеих створках — погрудные изображения святых; маленькая кольцевидная обоймочка, охватывающая жгут ткани с золотными нитями (табл.84).

Постр.3. Прямоугольная, 2,8x2 м, гл. 0,9 м (зап. стенка раскопа почти совпадает с границей постройки); столбы в углах и кольца вдоль стенок прижимали горизонтальные плахи облицовки (табл.85). Пол горизонтальный, в южн. части несколько овальных углублений до 20 см ниже пола. Постройка хозяйственного назначения. Находки: шило и сильно корродированные железные предметы.

Открыта часть вост. ограды усадьбы Б дл. ок. 5 м; бревна диам. 15 см входили в пазы вертикальных столбов.

Усадьба В

Раскопана лишь ее периферийная часть, почти незастроенная.

Постр.1. Квадратная, 2x2 м, гл. 0,6 м, каркасная (в углах — столбовые ямки). В ней найдены: скобель, обломок цилиндрического замка, бронзовая пластинка с 3-мя отверстиями, мискообразный сосудик н.п. XIII в. с плавной загнутым внутрь краем, бронзовое колечко, обмотанное тонкой проволокой (табл.84), фрагменты иранских расписных сосудов (3), стеклянные браслеты (2).

Постр.2. Хозяйственная, каркасной конструкции, 2,8x1 м, примыкала к зап. ограде усадьбы.

В яме к сев. от постр.1 найдены ключ от замка типа В 2 (с начала XIII в.), заготовка для каменного грузила.

Обширные аморфные выемки гл. 30-40 см заполнены слоем со следами древесного тлена и керамикой к. XI — п.п. XII в. Эти западины нарушили нижележащие погребения: их перезахоронение — одно из объяснений странных скорченных поз лежащих на древнем горизонте скелетов. По антропологическим характеристикам они не отличаются от остальных.

Выходящий за линию оборонительных стен Среднего города культурный слой с керамикой до серед. XII в. говорит о том, что Рязань постепенно заселялась в вост. направлении. При этом могли быть захоронены некоторые погребения.

РАСКОП 22 (табл.86; рис.125)

Представляет собой расширение траншеи в южн. части Южного городища (дл. траншеи с вост. на зап. 110 м, шир. 1 м). Траншея заложена, чтобы предотвратить сток вод, размывающих глубокие, незадернованные овраги с отвесными стенками. Овраги глубоко вклинились на территорию городища, частично уничтожив и отрезав валы. Толщ. культурного слоя от 0,5 до 1 м, что объясняется его смывами по естественному наклону; в нем встречены лишь отдельные черепки посуды к. XII — п.п. XIII в. В этой слабо заселенной части города были разбросаны лишь отдельные усадьбы. В 5 ямах диам. до 1 м и гл. до 1 м, кроме керамики, найдены 5 обломков стеклянных браслетов и зонная синяя бусина; из слоя происходят шиферное пряслице и 2 стеклянных браслета.

На 53-м м от зап. края траншеи обнаружен усадебный комплекс. Он состоял из жилой постройки, разнообразных хозяйственных ям и следов ограды (рис.124). Здесь заложили раскоп пл. 144 м², работы велись в 1977—1978 гг.

Постр.1 (табл.87,88). Подпольная часть избы наземного дома с лестницей, по которой в нее спускались из сеней. Прямоугольная подызбица 5x3 м, гл. 1,3 м имеет сложную конфигурацию. В материковом грунте вырезаны полочки, расположенные на разных уровнях, в полу — дренажные ямы гл. до 0,5 м, прикрывавшиеся досками. Общая шир. избы поверху достигала 4,5 м. Вертикальные стены подполья были облицованы плахами, входившими в пазы угловых столбов, прытых на гл. 0,5 м; у южн. и вост. стен следы обшивки вертикальными кольями. Вход сверху в подызбицу шир. 1 и дл. 2 м устроен в виде нескольких земляных ступеней, обложенных укрепленными кольями досками. Устройство нижней части дома наминает постр.20-Б-1.

Керамика со дна подполья, в том числе фрагменты амфор, датируется к. XII — п.п. XIII в.; тут же найдены обломок жернова, нож, дужка от замка, стеклянные браслеты (7), шаровидный бубенчик с линейной прорезью.

Остальные сооружения на р.22 названы постройками условно, т.к. служили хозяйственными ямами.

Постр.2. Большая колоколообразная хозяйственная яма; верхний диам. — 2 м, нижний — 3 м, гл. — 2 м, возможно, перекрывалась жердями, образующими шатер (табл.86), или же дощатой крышкой. Таким архаическим способом хранения зерна в ямах еще недавно пользовались на Украине, местами в Черниговской и Сумской обл., по р.Десне и Сейму, а также в Курской обл. Ямы выкапывали в глинистом грунте, обыкновенно в форме кувшина, и тщательно замазывали внутри глиной. После заполнения зерном яму закрывали плотно пригнанной крышкой и сверху засыпали землей, а иногда делали еще небольшую двускатную крышу для предохранения от дождя¹¹⁵.

В заполнении ямы найдена уникальная вставка-печатка от перстня из темно-зеленого стекла (рис.44). На лицевой стороне — резное углубленное изображение

ражение всадника с соколом в руке на фоне трех шестилучевых звезд. Фигура охотника и ловчая птица трактованы схематично. Конный охотник с соколом — широко распространенный мотив мусульманского прикладного искусства XI — XIII вв. (Иран, Средняя Азия). На вставке от перстня всадник выступает на звездном фоне, тем самым приобретая астральный смысл. Форма печатки находит аналогии в средневековых геммах мусульманского Востока до серед. XIII в.¹¹⁶

Из ямы происходят: оковка лопаты; витой петлестроительный браслет; загнутый конический пластинчатый браслет с ромбовидным гравированным узором (табл.89). К привозным украшениям относятся фрагмент янтарного перстня, бусины: янтарная зонная и шарообразная мозаичная с включением красной, зеленой и желтой крошки на черном фоне (XII — н.п. XIII в.), 2 фрагмента иранской керамики с ланцетной росписью — флакона и чаши.

Постр.3. Колоколообразная зерновая яма с обвалившимися краями, засыпанная дно, диам. 2,7 м, гл. 1,7 м. В заполнении — нож с бронзовым ограничителем для рукояти, фрагмент шпору типа IV, бронзовая накладка с пунсоным орнаментом, бусины: янтарная рыбовидная и маленькая стеклянная кольцевидная красного цвета (табл.89).

Постр.4. Сдвоенная хозяйственная яма сложной формы (табл.90). К овальной в плане яме (1,15x0,8 м), гл. 2 м с сев. примыкает неглубокий ступенчатый спуск. Материковой перемычкой шир. 0,9 м эта яма отделена от другой овальной ямы, 0,85x0,75 м, гл. 1,6 м, с отвесными стенками и грушевидным расширением у дна. Возможно, перед постройкой дома 1 яму засыпали и поверхность двора с nivelировали, т.к. сверху она перекрыта выбросом материковой глины. Керамика со дна ямы относится к н.п. XIII в. В заполнении — мелкие осколки оконного стекла (6), обломки стеклянных браслетов (3) и перстня, кусочек необработанной бирюзы, витая проволока беймочка с петлями. Двойная яма служила хранилищем для зерна или овощей. Зерно в такой яме с плотно пригнанной крышкой, засыпанной землей, могло сохраняться, не портясь, десятками лет. Над зернохранилищем могли возвести легкий навес.

Постр.5 (табл.91). Овальная, с вертикальными стенками, яма 3,2x2 м, гл. до 1 м (дно слегка понижается к центру). Найдено глиняное рыболовное грузило, керамика н.п. XIII в.

Постр.6. Прямоугольная, с закругленными углами, 1,7x1 м, гл. 0,5 м, с сев. стороны ступенька, с южн. — столбовая ямка. Постройку засыпали глиной при выравнивании площади двора.

Постр.7. Пролонгированная яма хозяйственного назначения, гл. 1,4 м. С сев. ее спускались по трем ступенькам. На дне — столбовая ямка гл. 0,5 м. Как и предыдущая, засыпана глинистым грунтом.

Постр.8. Овальная яма с вертикальными стенками, 2x1,7 м, гл. до 1,2 м. На дне и у стенок зольный слой от сгоревшей деревянной облицовки. Датированная по керамике к XII — н.п. XIII в., предназначалась для хранения продуктов (найденны фрагменты амфор). В заполнении — обломки стеклянных браслетов (2) и шаровидный бубенчик с линейной прорезью.

В 1,2 м к зап. от постр.8 — круглая, с отвесными стенками, яма, диам. 2 м, гл. 2,1 м. Засыпана плотной глиной с серыми гумусными вкраплениями.

Таким образом, ямы 6, 7 и 8 относились к нижнему строительному горизонту и при перестройке усадьбы в п.трети XIII в. были засыпаны. Одновременно вырыли новые, более емкие хранилища для зерна и продуктов. Прослежен след южн. ограды двора в виде темной полосы от сгнившего дерева, шир. до 30 см, гл. до 15 см, протянувшейся на 10 м (на фоне заполнения ям

подобные полосы не прослеживаются). Судя по полукруглому поперечному сечению канавки, забор выстроили из горизонтальных бревен.

Исследования у Борисоглебского собора

Для изучения культурного слоя и возможных построек под развалом рухнувшего храма в 1979 г. заложены 2 разведочные траншеи дл. 26 и шир. 1 м. Они располагались параллельно на расстоянии 5 м друг от друга в направлении вост.-зап., начинаясь от раскопанного в 1948 г. западного притвора Борисоглебского собора и доходя почти до кромки городища. Недалеко от зап. края южн. траншеи врыт геодезический репер. Позднейшие перекопы на этом участке, связанные со строительством храма 1913-1914 гг., побудили начать исследования вокруг собора XII в. именно с закладки траншей. Они насыщены строительными остатками, щебнем от разрушенного храма XII в., частично во вторичном залегании. Культурный слой достигает 1,5 м, слой строительных остатков — до 1,1 м и к краю городища утончается.

Он состоит из кирпичей и их обломков, кладочного раствора, строительного белого камня и кусочков штукатурных растворов с фрагментами фресковых росписей различных цветов. Ввиду их небольших размеров, восстановление фигурных композиций и орнаментов пока невозможно.

Кроме крупных кирпичей, встречены более мелкие (18x12x4); по данным раскопок 1836 г. формат кирпичей стен здания тот же, что и у притворов. Обнаружены обломки фигурных кирпичей, закругленных с лицевой стороны (хорда 14,5 см) — от полуколонн пилястр, а также немногочисленных трапециевидных — от аркатурных поясов (дл. короткой стороны 4,5 см, боковых — 15-17, толщ. 4-4,5 см). В южн. траншее обнаружен фрагмент кладки рухнувшей стены в 14 рядов кирпичей 30x20x4,3 см, толщ. швов 1,5-2 см. Стена покрыта штукатурным раствором толщ. 0,7-1 см. Отдельно найденный трапециевидный кирпич при дл. параллельных сторон 33 и 25 см, боковых — 13,5 имел стандартную для в.п. XII в. толщ. 4,5 см. По размерам основная часть плинфы Борисоглебского собора соответствует массовым типам кирпичей древнерусских памятников в.п. XII в.¹¹⁷ Этому времени не противоречит и техника кладки: порядковая, с гладким плоским швом. Глина для формовки плинфы — местная, гончарная, обжиг низкого качества. По сведениям ТРУАК, в 80-е гг. прошлого века А.В.Селивановым в с.Шатрицы раскопаны "печи плинфяны" для обжига древних кирпичей с сохранившимися кирпичными стенами и сводами.

На горцах некоторых кирпичей Борисоглебского собора оттиснуты рельефные знаки-клейма (рис.126-128). Полагают, что ими отмечали партии кирпича для загрузки печи при обжиге, хотя это не единственное решение вопроса¹¹⁸. Кроме простых знаков, исполненных оттиском с деревянной матрицы, — различных сочетаний прямых вертикальных или наклонных линий, зигзагов, четырехконечных простых и косых крестов, концентрических или расходящихся дуг, многолучевых звезд, — встречены более сложные начертания. Известны знаки, напоминающие латинские цифры Y и YI, латинские буквы, например W, а также совпадающие с буквами кириллицы: Н (иже), N (наш). Если предположить, что партии плинфы помечали системой римских цифр, то в Рязани имеем представительную серию, дополняемую клеймами на кирпичях Чернигова, Смоленска, Гродно: I-1, II-2, III-3, IV-4, V-5, VI-6, VII-7, X-10, XI-11, K-90, M-1000. В Чернигове встречена цифра VIII, в Гродно — L (50). Не было ли среди рязанских и черниговских

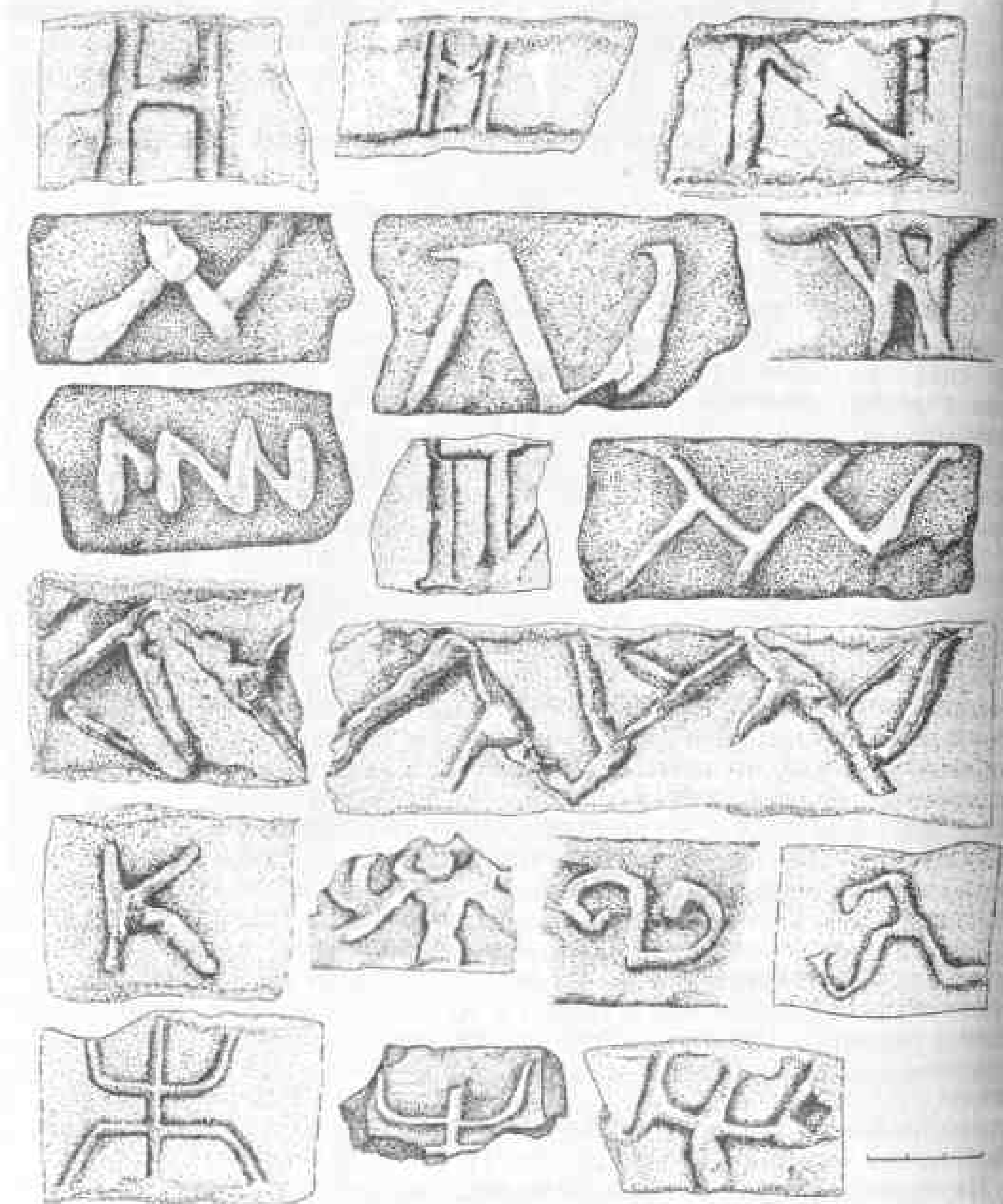

Рис. 126. Знаки на кирпичях.

иниформаторов выходцев из западных земель, входивших в состав строительной артели?

Встречены знаки в виде наконечников стрел типа срезня, вдавленное клеймо в форме треугольника. О связях черниговской и рязанской архитектурных школ во в.п. XII в., помимо всего прочего, говорит сходство знаков на торцах плинф Борисоглебского собора Рязани и памятников Чернигова: церкви Бориса и Глеба, Успенской церкви Елецкого монастыря и др. Самый распространенный княжеский знак на кирпичах черниговских зданий — дуга и в ней вертикальная линия — встречается и на рязанской плинфе¹¹⁸. Подобные

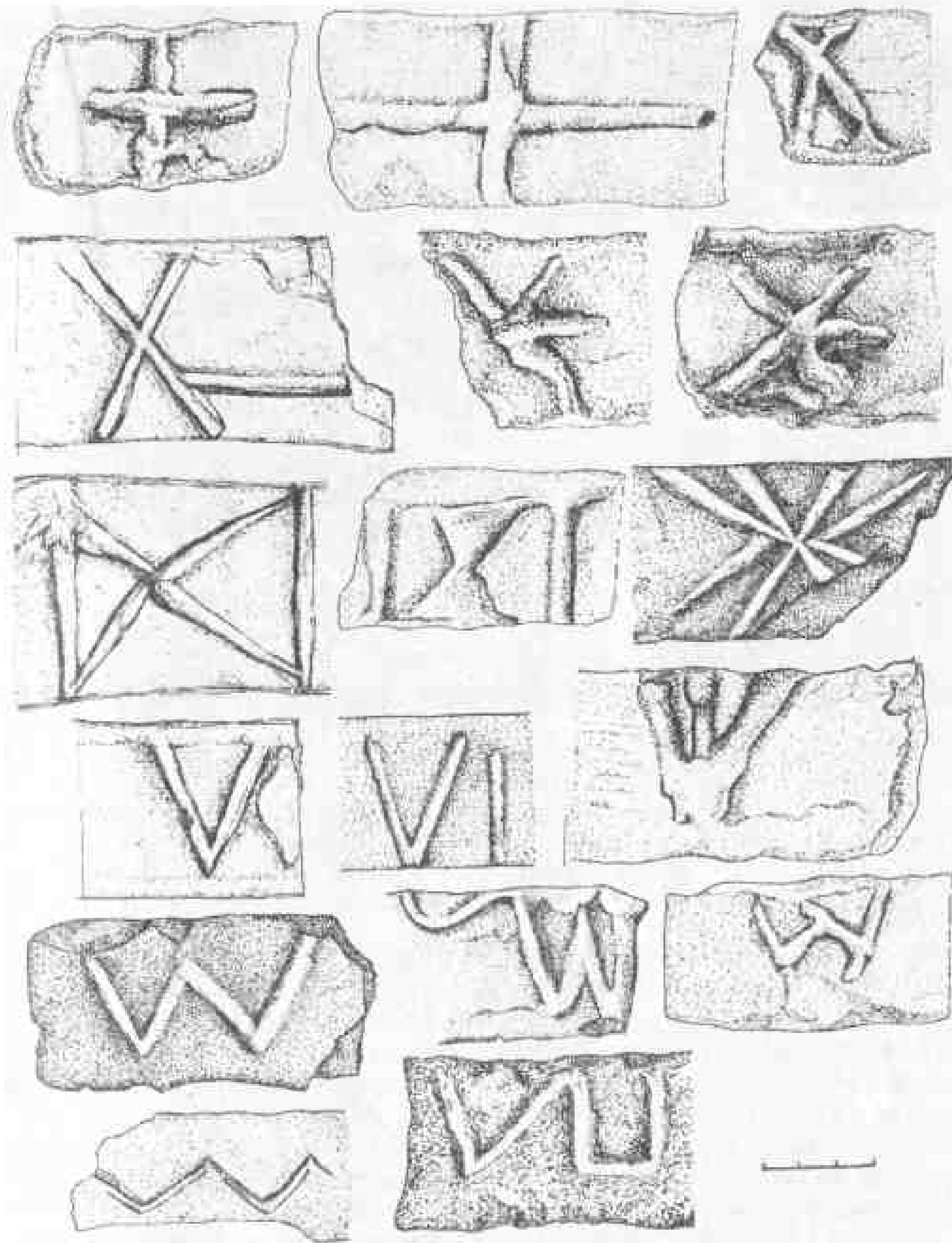

Рис. 127. Знаки на кирпичях.

схемы княжеских знаков (например, три линии из одной точки) служили условной "подписью" княжеских мастеров.

Иногда мастера-формовщики на плоской постелистой стороне кирпичей прорезали по сырой глине узоры из волнистых или пересекающихся параллельных линий; на другом кирпиче видим фигуру какого-то четвероногого животного с выгнутой спиной. Найден фрагмент плинфы со стилизованным изображением звериной лицины, вероятно, львиной (рис. 129). Трактовка глаза, заостренного уха и особенно частых дугообразных складок на лбу

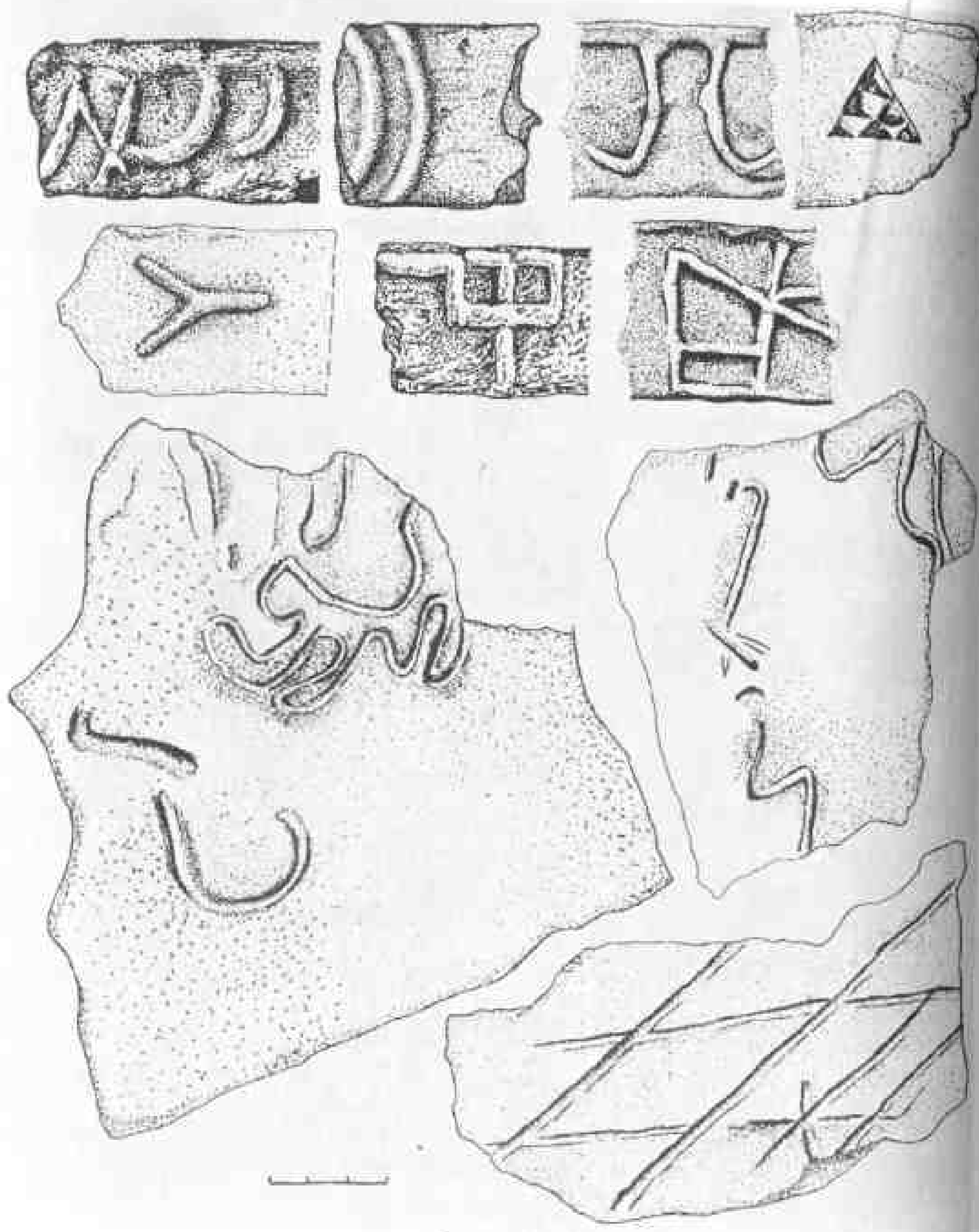

Рис. 128. Рельефные знаки и резные рисунки на кирпичах.

стилистически сближают рисунок с некоторыми фигурами и масками львов церкви Покрова на Нерли (1165 г.).

Сотрудницей Отдела физико-химических исследований московского Института Спецпроектреставрации И.А.Кулешовой петрографическим и химическим методами проведен анализ строительных материалов и техники фрески. Несмотря на то, что эти изыскания не дают полной информации о технологии строительства Борисоглебского собора и тем более о приемах

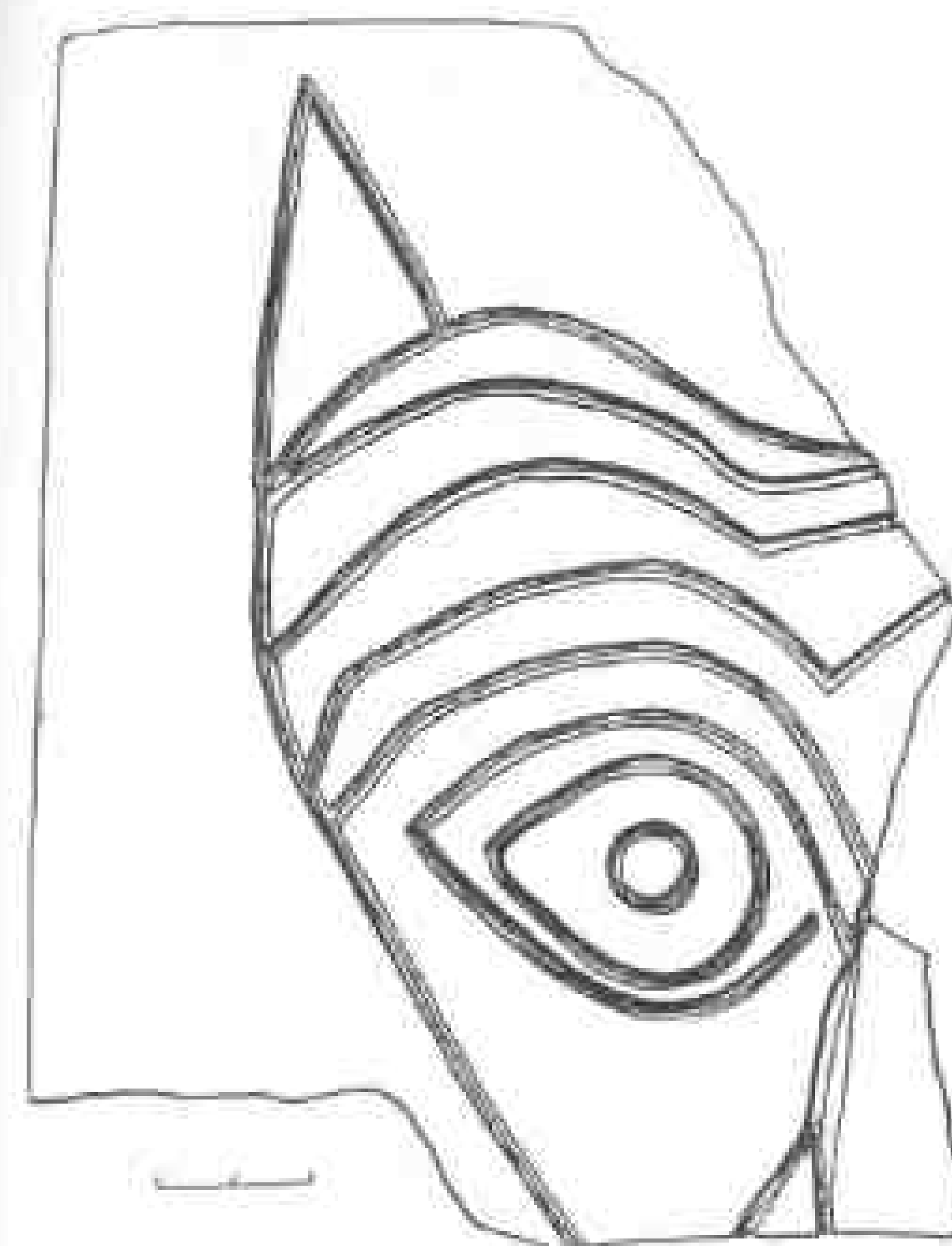

Рис. 129. Львиная личина. Резной рисунок на кирпиче.

живописи, почерке ее авторов, уже предварительные результаты представляют несомненный интерес (см. Приложение 3).

Кладочные и штукатурные строительные растворы очень близки по составу памятникам Киева и Чернигова XII в. Технологически характеристики левкаса соответствуют храмам Владимира: Успенскому (1158-1160, перестройка в 1185-1189) и Дмитриевскому (1193-1197) соборам. Таким образом, если Борисоглебский собор возведен черниговскими зодчими, то в росписях интерьера, вероятно, принимала участие артель, приглашенная из Владимиро-Суздальской земли.

Большой интерес представляют обнаруженные на фрагментах фресок граффити — обрывки надписей, рисунки, кресты и орнаменты¹²⁰. Среди граффити Борисоглебского собора встречены традиционные молитвенные формулы прихожан: "Господи, помози рабу своему имярек", сопровождаемые изображениями крестов. Фигуры крестов без сопутствующих надписей — также "молитвы" людей, скорее всего неграмотных. На одном из обломков вырезан крест в круге, рядом шестиконечный крест на Голгофе и надпись: "Иисус Христос Ника". Обычны изображения животных, а также буквенные инициалы и кресты из переплетающихся лент. Вероятно, эти затейливые буквы выполнены каллиграфами, работавшими в скриптории и причастными к "строению" книг.

Свидетельством образованности писавшего служит обрывок надписи, начерченной византийской скорописью. Греческие граффити — редкое явление даже для кафедральных храмов Киева и Новгорода. Сложный рисунок помещен на небольшом обломке штукатурки: в основании пальцев левой руки проставлены буквы: В, Г, Д, а выше — начало следующего буквенного ряда. Это редкое изображение так называемой пасхальной руки или иначе — "руки Иоанна Богослова". Так называли специальные таблицы для определения воскресных дней любого года. С их помощью, используя непростые календарно-астрономические выкладки, вычисляли день, на который приходился праздник Пасхи. От него записали остальные даты переходящих церковных праздников. Видимо, рисунок начерчен для тренировки в процессе обучения.

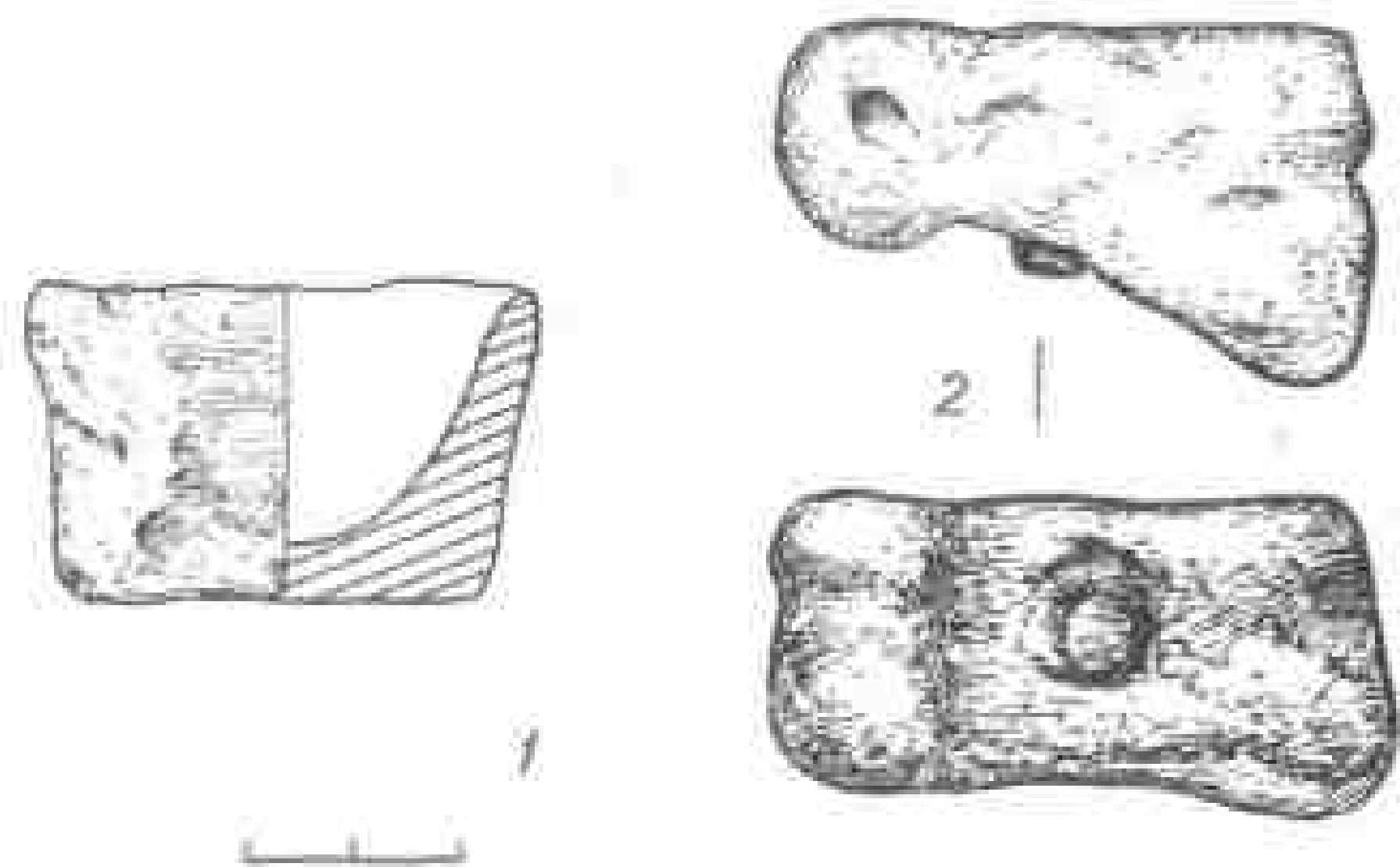

Рис. 130. Вещи из траншеи около Борисоглебского собора: 1 — донной горшочек для красок (?); 2 — бита для игры в бабки.

В траншеях под слоем строительных остатков залегал культурный слой с небольшим числом находок. Среди них: нож с широким лезвием и тонкой спинкой, маленький горшочек для красок (?) (рис.130), обломки стеклянных браслетов (6), ключ от замка типа В — венцы и керамика не ранее в.п. XII в. Железный предмет, по форме напоминающий фалангу коровы, очевидно, использовался как бита при игре в бабки. В этом, почти стерильном слое прослежена тонкая прерывистая прослойка строительного мусора, связанная со строительством Борисоглебского собора. На уровне материка обнаружено несколько погребений.

Случайные находки на Южном городище

Среди подъемного материала, в основной массе не выходящего за пределы в.п. XII — в.п. XIII в., встречены вещи, заслуживающие специального внимания.

К редким поделкам резной кости относится рукоятка ножа, покрытая тонкой контурной резьбой. Композиция на гранях рукояти включает трех птиц, следующих друг за другом (рис.131)¹²¹. Параллельно им вьется растительный побег с частыми поперечными нитрихами. Тожественная фигурка птицы вырезана на костяной пластине, случайно найденной на киевском Подоле у берега Днепра¹²². Сходство настолько велико, что в обоих изделиях можно усмотреть руку одного мастера. Наконец, очень близкие изображения птиц, но с колечками в клювах, украшают костяную рукоятку ножа, найденную в Новгороде на Троицком раскопе-9 в 1991 г.

Другие находки: кузнечный молот-ручник с немного выпуклыми бойками, сери московского типа, обломок косы-горбуши, наконечники стрел — узкая пирамидальная с перехватом у черенка (тип 95), килевидная (тип 38, в.п. XII — XIII в.), ромбическая с упором (тип 48), обломки цилиндрических замков типа В (табл.92). Бытовые предметы представлены бронзовыми писалами — одно с лопаточкой в форме бокальчика (тип 6), у второго — лопаточка с 6-ю сквозными отверстиями. Обломки литых стержней для зажигания свечей — детали хоросов. В основании стержней украшены завитками и фигурками фантастических животных, как паникадило из Киева¹²³ (табл.93).

Из украшений отметим: литой крестик-тельник с имитацией зерни, крестик-тельник с трехлепестковыми криволинейными концами; половинку подковообразной фибулы треугольного сечения с конусовидными головками

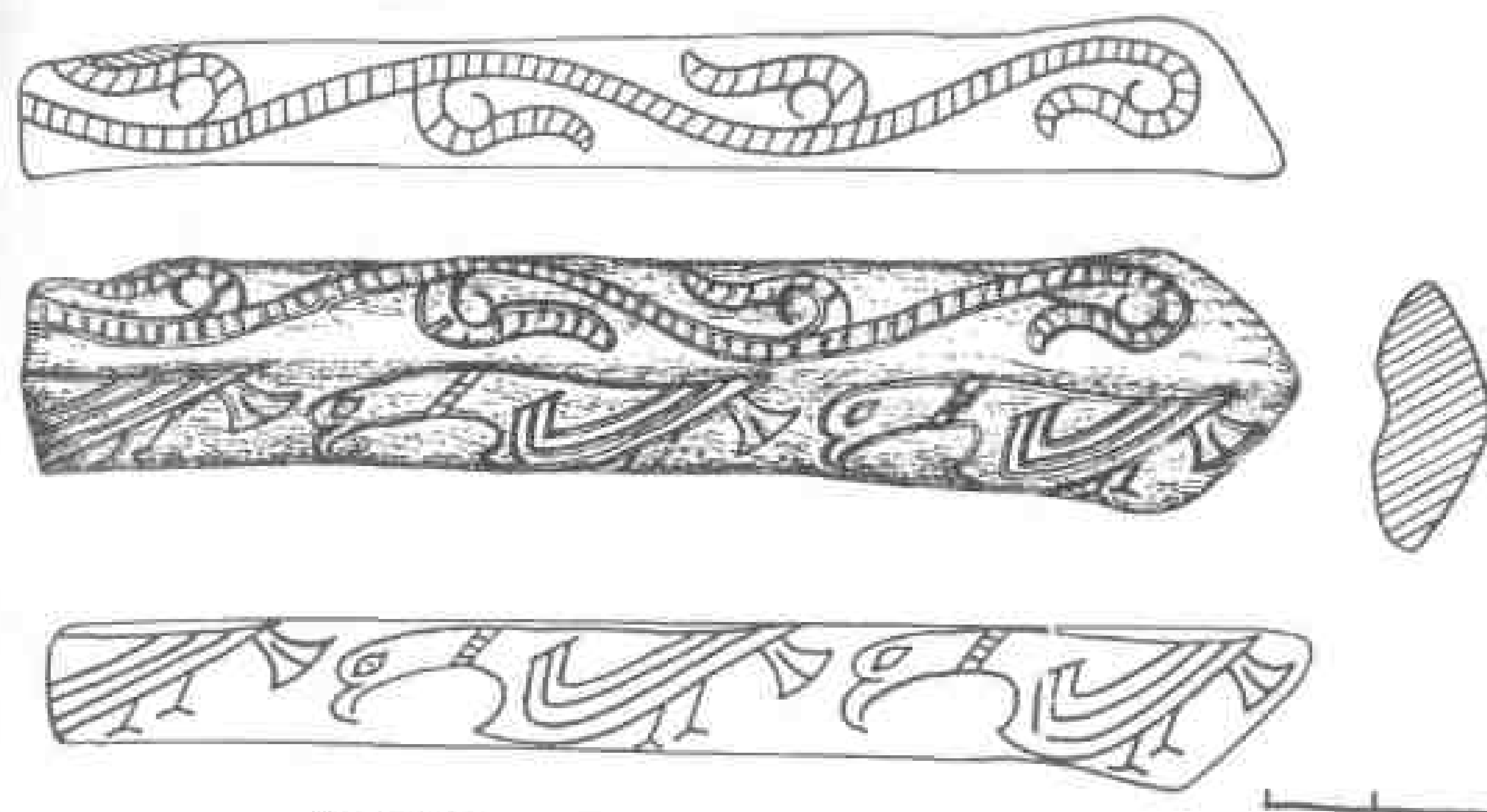
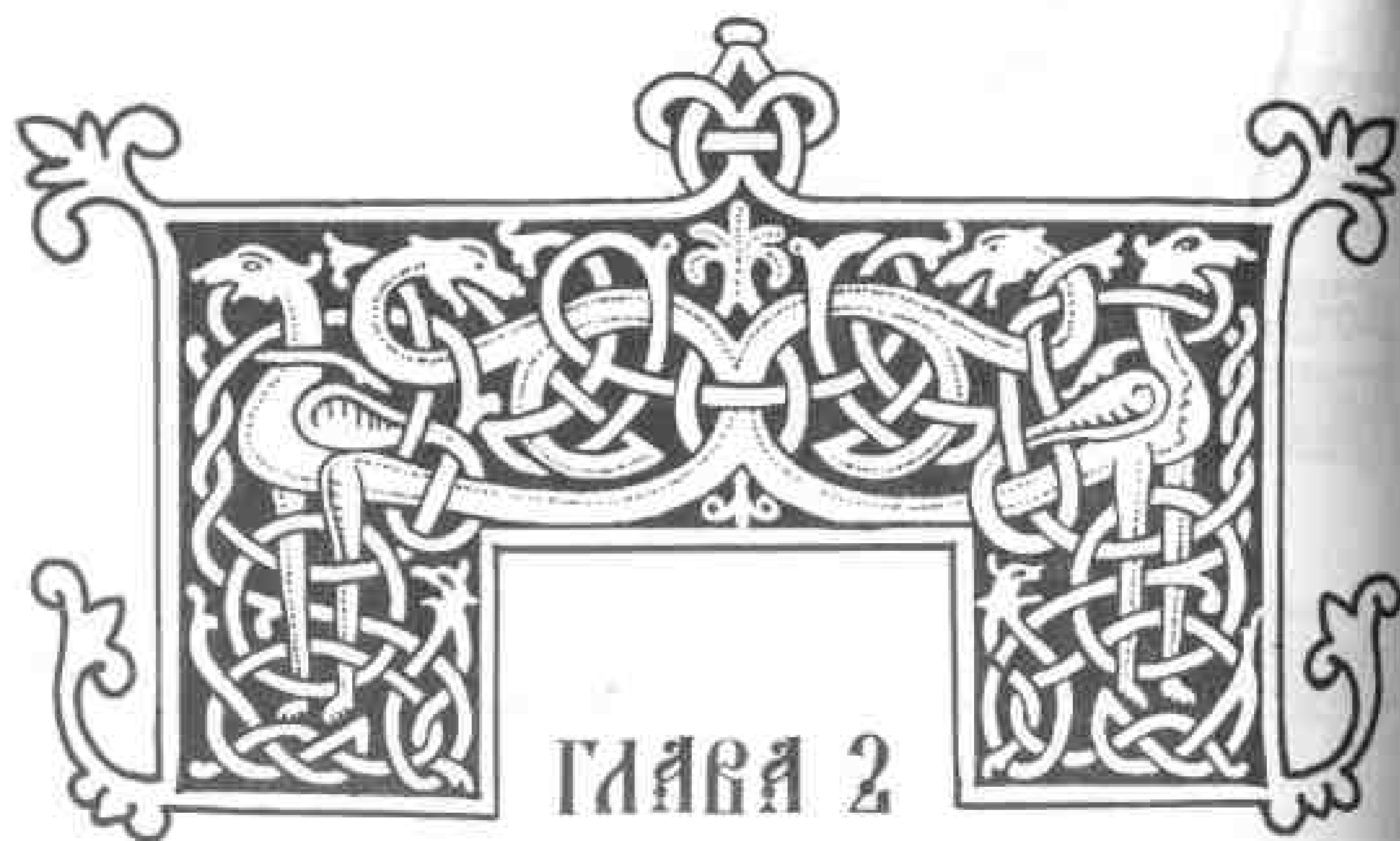

Рис. 131. Костяная рукоятка ножа с изображением птиц.

обломки браслетов — в виде стержня с обмоткой — и витого из 3-х проволок (с 70-х гг. XII в.); 2 перстня с восьмиугольными гладкими щитками; пластинчатый широкосрединный перстень, украшенный ложной зернью; круглую костяную пуговицу. Разнообразны бусины: зонные — желтые (4), фиолетовая, светло-зеленая, эллипсоидная синего цвета, рыбонидные темно-синие и фиолетовые (3), бусины орнаментированные — шарообразная черная с желтыми пятнами, эллипсоидная печеночно-красная, инкрустированная белой волнистой нитью, шарообразная синяя с плоскими реснитчатыми глазками (красно-зелено-желтыми). Каменные бусины: сердоликовые бипирамидальные (5), аметистовая граневая, шарообразные хрустальные (3), фрагмент яшмовой крупной эллипсоидной бусины (дл. ок. 4,5 см); вероятно, из разрушенных погребений происходят более ранние экз.: хрустальная 14-гранная (до XII в.) и сердоликовая шарообразная (по новгородской хронологии, до 3-й четв. XI в.).

Особый интерес представляют две печати: 1. Печать Андрея, чиновника (тысяцкого?) какого-то князя, чей знак изображен на обороте (XII в.)¹²⁴ Л.с.: Изображение св. Андрея в полный рост. О.с.: Княжеский знак.

2. Византийская печать XII в. Л.с.: Изображение Успения Богородицы. О.с.: Крест на подножии (рис.11).

СЕВЕРНОЕ ГОРОДИЩЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XI в. — 1237 г.)

РАСКОП 23

В 1978-1979 гг. продолжены раскопки на Северном городище с целью дальнейшего исследования древнейшей части города. Раскоп 23 пл. 400 м² расположен в сев.-зап. части городища: в 30 м к сев. от него стоит железобетонный столб ЛЭП (рис. 92, табл. 94, 95).

Ввиду более длительного существования этой части города культурный слой здесь толще, чем в пределах Южного городища (до 1 м), стратиграфия сложнее — этому способствовала и высокая плотность застройки. Если сооружения верхнего горизонта (п.п. XIII в.), несмотря на поздние перекопы, поддаются реконструкции, то постройки нижних ярусов слишком фрагментарны. По остаткам их подполий, погребов, хозяйственных ям, которые при перепланировках перерезали друг друга, целостные усадебные комплексы не восстанавливаются. Каждый последующий строительный период связан с нивелировочными работами, когда углубленные части предшлющих сооружений засыпали культурным слоем, а сверху перекрывали горизонтальными прослойками глины. Поэтому закономерно, что участки вокруг построек и их заглубленные части содержат хронологически разнородную керамику и вещи. Например, если в начале XIII в. рыл погреб для нового дома, на поверхность попадали более ранние вещевые материалы.

Следовательно, при датировке усадеб и построек на первый план выступают стратиграфические наблюдения, определение хронологической последовательности сооружений по отношению друг к другу. В результате выявлено 2 строительных горизонта. Обнаружилась преемственность в расположении дворов (А и Б) при некоторой перепланировке внутри них. Поэтому в пределах

каждой усадьбы, несмотря на разновременность, постройки получили единую нумерацию.

С 1-2 пластов и почти во всех сооружениях встречена разновременная керамика. Наряду с наиболее распространенными во в.п. XII — п.п. XIII в. венчиками с крутым изгибом во внешнюю сторону и внутренней глубокой ложбинкой нередко фрагменты горшков с прямым вертикальным венчиком (по Новгороду — до XI в. вкл.), а также отогнутые наружу короткие венчики с косо срезанным или раздвоенным в виде "ласточкиного хвоста" краем (не позднее XI в.). С XII в. появились горшки с высокими округлыми плечиками, суженной шейкой и отогнутым наружу утолщенным округлым венчиком. Как и для общеславянской, для керамики Рязани в.п. XI — п.п. XII в. характерно появление многих вариантов профилирования края с различными утолщениями, углублениями, изгибами. Горшки с вертикальными венчиками сближаются с керамикой северо-западных регионов Руси и находят параллели в формах сосудов Новгородской земли и прилегающих районов. Налицо сходство с круговой посудой Белоозера¹²⁵. Керамика X в. в Старой Рязани не обнаружена, вся она — не ранее XI в.

Местная традиция в керамическом производстве Рязани до серед. XII в. проявилась не столько в формах посуды, сколько в ее нарядной ornamentации из отпечатков разнообразных штампов (табл. 96-98). Иногда штампованные узоры из расположенных параллельными рядами прямоугольников, треугольников, ромбов, маленьких ямок в сочетании с прямыми или волнистыми линиями покрывают все тулово сосуда, но чаще — его горло и плечики, причем наиболее изощренная ornamentация характерна для керамики XI — нач. XII в. Гребенчатым штампом наносили узор в виде слочки; нередко штрихи в сочетании с треугольниками и зигзагами, а также поперечные вдавления, зацены по венчику. Разнообразен декор крышек — сферо-конических с вазоником и цилиндрической шейкой.

Подобные ornamentы находят аналогии в керамике селищ и курганов Ярославского и угличского Поволжья. Точечно-ямочный ornament встречается на посуде Калининского и Медновского районов Тверской обл., на керамике Рыбинского Поволжья. Типы узоров с селищ Угличского р-на Ярославской обл. особенно близки рязанским¹²⁶. Употребление штампованного ornamentа на круговой посуде — одна из отличительных черт керамики Северо-Восточной и Северо-Западной Руси: его усвоение рязанскими гончарами свидетельствует о влиянии этих регионов в XI — п.п. XII в. В южных областях Руси штампованный декор на круговой посуде не получил распространения.

Интересно, что на Северном городище вплоть до XIII в. часть горшков продолжали изготавливать по старой технологии (с примесью дресны). Бытовали, хотя и в упрощенных комбинациях, штампованный ornament, в том числе и на стандартизированной посуде, преобладавшей со в.п. XII в. на всей территории города. Она сделана из хорошо отмученной глины на ручном гончарном круге совершенствованного типа, о чем свидетельствует выделка сосудов: симметрия, тонкие стенки (3-6 мм). Наиболее многочисленны горшки с отогнутым наружу венчиком, образующим с внутренней стороны желобок для крышки. Ornament состоит из нескольких врезных горизонтальных полос, реже — в сочетании с волнистой линией, расположенных в верхней или средней части тулова. Значительная часть горшков не ornamentирована.

Полное отсутствие керамики со штампованным узором на Южном городище во в.п. XII — п.п. XIII в. и своеобразие части синхронной посуды на Северном можно объяснить тем, что в старой части Рязани еще работали зам-

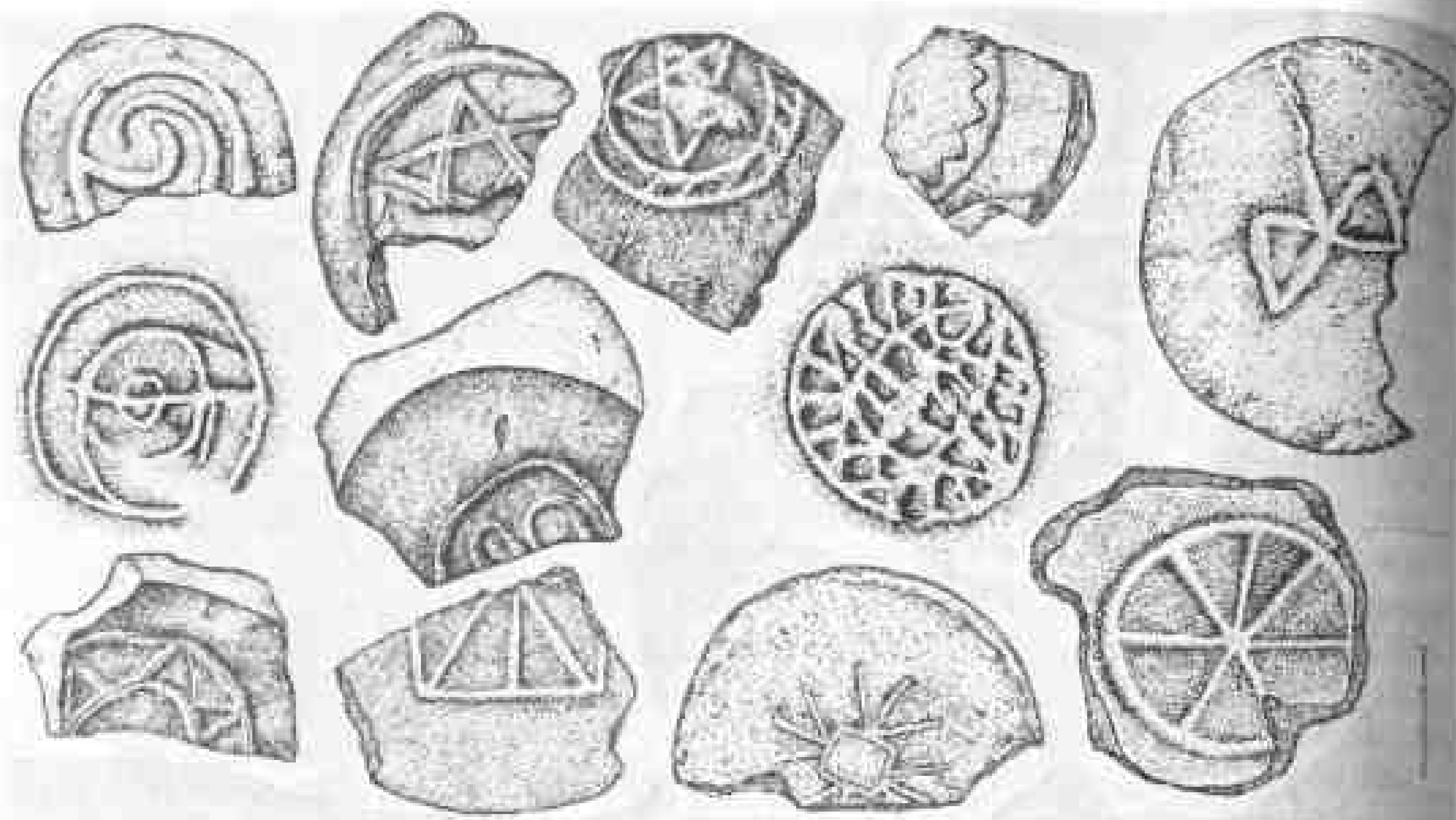

Рис. 132. Гончарные клейма.

кнутые семейные группы гончаров, сохранявших архаические традиции как в технике, так и в декоре изделий. Их продукция, не рассчитанная на продажу, оседала в пределах древнейшего городского ядра. Обитателей Столичного города обслуживали другие мастерские, ориентированные на южнорусские образцы.

Неслучайно, что большая часть клейм на днищах сосудов связана с Северным городищем, поскольку на Руси и в других славянских странах они получили наибольшее распространение в XI в. По материалам раскопок до

Рис. 133. Гончарные клейма.

1950 г. исключительно исследовали насчитали до 180 рисунков клейм¹²⁷. Вновь найденные экземпляры происходят преимущественно с р.23 (рис.132-134). Наиболее аргументирована гипотеза, высказанная еще В.И.Сизовым, о связи большинства клейм на днищах горшков с древней языческой символикой и магической обрядностью¹²⁸. Начиная с X в., основные рисунки клейм одинаковы как у восточных славян, так и в Польше, Чехии, Болгарии, Югославии и др., но количество вариантов огромно даже на одном памятнике, что подтверждают и рязанские знаки.

Среди гончарных клейм Рязани четырежды встречен обобщенный княжеский трезубец¹²⁹, один из них как бы удвоен. Похожие знаки находим на торцах плинф. Едва ли имеет смысл связывать их с определенными князьями, т.к. начертания схематичны, но связь знаков с черниговской традицией прослеживается отчетливо. Рязанские князья, потомки Ярослава Святославича, князя черниговского, а позднее — муромо-рязанского (ум. 1129 г.), очевидно, унаследовали и южнорусскую эмблематику.

В культурном слое р.23 вне связи с постройками найдены: шило (напильник) для работ по кости (?), что в сочетании с костяными заготовками и опиденными лоскутами рогами свидетельствует о близости мастерской костореза, гребни типов Л и М (XI — XII вв.), изогнутая костяная рукоять с пазом гл. до 1 см, возможно, от косы-горбуши, коса-горбуша среднерусского типа, 2 обломка серпов, рыболовный крючок с зубцом (табл.99,100). К предметам вооружения относится наконечник копья типа III с широким пером удлиненно-треугольной формы; подобные копья типичны для многочисленных деревенских курганов Центральной и Северной Руси XI в. — оружие служило не только боевым, но и охотничьим¹³⁰; кистень из рога лося (тип 1, бытовал до XIII в. вкл.); стрела ромбовидная с упором и расширением в нижней трети длины пера (тип 40) и 2 ромбических стрелы без упора (тип

Рис. 134. Гончарные клейма (в правом нижнем углу — знак Рюриковичей).

47); костяная накладка на седло (?). Встречены ножи как с клиновидными лезвиями, так и с тонкой спинкой. Среди шиферных пряслиц одно — с метками из пересекающихся линий, на другом вырезаны буквенные знаки; найдены и глиняные битрапецидные пряслица. Ленное эллипсоидное в сечении пряслице, украшенное кругами из точечных вдавлений, очевидно, относится к городецкой культуре. Кроме фрагментов навесных цилиндрических замков встречен ключ от внутреннего замка.

Фибула подковообразная с конусовидными головками, имеющая выпукло-вогнутое сечение и украшенная рельефным растительным орнаментом, находит аналогии в курганах Смоленской, Витебской, Тверской и Ленинградской областей, во владимирских курганах, в Карелии и Латвии. В Новгороде одна такая фибула обнаружена в слоях конца X в., другая — середины XI в. (табл.101). Найдена подковообразная спиралеконечная фибула, ложновитая. Не позднее XI в. датируется фигурная поясная накладка с растительным узором, она литая из высокооловянистой бронзы. Обычны находки стеклянных браслетов; среди бус выделяются орнаментированные: шарообразная черная с включением белой и желтой крошки, эллипсоидная темно-фиолетовая с зеленым спиральным узором, цилиндрическая бирюзовая с красно-черно-белыми реснитчатыми глазками.

На гл. 40 см обнаружена неолитическая кремневая стрела, по всей вероятности, служившая амулетом. Такая же стрела в бильоновой оправе найдена при раскопках Белоозера¹³¹, без оправы — в одном из погребений могильника Любече XI — н.п. XII в. (раскопки Б.А.Рыбакова); в Новгороде неолитический наконечник копья, оправленный в медный футляр с изображением процветшего креста, происходит из слоя н.п. XIV в.¹³² Вера в целительную силу "стрел грома", осужденная еще "Домостроем", оказалась необычайно живуча. В своем "Лексиконе российском" В.Н.Татищев писал: "Громовая стрела, камни большие кремневые, подобно стрельному копью находятся, на оба концы остро. Простой народ верит оным из облак быть, и якобы они в третьей год по удару являються, а обманщики оныя во многую пользу, особливо для окачивания младенцев за великое лекарство употребляют и от несмысленных за то деньги берут"¹³³.

Усадьба А

Занимает большую часть раскопа, неоднократно перестраивалась, причем постройки меняли свои места (рис.135, табл.94,95).

Постр.1. Наземный жилой дом 8x4 м (рис.136, табл.102,1). Судя по его пропорциям, расположению подпольных ям и столбов от поперечных перегородок, жилище было двухкамерным или даже трехкамерным (изба — сени — клеть). Дом построен в срубной технике, следы бревен с остатками глиняной обмазки от двух нижних венцов (диам. бревен до 20 см) выявлены в зап. стене. В сев.части избы дл. ок. 4 м находилась глинобитная печь устьем ко входу из сеней. Под развалом обожженной глины — обугленные плахи от опечка. Столбы возле печи у зап. стены могли поддерживать полата. Выс. опечка — ок. 0,5 м, размер — ок. 1,2x1,2 м. Ямки от столбов диам. 10 см в южн.части избы — следы перегородки между ней и сенями и, возможно, примыкавшей к ней скамьи.

В сенях — овальная подпольная яма 2x1,4 м, гл. 1,8 м для хранения съестных припасов. Стенки отвесные, облицованные вертикальными досками, что придавало ей сходство со вкопанной в землю бочкой. На гл. 0,5 м сделана круговая горизонтальная полочка шир. до 20 см. На дне ямы найдены 2 сильно

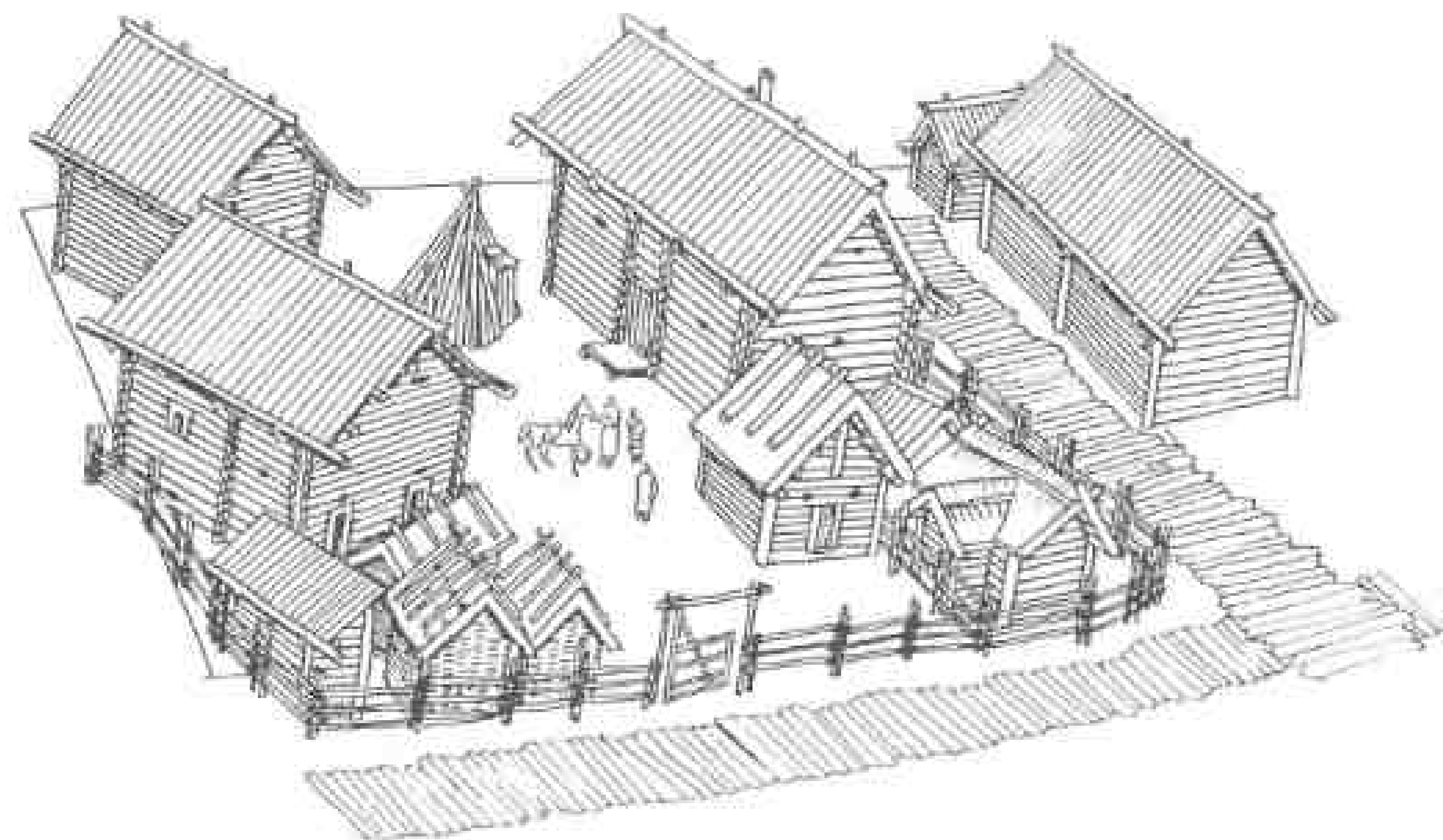

Рис. 135. Реконструкция усадьбы А на раскопе 23. Нижний строительный горизонт (конец XI — первая половина XII в.). Вид с юго-востока.

сплюснутые округлые бусины с желтыми выступающими глазками, со стороны отверстия они напоминают треугольники с закругленными углами (в Саркеле встречены в верхних славянских слоях к. XI — нач. XII вв.).¹³⁴ Там же обнаружены бочонкообразная серебростеклянная бусина (до серед. XII в.) и горшок н.п. XII в. с отогнутым наружу округлым краем и простой формой венчика (табл.103).¹³⁵ Вторая прямоугольная, с закругленными углами яма (3x1,6, гл. 1,2 м) занимает южн.часть постройки. Ее вертикальные стенки были выложены деревом; пол, вероятно, был дощатый, ниже его уровня — два овальных дренажных углубления. Из заполнения погреба происходят 3 гребня типов Л и М, шиферное пряслице с метками в виде кружков, проволоочное височное кольцо с заходящими концами, витой петлеконечный браслет (табл.103). Керамика со дна ямы XI в.

По датирующим вещам на дне ям жилище можно отнести к к. XI — н.п. XII в. Дом построен на слое погребенного дерна, под которым начинается предматериковый суглинок. С вост.стороны остатки стены постр.1 частично разрушены и перекрыты более поздней постр.2. Такие предметы в пределах постр.1, как каменная литейная форма для изготовления трехбусинных височных колец, серп, полусферическая позолоченная бляшка с 2-мя отверстиями, относятся не к жилищу, а верхнему горизонту культурного слоя.

Постр.2. Срубное наземное жилище верхнего строительного горизонта, вероятно, погибло в 1237. Границы прямоугольного дома (примерно 5x3 м) определены по зольному слою и положению печи в сев.-зап. углу. В пределах постройки разбросаны куски обгоревших бревен диам. до 20 см. Поскольку жилище выстроили на месте более ранних засыпанных сооружений, его глинобитный пол оседал и неоднократно подмазывался. Глинобитное прямоугольное основание печи 1,8x1,6 м возвышалось над полом на 0,5 м. Этот опечек был облицован плахами, забранными в пазы угловых столбов. Поверху опечка настлали доски, частично сохранившиеся в обугленном виде. Уцелевший под 1x0,8 м на 20 см выше дощатого настила. Несколько раз его

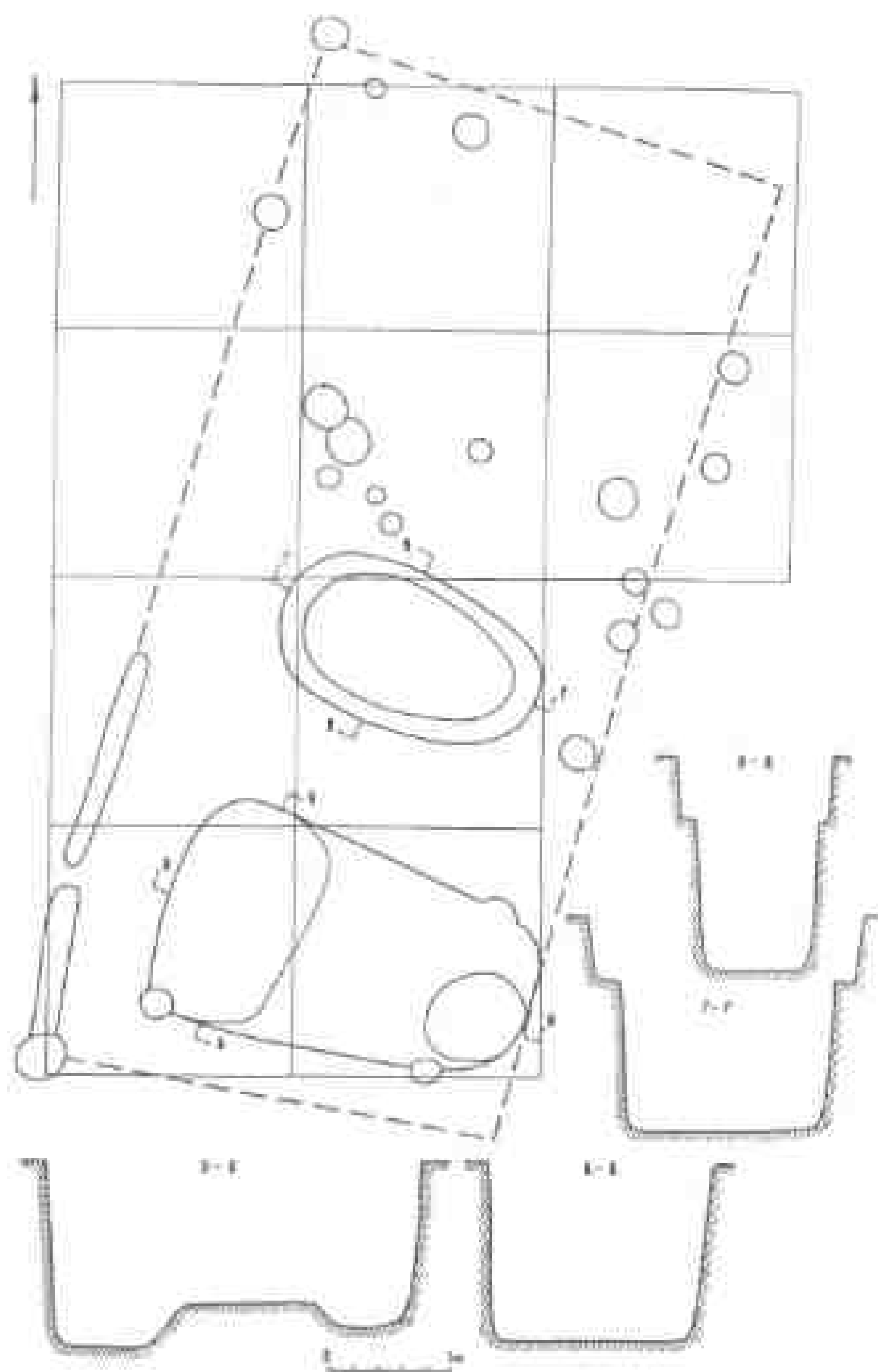

Рис. 136. Постройка 23-А-1. План и разрезы подпольных ям.

подмазывали. Толщ. стенок печи в нижней части ок. 25 см, верх разрушен. Устье обращено к югу.

В постр.2 найдены (табл.104): длинный столовый нож с узкой спинкой, костяной пулевидный наконечник стрелы (тип 1), ключ от замка типа А, 2 шиферных пряслица с насечками — на одном знаки из пересекающихся черточек, на другом — параллельные вертикальные линии, желтая зонная бусина. Как показывает идентичная находка на разрушенном монголами Райковецком городище¹³⁶, литой бронзовый предмет в виде двух разного диаметра колец, соединенных стержнем с утолщением посередине, относился к верхней части кадила.

Постр.3. Обширный прямоугольный погреб 4x3,2, гл. 2 м (табл.105,1). В погреб имелось подполье 2x2 м, гл. 0,5 м, возможно, закрывавшийся крышкой ледник. Из наземной части в погреб вел вход. Поскольку уступы были слишком высоки, вниз спускались по деревянным лестницам. Отсутствие столбовых ям говорит о срубной конструкции напогребника, который, судя по подземным частям, имел размеры ок. 6x4 м.

Находки в постр.3 (табл.106): костяная игла для плетения или сшивания грубых тканей; рыболовный крючок; кольчатые удила без перетяга типа IV (в

южнорусских и соседних районах бытовали преимущественно в X-XI вв.); пружинные ножницы, кресало копачевидное с язычком (X — 3-й четв. XII в.); гребень типа Л (XI — XII вв.); писало типа 7 с лопаточкой в форме бокальчика (XII — п.п. XIII в.); шиферное пряслице с метками из пересекающихся штрихов, 2 бараньих астрагала для игры в бабки (отверстия заливали свинцом); литая круторогая привеска-лунница с псевдозернью (XI — XII вв.), привеска бутылковидной формы, характерная для финно-угров (X — XI вв.), маленький толстостенный горшочек, 2 зонные желтые бусины (нач. XII-XIV вв.); шарообразная коричневая бусина с узором из белых спиралей (XI — п.п. XIII вв.). По совокупности вещей постр.3 можно отнести к к. XI — п.п. XII вв. Ее юго-зап. угол поврежден более поздней ямой (постр.5).

Постр.4. Наземное срубное жилище, расчищены обугленные куски бревен стен, размеры дома не менее 6x4 м, как у постр.3. Видимо, постройка была двухкамерной: к отапливаемой избе примыкали сени. Куски глины с отпечатками бревен диам. до 20 см свидетельствуют, что пазы между венцами промазывали для утепления. Разрушенная глинобитная печь располагалась в сев.-зап. углу избы, к конструкции опечка могли относиться столбики, ряд которых расчищен на уровне пола. При разрушении дома печь частично свалилась в подпольную яму. Яма прямоугольная, 3x2 м, гл. 0,8 м, стенки обмазаны глиной. Отделена перемычкой шир. 40 см от углубленной части сеней (?), где расчищена подпольная яма 2x1,5 м и гл. 1,7 м со стенками, обшитыми деревом.

В подпольных ямах найдены: зубило кузнечное, точило из обломка белемнита, шиферное пряслице, помеченное крестиками, привеска-амулет в виде просверленного астрагала бобра, круглодротовый бронзовый браслет (табл.107). В Новгороде подобные браслеты изготавливали из золотистой бронзы или латуни в X — п.п. XII в. Форма горшка с прямым, не загнутым внутрь венчиком, четко выраженной шейкой и конусовидно суживающимся неорнаментированным туловом характерна для XII в., а в XIII в. почти не встречается. По совокупности находок постр.4 датируется п.п. XII в.

Постр.5. Объединяла 2 хозяйственных ямы, перекрытие которых реконструировать невозможно. Юго-зап. яма овальная, 2x1,6 м, гл. до 0,6 м. Стенки были обложены деревом и обмазаны глиной. В заполнении: хрустальная шарообразная бусина (XI — п.п. XIII вв.) и нож с узкой спинкой и широким лезвием (с серед. XII в.).

Вторая сев.-вост. яма, видимо, зерновая, овальная, 2,6x1,8 м поверху. Ее юго-зап. стенка представляет собой 3 ступени, ведущие в наиболее глубокую, конусовидно сужающуюся часть (гл. 1,6 м, диам. дна всего 0,6 м). Из ямы происходят обломок стеклянного браслета и сильно деформированная чашка, кованая из листовой бронзы, с вертикальными стенками и сильно отогнутым наружу краем (рис.137). Немногие находки и то обстоятельство, что яма врезалась в постр.3, позволяют датировать постр.5 не ранее п.п. XII в.

Постр.6. Перекрывала угол постр.4 (табл.105,2). Она прямоугольная, 4x2 м, восстанавливается по столбовым ямам от навеса (?) и углубленному на 30 см небольшому крытому (?) основному помещению, от которого сохранилось обгоревшее бревно юж. стены. Каркас этой части сооружения был промазан глиной, внутри помещения у вост. стены — следы 4-х раскрошившихся при пожаре известняковых плит. Стратиграфически постр.6 датируется не ранее п.п. XII в. В более ранней яме между столбами найден амулет — просверленный клык грызуна (табл.108).

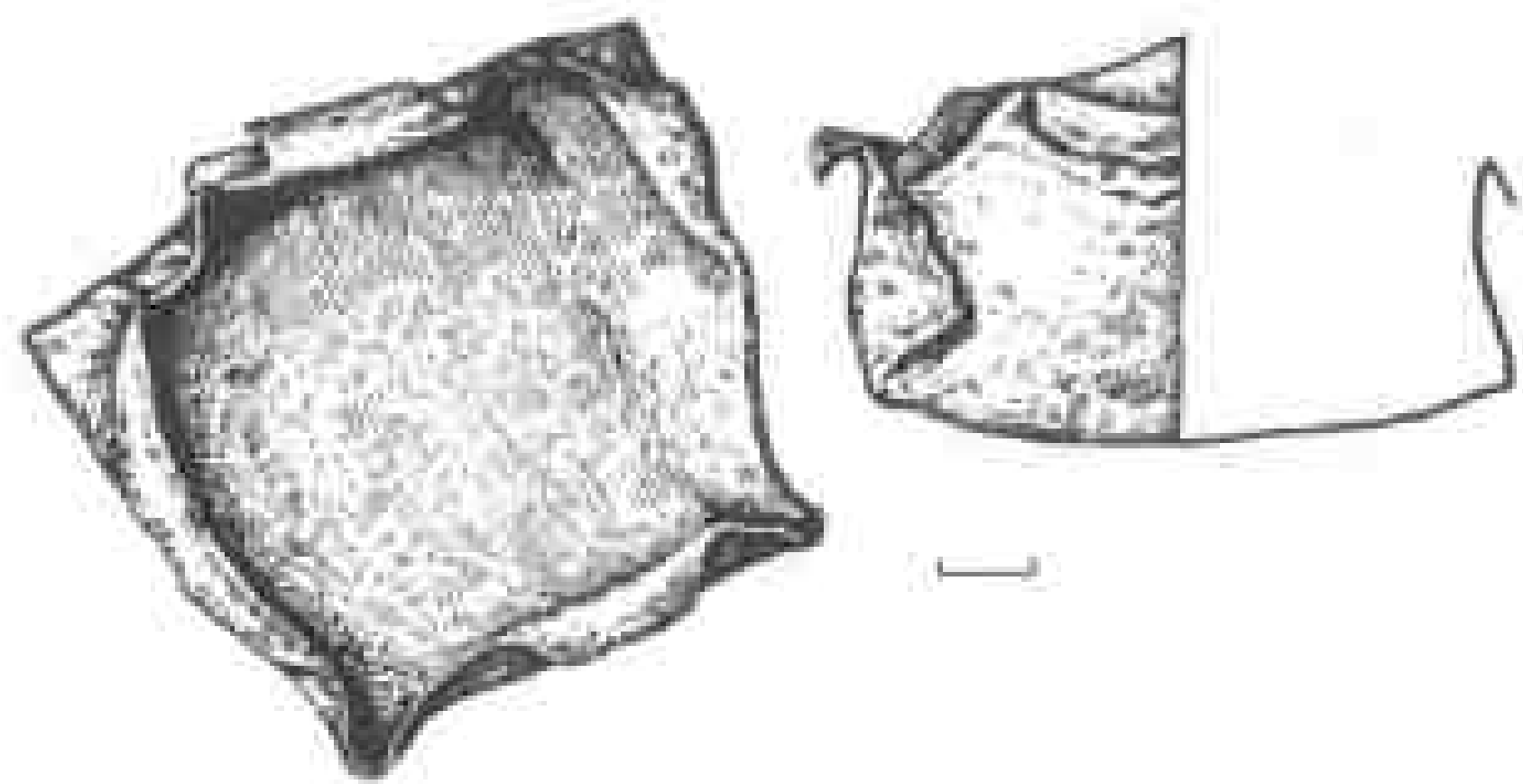

Рис. 137. Бронзовый сосуд из постройке 23-А-5.

Постр.7. Примыкала с сев.-зап. к постр.3 и была так же ориентирована. Она прямоугольная, ок. 2,8 м между сев. и южн. стенами, дл. свыше 3 м, но точнее определить нельзя, т.к. зап. часть разрушена позднейшими перекопами. Постройка углублена в материк на 1 м, стенки забраны горизонтальными бревнами диам. до 20 см, прослеженными по полосам от сгнившего дерева. Котлован вырыли больших размеров, чем само сооружение, в него опустили сруб, а промежутки засыпали плотным суглинком. Возможно, это только часть более обширного наземного дома, подклет под одним из помещений, имевший хозяйственное назначение. Вдоль его стен оставлены материковые полочки шир. до 30 см и выс. 40 см. Находки немногочисленные: нож с клиновидным лезвием (до серед. XII в.); шиферное пряслице; круглая прорезная привеска с включенным крестом, концы креста трехлепестковые криновидные (XII — п.п. XIII в.); бусины: янтарная зонная (XI — XII в.), стеклянная боченковидная желтая с черно-белыми глазками (подобные бусы со слоистыми глазками в могильниках средневиинской мордвы встречаются до XI в. вкл.¹³⁷, в Новгороде — в X — XI вв.), "треугольная" бусина, аналогичная найденным в постр.1 и датируемая по курганным древностям Северо-Восточной и Северо-Западной Руси XI — нач. XII в. (табл.108)¹³⁸. Та постройку 7 можно отнести к к. XI — п.п. XII в.

Постр.8. Прямоугольная хозяйственная 2,5x1,2 м, по периметру на гл. 30 см земляные уступы шир. до 20 см, вероятно, опора для дощатого перекрытия. Стенки вертикальные, гл. основной, сев. части 1,6 м. Судя по составу керамики, находке костяного гребня типа Л, а также расположению и ориентации ямы, она синхронна жилищу 1; наземная часть сооружения могла служить пристройкой к нему.

Постр.9. Перекрыта постр.2, представляет собой округлую хозяйственную яму с вертикальными стенками диам. 2,2 м, гл. 1,5 м.

Постр.10. Яма неправильных очертаний с закругленными углами; она более поздняя, чем постр.9, т.к. врезана в сев. южн. стенку, но перекрыта глинобитным полом постр.2. Ее гл. в сев. части 1 м, в южн., где на дне имеется ступенька, до 1,5 м, стенки отвесные. В заполнении — 2 шиферных пряслица, одно из них с крестовидной меткой на боковой стороне: по материалам Белоозера большинство пряслиц с крестовидными знаками относятся к горизонту XII в. Горшок с отогнутым наружу венчиком с загнутым внутрь краем и конусовидно суживающимся неорнаментированным туловом датируется п.п. XII в. Сюда же попал более ранний узкопластинчатый литой перстень с узором в виде косячки: перстни с таким орнаментом широко распространены у финских племен Поволжья и Прикамья, в Новгороде встречены в слоях XI в.¹⁴⁰ (табл.108, 13-16). По вещам и стратиграфически яма 10 относится ко в.п. XII в.

Постр.11. Округлая яма, судя по находкам, имевшая культовое (жертвенное) назначение. Ее диам. 2,5 м, гл. 1,9 и 1,5 м (на дне ступенька), стенки отвесные. Из нее происходит набор магических предметов: привески-амулеты

в виде просверленных клыков кабана и какого-то грызуна, антропоморфная фигурка — "идольчик", грубо вырезанная из известняка, выс. 7 см, а также гладко отшлифованное каменное яйцо (табл.108). Так же, как и керамические яйца-писанки, распространенные в XI в. и известные по раскопкам в Старой Рязани, каменные модели куриных яиц в натуральную величину (известны по исследованиям в Берестье¹⁴¹) наделялись магическими функциями. Они играли роль закладной жертвы при строительстве, талисмана в жилищах и погребениях (как образ возрождения и бессмертия), символа пробуждения жизни во время весенних празднеств (насахальная обрядность славян). Красным яйцам приписывали целительную силу (умывание с яйца в Великий четверг), ими задабривали леших и домовых.

Рядом с ямой 11 открыто мощное угольно-зольное пятно — видимо, здесь же разводили священный "живой огонь".

Постр.12. Овальная яма, расположена в 2 м к сев. от ямы 11, гл. до 30 см, также заполнена углями и золой, смешанными с глиной.

Постр.13. Круглая яма диам. 1,8 м, гл. 1,2 м; из заполнения происходят железное ушко от ведра (в Берестье — в слоях XIII в.) и крупная шарообразная желтая бусина (к. XI — нач. XIII в.).

Угловая сев.-зап. часть наземного срубного жилища открыта в юго-вост. части раскопа, часть дома осталась за его пределами. В углу располагалась глинобитная печь, ее опечек из глины был обложен деревом и сверху имел настил из плах (ок. 2x2 м). От сев.-вост. стены жилища уцелел лишь кусок обугленного бревна диам. ок. 15 см. Видимо, дом сгорел в 1237 г., т.е. открыт на уровне 1-го пласта. Под его углом — более ранняя засыпанная яма гл. до 40 см с керамикой к. XI — п.п. XII в. на дне. Здесь же обнаружено пряслице с резным изображением птицы, знаками в виде креста и пересекающихся линий (табл.107). На дне другой, овальной ямы гл. 0,5 м, перекрытой жилищем, найдена полковообразная фибула XI — XII вв. с конусовидными головками, украшенная рельефным растительным узором (табл.108).

Усадьба Б

Большая часть усадьбы, расположенной к зап. от усадьбы А, не попала в зону раскопа (табл.94).

Постр.1. Жилая, вытянута с сев. на юг на 8 м. Стены двухкамерного дома были возведены в столбовой технике с горизонтально заложеными в стояки бревнами (способ техники "в паз"). Пазы между бревнами обмазаны глиной (табл.102,2). Прослежены угловые столбовые ямы (сев.-вост. и юго-вост.). Вероятно от 3-й ямы между ними шла внутренняя перегородка, отделявшая избу от холодной половины). Сохранились нижние, обугленные бревна вост. стены здания диам. до 20 см. Место печи не выяснено. В сев. части дома — подпольная яма (диам. 2,4 м, гл. 1,4 м); она отделялась перемычкой шир. 40 см от похожей ямы в южн. помещении (диам. 1,8 м, гл. 1,4 м). Стенки ям слегка сужаются к низу. Пол жилища был глинобитный.

Большинство вещей происходит из подпольных ям (табл.104): конь с пером в виде четырехгранного стержня и воронковидной втулкой (тип У, X-XIII вв.); 2 бронебойные стрелы с массивной боевой головкой ромбического сечения, с шейкой (тип 83, широко распространены в XI в.); железный пробойник, 2 грузила для рыболовных сетей; гребень типа Л (XI-XII вв.), керамика XI в.

Следовательно, жилище Б-1, возможно, главный дом усадьбы, синхронно основной постройке соседней усадьбы (А-1), они одинаково ориентированы,

близки по архитектурному облику и конструктивным приемам, совпадает хронология вещевого материала (последняя четв. XI — п.п. XII в.).

Между дворами А и Б выявлена улица или проулок в направлении сев.-юг шир. 3 м. За ее состоянием следили: между параллельными постройками А-1 и Б-1 открыт слой глиняной обмазки, постоянно подновлявшейся (толщ. до 25 см). На плотном нивелировочном основании могли лежать несохранившиеся плахи мостовой.

К сев. от постр. Б-1 — прямоугольная яма 2,5x1,3, гл. 1 м, ко дну слегка сужается; в заполнении керамика XI — нач. XIII в.

Усадьба В выделена достаточно условно, т.к. остатки построек к югу от усадьбы А невыразительны; с зап. она граничила с улицей.

Плохая сохранность сооружений верхнего строительного горизонта последней четв. XII — п.трети XIII вв. (табл. 95) объясняется интенсивной застройкой Северного городища в XIII-XV вв., причем несколько крестьянских усадеб сохранились здесь до сих пор. Распадка и поздние перекопы сильно разрушили слои, связанные с 1237 г. К верхнему ярусу относятся постр. А-2, А-5, А-6 (построена на месте более ранней), А-13, жилой дом в юго-зап. части раскопа. Яма А-10 вырыта незадолго до возведения постр. А-2 и может относиться к 3-й четв. XII в.

Основная часть строений по данным стратиграфии и сопутствующему материалу датируется последней четв. XI — п.п. XII в. (постр. А-1, А-3, А-4, А-7, А-8, А-9 (яма), Б-1 (табл. 94). Особняком стоит яма А-11 явно ритуального назначения с целым набором магических амулетов (закладные жертвы перед сооружением усадьбы на рубеже XI-XII вв.?). Можно предложить реконструкцию комплекса усадьбы А конца XI — п.п. XII в. Все ее постройки ориентированы в одном направлении и располагались по периметру двора, вплотную примыкая друг к другу. Параллельно двору А, отделенная от него неширокой улицей, размещалась усадьба Б, основная площадь которой осталась за пределами раскопа (рис. 134).

Как показали раскопки, основной единицей застройки Рязани являлся двор (усадьба) — огороженный участок земли с постройками, составлявшими отдельное домохозяйство. Археологическим признаком двора служат следы ограды, которые окружали комплекс жилых, хозяйственных и производственных построек. Дворы, близкие прямоугольному плану, но нередко и неправильной конфигурации, зачастую примыкали друг к другу. Оградами служили плетни, заборы — горизонтальные бревна или плахи, вставленные в пазы столбов. Как и позднее — в Московской Руси, все постройки усадьбы можно разделить на три категории: "хоромное строение" — жалые и хозяйственные постройки внутри двора, "дворовое строение" — ограды с воротами, навесами для скота и пр., "задворное строение" — все постройки вне двора. Хлева, конюшни и сараи обычно размещались по периметру ограды. Подземные жилые дома, мастерские, срубные землянки-погребки, где хранили продукты и имущество на случай пожара (сохранились до сих пор у южных великорусов Рязанской обл.) могли располагаться внутри участка, не примыкая к изгороди. Раскопки позволили прийти к выводу, что избы предпочитали ставить в глубине двора, хотя иногда они выступали и на красную линию улицы или переулочка. Такой прием создавал живописные кулисы, разрушал монотонность, характерную для улиц со стоящими в ряд домами. В промежутки — "прозоры" между дворами и домами — хорошо просматривались с далеких и близких расстояний высокие доминанты — храмы и палаты знати.

Что касается "задворного строения", то при плотности усадебной застройки здесь в первую очередь имеются в виду большие загонные для скота, содержащиеся на общественных началах.

На плане р. 13 и 17 обращает внимание одна особенность: между линией укреплений и жилой застройкой оставлена пустая полоса шириной 20 м, очевидно, противопожарная мера: чтобы при возникновении пожара в городе огонь не перекинулся на деревянные стены.

Обширные лакуны в застройке, где культурный слой местами сходит на нет, особенно в центральной и юго-восточной частях Столичного города, удаленных от источников питьевой воды, могли быть частично заняты принадлежавшими частным владельцам нивками, фруктовыми садами и огородами. Население средневекового города очень долго сохраняло навыки сельского быта, горожане не теряли связей с землей.

Размеры полностью раскрытых дворов и жилых домов позволяют утверждать, что в Рязани, как и на всей территории Руси в XI-XIII вв., первичной ячейкой общества, независимо от сословной принадлежности, были автономные малые супружеские семьи, ведущие индивидуальное хозяйство. В семью входили близкие родственники — муж, жена, сыновья и дочери. Глава семьи свободно распоряжался общим имуществом: в качестве наследников указывались жена как хозяйка-домоправительница и дети. Практика выделения женой сыновей приводила к дроблению семей.

Археологические исследования в Рязани подтверждают органическое единство домохозяйства-двора как места проживания семьи и одновременно сферы ремесленной деятельности.

1. См.: Цалкин В.И. Домашние и дикие животные Старой Рязани // Монгайт А.Л. Старая Рязань. МИА М., 1955. № 49.
2. Классификацию рязанской керамики см.: Монгайт А.Л. Старая Рязань М., 1955. С. 108 сл.
3. Классификация стрел: Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел): VIII-XIV вв. // САИ. М., 1966.
4. Классификация замков и ключей: Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА, 1959. № 65; Он же. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
5. См.: Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930; Равдина Т.В. Хронология "вятических" древностей: Автореф. канд. дис. М., 1975.
6. Равдина Т.В. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М., 1968. С. 140.
7. Даркевич В.П. Пуцко В.Г. Старорязанские клады (раскопки 1979 г.) // СА. 1982. № 2. С. 200, 201. Рис. 4.
8. Классификация стилей: Медведев А.Ф. Древнерусские писала X-XV вв. // СА. 1960. № 2.
9. Древний Новгород: Прикладное искусство и археология. М., 1985. Илл. 186, 187.
10. Ср.: Спицын А.А. Владимирские курганы // ИАК. 1905. Вып. 15. С. 125.
11. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. М., 1982. Табл. LXXV.
12. Колчин Б.А. Новгородские древности: Резное дерево // САИ. М., 1971. Табл. 33, 4, 7. Ср. глиняную мужскую фигурку из Волковыска (Зверуго А.Г. Верхнее Понеманье в IX-XIII вв. Минск, 1989. Рис. 93, 9).

13. Ратнопорт П.А. Шолохова Е.В. Новые материалы о жилищах Старой Рязани // Археология Рязанской земли. М., 1974.
14. Датировка ножей: Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей. С.164. Рис. 4.
15. Рябишин Е.А. Зооморфные украшения древней Руси X-XIV вв. // САИ. 1981. С.43-45. Табл. XXV, 10-13.
16. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981. С.132. Рис. 49, 12. Этой сводкой мы пользуемся и в дальнейшем при датировке металлических украшений.
17. Этнографические параллели на Украине и в Курской обл. см.: Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. Т. XXXI. С.314.
18. Пользуясь случаем выразить благодарность В.Л. Янину, определившему печати из Старой Рязани.
19. Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т.1. С.195, 205.
20. Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981. С.97, 98. Рис. 49, 1.
21. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С.51, 52. Рис. 15; Он же. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. М., 1982. С.44, 45. Табл. XII, 3; XIV; Слонов В.Н. К проблеме хронологии и локализации места производства эмалевых подвесок-лунниц // СА. 1989. № 1.
22. Даркевич В.П., Монгайт А.Л. Клад из Старой Рязани. М., 1978.
23. Радлов В. Сибирские древности // МАР, СПб., 1891. № 5. С.69 (№ 4), 71 (№ 9). Табл. XII; Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тугарской культуры. М., 1967. С.137. Табл. 4, 11, 26, 30.
24. Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. 1953, № 32. Рис. 99, 2; Он же. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. С.67, 68. Рис. 53, 3, 4.
25. Корзухина Г.Ф. Русские клады XI-XIII вв. М.: Л., 1954. Табл. LX, 1, 2.
26. Типология серпов: Левашова В.П. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1956. С.60 сл.
27. Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Археология СССР: Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985. С.308. Табл. 124, 11.
28. Классификация предметов конского убора: Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // САИ. 1973.
29. Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар (Очерки ремесленной деятельности). М., 1988. С.226. Рис. 98, 7.
30. Лысенко П.Ф. Берестье. Минск. 1985. Рис. 182.
31. Никольская Т.Н. Земля вятичей. М., 1981. Рис. 89, 27; Гуревич Ф.Д. Древний Новогрудок. Л., 1981. Рис. 69, 9.
32. Шовкопляс В.І. Середньовічні художні кахлі з Києва // Археологія. Київ. 1975. В.16. С.107, 109. Рис. 2 и 3.
- 33-34. При определении керамики в первую очередь использованы работы: Смирнова Г.П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // МИА. 1956. № 55; Малевская М.В. К вопросу о керамике Галицкой земли XII-XIII вв. // КСИА. 1969. Вып. 120; Малый В.А. Производство глиняных изделий // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1959; Полубояринова М.Д. Керамика городища Слободка // Никольская Т.Н. Городище Слободка XII-XIII вв. М., 1987. Керамику из Старой Рязани изучала Г.П. Смирнова, консультациями которой мы постоянно пользовались.
35. Даркевич В.П., Пуцко В.Г. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970-1978 гг.) // СА. 1981. № 3. Рис. 2, 1, 2, 4, 7, 12.

36. Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. С.165. См. типологию бус: Щапова Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. 1956. № 55; Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей. С.167-170. Рис. 6.
 37. Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1959. С.170. Рис. 5, 16.
 38. Там же. С.160. Рис. 3, 9.
 39. См.: Спешальский Ю.П. Жилище Северо-Западной Руси IX-XIII вв. Л., 1972. Рис. 36, 5.
 40. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло. С.19. Рис. 4, 5, 6.
 41. Штыхов Г.В. Города Полоцкой земли (IX-XIII вв.) Минск, 1978. С.71. Рис. 28, 8.
 42. Датировка кресал: Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей. Рис. 4.
 43. Новгородские параллели: Рындина Н.В. Технология производства новгородских ювелиров // Новые методы в археологии. МИА. 1963. № 117. С.226, 227.
 44. Чижикова Л.Н. Жилище // Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987. С.244. Рис. 104, 13.
 45. Рындина Н.В. Технология производства. С.226.
 46. Никольская Т.Н. Городище Слободка... Рис. 37, 2.
 47. Большой интерес представляют результаты обработки остатков рыб, представленные сотрудником лаборатории ихтиологии МГУ В.Д. Лебедевым (раскопки А.Л. Монгайта в Старой Рязани в 1946-1948 гг.). Обнаружены следующие виды рыб:
1. Стерлядь.	6. Плотва.	10. Щука.
2. Осетр.	7. Жерех.	11. Окунь.
3. Ленц.	8. Сазан.	12. Судак.
4. Язь.	9. Карась.	13. Налим.
5. Голавль.		
- Судя по относительному количеству остатков (чешуи более 20% и костей более 10% от общего количества), основными объектами промысла являлись ленц, стерлядь, окунь, щука и карповые — голавль, язь, плотва. Лов, исходя из смешанного состава рыб, производился неводом или сетью; употреблялась крючная снасть и острога. Осетр в настоящее время в районе Старой Рязани не встречается. Остатки нескольких крупных рыб (1966 г., р.4) проанализировал Е.А. Цепкин. Среди них — белуга дл. ок. 2,5 м и два сома дл. 1,68 и 1,3 м.
 48. Федоров Г.Б. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1960-1961 гг. // КСИА. 1964. Вып. 99. Рис. 30, 2.
 49. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. С.111. Рис. 68, 5-8.
 50. Трехкамерные постройки, состоявшие из двух жилых хат, разделенных сенями, в середине XIX в. преобладали в большинстве сел Южной Украины и Бессарабии (Чижикова Л.Н. Жилище. С.235. Рис. 101, 2).
 51. Не исключено, что галька с рисунком не имеет отношения к эпохе древней Руси и попала в Рязань с поселений эпохи бронзы II тыс. до н.э., расположенных на противоположном, левом берегу Оки. Ср. гальку с неолитической стоянки Чернетьово II на р. Десне выше Брянска (Смирнов А.С. Работы Деснинской экспедиции // АО 1982 года. М., 1984. С.85).
 52. Левашова В.П. Сельское хозяйство. Рис. 18, 4-6, 10.

53. Закирова И.А. Косторезное дело Болгара. С.224. Рис. 97,20; Голубева Л.А. Вещь и славяне на Белом озере: X-XIII вв., М., 1973. Рис. 38,22,23.
54. Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение. С.312. Табл.130,5; 131,10.
55. Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. С.86.
56. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С.360,361. Рис. 98.
57. Монгайт А.Л. Старая Рязань. С.79.
58. Полубояринова М.Д. Костяная печать из Серенска // КСИА. 1971. Вып.125.
59. Полубояринова М.Д. Две костяные печати из Болгара // КСИА. 1983. Вып.175.
60. Гендуне Ю.Г. Городище Дуна. СПб., 1903. С.20.
61. Колчин Б.А., Рыбина Е.А. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С.211. Рис. 23.
62. Даркевич В.П., Стародуб Т.Х. Иранская керамика из раскопок Старой Рязани // СА. 1983. № 2.
63. Щапова Ю.Л. Стекланные изделия из Старой Рязани // Археология Рязанской земли. М., 1974.
64. Гуревич Ф.Д., Джанполадян Р.М., Малевская М.В. Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968. С.10. Табл.ХII,1-6.
65. Полубояринова М.Д. Стекланная посуда древнего Турова // СА. 1963. Рис. 2,8.
66. Лебедева Н.И. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. М., 1929. С.60.
67. Габс Р.М. Карельское деревянное зодчество. М., 1941. С.42.
68. Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Ч.1 Деревянное зодчество. Пг., 1916; Ополонников А.В. Русское деревянное зодчество. Гражданское зодчество. М., 1983; Сергачев С.А. Деревянная архитектура Белоруссии ХУI-XIX вв. Минск, 1984. Рис. 45.
69. Радзивилловская, или Кёнигсбергская летопись. СПб., 1902.
70. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С.206,207.
71. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. М., 1989. Т.III. Ч.2. Стб.947.
72. Ржигза В.Ф. Очерки из истории быта домонгольской Руси. М., 1929. С.9-11.
73. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. С.111-113. Рис. 69,1-5.
74. Раппопорт П.А., Колчин Б.А., Борисевич Г.В. Жилище // Археология СССР: Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. Табл.52.
75. Даркевич В.П., Фролов В.П. Старорязанский клад 1974 г. // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
76. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. С.106. Рис. 94; Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С.85. Рис. 20.
77. Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. С.195. № 143.
78. Засурцев П.И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. М., 1963. № 123. С.56. Рис. 33.
79. Снегальский Ю.П. Жилище Северо-Западной Руси. С.86. Рис. 38.
80. Адельунг Ф. Барон Мейерберг и путешествие его по России. СПб., 1827; Он же. Альбом Мейерберга: Видны и бытовые картины России ХУП века. СПб.,

- 1908; Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура русского Севера. Л., 1981. С.18. Рис. 3.
81. Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. С.63,172-180. Рис. 32,2; 33; Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища: Север и Верхнее Поволжье. М., 1962. Табл.23 (дом в с.Стрельниково Костромского р-на Костромской обл.), табл.38 (дом в с.Чистово Мстинского р-на Новгородской обл.).
82. Корзухина Г.Ф. Русские клады. С.141. Табл. LX,6.
83. Гончаров В.К. Райковецкое городище. Киев, 1950. Табл.ХУП,9.
84. Снегальский Ю.П. Жилище Северо-Западной Руси. С.74. Рис. 32.
85. Кондаков Н.П. Русские клады. СПб., 1896. Рис. 48.
86. Гуцин А.С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X-XIII вв. М.Л., 1936. С.79. Табл.ХХУП,16.
87. Там же. С.78. Табл.ХХУП,7.
88. Там же. С.78. Табл.ХХУП,2.
89. Там же. С.78. Табл.ХХУП,8,9.
90. Рыбаков Б.А. Русское прикладное искусство X-XIII вв. Л., 1971. Илл.113-117.
91. Гончаров В.К. Райковецкое городище. С.102-109. Табл.ХIХ.
92. Рыбаков Б.А. Русское прикладное искусство. Илл.20.
93. Гуревич Ф.Д. Древний Новгородок. Рис. 51,1.
94. Каргер М.К. Древний Киев. М.Л., 1958. Т.1. Табл. LY, LYa, LYII.
95. Воронин Н.Н. Древнее Гродно // МИА. М., 1954. № 41. Рис. 34,6.
96. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. Рис. 128.
97. Успенская А.В. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1967. С.94,95.
98. Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. Рис. 7.
99. Там же. С.174.
100. Монгайт А.Л. Старая Рязань. С.22.
101. Даркевич В.П., Пуцко В.Г. Произведения средневековой металлопластики. С.222-225. Рис. 2,1,9; 7,2.
102. Львова З.А. Стекланные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи // МИА. 1959. № 75. С.329,330. Рис. 6,15,16.
103. Даркевич В.П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. 1961. № 4; Макиров Н.А. Древнерусские амулеты-топорики // Российская археология. 1992. № 2.
104. Малам В.А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1967. С.157.
105. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство. С.114,117. Рис. 71.
106. Кондаков Н.П. Русские клады. С.116. Табл.ХУ, 7,8.
107. Каргер М.К. Древний Киев. С.381-384. Табл. LIII, LYI.
108. Воронин Н.Н. Древнее Гродно. С.69,71. Рис. 34,8-12.
109. Никольская Т.Н. Литейные формочки древнерусского Серенска // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С.41. Рис. 1,2; 2,13.
110. Малевская М.В. К вопросу о керамике Галицкой земли. С.10. Рис. 4,1-4.
111. Монгайт А.Л. Старая Рязань. С.131. Рис. 69,5.
112. Даркевич В.П., Пуцко В.Г. Старорязанские клады. Рис. 8-14.
113. Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение. С.311. Табл.129,3.

114. Даркевич В.П., Пуцко В.Г. Старорязанские клады. Рис. 2-6.

115. Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки восточных славян. С.314.

116. Даркевич В.П. Прикладное искусство домонгольской Руси в собрании Рязанского музея // Музей. 1987. Кн.8. С.97,102.

117. Холостенко Н.В. Ильинская церковь в Чернигове по исследованиям 1964-1965 годов // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. Табл.3.

118. Раппопорт П.А. Знаки на плинфе // КСИА. 1977. Вып.150.

119. Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // МИА. 1949. № 11. С.89,90. Рис. 51.

120. Мединцева А.А. Эпиграфические находки из Старой Рязани // Древности славян и Руси. М., 1988.

121. Даркевич В.П. Старорязанская экспедиция // АО 1976 года. М., 1977. С.51. Рис. на с.50; Даркевич В.П. Прикладное искусство. С.97,101.

122. Новое в археологии Киева. Киев, 1981. С.329. Рис. 146.

123. Рыбаков Б.А. Русское прикладное искусство. Рис. 20.

124. Янин В.Л. Актовые печати. Т.1. С.218,219. № 293.

125. Голубева Л.А. Вещь и славяне на Белом озере. С.160 сл. Рис. 53,58.

126. Малам В.А. Производство глиняных изделий. С.130 сл. Рис. 1-5.

127. Мансуров Л.А. Старорязанские и пронские клейма // СА. 1946. Т.VIII; Монгайт А.Л. Старая Рязань. С.119-121. Рис. 80; Даркевич В.П. Раскопки В.А.Городцова в Старой Рязани // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991. С.158-160. Рис. 15.

128. Даркевич В.П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // СА. 1960. № 4.

129. Монгайт А.Л. Старая Рязань. С.120. Рис. 81; Даркевич В.П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани // Археология Рязанской земли. М., 1974. С.55. Рис. 35.

130. Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение. С.308,309. Табл. 125, 126.

131. Голубева Л.А. Вещь и славяне на Белом озере. Рис. 50,6.

132. Седова М.В. Амулет из древнего Новгорода // СА. 1957. № 4.

133. Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С.249. Из Каневского у. Киевской губ. происходит амулет в виде кремневой стрелы в серебряной с зерну оправе XII-XIII вв. (Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. Древности Приднестровья. Киев, 1902. Вып.У. Табл.ХУП,833).

134. Львова З.А. Стекланные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи // МИА. 1959. № 75. С.329. Рис. 6,15,16.

135. Аналогичный тип горшков: Малевская М.В. К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII-XIII вв. // КСИА. 1971. Вып.125. С.28. Рис. 5,7.

136. Гончаров В.К. Райковецкое городище. Табл.ХХ1,4.

137. Материальная культура среднеднепровской мордвы VIII-XI вв. Саранск, 1969. Табл.22.

138. Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1959. Прил. VI. Рис. 6,18.

139. Голубева Л.А. Граффити и знаки пряслиц из Белоозера // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С.18.

140. Седова М.В. Ювелирные изделия. С.131. Рис. 47,14,16.

141. Лысенко П.Ф. Берестье. Рис. 226.

142. Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. С.80.

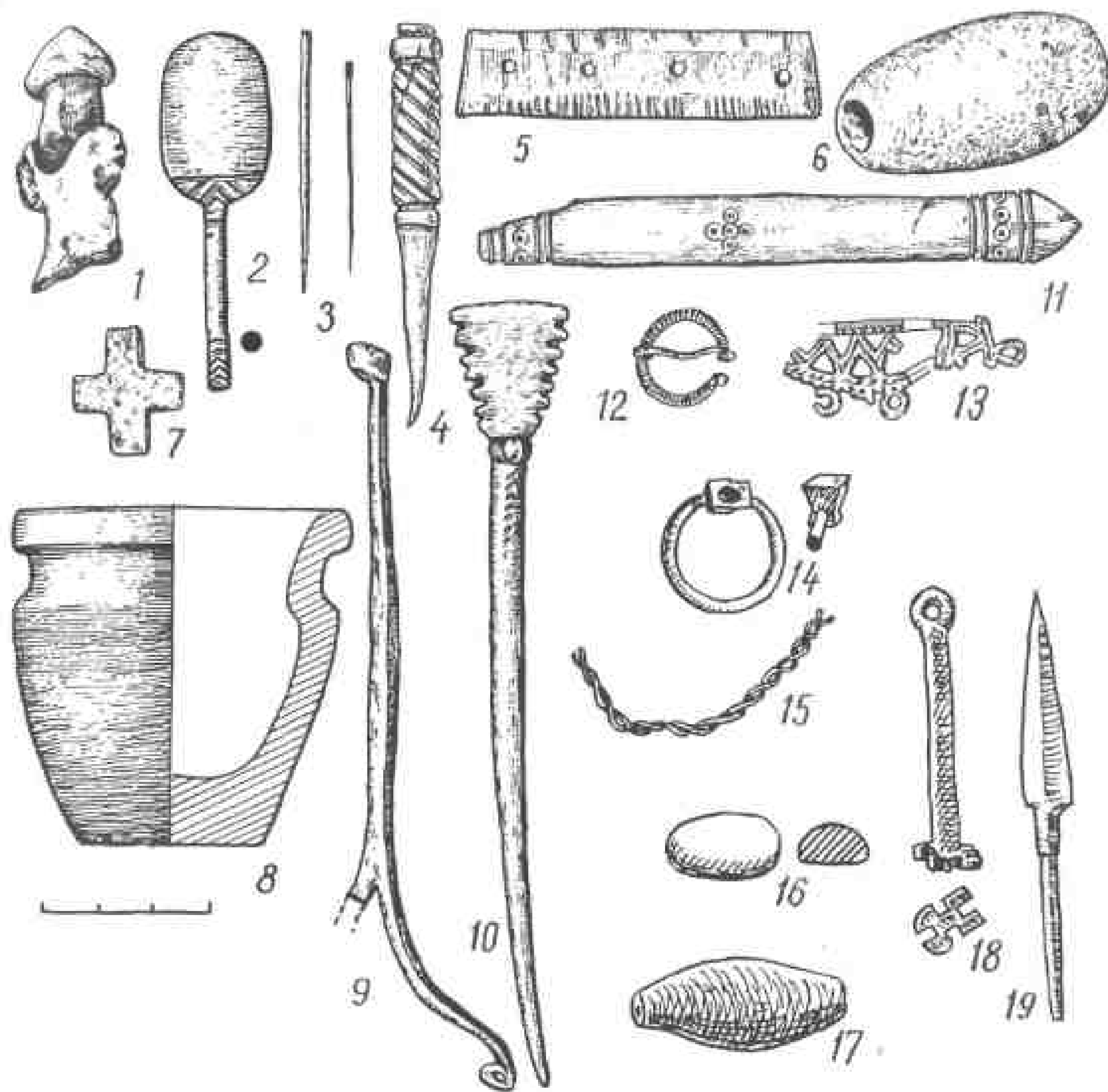

Таблица 1. Находки на раскопе 11. Усадьба А, постройка 1: 1 — глиняная фигурка; 2 — "лопаточка" бронзовая; 3 — иглы; 4 — копоушка; 5 — накладка от гребня; 6 — рыболовное грузило. Усадьба Б, постройка 1: 7 — крестик; 8 — горшочек. 1-й и 2-й пласты; 9 — железный предмет; 10 — стил; 11 — рукоять ножа; 12 — фибула спиралеконечная; 13 — перстень решетчатый; 14 — кольцо с бронзовым щитком; 15 — витая проволока; 16 — вставка от перстня; 17 — бусина; 18 — ключ; 19 — наконечник стрелы (1, 6, 8 — глина; 2, 3, 12, 13, 15 — бронза; 4, 5, 11 — кость; 7 — кварцевый песчаник; 9, 14, 18, 19 — железо; 10 — серебро; 16 — горный хрусталь; 17 — стекло).

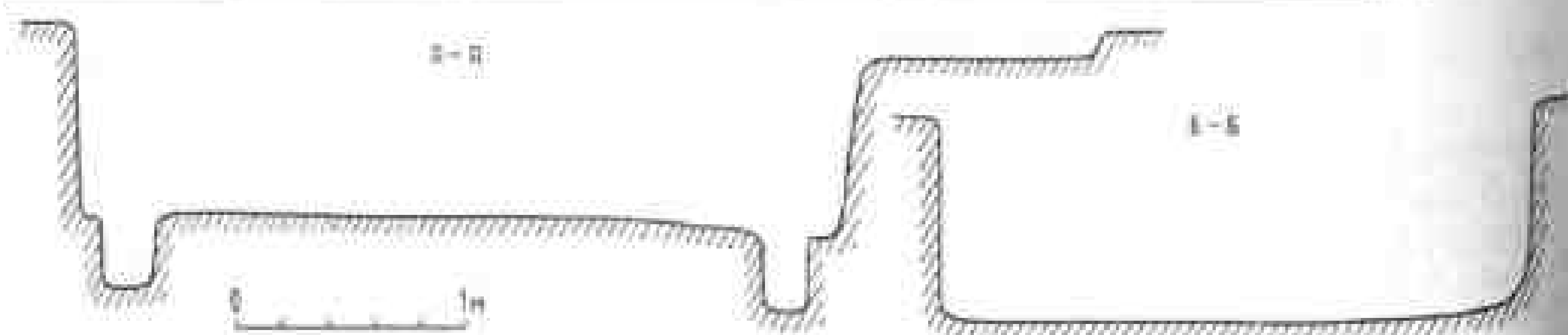
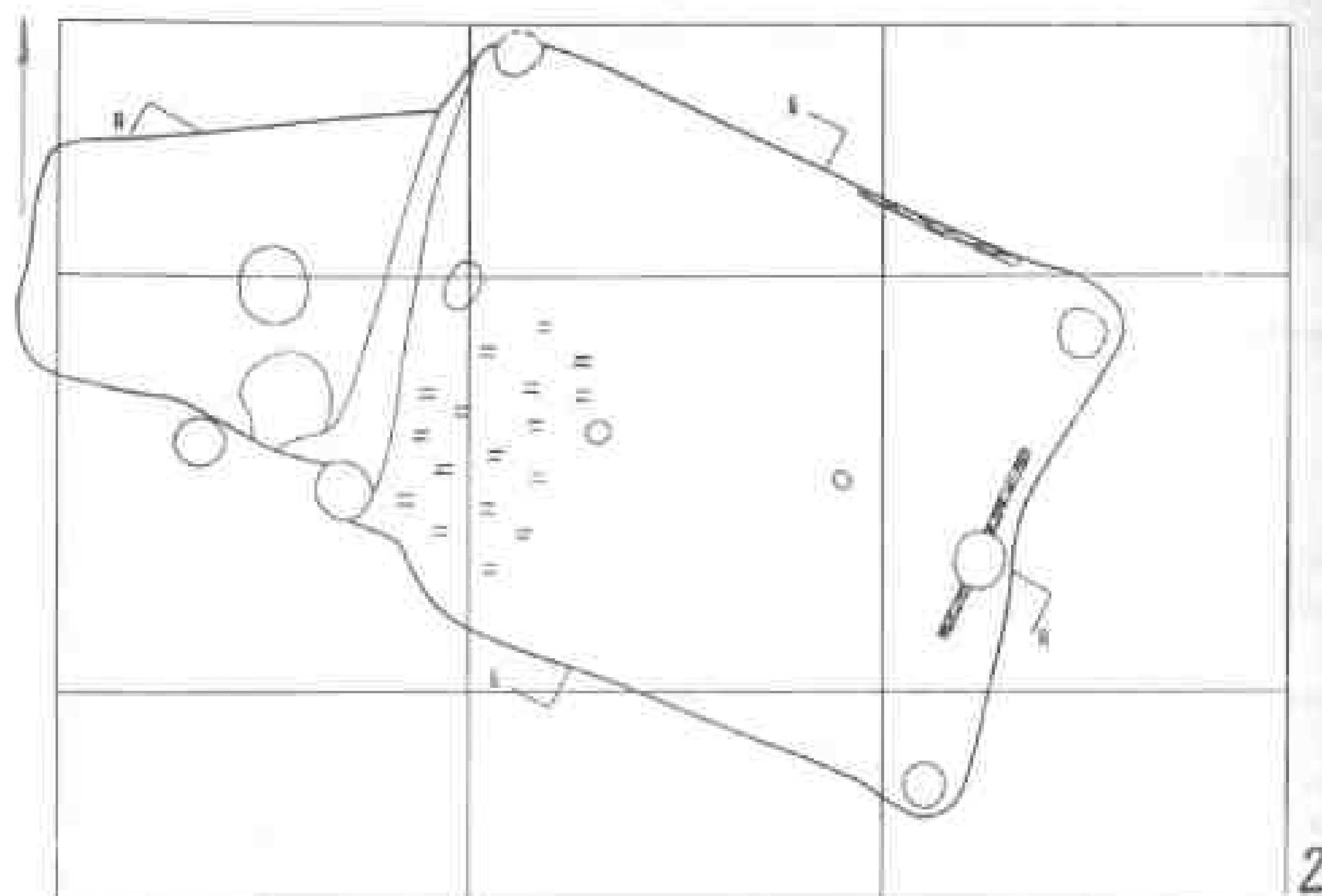
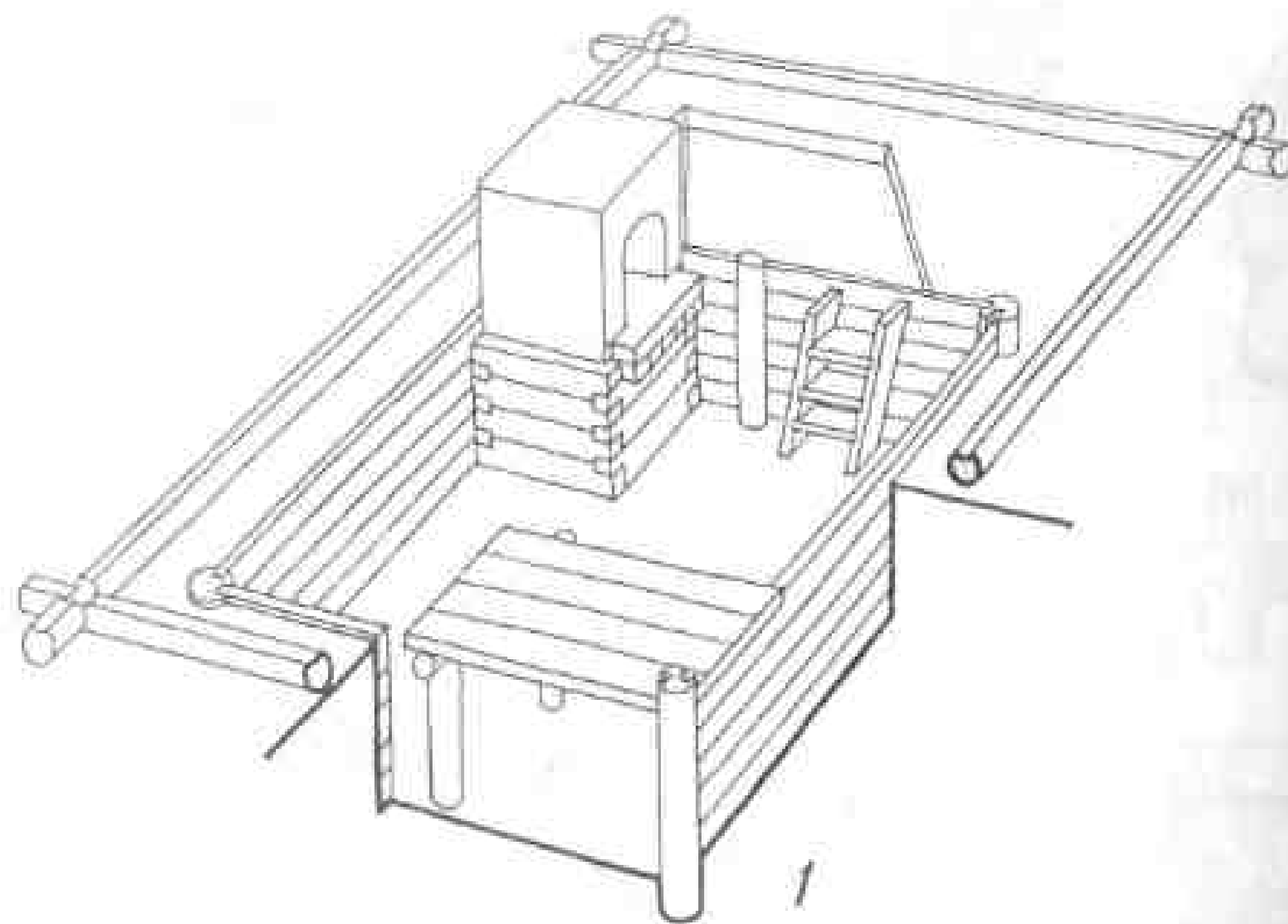

Таблица 2. Постройка 11-А-1.
1 — реконструкция, вид с востока; 2 — план и разрез.

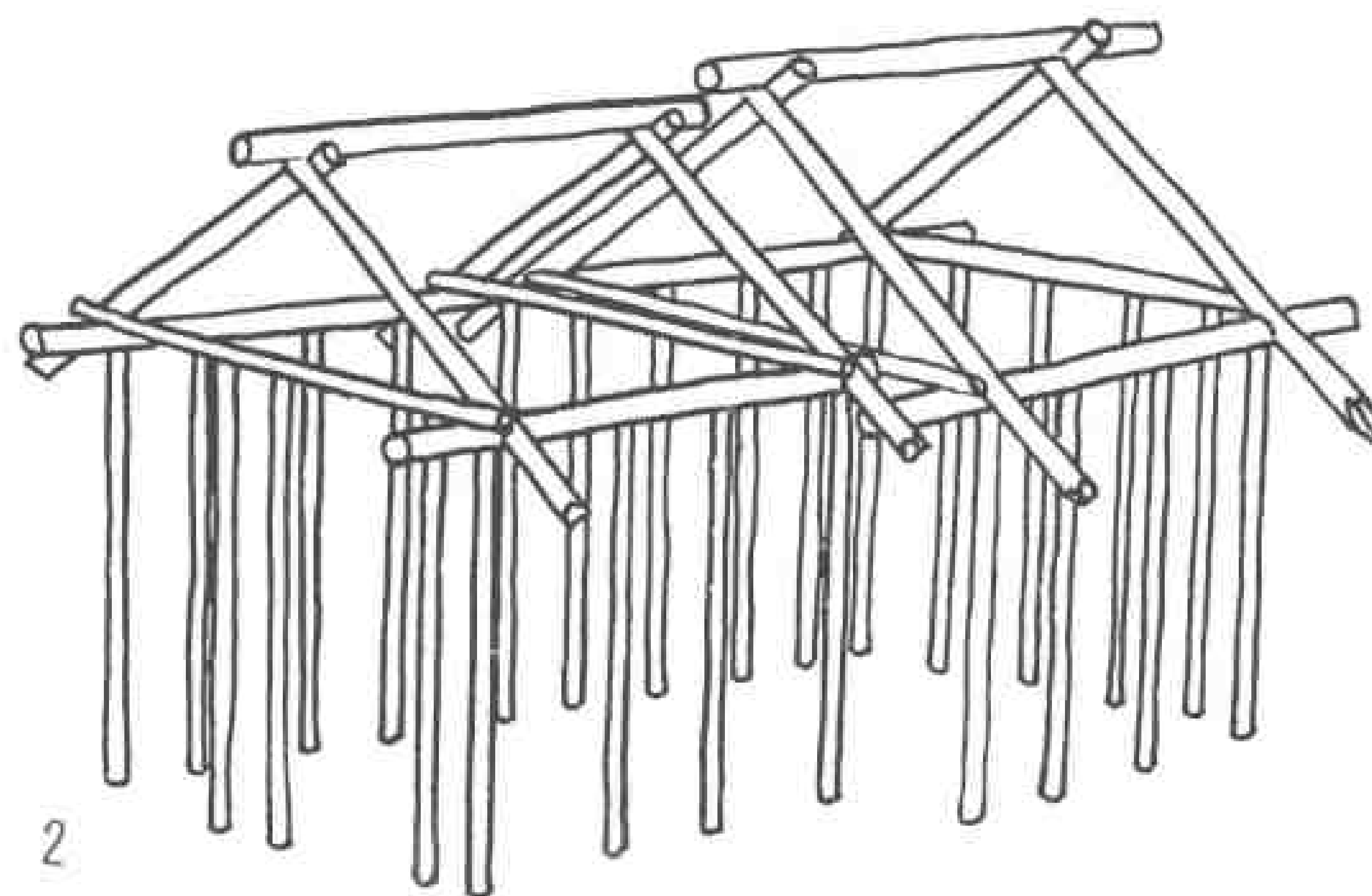
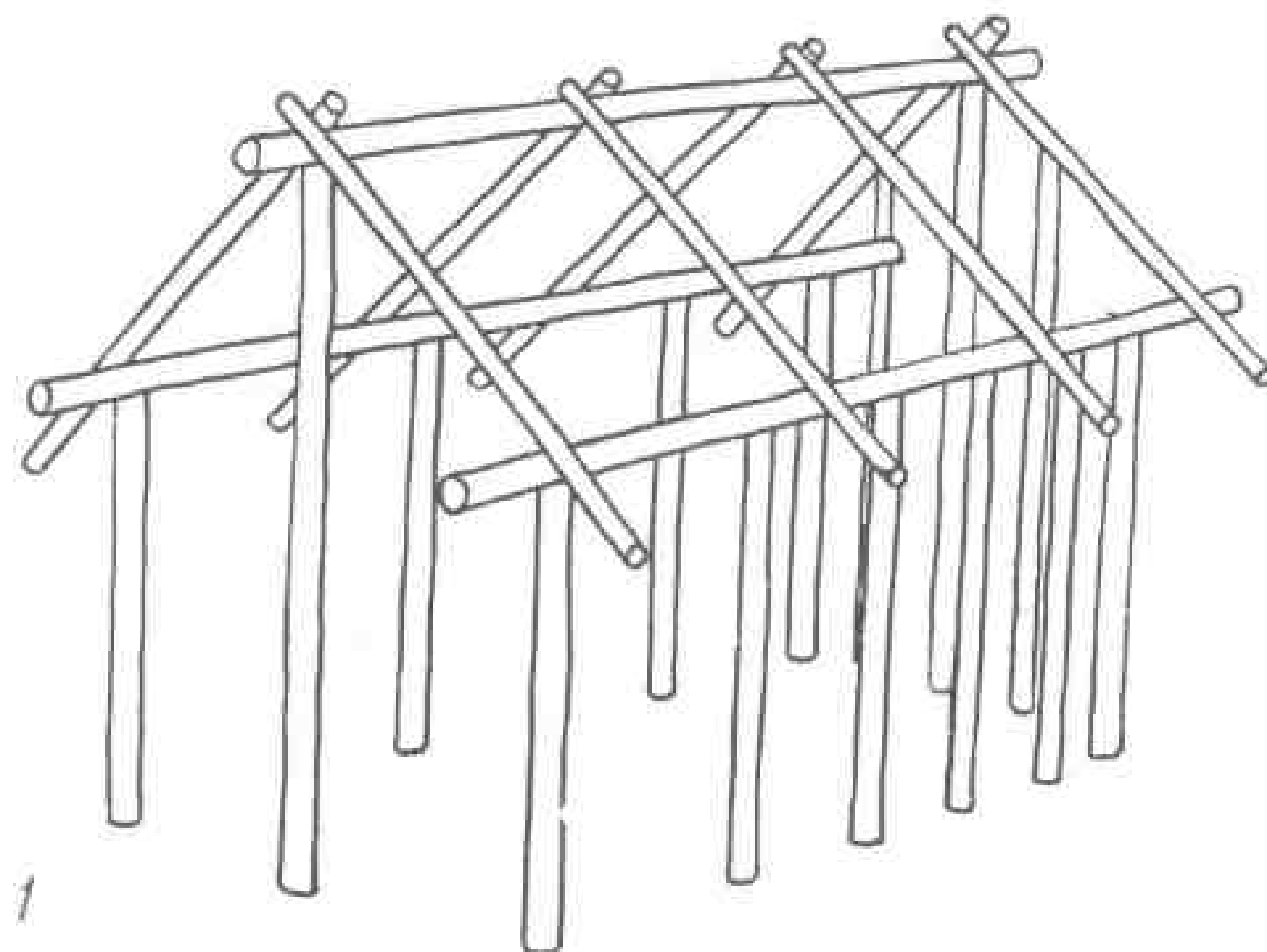
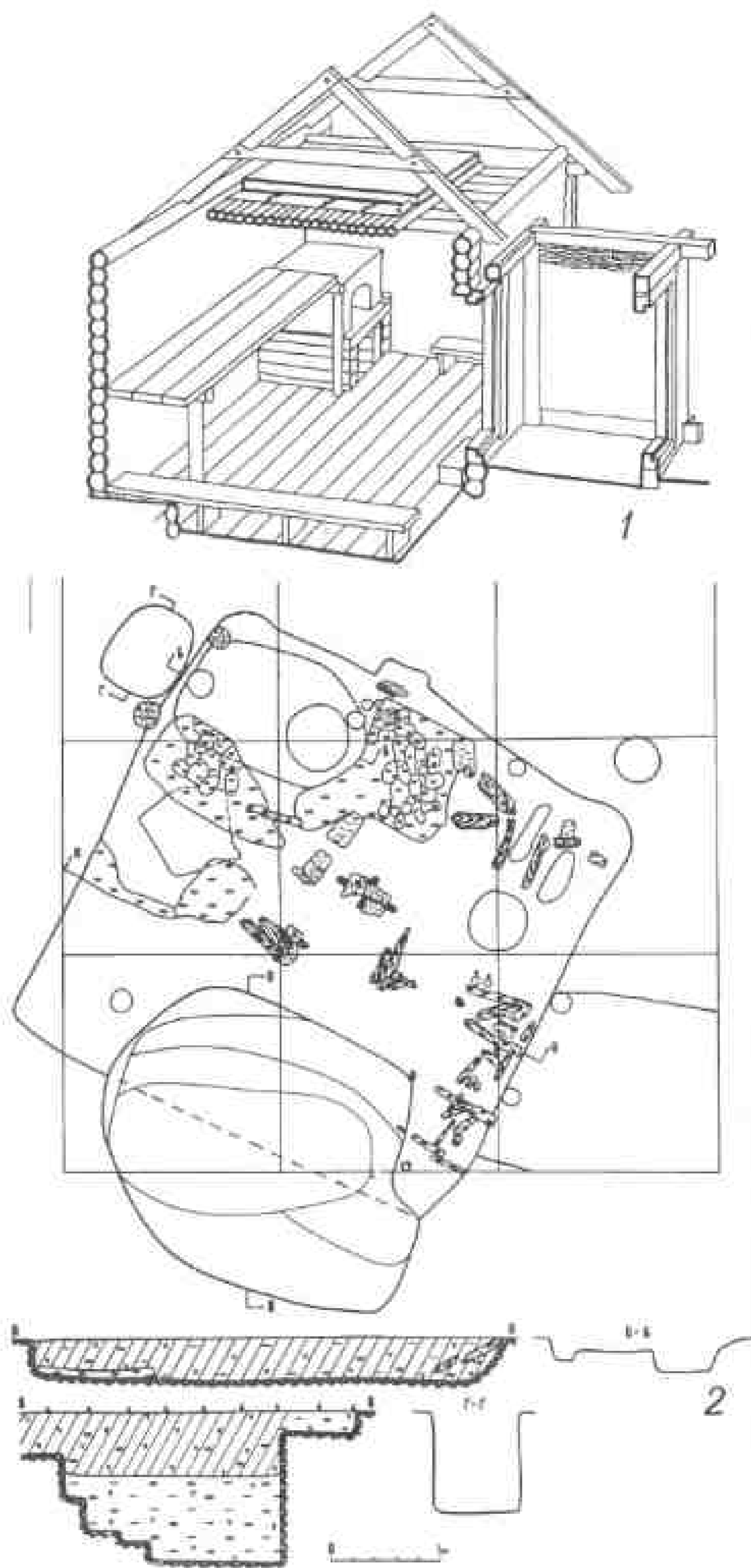
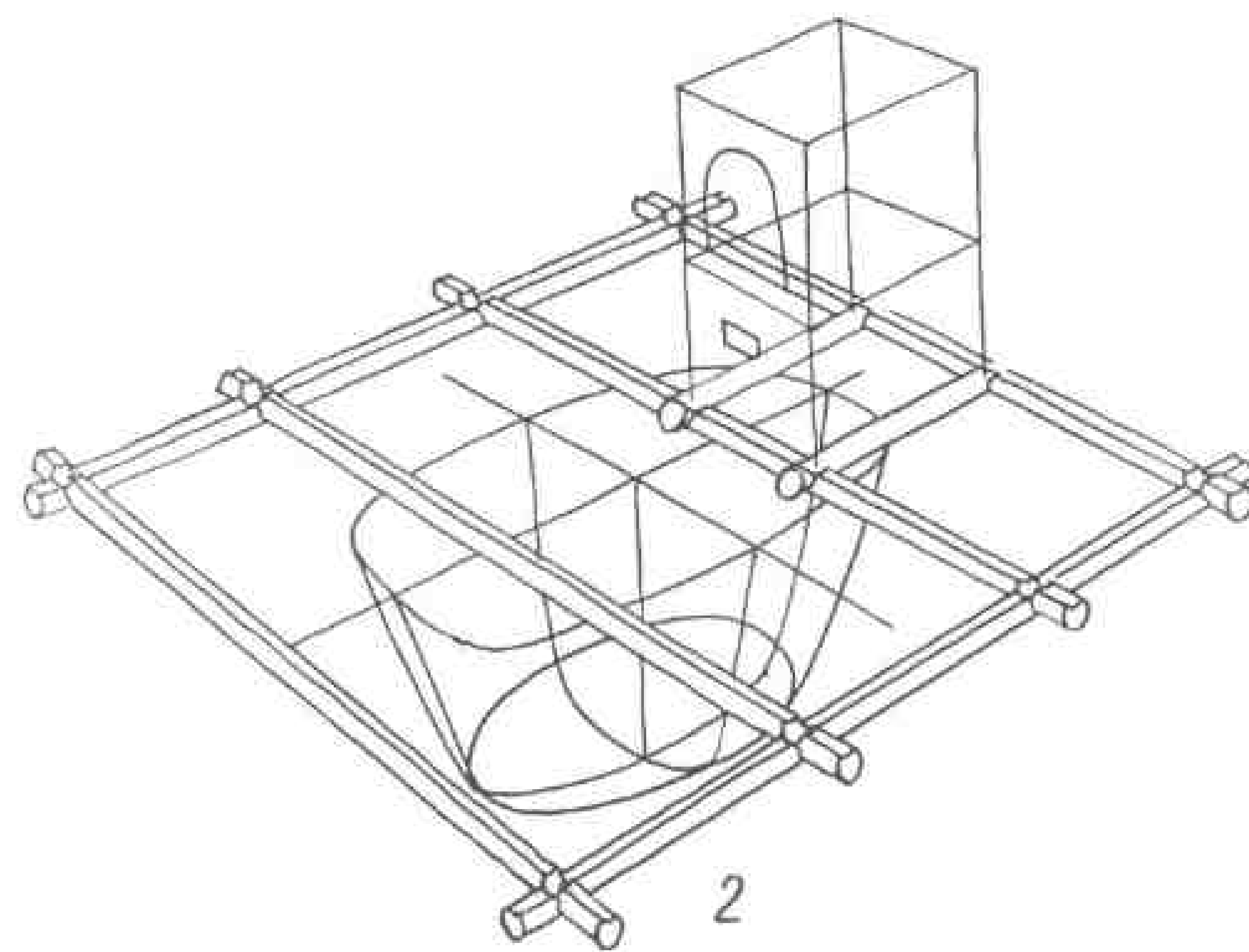
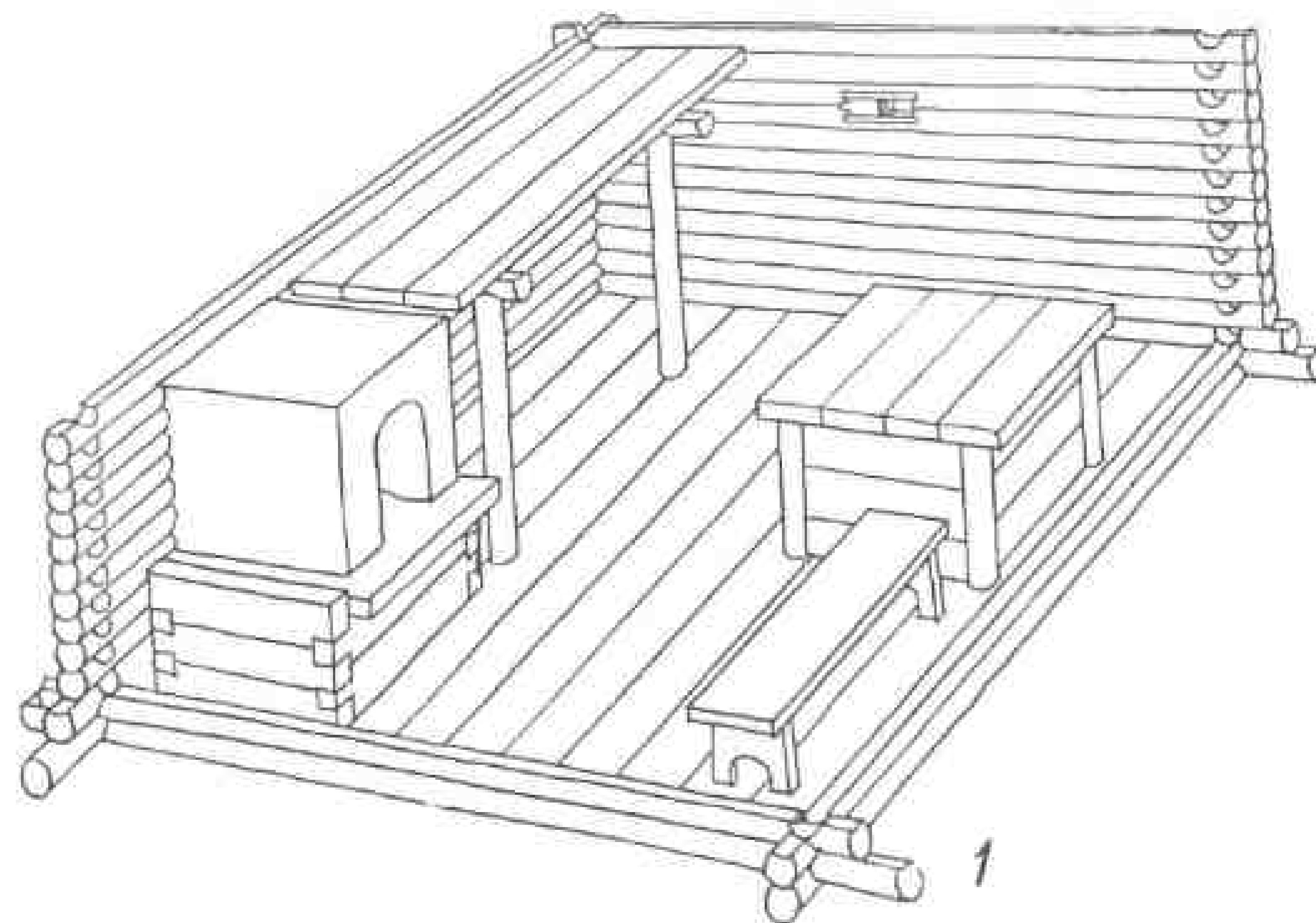

Таблица 3. Варианты реконструкций каркасных построек на расколе 11.
1 — А-2, вид с юго-востока; 2 — А-3, вид с юго-запада.

Таблиця 4. постр.11-Б-1.
1 — реконструкція, вид с юга; 2 — план и разрез.

Таблиця 5. Постройки на раскопе 12.
1 — реконструкція постройкі 1, вид с северо-востока; 2 — эскиз реконструкції постройкі 2, вид с северо-запада.

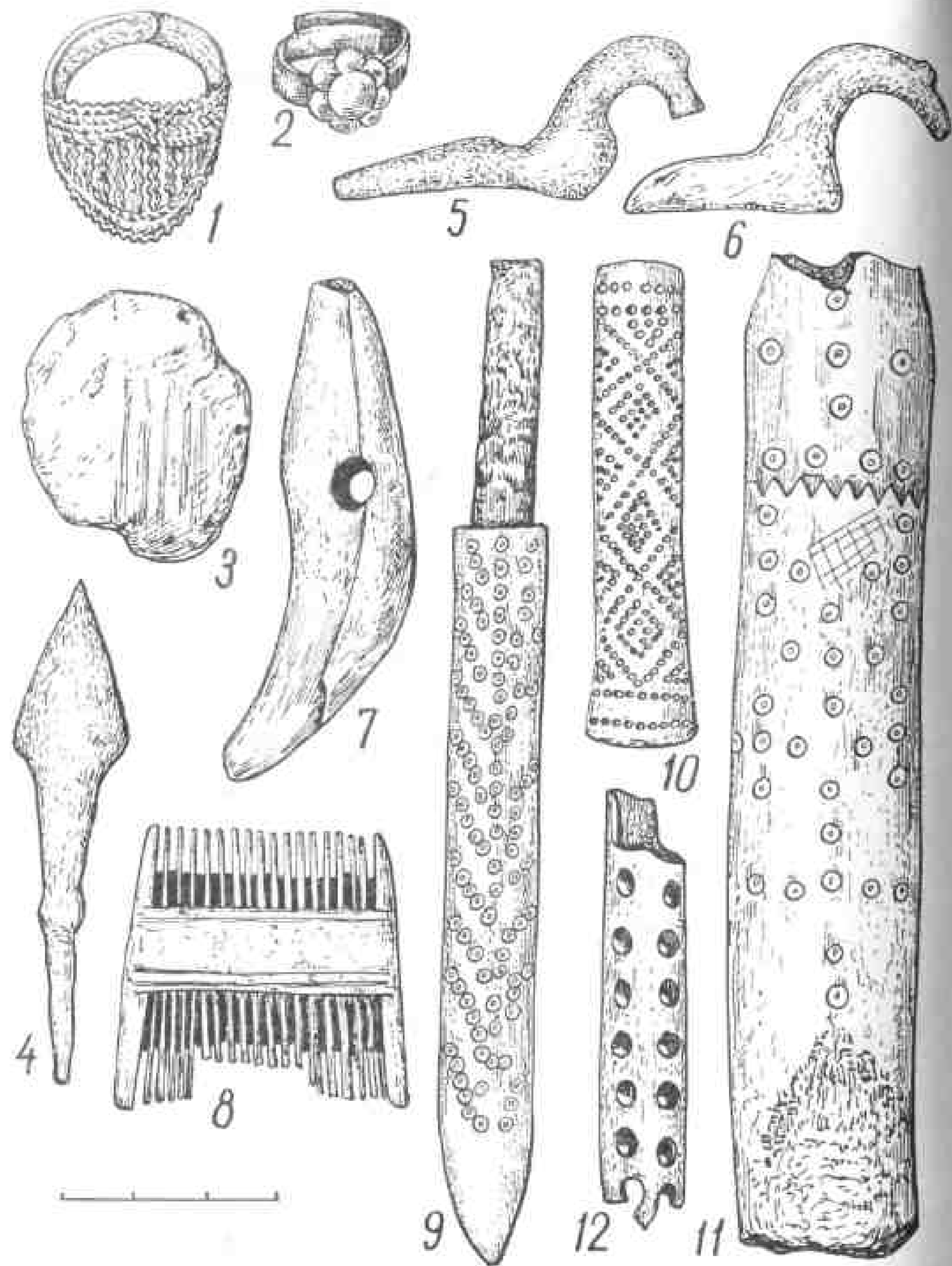

Таблица 6. Находки на раскопе 12 (постройки 1 и 2).
 1-2 — перстни; 3 — «хлеб» глиняный; 4 — наконечник стрелы; 5-6 — амулеты-уточки; 7 —
 медный диск; 8 — гребень; 9 — нож железный с костяной рукояткой; 10-11 — рукоятки ножей;
 12 — моток (?) (1, 2 — бронза; 4 — железо; 5, 6, 8, 10-12 — кость)

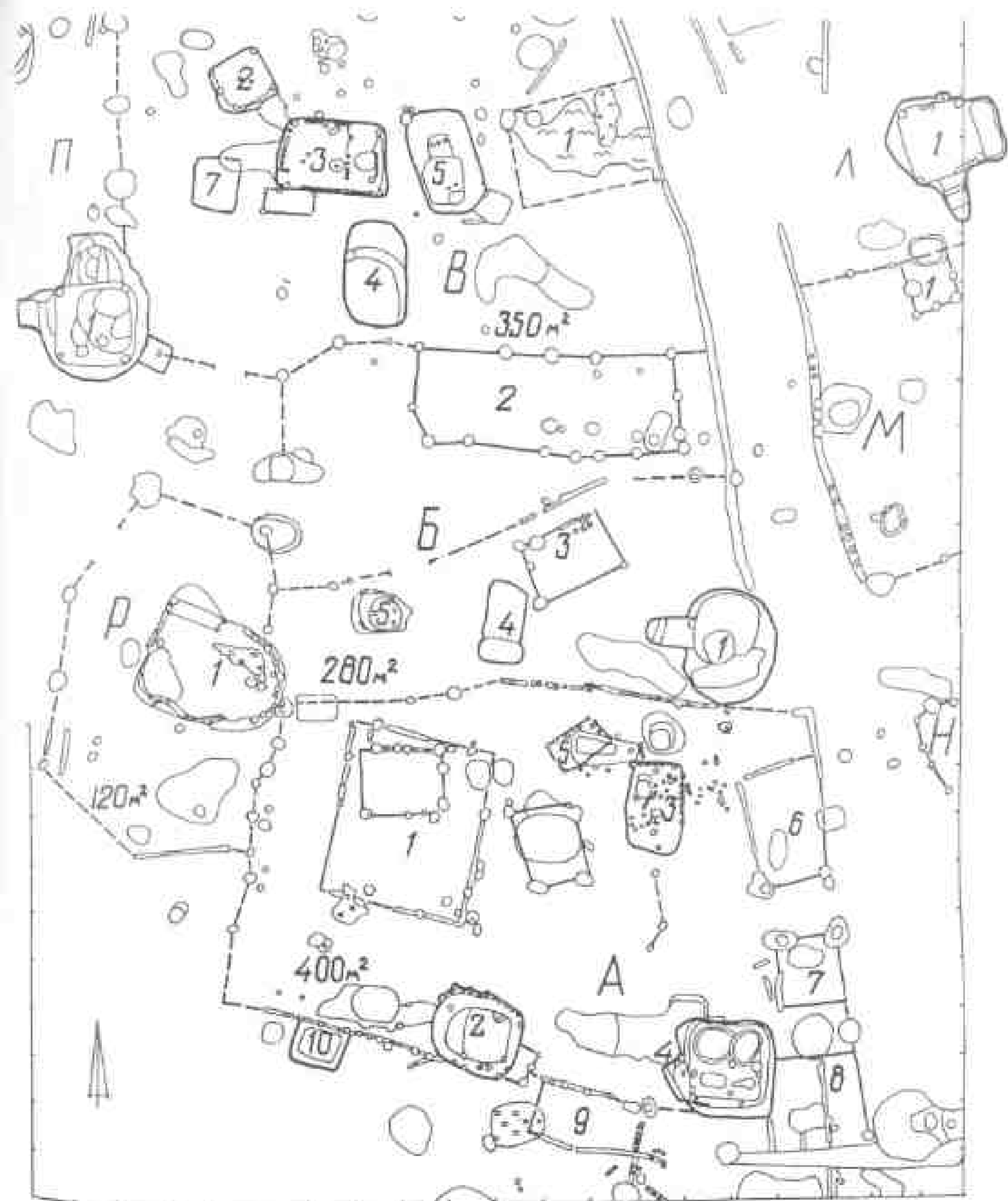

Таблица 7. План раскопа 13 (южная часть).

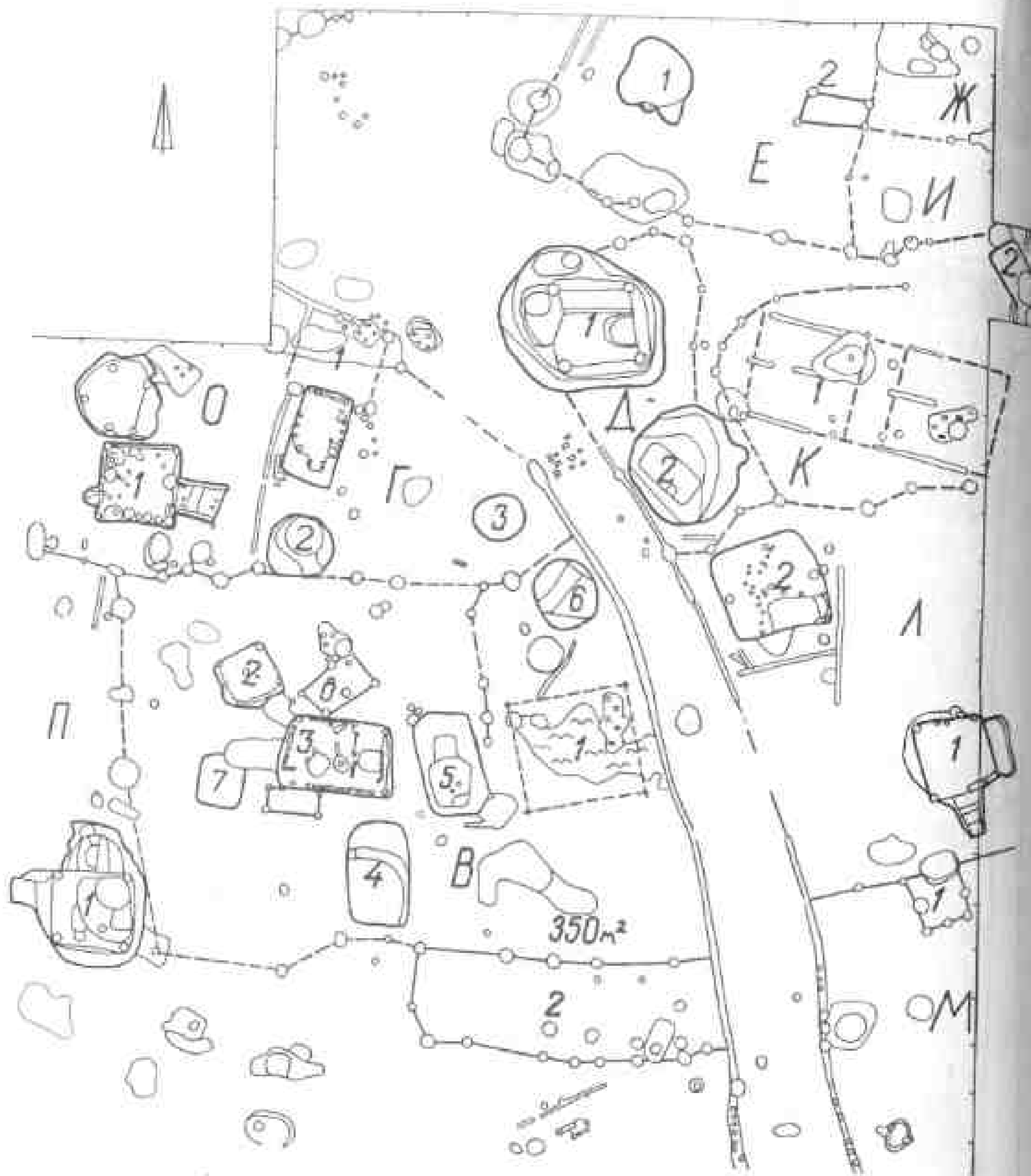

Таблица 8. План раскопа 13 (северная часть).

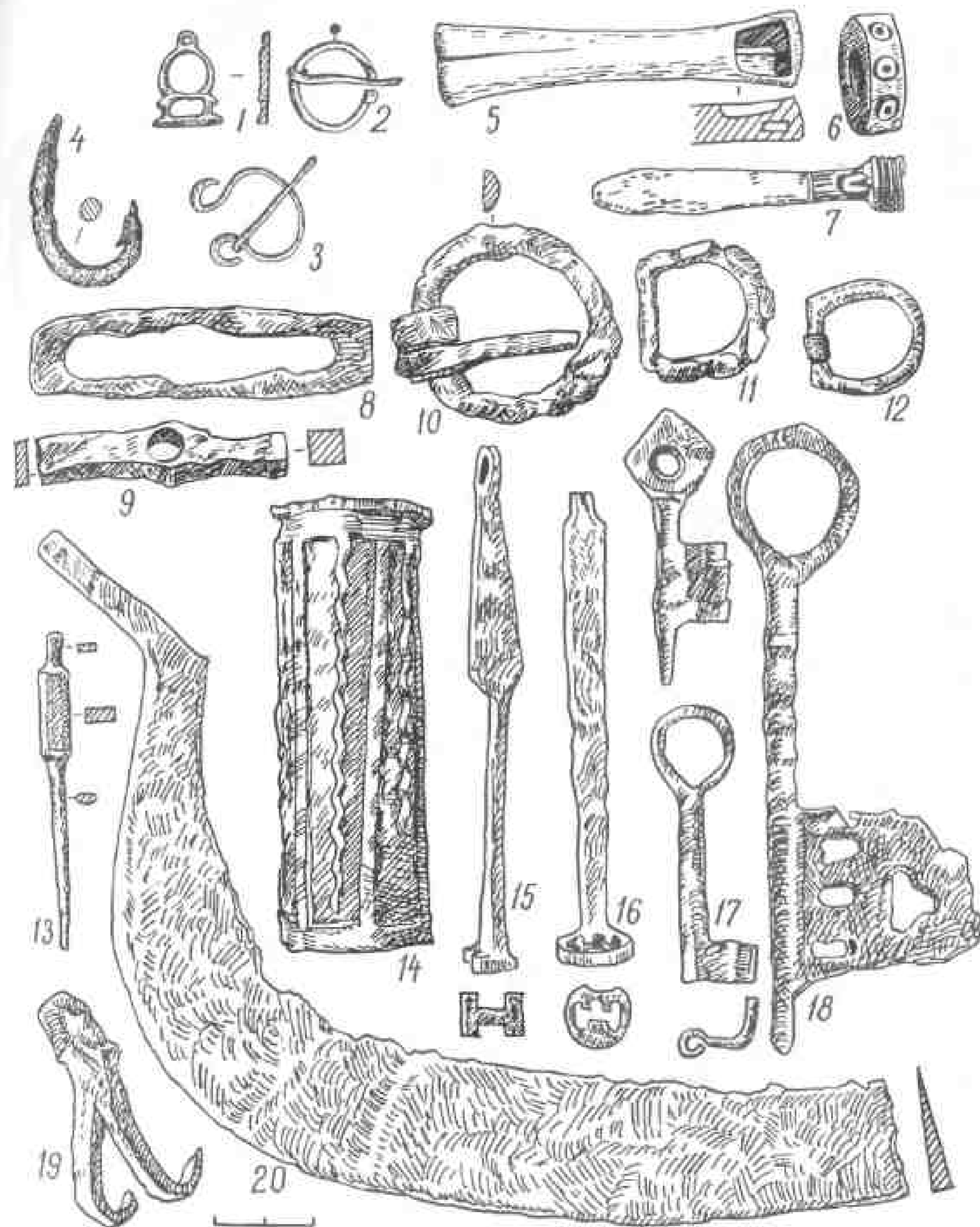

Таблица 9. Раскоп 13, находки в 1 и 2 пластах.
1 — книжная застежка (7); 2-3 — фибулы; 4 — рыболовный крючок; 5 — сумка; 6 — прокладка (муфта) для рукоятки ножа; 7 — рукоятка ножа с бронзовой обоймочкой; 8 — кресало; 9 — ртутьный молоток; 10 — подпружинная пряжка; 11, 12 — поясные пряжки; 13 — шпиль; 14 — замок; 15-18 — ключи; 19 — крючок-кошка; 20 — серп (1-3 — бронза; 4, 8-20 — железо; 5-7 — кость).

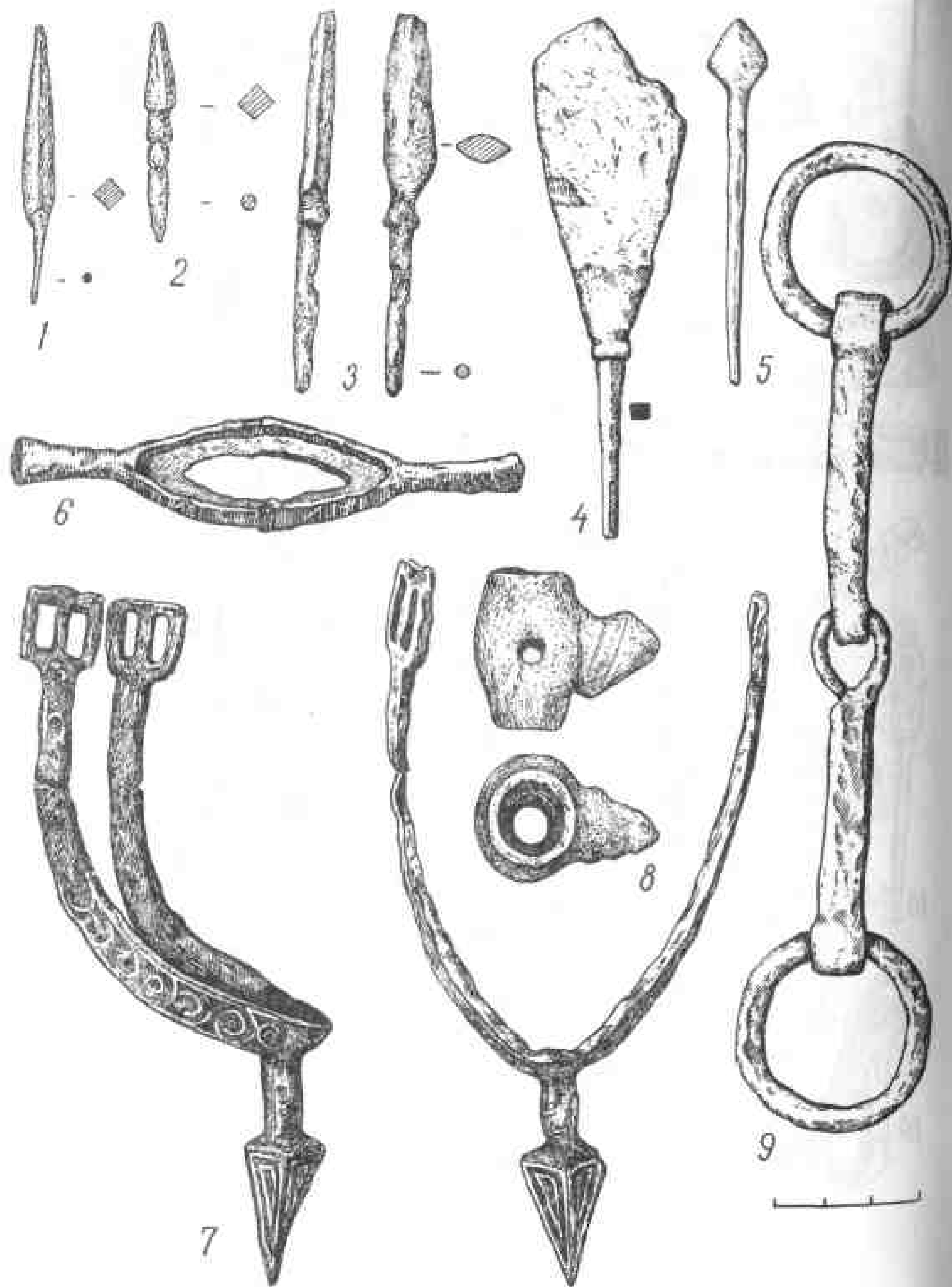

Таблица 10. Раскоп 13, находки в 1 и 2 пластах.

1-5 — стрелы; 6 — перекрестье рукоятки сабли; 7 — шпора; 8 — наконечник стрелы; 9 — удила (1-7, 9 — железо; 8 — кость).

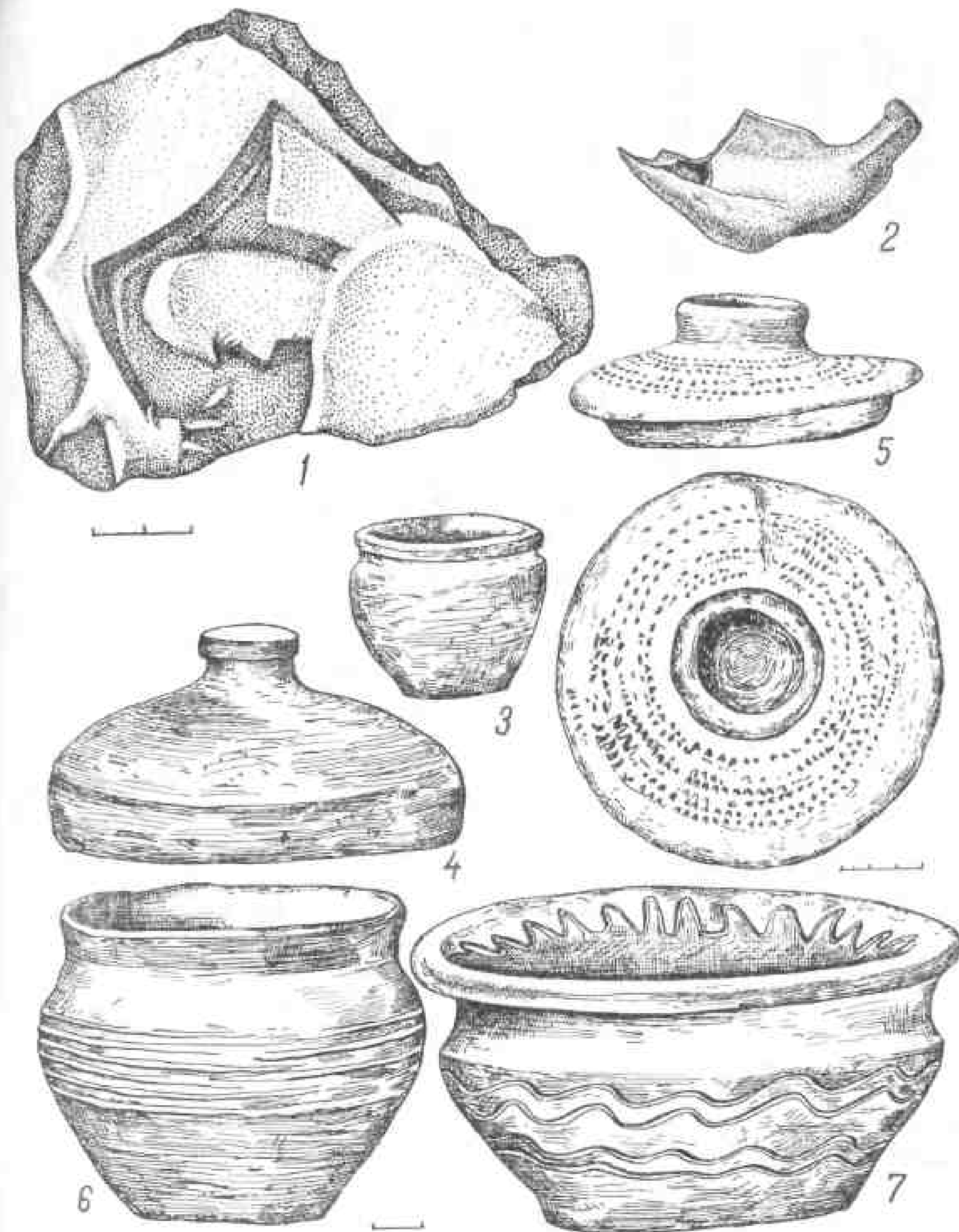

Таблица 11. Раскоп 13, керамические изделия из 1 и 2 пластов.

1 — обломок сосуда; 2 — тигель-лялька; 3 — миниатюрный сосудик; 4, 5 — крышки от горшков; 6 — горшок; 7 — миска.

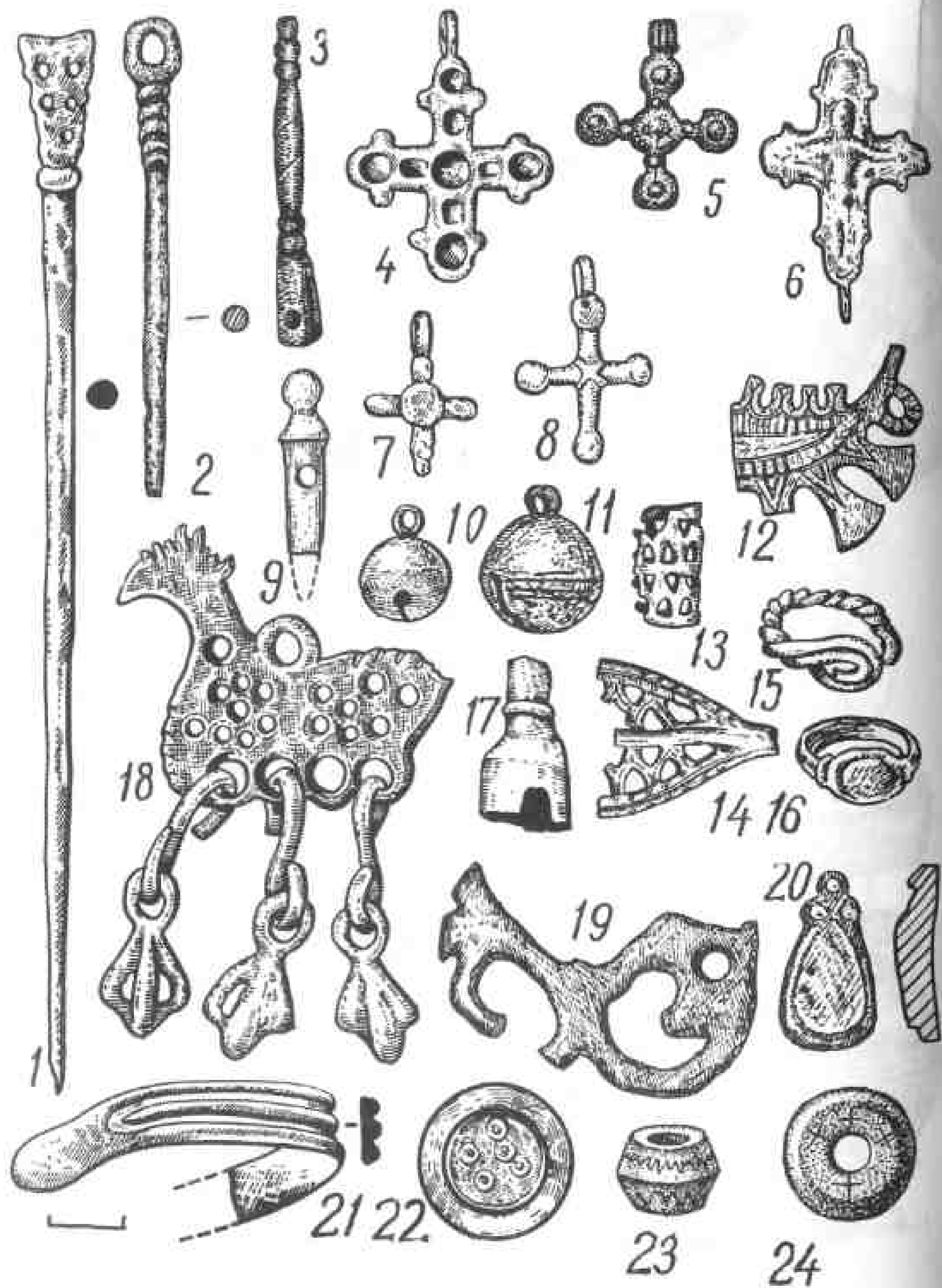

Таблица 12. Раскоп 13; находки в 1 и 2 пластах.

1 — стиль; 2 — булавка; 3 — бронзовый предмет; 4-8 — нательные крестики; 9 — книжная застежка (?); 10, 11 — бубенчики; 12 — семилопастное височное кольцо; 13-16 — перстни; 17 — бутылочная привеска; 18, 19 — птицевидные подвески; 20 — матрица; 21 — браслет; 22 — гирица; 23, 24 — пряслица (1 — железо; 2-21 — бронза; 23, 24 — шифер).

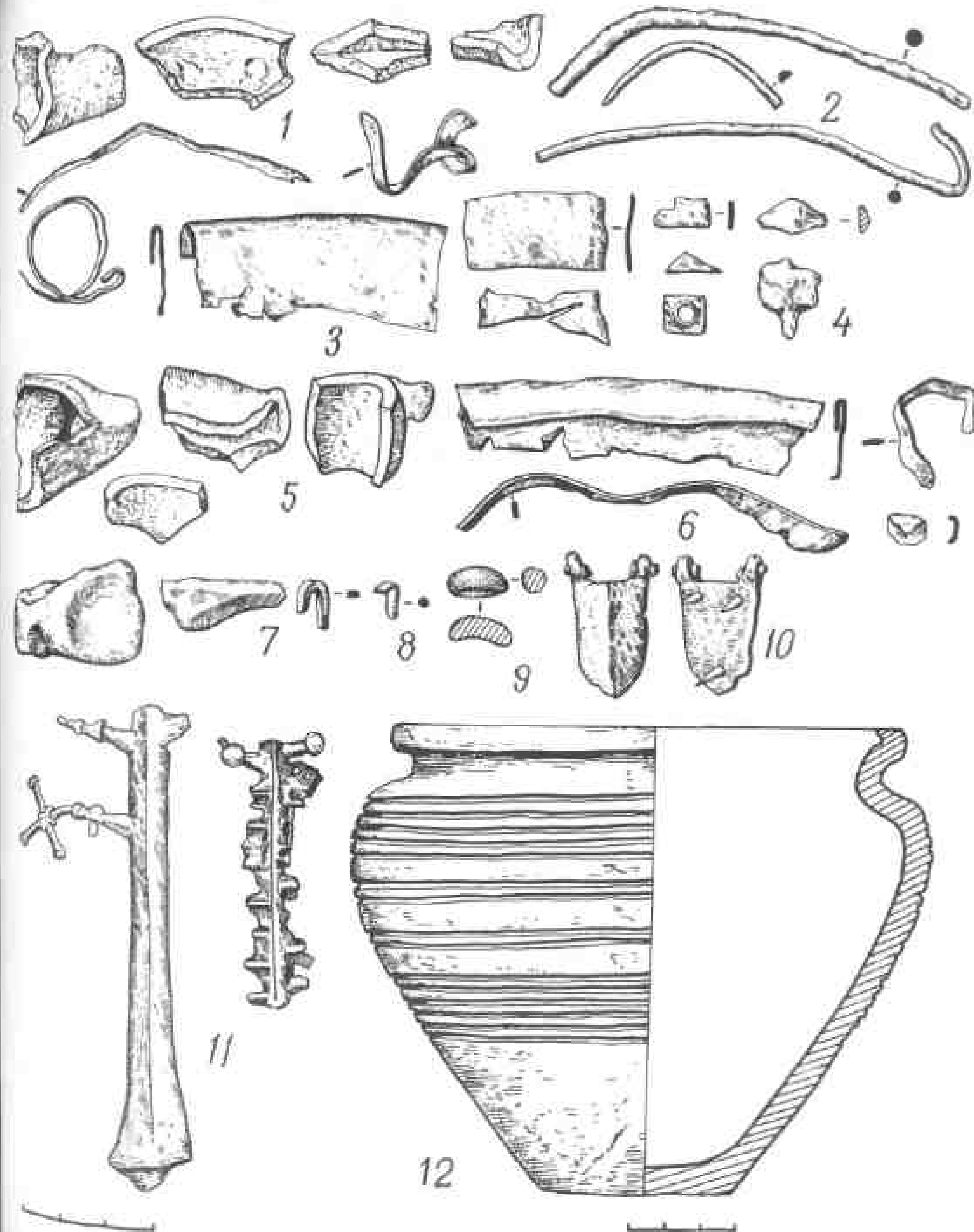

Таблица 13. Раскоп 13, усадьба А, находки из построек.

Постройка 1: 1 — обломки тислей со следами застывшего металла; 2 — куски проволоки; 3 — обрезки листовой бронзы; 4 — полуфабрикаты бронзовых изделий. Постройка 2: 5 — обломки тислей; 6 — обрезки листовой бронзы; 7 — медные слитки; 8 — медные заклепки; 9 — серебряный слиток; 10 — поясная накладка; 11 — литники; 12 — горшок.

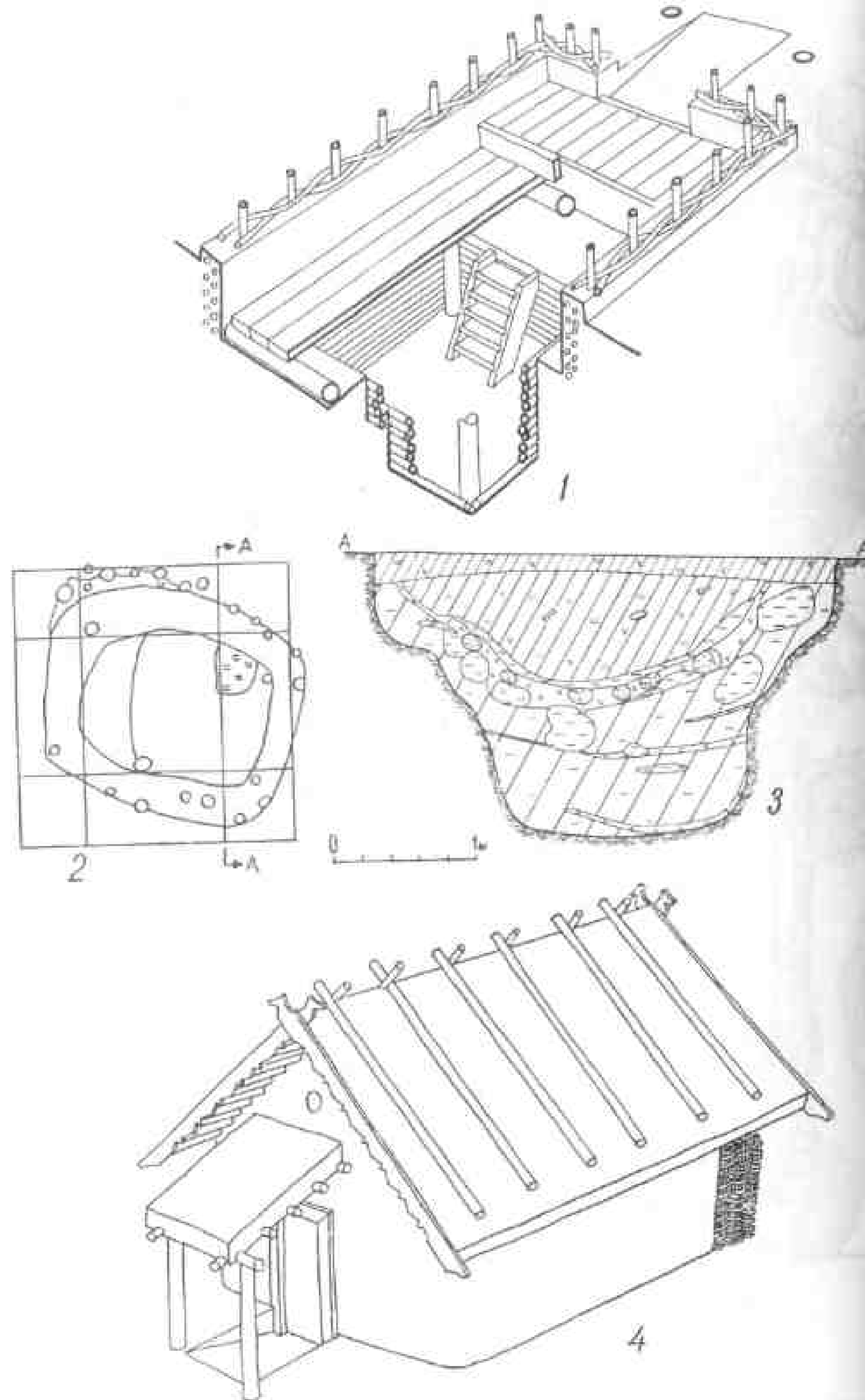

Таблица 14. Постройка 13-A-2.
1 — реконструкция погребов более раннего сооружения; 2-3 — план и профиль заполнения; 4 — реконструкция постройки серого горизонта (мастерская), вид с юго-запада.

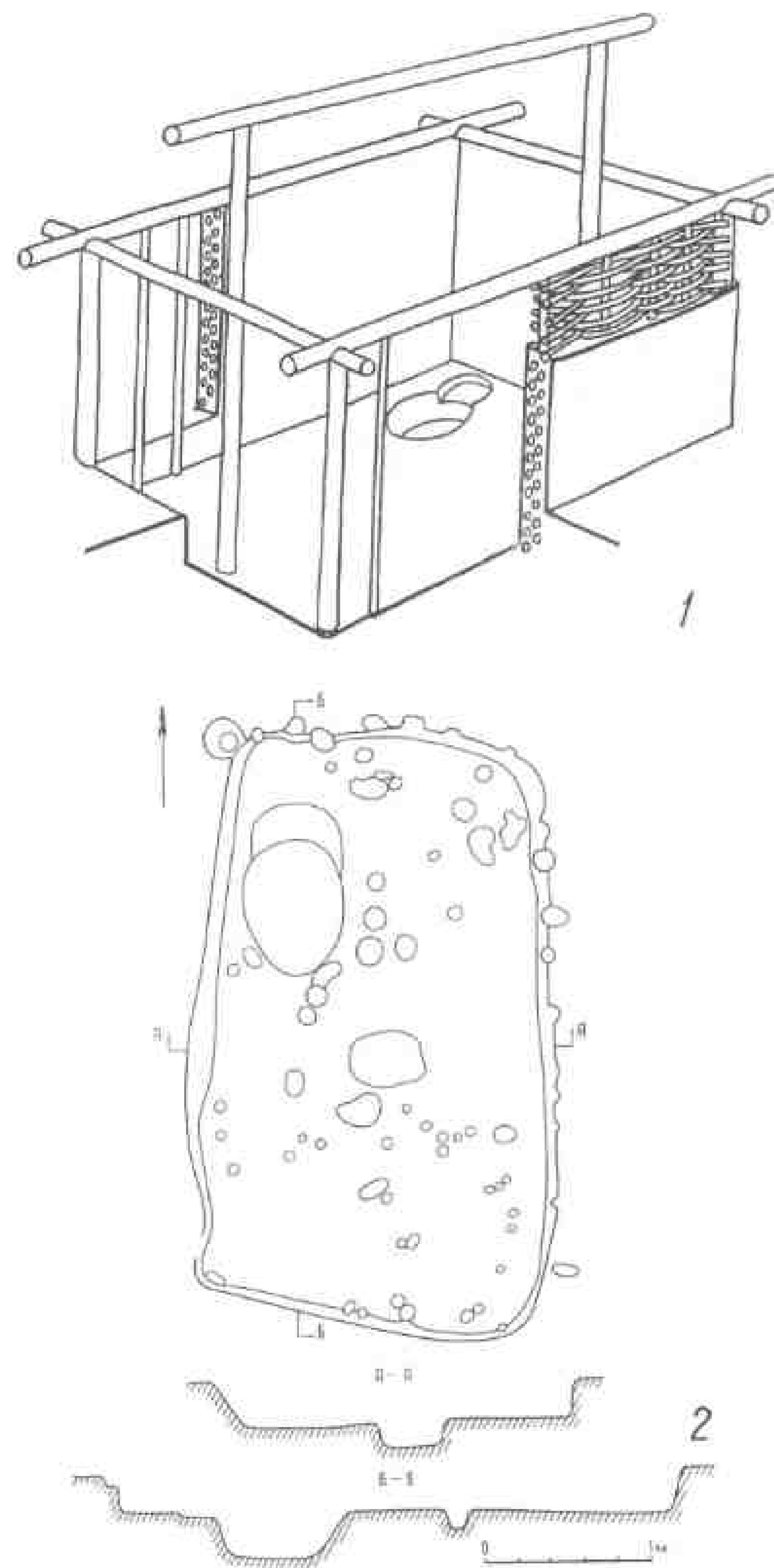

Таблица 15. Постройка А-3.
1 — гипотетическая реконструкция; 2 — план и разрез.

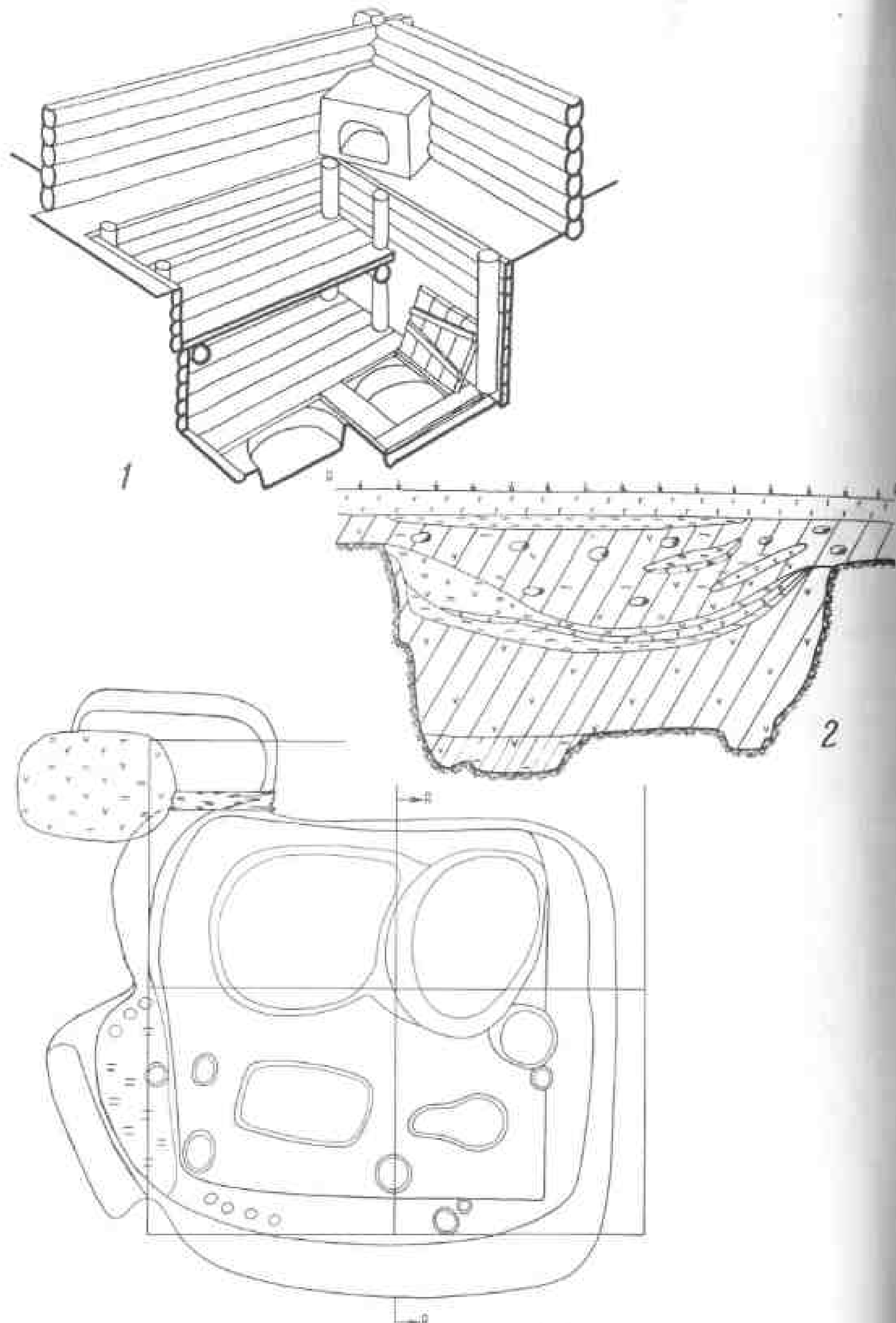

Таблица 16. Постройка А-4.

1 — реконструкция, схема предполагаемого расположения основных частей внутреннего оборудования мастерской (часть стен и крыша удалены); 2 — план и профиль заполнения.

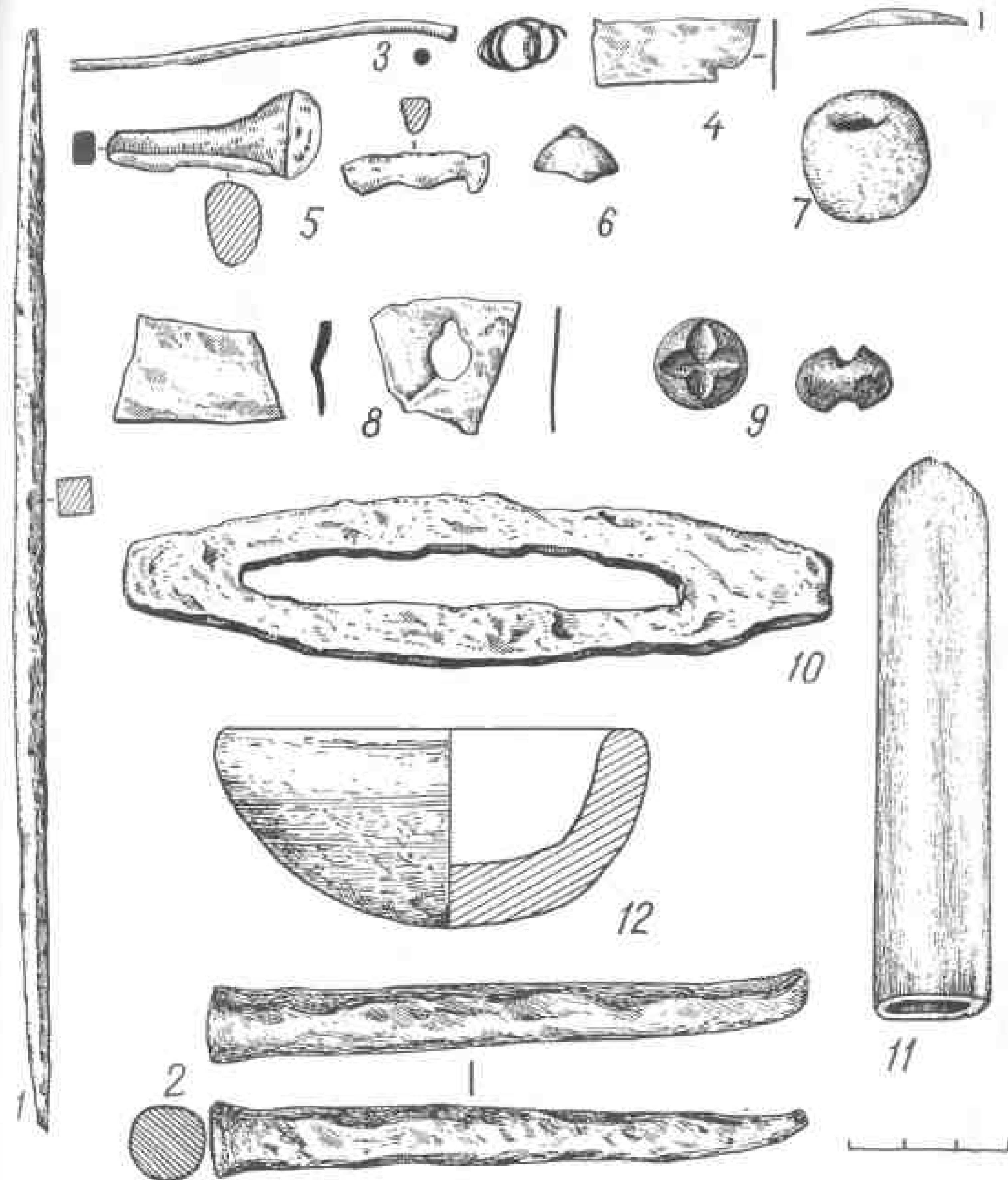

Таблица 17. Раскоп 13, усадьба А, находки из построек.
Постройка 4: 1 — пробойник (?); 2 — бородок; 3 — проволока; 4 — обрешки листовая бронзы; 5 — медные слитки; 6 — фрагмент бубенчика; 7 — пряслице. Постройка 5: 8 — бронзовые пластинки; 9 — матрица; 10 — кресало; 11 — рукоятка ножа; 12 — светильник (1, 2, 10 — железо; 3-6, 8, 9 — цветной металл; 7, 12 — глина; 11 — кость).

Таблица 18. Раскоп 13, находки из построек.

1 — костяная пластина (Б-1); 2 — тигли-дьячки (В-1); 3 — тигель; 4 — горшок; 5 — пробойник (В-5); 6 — светильник (Г-3); 7 — рыболовный крючок; 8 — серьга (яма к северу от постройки 9-1); 9 — пряжка (Б-4) (1 — кость; 2-4, 6 — глина; 5, 7, 9 — железо; 8 — бронза).

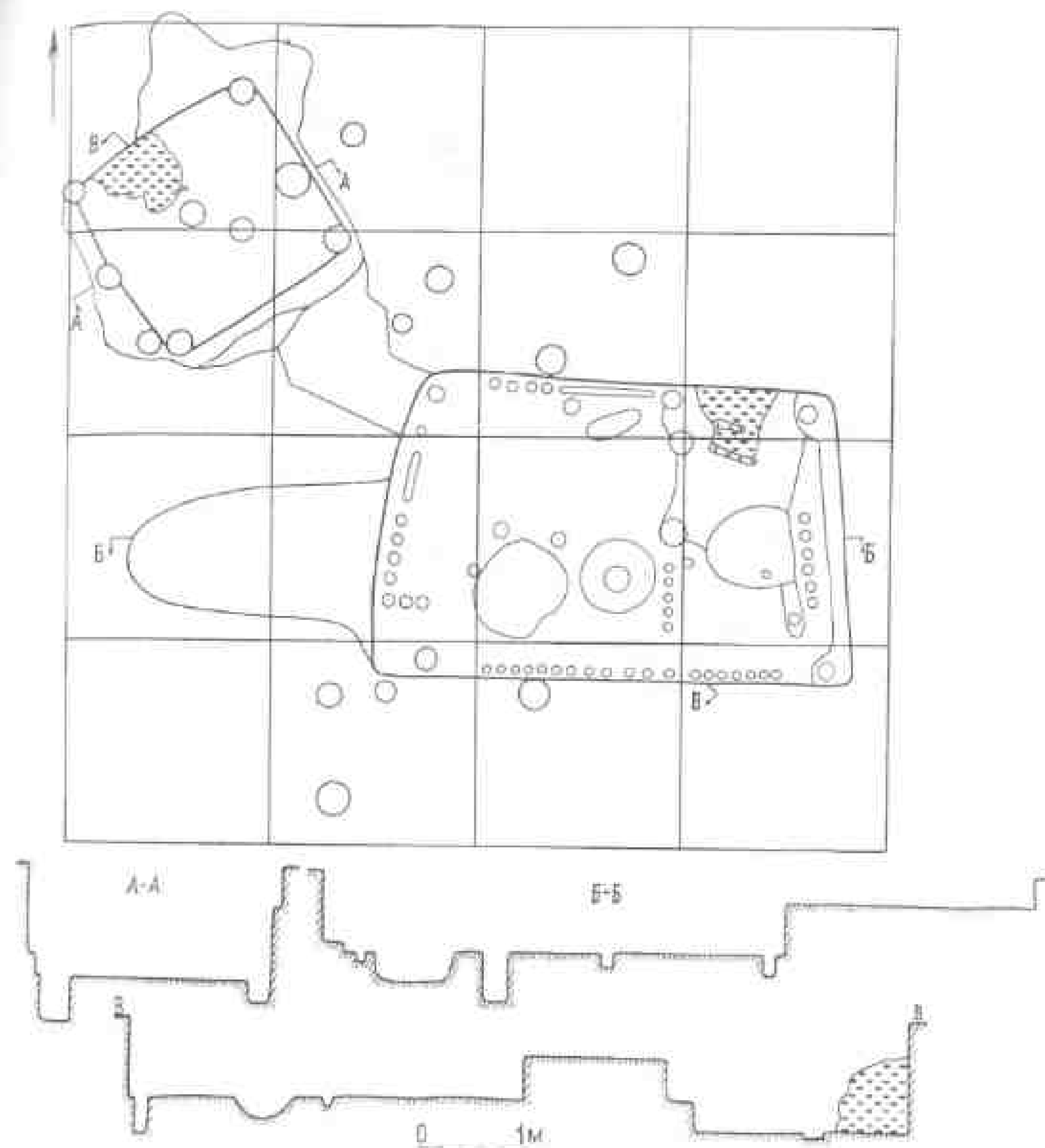

Таблица 19. Постройки В-2 и В-3, план и разрезы.

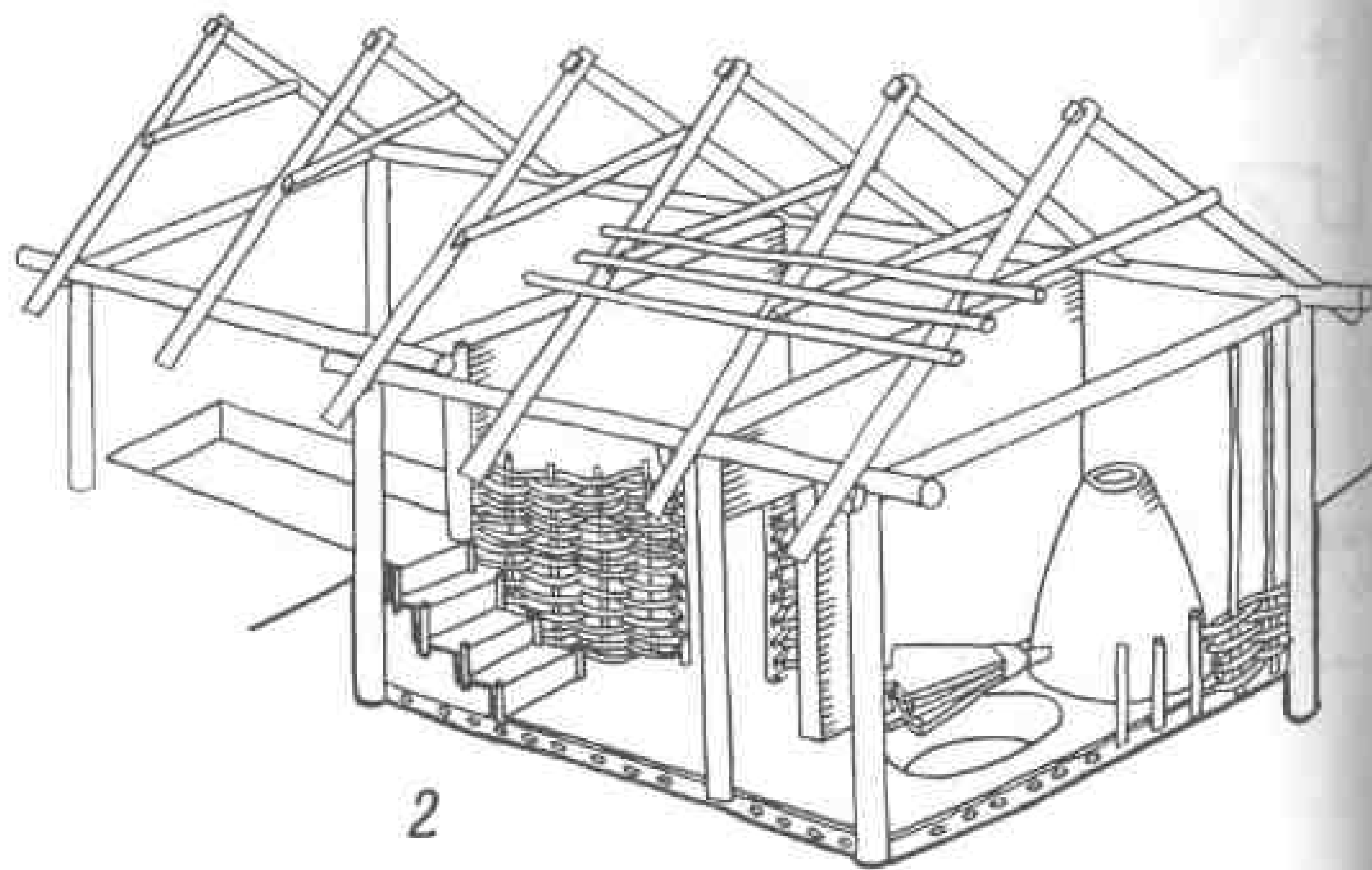
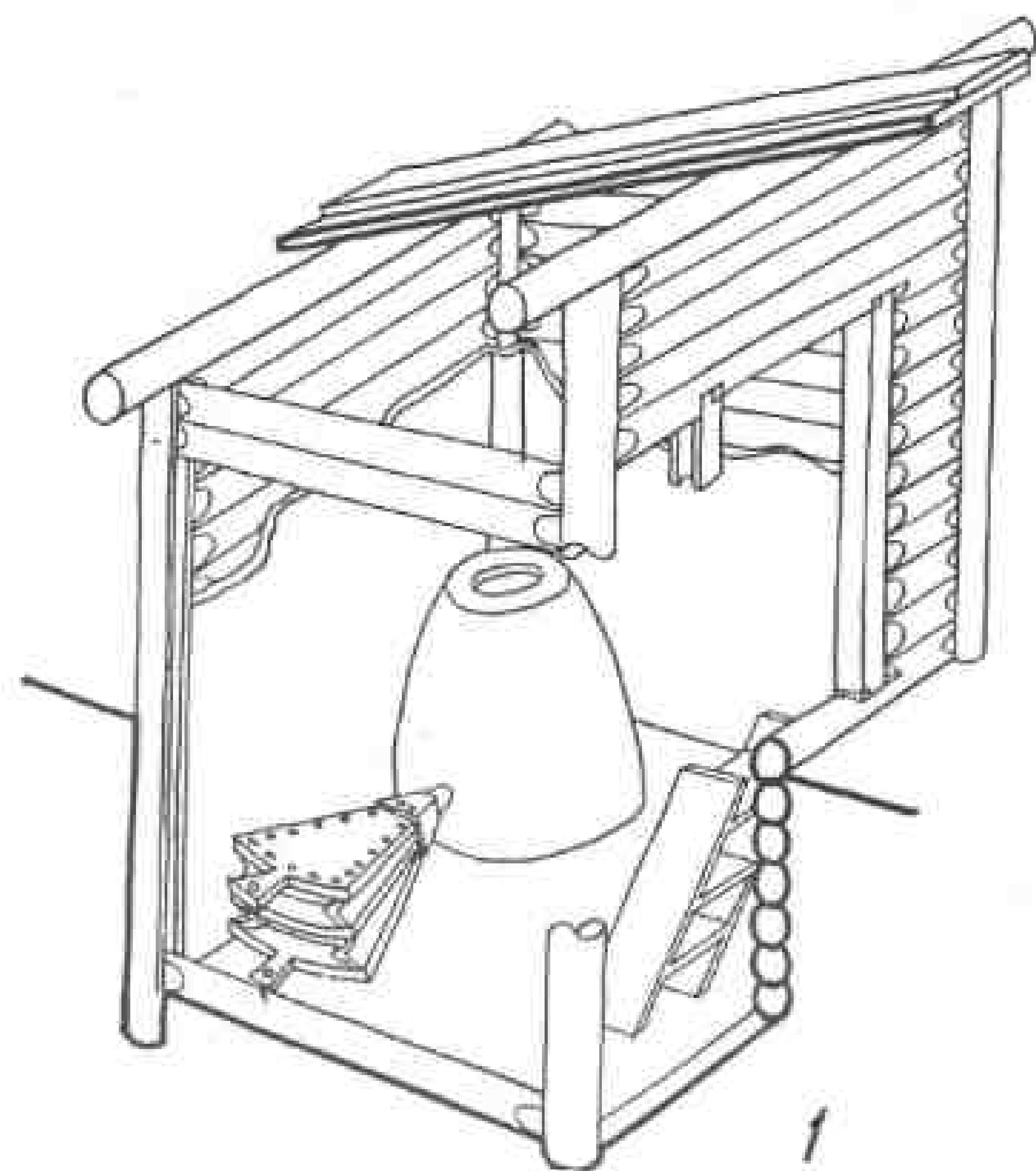

Таблица 20. Реконструкции железоплавильных мастерских.
1 — В-2, вид с востока; 2 — В-3, вид с юго-востока.

Таблица 21. Находки из мастерских В-2 и В-3.
1 — свинцовый слиток; 2 — половинка ножниц; 3 — кресало; 4 — лезвие кузнечного зубила;
5 — прищип; 6 — тигли с остатками металла; 7 — литник; 8 — ягтарная вставка; 9 — горшки;
10 — миски; 11 — обломок сопла (1 — свинец; 2-5 — железо; 6, 9-11 — глина; 7 — бронза; 8 — ягтарь).

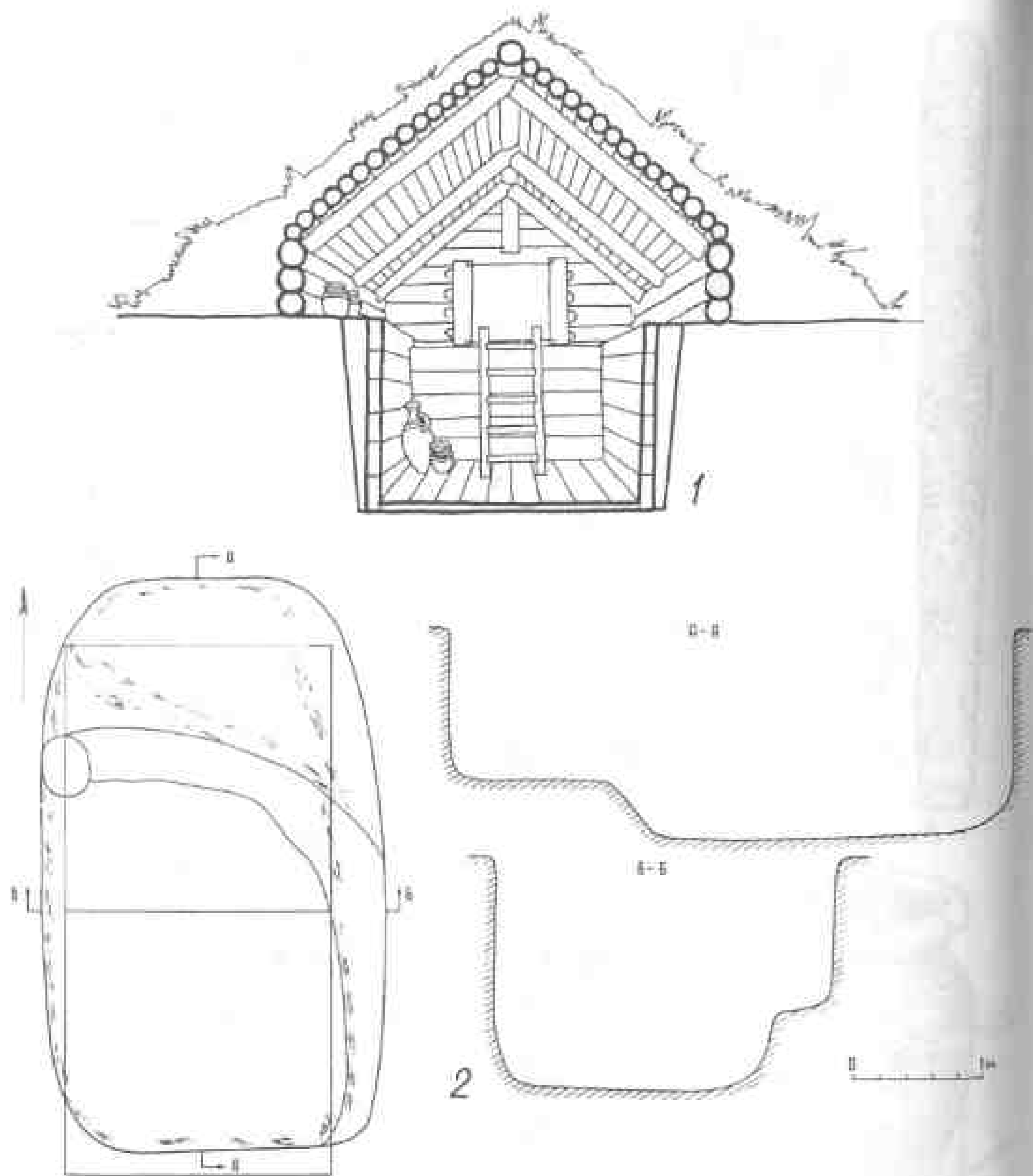

Таблица 22. Постройка В-4.
1 — реконструкция; 2 — план и разрез.

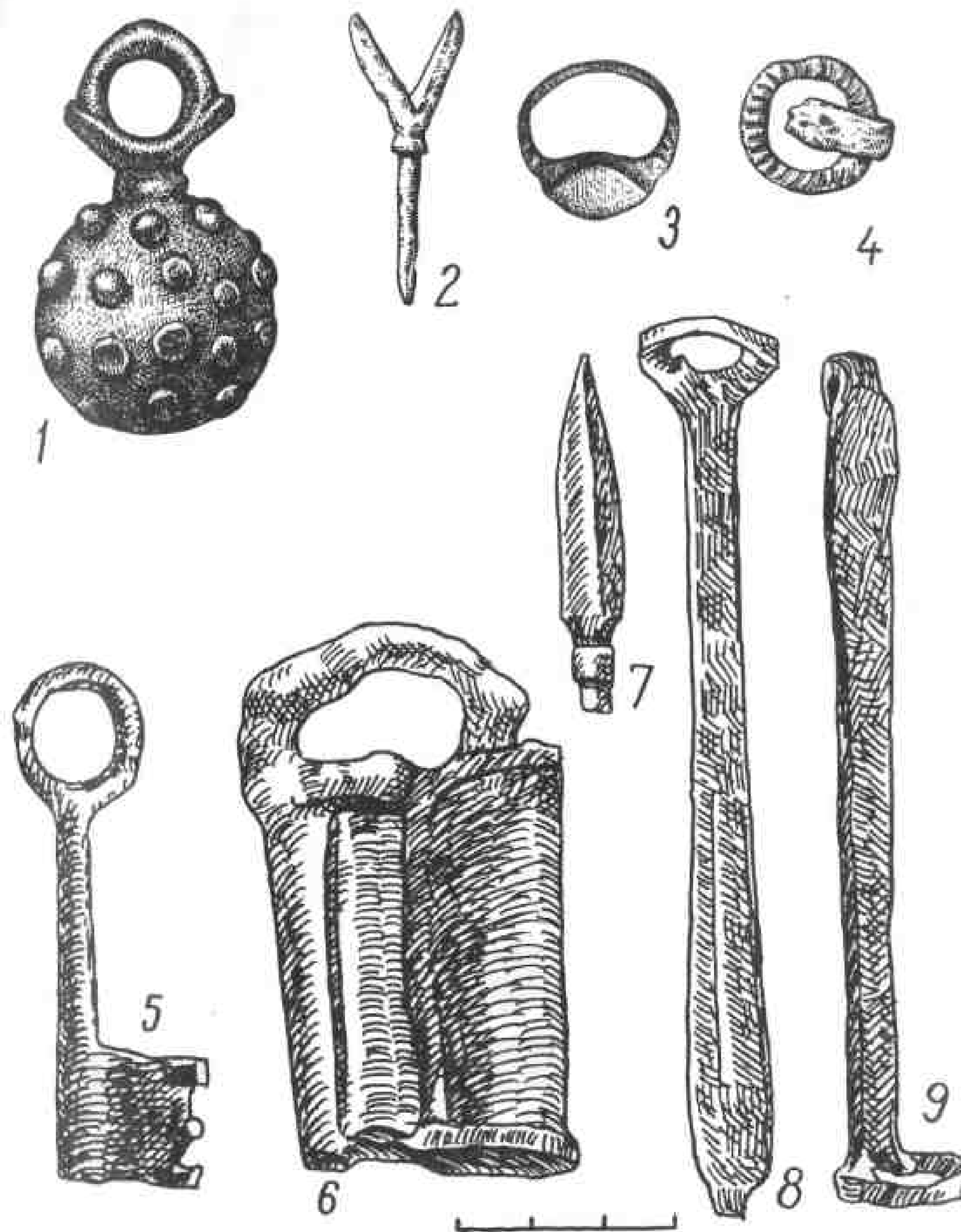

Таблица 23. Раскоп 13, находки из построек.
Постройка П-1: 1 — кистень; 2 — наконечник стрелы; 3 — перстень; 4 — пряжка. Постройка В-4: 5 — юнчик; 6 — замок; 7 — наконечник стрелы; 8, 9 — ключи (1, 3 — бронза; 2, 4-9 — железо).

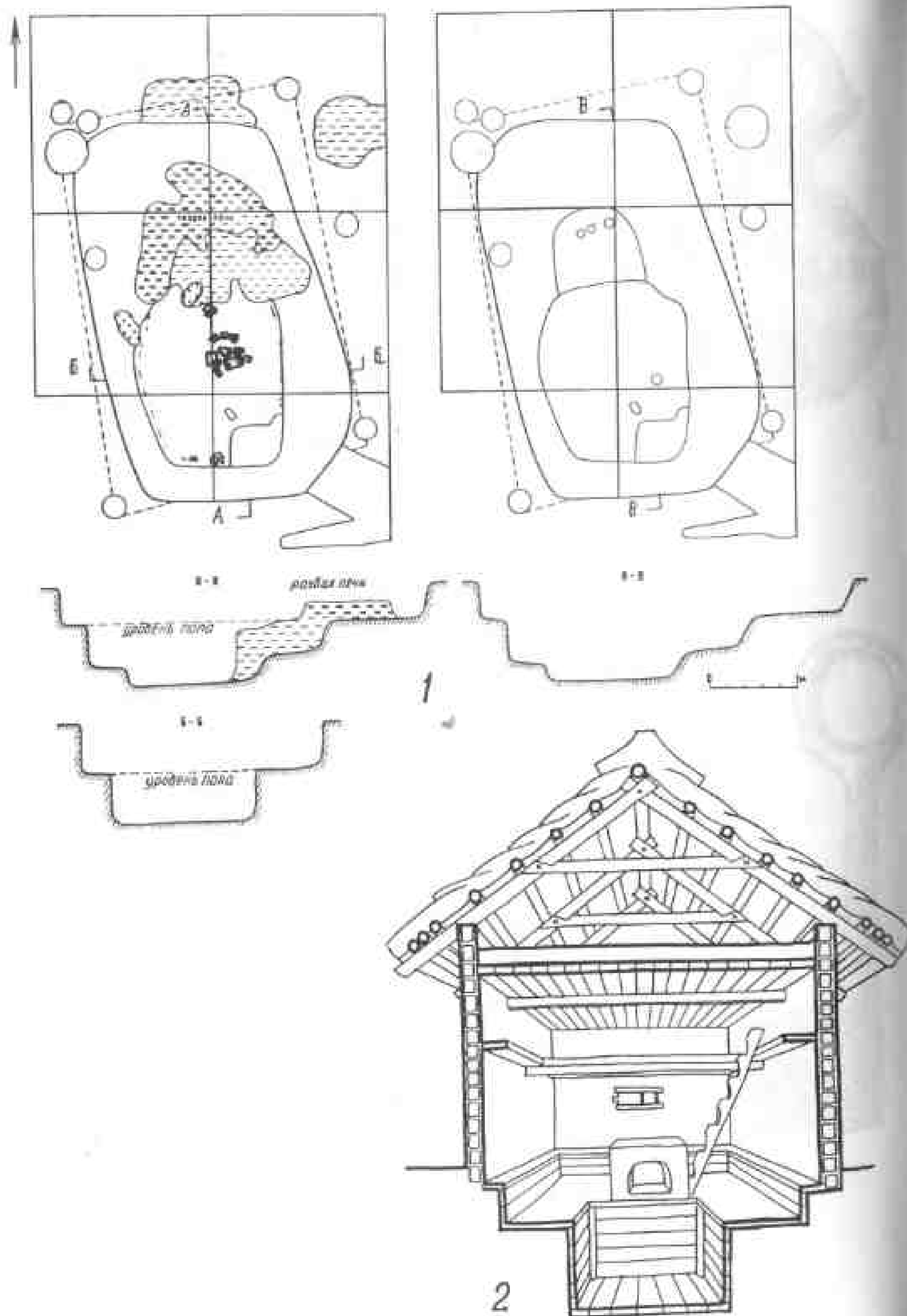

Таблица 24. Постройка В-5.
1 — планы и разрез; 2 — вариант реконструкции.

Таблица 25. Раскоп 13, усадьба В, находки из постройки 5.
1 — крса-горбуша; 2 — кувшин; 3 — горшки; 4 — резец по металлу (?); 5 — бляшка литая;
6 — нагрудный крестик; 7 — подвеска (1, 4 — железо; 2, 3 — глина; 5 — серебро; 6, 7 — бронза).

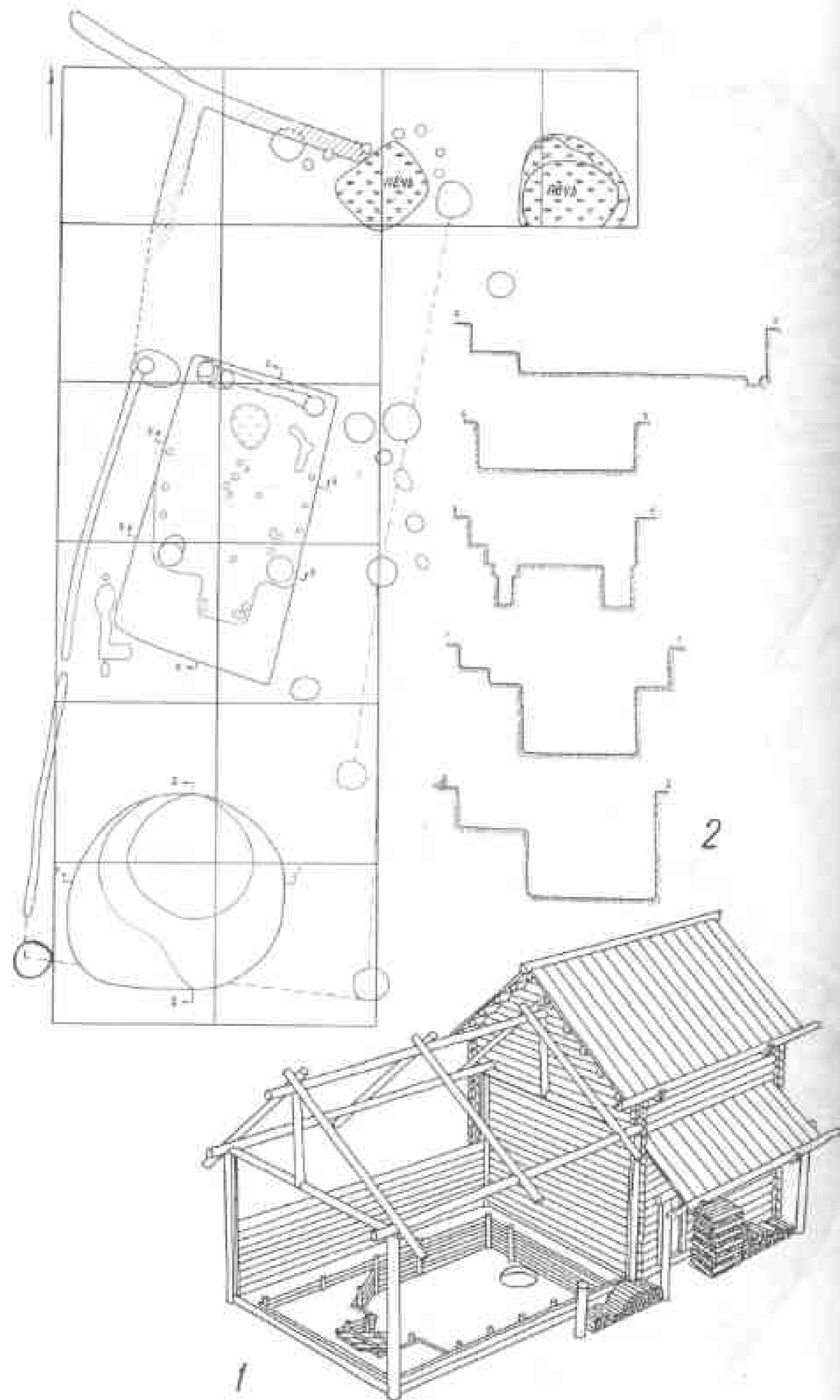

Таблица 26. Постройка Г-1.

1 — вариант реконструкции, вид с юго-востока 2 — план и разрезы.

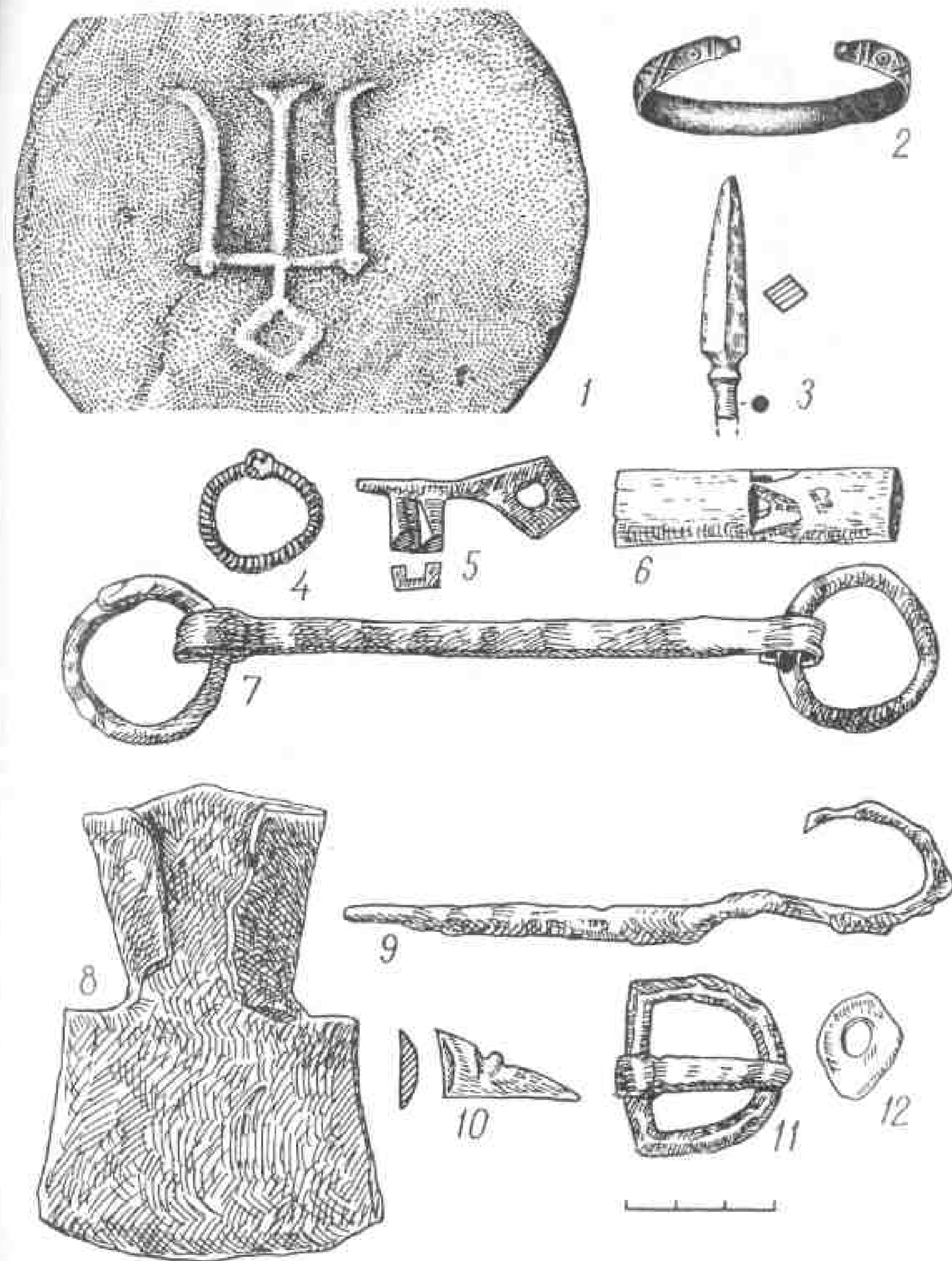

Таблица 27. Раскоп 13, вещи из построек.

Постройка Р-1: 1 — донце горшка с клеймом; 2 — браслет; 3 — наконечник стрелы; 4 — фибула; 5 — ключ; 6 — юрок; 7 — стержень с кольцами. Постройка Г-2: 8 — тесло; 9 — половинка кожанца; 10 — матрица. Постройка Г-1: 11 — пряжка; 12 — застывший рукоятки ножа (1 — глина; 2, 4, 10 — бронза; 3, 5, 7-9, 11 — железо; 6, 12 — кость).

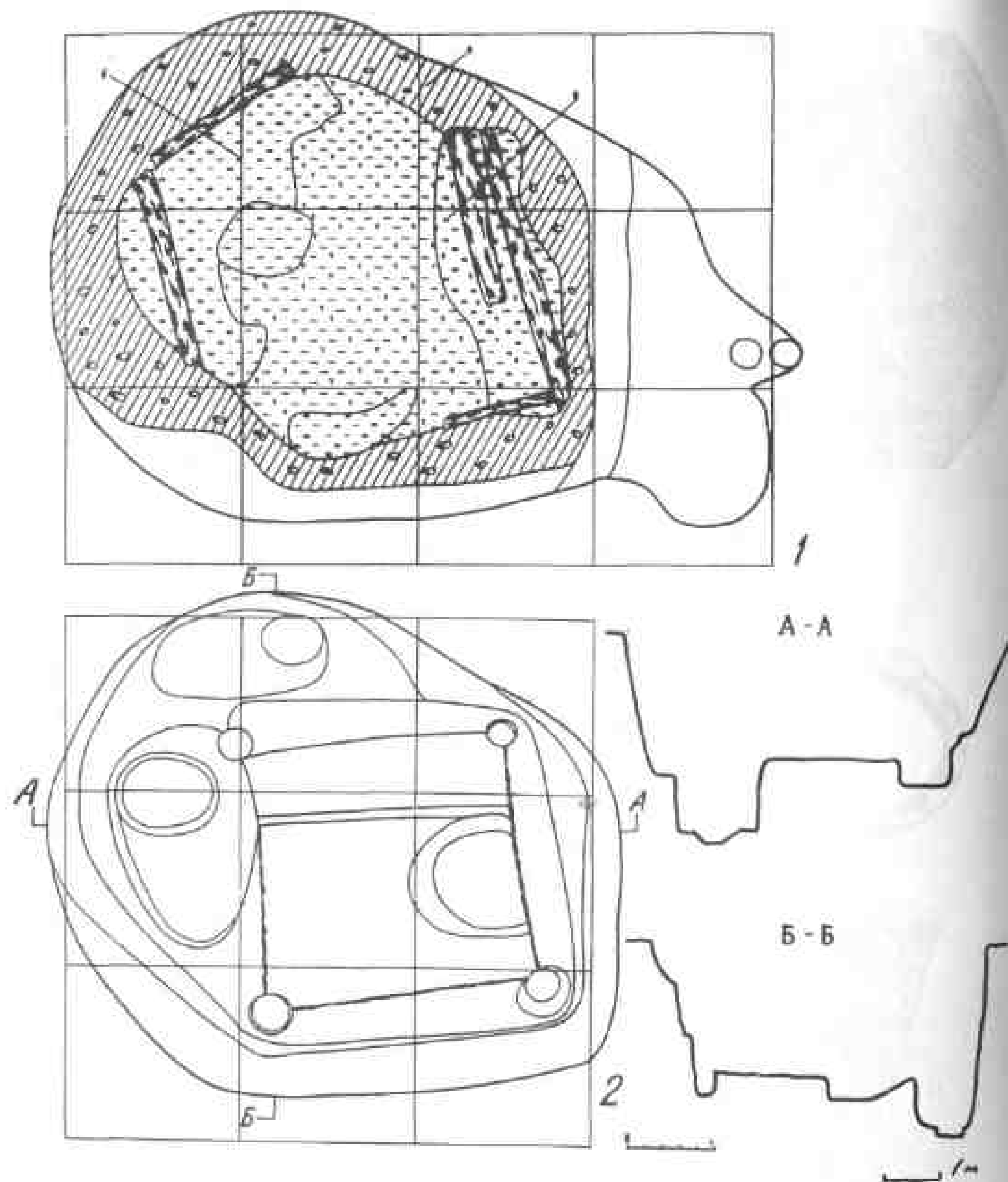

Таблица 28. Постройка Д-1.

1 — постройка верхнего горизонта (а — забутовка котлована между стеной постройки и материковой стенкой; б — разрушенный горизонт — глиняная обмазка стен); 2 — постройки нижнего горизонта. Планы и разрезы.

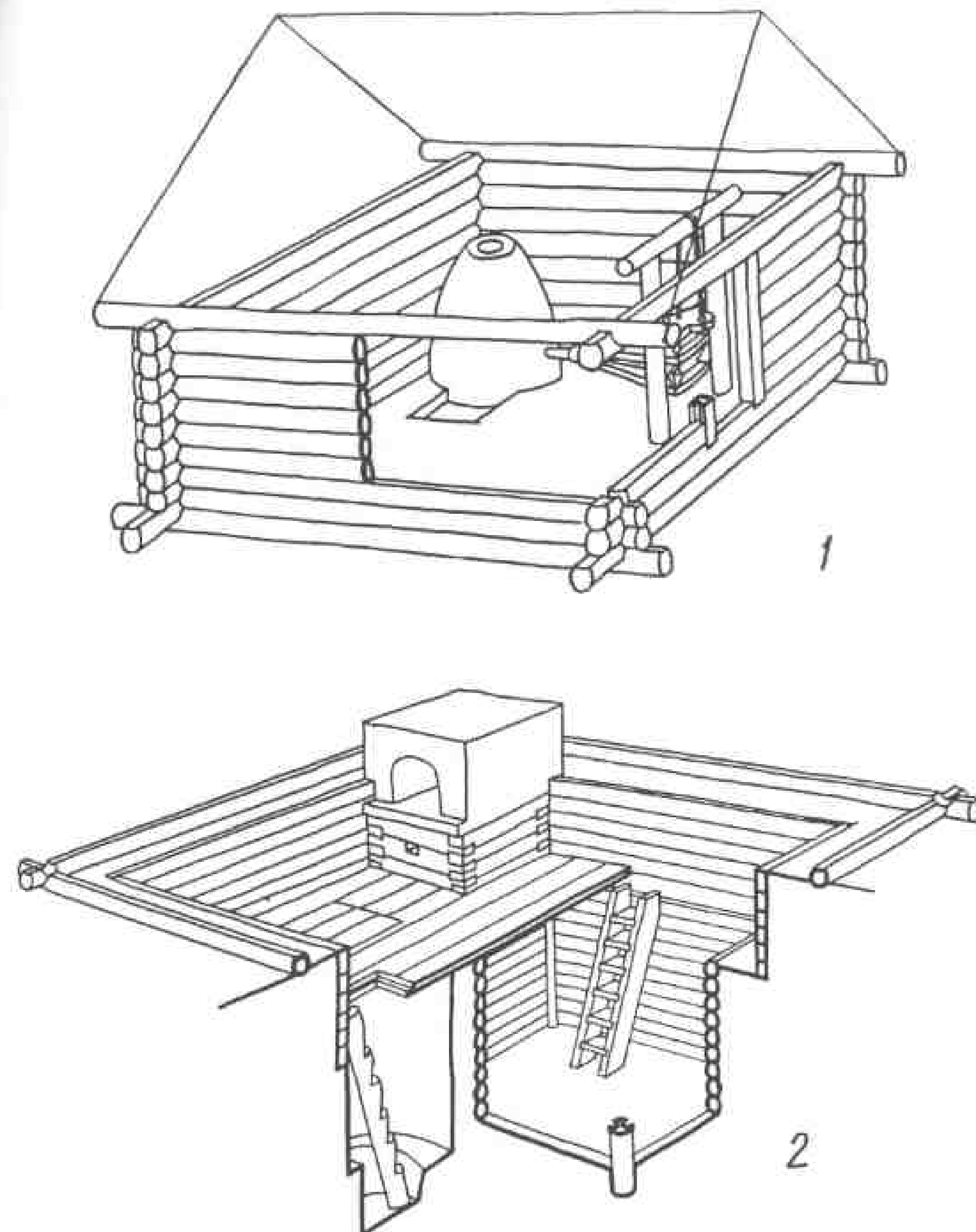

Таблица 29. Постройка Д-1: реконструкция.

1 — Мастерская кричника в верхнем горизонте; 2 — дом нижнего горизонта, вид с юго-запада.

Дарквич В. П., Борисевич Г. В.

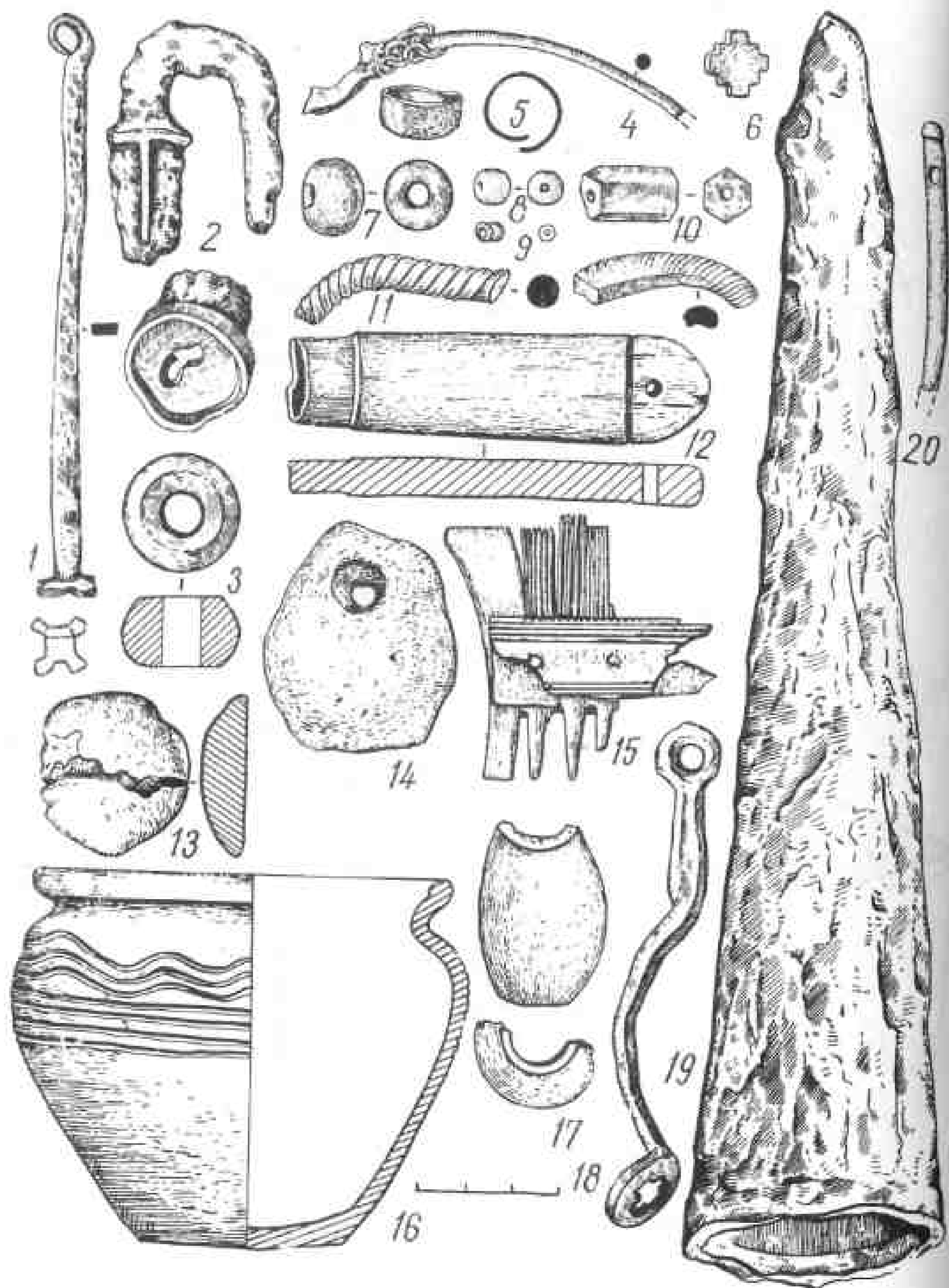

Таблица 30. Раскоп 13, находки из постройки Д-1.

1 — ключ; 2 — фрагменты замков; 3 — пряслице; 4 — заготовка для браслета (?); 5 — перстень; 6 — крестик; 7 — бусина зонная; 8 — бусина шаровидная; 9 — бусина двухчастная; 10 — бусина призматическая шестигранная; 11 — браслеты стеклянные; 12 — рукоять ножа; 13 — "хлебцы" глиняные; 14 — грузило рыболовное; 15 — гребень; 16 — горшок; 17 — кистень; 18 — ключ; 19 — пещина; 20 — проколка (1, 2, 18, 19 — железо; 3 — шифер; 4, 5 — бронза; 6 — янтарь; 7, 9-11 — стекло; 10 — горный хрусталь; 12, 15, 17, 20 — кость; 13, 16 — глина; 14 — камень).

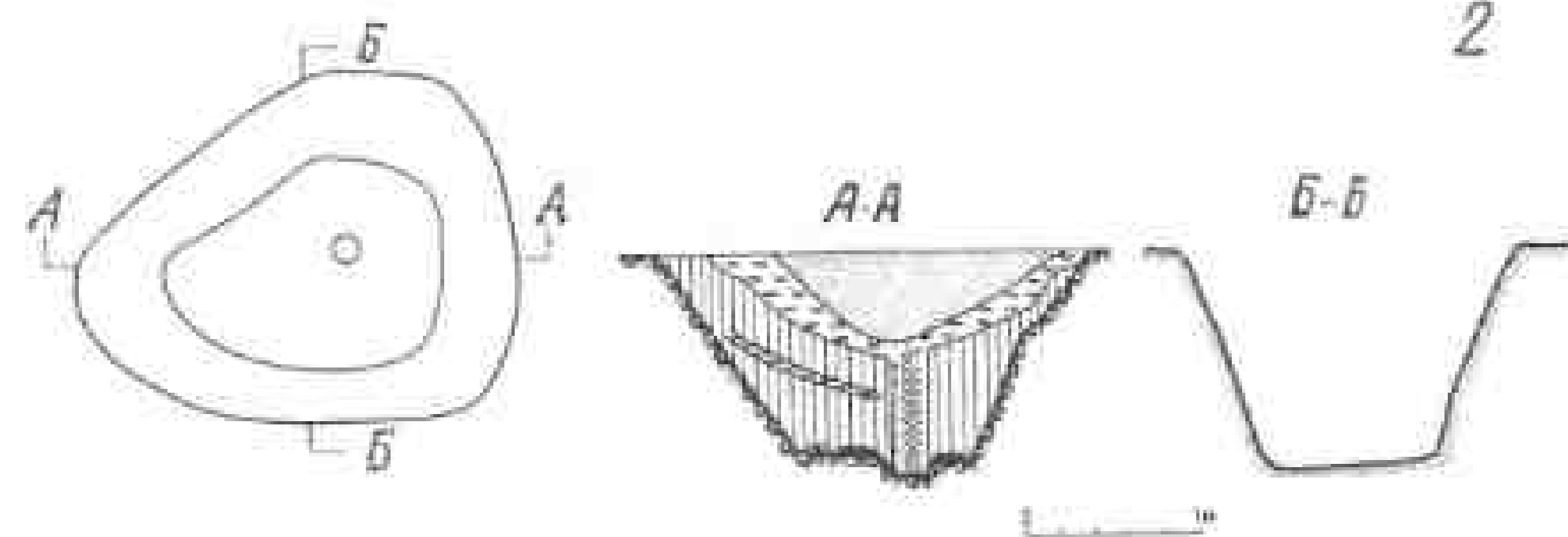
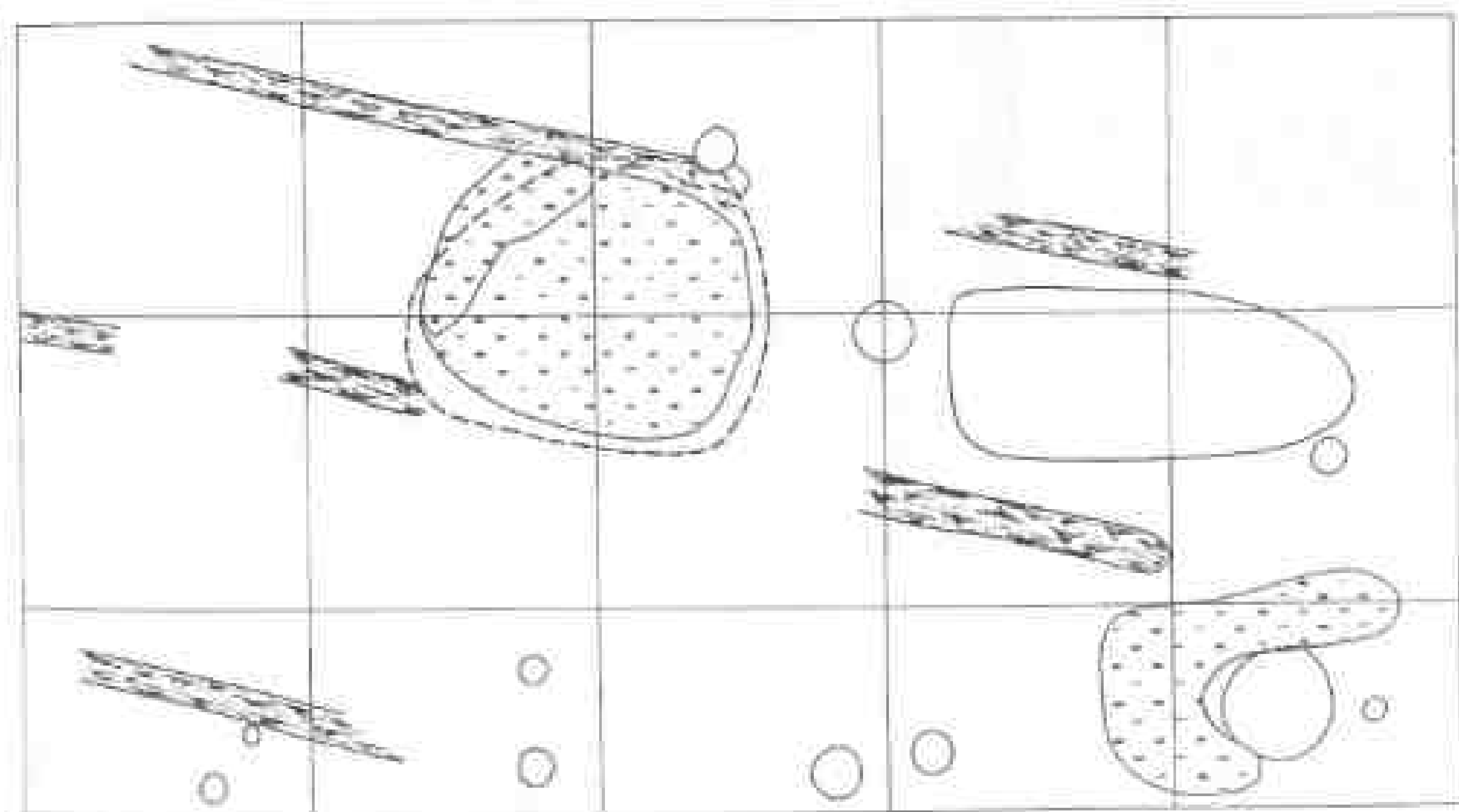
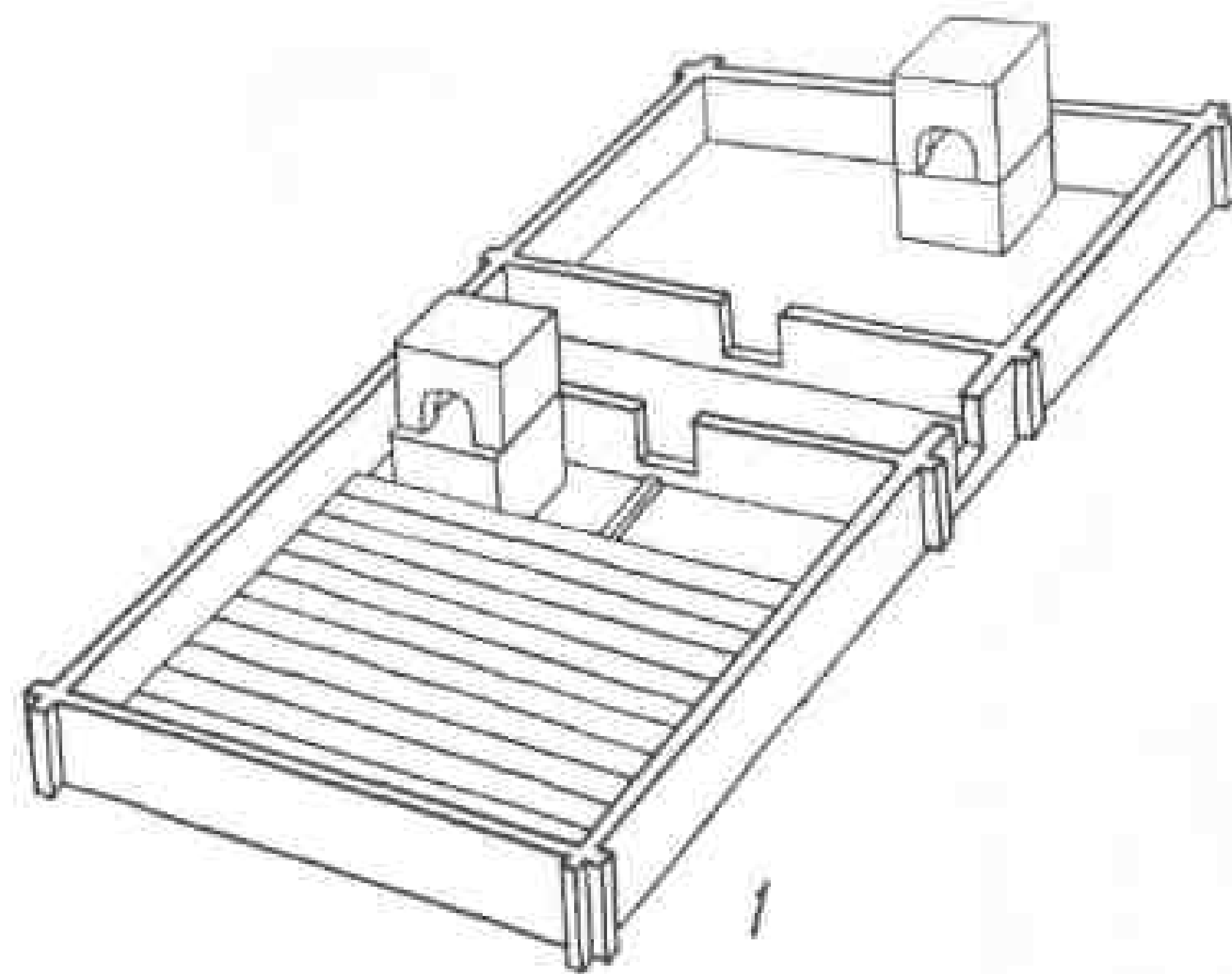

Таблица 31. Постройка К-1.

1 — реконструкция, вид с юго-запада; 2 — план постройки и подпечная яма (план, профиль и разрез).

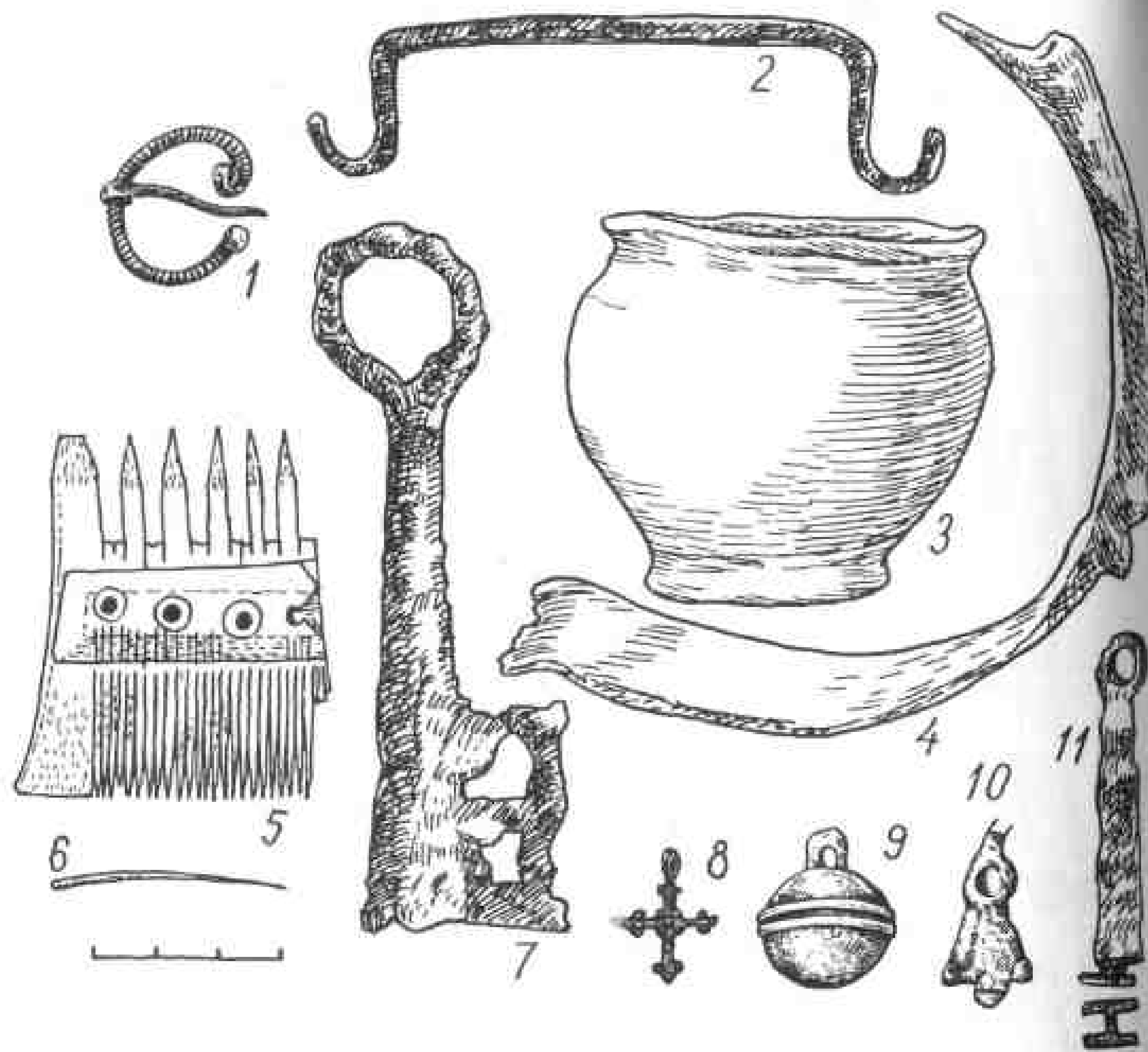

Таблица 32. Вещи из построек на раскопе 13.
1 — фибула (К-1); 2 — ручка от ведерка (?); 3 — горшочек (К-2); 4 — фрагмент стремени (К-3); 5 — гребень; 6 — игла; 7 — ключ (Л-2); 8 — крестик-тельник; 9 — бубенчик; 10 — обломок шпильки подвески (П-2); 11 — ключ (П-4).

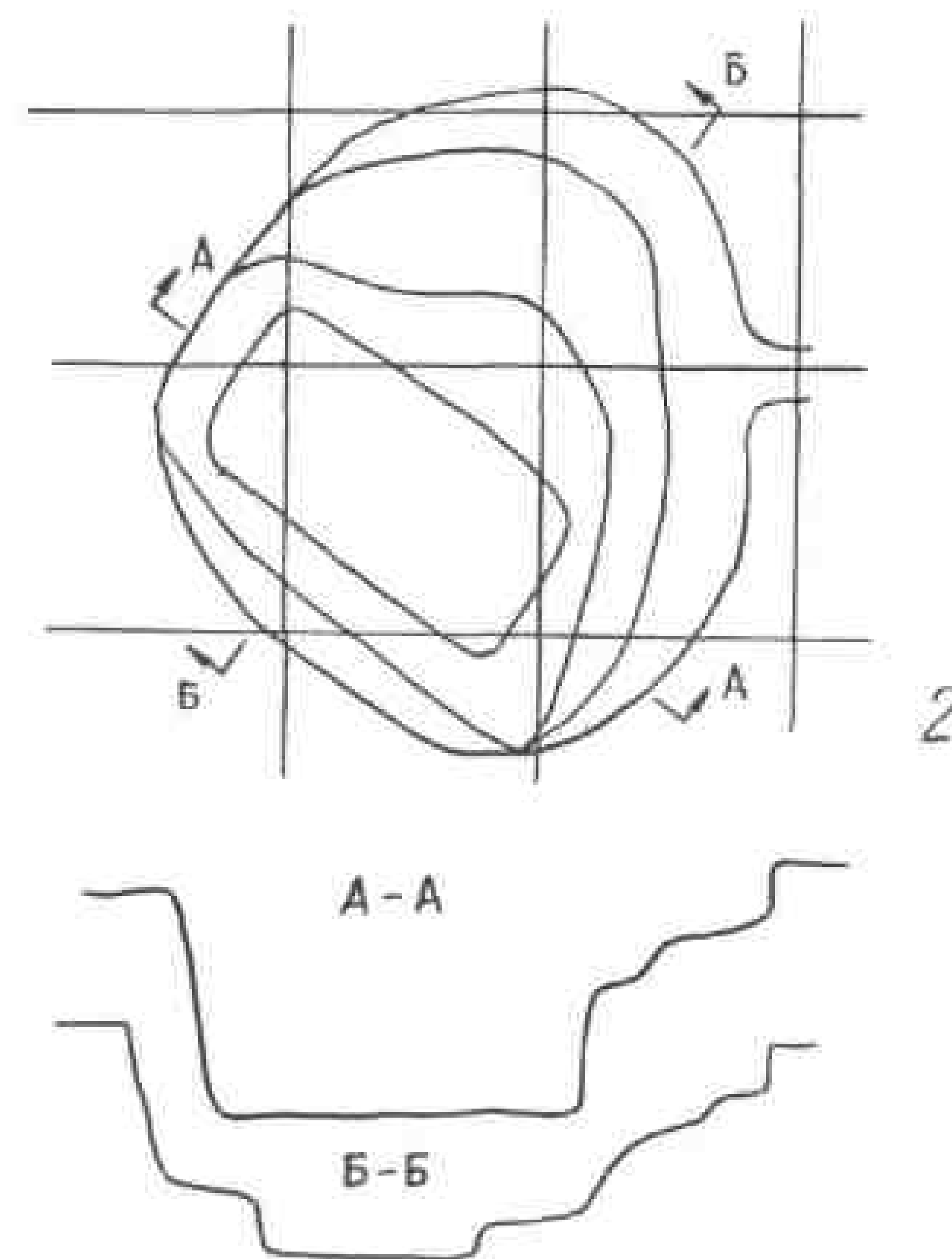
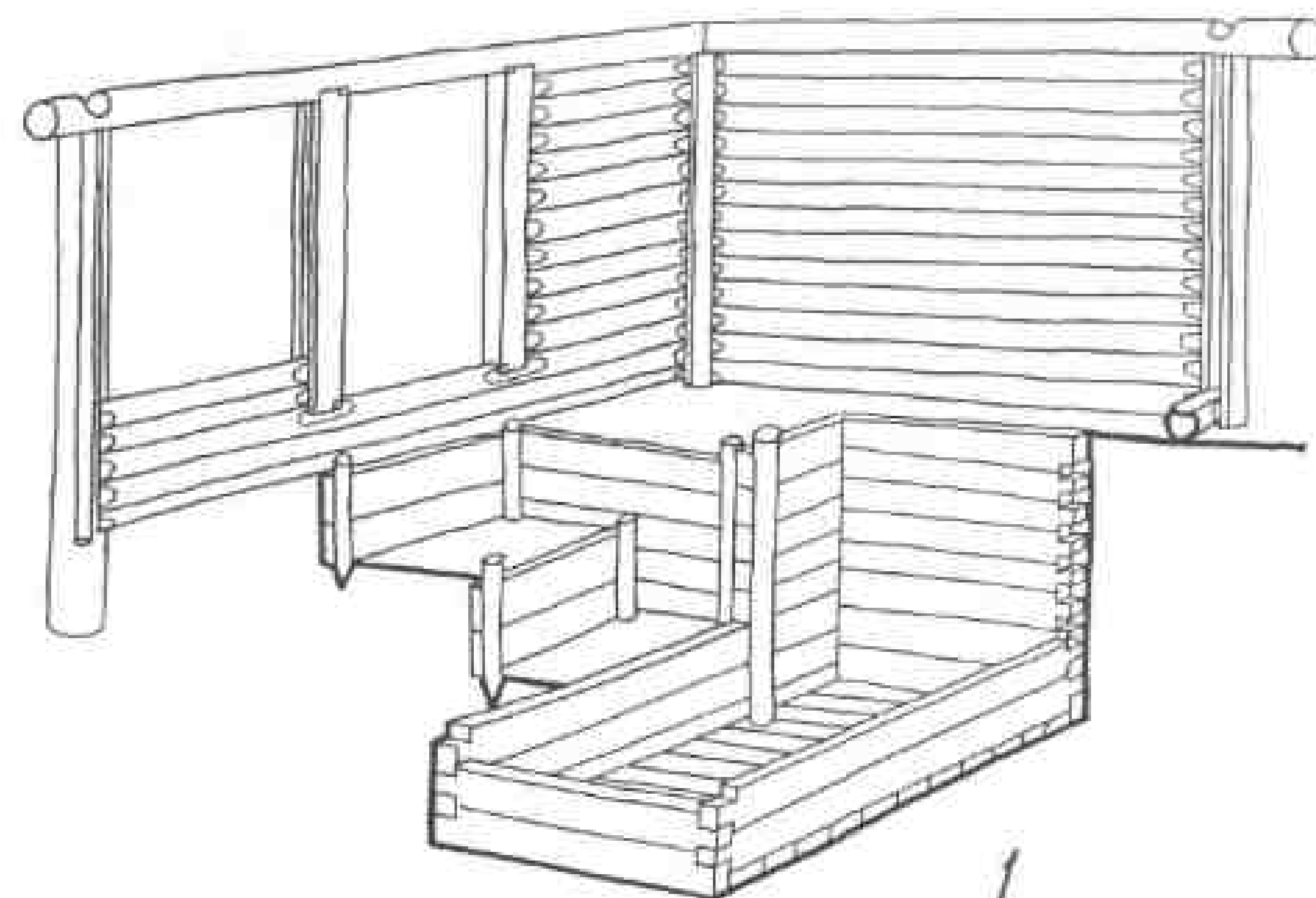

Таблица 33. Постройка К-2.
1 — вариант реконструкции; 2 — план и разрезы.

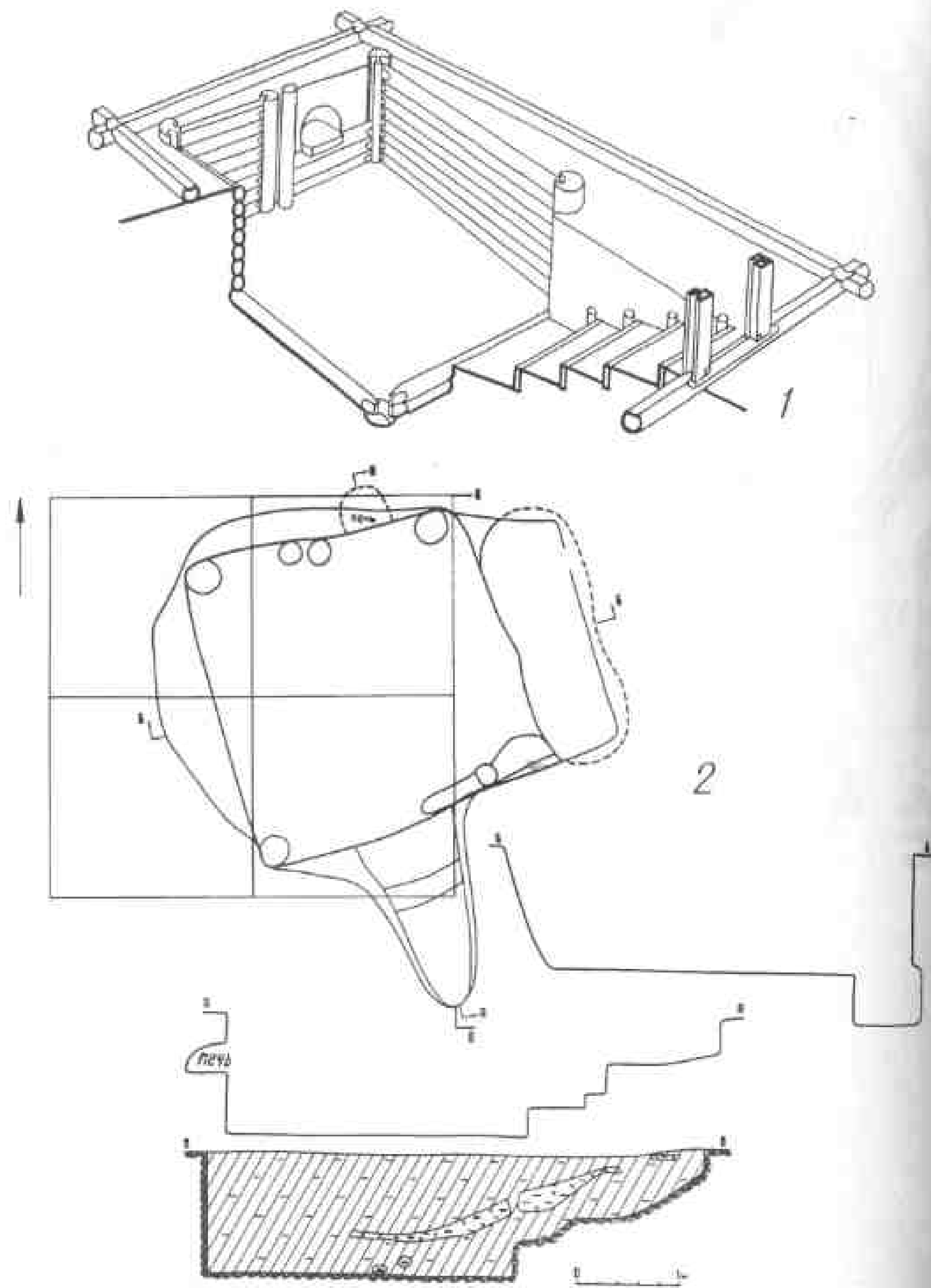

Таблица 34. Постройка Л-1.

1 — реконструкция нижней части дома, вариант, вид с юго-запада; 2 — план, разрезы, профиль заполнения.

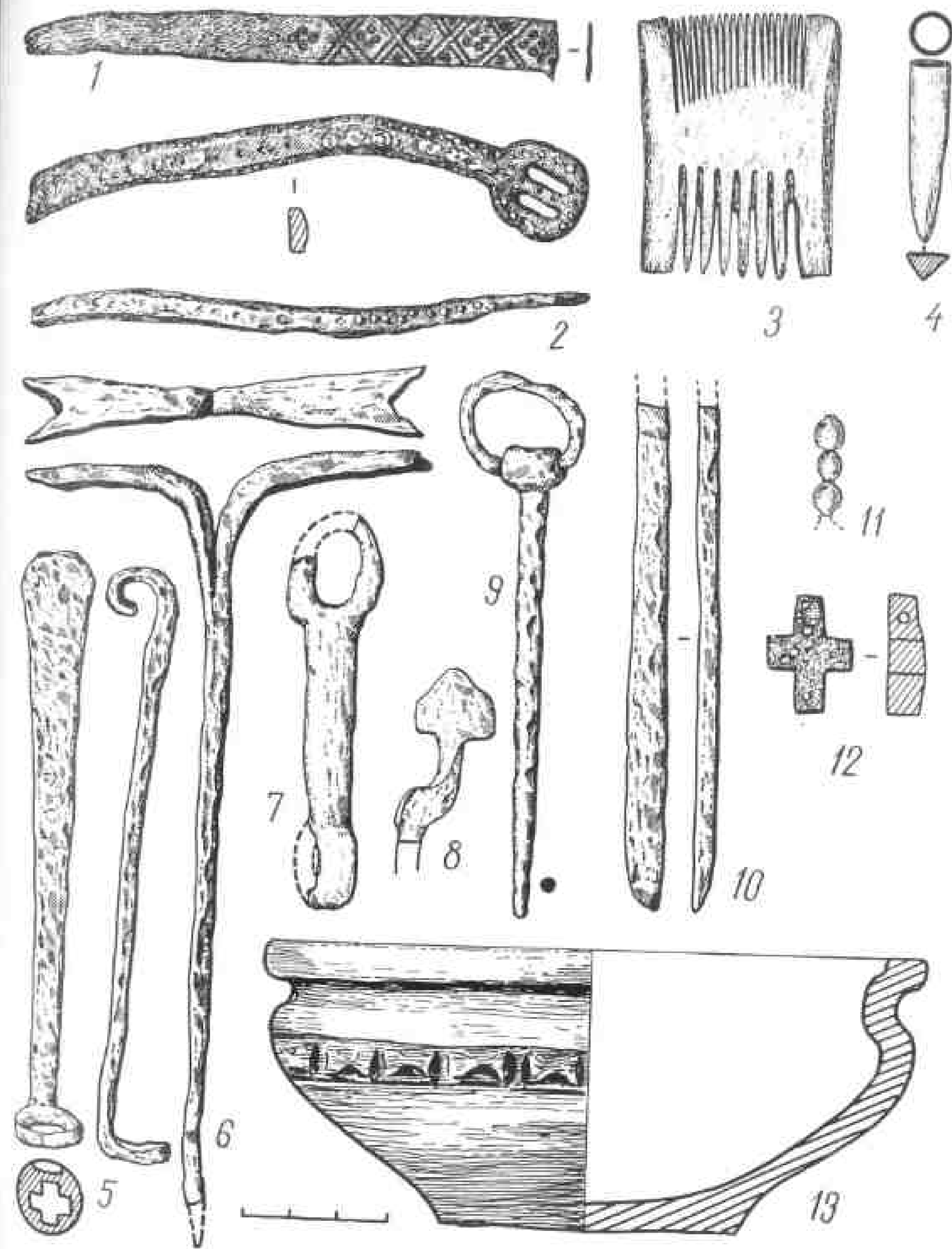

Таблица 35. Вещи из постройки Л-1.

1 — фрагмент пластинчатого браслета с орнаментом из ромбов с кружками внутри; 2 — обломок запоры; 3 — гребень; 4 — наконечник стрелы; 5 — ключ; 6 — светец; 7 — зено от удила; 8 — обломок железного предмета; 9 — булавка; 10 — долото; 11 — обломок литого крестика; 12 — крестик-тельник; 13 — миска (1, 11 — бронза; 2, 5-10 — железо; 3, 4 — кость; 12 — кварцевый песчаник; 13 — глина).

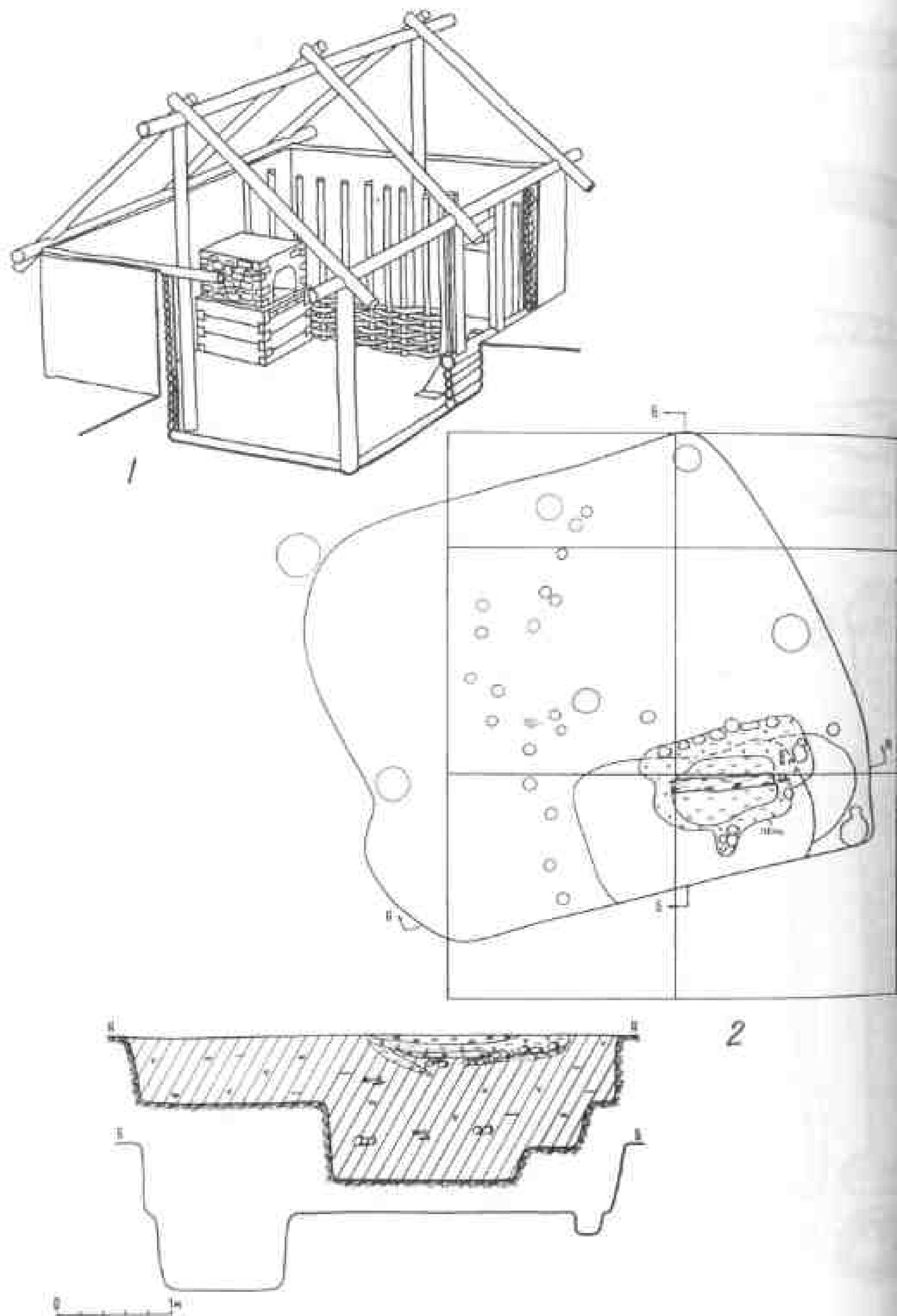

Таблица 36. Постройка Л-2.
1 — реконструкция, вид с северо-востока; 2 план и разрез.

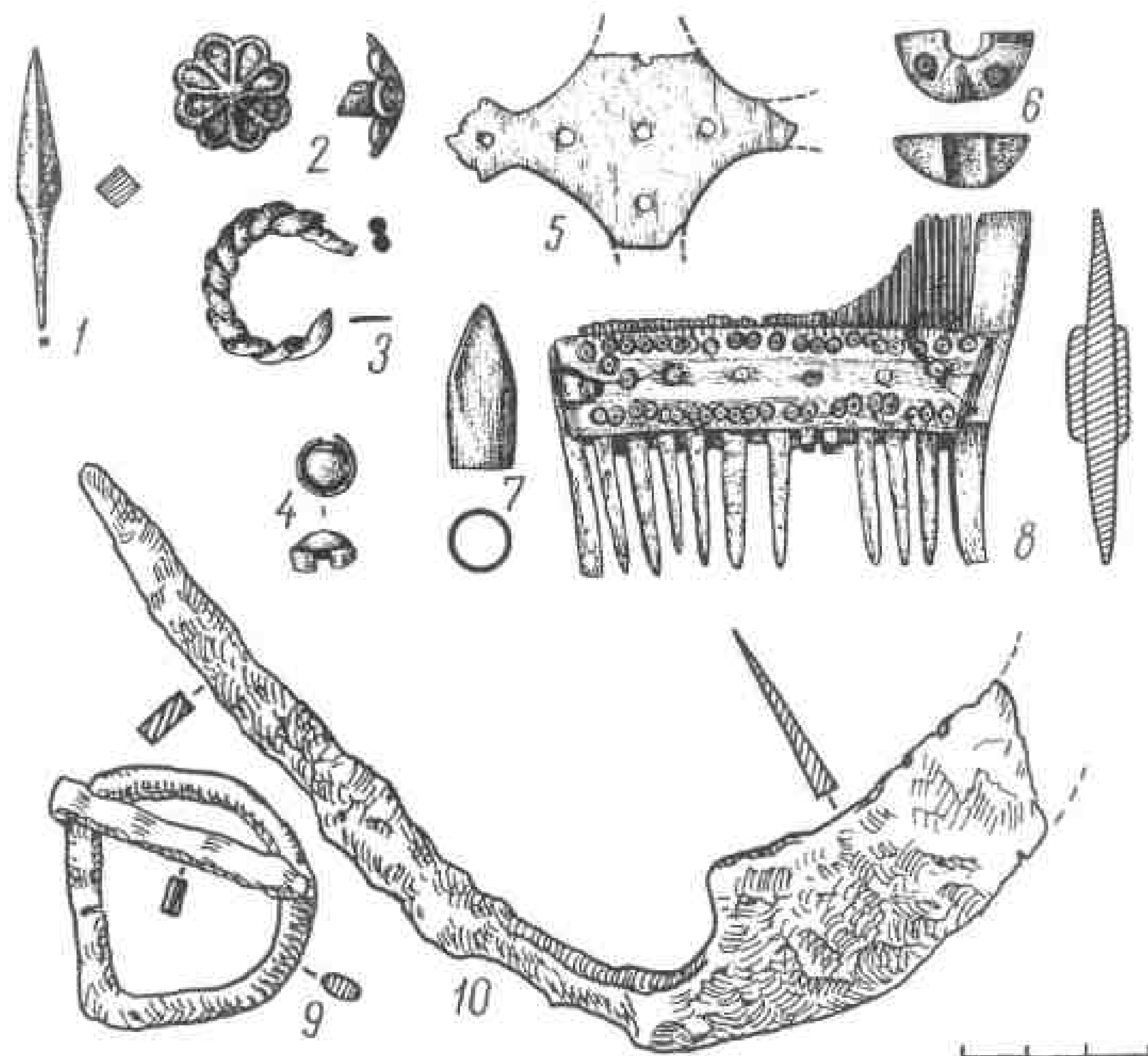

Таблица 37. Вещи из постройки Е-1.
1 — наконечник стрелы; 2 — пуговка в форме розетки; 3 — перстень; 4 — вставка от перстня;
5 — фигурная накладка; 6 — обломок пуговки; 7 — пулевидная стрела; 8 — гребень; 9 —
прищип; 10 — фрагмент скобеля (1, 9, 10 — железо; 2 — бронза с выемчатой эмалью; 3 — бронза;
4 — стекло; 5-8 — кость).

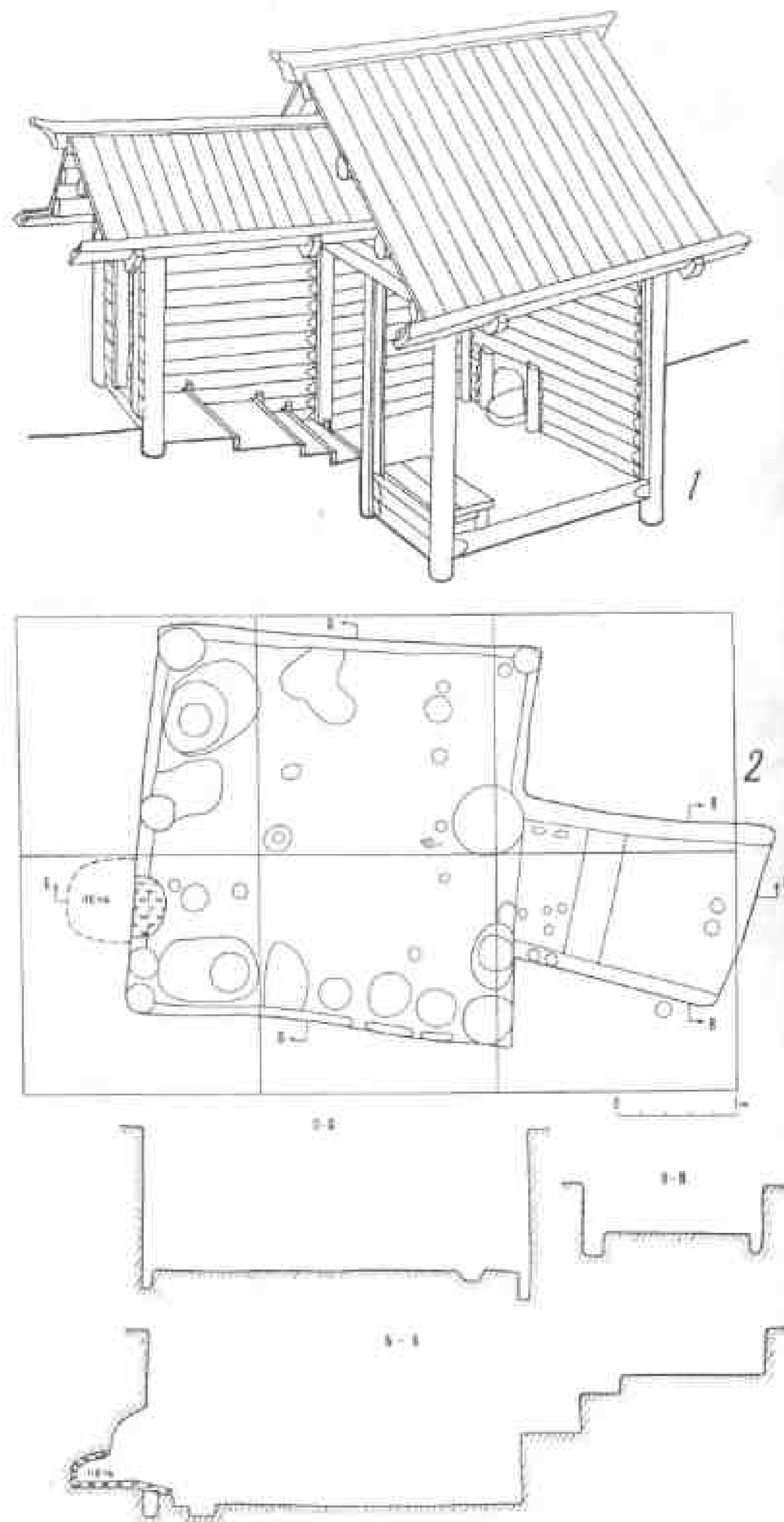

Таблица 38. Постройка О-1.
1 — вариант реконструкции, вид с севера; 2 — план и разрезы.

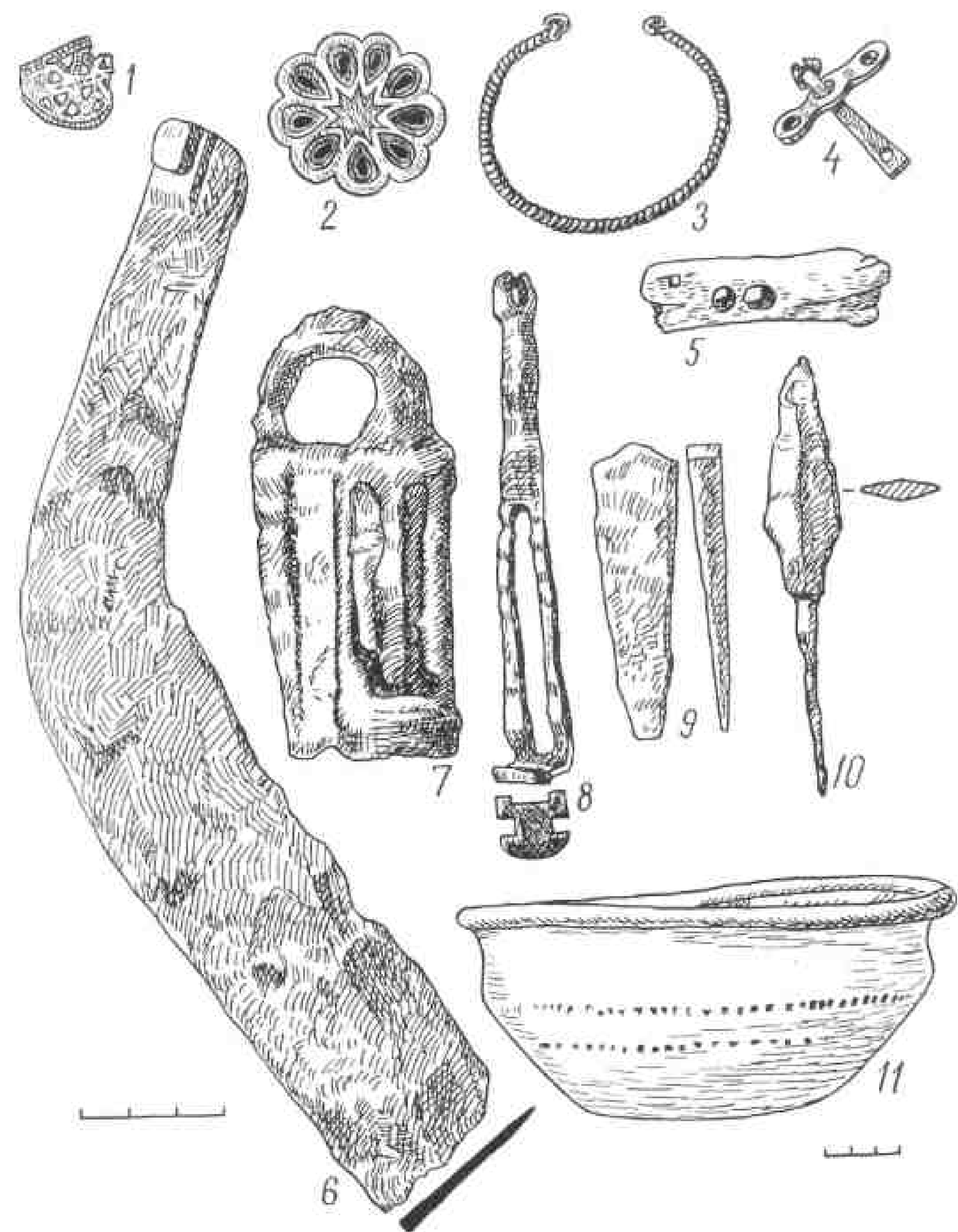

Таблица 39. Вещи из постройки О-1.
1 — перстень; 2 — украшение с выемчатой эмалью; 3 — браслет; 4 — вертлюг; 5 — трубочка для сучения ниток; 6 — коса-горбуша; 7 — замок; 8 — ключ; 9 — зубило; 10 — наконечник стрелы; 11 — миска (1-3 — бронза; 4, 5 — кость; 6-10 — железо; 11 — глина).

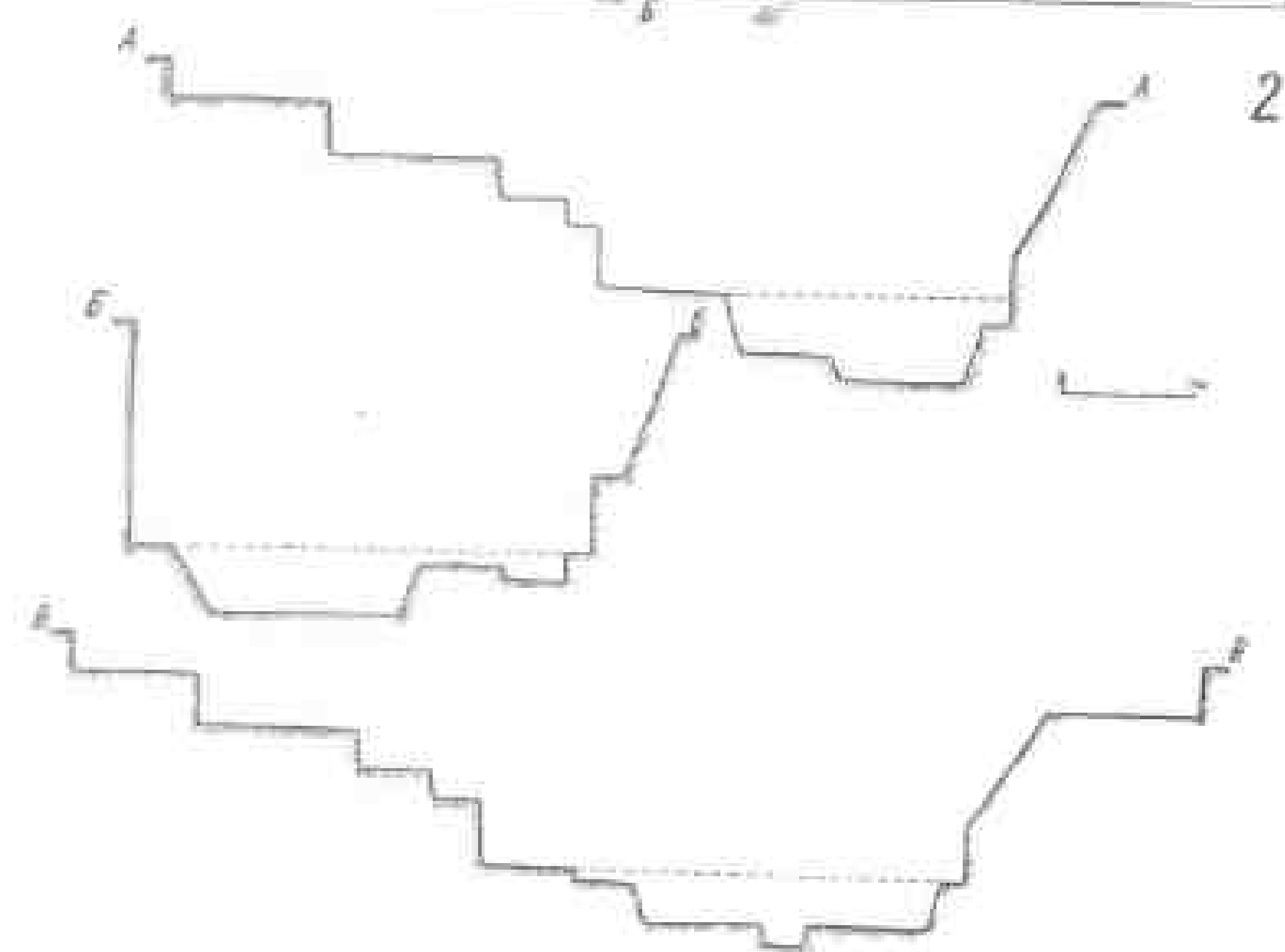
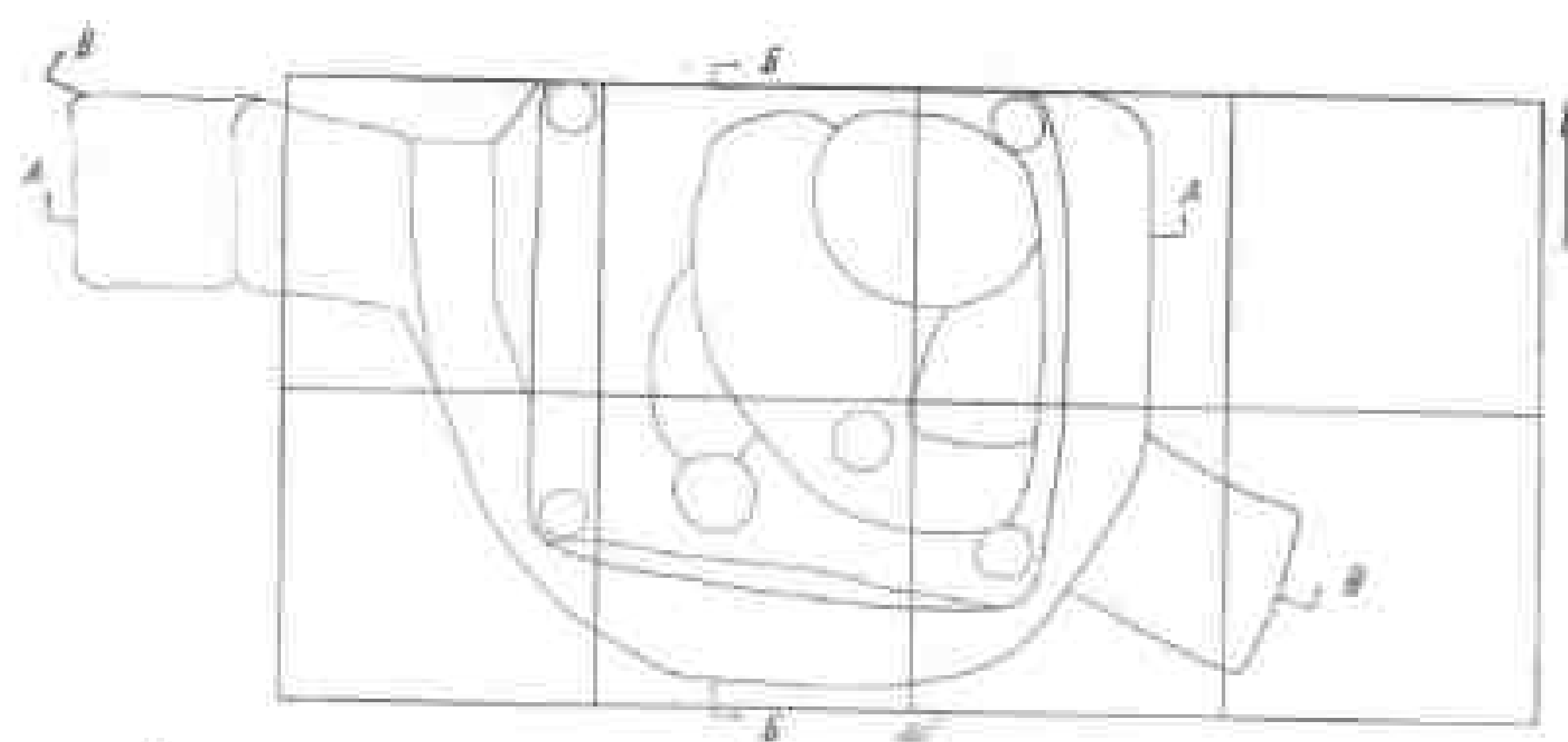
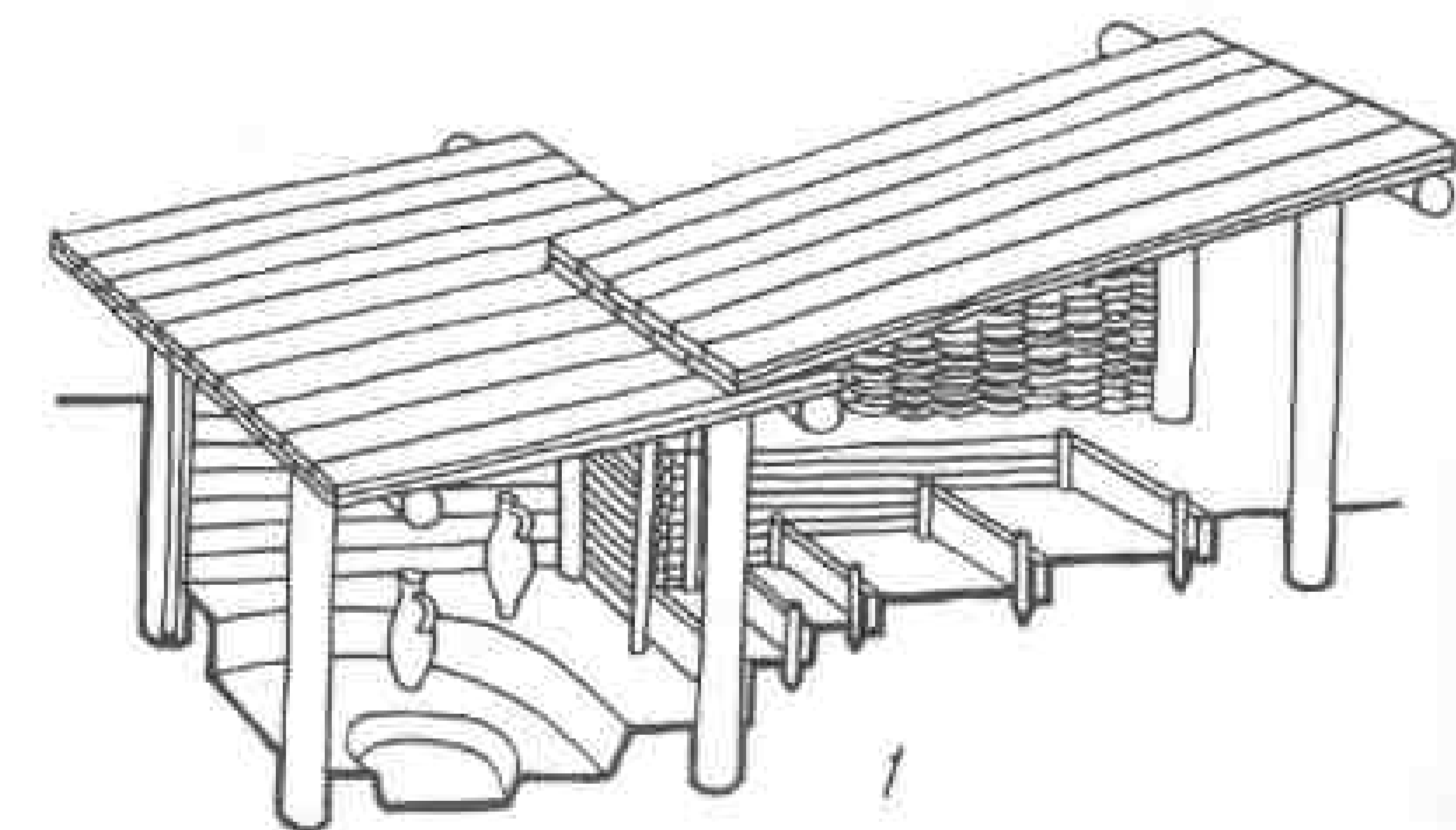

Таблица 40. Постройка П-1.

1 — реконструкция хозяйственной постройки нижнего горизонта, вид с севера; 2 — план на уровне материка и разрезы.

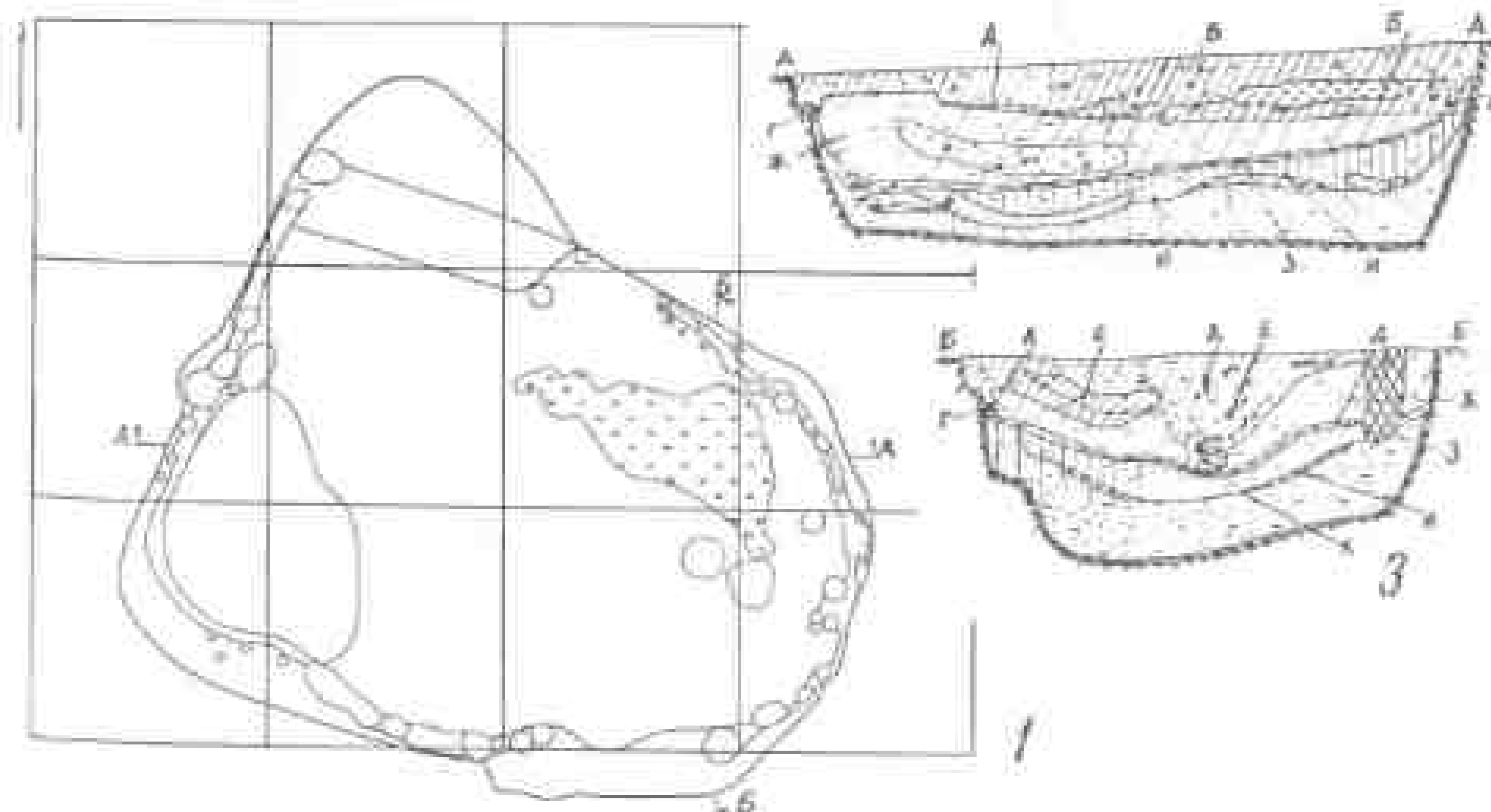
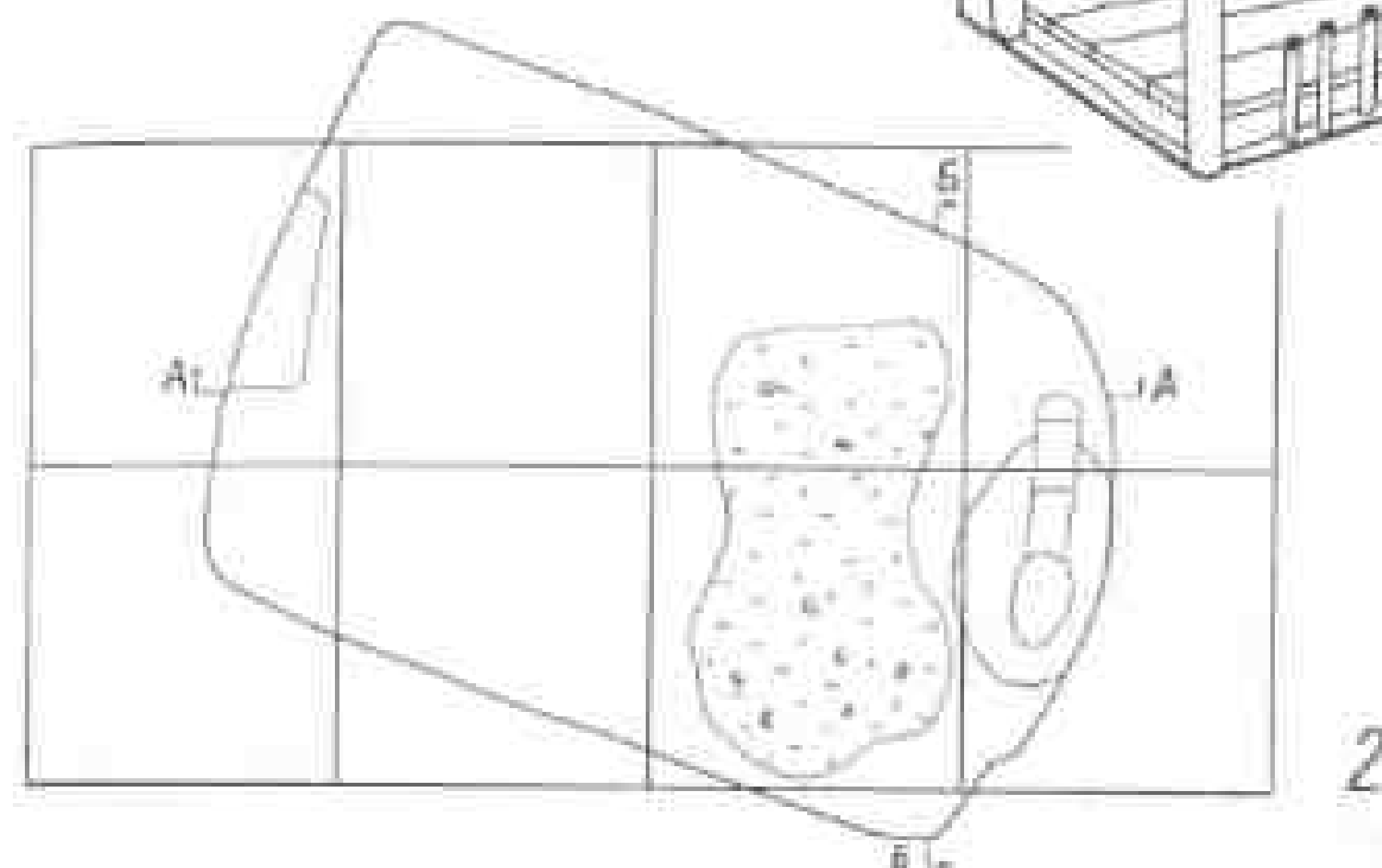
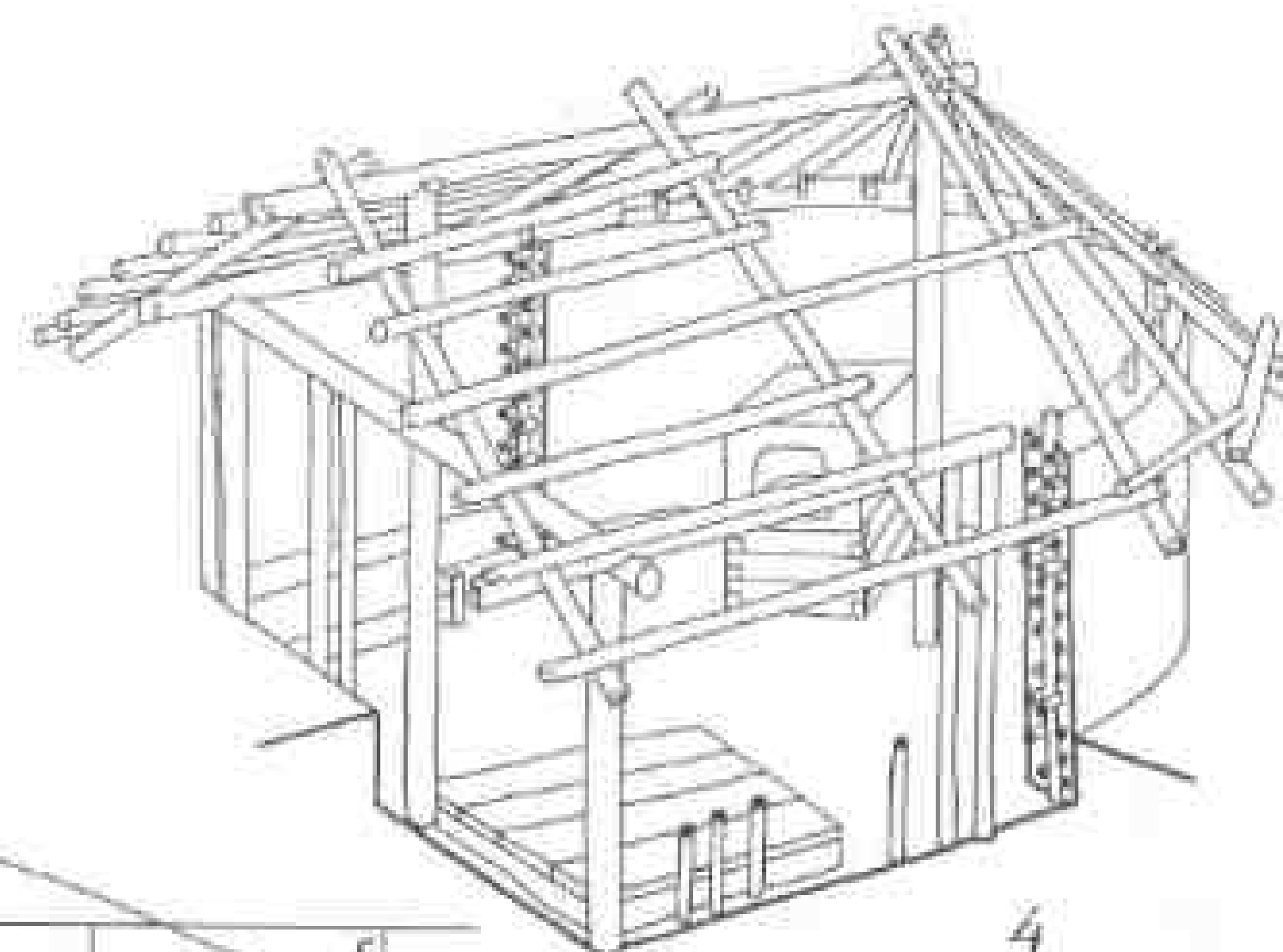

Таблица 41. Раскоп 13, постройка Р-1.

1 — план (верхний строительный ярус); 2 — план (нижний строительный ярус); 3 — профили заполнения (А — уровень пола верхней постройки; Б — печь верхней постройки; В — заполнение верхней постройки; Г — выемка от канавки плетневой стены; Д — перекоп; Е — яма перед печью верхней постройки; Ж — насыпка погреба; З — сгоревшее перекрытие погреба; И — остатки печи нижней постройки; К — граница культурного слоя и заплата дна погреба); 4 — реконструкция постройки верхнего горизонта, вид с юго-запада.

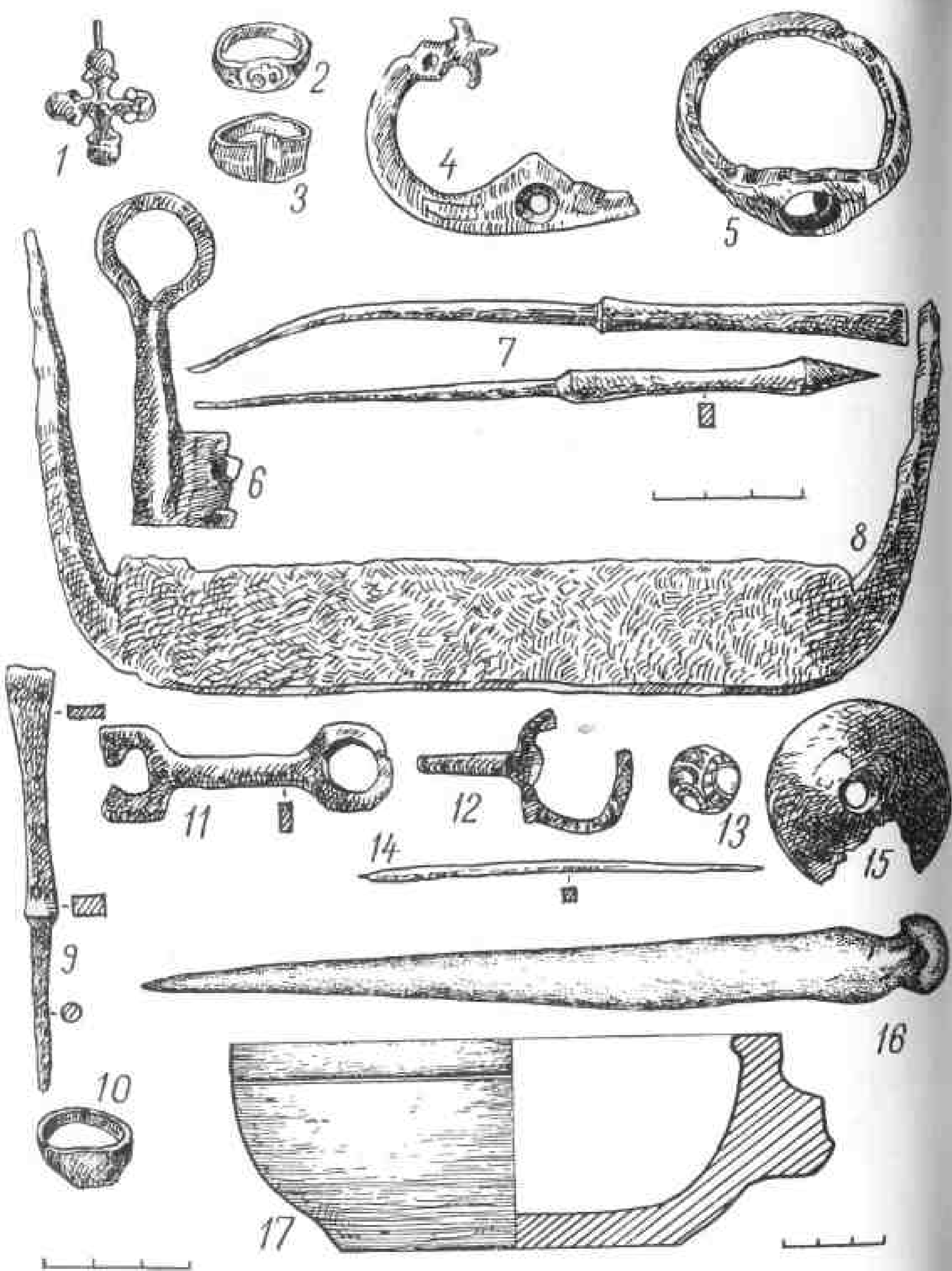

Таблица 42. Вещи из построек на раскопе 14.

Постройка А-1: 1 — крестик-тельник; 2-3 — перстни; 4 — накладка; 5 — кольцо-оконка (?); 6 — ключ; 7 — наконечник стрелы; 8 — скобель. Постройка А-5: 9 — наконечник стрелы; 10 — перстень; 11 — ключ; 12 — пряжка; 13 — бусина. Постройка Б-1: 14 — шило; 15 — чашка от подсвечника; 16 — проколка. Постройка А-3: 17 — миска (1-4, 10, 15 — бронза; 5-9, 11, 12, 14 — железо; 13 — стекло; 16 — кость; 17 — глина).

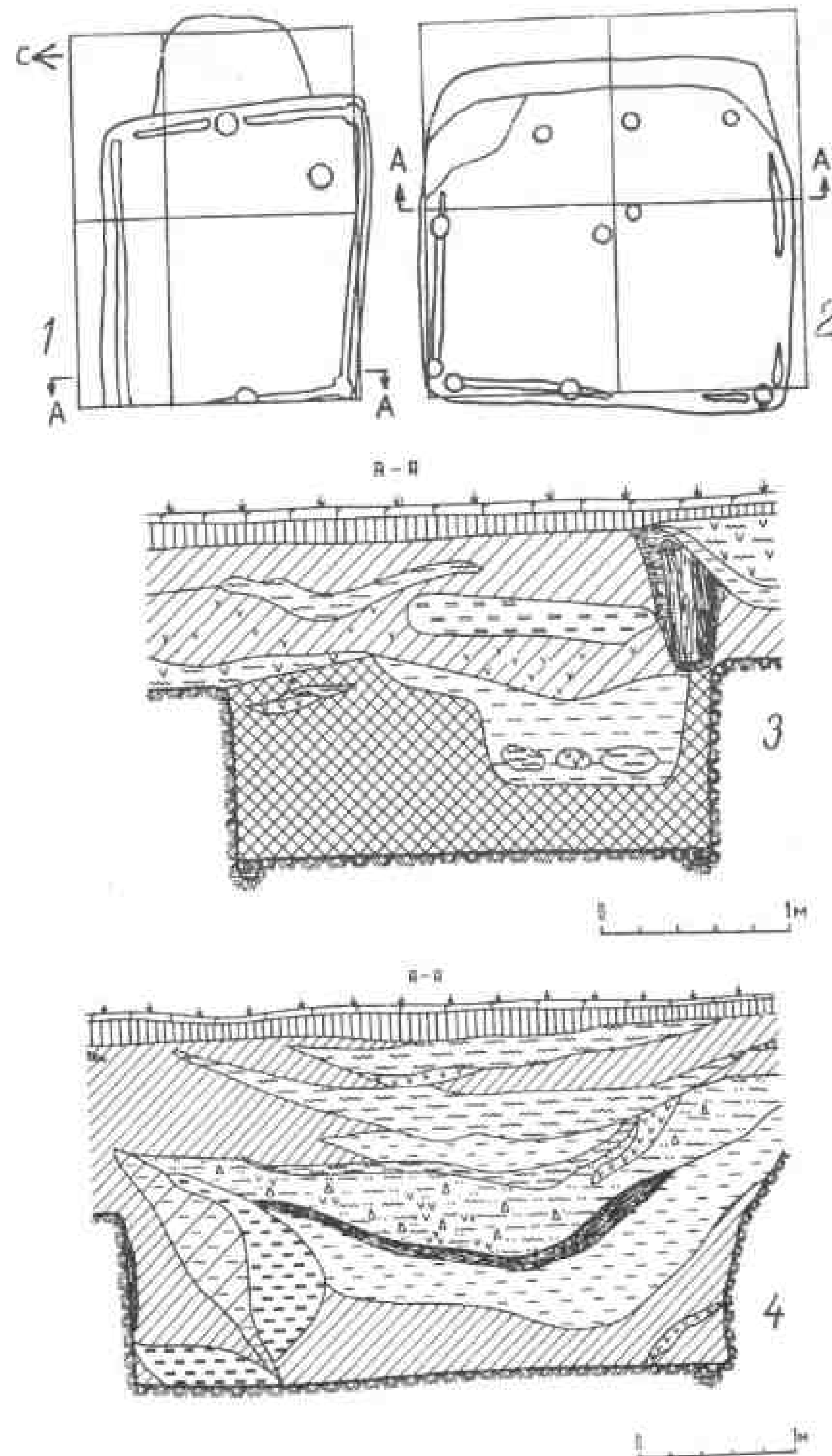

Таблица 43. Раскоп 14; Постройка А-2 и А-5.

1 — план постройки А-5; 2 — план постройки А-2; 3 — профиль заполнения постройки А-5; 4 — профиль заполнения постройки А-2.

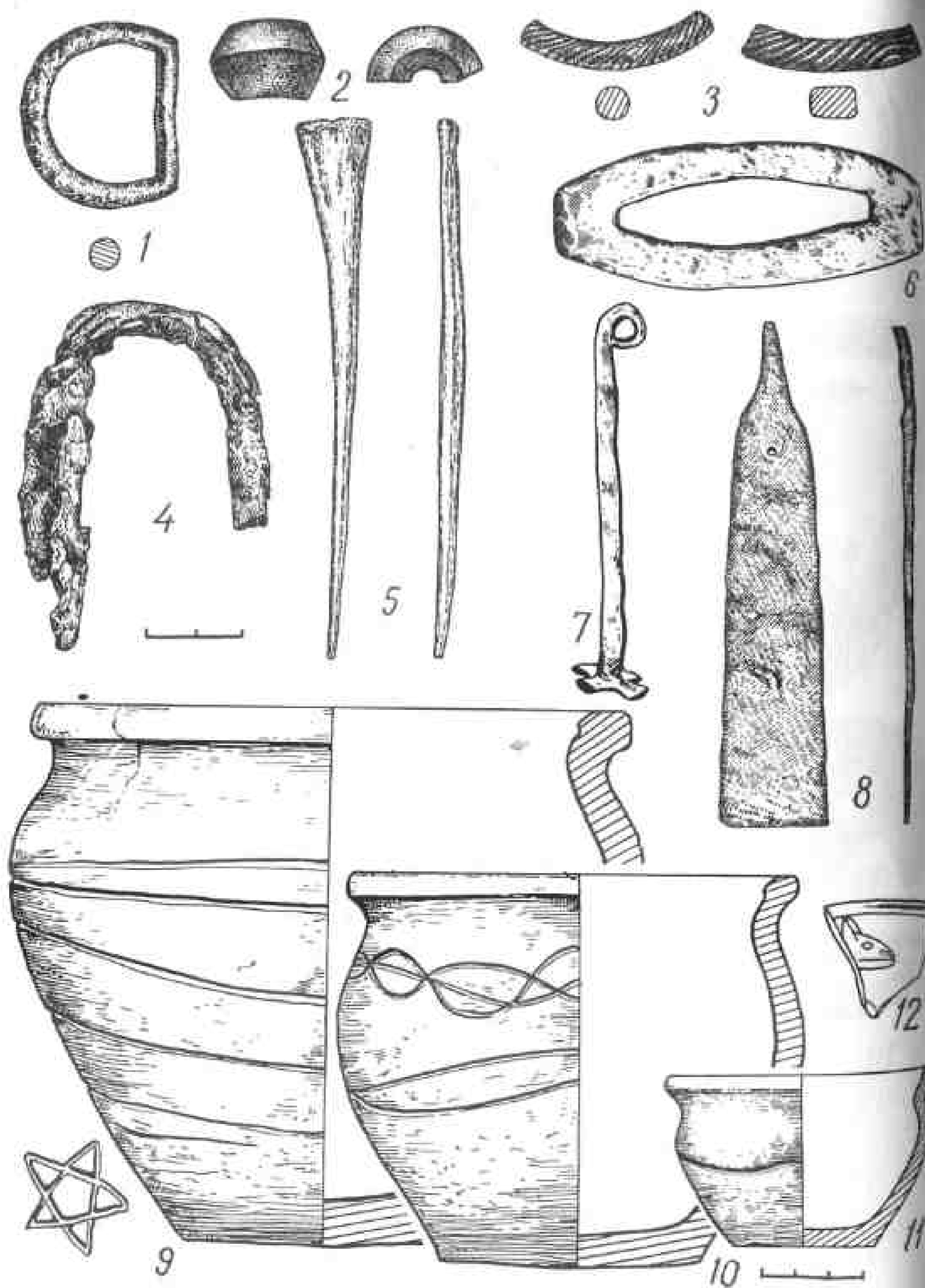

Таблица 44. Вещи из постройки А-2.
1 — подпружная прийма; 2 — пряслице; 3 — браслеты; 4 — дужка от замка; 5 — проколка; 6 — кресало; 7 — ключ; 8 — железный предмет; 9-11 — горшки; 12 — фрагмент сосуда с росписью золотом (1, 4, 6-8 — железо; 2, 9-11 — глина; 3, 12 — стекло; 5 — кость).

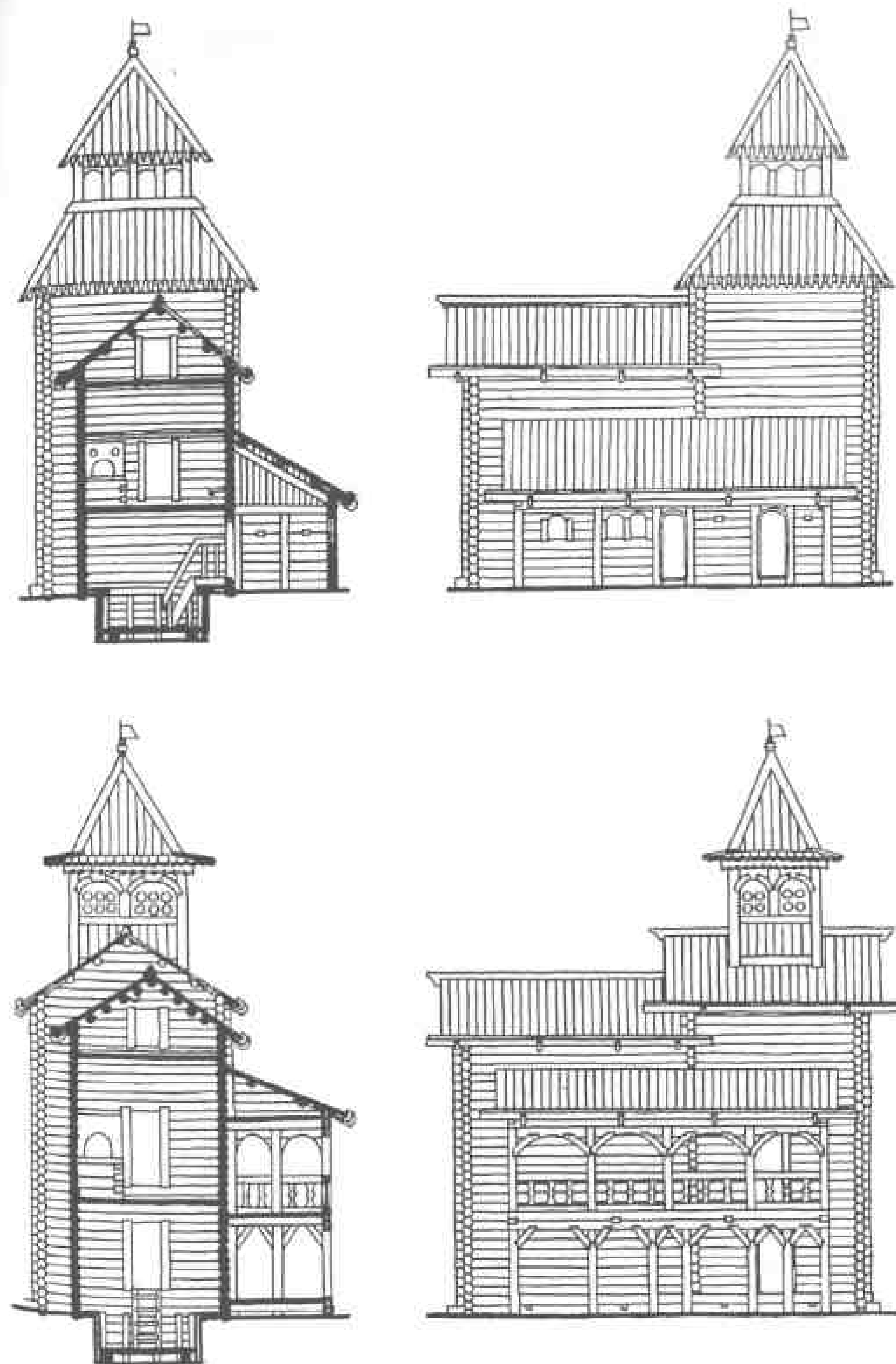

Таблица 45. Раскоп 14. Терем с галереей и башней-нежей.
1 — первый вариант реконструкции (слева — вид с востока, справа — вид с севера); 2 — второй вариант реконструкции (слева — вид с востока, справа — вид с севера).

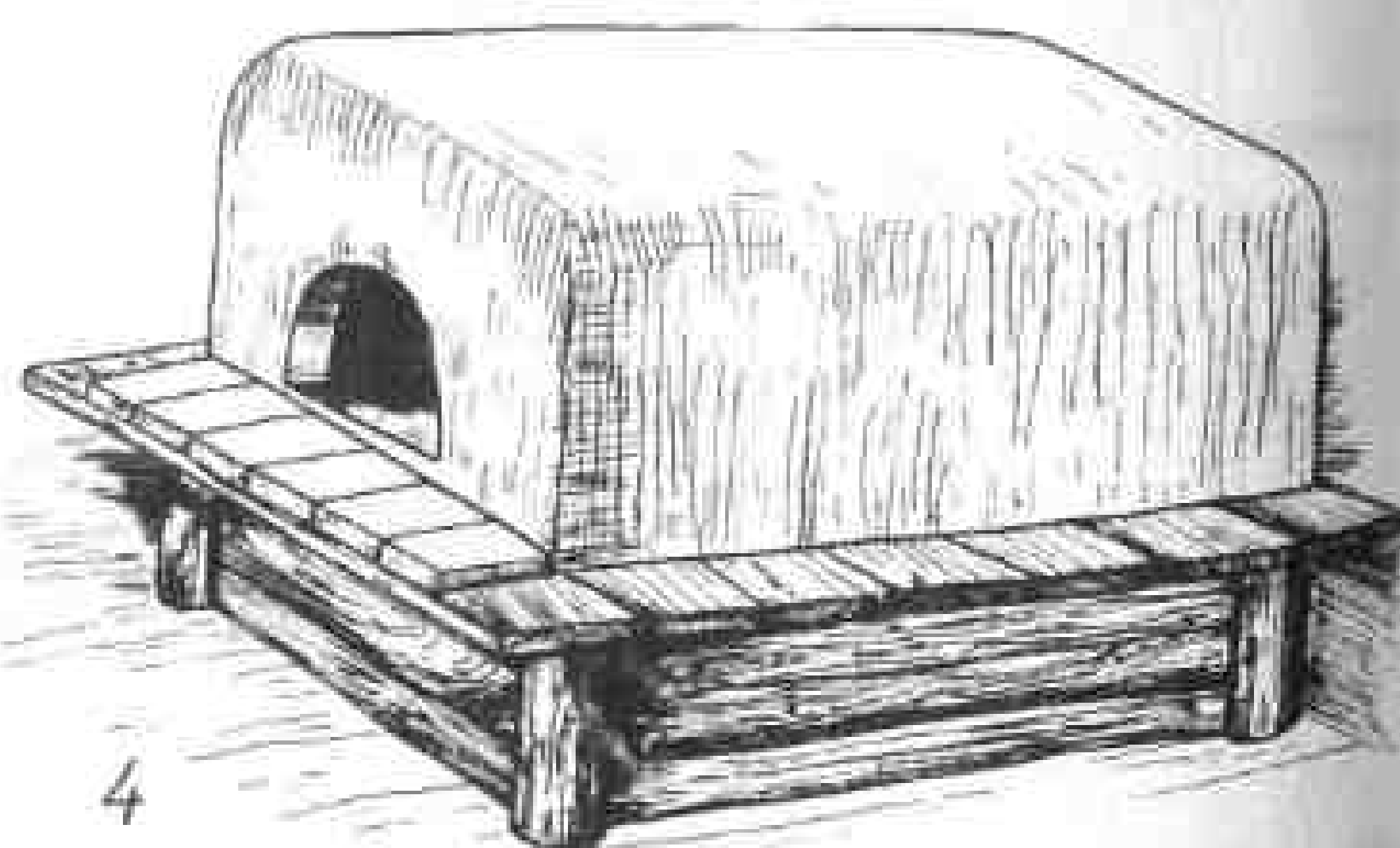
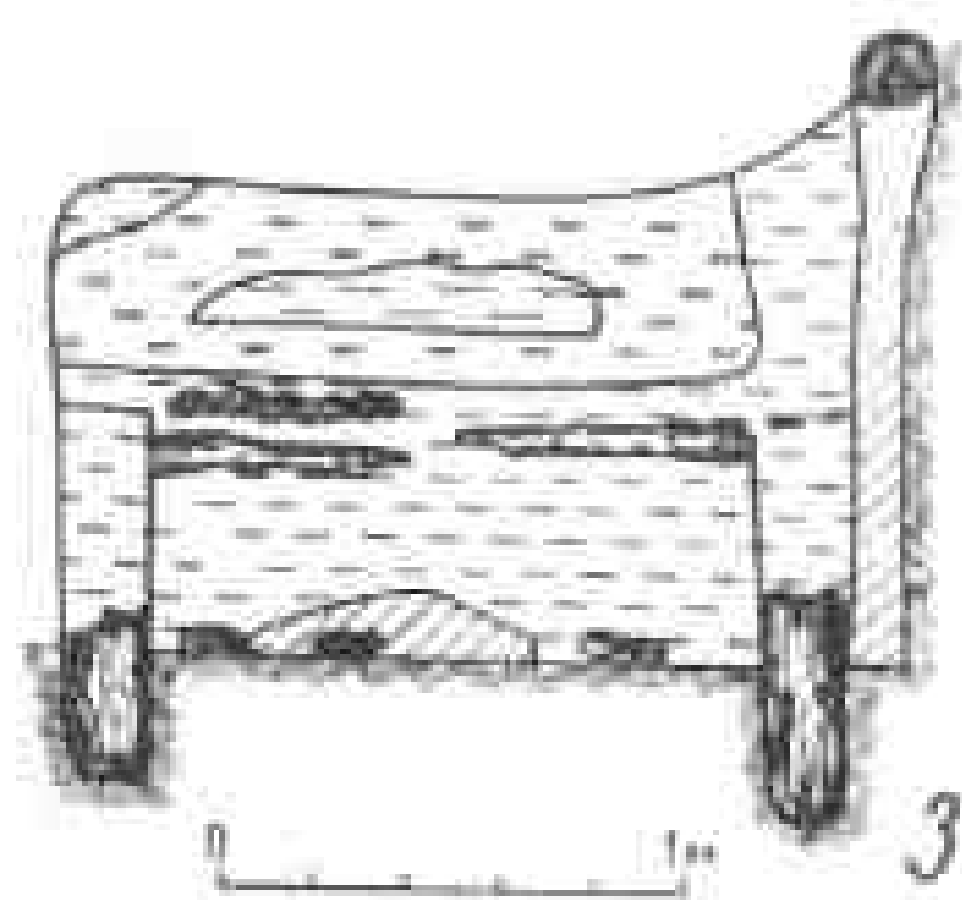
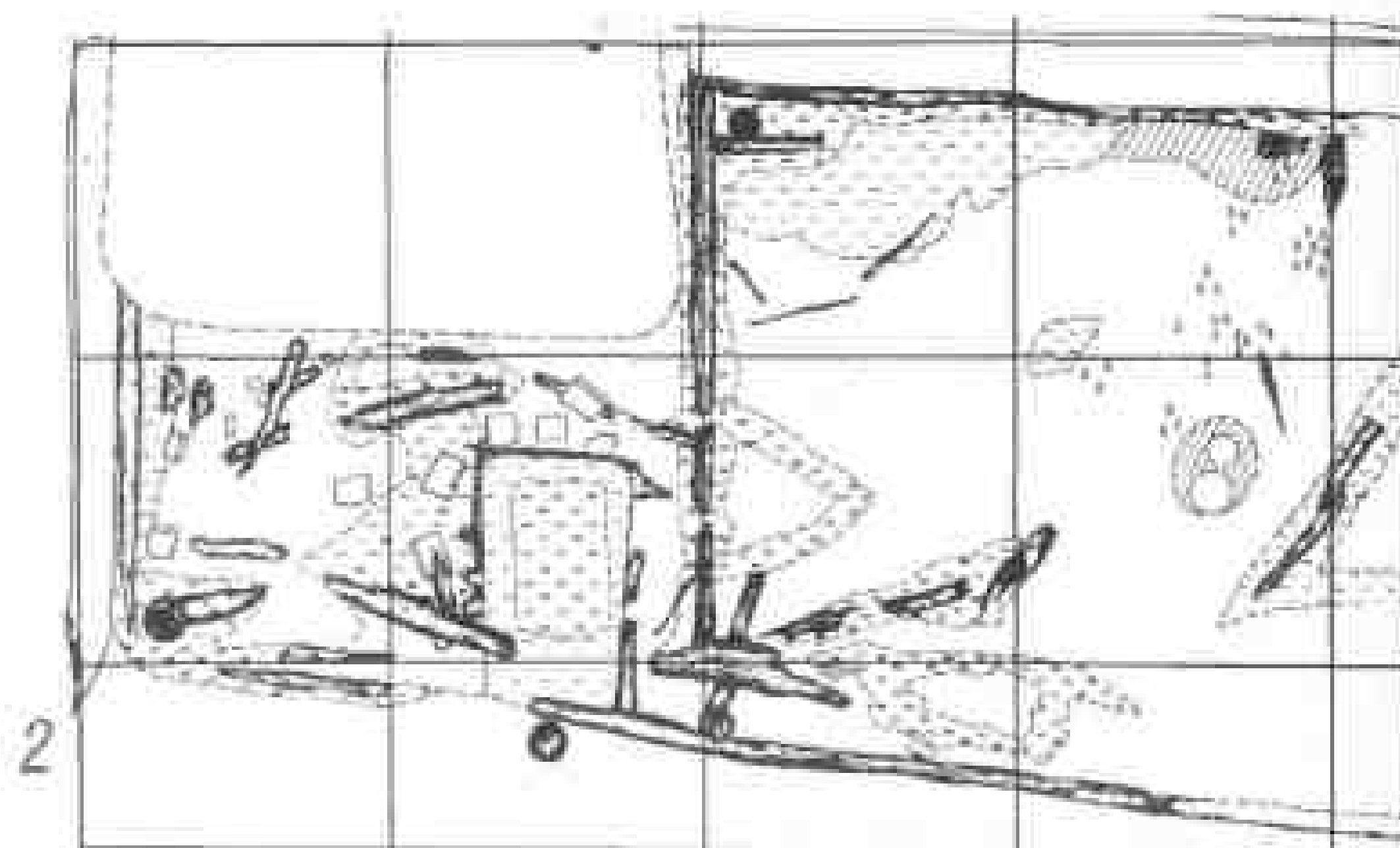
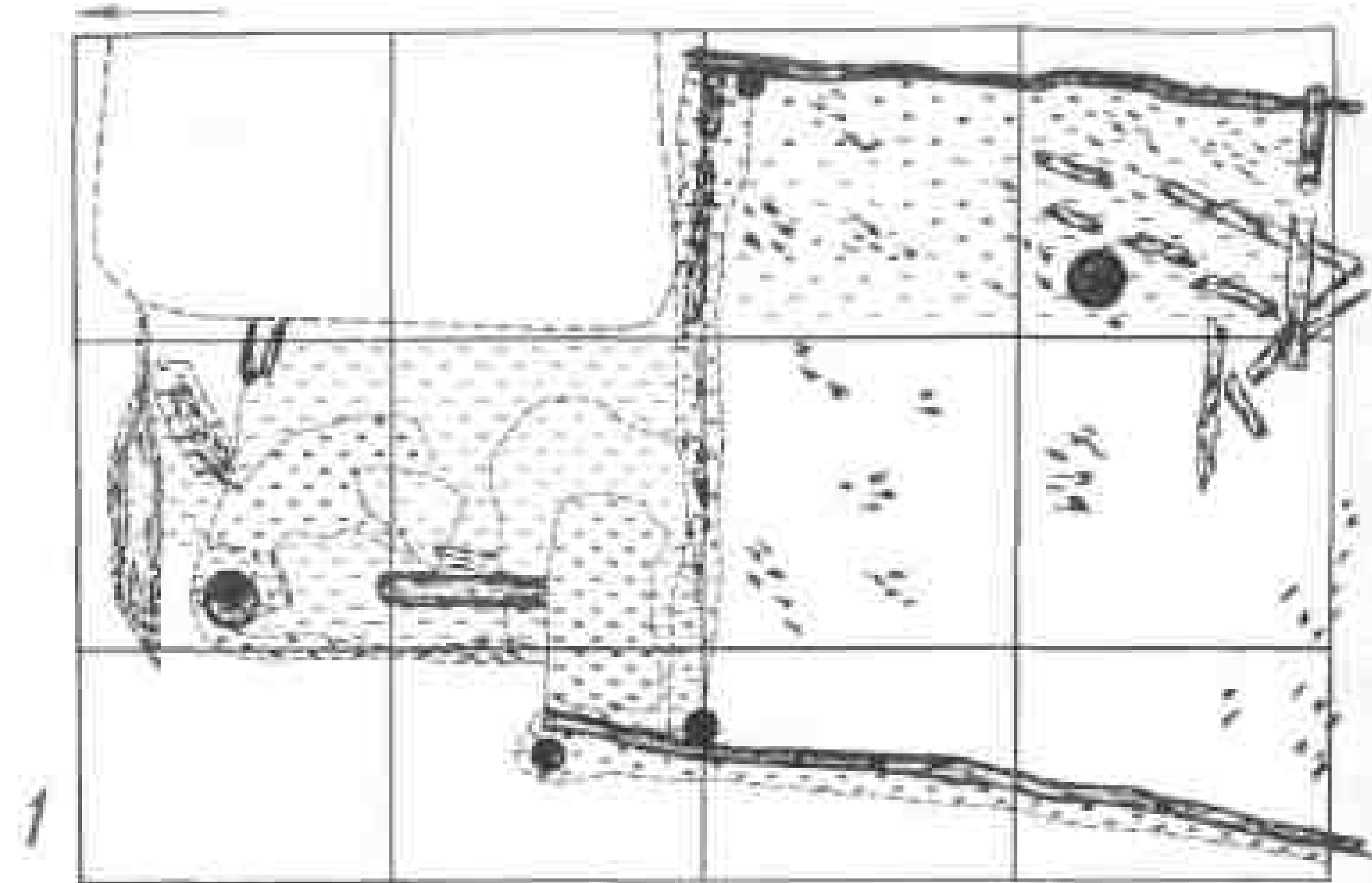

Таблица 46. Постройка Б-3 на раскопе 14.
1-2 — первый и второй этапы расчистки; 3 — разрез развала печи, вид с севера; 4 — реконструкция печи (по В.П. Фролову).

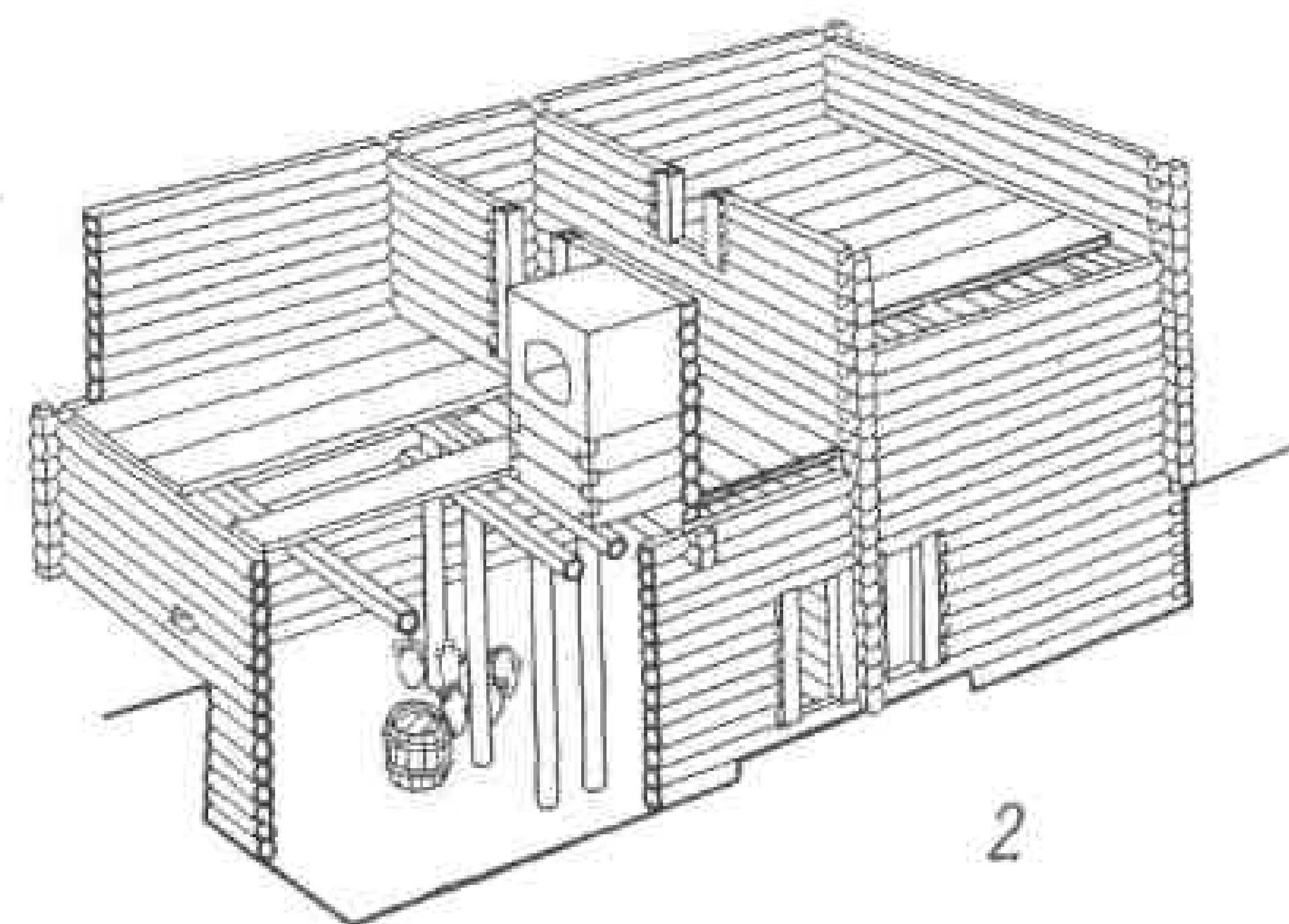
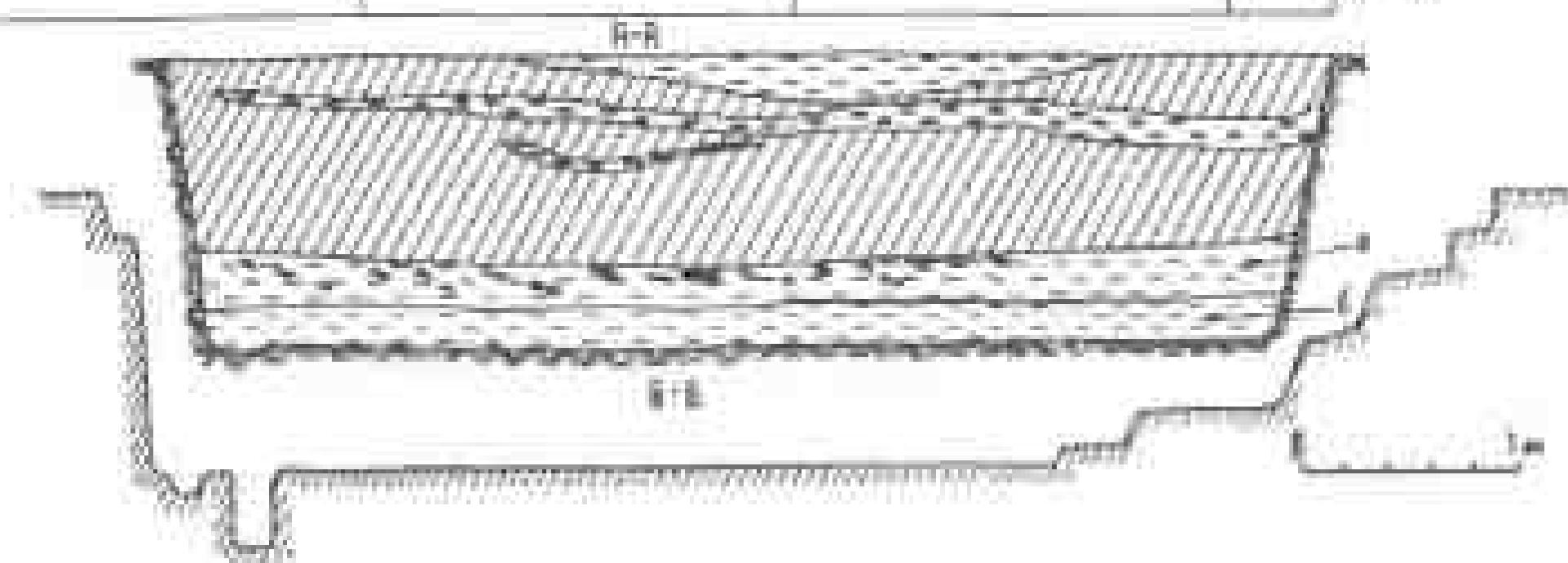
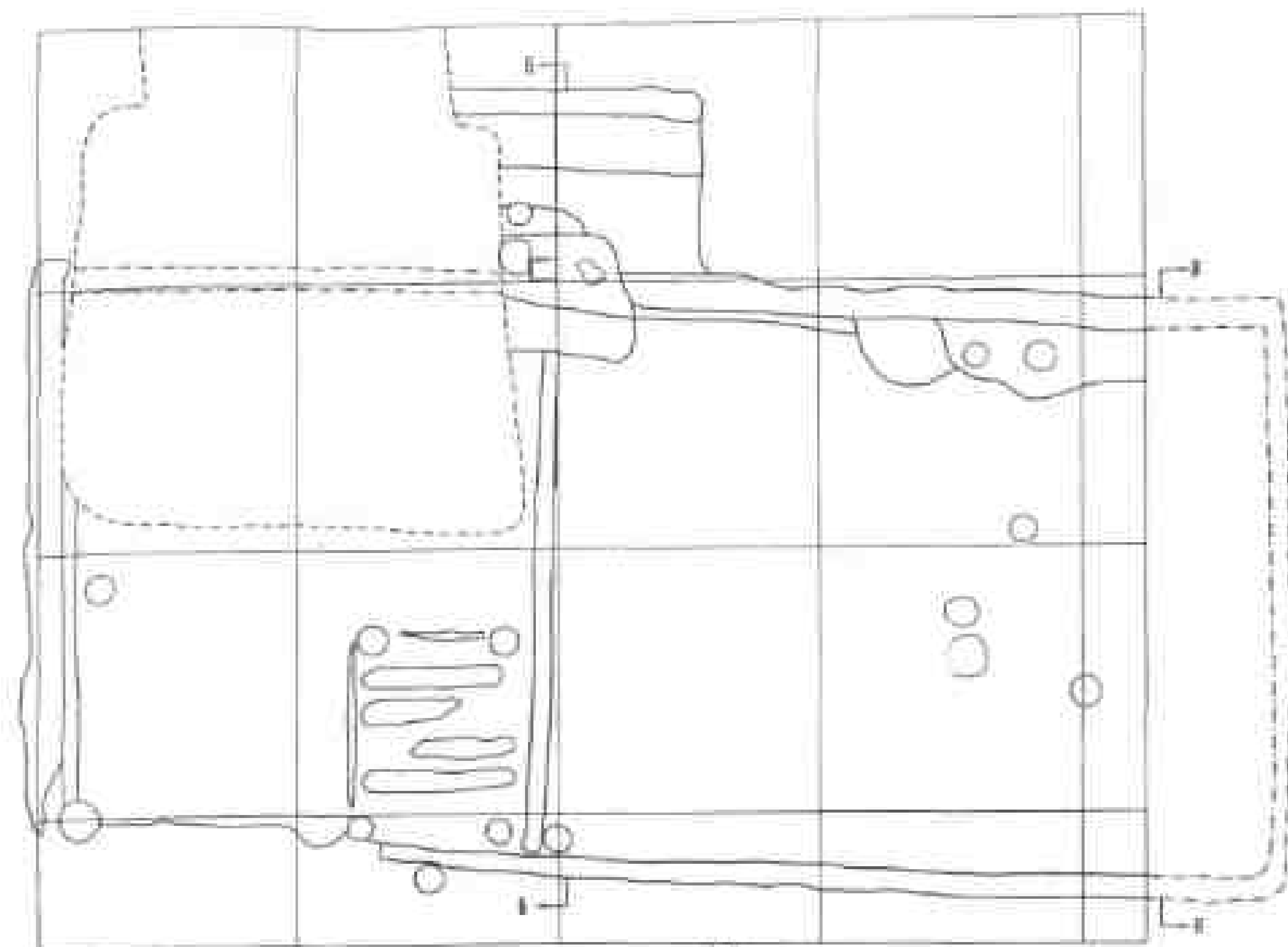
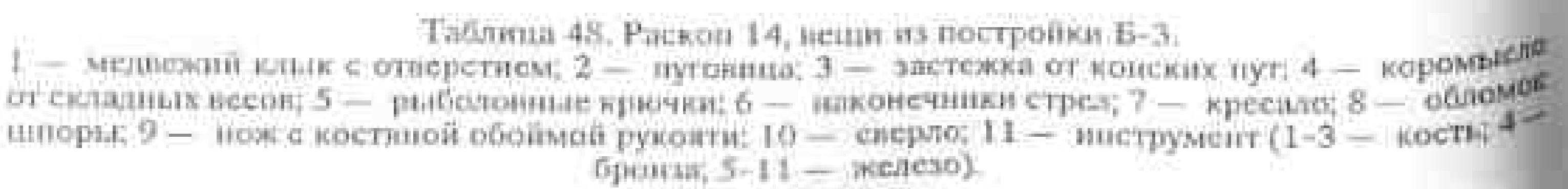

Таблица 47. Постройка Б-3.
1 — план на уровне материка, профиль заполнения, разрез; 2 — вариант реконструкции, вид с юго-востока.

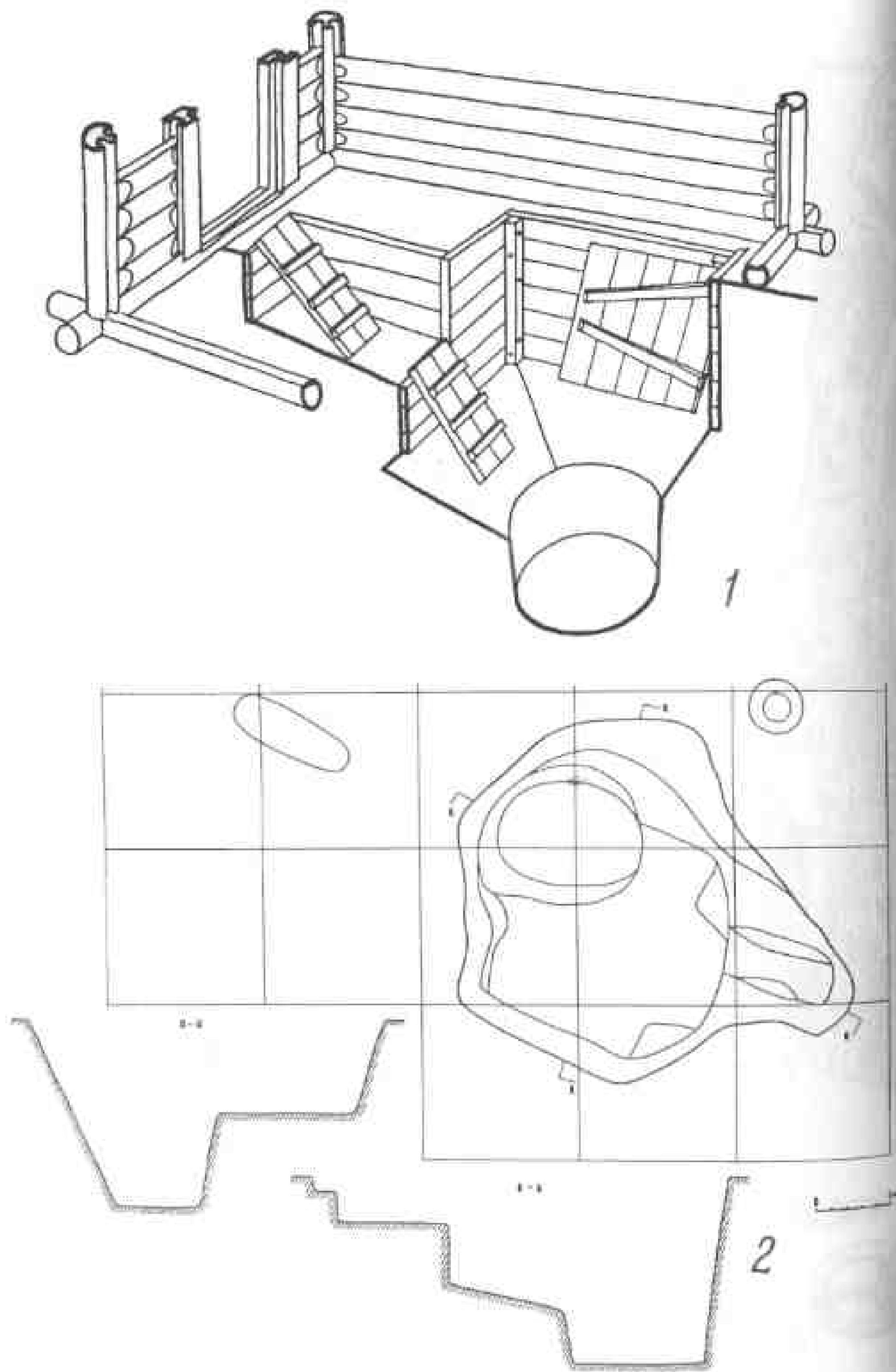

Таблица 50. Постройка на раскопе 15.
1 — реконструкция подпольной части дома, вид с северо-запада; 2 — план и разрез.

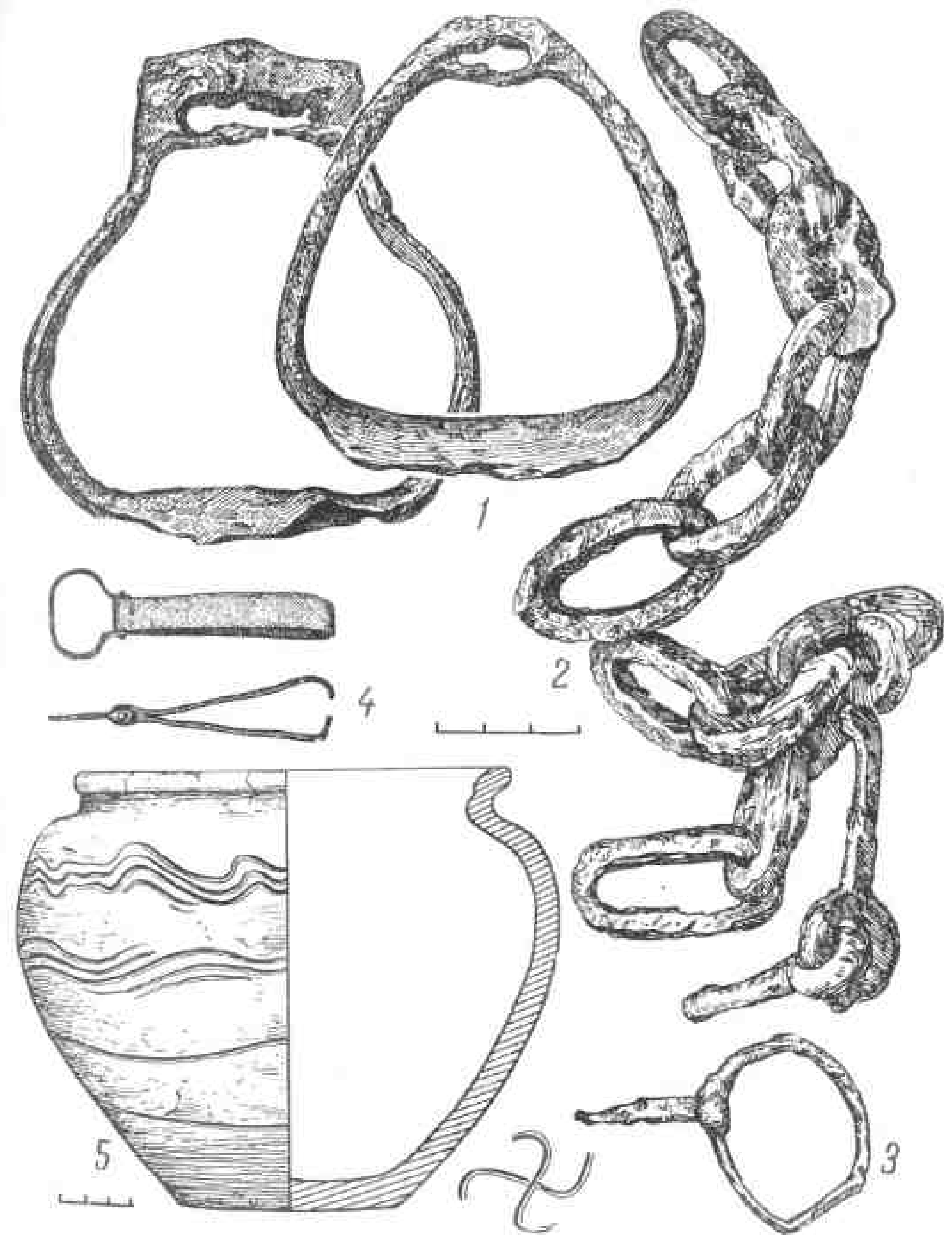

Таблица 51. Находки на раскопе 16.
1 — стремяна; 2 — цепи; 3 — пряжка; 4 — пинцет; 5 — горшок (1-3 — железо; 4 — бронза; 5 — глина).

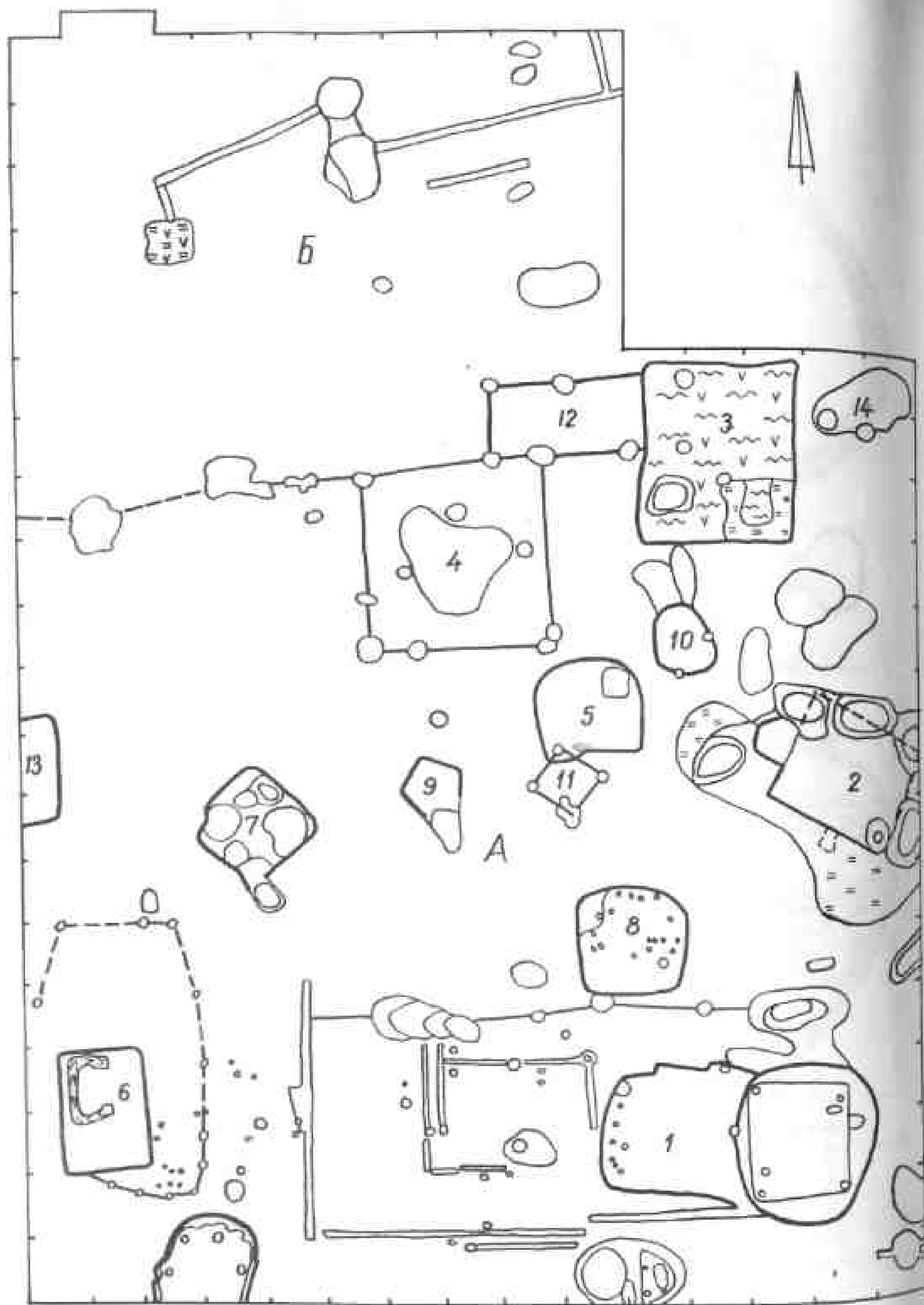

Таблица 52. План раскопа 17.

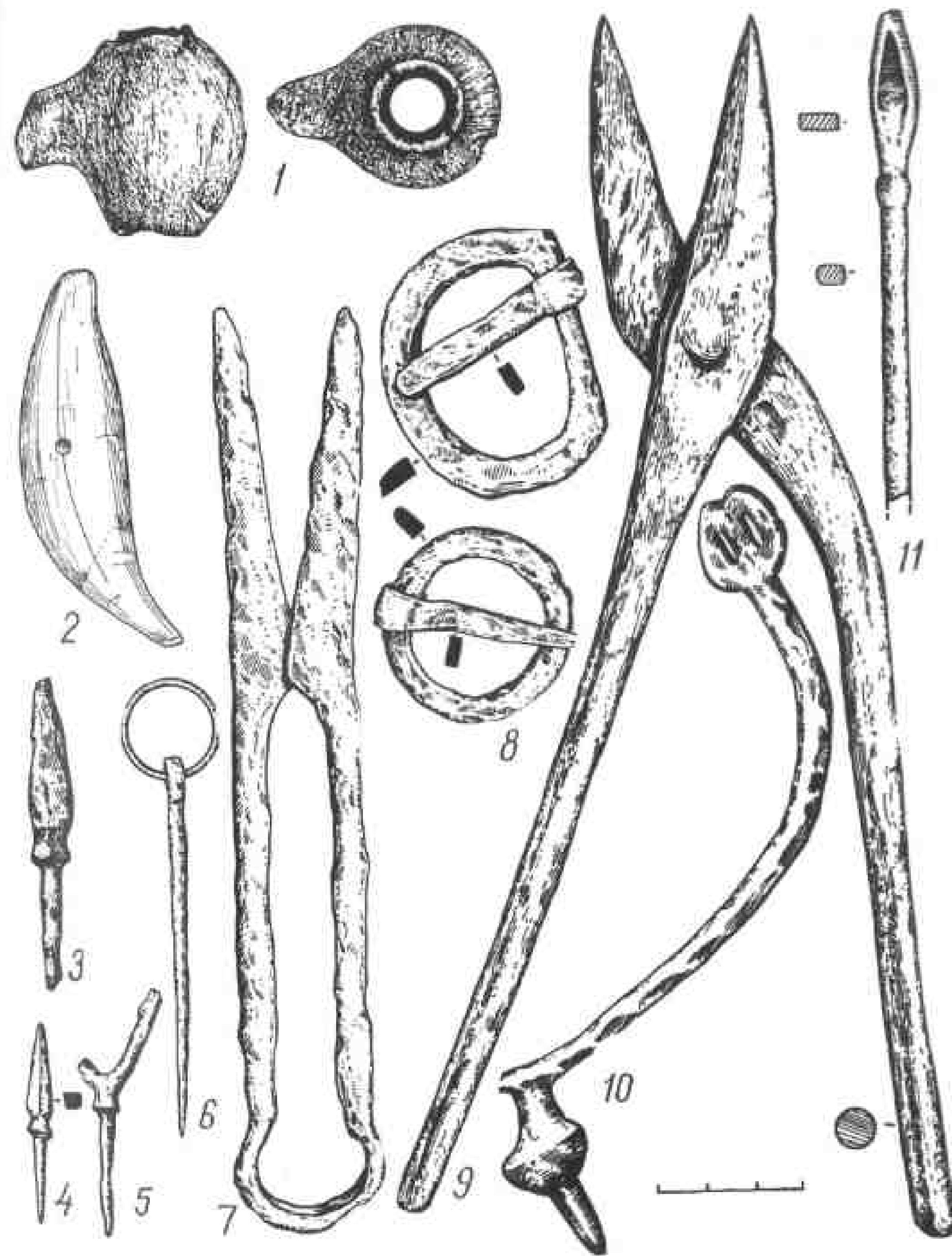

Таблица 53. Раскоп 17, находки в 1 и 2 пластах.
1 — напершие плети; 2 — медвежий клык; 3-5 — наконечники стрел; 6 — булава; 7 — ножницы пружинные; 8 — пряжки; 9 — ножницы для резки металла; 10 — обломок шпору; 11 — шпору (?). (1 — кости; 3-11 — железо).

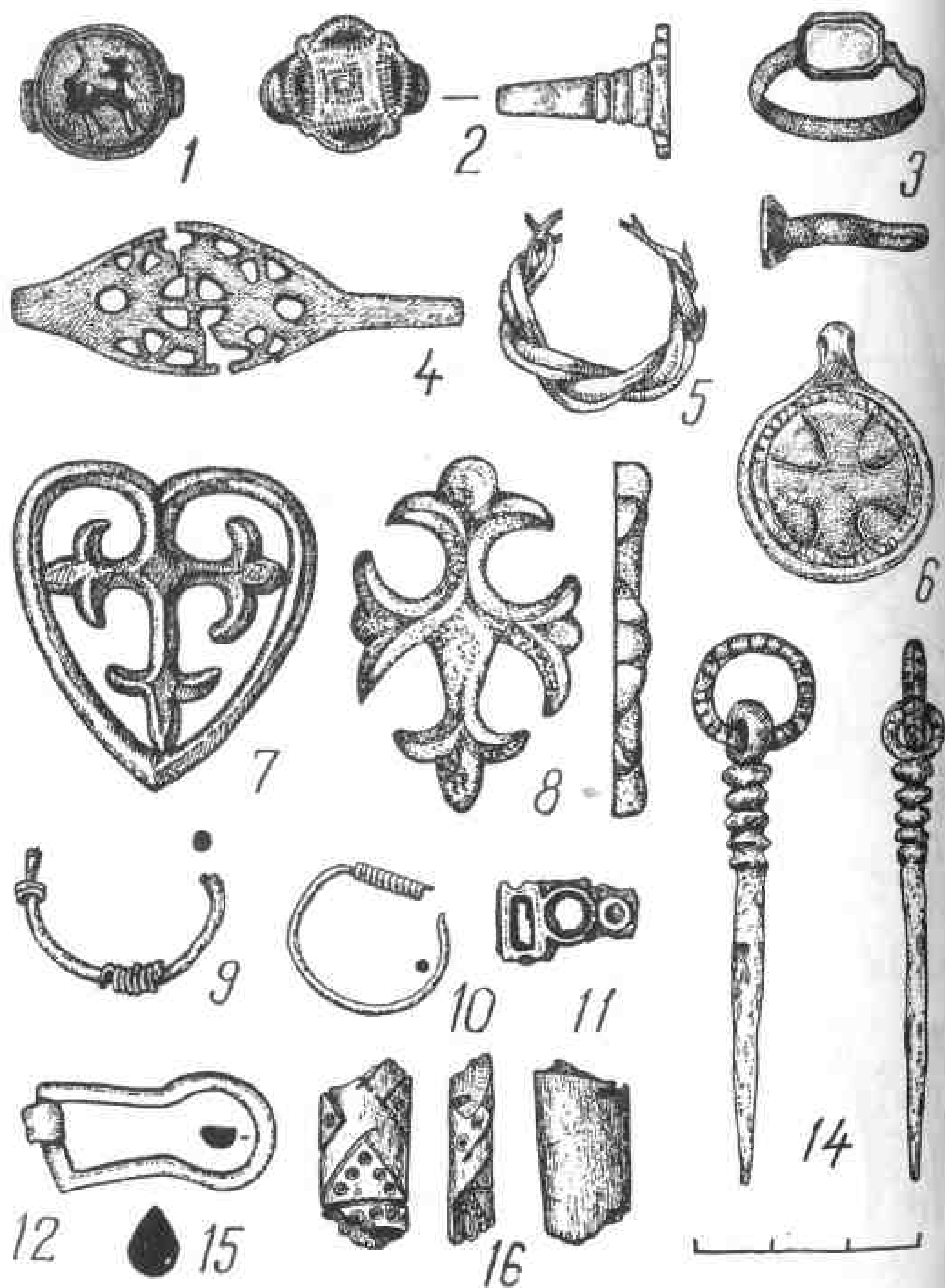

Таблица 54. Раскоп 17, находки в 1 и 2 пластах и из постройки А-1 (№ 1,8) и А-3 (№ 7).
1-5 — перстни; 6 — привеска; 7-8 — матрицы; 9, 10 — фрагменты бусиных височных колец;
11 — пряжка или книжная застёжка (полуфабрикат); 12 — поясная пряжка; 13 — обломок руко-
яти ножа; 14 — булавка; 15 — вставка из берёзы (1, 2, 4, 5, 7, 8, 11, 12, 14 — бронза; 3 — бронза
и стекло; 6 — бислор; 9, 10 — серебро; 13 — кость).

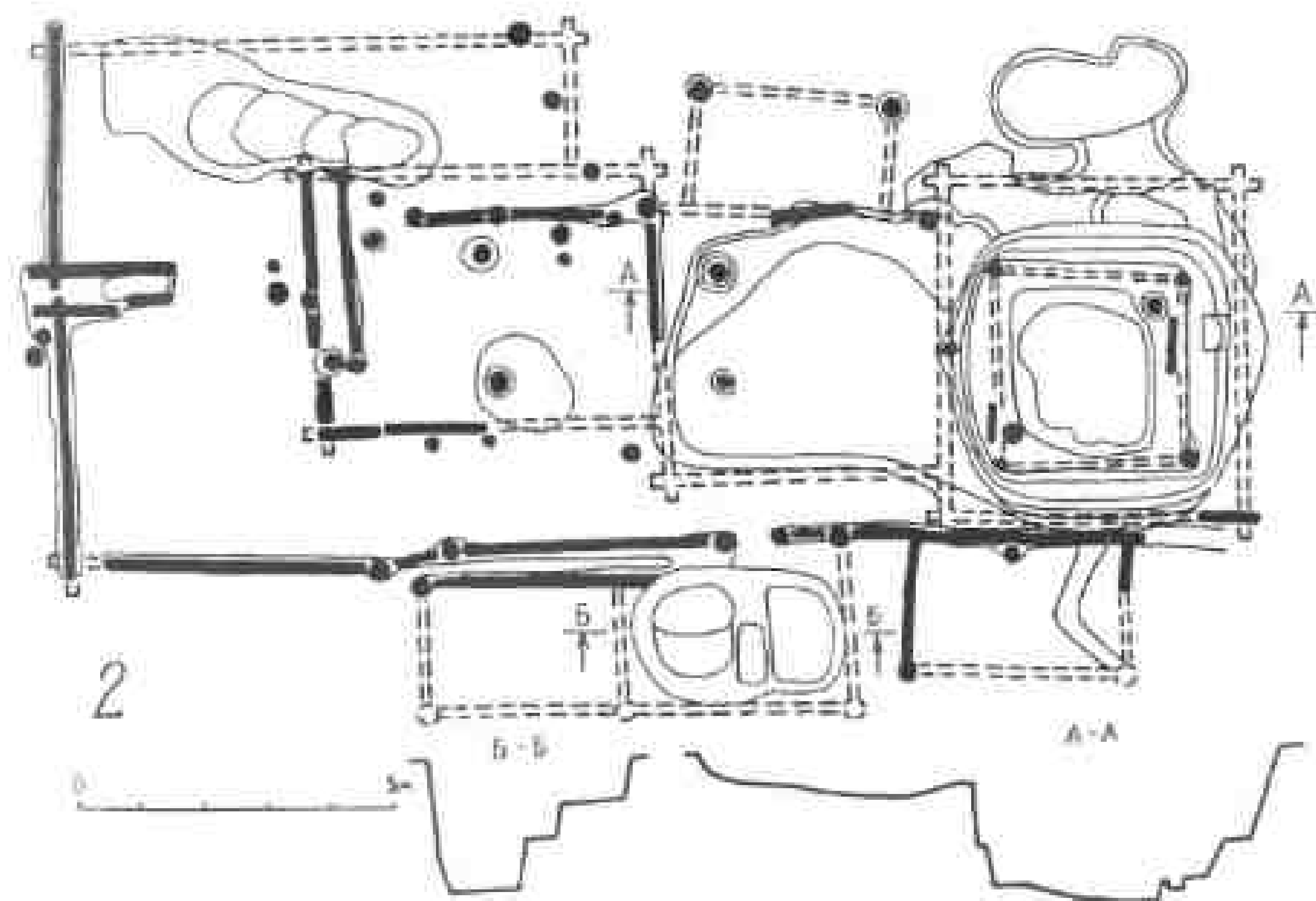
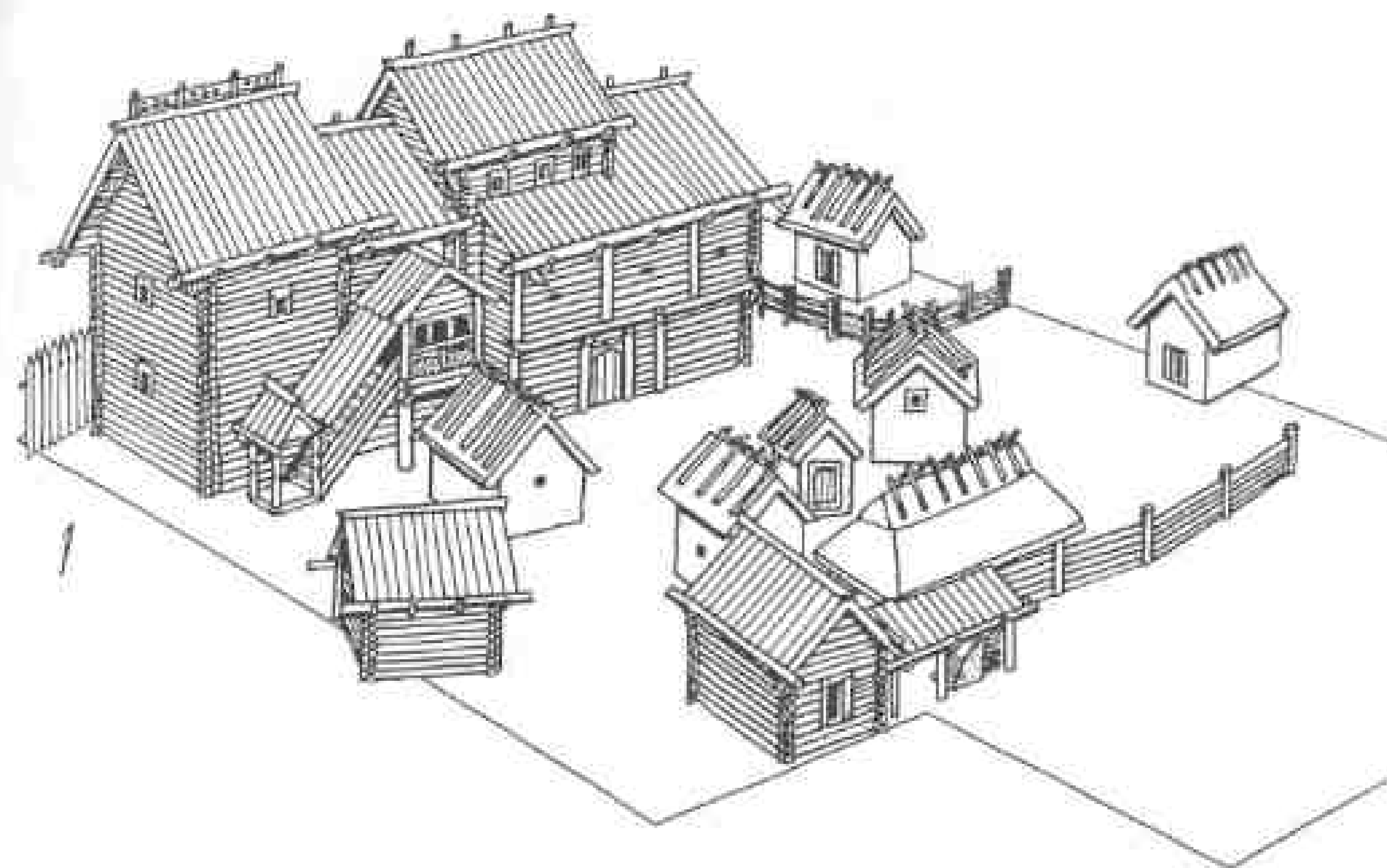

Таблица 55. Усадьба ювелира на раскопе 17.
1 — реконструкция двора, вид с северо-востока; 2 — реконструктивный план главного дома, раз-
реза (А-А).

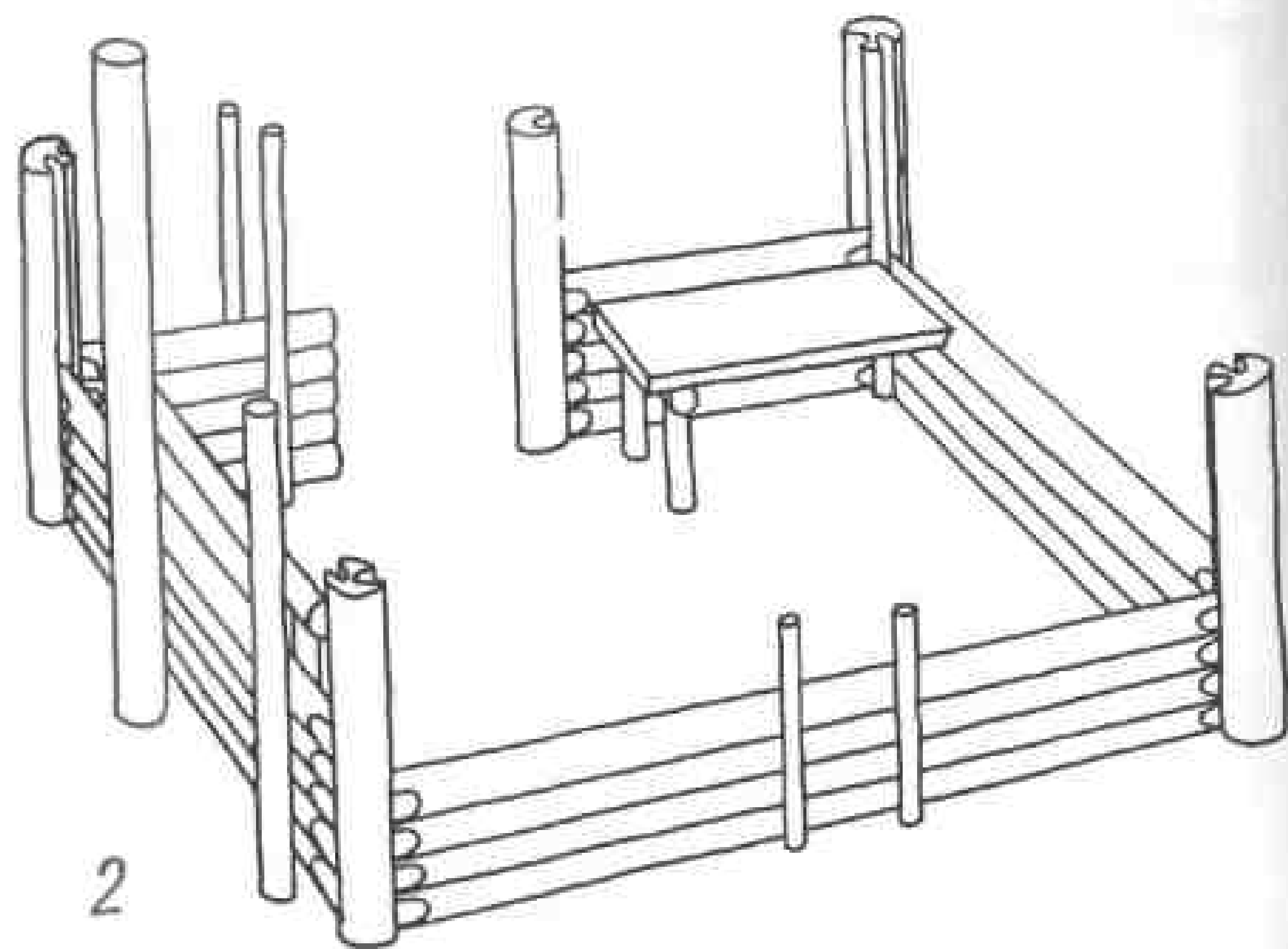
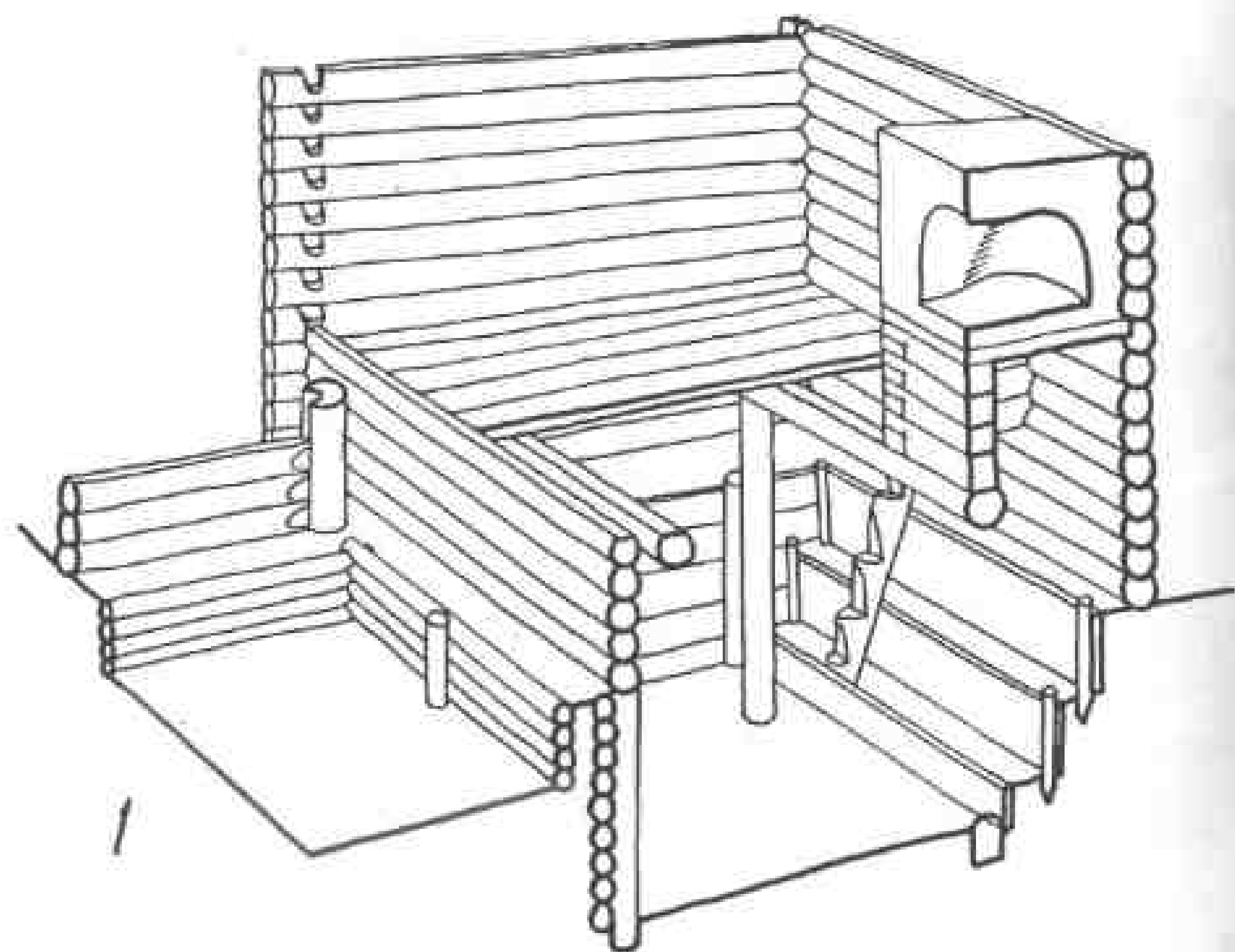

Таблица 56. Реконструкции отдельных помещений дома 17-А-1.
1 — подклет с погребом, часть избы и сеней, вид с юго-запада; 2 — клеть, вид с юга.

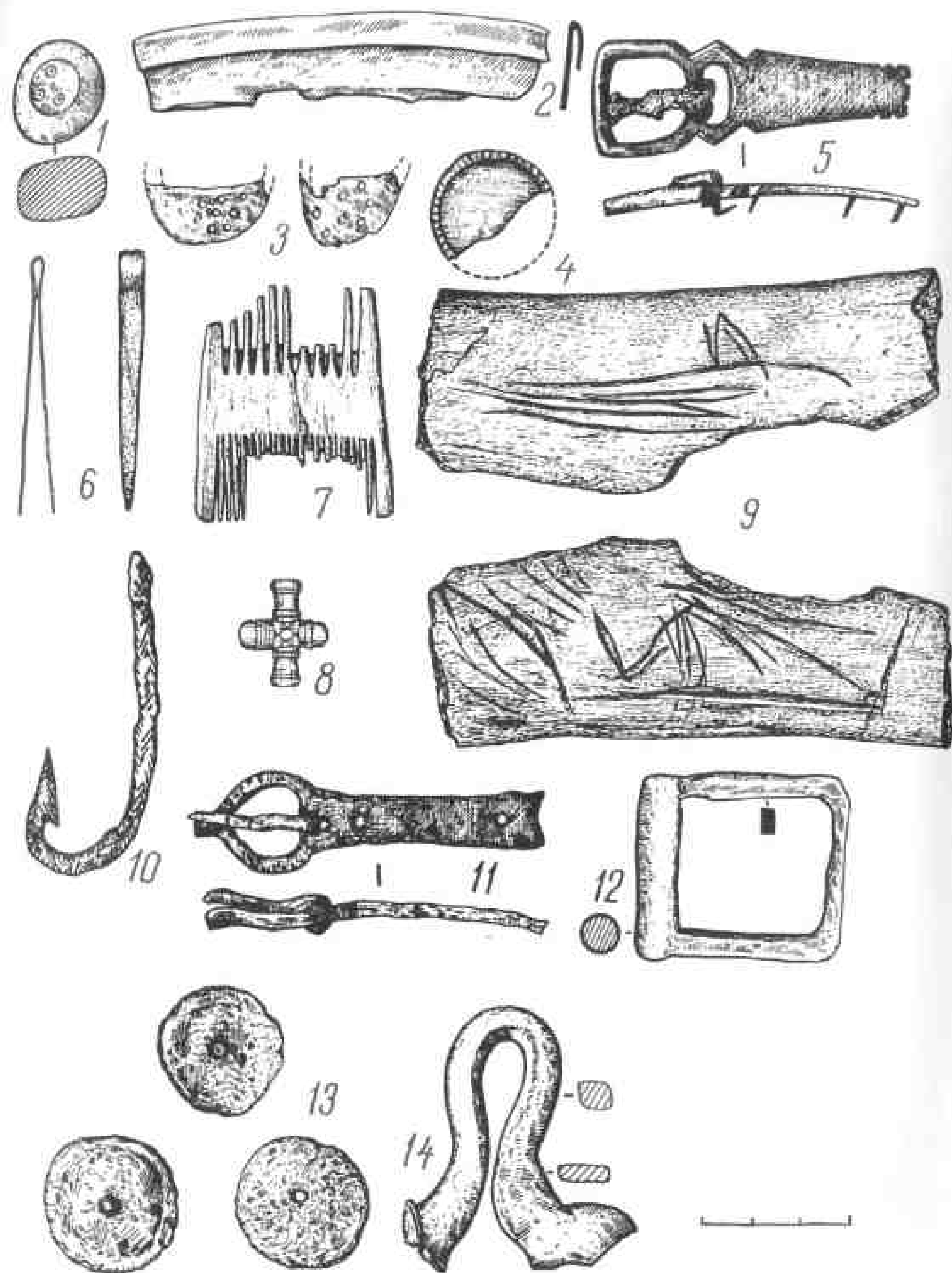

Таблица 57. Раскоп 17, вещи из построек А-1 и А-6.
Постройка А-1: 1 — гирица; 2 — фрагмент клепаного сосуда; 3 — перстень; 4 — привеска; 5 — прищип; 6 — пинцет; 7 — гребень; 8 — крестик-тельничник; 9 — кость с нарезками; 10 — рыболовный крючок; 11-12 — прищипы. Постройка А-6: 13 — пластинки с заклепками в центре; 14 — ушко от ведра (1 — железо, оболочка бронзовая; 2, 3, 5, 6, 14 — бронза; 4 — биллон; 7-9 — кость; 10-13 — железо).

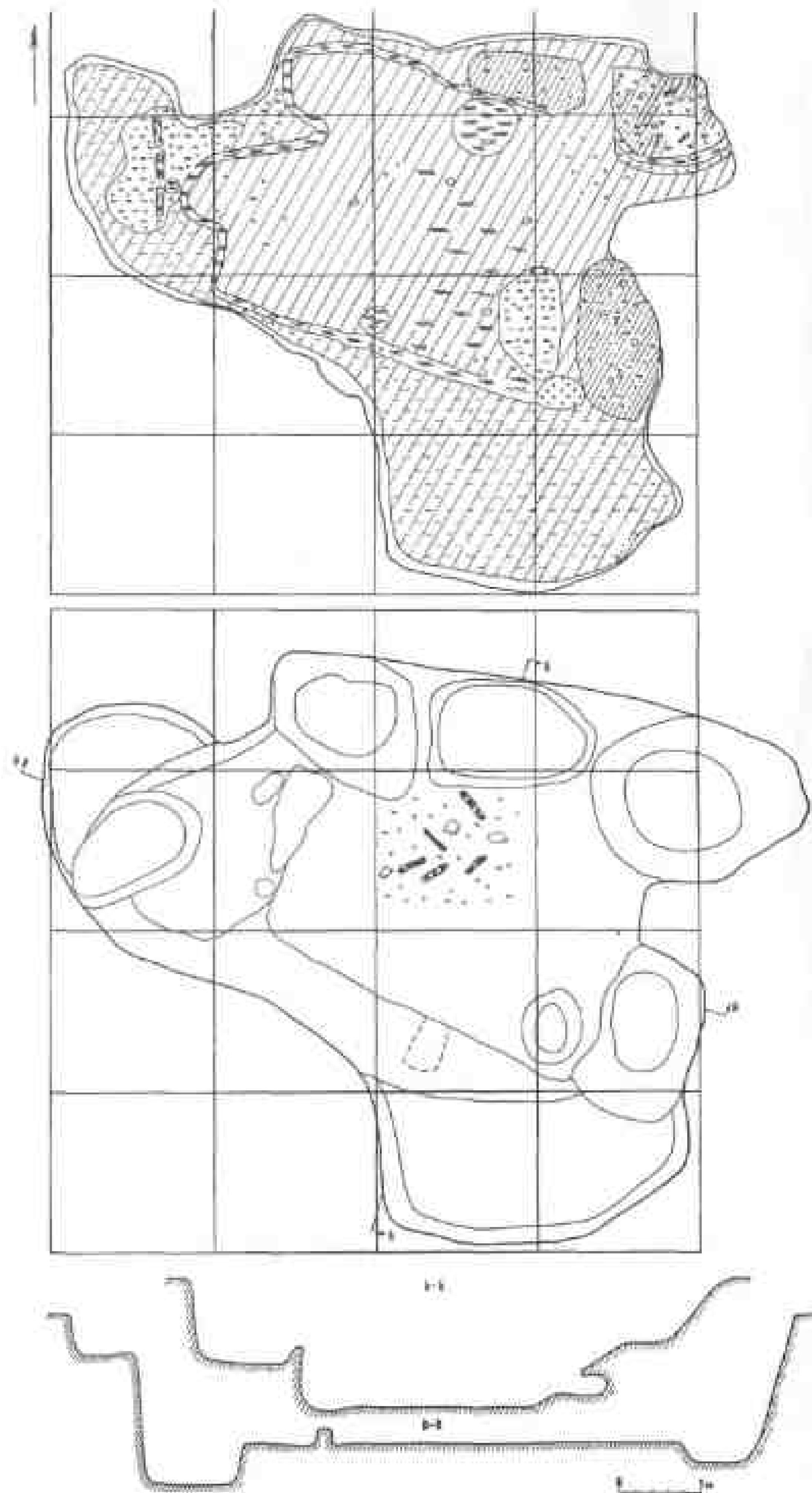

Таблица 58. Постройка 17-А-2.

1 — план постройки верхнего горизонта; 2 — план постройки нижнего горизонта на уровне материка и разрез.

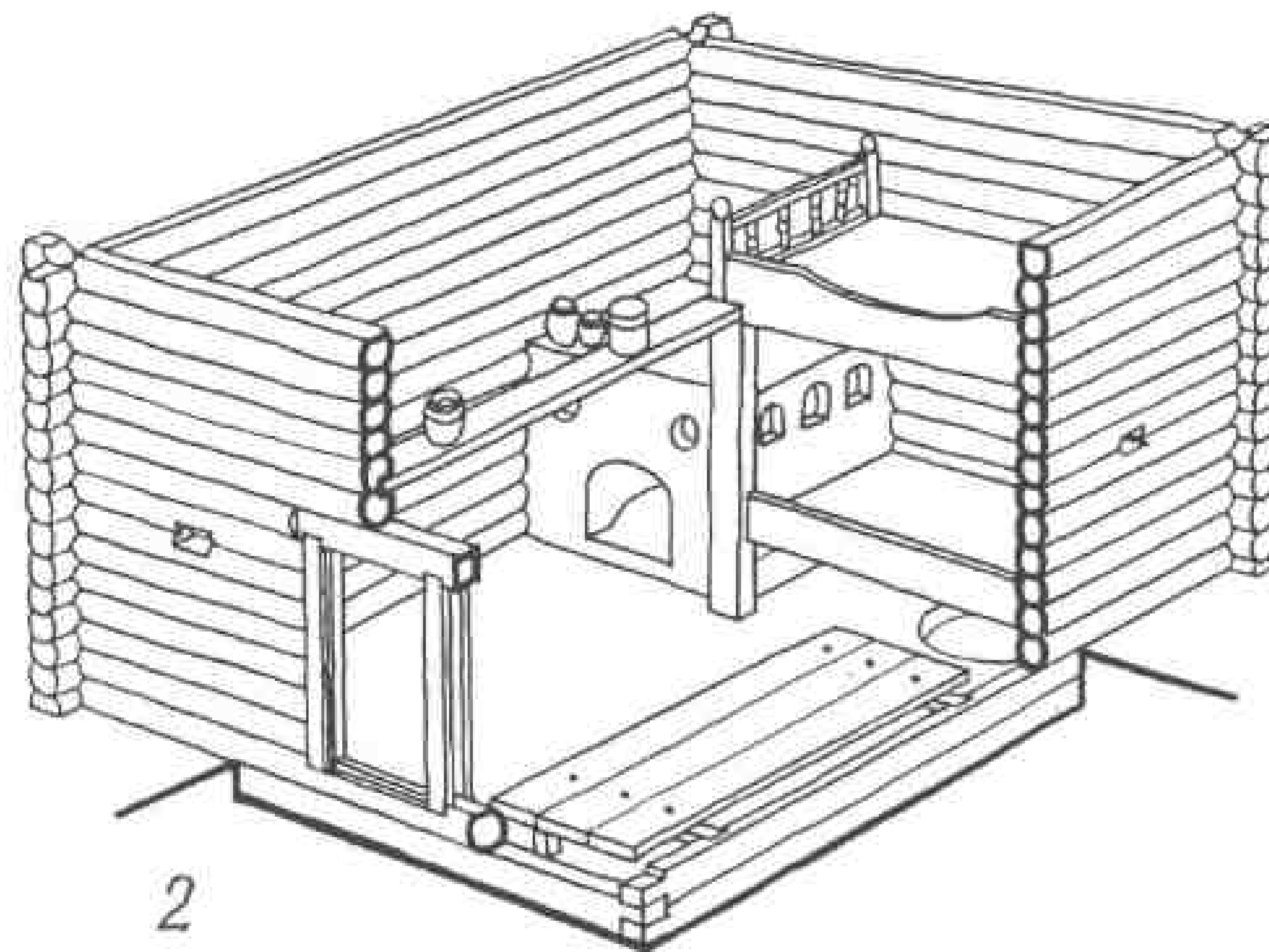
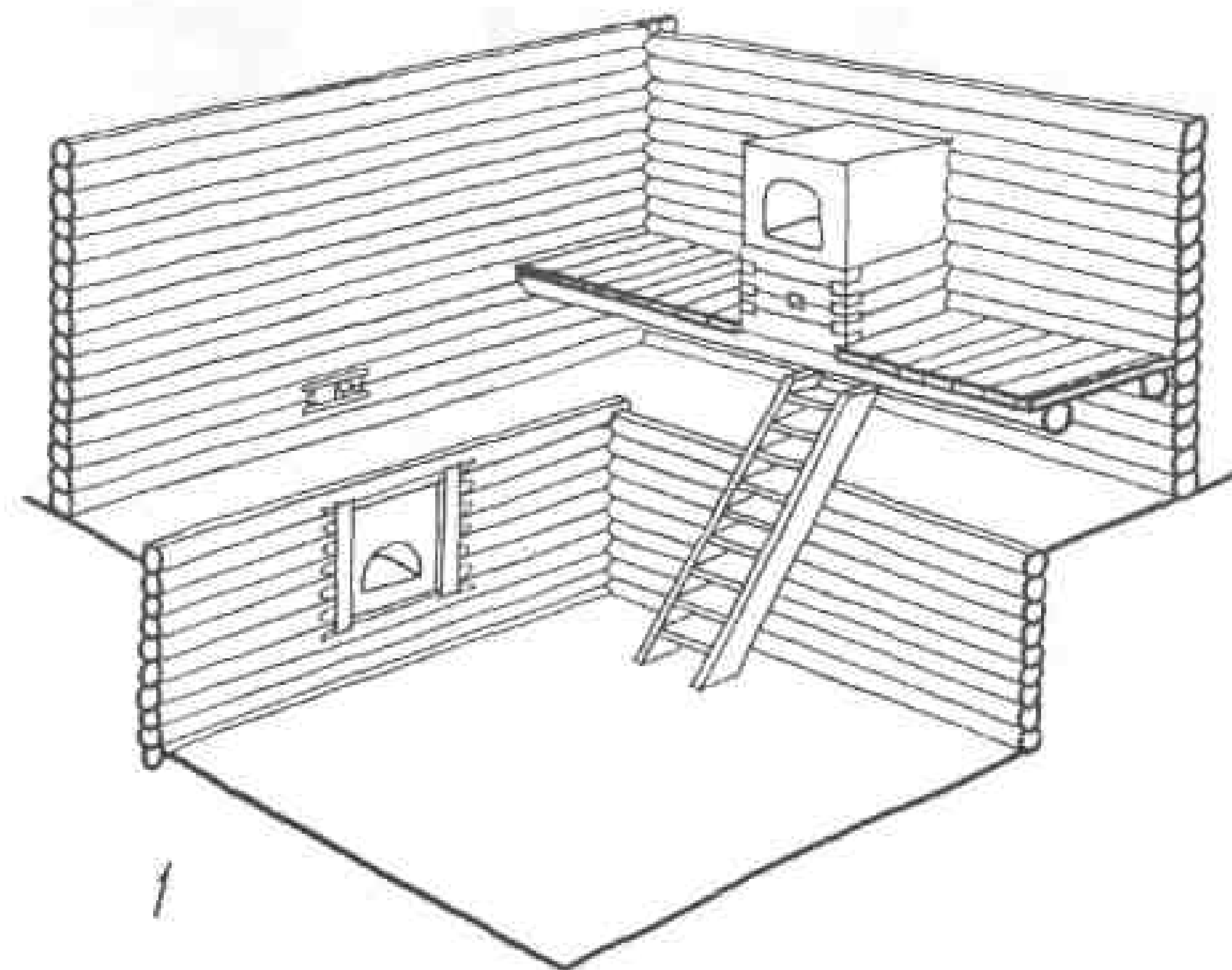

Таблица 59. Реконструкции построек на раскопе 17.

1 — постройка А-2, нижний горизонт, вид с северо-востока; 2 — постройка А-3, вид с северо-запада.

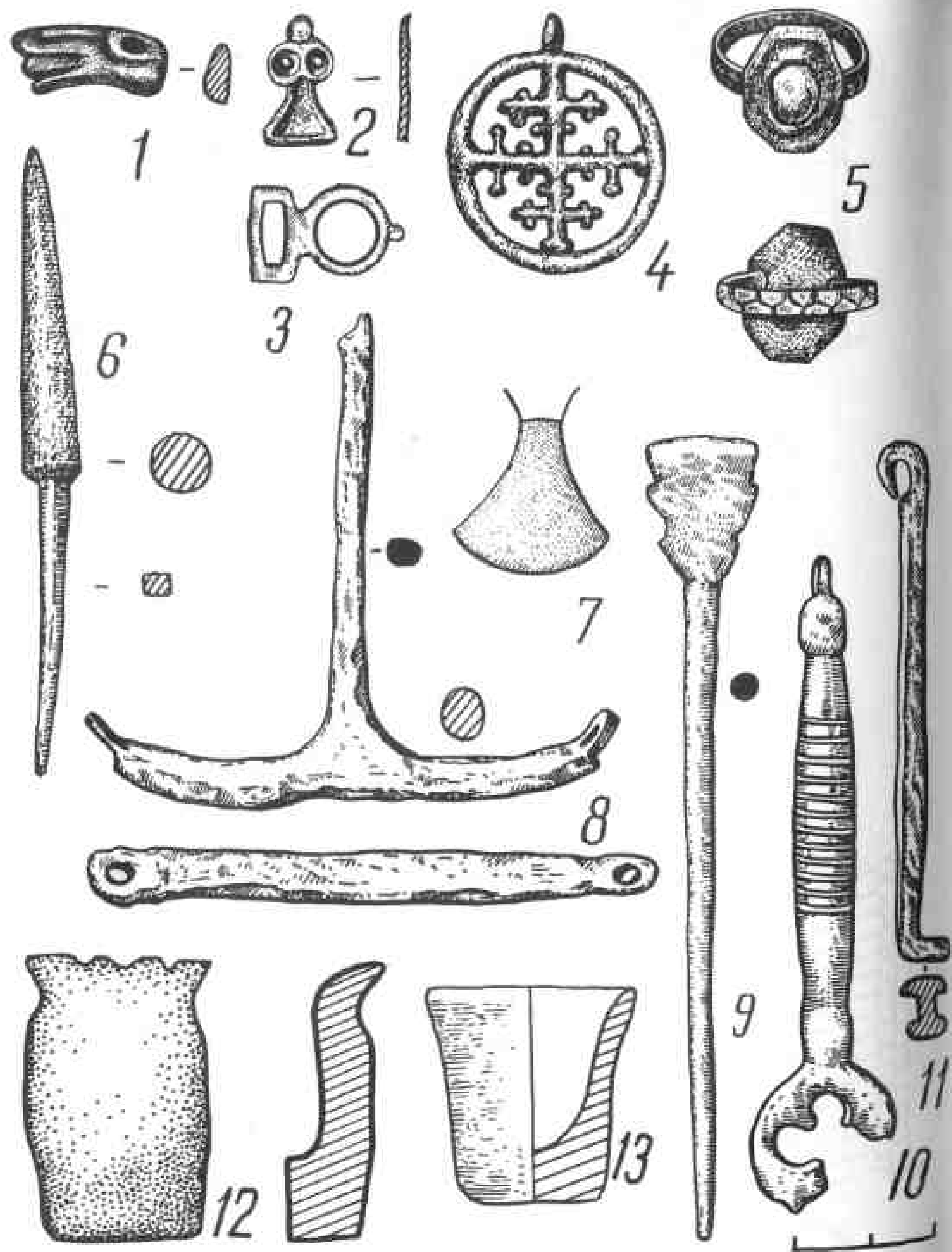

Таблица 60. Раскоп 17, вещи из постройки А-2 (верхний горизонт).
1 — матрица; 2 — фрагмент украшения; 3 — книжная застежка; 4 — привеска; 5 — перстень;
6 — наконечник стрелы; 7 — обломок семилопастного височного кольца; 8 — железный пресс-мет; 9 — сталь; 10-11 — ключи; 12-13 — миниатюрные сосуды (1-4 — бронза; 5 — серебро; 6, 8-11 — железо; 7 — биллон; 12, 13 — глина).

Таблица 61. Раскоп 17, вещи из постройки А-3.
1 — фрагмент хороса; 2-6 — матрицы; 7 — пинцет; 8 — писало; 9 — поясные накладки; 10 — матрица; 11 — гвоздик; 12 — крестик-тельник; 13 — поясная пряжка; 14 — пробойник (1-6, 8, 10, 11, 13 — бронза; 7, 9, 14 — железо; 12 — шифер).

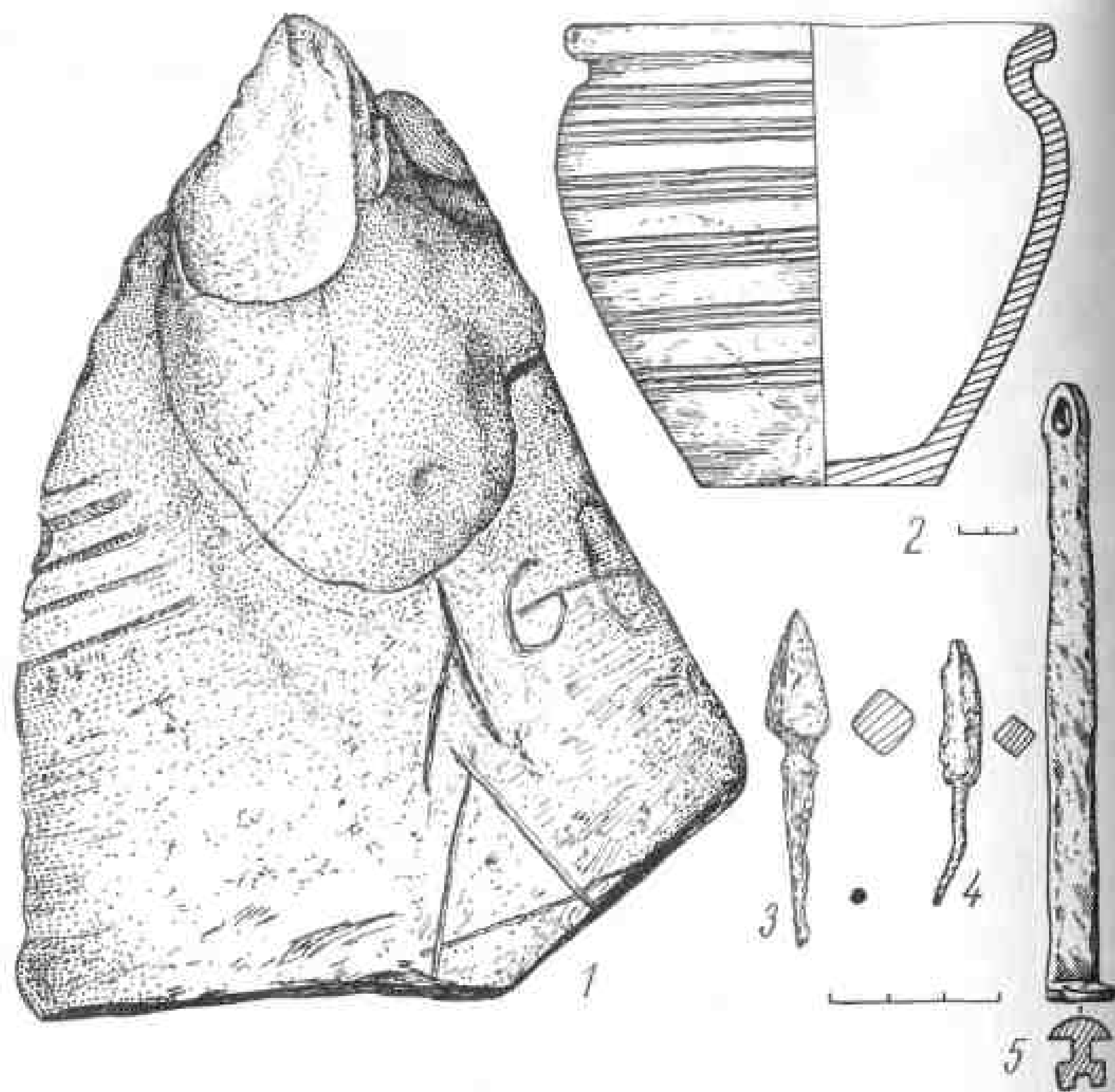

Таблица 62. Раскоп 17, вещи из постройки А-3.
1 — обломок амфоры; 2 — горшок; 3, 4 — наконечники стрел; 5 — ключ (1, 2 — глина; 3-5 — железо).

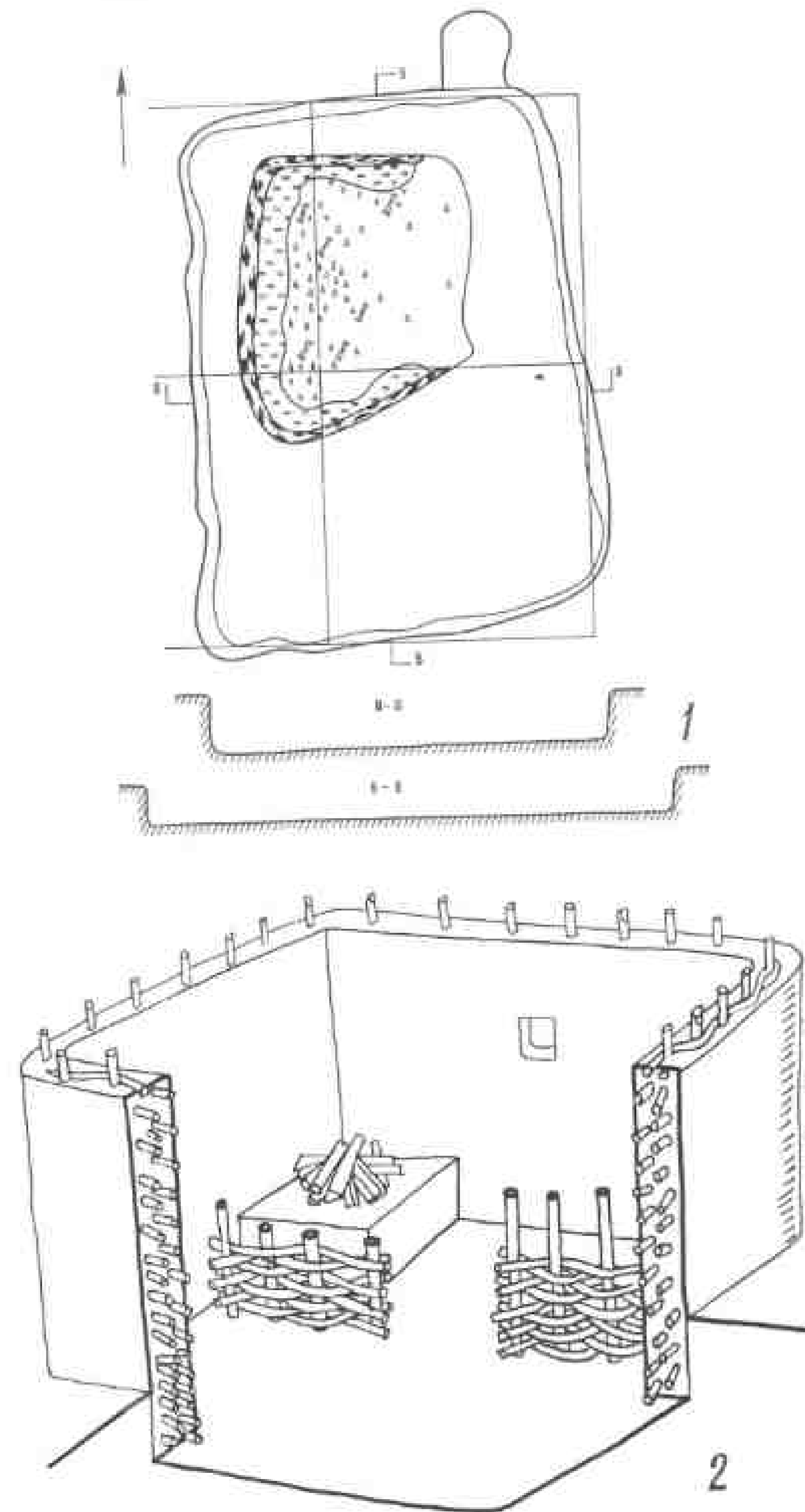

Таблица 63. Постройки на раскопе 17.
1 — постройка А-6, план и разрез; 2 — реконструкция постройки 8. Вид с юга.

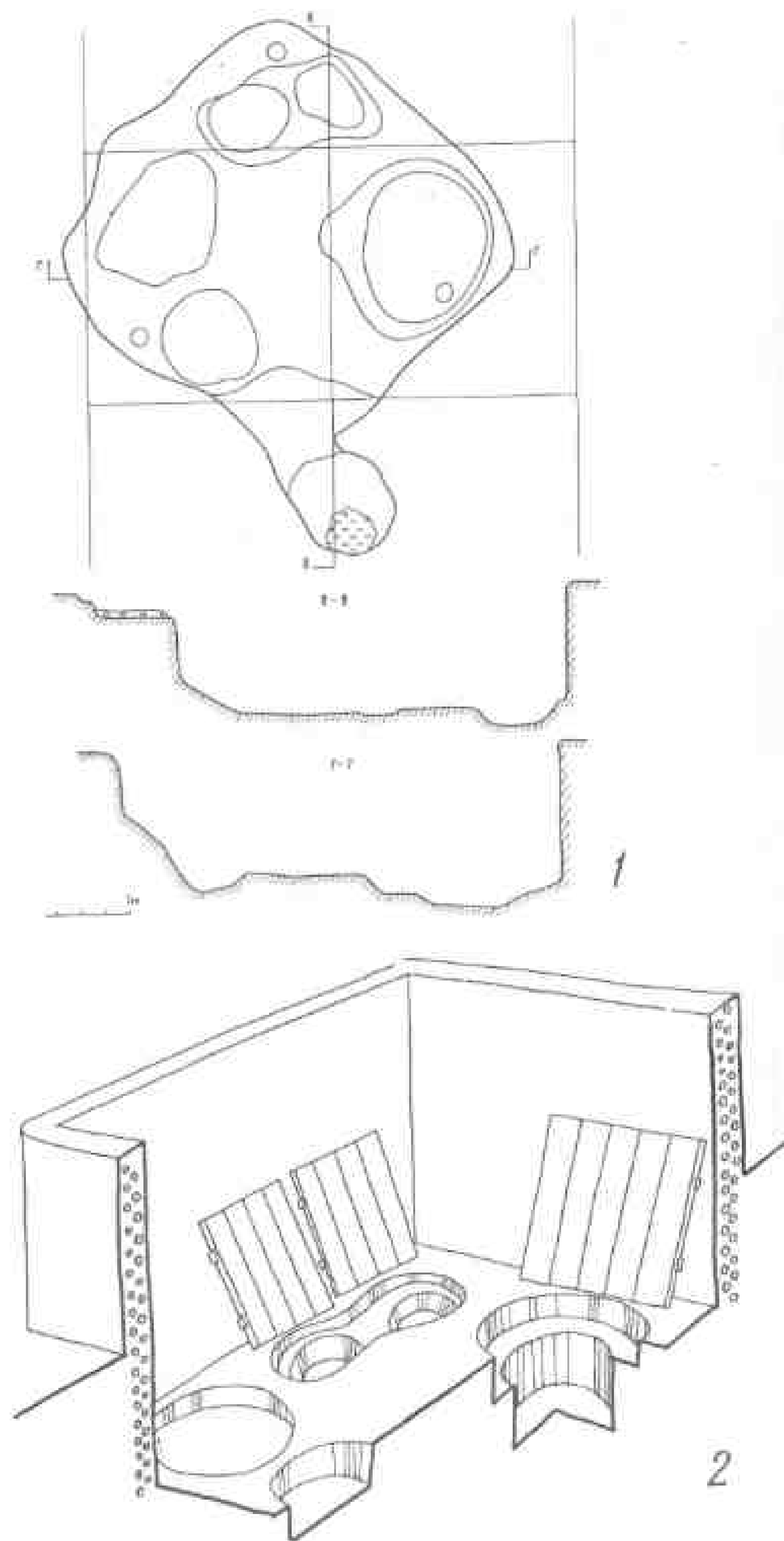

Таблица 64. Постройка 17-А-7.
1 — план и разрез; 2 — реконструкция, вид с юга.

Таблица 65. Раскоп 17, вещи из построек.
1 — медорезка; 2 — кресало; 3, 4 — ключи; 5 — бубенчик; 6, 7 — пряжки; 8 — ручки от ведра; 9 — дужка от котла; 10 — замок; 11 — пробойник (?); 12 — горшок (1-3 — из постройки 5; 4 — из постройки 9; 5 — из постройки 10; 6-7 — из ямы у постройки 1; 8-9 — из постройки 8; 10-11 — из ямы к югу от постройки 2; 12 — из постройки 1).

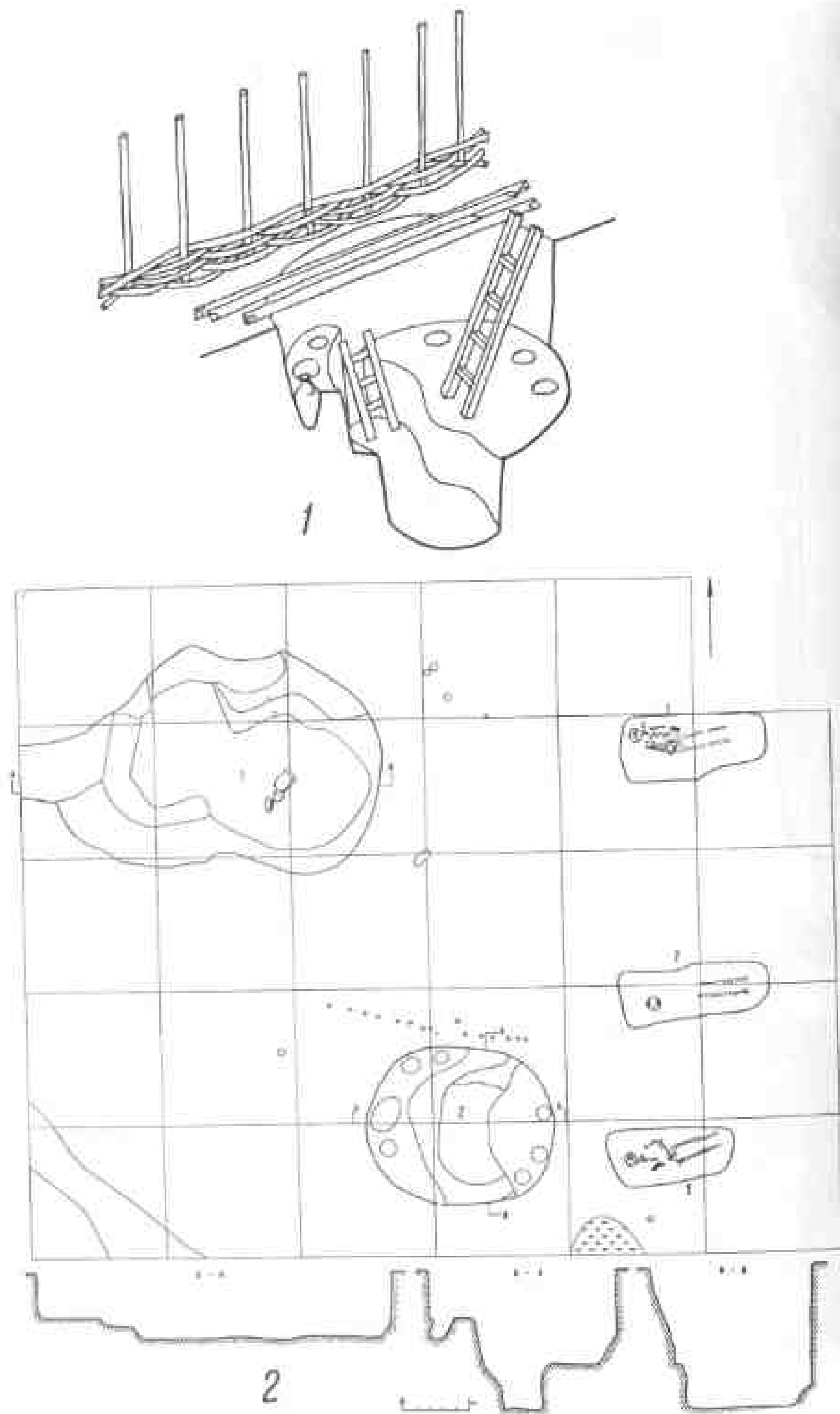

Таблица 66. Раскоп 18.

1 — реконструкция ямы 2, вид с юго-запада; 2 — план и разрез.

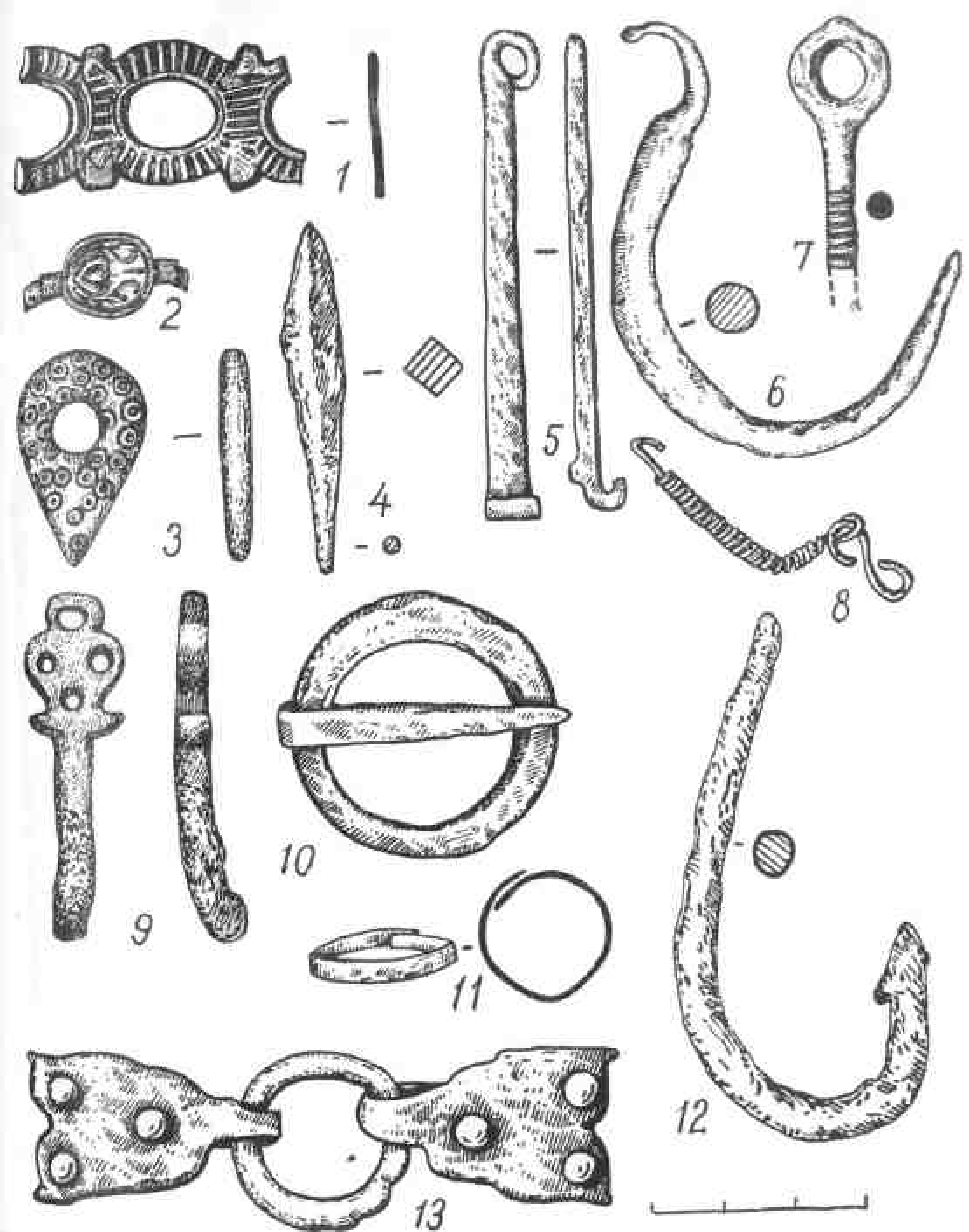

Таблица 67. Вещи из раскопа 18.

1 и 2 — пластины: 1 — фрагмент пинкадила; 2 — перстень; 3 — застывший рукоятки ножа; 4 — накопечник стрелы; 5 — ключ; 6 — рыболовный крючок; 7 — булавка; 8 — серьга. Яма 1: 9 — булавка; 10 — пряжка; 11 — перстень; 12 — рыболовный крючок. Яма 2: 13 — поясное кольцо (1, 2, 7-9, 11 — бронза; 3 — кости; 4-6, 10, 12, 13 — железо).

Таблица 68. Вещи из раскопа 19.

1 — сережка; 2 — перстень; 3 — перстень пластинчатый незамкнутый; 4 — привеска; 5 — амulet-ложечка; 6 — привеска с двумя бубенчиками; 7 — литая форма; 8 — игла; 9, 10 — тыльники рукоятей ножей; 11 — наконечник стрелы; 12 — пряслице и узор на нем в виде ромба и треугольников из точечных вдавлений (1 — серебро; 2 — бронза, стекло; 3-6 — бронза; 7 — камень; 8-10 — кость; 11 — железо; 12 — шифер).

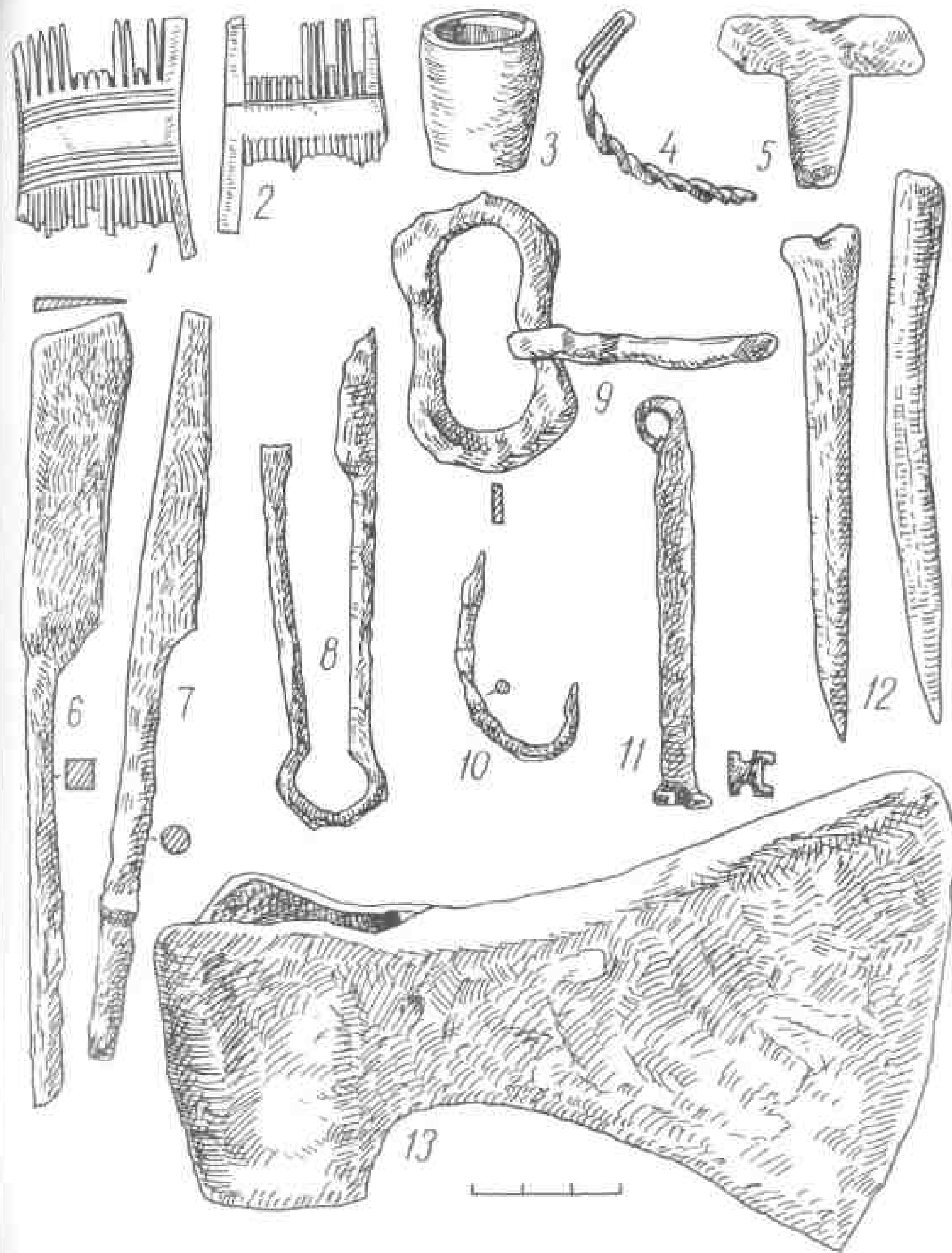

Таблица 69. Вещи из раскопа 19.

1, 2 — гребни; 3 — втулка; 4 — браслет; 5 — фрагмент креста; 6-8 — фрагменты пружинных ножиц; 9 — подпружинная пряжка; 10 — рыболовный крючок; 11 — клинок; 12 — проколки; 13 — топор (1-3, 12 — кость; 4 — бронза; 5 — камень; 6-11, 13 — железо).

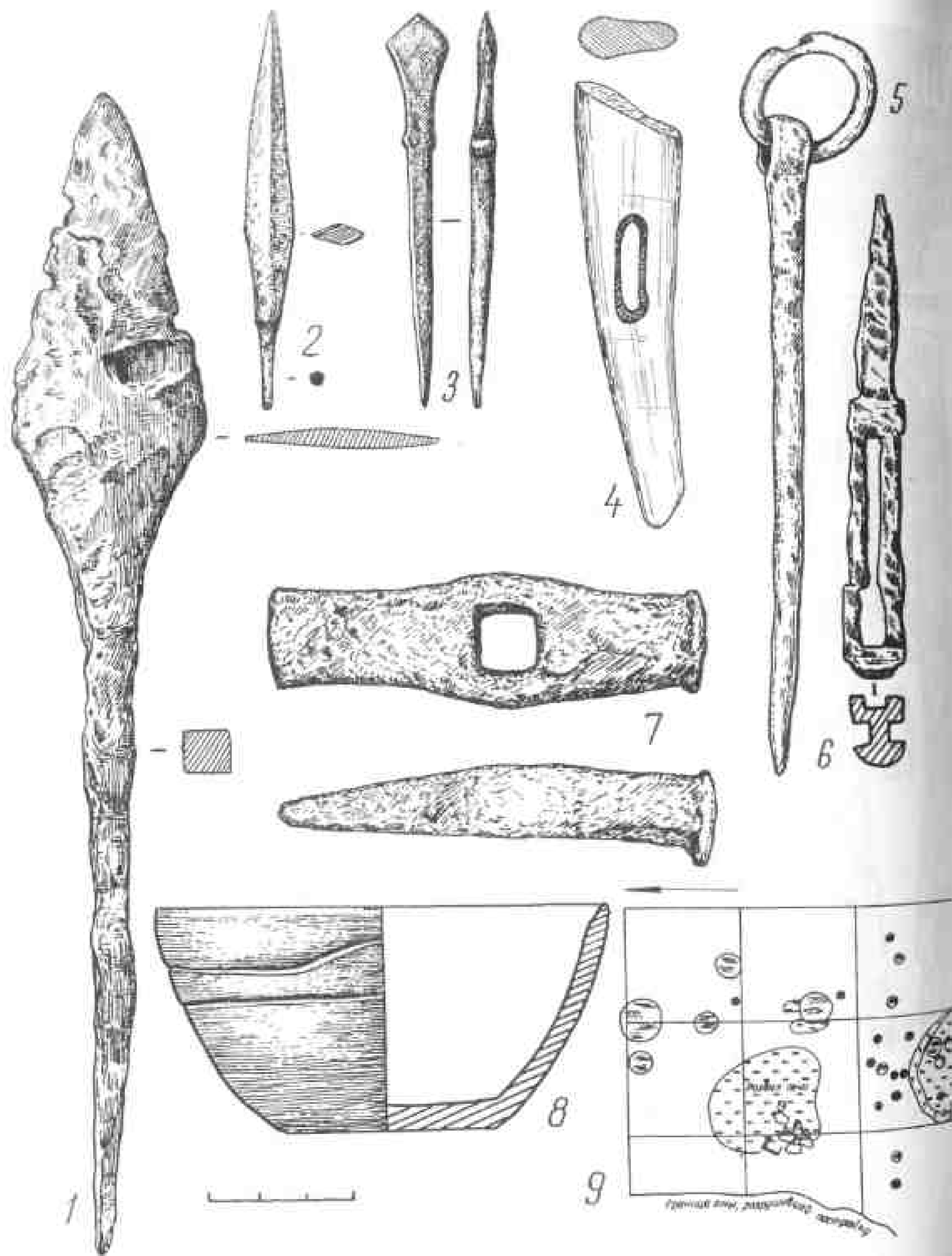

Таблица 70. Находки на подоле и посаде Рязани.

1 — сулица; 2, 3 — наконечники стрел; 4 — пуговая пегла; 5 — булава; 6 — ключ; 7 — молоток; 8 — мисочка; 9 — план шурфа в южной части подола (1-3, 5-7 — железо; 4 — кость; 8 — глина).

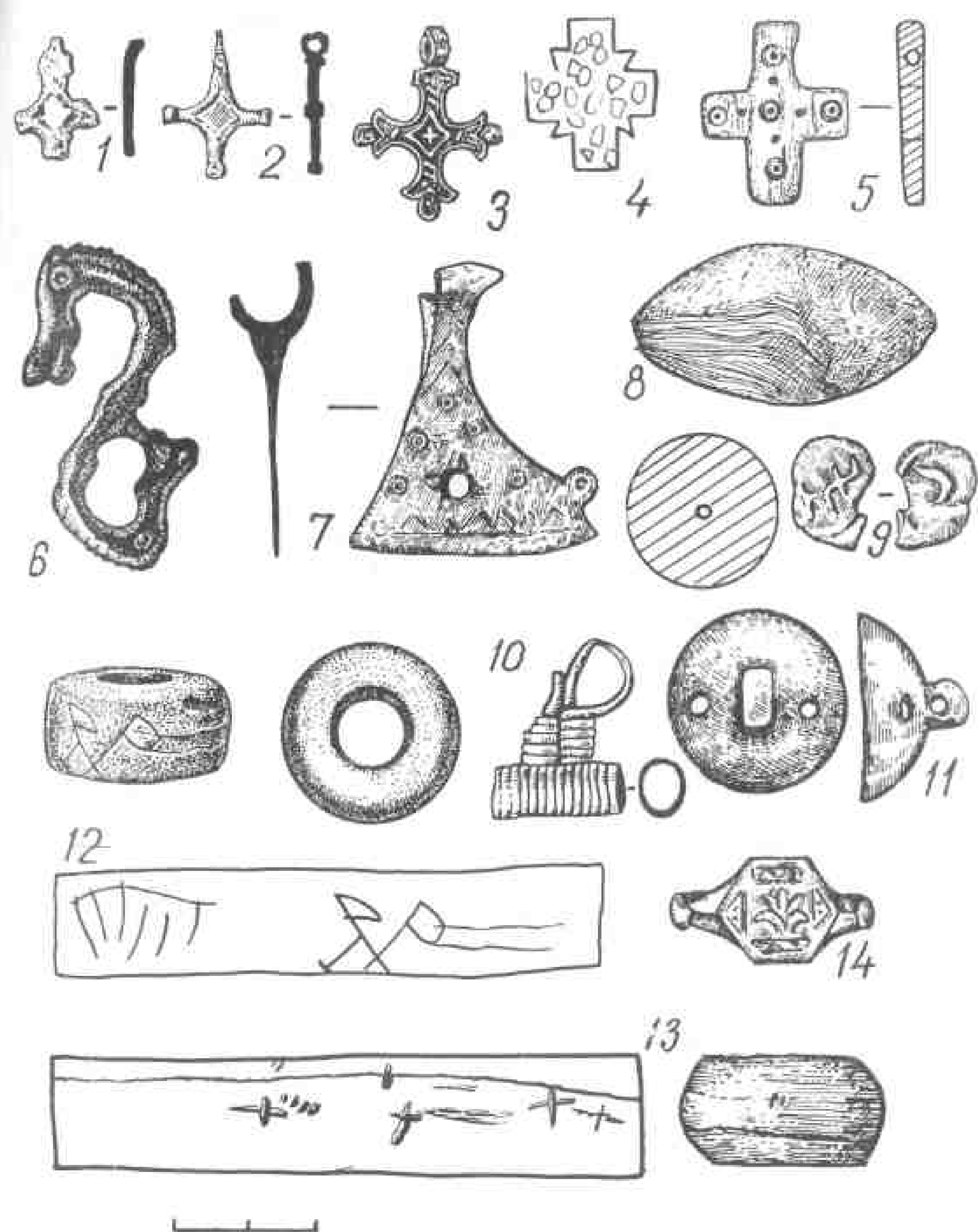

Таблица 71. Находки на подоле и посаде Рязани.

1-5 — простики-гелыники; 6 — привеска-крючок; 7 — омулет-топорик; 8 — бусина; 9 — товар-ная бляшка; 10 — фрагмент шумящей привески; 11 — половинка бубенчика; 12, 13 — пряслицы со знаками; 14 — перстень (1-3, 6, 7, 10, 11, 14 — бронза; 4, 8 — мрамор; 5 — кость; 9 — свинец; 12, 13 — шифер).

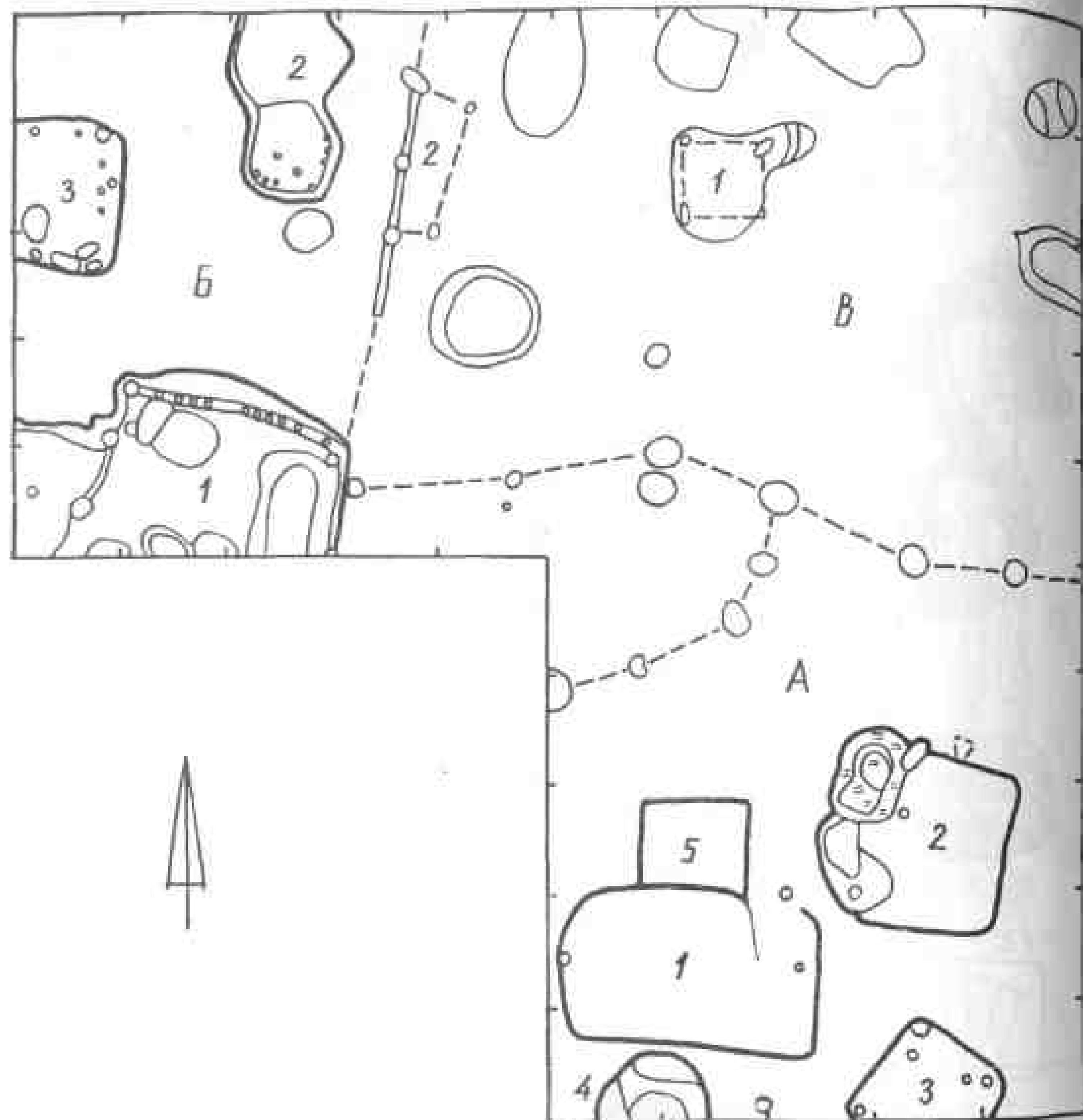

Таблица 72. Раскоп 20, план.

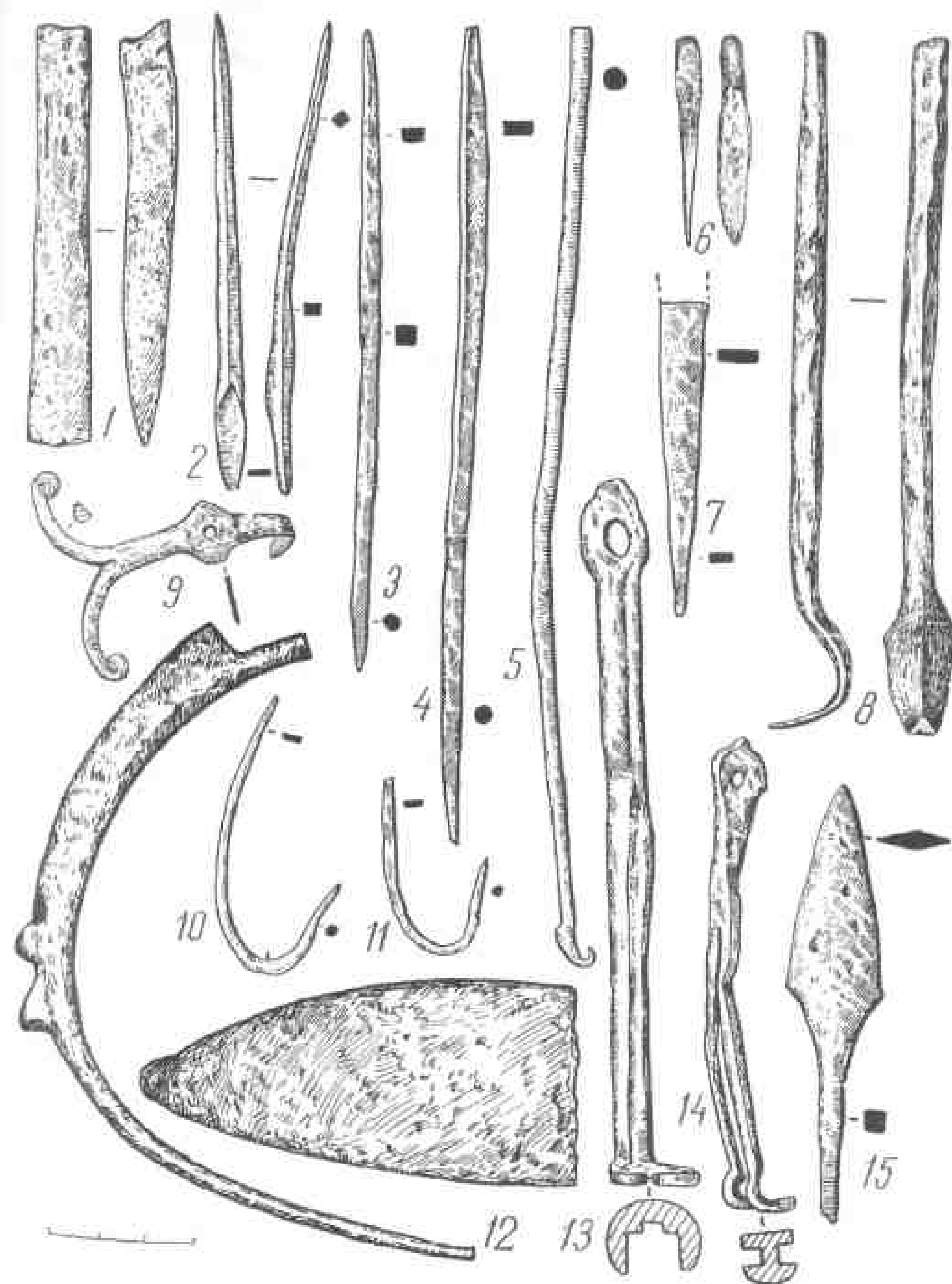

Таблица 73. Раскоп 20, железные изделия из 1 и 2 пластов.
1 — долото; 2 — перовидное сверло; 3, 4 — остря; 5 — резец; 6 — обломок сверла; 7 — про-
бойник; 8 — токарный резец; 9 — деталь от лампы (?); 10, 11 — рыболовные крючки; 12 —
обломок стремена; 13, 14 — ключи; 15 — наконечник стрелы.

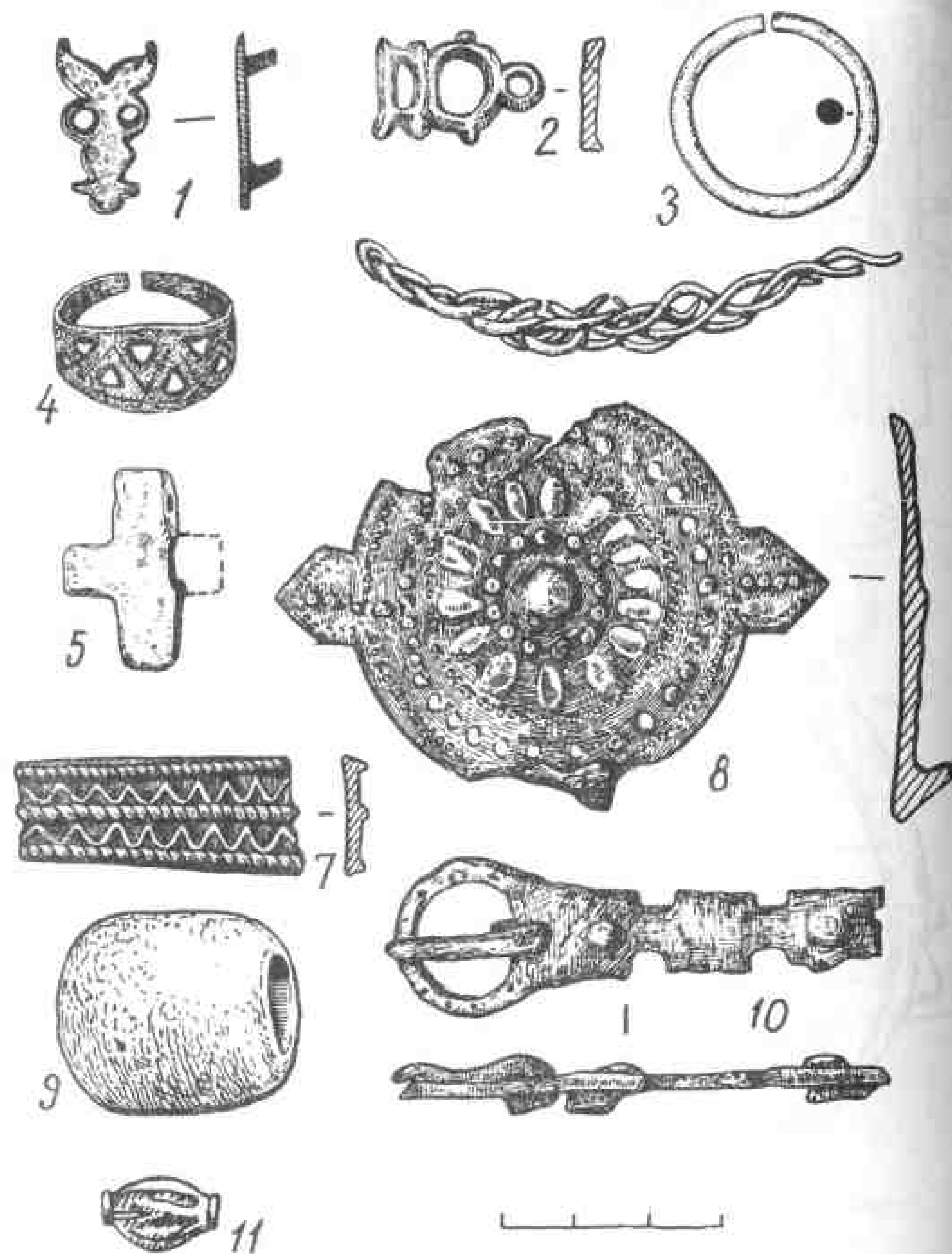

Таблица 74. Раскоп 20, находки из 1 и 2 пластов.

1 — накладка поясная; 2 — книжная застежка или пряжка; 3 — височное кольцо; 4 — перстень; 5 — крест-тельник; 6, 7 — фрагменты браслетов; 8 — накладка с рельефным орнаментом; 9 — рыболовное грузило; 10 — поясная пряжка; 11 — бусина (1-4, 6, 7 — бронза; 5 — шифер; 8, 10 — железо; 9 — глина; 11 — золото).

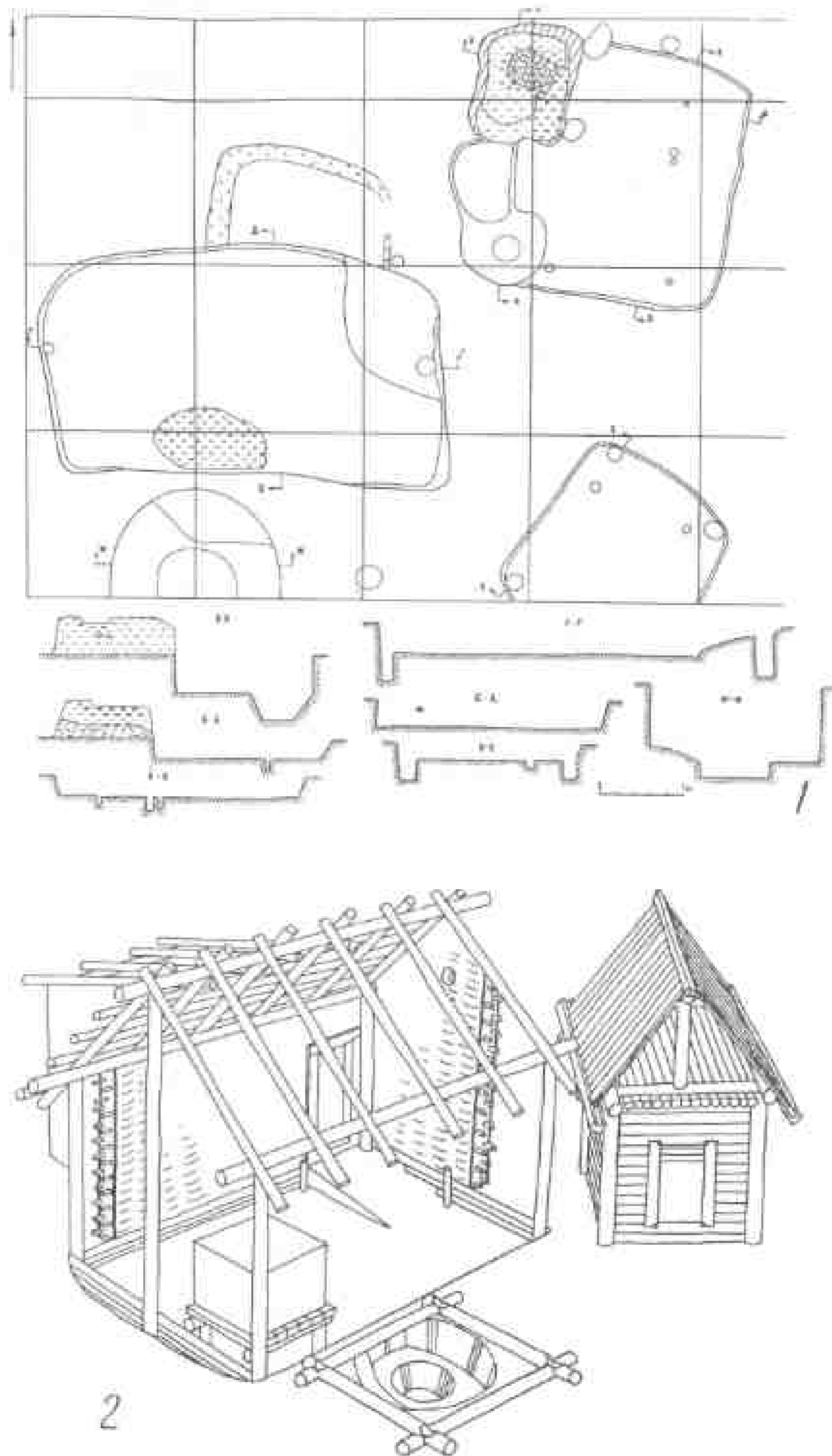

Таблица 75. Раскоп 20, усадьба А ("двор гребенщика").

1 — План усадьбы и разрезы сооружений; 2 — реконструкция, вид с юго-запада.

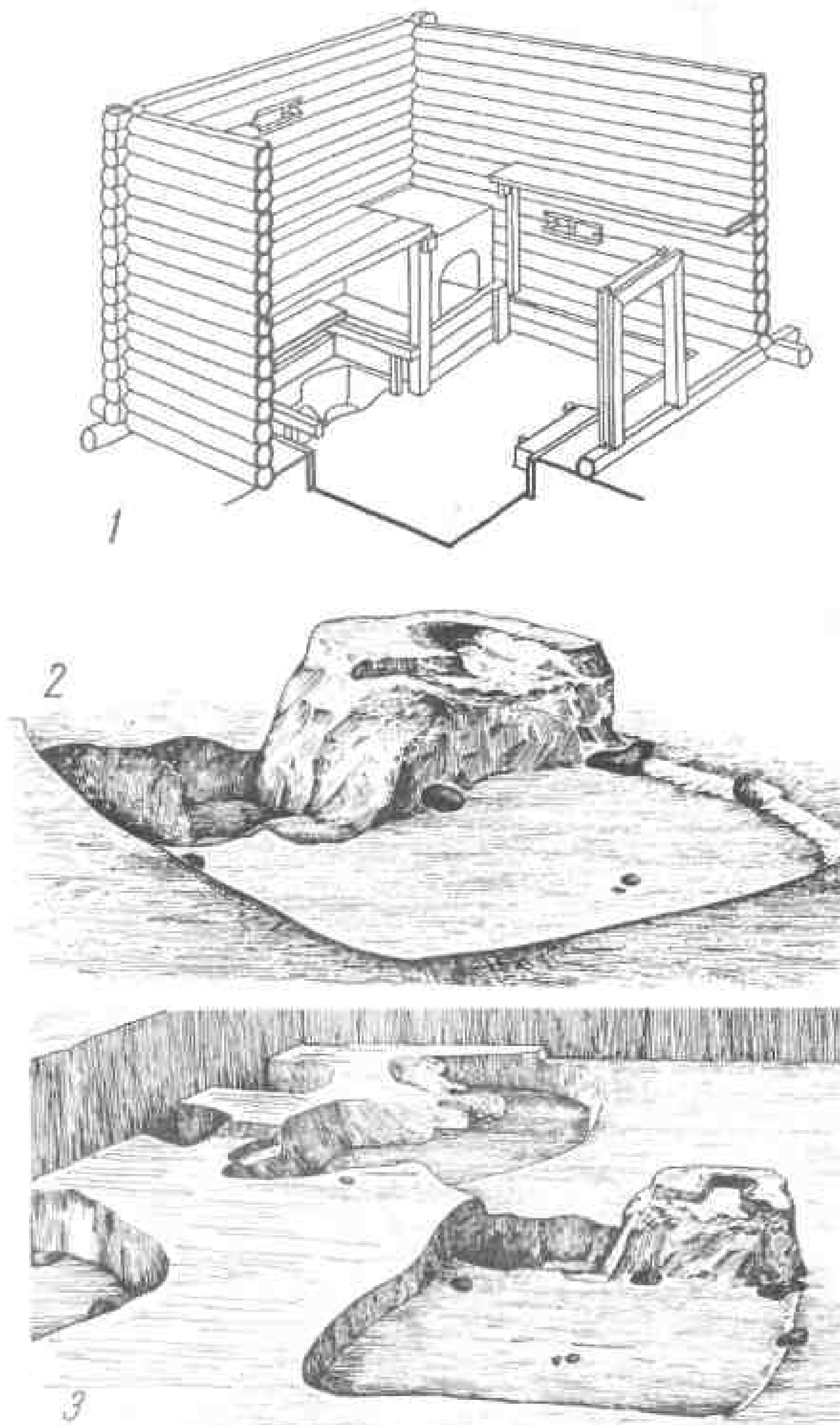

Таблица 76. Раскоп 20 ("двор гребенщика").

1 — реконструкция мастерской А-2, вид с юго-востока; 2 — раскопная мастерская с основанием печи, аксонометрия; 3 — вид усадьбы А на уровне материка, аксонометрия.

Таблица 77. Раскоп 20, вещи из постройки А-1.

1 — легкая фишечка; 2 — наконечник стрелы; 3 — рыболовный крючок; 4 — замок; 5 — ушко от котла (?); 6 — сосуд — "горничка" (1 — известняк; 2-4 — железо; 5 — медь; 6 — глина).

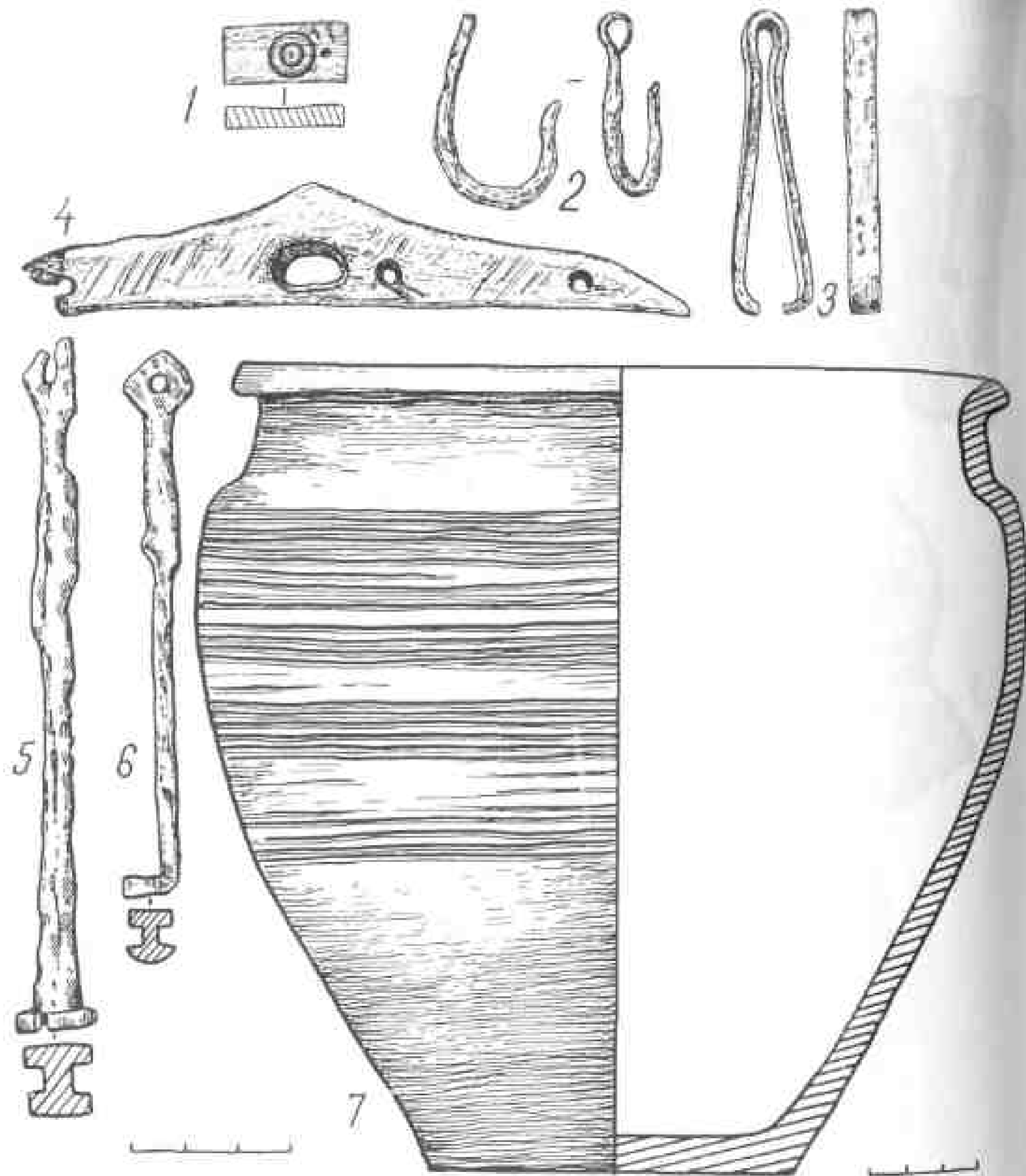

Таблица 78. Раскол 20, вещи из постройки А-2.
1 — накладка от гребня; 2 — рыболовные крючки; 3 — пинцет; 4 — петля для подвешивания
кожана; 5, 6 — ключи; 7 — горшок (1, 4 — кость; 2, 3, 5, 6 — железо; 7 — глина).

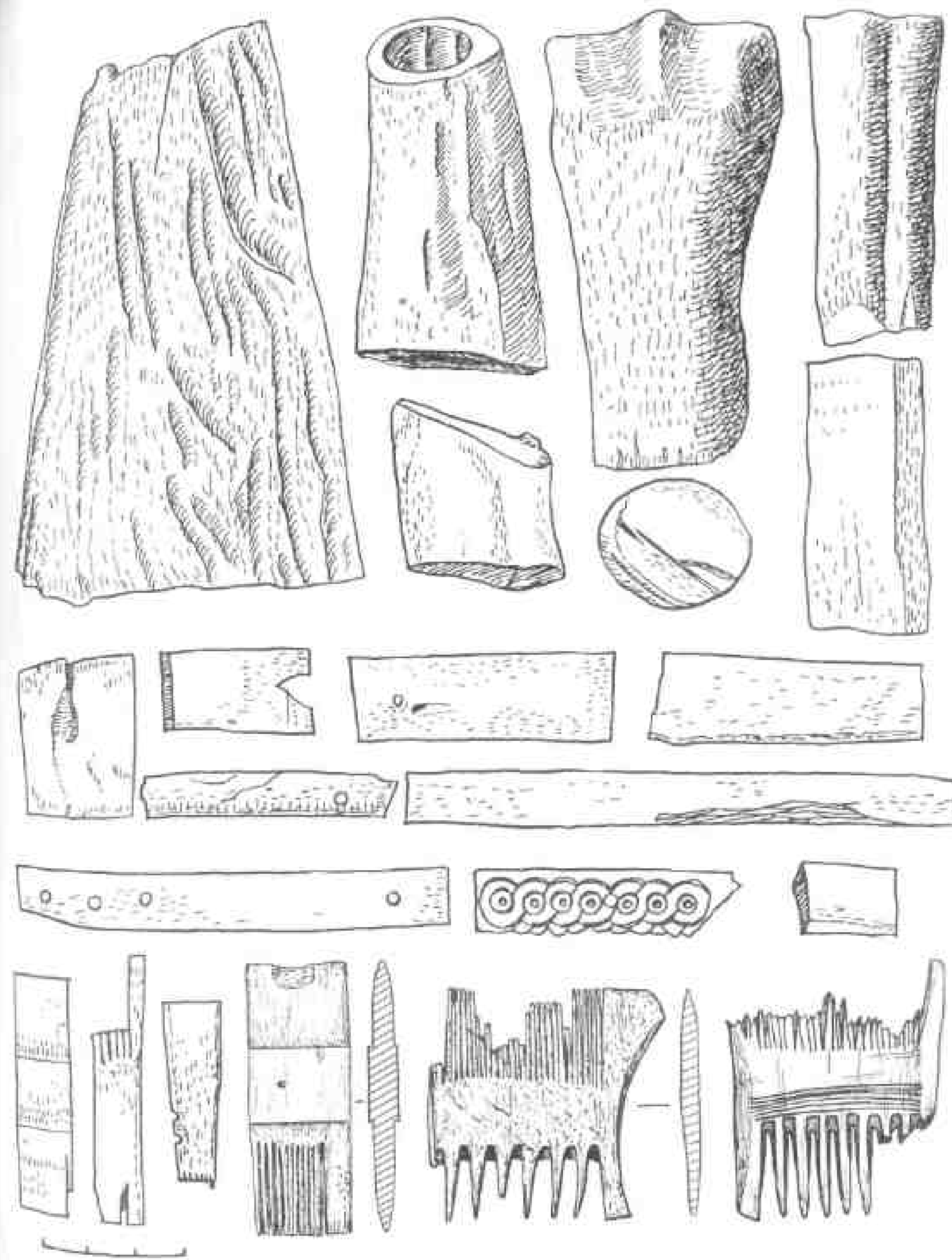

Таблица 79. Костяные и роговые заготовки, бракованные накладки наборных гребней, сломанные
и неоконченные гребни из раскола 20.

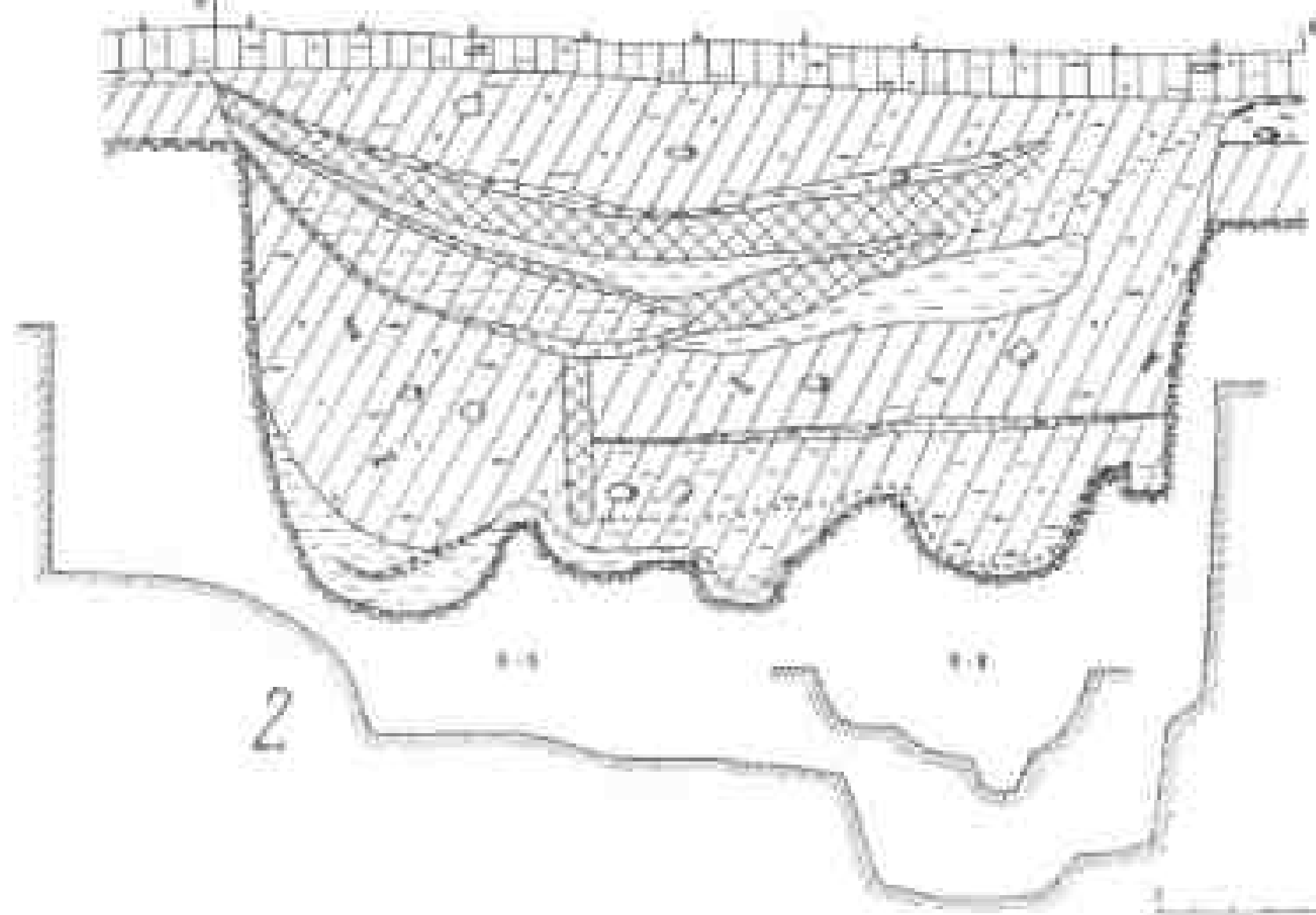
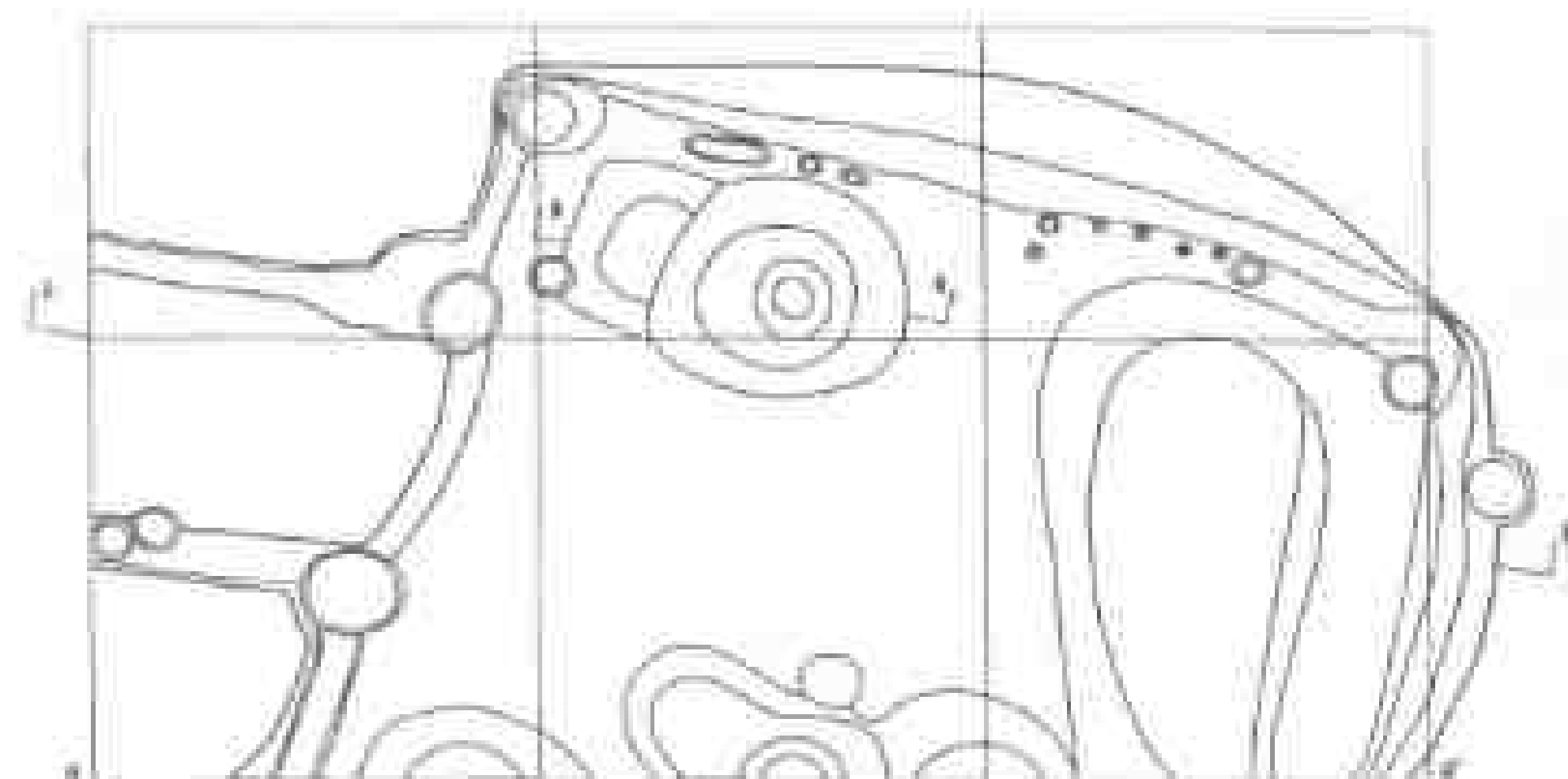
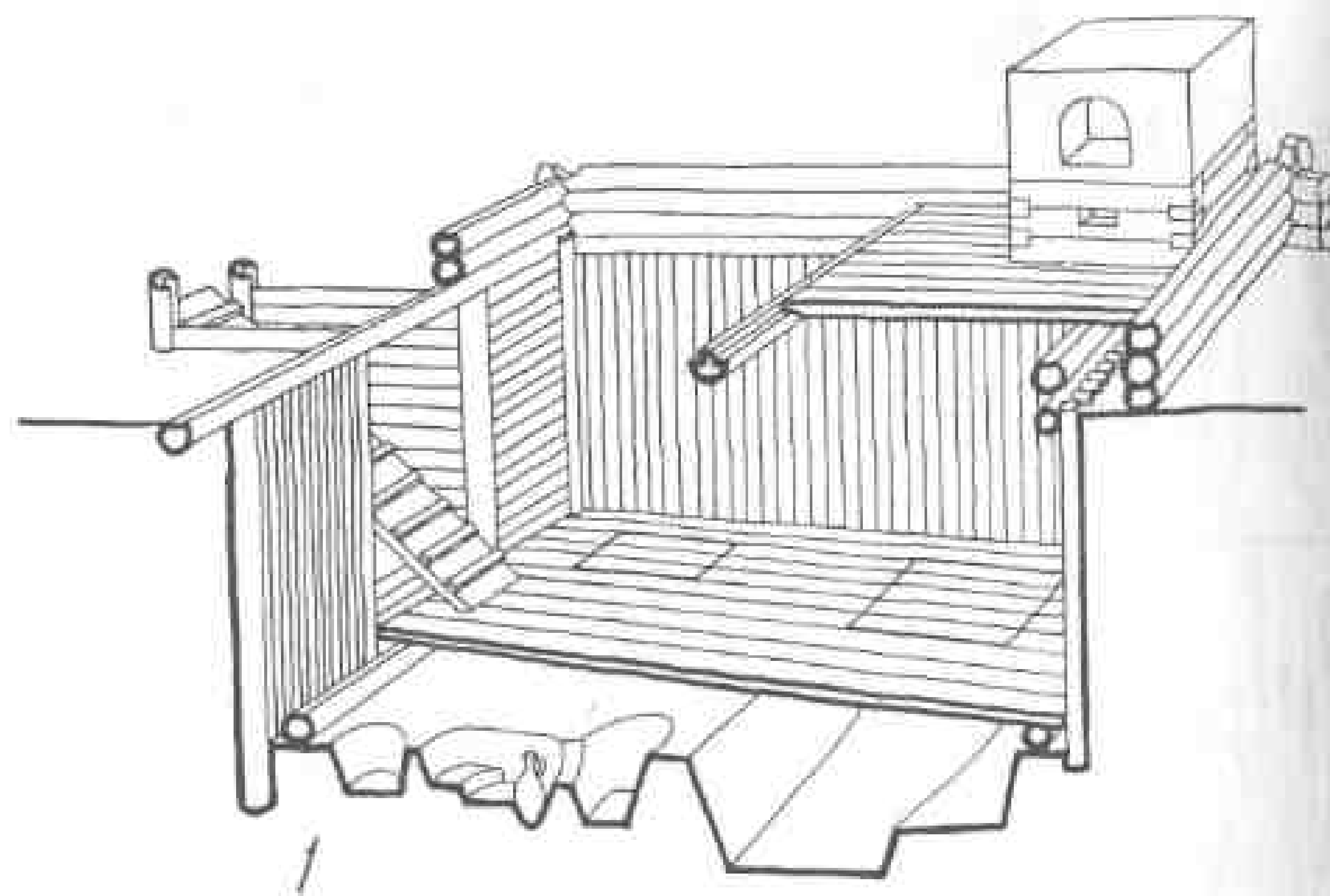

Таблица 80. Постройка 20-Б-1.

1 — реконструкция подпольной части дома, вид с юга; 2 — план на уровне материка, профиль заполнения и разрезы.

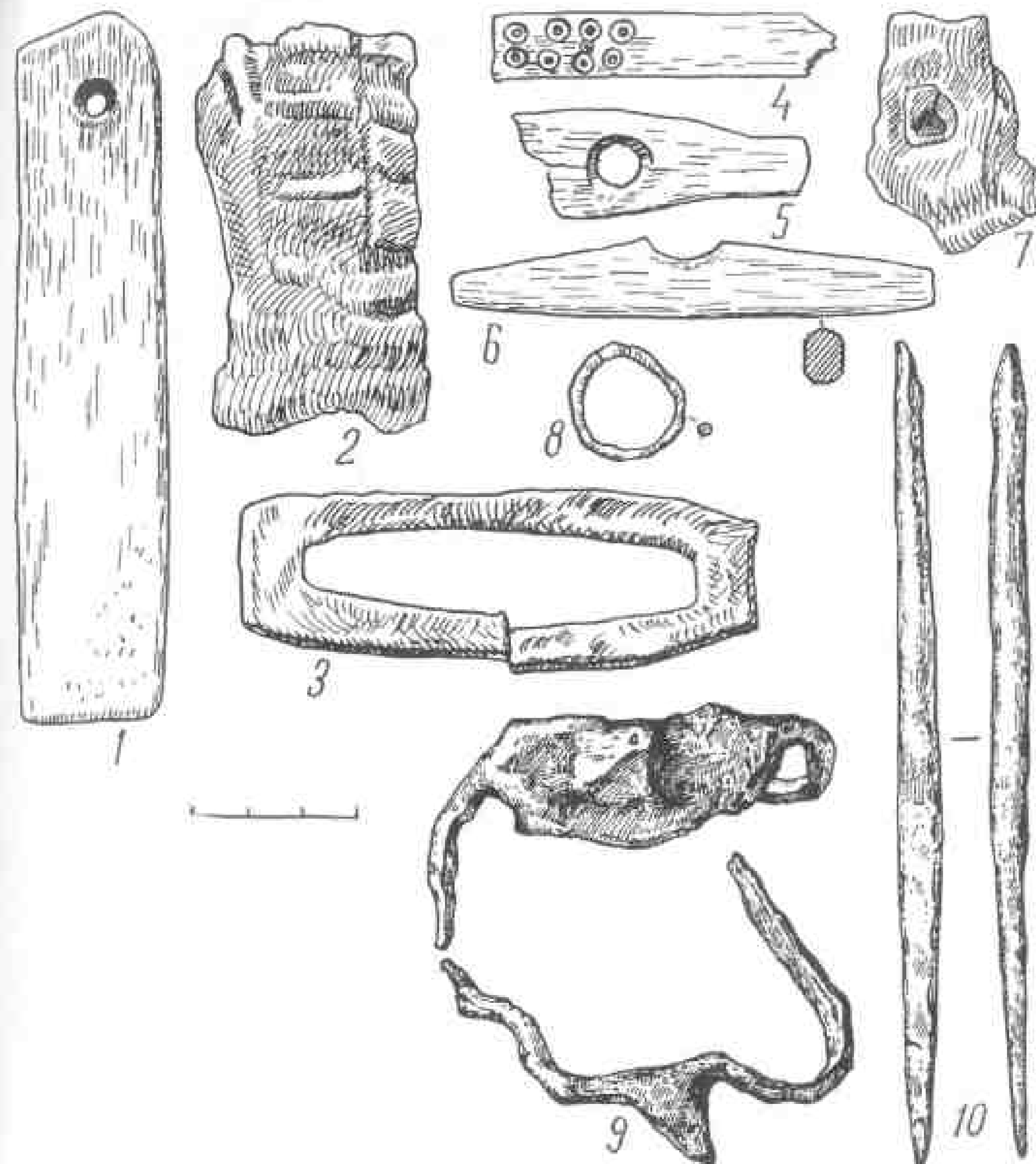

Таблица 81. Раскоп 20.

Постройка Б-1: 1 — точильный брусок; 2 — корпус навесного замка типа В; 3 — кресало; 4 — накладка от наборного гребня; 5 — путовая петля; 6 — костяной предмет; 7 — обломок от края костяного медного сосуда; 8 — колечко; 9 — ледоходная конская подковка. Постройка Б-3: 10 — пилю (1 — камень; 1, 3, 9, 10 — железо; 4-6 — кость; 7, 8 — медь).

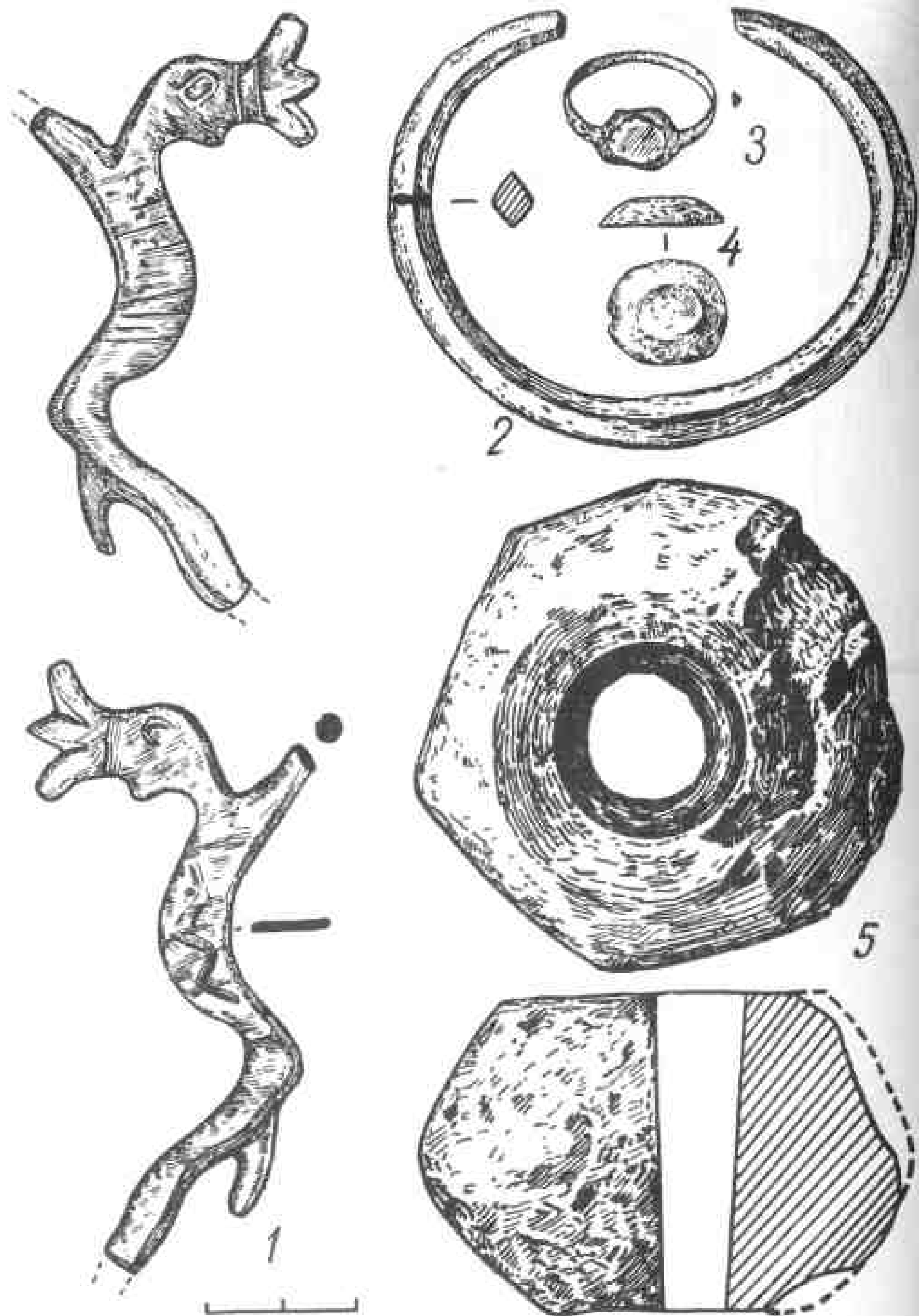

Таблица 82. Раскоп 20, вещи из постройки Б-1.
1 — фрагменты хороса; 2 — браслет; 3 — перстень; 4 — матрица; 5 — булawa (1-4 — бронза, 5 — железо).

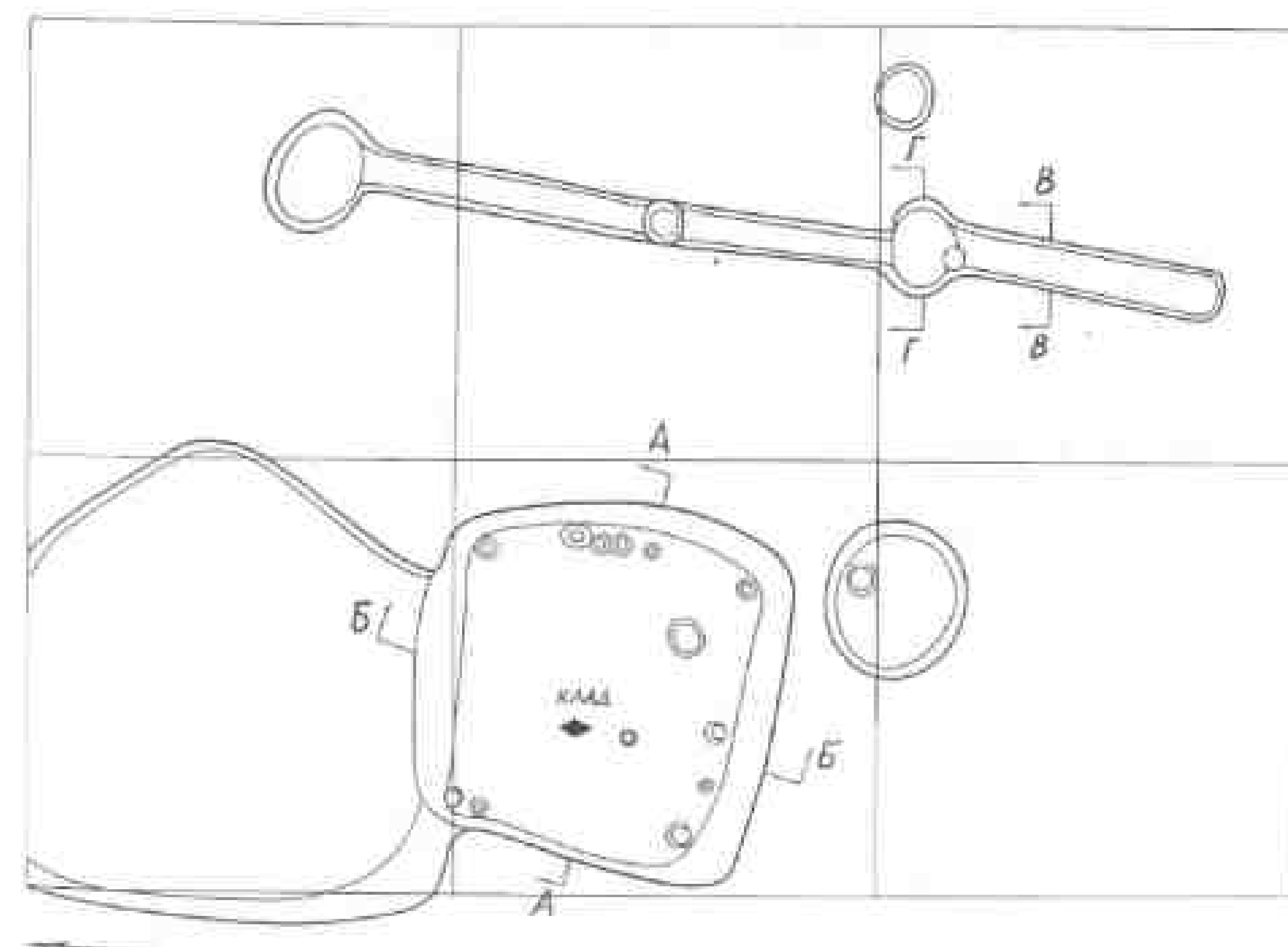
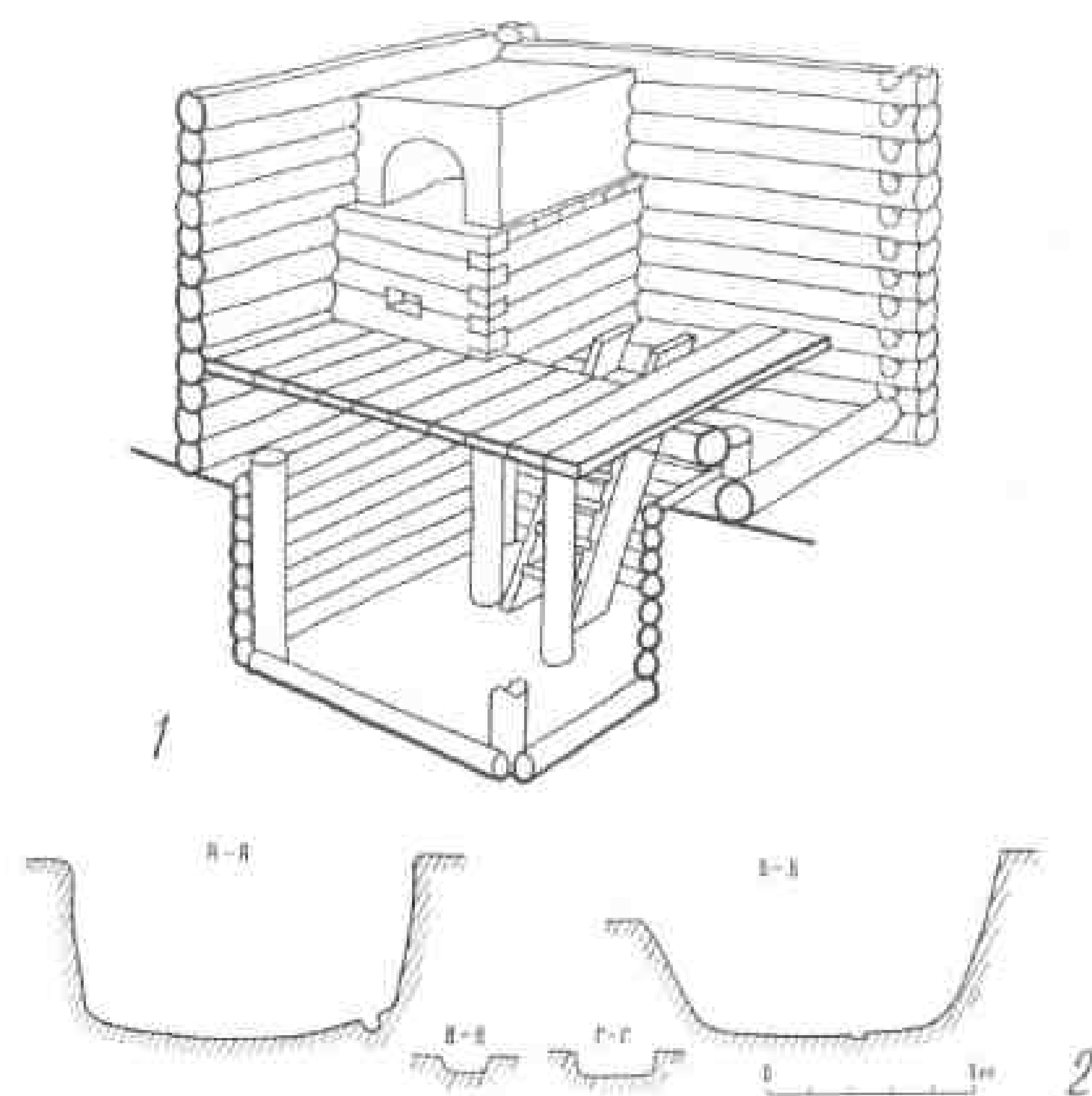

Таблица 83. Постройка 20-В-2.
1 — реконструкция части дома над подпечью; 2 — план и разрез.

Таблица 84. Раскоп 20, вещи из постройк.
1 — фрагмент энколпиона; 2 — обоймочка с тканью (Б-2); 3 — грузило (яма); 4 — горшок (А-4); 5 — скобаль; 6 — мисочка; 7 — резец (?); 8 — накладная пластинка; 9 — фрагмент замка; 10 — колечко (Б-1); 11 — юбка (яма) (1, 2, 8, 10 — бронза; 3 — известняк; 4, 6 — глина; 5, 7, 9, 11 — железо).

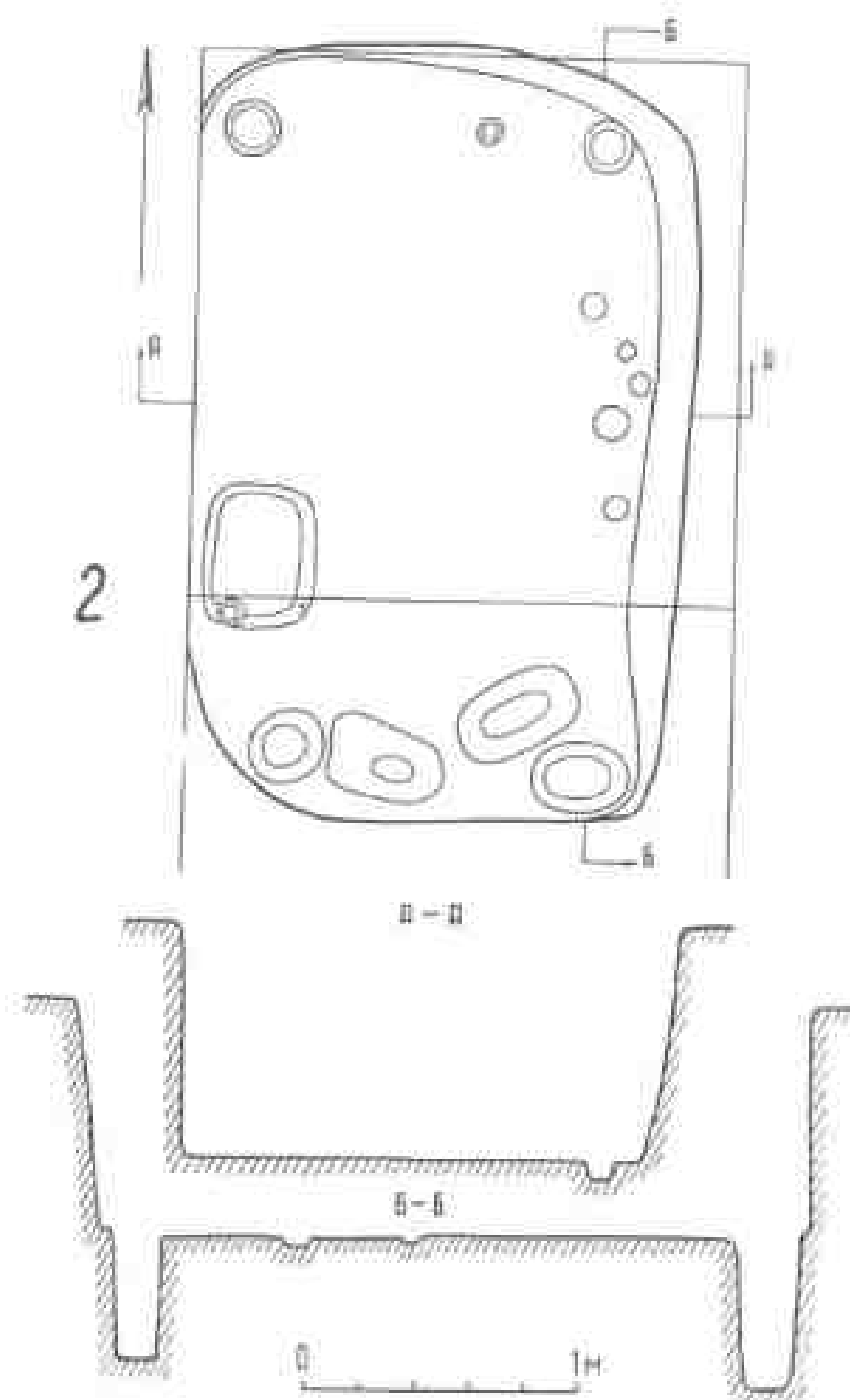
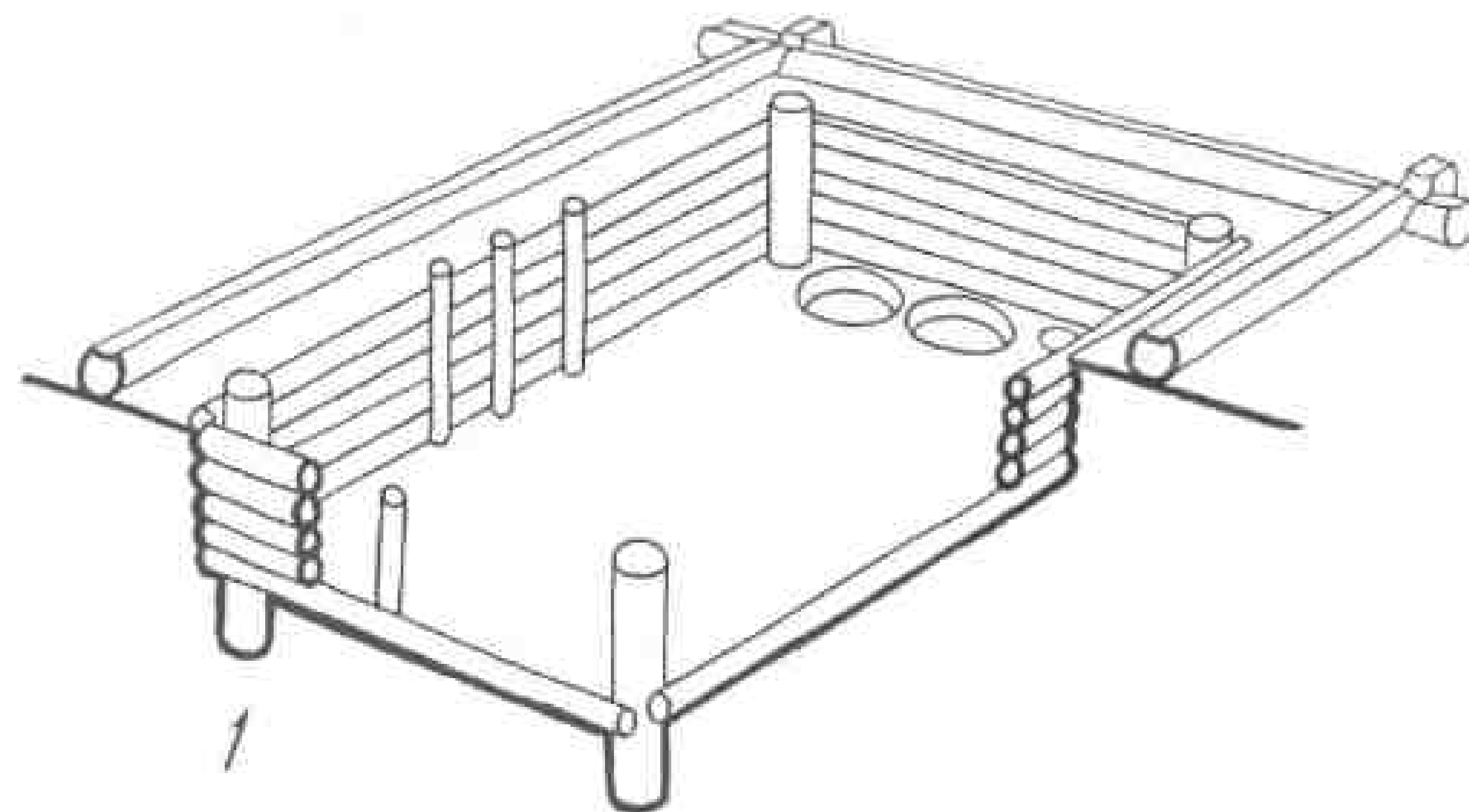
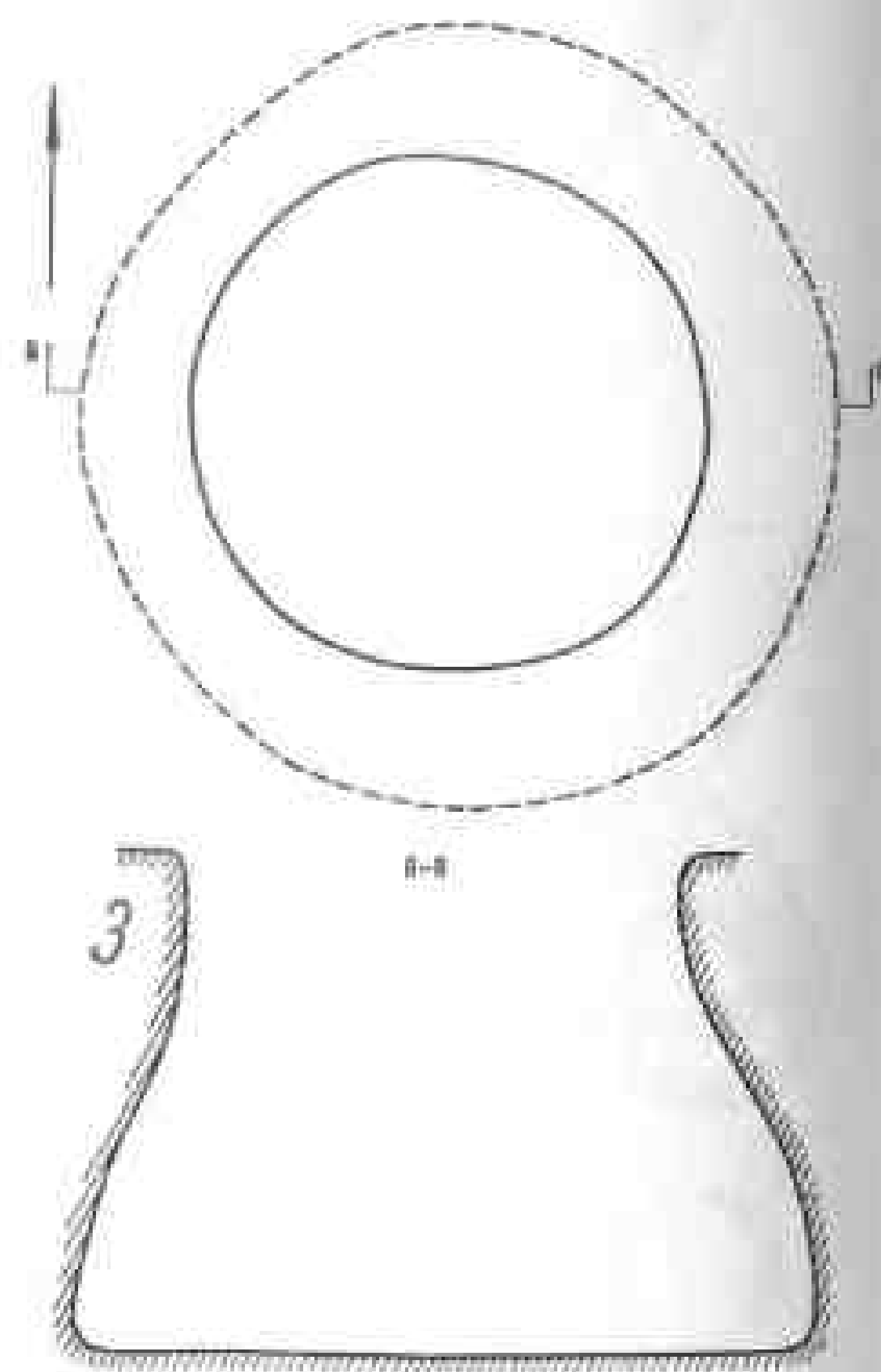
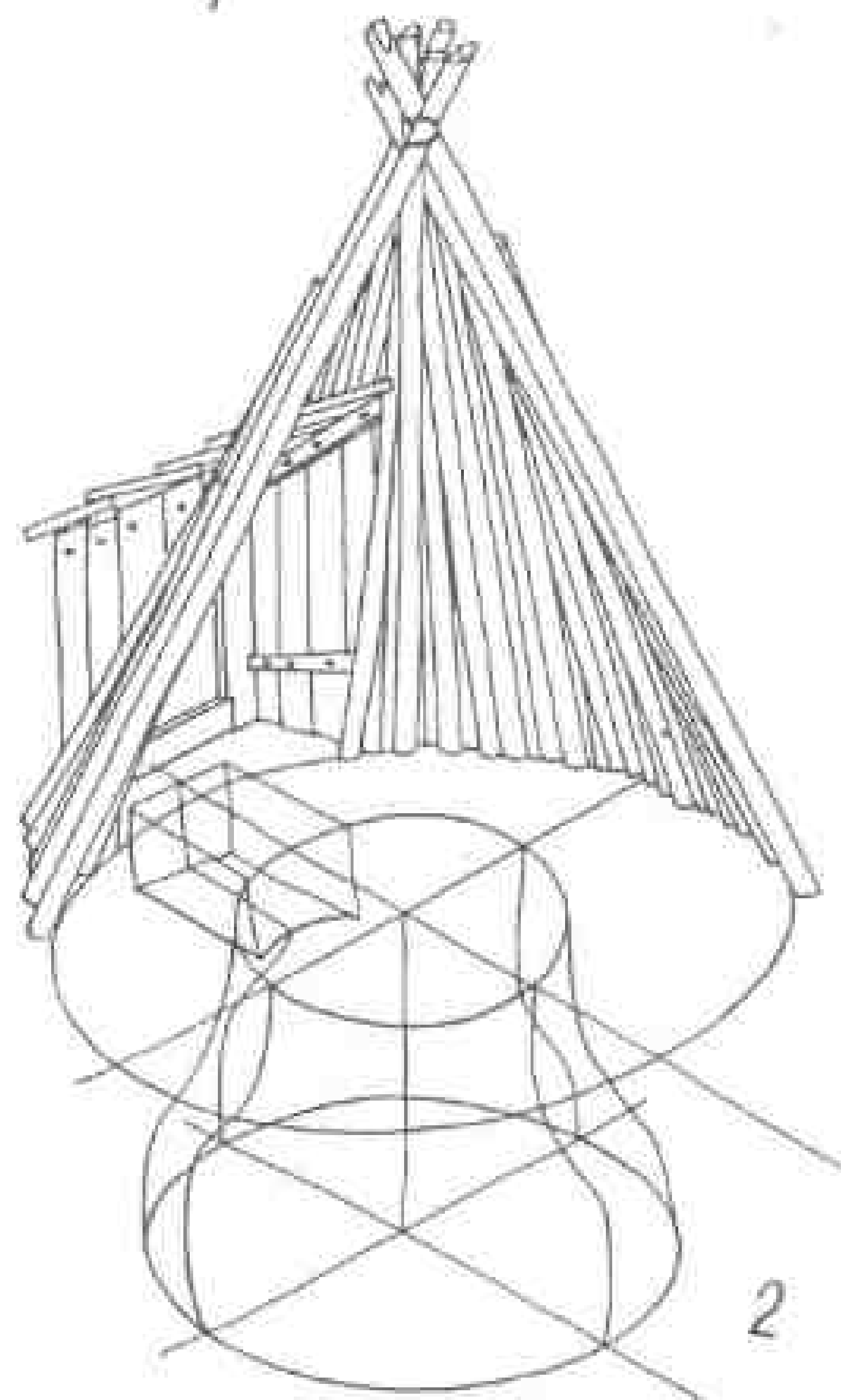
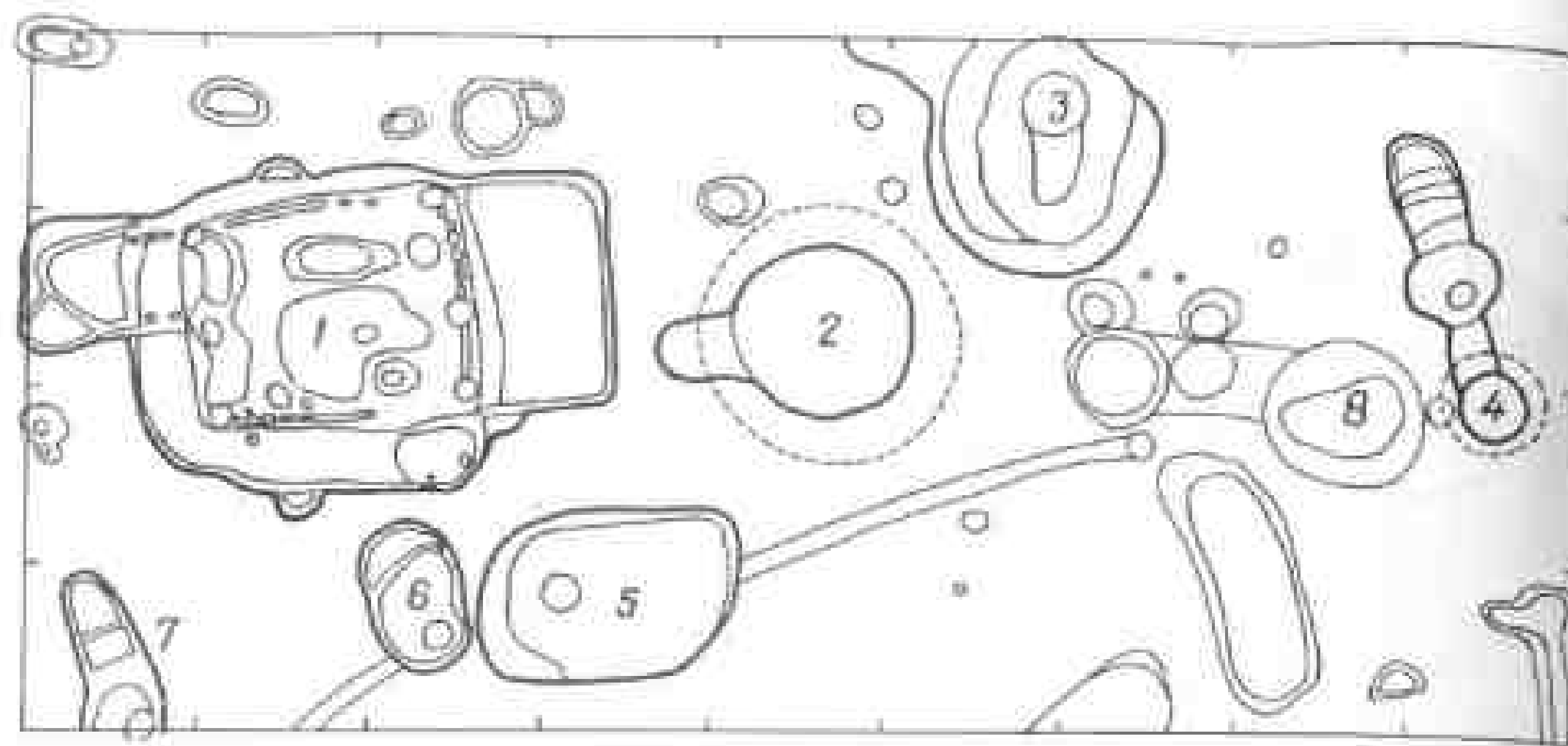
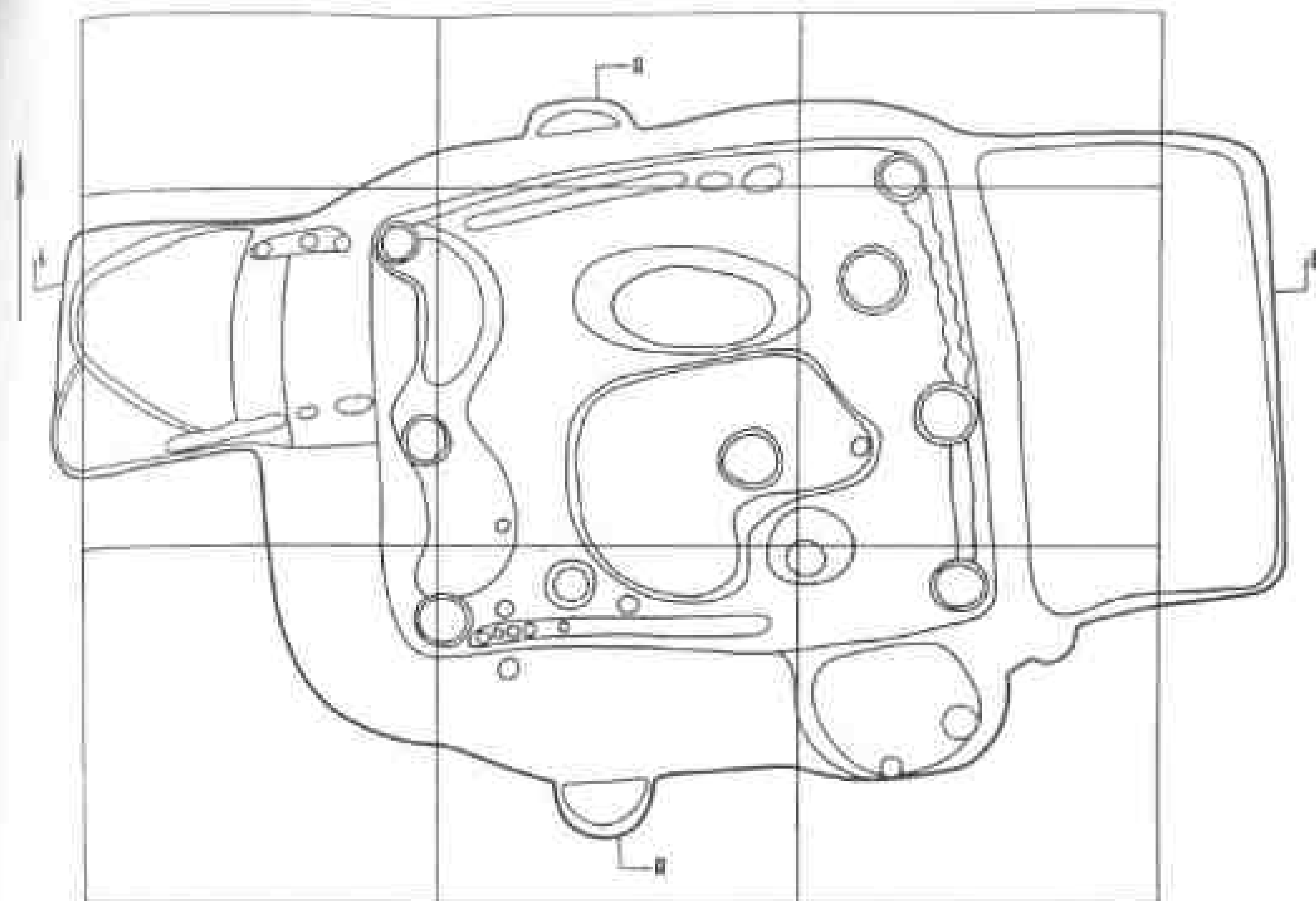

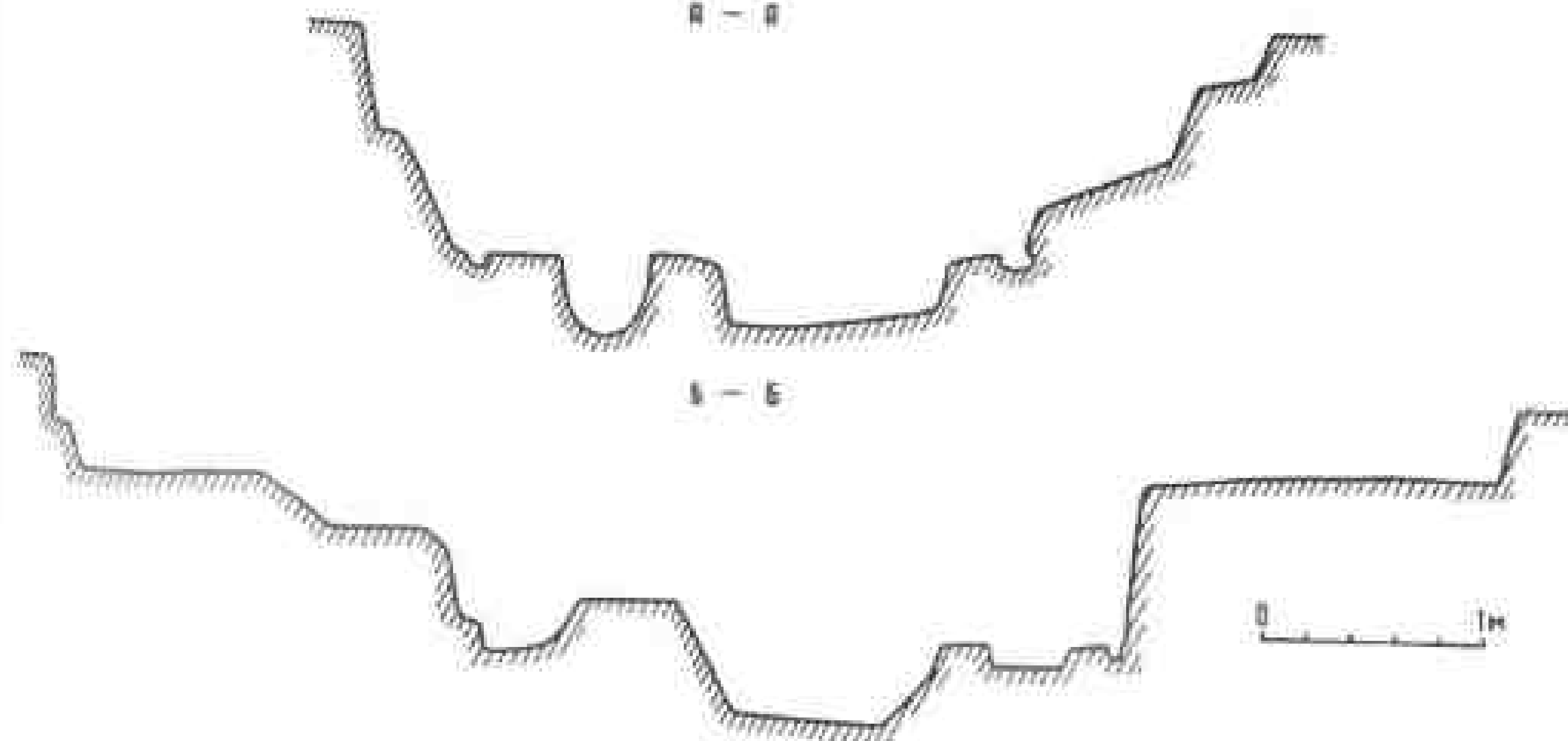
Таблица 85. Постройка 20-Б-3.
1 — реконструкция нижней части, вид с северо-запада; 2 — план и разрез.

Таблиця 86. Сооружения на раскопе 22.
1 — план; 2 — има 2, реконструкція, вид с юго-востока; 3 — план и разрез.

А — А

Таблиця 87. Постройка 1 на раскопе 22. План и разрез.

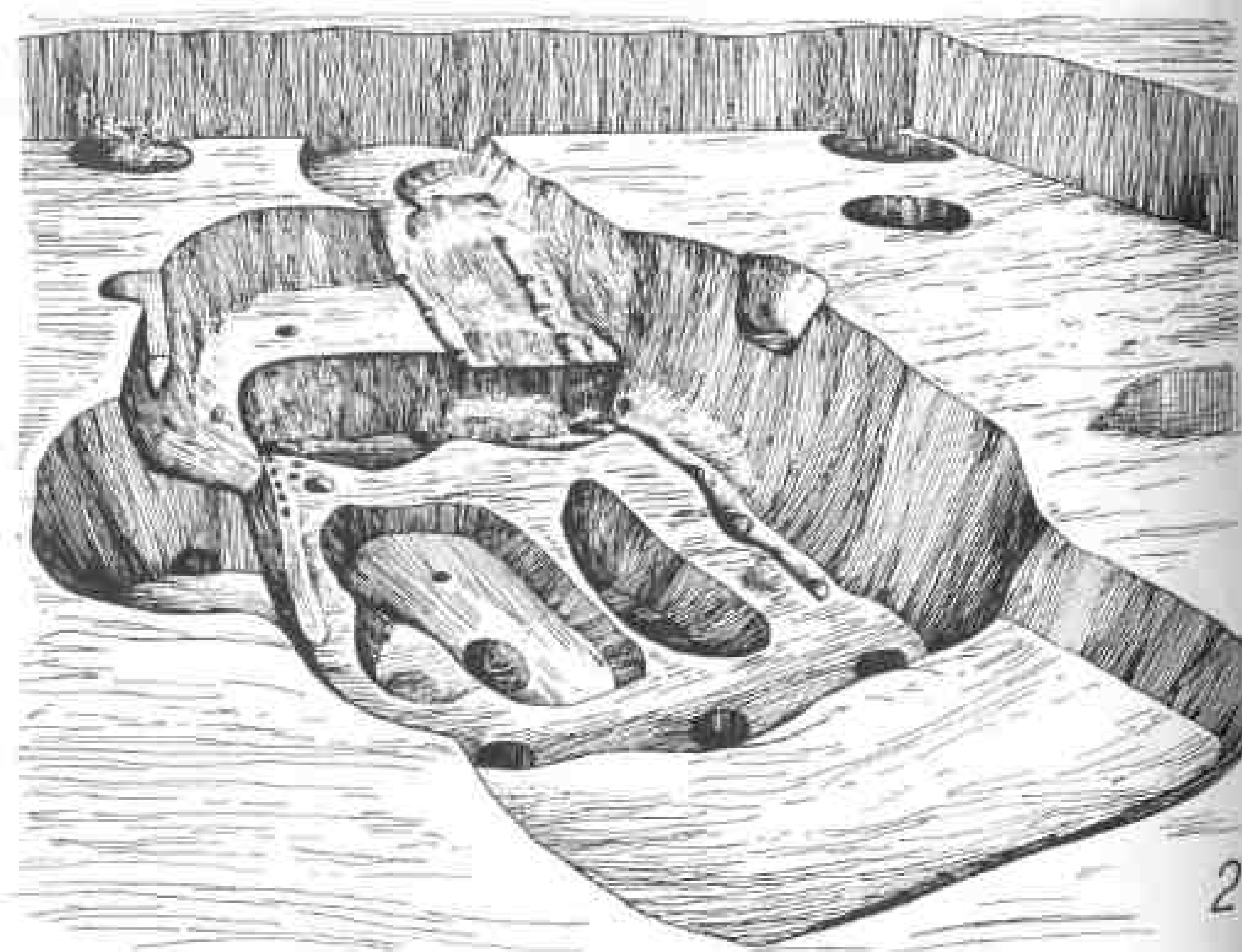
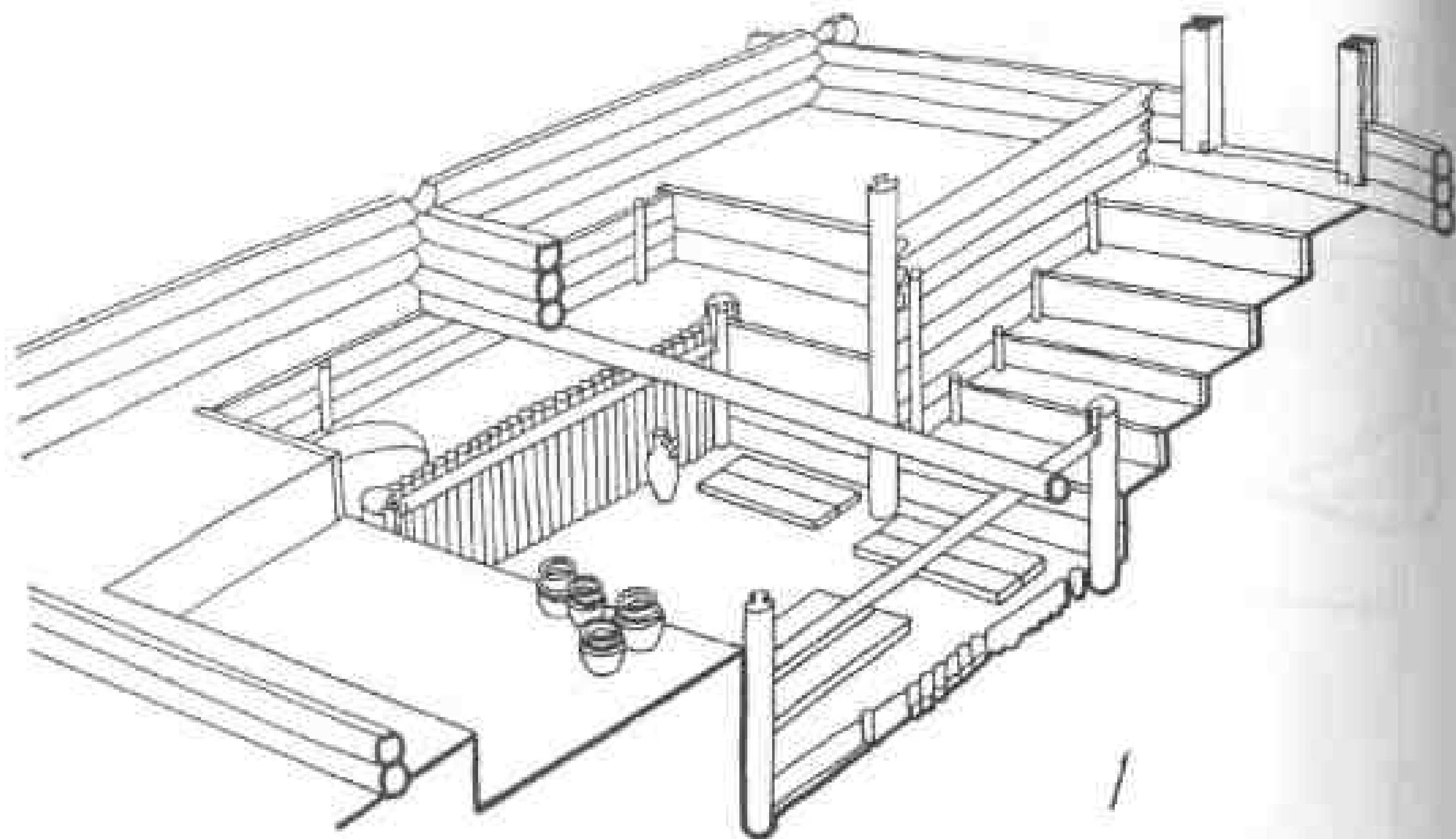

Таблица 88. Постройка 1 на раскопе 22.

1 — реконструкция нижней части, вид с северо-востока; 2 — аксонометрия: вид с востока

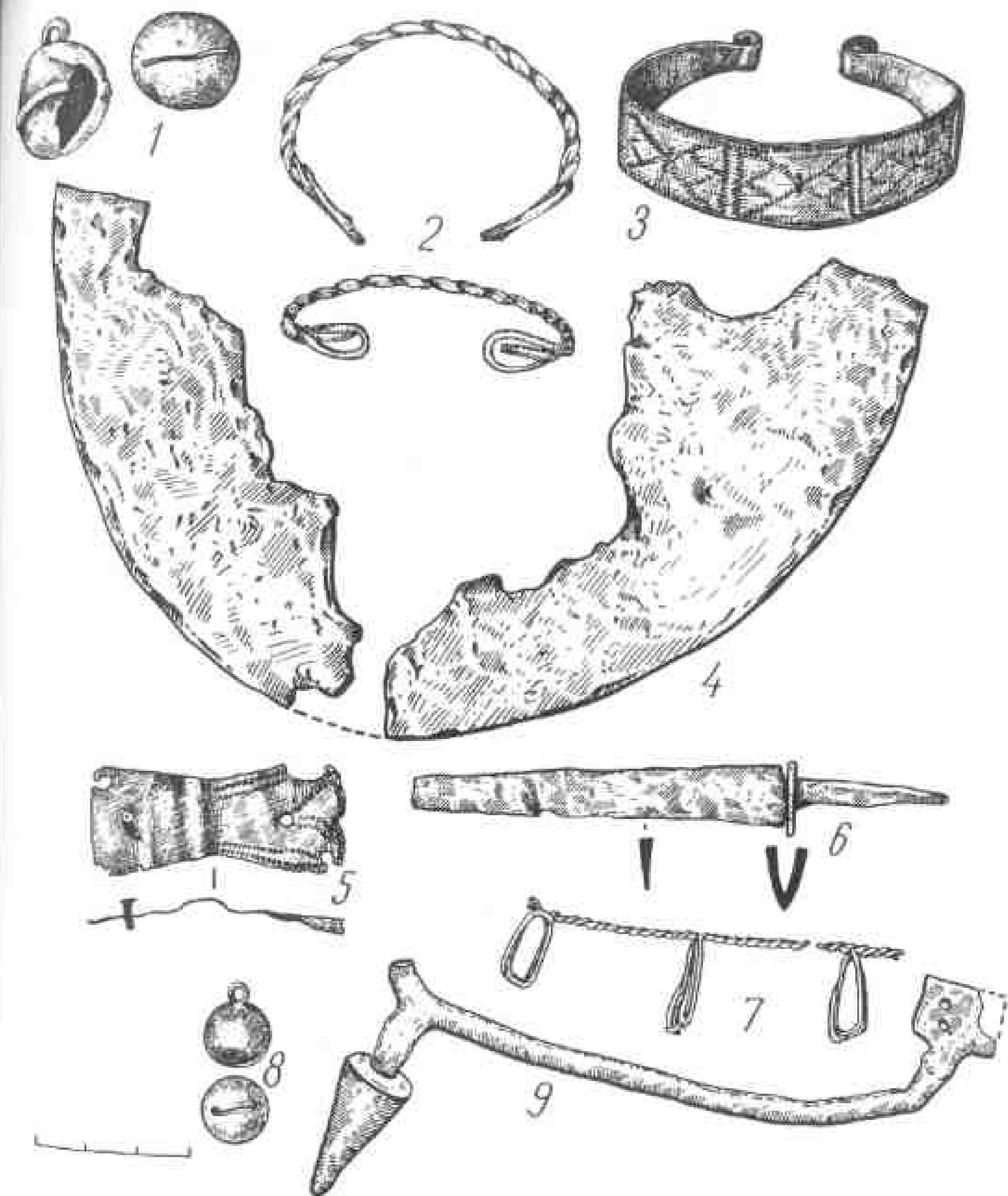

Таблица 89. Раскоп 22, вещи из построек и ям.

1 — бубенчик (из постройки 1); 2, 3 — браслеты; 4 — оковка от лопаты (из постройки 2); 5 — накладка; 6 — нож (из постройки 3); 7 — проволочная обоймочка (из постройки 4); 8 — бубенчик (из постройки 8); 9 — обломок шпory (из постройки 3). (1-3, 5, 7, 8 — бронза; 4, 6, 9 — железо).

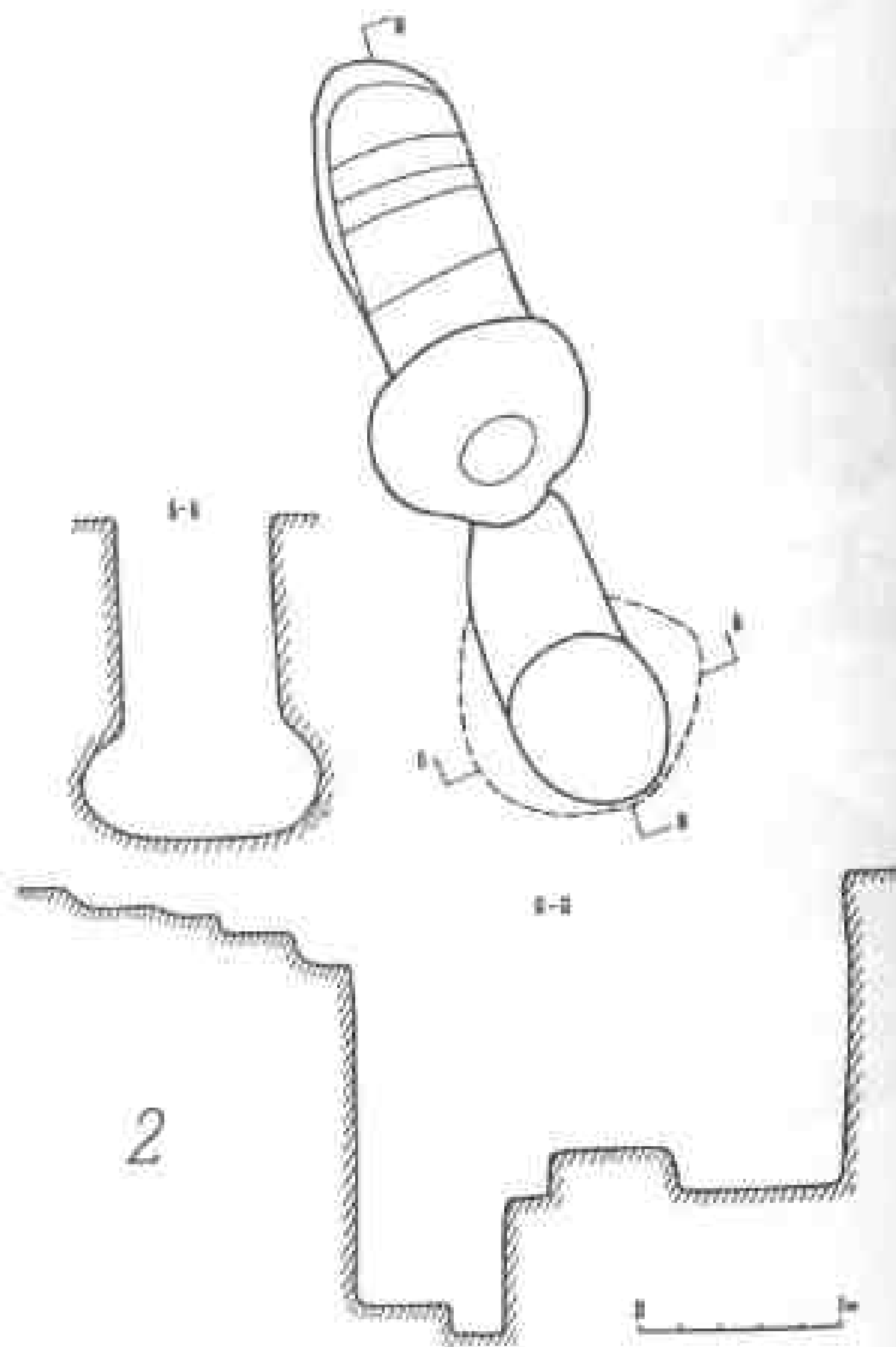
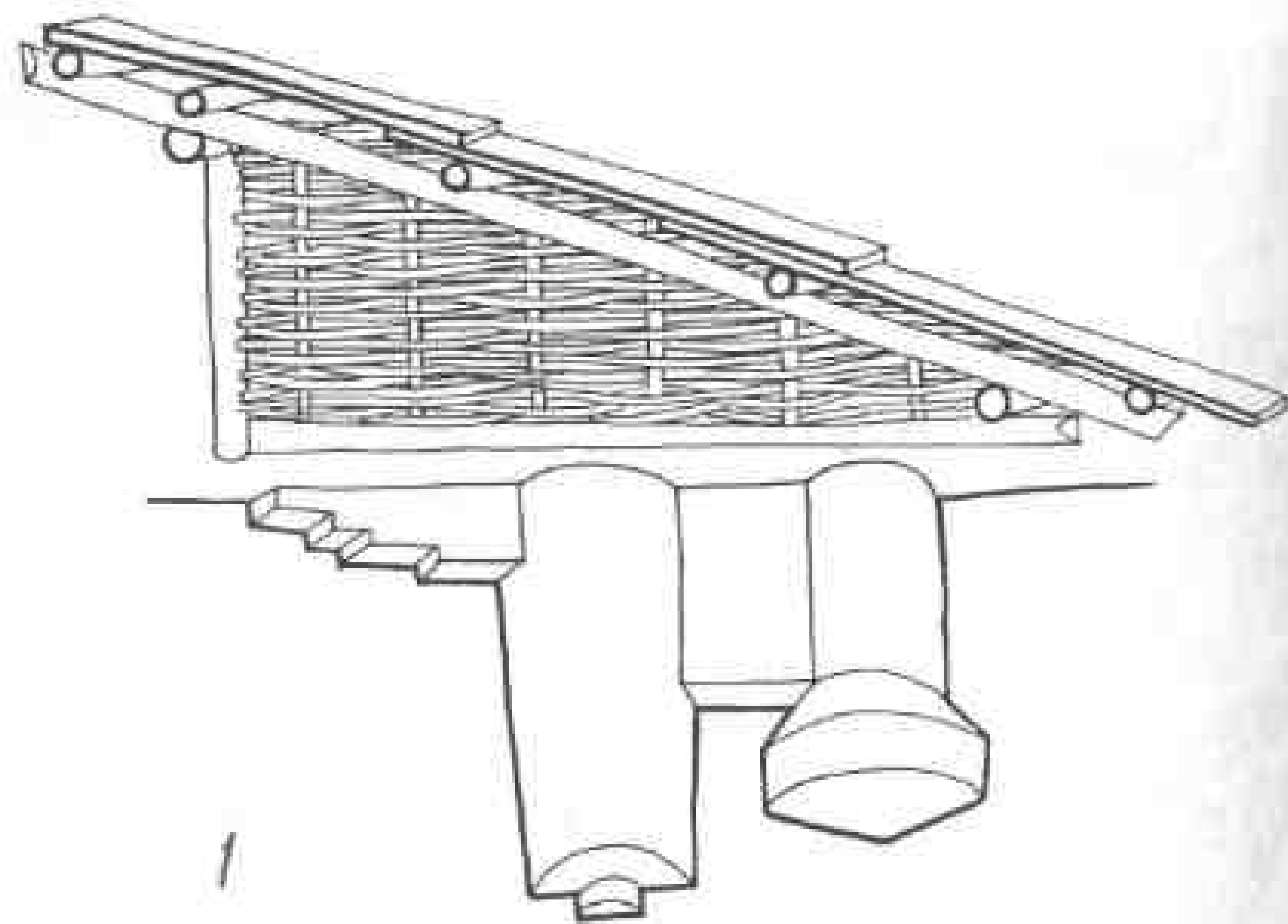

Таблица 90. Яма 4 на раскопе 22.
1 — реконструкция, вид с запада; 2 — план и разрез.

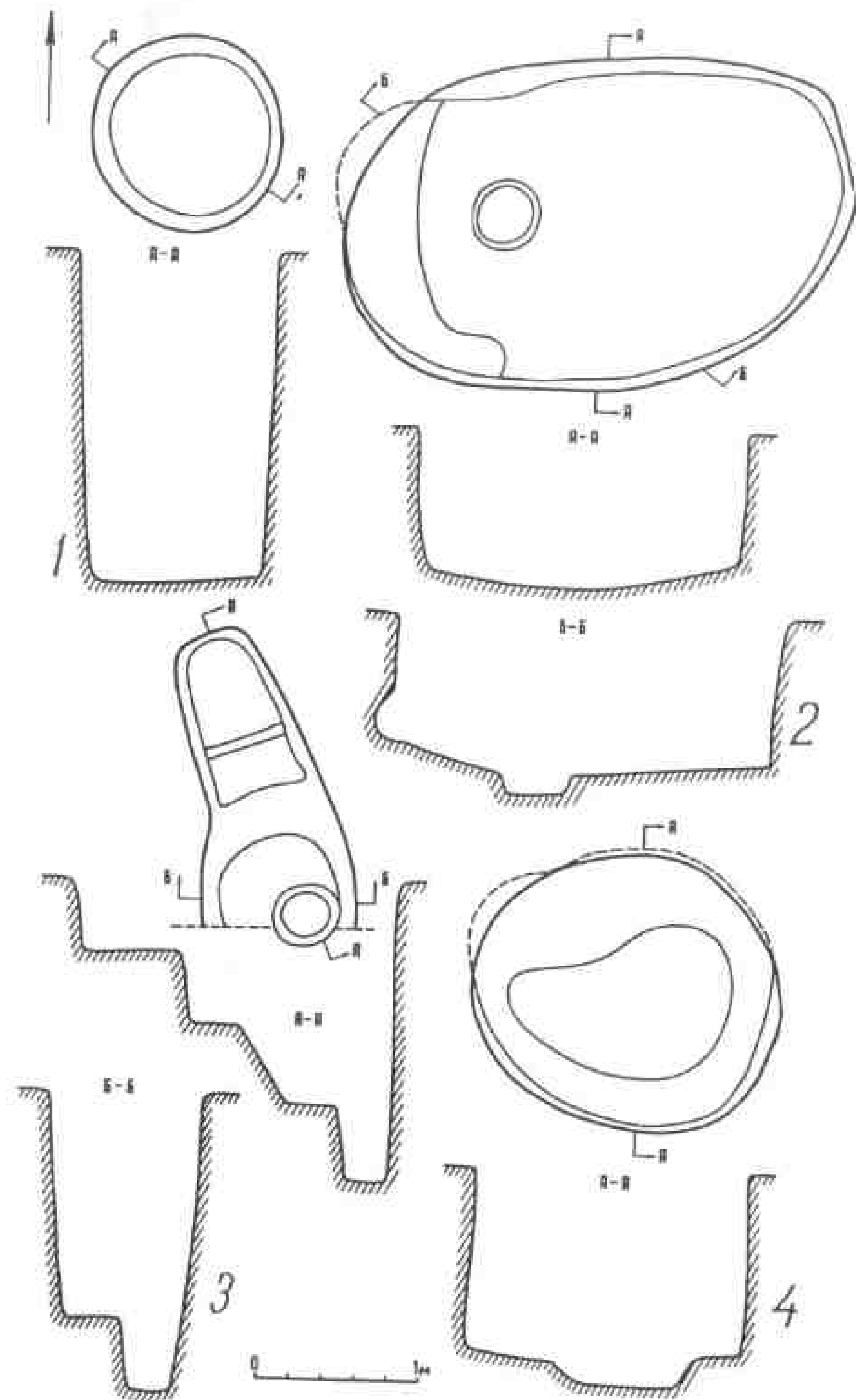

Таблица 91. Хозяйственные ямы на раскопе 22. Планы и разрез.
1 — яма к западу от ямы 8; 2 — яма 5; 3 — яма 7; 4 — яма 8.

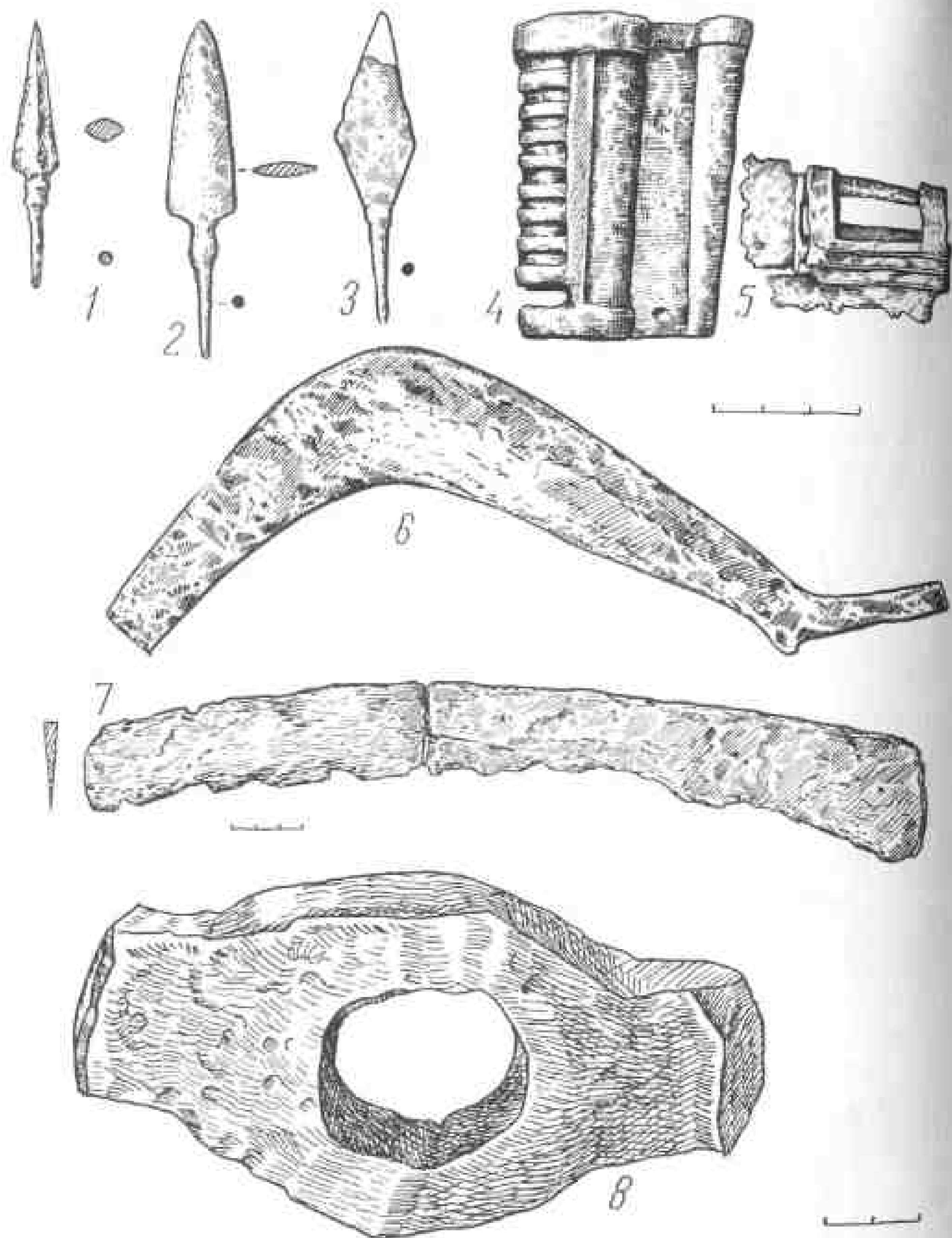

Таблица 92. Случайные находки на Южном городище. Изделия из железа: 1-3 — наконечники стрел; 4, 5 — фрагменты замков; 6 — серп; 7 — обломок косы; 8 — кузнечный молот.

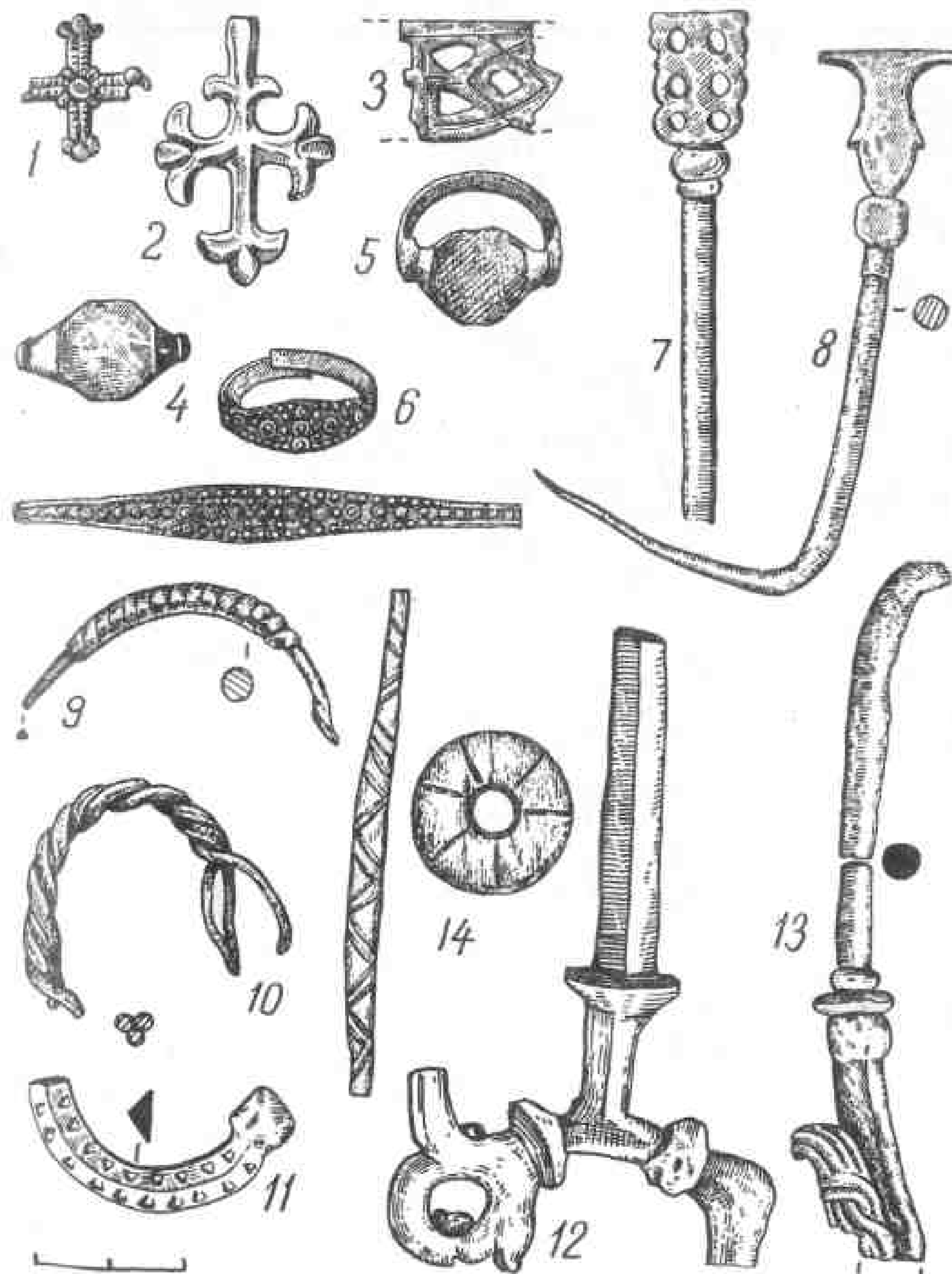

Таблица 93. Случайные находки на Южном городище. 1, 2 — крестики-тельнички; 3 — ажурная накладка; 4-6 — перстни; 7, 8 — писали; 9, 10 — браслеты; 11 — обломок фибулы; 12, 13 — фрагменты хоросов; 14 — пуговка (1-13 — бронза, 14 — кость).

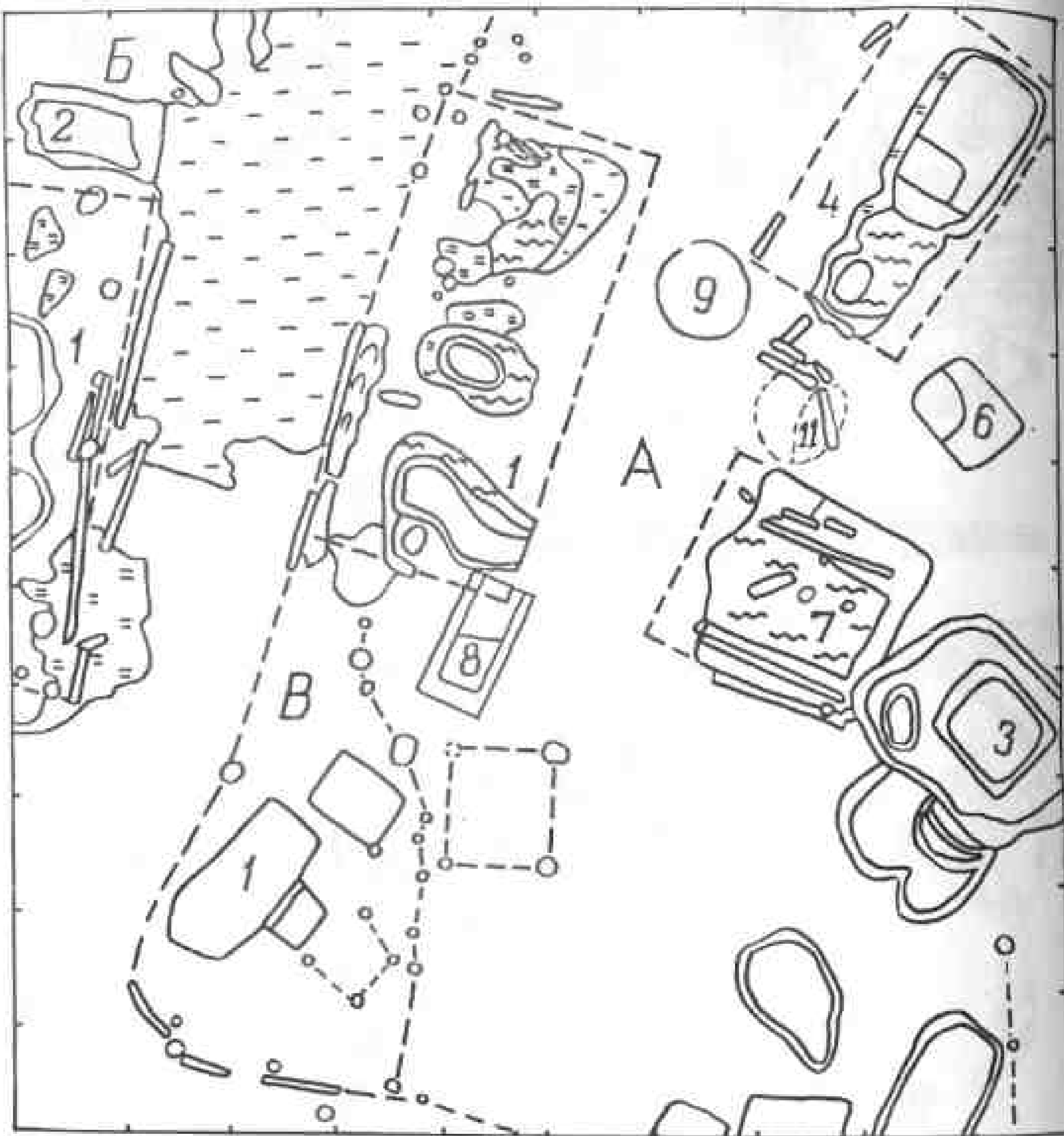

Таблица 94. Раскоп 23, план нижнего горизонта.

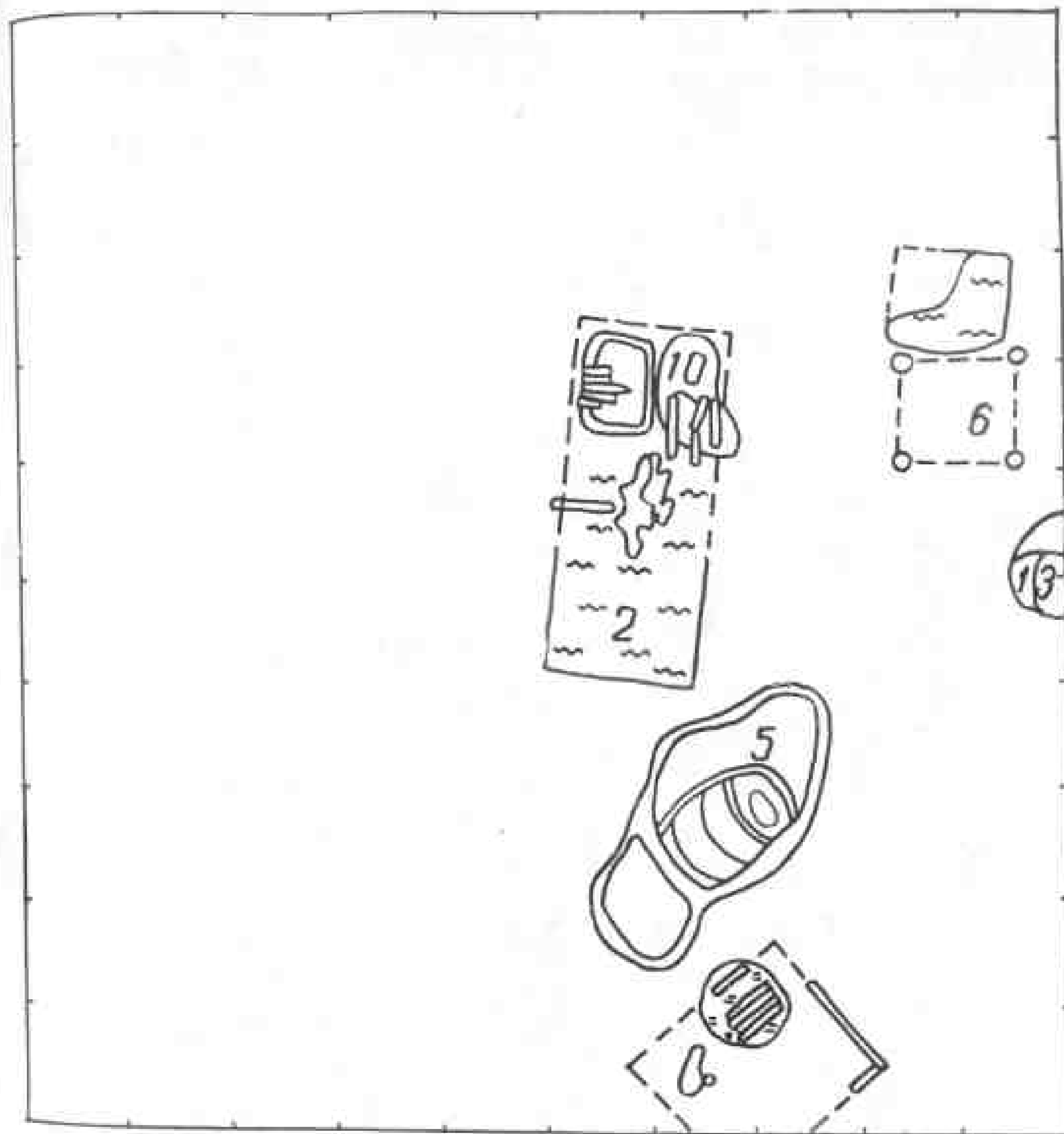

Таблица 95. Раскоп 23, план верхнего горизонта.

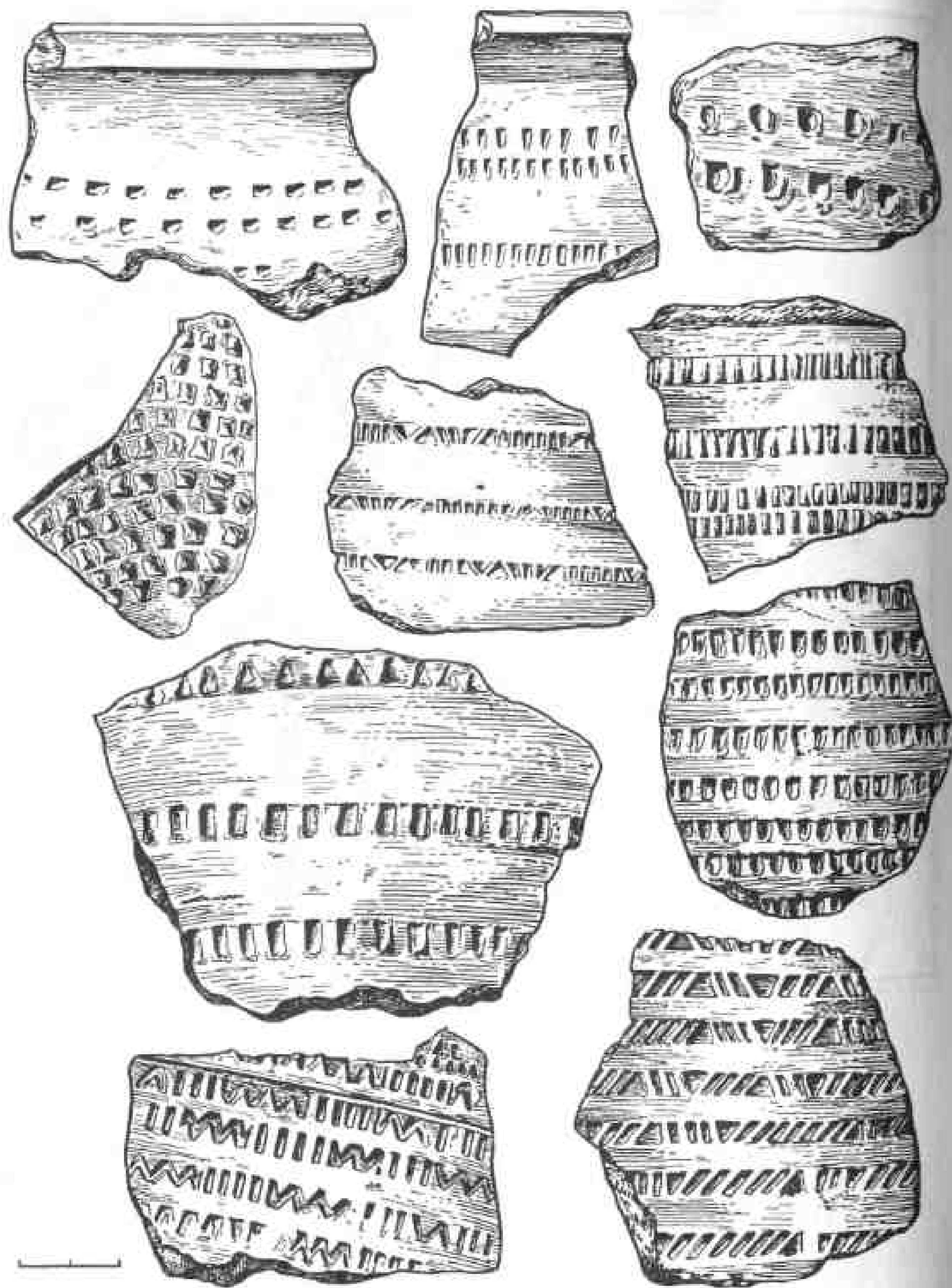

Таблица 96. Раскоп 23, типы орнамента на посуде.

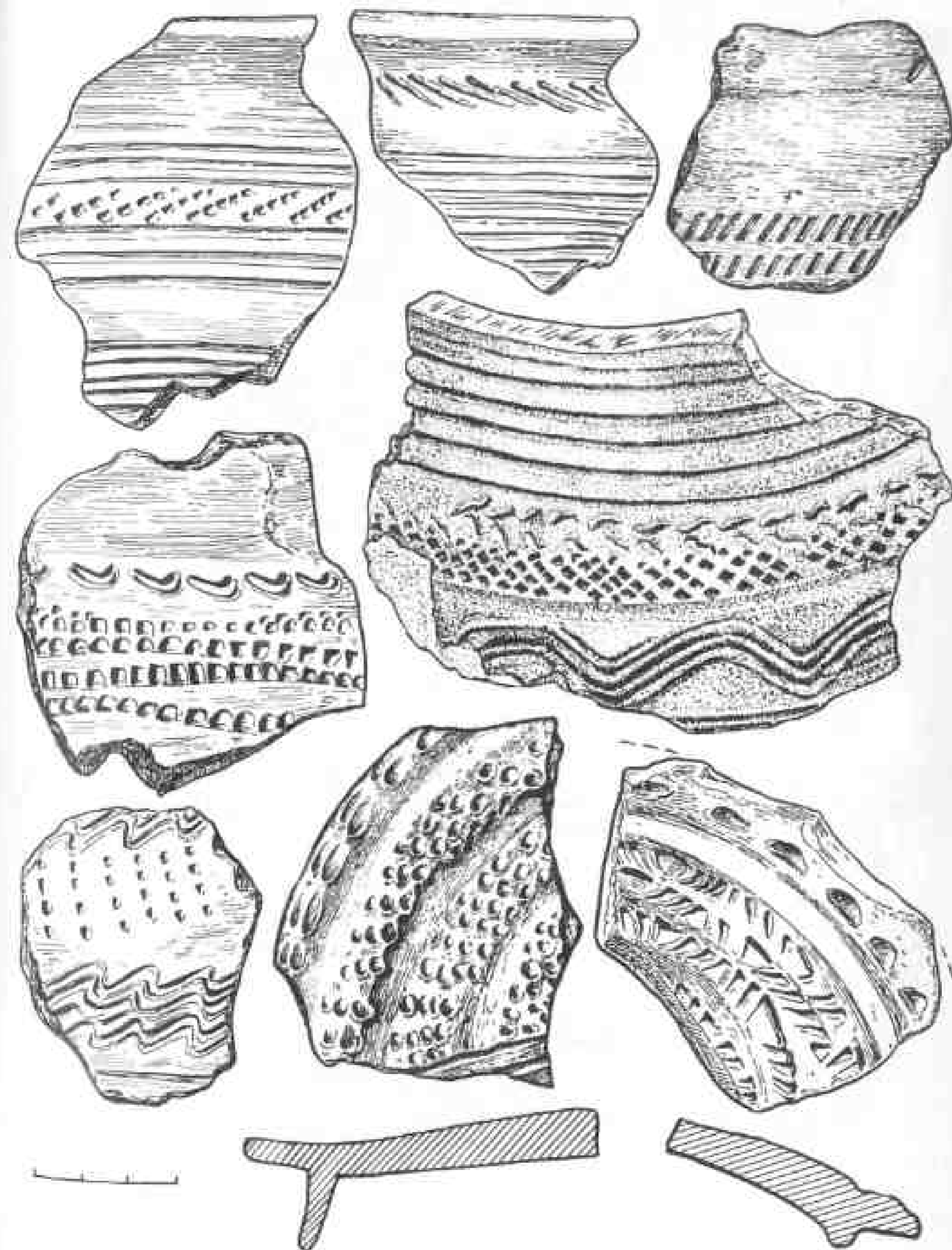

Таблица 97. Раскоп 23, типы орнамента на посуде.

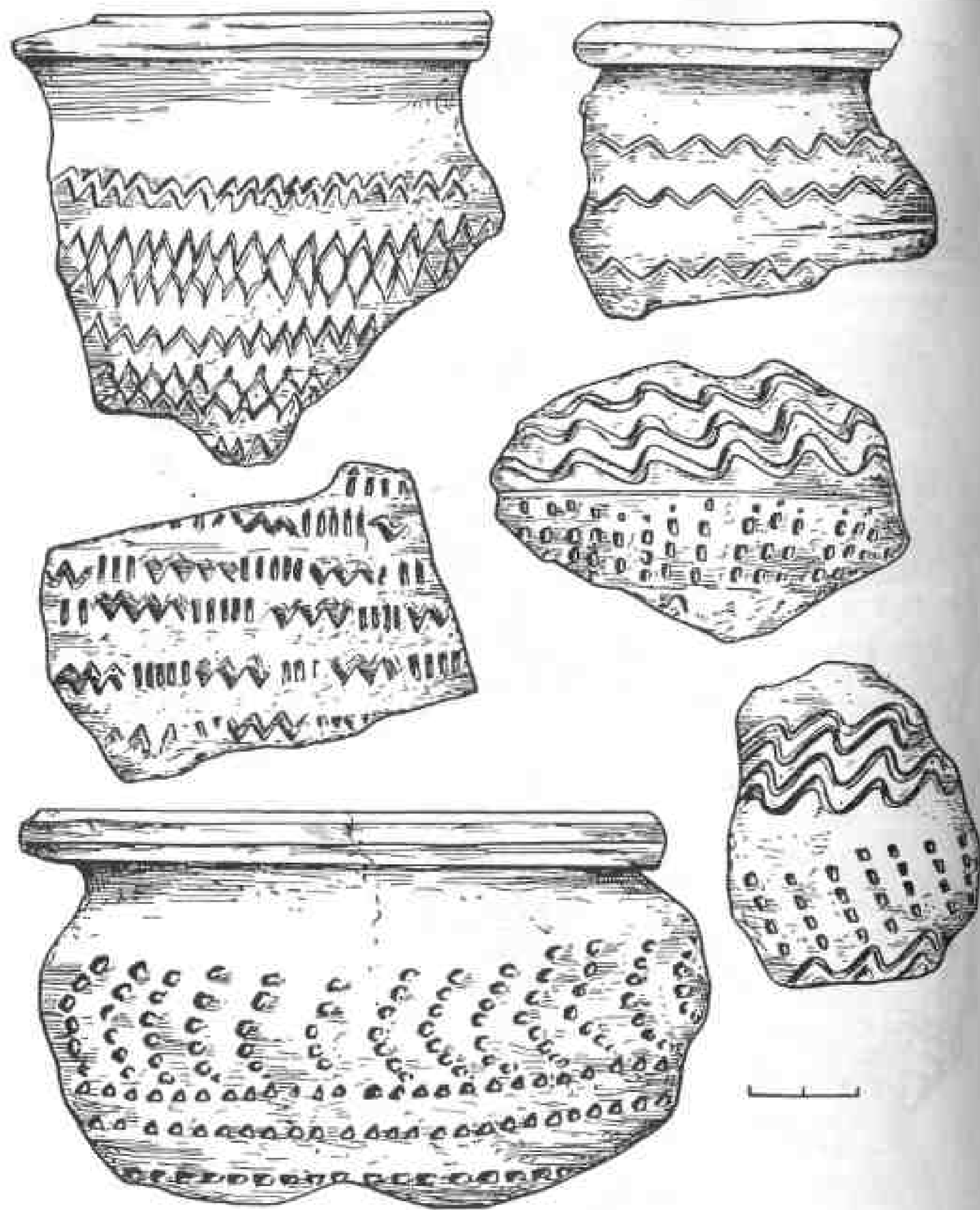

Таблица 98. Раскоп 23, типы орнамента на посуде.

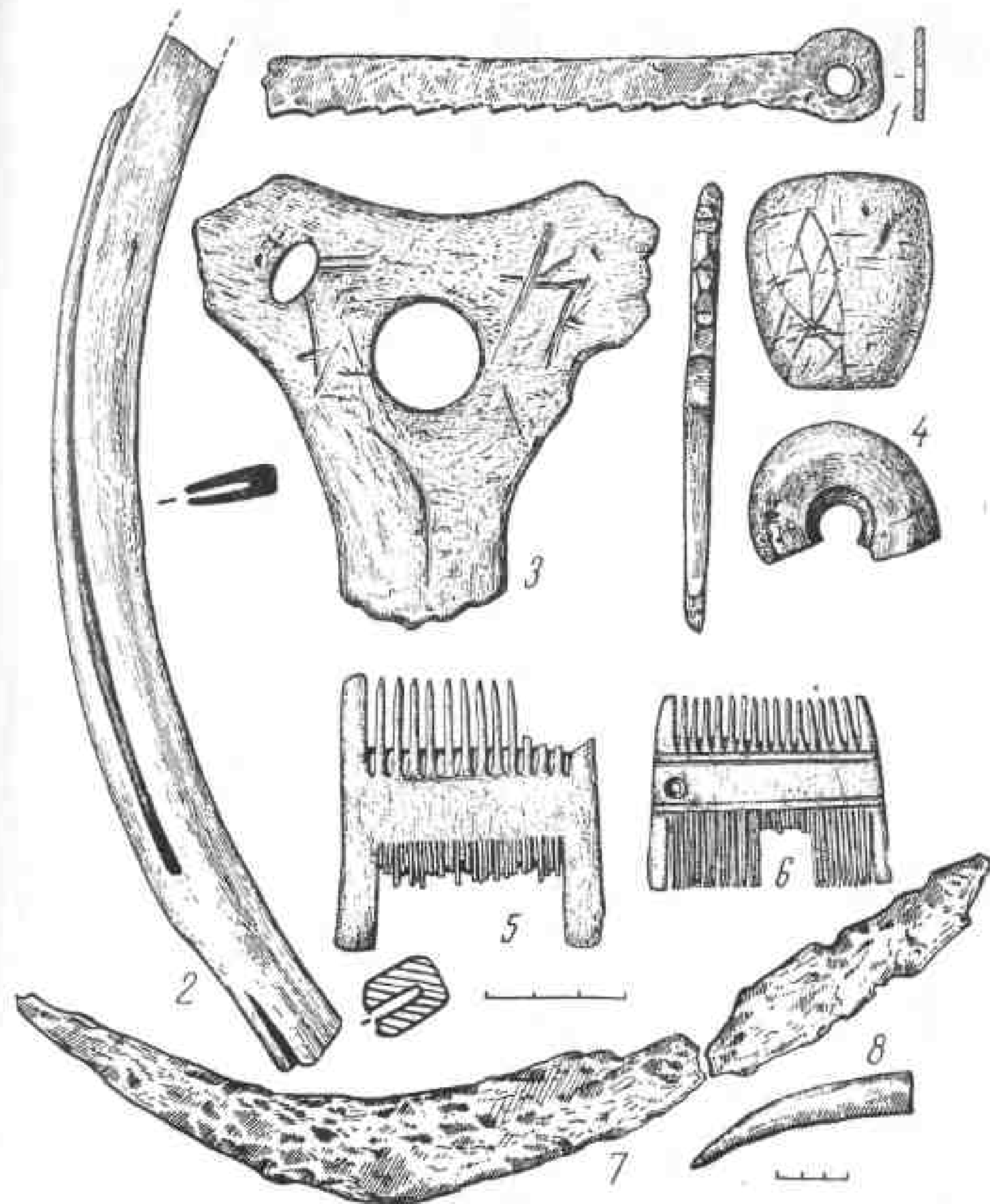

Таблица 99. Раскоп 23, вещи из смешанного культурного слоя.
1 — напильник по кости; 2 — рукоятка косы-горбуши; 3 — накладка на седло (?); 4 — кистень;
5, 6 — гребни; 7 — коса; 8 — обломок серпа (1, 7, 8 — железо; 2-6 — кость и рог).

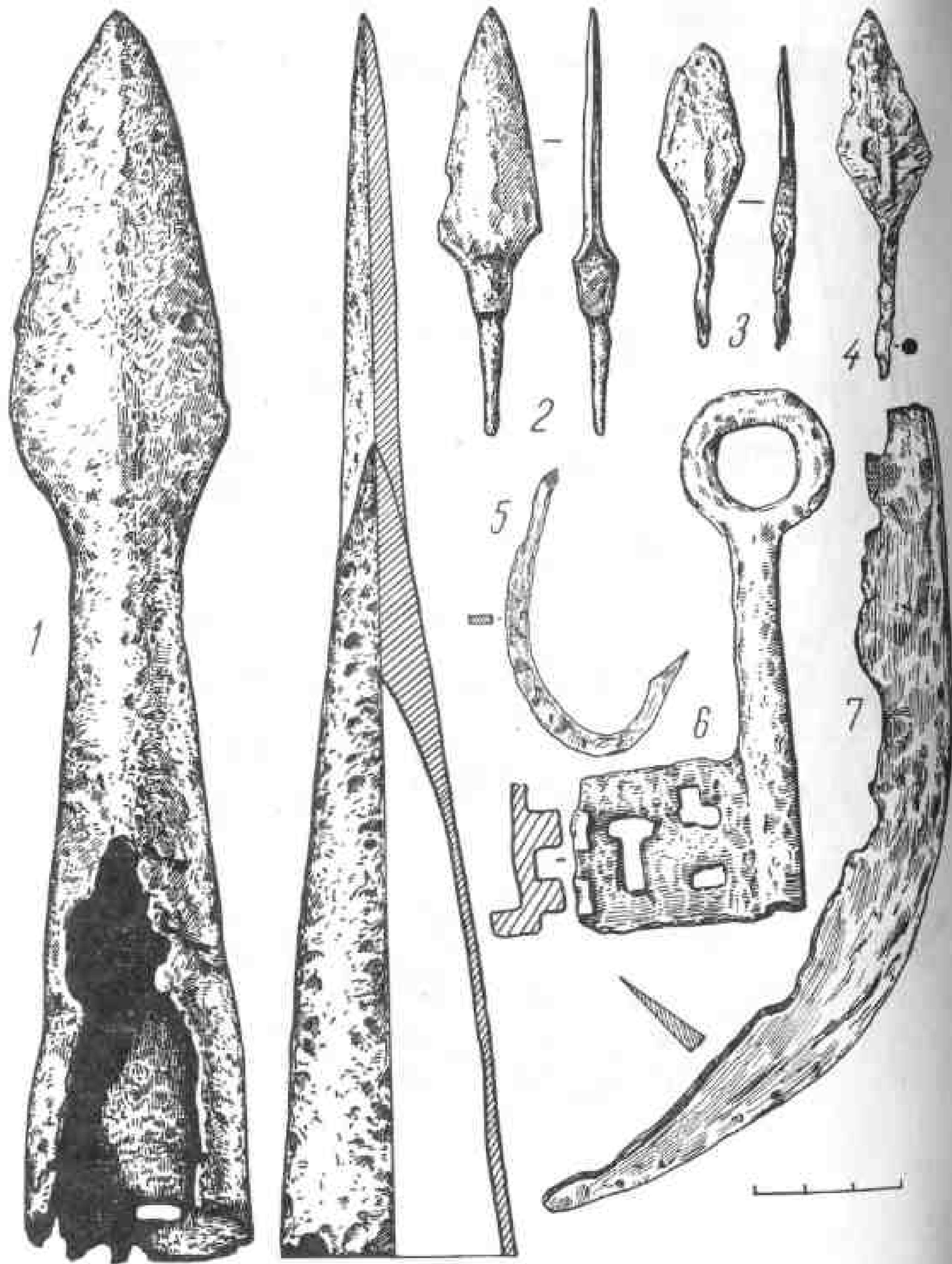

Таблица 100. Раскоп 23, вещи из перемешанного слоя.
1 — копье; 2-4 — наконечники стрел; 5 — рыболовный крючок; 6 — ключ; 7 — обломок серпа.

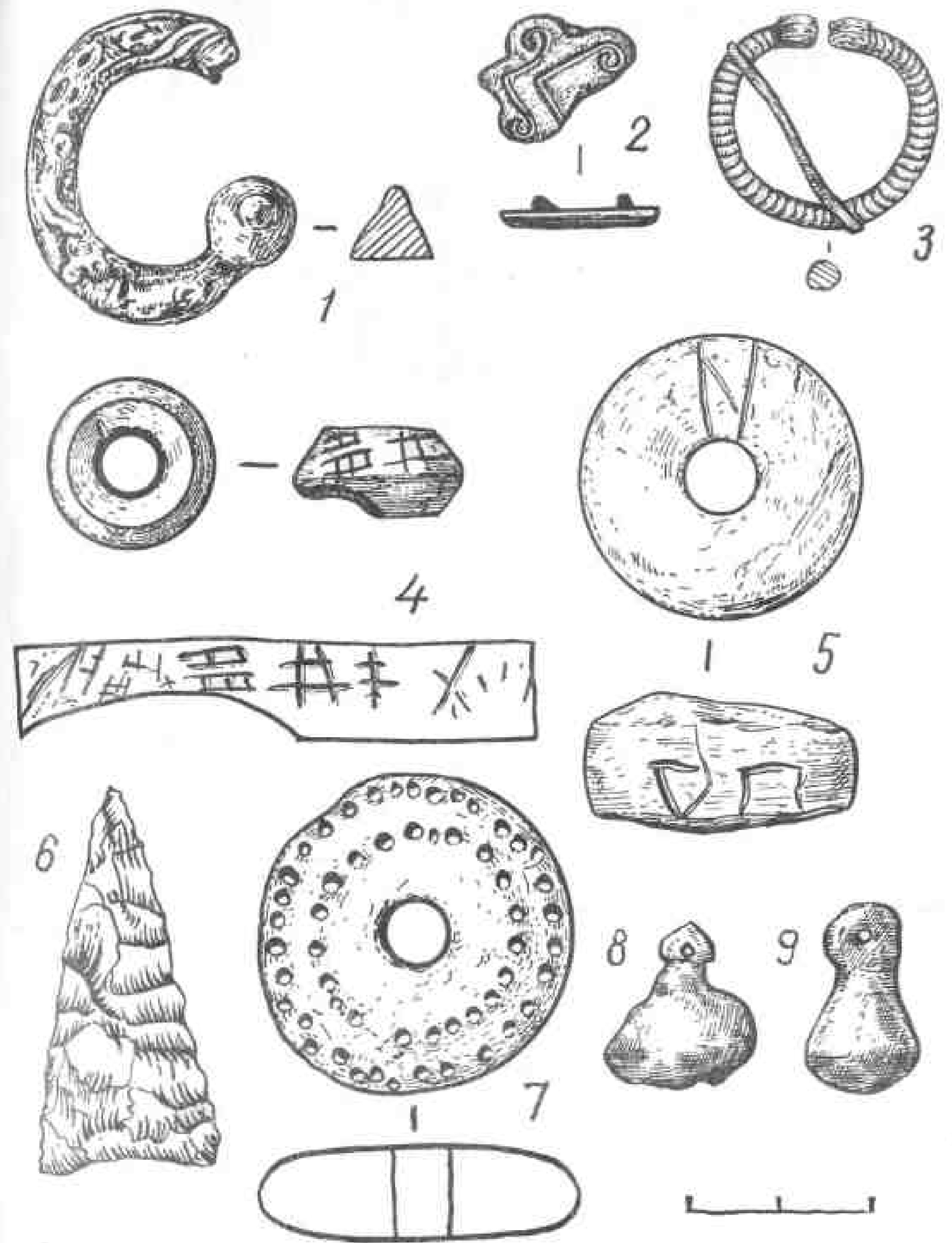
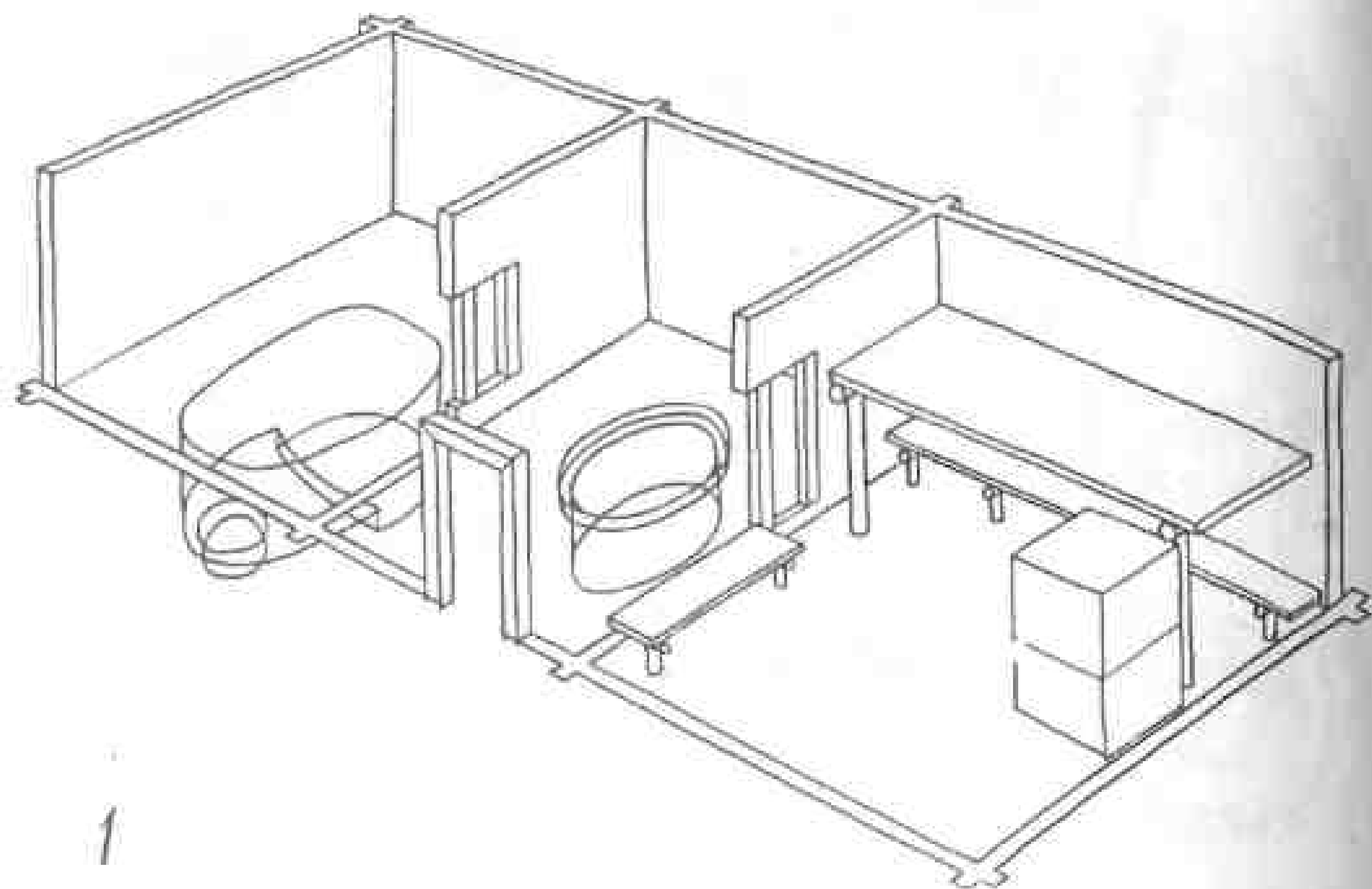
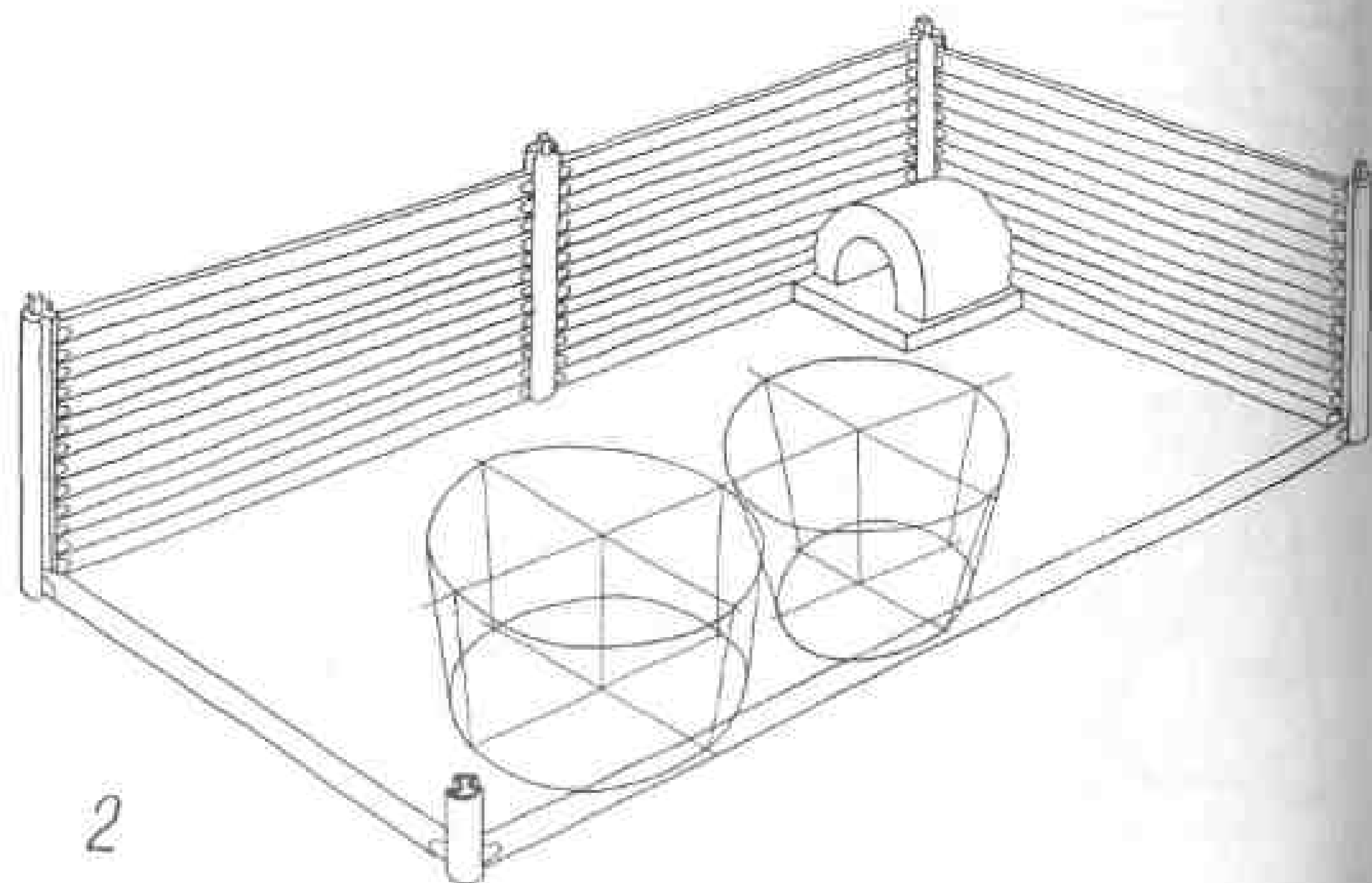

Таблица 101. Раскоп 23, вещи из культурного слоя.
1 — фибула; 2 — поясная накладка; 3 — фибула; 4, 5 — пряслицы со знаками; 6 — кремневая стрела; 7 — пряслице; 8 — дубовый; 9 — пуговица (1-3, 8, 9 — бронза; 4, 5 — шифер; 7 — глина).

1

2

Таблица 102. Раскоп 23: постройки.

1 — реконструкция постройки А-1, вид с северо-востока; 2 — реконструкция постройки В-1, вид с юго-востока.

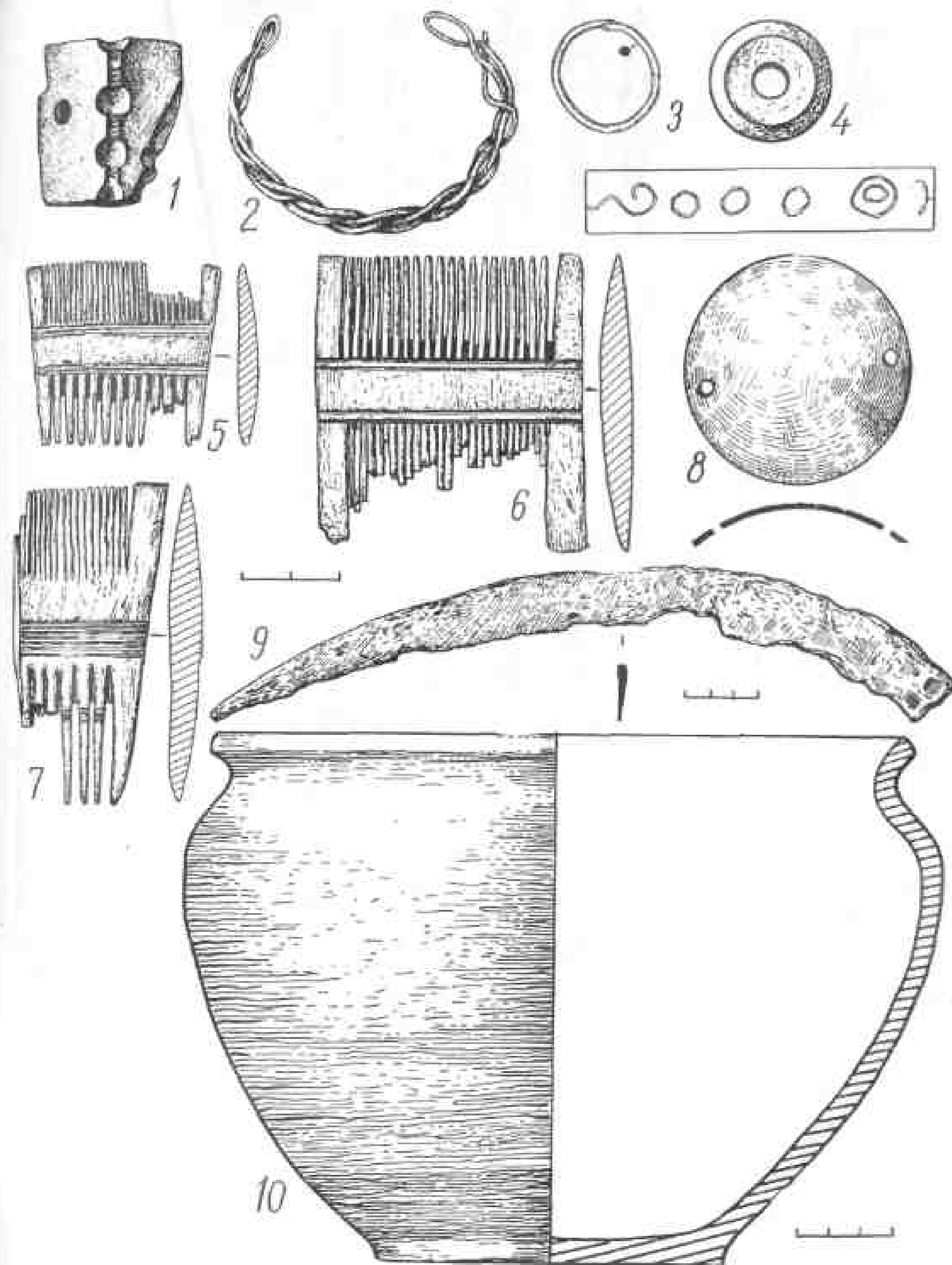

Таблица 103. Раскоп 23, вещи из постройки А-1.

1 — литейная формочка; 2 — браслет; 3 — височное кольцо; 4 — пряслице со знаками; 5-7 — расчески; 8 — выпуклая бляшка; 9 — серп; 10 — горшок (1 — камень; 2, 3, 8 — бронза; 4 — шифер; 5-7 — кости; 9 — железо; 10 — глина).

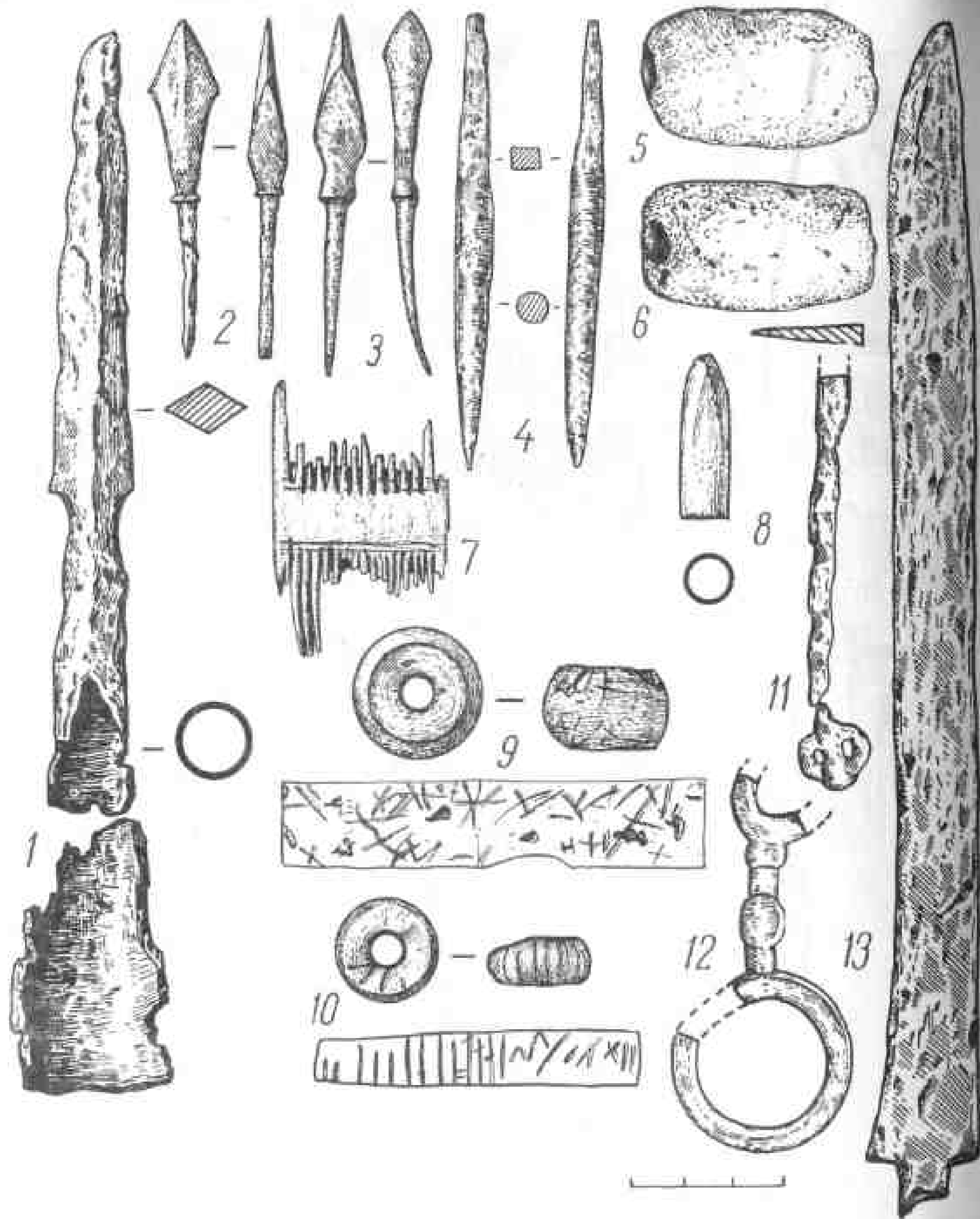

Таблица 104. Раскоп 23, вещи из построек.

Постройка Б-1 — копы; 2, 3 — наконечники стрел; 4 — пробойник; 5, 6 — рыболовные грузила; 7 — гребень. Постройка А-2: 8 — наконечник стрелы; 9, 10 — привеска с метками; 11 — ключ; 12 — деталь от кадрильницы; 13 — нож (1-4, 11, 13 — железо; 5, 6 — глина; 7, 8 — кости; 9, 10 — шифер; 12 — бронза).

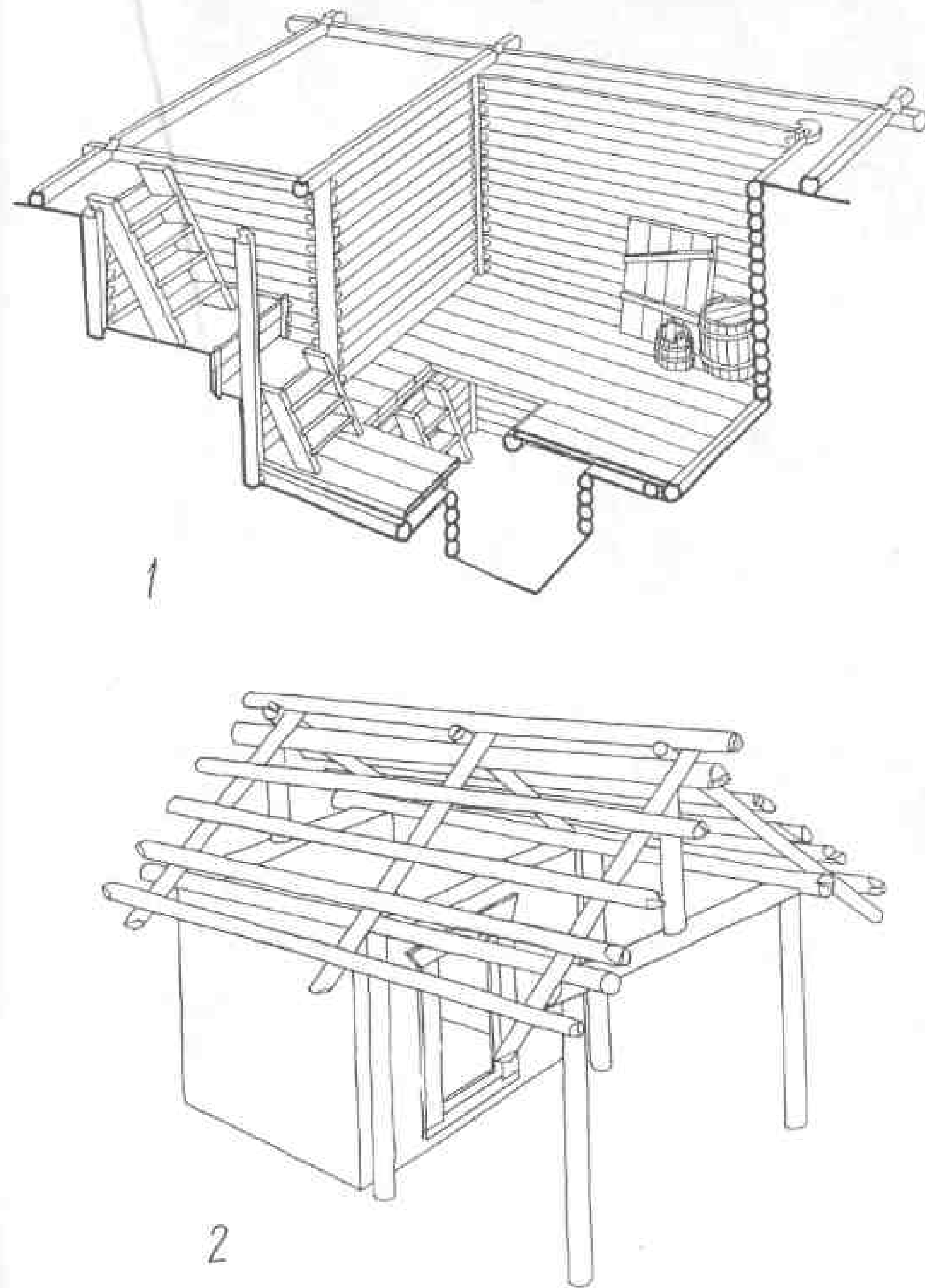

Таблица 105. Раскоп 23, реконструкция построек.

1 — постройка А-3, вид с северо-востока; 2 — постройка А-6, вид с юго-запада.

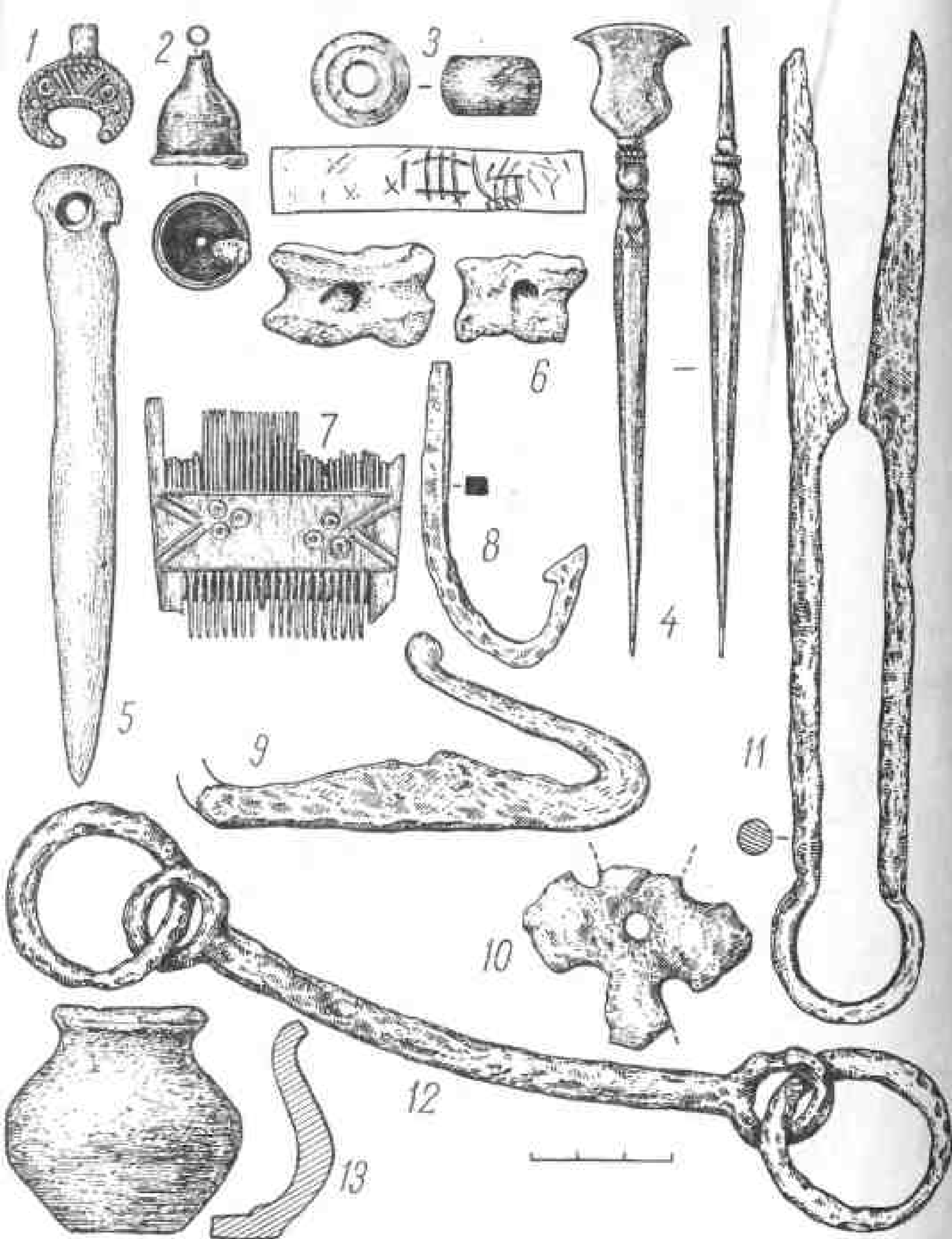

Таблица 106. Раскоп 23, вещи из постройки А-3.

1 — лунница; 2 — бутылочная привеска; 3 — пряслице со знаками; 4 — писало; 5 — игла; 6 — пабик; 7 — гребень; 8 — рыболовный крючок; 9 — кресало; 10 — крестообразная накладка; 11 — ножница; 12 — горшочек; 13 — удила (1 — биллон; 2 — бронза; 3 — шифер; 4, 8-11, 13 — железо; 5-7 — кость; 12 — глина).

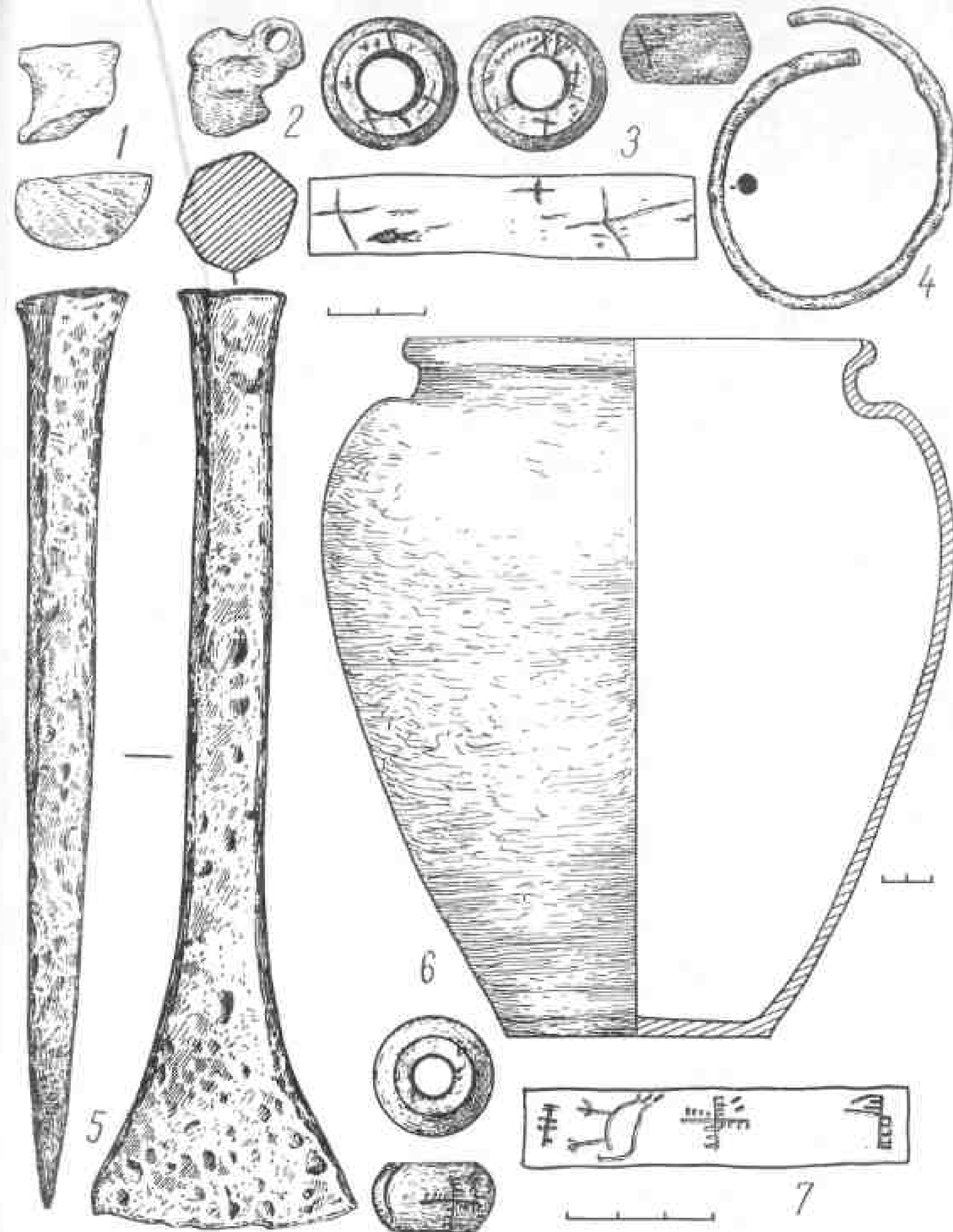

Таблица 107. Раскоп 23, вещи из построек.

Постройка А-4: 1 — обломок белемнита; 2 — амулет в виде астрогала бобра; 3 — пряслице с четками; 4 — браслет; 5 — зубило; 6 — горшок. Яма под постройкой в юго-восточном углу раскопа. 7 — пряслице со знаками и изображением птицы (3, 7 шифер; 4 — бронза; 5 — железо; 6 — глина).

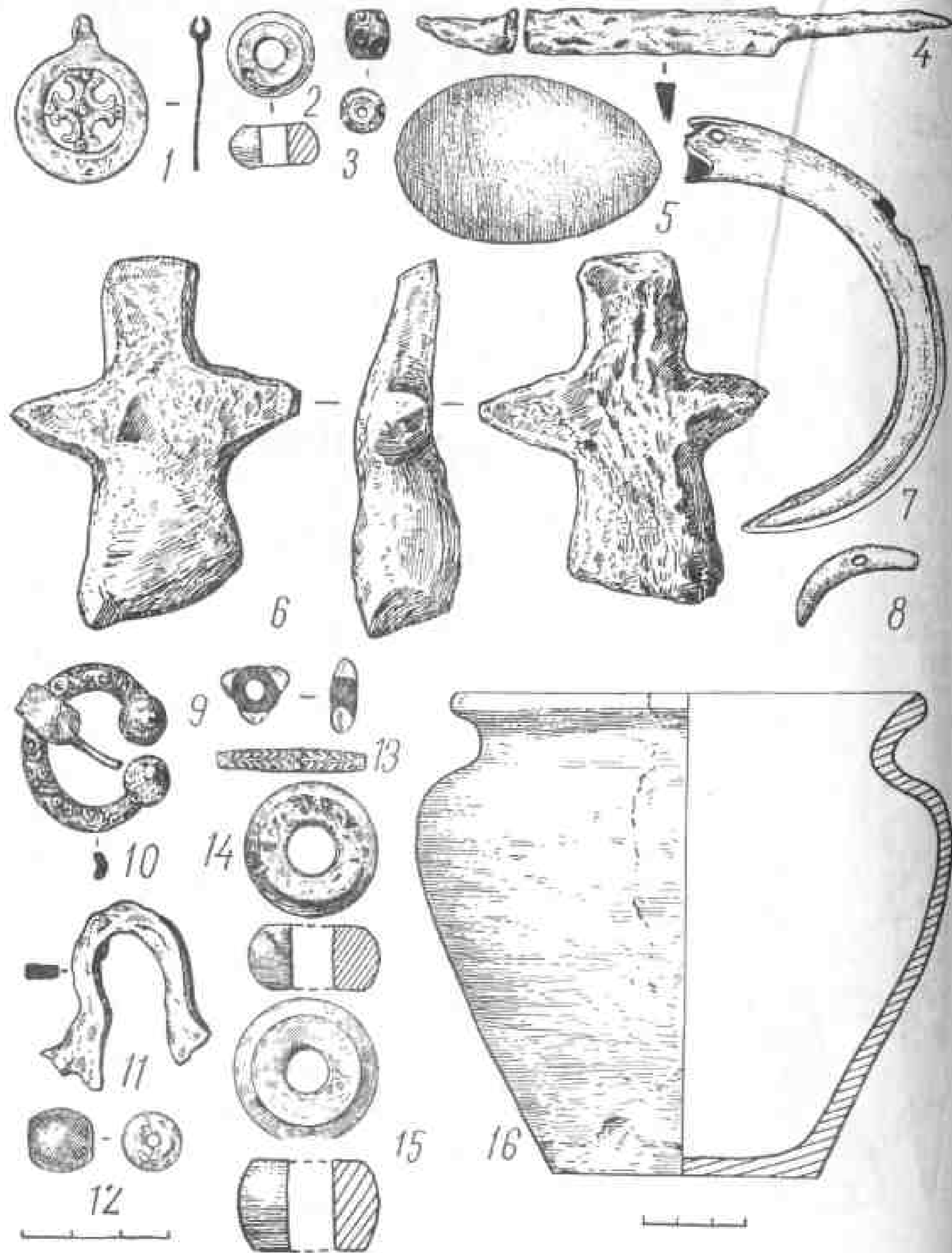

Таблица 108. Раскоп 23, вещи из постройок и ям.

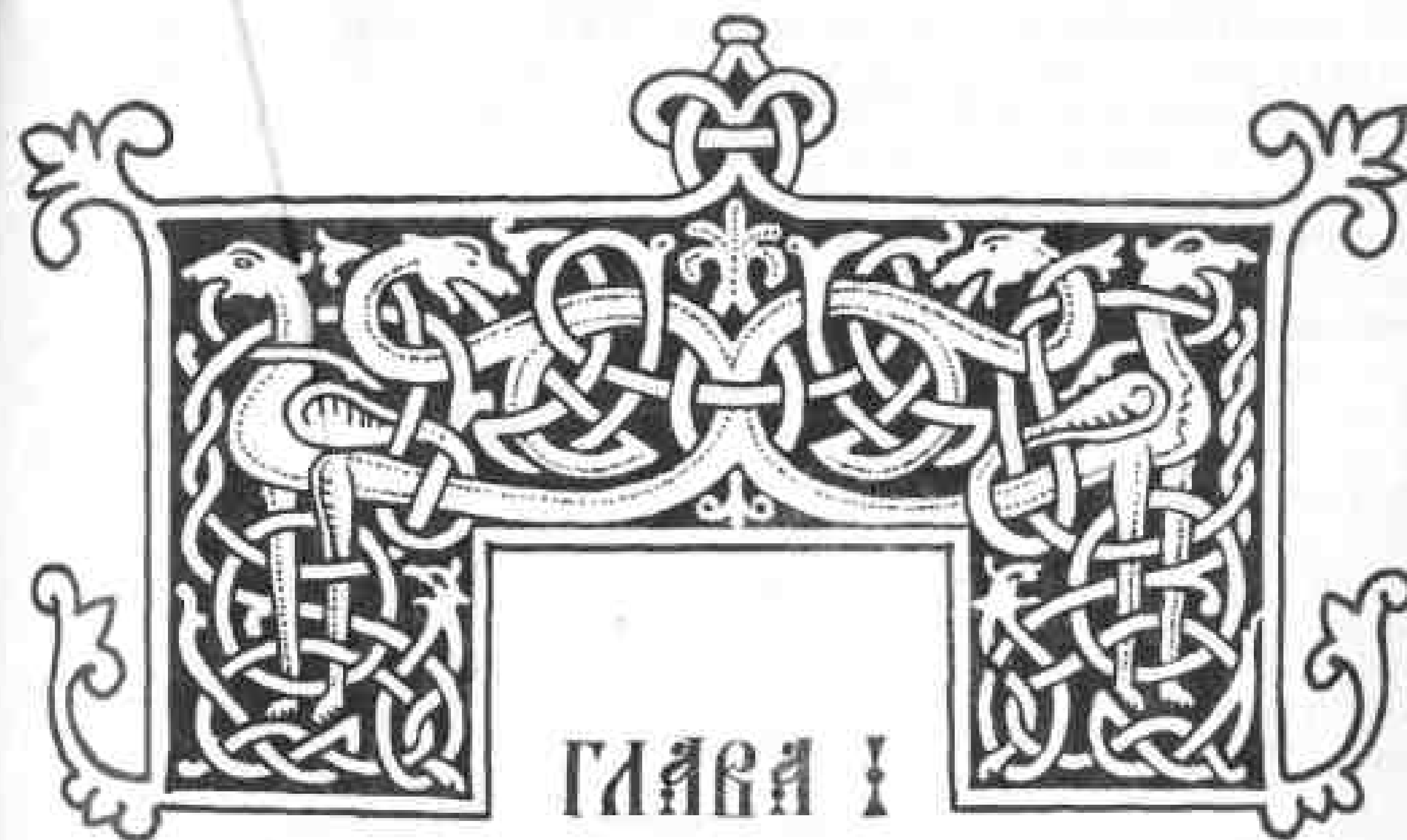
Постройка А-7: 1 — привеска и ожерелье; 2 — пряслице; 3 — бусина; 4 — нож; 10 — бусина. Яма 11: 5 — каменное яйцо; 6 — антропоморфная фигурка; 7 — амулет в виде клыка кабана; 8 — амулет в виде клыка грызуна. Яма под постройкой в юго-восточном углу раскопа: 9 — фибула. Яма 13: 11 — ушко от ведра; 12 — бусина. Яма 10: 13 — перстень; 14 — пряслице с меткой; 15 — пряслице; 16 — горшок (1, 9, 13 — бронза; 2, 14, 15 — шифер; 3, 10, 12 — стекло; 4, 11 — железо; 6 — известняк; 16 — глина).

ЧАСТЬ 3

РЯЗАНСКИЕ МОГИЛЬНИКИ

МОГИЛЬНИК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XII в.

Все равно умерли и единую чашу смертную испили.

Повесть о разорении Рязани Батыем

раскопки на Южном городище ознаменовались открытием обширного могильника, протянувшегося почти на 800 м вдоль кромки высокого берега Оки — от Спасского собора до юго-запутла Южного городища. В сев. части некрополя с более ранними погребениями его ширина была не менее 200 м, постепенно к югу он сужался до 150 и 100 м (на р.15 и восточнее могилы не обнаружены). Планомерное изучение раннего некрополя позволило пролить свет на некоторые ключевые проблемы истории Рязани в первое столетие ее существования. По-новому решается вопрос о времени основания города, определяются области Руси, откуда в район Рязани шло первоначальное переселенческое движение. Сложное переплетение черт новых (христианских) и старых (языческих) погребальных обычаев помогает приблизиться к пониманию мировоззрения древних рязанцев.

Отдельные погребения этого периода были открыты экспедицией 1945-1950 гг., но о них лишь кратко упомянуто¹. Отсутствие графической документации обесценило этот и без того ограниченный материал, вопрос о датировке захоронений не получил разрешения. Только после возобновления раскопок с 1966 г. стало очевидным, что при расширении границ города ок. серед. XII в. сивелировали курганный могильник предшествующего времени, его насыпи полностью уничтожены. По материалам р.3 (1966) г. и р.7 (1966-1969 гг.) погребения были отнесены к XI — нач. XII в. и ошибочно приняты за грунтовые бескурганные, поскольку не зафиксированы ровики².

О существовании скрытых насыпей свидетельствуют труположения на материке или в очень неглубоких ямах — 10-30 см: в первую очередь это относится к погребениям детей и женщин. Следы ровика зафиксированы только в одном случае (р.13, п.90). Курганы сносили до основания при преобладании в некрополе труположениях и подкурганных ямах. Погребения на уровне горизонта слегка присыпали той же материковой глиной, из которой состояла насыпь. Полное уничтожение ровиков объясняется незначительными размерами курганов, что подтверждается густотой расположения могил. Судя по размерам кольцевых канавок вокруг них — углублений от оград diam. 4-5 м, у детских захоронений — ок. 3 м, — diam. насыпи был от 2 до 3-х м, что при полусферической форме предполагало высоту кургана от 1 до 1,5 м. Разумеется, размеры курганов варьировались: часто они вплотную примыкали друг к другу. В семейных захоронениях (до 2-3 человек) diam. насыпей мог достигать 4-5 м. В Рязани погребения внутри кольцевых оградок, как правило, одиночные. О том, что холмики насыпали внутри ограждений, свидетельствуют раскопки некрополя Суздаля, во многих отношениях близкого рязанскому³. Сближаются с рязанскими по составу инвентаря Рубцовские курганы вблизи Переяславля-Рязанского (насыпи ок. 1-1,2 м, гл. ям от 30 см до 1,2 м)⁴.

При расширении городской территории к югу до Черной речки и интенсивной застройки "набережной" — западной части Южного городища, где раскинулось курганное поле, провели тщательные нивелировочные работы. При срытии могильных насыпей старались не задеть погребения, так что часто не потревожены даже скелеты на уровне горизонта. В тех случаях, когда могилы разрушали при сооружении углубленных построек и хозяйственных ям, кости, особенно черепа, старались перенести в другое место и перезахоронить. Можно высказать предположение, что новый мощный поток переселенцев из Южной Руси ок. серед. XII в., не связанных родственными узами и культурными традициями со своими предшественниками — первыми насельниками Рязани и их потомками — в какой-то мере облегчил снос огромного курганного кладбища. Пришельцы стали хоронить своих усопших по новому, уже чисто христианскому обряду.

При раскопках прямоугольные могильные ямы, со светло-серым заполнением, без каких-либо включений, и ориентированные по линии зап.-вост. с отклонениями к югу или, чаще, к сев., четко прослеживаются во время зачистки предматерикового слоя. За немногими исключениями костяки лежали в вытянутом положении на спине, головой к западу.

Ввиду почвенных условий сохранность костных останков средняя: естественно, хуже сохранились скелеты, относящиеся к молодым и в особенности детским возрастам; в краниологических сериях Рязани больше мужских черепов. Мужчин хоронили в более глубоких ямах, где костяки не разрушены. Степень целостности краниологического материала обусловила выборочность антропологических определений, проведенных Т.И.Алексеевой и В.П.Хатунцевым. Достаточно надежным критерием при определении пола и возраста служат могильный инвентарь; от них зачастую зависят размеры могильных ям.

В части III мы придерживаемся того же порядка изложения, как и в части II, т.е. по №№ раскопок; описание братских могил на р.21 и у д.Фатьянона отнесено к концу, поскольку они относятся к 1237 г. Ввиду стандартности погребений, большинство из которых безынвентарные, специально анализируются только захоронения с инвентарем, а также отличающиеся какими-либо специфическими деталями. Арабские цифры на планах погребений соответствуют цифрам под рисунками вещей из данного комплекса.

РАСКОП 11 (рис.94, табл.109)

Открыто 8 погребений.

Парное захоронение мальчика (№ 1) и женщины (№ 2) находились под одной насыпью; семейным было захоронение ребенка (№ 3) и мужчины (№ 4). Вероятно, могильной является прямоугольная яма (ориентирована на зап.) к сев. от п.5, костяк не сохранился.

П.1: у левого плеча — квадратное в сечении железное кольцо (пряжка?), в ногах — горшок.

П.2: у черепа — стеклянная цилиндрическая бусинка (рубленный бисер) X-XI вв.; под черепом — перстневидное височное кольцо с заходящими концами (?); слева от черепа — трехбусинное височное кольцо с круглыми гладкими бусинами, спаянными из тисненых половинок (в Новгороде аналогичный экз. происходит из слоя 30-50-х гг. XII в.⁵); на пальцах левой руки — бронзовое проволочное кольцо с заходящими концами и узкопластинчатый замкнутый перстень, на правой руке — пластинчатый усатый перстень с гладким щитком, подобные перстни встречены в бассейнах Средней Волги и Нижней Оки (Ярославская, Тверская, Рязанская, Владимирская и Костромская обл.); их дата — к. X — нач. XII в.⁶; в ногах стоял горшок.

П.3: на левой руке — бронзовое проволочное колечко с заходящими концами; у правой ноги — нож с клиновидным лезвием; в ногах — горшок со слабо отогнутым венчиком с острым краем; линии орнамента сгруппированы в пояса (XI в.).

П.4 (рис.138): слева у таза — нож с клиновидным лезвием.

П.5: по сторонам черепа — по 2 проволочных височных кольца с несомкнутыми концами (на плане № 1-4); в области шеи — 3 бусины: цилиндрическая золотостеклянная и 2 сердоликовые призматические X-XI вв. (№ 5-7); на правой стороне груди — толстопроволочное бронзовое кольцо, возможно, от фибулы (№ 8).

П.6: на дне ямы — нож с клиновидным лезвием и раздавленный горшок.

П.7: нож с клиновидным лезвием и остатками деревянной рукояти (рис.138).

П.8 было совершенно по горизонту и полностью уничтожено, сохранились следы кольцевой оградки diam. 4 м в виде столбовых ям гл. до 30 см, образующих правильный круг (рис.138).

РАСКОП 13 (табл.110-129)

Кроме пронумерованных погребений, зафиксированы следы погребальных сооружений, не получившие специальных №№. К югу от п.70 — яма 2x1,1 м, ориентированная на сев.-зап., в ней — раздавленный череп. Открыты остатки 2-х кольцевых оградок вокруг могил, разрушенных постр. Д-1 и Д-2. Из разрушенного захоронения на уровне древнего горизонта происходят компактно лежащие украшения: проволочное височное кольцо с заходящими концами, 5 золотостеклянных бусин (4 цилиндрических и 1 ребристая) и привеска-конек (XI — н.п. XII в.).

Таким образом на р.13 всего обнаружено 111 захороненных, часть из них входит в число семейных (чаще всего двойных) погребений.

П.2, жен.: справа от черепа — 3 проволочных височных кольца, одно раздавлено, второе с заходящими концами, третье с загнутым наружу концом;

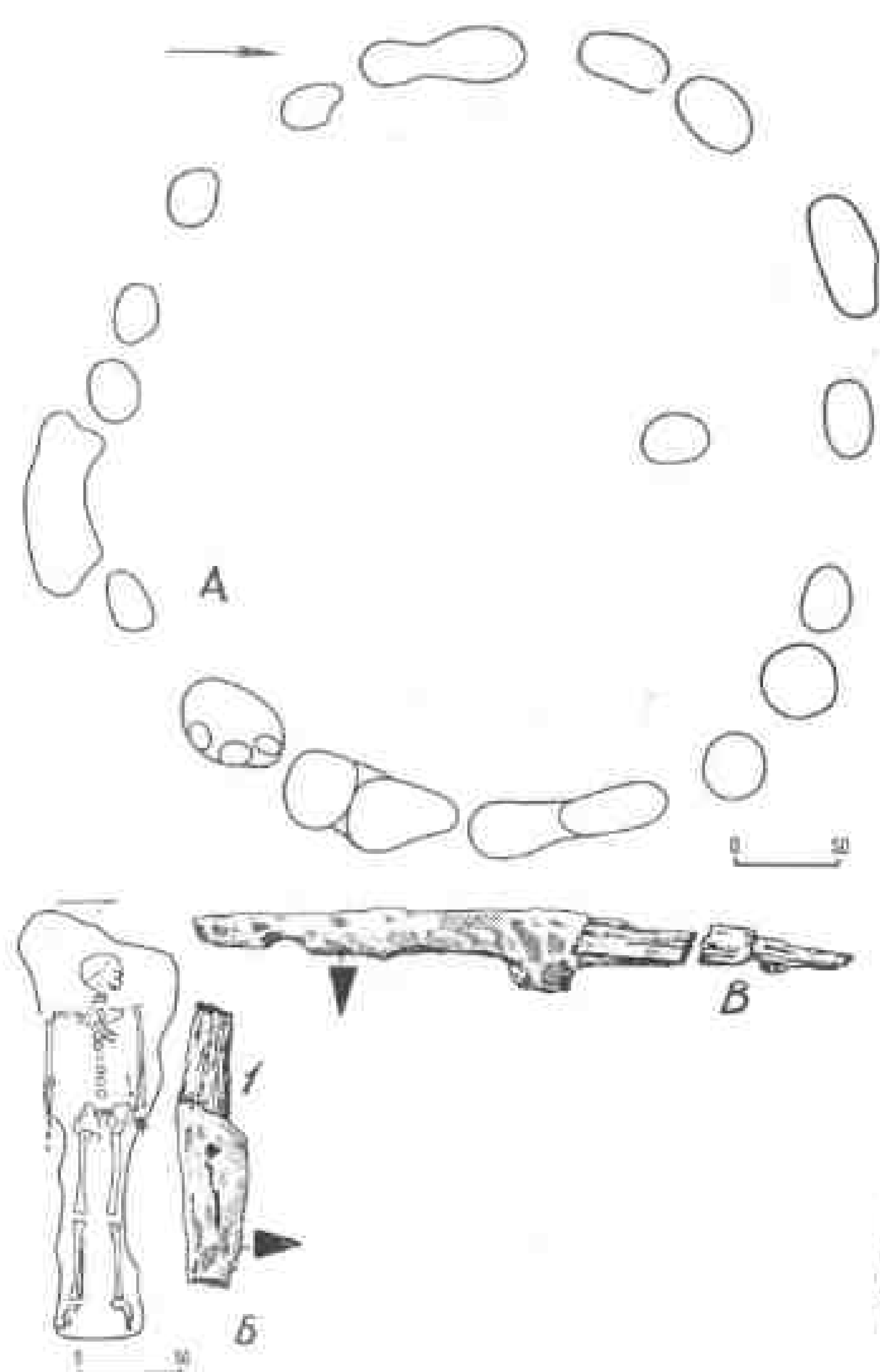

Рис. 138. Погребения на раскопе 11: А — погребение 8, план кольцевой ограды; Б — погребение 4; 1 — нож; В — погребение 7, нож.

слева от черепа — 3 височных кольца, одно проволоочное, с загнутым наружу концом, второе с разомкнутыми концами, третье — трехбусинное узелковое (в Новгороде найдено в слое в четв. XI в.); в области живота — 3 одевавшихся на пальцы проволоочных кольца с разомкнутыми концами, аналогичные височным.

Женский костяк лежал справа от мужского (п.1), но иначе ориентирован, что свидетельствует о разновременности захоронений под одной насыпью.

П.4, жен.: справа от черепа — трехбусинное узелковое височное кольцо; на фалангах пальцев правой руки — 2 узкопластинчатых бронзовых перстня.

П.5, муж.: слева у бедра — лановидная пряжка (XI в.) и 2 железных поясных кольца. В ногах скелета сложены человеческие кости от другого разрушенного погребения.

П.7, муж.: слева у пояса — 2 ножа с клиновидным лезвием; у левого бедра — горшок выс. 35 см с вертикальным, имеющим валик, горлом, покатыми плечиками и конусовидным туловом; орнаментирован по плечикам двумя поясами волнистых линий, а по тулову — линейным узором (XI в.). Судя по разрезу могильной ямы, захоронение было парным: справа от мужчины, вероятно, лежал ребенок, кости которого истлели.

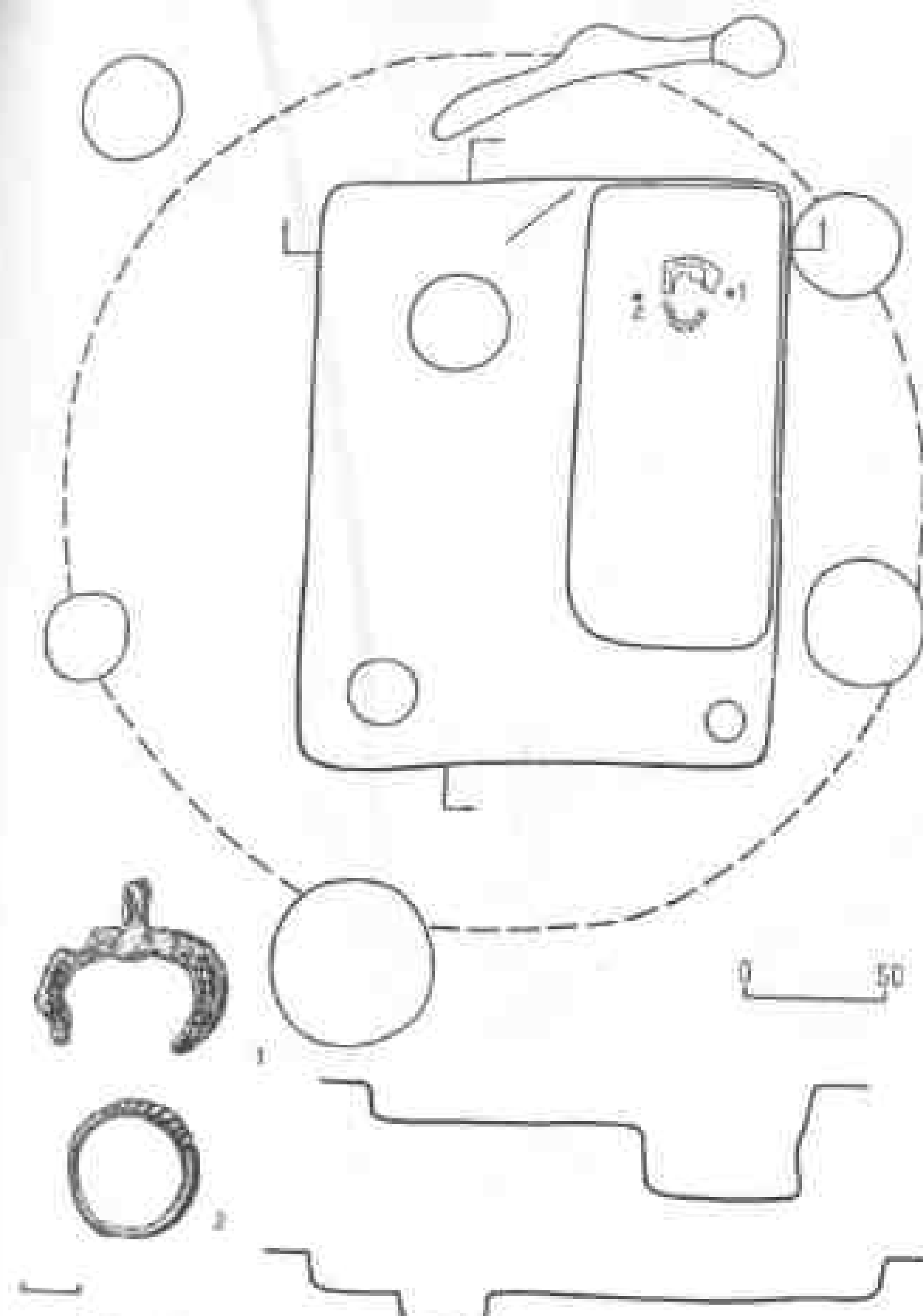

Рис. 139. Погребение 13 на раскопе 13 (на плане показана позднейшая постройка, разрушившая могилу: 1 — бронзовая лунница; 2 — бронзовый рубчатый перстень).

П.10, жен.: слева от черепа — проволоочное височное кольцо с заходящими концами; на правой руке — единственный в своем роде деревянный щитковый перстень, по краям обрамленный медными "гвоздиками", в той же технике выполнен крест на щитке; на левой руке — колечко, аналогичное височному; в области груди справа — ножик и привеска-амулет с ушком, обломанная на конце, вероятно, миниатюрная ложечка.

П.12, жен.: в области головы, слева, — толстопроволоочное височное кольцо с сомкнутыми концами.

П.13, жен. (рис.139): перекрыто позднейшей постройкой со столбами и углах. В заполнении ямы гл. 30 см найдены: бронзовая ширококорогая лунница с имитацией зерни (XI — п.п. XII в.). Подобные литые лунницы были распространены среди сельского населения Брянской, Смоленской и Тверской обл.¹⁷; дровотый рубчатый перстень с крестом на утолщенной внешней стороне.

П.14, жен.: справа от черепа — проволоочное височное кольцо с заходящими концами. Средняя часть погребения разрушена позднейшей ямой, но перемешанные кости скелета аккуратно сложены в нее.

П.22, муж.?: у ступней — горшок со скругленным и загнутым внутрь краем венчика, мягко изогнутой шейкой и конусовидно суживающимся туловом; орнаментирован врезными горизонтальными линиями в верхней части (XII в.).

П.30, жен.: в области шеи — золотостеклянные цилиндрические и бочкообразные бусины (25). Погребение разрушено постр.0-1.

Рис. 140. Двойное погребение 32 на раскопе 13: 1 — детское; 2 — женское.

П.32, жен. и девочки-подростка (рис.140). У женщины: по сторонам черепа — по 1 семилучевому височному кольцу с гладким щитком и с одним четким шариком на концах лучей (по Е.А.Шинакову, тип Т, вариант 43, рубеж XI-XII вв.; по их сочетанию с золото- и серебростеклянными бусами п.32 датировано к. XI в.⁸). Основная масса колец этой группы (У) найдена в трех пунктах Северной земли — курганных некрополях Трубчевска (Кветунь) и Гочева, в древнерусском слое городища Ницахи. В области шеи ожерелье, в состав которого входили: золото- и серебростеклянные бусины (14, из них 2 — ребристые), зонная желтая (1), янтарные бипирамидальные (2), эллипсоидная аметистовая, 6-гранная в поперечном сечении; на левой руке — 2 бронзовых перстня со щитком в форме 4-лепестковой розетки и следы 3-го медного перстня или кольца.

У девушки из п.32: справа и слева от черепа — по 2 проволоочных височных кольца с заходящими концами; на пальцах левой руки — 2 таких же кольца, но из более толстой проволоки; на правой руке — перстень с розеткой на щитке, такой же, как у женщины; ожерелье состояло из стеклянных

цилиндрических бусин (31, из них 4 разбиты), украшенных продольными и поперечными бороздками, обесцвеченных (XI в.).

П.34, жен.: у черепа — 2 проволоочных височных кольца, в области шеи — золотостеклянные бусы (32).

П.35, муж.: в области шеи — скопление золотых нитей от воротника с золототканой лентой и 1 бронзовая литая пуговица, шарообразная, с круглым ушком, которой застегивался ворот рубахи (сорочицы).

П.36, жен.: по сторонам черепа — по 2 серебряных проволоочных височных кольца с разомкнутыми концами, в области шеи — ожерелье из 36 цилиндрических золотостеклянных бус, на левой руке — кольцо, аналогичное височным.

П.37, жен.: у черепа — 2 семилучевых височных кольца (по Е.А.Шинакову, группа У, но варианты разные), у одного — кашлевидные шарики на концах лучей и узор из шариков между дугообразными линиями, у другого шарики на лучах более четкие и на щитке орнамент из треугольников (XI — нач. XII в.). Под кольцами обнаружены куски бересты — основа матерчатой или кожаной ленты, на которой крепили кольца?

П.39, жен.: по сторонам черепа — 2 проволоочных серебряных височных кольца, одно — с заходящими концами, второе эсоконечное, на правой руке — проволоочное серебряное кольцо с разомкнутыми концами.

П.40, муж.: в области шеи — мелкие обрывки золотых нитей от воротника с золототканым позументом.

П.47, муж. (?): на фаланге безымянного пальца правой руки — серебряное проволоочное кольцо с заходящими концами.

П.48, жен.: у шеи справа — бронзовая позолоченная пуговица от ворота рубахи, с каждой стороны черепа — по 6 серебряных проволоочных височных колец, из них 11 с заходящими концами и 1 эсоконечное.

П.49, жен.: по сторонам черепа — по 1 серебряному проволоочному височному кольцу, оба эсоконечные, в области шеи — золотостеклянные бусы (123). В состав ожерелья входило такое же, но меньшего размера серебряное колечко с нанизанной на него золотостеклянной бусиной, а также монетовидная серебряная привеска с чеканным узором из рельефных кружков. В области груди слева — прикреплявшаяся к одежде бронзовая цепочка из тройных проволоочных звеньев, к ней был прикреплен нож, который висел на проволоочном кольце с заходящими концами. У таза найден уникальный серебряный перстень тонкой ювелирной работы (рис.141). Он состоит из нескольких спаянных частей: в центре ромбического щитка с выступами из валиков в углах — рельефный орнамент в виде четырехлепестковой розетки в обрамлении мелких кружков; на литой пластине перстня — пылющийся стебель, окаймленный шариками, имитирующими зерно. По технике испол-

Рис. 141. Серебряный перстень из погребения 49 (раскоп 13).

Рис. 142. Погребение 52 на раскопе 13.

нения и стилю орнамента на щитке перстень сближается с серебряными поясными бляшками XI в., найденными в Елецком монастыре в Чернигове¹⁰.

В том же п.49 в области ступни правой ноги обнаружены обломки бронзового узкопластинчатого перстня с четырьмя выпуклыми продольными линиями; в Новгороде аналогичный экз. происходит из слоя XI в. Под перстнем — кусочек бересты, здесь же 2 золотостеклянных бусины; эта группа украшений, возможно, смещена с первоначальных мест.

П.50, муж.(?): у правого бедра — нож с клиновидным лезвием.

П.51, муж.: в середине таза — железная поясная пряжка, по сторонам от нее — бронзовые поясные кольца.

П.52, жен. (рис.142): вокруг черепа — набор височных колец, частично смещенный (9), справа от черепа — 2 серебряных проволоочных кольца, одно с заходящими концами, второе загнутоконечное; у левого виска — 2 серебряных загнутоконечных и 1 бронзовое трехбусинное узелковое; в сев.-зап. углу могильной ямы — 3 серебряных проволоочных кольца (эсоконечное, с заходящими концами и загнутоконечное); у левой ключицы — загнутоконечное; на правой руке — серебряный дровотый перстень с заходящими концами.

П.56, жен.: по сторонам черепа — по 1 серебряному височному кольцу с заходящими концами; в области шеи — 3 бронзовые позолоченные пуговицы; у таза — серебряный дровотый перстень с заходящими концами.

П.57, жен.: костяк разрушен, справа от черепа — стеклянная бочкообразная бусина.

П.58, жен. (рис.143): по сторонам черепа — по 1 серебряному трехбусинному височному кольцу, украшенному бусинами с зернью, каждое продето в серебряное проволоочное кольцо с заходящими концами. Бусины цилиндрические, каждый шарик выложенной рядами зерни посажен в проволоочное колечко. Трехбусинные височные кольца с крупнозернеными бусинами найдены главным образом в курганах в поречье Днепра, между Припятью и Березиной, в низовьях Припяти и по Березине; их считают этноопределяющим признаком дреговичей¹¹. По находкам подобных колец в некрополе Суздаля и литым подражаниям в Новгороде их дата — XI — п.п. XII в.

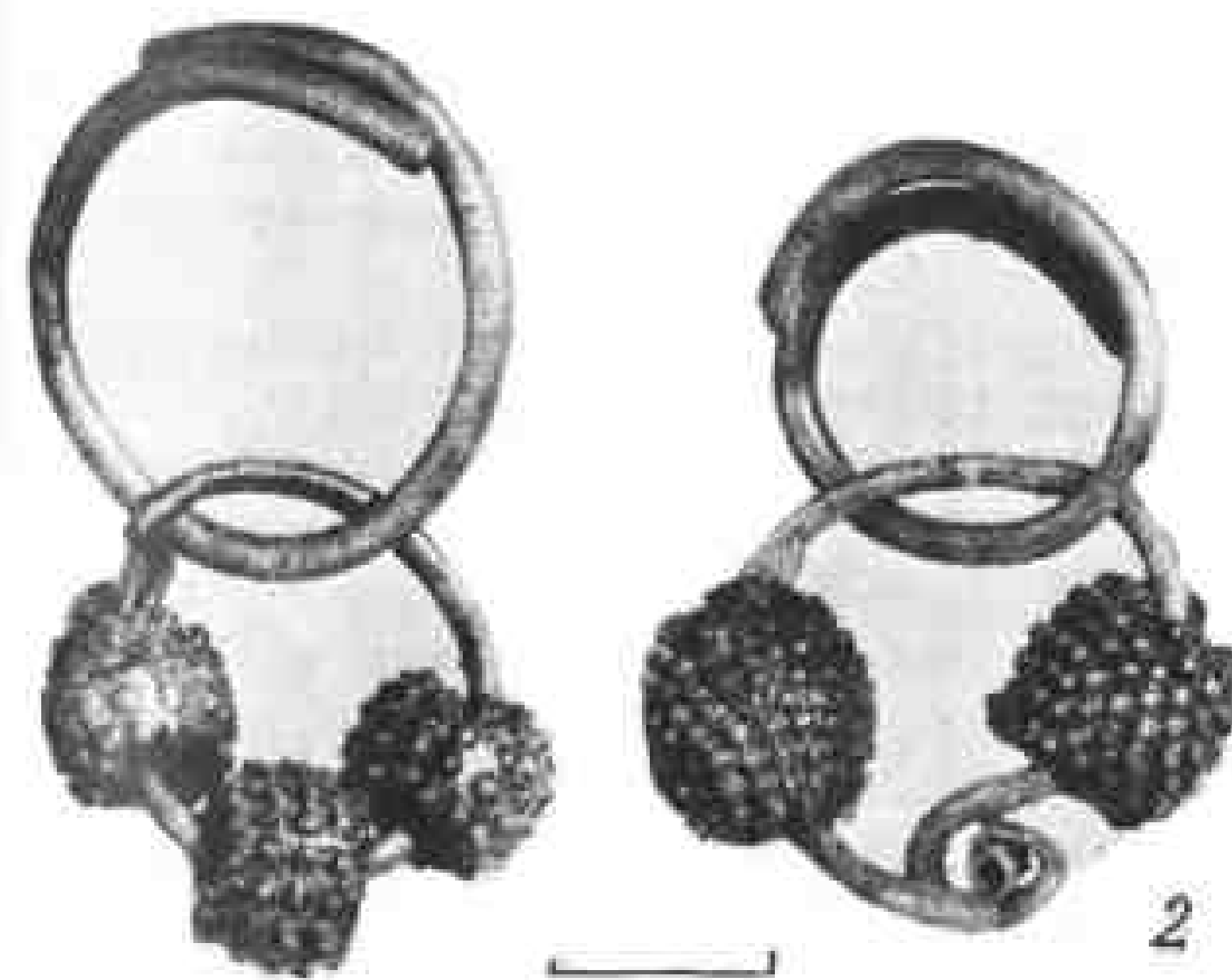

Рис. 143. Погребение 58 на раскопе 13: 1 — расположение височных украшений; 2 — височные кольца.

П.60, жен.: справа от черепа — 6 височных колец, из них 3 серебряных проволоочных, с заходящими концами; 2 бронзовых эсоконечных и 1 серебряное трехбусинное узелковое; слева от черепа — 6 височных колец, из них 3 серебряных проволоочных с заходящими концами, 2 бронзовых эсоконечных и 1 бронзовое фрагментированное, "кудрявое", покрытое плетением из тонкой проволоки (редко встречающийся тип)¹²; в области шеи — 3 округлые пуговицы из черного стекла с позолотой, ушки пуговок железные.

П.62, муж.: на фаланге среднего пальца левой руки — бронзовое проволочное колечко (разломано).

П.64, муж.: у таза — железная поясная пряжка.

П.65, дет.: на левой руке — бронзовое проволочное колечко, эсоконечное.

П.66: на дне могильной ямы — обломок бронзового проволочного кольца.

П.69, жен.: справа от черепа — 3 бронзовых проволочных височных кольца с разомкнутыми концами; в области шеи — 2 таких же кольца меньших размеров; у левого плеча — 2 бронзовых кольца с заходящими концами, на одном из них — частично истлевшая грушевидная костяная привеска; в области шеи — ожерелье из золотостеклянных бусин (26); на груди слева — нож; на левой руке — 2 перстня — дровотый и обломок щитковосрединного, щиток гладкий, овальный (?), дужка проволочная, витая.

П.70, жен.: справа от черепа — проволочное височное кольцо с заходящими концами; в области таза, слева (было на левой руке ?), — такое же кольцо-перстень; на правой руке (?) — бронзовый перстень со щитком в виде полушарика, в новгородской коллекции два таких перстня датируются XI в.¹³

П.71, муж.: в области шеи, слева, — бронзовая пуговка.

П.74, муж.: у левого бедра — лировидная поясная пряжка (XI — нач. XII вв.).

П.76, жен.: около черепа — 2 проволочных височных кольца, одно эсоконечное, второе с разомкнутыми концами; в области левого бедра — нож с согнутым на конце клиновидным лезвием.

П.77, жен.: по сторонам черепа — по 2 проволочных височных кольца, 3 с разомкнутыми и 1 с заходящими концами, под ними — остатки берестяной основы от матерчатых лент, к которым их прикрепляли; в области шеи — 8 золотостеклянных бусин и бисер (382 целых экз. и ок. 100 в обломках), относящийся к XI — нач. XII в.; низок бус было несколько, так как местами бисер лежал рядами; в области груди, слева, — бронзовая цепочка из эсовидных звеньев, на которой висел нож; у таза, справа, — обработанная кремневая пластинка со сколами по краям, игравшая роль амулета. В Южной Руси подобные обереги — отдельные кремни и отщепы, белемниты и кремневые стрелы — выявлены в 70 погребениях¹⁴.

П.81, муж.: в области пояса, справа, — бронзовое дровотое кольцо с заходящими концами, на нем — 2 звена от железной цепочки.

П.89, жен.: часть украшений смещена при разрушении скелета; обнаружено 2 пары серебряных височных колец — два проволочных с разомкнутыми концами и два "кудрявых": ажурная муфта сплетена из сканой проволоки, проволокой обмотана и дужка с загнутым в трубочку концом. Судя по остаткам бересты, кольца были прикреплены к матерчатым лентам на берестяной основе. Среди бусин: золотостеклянные (9), стеклянные (7 целых, остальные расщепившиеся), среди которых 2 — цилиндрические, с продольными и поперечными бороздками, желтый и зеленый рубленый бисер (62 целых экз. и обломки), изготовлявшийся с X по нач. XII в., а также 6-гранная эллипсоидная бусина из горного хрусталя.

П.91, девочка: справа от черепа — серебряное проволочное височное кольцо, один конец расплюсчен и свернут трубочкой; в области шеи — 3 золотостеклянные и 2 стеклянные бочкообразные бусины; вероятно, к ожерелью относились янтарный крестик и бронзовая двуспиральная привеска, витая из толстой проволоки; в области таза, слева, — железное кольцо.

П.92, жен.: около черепа — проволочное височное кольцо, загнутоконечное.

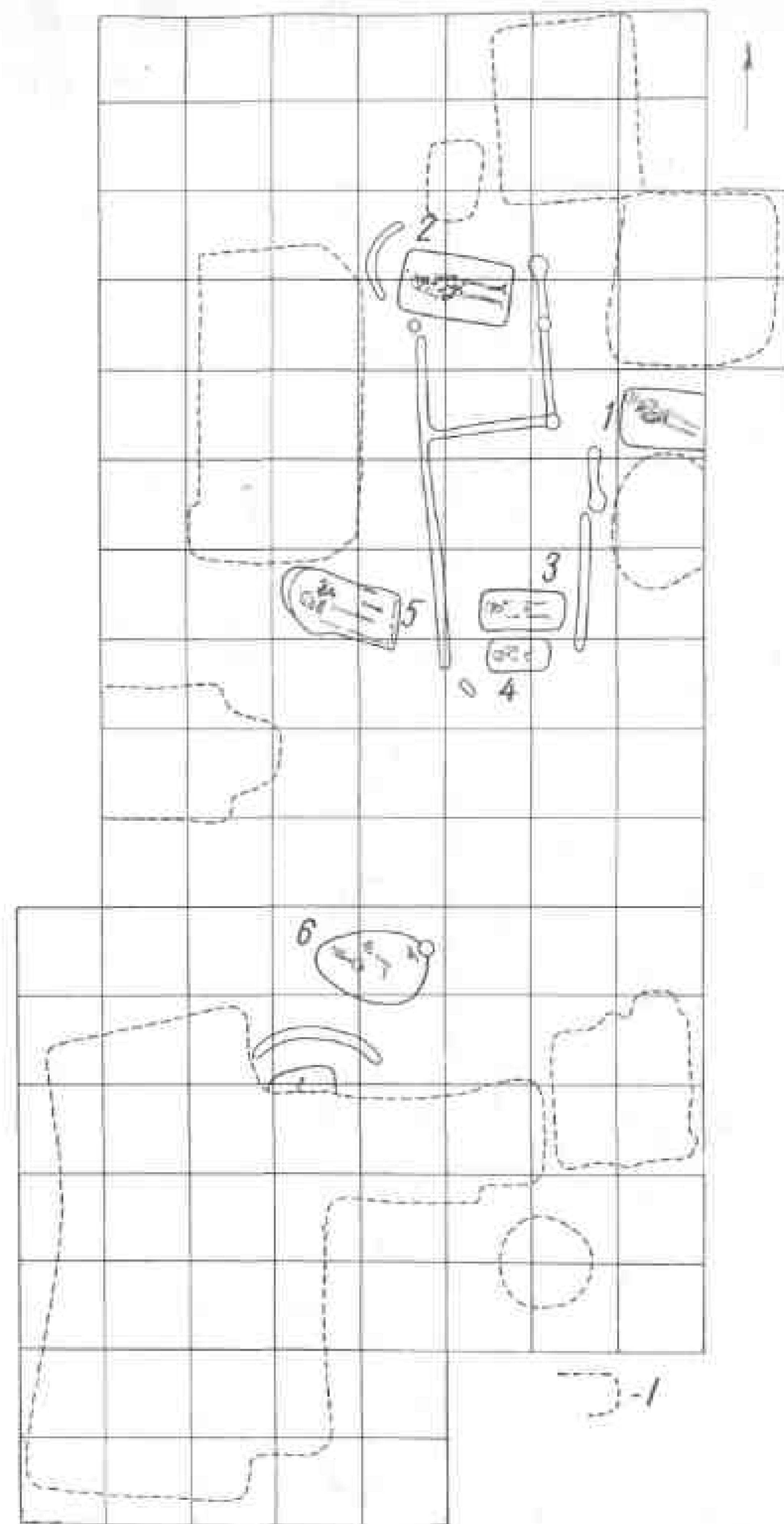

Рис. 144. Погребения на раскопе 14: 1 — контуры позднейших построек.

П.96, муж. и дет.: у мужского скелета на тазе, слева, — железная поясная пряжка.

П.103, жен.: в заполнении ямы — серебряное проволочное височное кольцо.

РАСКОП 14 (рис.144)

На р.14 открыто всего 7 погребений, что объясняется их разрушением при интенсивной застройке участка со вл. XII в. и в XVIII в.

П.1, жен.: возле черепа — бронзовое проволочное височное кольцо плохой сохранности.

П.2, жен.(рис.145): по сторонам черепа — по 1 проволочному височному кольцу с заходящими концами; в области шеи — 3 стеклянные позолоченные, с железными ушками, пуговицы от воротника; на правой руке — бронзовое кольцо, идентичное височным. В нижней части одной из пуговиц позолотой наведен крест.

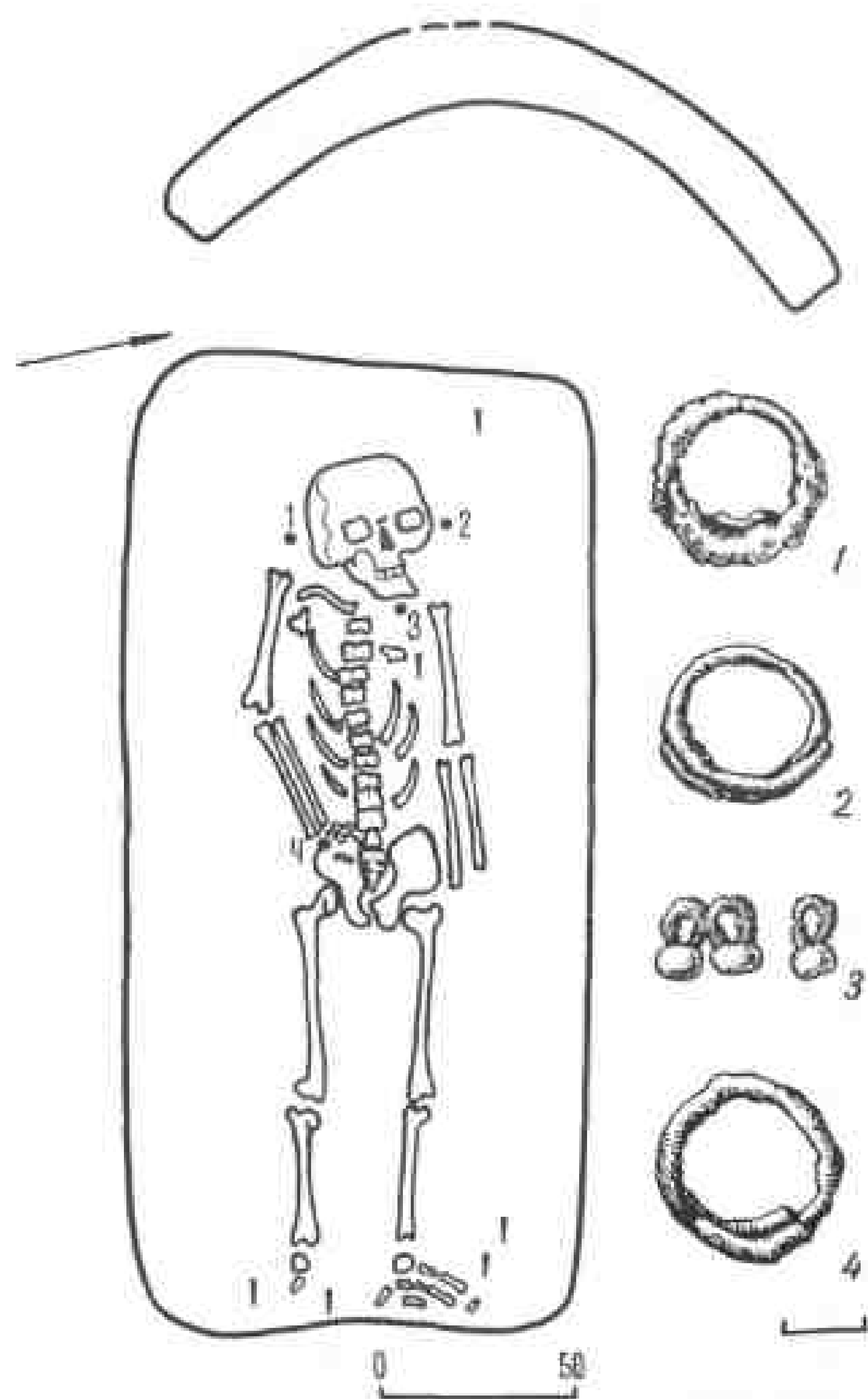

Рис. 145. Погребение 2 на раскопе 14: 1-2 — височные кольца; 3 — пуговицы; 4 — дровяной перстень.

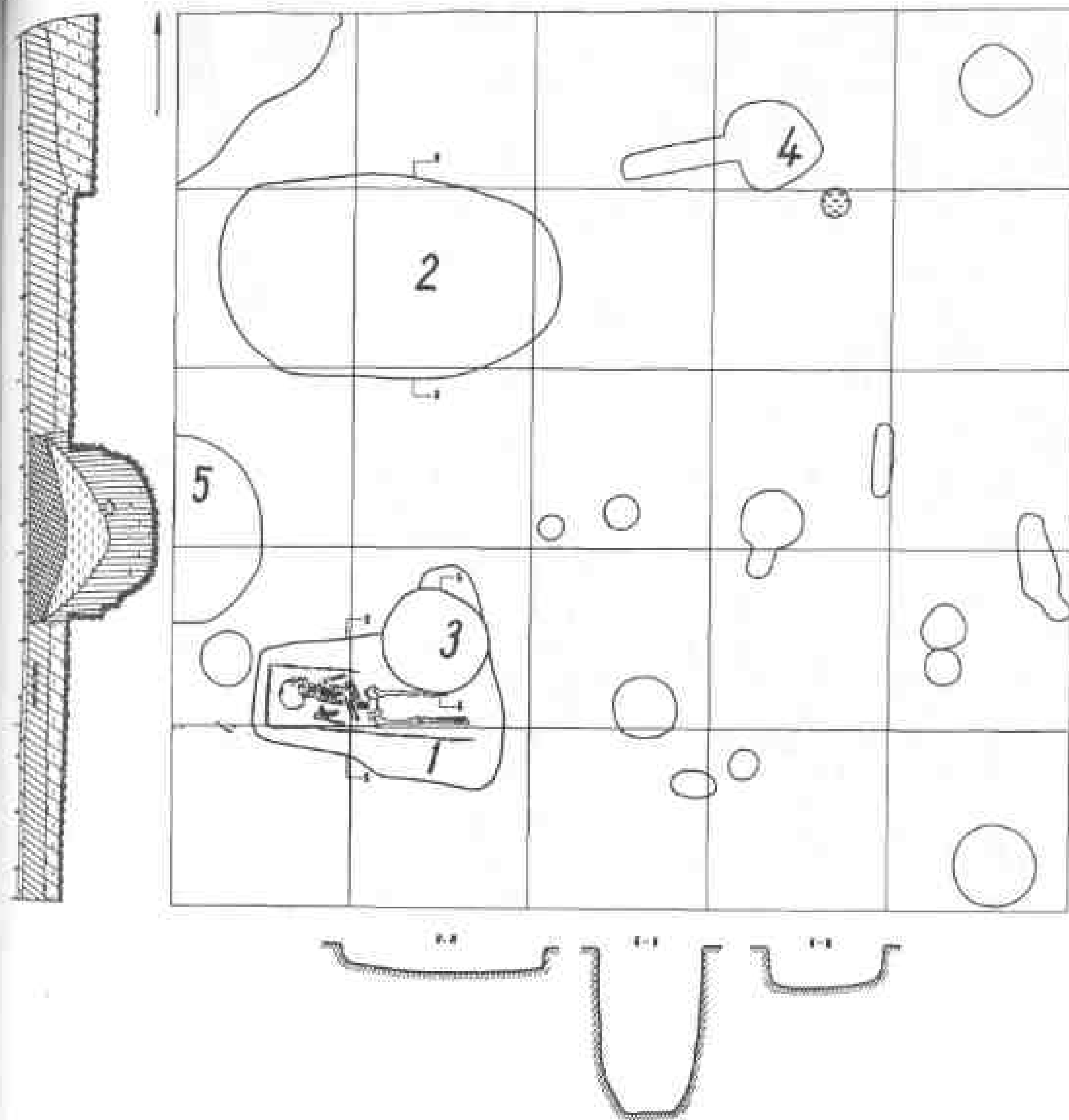

Рис. 146. Раскоп 16. План, профиль западной стенки и разрезы ям.

П.6 — перезахоронение в овальной яме разрушенного скелета, кости лежат в беспорядке. К югу от него — следы еще одного захоронения, разрушенного постр.Б-1: прослежены части неглубокой могильной ямы и кольцевой канавки от ограды.

РАСКОП 16 (рис.146)

Открыто 1 мужское погребение: яма 2,8x1,4x0,45 м, ориентация западная, руки на животе, по древесному тлену выявлены размеры гроба — 2,2x0,7 м, вещей нет.

Кроме пронумерованных погребений, на р.17 выявлены остатки разрушенных (из числа труположений на уровне древнего горизонта) — всего их 5 (2 — рядом с п.24, 1 — к сев. от п.27, 1 — над п.30, 1 — рядом с п.31). Найдены следы перезахоронений: к югу от п.30, в яме неправильной формы гл. 30 см — беспорядочное скопление человеческих костей; то же — в 6 м к пост. от п.24; в ногах п.30 лежали 4 черепа — 1 женский (35-55 лет), 1 мужской (25-30 лет) и 1 принадлежал умершему в возрасте 15-20 лет (пол не установлен). Расчищено 7 могильных ям с полностью сгнившими костяками, из них 6 имеют зап. ориентировку и 1 юго-зап. В двух случаях обнаружены следы кольцевых канавок от оград. Наконец, от 2-х захоронений с полностью истлевшими скелетами остались компактно лежавшие украшения.

Итак, на р.17 обнаружен в общей сложности 51 погребенный; часть из них входит в групповые захоронения.

П.1, жен.: в области черепа — 5 проволочных височных колец, из них 3 — с заходящими концами, 1 несомкнутое и 1 загнутоконечное; у шеи — грушевидный бубенчик с крестовидной прорезью (серед. X — серед. XII в.) и ожерелье из 10 бусин, из них 8 — глазчатых гладких — 4 желтые с красно-белыми глазками и 4 красные с сине-белыми глазками (X-XI вв.); так же датируется зонная бусина красного стекла; 1 бусина четырехгранная, вытянутая.

П.2, муж.: у левого бедра — нож.

П.3, жен. (?): в области стопы левой ноги — бронзовый витой перстень с завязанными концами.

П.5, муж.: на правой руке — серебряный проволочный перстень, завязанный одним концом.

П.7, жен.: справа от черепа — серебряное толстопроволочное височное кольцо с разомкнутыми концами; в области шеи — ожерелье из 16 бусин, в их числе — 7 золотостеклянных и 5 — серебростеклянных, 2 бочкообразные обесцвеченные, редкая бусина цилиндрической формы, обложенная продольными нитями желтого, красного, бирюзового, белого стекла (продольно-полосатые бусины, но лимоновидные бытовали в Старой Ладоге до XI в. включительно¹²), сердоликовая призматическая (X-XI вв.), обломки от двух или трех бочкообразных бусин; на пальце левой руки — бронзовый пластинчатый перстень, фигурный щиток украшен точечными вдавлениями.

П.8, муж.: на месте поясной пряжки — резная костяная застежка; у правой ступни — горшок, близкий новгородскому типу III-Г (к. XI — н.п. XII в.¹³). Отличие состоит в штампованном орнаменте по всей поверхности сосуда.

П.10, муж.: у левого бедра — нож.

П.11, жен.: по сторонам черепа — по 3 браслетообразных завязанных височных кольца, характерных для убранства женского костюма смоленско-полоцких кривичей; эти этноопределяющие украшения сконцентрированы главным образом в смоленской части Днепровского бассейна, в бассейнах верхних течений Западной Двины и Волги, на водоразделе Днепра и Оки; они встречаются в погребениях XI — нач. XII в., на Неревском раскопе в Новгороде — в слоях к. X — нач. XII в. Под черепом и на кольцах уцелели кусочки бересты — остатки твердой основы головного убора типа венчика, к которому при помощи кожаных ремешков прикрепляли височные украшения. На бересте сохранились остатки волос. В области шеи расчищены 2 низки из нескольких десятков бочкообразных бус плохой сохранности: возле таза — тонкопроволочное бронзовое колечко на берестяной подкладке.

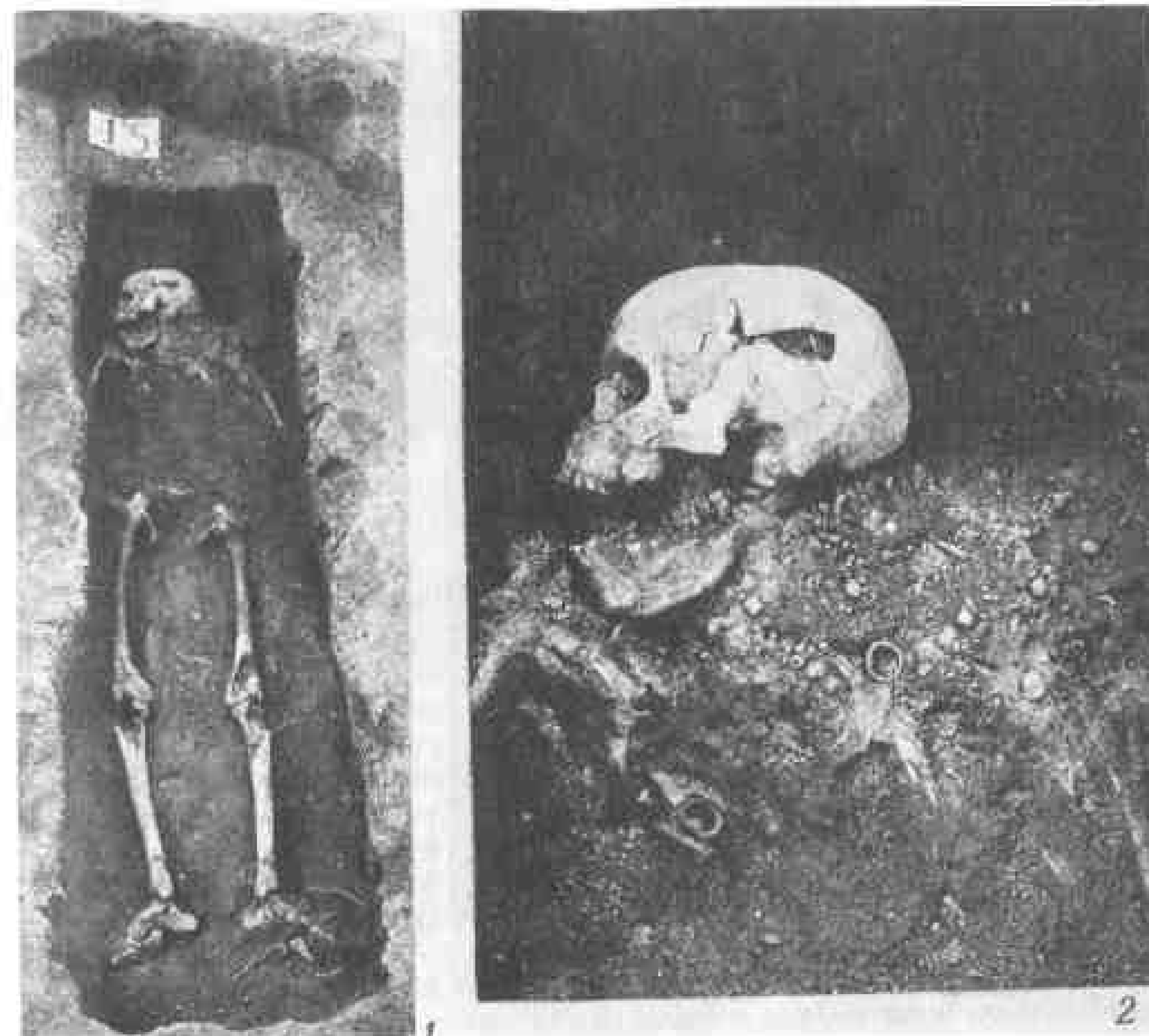

Рис. 147. Погребение 15 на раскопе 17: 1 — общий вид, 2 — украшения в области черепа.

П.15, жен. (рис.147): по сторонам черепа — по 1 проволочному височному кольцу из низкопробного серебра, одно — с заходящими, другое — с разомкнутыми концами; в области шеи — ожерелье из 53 бусин, в их числе 19 золотостеклянных, бочкообразной и цилиндрической форм, 22 серебростеклянных (среди них — 4 ребристых, 1 ребристая с кружковым орнаментом), 1 цилиндрическая синяя (по Новгороду X-XI вв.), 1 кольцевидная, небольшая, обесцвеченная, 1 кубическая, печеночного стекла, 3 бусины из горного хрусталя, из них 1 — эллипсоидная и 2 — бипирамидальных, 3 — аметистовые эллипсоидные и 3 — янтарные бипирамидальные; в области груди у позвоночника — мелкие обломки серебряной привески (?); у кисти левой руки — серебряный пластинчатый перстень с углубленным штампованным орнаментом.

П.16, жен.: по сторонам черепа — по 1 проволочному бронзовому височному кольцу с заходящими концами; у правой ключицы — 2 литых узкопластинчатых перстня; в области шеи — бусины, в числе которых 2 — серебростеклянные, 4 — крупные битрапецидные обесцвеченные, 2 — зонные, одна из них — желтого стекла, 1 — янтарная призматическая.

Рис. 148. Погребение 23 на расколе 17.

П.17, жен.: по сторонам черепа — проволочные височные кольца из серебра, с правой стороны — завязанное и эсоконечное, слева — с заходящими концами; эсоконечное кольцо лежало и у кисти правой руки; в области шеи — ожерелье из 28 золотостеклянных бусин. В заполнении могильной ямы — обломок горшка с прямым, почти не загнутым внутрь краем венчика (п.п. XII в.).

П.23, жен. (рис.148): нижняя часть скелета разрушена постр.А-1; слева от черепа — проволочное, завязанное височное кольцо; в области шеи — большое количество бусин, из них удалось собрать зеленый бисер (свыше 150 экз.), датируемый с X по нач. XII в., золотостеклянные цилиндрические (не менее 10 экз.), эллипсоидные печеночно-красные бусины с выпуклыми желтыми глазками (в обломках, 5 экз. ?), датируемые не позднее XI в.; в качестве привески к ожерелью использовали английский денарий (рис.149); по определению А.С.Белякова, монета типа "четырёхлистник" чеканена на монетном дворе Херефорда при английском короле Кнута Великом между 1017 и 1023 гг.¹⁷ На левой ключице — толстопроволочное бронзовое кольцо с надетым на него проволочным колечком в два оборота, на кольце — следы какого-то железного предмета. Вероятно, к кольцу был прикреплен кусочек материи или чехольчик на берестяной основе 6х5 см. К бересте на проволочных колечках прикреплены амулет в виде астрагала бобра, грушевидный крестопорезной бубенчик (XI — нач. XII в.); к тому же набору относилась бронзовая цилиндрическая обоймочка с остатками деревянного предмета, возможно, от рукояти ножа.

П.24, муж.: под нижней челюстью и частично под черепом — византийского происхождения золототканая тесьма дл. 26,5 и шир. 2,1 см с зигзагообразным орнаментом. Все ткани из старорязанских погребений

Рис. 149. Английский денарий Кнута Великого. Лицевая и оборотная стороны (погребение 23 на расколе 17).

исследованы М.В.Фехнер. Тесьма из п.24 выработана двумя основами из тонкой крученой пряжи и двумя утками — шелковым и золотным, которым создавали узор. Лицевая сторона ленты со сплошной блестящей поверхностью имела саржевое переплетение, изнаночная — полотняное.

П.26, муж.: у локтя правой руки — нож, возможно, из заполнения ямы.

П.31 жен.: в области шеи — 2 бусины — призматическая синяя с белоромбическими вставками (XI в.) и шарообразная коричневая; на локтевой и лучевой костях левой руки — плетеный завязанный браслет XI-XII вв., подобные браслеты характерны для владимирских курганов и погребальных инвентарей потомков смоленских кривичей¹⁸; на фаланге пальца левой руки — овально-нощитковый усатый перстень (к. X — нач. XII в.) с узором "волчий зуб" на щитке. В основном подобные перстни встречены в бассейнах среднего течения Волги и Нижней Оки (Ярославская, Тверская, Костромская, Владимирская и Рязанская обл.), их много во владимирских курганах — в Волго-Клязьменском междуречье; на фаланге пальца левой руки — второй перстень, спиральный, из проволоки, уложенной плотными витками в пять оборотов (по новгородской хронологии, от середины XI до нач. XII в.); в нижней части груди, слева, — ножик с клиновидным лезвием и остатками костяной рукояти с орнаментом в виде двойного зигзага.

П.33, дет., девочка: по сторонам черепа — по 1 эсоконечному височному колечку из серебряной проволоки.

ВЕЩИ ИЗ РАЗРУШЕННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ

К зап. от п.11 обнаружены украшения из разрушенного женского погребения на уровне материка: 4 проволочных височных кольца с разомкнутыми концами, сделанные из низкопробного серебра, и ожерелье, в состав которого входили 8 золотостеклянных цилиндрических бусин и 4 стеклянные обесцвеченные бусины той же формы.

К другому погребению на горизонте относится 7 бронзовых проволочных височных колец с заходящими (3) и разомкнутыми концами (4) и ожерелье из 12 серебростеклянных и 1 зонной обесцвеченной бусины.

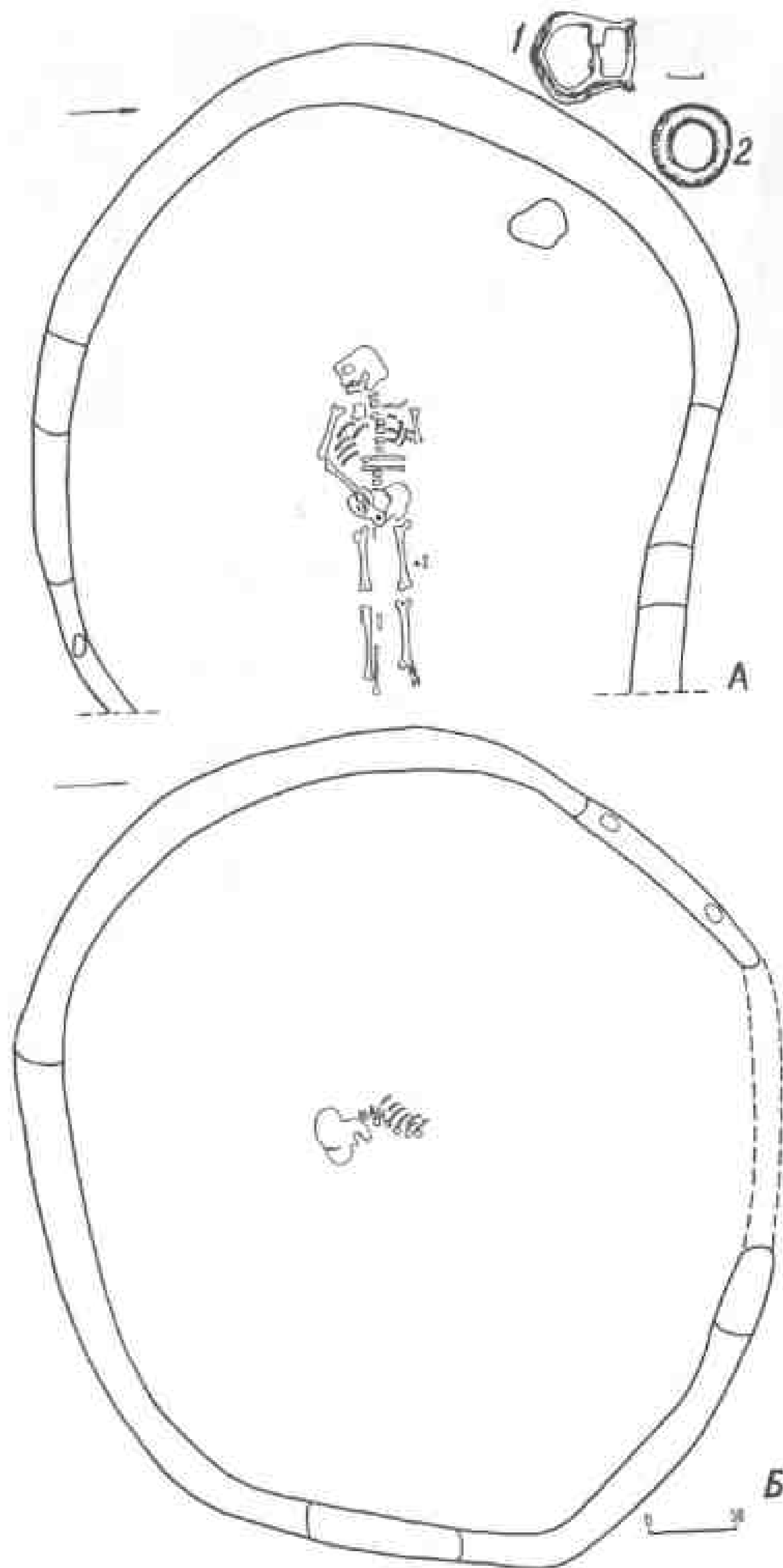

Рис. 150. Погребения на раскопе 20: А — погребение 2: 1 — поясная пряжка; 2 — бронзовое кольцо; Б — погребение 3

В захоронении, перекрывавшем п.30, возле левой бедренной кости — нож со следами костяной рукояти. В том же погребении при разборке грунта под черепами, не относящимися к основному захоронению, найдены: трехбусинное узелковое височное кольцо, проволочное кольцо с заходящими концами, бронзовое, круглое в сечении, поясное (?) кольцо; 2 золотостеклянные бусины.

РАСКОП 18 (табл.66)

Расчищены 3 мужских погребения без вещей с зап.ориентацией.

П.1: размеры ямы 2,1х1,0х0,3 м, руки вытянуты.

П.2: 2,2х0,8х0,3 м, кости рук не сохранились.

П.3: 1,8х1,0х0,1 м, руки на тазе.

РАСКОП 20 (табл.139-142)

На р.20 обнаружены следы 3-х кольцевых оградок от разрушенных погребений на горизонте: итого открыто 23 захоронения.

П.2, муж. (рис.150): посередине таза — лировидная поясная пряжка; у левого бедра — массивное бронзовое кольцо.

П.5, муж.: у левого бедра — нож дл. 15 см с остатками деревянной рукояти; в ногах — горшок XI в. с простой формой венчика, напоминающей венчики горшков X в.: он отогнут наружу, край косо срезан и слегка утолщен — на плечиках штампованный орнамент, на тулове — линейный и волнистый.

П.17, муж.: на тазе — лировидная поясная пряжка; справа от нее — бронзовое поясное кольцо; у бедра слева — нож.

П.18, жен.: по сторонам черепа — по 3 проволочных височных кольца с заходящими, сомкнутыми и разомкнутыми концами; у правого виска — остатки волос и кусочки бересты, вероятно, от основы матерчатой ленты, к которой крепили кольца; в области шеи — плохо сохранившиеся бусы — бисер (11 экз.) и ок. 5 золотостеклянных бусин, возможно, бисер украшал ворот одежды; на правой локтевой и лучевой костях — круглодротовый, разомкнутый браслет (до серед. XII в.); на пальце правой руки — проволочное кольцо с заходящими концами, аналогичное височным; на левой руке — бронзовый пластинчатый перстень с незамкнутыми концами, он литой, с орнаментом из пунсоных кружков (по новгородской хронологии, 4-я четв. XI — п.п. XII в.).

П.20, жен.: справа от черепа — проволочное височное кольцо с заходящими концами; в области шеи — ожерелье из 14 серебростеклянных бусин (из них 4 — ребристые), 1 янтарной призматической 8-гранной и 4 — зонных обесцвеченных.

РАЗВЕДОЧНЫЕ ТРАНШЕИ У БОРИСОГЛЕБСКОГО СОБОРА (табл.143)

Кроме обнаруженных 5 захоронений, частично вскрыта нижняя часть 6-го погребения с сев.-зап. ориентировкой, выходящего за пределы траншеи.

П.1, муж.: на тазе справа — 2 поясных кольца, одно — железное, другое — бронзовое, под ними — остатки кожи от ремня.

П.4, жен.: справа от черепа — 2 проволочных височных кольца, одно с заходящими концами, другое эсоконечное; слева — эсоконечное височное кольцо; в области таза — проволочное кольцо с заходящими концами, аналогичное височному (видимо, перемещено с первоначального места, так как для кольца на пальце слишком велико).

* * *

Итак, с 1966 г. (включая р.3 и 7) на Старорязанском городище обнаружено 216 погребений обширного курганного могильника с труположениями в подкурганных ямах или на уровне горизонта. В это число входят семейные и почти полностью разрушенные захоронения, дающие минимальную информацию. При демографических подсчетах следует учесть, что первоначально погребений было больше. Многие уничтожены, особенно лежащие на материке, а детские, которых, очевидно, было много ввиду высокой смертности младенцев и маленьких детей, почти не сохранились из-за хрупкости костей. Некрополь оставлен жителями раннего города (Кром и Средний город) во в.п. XI — п.п. XII в.

С серед. XI в. в Ростово-Суздальском крае обряд курганных трупосожжений повсеместно сменялся обрядом труположения под курганными насыпями¹². К тому же времени относится и образование рязанского некрополя, причем типологически более ранними являются захоронения на уровне древнего горизонта (23%) и более поздними — в подкурганной яме (77%), что связано с усиливающимся влиянием христианской религии. Не случайно в древнейшей части рязанского могильника (р.20) обряд ингумации на горизонте преобладает (20 из 23 погребений) или, как на р.17, составляет значительное число (14 из 47 погребений). В Рязани на начальном этапе ее развития оба обряда сосуществовали (по мнению В.В.Седова, такое сосуществование могло продолжаться 50-80 лет).

Многие ямные погребения трудно отличить от захоронений на границе пахотного слоя и материка, ибо глубина ям слишком небольшая — от 10 до 30 см (45,5% от общего количества захоронений в материковых ямах). Ямы гл. от 0,5 до 1 м составляют всего ок. 25%, причем гл. 1 м достигает только п.4 в самой поздней части некрополя — траншее у Борисоглебского собора, здесь же 3 могилы из 5 имеют гл. 0,6 — 0,8 м.

В рязанском могильнике наблюдаем сложное переплетение черт новых и старых погребальных обычаев. По форме обряд захоронения приблизился к христианскому, по существу сохраняя массу языческих черт. На протяжении 80-100 лет можно проследить тенденции его эволюции. Некоторые элементы обрядности в ранней группе погребений отсутствуют на других участках.

Так, на р.20 (п.2,5) под костяками обнаружены зольно-угольные прослойки, образованные при сгорании соломы и веток. Видимо, место, избранное для сооружения кургана, предварительно выжигалось — пережиток обряда трупосожжения или разведение ритуального очистительного огня. Слой угля выявлен в заполнении могильной ямы в п.73 на р.13.

На р.20 открыта необычная группа компактно расположенных скорченных погребений на горизонте, из них 2 — мужских (4 и 6 — с южной ориентировкой) и детские — до 8 лет: №№ 8 и 11 — также с южной ориентацией (рис.151). Такое положение умерших невозможно объяснить неславянской этнической принадлежностью, что следует из заключения Т.И.Алексеевой: "Череп (п.6) долихокранен, сильно профилирован, с резко выступающим носом. Судя по индивидуальным данным, европеоидный комплекс на этом

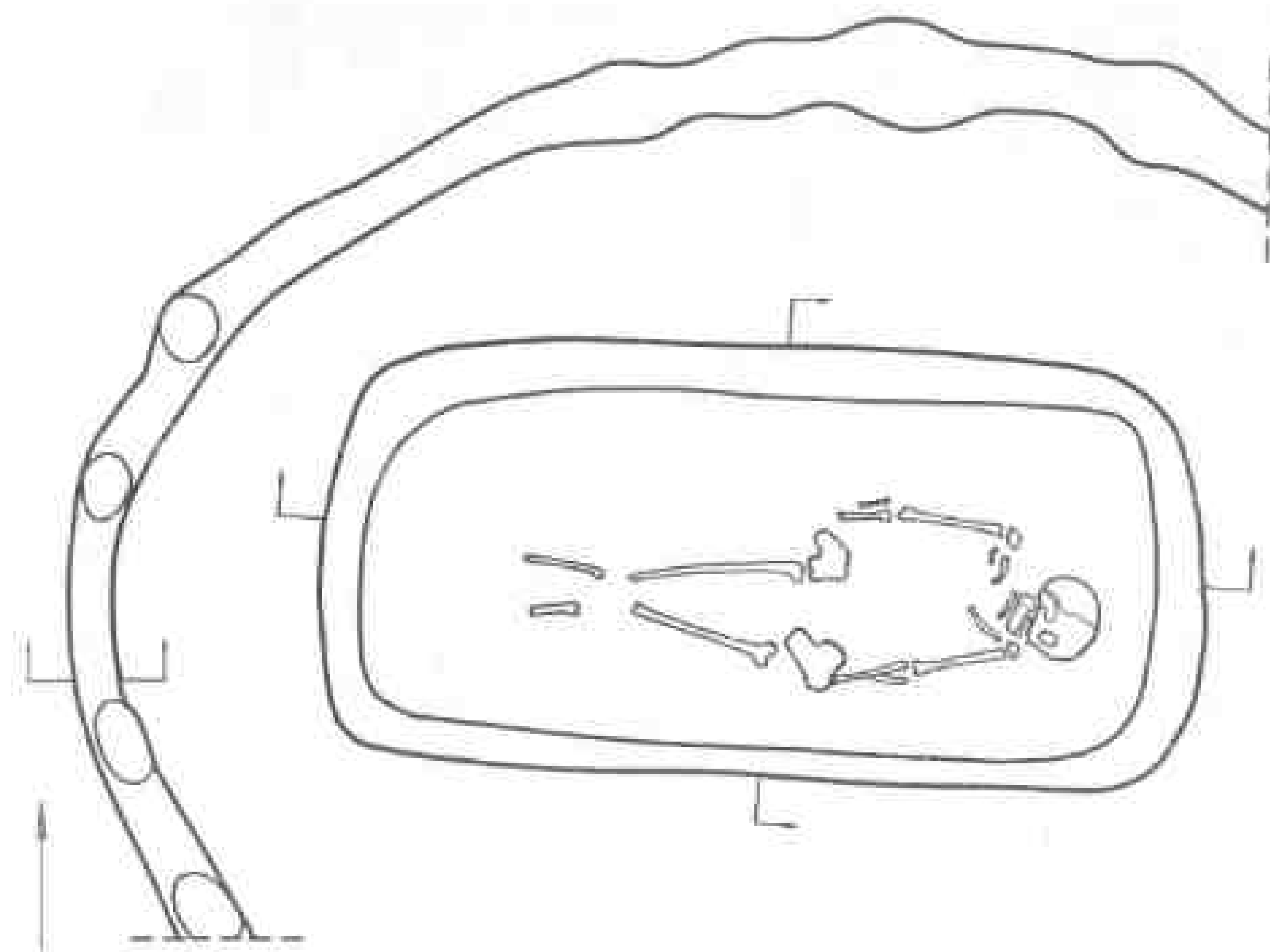
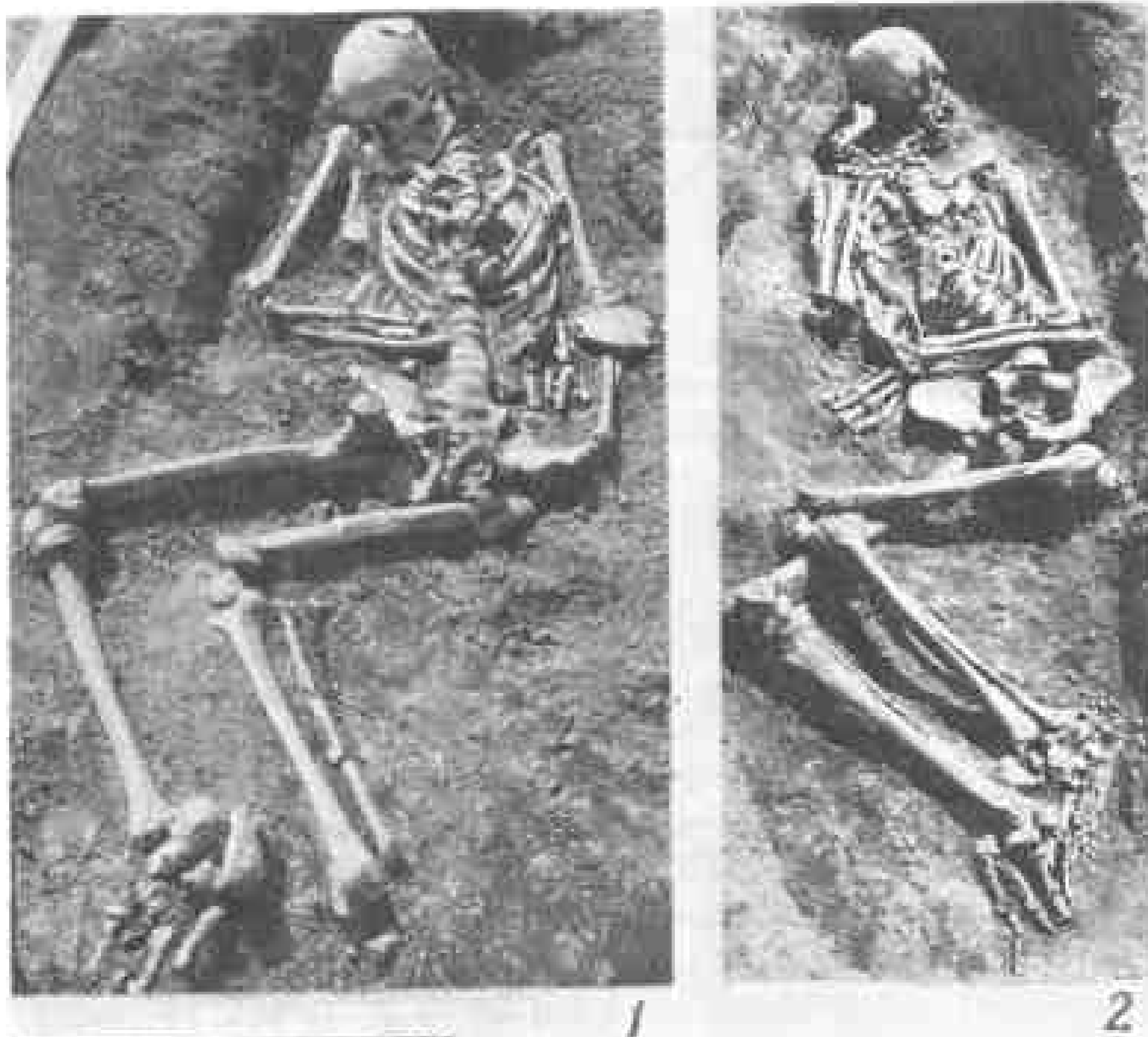

Рис. 151. Погребение 19 на раскопе 20.

черепе выражен сильнее, чем на многих других черепах из Старой Рязани". Погребения в скорченном состоянии встречаются в единичных случаях на средневековых могильниках южнорусских земель, в Поволжье, на территории современной Белоруссии, в западнославянских землях, Скандинавии, но также и на Рязанине (курган 1 Завальской группы у г.Пронска)²⁰. Если "скорченников" считать колдунами (волхвами), которых, по этнографическим данным, иногда хоронили в мешках или с подрезанием подколенных жил ("чтобы мертвый не встал из гроба"), то не совсем понятны детские захоронения в том же положении. Во всяком случае обряд скорее всего связан с какими-то древними поверьями.

Мужское погребение 19 на р.20 отличается восточной ориентировкой, встречающейся в радимичском ареале, но имеющей более широкое распространение, независимо от племенных территорий восточного славянства (рис.152). Эта особенность унаследована славянами от балтских аборигенов²¹.

К архаическим элементам погребальных памятников относятся кольцевые оградки вокруг насыпей (рис.48). Их особенно много на р.20 (10 из 23 погребений), далее на юг, среди более поздних могил, следов оградок становится меньше. От общего числа захороненных могилы с кольцевыми канавками составляют 13%. Помимо утилитарного назначения, оградки играли магическую роль: не только у славян, но и у карел, в скандинавской мифологии верили, что пространство вокруг покойника в форме замкнутого круга делало его недосягаемым для злых духов, играло роль оберега; магический круг предохранял и живых от чар мертвеца. Диаметры кольцевых канавок — 4-6 м, вокруг детских погребений — 2,5-3 м, причем различаются 2 типа оград. В одном случае это вкопанные по кругу на одинаковом расстоянии друг от друга вертикальные столбы, числом от 7 до 20. Диаметры столбовых ям — от 15 до 30 см, гл. от 15 до 40 см.

1

2

3

Рис. 152. Скорченные погребения на раскопе 20: 1 — погребение 4; 2 — погребение 6; 3 — погребение 11.

От оград второго типа ("железных") выявлены сплошные кольцевые канавки шир. 10-30 см, гл. от 5 до 30 см, в их заполнении — следы древесного тлена, на дне многих канавок — ямки от колея диам. ок. 10 см при гл. до 15 см (рис. 150, 153). Вероятно, врытые по кругу колья были забраны лозой по типу плетня. При небольших размерах курганов высота оград не слишком превышала 0,5 м, тем не менее, вероятно, в них имелись калитки: на р. 13 в п. 69 с зап. кольцо прерывалось на 1 м, в п. 77 канавка не смыкалась с восточной стороны, и посередине интервала шир. в 1,5 м находился столб. Кольцеобразные канавки вокруг погребений в курганах открыты на широкой территории: у полян, деревичей, смоленских кривичей, в Волго-Окском междуречье (например, в некрополе Суздаля)²².

В рязанском могильнике преобладают одиночные захоронения, расположенные без какой-либо системы, но довольно густо, так что курганы вплотную примыкали друг к другу. В немногочисленных случаях разрушения костяков

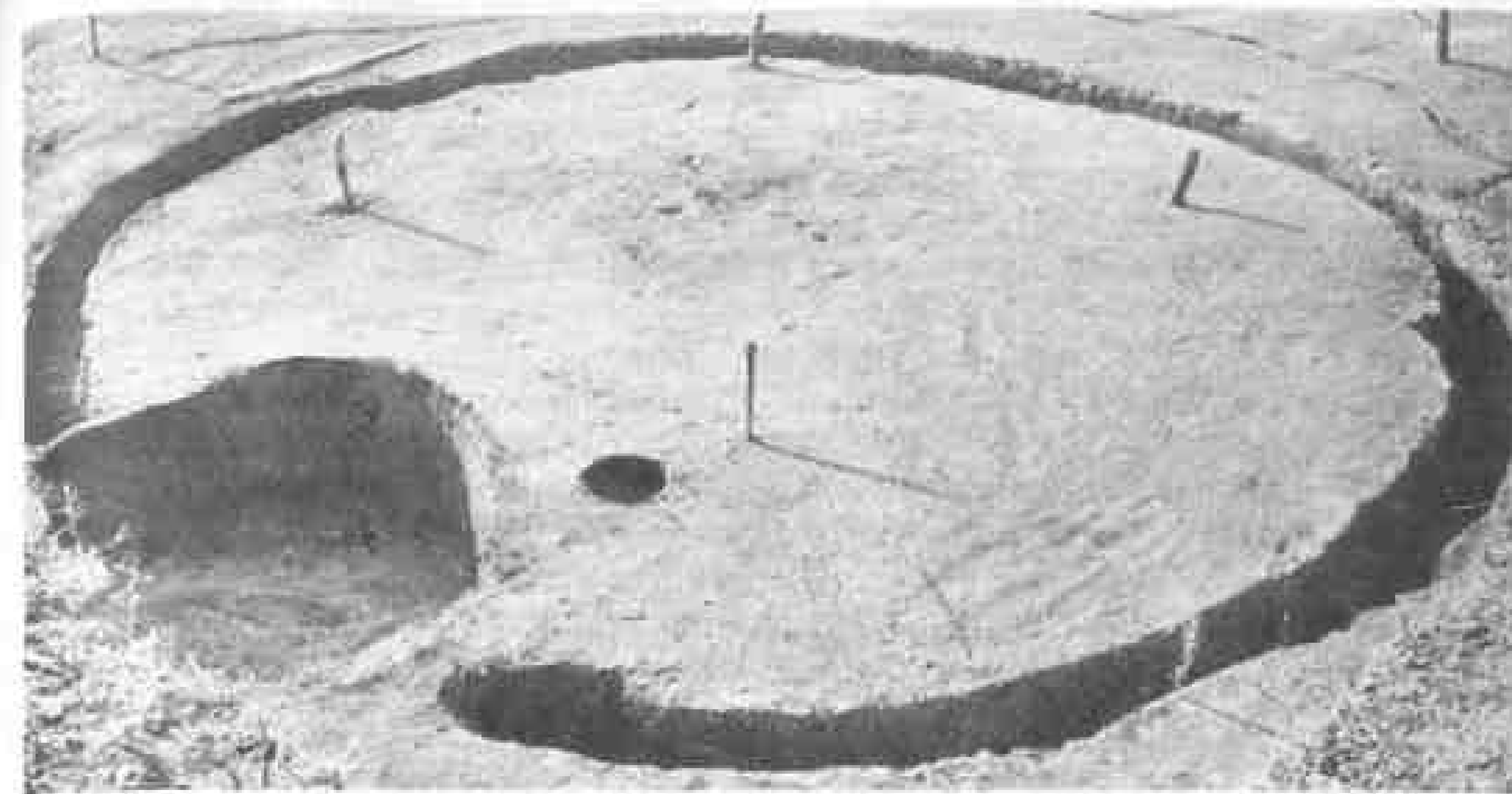
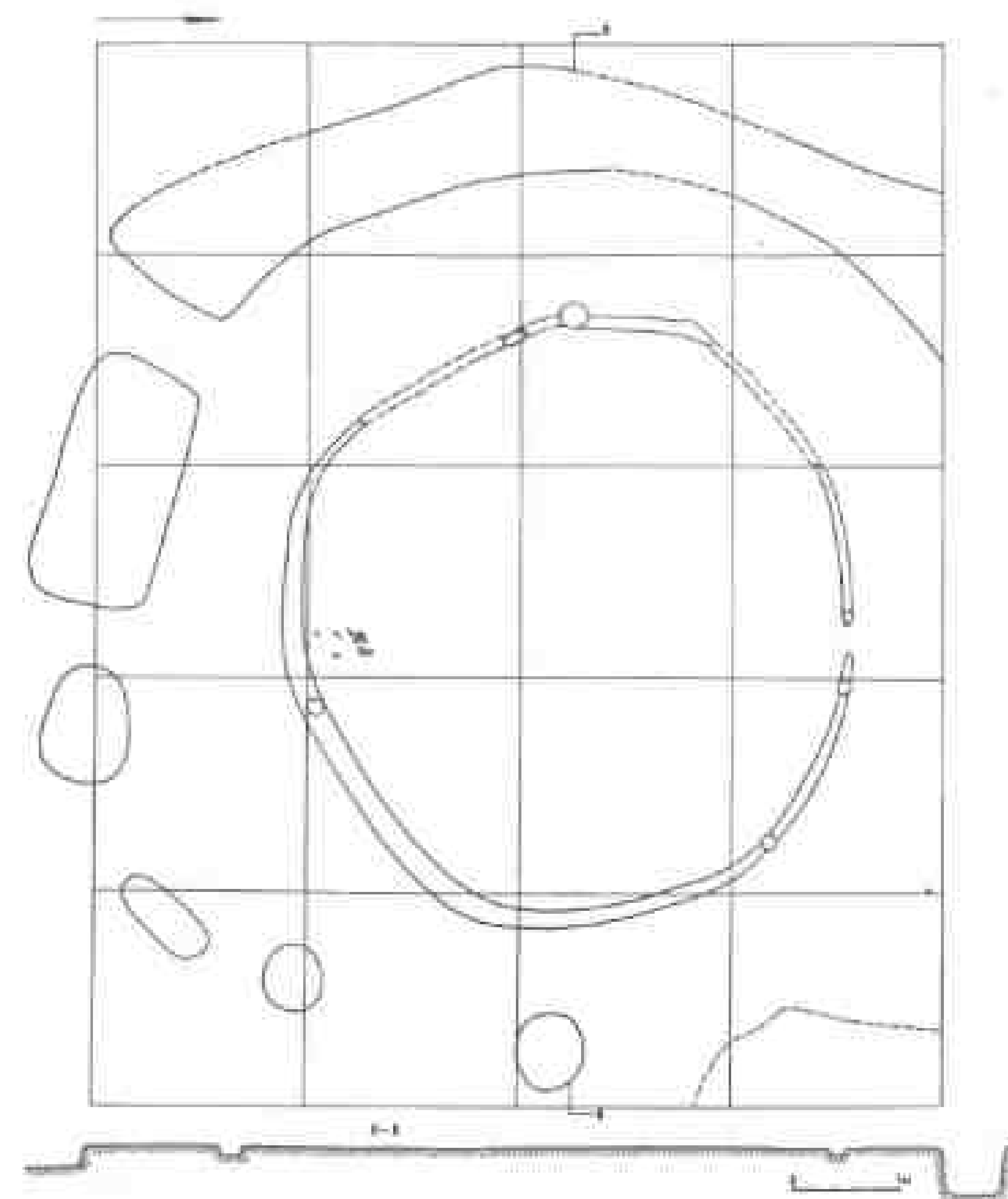

Рис. 153. Кольцевая канавка от ограды (погребение 3 на раскопе 20).

Рис. 154. Погребение 90 на раскопе 13. План и разрез.

при историчных захоронениях (р.17, п.28,30) мы, вероятно, имеем дело с семейными погребениями. Могильные ямы — прямоугольные, со скругленными углами, у взрослых и подростков их средние размеры 1,7-2,5х0,6-1,2 м, округленно 2х1 м, а у детей 1,4х0,7 м.

Только в одном случае (р.13, п.90) удалось проследить следы ровика в виде прерывающейся дугообразной канавки шир. ок. 1 м и гл. до 40 см, откуда брали грунт для сооружения насыпи (рис.154). Ровик диам. ок. 9 м и опоясывал кольцевидную оградку, видимо, имевшую вход с вост.; внутри нее — отдельные кости разрушенного погребения на горизонте.

К зап. от нескольких могильных ям (р.17, п.16,17,18) выявлены круглые столбовые ямки диам. 20-30 см, с заполнением, аналогичным могильному. Возможно, столбы, поставленные в изголовье, отмечали места захоронений, как в грунтовых могилах восточного Прионежья²³, но в Рязани насыпи наверняка были, так как могильные ямы слишком мелки.

В погребениях открыты следы деревянных сооружений в виде тлена от гробов-домовин (обкладок досками и брусками) и гвоздей для крепления крышки. Погребений с гвоздями — 23%, гвозди массивные, кованые, на некоторых отпечатки дерева. Как правило, они расположены по контуру гроба: 1 гвоздь — обычно у черепа или в ногах, 2 — у ног, 3 — в углах домовины, 4 (их больше всего — в 15 могилах) — в углах гроба; только в 3-х погребениях по 5 и 6 гвоздей. Крышку крепили к торцовым стенкам. Захоронения с деревянными конструкциями составляют 33%, но их было значительно больше: в погребениях в мелких ямах и на горизонте от дерева нередко не оставалось следов, а облицовочные плахи часто скрепляли без гвоздей при помощи вырезов-пазов. Какую-то часть умерших, особенно детей, хоронили просто в савазах. По полосам деревянного тлена удалось установить форму и размеры довольно стандартных гробовиц: они прямоугольные, для мужчин 2,2-2х0,7-0,6, для женщин 1,8-1,7х0,7-0,5 и для детей 1,2х0,6-0,4 м, толщ. досок 1,5 см. У гробов без гвоздей доски дна, боковых стенок и крышки соединяли посредством пазов. Их стандартизация позволяет предположить, что в Рязани работали гробовщики, продукция которых пользовалась особым спросом во время стихийных бедствий. Принятому эталону не отвечает один гроб размером 1,8х0,45 м, в котором был похоронен молодой человек, вероятно, погибший в битве. В области живота покойного лежал ромбовидный наконечник стрелы, обломанный на конце. У скелета отсутствует череп (табл.35). В 5 случаях выявлены остатки гробовиц не в ямах, а в погребениях на горизонте, под снесенными насыпями.

Открыты и другие виды погребальных сооружений: на р.13 в п.39 гроб, вероятно, устроили в виде клетки, поперечные бруска которой упирались в стенки могильной ямы (табл.118); подобные конструкции собирали на месте захоронения. Аналогичные сооружения обнаружены, например, в суздальском некрополе²⁴. В п.65 р.13 на дне могилы расчищены 3 столбовые ямки диам. 10 и гл. до 10 см, две из них — в сев.-вост. и юго-вост. углах и 1 — у головы умершего ребенка. Видимо, столбики были забраны горизонтальными плахами, крышку прибили 3-мя гвоздями.

Ориентировки погребений установлена в 177 случаях, нормативной является западная. Чаще всего костяки обращены черепами на зап. (87) и сев.-зап. (72) и гораздо реже на юго-зап. (18). Отклонения (сезонные) на север или на юг обычно не превышают 25°, что закономерно, поскольку направления сторон горизонта определялись по солнцу. "Поскольку угол максимального удаления точки восхода от истинной точки востока в дни зимнего и летнего солнцестояний равен 23,5°, ошибка на 25° вполне допустима"²⁵. Судя по малому числу погребений с юго-зап. ориентацией, зимой, в покрытой снегом,

смерзшейся земле предпочитали не хоронить. Еще в конце XVI в. Флетчер писал, что русские при похоронах соблюдают "множество суеверных и языческих обрядов". Он отметил, что зимой покойников не зарывали в землю, а складывали трупы в "божьем доме", где они замерзали, а погребения совершались весной²⁶. О местах временного захоронения во время эпидемий чумы летописи сообщают уже с начала XIII в. (1215 г.). За городской чертой или на краю города выкапывали большую яму, над ней возводили легкую постройку ("убогий дом", "скудельница", "буйвице", "гноище"). Трупы клали в яму, покрывали рогожей, но землей не засыпали. Общее их захоронение устраивали обычно в семик-четверг перед Троицей²⁷.

Из 216 погребений положение обеих рук определено в 89 случаях. Характерно отсутствие строгой регламентации как в ранних, так и в позднейших частях некрополя: христианский канон (руки сложены на груди) еще не установился. Чаще всего они вытянуты вдоль тела (20 погребений), слегка согнуты, так что кисти покоятся в области таза (19), согнуты в локте примерно на 45° и кисти лежат на животе (13). Руки согнуты под углом и кисти положены на грудь всего в 3-х погребениях. Два последних варианта появляются только в XII в.²⁸ Иногда одна рука лежит на костях таза, другая — в области живота: одна вытянута, а другая согнута к тазу, животу или груди; одна может покоиться на груди, другая на животе или тазе. В 9 погребениях одна из рук резко согнута к плечу, а в 1 захоронении — и обе руки. Вероятно, положение рук вдоль тела阶段性но более раннее. В начальный период перехода к обычая складывать руки, на грудь или живот клали только одну руку²⁹.

Судя по обломкам горшков в нескольких погребениях, во время тризны еще бытовал обычай ритуального битья посуды. Остатки тризны в виде скопления угольков, фрагментов сосудов и костей животных обнаружены возле п.3 на р.7; коровья челюсть найдена около правой руки в мужском п.4 на р.20. У русских ритуальное битие посуды символизировало обновление жизни и характерно для обрядов, отмечающих переход человека в иной половозрастной и социальный статус, — для родин, свадьбы и похорон. В Полесье горшок с жито разбивали при выносе покойника из дома: зерно — символ преодоления смерти³⁰.

Половозрастной состав погребенных (216) следующий: мужчин 36%, женщин 20, детей (от 6 до 13 лет) 19 и неопределенных 25%. Большинство черепов из Старой Рязани, изученных антропологами, относится к возрасту 20-35 лет, что типично для средневековых славянских групп. Не велик % лиц пожилого и старческого возрастов: до 55 лет доживали немногие. Занижен % юношеских и особенно детских погребений, поскольку сохранность костных останков очень плохая³¹. По материалам восточного Прионежья средний возраст мужчин и женщин 30-40 лет, но и то, вероятно, в демографически благоприятные периоды. Низкий санитарный уровень и отсутствие элементарной медицинской помощи приводили к огромной детской смертности. Считают, что из 10 родившихся лишь один достигал зрелого возраста³². В средневековой Европе, в том числе у славян, возрастная структура погребенных явно не равна возрастной структуре реального населения: на кладбищах наблюдается явный недостаток детских скелетов (особенно новорожденных). По одной из версий зарубежных медиевистов это объясняется не только их худшей сохранностью, но и проявлением пренебрежительного отношения родителей, выражавшемся в нежелании выкармливать неугодных им детей. Когда те умирали (часто некрещенные), то это стремились скрыть путем тайного захоронения останков за пределами кладбища³³.

Несмотря на то, что многие погребения находятся очень близко друг к другу, в редких случаях они, хотя частично, перекрываются, видимо, в связи

с семейными захоронениями. Это говорит о том, что все погребения совершены на протяжении сравнительно короткого времени (80-100 лет), когда все могилы были еще видны на поверхности.

Открытые в Рязани семейные погребения позволяют коснуться вопроса о величине семейно-родственных групп, имевших общее место захоронения. Среди них различаются одновременные и разновременные погребения. Первые совершены в одной яме, вторые — в разных ямах, которые могут иметь различную глубину, отличаются ориентировкой и разделены перемычками (супружеская пара), женщина всегда справа от мужчины, все могилы разновременны (р.13, п.1,2; п.74,76; р.17, п.17,19; траншея у Борисоглебского собора, п.3,4), женщины с ребенком или подростком, ребенок слева или справа от женщины (р.11, п.1,2, разновременные; р.13, п.32, в одном гробу, п.39,46 — разновременные; 91, 92 — разновременные, внутри круглой оградки из столбов), мужчины с ребенком или подростком, ребенок обычно справа (р.11, п.3,4 — разновременные; р.13, п.80,84 — возможно, одновременны, на горизонте внутри кольцевой оградки, п.94,95 одновременны, в общей яме, п.96 — одновременны, кости правой руки мужчины под скелетом ребенка), двоих мужчин (р.13, п.15 и 16, 71 и 73, 86 и 87 — все разновременные), двух детей, обычно разного возраста (р.13, п.41,42 — разновременные, п.38 — в одной яме с гробом; р.14, п.3,4 — разновременны), еще в 5 парных погребениях пол умерших с точностью определить не удалось (р.13, п.19 и 22, 23 и 24, 52 и 56, 45 и 59 — все разновременные, 98 и 99 — одновременные).

Обнаружены 4 тройных погребения В п.11 на р.17 женский скелет лежал слева от мужского; промежутка между ямами не было, но глубина их разная (соответственно, 40 и 20 см); в ногах мужского погребения — могильная ямка гл. 15 см, в которой находился истлевший костяк маленького ребенка. На том же раскопе (п.4,7,8) умершая женщина положена справа от мужчины, а в их ногах — ребенок, с сев. ориентировкой — все в отдельных ямах. Возможно, к семейному захоронению относятся п.13,14,20 (р.17); справа от мужчины в отдельных ямах лежали 2 детских скелета. В могиле 31 (р.17) справа от разрушенного мужского (?) погребения, совершенного на горизонте, находился скелет женщины в яме гл. 15 см, а над костями левой ноги женского костяка, отделенный от него слоем земли в 7 см, — скелет маленького ребенка. При расположении захоронений друг над другом, когда верхнее частично прорезает нижнее, мы, вероятно, также имеем дело с семейными усыпальницами. Таковы на р.17 п.30 и п.27, которое лежит на 15 см выше п.28. На р.20 хорошо прослежена последовательность захоронений внутри кольцевых оградок (п.18 и 20): более раннее — женское — окружили столбовой оградкой диам. 3,5 м. Когда южнее совершили второе захоронение женщины, над ними подсыпали общую курганную насыпь внутри новой оградки диам. ок. 7 м. В юго-зап. углу р.17 выявлено 5 совершенных на горизонте, лежащих параллельно вплотную друг к другу погребений — 24,25,26 (муж., в гробах), севернее, слева от мужского, п.27 (жен., в гробе) и детское 29. Шестое п.28 (муж., в гробу) расчищено под п.27. На р.13 детское п.102 обнаружено в хозяйственной яме, выше ее дна и головой на сев.; на р.20 (п.1), сразу же под пахотным слоем, лежал мужской скелет головой на юг, — оба совершенных небрежно и второпях захоронения, видимо, связаны с событиями 1237 г.

Итак, из общего числа погребений раннего некрополя Рязани групповые составляют ок. 31%, но не исключено, что их было больше. Судя по средней площади рядовых усадеб-домохозяйств, размерам жилищ и материалам могильника, в Рязани преобладали малые семьи из отца, матери и неженатых

детей. Как и в Западной Европе, по крайней мере, с каролингского периода, супружеская семья, хозяйственная единица общества, состояла из 4-6 человек, действительные ее размеры колебались между 4 и 5, причем как в городе, так и в деревне. В домонгольской Руси, вследствие детской смертности, количество детей в семье было невелико — в среднем двое³⁴.

Исследование старорязанских антропологических материалов позволило Т.И.Алексеевой прийти к заключению, что в антропологическом отношении население Старой Рязани включается в пределы вариаций признаков, типичных для городского восточнославянского населения, обнаруживая явное тяготение как по антропологическому типу, так и по строению тела к обитателям городов, расположенных в западной и юго-западной части восточнославянской территории. Судя по антропологическим особенностям населения Старой Рязани, формирование его происходило на основе сельского одноплеменного населения. Эта закономерность характерна для всей территории восточнославянского расселения. Физический тип старорязанцев характеризуется определенной гомогенностью, в нем не прослеживается антропологических черт иноязычного населения³⁵.

Инвентарь, сопровождающий погребения имущественно однородного населения, позволяет уточнить роль различных этнокультурных компонентов, принимавших участие в формировании города. Среди них следы финно-угорского субстрата чрезвычайно слабы. Как правило, погребения женщин и девочек-подростков сопровождаются украшениями. Среди мужских вещевой инвентарь содержали 33% захоронений. Наиболее частая находка — ножи с узким клиновидным лезвием и прямой спинкой, отделенной уступом от длинного, узкого черенка. Их подвешивали к поясу слева (в одном случае их было 2), только дважды обнаружены справа от пояса. В ногах умершего ставили горшки с напутственной пищей. Часто встречаются железные и бронзовые пряжки, преимущественно лировидные, а также поясные кольца — по 1 или по 2; поясной набор — важнейший элемент мужского костюма. Трижды встречены остатки позумента — золототканой тесьмы, украшавшей ворот, и здесь же — пуговицы грушевидной, круглой или биконической формы (по 1 экз.). Изредка на пальцах — по проволочному кольцу: дважды — на левой и 1 раз — на правой руке.

Изучение женского убора свидетельствует о неоднородности населения, происходившего из разных историко-этнографических областей Руси, помогает в какой-то мере представить реальное содержание миграционных процессов во времена освоения городской территории.

Среди металлических украшений особенно характерны височные кольца. Наиболее многочисленны простые проволочные с разными формами окончаний: перстнеобразные несомкнутые (32 экз.: р.11, п.5; р.13, п.2, 36, 69, 76, 77, 89; р.17, п.1,7,15 и два разрушенных; р.20, п.18); перстнеобразные с сомкнутыми или заходящими концами (54 экз.: р.11, п.2; р.13, п.2,10,12,14,32,39, 48,52,56,60,69,70,77 и одно разрушенное погребение; р.14, п.2; р.17, п.1,15, 16,17 и два разрушенных погребения; р.20, п.18,20; траншея у Борисоглебского собора, п.4); перстнеобразные со спиральным завитком (10 экз.: р.13, п.2,52,91,92; р.17, п.1); перстнеобразные завязанные (2 экз.: р.17, п.17,23); перстнеобразные плохой сохранности (7 экз.). Украшения относятся к числу общерусских и происходят из комплексов как XI, так и XII-XIII вв. Перстнеобразные эсоконечные кольца XI в. (15 экз.: р.13, п.39,48,49,52,60,76; р.17, п.17,33; траншея Борисоглебского собора, п.4) характерны для западнославянских территорий.

Встречены бусинные височные кольца: с гладкими металлическими бусинами (1 экз.: р.11, п.2); с зернистыми бусинами (2 экз.: р.13, п.58); узелковые (5 экз.: р.13, п.2,4,52,60; р.17, разрушенное погребение). Они датируются XI — п.п. XII в. Найдено 3 экз. проволочных "кудрявых" колец, дужка которых оплетена тонкой проволокой, образующей ажурную кружевную муфту (р.13, п.60,89). "Кудрявые" кольца из комплексов XI в. спорадически встречаются на различных восточнославянских территориях: в юго-восточном Приладожье, на р.Болве, в перховых Клязьмы, в Новгороде, в курганах Свислочи и Верхней Волги³⁵.

XI — нач. XII в. датируются 6 браслетообразных завязанных височных колец (р.17, п.11) и 4 семилучевых височных кольца (р.13, п.32,37).

Важнейшая часть женского убора — ожерелье из стеклянных и каменных бусин. Количество бусин в ожерелье колебалось от 3-5 до 100-150 (если бисер, то до 500); при большом числе бусин, по-видимому, было несколько низок. Большинство относится к типам, получившим широчайшее распространение в Северной и Восточной Европе, но встречены и редкие экземпляры. Наиболее многочисленны золотостеклянные и серебростеклянные цилиндрические бусы (свыше 400 экз.: р.11, п.5; р.13, п.30,32,34,36,49,69,77,89,91 и одно разрушенное; р.17, п.7,15,16,17,23 и три разрушенных; р.20, п.18,20), к которым примыкают золото- и серебростеклянные ребристые (12 экз.: р.13, п.32 и одно разрушенное; р.17, п.15; р.20, п.20). Они датируются концом X — нач. XII в. К тому же времени относится бисер, подвергшийся сильному разрушению; удалось насчитать ок. 700 экз. (р.13, п.77,89; р.17, п.23; р.20, п.18). В состав ожерелий входили цилиндрические бусины с продольными и поперечными бороздками XI в. (33 экз.: р.13, п.32,89), бочонкообразные печеночно-красного цвета (несколько десятков; р.17, п.11), эллипсоидные того же цвета с желтыми рельефными глазками (5 экз.: р.17, п.23) и призматическая синяя с белыми ромбическими вставками (р.17, п.31) — все не позднее XI в. 8 экз. глазчатых бусин (р.17, п.1) относятся к разновидностям X-XI вв.

Значительно меньше каменных бусин: сердоликовых призматических (3 экз.: р.11, п.5; р.17, п.7), хрустальных бипирамидальных (2 экз.: р.17, п.15), эллипсоидных, граненых из хрусталя или аметиста (6 экз.: р.13, п.32,89; р.17, п.15), относимых к X-XI вв. Встречены янтарные призматические и бипирамидальные бусины (7 экз.: р.13, п.2; р.17, п.15,16; р.20, п.20).

Подвесок к ожерельям всего 5, в том числе английский денарий, чекавенный между 1017 и 1023 гг. (р.17, п.23). Изображение креста на нем, возможно, и обусловило использование монеты в качестве подвески. Основная масса английских монет п.п. XI в. достигала Восточной Европы и Руси не в результате прямых связей, а в составе так называемых датских денег, что включало их в общую экономическую жизнь стран Балтийского моря. Поэтому денарии Кнута Великого, как правило, входят в состав находок конца XI и даже XII в., и нередко отстоят на многие десятилетия от времени их сокрытия³⁶. Круглая привеска с орнаментом из колечек, расположенных крестообразно, найдена в п.49 на р.13, а в п.91 с захоронением девочки на ожерелье висели янтарный крестик и двуспиральная привеска. Из п.13 происходит ширококолодезная лунница XI в.

В женских погребениях ножи небольших размеров (по форме X — п.п. XII в.), иногда с остатками дерева от рукоятей, привешивали к поясу справа (р.13, п.10) или слева (р.17, п.31); в трех случаях нож на левой стороне груди подвешен на бронзовой цепочке (р.13, п.49,69,77). Вероятно, маленький ножик входил в число амулетов у левого плеча вместе с бубенчиком и астрагалом бобра, прикрепленных колечками к берестяной основе (р.17, п.23). Амулет в виде астрагала бобра (?) в одном случае продет сквозь проволочное височное кольцо (р.13, п.69). На р.13 в п.10 в области живота лежала привеска-амулет с ушком, видимо, фигурный черенок миниатюрной бронзовой ложечки. Из погребения на р.13 с полностью сгнившим костяком происходит

амулет-конек. Наибольшая концентрация коньковых привесок наблюдается в области расселения смоленско-полоцкой группы кривичей. Они встречаются в комплексе с такими этноопределяющими украшениями, как браслетообразные завязанные височные кольца³⁷.

Браслетов найдено всего 2: витой завязанный, характерный для XI в. (р.17, п.31) и круглодротовый разомкнутый (р.20, п.18).

Перстней найдено 36, среди них преобладают перстни простых типов: круглодротовые с заходящими концами (9 экз.: р.11, п.2; р.13, п.10,32,52,56,70; р.14, п.2; р.20, п.18), несомкнутые (5 экз.: р.13, п.2,36,39), сомкнутые (1 экз.: р.13, п.69), эсоконечные (1 экз.: р.13, п.65, детское), круглодротовые крученые (1 экз.: р.17, п.3). В восточном Прионежье почти все круглодротовые перстни относятся к комплексам XI в.³⁸ Рубчатый перстень (1 экз.: р.13, п.13) может относиться к XII в.; спиральный, из плотно свитой проволоки (1 экз.: р.17, п.31), — ко в.п. XI — нач. XII в. К широко распространенным типам принадлежат узкопластинчатые перстни (4 экз.: р.11, п.2; р.13, п.4,49) и пластинчатые прямые со штампованным орнаментом (2 экз.: р.17, п.15; р.20, п.18), датируемые XI — п.п. XII в. К тому же времени относятся широкосрединный завязанный перстень (1 экз.: р.13, п.69) и 2 овально-щитковых усатых перстня XI в. (р.11, п.2; р.17, п.31). Аналогии усатым перстням известны среди прибалтийско-финских древностей, они получили распространение и в древнерусской среде. Разнообразны щитковосрединные перстни: 3 со щитком в форме розетки (р.13, двойное п.32 — два у женщины и один у девушки), 1 со щитком в виде полушарика, датируемый XI в. (р.13, п.70), 1 с фигурным щитком, украшенным точечными вдавлениями (р.17, п.7). Уникальны вырезанный из дерева щитковый перстень, инкрустированный крохотными медными "гвоздиками" (р.13, п.10) и массивный серебряный перстень, выполненный в сложной ювелирной технике (р.13, п.49).

Женщины носили от 1 до 3-х перстней как на правой, так и на левой руке или на обеих (на одной руке не более 2-х).

Для застегивания ворота использовали пуговицы — бронзовые или стеклянные позолоченные, с металлическим ушком. Они найдены в 4-х погребениях (1 экз.: р.13, п.48 и по 3 экз. в п.56,60 на р.13 и в п.2 на р.14).

Грушевидный крестопрорезной бубенчик (р.17, п.1, найден в области шеи) характерен для комплексов XI — серед. XII в. Этот самый употребительный древнерусский тип бубенчиков получил повсеместное распространение в лесной полосе Восточной Европы.

По сочетанию украшений убор рязанских женщин можно считать традиционно славянским. Он состоял из височных колец, ожерелий с нагрудными привесками, браслетов и перстней. В ряде случаев его дополняют ножи и наборы амулетов, носимых на груди слева. Большинство комплектов украшений встречено в погребениях взрослых женщин, девушек и девочек-подростков. Жесткой зависимости между возрастом (в пределах этих групп) и числом украшений в уборе не существовало.

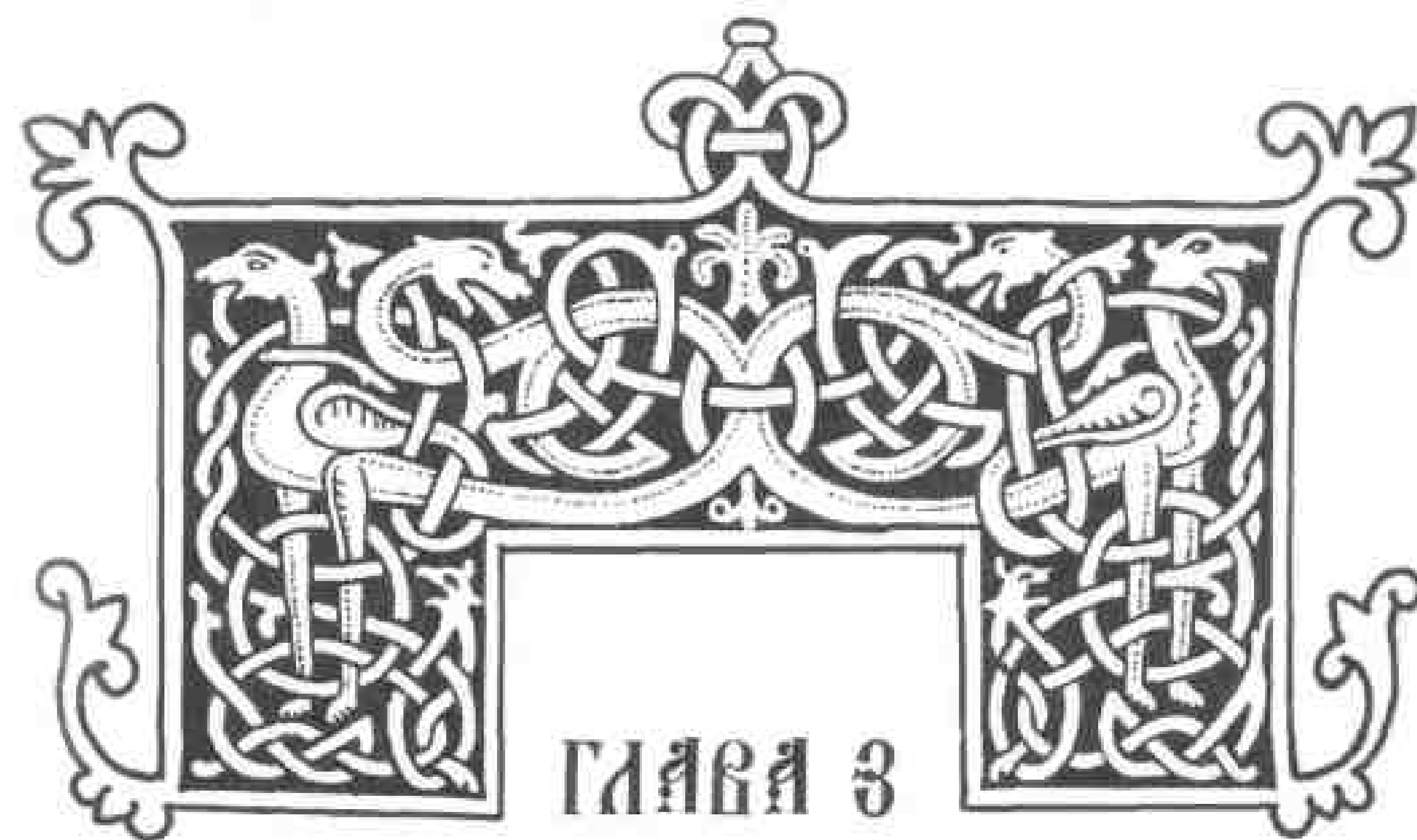
ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКА

Еще в начале XI в. в разных областях Руси господствовал обряд кремации умерших (кривичи, смоленско-полоцкие кривичи). В районах кривичского расселения, в частности в Ростово-Суздальском крае, откуда происходила часть переселенцев в Рязань, обряд трупосожжений, по-видимому, бытовал и в п.п. XI в.³⁹ В рязанском некрополе трупосожжения отсутствуют, хотя в суз-

дальском курганном могильнике, близком рязанскому по ритуальным деталям и инвентарю, ранние могилы содержали частичные сожжения на месте⁴⁰. Они могут быть датированы от нач. до серед. XI в. В пределах рязанского могильника наблюдаются тенденции, характерные для восточнославянских курганных комплексов с ингумацией на обширных территориях: трупоположения на горизонте и в ямах незначительной глубины сменяются погребениями в ямах гл. до 1 м. Точно так же, если в ранних могилах еще наблюдаем следы ритуала очищения огнем места, предназначенного для умершего, то ближе к XII в. разведение костров становится не обязательным.

Вещевой материал допускает широкую датировку некрополя XI — п.л. XII в. Если верхняя дата (первая треть — серед. XII в.) не вызывает сомнений, то нижняя хронологическая граница должна быть уточнена. Важным материалом служат бусы. В этой связи показательно полное отсутствие лимонovidных бус, очень многочисленных в X — п.л. XI в., но исчезающих к середине XI столетия⁴¹. Первая половина XI в. — время сосуществования "лимонок" и золото- и серебростеклянных бус⁴² (последние в могильнике Рязани наиболее многочисленны). По материалам Кемского некрополя, денарии 20-50-х гг. XI в. находились в обращении (и использовались как украшения) в 60-70-х гг. этого столетия⁴³. Ни разу не найдены эллипсоидные ребристые бусины желтого, синего и серо-голубого цвета и крупные глазчатые рельефные бусины, а также сердоликовые шарообразные (в Новгороде все эти категории — до серед. XI в.)⁴⁴.

Совместное рассмотрение некоторых особенностей ритуала и погребального инвентаря позволяет определить хронологические рамки рязанского могильника от серед. XI до серед. XII в. (в пределах 80-100 лет).

ГОРОДСКИЕ КЛАДБИЩА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII в.

христианских кладбищах этого времени можно судить только по описаниям А.В.Селиванова, впервые раскопавшего в 1888 г. Спасский собор⁴⁵, и А.Л.Монгайта, который открыл погребения с западной стороны Успенского собора, в скленах-аркосолиях западного притвора Борисоглебского собора, и снаружи, у его стен, а также в разных частях Южного городища. Сведения, приведенные исследователями, слишком лаконичны, графическая документация почти отсутствует, что затрудняет интерпретацию комплексов. Определенную ясность вносят размещение кладбищ рядом с храмами, погребения в интерьерах церквей, а также некоторые черты чисто христианского обряда. В тех случаях, когда группы захоронений этого периода обнаружены в стороне от главных церквей, можно предполагать, что поблизости стояли деревянные храмы или часовни.

По описанию А.В.Селиванова (1889 г.) реконструирована схема расположения захоронений п.трети XIII в. вокруг Спасского собора (рис.155). Из 30 погребений 10 — внутри храма, остальные снаружи — с восточной, северной и южной сторон. П.1 — у вост. стены собора, в деревянном гробу, с кирпичом под головой; п.4 у вост. стены, под головой и ногами по кирпичу; п.6 — у вост.стены в гробу, под головой и ногами умершего по половине кирпича; п.8 — у вост. стены, под головой — камень; п.13 — в юго-зап. углу собора, под головой и ногами — по кирпичу; п.16 — в южн. притворе, в деревянном гробу, под головой и ногами — по кирпичу. Здесь же — яма-костница четырехугольной формы, в которой найдено 25 черепов, лежавших рядами один на другом. На черепках — следы ударов острым оружием; среди них оказался наконечник копья. На дне ямы, засыпанной песком и сверху заложеной кирпичом, обнаружен череп верблюда. Такое же скопление из 70 черепов выявлено у алтаря,

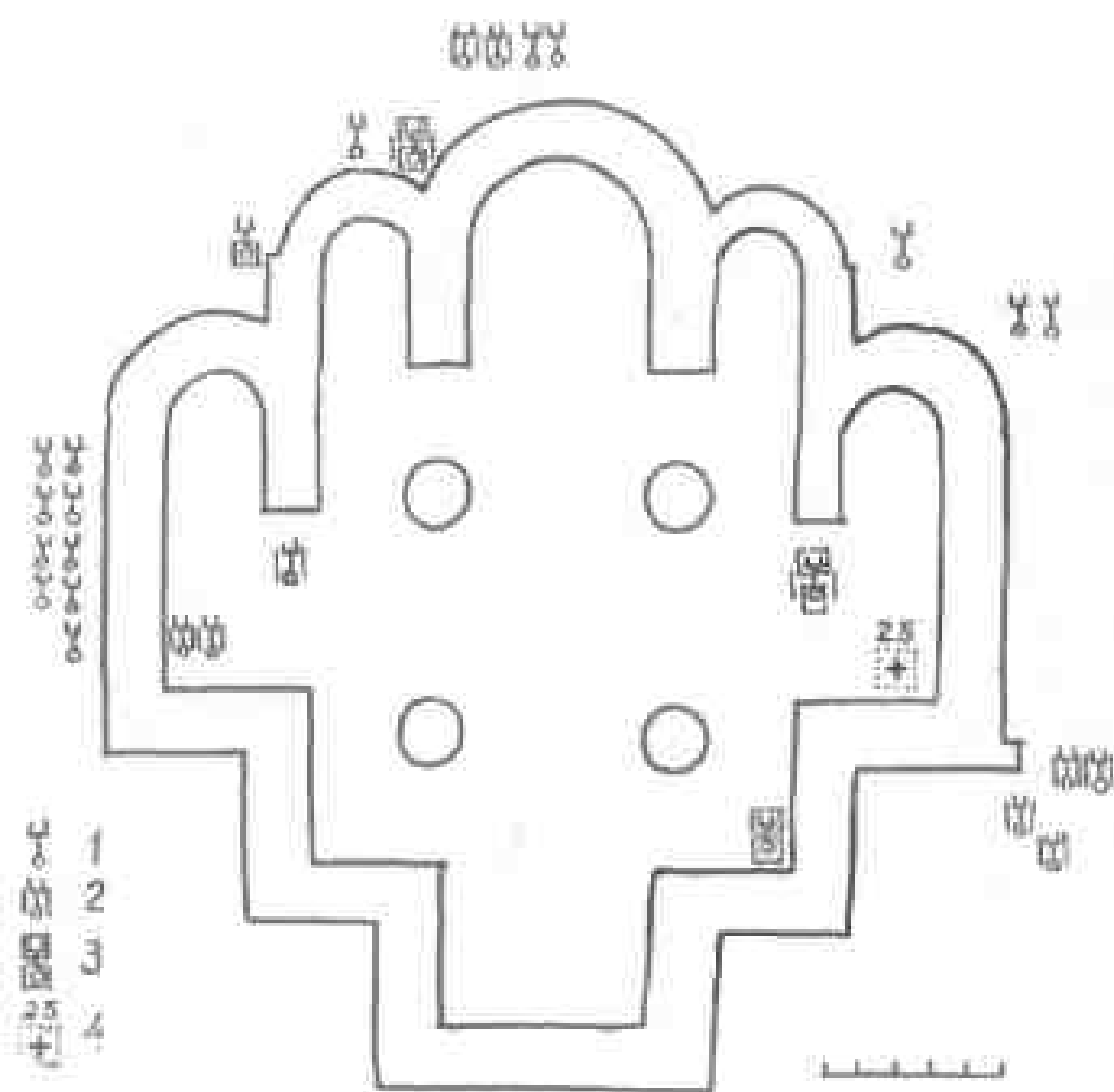

Рис. 155. Спасский собор (план по А.В.Сенианову) с реконструкцией комплекса погребений (по А.А.Зайцеву): 1 — погребение; 2 — погребение в деревянном гробу; 3 — погребение с кирпичами в головах, в ногах; 4 — яма-костница (25 — количество черепов).

снаружи храма. Очевидно, обе костницы связаны с событиями декабря 1237 г., со зверской расправой с жителями взятого штурмом города. Погребения 10, 11, 12 в северном притворе собора совершены в дубовых (?) гробах. Все покойники ориентированы на зап., руки, как правило, скрещены на груди. Интересно монашеское погребение возле юго-зап. угла храма, снаружи: на груди скелета оказался кожаный плетеный крест, на ногах — остатки кожаной обуви.

Обращает на себя внимание особое положение покойников с кирпичами или камнями в изголовье — снаружи у центральной апсиды, в сев. и южн. притворах храма. Кирпич, положенный вместо подушки, — знак аскезы, одно из орудий смирения плоти, веское доказательство праведного образа жизни, гарантирующего загробное спасение. Аскетизм умерших, возможно, перед кончиной принявших схиму, подчеркивался бедностью погребальных одежд, отсутствием вещей в захоронениях⁴⁶.

Группа погребений того же времени открыта на р.2 (1948 г.), в 75 м к сев.-зап. от Спасского собора. Согласно А.Л.Монгайту, кладбище подстилает слой XI — нач. XII в. Погребения безынвентарные, ориентированы головой на зап., руки скрещены на груди. Некоторые покойники лежали в гробах-колодах или сколоченных из досок; под головы подложены кирпичи.

Христианское кладбище (всего 5 погребений) зафиксировано в 1949 г. к зап. от Успенского собора. Раскон отстоит от храма примерно на 40 м, так что кладбище главной соборной церкви должно было быть достаточно обширным.

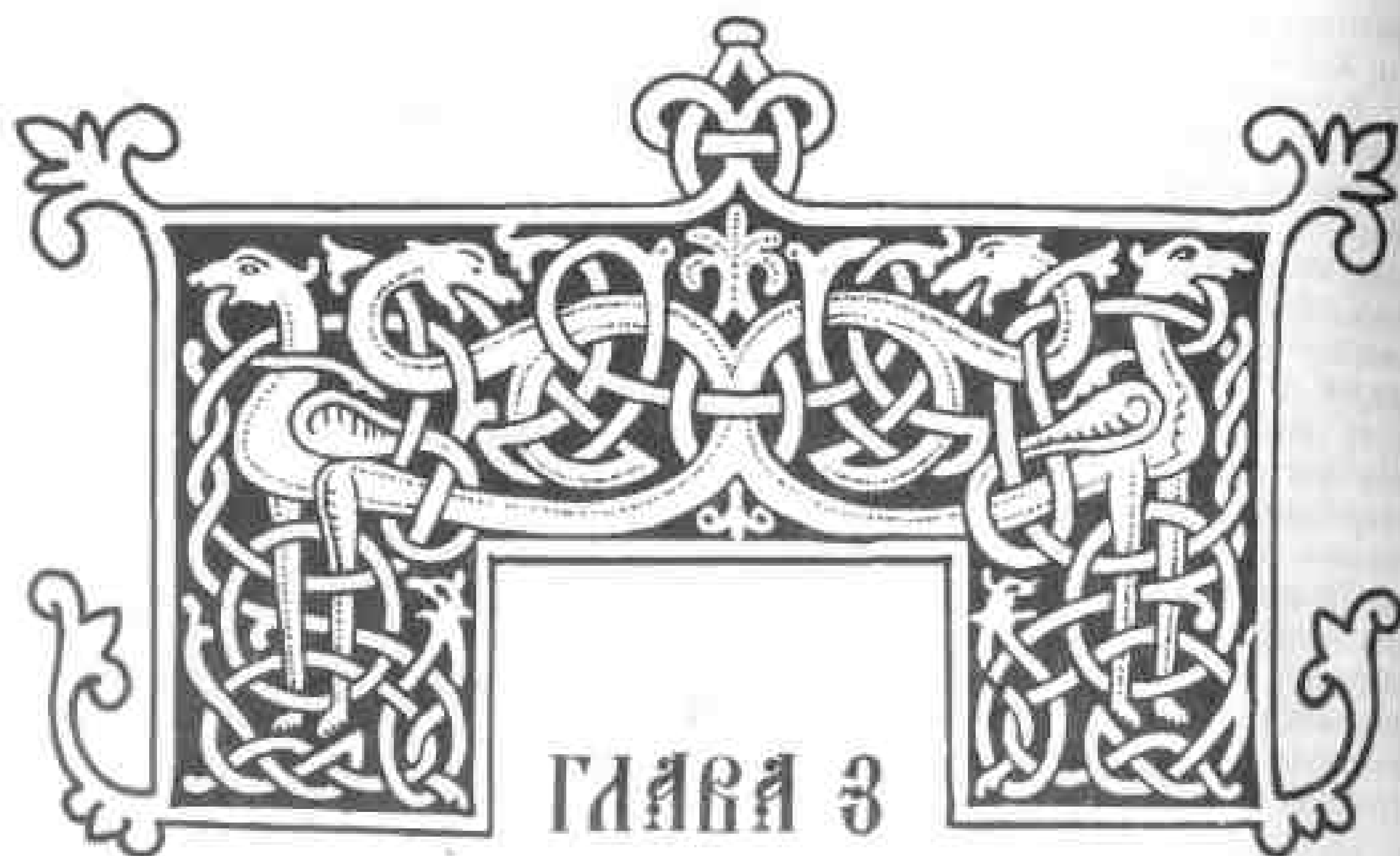
Еще одно кладбище открыто в юго-вост. части Столичного города, у пересечения дороги на Рязьск и улицы, идущей к Соборной площади и Южным воротам (р.2, 1950 г.). Вскрыто 23 погребения: ориентировка западная, руки скрещены на груди, инвентарь отсутствует. Могильные ямы прямоугольные;

крышки дощатых гробов прибивали гвоздями. Могилы вырыты в слое не ранее в.п. XII в.

Борисоглебский собор впервые раскопан Д.Тихомировым, им же составлен план погребений в нем представителей рязанской аристократии: "Цель нашего исследования была единственно та, чтобы по снятии насыпи глубже в материке открыть место погребения великих князей и архиепископов рязанских"⁴⁷. Впоследствии работами В.А.Городцова (1926 г.) и А.Л.Монгайта (1948 г.) вскрыты южный и западный притворы храма и в них — склепы-аркосолонны, содержащие погребения. У западного притвора, при входе, растущие два захоронения: п.1 в 2,5 м к сев. от ступеней портала; скелет, целиком обернутый берестой, лежал в долбленной деревянной колоде; на ногах — невысокие башмаки, сшитые из цельных кусков кожи. П.2 находилось в 0,5 м к югу от входа, умерший лежал в гробу 2x0,5 м⁴⁸. Как отметил А.А.Зайцев, оба погребения очень похожи на захоронения игуменов в Георгиевском соборе Юрьева монастыря под Новгородом⁴⁹. По сообщению Д.Тихомирова, в одной из могил в деревянном гробу у сев. стены найден "локут парчи, с изображением, кажется, нерукотворного образа св.Спаса"⁵⁰. Если эта гробница принадлежала представителю духовенства высокого ранга, то Борисоглебский собор, ставший в к. XII в. резиденцией епископа, служил главной усыпальницей не только светской, но и церковной знати Рязани.

Небольшое одноапсидное помещение в юго-зап. углу Борисоглебского собора, скорее всего, служило княжеской усыпальницей, рассчитанной на 3-4 захоронения. При раскопках Д.Тихомирова в ней открыты: гроб, находившийся под щитами со стертыми буквами; каменный гроб с 12 черепками и множеством костей; каменный гроб с прахом 4 человек — явные перезахоронения при полном разрушении первоначальных погребений, видимо, связанные с событиями 1237 г. Показательно, что, в отличие от преимущественно деревянных гробов у сев. и зап. стен храма, во внутренней часовой обнаружены лишь каменные саркофаги. Топография княжеских могил в особой усыпальнице справа от главного входа не случайна. Она исходит из предпочтения "десной страны", восходящего к новозаветным представлениям о том, что на Страшном суде праведники встанут одесную Судьи, а грешники — ошуюю. Во фресковых композициях Страшного суда на западной стене храма рай изображали справа от входов, похороненные здесь знатные лица получали своеобразную гарантию загробного спасения, им обеспечивалось заступничество небесных сил. Все 3 саркофага в миниатюрном храмике, повторявшем в уменьшенном виде космологическую модель большого храма, расположены по продольной оси — в срединной сакральной части часовни, которая символизировала земной мир и видимое небо⁵¹.

Итак, во в.п. XII в., в отличие от раннего периода, возобладал чисто христианский погребальный ритуал. Как правило, кладбище в черте города и, вероятно, за его пределами топографически связаны с церквями. Погребения — в ямах, обычно в гробах, ориентировка западная, руки покойных скрещивали на груди. Рядовые захоронения чаще безынвентарные, изредка сохраняются шелковые золототканые ленты от ворот рубаш и рядом — бронзовые пуговицы, фрагменты шерстяных тканей от одежд, с медными нашивными бляшками. В погребениях у Спасского собора найдены бронзовые с эмалью и каменные крестики, бронзовый образец с изображением Михаила Архангела. Новая черта в связи с усилением христианских начал в самосознании рязанцев — кирпичи или плоские камни, которые, как и в южнорусских грунтовых могильниках⁵², клали под голову умершего. Возможно, это монашеские погребения. Курганный обряд исчезает. Вероятно, над могилами насыпали продолговатые холмики, подобные современным, а в изголовья могли ставить деревянные кресты.

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ (ДЕКАБРЬ 1237 г.)

первые отмечены при раскопках В.А.Городцова 1926 г. в траншеях восточной части Северного городища (вскрыто 47 погребений), но правильной интерпретации не получили. Раскопки этого кладбища продолжены А.Л.Монгайтом: юго-западная (зимняя) ориентация, повреждения костей рубящим оружием, стрела, пронизавшая в позвонок одного из погибших, позволили прийти к заключению, что большая группа из 90 погребений связана с событиями 1237 г. Датировку подтверждают женские украшения, например, вычурные развитых форм: семиплощастное височное кольцо, решетчатый перстень, хрустальные шарообразные бусы.

Неправомерен вывод, что кладбище существовало длительное время, поскольку кости перекрывают друг друга. Как показали наши раскопки, эта особенность объясняется тем, что убитых хоронили в общем котловане в несколько ярусов. Вторая братская могила обнаружена у юго-зап. оконечности вала Среднего города) (рис. 156, 1946 г.): все погребения произведены из пожара³³.

РАСКОП 21 (рис.156-159, табл.144,145)

Расположен на Подоле, на самом краю первой надпойменной террасы — мысу, который образован устьем оврага, выходящим к низкому берегу Оки. По дну оврага протекает берущий начало из родника ручей. Раскоп ориентирован сев.-юг, пл. 170 м², зап. и сев. границы имеют неправильную форму, поскольку совпадают с линией берега. Работы проведены в 1977-1978 гг.

Рис. 156. Расположение братских могил 1237 г. на Подоле (раскоп 21).

На раскопе открыта братская могила жертв монгольского нашествия, занимающая всю его территорию (76 сохранившихся погребений). Вся площадь, занятая коллективным захоронением, намного больше и распространяется к вост. и югу, где раскопки не проводились. Погибшие похоронены, как правило, без гробов, в общем котловане гл. до 1 м. Они положены рядами, вплотную друг к другу, в три яруса (рис.160). Захоронения верхнего яруса, совершенные очень неглубоко, пострадали при раскопке. В этом горизонте много отдельных черепов и человеческих костей.

В заповедии котлована встречена керамика, преимущественно рубежа XII-XIII вв. и п.трети XIII в. Аналогичная посуда, наряду с керамикой к. XI-XII вв., происходит из хозяйственной ямы диам. 3,5 м и гл. 1,4 м, с деревянной облицовкой стенок у южной стенки раскопа. Яма предшествовала перекрывавшим ее погребениям, что важно для их датировки. Попутно отметим, что керамика на Подоле отличается от посуды, найденной в пределах Столичного города: она печного обжига, с крупными примесями дровяной — "деревянского" типа. Вероятно, на Подоле продолжало существовать домашнее производство посуды, не рассчитанной на продажу. Из того же слоя засыпки братской могилы происходят стеклянные браслеты (7), шиферное пряслице. Включения угля в засышке, а также подстилающий захоронения слой угля и обожженной глины, прослеженный в сев.-зап. части раскопа, позволяют предположить, что перед рытьем братской могилы смерзшуюся землю разогревали кострами.

Ввиду неудовлетворительной сохранности костей, из 76 погребений удалось установить пол и возраст у 34+6 детских — всего 40. Среди них преобладают молодые мужчины — главные защитники Рязани (11) и женщины от 35 лет и старше, по тем временам считавшиеся пожилыми, которых монголы не брали в плен (10). Мало девушек (1) и молодых женщин (3), а также юношей (5), которые становились невольниками завоевателей. Незначительное число пожилых мужчин (4) объясняется тем, что в те времена немногие

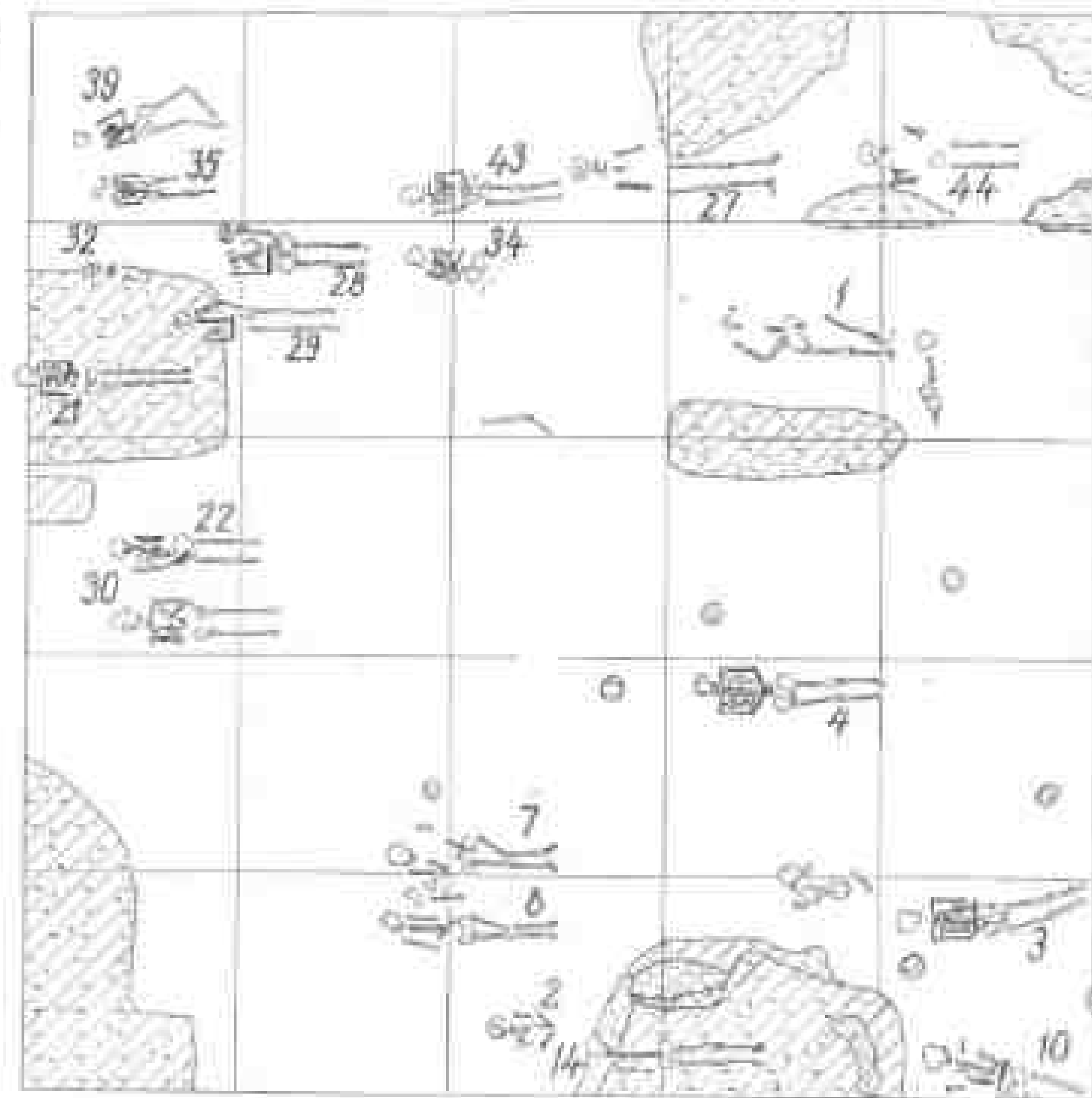

Рис. 157. Братские могилы на раскопе 21. Верхний ярус.

Рис. 158. Братские могилы на раскопе 21. Средний ярус.

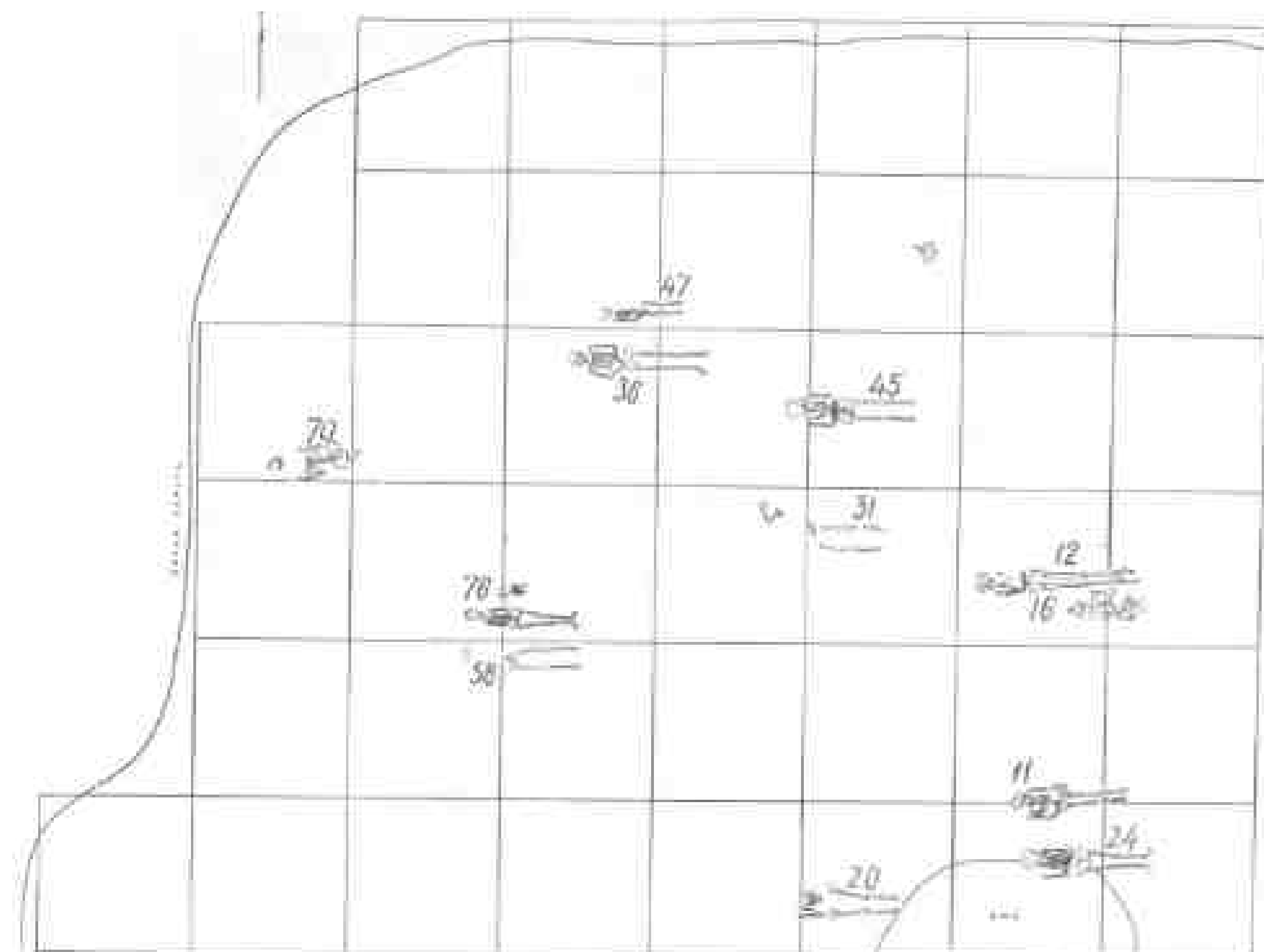
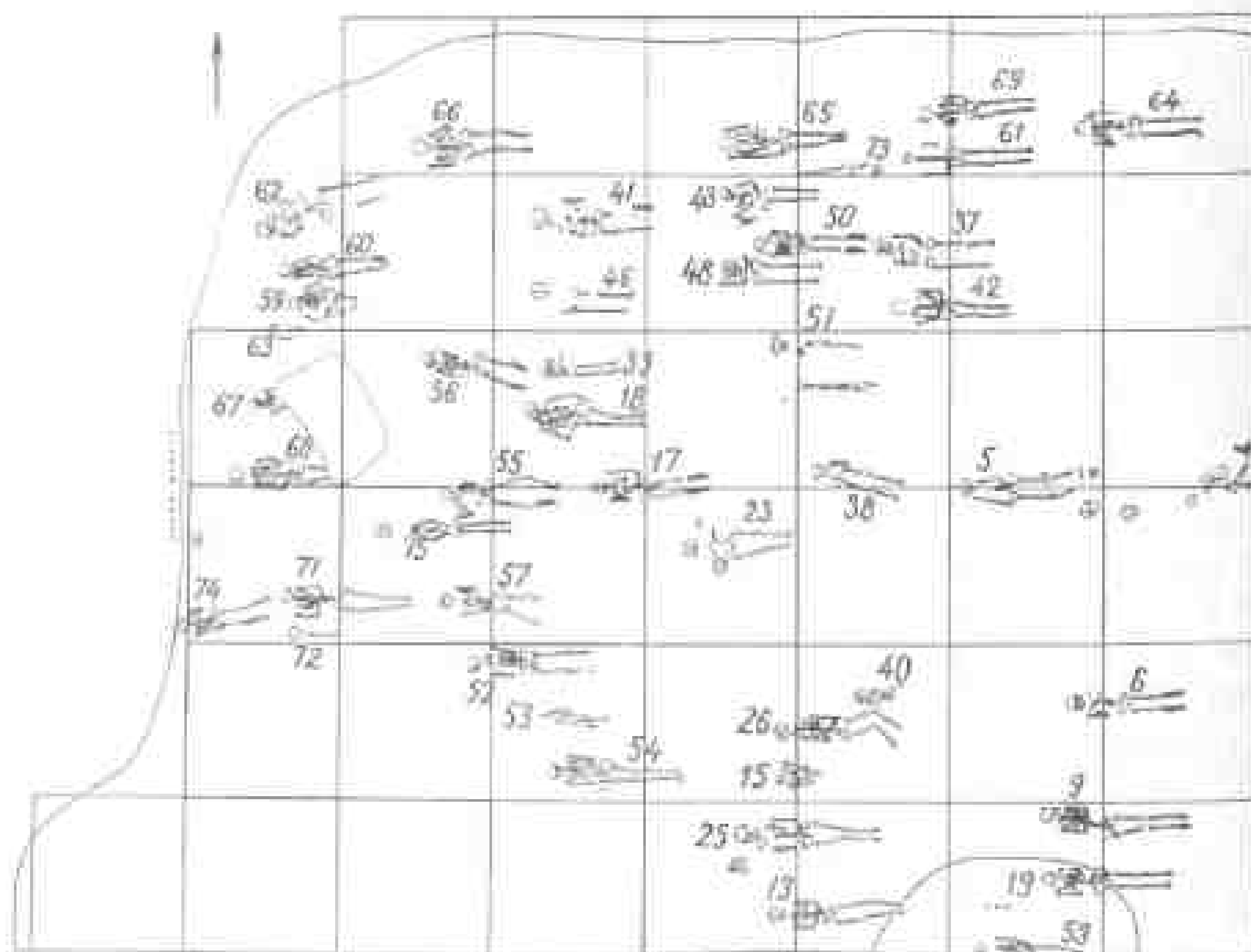

Рис. 159. Братские могилы на раскопе 21. Нижний ярус.

Рис. 160. Братские могилы жертв монгольского нашествия (раскоп 21).

доживали до 40 лет. Хрупкость костей не способствует сохранности скелетов очень маленьких детей (6). Следовательно, изученные Т.И.Алексеевой краниологические серии из старорязанских братских могил⁵⁴ отражают не столько поло-возрастной состав городского населения, сколько пунктуально разработанную репрессивную систему монголов. Мужчин, взятых в плен, за исключением квалифицированных ремесленников, зверски убивали, женщин, отроков и детей обращали в рабство.

Пленникам рубили головы (обилие отдельных черепов на р.21, их скопления у Спасского собора, в саркофагах и гробах Борисоглебского), отрубали кисти рук: в женском п.6, например, правая рука резко согнута к плечу, а кости ее кисти лежат на поясе. Открыто захоронение мужчины с маленьким ребенком на груди (п.19): голова ребенка лежала на правой руке мужчины, а левой он прижимал его к себе (рис.161). В некоторых случаях возможны захоронения расчлененных на части тел (п.38); в п.48 отсутствует череп, в п.55 рубящим оружием снесена его верхняя часть, а в п.16 рассечена верхняя челюсть, а нижняя отсутствует. В п.18 рубящим оружием повреждена тазовая кость справа и бедро у тазобедренного сустава. Обнаружено погребение беременной женщины: в области тазовых костей мелкие обломки черепа младенца, кусочки ребер и другие косточки (п.62). Драматическая картина тотального разгрома Рязани, открытая раскопками, полностью соответствует рассказам восточных и древнерусских источников о завоеваниях Чингисхана и его преемников, проводивших планомерную политику выжженной земли и массового террора.

Погребения в братской могиле совершены по христианскому обряду. Ориентировка западная, иногда с отклонениями не более 10-15° к юго-зап.; покойники лежат в вытянутом положении, на спине. Разнообразное положение рук, особенно когда одна, обычно правая (в 16 случаях), или обе (один раз) резко согнуты к плечам, объясняется не отходом от христианских канонов (старались скрещивать руки на груди или животе), а тем, что трупы долгое время пролежали "на земле пухле, на траве ковыле, снегом и льдом померзнувшие". Их хоронили в заколоченном виде.

Вероятно, братскую могилу вырыли на месте уже существовавшего кладбища к. XII — п.трети XIII в. Эта часть Подола с XII в. была заселена: культурный слой с бытовыми вещами использовали для засыпки могил. К кладбищу п.трети XIII в. можно отнести захоронения в гробах: по древесному тесну и гвоздям, которыми прибивали крышку, выделено 5 таких погребений (в п.3 — 1 гвоздь в ногах; в п.22 — 1 у головы; в п.50 и 53 — по 2 у головы). Видимо, часть погребений разрушили при рытье котлована в 1237 г.

Убитых хоронили в нателных рубахах: у мужчин и женщин они отличались только длиной. Сохранились лишь фрагменты шелковой тесьмы от обшивки низких стоячих воротников. Судя по месту пуговиц у левой ключицы, разрез для надевания рубахи делали на левом плече, как в русских рубахах-косоворотках. Стоячий, низкий воротник рубахи у русских носит название ожерёлок, остёбка.

П.6, жен.: на черепе над глазами — темный отпечаток от полностью истлевшей матерчатой ленты головного убора дл. 20 и шир. 2,7 см (от уха до уха).

П.26, жен.: у левого плеча — 2 бронзовых пуговицы, кусочки бересты и 3 обрывка тесьмы с ромбовидным узором; на одном прослеживаются следы золотного утка (все текстильные материалы из рязанских братских могил определены М.В.Фехнер; хранятся в ГИМ, инв. № 104291, опись 2484; инв. № 104994, опись 2574). Три куса ленты резко отличаются как по строению, так и по внешнему виду от византийской тесьмы. Они менее плотные, так как сработаны только одной основой из тонкого крученого шелка и двумя утками — шелковым и золотным. Они односторонние, имеют на лице и на изнанке одина-

Рис. 161. Скелет мужчины с ребенком (погребение 19 на раскопе 21).

ковое переплетение — полотняное или саржевое. Геометрический орнамент выполнен золотным утком, который образует на лицевой стороне небольшие стежки, четко выделяющиеся на матовом фоне ленты. Для византийской же тесьмы типична блестящая поверхность. Подобная тесьма была и раньше найдена при раскопках Старорязанского городища. Аналогичные ленты известны также во владимирских курганах и из курганов Ярославской, Псковской и Московской областей. Использование золотного утка лишь при создании отдельных элементов орнамента дает основание рассматривать эти декоративные ленты как объект испанского импорта⁵⁵.

П.31, пол не определен: у нижней челюсти — 2 бронзовые пуговицы, следы бересты и 6 фрагментов шелковой ткани со следами золотной вышивки (дл. самого крупного 5 см, самого маленького 1,5 см). Шелк выработан двумя основами из тонкой крученой пряжи и двумя утками из тонкой некрученой пряжи. Переплетение — уточная саржа; вышивка плохо сохранилась: она была выполнена золотными нитями "на проем", о чем свидетельствуют маленькие сквозные дырочки от них, а в некоторых местах прослежены следы золотных нитей. Судя по пряже, этот шелк, видимо, относится к продукции византийских мастерских.

П.35, пол не определен: у левого плеча — пуговка.
 П.36, муж.: у левой ключицы — пуговка.
 П.39, жен.: в области шеи — 3 стеклянные бусины, из них 1 — шарообразная голубая и 2 — зонные фиолетовые (XII — первая треть XIII в.).
 П.42, пол не определен: у левой ключицы — пуговица.
 П.47, муж.: под черепом — двусторонний наборный гребень типа К появились со 2-й четв. XII в.).

П.53, муж.: возле левого плеча — пуговка.
 П.62, жен.: слева от черепа — серебряное проволочное височное кольцо сходящими концами; в области груди справа — обломок железного лезвия ножа ?).

П.63, дет.: рядом с костяком — фрагмент глиняной мисочки первой половины XIII в., возможно, попавший из застройки.

П.64, пол не определен: у левого плеча — бронзовая пуговица; в области шеи — 3 фрагмента золотной ленты с зигзагообразным узором, относится к изделиям византийского производства.

П.68, пол не определен: на левой ключице — пуговка.

Кроме того, из разрушенных погребений происходят: фрагмент золотоканной тесьмы дл. 7 см, шир. 1,5 см; тесьма выработана двумя основами из тонкой крученой шелковой пряжи и двумя утками — из них один шелковый — из некрученой пряжи, другой из серебряной позолоченной нити на шелковой основе; плотность около 68х60 нитей на см², узор — шпеленка. Тесьма византийского производства. Из разрушенного захоронения происходят еще маленькие кусочки одноцветных шелковых тканей со следами золотной вышивки.

Возле отдельно лежащего черепа найден каменный нательный крестик-сорсуник*.

РАСКОП У ФАТЬЯНОВКИ (рис.162-164)

Расположен на правобережье Серебрянки, на самой вершине Соколиной горы, где в XIX — нач. XX в. располагалась усадьба помещиков Стерлиговых. Раскоп пл. 100 м² находился в 20 м к вост. от главного фасада двухэтажного барского дома, в настоящее время разрушенного. К сев. от территории бывшей усадьбы начинается д.Фатьяновка, где открыто древнерусское поселение, сходящееся по кромке окского берега. Работы проведены в 1979 г.

Здесь открыта та же картина, что на р.21: часть обширной братской могилы жертв монгольского нашествия. Был вырыт общий котлован гл. до 1,3 м, битых клади рядами, без гробов (в пределах раскопа — 4 ряда) и в 3 яруса друг над другом; каждый ярус слегка присыпали землей. Плохо сохранились погребения верхнего горизонта на гл. от 40 до 50 см. Они подверглись разрушению при сооружении монументальных построек усадьбы Стерлиговых. Верхняя часть слоя насыщена поздним строительным мусором — битым кирпичом, мелкими кусочками известняка.

Основная часть застройки братской могилы представляла собой культурный слой в.п. XII — первой половины XIII в., что свидетельствует об интенсивной застройке участка. Возможно, здесь существовал отдельный приход с деревянной церковью — одной из высотных доминант Рязани. Тогда становится понятен и выбор места для коллективного захоронения защитников Рязани. Предположение о существовании церкви подтверждается находкой трех обломков хо-

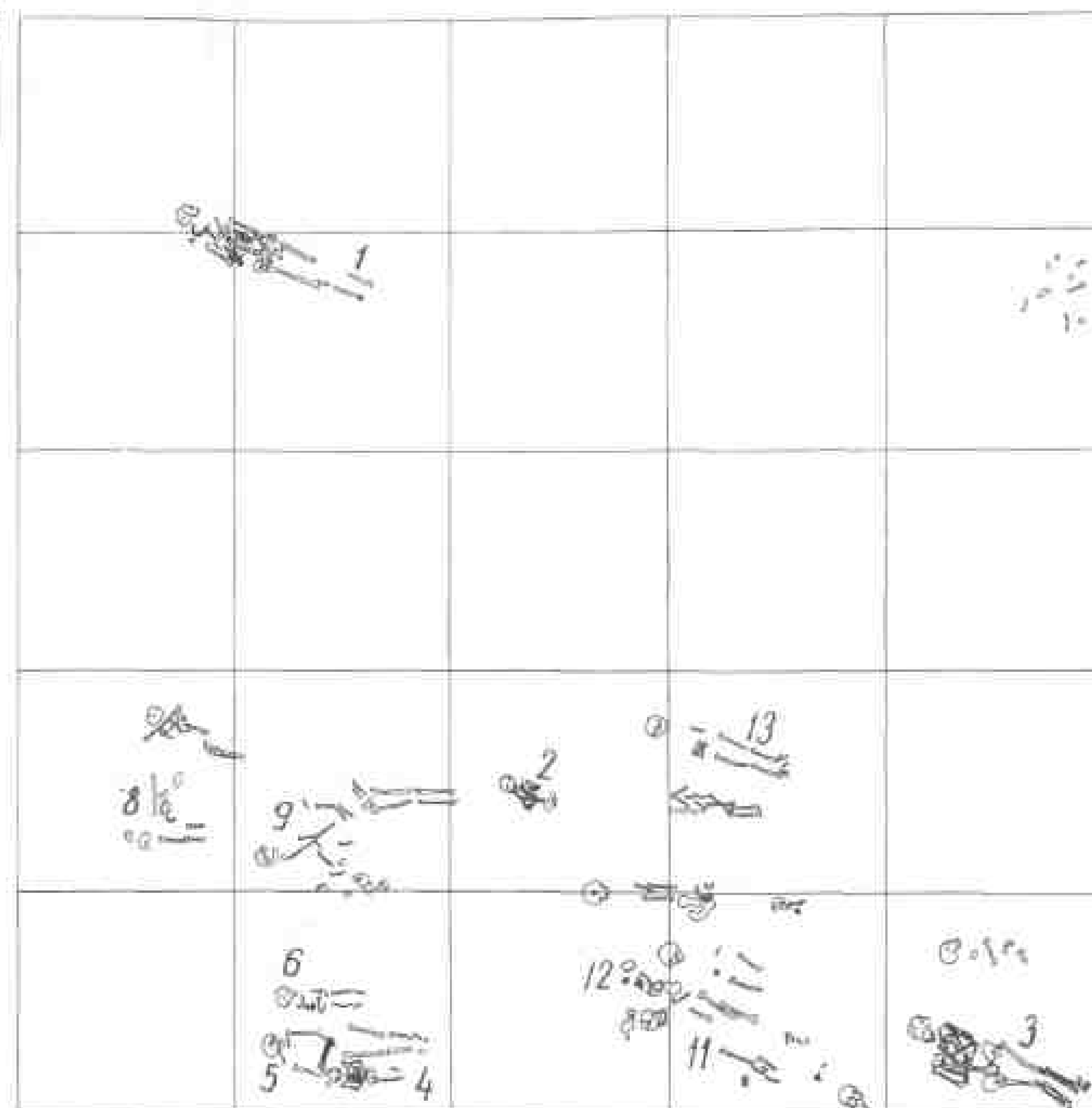

Рис. 162. Братские могилы 1237 г. на раскопе у д.Фатьяновка. Верхний ярус.

роса. Его ажурные пластины напоминают декор нижней части хороса из Киевского исторического музея (табл.146)⁵⁶. Среди других находок из застройки котлована отметим круглую лунницу с имитацией зерна (XII — первая треть XIII в.), шаровидный бубенчик с линейной прорезью, стеклянные браслеты, часть днища горшка с клеймом.

В некоторых погребениях — признаки насильственной смерти: в мужском п.58 — пролом черепа в средней части венечного шва; в мужском п.50 в области сердца, между ребер, лежал черешковый наконечник стрелы с обломанным острием; в мужском п.64 наконечник стрелы найден в области живота, стрела шиловидная, с простым упором (тип 90).

Разнообразие в положении рук объясняется захоронением умерших в гробах.

Всего вскрыто 67 погребений (табл.147-150). На основе изучения костных материалов поло-возрастные определения выполнены А.А.Петруцким.

Поло-возрастной состав убитых показателей и в целом совпадает с братской могилой на р.21. Преобладают мужчины (20) в возрасте от 30 до 40 лет,

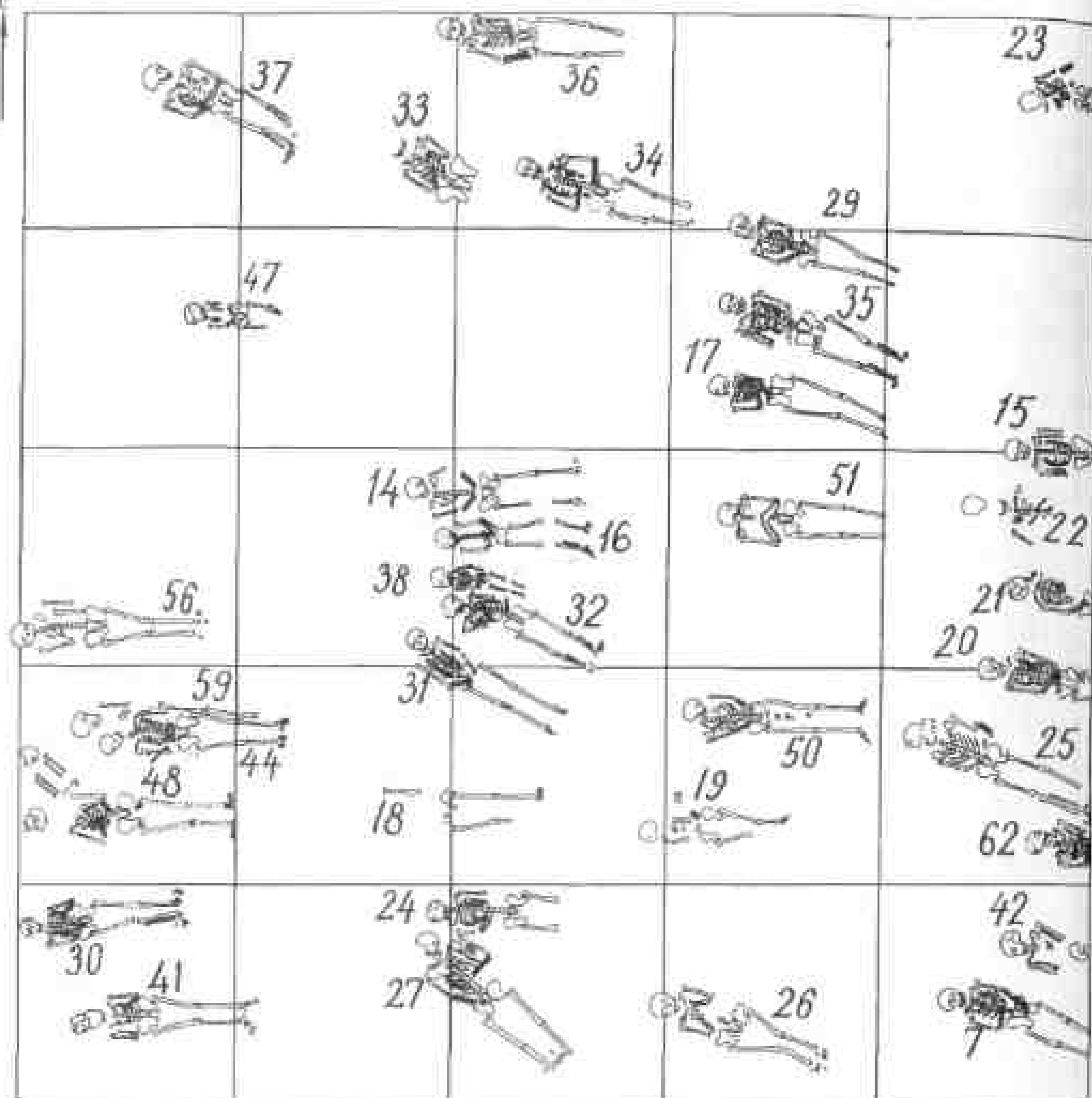

Рис. 163. Братские могилы на раскопе у д. Фатьяновка. Средний ярус.

самому старшему 45-50; среди женщин (22) почти нет моложе 25 лет, большинству от 30 до 40, в трех случаях 55-60 лет. Детских погребений 10. Полностью отсутствуют захоронения юношей и девушек: эти категории пленников не подлежали уничтожению и были угнаны монголами. Население Рязани все же не было целиком избито, как повествует летописец ("не осталось во граде ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые"): отроки и отроковицы были обращены в рабство.

П.7, жен.: фрагменты воротника одноцветного шелка с золотой вышивкой; основа ткани — из тонкой, сильно крученной нити, что указывает на византийское происхождение. Структура и плотность ткани неопределимы из-за плохой сохранности. Воротник подложен берестой. На ткани сохранился след вышитого золотом узора в виде листа с кружком посередине.

П.17, муж.: в области шеи — бронзовая пуговица.

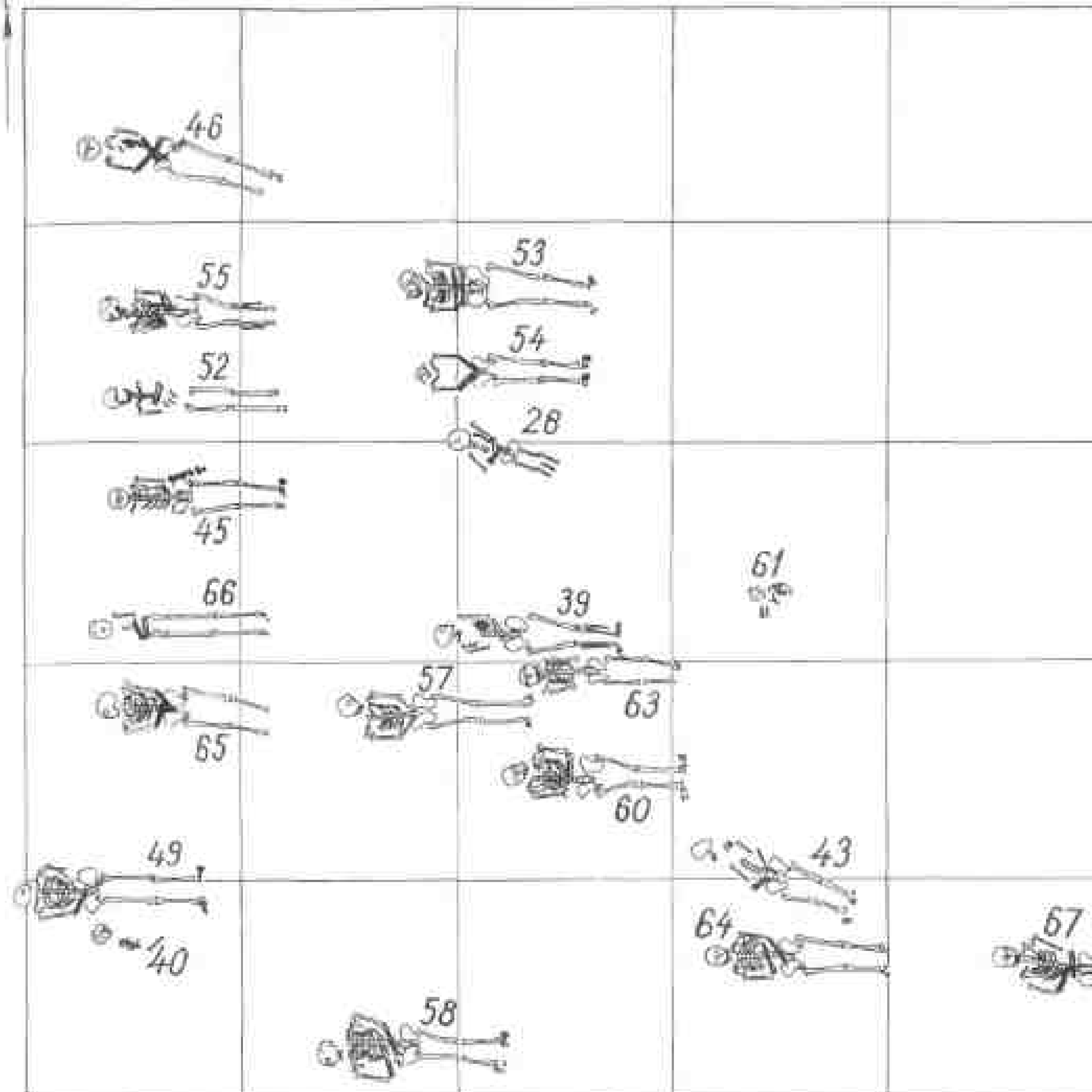

Рис. 164. Братские могилы на раскопе у д. Фатьяновка. Нижний ярус.

П.18, муж.: у правого запястья — фрагмент шелковой византийской тесьмы с зигзагообразным орнаментом: выработана двумя основами и двумя утками — шелковым и золотным, от которого сохранились только следы. Лицевая сторона сработана саржевым переплетением, изнаночная — полотняным. Фрагмент с левого запястья аналогичен предыдущему. Кусочки тесьмы дл. 7 см при шир. 1,3 см.

П.25, жен.: возле скелета — битрапецидная синяя бусина (XII — п. треть XIII в.).

П.31 жен.: на лобной части черепа — фрагменты налобной повязки в виде обрывков византийской ленты, уникальной по узору в виде прилегающих друг к другу квадратиков. До сих пор подобный шашечный орнамент ни разу не встречен среди золототканых лент, экспортировавшихся Византией на Русь в XI-XIII вв. Подкладка ленты берестяная; дл. повязки 20 см, шир. 1,5 см.

П.34, жен.: у нижней челюсти — обрывки воротника — фрагменты золототканой византийской тесьмы с зигзагообразным рисунком и обрывки двухлинейной шелковой ткани византийского происхождения: основа — из

сильно крученных нитей. Плотность из-за плохой сохранности неопределима. Сохранились следы золотной вышивки "на проем". У левой ключицы — бронзовая пуговка. Золотной лентой были обшиты рукава сорочки (исподки) у запястий: обнаружены обрывки золотных нитей.

П.35, муж.: возле костяка — мелкие обрывки золотых нитей.

П.36, муж.: в области шеи — следы золотой ленты; на левой ключице — пятнышко медного окисла от пуговицы.

П.38, дет.: на левой ключице — пуговица.

П.41, жен.: у нижней челюсти — на бересте остатки шеевой ткани с золотной вышивкой и ленты-тесьмы. Фрагмент двустороннего шелка саржевого переплетения; основа из тонких нитей слабой крутки, что позволяет отнести материю к изделиям шелкоткацких мастерских Ирана. Судя по ширине фрагмента (более 5,5 см), это был пристяжной воротник. По небольшим отверстиям, оставленным в ткани от металлических нитей, удалось реконструировать вышитый узор. Он состоит из связанных между собой клейм, с размещенными в них стилизованными изображениями кринов — лилий. Контур рисунка выполнен шелковыми нитями стебельчатым швом. Промежутки между контурными линиями заполнены золотными нитями шитьем "на проем". Этот способ шитья, повсеместно распространенный на Руси в XI–XII вв., состоял в том, что металлические нити пропускались с лица на изнанку, образуя на лицевой стороне длинные стежки, на изнаночной — короткие.

На груди, справа, лежал нож.

П.44, жен.: в области шеи — фрагмент шелковой золототканной византийской тесьмы с зигзагообразным орнаментом. Тесьма, как и в других погребениях, лежала на куске бересты, подстилавшей шелковый порогник с изнанки для придания ему жесткости.

П.45, жен.: возле шеи — фрагменты шелковой тесьмы с золотной вышивкой "на проем". Структуру ткани определить трудно, видимо, она была двухосновной. Основы сработаны из тонких нитей незначительной крутки, что дает основание отнести ткань к группе иранских изделий. У левой клинницы — пуговка.

П.46, жен: у шеи — фрагмент тесьмы с зигзагообразным рисунком и маленький обрывок шелковой ткани; у левого плеча — бронзовая пуговица.

П.50, муж.: в области сердца — шиловидный предмет.

П.53, жен.: у левого плеча — фрагмент византийского шелка с золотой вышивкой, основа берестяная; здесь же 2 пуговицы.

П.62, жен.: под нижней челюстью — обрывки византийской тесьмы с зигзагообразным рисунком и фрагмент шелковой византийской двухосновной ткани саржевого переплетения; рядом — 2 пуговицы.

П.63, жен.: у левого плеча — 2 пугови и остатки рассыпавшейся золотной ленты.

П.66, муж.: у левого плеча — пуговица; в области кисти левой руки — фрагмент литого узкопластинчатого перстня с узором в виде плетеной косички (XI в.). Это находка позволяет предположить, что и на территории Соколиной горы находилось скрытое курганный поле первого этапа развития Рязани. Это подтверждается и открытием в 1968 г. погребения того же времени неподалеку от братской могилы, на южной окраине Фатьяновки⁵⁷.

Коллекция текстильных материалов из раскопок рязанских могильников, к которой относятся и обнаруженные при исследованиях В.А.Городцова²⁴,

представляет значительный интерес для воссоздания экономических и культурных связей Рязанского княжества. Изучение кусков одноцветного, преимущественно красного, шелка и фрагментов декоративной тесьмы с различными узорами — характера сырья, качества пряжи, их строения и орнаментации — дало возможность установить, из каких производственных центров они попадали на русский рынок. Прежде всего следует отметить мастерские Средиземноморья (Византия), Ближнего и Среднего Востока (Иран), выделены и материи испанского происхождения. На многих извлеченных из захоронений обрывках шелка прослежены следы вышивок серебряно-позолоченными и шелковыми нитками, выполненных русскими мастерицами. Однако из-за фрагментарности тканей восстановить вышитые узоры удастся с трудом.

Обнаруженные в могилах детали мужского и женского костюма дают некоторое представление о погребальной одежде рядовых обитателей города. Шелковые материи применялись для отделки рубах, сшитых из льняных или шерстяных тканей. Полосками шелка обшивали ворот платья (под позумент воротника подшивали жесткую берестяную основу), обшлага рукавов; из шелка выкраивали пристяжные воротники. Шелковой тесьмой украшали женский головной убор — "чело", "венец" (в древнерусской лексике в значениях "повязка на голове умершего", "девичий головной убор").

1. Монгайт А.Л. Старая Рязань // МИА. 1955. N 49. С. 12, 30.
2. Даркевич В.П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани // Археология Рязанской земли. М., 1974. С.61-63, 68, 69. Рис. 40, 41, 47.
3. Сабурова М.А., Седова М.В. Некрополь Суздаля // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С.106.
4. Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961. С.192, 193.
5. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981. С.14. Рис.3, 13.
6. Недошивина Н.Г. Перстни // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1967. С. 257, 258. Рис.31, 5, 6.
7. Успенская А.В. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1967. С.102, 103. Рис. 16, 3.
8. Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. 1980. N 3. С. 122, 125. Рис. 2.
9. Сабурова М.А. О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси // КСИА. 1975. Вып.144. Рис. 1 и 2.
10. Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // МИА. 1949. N 11. Рис.21, 22.
11. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. М., 1982. С. 117. Табл. XXIX и цвет. вклейка между с. 96-97.
12. Левашева В.П. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1967. Рис. 4 (6).
13. Седова М.В. Ювелирные изделия. С. 132. Рис. 50, 14.
14. Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель IX-XIII в. Киев, 1990. С.49.
15. Львова З.А. Стекланные бусы Старой Ладogi // Гос. Эрмитаж. Археологический сборник. Л., 1968. Вып. 10. Рис. 4 (25, 26).
16. Смирнова Г.П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // МИА. 1956. N 55. С. 239. Рис. 4, 4.
17. Равдина Т.В. Погребения X-XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М., 1988. С. 113.

18. *Левашева В.П.* Браслеты // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. М., 1967. С.227,228.
19. *Седов В.В.* Восточные славяне в У1-XIII вв. С.189.
20. *Моця А.П.* Скорченные захоронения древнерусских некрополей // Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981.
- Он же. Население Среднего Поднепровья IX-XIII вв. Киев, 1987. С. 89-91.
- Он же. Погребальные памятники южнорусских земель. С. 27.
21. *Седов В.В.* Восточные славяне в У1-XIII вв. С. 155. Карта 12.
22. Там же. С. 105.
23. *Макаров Н.А.* Население русского Севера в XI-XIII вв. М., 1990. С.21.
24. *Сабурова М.А., Седова М.В.* Некрополь Суздаля. С.112. Рис.5, 111.
25. *Макаров Н.А.* Население русского Севера. С. 36.
26. *Флетчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 118.
27. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 353, 354.
28. *Макаров Н.А.* Население русского Севера. С. 24.
29. *Белоцерковская И.В.* Некоторые черты погребального обряда курганов Смоленской земли XI-XII вв. // Проблемы истории СССР. М., 1976. Вып.У. С. 31, 32.
30. *Топорков А.Л.* Домашняя утварь и поверья и обрядах Полесья // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX-начала XX вв. М., 1990. Вып.2. С. 82, 89.
31. *Алексеева Т.И.* Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973. С. 121.
32. *Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе. М., 1941. С. 114.
33. *Габдрахманов П.Ш.* Детерминанты развития народонаселения в Средние века // Культура и общество в Средние века в зарубежных исследованиях. Реферативный сборник. М., 1990. С. 262.
34. В У111-IX вв. на Западе — 2,5 ребенка на семью, в Нюрнберге в 1449 г. — 1,8 (*Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе. С. 15, 114).
35. *Макаров Н.А.* Население русского Севера. С. 67.
36. *Молвыгин А.Н.* О распространении английских монет на территории Эстонии в XI-XII в. // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 131.
37. *Седов В.В.* Амулеты-коньки из древнерусских курганов // Славяне и Русь. М., 1968. С. 154.
38. *Макаров Н.А.* Население русского Севера. С. 79.
39. *Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С.111, 114, 115, 141; Он же. Восточные славяне в У1-XIII вв. С. 162, 189.
40. *Сабурова М.А., Седова М.В.* Некрополь Суздаля. С. 107, 109, 128.
41. *Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода М., 1982. С. 167, 168.
42. *Щапова Ю.Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972. С.84-87; Она же. О происхождении некоторых типов древнерусских бус // СА. 1962. N 2. С.88,89.
43. *Макаров Н.А.* Население русского Севера. С. 101.
44. *Щапова Ю.Л.* Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. М., 1956. N 55. С.176,178. Табл.11, 8-10, 25; *Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей. С.167,168,170.
45. *Седиванов А.В.* Отчет о раскопках в Старой Рязани // ТРУАК. Рязань, 1889. Т.111; Он же. О раскопках в Старой Рязани // ТРУАК. Рязань. 1891. ТУ. N 3.
46. *Макаров Н.А.* Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей // СА. 1981. N 2. С.113.

47. *Тихомиров Д.* Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани. М., 1844. С.8.
48. *Монгайт А.Л.* Дневник раскопок в Старой Рязани 1948 г. // Архив ИА АН СССР, Р-1, 232.
49. *Янин В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С.92,93.
50. *Тихомиров Д.* Исторические сведения. С.14,15. Рис.У.
51. *Макаров Н.А.* Топография погребений в древнерусских храмах XI-XIII вв. // Тезисы докладов советской делегации на 1У Международном конгрессе славянской археологии. М., 1980. С. 71-73.
52. *Моця А.П.* Погребальные памятники южнорусских земель. С. 58.
53. *Монгайт А.Л.* Старая Рязань. С. 29. Рис. 14.
54. *Алексеева Т.И.* Этногенез восточных славян. С.121, а также исследования Т.И.Алексеевой и В.П.Хатунцева по материалам раскопок 1977-1978 гг.
55. *Фехнер М.В.* Испано-русская торговля XII в. // История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980. С.128.
56. *Рыбаков Б.А.* Русское прикладное искусство X-XIII вв. Л., 1971. Илл. 20, 21.
57. *Даркевич В.П.* Раскопки на Южном городище. С. 71. Рис. 47.
58. *Фехнер М.В.* Текстильные изделия // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991.

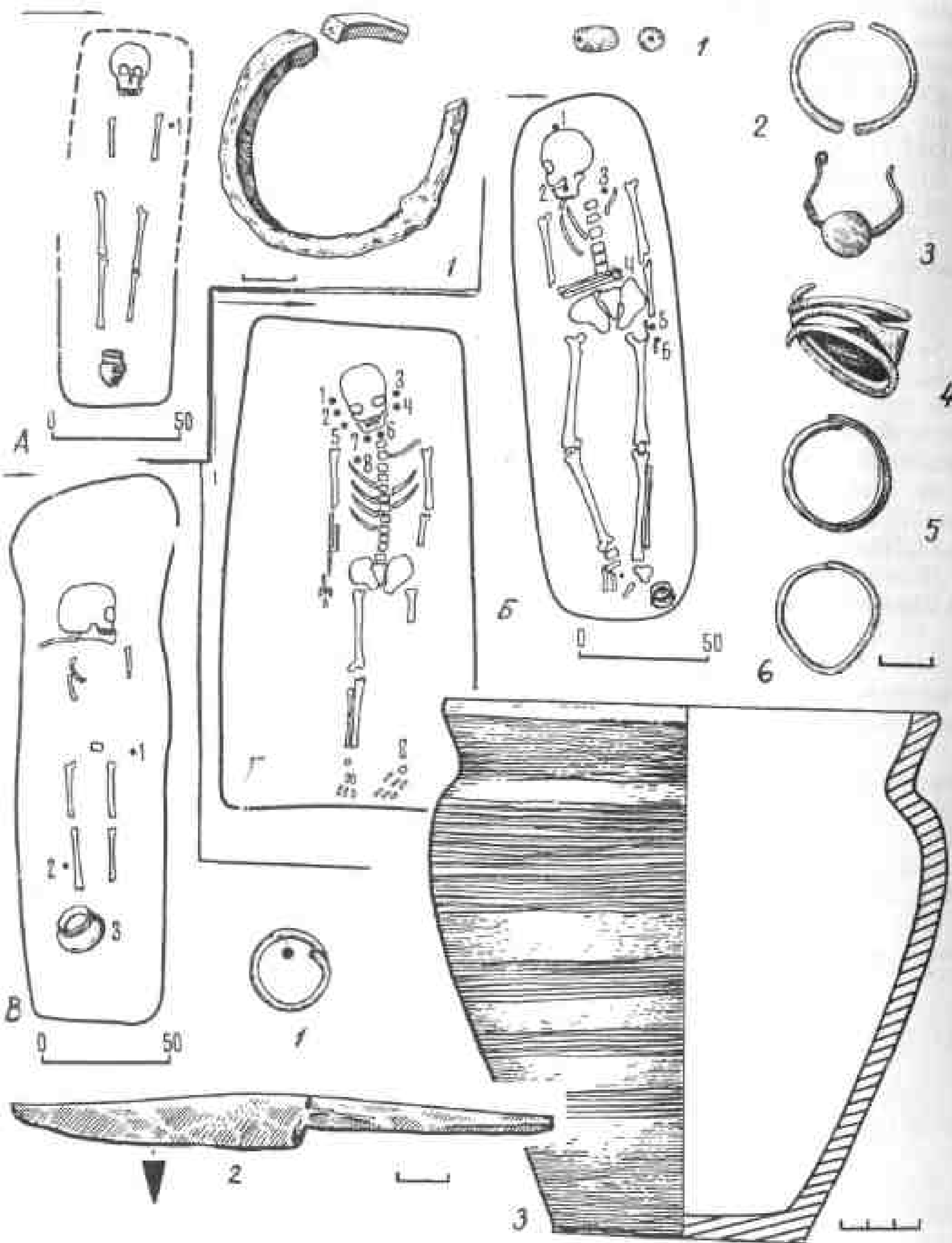

Таблица 109. Раскоп 11, погребения.
 — п.1, 1 — железное кольцо; Б — п.2, 1 — бусинка, 2 — проволоочное височное кольцо, 3 —
 трехбусинное височное кольцо (две бусины отломаны), 4 — усатый перстень, 5 — узко-
 пластинчатый перстень, 6 — проволоочное кольцо; В — п.3, 1 — проволоочное колечко, 2 — нож,
 3 — горшок; Г — п.5.

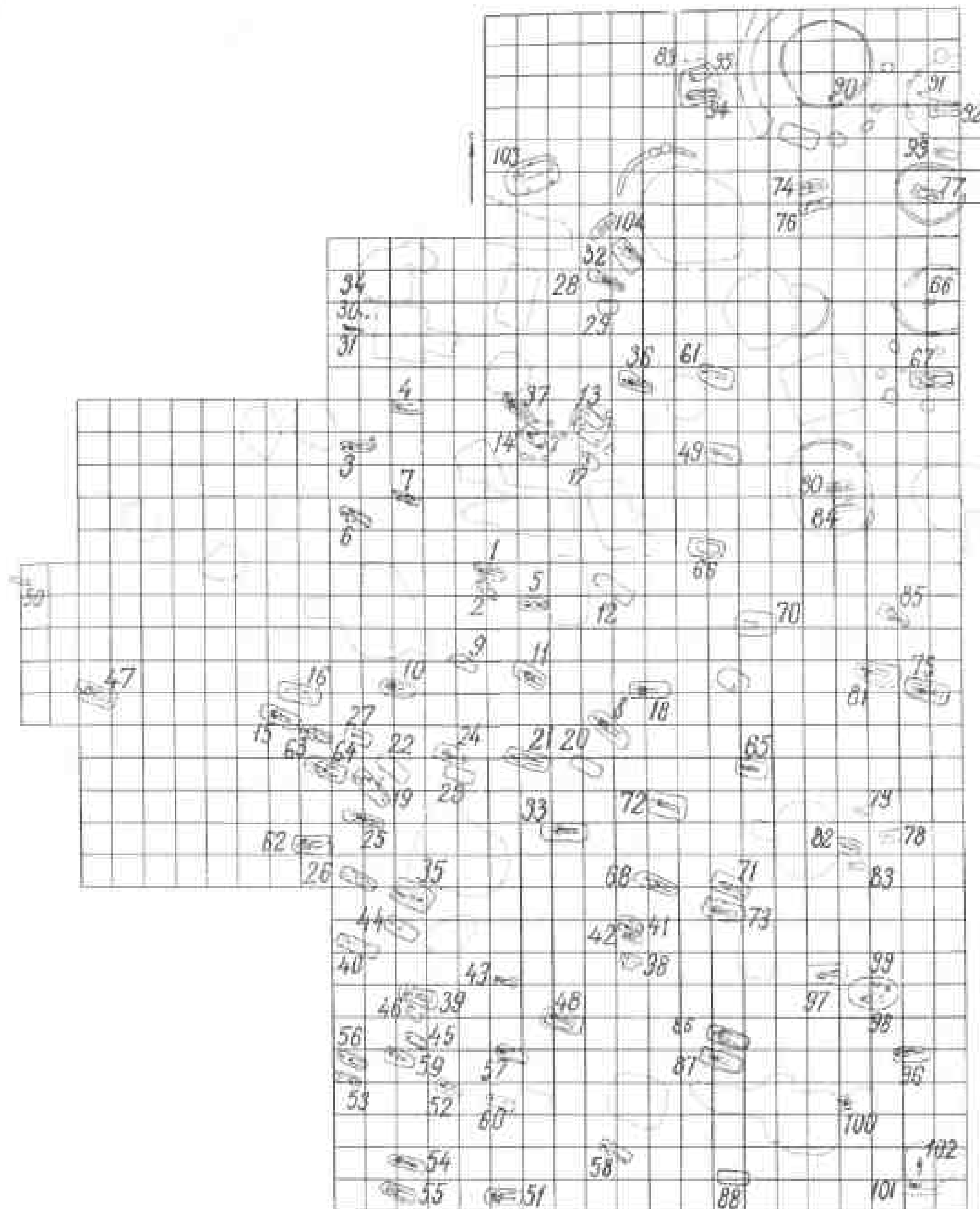

Таблица 110. План некрополя на раскопе 13.

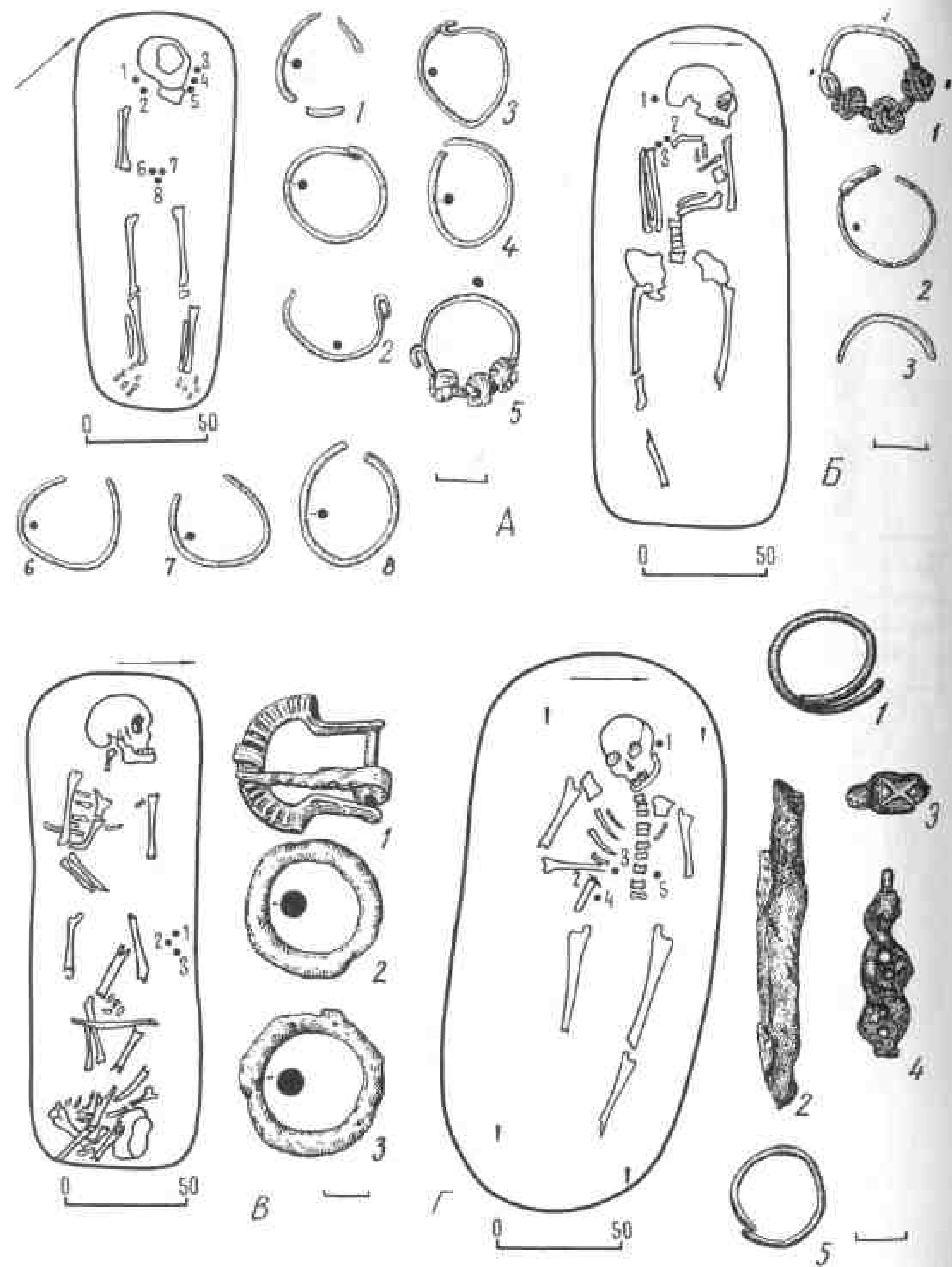

Таблица 111. Раскоп 13, погребения.

А — п.2, 1-4 — перстневидные височные кольца, 5 — трехбусинное узелковое височное кольцо, 6-8 — бронзовые проволочные кольца; Б — п.4, 1 — трехбусинное узелковое височное кольцо, 2, 3 — узкопластинчатые перстни; В — п.5, 1 — лировидная пряжка, 2, 3 — поясные кольца; Г — п.10, 1 — перстневидное височное кольцо, 2 — ножик, 3 — перстень, 4 — привеска-амулет (ложечка?), 5 — проволочное кольцо.

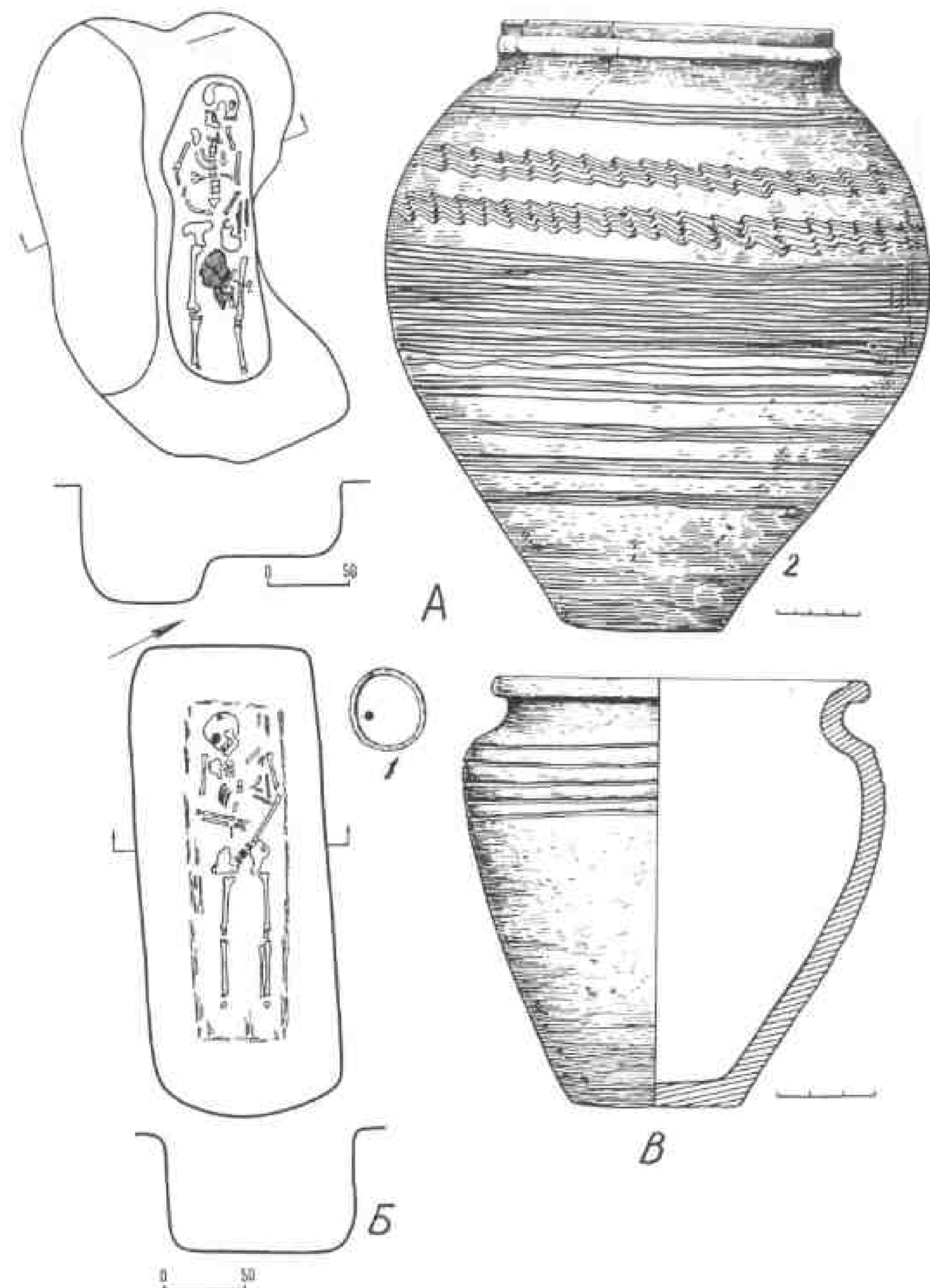

Таблица 112. Раскоп 13, погребения.

А — п.7, 1 (из плана) — два ножа, 2 — горшок; Б — п.47, 1 — дротовый перстень; В — горшок из п.22.

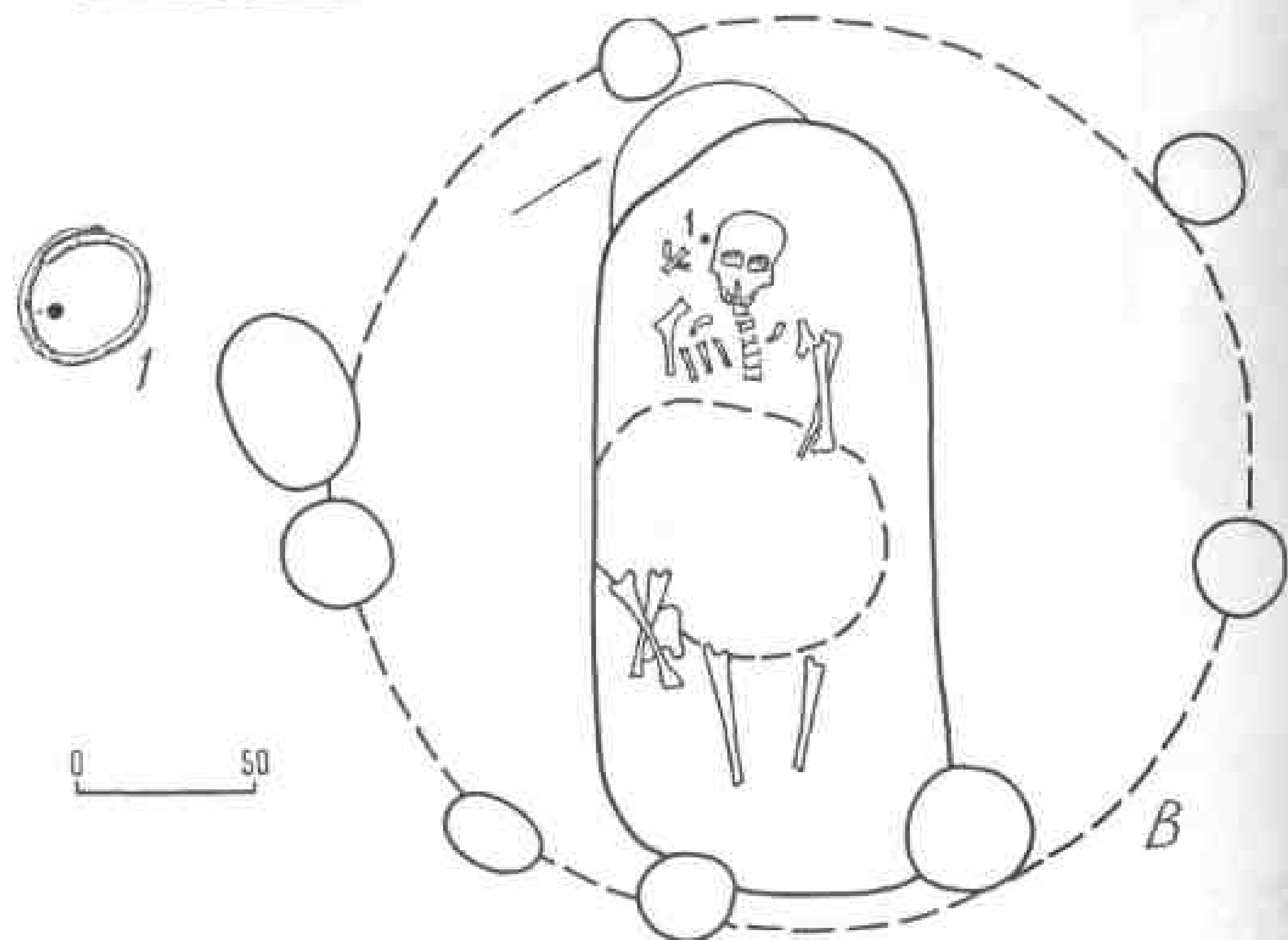
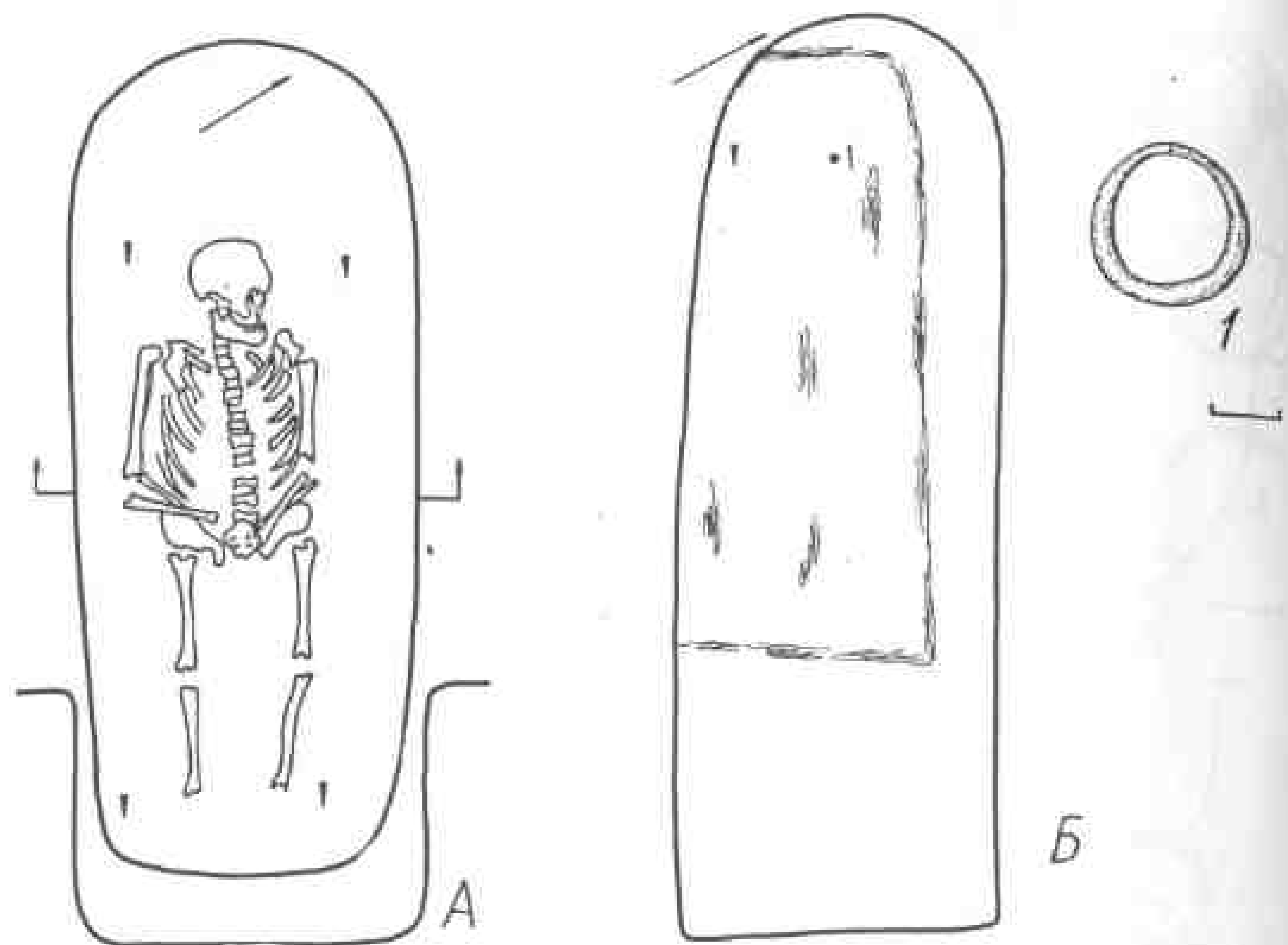

Таблица 113. Раскоп 13, погребения.
А — п.11, план (треугольниками обозначены гвозди); Б — п.12, план (показан деревянный тлен от гроба); 1 — толстопроволочное височное кольцо; В — п.14, 1 — перстневидное височное кольцо.

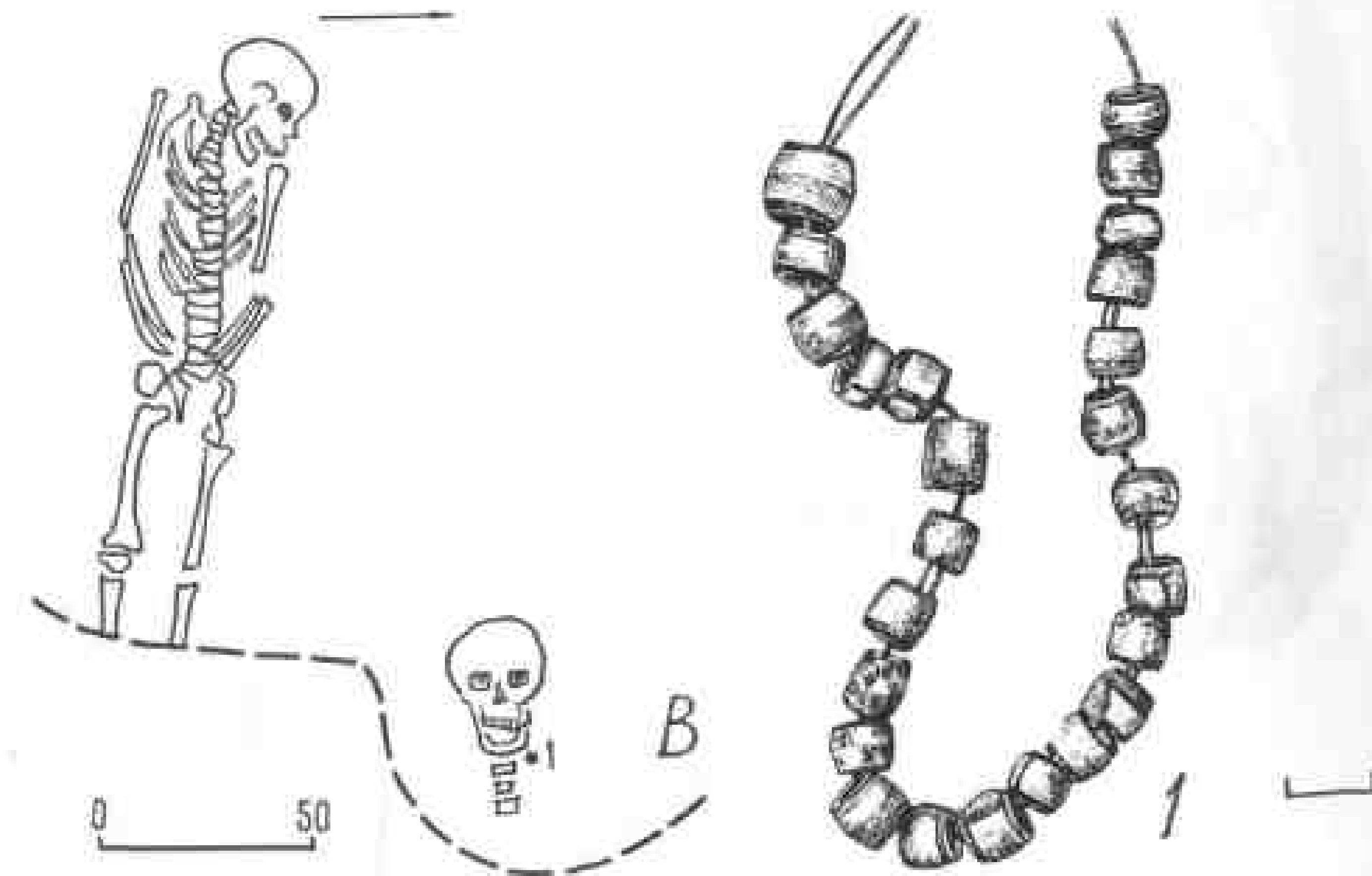
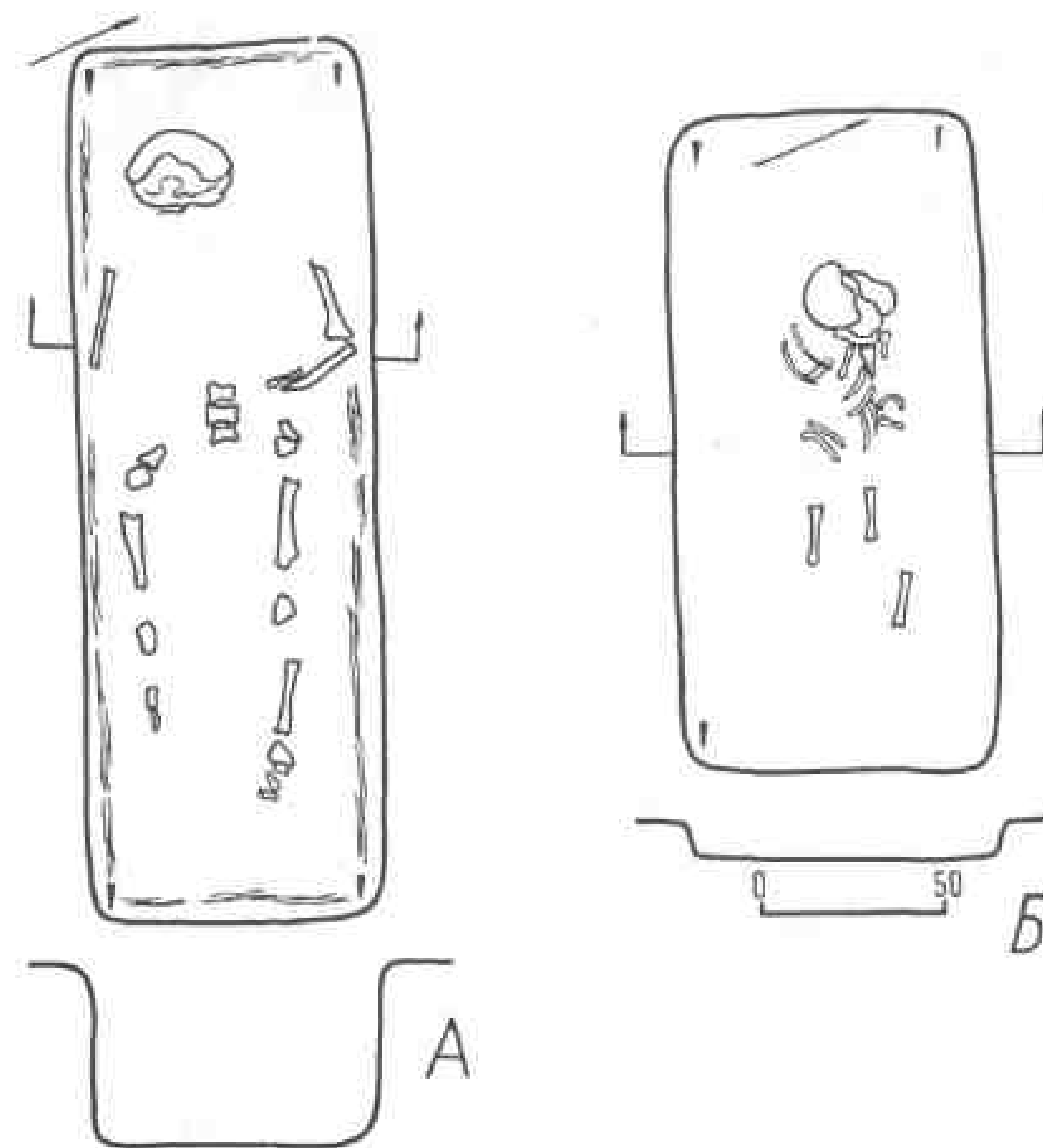

Таблица 114. Раскоп 13, погребения.
А — п.26; Б — п.27; В — п.30 и 31, 1 — бусы.

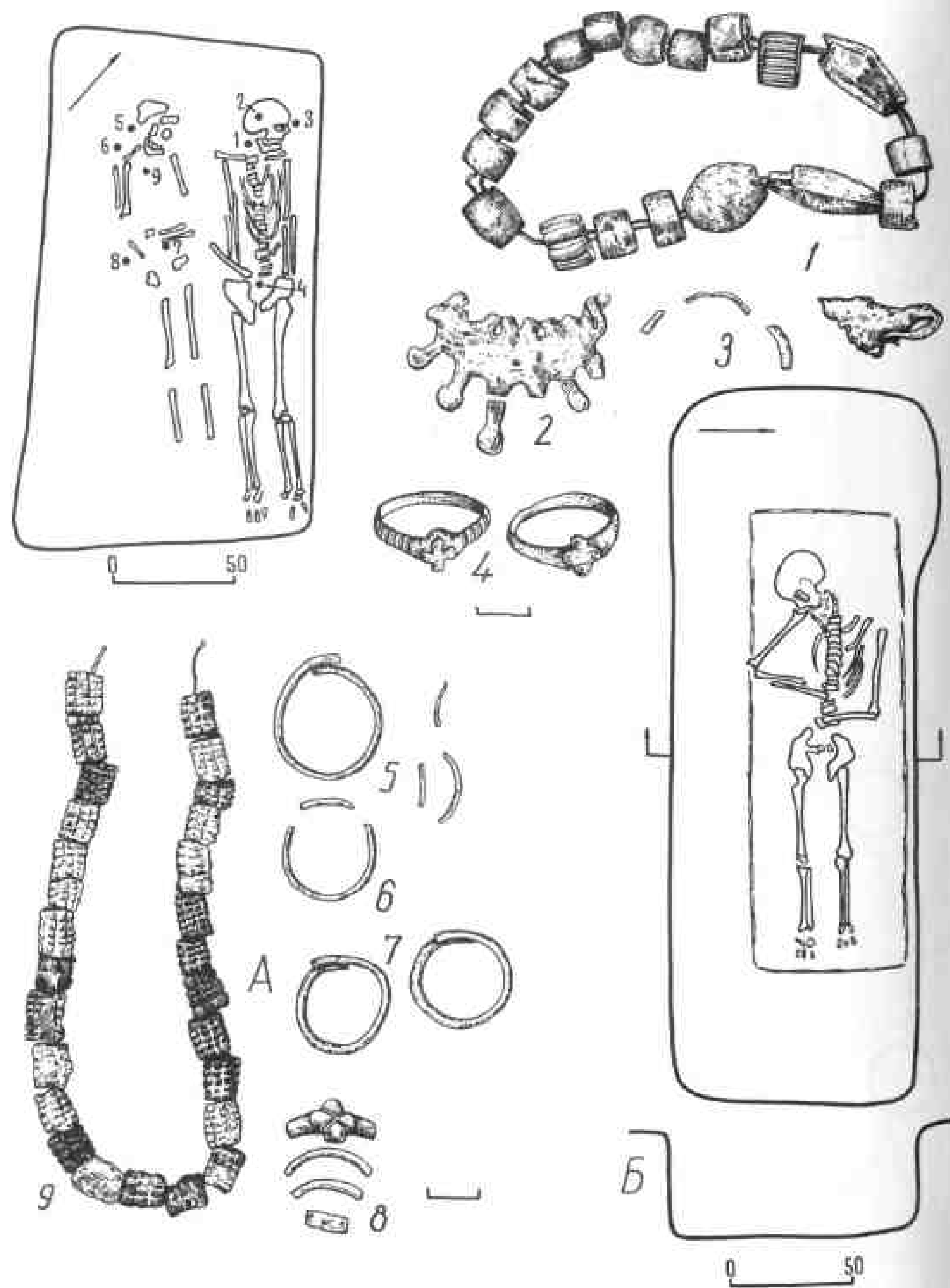

Таблица 115. Раскоп 13, погребение.
А — п.32, 1 — бусы, 2, 3 — семилучевые височные кольца, 4 — перстни, 5, 6 — проволочные височные кольца, 7 — проволочные кольца, 8 — щитковый перстень, 9 — бусы; Б — п.33.

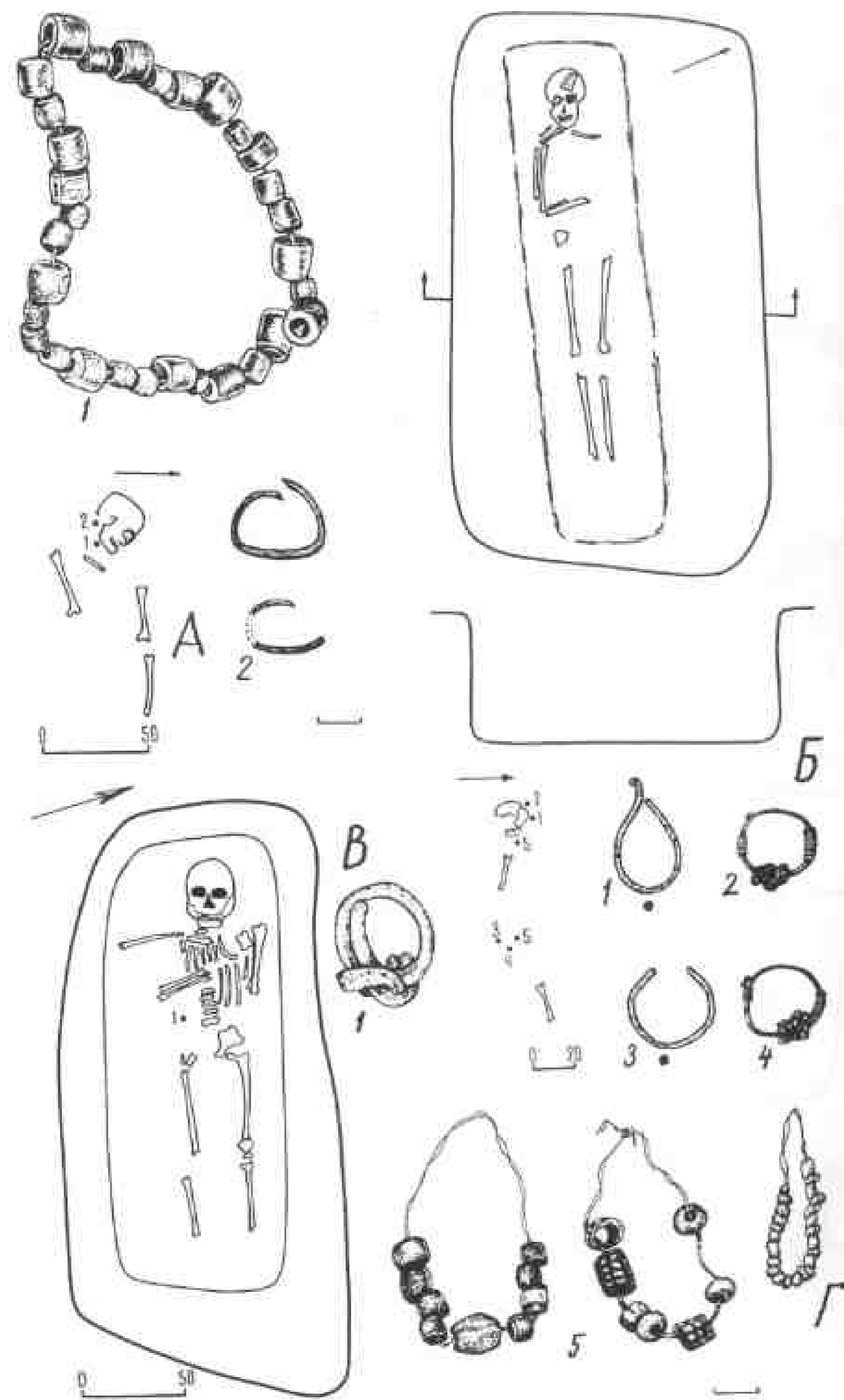

Таблица 116. Раскоп 13, погребения.
А — п.34, 1 — золотостеклянные бусы, 2 — проволочные височные кольца; Б — п.35; В — п.81, дровяное кольцо; Г — п.89, 1-4 — височные кольца, 5 — бусы.

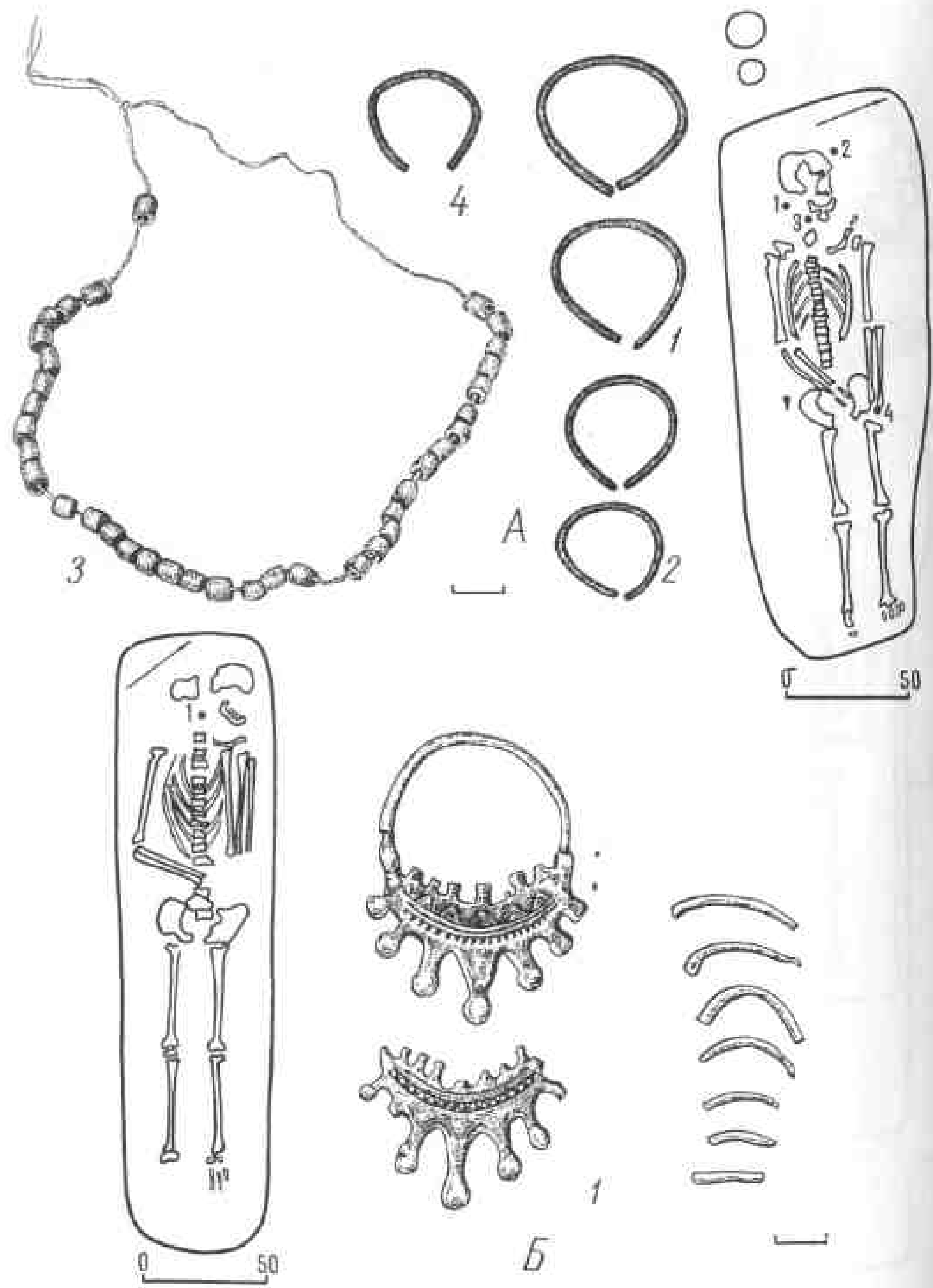

Таблица 117. Раскоп 13, погребения.
 А — п.36, 1, 2 — проволочные височные кольца, 3 — бусы, 4 — дровяной перстень; Б — п.37.
 1 — семилучевые височные кольца с обломками дужки.

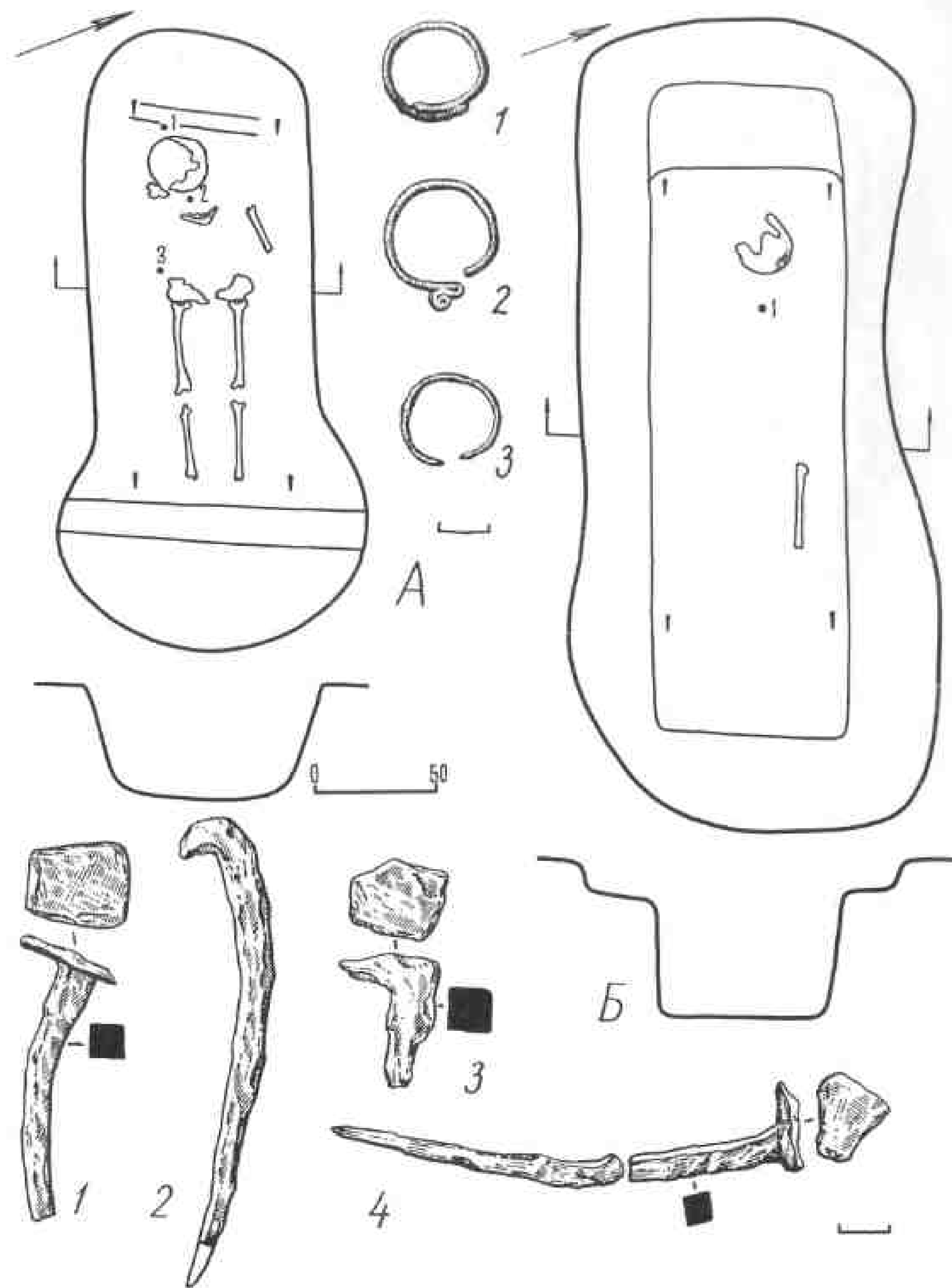

Таблица 118. Раскоп 13, погребения.
 А — п.39, 1, 2 — проволочные височные кольца, 3 — дровяной перстень, 4 — гвозди от гроба;
 Б — п.40, под № 1 на плане — остатки золототканого покрывала.

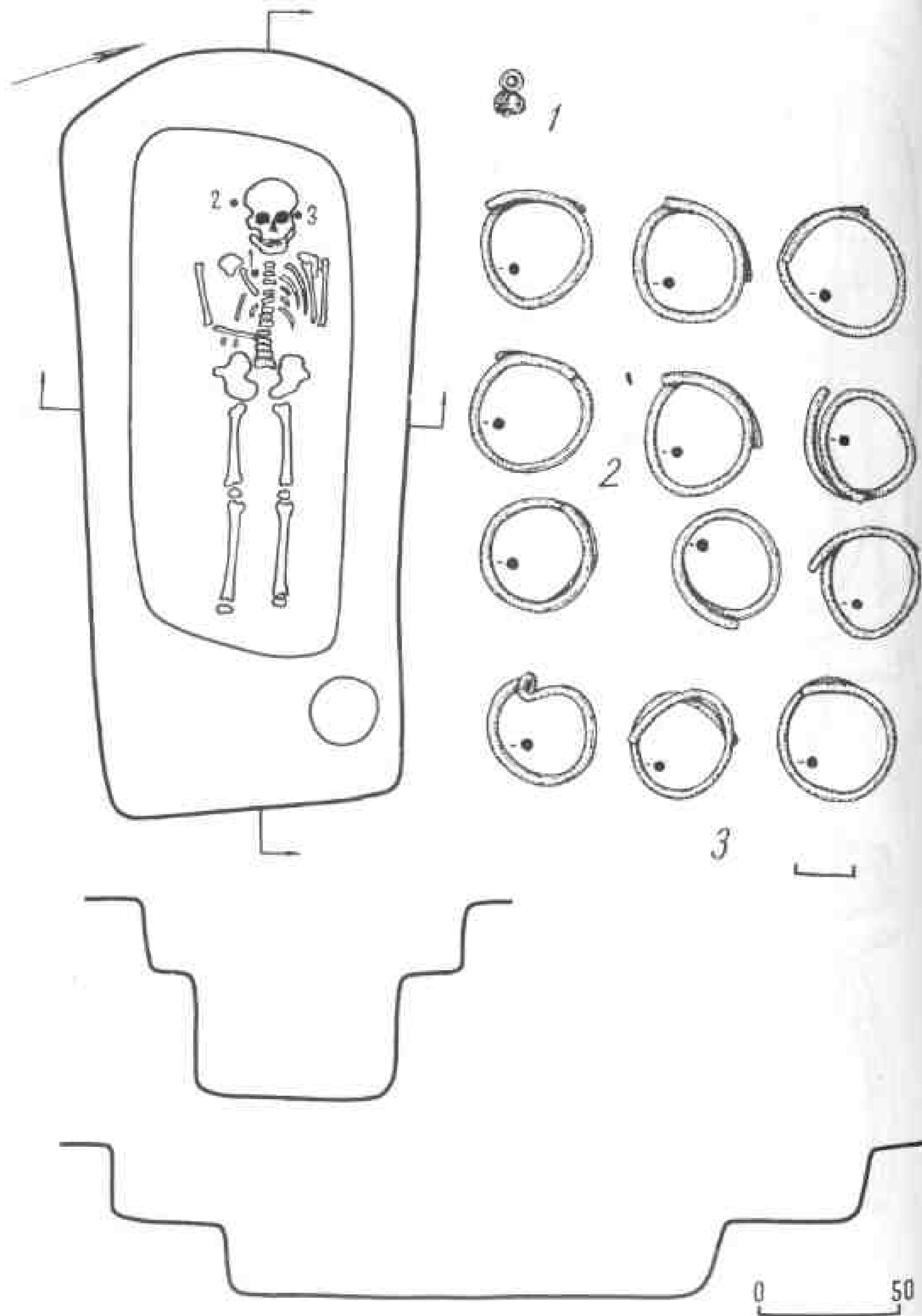

Таблица 119. Раскоп 13, погребение 48.
1 — пуговица, 2, 3 — проволочные височные кольца.

Таблица 120. Раскоп 13, погребение 49.
1, 2 — проволочные височные кольца, 3 — бусы, 4 — привеска к ожерелью, 5 — кольцо с бусинкой, 6 — цепочка, 7 — нож, 8 — серебряный перстень, 9 — фрагменты бронзового перстня.

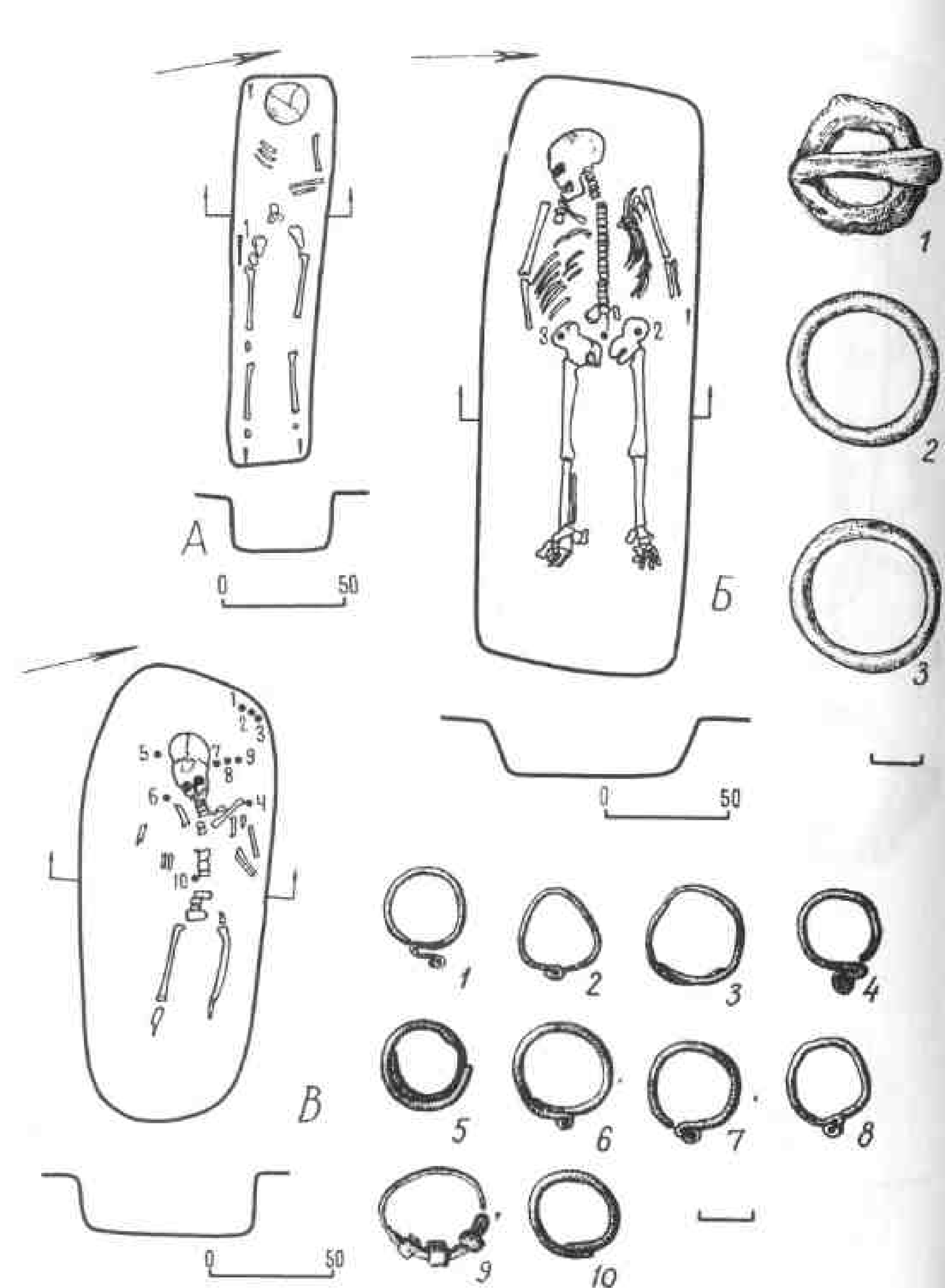

Таблица 121. Раскоп 13, погребения.

А — п.50, 1 (на плане) — нож; Б — п.51, 1 — поясная пряжка, 2, 3 — поясные кольца; В — п.52, 1-8 — проволочные височные кольца, 9 — трехбусинное узелковое височное кольцо, 10 — дротовый перстень.

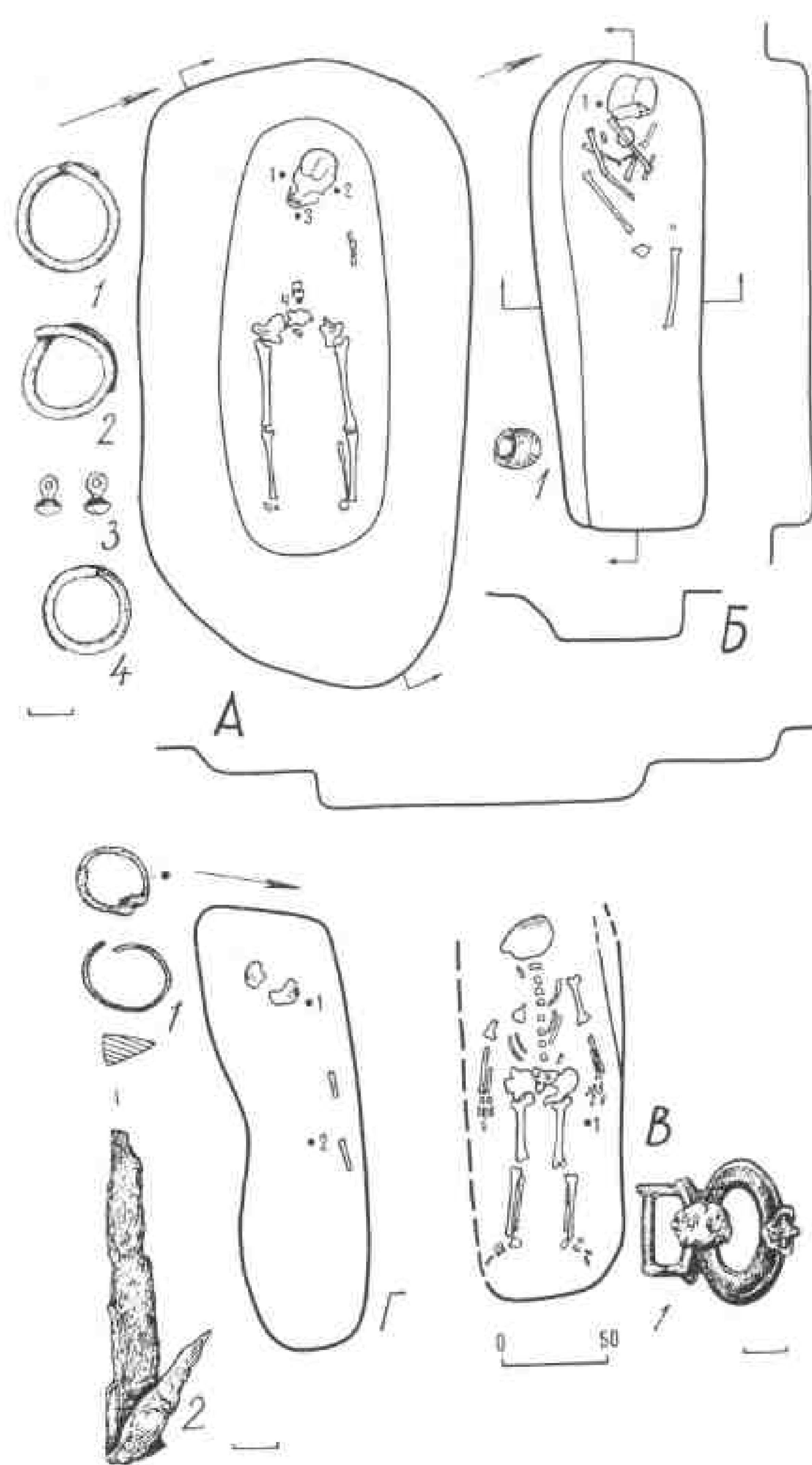

Таблица 122. Раскоп 13, погребения.

А — п.56, 1, 2 — проволочные височные кольца, 3 — пуговицы, 4 — дротовый перстень; Б — п.57, 1 — бусина; В — п.74, 1 — пряжка; Г — п.76, 1 — проволочные височные кольца, 2 — нож.

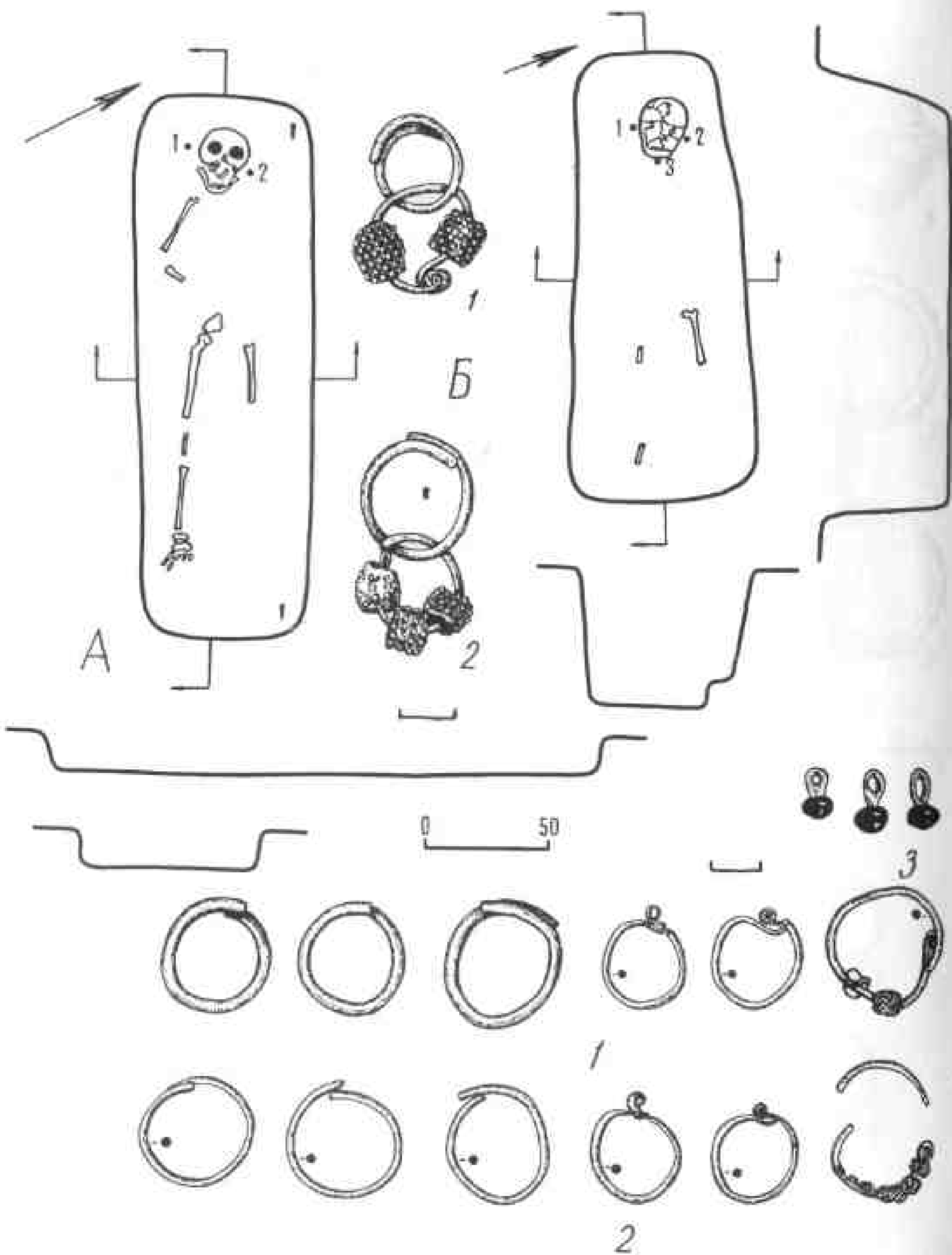

Таблица 123. Раскоп 13, погребения.

А — п.58, 1, 2 — трехбусинные височные кольца с зернами; Б — п.60, 1, 2 — височные кольца: проволочные, трехбусинные узелковые, кольцо с плетением из колечек, 3 — пуговицы.

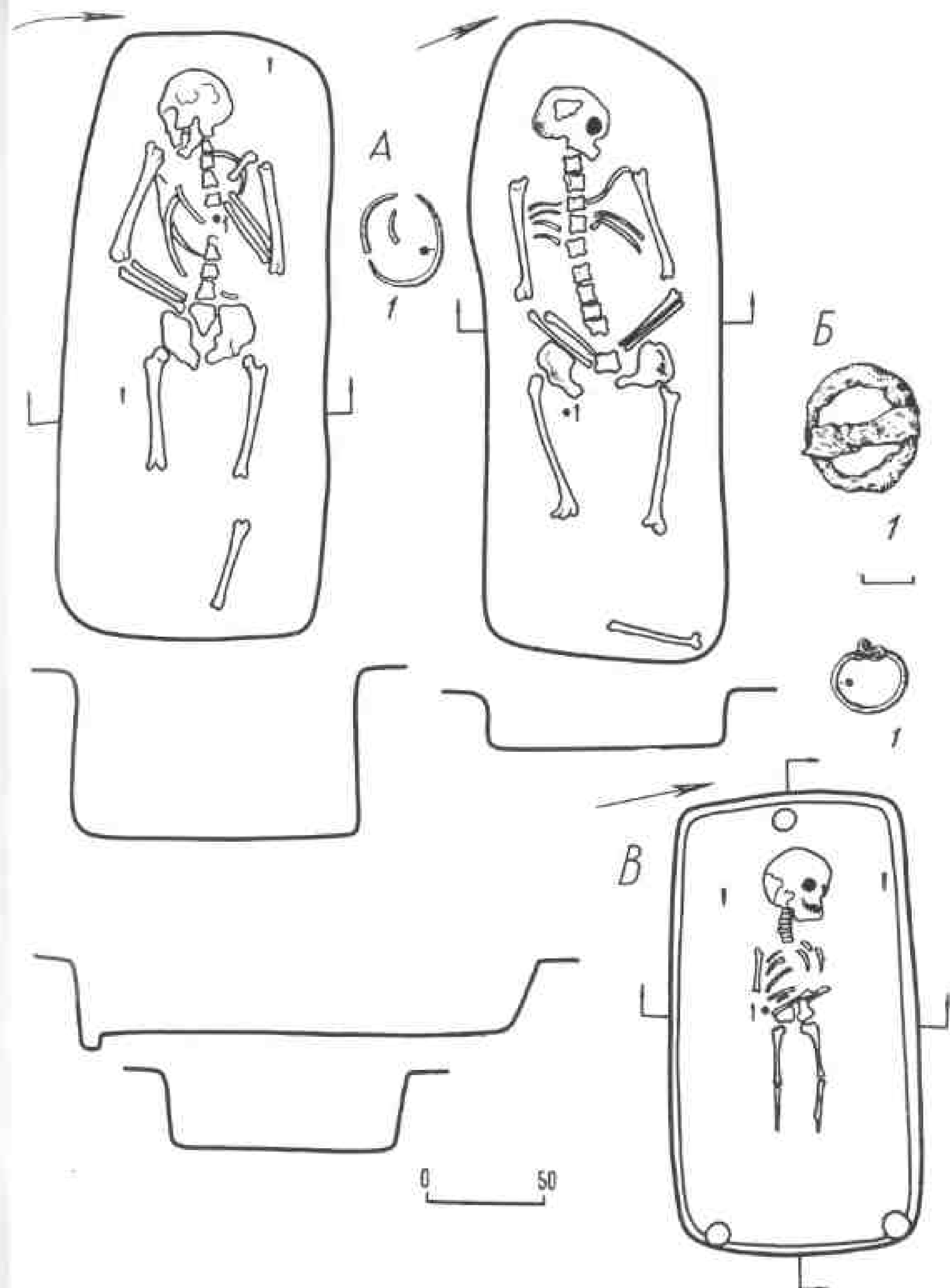

Таблица 124. Раскоп 13, погребения.

А — п.62, 1 — обломки проволочного кольца; Б — п.64, 1 — поясная пряжка; В — п.65, 1 — проволочное колечко.

Таблица 125. Раскоп 13, погребение 69.

1 — проволочные височные кольца; 2 — то же; 3 — проволочные кольца, одно с костной приращкой; 4 — бусы; 5 — нож; 6 — дотовый перстень; 7 — щитковосрединный перстень (бронза).

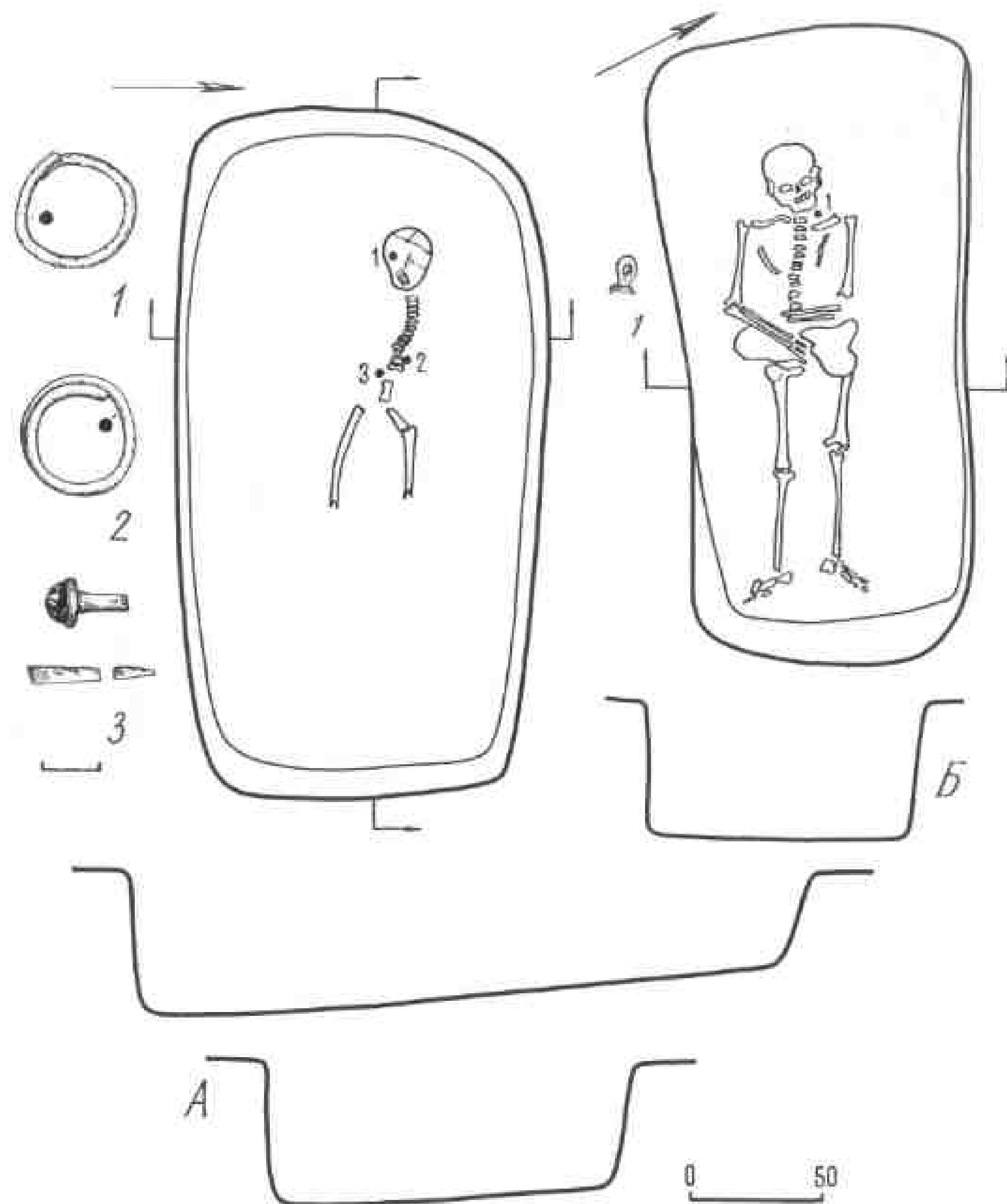

Таблица 126. Раскоп 13, погребения.

А — п. 70. 1 — проволочное височное кольцо (бронза), 2 — бронзовое кольцо-перстень, 3 — щитковосрединный перстень; Б — п. 71. 1 — пуговка.

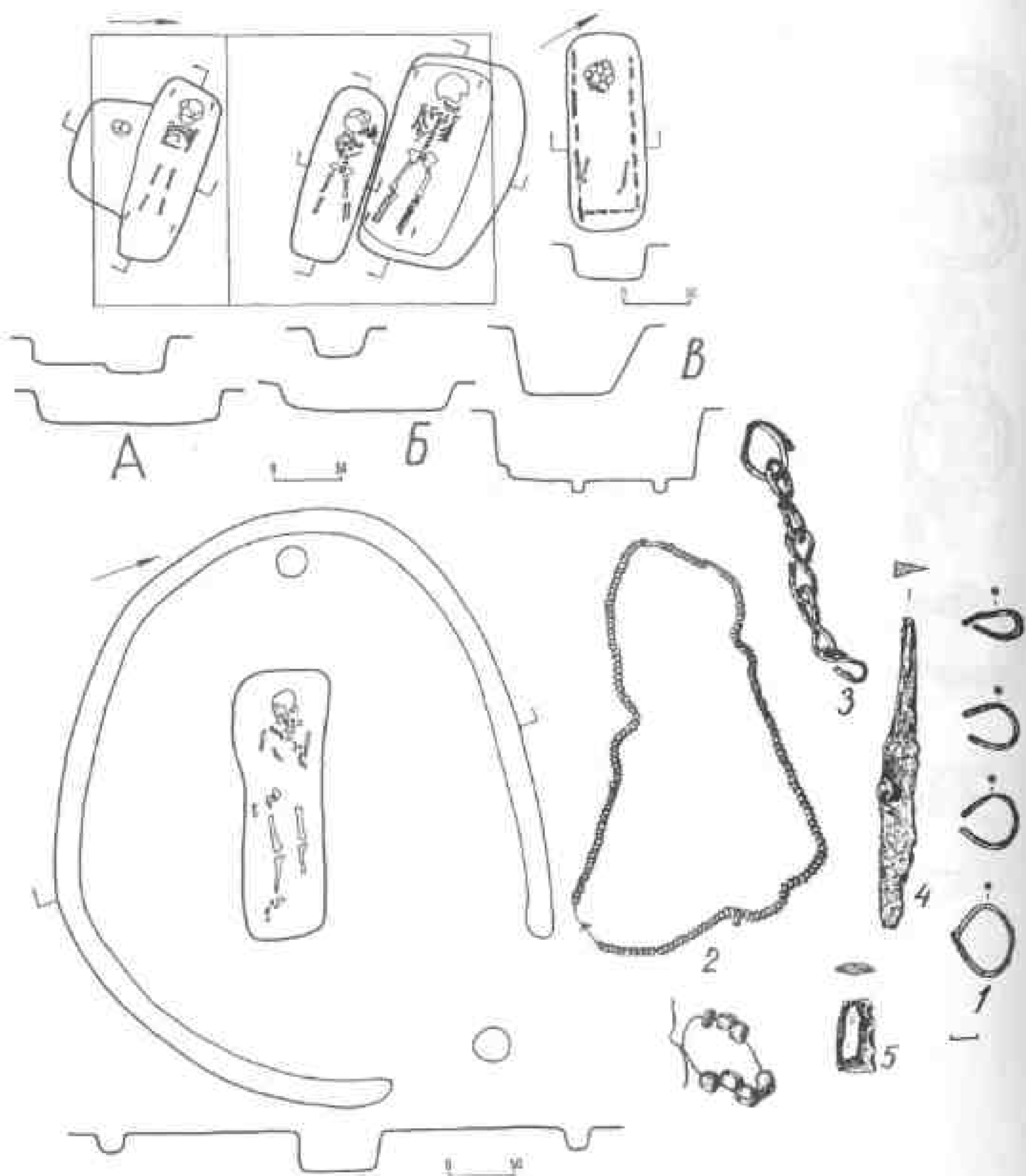

Таблица 127. Раскоп 13, погребения.
А — п.38; Б — п.41 и 42; В — п.45; Г — п.77. 1 — проволочные височные кольца, 2 — бисер, 3 — бронзовая цепочка, 4 — нож, 5 — кремневая пластина.

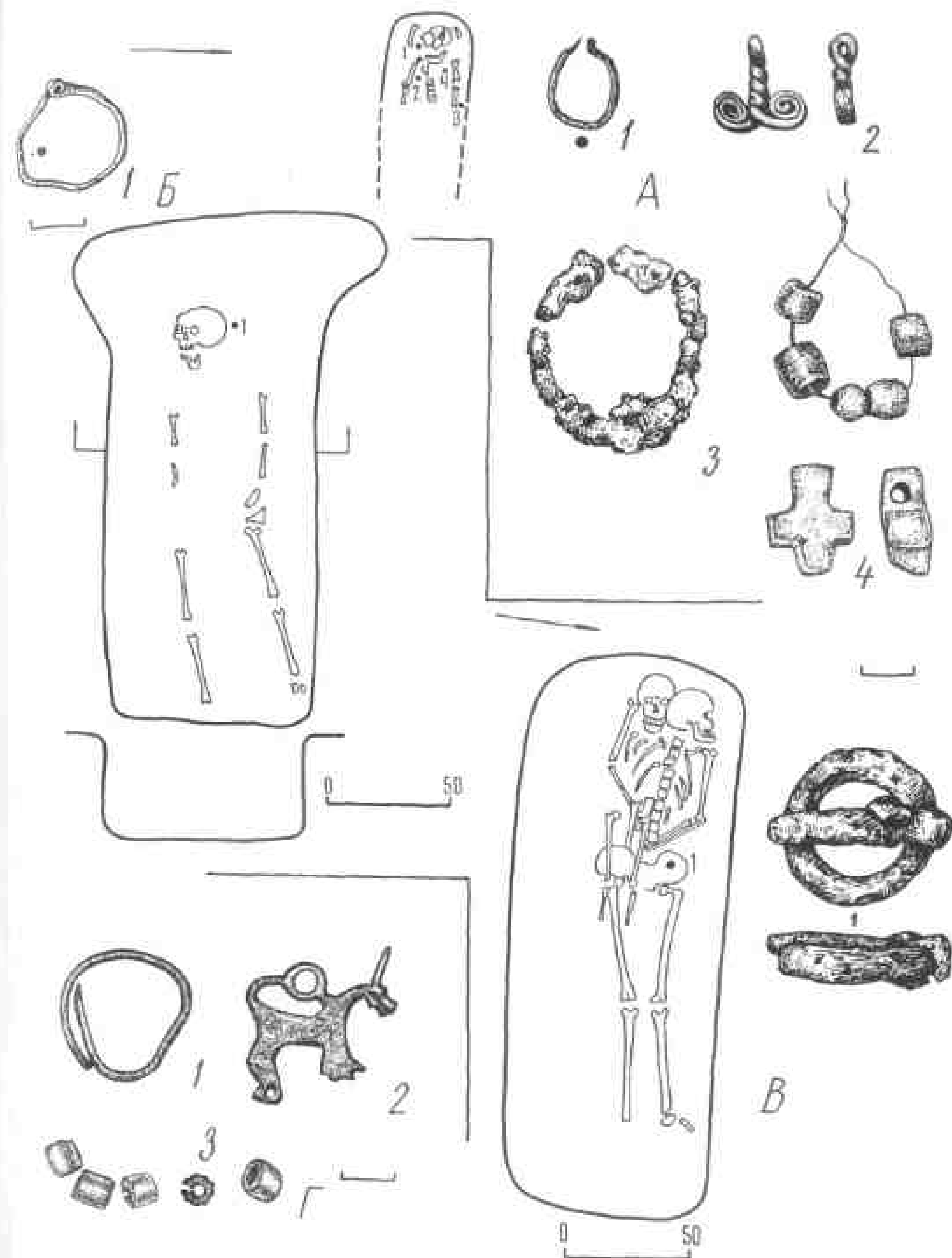

Таблица 128. Раскоп 13, погребения.
А — п.91, 1 — проволочное височное кольцо, 2 — двуспиральная привеска, 3 — железное кольцо, 4 — бусы и антарный крестик; Б — п.92, 1 — проволочное височное кольцо; В — п.96, 1 — бронзовая привеска; Г — украшения из разрушенного погребения, 1 — проволочное височное кольцо, 2 — привеска-«конек», 3 — бусы.

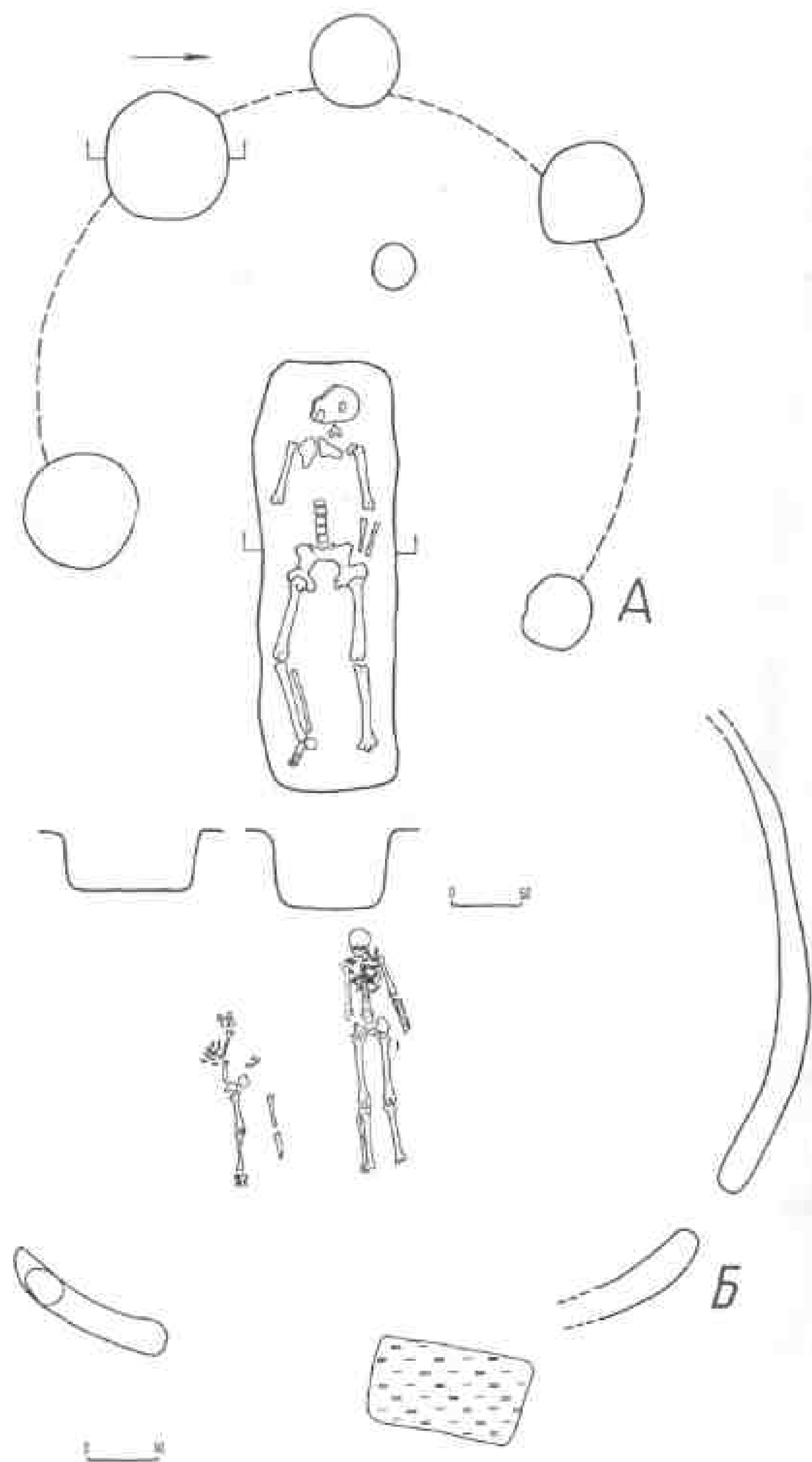

Таблица 129. Раскоп 13, погребения.
А — п.67; Б — п.80 и 84.

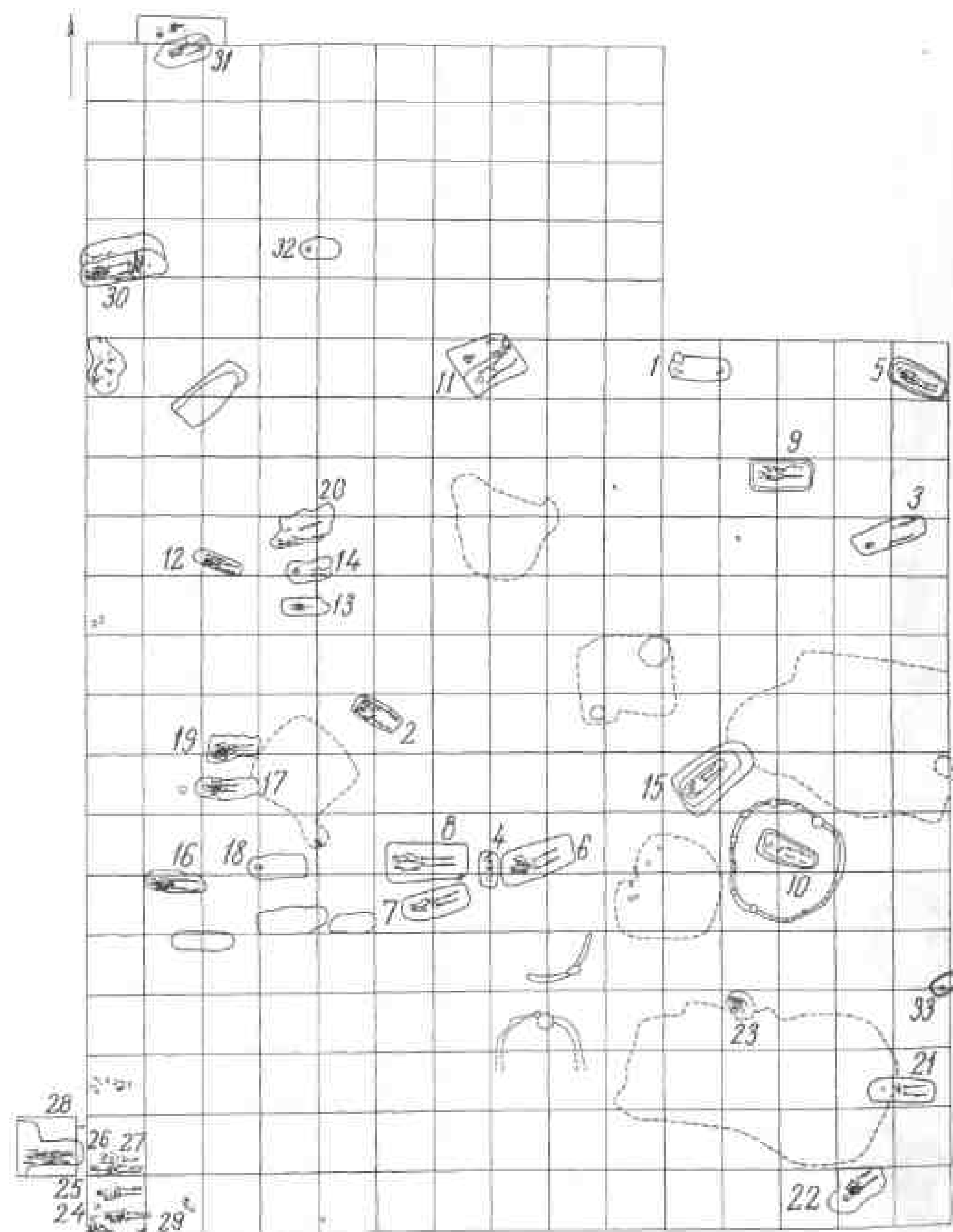

Таблица 130. Раскоп 17, погребения, план (крестиками обозначены места разрушенных погребений).

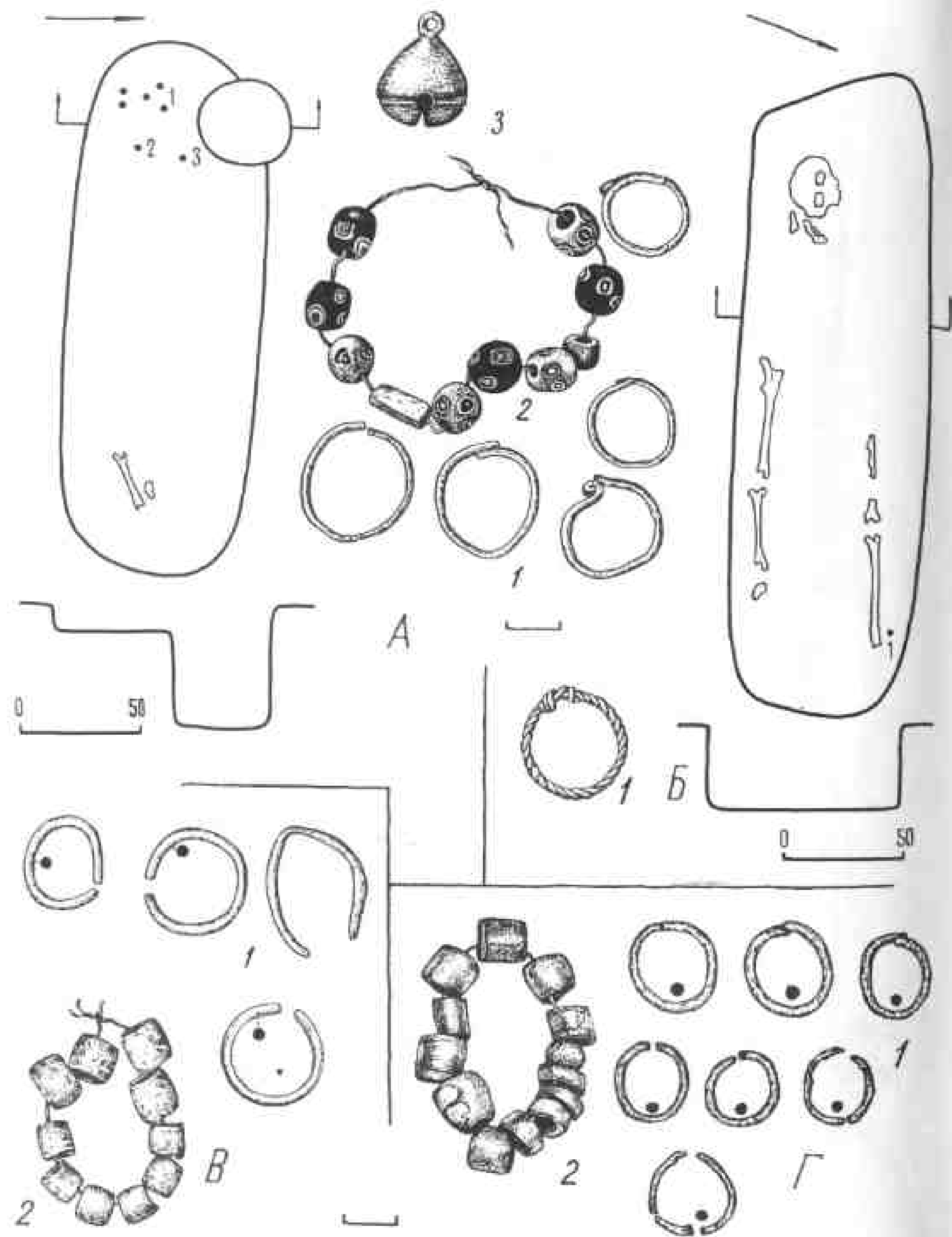

Таблица 131. Раскоп 17, погребения.

А — п.1, 1 — височные кольца, 2 — бусы, 3 — бубенчик; Б — п.3, 1 — перстень; В — п. к 3 от п.11 (разрушено), 1 — височные кольца, 2 — бусы; Г — украшения из разрушенного женского погребения, 1 — височные кольца, 2 — бусы.

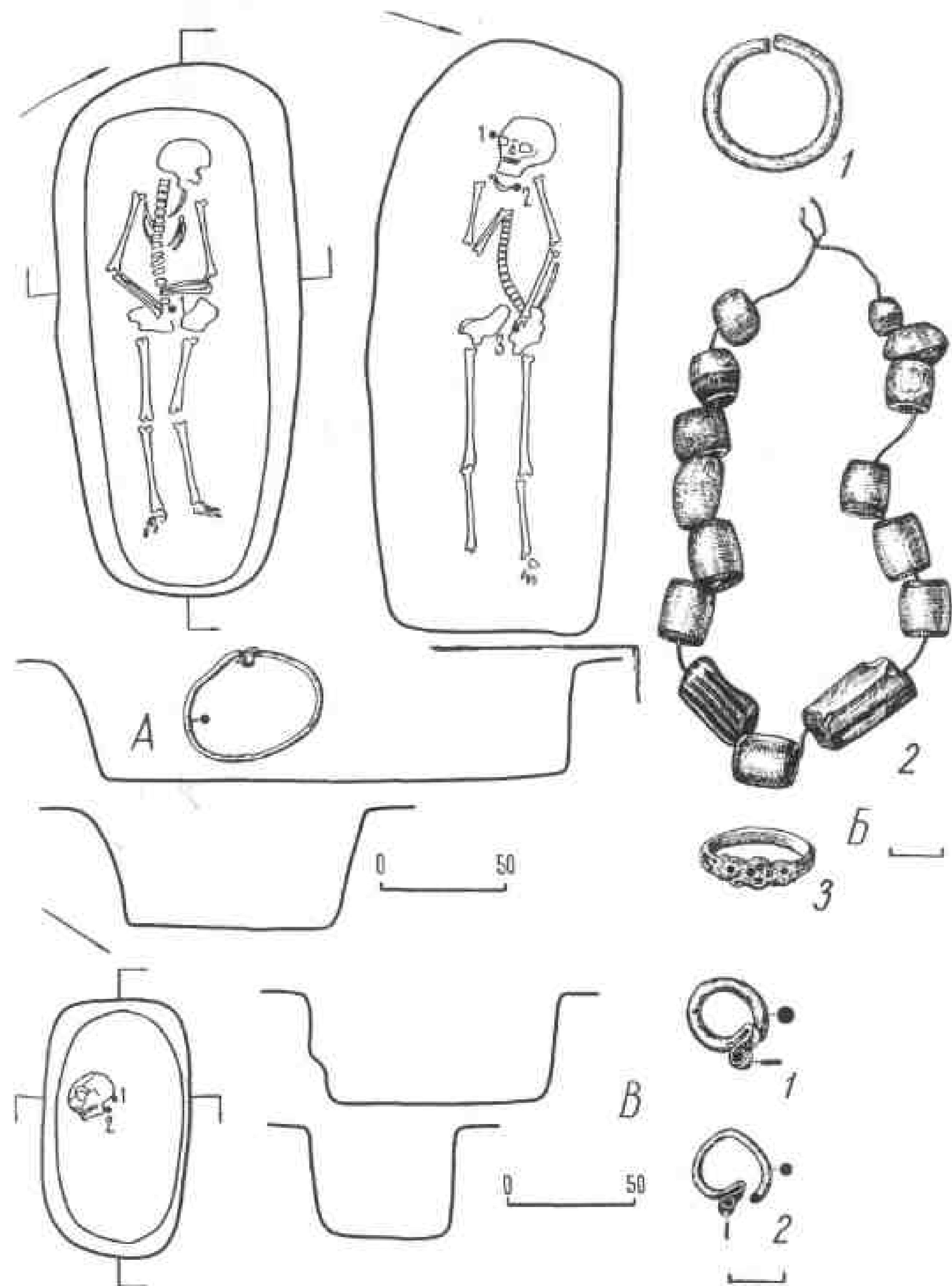

Таблица 132. Раскоп 17, погребения.

А — п.5, 1 — перстень; Б — п.7, 1 — серебряное кольцо, 2 — бусы, 3 — перстень; В — п.33, 1, 2 — височные кольца.

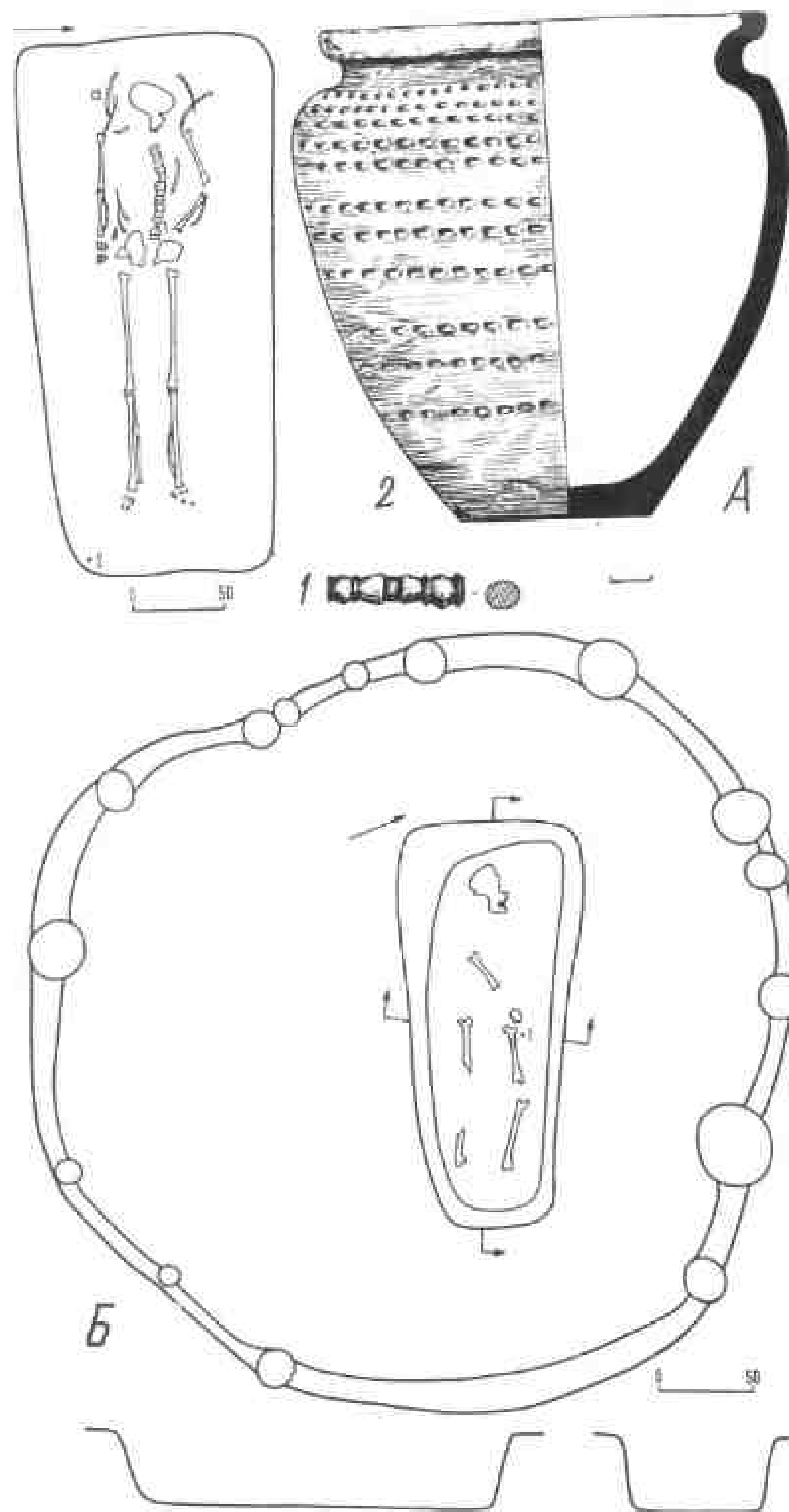

Таблица 133. Раскоп 17, погребения.
А — п.8, 1 — костяная пуговица, 2 — горшок; Б — п.10 (под № 1 обозначен нож).

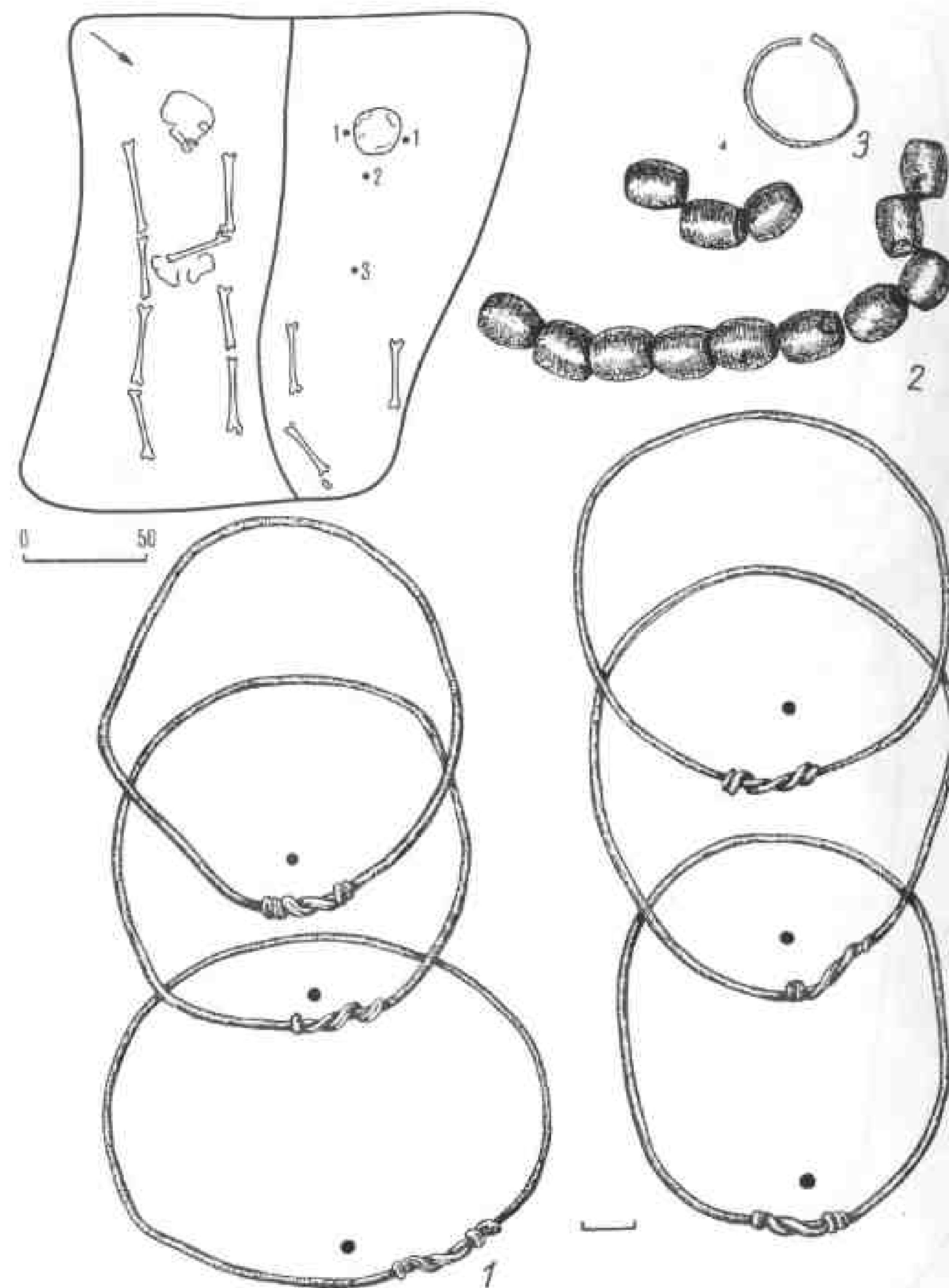

Таблица 134. Раскоп 17, погребение 11.
1 — височные кольца, 2 — бусы, 3 — проволочное кольцо.

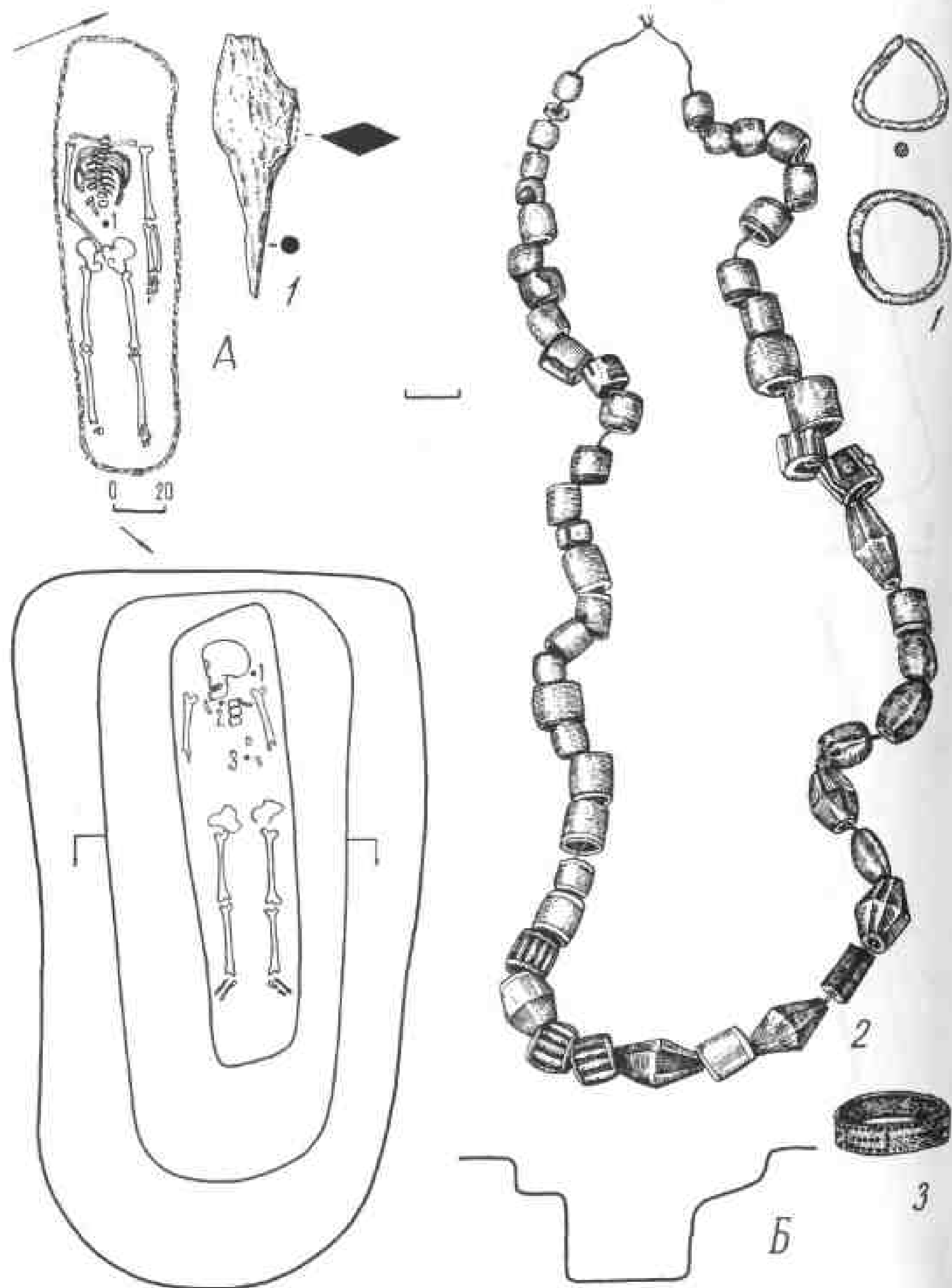

Таблица 135. Раскоп 17, погребения.
А — п.12; 1 — наконечник стрелы; Б — п.15, 1 — височные кольца, 2 — ожерелье, 3 — перстень.

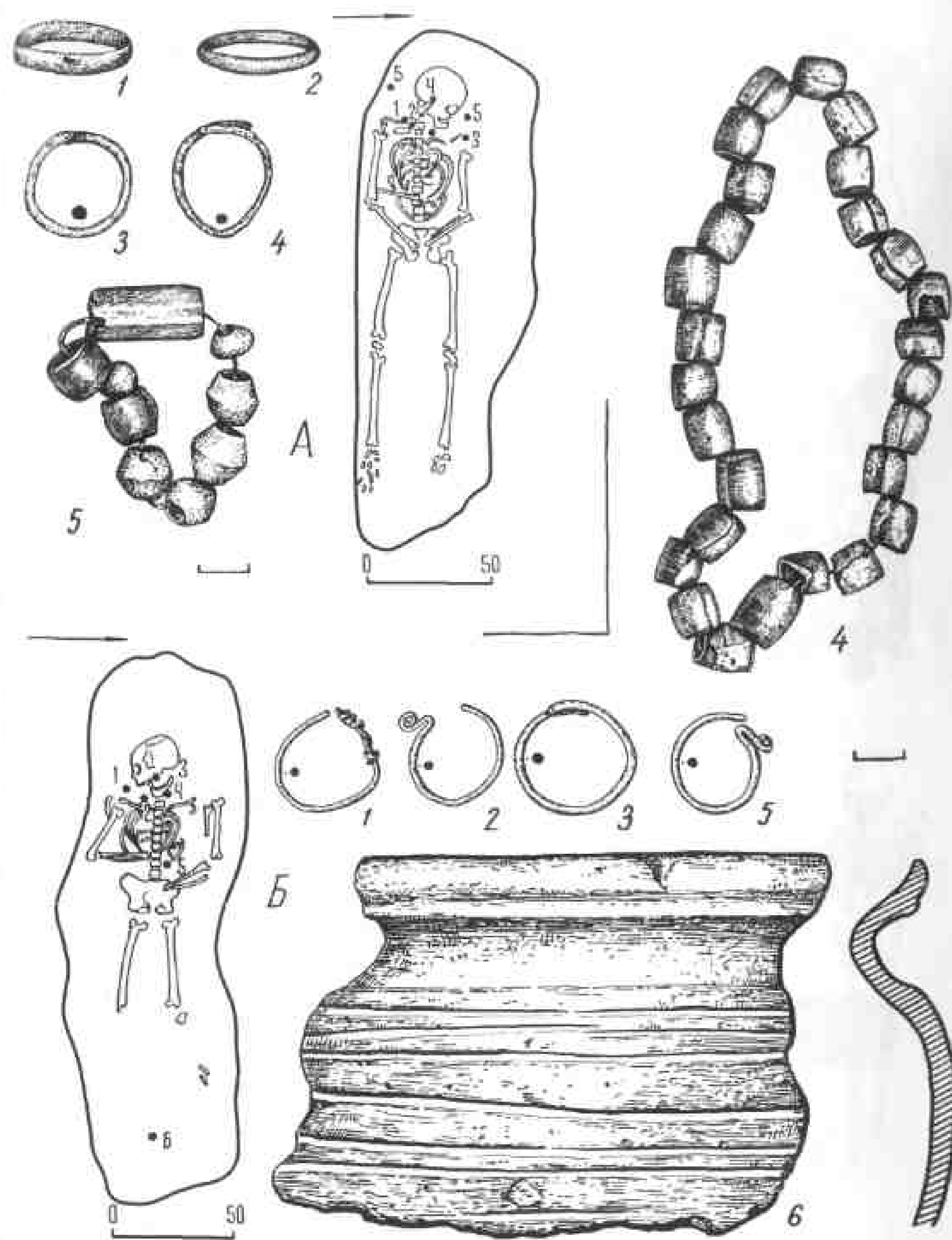

Таблица 136. Раскоп 17, погребения.
А — п.16, 1, 2 — узкопластинчатые кольца, 3, 4 — височные кольца, 5 — бусы; Б — п.17, 1-3, 5 — височные кольца, 4 — ожерелье, 6 — фрагмент горшка из заполнения ямы.

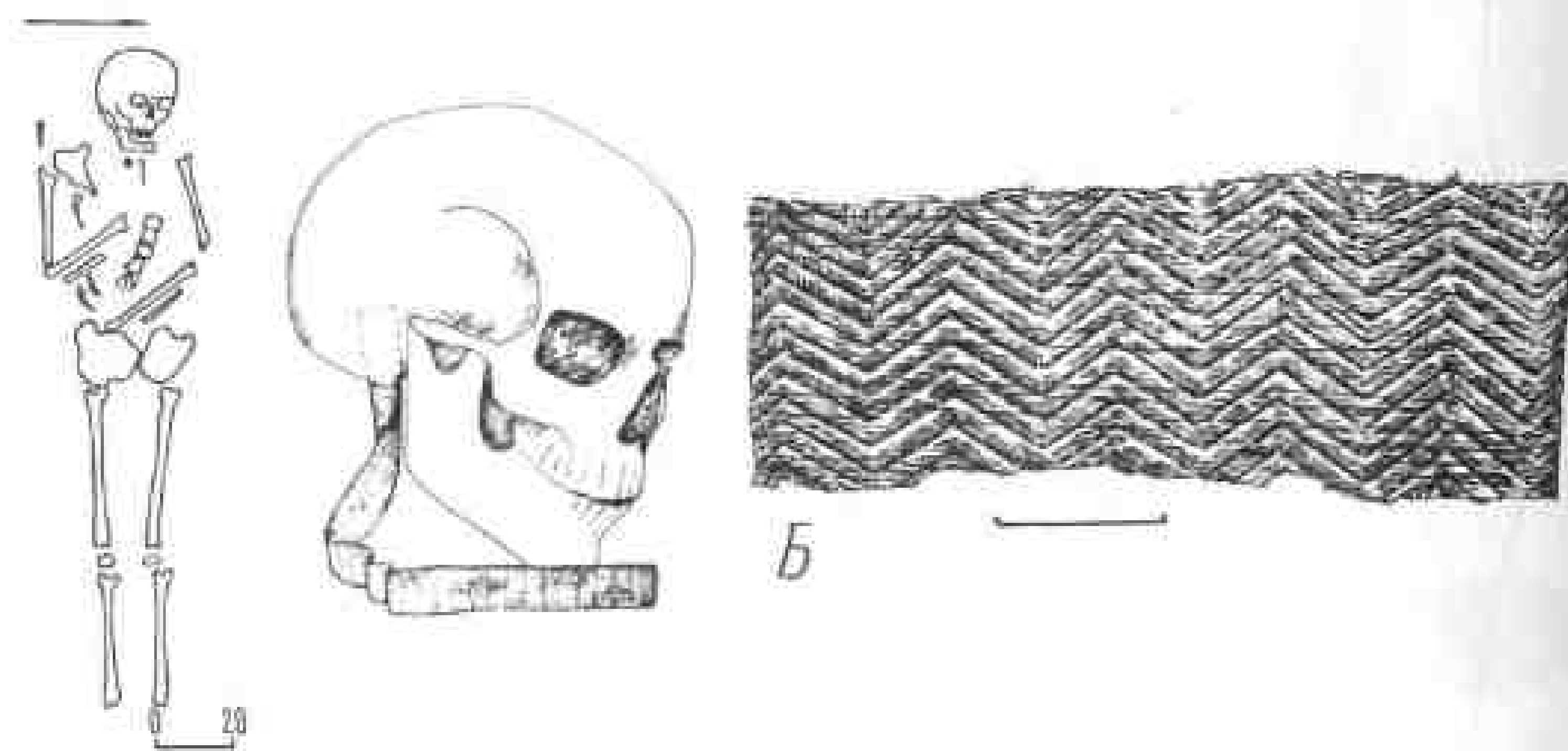
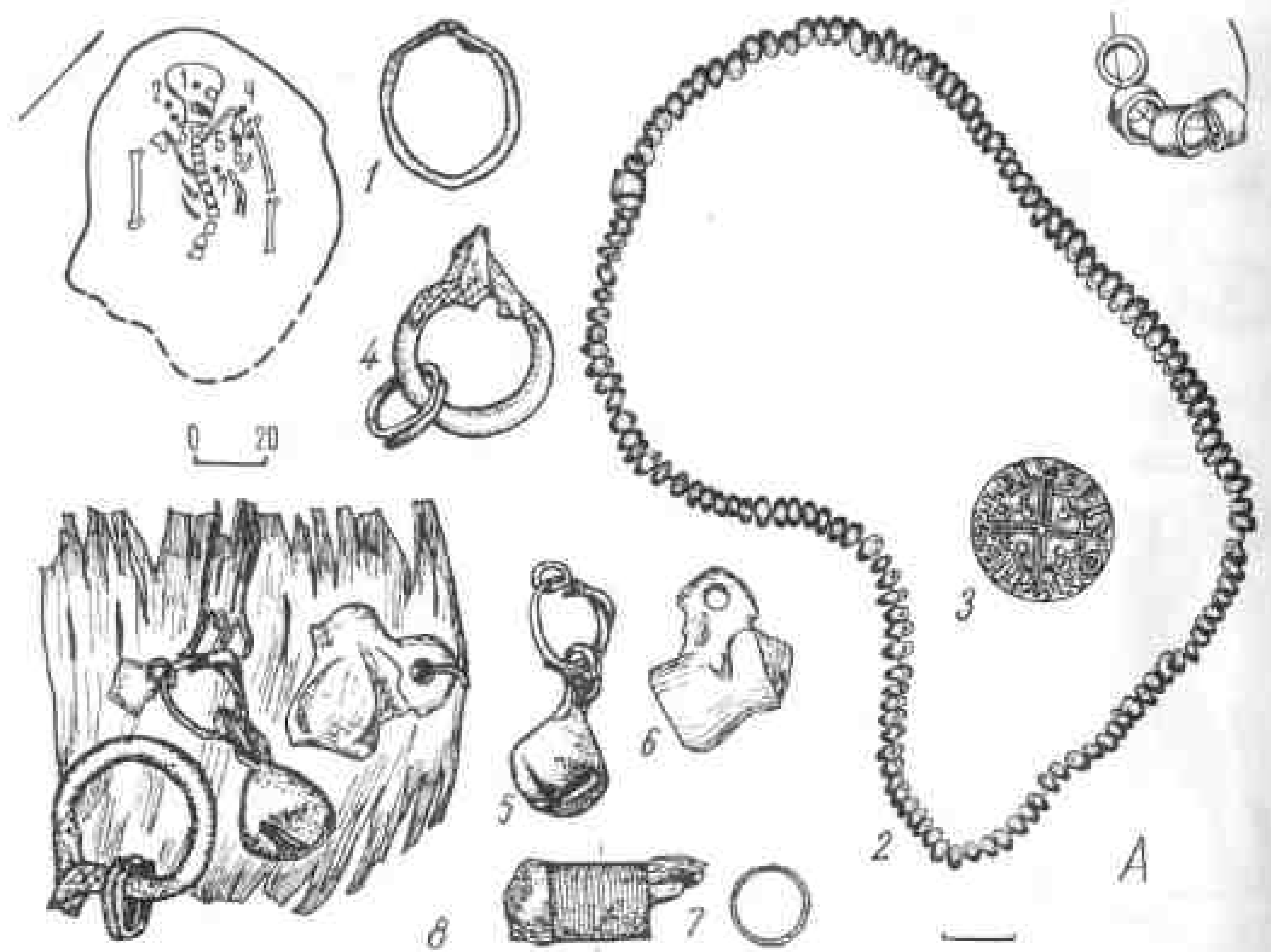

Таблица 137. Раскоп 17, погребения.
А — п.23, 1 — височное кольцо, 2 — бусы, 3 — западноевропейский денарий — прищеска к ожерелью, 4 — бронзовое кольцо, 5 — бубенчик, 6 — астрагал бобра, 7 — рукоятка ножа (?), 8 — набор амулетов на берестяной основе; Б — п.24, 1 — золотопсанная тесьма от воротника.

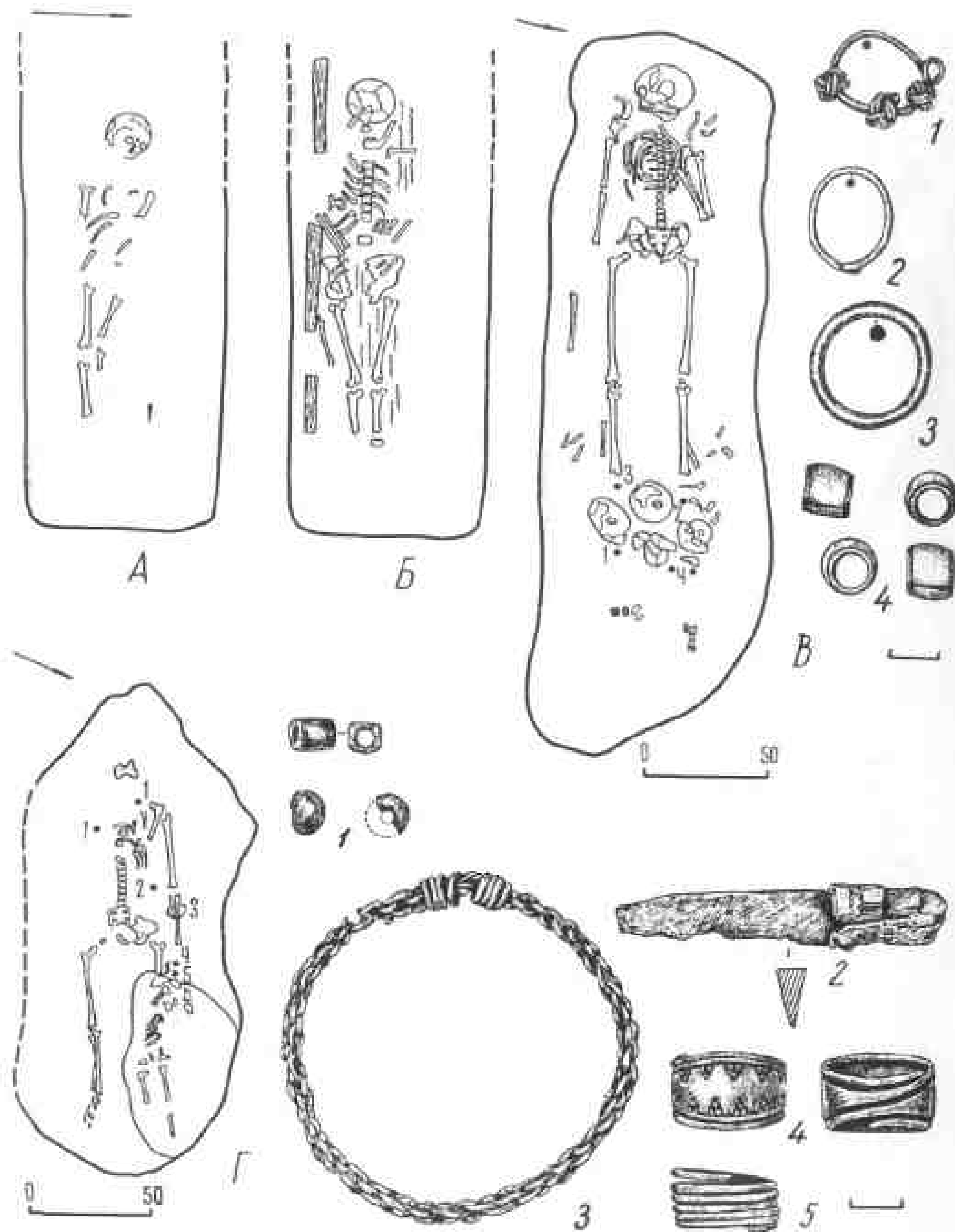

Таблица 138. Раскоп 17, погребения.
А — п.27; Б — п.28; В — п.30 и вещи из разрушенных погребений в его могильной яме, 1, 2 — височные кольца, 3 — поясное (?) кольцо, 4 — бусы; Г — п.31, 1 — бусы, 2 — нож, 3 — браслет, 4, 5 — перстни.

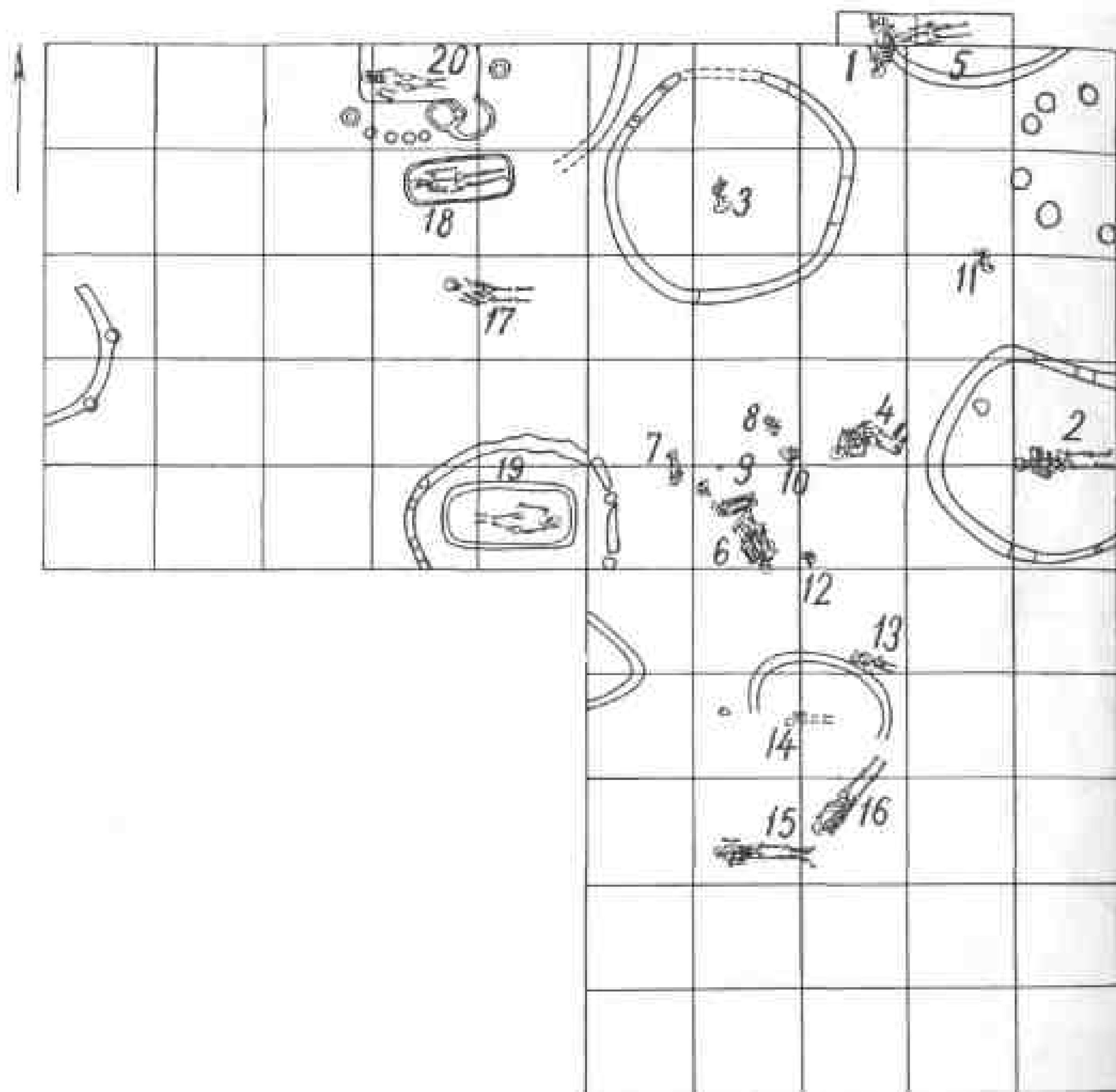

Таблица 139. Раскоп 20, план могильника.

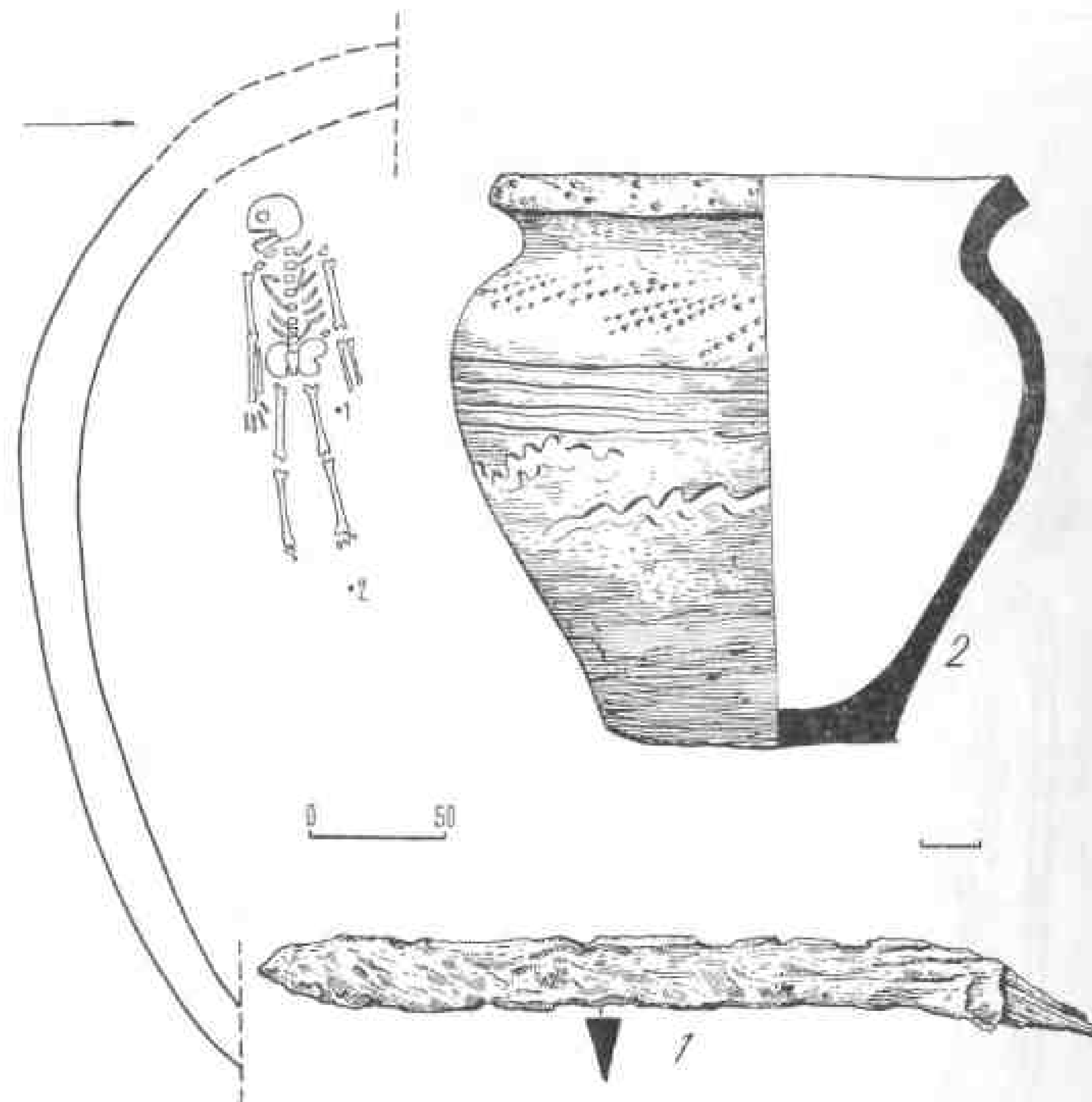

Таблица 140. Раскоп 20, погребение 5.
1 — нож, 2 — горшок.

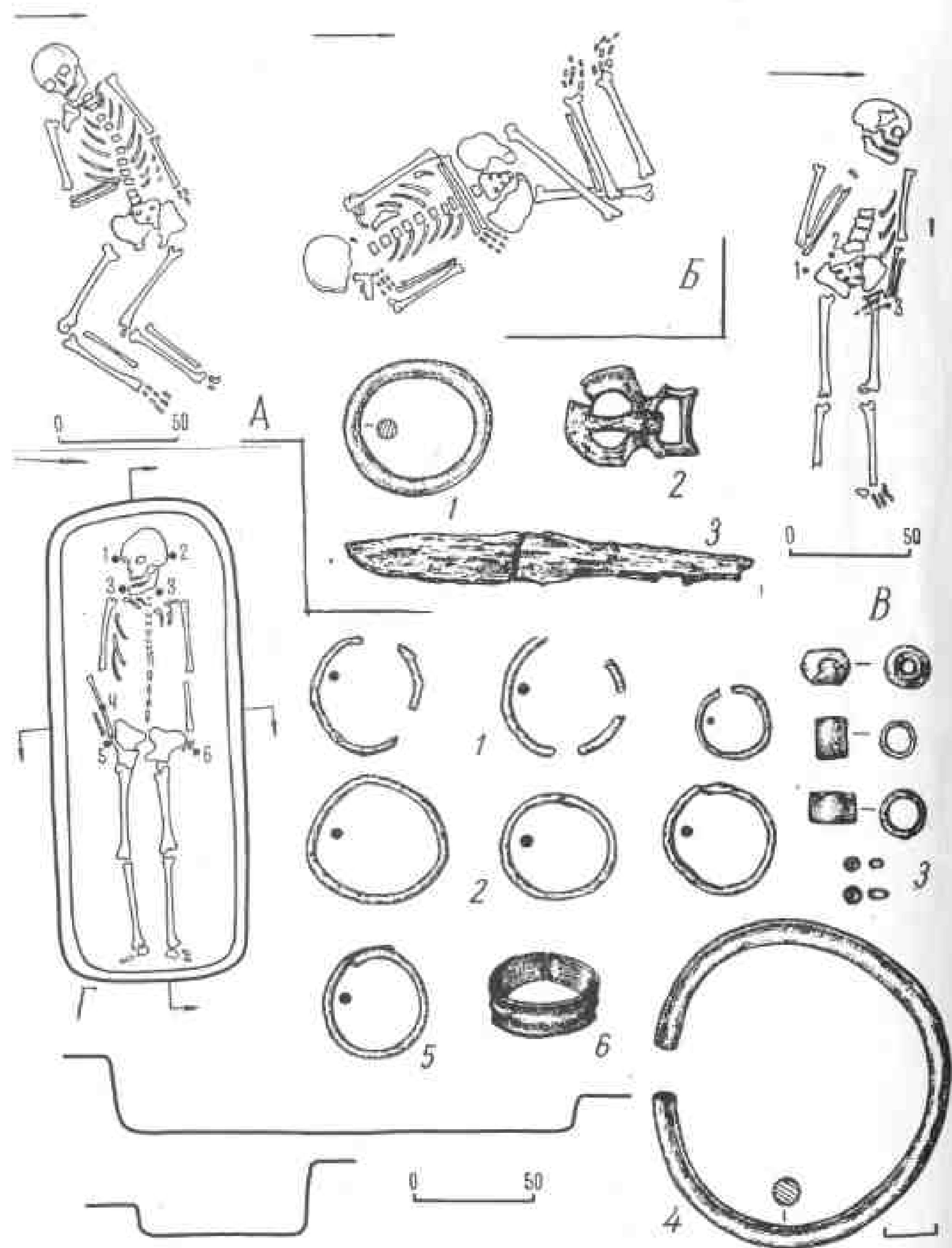

Таблица 141. Раскоп 20, погребения.
 А — п.4; Б — п.6; В — п.17. 1 — бронзовое кольцо, 2 — поясная пряжка, 3 — нож; Г — п.18;
 1, 2 — височные кольца, 3 — бусы, 4 — браслет, 5 — кольцо, 6 — перстень.

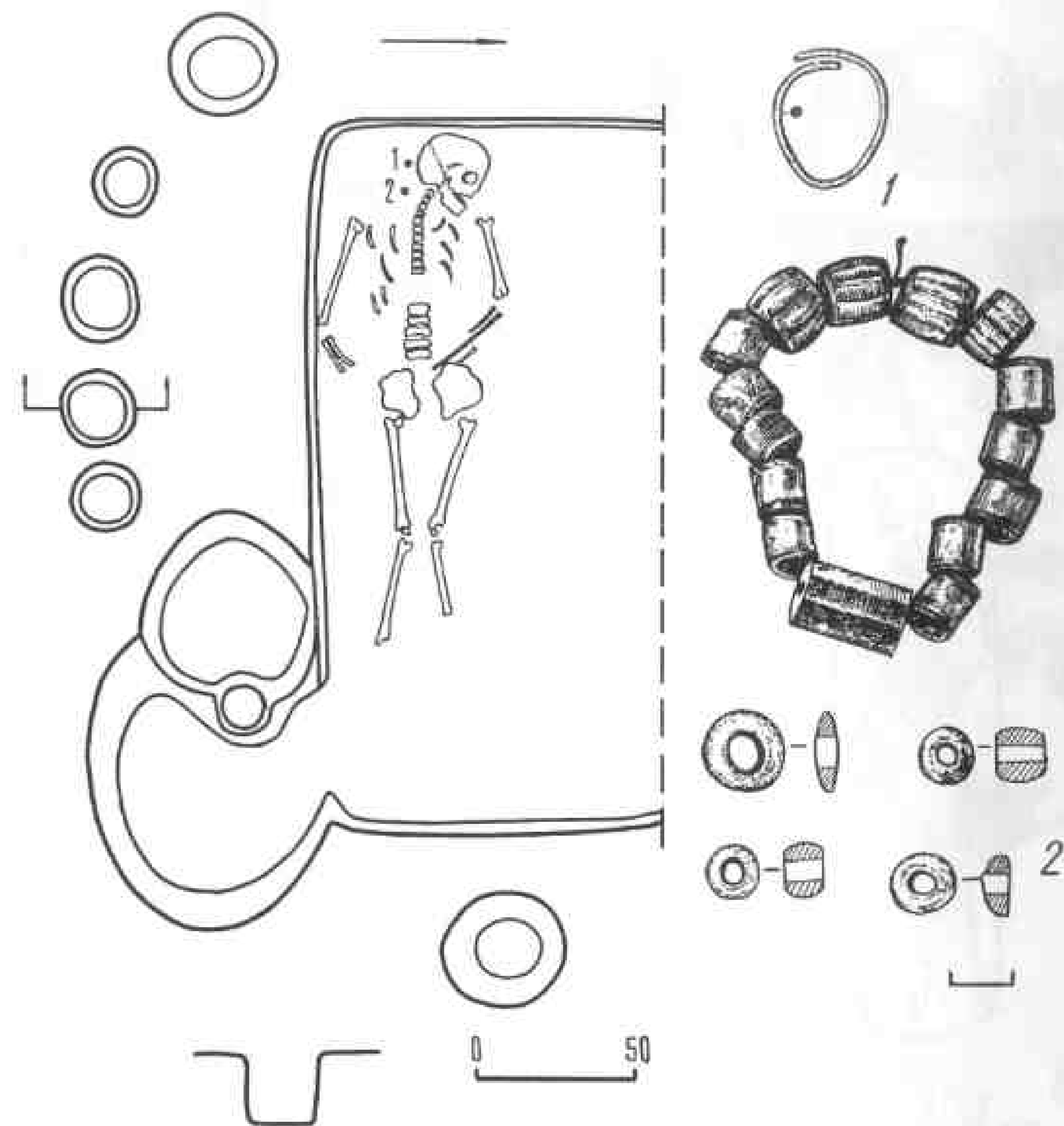

Таблица 142. Раскоп 20, погребение 20.
 1 — височное кольцо, 2 — бусы.

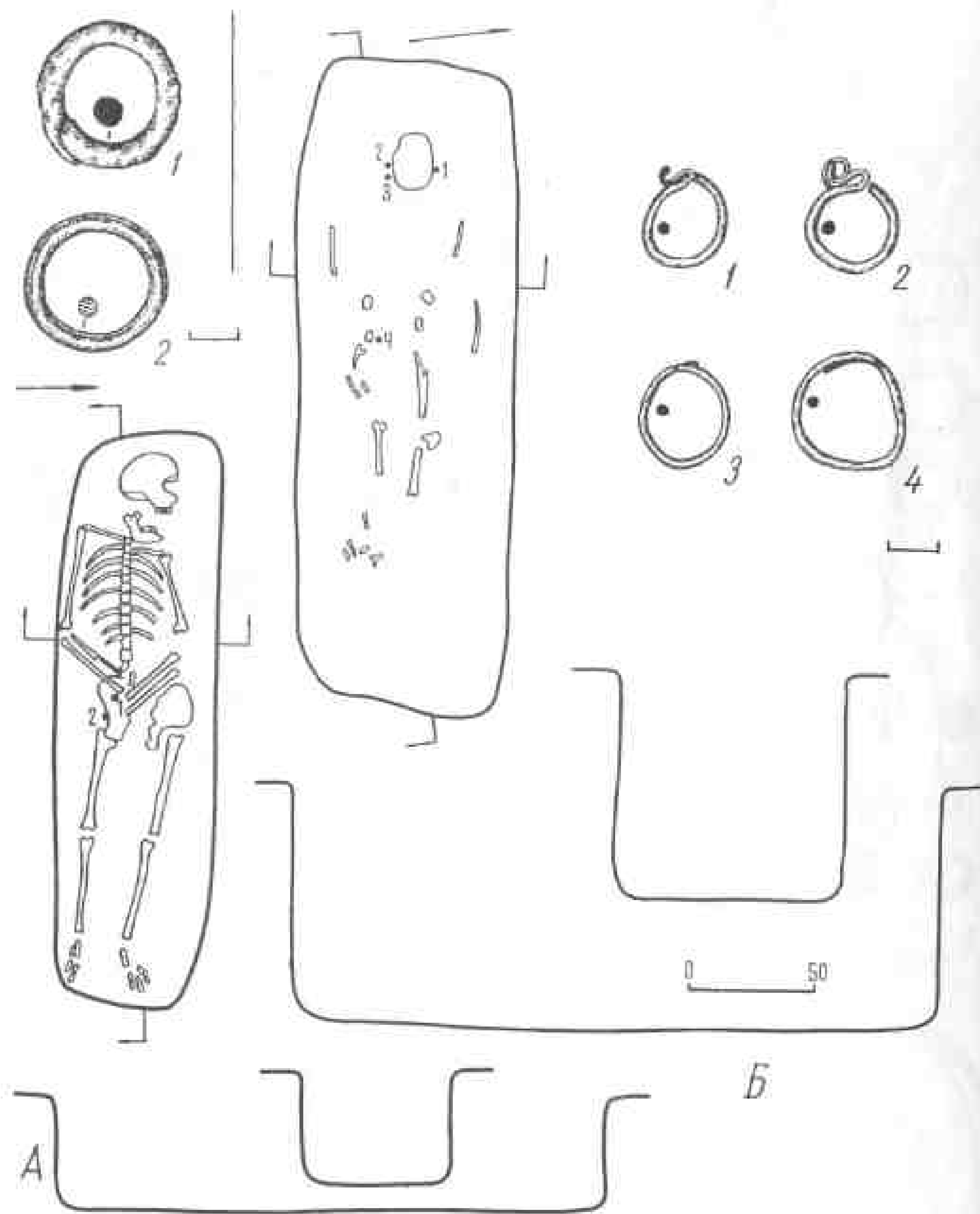

Таблица 143. Погребения в траншеях у Борисоглебского собора.
А — п.1, 1 — железное поясное кольцо, 2 — бронзовое поясное кольцо; Б — п.4, 1-4 — височные кольца.

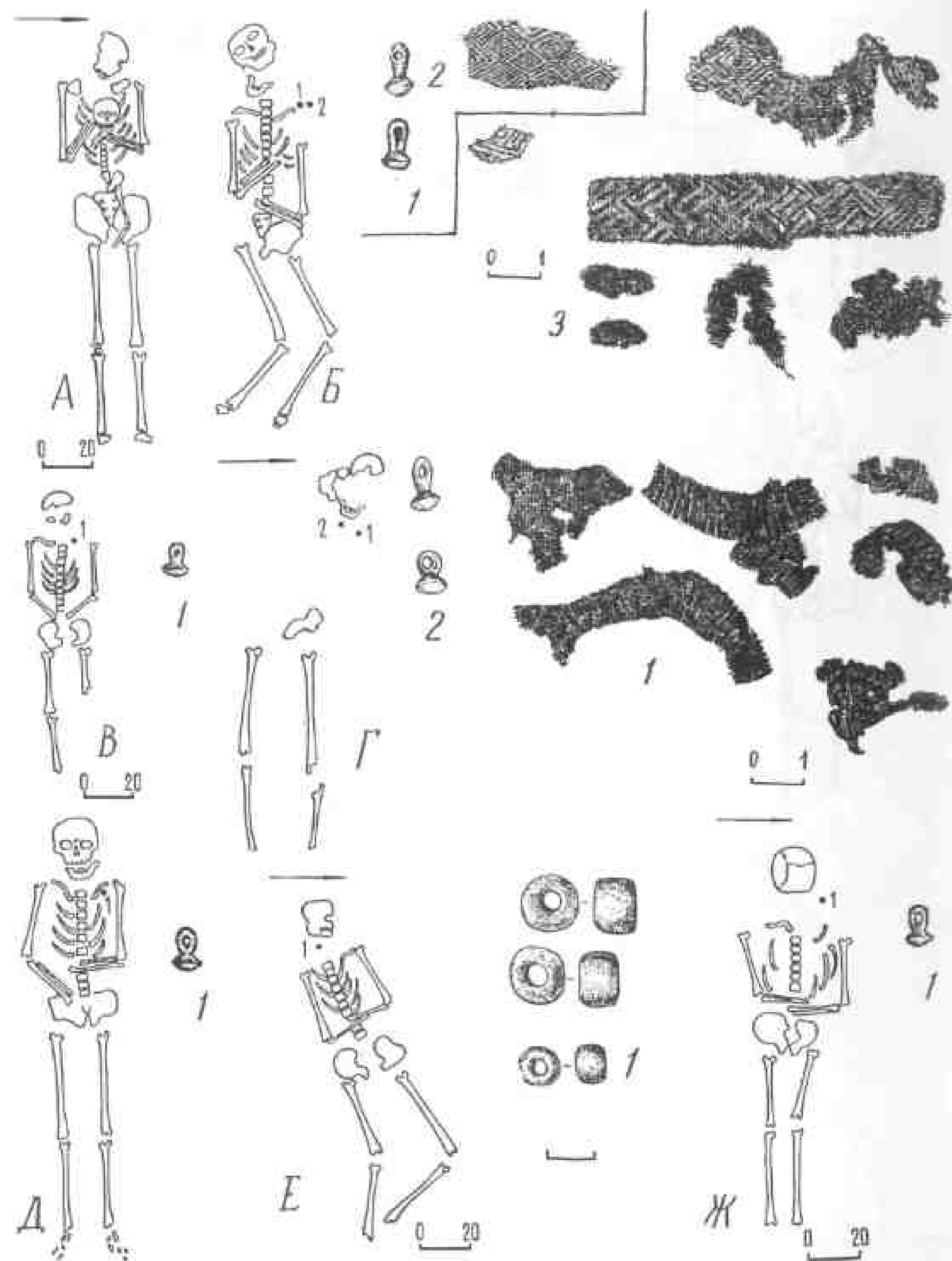

Таблица 144. Раскоп 21, погребения из братских могил.
А — п.19, мужчина с ребенком; Б — п.26, 1 — бронзовые пуговицы, 2 — обрывки шейковой тесьмы; В — п.35, 1 — пуговица; Г — п.31, 1 — фрагменты шелковой тесьмы, 2 — пуговицы; Д — п.36, 1 — пуговица; Е — п.39, 1 — стеклянные бусы; Ж — п.42, 1 — пуговицы; 3 — ткани из разрушенного погребения в квадрате 5.

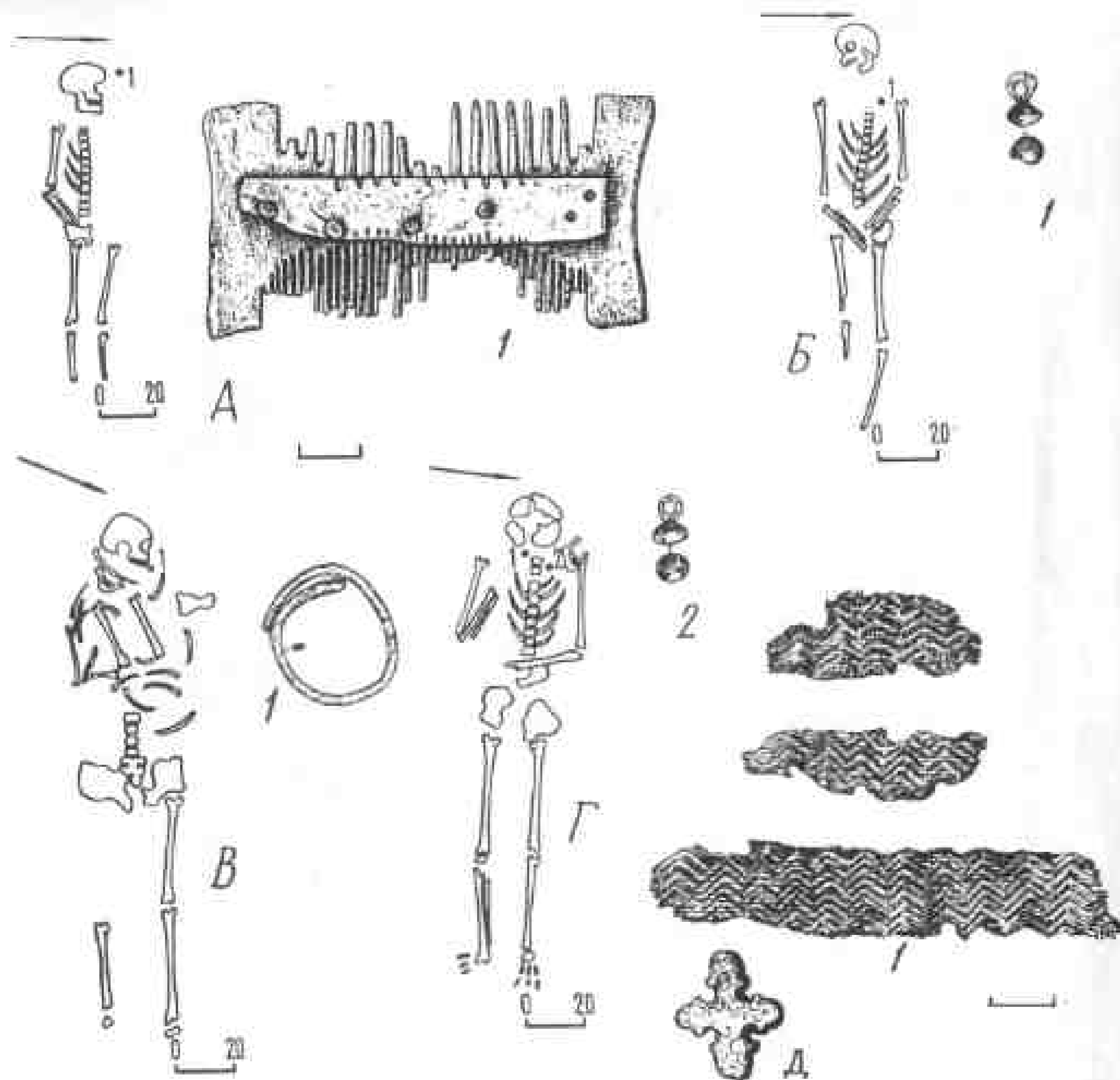

Таблица 145. Раскоп 21, погребения из братских могил.
А — п.47, 1 — гребень; Б — п.53, 1 — пуговка; В — п.62, 1 — височное кольцо; Г — п.64, 1 — обрывки шелковой тесьмы, 2 — пуговка; Д — каменный крестик из разрушенного погребения.

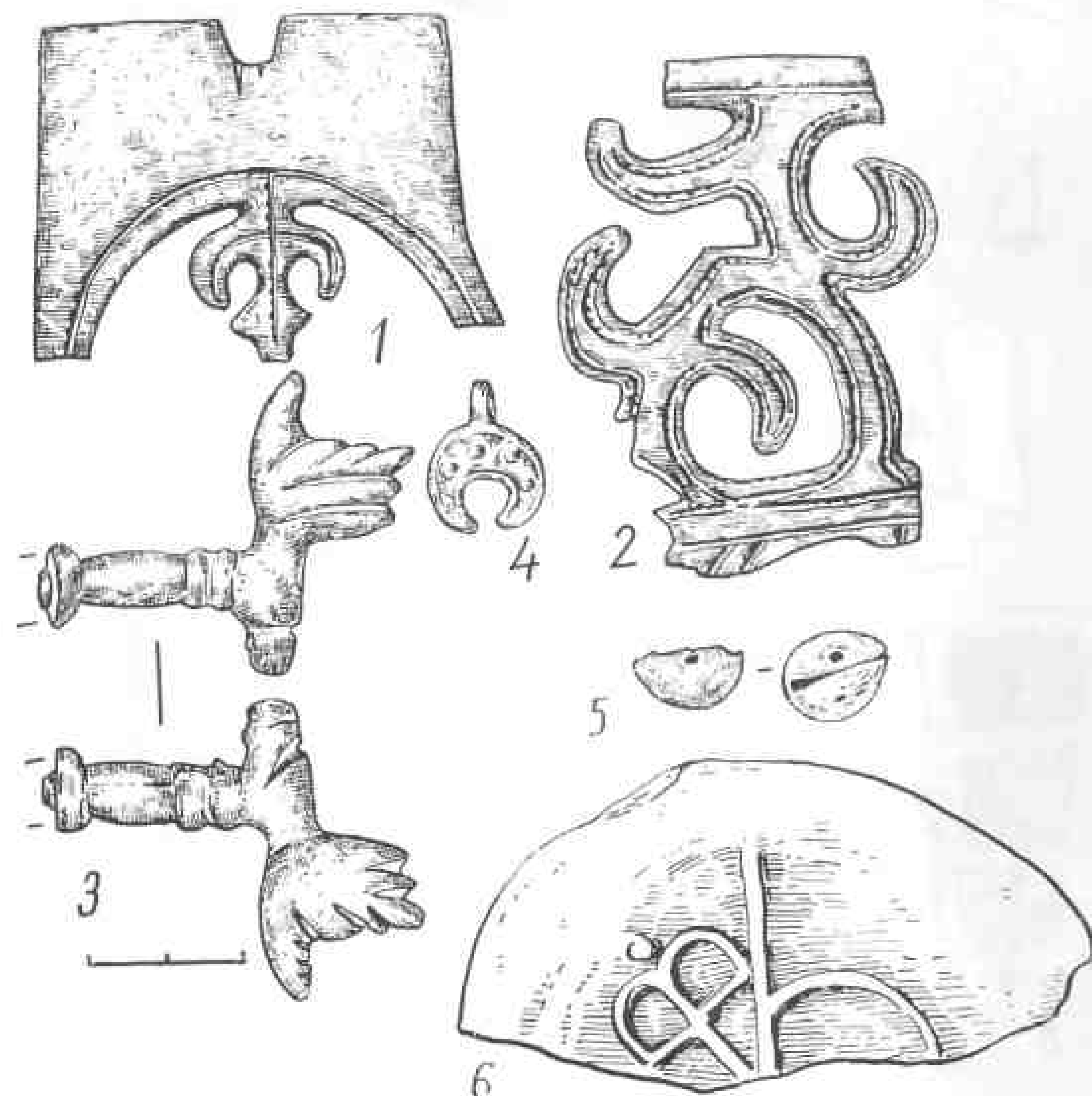

Таблица 146. Раскоп у д.Фатьяновки.
Вещи из культурного слоя 1-3 — обломки хороса, 4 — привеска-луныца, 5 — бубенчик, 6 — днище горшка с клеймом.

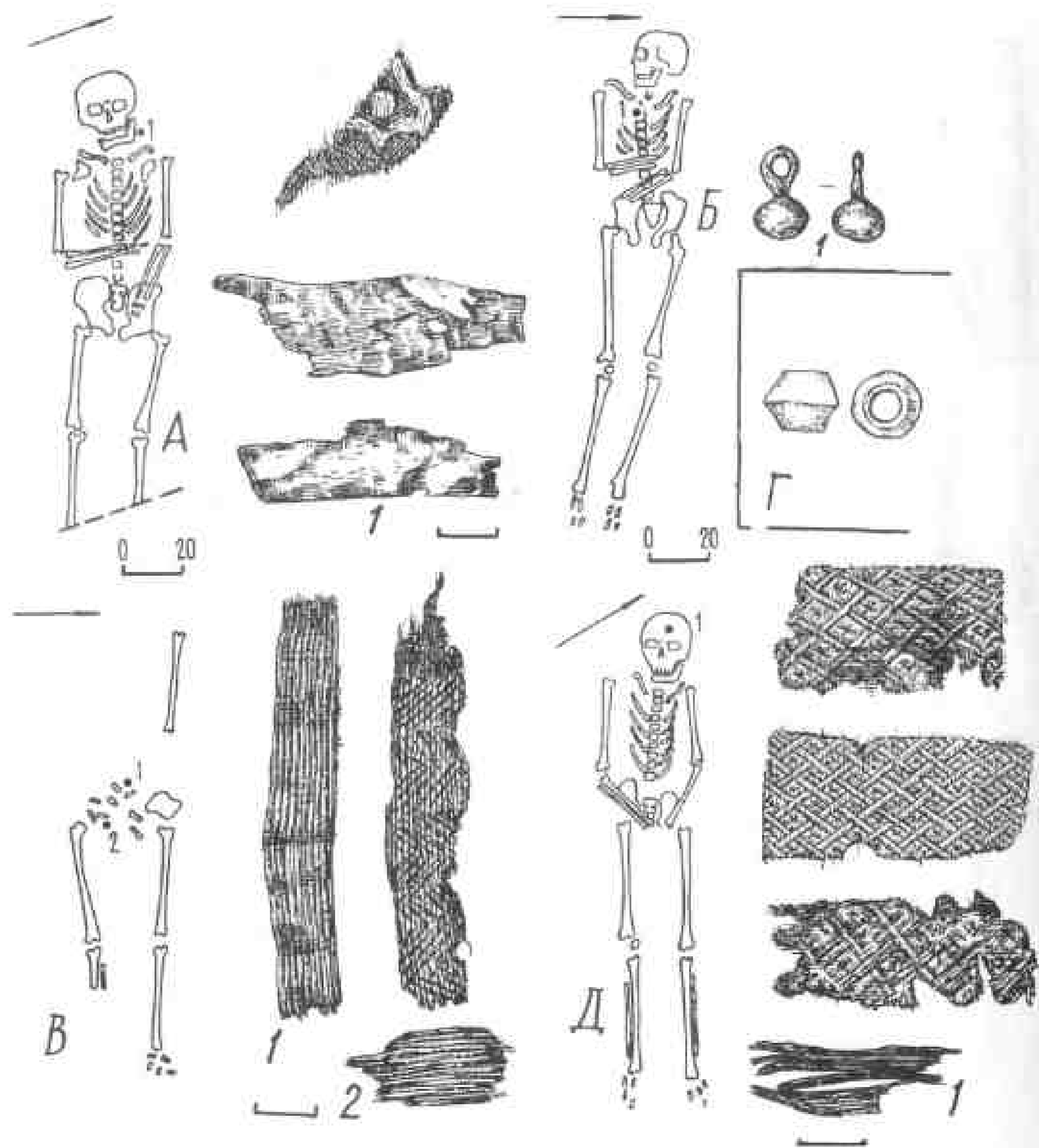

Таблица 147. Раскоп у д. Фатынновки. Погребения из братских могил.
 А — п. 7, 1 — фрагмент шелковой тесьмы на берестяной основе; Б — п. 17, 1 — пуговка; В — п. 18, 1-2 — фрагменты шелковой тесьмы; Г — п. 25, стеклянная бусина; Д — п. 31, 1 — фрагменты шелковой тесьмы на берестяной основе.

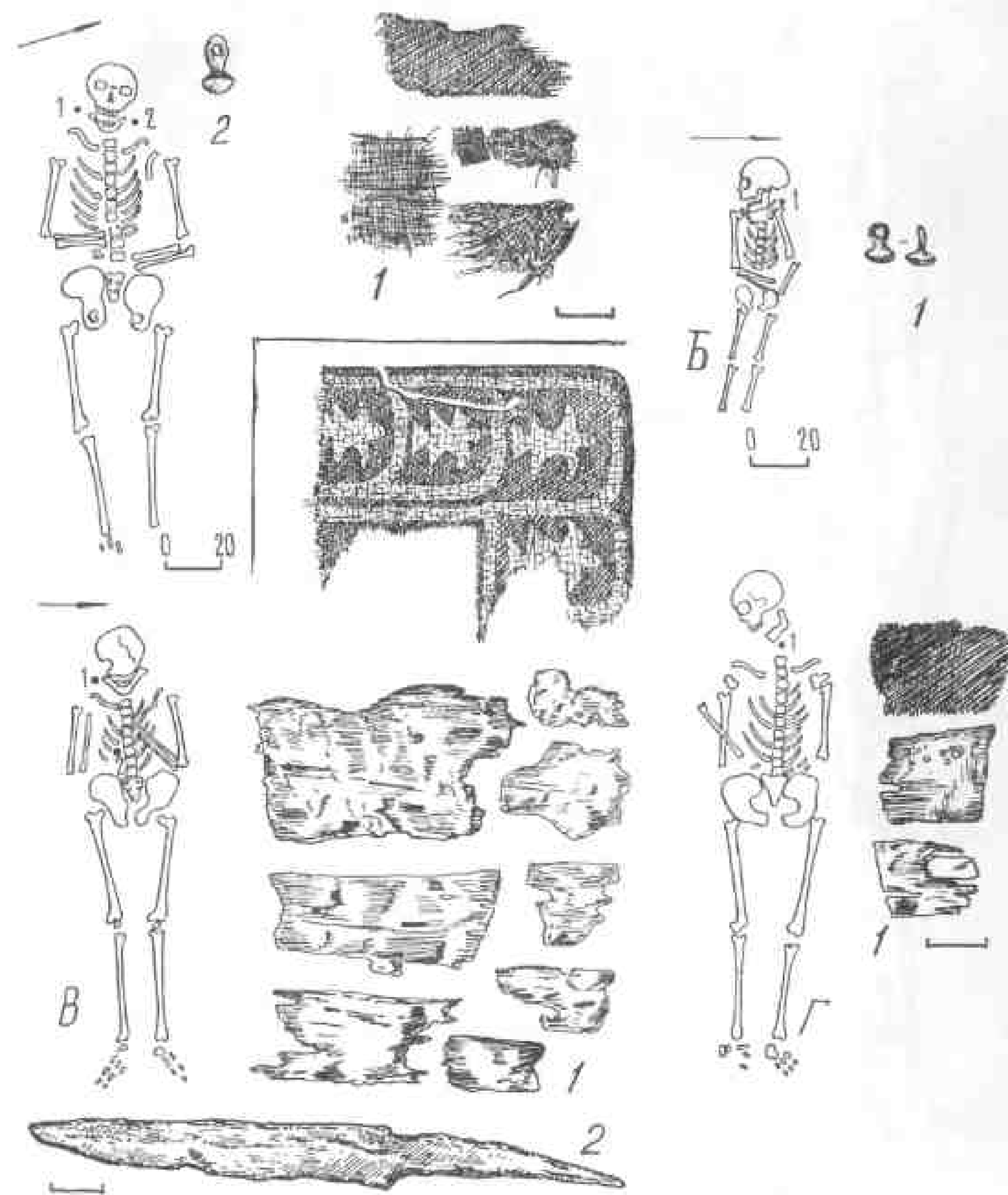

Таблица 148. Раскоп у д. Фатынновки. Погребения из братских могил.
 А — п. 34, 1 — обрывки шелковой тесьмы; 2 — пуговка; Б — п. 38, 1 — пуговка; В — п. 41, 1 — фрагменты шелковой тесьмы с золотой вышивкой, на берестяной основе; 2 — нож; Г — п. 44, 1 — обрывки шелковой тесьмы на берестяной основе.

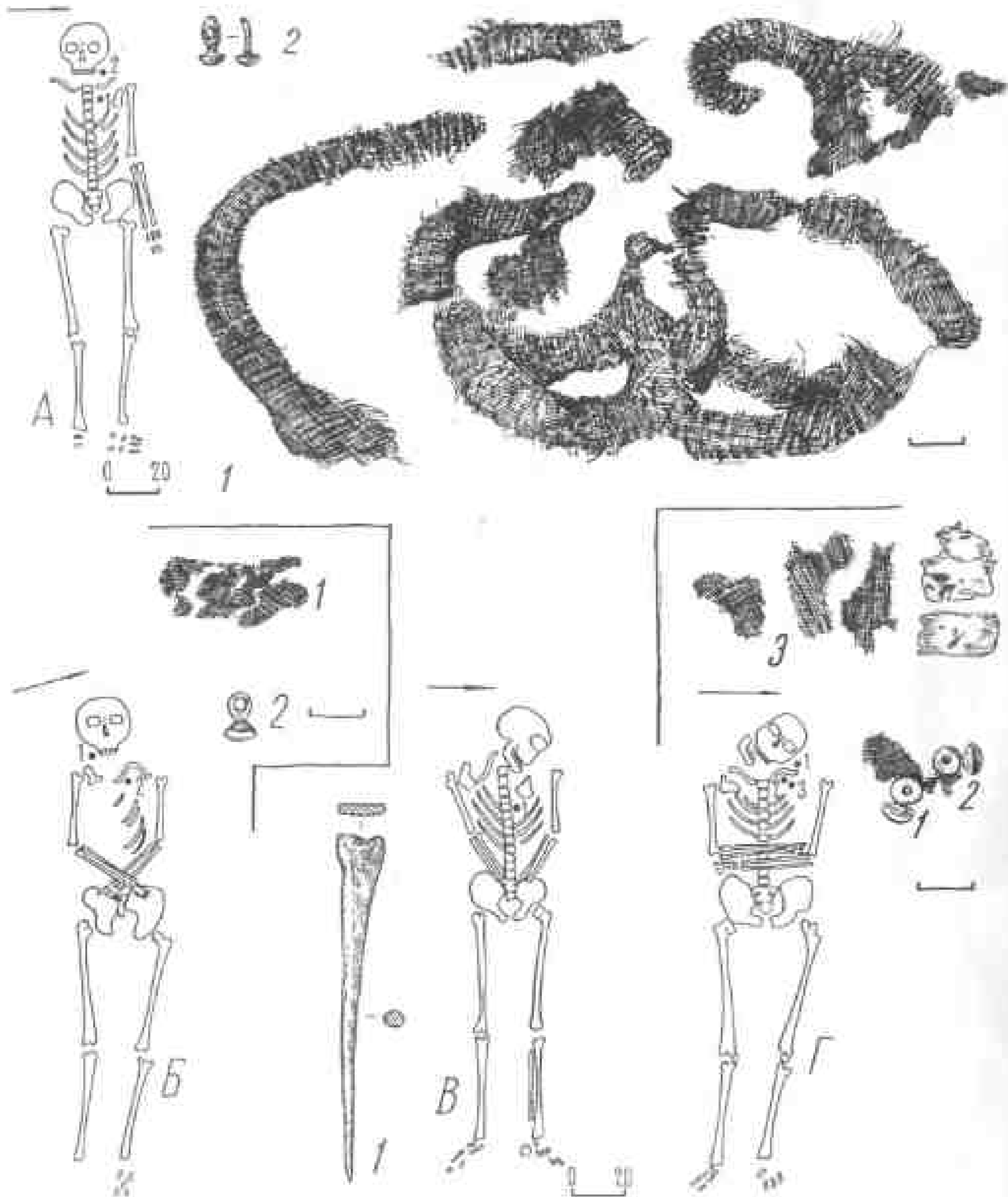

Таблица 149. Раскоп у д. Фат'яновки. Погребения из братских могил.
А — п. 45, 1 — фрагменты шелковой тесьмы с золотой вышивкой, 2 — пуговка; Б — п. 46, 1 — обрывок шелковой тесьмы, 2 — пуговка; В — п. 50, 1 — железное острие; Г — п. 53, 1-2 — две пуговицы и обрывки шелковой тесьмы на берестяной основе.

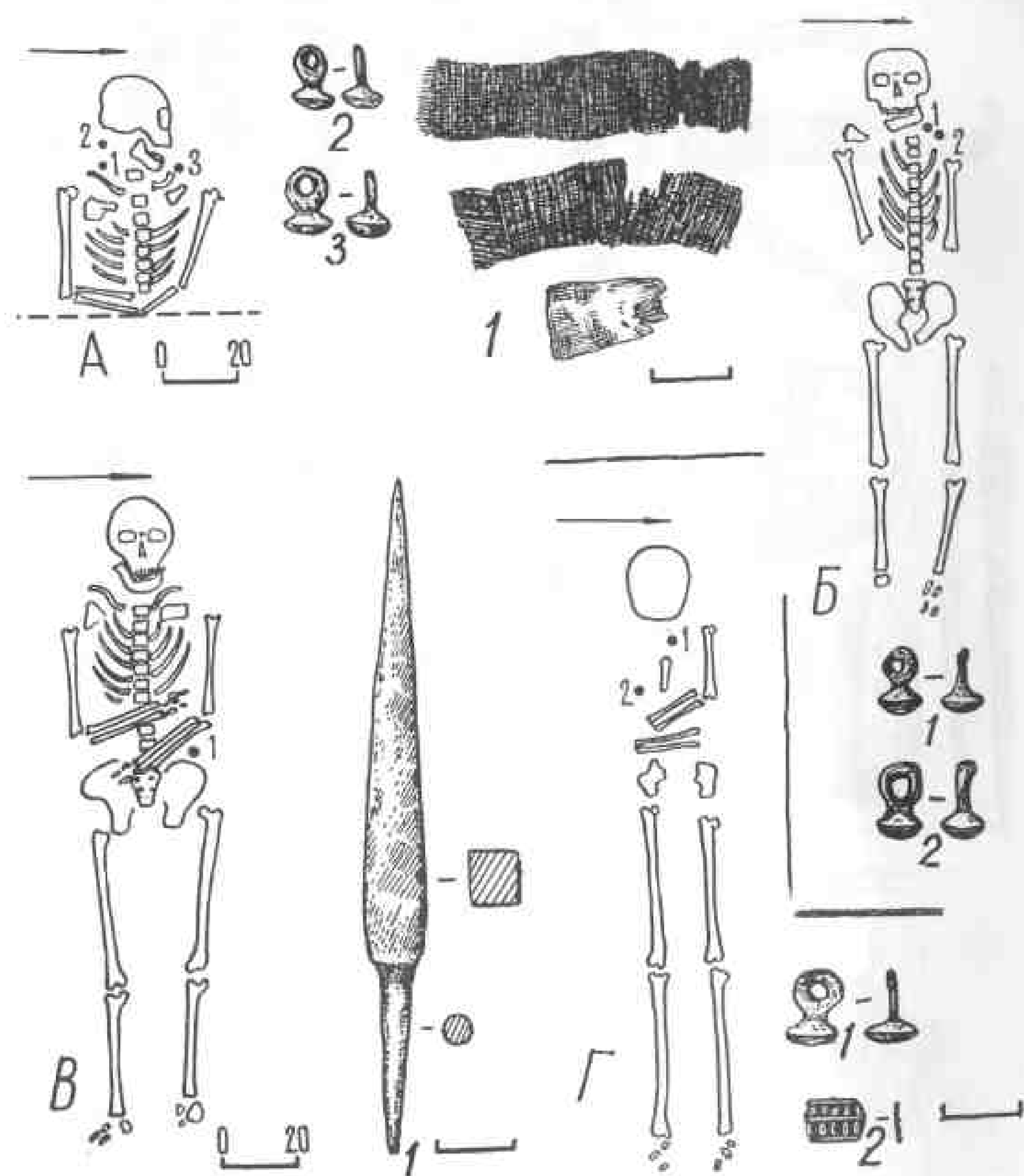

Таблица 150. Раскоп у д. Фат'яновки. Погребения из братских могил.
А — п. 62, 1 — обрывки шелковой тесьмы, 2-3 — пуговицы; Б — п. 63, 1-2 — пуговицы; В — п. 64, 1 — наконечник стрелы; Г — п. 66, 1 — пуговка, 2 — обломок перстня.

Таблица 151. Вещевые находки на Чевкинском селище.

1 — подиружная пряжка, 2 — крючок-кошка, 3 — половинка бубенчика, 4 — пряслице со знаками, 5 — проколка, 6 — бусина из горного хрусталя, 7 — рыболовное грузило, 8 — нож, 9 — горшочек, 10 — крестик с изображением св. Никиты, избивающего беса (1, 2, 5, 8 — железо; 3, 10 — бронза; 4 — шифер; 7, 9 — глина).

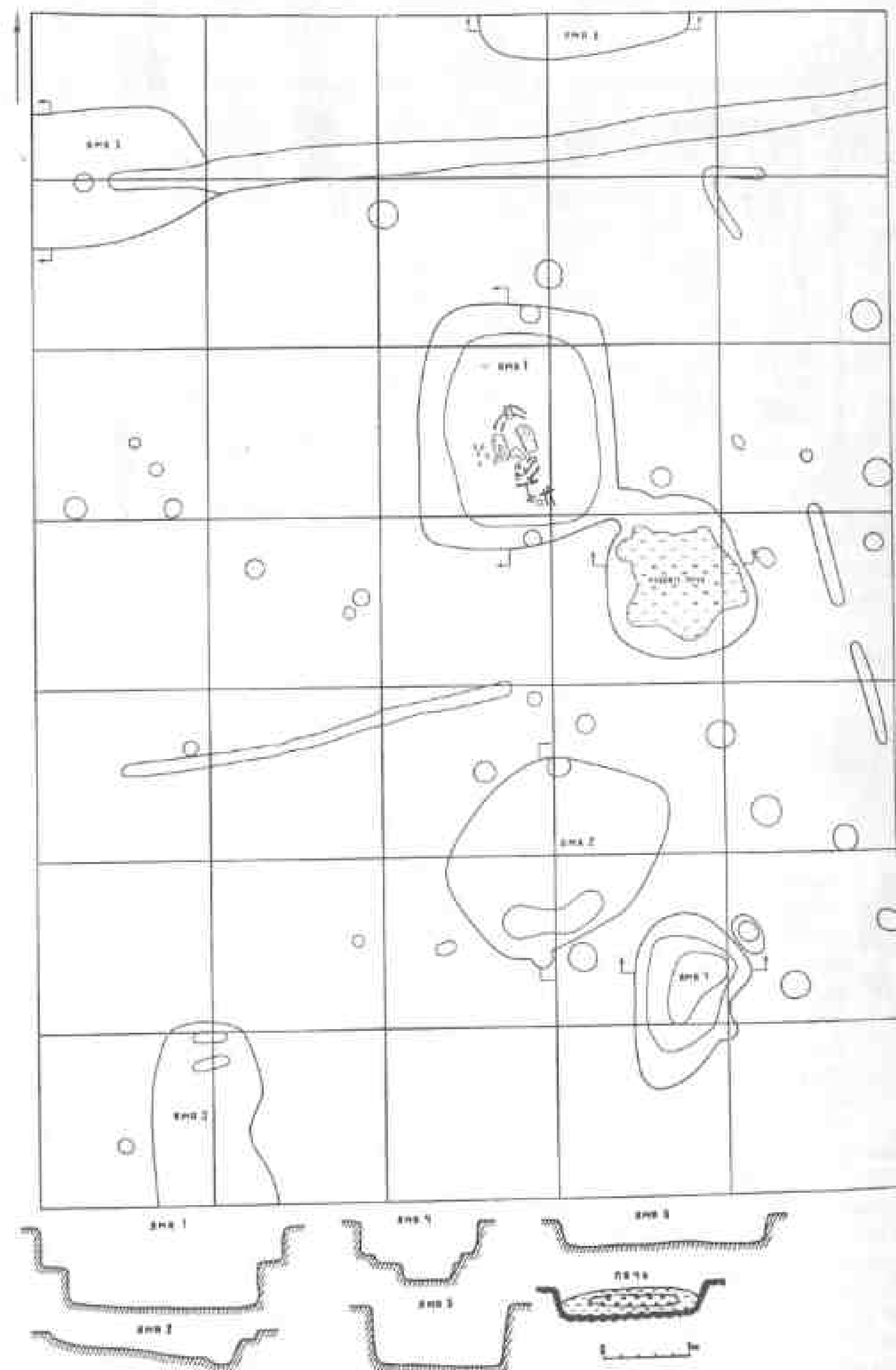

Таблица 152. Чевкинское селище, раскоп. План на уровне материка и разрезы ям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И мысль, читая смутное веками,
Подскакивает ночь, треногу, плямя
И рднный блнк в зрачках раскопных морд.

М. Волошин

Трагическая картина гибели Рязани и уничтожения ее населения, открывшаяся в результате раскопок братских могил, полностью совпадает с рассказом автора "Повести о разорении Рязани Батыем". Когда князь Ингварь Ингваревич прибыл из Чернигова, татары уже ушли по льду Оки к Переяславлю и Коломне, разграбив "все узорочье из казны черниговской и рязанской" и уведя пленников. Увидев сожженный город, разоренные, почерневшие от дыма храмы и множество изрубленных заколоченных трупов, князь "жалостно воскричал, как труба, созывающая на рать ..., пал на землю, как мертвый". Призвав уцелевших священников, он похоронил всех убитых с плачем великим вместо псалмов и песнопений церковных, очистил город и освятил¹.

Поскольку павшие были погребены в общих котлованах, останки убитых, оставшихся на месте гибели, обнаружены в единичных случаях. Захоронения монгольских воинов, сложивших головы под стенами города, пока не обнаружены. Не исключено, что их тела отвезли в Монголию, подобно погибшим впоследствии во время боев в Венгрии.

Еще до Рязани пали Пронск, Новый Ольгов городок, уничтожены поселения Рязанской волости, что подтверждено и археологически: везде обнаружены слои пожара и сгоревшие постройки.

"Был город Рязань, и земля была Рязанская, и исчезло богатство ее, и отошла слава ее"². Несмотря на сообщение, что после Батыева погрома князь Ингварь

Ингваревич "обновил землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри построил, и пришельцев утешил, и людей собрал"³, археология рисует не столь оптимистическую картину. После катастрофы интенсивная жизнь в городе не возобновлялась, хотя под 1258 г. в Лаврентьевской летописи приводится известие, что когда "преставился князь Олег Рязаньский", он "положен бысть у святого Спаса". Следовательно, княжеский Спасский собор еще существовал, какая-то жизнь в городе теплилась. Неизвестно, что имел в виду А.Л. Монгайт, когда писал: "Археологические материалы подтверждают, что после Батыева разгрома жизнь в Старой Рязани продолжалась"⁴. Следы культурного слоя или жилые комплексы в.п. XIII — XV вв. на городище отсутствуют. Некоторые случайные находки, например створки крестов-энколпионов, датируются в.п. XV в., остальные произведения металлопластики — XVI-XVII вв.

Только в этот период Старая Рязань и земли вокруг нее, как свидетельствуют археологические данные, вновь достаточно заселились и развились экономически. В юго-зап. части городища раскопаны две усадьбы XVII в.: на возникших еще в домонгольское время окрестных поселениях открыты слои XVI-XVII вв.

Вопреки утверждению А.Л. Монгайта, что к XIV в. Рязань уже успела оправиться от разорения, некогда цветущая столица княжества при продолжавшихся набегах татар (в 1278 и 1288 гг.) явно опустела. В документах XVI в. по сложившейся традиции она еще продолжала именоваться "городом", что давно не отвечало реальности. В XVII в., когда началось хозяйственное возрождение этих мест, Старую Рязань называют "местечком" (Олеарий, проехавший по Оке в 1636 г.), "селом" (окладные книги 1676 г.).

Столица Рязанского княжества в XIV в. была перенесена в Переяславль Рязанский.

1. Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 193, 195.
2. Там же. С. 195.
3. Там же. С. 203.
4. Монгайт А.Л. Старая Рязань. // МИА. 1955. № 49. С. 28.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

В.П.Даркевич

ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО МИКРОРЕГИОНА РЯЗАНИ

В крепленный город, жители которого никогда не порывали связей с сельским хозяйством, служил не только базой расселения, но и опорным пунктом для близлежащих деревень: в случае военной угрозы крестьянское население укрывалось за стенами Рязани. Отсюда и концентрация селищ длинными цепочками вдоль Оки в ближайших окрестностях города-крепости, центрального транспортного узла (рис.3). С серед. XII в. Рязань, ставшая центром всей Рязанской земли, превращается в непосредственного участника сельской колонизации и крупных масштабах.

В 1977-1978 гг. экспедицией проведены разведки с целью изучения неукрепленных селищ, связанных с Рязанью¹. Судя по их материальной культуре, это не столько сельские, сколько пригородные селения, почти не отличающиеся от посадских частей города.

Хозяйственное освоение окского правобережья почти на 10-километровом отрезке от д.Фатьяновка на сев. до д.Никитино на юге было обусловлено исключительно благоприятными природными условиями. Так называемый северный чернозем южнее Рязани (с 5-6% перегноя) представляет собой переход от среднерусских дерновых суглинков на лессе, распространенных узкой полосой по правобережью Оки, к типичному чернозему. Южнее Рязани перемежались полосы дубово-березовой лесостепи со вторгавшимися с юга степными островами. Издавна славилась Пронско-Спасские луговые угодья (около Спасска ширина поймы достигает 12 км). В прошлом пойма была занята липо-дубравами, она изобилует озерами. На Мещерской стороне простирались огромные массивы хвойных лесов северного типа со множеством окруженных болотами озер. В краю рязанского Поочья все благоприятство-

вало занятиям хлебопашеством, рыболовством, промыслами, домашними ремеслами.

Сборы керамического материала, зачистки обнажений культурного слоя, закладки шурфов и раскопов помогли сделать предварительные выводы о хронологии поселений, их размерах, топографии и системе застройки.

Все селища располагались по краю нагорного берега Оки, образованного влажными юрскими глинами и песчаниками. Берег — с высокими и крутыми, до 40 м над уровнем реки, склонами; он интенсивно разрушается промоинами и гигантскими оползнями. С сев. и южн. сторон селища ограничены прихотливо ветвящимися, местами похожими на ущелья, оврагами. Их рост во время весенних паводков и грозных ливней, образование новых оврагов на наклонных плоскостях постепенно разрушают площадь поселений. Изрезанность балками придает особую живописность некоторым участкам берега, например, у д.Чевкино, где он напоминает скопление причудливых пирамид или зубчатых башен. По дну балок текут почти пересыхающие летом мелководные ручьи, берущие начало от ключей с чистой ледяной водой. Окрестности Рязани — это "страна источников", издавна почитавшихся славянами; их близость, безусловно, влияла на выбор места поселения. От Ново-Ольгова городка до современной пристани у Фатьяновки мы насчитали 14 впадающих в Оку ручьев, как это и показано на "плане", вырезанном на гальке с р.13 (рис.4). В районе Рязани господствовал овражно-приречный тип поселения. Благоприятные гидрологические условия становились решающими: выбирая место застройки, земледельцы ориентировались на речные берега с четкой кромкой, изрезанные ручейными оврагами.

Тонкий, до 30-40 см, культурный слой селищ нарушен многолетней распашкой.

ШАТРИЩЕНСКОЕ СЕЛИЩЕ

(рис.165)

Расположено на южн. окраине с.Шатрищи, в 2 км вверх по Оке от Старой Рязани². Занимает высокий треугольный мыс, перекрывая городище городищевой культуры. С сев. мыс ограничен оврагом, по которому протекает ручей, с юга — неглубокий ложбиной; по дну ее проходит дорога и здесь же находится колодец. Селище славянского времени выходило далеко за пределы городища, занимая пл. ок. 2 кв. км. При зачистке слоя со стороны Оки сверху выявлена керамика XVI-XVIII вв., ниже — в.п. XII — п.трети XIII в. Найден крестик XII в. с утолщенными профилированными концами.

ЧЕВКИНСКОЕ СЕЛИЩЕ

(рис.166)

Расположено вдоль высокого берега Оки в 0,5 км к югу от д.Чевкино³. Размеры 300x100 м. С сев. и юга поселение ограничено ручьями, его сев. и зап. границы сильно разрушаются быстрорастущими оврагами. Керамика, собранная на селище, XVI-XVIII вв. и в.п. XII — п.трети XIII в. Найден маленький крест-тельник XVI в. с изображением св.Никиты, избивающего беса.

В 1978 г. на поселении проведены раскопки. Раскоп пл.140 м² расположен в 70 м к вост. от кромки берега и в 40 м к югу от глубокого, с отвесными стенами оврага, прорезавшего селище. В перенасыщенном культурном слое толщ. 15-25 см — керамика к. XII — п.трети XIII в., причем как городская, так и

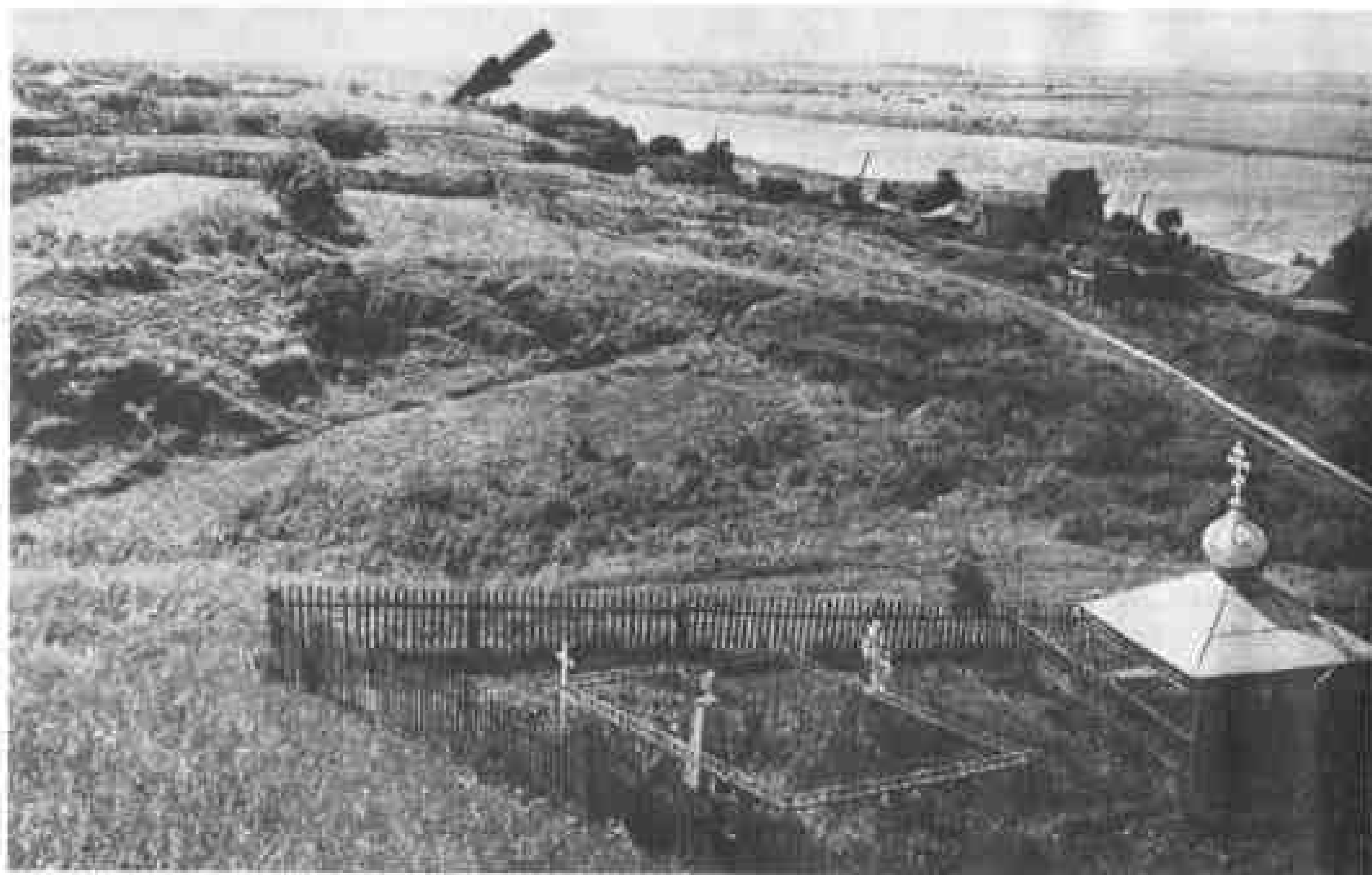
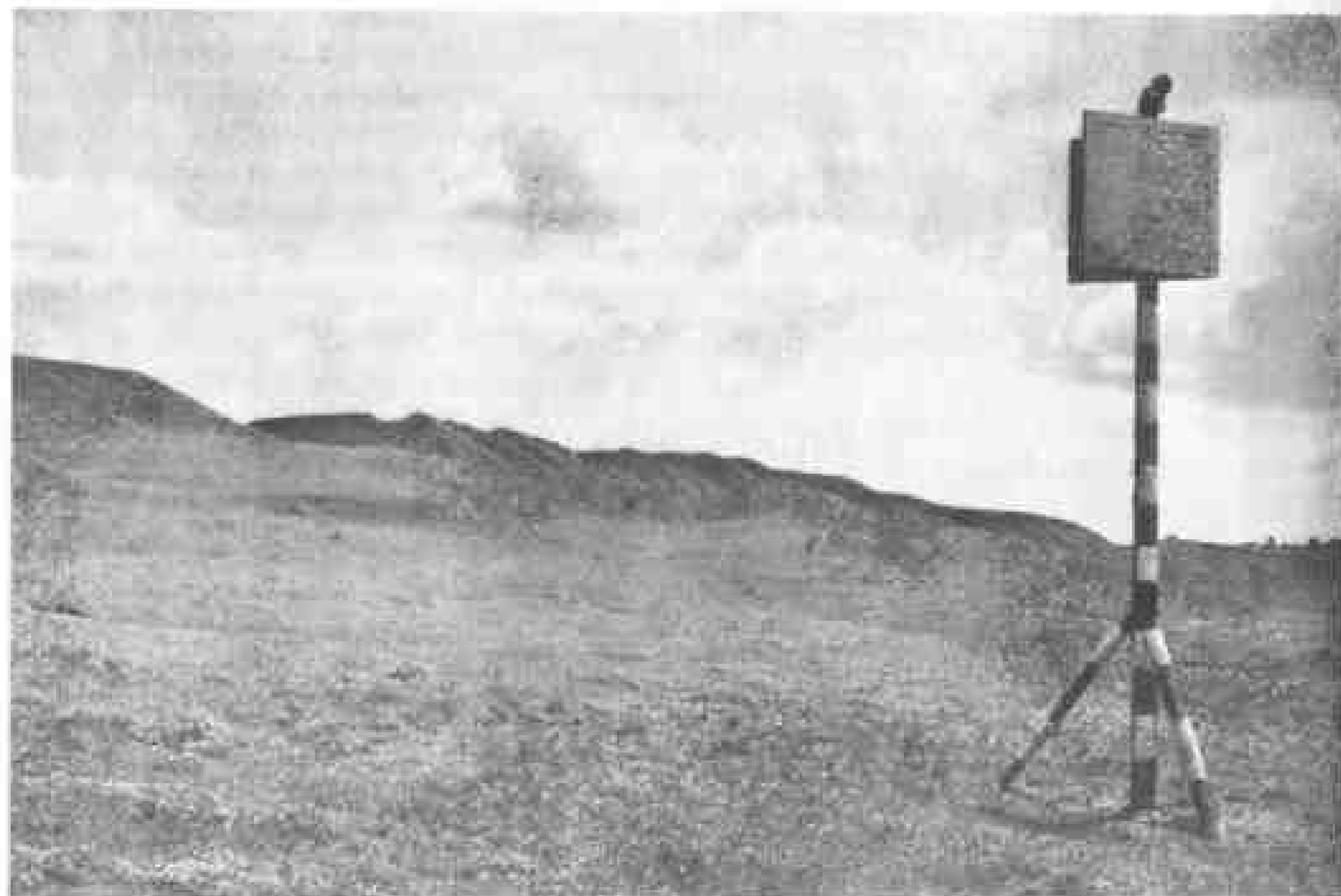

Рис. 165. Вид от юго-западного угла городища. На первом плане — полукруглый ров, стрелкой показана территория Шатрищенского селища.

Рис. 166. Чевкинское поселение. Вид со стороны Оки с северо-запада.

более грубой деревянной выделки, нож с широким лезвием и тонкой спинкой, железная проколка, подпуживая пружка, крючок типа кошки для вытаскивания запутавшихся мереж и сетей (табл.151).

При зачистке на уровне предматерика выявлены остатки наземного дома по темным полосам шир. до 20 см от сгнивших нижних венцов (табл.152). Сохранились следы сев. и южн. стен с расстоянием между ними 6 м, и частично — восточной. В юго-вост. углу находилась печь: развал обожженной и необожженной глины расчищен в подпечной яме с закругленными углами 2x1,5x0,4 м. В ее заполнении — кости животных, рыбы кости и чешуя, керамика в.п. XII — п.трети XIII в., в том числе фрагмент амфоры, нож. Рядом с печью — прямоугольный погреб 2,8x2,3x1 м. На гл. 40 см от пола избы по периметру погреба вырезана материковая полочка шир. до 40 см. В его заполнении — обгоревшие доски от крышки толщ. 2 см. Там же много костей животных, в том числе расчлененный костяк коровы, рыбьей чешуи, глиняное рыболовное грузило, нож, горшок с линейным орнаментом по всему тулову выс. 28 см к. XII — п.трети XIII в. Верхний край утолщенного венчика загибается внутрь в виде зуба: низкая шейка плавно переходит в округлое тулово.

В яме № 2 южнее дома керамика относится к городецкой культуре.

Судя по посуде из овальной хозяйственной ямы 4 (2x1,3x0,7 м), она одновременна дому. Стенки ступенчато понижаются ко дну, были обложены плахами и обмазаны глиной. В яме 6 у сев. стенки раскопа найдены хрустальная шаровидная бусина, шиферное пряслице с вырезанными на нем крестиками, верхняя половинка шаровидного бубенчика (табл.151).

КЛИМЕНТОВСКОЕ СЕЛИЩЕ

Расположено к югу от д.Чевкино, за речкой Федотовкой, и в 400 м к сев. от Ново-Ольгова селища. В 100 м восточнее древнерусского Климентовского поселения в ХУІІІ в. значился погост с тремя деревянными церквями, что стояли "при горе на суходоле"; земли погоста принадлежали церковнослужителям (11 дворов, 38 жителей)⁴. В нач. XX в. одна из церквей еще существовала; В.А.Городцов видел там известняковую надгробную плиту ХУІІ в.⁵

Селище размером 100x50 м занимает надпойменную террасу, полого поднимающуюся от Оки. С сев. отделено глубоким оврагом с покатыми склонами, по дну которого протекает ручей Клименты. Подъемная керамика относится ко в.п. XII — п.трети XIII в.

НОВО-ОЛЬГОВСКОЕ СЕЛИЩЕ

Открыто и обследовано впервые А.А.Мансуровым⁶. Начинается в 10 м к сев. от Ново-Ольговского городища и представляет его неукрепленную посадскую часть. Отделено от городища катастрофически разрушающим вал оврагом, который начался от размытого рва. Селище дл. 300 м занимало плато вдоль крутого берега Оки, сильно изрезанного оврагами. Зачистки обнажений в сев. и южн. частях селища показали неравномерную толщину слоя в.п. XII — п.трети XIII в.: от 20-60 см в местах расположения дворов до полного исчезновения. Усадебная застройка была редкой. Найден молоток-гвоздодел с железной рукояткой, аналогичный новгородским⁷. Кроме домонгольской, обычна керамика ХУІІ-ХУІІІ вв.

Расположено в устье р.Прони, в 6 км вверх по Оке от Старой Рязани. Подробно описано А.Л.Монгайтом, считавшим его "княжеским замком"⁸, чему противоречит бедность почти сходящего на нет культурного слоя, отсутствие монументальных и даже рядовых жилых построек. Керамика и вещи датируются не ранее в.п. XII в. Именно тогда на 40-метровой круче при впадении Прони, вероятно, рязанским князем была основана крепость, южный военный форпост Рязани. На юг открывались широкие дали в сторону долины Прони, на север — нагорный берег Оки с поселениями, вплоть до стольного града. О крепостном характере городка говорят его малые размеры в сочетании с несоизмеримо мощными и конструктивно сложными укреплениями. В их систему была включена даже церковь перед главными воротами. Крепость контролировала движение по Оке и Проне. На месте Подола у подножия городища найдена бронзовая чашка от весов со значком в виде трезубца (?) на дне (рис.167). С южн. стороны городища открыты следы местами размытого пандуса, который начинался от пристани и поднимался по гребню к воротной башне южной стены.

В 1970 г. заново раскопаны фундаментные рвы исследованной еще А.В.Селивановым в 1888 г. церкви. Кирпичный храм с тремя притворами, вероятно, представлял собой объемную ступенчато-башнеобразную однокупольную постройку, бесстолпный вариант Спасекой церкви в Рязани (рис.82). Памятник относится к к. XII — нач. XIII в. и по-видимому, построен одновременно с сооружением самой крепости⁹.

НИКИТИНСКОЕ СЕЛИЩЕ

Расположено на месте городища городецкого времени на правом берегу Оки, при впадении Прони, на территории д.Никитино. По А.Л.Монгайту, в верхней части городища залегает слой со славянской керамикой¹⁰.

ФАТЬЯНОВСКОЕ СЕЛИЩЕ

Расположено вдоль берега Оки, к сев. от Старорязанского городища, на зап. окраине д.Фатьяновка. Дл. поселения, примыкающего к береговому откосу, 1,2 км, шир. до 120 м. Толщ. культурного слоя, датируемого по керамике в нижней части в.п. XII — в.п. XIII в., а в верхней — XIV-XV вв., от 20 до 60 см. По его характеру можно судить о редкости застройки.

СЕЛО ИСАДЫ. ОБЛАЧИНСКАЯ ДЮНА

Село Исады расположено в 7 км на восток по сухопутной дороге, проходящей через Исадские ворота городища. По народному преданию, с.Исады служило летней резиденцией рязанских князей¹¹. Самое выгодное место для поселения домонгольского времени — мыс, называвшийся Красной горкой, между правым берегом Оки и глубоким оврагом, по дну которого течет ручей. На этом месте, откуда открываются необъятные приокские дали, возвышается Воскресенская церковь (1635-1673 гг.), построенная на своей вотчинной земле сыном и внуком Прокопия Петровича Ляпунова, организатора рязанского

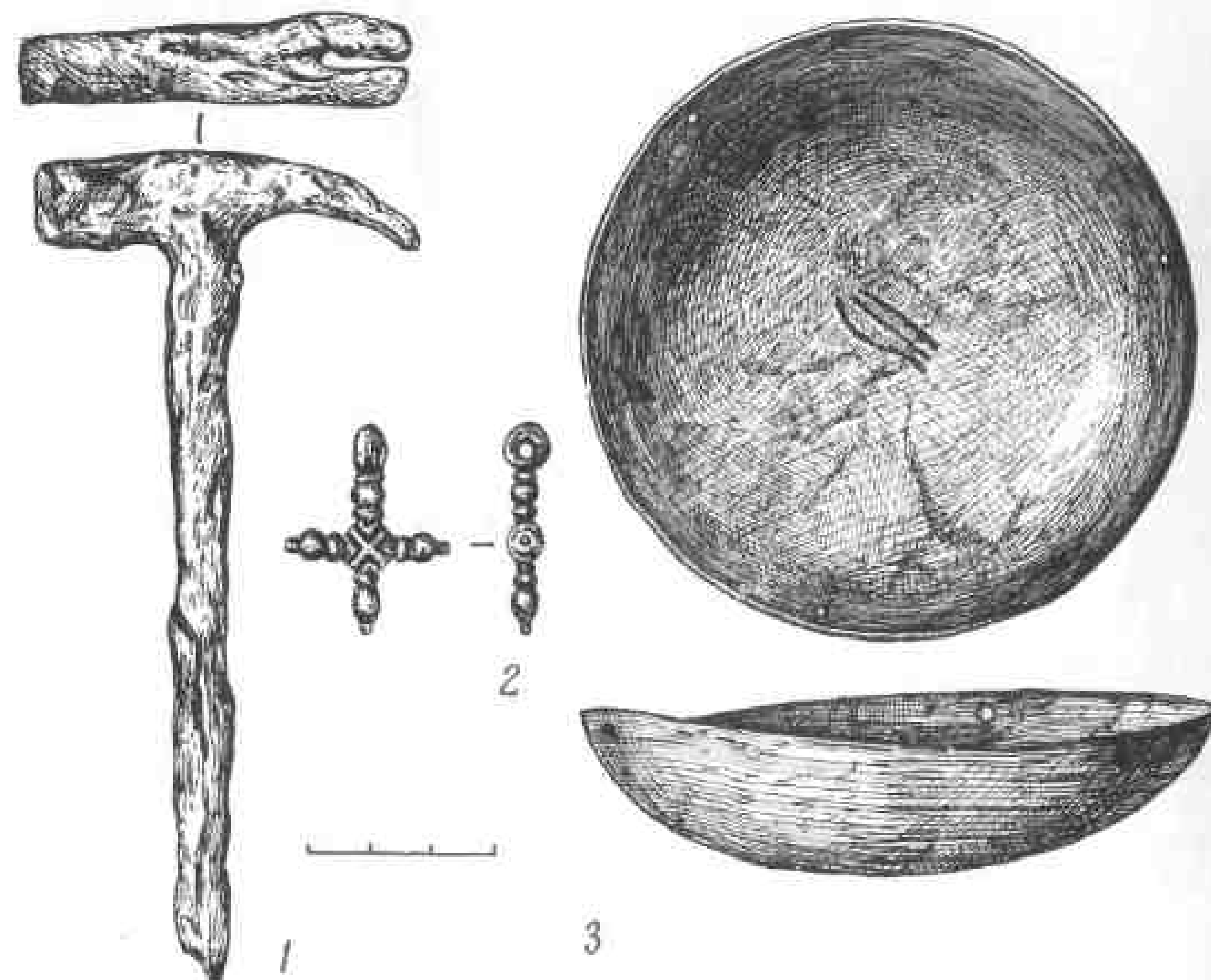

Рис. 167. Вещные находки на селищах второй половины XII — первой трети XIII в.: 1 — бронзовый литой крестик (Шатрищи); 2 — фиолетовый (д.Никитино); 3 — медная чашка от весов (Ново-Ольговское городище, Подол).

ополчения против "тушинского вора". Наиболее ранние слои в обнажении берега у Красной горки относятся к XVI — XVII вв., что не исключает открытия при более детальном обследовании более древних отложений.

Обширное селище с керамикой XII — в.п. XIII в. открыто на противоположном берегу Оки, между селами Исады и Дегтяное, на возвышающихся среди лугов песчаных холмах Облачинской дюны, на месте Облачинского монастыря. В прошлом веке крестьянином с.Исады здесь найдены 12 серебряных монетных гривен¹².

...

Дворы большинства поселений в районе Рязани располагались в 1 или 2 ряда: господствовала прибрежно-рядовая застройка, которая включала как приречно-рядовую, так и овражно-рядовую. "С тыла" к поселениям примыкали пашни и пастбища. Селища различны по площади в зависимости от конфигурации береговой линии и рельефа местности: от селений в длину свыше 1 км (Фатьяновка) до 100 км (Климентовское). При линейной планировке поселений, вытянутых вдоль берега, они могли разрастаться по мере роста населения, не меняя системы застройки. Сочетались упорядоченное и разбросанное расположение дворов.

Как и в городе, селение (весь) состояло из индивидуальных хозяйств дворян-дворянцев, объединенных в соседскую общину — мир, вервь. Хозяйство крестьянина включало усадьбу с дворовыми постройками (дворище), поля, огороды. Сохранялись права на пользование общинными угодьями (луга, лес, воды). Вервь как сельская территориальная община с собственным управлением могла включать группу смежных поселений.

Неравномерное распределение керамического материала, разная толщина культурного слоя, местами отсутствующего, свидетельствуют о небольшой плотности застройки, о значительных интервалах между дворами. Общее число дворов, естественно, зависело от размеров поселения, но степень их концентрации в деревне гораздо ниже, чем в городе. Еще в XV в. села до 35-40 дворов во Владимир-Суздальском ополке считали крупными (для сравнения укажем, что в XIX в. в Старой Рязани существовало 53 двора, д. Никитино состояла из 38 дворов). Видимо, преобладали поселения средних размеров в 9-10 дворов, как на Смоленщине в XI — XIII вв.¹², и малодворные — на отдельных буграх среди ложбин, где усадьбы располагались без всякого порядка. При разведках такие небольшие гнезда обнаружить затруднительно. Деревни соединялись сетью проселков и троп, иногда совпадающих с современными грунтовыми дорогами.

Исследования поселений в рязанской округе, основанных не ранее в.п. XII в., не подтверждает тезиса, распространенного в советской историографии, что уже к этому времени среди членов верви выделилась группа зажиточных людей, что внутри общины якобы уже царил имущественное неравенство¹⁴. Археологические материалы говорят о социально однородном составе крестьянского населения.

К ВОПРОСУ О ЮЖНЫХ ГРАНИЦАХ РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII — ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIII в.)

Для XII-XIII вв. понятия "границ" княжести относительны, они очень непостоянны. Но изучение расселения славян в его динамике, что отчасти связано с хозяйственным освоением новых земель, продолжает оставаться актуальной темой. В последние десятилетия достигнуты значительные успехи в исследовании окраинных районов Руси, контактных зон, где славяне вступали в соприкосновение с иными этническими массивами.

Эта проблематика имеет прямое отношение к южным границам Рязанской земли-княжения, к восточной и юго-восточной границам Черниговской земли, где сосуществовали как древнерусские поселения, так и кочевья половцев. Полевые работы археологов в 60-80-х гг. не подтвердили мнения А.Л. Монгайта, что "южная часть Рязанской земли, подвергавшаяся разорительным набегам половцев, была мало заселена, и, очевидно, рязанские князья не делали попыток укрепить этот рубеж"¹⁵. Власть "рязанцев" распространялась не только до верховий р. Воронежа, как полагал исследователь, но значительно южнее: до нижнего течения Воронежа и вплоть до устья, семилукского участка Дона (Семилукское городище — сторожевая крепость и центр сельской округи) и Прихоперья на востоке. Всего на изученной территории лесостепного Среднего Подонья, освоенного русским населением во в.п. XII — в.п. XIII в., известно три древнерусских городища и около 20 неукрепленных

поселений. Городище Холки на р. Оскол располагалось вблизи рязанско-черниговского пограничья. Заселение юго-восточного порубежья Руси, вероятно, происходило как с запада — из бассейна Верхней Оки, т.е. восточных районов Черниговской земли, так и с севера — со стороны Рязани. Об этом свидетельствуют типичные для обоих регионов вятические украшения развитых типов: решетчатые перстни, пластинчатые и витые браслеты, а также типы срубных наземных жилищ с подпольными и подпечными ямами. Семилукская крепость, которая контролировала подступы со стороны половецкой степи в южные районы Рязанской земли, стала ядром сформировавшейся позже сельской округи¹⁶. Следовательно, как и в округе Рязани, появление поселений носило вторичный характер по отношению к городскому центру-цитадели, что противоречит распространенному мнению, что города возникали в районах концентрации земледельческого населения. Можно предположить, что продвижение славян на черноземные земли южных степей могло стимулироваться рязанскими князьями, вызывавшими желающих переселиться в "места незнаемые" для организации там системы обороны. Естественно, что на окраинных поселениях, кроме инструментов ремесленников, орудий сельского хозяйства и промыслов, встречены предметы вооружения, снаряжения всадника и коня: люди на границах "дикого поля", откуда появлялись "скорые на кровопролитье" "поганые", были всегда готовы постоять за себя.

Поселения с древнерусской керамикой, открытые еще южнее — на р. Тихая Сосна, Битюг — вероятно, связаны с бродниками — вольными людьми, селившимися на нейтральном русско-половецком пограничье и создававшими чрезвычайно боеспособные военные отряды. Эти закаленные бойцы вовлекались и русскими князьями, и половцами в междоусобные столкновения. Картографирование каменных половецких изваяний определяет северную границу кочевий половцев в XII — в.п. XIII в. — от р. Оскол к Дону, несколько южнее Тихой Сосны¹⁷. Таким образом, русские поселения, возникшие в к. XII в. или на рубеже XII-XIII вв. в районе Куликова поля¹⁸, оказались примерно в 300 км к сев. от собственно половецких владений. Новые археологические свидетельства о поселениях на обширных лесостепных пространствах южнее Рязани соответствуют сообщениям Никоновской летописи, например, о "градах" на Воронеже: "отбежа ... Ярополк Ростиславичь в Воронеж и тамо прихождение от града во град" (1176 г.)¹⁹. Согласно той же летописи, в XII в. места по Червленому яру, Хопру и Великой Вороне лежали в "Рязани"²⁰.

Славянская миграция в сторону степи проникала отдельными "языками" вдоль рек: население осваивало облесенные полосы речных долин. На незахваченных лесом участках степи, к примеру Куликовом поле, наблюдаем концентрацию славянских поселений. Для человека Средневековья чернозем лесостепи — тот магнит, тягу к которому не могла преодолеть постоянная половецкая опасность. Как и в окрестностях Рязани, приречные селища в Среднем Подонье, преимущественно неукрепленные и с незначительным культурным слоем, вероятно, с усадебной застройкой, тяготели к пограничным сторожевым крепостям.

1. Петруцкий А.А. Отчет об археологических разведках в районе городища Старая Рязань в 1977 г. // Архив ИА РАН. № Р-1,6621; Он же. Отчет о разведках в окрестностях городища Старая Рязань в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1, 7228.

2. *Зубков В.И.* Отчет об археологических исследованиях летом 1949 г. на территории Рязанской обл. // НАРМ. № 1972; *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М., 1961. С.49-51, 152. Рис. 18.

3. *Зубков В.И.* Отчет об археологических исследованиях. Видимо, д.Чевкино получила свое название по фамилии дворян Чевкиных, владевших в XVI в. землями в Старорязанском стане (*Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. [Б.м.], 1854. Ч.1. № 29. С.209.).

4. ЦГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1251. № 73.

5. *Городцов В.А.* Материалы для археологической карты долины и берегов р.Оки. // Труды XII АС в Харькове в 1902 г. М., 1905. Т.1. С.620.

6. *Мансуров А.А.* Археологические памятники по р.Проне // НАРМ. № 658.

7. *Колчин Б.А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. М., 1953. № 32. С.124. Рис. 95.

8. *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. С.150-152. Рис. 48.

9. *Монгайт А.Л., Раппопорт П.А., Чернышев М.Б.* Церковь Нового Ольгова городка // Культура средневековой Руси. Л., 1974; *Вагнер Г.К.* Еще раз о церкви Нового Ольгова городка // Средневековая Русь. М., 1976; *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X — XIII вв. // САИ. Л., 1982. С.50. Табл.7. № 72.

10. *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. С.44.

11. *Городцов В.А.* Материалы для археологической карты долины и берегов р.Оки. С.642.

12. *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. С.152.

13. *Седов В.В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли // МИА. 1960. № 92. С.126.

14. *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953. С.91, 96.

15. *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. С.356.

16. *Цыбин М.В.* Юго-восточная окраина Руси в XII — XIV вв. (по данным археологии): Автореф. канд. дисс. Киев, 1987; *Прахин А.Д., Цыбин М.В.* К социально-исторической оценке древнерусских укрепленных поселений на юго-восточной окраине Руси второй половины XII — первой половины XIII вв. // Историко-археологический семинар "Чернигов и его округа в IX — XIII вв." Тезисы докладов. Чернигов, 1988.

17. *Цыбин М.В.* Юго-восточная окраина Руси в XII — XIV вв. С.17.

18. *Недошивина Н.Г., Гонимый М.И.* Археологические исследования в районе Куликова поля // Научные чтения "Археология Рязанской земли." Тезисы докладов. Рязань, 1988.

19. ПСРЛ. Т.X. С.5.

20. *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. С.145.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Г.В.Лебединская

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИЦА ПО ЧЕРЕПУ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 48 НА РАСКОПЕ 13 (рис.7,168)

Возраст умершей определен по состоянию швов черепа и степени стертости зубов. Облитерация имеется только на височных отделах венечного шва, зарастание которых происходит в период от 30 до 40 лет. Стертость зубов по шкале М.М.Герасимова равна 3 баллам, что соответствует 35-40 годам.

Череп небольших размеров, грацильный, долихокраний (черепной указатель 74,2). Мозговая коробка овоидной формы. Мышечный рельеф выражен слабо.

Лоб средней высоты, прямой. По широтным размерам относится к категории малых (наименьшая ширина — 89 мм, наибольшая — 108 мм). Надпереносье выражено слабо — 1 балл. Надбровные дуги не выступают за пределы глабеллы и по своей протяженности не доходят до середины верхних краев глазниц.

Лицо овоидной формы, высокое. Верхняя высота лица — 65 мм, полная высота — 111 мм. Широтные размеры лица попадают в категорию малых. Верхняя ширина лица — 97 мм, средняя ширина — 88 мм. Скуловой диаметр — 119 мм.

Глазницы прямоугольные с тонкими краями, низкие (высота 32,4 мм) и среднеширокие — 39,7 мм (от дакриона). Межглазничная ширина — 17,5 мм. Глазничный бугорок скуловой кости, определяющий положение наружного угла глаза, выражен слабо. Место прикрепления медиальной связки века, соответствующее внутреннему углу глаза, определяется хорошо. Соединение этих двух точек дает линию разреза глаза. В данном случае она горизонтальная. Медиальный гребень глазницы короткий, направлен вглубь глазницы. Его форма и форма краев глазницы являются опорными пунктами для воспроизведения формы века.

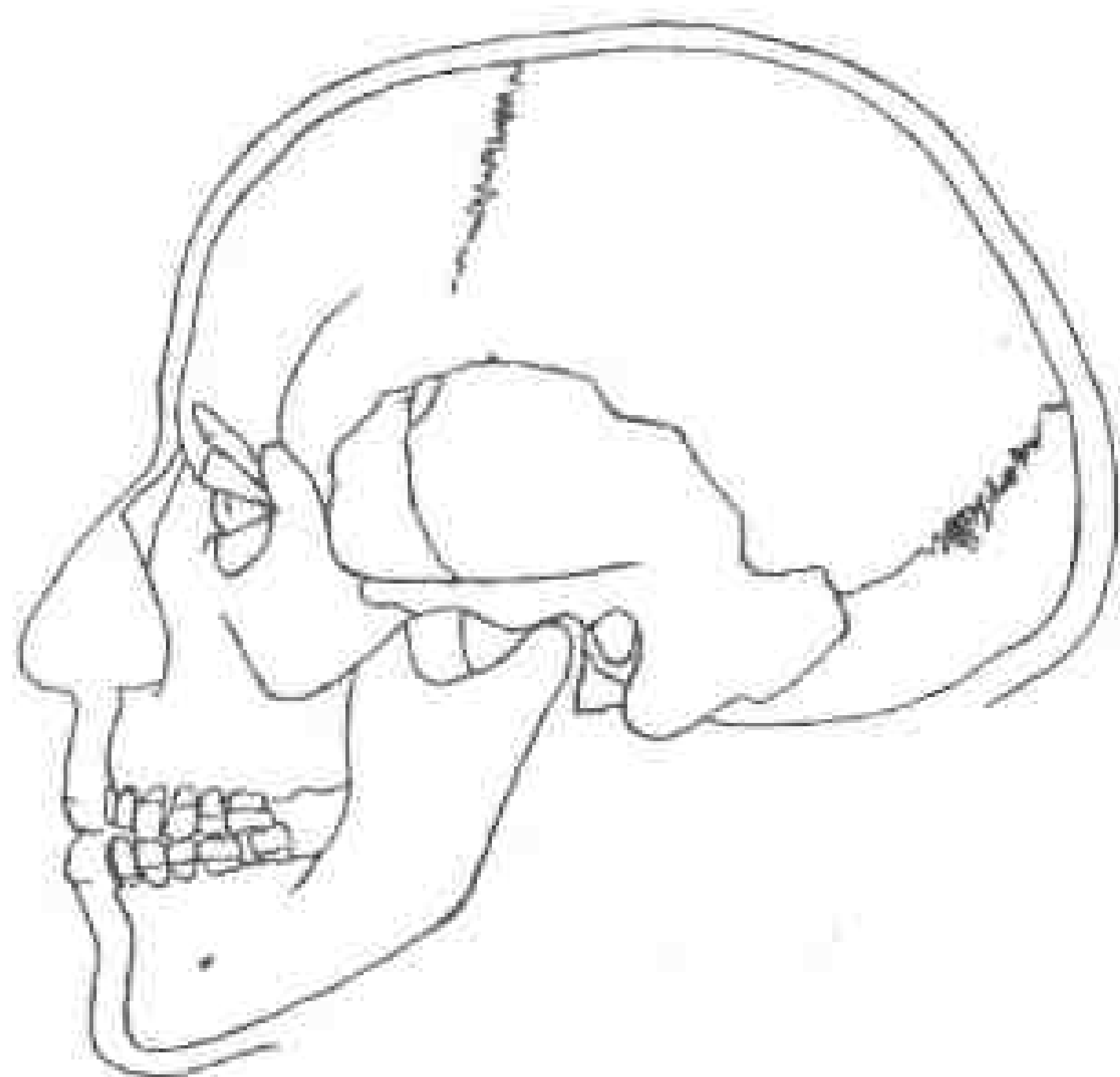

Рис. 168. Схема воспроизведения мягких покровов головы женщины (погребение 48 на раскопе 13)

Нос невысокий (45,7 мм), узкий, средневыступающий. Форма костной спинки носа слегка выпуклая в нижней трети. Форма носовой вырезки со слабой волной (форма II по Г.В.Лебединской). Высота положения гребня носовой раковины, соответствующая высоте крыльев носа, — 12 мм. Ширина между альвеолярными выступами клыков на уровне субназальной точки, определяющая ширину крыльев носа — 31,5 мм.

Глубина клыковой ямки средняя. Скуловые кости профилированные, со слабым рельефом. Скуловые дуги тонкие.

Альвеолярная часть верхней челюсти мезогнатная, высокая (19,3 мм). Ширина между альвеолярными выступами медиальных резцов соответствует ширине подносовой ложбинки верхней губы (9 мм) и дает возможность воспроизвести рисунок каймы губ. Высота эмали резцов, как правило, соответствует окрашенной части губы (9 мм). Разрез рта приходится на линию смыкания зубов. Прикус, в данном случае, лабидодонтный (щипцеобразный). Расстояние между первыми малыми коренными зубами, определяющее ширину рта, равно 45 мм.

Нижняя челюсть чрезвычайно грацильна. Высота симфиза — 32 мм, высота тела — 29,5 мм. Подбородочный выступ хорошо выражен. Степень его выступания равна 3 баллам.

Реконструкция мягких покровов лица произведена по методу М.М.Герасимова (1955 г.)¹ с включением данных, полученных при дальнейшем изучении соотношений между мягкими покровами лица и его костной основой².

Реконструкция головного убора и одежды выполнены при консультации М.В.Сабуровой.

Если попытаться проанализировать антропологические особенности воспроизведенного лица, прибегая к системе описательных признаков на живом человеке, то этот скульптурный портрет можно характеризовать следующим образом: женщина из древней Рязани безусловно принадлежала к европеоидной расе. Следует отметить высокое узкое лицо, высокое переносье, тонкий, прямой, с легкой горбинкой нос, хорошо профилированный и по

горизонтальному профилю спинки, слабое выступание скул. Лицо несколько сужается книзу (в связи с небольшими размерами нижней челюсти), подбородок хорошо оформлен, имеет скорее выступающую форму.

Глазная область, выполненная в соответствии с морфологическими особенностями черепа, также характеризуется выраженными европеоидными чертами: глазное яблоко не углублено, тонкие веки хорошо его очерчивают, разрез глаз широкий. Все лицо выражает грацильный тип строения, свойственный многим группам европеоидного населения. Конечно, отдельные подобные лица можно встретить в других популяциях населения Европы, особенно южной и западной. Но если предположить, что оно может выражать типичные черты, будучи случайно выбранным из группы, то женщина подобного облика можно чаще встретить в южных и западных областях бывш. СССР.

1. Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // ТИЭ. Нов.сер. М., 1955. Т.28.

2. Лебединская Г.В. К вопросу об объективном воспроизведении разреза глаз при реконструкции лица по черепу // КСИЭ. М., 1957. Вып. XXV; Она же. Соотношения между верхним отделом лицевого черепа и покрывающими его тканями: Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973; Она же. Пластическая реконструкция лица по черепу и пути ее развития // СЭ. 1976. № 4; Лебединская Г.В., Сурнина Т.С., Федосюшкин Б.А. Первый опыт применения ультразвука для исследования толщины мягких покровов лица // СЭ. 1979. № 4.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

И.А.Кулешова

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ И ЖИВОПИСИ БОРИСОГЛЕБСКОГО СОБОРА РЯЗАНИ

КЛАДОЧНЫЙ РАСТВОР

образец 1. Представляет собой строительный раствор сложного состава — известково-песчано-цемяночный, с добавкой волокон растительного происхождения.

Соотношение: известь: песок = 1:1. Правильно оценить количество цемянки в растворе трудно, т.к. образец невелик. Добавка растительных волокон составляет около 1%. Известковое вяжущее чистого белого цвета, сильно перекристаллизованное. Контакт между керамическим наполнителем, известью и песком очень плотный, наблюдаются зоны перекристаллизации как в растворе, так и в керамике.

Открытая пористость раствора около 25%, поры различной формы и размеров — следствие перекристаллизации в тех условиях, в которых находились образцы очень долгое время. Прочность образца высокая, примерно 60-70 кг/см².

Краткая характеристика наполнителя раствора следующая:

Цемянка — обломки керамики (обожженной при невысоких температурах), достигающие размеров до 30х30 мм, красновато-оранжевого цвета. Текстура керамики комковатая, глинистая масса умеренно слоистая, "сухого" облика. В качестве наполнителя в ней использован песок, преимущественно кварцевого состава. Количественное содержание его около 60%, зерна окатанные, размером от 0,1 мм до 0,8 мм.

Перемес глинистой массы с наполнителем равномерный. Открытая пористость керамики примерно 27%. Поры глубокие, разнообразной формы, размером 0,2 — 0,9 мм. Прочность средняя.

Песок — преимущественно кварцевого состава, зерна слабоокатанные, много частиц остроугольной формы. Размер зерен 0,2 — 0,6 мм.

Добавка — крупные волокна растительного происхождения, со временем сильно измененные под действием извести.

ШТУКАТУРНЫЙ РАСТВОР

Образец 2. Штукатурный раствор двухслойный. Нижний слой — выравнивающий, разный по толщине в отдельных фрагментах (от 10 до 30 мм), верхний слой — грунт под живопись толщиной от 2 до 7 мм.

Оба слоя одинакового состава, причем они наносились с очень небольшим промежутком во времени, на что указывает прочный контакт между слоями; в отдельных кусках лишь под микроскопом можно проследить границу между ними. Вяжущее в растворе чистое, белое. Наблюдается небольшая кристалличность его.

Песчаный наполнитель в растворе отсутствует. В качестве добавок использовали:

- Волокна растительного происхождения (до 1%), длиной до 10 мм, различной степени сохранности.

- Уголь древесный (до 1%), очень мелкие, равномерно распределенные кусочки размером 0,1 — 0,2 мм. Однако этот уголь может быть естественной примесью в извести после ее обжига.

- Цемянка (до 1%), редкие мелкие частицы керамики размером 0,2 — 0,3 мм. Керамика явно невысокой степени обжига. В зоне контакта ее с известью наблюдается реакционная кайма.

Открытая пористость раствора около 12%. Поры изометричные, глубокие, размером 0,3 — 0,5 мм. Прочность раствора средняя (35-45 кг/см²). Состояние структуры всех образцов удовлетворительное.

Химический состав раствора (в %):

Потери при прокаливании при 900°C.....	40,89
Остаток, нерастворимый в 5%-ном растворе.....	4,26
соляной кислоты	
Растворимый кремнезем (SO ₂).....	2,19
Сумма полуторных окислов (R ₂ O ₂ = Fe ₂ O ₃ + Al ₂ O ₃).....	1,83
Серный ангидрид (SO ₃).....	3,10
Окись кальция (Ca O).....	45,40
Окись магния (MgO).....	2,97

Сумма 100,60

Исследованный раствор приготовлен на маломгнезистой извести, слегка отощенной глинистыми примесями, присутствуют следы гипса. Последнее может быть как естественной примесью в исходной извести, так и следствием засоленности раствора, долго находившегося под землей. Отощение извести могло произойти также из-за химических реакций между керамическим наполнителем и исходной жирной известью. Следствием перекристаллизации и взаимодействия извести с керамической добавкой является и довольно большое содержание в растворе гидросиликатов и гидроалюминатов кальция и магния.

Степень карбонизации раствора высокая, содержание свободной гидроокиси кальция очень незначительно.

Образец 3. Материал сложного состава. Масса, из которой он приготовлен, является смесью красной глины с толченым, сильно доломитизированным известняком или доломитом. Перемес массы неравномерный, что местами приводит к скоплению глинистых частиц. Текстура образца "флюидальная" — результат неравномерного перемешивания. Среднее содержание глинистой массы 30-35%, содержание свободного карбоната 7-8%. Большую часть массы, видимо, составляет гидроокись кальция и магнезия. Присутствующий в массе кварц (3%), вероятно, внесен с исходным материалом. Вся масса подверглась обжигу. Материал трещиноватый, трещины параллельны главной плоскости пластин. Однако его прочность и состояние удовлетворительные.

МАТЕРИАЛЫ ЖИВОПИСИ

Для определения пигментов живописи использовался принятый в реставрации метод микроскопического исследования с применением капельного микрохимического, люминесцентного, термического и микрокристалло-скопического анализов. Предварительное качественное исследование связующих материалов живописи выполнено методом химических цветных капельных реакций. Для подробной расшифровки связующего был использован метод электрофореза в полиакриламидном теле с последующим специфичным окрашиванием (прибор фирмы "Реанал", модель 69).

Роспись в технике фрески. Вся живопись выполнена водными красками на известковых белилах без использования клеевого связующего. Исключение составляют участки синего цвета, где синий пигмент положен по "рефти". В этом случае, как показали исследования, в качестве связующего была использована эмульсия куриного яичного желтка.

Для росписи использовали минеральные краски. Охры желтые, красные, коричневые, зеленые, в различной степени разбелы известковыми белилами. За счет этого получилась богатая гамма оттенков желтого, коричневого и зеленого тонов очень красивых чистых цветов. Белые участки живописи выполнены известковыми белилами, так же как пробелы и разделка на одеждах. Участки живописи серо-голубоватого цвета исполнены известковыми белилами с добавкой толченого древесного угля. "Рефты" под голубыми тонами темно-серого цвета также содержат уголь и известковые белила.

В качестве голубого пигмента использован натуральный ультрамарин (лапис-лазурь). В настоящее время цвет голубых участков живописи светлый за счет того, что часть частиц пигмента обесцветилась под воздействием слабодиссоциирующей среды, создаваемой при использовании в качестве связующего яичного желтка. Первоначально это был красивый звонкий синий цвет, если судить по тону и дисперсности неизмененных частиц.

Нельзя сказать, что названные пигменты охватывают всю палитру красок, использованных создателями росписи. Для окончательного заключения необходимо продолжать исследования при продолжении раскопок.

V. P. Darkevich, G. V. Borisevich. The Ancient Capital of the Ryazan Land (11th — 13th centuries)

The monograph reconstructs the history of Ryazan, one of the largest cities of Old Rus', the capital of the Murom-Ryazan Principality since the mid — 12th century. Destroyed in the encroachment of Batu in 1237, Ryazan was not restored. In the 14th century the capital of the principality was transferred to Pereiaslavl' Ryazanskii (contemporary Ryazan). The enormously large site of Old Ryazan surrounded by its majestic earthen walls is situated at the distance of 60 km to the south-east of modern Ryazan on the high right bank of the river Oka facing the town of Spassk.

As far as the written sources concerning ancient Ryazan are sparse owing to the loss of its chronicles, archeologic research is coming into paramount importance. The exploration is conducted on a mutual base by the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences and the Ryazan museum. Beginning in 1970, the works were performed by the method of large areas, which made it possible not only to study the initial microlandscape but also to reconstruct the system of planning, building and fortification of the city in its development. Three periods of the history of the city reflected in its topography have been singled out. 1) Ryazan was founded circa the mid-11th century in the fertile contact zone on the border between the forest and the steppe as a fortress on the Oka-Volga route which led to the countries of the Moslem East; 2) In the second third of the 12th century Ryazan seceded from Murom, the principle city of this territory, and became the seat of its own princes from the house of Jaroslav Sviatoslavich of Chernigov. The size of Ryazan increased 18 times (the Middle Town), and its population reached approximately 1.5 thousand. Unfortified suburbs encircled the city. The large cemetery with burial mounds dates back to the first two periods. The artefacts from the burials testify that Ryazan was the place of settlement for newcomers from the western Smolensk-Polotsk lands and the Volga-Oka interfluvium, as well as from the basins of the Upper Oka, Sozh, Berezhina and Pripiat'. The influx of colonists from the Middle Dnieper (the Kiev and Chernigov lands) was steady and constant. The typical features of the burial rites including the sets of pagan amulets found in the graves attest that the degree of Christianization of the Ryazan population comprised mainly of settlers from the rural border regions was low. Economic stratification among the small autonomous families with their individual holdings had not appeared so far; 3) About the mid-12th century, Ryazan became the capital of a powerful principality, the military stronghold against the Cumans on the eastern frontier of Rus'. The importance of the prince, his boyar administration and the clergy grew significantly. The highly qualified specialists — architects, masons, silversmiths etc. worked in Ryazan. The local merchants brought in the objects of luxury from Central Asia and Iran, the East Mediterranean, Byzantium and Western Europe.

Construction works in the new capital took place on a grandiose scale. The size of the fortified area increased 8 times up to 60 hectares (the perimeter of the fortress was 3.5 km). In the 1160s, the episcopalian Cathedral of St. Boris and St. Gleb and the city Cathedral of the Assumption were erected following the pattern of Chernigov architecture. In the end of the 12th-early 13th century, the architects from Smolensk built the prince's Cathedral of the Saviour. The fortifications are a magnificent monument of art of military engineering, the cross-section of the earthen wall, the height of which reaches 10 m, made it possible to single out 4 periods of construction of the defensive walls with the towers—"vezhas". The aristocratic palatial households, "dvory teremnye" are particularly interesting. The completely excavated "Voivoda's estate" was also a part of these fortifications. Another boyar estate revealed the remnants of a two-storeyed house with an arched gallery, heated living quarters and a tower, topped with a watch-turret. The artisans's districts consisted of households dominated by surface dwellings, surrounded with work-shops, cellars and grain pits. Along the fences, another specialized constructions were situated. Bearing in mind that the average size of the household was 400 sq. m, while that of a family was 4-5 persons, it can be deduced that in the first third of the 13th century the population of Ryazan approached 8 thousand.

The excavations revealed the tragic picture of the death of the city taken by the Mongols. All the structures and fortifications perished in the fire; the archeologists discovered the communal graves of the practically wiped-out population — the men, women and children. 13 hoards hidden before the fall of Ryazan were found. The dominant artefacts in these hoards are woman's jewelry of gold and silver, the silver ingots used as the money are also present. The jewelry of supreme workmanship is testimony to the unsurpassed skill of the silversmiths in the technique of their craft; the jewellers worked on order from the prince's and boyars' families and the most prosperous city-men. The artefacts from the hoards proves the existence of the local Ryazan school of applied and decorative arts.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Часть I. НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ РЯЗАНИ	
Глава 1. Рязань в историческом развитии	23
Глава 2. Рязань в архитектурно-планировочном развитии	84
Часть II. УСАДЬБЫ И НАДВОРНЫЕ ПОСТРОЙКИ РЯЗАНИ	
Глава 1. Столичный город (вторая половина XII — 1237 г.)	142
Глава 2. Северное городище (вторая половина XI в. — 1237 г.)	212
Часть III. РЯЗАНСКИЕ МОГИЛЬНИКИ	
Глава 1. Могильник второй половины XI — первой половины XII в.	339
Глава 2. Городские кладбища второй половины XII — первой трети XIII в.	369
Глава 3. Братские могилы (декабрь 1237 г.)	372
Заключение	430
Приложение 1. В.П.Даркевич. Исследования сельского микрорегиона Рязани	432
Приложение 2. Г.В.Лебединская. Реконструкция лица по черепу из погребения 48 на раскопе 13	441
Приложение 3. И.А.Кулешова. Исследование строительных материалов и живописи Борисоглебского собора Рязани	444